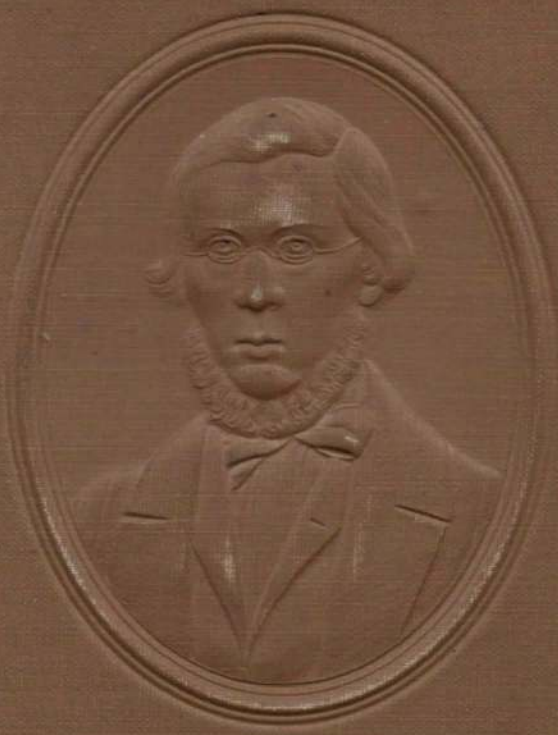
83.3(0)
Д56

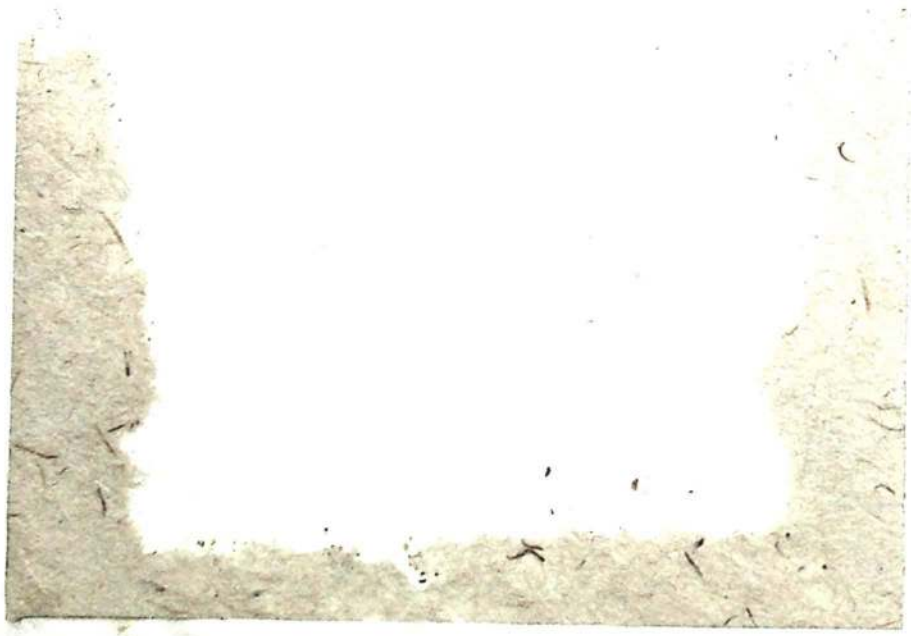


Сочиненія Н. А. Добролюбова

подъ редакціей

М. К. Лемке

Nm
1p



Н. А. Добролюбовъ.

1857 г.

(Съ дагеротипа)

№57. 14

БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ КРИТИКОВЪ.

ПРОВЕРЕНО
42 к
Д-56 Т

II.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

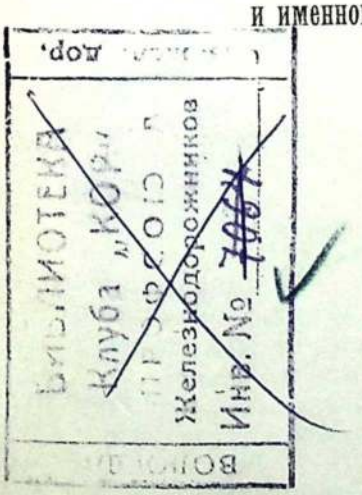
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

60416
Пр 51

Подъ редакціей **М. К. Лемке**, съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ Н. А. Добролюбова, примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ.

Съ приложеніемъ трехъ портретовъ Н. А. Добролюбова, его факсимиле и именного алфавитнаго указателя ко всѣмъ четыремъ томамъ.



126375-1 к/х
МУК «ЦБС»
г. Вологда
Библиотека Клуба „КОР" Профсоюза Железнодорожников Инв. № 7064
1986 г.
99
Центр писателя В.И. Белова
Отдел книгохранения

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

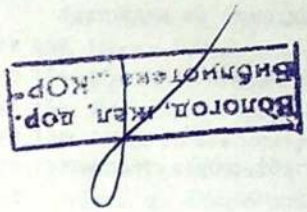
1855—1858.

Изданіе А. С. Панафидиной.
Спб.—1911.

83.3(0)
Д56

1ф(с)
Д 56 +8

4259



ОГЛАВЛЕНІЕ [1]).

стр.

Отъ редактора. III

Н. А. Добролюбовъ. Біографическій очеркъ. *М. К. Лемке.*

I. Дома IX

II. Въ духовной семинаріи. XIII

III. Въ Главномъ Педагогическомъ Иституті. XXXIX

IV. Въ «Современникѣ». CIII

V. О мѣстѣ Н. А. Добролюбова въ русской литературѣ CL

стр.

* 1. «Бѣдность—не порокъ». Комедія *А. Островскаго*. 1

** 2. Замѣтки и дополненія къ сборнику русскихъ пословицъ г. Буслаева 13

** 3. На 50-лѣтній юбилей Его Превосходительства Николая Ивановича Греча . . . 23

** 4. Дума при гробѣ Оленина. 27

** 5. На смерть Николая I 27

** 6. На похороны Николая I 29

** 7. На перемѣну формы въ войскахъ. . . 29

** 8. «Внемли, о, царь, надежда Руси новой!». 29

* 9. Эпиграмма 31

** 10. Н. А. Степанову 32

** 11а. Друзьямъ въ Россіи. 31

** 11б. О русскомъ романѣ 33

** 12. (Передовая статья въ № 1 «Слуховъ») 43

** 13. (День 30 августа въ С.-Петербургѣ) . 51

** 14. Слухи изъ Крыма и о Крымѣ . . . 51

** 15. Розенталь 53

** 16. Нѣсколько біографическихъ и библіографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ . . 57

** 17. Полежаевъ. 57

** 18. Современныя вѣсти 57

** 19. Николай I. 61

** 20. Къ Розенталю 61

** 21. Тайныя общества въ Россіи 1817—1825 г. 63

** 22. Анекдоты кн. Меншикова 63

** 23. «Твое-ль Провидѣніе святое». . . . 67

** 24. Риомачамъ—патріотамъ 67

** 25. Слово за Клейнмихеля 67

стр.

** 26. Служебное грабительство 67

** 27. Министерство народнаго просвѣщенія въ Россіи 69

** 28. 75

** 29. Слухи о современной войнѣ 75

** 30. Газетная Россія. 77

** 31. Передъ дворцомъ 79

** 32. 18 февраля 1856 года 79

** 33а. 17 апрѣля 1856 года. 79

** 33б. Очеркъ направленія іезуитскаго ордена, особенно въ приложеніи къ воспитанію и обученію юношества . . . 79

** 34. Къ портрету И. И. Давыдова . . . 109

** 35. О польскихъ училищахъ 109

** 36. Aulalaria, комедія Плавта 109

** 37. Говорящіе столы и стучащіе духи . . 111

* 38. Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова 111

39. Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи. Актъ 9-го выпуска студентовъ Гл. Пед. Института, 21 іюня 1856 г. . 213

40. Жалоба ребенка 219

41. Благодѣтель 221

42. Бальзакъ 223

** 43. На коронацію 223

44. «Когда среди зимы холодной» . . . 225

45. (Отвѣтъ А. Д. Галахову) 227

46. Поэту 235

[1]) * отмѣчены сочиненія, не вошедшія ни въ одно изъ 7 изданій сочиненій Н. А. Добролюбова; ** — сочиненія никогда нигдѣ ненапечатанныя.

		стр.
	47 а. Встрѣча	237
**	47 б. Нѣчто о дидактизмѣ въ повѣстяхъ и романахъ.	237
**	48. Стихотворенія А. А. Фета	237
	49. Соловей	239
	50. На смерть особы	239
	51. «Я пришелъ къ тебѣ, сгорая страстью»	239
	52—61 Изъ Гейне, 1—10.	241
	62. Тихій ангелъ	243
	63. Сонъ	243
	64—67. Пѣсни Гейне, 11—14	245
	68 а. «Еще недавно я неистовой сатирой».	245
**	68 б. Замѣчанія о слогѣ и мѣрности народнаго языка	247
**	68 в. О поэтическихъ особенностяхъ великорусской поэзіи	247
*	69. Заграничныя извѣстія	247
	70. Дорогой	249
	71. Изъ Гейне, 15	249
*	72. (Два новые педагогическіе журнала)	249
	73. Въ церкви	255
	74. Изъ Гейне, 16	255
**	75. «Тронулся ледъ—такъ тихо, стройно».	255
	76. Изъ Гейне, 17	255
	77. Очарованіе	257
	78—80. Изъ Гейне, 18—20	257
	81. Сила слова	257
	82. «Многіе, другъ мой, любили тебя».	259
**	83. Майская невзгода	259
	84. О значеніи авторитета въ воспитаніи	259
*	85. А. С. Пушкинъ	285
*	86. О пріученіи дѣтей	301
	87. «Напрасно ты отъ вѣтреницы милой»	301
**	88. О Плавтѣ и его значеніи для изученія римской жизни	301
**	89. О древнеславянскомъ переводѣ хроники Георгія Амартола	313
**	90. «По утру встаю я съ мыслью»	313
**	91. «Ночь глухая была холодна и страшна»	313
	92. «Не диво доброе влеченье»	315
	93. «Сдѣлалъ глупость я невольно»	315
*	94. Благоразумно ли нашимъ дѣтямъ ходить въ театръ?	315
	95. Сочиненія графа В. А. Соллогуба	315
	96. «Я знаю все: упала ты глубоко»	341
	97. Дорожная пѣсня	343
	98. Доносъ	343
*	99. Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи	369
	100. Стихотворенія А. Полежаева	413
	101. Походъ аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ, *В. Ведрова*	419
*	102. Сочиненіе бар. Корфа «Восшествіе на престолъ Императора Николая I»	425
	103. Въ долинѣ	429
*	104. Заволжская часть Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губ., *гр. Н. С. Толстого*	431
	105. У пристани, *гр. Е. Ростопчиной*	441
*	106. Стихотворенія первой молодости, *Е. Вердеревскаго*. Отъ Зауралья до Закавказья, *Е. Вердеревскаго*	461
	107. Сборникъ, издаваемый студентами И. Спб. Университета	467
	108. Библіотека римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ *А. Клеванова*	475
*	109. О внутреннемъ устройствѣ земного шара. О магнитѣ и земномъ магнетизмѣ	491
*	110. Сократово ученіе по Ксенофонту, перев. *Ив. Синайскаго*	493
*	111. Стихотворенія изъ Гейне, перев. *И. Генслера*	497
	112. Губернскіе очерки, *Щедрина*	497
*	113. Метеорологія и ея будущіе успѣхи	529
*	114. Заволжскіе очерки, *гр. Н. Толстого*	529
*	115. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ подъ ред. *Н. Гербеля*	541
*	116. Стихотворенія *Л. Мея*	545
*	117. Отъѣзжія поля. Князья Курбскіе, *бар. Розена*	551
**	118. «Въ журнальной тьмѣ ярилась буря»	561
	119. Сочиненія А. С. Пушкина	561
*	120. Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ, *М. Архангельскаго*	579
	121. Новыя стихотворенія В. Бенедиктова	589
	122. Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ, *М. Семевскаго*	603
*	123. Современное обозрѣніе. (Аппельротъ. Кошелевъ)	609
	124. О степени участія народности въ развитіи русской литературы	625
	125. Жизнь Магомета, *Ирвинга*, перев. *П. Кирѣевскаго*	685
*	126. Стихотворенія изъ Гейне, перев. *И. Семенова*	693
*	127. Русскій иллюстрированный альманахъ	697
	128. Примѣненіе желѣзн. дорогъ къ защитѣ материка, *Лебедева 3-го*	699
*	129. О торфѣ и его добываніи во Франціи, *Шмидта*	703
	130. Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы	705
	131. Физіологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни, *В. Берви*	747
	132. Аттилла и Русь IV и V вѣка, *А. Вельтмана*	757
	133. Стихотворенія Н. М. Языкова	761
*	134. Стихотворенія *В. Л. Баева, Николая Гербеля, Л. К. Панютина, А. Розенштрема, Д. Сушкова и Омулевскаго*	769
*	135. Руководство къ изученію словесности и т. д. *М. Архангельскаго*	783
*	136. Природа и люди, кн. I, вып. 1	787
*	137. Первый шагъ, *А. Вороновой*	789
	138. Н. В. Станкевичъ	791
*	139. Отчетъ И. Публичной Библіотеки за 1857 годъ	817
*	140. Записка объ осадѣ Севастополя, *Н. Берга*	821

	стр.
* **141.** Сборникъ литературныхъ статей . .	829
* **142.** О звѣздномъ небѣ.—Природа и люди, кн. I, вып. 1	841
* **143.** Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, *Н. Лебедева*	843
* **144.** Ученики съ медленнымъ пониманіемъ	845
* **145.** Мысли объ учрежденіи открытыхъ женскихъ школъ	845
146. Дѣлецъ	861
147. Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью.	895
* **148.** Московскій университетскій благородный пансіонъ, *Н. Сушкова*	927
* **149.** Прожектеры, *А. Половцева*	943
150. Френологія, *М. Волкова*	947
151. Объ истинности понятій или достовѣрности человѣческихъ знаній, *А. Кусакова*	955
* **152.** Что такое г. Тьеръ и нашествіе его на Россію, *А. Горяинова*	959
* **153.** Пѣсни Гейне, пер. *М. Л. Михайлова.*	966
* **154.** Былое, *М. Стаховича*	969
* **155.** Для легкаго чтенія, т. т. VI—VIII. .	971
* **156.** М. В. Ломоносовъ, *Новаковскаго* . .	971
* **157.** Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности, *Н. Лебедева.*	973
* **158.** Ариометика для дѣвицъ, *В. Михельсона.*	975
* **159.** Забавы и дѣтскія игры для дѣтей перваго возраста.	977
* **160.** Праздничные досуги, *А. Петерсона*	981
161. Напрасно!	981
Дополненія	985

Отъ редактора.

Сочиненія Н. А. Добролюбова извѣстны русскому обществу нашего времени по вышедшимъ до сихъ поръ далеко неполнымъ ихъ собраніямъ въ четырехъ томахъ. Первое, выпущенное въ 1862 году (3000 экз.), было подготовлено Чернышевскимъ, который прочелъ и корректуру трехъ съ половиною томовъ, успѣвъ сдѣлать эту работу до своего ареста (7 іюля 1862 года); остальная часть прокорректирована М. А. Антоновичемъ. Изданіе это было сдѣлано на средства, ссуженныя Некрасовымъ; доходъ съ него поступилъ въ пользу братьевъ Добролюбова. Въ 1871 году понадобилось второе изданіе (4000 экз.), затѣмъ въ въ 1876 г.—третье, проданное издателю Надѣину (5000 экз.), въ 1886 г.—четвертое, Л. Ф. Пантелѣева (5000 экз.), въ 1896 г.—пятое, О. Н. Поповой (6000 экз.), въ 1902 г.—шестое и въ 1908 г.—седьмое, оба П. П. Сойкина (17000 экз.).

Всѣ эти изданія по составу своему ничѣмъ не отличались одно отъ другого, кромѣ пятаго, въ которое (а за тѣмъ и въ послѣдующія) впервые включены были разсказы: «Доносъ» и «Дѣлецъ». Данный Чернышевскимъ текстъ просто перепечатывался, съ растущей массой опечатокъ и недосмотровъ, мѣстами, особенно въ 6-мъ и 7-мъ изданіяхъ, очень исказившихъ текстъ автора.

Настоящее изданіе является *первымъ полнымъ* собраніемъ сочиненій Добролюбова, т.-е. включающимъ рѣшительно всѣ тѣ его сочиненія, принадлежность которыхъ безспорно устанавливается знакомствомъ со всей современной литературой о Добролюбовѣ и его эпохѣ, съ его бумагами, письмами и прочими матеріалами, въ которыхъ есть что-нибудь о Николаѣ Александровичѣ, и, разумѣется, съ категорическими указаніями самого автора. Это, конечно, не значитъ, что впослѣдствіи не отыщутся еще какія-нибудь сочиненія Добролюбова; можно лишь ручаться, что до сихъ поръ на нихъ не было еще нигдѣ никакихъ указаній.

Но включая въ настоящіе 4 тома всѣ *сочиненія* Добролюбова, я не нашелъ нужнымъ ввести въ нихъ его *дневники* и *письма*. Первые двойственны по своему содержанію: съ одной стороны, въ нихъ много чисто автобіографическаго матеріала, съ другой—мало матеріала, сколько-нибудь цѣннаго для характеристики современныхъ ему событій и лицъ. Все необходимое для знакомства съ самимъ авторомъ я широко использовалъ въ біографіи и въ своихъ постатейныхъ замѣткахъ, остальной же матеріалъ настолько мелоченъ и деталенъ, что все равно не далъ бы читателю никакого яснаго представленія ни объ одномъ фактѣ и лицѣ, не будучи снабженъ обширными разъясненіями комментатора. Кромѣ того, дневники,—вѣрнѣе, отрывки изъ нихъ—уцѣлѣли какъ разъ отъ тѣхъ лѣтъ, когда Добролюбовъ многаго еще не зналъ и многое оцѣнивалъ еще невѣрно. Что касается писемъ, то они не могли бы быть интересны и по-

нятны безъ писемъ къ самому Добролюбову, а при этомъ условіи дневники и письма потребовали бы еще одного тома, выпускъ котораго въ свѣтъ я считаю своевременнымъ только по истеченіи нѣкотораго срока, въ продолженіе котораго, при усилившемся вниманіи къ Добролюбову по случаю исполняющагося 50-лѣтія его кончины, мы, вѣроятно, узнаемъ еще кое-что интересное. Наконецъ, широкая публика, какъ это достаточно общеизвѣстно, не особенно интересуется дневниками и письмами: масса подобныхъ изданій, очень цѣнныхъ для немногихъ спеціалистовъ, остается далеко не распроданной за многіе годы, что подтверждается и очень плохой продажей составленныхъ Чернышевскимъ «Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова» (т. I, М. 1890 г.). Теперь широкая публика получаетъ возможность имѣть *первое полное* собраніе сочиненій Добролюбова безъ необходимости платить за него дороже изъ-за прибавки лишняго, болѣе спеціальнаго тома; послѣдній я предпочитаю выпустить исключительно для интересующихся именно имъ. Въ него же войдутъ и тѣ очень немногія произведенія, которыя относятся ко времени до переѣзда Добролюбова въ Петербургъ и никоимъ образомъ не могутъ считаться началомъ его дѣйствительной литературной дѣятельности.

Въ настоящее изданіе, такимъ образомъ, вошли, во-первыхъ, всѣ **210** сочиненій, бывшихъ въ предыдущихъ семи изданіяхъ, во-вторыхъ, **182** сочиненія, напечатанныя въ свое время въ періодическихъ органахъ и ни въ одно собраніе не вошедшія; они отмѣчены въ оглавленіи одной звѣздочкой; и, въ-третьихъ, **55** сочиненій никогда нигдѣ еще ненапечатанныхъ и найденныхъ мною въ рукописи. Если сравнить настоящее изданіе съ седьмымъ, то по количеству текста Добролюбова оно почти вдвое больше.

Принадлежность собранныхъ мною сочиненій Добролюбову устанавливается прежде всего по его собственноручному списку своихъ работъ, пополнявшемуся по мѣрѣ ихъ появленія въ свѣтъ и находящемуся въ сенатскомъ архивѣ, въ многотомномъ дѣлѣ о Чернышевскомъ, которое я скопировалъ тамъ въ 1906 году, даже и не предполагая встрѣтить въ немъ такую драгоцѣнность. Кромѣ меня никто къ этому дѣлу допущенъ не былъ, и такимъ образомъ этотъ списокъ никому больше неизвѣстенъ. Всѣ статьи, помѣщенныя въ «Журналѣ для Воспитанія», перечислены еще въ особомъ перечнѣ, который самъ издатель журнала, Чумиковъ, представилъ Чернышевскому, прибавивъ, что скорѣе въ немъ что-нибудь прибавлено, чѣмъ чего-нибудь недостаетъ. Однако, изъ сличенія указанныхъ въ немъ статей съ собственноручнымъ спискомъ Добролюбова и изъ сравненія ихъ съ письмами Н. А—ча и его рецензіями тѣхъ же самыхъ книгъ въ «Современникѣ» ясно, что, чумиковскій перечень полонъ и вѣренъ. Приводя сочиненія по списку Добролюбова, я не указываю на источникъ, изъ котораго заимствую свѣдѣнія о ихъ принадлежности его перу. Во всѣхъ другихъ случаяхъ источники указываются.

Ни одного своего сочиненія Добролюбовъ не подписалъ въ печати полнымъ именемъ: сначала потому, что зависѣлъ отъ учебнаго или служебнаго начальства, потомъ уже по привычкѣ къ псевдонимамъ и его самого и публики. Почти всѣ сочиненія, входившія въ отдѣлъ библіографіи или «новыхъ книгъ», въ «Современникѣ» вообще не подписывались. Если въ моихъ постатейныхъ замѣткахъ не сказано о подписи, это значитъ, что статья не была вовсе подписана; въ противномъ случаѣ подпись вездѣ указывается.

Добролюбовъ подписывался слѣдующими псевдонимами: Н. —бовъ, —бовъ, Н. Александровичъ, Николай Александровичъ, Волгинъ, Аполлонъ Капелькинъ, Конрадъ Лиліеншвагеръ, Андрей Критскій, Н. Лайбовъ, Лайбовъ, Н. Л., Д. Свиристелевъ, Н. Т—новъ, Н. Т—овъ, Н. Турчиновъ, Кондратій Шелухинъ, Станиславъ де-Кондрадъ, Д—въ, —х.

Раздѣленіе настящаго собранія на четыре тома сдѣлано чисто механически, такъ какъ при желаніи раздѣлить его по томамъ, включающимъ законченные годы, пришлось бы сдѣлать ихъ очень неравными, что всегда неудобно.

Въ прежнихъ изданіяхъ сочиненія Добролюбова были расположены болѣе или

менѣе систематически по содержанію, стихи отнесены въ самый конецъ четвертаго тома, гдѣ помѣщенъ и «Свистокъ». Убѣжденный, что для основательнаго пониманія любого писателя, особенно же критика и публициста, нѣтъ другого способа расположенія его сочиненій, какъ строго хронологическій, я такъ и поступилъ. Только при такомъ расположеніи каждому нетрудно услѣдить за всѣми наслоеніями и измѣненіями въ міросозерцаніи писателя и получить о его развитіи надлежащее, вполнѣ отчетливое представленіе. Пусть при этомъ важная статья по одному изъ основныхъ вопросовъ, интересовавшихъ писателя, идетъ рядомъ съ мелкой замѣткой или стихотвореніемъ,—это не можетъ быть неудобно, потому что именно такъ шло творчество самого писателя, бывшаго, вѣдь, прежде всего живымъ человѣкомъ. Всякое иное расположеніе, диктуемое непонятной рутиной, очень часто лишаетъ читателя представленія о личности писателя, которая рисуется иногда совершенно невѣрно, только благодаря хронологической непослѣдовательности произведеній, даже при условіи обозначенія времени, къ которому они относятся.

Въ основу мною приняты тексты: перваго собранія (1862 г.)—для всего того, что вошло въ него; «Современника» или другихъ изданій—для не вошедшаго въ первое собраніе, и рукописей—для никогда нигдѣ ненапечатаннаго и для немногихъ произведеній, вошедшихъ въ первое собраніе.

Тѣ сочиненія, которыя вошли въ первое собраніе, приведены въ немъ иногда значительно полнѣе, чѣмъ были въ «Современникѣ», потому что Чернышевскій печаталъ ихъ не съ «Современника», а или съ рукописей Добролюбова или съ его корректуръ, подвергавшихся при цензированіи журнала иногда очень значительнымъ сокращеніямъ и измѣненіямъ. До самой своей смерти (17 ноября 1861 г.) Добролюбовъ былъ лишенъ возможности печатать именно то, что писалъ, а черезъ полгода со дня смерти, та же самая цензура (если въ ней и произошли измѣненія за это время, то только къ худшему) нашла возможнымъ пропустить статьи въ дополненномъ и не столь искаженномъ видѣ... По всей вѣроятности, это нужно приписать всецѣло Чернышевскому, умѣвшему эксплоатировать свое вліяніе на многихъ и въ томъ числѣ на министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина, которому тогда была подчинена цензура. Въ данное время найти гдѣ бы то ни было эти авторскія рукописи или корректуры не удалось и потому нечего было и думать о томъ, чтобы статьи, вошедшія въ первое собраніе, дать въ еще болѣе полномъ видѣ. Пришлось ограничиться тѣмъ, что напечаталъ Чернышевскій. Такимъ образомъ, въ сущности, мы имѣемъ два текста: одинъ, напечатанный въ «Современникѣ», т.-е. то, что Добролюбовъ *могъ* сказать при жизни, могъ бросить въ лицо общесвту или своимъ литературнымъ противникамъ, и другой—что онъ *хотѣлъ* имъ сказать, но сказалъ уже послѣ смерти, когда никакая полемика была невозможна.

Я считаю это обстоятельство очень важнымъ не только для спеціалистовъ по исторіи литературы и общественности, но и для каждаго, кто захочетъ изучить Добролюбова и его время. Для нашей публики, все еще, какъ это ни странно, лишенной надлежащаго представленія о мукахъ, испытывавшихся тѣмъ или другимъ изъ ея вождей, очень важно познакомиться съ этими муками во-очію. Но не желая загромождать изданіе приведеніемъ двухъ текстовъ, что сдѣлало бы сличеніе ихъ все-таки очень кропотливымъ, я рѣшилъ принять этотъ трудъ на себя,—и въ результатѣ получился одинъ текстъ, въ которомъ, однако, легко найти и второй. Сдѣлано это посредствомъ особыхъ прямыхъ скобокъ [ ]. Пока читатель не встрѣчаетъ такихъ скобокъ въ текстѣ сочиненій, напечатанныхъ впервые въ «Современникѣ», до тѣхъ поръ онъ будетъ знать, что именно такой текстъ былъ напечатанъ еще при жизни Добролюбова. Но когда попадается открывающая прямая скобка, то это значитъ, что, начиная отъ нея и вплоть до парной ей закрывающей, этого мѣста просто не было въ «Современникѣ» и впервые оно появилось въ собраніи сочиненій, изданномъ въ 1862 году; если же оно было за-

мѣнено другимъ, то послѣднее приводится въ подстрочной выноскѣ отъ закрывающей скобки, но уже безъ всякой каждый разъ оговорки, что вмѣсто этого-то въ «Современникѣ» напечатано было то-то. Это само собою понятно, потому что выносокъ другого значенія отъ прямыхъ закрывающихъ скобокъ мною нигдѣ не сдѣлано. Считаю нужнымъ указать, что всякій, кого, однако, совершенно не интересуетъ эта сторона настоящаго изданія и кто желаетъ знать, что вообще написано Добролюбовымъ, безотносительно къ цензурной возможности того или другого момента, можетъ читать основной текстъ, пропуская всѣ выноски отъ прямыхъ закрывающихъ скобокъ, совершенно игнорируя и самыя скобки.

При наличности такой иллюстраціи, какую даютъ прямыя, такъ сказать, цензурныя скобки, читатель ясно, конечно, увидитъ, насколько справедливы были утвержденія нѣкоторыхъ біографовъ о томъ, что Добролюбовъ почти не встрѣчалъ препятствій со стороны цензуры, которую умѣлъ, де, обходить... Нѣкоторыя его сочиненія до того искажены въ «Современникѣ», что даже и теперь, когда мы все еще не имѣемъ и тѣни свободы слова, кажется непонятнымъ, какъ могъ цензоръ уродовать писателя до такой степени.

Рукописей Добролюбова уцѣлѣло очень немного, еще меньше—совершенно полныхъ и въ исправности. Изъ уцѣлѣвшаго большая часть—стихотворенія, статей очень немного, остальное—то начало, то середина, то конецъ, то просто нѣсколько разрозненныхъ листовъ. Разумѣется, стихотворенія слѣдуетъ давать по рукописи, статьи—уже не всегда, а входившее въ «Свистокъ» я нашелъ болѣе правильнымъ привести по печатному тексту «Современника», конечно, со включеніемъ тамъ ненапечатаннаго. Стихотворенія писались Добролюбовымъ не для печати; это была потребность души, чаще такъ и остававшаяся въ интимной тетради. Статьи писались часто съ разсчетомъ на корректуру и въ послѣдней получали уже окончательное свое выраженіе, особенно сколько-нибудь злободневныя, исправляемыя иногда послѣ особаго редакціоннаго совѣщанія. «Свистокъ» создавался почти всегда постепенно: сначала Добролюбовъ набрасывалъ, потомъ самъ же поправлялъ, затѣмъ, если это были стихи, давалъ ихъ Некрасову и въ заключеніе частенько предварительно прочитывалъ пріятелямъ. Такимъ образомъ коллективное творчество «Свистка» получало свое выраженіе въ печати съ неизбѣжными цензорскими поправками, которыя сейчасъ возстановить уже часто и невозможно.

Расположеніе произведеній по номерамъ «Свистка» у меня иное, чѣмъ сдѣланное Чернышевскимъ въ первомъ изданіи и повторенное во всѣхъ послѣдующихъ. Тамъ сохраненъ порядокъ, какой предполагался Добролюбовымъ въ началѣ, у меня—по «Современнику». Благодаря этому у меня нѣкоторыя вещи идутъ иногда раньше, иногда позже, чѣмъ предполагалъ Добролюбовъ. И я думаю, что такое расположеніе правильнѣе, потому что болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, которая, помимо цензурныхъ условій, часто диктовала необходимость отложить одно изъ написаннаго, чтобы дать мѣсто другому. «Свистокъ» былъ живымъ отдѣломъ «Современника», и жизненность его яснѣе по тому, что̀ сталось, чѣмъ по тому, что̀ думалось и предполагалось.

Помимо полноты и свѣрки текста данное изданіе отличается отъ всѣхъ предъидущихъ еще двумя весьма важными особенностями.

Во-первыхъ,—моими замѣтками, иногда очень и очень краткими, иногда довольно значительными, но всегда предшествующими каждому сочиненію Добролюбова. Это сдѣлано исключительно въ виду наивозможно широкаго распространенія сочиненій Добролюбова въ обществѣ. Каждому изъ читателей, конечно, извѣстно, какія трудности приходится преодолѣвать при чтеніи такихъ неразрывно связанныхъ съ своей эпохой писателей, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ и даже болѣе близкій нашему времени и потому болѣе понятный—Михайловскій. Полное и дѣйствительно глубокое пониманіе ихъ сочиненій совершенно невозможно безъ знанія окружавшей

ихъ обстановки, безъ знакомства съ современными имъ событіями, людьми и идеями. Но требовать этиихъ знаній отъ каждаго, кто именно и ищетъ ихъ въ сочиненіяхъ такихъ писателей, разумѣется, неосновательно. Читателю, удаленному отъ критика и публициста на полстолѣтія, необходимо хоть немного облегчить трудъ чтенія интересующаго его автора. Конечно, исчерпывающая въ этомъ отношеніи работа комментатора громадна; я ее и не ставилъ своей задачей, а ограничился тѣми замѣчаніями, которыя казались мнѣ особенно необходимыми именно для широкой, такъ сказать, публики. Люди, сами вполнѣ хорошо подготовленные для чтенія Добролюбова, не будутъ, вѣроятно, интересоваться моими вводными замѣтками; не для нихъ онѣ и написаны.

Во-вторыхъ,—примѣчаніями; мелкія разъясненія, относящіяся не къ сочиненію въ его цѣломъ, а къ ряду частностей, помѣщены мною въ подстрочныхъ выноскахъ, иногда тоже очень важныхъ для пониманія сочиненія. Всѣ выноски самого Добролюбова подписаны буквой *Д*.

Приложенный въ концѣ четвертаго тома алфавитный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ и въ сочиненіяхъ и въ комментаріяхъ, даетъ возможность быстро навести справку о томъ или другомъ лицѣ.

Весь текстъ провѣренъ мною весьма тщательно, но это не значитъ, чтобы я ввелъ въ него всѣ орѳографическія или корректурныя ошибки оригинала; своеобразная транскрипція Добролюбова сохранена.

Такъ какъ весь пояснительный историко-литературный и общественный матеріалъ отнесенъ мною въ соотвѣтствующія постатейныя замѣтки, то біографію Добролюбова удалось свести къ описанію его личной жизни и нарисовать Добролюбова-человѣка гораздо полнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Біографія не исчерпываетъ, разумѣется, полностью всѣхъ относящихся къ ней матеріаловъ, но, все-таки, заключаетъ въ себѣ все, что можетъ характеризовать Добролюбова съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Внѣшняя ея несоразмѣрность (значительно большая полнота первыхъ двадцати двухъ лѣтъ жизни) объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что, вступивъ въ «Современникъ», Николай Александровичъ всецѣло отдался литературѣ, а эта сторона его біографіи полнѣе представлена въ моихъ постатейныхъ замѣткахъ.

Біографія Добролюбова была написана Скабичевскимъ и М. М. Филипповымъ, но они не имѣли возможности итти дальше того, что могли почерпнуть въ напечатанныхъ Чернышевскимъ «Матеріалахъ для біографіи», появившихся: въ I кн. «Современника» 1862 года, въ I и II книжкахъ «Русской Мысли» 1889 г. и, наконецъ, въ видѣ отдѣльной, большой и очень компактной книги, изданной въ 1890 году Солдатенковымъ. Напечатанное въ 1862 г. является введеніемъ къ книгѣ и только частью вошло въ нее; появившееся въ «Русской Мысли» вошло почти полностью въ книгу, а послѣдняя даетъ массу еще и новаго матеріала. Второй томъ книги не появился за смертью Чернышевскаго, а между тѣмъ долженъ былъ содержать очень много интереснаго. Въ «Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго Фонда» напечатана часть дневника Добролюбова за 1857 г. (въ видѣ выдержекъ уже напечатанная Чернышевскимъ въ «Современникѣ» 1862 года), но съ весьма большими пропусками, иногда не зависѣвшими отъ редактора «Сборника», такъ какъ самая рукопись не сохранилась вполнѣ; напримѣръ, на стр. 331 сборника, на мѣстѣ, отмѣченномъ строкою точекъ, не достаетъ 4 страницъ рукописи, изъ которыхъ двухъ нѣтъ и въ бумагахъ Добролюбова, а двѣ не представляются удобными для опубликованія, какъ содержащія описаніе слишкомъ интимной жизни Н. А.; точно также на стр. 332 недостаетъ 8 страницъ, изъ которыхъ четырехъ нѣтъ въ рукописи, а остальныя не могутъ быть напечатаны по той же причинѣ. Во всѣхъ своихъ замѣткахъ я употребляю слѣдующія сокращенія: указываю просто «Матеріалы», а вмѣсто «Юбилейнаго Сборника Литературнаго Фонда»—«Юб. Сбор.».

Бумаги Добролюбова и все, что собралъ и получилъ Чернышевскій послѣ его смерти отъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, хранились у Николая Гавриловича до обыска

передъ арестомъ, и потомъ небольшая часть ихъ была возвращена М. А. Антоновичу, какъ лицу, указанному самимъ Чернышевскимъ въ качествѣ ближайшаго наблюдателя за печатаніемъ четвертаго тома, а бо̀льшая часть передана въ III Отдѣленіе Соб. Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ и хранится донынѣ подъ строгимъ запретомъ, какъ и все, касающееся эпохи Александра II. М. А. Антоновичъ потомъ, все передалъ въ свою очередь, сыну Чернышевскаго и Пыпину. Теперь главная часть уцѣлѣвшихъ отъ ареста бумагъ находится въ Литературномъ Фондѣ, остальное — въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Академіи Наукъ Г. и И. Публичной Библіотеки.

Къ настоящему собранію приложены портреты Добролюбова и его факсимиле. При I томѣ дается портретъ, относящійся къ лѣту 1857 г., времени выпуска изъ Педагогическаго института, когда Добролюбовъ только что одѣлъ статское платье. При III—данный при первомъ собраніи сочиненій и относящійся ко времени поѣздки за границу. При IV—снятый въ Италіи и переснятый въ Петербургѣ К. Шапиро.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести свою искреннюю благодарность за содѣйствіе моей работѣ: Комитету Литературнаго Фонда, М. А. Антоновичу, И. А. Бычкову, М. Л. Бинштоку, В. А. Добролюбову, Н. П. Жервэ, Р. В. Иванову, А. А. Костровой, кн. А. А. Куракину, Л. Ф. Пантелѣеву, Н. П. Сакулину, М. А. Славинскому, Вс. И. Срезневскому и В. А. Стеклову.

Мих. Лемке.

Н. А. Добролюбовъ.

Дома.

1836—1848.

Николай Александровичъ Добролюбовъ родился 24 января 1836 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ семьѣ мѣстнаго священника Верхнепосадской Николаевской церкви, Александра Ивановича Добролюбова, и его жены, Зинаиды Васильевны. Онъ былъ ихъ первенцемъ и потому, очень естественно, привлекъ къ себѣ все вниманіе родителей, особенно молодой матери.

Александръ Ивановичъ былъ по своему времени и кругу довольно хорошо образованъ, предпріимчивъ, дѣятеленъ, обладалъ сильнымъ характеромъ, нѣкоторой замкнутостью и потому казался инымъ болѣе сухимъ и черствымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ; этому способствовала еще и большая расчетливость въ жизни, увеличивавшаяся по мѣрѣ роста обширной потомъ семьи. Если въ литературѣ до сихъ поръ его рисовали суровымъ и тяжелымъ въ домашней жизни человѣкомъ, то это происходило отъ того, что немногіе біографы Добролюбова выводили характеръ его отца изъ данныхъ біографіи сына, строили его синтетически. По моему мнѣнію, на такой синтезъ нѣтъ, однако, достаточныхъ основаній, поэтому я счелъ нужнымъ обратиться къ людямъ, хорошо знавшимъ А. И. и, конечно, къ сестрѣ Н. А.—А. А. Костровой, отличающейся, по общимъ отзывамъ, весьма здравымъ взглядомъ на все прошлое своей семьи. Оказалось, что къ тѣмъ чертамъ, которыя мною указаны выше, необходимо добавить, что, несмотря на нерѣдко замѣчавшуюся въ А. И. озабоченность и серьезность, всѣ близкіе чувствовали глубину его любви, знали его ровнымъ, справедливымъ и сердечнымъ. Прихожане цѣнили его не только за умъ и честность, но и за душевное благородство, деликатность, столь рѣдкую въ его кругу, и тактичность. Очень трогательно разсказываетъ А. А. слѣдующій, напримѣръ, случай. «Овдовѣвъ, папаша страшно тосковалъ, былъ самъ не свой. Часто заходилъ къ нему по вечерамъ кто-нибудь побесѣдовать. Однажды гость засидѣлся дольше обыкновеннаго въ кабинетѣ. Я присѣла на диванѣ въ сосѣдней комнатѣ въ ожиданіи его ухода, чтобъ предложить папашѣ ужинъ, и, сидя, заснула. И вотъ чувствую, что папаша бережно приподнимаетъ меня на руки, чтобъ осторожно, не разбудивъ, отнести меня на мою постель. Я тотчасъ очнулась и вскочила на ноги, но взглядъ папаши, обращенный на меня, былъ полонъ такой любви и заботливой ласки, что необычайно тронулъ меня и на вѣкъ запечатлѣлся въ моей душѣ».

Мать Н. А. была тоже умной, довольно образованной, очень сердечной и любвеобильной женщиной, хорошей хозяйкой и рѣдкой матерью.

Отецъ, серьезно и добросовѣстно относившійся къ своему сану, былъ очень занятъ по приходу; мать все свое время посвящала семьѣ. Естественно, что Н. А. больше сблизился съ матерью и дѣлился съ нею такими своими мыслями и чувствами, о которыхъ отцу иногда и не имѣлъ возможности повѣдать. Въ отношеніяхъ къ отцу преобладало уваженіе и нежеланіе хоть чѣмъ-нибудь его огорчить; въ отношеніяхъ къ матери—горячая и нѣжная любовь.

Судя по дневникамъ самого Н. А., въ

домѣ ему жилось хорошо, онъ не чувствовалъ на себѣ того нѣсколько деспотическаго режима, который господствовалъ тогда въ семьѣ духовенства.

Добролюбовы ни въ чемъ не нуждались, хотя и не имѣли ничего лишняго. Подъ конецъ жизни отецъ имѣлъ довольно крупный долгъ, въ чемъ былъ виноватъ самъ, затѣявъ строить большой трехэтажный каменный домъ.

Мальчикъ росъ свободно, насколько это можно было въ семьѣ провинціальнаго духовенства того времени, но не имѣлъ возможности приложить къ чему-нибудь полезному своихъ природныхъ способностей. Укладъ родительскаго дома часто направлялъ ихъ и въ очень нежелательную сторону. Такъ, напримѣръ, М. Благообразовъ говоритъ, что лѣтъ 7-ми Добролюбовъ «уже очень хорошо и расчетливо игралъ въ вистъ и преферансъ; такъ, что допускался играть съ большими гостями его родителя, и нерѣдко обыгрывалъ своего отца въ игру «свои козыри», въ которую славился играть его отецъ» (Бумаги Литер. Фонда). Можно себѣ представить, какъ это должно было искажать пытливаго мальчика, какія нежелательныя стороны вырабатывало въ его характерѣ.

Первые начатки грамотности Н. А. получилъ отъ матери, частенько разбиралъ какую-нибудь книгу, очень любилъ басни, особенно Крылова; потомъ немного учился съ Садовскимъ.

Въ серединѣ 1844 года, на девятомъ году, родители пригласили къ Н. А. въ качествѣ учителя воспитанника семинаріи, М. А. Кострова, который и подготовлялъ мальчика къ поступленію въ духовное училище — эту обычную первую пристань дѣтей духовенства. Занятія шли серьезно, и мальчикъ сразу обнаружилъ къ нимъ интересъ, а главное — дѣловое отношеніе. Въ сентябрѣ 1847 года Добролюбовъ поступилъ въ высшее отдѣленіе нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища.

«Должно думать,—говоритъ Чернышевскій, что изъ всѣхъ учителей и профессоровъ, уроки которыхъ слушалъ впослѣдствіи Николай Александровичъ, ни одинъ не пріобрѣлъ такихъ правъ на нашу признательность за содѣйствіе развитію геніальныхъ способностей его, какъ Михаилъ Алексѣевичъ. Чрезвычайно важно ужъ и одно то, что благодаря соотвѣтствію успѣховъ преподаванія М. А. съ ожиданіями отца и матери, Н. А. былъ три года избавленъ отъ школьнаго стѣсненія; это, безъ сомнѣнія, было великимъ выигрышемъ для него въ умственномъ отношеніи и великою пользою для укрѣпленія физическихъ силъ его. Должно прибавить, что характеръ преподаванія М. А. былъ разумный. Разсудительность, внимательность, любовь учителя, несомнѣнно, помогли тому, что Н. А. въ эти три года очень быстро усваивалъ себѣ тѣ свѣдѣнія, какія требовались программой духовно-учебныхъ заведеній: когда онъ поступилъ въ высшее отдѣленіе духовнаго уѣзднаго училища, при началѣ второго года двухлѣтняго курса этого класса, ему было только 11 лѣтъ. Прямо на второй годъ курса 4-го класса поступали очень немногіе, а самые младшіе изъ нихъ имѣли по 13 лѣтъ» («Матеріалы», 647—648).

Однокашникъ Добролюбова, М. Е. Лебедевъ, разсказываетъ, что объ учености новичка товарищи сразу заговорили, боясь въ немъ серьезнаго конкуррента своимъ первымъ ученикамъ. «Начали присматриваться. Прежде всего оказалось, что мальчикъ очень нѣжной, барской наружности, съ очень мягкими руками; увидали, что очень скроменъ и застѣнчивъ, какъ дѣвочка, дичится всѣхъ, чуждается. Въ перемѣнахъ классныхъ и до прихода учителя ни съ кѣмъ не якшитъ, а читаетъ книжки, которыя изъ дому носитъ. Книжки были все по предметамъ, проходимымъ въ классѣ». Латинскія работы обнаруживали большую подготовленность. («Современникъ», 1862, I, 267).

Курсъ духовнаго училища Добролюбовъ окончилъ «съ отличнымъ успѣхомъ», 6-мъ изъ 72, имѣя по всѣмъ предметамъ высшій баллъ—единицу. Въ сентябрѣ 1848 г. онъ вступилъ въ параллельный классъ словесности нижегородской духовной семинаріи, выдержавъ повѣрочныя испытанія 3-мъ изъ 77 (*Тихоновъ*, «Міръ Божій» 1897, XI, 25).

Въ духовной семинаріи.

1848 — 1853.

I.

1848—1849 и 1849—1850 учебные годы Н. А. пробылъ въ классѣ словесности, слѣдующіе два — философіи, 1852 — 1853 уч. годъ былъ въ богословскомъ классѣ. Изъ его бумагъ видно, что за все это время онъ не болѣлъ чаще своихъ товарищей, и вообще ясно, что не могъ жаловаться на свое здоровье: оно было вполнѣ хорошо.

Бурса тогдашняго времени не наложила на него свою ужасную печать главнымъ образомъ потому, что Н. А. жилъ дома и только на урокахъ былъ въ атмосферѣ бурсы. Это немало способствовало его изолированности и постоянной, такъ сказать, оглядкѣ на товарищей, съ которыми онъ не сходился очень близко. Его помнятъ совершенно одинокимъ, задумчивымъ, предоставленнымъ самому себѣ.

Но это происходило не потому, что Н. А. былъ спесивъ, напыщенъ или черствъ. Нѣтъ, онъ еще въ дѣтствѣ ушелъ въ себя; въ семинаріи подъ конецъ немного развернулся, но, однако, не настолько, чтобы стать душой товарищескаго круга, въ массѣ мало подходившаго къ серьезному мальчику, поставившему себѣ вполнѣ опредѣленную цѣль: семинарія не все, она—только ступень...

Учился онъ очень старательно, чему не всегда помогала домашняя обстановка. Въ этихъ случаяхъ онъ, по словамъ г. Кудринскаго, приходилъ съ своими книгами въ семинарію, въ классъ, гдѣ обыкновенно садился въ углу на свободной задней партѣ, и работалъ. Для такихъ своихъ визитовъ онъ выбиралъ время менѣе шумное, когда ученики расходились по спальнямъ или гуляли, а такими были часы послѣобѣденные. Въ праздничные и воскресные дни Добролюбову особенно не сидѣлось дома... Очевидно, его тяготили гости родителей, въ которыхъ онъ не могъ найти для себя что-нибудь интересное.

«Постоянно только и видишь его за книгой: читаетъ и дѣлаетъ выписки», — говорятъ о немъ знавшіе его въ семинаріи. На разспросы о томъ, что онъ пишетъ, Добролюбовъ обыкновенно давалъ уклончивые отвѣты. Иногда на нескромные разспросы онъ отвѣчалъ очень рѣзко.

Какъ слагался внутренній міръ мальчика? Какъ складывался его характеръ? Что составляло его отличительныя особенности, помимо прилежанія, стремленія къ знанію и прочаго? На эти вопросы изъ всѣхъ имѣющихся матеріаловъ нельзя было бы отвѣтить ничего положительнаго, если бы мы не имѣли очень цѣнной исповѣди самого Добролюбова, на которую до сихъ поръ такъ и не обращали никакого вниманія. Исповѣдь эта очень невелика, но крайне содержательна. Она помѣщена въ статьѣ № 383, посвященной «Наканунѣ» Тургенева. Добролюбовъ какъ будто говоритъ не о себѣ, онъ передаетъ слова «своего знакомаго», но я категорически утверждаю, что цѣнныя страницы воспроизводятъ именно его собственное развитіе. Доказательство— помимо общаго сходства фактической стороны,—дастъ вмѣсто меня настоящее собраніе сочиненій: именно такъ шло позднѣйшее развитіе писателя.

«По натурѣ своей,—говоритъ Добролюбовъ, — я былъ мальчикъ очень добрый и впечатлительный. Я, бывало, плакалъ и метался, слушая разсказъ о какомъ-нибудь несчастіи, я страдалъ при видѣ чужого страданія. Помню, что я не спалъ ночи, терялъ аппетитъ и не могъ ничего дѣлать, когда кто-нибудь въ домѣ былъ боленъ; помню, что не разъ приходилъ я въ нѣкотораго рода бѣшенство, при видѣ истязаній, какія чинилъ одинъ мой родственникъ надъ своимъ сыномъ, моимъ пріятелемъ. Все, что я видѣлъ, все, что слышалъ, развивало во мнѣ тяжелое чувство недовольства; въ душѣ моей рано началъ шевелиться вопросъ: да отчего же все такъ страдаетъ и неужели нѣтъ средства помочь этому горю, которое, кажется, всѣхъ одолѣло? Я жадно искалъ отвѣта на эти вопросы, и скоро мнѣ дали отвѣтъ, разумный и систематическій. Я началъ учиться. Первая пропись, которую я написалъ, была такова: «истинное счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти». На разспросы мои о совѣсти, мнѣ объяснили, что она караетъ насъ за дурные поступки и награждаетъ за хорошіе. Все мое вниманіе устремилось теперь на то, чтобы узнать, какіе поступки хороши, какіе дурны. Это было не трудно: кодексъ нравственности былъ готовъ—и въ прописяхъ, и въ домашнихъ наставленіяхъ, и въ особомъ курсѣ. «Почитай старшихъ», «Не надѣйся на свои

силы, ибо ты—ничто», «Будь доволенъ тѣмъ, что имѣешь, и не желай бо̀льшаго», «Терпѣніемъ и покорностью пріобрѣтается любовь общая» и пр. въ такомъ родѣ писалъ я въ прописяхъ. Дома и отъ всѣхъ окружающихъ слышалъ я то же самое; а въ разныхъ курсахъ узналъ я, что совершеннаго счастья на землѣ не можетъ быть, но что насколько оно возможно, настолько достигнуто въ благоустроенныхъ государствахъ, изъ которыхъ наилучшее есть мое отечество. Я узналъ, что Россія теперь не только велика и обильна, но что порядокъ въ ней господствуетъ самый совершенный; что стоитъ только исполнять законы и приказанія старшихъ да быть умѣреннымъ, и тогда полнѣйшее благополучіе ожидаетъ человѣка, какого бы онъ ни былъ званія и состоянія. Отрадны мнѣ были всѣ эти открытія, и я жадно ухватился за нихъ, какъ за лучшее рѣшеніе всѣхъ моихъ сомнѣній. Вздумалъ было я повѣрить ихъ моимъ неопытнымъ умомъ, но многое пришлось мнѣ не подъ силу, а что оказывалось доступнымъ, то выходило такъ, вѣрно. И вотъ я довѣрчиво и восторженно предался новооткрытой системѣ, въ ней заключилъ всѣ свои стремленія и лѣтъ двѣнадцати былъ уже маленькимъ философомъ и страшнымъ партизаномъ законности. Я дошелъ до того убѣжденія, что во всякомъ несчастіи виноватъ самъ человѣкъ—или тѣмъ, что не поберегся, не остерегся, или тѣмъ, что не хотѣлъ довольствоваться малымъ, или тѣмъ, что не проникнутъ достаточнымъ уваженіемъ къ закону и къ волѣ старшихъ. Собственно, законъ я еще не совсѣмъ хорошо представлялъ себѣ, но онъ олицетворялся для меня во всякомъ начальствѣ и старшинствѣ. Оттого въ этотъ періодъ моей жизни я постоянно стоялъ за учителей, начальниковъ и т. д., и былъ очень любимъ начальствомъ и старшими классами. Разъ меня чуть не выкинули въ окно товарищи; одинъ учитель сказалъ цѣлому классу: «свиньи вы!»; всѣ пришли въ азартъ по окончаніи класса, а я принялся защищать учителя и доказывать, что онъ имѣлъ полное право сказать это. Въ другой разъ исключенъ былъ одинъ изъ нашихъ товарищей за грубость начальству; всѣ жалѣли о немъ, потому что онъ былъ лучшій между нами, но я утверждалъ, что онъ наказаніе вполнѣ заслужилъ, и очень удивлялся, какъ онъ, будучи такимъ умнымъ мальчикомъ, не могъ понять, что покорность старшимъ есть первый долгъ нашъ и первое условіе счастья. Такъ съ каждымъ днемъ укрѣплялся я въ своихъ понятіяхъ законности и, мало-по-малу, привыкъ смотрѣть на большинство людей только, какъ на орудіе исполненія высшихъ приказаній. Я порывалъ такимъ образомъ живую связь съ душою человѣка, я пересталъ тревожиться бѣдствіями своихъ собратій, пересталъ отыскивать возможность облегчить ихъ. «Сами виноваты», говорилъ я про себя, и сталъ даже питать къ нимъ не то злобу, не то презрѣніе, какъ къ людямъ, неумѣющимъ пользоваться спокойно и смирно тѣми благами, которыя имъ предлагаются по силѣ общественнаго благоустройства. Все, что было добраго въ моей натурѣ, обратилось въ другую сторону — къ поддержанію правъ старшихъ надъ нами. Я чувствовалъ, что въ этомъ заключается самоотверженіе, отреченіе отъ собственной самостоятельности, убѣжденъ былъ, что дѣлаю это въ видахъ общей пользы, и считалъ себя чуть не героемъ. Я знаю, что многіе такъ и остаются на этой степени, а другіе ее видоизмѣняютъ слегка и увѣряютъ, что они совсѣмъ перемѣнились».

Эта чистосердечная исповѣдь, вкратцѣ повторенная авторомъ въ стихотвореніи, приведенномъ подъ № 428, проливаетъ яркій свѣтъ на мальчика и юношу Добролюбова, на его одинокое положеніе въ классѣ.

Гордо смотрѣлъ я на шалости сверстниковъ,
Бѣгалъ ихъ игръ молодыхъ:
Все добивался быть въ роли наперсниковъ
У резонеровъ сѣдыхъ.
Старцы мой умъ и степенность прославили;
Въ школѣ все первымъ я былъ;
Дѣтямъ знакомыхъ въ примѣръ меня ставили —
Какъ я послушенъ и милъ.

Вотъ, слѣдовательно, гдѣ причины отсутствія друзей среди товарищей. Конечно, такой ученикъ, постоянно смирный и покорный всякому авторитету, не могъ найти симпатіи среди бурсаковъ, этихъ необузданныхъ кулачныхъ бойцовъ, признававшихъ исключительное право физической силы, дерзкихъ, иногда наглыхъ, добивавшихся покорности болѣе слабыхъ и менѣе отчаянныхъ, но и никогда ихъ не уважавшихъ.

Чернышевскій объяснялъ отсутствіе у Н. А. близкихъ товарищей иными причинами. Съ одной стороны — служебнымъ положеніемъ его отца, препятствовавшимъ будто бы семинаристамъ сходиться съ сыномъ вліятельнаго члена консисторіи и т. п., съ другой — отказамъ Добролюбова давать нѣкоторымъ изъ нихъ книги для чтенія («Современникъ» 1862, I, 272—274),—но, разумѣется, считать это главною причиною можно было только при сознательномъ желаніи нарисовать не настоящаго Добролюбова, а какого-то иконописнаго праведника, какимъ Добролюбовъ и воспринятъ многими поколѣніями съ легкой руки своего друга,

сознательную ошибку котораго повторили и Скабичевскій, и М. М. Филипповъ и другіе, писавшіе о его біографіи. Для нихъ, и прежде всего для Чернышевскаго, Добролюбовъ, справедливо и понятно, былъ знаменемъ, а знамя свято и почетно, когда оно символизируетъ нѣчто высшее, чѣмъ сами собирающіеся подъ боевой стягъ... Такъ въ Россіи, при нашихъ политическихъ условіяхъ писались біографіи вождей, такъ онѣ и будутъ, вѣроятно, еще писаться, по крайней мѣрѣ, пока личность вождя, просто силою хронологіи, не будетъ введена, наконецъ, въ рамки хоть какой-нибудь возможности историческаго ея освѣщенія, а представляемый для этого историческій матеріалъ будетъ уже внѣ предѣловъ досягаемости цензорскаго или судебнаго воздѣйствія...

126375 - 1 к/к

Личныя качества Добролюбова, имъ самимъ безпристрастно описанныя, — вотъ главная причина, почему въ духовномъ училищѣ и почти до конца семинаріи онъ не имѣлъ и, конечно, не могъ имѣть дѣйствительныхъ друзей. Каждый изъ насъ, вспоминая свои учебные годы и обстановку, особенно закрытаго заведенія, разумѣется, скажетъ то же самое: товарищи чураются угодниковъ начальства, безмолвныхъ рабовъ воли взрослыхъ.

Отсюда ясно и другое—оставленный товарищами Добролюбовъ долженъ былъ рано уйти въ себя, создать свой собственный міръ, огражденный отъ посторонняго взора, стать еще болѣе замкнутымъ и скрытнымъ.

Вотъ почему Добролюбовъ былъ большой любитель дневниковъ. По словамъ г. Кудринскаго, товарищи помнятъ, что у Добролюбова было множество самодѣльныхъ тетрадокъ различной величины. Нѣкоторыя изъ нихъ доходили до $^1/_{32}$ доли листа. Внѣшней ихъ особенностью была замѣчательная чистота. Онъ старался писать красивымъ почеркомъ и, если ему не удавалось сразу хорошо написать, вырывалъ страницу. Свои книжечки Н. А. тщательно пряталъ и никому не показывалъ. Наиболѣе секретныя изъ нихъ находили для себя мѣсто въ полахъ его сюртука, подъ подкладкой, куда онѣ опускались черезъ нарочно сдѣланную незамѣтную прорѣху. Въ старшемъ отдѣленіи тетради имѣли уже болѣе опредѣленную форму и писались не при столь строгихъ требованіяхъ ровности почерка, изящной внѣшности и чистоты.

«Разсказываютъ, что, вызванный однажды по какому-то экстренному дѣлу къ профессору Сладкопѣвцеву, Добролюбовъ, сильно любившій этого профессора (о чемъ будетъ дальше), впопыхахъ забылъ въ классѣ свою записную книжку, которая такимъ образомъ непредвидѣнно попала на судъ товарищей. Н. А. послѣ этого цѣлую недѣлю оставался дома, не ходилъ на уроки, а когда пришелъ, то чувствовалъ себя очень неловко передъ товарищами, которые, впрочемъ, щадили его неловкость и авторскую щепетильность.

«Нѣжная женственная наружность Добролюбова замѣтно выдѣляла будущаго критика изъ среды его товарищей и служила поводомъ для многихъ бурсацкихъ комплиментовъ, которые онъ принималъ равнодушно, не оскорбляясь. За наружность и наивность въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ чисто практическаго свойства его, между прочимъ, прозывали нѣкоторое время «институткой». А какъ дѣйствительно наивенъ и порой непрактиченъ былъ школьникъ-Добролюбовъ, объ этомъ,—говоритъ г. Кудринскій, почерпнувшій всѣ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ семинарскихъ товарищей Н. А.,—можно судить хотя бы по разсказу о томъ, какъ однажды Н. А. промочивъ подъ дождемъ свои книги, взятыя изъ шкафа отца, и боясь, какъ бы ему за это не досталось, вздумалъ сушить ихъ предъ раскаленной печкой и, конечно, окончательно испортилъ переплеты. Въ другой разъ, написавъ какое-то стихотвореніе, онъ долго не рѣшался послать его въ редакцію «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» боясь быть уязвленнымъ въ своемъ самолюбіи, если работа не будетъ напечатана. Чтобы выйти изъ затрудненія, Добролюбовъ подговорилъ одного изъ своихъ товарищей вступить съ нимъ въ своего рода литературный союзъ: онъ будетъ писать подъ псевдонимомъ, а товарищъ приметъ на себя обязанность посылать рукописи отъ своего имени и предлагать условія редакціи; гонораръ—пополамъ. Добролюбовъ убѣдилъ товарища, что такимъ образомъ можно заработать очень много денегъ и быть богатымъ человѣкомъ»...

Излюбленныхъ учебныхъ предметовъ у Н. А. не было. Онъ занимался всѣми ими одинаково прилежно и съ одинаковой энергіей изучалъ и литературу, и исторію, и языки, разбиралъ отцовъ церкви, изучалъ ихъ въ подлинникѣ, дѣлалъ переводы, выписки, никогда не выходя изъ первыхъ учениковъ и самъ не считая свои занятія сколько-нибудь утомительными и обременительными.

Все свободное время Н. А. былъ занятъ книгами. Теперь, въ семинаріи, помимо учебныхъ пособій, онъ читалъ уже русскихъ авторовъ, ученыя сочиненія и журналы, и дома и въ классѣ, хотя, правда, безъ какой бы то ни было системы; иного чтенія въ тогдашнія времена да еще въ духовной

Отдел книгохран Центр писателя им. Белова

средѣ, конечно, и не знали. Благодаря этому, у него образовалась коллекція разнообразныхъ книгъ, что хотя и разбрасывало, но и предостерегало отъ узкой спеціализаціи знаній. Найдя книгу по своему вкусу, Н. А., что называется, пожиралъ ее и носился съ ней мѣсяцами. Наиболѣе интересное онъ читалъ въ классѣ товарищамъ. О. Сахаровъ помнитъ, какъ Добролюбовъ приносилъ въ классъ «*Современникъ*» и знакомилъ съ нимъ семинаристовъ.

Библіотека его отца была довольно значительна и помимо многихъ книгъ, знакомство съ которыми было небезполезно, заключала въ себѣ такія, напримѣръ, какъ «Сочиненія» Геснера, «О разумѣ законовъ» Монтескье, сочиненія Шатобріана, «Всеобщую исторію» Миллота, «Исторію XVIII столѣтія», «Лесепсово путешествіе по Сибири», «Опытъ о человѣкѣ» Попе, «Естественную исторію» Двигубскаго и многія другія, числомъ до 400 томовъ. Любопытно также, что Добролюбовъ велъ болѣе или менѣе систематическій реестръ прочитанныхъ книгъ и такимъ образомъ могъ ставить прочитанное въ связь съ послѣдующимъ [1]).

Самъ Добролюбовъ, въ письмѣ къ одному изъ товарищей дѣтства, будучи еще семинаристомъ, въ 1852 году писалъ: «Глупое зубреніе уроковъ не далось мнѣ; гораздо болѣе нравилось мнѣ чтеніе книгъ, и вскорѣ оно сдѣлалось моимъ главнымъ занятіемъ и единственнымъ наслажденіемъ и отдыхомъ отъ тупыхъ и скучныхъ семинарскихъ занятій. Я читалъ все, что попадалось подъ руку: исторію, путешествія, разсужденія, оды, поэмы, романы,—всего больше романы. Начиная отъ Жанлисъ и Ратклифъ до Дюма и Жоржа Занда, и отъ Нарѣжнаго до Гоголя включительно,—все было поглощаемо мною съ необыкновенной жадностью. Только почти и дѣлалъ я во всѣ эти пять лѣтъ» («Матеріалы», 653).

Въ его классныхъ упражненіяхъ по реторикѣ и піитикѣ постоянно было видно знакомство съ лучшими родными писателями, что всегда и отмѣчалось учителями словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ по всеобщей исторіи также видна была начитанность, а возраженія Добролюбова «профессору» математики или учителю русской исторіи были всегда выслушиваемы товарищами съ участіемъ, которое возростало, когда учитель не рѣшалъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по недосугу и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи Н. А. поражалъ громадными сочиненіями на философскія темы, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти и изъ русской исторіи. Ясно, что эти темы большею частью встрѣчали его уже готовымъ. М. Е. Лебедевъ говоритъ, что письменныя упражненія Добролюбова всегда отличались обиліемъ мыслей и знаній и множествомъ цитатъ.

Все это ставило въ тупикъ преподавателей и товарищей. Послѣдніе, какъ и всегда, заподозрили Н. А. въ заимствованіи, но скоро замѣтили, что онъ дѣлаетъ выписки, не стѣсняясь ни задаваемыми темами, ни даже проходимыми въ семинаріи науками.

Ученику нельзя было обойтись безъ выговоровъ, и Добролюбову иные «профессора» дѣлали замѣчанія, а то и нагоняи за то, что онъ не слушалъ ихъ въ классѣ, а читалъ постороннія книги. Н. А. почтительно указывалъ, что и нечего слушать, когда спрашиваютъ учениковъ все одно и то же. Иногда на это отвѣчали только, что все же что-нибудь новое и полезное можно услышать и при спрашиваніи. Были случаи, что Добролюбова ловили въ классѣ за журналомъ, повѣстью или романомъ. Тогда книга отбиралась, но не уничтожалась, какъ отобранная у другихъ, потому что никольскій священникъ былъ тутъ же въ Нижнемъ нѣкоторой персоной... «Профессоръ» догматики дѣлалъ выговоры за то, что языкъ въ сочиненіяхъ Н. А. былъ слишкомъ чистъ и напоминалъ журнальные обороты...

«Н. А., говоритъ г. Кудринскій, былъ въ семинаріи хорошимъ богословомъ. Но съ догматизмомъ богословскихъ сужденій въ немъ хорошо уживался ѣдкій сарказмъ и критицизмъ. Нелюдимый и одинокій вообще, онъ, однако, становился общительнымъ и оживленнымъ, когда въ классѣ подымался какой-нибудь богословскій или философскій споръ. Но замѣчательно, что Добролюбовъ хорошо умѣлъ сдерживать свой критицизмъ, когда приходилось отвѣчать уроки или писать положенныя сочиненія. Здѣсь онъ старался быть строго корректнымъ исполнителемъ условныхъ семинарскихъ требованій. Его отвѣты всегда были образцами правильности, а письменныя работы ставились «профессорами» въ примѣръ всему классу.

Своимъ товарищамъ Н. А. давалъ просимые у него совѣты, указанія и даже писалъ имъ сочиненія. Какому-нибудь сильно пристававшему съ сочиненіемъ товарищу онъ,

---

[1]) Я не задаюсь составленіемъ біографіи, гдѣ были бы исчерпаны всѣ соотвѣтствующіе матеріалы; интересующіеся 1844—1853 годами въ жизни Добролюбова найдутъ кое-что, въ деталяхъ дополняющее мое изложеніе, на стр. 643—674 «Матеріаловъ», въ статьѣ г. Кудринскаго и вообще въ указываемыхъ мною источникахъ.

за неимѣненіемъ времени, диктовалъ сочиненіе, расхаживая около парты, а тотъ писалъ прямо на бѣло. Говорятъ, онъ однажды былъ очень озадаченъ, когда на работѣ, писанной имъ для товарища, былъ поставленъ баллъ гораздо ниже балла его сочиненія, тогда какъ, по его словамъ, онъ больше трудился надъ чужой работой, чѣмъ надъ своей.

Будучи въ высшемъ отдѣленіи, онъ занимался репетиторствомъ, которымъ очень тяготился и не разъ говорилъ о себѣ, что не могъ бы быть хорошимъ учителемъ.

Первые три года въ семинаріи Добролюбовъ занималъ третье или четвертое мѣсто въ классѣ, послѣдніе же два года неизмѣнно стоялъ первымъ. Въ отношеніи поведенія онъ всегда былъ аттестуемъ отличавшимся «вѣжливостью и усердіемъ къ занятіямъ», «тихостію, скромностью и послушаніемъ», «примѣрно-благонравнымъ», «весьма усереднымъ къ богослуженію», «отличающимся добротою и честнымъ поведеніемъ и усердіемъ къ церкви» и т. д. (*Тихоновъ*, ibid., 27).

Впрочемъ, я почти полностью присоединяюсь къ тому, что вывелъ Чернышевскій изъ бумагъ Добролюбова и личныхъ бесѣдъ съ его однокашниками. «Ничего новаго для себя Д. не могъ узнать изъ семинарскаго преподаванія: обо всемъ, чему учили «профессора», онъ уже много читалъ раньше, нежели началъ слушать ихъ уроки. Какъ и нѣкоторые другіе очень даровитые люди, съ раннихъ лѣтъ полюбившіе чтеніе, онъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ самому себѣ, и школа имѣла для него лишь то значеніе, что давала ему формальное право оставаться свободнымъ отъ занятій житейскими дѣлами для заработка денегъ. Разумѣется, объясненія нѣкоторыхъ «профессоровъ» должны были приносить Добролюбову нѣкоторую пользу; но она далеко перевѣшивалась тратой времени на занятія схоластикой, составлявшей главное содержаніе семинарскаго курса, и на сидѣнье въ классахъ, въ которыхъ не слышалъ онъ ничего новаго для него... Онъ расширялъ свои знанія и укрѣплялъ свои умственныя силы чтеніемъ, въ которомъ не имѣлъ никакого руководителя. Между людьми, у которыхъ бралъ онъ книги, не было никого имѣющаго объ ученыхъ или литературныхъ вопросахъ понятія болѣе развитыя, чѣмъ какія были у него лѣтъ въ 14-ть; своимъ развитіемъ Добролюбовъ былъ обязанъ только собственному, самостоятельному труду» («Матеріалы», 660, 665).

Разумѣется, все это происходило не потому, что нижегородская семинарія стояла явно ниже другихъ, а просто въ силу обычнаго еще и теперь факта: наша казенная школа совершенно неспособна оказать сколько-нибудь серьезную помощь хоть немного выдающемуся ученику, и ему всегда приходится самому себя вести впередъ. Люди симпатичные были и среди учителей въ нижегородской семинаріи, что видно изъ писемъ Н. А. къ Лаврскому въ 1854 году.

Необходимо, однако, оговориться, что Добролюбовъ не былъ въ семинаріи какимъ-нибудь феноменомъ, предметомъ молвы, тѣмъ болѣе—гордости семинаристовъ. Феноменъ тогда имѣлъ другія качества, отсутствовавшія въ Н. А. Онъ мало говорилъ сердцу стариннаго бурсака.

II.

Въ 1850 году Добролюбовъ затѣялъ рукописный журналъ. Въ бумагахъ, хранящихся въ Литер. Фондѣ, я нашелъ небольшую тетрадку, написанную рукой Н. А. Это—«Ахинея», Генварь и Февраль. I. 1850. Журналъ состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: словесность, науки и критика. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщено прозаическое «Письмо друга», подписанное: 14. 5 + 15 + 2 + 17 + 15 + 12 + + 32 + 2 + 15 + 3 + 27 (что значитъ—Н. Добролюбовъ). Въ третьемъ—«Извѣстіе о нѣкоемъ новоявленномъ, великомъ неразгаданномъ существѣ и его стихотвореніяхъ, вышедшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ in 4—ку, на 26 страницахъ подъ названіемъ: «Стихотворенія Митрофана Лебедева. 1850». Это былъ юмористически написанный разборъ рукописной тетради стиховъ товарища, воспоминаніями котораго мы пользовались выше.

Такъ какъ Лебедевъ писалъ стихи и потомъ, то Добролюбовъ, какъ видно изъ его бумагъ, въ 1855 году написалъ о немъ вторую «критическую» статью, которая была, вѣроятно, гораздо серьезнѣе и содержательнѣе первой; по крайней мѣрѣ, къ ней, а не къ первой, съ которой я имѣлъ случай ознакомиться, должны относиться слова въ дневникѣ 1857 года (январь): «Въ прошломъ году перечитывалъ одну изъ статей и удивлялся—сколько уже тогда умѣлъ я выказывать здраваго смысла, какъ остроумно умѣлъ придираться къ каждому слову (чего теперь, при большемъ развитіи разсудка, я уже не умѣю) и какъ мало имѣлъ я поэтическаго чувства. Стихи Леб., впрочемъ, и не могли возбуждать его: они были дѣйствительно плохи» («Юб. Сбор.» 313—314). Первая статья о Лебедевѣ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ быть включенною въ настоящее изданіе, какъ и весь матеріалъ «Ахинеи», еще совершенно не литературный.

Къ этому же времени относятся двѣ замѣтки: одна по поводу «Четырехъ временъ года» Григоровича, другая—сочиненія Л. П. Делицына—«Св. Левъ, папа Римскій». Но и онѣ могутъ быть помѣщены только въ пятомъ, дополнительномъ томѣ.

На третьей страницѣ обложки «Ахинеи» было написано: «По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, вторая книжка не вышла. Прим. Изд.».

Очевидно, журналъ не продолжался. Былъ ли онъ извѣстенъ товарищамъ Добролюбова—не знаю, изъ бумагъ этого не видно. Н. А. рѣшилъ, очевидно, заняться литературой серьезнѣе и въ концѣ 1850 г., приготовивъ 30—40 стихотвореній, обратился къ Погодину, редактору «Москвитянина», съ очень наивнымъ и до-нельзя курьезнымъ письмомъ, которое я воспроизвожу съ черновика, найденнаго мною въ бумагахъ Литер. Фонда.

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ, Вашъ прекрасный журналъ годъ отъ году становится все лучше, отличается также особенною любовью къ поэзіи. Между нѣсколькими посредственными произведеніями въ немъ помѣщено было множество прекрасныхъ стихотвореній, замѣчательныхъ и по мысли и по стиху. У меня также есть нѣсколько стихотвореній. Не смѣя причислять ихъ къ послѣднимъ, могу надѣяться, что они не совсѣмъ плохи для первыхъ. Если найдете въ нихъ что-нибудь годное, прошу Васъ помѣстить ихъ въ Вашемъ журналѣ. Вотъ эти стихотворенія. Если Вамъ благоугодно будетъ напечатать присланныя, то прошу Васъ дать имъ особую нумерацію, подъ общимъ названіемъ «Стихотворенія, присланныя изъ Нижняго-Новгорода» и вмѣсто подписи просто ставить вездѣ «Н.—Нов.».

«P. S. Кромѣ этихъ, у меня есть еще до 30 или болѣе стихотвореній. Если Вамъ будетъ угодно, то я перешлю Вамъ и ихъ. Но прошу васъ въ такомъ случаѣ прислать мнѣ за нихъ 100 р. сер., не какъ плату, но какъ вспомоществованіе, потому что я, сказать правду, очень бѣденъ. А на счетъ платы за стихи у меня есть стихотвореніе...»

Въ дневникѣ 24 января 1853 г. Добролюбовъ записалъ: «Это письмо давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда-нибудь выведутъ меня на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого?» («Совр.» 1862, I. 294). Однако, ни одно стихотвореніе не было напечатано, и вообще сношенія съ «Москвитяниномъ» на этомъ письмѣ и закончились.

Надо думать, что Погодинъ никогда не вспомнилъ объ этомъ письмѣ,—иначе онъ, конечно, воспользовался бы имъ для уязвленія позже издѣвавшагося надъ нимъ Добролюбова.

Немного спустя, Добролюбовъ попробовалъ толкнуться въ «Нижегородскія Губернскія Вѣдомости», прибѣгнувъ, какъ уже говорилось, къ хитрости для сокрытія своего имени. Онъ написалъ три статейки, но ни одна изъ нихъ не была напечатана, какъ я убѣдился изъ просмотра газеты за 1850—1852 годы... Такая же участь постигла и 12 стихотвореній, посланныхъ въ 1852 г. подъ псевдонимомъ «Владиміръ Ленскій» въ «Сынъ Отечества»... Оставалось повѣрять свои литературные опыты молчаливымъ тетрадямъ...

Братъ Добролюбова, Владиміръ Александровичъ, такъ характеризуетъ Н. А. за это время: «Хотя я былъ ребенкомъ, мой братъ Николай оставилъ во мнѣ особенное впечатлѣніе, и его личность выдѣляется яснѣе, чѣмъ личность отца и матери. Тихій, молчаливый, какъ казалось мнѣ, робкій, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, останавливавшемъ на немъ безотчетно мой взглядъ, сидящій гдѣ-нибудь въ углу, углубившись въ книгу, никогда не игравшій, тихо двигавшійся, какъ-будто желавшій остаться незамѣченнымъ, — братъ являлся для меня какимъ-то особеннымъ существомъ, внушавшимъ удивленіе, влекшимъ къ себѣ и въ то же время сдерживавшимъ всякое проявленіе моего чувства».

Приведу одну изъ иллюстрацій несдержанности отца Н. А-ча. День новаго года. Домашніе въ гостяхъ. Отецъ, чѣмъ-то уже недовольный, узнаетъ о пропажѣ своей коровы, и начинаетъ сердиться, какъ на плохое предзнаменованіе для цѣлаго года. Разбранилъ прислугу и принялся что-то писать по службѣ. Н. А. пошелъ въ свою комнату. «Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что еслибъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибъ у меня хотя немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади... Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я таки испугался предстоящей сцены и поскорѣе, по приказанію папаши, сошелъ въ кухню и разспросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить и вдругъ, Богъ вѣсть какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ

не любишь и жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ не жалѣя ни силъ ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда-нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ—подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньгу; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги,—охъ!—трудно достаются: надо умѣть да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!.. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило—гнило, хило—гнило; не много въ тебѣ мозгу, а еще умнымъ считаешься». Все это, на разные манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8 до 11 часовъ,—ровно три часа... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя большею частью и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ... Я бы нашелся, что сказать, но у меня недоставало духу говорить... Не понимаю, что это такое. А папашѣ это видимо непріятно. Но что-жъ дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобъ достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія передъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота»... («Соврем.» 1862, I, 276—278).

Эта сцена важна для пониманія характера обоихъ дѣйствующихъ лицъ, но отнюдь не можетъ считаться вообще иллюстраціей отношеній отца къ сыну. Александръ Ивановичъ былъ рѣзокъ и вспыльчивъ, но зато и очень отходчивъ. Колю своего онъ очень любилъ, цѣнилъ и гордился имъ.

О Добролюбовѣ-семинаристѣ всѣ знавшіе его говорятъ какъ о человѣкѣ въ высшей степени религіозномъ. Онъ строго соблюдалъ праздники и обряды, постился среду и пятницу и мучился совѣстью, когда иногда товарищи обманомъ заставляли его нарушить постъ. Въ своей памяти онъ носилъ много церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Въ классѣ въ началѣ и въ концѣ урока истово крестился. Передъ экзаменами прикладывался къ иконамъ въ разныхъ церквахъ города. Характеренъ разсказъ, сообщенный г. Кудринскому о. Сахаровымъ о томъ, какъ Добролюбовъ шелъ въ классъ. Выходя изъ квартиры, онъ останавливался и прежде всего молился на свою приходскую Николаевскую церковь. Выйдя затѣмъ на Покровку, онъ поворачивался лицомъ къ Покровской церкви и опять молился. Пройдя нѣсколько шаговъ, крестился на виднѣвшуюся вдали Варварскую церковь. Черезъ нѣсколько шаговъ снималъ картузъ предъ Благовѣщенскимъ соборомъ. Поровнявшись съ Тихоновской улицей, молился на дальнія главы Тихоновской церкви. И, наконецъ, стоя на крыльцѣ семинаріи, поворачивался къ главамъ (виднѣвшагося изъ-за стѣнъ Кремля) каѳедральнаго собора, опять молился и послѣ этого входилъ въ семинарію [1]).

Костровъ называетъ Н. А. самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ, который считалъ за грѣхъ напиться чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубокимъ чувствомъ («Соврем.» 1862, I. 261—262).

III.

Сантиментальность и романтизмъ Добролюбова-семинариста лучше всего видны изъ его поклоненія одному изъ преподавателей.

Въ началѣ 1851—1852 учебнаго года въ семинаріи появился новый преподаватель нѣмецкаго языка.

Выходя изъ своего класса послѣ какого-то урока, Добролюбовъ услышалъ отъ одного изъ учениковъ, что у нихъ въ классѣ былъ новый «профессоръ»—Сладкопѣвцевъ. Онъ тотчасъ спросилъ, какъ же его зовутъ? «Иванъ Максимовичъ» отвѣчали ему. «Ну что же, каковъ?»—«Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ: и уменъ, и благороденъ».—«Не изъ петербургской академіи?»—«Изъ петербургской».—«Надобно будетъ посмотрѣть. Каковъ онъ собой-то?»—

[1]) *Ѳ. Кудринскій*, «Н. А. Добролюбовъ», «Русскія Вѣдомости» 1899 г., № 324.

«Черенъ только очень, а то хорошъ». — «Какъ-нибудь надо увидѣть». Товарищи разошлись, и этимъ разговоръ кончился. «И послѣ этого, повидимому, пустого разговора,—говоритъ самъ Добролюбовъ,—я уже не могъ успокоиться. Смутно я постигалъ что-то прекрасное въ этомъ соединеніи понятій: брюнетъ, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный... Не говоря объ умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю брюнетовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію, и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу его, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное»... («Современ.» 1862, I, 288).

На слѣдующій день Н. А. встрѣтилъ Сладкопѣвцева въ корридорѣ. При своей близорукости онъ не могъ разсмотрѣть его лица, но и бѣглаго взгляда было довольно, чтобы произвести на него самое выгодное впечатлѣніе... Добролюбовъ уже привязался къ Сладкопѣвцеву, съ которымъ не сказалъ еще ни одного слова; сталъ горячимъ его защитникомъ въ какой-то школьной исторіи; ссорился изъ-за него со всѣми, съ кѣмъ только могъ ссориться, за что и получилъ «подлеца»... Вскорѣ сами герои исторіи признали свою ошибку въ оцѣнкѣ поступка съ ними Сладкопѣвцева, и воцарилась тишина, среди которой никто не слышалъ, какъ горячо билось сердце Н. А., всей душой полюбившаго все еще невѣдомаго ему учителя... Наконецъ, въ концѣ ноября 1851 года Сладкопѣвцевъ явился въ классъ Добролюбова, чтобы замѣтить отсутствовавшаго ихъ учителя нѣмецкаго языка. «Сколько мечтаній пробудилось тогда во мнѣ! Сколько надеждъ пріятно ласкало меня еще въ то время, когда я шелъ въ классъ!» Однако, въ классѣ и этотъ и другой разъ Добролюбовъ былъ сконфуженъ нѣкоторыми своими ошибками, на которыя Сладкопѣвцевъ спокойно указалъ до-нельзя волновавшемуся ученику.

Въ февралѣ 1852 года произошло третье ихъ свиданіе, Сладкопѣвцевъ остановилъ проходившаго по корридору Н. А. вопросомъ, гдѣ собрался старшій классъ? Добролюбовъ снялъ фуражку и отвѣтилъ. Учитель замѣтилъ ему, чтобъ онъ надѣлъ ее,— «но мнѣ казалось это нестерпимою дерзостью, и я продолжалъ стоять безъ фуражки, ничего не отвѣчая».

Сладкопѣвцевъ говорилъ съ нимъ такъ хорошо, но главное — такъ ласково и откровенно, что Н. А. «рѣшительно былъ внѣ себя отъ радости, и удовольствіе слушать его смѣшалось во мнѣ съ гордостью и самодовольствіемъ, оттого что и я былъ говорливъ съ нимъ. Это были счастливыя минуты для меня».

За тѣмъ цѣлыя недѣли Н. А. не удалось увидѣть Сладкопѣвцева. Онъ сталъ искать случая и прибѣгалъ для этого ко всевозможнымъ уловкамъ, до времени, однако, безуспѣшнымъ.

Наконецъ, представился очень благовидный предлогъ. Добролюбовъ спросилъ въ библіотекѣ книгу; она оказалась уже давно взятой Сладкопѣвцевымъ. Недѣлю Н. А. не могъ, однако, рѣшиться сходить за ней къ И. М.; наконецъ, 17 іюня рѣшился и пошелъ. Дневникъ свой въ этотъ день Добролюбовъ начинаетъ такими словами: «Да, это стоитъ того, чтобы записать, и я займусь этимъ теперь же, пока еще не прошелъ первый пылъ моего восторга, который, надо замѣтить, проходитъ необыкновенно скоро». Но въ этотъ же день ему не удалось окончить записи о первомъ знакомствѣ съ Сладкопѣвцевымъ, а за тѣмъ онъ не дотрагивался до дневника пять мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ былъ у учителя уже нѣсколько разъ и сблизился съ нимъ. Но вотъ въ ноябрѣ 1852 г. Сладкопѣвцевъ перевелся въ Тамбовъ. Какъ только Добролюбову стало извѣстно о предстоявшей скорой разлукѣ, онъ, за неимѣніемъ близкаго человѣка, снова прибѣгаетъ къ своему дневнику, и старается вылить на его страницахъ всѣ свои чувства.

«Я страдаю, и еще какъ страдаю, тѣмъ болѣе, что мнѣ этого не передъ кѣмъ нельзя выказывать: всѣ станутъ смѣяться. Я бѣшусь только внутренно и произношу тысячу проклятій. Но какія проклятія, какія слова выразятъ то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей!... Я теперь надѣлалъ бы чортъ знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выцарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому, кто подписалъ увольненіе Ив. Макс. Но, увы! Это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бѣшеные порывы... И еще считаютъ меня за человѣка малокровнаго, чуть не флегматика!... Тогда какъ самыя пламенныя чувства, самыя неистовыя страсти скрываются подъ этой духовной оболочкой всегдашняго равнодушія... Я никогда не повѣрялъ ему сердечныхъ тайнъ, не имѣлъ даже надлежащей свободы въ разговорѣ съ нимъ; но при всемъ томъ одна мысль — быть съ нимъ, дѣлала меня счастливымъ, и послѣ свиданія съ нимъ, и особенно послѣ вечера, проведеннаго съ нимъ наединѣ, я долго-долго наслаждался воспоминаніемъ и долго былъ подъ вліяніемъ обаятельнаго голоса и обращенія. Что-то особенное привлекало меня къ нему, возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто

привязанность — какое-то благоговѣніе къ нему... Какъ собака, я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ... Я слѣдилъ за каждымъ его взглядомъ, за каждымъ движеніемъ, подмѣчалъ каждое измѣненіе его голоса, и все въ немъ казалось мнѣ совершеннымъ, превосходнымъ... И вдругъ, о Боже мой!.. лишиться всего этого, лишиться такъ внезапно, такъ неожиданно!... Нынѣшній вечеръ сидѣлъ я у него, и чудныя, непонятныя желанія томили меня... Голова моя горѣла; мнѣ хотѣлось то расплакаться, то разбить себѣ черепъ, то броситься къ нему на шею, расцѣловать его, расцѣловать его руки, припасть къ ногамъ его... Господи, даруй мнѣ силу открыть ему мое сердце и ему—вниманіе выслушать меня и благосклонно принять мои признанія не съ легкимъ смѣхомъ, но хоть съ легкимъ чувствомъ!»... («Соврем.», 1862, I, 282—285).

Черезъ недѣлю, побывавъ у Сладкопѣвцева, попрощавшись съ нимъ среди поглощавшихъ его хлопотъ по отъѣзду и укладкѣ, и проводивъ его до какихъ-то знакомыхъ, куда И. М. шелъ послѣдній разъ; потомъ еще разъ сказавъ ему: «прощайте же, Иванъ Максимовичъ» и получивъ на прощенье крѣпкое пожатіе руки и троекратный поцѣлуй,—Добролюбовъ записываетъ:

«Онъ, наконецъ, окончательно простился со мной, кумиръ души моей, мой идеалъ, мой добрый геній!.. Подожду мѣсяцъ, увѣрюсь окончательно, что мое теперешнее чувство—не порывъ разгоряченнаго воображенія, не пустая фантазія, не обманъ сердца, и тогда выскажу ему все, что волнуетъ душу мою».

Черезъ полтора мѣсяца Добролюбовъ, очевидно успѣшно выдержавшій наложенное на себя испытаніе, садится за особую тетрадь, которую пишетъ для Сладкопѣвцева, чтобы потомъ «когда-нибудь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а, можетъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ» передать ему. «По крайней мѣрѣ я выскажу на бумагѣ то, чего никогда не рѣшался сказать вамъ на словахъ». «Вы не можете быть увѣрены, подобно мнѣ, что никто не любилъ и не уважалъ васъ столько, какъ я. Другіе, можетъ быть, умѣли сказать вамъ это прежде, а я рѣшаюсь говорить только теперь, когда не вижу васъ передъ собою, когда вы не видите пылающаго лица моего, не слышите дрожащаго моего голоса... А какъ, бывало, хотѣлось иногда поговорить съ вами откровенно, со всѣмъ увлеченіемъ юношескаго сердца, со всѣми порывами, которые я такъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ Иногда я даже заводилъ подобный разговоръ и дѣлалъ нѣсколько неясныхъ намековъ, — оставалось произнести нѣсколько рѣшительныхъ словъ, послѣ которыхъ рѣкою полились бы признанія — но этого-то я и не могъ... Со мною сбывалось то, что говоритъ Огаревъ въ «исповѣди»,

«Что только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ весь вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну»...

Поэтическія строки Огарева вдохновили юношу, и какъ бы въ дополненіе къ сказанному въ тетради, такъ оригинально адресованной Сладкопѣвцеву (а изъ нея я не привелъ и половины) и неполученной имъ при жизни Н. А-ча, Добролюбовъ въ тотъ же день сочинилъ слѣдующее стихотвореніе, которое я нашелъ въ бумагахъ Литературнаго Фонда:

Пораженъ и очарованъ
Передъ Вами я стоялъ
И смущенъ и весь взволнованъ,
Самъ себя позабывалъ...
Ваши рѣчи и движенья,
Блескъ прекрасныхъ синихъ глазъ,
Гордой мощи выраженье, —
Все меня плѣняло въ Васъ.
И теперь припоминая
Вашъ плѣнительный портретъ,
Я невольно забываю,
Что ужъ Васъ со мною нѣтъ.
И уносишься невольно
Къ Вамъ тревожною мечтой,
И какъ мнѣ бываетъ больно,
Что Васъ нѣтъ уже со мной;
Но за то я не забуду
Этой гордой красоты
Всюду вспомню, гдѣ ни буду,
Эти смуглыя черты.

Не можетъ быть сомнѣнія въ важности той роли, которую Сладкопѣвцевъ игралъ въ психикѣ юноши. Онъ былъ центральнымъ ея пунктомъ въ теченіе цѣлаго года. Замѣчалъ ли онъ самъ такое къ себѣ отношеніе? Сознавалъ ли, какъ привязанъ былъ къ нему Н. А.? Придавалъ ли самъ значеніе ихъ разговорамъ?... На всѣ эти вопросы лучше всего можетъ отвѣтить его коротенькая замѣтка—«Изъ воспоминаній», написанная для Чернышевскаго послѣ того, какъ Н. Г. ознакомилъ его со всѣмъ, уже извѣстнымъ моему читателю... Все это для Сладкопѣвцева было совершенною новостью, онъ, видимо, былъ тронутъ до глубины сердца любовью человѣка, которой не подозрѣвалъ и не имѣлъ основанія предполагать. Чистосердечно сознался Сладкопѣвцевъ во всемъ этомъ и написалъ, что теперь (1862 г.), спустя десять лѣтъ, онъ помнитъ только, что Добролюбовъ частенько ходилъ къ нему, но, слушая учителя, самъ все больше молчалъ (Бумаги Литер. Фонда)...

Чернышевскій не опубликовалъ записки Сладкопѣвцева, но зато, какъ бы чувствуя нераздѣленную любовь и привязанность своего друга, непосредственно вслѣдъ за воспроизведеніемъ тетради, предназначавшейся для Ив. М., написалъ: «Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга человѣкомъ безъ души и сердца, — теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени,—да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ,—теперь имѣю честь назвать васъ тупоумными глупцами. Вызываю васъ явиться, дрянные пошляки,—поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ... Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы пятитесь. Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого» («Современникъ» 1862, I, 293)...

Это, конечно, очень рѣзко, даже крикливо, но совершенно понятно со стороны человѣка, знавшаго всю глубину сердечности и душевной теплоты Добролюбова. Сантиментальность и романтизмъ во всей привязанности къ Сладкопѣвцеву не въ состояніи были продиктовать ничего другого для сильнаго пера Чернышевскаго, разъ онъ писалъ о своемъ другѣ.

Въ дальнѣйшемъ мы еще не разъ увидимъ, какъ полна была душа Добролюбова самой горячей и возвышенной любви и къ отдѣльнымъ людямъ, и къ человѣку вообще.

IV.

Мы уже знаемъ со словъ самого Добролюбова, какъ шло его внутреннее развитіе, какъ рѣшались имъ, лѣтъ до 14-ти, вопросы личной и общественной морали. Видѣли, и къ какимъ результатамъ привели тѣ рѣшенія мальчика въ кругу его товарищей. На 14-мъ году въ немъ происходитъ переломъ, столь обычный именно въ эти года, когда часто человѣкъ какъ-то сразу, вдругъ открываетъ для себя многое съ совершенно иной стороны. Кто переживалъ эту метаморфозу въ личной психологіи, тотъ хорошо пойметъ Добролюбова.

Продолжая свою «исповѣдь», прерванную мною выше, Н. А. писалъ:

«Но мнѣ, къ счастью, дѣйствительно пришлось перемѣнить свое направленіе довольно рано. Лѣтъ четырнадцати я самъ имѣлъ уже старшинство кое надъ кѣмъ и въ классѣ, и въ домѣ, и разумѣется, оказался при этомъ очень плохъ. Я умѣлъ дѣлать все, что отъ меня требовали, но что и какъ мнѣ требовать — этого я не зналъ. При всемъ томъ я былъ суровъ и недоступенъ. Но скоро мнѣ стало совѣстно, и я принялся повѣрять свои прежнія понятія о начальствѣ. Поводомъ къ этому былъ одинъ случай, пробудившій опять живыя ощущенія въ моемъ помертвѣвшемъ сердцѣ. Какъ старшій братъ и умница, я училъ, между прочимъ, одну изъ сестеръ моихъ. Мнѣ дано было право присуждать ей наказанія за лѣность, ослушаніе и пр. Разъ она что-то была разсѣяна и никакъ не хотѣла понять моихъ толкованій; я велѣлъ ей стать на колѣни. Она тотчасъ собралась съ мыслями и, принявши внимательный видъ, стала просить, чтобъ я повторилъ еще разъ свои слова. Но я потребовалъ, чтобъ она прежде исполнила приказаніе — стала на колѣни; она заупрямилась. Тогда я схватилъ ее за руки, поднялъ съ мѣста, потомъ положилъ ей свои локти на плечи и изо всѣхъ силъ надавилъ внизъ. Бѣдная дѣвочка опустилась на колѣни и взвизгнула: у ней свихнулась нога при этомъ движеніи. Я очень испугался; но когда мать стала бранить меня за такое обхожденіе съ сестрой, я очень хладнокровно старался доказать, что она сама виновата, что еслибъ она тотчасъ послушалась моего приказанія, то ничего бы этого и не было. Однако же, втайнѣ я мучился, тѣмъ болѣе, что сестру свою я очень любилъ. Въ это время выяснилась мнѣ мысль, что вѣдь и старшіе могутъ быть неправы и дѣлать нелѣпости, и что уважать нужно собственно законъ, какъ онъ есть, а не какъ проявляется въ толкованіяхъ того или другого лица. Тутъ пошла у меня критика дѣйствій лицъ, и я изъ консервативной безотвѣтственности стремительно перескочилъ въ opposition légale. Но долгое время я приписывалъ все дурное однимъ только частнымъ злоупотребленіемъ и нападалъ на нихъ—не во имя насущныхъ потребностей общества, не изъ состраданія къ несчастнымъ братіямъ, а просто во имя положительнаго закона. Въ то время я, конечно, съ жаромъ сталъ бы говорить противъ жестокаго обращенія съ неграми, но, отъ всей души обвинилъ бы Брауна, совершенно противозаконно вздумавшаго освобождать негровъ. Но я былъ еще тогда очень молодъ, мысль моя двигалась и бродила; я не могъ остановиться на этомъ и, послѣ многихъ соображеній, дошелъ, наконецъ, до сознанія, что и законы могутъ быть несовершенны, что они имѣютъ относительное, временное и частное значеніе и должны подлежать перемѣнамъ съ теченіемъ времени и по требованіямъ обстоятельствъ. Но опять, во имя чего такъ раз-

суждалъ я? Во имя высшаго, отвлеченнаго закона справедливости, а вовсе не по внушенію живого чувства любви къ собратіямъ, вовсе не по сознанію тѣхъ прямыхъ, настоятельныхъ надобностей, которыя указываются идущею передъ нами жизнью».

Въ январѣ 1852 г. Добролюбовъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что какому-то знакомому, Л. И. С., онъ высказалъ желаніе поступить въ университетъ и былъ имъ живо поддержанъ въ этой мысли, которая потомъ такъ и не оставляла его... А разъ хотѣлось въ университетъ, надо было подумать о своихъ знаніяхъ. И Добролюбовъ смотрѣлъ на себя совершенно со стороны, ни мало не переоцѣнивая получаемую подготовку. «Выучился я, правда,—пишетъ онъ своему товарищу дѣтства въ ноябрѣ 1852 г.—въ семинаріи писать различныя хріи и диссертаціи на русскомъ и латинскомъ языкѣ, искусился немного въ философіи, но все это чисто по-семинарски, и надо еще въ этомъ отношеніи очищать и сглаживать мои познанія, чтобы сбросить съ нихъ всю пыль и шероховатость школьнаго изученія. Теперь, слава Богу, виденъ уже берегъ этого бѣдственнаго моря училищной премудрости: я переведенъ въ послѣдній классъ и черезъ два года—шутка сказать,—всему конецъ, и я свободенъ!» («Матеріалы», 653).

Послѣдніе два года жизни въ Нижнемъ-Новгородѣ Добролюбовъ увлекался изученіемъ мѣстнаго народнаго языка, нравовъ, обычаевъ, повѣрій, преданій, суевѣрій, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и т. п. Онъ тщательно записывалъ весь получаемый подобный матеріалъ въ свои тетради, и въ бумагахъ его, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, есть много такого, что соотвѣтствующими спеціалистами, вѣроятно, будетъ оцѣниваться теперь уже какъ и историко-этнографическій матеріалъ. Тамъ же сохранилось черновое письмо Добролюбова въ редакцію «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» отъ 20 марта 1853 года. Оно любопытно.

«Въ послѣднее время стали обращать преимущественное вниманіе на разрабатываніе отечественнаго языка. Многіе частные ученые посвятили на это труды свои, но особенно благодарностью всѣ любители отечественнаго слова обязаны Второму Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ. Все, что доселѣ сдѣлано замѣчательнаго въ этой области знанія, сдѣлано трудами или по крайней мѣрѣ не безъ участія Академіи. Недавно еще изданъ ею Опытъ областнаго Великорусскаго Словаря и Справочная Грамматика. Въ Словарѣ находится болѣе 18000 рѣченій, собранныхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ трудолюбіемъ членовъ Академіи. Но при всемъ томъ, издавая Словарь, оно говоритъ, что это только опытъ, который требуетъ дополненій и передѣлокъ. И еще много лѣтъ пройдетъ, можетъ быть, до тѣхъ поръ, когда составится полный словарь живого русскаго языка, со всѣми его мѣстными оттѣнками и отличіями!... Увѣренный, что всякій, имѣющій возможность дѣлать, не долженъ въ этомъ случаѣ оставаться безъ дѣйствія, хотя бы и одну только каплю надѣялся пролить въ море науки,—я рѣшился собрать нѣсколько словъ, пропущенныхъ въ Словарѣ Академіи и употребляющихся въ Нижегородской губерніи. Избираю «Губернскія Вѣдомости» органомъ для передачи во всеобщее свѣдѣніе собранныхъ мною словъ, потому что редакція не по слухамъ только знакомая съ губерніей, помѣщая мое собраніе на листахъ своей газеты, можетъ тѣмъ самымъ свидѣтельствовать о вѣрности и точности моего труда. Долгомъ считаю при этомъ поблагодарить добрыхъ пріятелей В. А. К. и В. В. Л. (Лаврскаго—*М. Л.*), которые помогли мнѣ нѣсколько въ дѣлѣ собиранія областныхъ словъ и въ самомъ опредѣленіи значеній нѣкоторыхъ изъ нихъ».

Въ 1853 году, въ день своего рожденія Добролюбовъ заноситъ въ дневникъ результаты самонаблюденія, иногда очень преувеличивая свои отрицательныя стороны, иногда видя даже то, чего въ сущности не было: такое самобичеваніе вполнѣ естественно для юноши, склоннаго повѣрять бумагѣ всякое свое предположеніе, разъ около нѣтъ человѣка, съ которымъ можно говорить такъ же искренно и до конца правдиво и прямо услыхать отъ него указаніе на ошибочность нѣкоторыхъ заключеній о собственномъ характерѣ. «Я сдѣлался гораздо серьезнѣе, положительнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказать,—для себя самого,—безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, разсчитывая на славу, разсчитываю вмѣстѣ и на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана—употребить ихъ опять-таки для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого-бы рода онѣ не были, и сгораю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я большею частью предаюсь только для удовольствія

сказать себѣ: я читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому-то я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлъ библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе пока я не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываніемъ, списываніемъ и писаніемъ... Гораздо важнѣе для меня пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ положительныхъ познаній, кой какой навыкъ—малый—въ нѣмецкомъ языкѣ и бо̀льшая установленность или твердость взгляда и убѣжденій. Въ началѣ прошлаго года я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова [1]). Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то по крайней мѣрѣ созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы и мало-по-малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе «Богатаго жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ... Нужно замѣтить еще одно пріятное пріобрѣтеніе: я освободился, наконецъ, отъ вліянія В. Лаврскаго (товарищъ по семинаріи, впослѣдствіи этнографъ—*М. Л.*). Нынѣ я уже не имѣю къ нему столько уваженія, не смѣюсь его остротамъ, свободно могу высказывать при немъ свое мнѣніе, не боюсь показывать ему свои сочиненія, говорить съ нимъ о томъ, что я дѣлаю, смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ онъ восхищается, и уважать то, надъ чѣмъ онъ смѣется... Не сойдись бы я съ нимъ,—я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе». («Современникъ» 1862, I, 293—296).

Каждый внимательный читатель самъ замѣтилъ уже въ этой цитатѣ дневника много противорѣчій между первой и второй частью; первая—это психологическій анализъ, вторая—передача фактовъ. Анализъ чувствъ говоритъ о чтеніи для самоуслажденія количествомъ прочитаннаго; факты—о пріобрѣтеніи положительныхъ знаній, твердости убѣжденій и т. п. Анализъ говоритъ о силѣ вліянія Лаврскаго; факты—о его незначительности и, слѣдовательно, безвредности,—и т. д.

Въ мартѣ 1853 г. Добролюбовъ описываетъ, какъ онъ страдалъ до того, еще въ 1852 году, отъ невозможности, по словамъ отца, поступить въ университетъ, благодаря недостатку для этого средствъ, и какъ, лишенный силы воли и необходимой твердости въ исполненіи своихъ желаній, онъ уступилъ доводамъ родителей, «потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. И стихи Гете:

«Невозможное возможно
Человѣку одному»

не для меня писаны» (ibid., 297—298)...

Пришлось, вѣря хорошему отзыву Сладкопѣвцева о петербургской духовной академіи, думать о поступленіи туда, на что и отецъ съ матерью выразили полное свое согласіе. Мало того, было рѣшено просить начальство о предоставленіи права поступленія въ академію на годъ раньше, изъ перваго богословскаго класса, не оканчивая семинарію вторымъ богословскимъ. Сладкопѣвцевъ еще въ ноябрѣ 1852 г. помогъ составить прошеніе къ оберъ-прокурору св. синода, гр. Протасову, которое Добролюбовъ и подалъ въ февралѣ 1853 года, съ одобренія ректора семинаріи и архіерея, представившихъ въ синодъ о результатахъ испытанія его въ декабрѣ 1852 года, которые были вполнѣ для Н. А. благопріятны. Послѣ всякихъ канцелярскихъ мытарствъ въ нижегородской консисторіи, 13 марта бумаги были отосланы въ Петербургъ. «По окончаніи дѣла мнѣ слѣдовало бы радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія (въ чемъ его убѣждалъ особенно отецъ—*М. Л.*), и мысль поступить въ университетъ не оставляетъ меня. Впрочемъ, это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня *авторство*, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по разсчетамъ на превосходство столичнаго образованія: это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслью, а теперь уже начинаю подумывать, что

«То кровь кипитъ, то силъ избытокъ»...

... Одна надежда на премурдый Промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благости и неусыпной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и про-

[1]) Герой «Богатаго жениха» Писемскаго.

гонятъ назадъ въ Нижній изъ академіи» (ibid., 297—300).

Ясно, что вѣра не оставляла пока Добролюбова. Въ особой тетради, озаглавленной имъ «Психаторіумъ» (что означаетъ—углубленіе въ душу), какъ разъ въ это же время, въ мартѣ 1853 года, онъ записываетъ подъ 7-мъ числомъ: «Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря—и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ, за тѣмъ человѣкоугодіе и хотя легкій смѣхъ съ товарищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ» etc, etc...

И дальше въ теченіе мѣсяца Добролюбовъ велъ запись своихъ «прегрѣшеній», очень похожихъ одно на другое. Напримѣръ, 4 апрѣля читаемъ: «Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣность къ молитвѣ, разсѣяность и легкомыслiе, осужденіе и насмѣшка, непріязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость, притворство, призываніе лукаваго, честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности, чревоугодіе и лакомство»... Курьезно, что подъ «призываніемъ лукаваго» разумѣлись выраженія въ родѣ «чортъ возьми», подъ чувственностью—лежанье въ кровати нѣсколько минутъ послѣ того, какъ проснулся; подъ чревоугодіемъ—выпиваніе лишняго стакана чаю, употребленіе варенья... «Господи! Спаси мя, не остави меня погибающа!»—заканчиваются такія исповѣди... Но, плохо сдерживая свои «грѣховныя страсти», Добролюбовъ, очевидно, еще менѣе властенъ былъ сдержать работу своего разсудка... Такъ, онъ записываетъ: «возникало во мнѣ нѣсколько разъ сомнѣніе о важнѣйшихъ истинахъ спасенія» и при томъ именно въ день причащенія; черезъ нѣсколько дней: «допустилъ въ себѣ сомнѣніе о святой церкви и ея постановленіяхъ»... «сердце мое черство и холодно къ религіи»... Что это, какъ на приближеніе потери вѣры и самоподогрѣваніе въ ней при сознаніи, что вотъ-вотъ, — и «Психаторіумъ» обратится въ страшную исповѣдь невѣрія? Чернышевскій справедливо видѣлъ въ этой оригинальной тетради желаніе только формально исполнить правило, которое Н. А. разъ поставилъ себѣ въ благочестивомъ настроеніи, овладѣвшемъ на минуту его душою послѣ исповѣди и причащенія... Это особенно дѣлается ясно, если прочесть запись 7 апрѣля: «Вотъ мѣсяцъ прошелъ, какъ я предпринялъ доброе дѣло,—давать себѣ каждый вечеръ отчетъ въ томъ, какъ я провелъ день,—а уже какъ я измѣнился, какъ извратилъ свое дѣло! Вмѣсто сокрушенія и сознательнаго раскаянія, ограничиваюсь только холоднымъ перечисленіемъ моихъ грѣховъ; я забочусь, чтобы только исписать страницу, и оставляя добрую цѣль въ сторонѣ, отягощаюсь и чувствую уже, что я не могу еще долго продолжать свою исповѣдь передъ собою» (ibid., 262—264)...

Черезъ два дня она была навсегда прекращена... Къ этому перелому мы еще вернемся...

Въ іюнѣ изъ Петербурга было прислано согласіе на представленное нижегородскимъ архіереемъ прошеніе воспитанника семинаріи Добролюбова о допущеніи его изъ перваго богословскаго класса къ экзамену для поступленія въ петербургскую духовную академію...

Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.

1853 — 1857.

I.

4 августа 1853 года Добролюбовъ выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода вмѣстѣ съ товарищемъ по семинаріи Журавлевымъ, также желавшимъ по окончаніи полнаго курса семинаріи поступить въ академію.

По дорогѣ въ Москвѣ они оба отправились за благословеніемъ къ митрополиту Филарету...

Пріѣхавъ въ Петербургъ, товарищи остановились въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ было довольно много «студентовъ», какъ уже называли себя съѣхавшіеся со всей Россіи семинаристы. Здѣсь Добролюбовъ услыхалъ, что гораздо легче поступить въ Главный Педагогическій Институтъ, очень нуждавшійся въ новыхъ студентахъ: министерство народнаго просвѣщенія поставило условіемъ пополненіе штата до нормы, въ противномъ случаѣ грозило закрыть институтъ. Тамъ экзамены начинались 17 августа, одновременно съ академіей. Говорили, что Институтъ въ общемъ мнѣніи стоитъ наравнѣ съ университетомъ; что воспитываются тамъ на казенный счетъ, получая полный пенсіонъ; что кончить его выгоднѣе, чѣмъ академію: учительское жалованье въ полтора раза больше... Старая мечта объ университетѣ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, такимъ образомъ, снова улыбалась нашему юношѣ... Съ волненіемъ покорный сынъ пишетъ обо всемъ этомъ родителямъ и, зная, что духовное начальство отца можетъ неблагосклонно взглянуть на поступленіе его сына въ свѣтское учебное заведеніе, обѣщаетъ, выдержавши экзаменъ въ Институтѣ, нарочно провалиться въ Академіи... «Но во всякомъ случаѣ я не рѣшусь избрать окончательно мѣсто воспитанія безъ воли вашей, мои милые, дорогіе, безцѣнные папаша и мамаша, которыхъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь люблю. Умоляю васъ, рѣшите мое недоумѣніе, выведите меня поскорѣе—если можно—нынѣ изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь теперь» («Матеріалы», 3—7). Н. А. разсчитывалъ на какой-то очень быстрый отвѣтъ, но родители отвѣтили обыкновенной почтой, и когда ихъ письмо пришло, онъ уже выдержалъ всѣ экзамены на историко-филологическій факультетъ института, а въ академію даже и не показывался...

«Не оправдалъ я надеждъ и ожиданій вашихъ, и—горе непослушному сыну!... Тоска, какой никогда не бывало, надрываетъ меня эти два дня и только Богу извѣстно, сколькихъ слезъ, сколькихъ мукъ безплоднаго раскаянія стоило мнѣ послѣднее письмо ваше!.. Какъ въ горячкѣ метался я оба дня, дожидаясь почты, и еслибъ можно, самъ полетѣлъ бы къ вамъ, чтобы у ногъ вашихъ вымолить прощеніе. Не стану теперь оправдываться, не стану ничего разсказывать вамъ, потому что я слишкомъ возмущенъ; но съ полнымъ сознаніемъ своей вины, прибѣгаю къ вамъ съ мольбой о прощеніи и благословеніи... Оно только можетъ возвратить мнѣ потерянное спокойствіе, котораго нигдѣ я не нахожу теперь. Какъ ни хорошъ Пед. Ин., и какъ ни хорошо принятъ я въ немъ, но лучше бы желалъ быть послѣднимъ въ Академіи,—именно потому только, что вы это одобряете... Не считайте же меня ослушнымъ, непокорнымъ сыномъ... Клянусь, еслибы я зналъ, что вы такъ сильно вооружитесь противъ Ин., — не поступилъ бы я туда ни за какія блага въ мірѣ. Всѣми преимуществами, всей будущностью своей пожертвовалъ бы я, чтобы только исполнить волю вашу,—волю любящихъ родителей, которыхъ счастье для меня дороже моего, котораго я еще не понимаю. Но я ошибся, я обманулся и жестоко наказываюсь за опрометчивость. Горе же мнѣ, несчастному своевольнику, безъ благословенія родителей! Я чувствую, что не найду счастья съ одной своей неопытностью и глупостью... Неужели же оставите вы меня, столь много любившіе меня, такъ много желавшіе мнѣ всего добраго? Неужели по произволу пустите вы меня за мою вину передъ вами?... Скажите слово—и я уволюсь тотчасъ же изъ Ин., ворочусь въ семинарію и потомъ пойду, куда вамъ будемъ угодно, хоть въ Казанскую академію... Но все еще надѣюсь, что вы позволите мнѣ назваться сыномъ вашимъ» (ibid., 8—9).

Родители, увидѣвъ, какъ мучается Н. А., написали, что не ставятъ поступленіе въ Институтъ въ такую тяжкую вину. «Такъ вы на меня не сердитесь, такъ вы благословили меня! И даже ни одного упрека за своевольство. Какъ я теперь веселъ, спокоенъ и счастливъ, этого невозможно высказать»...

Режимъ Института былъ очень старо-

завѣтный. Добролюбовъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Въ 6 часовъ раздается пронзительный звонокъ, и я встаю. Одѣвшись и умывшись, иду въ камеру и принимаюсь за дѣло до половины 9-го. Въ это время новый звонокъ, и всѣ идемъ завтракать. На завтракъ дается обыкновенно булка и кружка молока—сырого или вареного; я беру обыкновенно сырое. Передъ завтракомъ читаются утреннія молитвы, дневныя — Апостолъ и Евангеліе. Потомъ въ 9 час. начинаются лекціи, каждая по полтора часа. Въ 12 часовъ приносятъ оловянное блюдо, нагруженное ломтями чернаго хлѣба: это еще завтракъ, или полдникъ. Потомъ опять лекціи продолжаются до 3 часовъ. До обѣда обыкновенно бываетъ 4 лекціи. Въ 3 часа обѣдъ, на которомъ бываетъ три блюда, а послѣ обѣда до 4 съ половиной мы можемъ и даже почти должны гулять по городу. Въ половинѣ 5-го еще лекція до 6 часовъ. Въ 6 часовъ пьемъ чай, свой, а не казенный. Въ $8^1/_2$ ужинъ, изъ двухъ кушаній. Въ 10 спать отправляемся» («Матеріалы», 19). Кромѣ лекцій, были уроки танцевъ, фехтованія, рисованія и пѣнія. Обязательны были только первые.

Несмотря на то, что Добролюбовъ поступилъ не изъ первыхъ, его назначили «старшимъ» въ камерѣ. И это поневолѣ сближало его съ товарищами, которыхъ онъ теперь уже долженъ былъ знать и касаться.

Правда, въ самомъ началѣ онъ держалъ себя настолько обособленно, что казался для многихъ «загадочной» личностью. «Не только въ картежной игрѣ или фривольныхъ дружескихъ бесѣдахъ онъ не принималъ никогда участія,—сообщаетъ со словъ своего дяди, Н. Н. Златовратскій, — но даже къ семинарскимъ диспутамъ относился съ полнымъ равнодушіемъ, иногда только въ разговорѣ съ дядей высказывалъ или удивленіе, или негодованіе по поводу «дикихъ» воззрѣній гг. диспутантовъ хотя бы относительно того, что уважаемый профессоръ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть непремѣнно украшенъ чинами и орденами... Въ первые дни институтской жизни дядя всегда видѣлъ Добролюбова одиноко сидѣвшимъ на краю стола, съ очками, большею частью поднятыми на лобъ, съ одной рукой около груди, а другой переворачивающимъ Виргилія, имѣя терпѣніе заниматься даже прямо послѣ обѣда, когда въ камерахъ все шумѣло въ пылу картежной игры. Такимъ бобылемъ онъ, однако, оставался недолго... Къ сожалѣнію, институтское начальство далеко не стояло на высотѣ своей педагогической задачи, и юношество встрѣтило въ немъ почти тѣ же типы педагогическаго чиновничества, которые оно привыкло видѣть и въ начальной николаевской школѣ. Такимъ образомъ импульсъ для общаго оздоровленія могъ явиться лишь изъ среды самого студенчества, изъ среды его наиболѣе даровитыхъ и нравственно чуткихъ личностей. Долго ждать ихъ не пришлось, такъ какъ тѣ, которые казались сначала хмурыми бобылями, далеко по существу своей натуры не были замкнутыми, лишенными чувства живого таварищескаго общенія личностями, разъ для этого находилась мало-мальски подходящая почва. Такою личностью оказался прежде всего Добролюбовъ, который вскорѣ не только сталъ популярнымъ среди товарищей, но и незамѣтно послужилъ общему подъему настроенія своихъ однокурсниковъ» («Юб. Сбор.» 466—467).

Быстро Добролюбовъ пріобрѣлъ большое вліяніе на своихъ товарищей. «Скоро всѣ убѣдились въ его превосходствѣ надъ собой—говоритъ г. Радонежскій, сидѣвшій все время рядомъ съ Н. А. Какъ у словесниковъ, у насъ часто заходили споры о литературѣ. Въ этихъ спорахъ скоро Добролюбовъ показалъ и свою начитанность, какую было трудно представить въ семинаристѣ, и силу горячаго убѣжденія, и недовѣрчивость къ словамъ съ каѳедры... Все это дало намъ возможность замѣтить въ немъ раннюю самостоятельность. Помню, всѣ мы какъ то неохотно приступали къ славянской филологіи. Добролюбовъ съ первой же лекціи И. И. Срезневскаго полюбилъ и предметъ и профессора... Добролюбовъ владѣлъ особеннымъ искусствомъ на лету схватывать мысль профессора и записывалъ такъ, что записки его по всѣмъ предметамъ, въ продолженіе всего курса, служили источникомъ, откуда каждый студентъ, обязанный поочередно составлять лекціи профессору, бралъ все необходимое. Черезъ годъ Добролюбовъ дошелъ до такого умѣнья записывать профессорскія лекціи, что, не опуская въ нихъ ничего существенно важнаго, успѣвалъ еще пародировать иную лекцію. Эти пародіи иногда со смѣхомъ читались въ аудиторіяхъ и дортуарахъ» — и частью сохранились въ его бумагахъ хранящихся въ Им. Публичной Библіотекѣ и въ Литературномъ фондѣ. Мѣткость насмѣшки, владѣніе предметомъ лекціи и необыкновенная способность на лету отмѣтить грубую ошибку — вотъ главное, что бросается въ глаза въ этихъ пародіяхъ. «Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіи, онъ никогда не терялъ времени на «черную» работу, т.-е. на переписку, на составленіе лекцій, на репетиціи, какъ большая часть студен-

товъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библіографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время, онъ зарабатывалъ себѣ копѣйку, — въ шкапѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкапѣ ломились... Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьезнымъ и срочнымъ трудомъ ни занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живого разговора, откровенной бесѣды, которые при его участіи, начинаясь литературною или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе... Онъ еще и тогда относился къ этимъ послѣднимъ слишкомъ строго для 17-лѣтняго юноши» («Соврем.» 1862. I, 303—305)

Въ письмахъ Н. А. къ родителямъ (а писалъ онъ имъ часто и помногу) заключается масса указаній на очень успѣшный ходъ его занятій съ самаго начала. Его раздражало только постоянное прерываніе самостоятельныхъ вечернихъ занятій ужиномъ, необходимостью рано ложиться спать и пр. Особенно много работалъ онъ по языкамъ, древнимъ и новымъ. Составъ профессоровъ въ Институтѣ по тогдашнему времени былъ не хуже университета, да къ тому же многіе профессора послѣдняго дѣлали себѣ изъ лекцій въ Институтѣ дополнительный заработокъ. Назову К. Д. Кавелина, И. И. Срезневскаго, Ф. К. Лоренца, Н. М. Благовѣщенскаго и др. Правда, не желая огорчать родителей, Добролюбовъ не говорилъ имъ всего, скрывалъ, что много читаетъ, и пр., и объ этомъ мы узнаемъ изъ писемъ къ другимъ лицамъ. Напримѣръ, двоюродному брату, Благообразову, онъ сообщаетъ въ февралѣ 1854 г.: «Можешь ли ты повѣрить, что я здѣсь ничего не дѣлаю или дѣлаю ничего. Я очень часто шатаюсь по Невскому, расхаживаю въ рекреаціонныхъ залахъ и очень рѣдко сижу въ репетиціонсъ-залахъ, болтаю съ товарищами, слѣжу за политикой по газетамъ (я не писалъ еще, что мы выписываемъ газеты, сложившись около полтинника съ человѣка), учу нѣмецкіе стихи, пишу на лекціяхъ, по вечерамъ занимаюсь разборомъ перевода Энеиды или русскими пословицами по порученію Срезневскаго. Только и есть» («Матеріалы», 80),

Когда Н. А. разсказалъ Срезневскому о своихъ нижегородскихъ занятіяхъ въ области этнографіи, то сейчасъ же услышалъ просьбу профессора систематизировать, все свое собраніе, записать и представить ему. Для пополненія запаса словъ Добролюбовъ обратился къ Лаврскому и просилъ его непосредственно направлять матеріалъ къ Срезневскому. Очень естественно, что немного позже, когда вышла книга Буслаева о пословицахъ, Срезневскій далъ разобрать ее Добролюбову, какъ бы въ видѣ курсовой темы (см. сочиненіе № 2).

Зная, что сына не нужно, собственно, содержать, отецъ не стѣснялъ Н. А. въ покупкѣ необходимыхъ, даже только желательныхъ книгъ, любимаго чая, булокъ и пр., хотя на ѣду вначалѣ Добролюбовъ и не жаловался, будучи даже доволенъ столомъ института. Подкрѣпленіе въ питаніи нужно было потому, что уже съ середины сентября 1853 г. Добролюбовъ ходилъ по вечерамъ въ Публичную Библіотеку и, засиживаясь тамъ, пропускалъ казенный ужинъ, ложась спать часто совершенно голоднымъ; но и тогда онъ не «пробивался на шаромыжку», а старался всегда имѣть свой чай, булку, бумагу и пр. Н. А. писалъ, все-таки, отцу, чтобы тотъ не присылалъ излишняго, что ему совѣстно отнимать деньги у семьи... Вообще въ отношеніи родителей онъ проявлялъ теплую заботливость, и если рѣдко высказывалъ свою любовь просто словами, то, какъ объяснялъ: «я не не умѣю расточать нѣжностей—вы это знаете; но право—я много, сильно, горячо люблю васъ!»

13 ноября 1853 г. Добролюбовъ, согласно закону, недопускавшему духовнаго сословія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ уволенъ изъ духовнаго званія и такимъ образомъ формально сталъ уже свѣтскимъ, что оцѣнилъ только впослѣдствіи. Насколько въ это время онъ былъ далекъ отъ вѣрованій прогрессивнаго свѣтскаго общества, можно видѣть хотя бы изъ такихъ строкъ письма къ родителямъ отъ 12 февраля 1854 года: «Здѣсь теперь всѣ умы заняты войною Россіи съ Англіей и Франціей. Энергическій манифестъ императора былъ прочитанъ намъ въ аудиторіи 10 февраля. Никого онъ не поразилъ, потому что давно уже ждали его; но тѣмъ не менѣе послѣ него какъ-то сильнѣе забилось сердце. Намекъ на 12-й годъ, многозначительный намекъ, былъ всѣми замѣченъ, и всѣ теперь ждутъ съ началомъ весны чего-то необыкновеннаго [1]). На насъ собственно большое впечатлѣніе произвело извѣстіе о томъ, что кончающіе курсъ студенты московскаго университета пожелали поступить въ дѣйствующую армію. Не знаю только, какъ бы это

[1]) Слова манифеста: «Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ Русскій, о доблестяхъ коего свидѣтельствуютъ достопамятныя событія 1812 года!»

не пролгалось. Равнымъ образомъ не ручаюсь я за достовѣрность слѣдующихъ двухъ слуховъ, которые здѣсь носятся. Въ одномъ сраженіи съ турками, говорятъ, явилась чудная Дѣва, которая поборола русскимъ. Прибавляютъ, что объ этомъ пишетъ экзархъ грузинскій. Другой случай, будто однажды ночью явился государю императору какой-то монахъ, сказалъ: «не бойся, будь твердъ и мудръ, какъ прежде», и исчезъ. Нигдѣ не могли его отыскать. Во времена чрезвычайныхъ политическихъ событій часто случаются чрезвычайныя явленія и въ мірѣ нравственномъ. Но во всякомъ случаѣ передаю вамъ это только какъ слухъ и при томъ такой слухъ, которому сердце мое хотѣло бы вѣрить» («Матеріалы», 85).

Здѣсь необходимо прибавить, что манифестъ 9 февраля именно и кончался извѣстнымъ восклицаніемъ Николая I: «Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!»,—за которое его осуждали даже очень умѣренные прогрессисты, какимъ былъ, напримѣръ, генералъ П. Х. Граббе. Сочувствовали вполнѣ и войнѣ и манифесту славянофилы, изъ которыхъ Конст. Аксаковъ написалъ тогда шовинистическое стихотвореніе «Орелъ Россіи», гдѣ воспѣлъ двуглаваго орла, а Хомяковъ — «Россію»... Масса была тоже съ ними, но не очень горячо принимала подогрѣванія своего патріотизма... Понятно, что въ той полосѣ развитія, въ которой находился тогда Добролюбовъ, ему должны были нравиться и пресловутый «Клермонскій соборъ» Майкова, и нѣкоторыя quasi-«патріотическіе» стихи поэтовъ, воспѣвавшихъ силу и мощь николаевской Россіи и слабость и гнилость «коварнаго Запада»...

II.

8-е марта 1854 г. дало Добролюбову еще одну сестру, Елизавету, и отняло горячо любимую мать... Зинаида Васильевна умерла отъ родовъ на 38-мъ году.

Пять дней медлилъ отецъ печальнымъ извѣстіемъ, и, наконецъ, повѣдалъ его сыну, но и то только въ видѣ предположенія о возможномъ исходѣ болѣзни. Въ тотъ же день пораженный юноша пишетъ отцу: «Я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастіе... Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для насъ милая, нѣжная, кроткая, любящая мамаша наша, нашъ благодѣтельный геній, нашъ милый другъ и хранитель... Боже мой! Въ прахѣ и смиреніи повергаюсь предъ Твоею святою волею! Едва дерзкія мысли посѣтили было мою голову [1]), какъ вотъ страшная кара грозитъ уже мнѣ, видимымъ образомъ наказывая самонадѣянность надменнаго ума... Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи!.. Помози моему невѣрію, подкрѣпи меня, сохрани мнѣ, моимъ милымъ, добрую нашу хранительницу! Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Господу Богу съ моею глубокою горестью... Но я вѣрю, что сильно это орудіе, я твердо вѣрую, Господи, что Ты слышишь вопли моего сердца, и не только моего, Ты слышишь молитвы, совершаемыя предъ алтаремъ Твоимъ, слышишь молитвы, произносимыя невинными устами чистыхъ младенцевъ, и Ты помилуешь всѣхъ насъ; Ты услышишь эти молитвы! Вѣрую, вѣрую, вѣрую — твердо и крѣпко, съ любовью и молитвой... Мамашенька, мамашенька!.. Слышите ли еще вы? Благословите меня, успокойте меня, утвердите меня, утвердите во мнѣ вѣру въ Провидѣніе, спасите меня и на этомъ пути!.. Сестры и братья мои! Не плачьте, не шумите, пожалуйста!.. Умоляю васъ... Можетъ быть, вы не понимаете всей опасности. Покойте, радуйте мамашу, не давайте повода ни къ какому потрясенію... Нянюшка!—побереги ихъ, посмотри за ними! Ради Господа Бога!.. Добрые родные наши,— всѣ, всѣ вы, которые любили меня и насъ всѣхъ!.. Употребите свои старанія и заботы... Услужите этимъ всей семьѣ нашей, обяжите насъ на вѣки, на вѣки!.. Издали, но близко къ вамъ, умоляю я васъ объ этомъ» («Матеріалы», 102—103).

Только 25 марта Добролюбовъ узналъ о невозвратимой своей утратѣ и спѣшитъ уже утѣшать отца. «Отнынѣ вся моя жизнь, всѣ труды, всѣ старанія мои будутъ посвящены вамъ, вамъ однимъ, нераздѣльно... Мамашѣ теперь уже ничего не нужно: нужны ей только святыя молитвы церкви, и я надѣюсь, что наши молитвы и особенно ваши предъ престоломъ Божіимъ, при страшной жертвѣ Господней, дойдутъ до Всевышняго, и Онъ успокоитъ земную страдалицу въ ангельскихъ селеніяхъ». Черезъ нѣсколько дней:—«Всѣ принимаютъ участіе, всѣ стараются утѣшать меня. Я теперь довольно спокоенъ, хотя еще не могу надолго оторваться отъ печальной мысли. Пишу ли, читаю ли, — мнѣ все представляется кроткій образъ мамаши, встаютъ въ памяти воспоминанія дѣтства, и при первой мысли, что все это невозвратно исчезло, тяжко, тяжко ноетъ сердце». Проходятъ три недѣли со дня полученія рокового извѣстія; Добролюбовъ пишетъ Благообразову: «Есть харак-

[1]) Мысли о томъ, что онъ будетъ гордостью и радостью матери.

теры, которые горятъ любовью ко всему человѣчеству: это пылкіе, чувствительные характеры, для которыхъ не слишкомъ чувствительна, однако, потеря одного любимаго предмета, потому что у нихъ еще много, много осталось въ мірѣ, что имъ нужно любить, и пустой уголокъ въ ихъ сердцѣ тотчасъ замѣщается. Но человѣкъ, который ко всему холоденъ, ни къ чему не привязанъ въ мірѣ, долженъ же на что-нибудь обратить запасъ любви, находящійся неизбѣжно въ его сердцѣ. И эти люди не расточаютъ своихъ чувствъ зря, всякому встрѣчному: они обращаютъ ихъ на существо, которое уже слишкомъ много имѣетъ правъ на ихъ привязанность. Въ этомъ существѣ заключается для нихъ весь міръ, и съ потерею его міръ дѣлается для нихъ пустымъ, мрачнымъ и постылымъ, потому что не остается уже ничего, чѣмъ бы могли они замѣнить любимый предметъ, на что могли бы обратить любовь свою. Изъ такихъ людей и я. Былъ у меня одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, который любилъ со всею пылкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ моей душѣ, — этотъ предметъ была мать моя. Поймешь ли ты теперь, какъ много, необъятно много потерялъ я въ ней? Теперь все въ мірѣ мнѣ чужое, все я могу подозрѣвать, ни къ кому не обращусь я съ полною дѣтскою довѣрчивостью, ко всякому я желалъ бы проникнуть въ сердце и узнать сокрытыя его мысли. Повѣришь ли, я часто желалъ знать, что думаетъ обо мнѣ, какія намѣренія касательно меня имѣетъ отецъ мой, какія чувства онъ питаетъ ко мнѣ; но о матери никогда мнѣ въ голову этого не приходило; я зналъ, что душа ея раскрыта передо мною, что въ ней я найду только безпредѣльную любовь, заботливость и полное желаніе счастливой будущности»... Добролюбовъ предвидитъ упрекъ со стороны Благообразова, не разъ уже указывавшаго ему на его внѣшнюю холодность; понимаетъ законность такого упрека и добавляетъ: «Но въ томъ-то и бѣда моя, что я разсуждаю. Если бы я могъ, какъ другіе, разразиться слезами и рыданіями, воплями и жалобами, то, разумѣется, тоска моя облегчилась бы и скоро прошла. Но я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собой и потому-то мое положеніе такъ безотрадно, такъ горько. Разсудокъ подсказываетъ мнѣ всю великость моей утраты, не позволяетъ мнѣ забыться ни на минуту; я вижу страшное горе во всей его истинѣ, и между тѣмъ слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ. За этимъ письмомъ едва ли не въ первый разъ я плакалъ, и мнѣ стало легче послѣ этихъ слезъ, легче послѣ моихъ признаній»..

Въ томъ же письмѣ Добролюбовъ дѣлаетъ и одно весьма интересное признаніе. «Я рѣдко могу молиться, я слишкомъ ожесточенъ» («Матеріалы», 119 — 121)... Вотъ еще этапъ на пути отживанія въ немъ религіозности... «За что такъ строга судьба?» сказалъ Добролюбовъ товарищу своему, Радонежскому, перечитывая какъ-то роковое письмо отца. «Матушка моя была такъ религіозна... такъ набожна... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.. Поневолѣ задумаешься»... («Современникъ», 1862, I, 307). И ожесточенный Н. А. сталъ все больше думать, вводить разсудокъ и въ эту, еще до того запретную для мысли область...

Какъ разъ къ этому времени Добролюбовъ близко сходится, помимо Радонежскаго, со студентомъ Д. Ѳ. Щегловымъ, впослѣдствіи педагогомъ и авторомъ тенденціозной «Исторіи соціальныхъ системъ».

По словамъ П. А. Златовратскаго, болѣе поздняго друга Добролюбова, не расходившагося съ нимъ впослѣдствіи въ оцѣнкѣ Щеглова, послѣдній былъ личностью чрезвычайно энергичной, съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ; сынъ священника, онъ сначала воспитывался въ семинаріи, но оттуда былъ исключенъ за излишнюю самостоятельность характера и мнѣній, и принужденъ былъ закончить курсъ въ гимназіи. Это развило въ немъ непримиримую ненависть къ «семинарской закваскѣ», и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы протестовать противъ заскорузло-бурсацкихъ взглядовъ, которыхъ держались многіе институтскіе «семинаристы». Послѣдніе отнеслись къ нему вначалѣ очень враждебно, обвиняя его въ личной ненависти къ нимъ. Но Щегловъ въ это время близко сошелся съ Добролюбовымъ и скоро всѣ поняли, что его протестъ истекалъ изъ чистыхъ побужденій разсѣять мракъ и предразсудки своихъ товарищей («Юб. Сбор.», 468 — 469). Другой другъ Н. А-ча, Шемановскій, не расходится съ Златовратскимъ: «Личность Щеглова, далеко стоявшаго впереди насъ по развитію, играла вначалѣ главную роль въ жизни нашего кружка» (Бумаги Литер. Фонда). Въ это время Добролюбовъ характеризуетъ Щеглова весьма симпатично: «человѣкъ очень умный и бойкій, прекрасно говоритъ и имѣетъ стремленія, до которыхъ еще не можетъ подняться бо̀льшая часть нашихъ студентовъ. Онъ много видалъ людей и свѣта, имѣетъ большую любознательность, даже любопытство и стремится уяснить себѣ высокіе вопросы

о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ бытія. Въ своихъ изысканіяхъ и выводахъ онъ попадаетъ иногда на ложный путь [1]), но тѣмъ не менѣе, нельзя не уважать въ немъ человѣка мыслящаго, хотящаго жить сознательно, а не безсмысленно... Съ глубокой проницательностью онъ понялъ мое положеніе, мой характеръ, мои чувства и утѣшилъ меня. Онъ сначала сталъ меня разспрашивать о моей матери, и въ рыданіяхъ моихъ при этомъ разсказѣ вылилась грусть моя, и мнѣ стало легче. Безъ этого слезы задушили бы меня, сожгли бы сердце мое. Онъ насильно вытаскивалъ меня изъ института, и по цѣлымъ часамъ ходили мы съ нимъ по берегу Невы, текущей передъ окнами института, и я освѣжался весеннимъ вѣтромъ, облегчалъ тоску разсказомъ и жалобами. Онъ терпѣливо слушалъ меня, давалъ мнѣ высказаться, потомъ сталъ утѣшать, но утѣшать посвоему... Онъ не говорилъ мнѣ ни о тлѣнности земного, ни о непреложномъ законѣ судьбы и т. п. Онъ говорилъ мнѣ: «Со смертью матери ты сталъ играть значительную роль въ семействѣ; теперь ты одинъ можешь больше всего поддержать своего отца, который такъ много нуженъ всему семейству. Ты долженъ также наблюдать издали и за своими сестрами, за домашнимъ устройствомъ. Пиши къ отцу какъ можно чаще, заведи переписку съ твоими сестрами; пусть онѣ сказываютъ тебѣ о всѣхъ мелочахъ домашней жизни. Ты можешь скорѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, понять ихъ нужды и желанія; ты можешь даже быть посредникомъ между ними и отцомъ». Такіе совѣты и убѣжденія дѣйствительно вливали въ меня мужество и отвлекали мысль мою отъ тяжкой потери къ вашему положенію, папашенька; заставляли думать о живыхъ болѣе, чѣмъ о мертвыхъ»... («Матеріалы», 111—112).

Понятно, что Щегловъ, не говорившій языкомъ людей, всегда и вездѣ отправляющихся отъ тлѣнности земного и непреложности закона судьбы, какъ нельзя больше попадалъ въ унисонъ съ новыми думами Добролюбова, терявшаго свою недавнюю религіозность... Онъ былъ и дорогъ постольку, поскольку вводилъ Н. А. въ кругъ новыхъ для него идей. Ничего, что нѣкоторыя изъ нихъ казались другу ложными: ни одинъ убѣжденный человѣкъ не дѣлается неофитомъ другихъ идей безъ предварительной критики и борьбы. Дружба Н. А. со Щегловымъ, по словамъ П. А. Златовратскаго, имѣла благотворное вліяніе на ихъ обоихъ. «Это была замѣчательная пора въ жизни Н. А., начало перемѣны въ немъ, перемѣны во всякомъ случаѣ къ лучшему, такъ какъ и Добролюбову были въ это время еще не чужды многіе предразсудки, воспринятые изъ близкой среды. Въ первую пору новые пріятели были, можно сказать, неразлучны, они даже кровати въ спальнѣ поставили рядомъ, вопреки институтскимъ правиламъ. Добролюбовъ въ это время серьезно принялся за изученіе французскаго языка и вмѣсто Виргилія у него появились въ рукахъ сначала французскіе романы, а потомъ сочиненія Руссо и Прудона. Все больше и больше времени отдаетъ онъ чтенію, все чаще начинаетъ посѣщать публичную библіотеку; отъ кого-то онъ сталъ приносить въ институтъ «Отеч. Записки» и «Современникъ» временъ Бѣлинскаго... Вообще въ это время онъ сдѣлался еще общительнѣе, все болѣе расширяя кругъ своихъ товарищей. Помню, говоритъ дядя, придетъ онъ бывало въ нашу камеру съ Бѣлинскимъ и начнетъ читать; потомъ вдругъ подниметъ по обыкновенію на лобъ очки и заговоритъ восторженно: — Удивительно! Вѣдь все это было читано и перечитано прежде (это мы видѣли при описаніи семинарской жизни— *М. Л.*), и теперь все читаю какъ будто новое!» («Юб. Сбор.», 469).

Да, при вліяніи Щеглова, при новыхъ своихъ думахъ, перечитываемый Бѣлинскій, особенно послѣднихъ лѣтъ, вставалъ передъ Н. А. въ совершенно другомъ видѣ... Шла быстрая смѣна міровоззрѣній, только и возможная въ возрастѣ 17—20 лѣтъ.

Къ этому-то періоду распада стараго и неоформленности, незакрѣпленности новаго строя идей и относится статья объ Островскомъ (см. № 1), написанная въ февралѣ—мартѣ 1854 года, какъ бы для отвлеченія себя отъ тягостной личной боли. Понятно, что сообщать о ней отцу или родственникамъ значило заслужить упрекъ въ холодности, въ безчувственности у гроба недавней покойницы,—развѣ они, люди стараго уклада, могли понять сложную психологію юнаго Н. А...

3 іюня Добролюбовъ сообщаетъ отцу, что въ Троицу и Духовъ день былъ у обѣдни въ Александро-Невской лаврѣ, помолился и и приложился къ мощамъ св. Александра Невскаго и «сладко мнѣ было молиться ему о вашемъ здоровьѣ и спокойствіи».

III.

Въ серединѣ іюня кончились экзамены, и Н. А. оказался перешедшимъ на второй

[1]) Здѣсь Чернышевскій, посвященный Добролюбовымъ въ свои душевныя переживанія и лично знавшій Щеглова нѣсколько лѣтъ, сдѣлалъ очень важное примѣчаніе: «Отвергаетъ обычныя понятія, которыхъ еще держался тогда Николай Александровичъ».

курсъ 4-мъ изъ всѣхъ. Это служило какъ бы оправданіемъ самовольнаго его поступленія въ институтъ. «Теперь я уже не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ вами въ своемъ нѣсколько произвольномъ поступкѣ. Говорю *нѣсколько* потому, что знаю, что вы никогда не имѣли предубѣжденія противъ свѣтскихъ заведеній и единственно матеріальныя средства были причиною того, что я не отправился въ Казанскій университетъ» («Матеріалы», 133).

Наступала возможность съѣздить домой. Добролюбовъ не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ передъ товарищами какъ разъ къ тому времени только что кончившими полный курсъ семинаріи, и еще до экзаменовъ просилъ у отца совѣта, какъ быть съ мундиромъ. «Въ Нижнемъ, вѣроятно, понадобится мнѣ для нѣсколькихъ визитовъ, быть въ мундирѣ. Но казенный мундиръ съ позументами вмѣсто шитья на воротникѣ не совсѣмъ приличенъ. Чтобы пришить къ нему новый воротникъ, нужно заплатить цѣлковыхъ 8—10. Почти столько я могъ отдѣлить изъ тѣхъ денегъ, которыя вы мнѣ прислали. Совѣтуете ли сдѣлать это?» Штрихъ любопытный во многихъ отношеніяхъ. Съ точки зрѣнія безплотности и иконописности, казалось бы, Н. А—чу совершенно невозможно было думать о какомъ-то шитьѣ черезъ два мѣсяца со дня смерти матери, къ гробу которой онъ и ѣхалъ прежде всего. Надо было считаться и со средствами отца... Наконецъ, можетъ ли думать о шитьѣ сколько-нибудь серьезный человѣкъ etc, etc... А съ точки зрѣнія живой дѣйствительности все это вполнѣ понятно и врядъ ли требуетъ оправданій въ глазахъ всѣхъ, помнящихъ свою юность... Отецъ отвѣчалъ, что если государь и начальство находятъ приличнымъ и для столицы воротникъ съ позументами, то къ чему шитье для губернскаго города и тратить на это 10 р. сер. — «вѣдь это, другъ мой, по-русски-то 35 руб.»,—хотя, правда, прибавлялъ: «впрочемъ, какъ найдешь для себя лучше; я ничего не жалѣю для тебя; вся жизнь моя и все мое—для дѣтей, тѣмъ паче для тебя». Конечно, Добролюбовъ отвѣтилъ на это: «мое желаніе было просто ни на чемъ не основанная прихоть» («Матеріалы» 130, 135, 138).

Въ серединѣ іюня Н. А. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ вмѣстѣ съ Радонежскимъ и другимъ товарищемъ, Ширскимъ .Читатели, конечно, понимаютъ настроеніе Добролюбова при въѣздѣ въ городъ... Дома его, разумѣется, ждали. Отецъ, по случаю праздника, отправился служить въ церковь, «а я—пишетъ Н. А—чъ Щеглову—остался и долго плакалъ, сидя на томъ мѣстѣ, гдѣ умирала бѣдная маменька. Наконецъ, и я собрался съ сестрами къ обѣднѣ, пришелъ къ концу, но признаюсь—усердно молился»... Все свободное отъ визитовъ и посѣщеній товарищей время Н. А. проводилъ дома съ братьями и сестрами, видимо слѣдуя совѣту Щеглова. Читалъ очень мало. Влад. А. Добролюбовъ сообщилъ одинъ штрихъ, очень интересный для насъ именно въ данный моментъ. «Однажды ночью я былъ разбуженъ голосомъ отца, бранившаго кого-то. Я соскочилъ съ постели и пробрался къ отворенной двери комнаты, желая узнать, на кого могъ такъ разсердиться отецъ ночью. Я увидѣлъ въ маленькой темной комнатѣ стоявшаго съ книгой въ рукѣ брата и отца съ лампадкой въ рукѣ, указывавшаго на образъ и сердито говорившаго ему. Лицо брата произвело на меня такое впечатлѣніе, что я убѣжалъ и долго не могъ уснуть, не понимая, что могъ сдѣлать мой братъ, чтобы разсердить такъ отца. Впослѣдствіи я узналъ, что всѣ свѣчи запирались на ночь, такъ какъ братъ вставалъ съ постели и читалъ ночью, когда всѣ спали. Не имѣя свѣчи, братъ взялъ лампаду отъ образа и углубился въ чтеніе»...

Въ Нижнемъ Добролюбовъ нашелъ единомышленника Щеглова въ лицѣ Ф. А. Вас. (не знаю точно, кто это былъ), тоже, повидимому, молодого человѣка; по воспоминаніямъ Н. А.,—умно и искусно говорилъ онъ съ нимъ, внушая ему любовь къ правдѣ, а не къ авторитету, но не пугая прямымъ нападеніемъ на то, что онъ принималъ тогда за несомнѣнное. Эти осторожныя бесѣды имѣли свои результаты. «Наши разговоры кончились ничѣмъ, но дѣло было сдѣлано: внутренная работа пошла во мнѣ живѣе прежняго» («Юб. Сборн.», 313),

IV.

Въ Нижнемъ какъ разъ въ это лѣто началась холера. Отецъ Добролюбова, очень почитаемый своими прихожанами за строгое исполненіе пастырскаго дѣла, долженъ былъ навѣщать умирающихъ, и вѣроятно заразился.

5 августа онъ, какъ всегда, служилъ всенощную и, хотя придя изъ церкви, жаловался на недомоганье и отказался отъ ужина, однако, никому и въ голову не пришло, что онъ серьезно захворалъ. Ночью Н. А., спавшій въ комнатѣ отца, разбудилъ старшую сестру, а самъ отправился за докторомъ. Послѣдній употребилъ всѣ средства, но тщетно: утромъ 6 августа Александръ Ивановичъ умеръ на 42 году...

Н. А. былъ очень пораженъ такимъ ударомъ и совершенно игнорировалъ опасность зараженія... Онъ сразу даже какъ-то не понялъ тяжести второй потери за такое короткое время, — настолько ударъ былъ неожиданъ и неосвоевремененъ... Черезъ три дня, 9 августа, Н. А. пишетъ Щеглову:

«Тяжело мнѣ, мой другъ Д. Ѳ., но кажется, что я долженъ проститься съ институтомъ. Судьба жестоко испытываетъ меня и ожесточаетъ противъ всего, лишая того, что мнѣ было особенно дорого въ мірѣ. 6 августа мой отецъ умеръ—отъ холеры. Семеро маленькихъ дѣтей остались на моихъ рукахъ, запутанныя дѣла по дому—тоже. А между тѣмъ я еще тоже считаюсь малолѣтнимъ и подверженъ опекѣ. Ты теперь понимаешь, въ какія отношенія вступилъ я теперь къ своему семейству. Ты читалъ не повѣсть, а трагедію... Папеньку всѣ въ городѣ такъ любили, что принимаютъ теперь въ насъ живѣйшее участіе. Подличаетъ съ нами одно только духовенство и архіерей. Вчера на похоронахъ я былъ страшно золъ. Не выронилъ ни одной слезы, но разругалъ моего бывшаго профессора, который сказалъ пренелѣпую рѣчь, увѣряя въ ней, что Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, что Онъ любитъ сиротъ и проч. Пиши мнѣ что-нибудь... Я страшно разстроенъ. Чувствую, что ничего хорошаго не могу сдѣлать и, между тѣмъ, знаю, что все долженъ дѣлать за всѣхъ сестеръ и братьевъ. Къ счастью еще, я деревянный, иначе я бы непремѣнно разбился» («Матер.», 148)...

Немедленно Добролюбовъ обратился къ архіерею, Іереміи, за помощью, но тотъ предложилъ ему отдать сестеръ въ монастырь и ровно ничего не сдѣлалъ. Тогда Н. А. видѣлъ, что надо бросить свое образованіе и немедленно просить мѣста учителя, но прихожане отца настояли на его своевременномъ отъѣздѣ въ Институтъ и сами принялись хлопотать о размѣщеніи сестеръ и братьевъ.

Старшую изъ нихъ, Антонину, и Ивана взяла тетка Ф. В. Благообразова; Анну, ровесницу Антонины—другая тетка, В. В. Колосовская; малютку Елизавету — Е. П. Захарьева, Владиміра—богатый купецъ В. К. Мичуринъ, Юлію—княгиня М. А. Трубецкая, жена управляющаго нижегородскою конторою государственныхъ имуществъ; Екатерину—какіе-то прихожане покойнаго ея отца. Опекуномъ малолѣтнихъ назначили брата покойнаго, Василія Ивановича.

Кому изъ братьевъ и сестеръ жилось труднѣе и тяжелѣе, кому легче,—А. А. Кострова затрудняется мнѣ сказать. Съ внѣшней стороны легче всего было Екатеринѣ и Юліи. Онѣ были моложе и не такъ понимали свое сиротство, да и пріютившіе ихъ люди могли лучше ихъ обставить. Анна не любила разсказывать своей жизни, но во всякомъ случаѣ свѣтлыхъ дней у нея было очень немного, хотя тетка и дядя были добрые и простые люди. Самой А. А—нѣ жилось недурно.

Н. А. отправился въ Петербургъ. На желѣзной дорогѣ его встрѣтилъ Радонежскій. На вопросъ, что новаго? Н. А. отвѣчалъ: «отецъ умеръ». «Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительною улыбкою, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покоробило» («Соврем.» 1862, I, 307).

Пріѣхавъ въ Институтъ, Добролюбовъ въ первые дни то впадалъ въ самый мрачный мистицизмъ, напр., доказывалъ Златовратскому, что отецъ умеръ отъ того, что снялъ съ себя фотографію, которая была тогда новостью; то съ необыкновенной рѣзкостью отрицалъ всякіе мистическіе предразсудки. Очевидно, въ немъ заканчивалась тяжелая борьба за старое міросозерцаніе и одновременно за желаніе пріобщиться новому... Все еще не надѣясь на возможность кончить курсъ Института, онъ подумывалъ поступить священникомъ на мѣсто отца. «Знаешь что? сказалъ Н. А—чъ Златовратскому,—мнѣ предстоитъ удовольствіе быть священникомъ».—«Какъ такъ? Вѣдь теперь уже нельзя, ты уволенъ изъ духовнаго званія».—Нѣтъ, это ничего, а *другое*... («Юб. Сборн.» 469—470).

А «другое», дѣйствительно, уже не позволяло надѣть рясу. Щегловъ былъ около; Добролюбовъ сбрасывалъ съ себя старое такъ быстро, что скоро оказался впереди него. Мечты брошены, онѣ замѣнены живой реальностью. «Вотъ я сдѣлалъ и послѣдній шагъ: отъ отвлеченнаго закона справедливости я перешелъ къ болѣе реальному требованію человѣческаго блага; я всѣ свои сомнѣнія и умствованія привелъ, наконецъ, къ одной формулѣ: человѣкъ и его счастье. Но вѣдь эта формула была въ душѣ моей еще въ дѣтствѣ, прежде чѣмъ я началъ обучаться разнымъ наукамъ и писать назидательныя прописи. И сказать ли?—теперь я ее лучше *понимаю* и основательнѣе могу доказать, но тогда я *чувствовалъ* ее сильнѣе, она болѣе была связана съ моимъ существомъ и даже, кажется, я готовъ былъ тогда больше сдѣлать для нея, чѣмъ теперь».

Это взято мною вовсе не изъ дневника и не изъ письма того времени, а изъ той же «исповѣди», которую я цитировалъ уже

дважды. Прочтите еще стихотвореніе «Благодѣтель» (№41)—и вы поймете настроеніе Добролюбова.

Тогда пришло печальное сомнѣнье.
Я звалъ далекаго хранителя къ себѣ,
Чтобъ доказалъ права свои на уваженье,
Чтобъ сохранилъ меня во внутренней борьбѣ.
Напрасно... Онъ не шелъ... Не внялъ онъ призыванью.
Я проклиналъ довѣрчивость свою...
Но до сихъ поръ въ тяжеломъ ожиданьи
На жизненномъ пути недвижно я стою.

Уже въ декабрѣ 1854 года новый Добролюбовъ, еще не задолго до того лестно отзывавшійся о Гречѣ, пишетъ на него очень злые стихи (см. № 3), изъ которыхъ совершенно ясно, гдѣ симпатіи автора, каковы его общественное міросозерцаніе и взглядъ на существовавшія русскія политическія условія.

Объ авторѣ этого стихотворенія знали только немногіе товарищи Добролюбова, но кто-то гдѣ-то проболтался, авторъ сталъ извѣстенъ, имя его дошло до института, гдѣ Гречъ былъ профессоромъ. «Меня допросили и обыскали. Не нашли того, чего искали, но захватили другія бумаги, тоже довольно смѣлаго содержанія... Много было возни и хлопотъ. Я могъ поплатиться за мое легкомысліе цѣлой карьерой; но, къ счастью, имѣлъ довольно благоразумія, чтобы не запираться передъ директоромъ и, признавшись въ либеральности своего направленія, показалъ видъ чистосердечнаго раскаянія. Профессора заступились за меня; поведеніе мое было всегда весьма скромно; Сер. Пав. Галаховъ просилъ за меня директора (не зная, впрочемъ, что я писалъ стихи),—и заблужденія юности были оставлены безъ дальнѣйшихъ послѣдствій» («Матер.» 230—231). Златовратскій излагаетъ этотъ эпизодъ невѣрно, но указываетъ, что обыскъ былъ произведенъ не только у Н. А. а и у Щеглова. Шемановскій говоритъ, что подъ бумагами довольно смѣлаго содержанія надо разумѣть нѣсколько переписанныхъ статей Герцена. Директоръ института И. И. Давыдовъ грозилъ Н. А—чу сослать его въ Сибирь и только послѣ просьбы Добролюбова пожалѣть его семью, если не его самого, уступилъ и не далъ дѣлу серьезнаго хода, который и для него самого былъ бы не очень пріятенъ, особенно въ желѣзныя времена Николая I (Бумаги Литер. Фонда).

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже передъ исторіей со стихами Гречу Добролюбовъ былъ замѣшанъ въ другую исторію, заставившую Давыдова перемѣнить мнѣніе о недавно еще скромномъ студентѣ. Курсъ Н. А. передъ Рождествомъ 1854 года подалъ директору жалобу на инспектора Тихомандритскаго за его грубыя ругательства. Когда стали допытываться, кто былъ иниціаторомъ этой жалобы, Добролюбовъ взялъ на себя чужую вину... Кстати любопытно, что этотъ первый проблескъ требованія человѣческаго къ себѣ отношенія былъ отпразднованъ студентами пирушкой, на которой говорили и о стихахъ Гречу. Тутъ же организована была складчина на покупку книгъ, особенно сочиненій и изданій Герцена... Всѣмъ этимъ руководилъ Добролюбовъ... Кружокъ сталъ собираться у бывшаго студента института—Сидорова, у студента медицинской академіи Поржницкаго и у студента университета, потомъ эмигранта—В. И. Кельсіева. Характерно, что ни вина, ни картъ не было на этихъ собраніяхъ (Бум. Литер. Фонда). Златовратскій записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, переданныхъ его племянникомъ, что Добролюбовъ, испытавъ новое горе, не только не отходилъ отъ товарищества, но вмѣстѣ съ Щегловымъ продолжалъ группировать около себя большой кружокъ товарищей и поклонниковъ. «Многіе изъ нихъ благоговѣли передъ нимъ, и онъ служилъ для нихъ высшимъ авторитетомъ». Кружокъ этотъ такъ и назывался «добролюбовской партіей». Въ немъ на первомъ планѣ стояло знакомство съ передовыми литературными теченіями, выписывались въ складчину газеты и журналы,—и все это дѣлалось, несмотря на страхъ грозившаго наказанія и конфискаціи.

V.

Но, разумѣется, за своей жизнью Добролюбовъ не забывалъ сестеръ и братьевъ, очень часто получалъ о нихъ свѣдѣнія и всегда былъ въ курсѣ всѣхъ ихъ нуждъ и интересовъ. Прихожане сдѣлали подписку на выдачу дѣтямъ ежегодно пенсіи въ 150 р. сер.; сестрѣ, Антонинѣ Іереміей была назначена пенсія въ ... 15 р. сер. въ годъ. Екатерину вскорѣ отправили въ Симбирское духовное училище, которое тогда имѣло хорошую репутацію и могло обезпечить ее по окончаніи замужествомъ со священникомъ. Письма къ ней Н. А. очень теплыя, сердечныя, какъ, впрочемъ, и ко всѣмъ остальнымъ сестрамъ. Онъ все время поддерживаетъ въ нихъ бодрость духа, рисуетъ лучшее будущее по окончаніи имъ Института, старается приблизить ихъ къ себѣ и чтобы поддержать отношенія съ пріютившими ихъ родственниками и знакомыми — пишетъ и имъ письма, которыми тѣ очень дорожили.

Личная жизнь Н. А. за это время не отличается разнообразіемъ. Главное, къ чему она сводилась — формированіе новаго міросозерцанія,—и формированіе по прежнему очень стремительное, быстрое, свойственное

только молодости. Все, что связываетъ свободу гражданъ, вноситъ между ними неравныя отношенія, символизируетъ ненормальность политическихъ условій, подчеркиваетъ рабство духа,—все это находитъ въ Добролюбовѣ-студентѣ пламеннаго обличителя и горячаго преслѣдователя (ср. №№ 4—11 б). Его муза грозна, рѣзка и опредѣленна... Собственныя мелочи его не удовлетворяютъ. Онъ много читаетъ, много бесѣдуетъ, еще больше думаетъ, а свободное отъ всего этого время, прячась по вечерамъ отъ товарищей въ лазаретѣ, пишетъ романъ, нѣсколько первыхъ главъ, котораго прочитываетъ Радонежскому въ февралѣ 1855 года. Содержаніе сводилось къ описанію воспитанія двухъ мальчиковъ. «Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ—маменькинъ сынокъ, другой пріемышъ—сводный братъ, служившій компаньономъ барченку... Мнѣ особенно памятны тѣ страницы, говоритъ г. Радонежскій, гдѣ авторъ говорилъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему,—и сцена, гдѣ мальчикъ пріемышъ-сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына... Я долго слушалъ этотъ разсказъ полный горячаго сочувствія къ сиротѣ и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ... На глазахъ у меня навернулись слезы... Потомъ эти мальчики были отданы въ одно учебное заведеніе, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно. барченокъ жилъ и учился съ протекціей... Сирота—самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ съ нуждою и людьми, подъ вліяніемъ чего характеръ его выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, кончено было (тутъ же былъ и конецъ рукописи будущаго большого романа) на томъ мѣстѣ, когда эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маменькинъ сынокъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно, и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ («Совр.» 1862, I. 305—306).

Творчество Н. А. было прервано новымъ несчастьемъ: въ началѣ марта 1855 г. умерла сестра его, Юлія, воспитывавшаяся, какъ уже сказано, у кн. Трубецкой. Добролюбовъ самъ былъ боленъ, когда получилъ это извѣстіе, а черезъ нѣсколько дней узналъ, что сестра Антонина больна гриппомъ, Иванъ—золотухой... «Смерть Юленьки, — эта капля въ чашѣ нашихъ горькихъ бѣдствій, перелила черезъ край... Невыносимо тяжко мнѣ было это извѣстіе, и Богъ знаетъ, что бы было со мной, еслибы я получилъ его не во время болѣзни. Но изнуреніе тѣлесное препятствовало слишкомъ сильнымъ движеніямъ души и вмѣсто отчаянной тоски только тихая грусть, даже съ успокоительными слезами, была слѣдствіемъ поразительной вѣсти»... «Смерть Юленьки такъ неожиданно случившаяся въ то самое время, когда они почти совсѣмъ уже была устроена (въ царскосельское училище—*М. Л.*), когда я уже радовался, надѣясь свидѣться хоть съ ней въ этомъ году, здѣсь, въ Петербургѣ,—эта смерть столько принесла мнѣ горя, что я до сихъ поръ еще не могу опомниться... Какъ будто какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ нашимъ родомъ, какъ будто такъ ужъ суждено, что изъ поколѣнія въ поколѣніе переходятъ въ немъ только одни непрерывныя бѣдствія!.. Тошно, горько, тяжко на свѣтѣ... Зачѣмъ было родиться на свѣтъ, чтобы такъ страдать съ ранней молодости, чтобы такъ провести лучшіе годы, которые даются для наслажденія и радости человѣку!.. безцвѣтно и безотрадно проходятъ дни мои, и каждый новый день страшитъ возможностью новой утраты!» («Матер.» 203—204).

Всякій, конечно, пойметъ состояніе юноши, похожее на то, что испытываетъ дружный экипажъ гибнущаго судна... Вотъ затонули бывшіе товарищи въ нижней части корабля; вода подходитъ къ средней... единственное спасеніе на верхней палубѣ, но, можетъ быть, только на время?.. Сначала мать; потомъ отецъ; теперь одна сестра, а тамъ, можетъ быть, другая... а можетъ быть и самого не станетъ?.. «Горько мнѣ жить, моя милая, добрая тетушка. Одинъ я остался на этомъ свѣтѣ, и, къ моему великому несчастью, такъ еще я неопытенъ, такъ неразвитъ, такъ слабъ духомъ, что не могу побѣдить себя, не могу найти себѣ успокоенія и утѣшенія въ лучшей, возвышенной дѣятельности»... Къ сожалѣнію, изъ матеріаловъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, не видно, кто былъ въ это время около Н. А. въ качествѣ человѣка, имѣвшаго возможность облегчить его внутреннія переживанія, и чѣмъ онъ отвлекался отъ нихъ. Но во всякомъ случаѣ ясно, что это тяжелое состояніе не прошло быстро; съ другой стороны, въ натурѣ Добролюбова было достаточно силы, чтобы не дать себя сломить; онъ вооружился мужествомъ, тер-

пѣніемъ и готовностью къ новымъ дѣламъ и ждалъ опасности въ большемъ спокойствіи.

Переходные экзамены на 3-й курсъ прошли очень хорошо, онъ уже и по французскому языку (по которому былъ принятъ условно) имѣлъ солидную подготовку.

Лѣто 1855 года Н. А. прожилъ на дачѣ у Малоземовыхъ, въ домѣ которыхъ имѣлъ урокъ за 30 р. въ мѣсяцъ.

Въ письмѣ Благообразову отъ 18 іюня 1855 года Добролюбовъ сообщаетъ, что началъ повѣсть, но такъ какъ въ немъ вообще передаются факты, бывшіе еще въ январѣ, то можно думать, что рѣчь идетъ о той повѣсти, о которой разсказываетъ Радонежскій. Въ іюлѣ повѣсть была закончена и послана въ редакцію «Современника» на имя И. И. Панаева. Черезъ нѣкоторое время Н. А. пошелъ за отвѣтомъ. Панаевъ вернулъ рукопись съ наставленіемъ: лучше прилежнѣе готовить свои уроки, чѣмъ тратить безполезно время на сочиненіе повѣстей... Приговоръ былъ суровъ, но врядъ ли несправедливъ, судя по тому, что талантъ Добролюбова былъ совершенно не беллетристическій. А. Я. Панаева разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи Добролюбовымъ редакціи. Выйдя изъ кабинета редактора, онъ не зналъ, какъ ему уйти изъ передней. Ей тогда стало жаль юношу; она догадалась, что, вѣроятно, мужъ слишкомъ рѣзко высказалъ нелестное мнѣніе о повѣсти, и взяла у него ее, сказавъ, что передастъ Некрасову. Черезъ нѣкоторое время Добролюбовъ зашелъ къ Некрасову, но и отъ него получилъ повѣсть обратно, хотя и выслушалъ предложеніе передѣлать ее и потомъ напечатать. «Не захотѣлъ самъ, — сказалъ Некрасовъ Панаевой. Онъ поразилъ меня, когда я съ нимъ побесѣдовалъ; такой умный, развитой юноша, но главное — когда онъ могъ успѣть такъ хорошо познакомиться съ русской литературой. Оказалось, что онъ прочиталъ массу книгъ и съ большимъ толкомъ» (Панаева, «Русскіе писатели и артисты», 293—295). Радонежскій ошибся, говоря о посѣщеніи Добролюбовымъ съ повѣстью Чернышевскаго; съ послѣднимъ Н. А. познакомился позднѣе. Но, вѣроятно, онъ не ошибается, передавая слова Добролюбова о пріемѣ въ редакціи: Панаевъ ему положительно сказалъ, «чтобы онъ не совался въ беллетристику, что онъ пишетъ не повѣсть, а критику на сцены, имъ придуманныя».

Такимъ образомъ, лѣто 1855 года Н. А. провелъ въ Петербургѣ, не имѣя возможности расходоваться на дорогу въ Нижній и обратно, и не желая стѣснять никого изъ родственниковъ. Матеріальное его положеніе было не особенно хорошо: въ маѣ онъ репетировалъ еще въ двухъ частныхъ домахъ, но на лѣто потерялъ занятія и надѣялся съ осени снова обзавестись двумя уроками по рублю сер. за урокъ. Разумѣется, этого заработка хватало только для него самого, такъ какъ потребность въ деньгахъ ощущалась все сильнѣе: въ институтѣ кормили уже совсѣмъ плохо, приходилось покупать довольно много книгъ и пр. Съ осени уроки дѣйствительно были. «Я живу — писалъ Н. А. въ концѣ сентября теткѣ,—довольно спокойно въ институтѣ, окруженный внимательностью начальства и всеобщею, полною любовью товарищей. Для своихъ издержекъ я имѣю 8 р. сер. въ мѣсяцъ, которые получаю за свои уроки,—два раза въ недѣлю по 1 р. сер. за урокъ. Для меня и того очень довольно, такъ что деньги у меня никогда не переводятся. Занятія мои идутъ очень успѣшно, и для нихъ я оставляю многія знакомства, которыя въ послѣднее время развелись у меня въ необыкновенномъ количествѣ во всѣхъ слояхъ общества: и между чиновниками, и между профессорами, и между духовными, и между офицерами, и между студентами, и даже между купцами, впрочемъ не торгующими». («Матеріалы», 258).

Эти-то разросшіяся знакомства и давали содержательный матеріалъ для затѣянной Н. А., какъ разъ съ 1 сентября, рукописной газетѣ «Слухи» (см. №№ 12—22, 26—30). Въ этихъ сочиненіяхъ самое главное—тотъ интересъ, который Н. А. проявляетъ къ самымъ разнообразнымъ событіямъ современности, дѣлаясь все больше и глубже членомъ живого интеллигентнаго общества, вступавшаго въ новую полосу вѣрованій и надеждъ на всероссійское раскрѣпощеніе. Осень 1855 года была для Н. А. временемъ полнаго и безповоротнаго разрыва съ прежними его политическими убѣжденіями. Отъ религіозности не оставалось уже и слѣда... Поворотъ былъ законченъ... Въ дальнѣйшемъ Добролюбовъ уже не *мѣнялъ* своихъ коренныхъ убѣжденій, а только дѣлалъ ихъ болѣе ясными, болѣе опредѣленными, болѣе отвѣчавшими нуждамъ момента и болѣе соотвѣтствовавшими одно другому, болѣе другъ съ другомъ согласованными.

VI.

Въ концѣ сентября, когда режимъ института сталъ измѣняться все къ худшему и когда личность его директора, Давыдова, окончательно выяснилась студентамъ, они послали новому товарищу министра народнаго просвѣщенія, кн. П. А. Вяземскому, очень подробное описаніе всѣхъ творящихся безобразій.

Стимуломъ къ этому, по тогдашнимъ временамъ смѣлому шагу было вліяніе товарищей по медико-хирургической академіи. Въ числѣ друзей Добролюбова былъ между прочимъ студентъ Поржницкій, выдававшійся уже тогда своимъ соціализмомъ. Благодаря столкновенію съ Давыдовымъ, Поржницкій, студентъ Педагогическаго института, долженъ былъ перейти въ Медицинскую академію. Тамъ онъ быстро сорганизовалъ разбродшееся студенчество и взялся подать государю жалобу на притѣсненія и несправедливость начальства. Его поддержали студенты Михайловскій, братъ Щеглова и Алексѣевъ. Александръ II назначилъ флигель-адъютанта Эльстона разслѣдовать дѣло. Тотъ началъ съ ареста четырехъ депутатовъ. На допросахъ ихъ сбивали, хотѣли сдѣлать виновными въ крамолѣ, но это, однако, не удалось. Тогда придрались къ тому, что жалоба подана помимо прямого начальства и, не долго думая, сослали всѣхъ четырехъ военными фельдшерами по разнымъ госпиталямъ. Поржницкій былъ отправленъ въ Тавасгустъ, потомъ въ Куопіо. Передъ отправленіемъ ихъ посадили на гауптвахту, гдѣ заключенныхъ посѣщали студенты, въ томъ числѣ и Добролюбовъ съ товарищами. Видя, какъ страдаютъ друзья за правое дѣло и выслушавъ отъ нихъ совѣтъ не переносить молча институтскаго закрѣпощенія, студенты-педагоги рѣшились тоже протестовать подачею особой записки кн. Вяземскому (Бумаги Литер. Фонда; «Матеріалы»).

По словамъ Шемановскаго, «записка» была составлена Добролюбовымъ чрезвычайно умно и полно, на основаніи печатныхъ «Отчетовъ» института и пр. документовъ. Въ концѣ ея заключалась просьба начать ревизію института, но безъ огласки, какъ бы незамѣтно, безъ всякихъ предупрежденій. Бумага эта была передана швейцару Вяземскаго для врученія князю. Черезъ три мѣсяца Вяземскій пріѣхалъ въ институтъ и потомъ былъ тамъ еще нѣсколько разъ и всегда неожиданно, но, понявъ, что съ ловкимъ и лукавымъ Давыдовымъ ничего сдѣлать нельзя, — махнулъ на все рукой. Была назначена даже офиціальная ревизія Палаузова, но и она ничего не дала... (Бумаги Литер. Фонда).

Въ этой исторіи Н. А. опять рисковалъ. Вяземскій не могъ не слышать въ свое время, что «продажнымъ поэтомъ» въ стихахъ на Греча назвалъ его студентъ института Добролюбовъ, и потому естественно было опасаться съ его стороны желанія какъ-нибудь разсчитаться съ обидчикомъ. Но нужно отдать справедливость Вяземскому—онъ не унизился до личной мести и даже больше того — самъ же хлопоталъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія семьи Н. А—ча.

Дѣло въ томъ, что съ началомъ третьяго курса Добролюбову пришла мысль просить выпустить его весною 1856 г. изъ института, для чего онъ предлагалъ подвергнуть себя полному выпускному экзамену за всѣ 4 курса. Мотивы просьбы, конечно, ясны: мѣсто старшаго учителя, которое онъ долженъ былъ получить при хорошей сдачѣ экзаменовъ, могло хоть до нѣкоторой степени обезпечить братьевъ и сестеръ. Вотъ что мы узнаемъ объ этомъ изъ письма кн. Вяземскаго отъ 12 октября 1855 г. къ епископу нижегородскому Іереміи:

«Ваше Преосвященство! Конференція Гл. Пед. Ин. вошла ко мнѣ сего октября 7 числа съ представленіемъ о дозволеніи студенту III курса, Николаю Добролюбову, держать въ настоящемъ уч. году окончательный экзаменъ на званіе старшаго учителя, вмѣстѣ съ студентами, оканчивающими, въ этомъ году, въ Ин. полный курсъ наукъ.

«Изъ личныхъ моихъ объясненій узналъ я, что Д., оставшись по смерти отца своего, священника Вашей епархіи, единственною надеждою для семи малолѣтнихъ сиротъ, братьевъ и сестеръ своихъ, и тщетно обращаясь къ епархіальному начальству съ просьбой объ устроеніи ихъ судьбы, еще въ прошломъ году рѣшался выйти изъ Ин., чтобы поступить на должность уѣзднаго учителя, но былъ остановленъ убѣжденіями своего начальства; теперь же нашелся вынужденнымъ просить объ ускореніи окончанія своего курса, чтобы имѣть возможность поддерживать свое семейство. Снисходя на его просьбу, изъ уваженія къ безпомощному состоянію сиротъ, но вмѣстѣ тѣмъ, желая дать Д. и время и средства окончить полный курсъ наукъ, какъ студенту, всегда отличавшемуся неутомимымъ прилеженіемъ, примѣрнымъ поведеніемъ и прекрасными успѣхами своими, я рѣшился обратиться къ В. Пр. съ покорнѣйшею просьбою объ устроеніи участи его семейства. Сироты Д-вы вполнѣ сочтутъ себя облагодѣтельствованными, если Вы, В. Пр., по всеобщему почти и постоянному примѣру нашихъ чадолюбивыхъ архипастырей, предоставите Д. право избрать достойнаго человѣка для занятія перваго открывшагося священническаго мѣста въ самомъ Н.-Новгородѣ,—съ обязательствомъ взять за себя старшую сестру его, а до ея совершеннолѣтія — пріискать священника, который бы на условіяхъ, утвержденныхъ В. Пр., могъ отправлять требы въ приходѣ и службы въ церкви. Что касается до меня, то исполненіе Вами желанія сиротъ Д-хъ я сочту

особеннымъ для себя одолженіемъ и при томъ не могу не сказать, что прошу Васъ объ этомъ не столько отъ себя лично, сколько отъ лица самого министерства народнаго просвѣщенія, въ видахъ общаго и всѣмъ намъ дорогого блага отечественнаго образованія, такъ какъ студентъ Д., по своимъ прекраснымъ способностямъ и отличнѣйшимъ успѣхамъ, обѣщаетъ, по окончаніи полнаго курса наукъ въ Институтѣ, сдѣлаться однимъ изъ полезнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ общественнаго просвѣщенія» (Бумаги Литер. Фонда).

Іеремія не отвѣчалъ; очевидно, былъ недоволенъ вмѣшательствомъ посторонняго вѣдомства въ свои «домашнія» дѣла. Вяземскій, въ одно изъ посѣщеній института, сказалъ Н. А., что въ такомъ случаѣ обратится къ самому оберъ-прокурору синода. Такъ и было сдѣлано: въ маѣ 1856 года за Антониной Александровной было зачислено второе священническое мѣсто при церкви Николая, гдѣ служилъ ея отецъ, съ правомъ до замужества получать половину доходовъ. Добролюбовъ, конечно, продолжалъ курсъ. Такимъ образомъ справедливость требуетъ признательности по адресу Вяземскаго, спасшаго Н. А. отъ учительскаго ярма и давшаго Россіи одного изъ самыхъ выдающихся критиковъ-публицистовъ.

18 декабря 1855 г. Добролюбовъ заноситъ въ свой дневникъ очень важную запись:

«Побывши у Поржницкаго, я всегда выношу новый запасъ анекдотовъ и остротъ... Это довольно странно, потому, что наши разговоры съ нимъ совсѣмъ не могутъ быть названы пустой свѣтской болтовней. Мы затрагиваемъ великіе вопросы, и наша родная Русь болѣе всего занимаетъ насъ своимъ великимъ будущимъ, для котораго хотимъ мы трудиться неутомимо, безкорыстно и горячо. Да, теперь эта великая цѣль занимаетъ меня необыкновенно сильно. Къ несчастью, я очень ясно вижу и свое настоящее положеніе и положеніе русскаго народа въ эту минуту, и потому не могу увлекаться обольстительными мечтами, какія позволяетъ себѣ Щегловъ. Я чувствую, что реформаторомъ, революціонеромъ я не призванъ быть. Не прогремитъ мое имя, не осѣнитъ его слава дерзкаго предпринимателя и совершителя великаго переворота. Тихо и медленно буду я дѣйствовать, незамѣтно стану подготовлять умы; имѣніе (если оно будетъ у меня), жизнь, безопасность личную я отдамъ на жертву великому дѣлу, но—это тогда только, когда самопожертвованіе будетъ обѣщать вѣрный успѣхъ... Иначе. Къ чему губить жизнь, которая еще можетъ быть полезна? Важно ясно поставить свое положеніе: что я такое? Бѣдный студентъ, котораго все достояніе заключается въ 30 руб. сер., находящихся въ долгахъ у разныхъ лицъ, да въ головѣ и рукахъ, которыя онъ еще не знаетъ, какъ употребить... Мои средства — опять только я, но я безъ средствъ... Что же тутъ дѣлать? Мои сообщники: одинъ — рѣшительный, благородный, но страшно заносчивый и не имѣющій ко мнѣ никакого уваженія, — человѣкъ... другой — человѣкъ умный, но смотрящій на все съ какой-то странной точки, надъ всѣмъ смѣющійся и ничѣмъ не возмущающійся, очень молодой и легкомысленный... Еще нѣсколько человѣкъ, понимающихъ дѣло, но ограничивающихся презрѣніемъ и ненавистью къ злу, не заботясь о средствахъ исправить, уничтожить его. Горькое положеніе. А, между тѣмъ, что касается до меня, я какъ будто нарочно призванъ судьбою къ великому дѣлу переворота!.. Сынъ священника, воспитанный въ строгихъ правилахъ христіанской вѣры и нравственности, родившійся въ центрѣ Руси, проведшій первые годы жизни въ ближайшемъ соприкосновеніи съ простымъ и среднимъ классомъ общества, бывшій чѣмъ-то въ родѣ оракула въ своемъ маленькомъ кружкѣ, потомъ собственнымъ разсудкомъ, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, дошедшій до убѣжденія въ несправедливости нѣкоторыхъ началъ, которыя внушены были мнѣ съ первыхъ лѣтъ дѣтства; понявшій ничтожность и пустоту того кружка, въ которомъ такъ любили и ласкали меня, — наконецъ, вырвавшійся изъ него на свѣтъ Божій и смѣло взглянувшій на оставленный мною міръ, увидѣвшій все, что въ немъ было возмутительнаго, ложнаго и пошлаго, — я чувствую теперь, что болѣе, нежели кто-нибудь, имѣю силы и возможности взяться за свое дѣло. Самъ я былъ тѣмъ, чѣмъ вы, господа, скажу я своимъ жалкимъ собратьямъ... Вотъ исторія моей жизни... И я теперь несравненно больше доволенъ собой, чѣмъ въ то время, когда былъ похожъ на васъ!.. Меня постигло страшное несчастье—смерть отца и матери,—но оно убѣдило меня окончательно въ правотѣ моего дѣла, въ несуществованіи тѣхъ призраковъ, которые состроило себѣ восточное воображеніе и которое навязываютъ намъ насильно вопреки здравому смыслу. Оно ожесточило меня противъ той таинственной силы, которую у насъ смѣютъ называть Благою и Милосердною, не обращая вниманія на зло, разсѣянное въ мірѣ, на жестокіе удары, которые направляются этой силой на самихъ же ея хвалителей!..» (Бумаги Литер. Фонда.).

Сохранившій у себя этотъ отрывокъ товарищъ Н. А—ча, Сциборскій припоминаетъ, что листокъ попалъ къ нему на сохраненіе, когда Добролюбовъ лежалъ въ лазаретѣ.

«Въ часы, свободные отъ занятій, — пишетъ Сциборскій Чернышевскому въ 1862 году,—я навѣщалъ его, приносилъ ему нужное и бралъ отъ него бумаги, которыхъ нельзя было держать въ больницѣ. Во время посѣщеній онъ передавалъ мнѣ на сохраненіе и листки дневника, и въ одно изъ такихъ посѣщеній, получивши листки дневника, я вложилъ ихъ въ тетрадь, гдѣ они оставались нетронутыми до сихъ поръ. Отрывокъ, какъ вы увидите, чрезвычайно характеристическій. — Прочитавши его, я живо припоминаю себѣ то время, когда вопросы о судьбѣ нашей родины поглощали всѣ наши мысли и чувства; когда надъ нами еще не тяготѣло сознаніе своего безсилія въ борьбѣ за честныя убѣжденія; когда мы вѣрили, что наше вступленіе на поприще общественной дѣятельности ознаменуется переворотомъ, который поведетъ общество по пути разумному. Мы думали, что наскажемъ міру много-много новыхъ истинъ, выработанныхъ нами въ тѣсномъ кружкѣ институтскомъ» (Бумаги Литер. Фонда).

Каждому, прочитавшему только что приведенные два документа, дѣлается очевидно, что въ кружкѣ Добролюбова уже происходила дифференціація: Щегловъ звалъ товарищей на путь революціонной борьбы, рисуя обольстительные образы новаго будущаго уклада русской жизни; другіе, въ ихъ числѣ Н. А., не сочувствовали этому пути, на которомъ не ждали поддержки народа.

Добролюбовъ сознательно избиралъ себѣ иной способъ борьбы за счастье родины,— тотъ, которымъ, дѣйствительно и жилъ до самой смерти, хотя, какъ увидимъ дальше, съ временнымъ уклоненіемъ на путь революціонности. Революціонность въ это время, конецъ 1855 г. и начало 1856 г., не пользуется его симпатіей и, напр., Мишле онъ порицалъ, какъ республиканца... Настоящее и будущее Россіи настолько захватываютъ всѣ его мысли и чувства, что онъ уже не допускаетъ ничего направленнаго не на служеніе родинѣ и народу... Когда Радонежскій, прочитавъ въ мартовской книгѣ «Современника» 1856 года «Пахаря» Григоровича, восхищался повѣстью, Н. А. съ жаромъ принялся доказывать всю ея несостоятельность, съ особеннымъ удареніемъ указывая на идеализацію, съ которою авторъ описалъ послѣднія минуты умирающаго мужика... Тотъ же товарищъ, любя стихи, какъ-то напѣвалъ романсъ. «Радонежскій! перестанешь ли ты сердечные романсы распѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего-нибудь получше? На, вотъ, пой...» И Н. А. сунулъ ему стихотворенія Некрасова. «Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой жизнь или плачь: это одно и то же,—ну, свисти!» Добролюбову особенно нравилась пѣсня: «Не слышно шуму городского», и онъ, вообще нелюбившій пѣнія, очень часто просилъ Радонежскаго пѣть ее и всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ («Соврем.» 1862, I, 308). Очень цѣнно свидѣтельство В. Модестова, вообще не особенно расположеннаго къ Н. А. По его словамъ «Добролюбовъ былъ самымъ выдающимся членомъ того кружка въ Институтѣ, который давалъ въ заведеніи господствующій тонъ и руководилъ, такъ сказать, общественнымъ мнѣніемъ заведенія» («Новь» 1886, VI). Младшій курсомъ студентъ Конопасевичъ говоритъ: «вліяніе Н. А. на нашъ курсъ было сильнѣе вліянія всѣхъ воспитателей и многихъ профессоровъ» (Бумаги Литер. Фонда). Студентъ Сциборскій писалъ впослѣдствіи Чернышевскому: «Въ числѣ нашихъ товарищей, дѣйствовавшихъ въ такомъ духѣ (стремящихся къ общественной работѣ, но еще больше — къ работѣ надъ самими собою — *И. Л.*). Н. А. былъ самымъ рѣшительнымъ, самымъ энергическимъ и чрезвычайно вліятельнымъ дѣятелемъ». Сначала онъ былъ очень мягкимъ, но потомъ сталъ относиться къ людямъ по ихъ заслугамъ, отбросивъ свой прежній взглядъ на прощеніе, потому что все это, де, люди.

По словамъ Радонежскаго,—«Добролюбовъ не скрывалъ никогда и ни къ кому своей антипатіи. Въ выраженіяхъ о нелюбимомъ лицѣ, и всегда нелюбимомъ за что-нибудь особенно дурное, онъ не стѣснялся ничѣмъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о правдѣ, объ интересахъ студентовъ, — онъ первый бралъ на себя отвѣтственность протеста, рискуя потерять многое для себя»... Справедливость этой характеристики подтверждается не только другими, но и самыми фактами.

Не мудрено, что начальство ненавидѣло добролюбовскій кружокъ, боролось всячески съ его вліяніемъ, особенно на новичковъ, и всегда старалось уменьшить число членовъ кружка, весьма оригинальнымъ способомъ — укладывая ихъ при первой провинности въ отдаленный и весьма скучный лазаретъ... (Бумаги Литер. Фонда).

Къ началу 1856 года относятся сочиненія №№ 31—33. Сциборскій говоритъ, что многія изъ стихотвореній Добролюбова на разные случаи «приняты были съ вос-

торгомъ институтской публикой, списывались и въ рукописяхъ распространялись между студентами. Рѣдкіе догадывались, что они принадлежали Н. А—чу, который скрывался тогда подъ псевдонимомъ «Будимова». Стихи на Греча были еще самыми невинными изъ этого числа» (Бумаги Литер. Фонда). Широкое общеніе студентовъ института съ обществомъ было причиной очень широкаго распространенія стиховъ Н. А. и вообще въ публикѣ. Нѣкоторые еще живущіе современники говорятъ, что помнятъ изъ нихъ или заглавія или однудвѣ-строки и, конечно, никогда не думали, что все это писалось студентомъ третьяго курса Педагогическаго института...

Матеріальное положеніе Добролюбова все улучшалось. Въ февралѣ 1856 г. онъ имѣлъ уже уроками больше 25 р. въ мѣсяцъ и, посылая уже кое-что домой, могъ даже прикапливать для поѣздки лѣтомъ на родину. «Постоянно имѣя деньги въ своихъ рукахъ, — пишетъ Н. А. сестрѣ Антонинѣ, — я и самъ себѣ могу болѣе доставлять удовольствій и удобствъ, чѣмъ въ прежней нищетѣ своей. Я теперь постоянно имѣю булки и, слѣдовательно, каждый день сытъ, несмотря на скудость казеннаго обѣда; постоянно ведется у меня чай; калоши никогда не худы, сапоги тоже; шинель не нужно мнѣ таскать одну и ту же лѣтомъ и зимой; являясь на урокъ или въ гости, не долженъ я прятаться отъ свѣта, чтобы скрыть заплатанные локти, какъ бывало прежде. Въ грязь и дождь я не долженъ шлендать пѣшкомъ, а всегда имѣю пятиалтынный, чтобы заплатить извозчику. Сапоги я теперь тоже не чищу самъ, потому что могу теперь нанимать на это солдата. Иногда хожу въ театръ, покупаю нужныя книги. Все это меня интересуетъ, успокаиваетъ, придаетъ легкость и свѣжесть, такъ что я теперь совершенно здоровъ, и даже, можно сказать, былъ бы веселъ, если бы не безпокоили домашнія отношенія». («Матеріалы», 304). Но и домашнія дѣла все улучшались. Вѣроятно, то же не безъ помощи кн. Вяземскаго, какъ высшаго начальника, черезъ котораго шли всѣ дѣла института къ министру народнаго просвѣщенія, Добролюбовъ подалъ прошеніе о сложеніи съ семьи тяготившаго ее долга по дому казенной строительной комиссіи, и въ іюнѣ 1856 г. «Государь Императоръ въ видѣ особой монаршей милости къ сиротамъ» повелѣлъ долгъ въ размѣрѣ 1,380 р. сложить [1]). Это была очень существенная помощь, потому что всѣ доходы по дому шли на погашеніе долговъ, изъ которыхъ самый значительный былъ теперь сложенъ.

Добролюбовъ прибодрился. Постоянная тревога за семью начала замѣняться убѣжденіемъ, что мало-по-малу благосостояніе сестеръ и братьевъ устроится. Видя успѣшные результаты своихъ хлопотъ, онъ рѣшилъ не ѣхать на лѣто въ Нижній, а все свободное каникулярное время, за вычетомъ нужнаго на даваніе уроковъ, употребить на усиленный трудъ собственнаго образованія.

Въ письмѣ къ Благообразову Н. А. откровенно объясняетъ главную изъ причинъ, по которымъ остался на лѣто въ Петербургѣ: «Въ Нижнемъ я боялся перессориться со многими изъ благодѣтелей. Ты знаешь, что NNA считаетъ себя благодѣтельницей за то, что обѣщала присылку холста Анночкѣ; NNB тоже, за обѣдъ на похоронахъ; NNC тоже, потому что кричалъ о подпискѣ, которой не собралъ; архіерей тоже, потому что далъ мѣсто по приказанію синода, и пр. и пр. Нужно было всѣмъ имъ кланяться въ ножки, цѣловать ручки, ласкаться пособачьи, увѣряя, что по гробъ имъ обязанъ, тогда какъ въ душѣ чувствуешь только невыносимое презрѣнье. А это для меня такъ тяжело теперь, что я готовъ откупиться отъ этого всѣмъ блаженствомъ будущей жизни. На будущій годъ другое дѣло: тогда я кончу курсъ и явлюсь уже человѣкомъ самостоятельнымъ, а не мальчикомъ... Можно тогда и дѣйствовать смѣлѣе, да многое и забудется тогда» («Матер.», 326).

Какъ разъ въ это время, видя, что Вяземскій совершенно не можетъ помочь институту избавиться отъ ненавистнаго директора, Добролюбовъ, никому ничего предварительно не говоря, разсылаетъ во всѣ редакціи записку, гдѣ сообщалось, что въ ночь съ 23 на 24 іюня, по случаю наступленія именинъ Ивана Ивановича Давыдова, студенты его высѣкли... Въ числѣ получившихъ такую записку былъ и редакторъ «Отеч. Записокъ» Краевскій. Онъ отправился съ нею къ министру народнаго просвѣщенія, Норову... Подробности этого оригинальнаго эпизода разсказаны Н. А—чемъ въ № 203. По словамъ Шемановскаго, которому Добролюбовъ все открылъ, онъ очень раскаявался въ этой шалости, такъ какъ почеркъ извѣщенія могъ быть сравненъ съ почеркомъ «записки», поданной кн. Вяземскому въ сентябрѣ 1855 г., и такимъ образомъ могла грозить большая бѣда (Бумаги Литер. Фонда; «Матеріалы», 315).

[1]) Прекрасный каменный домъ (нынѣ О. Н. Башкировой) съ флигелемъ, гдѣ жили Добролюбовы, и сейчасъ бросается въ глаза на Лыковой дамбѣ, надъ Зеленскимъ съѣздомъ, въ проѣздѣ позади отдѣленія госуд. банка. Впослѣдствіи домъ былъ проданъ за 14,000 р., которыя были раздѣлены между пятью наслѣдниками.

VII.

Пока въ институтѣ шла вся эта перепалка, поднятая «сѣченіемъ», Добролюбовъ перевелъ статью Литтре о спиритизмѣ (см. № 37) и послалъ ее въ «Современникъ».

Къ этому журналу лежало сердце и самого Н. А., и его товарищей. Начавшіеся съ январской книжки 1856 года «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» Чернышевскаго привлекли тогда общее къ нимъ вниманіе, имя автора, не подписывавшаго эту свою работу, стало скоро извѣстно. О статьѣ говорили много и въ обществѣ: кто съ молодымъ восторгомъ, кто съ старческимъ шипѣньемъ... Имя Чернышевскаго сдѣлалось неразлучнымъ съ именемъ Бѣлинскаго. «Статьи Чернышевскаго — говоритъ Златовратскій—произвели умственное движеніе въ Институтѣ; всѣ съ жаромъ бросились на нихъ и очень наглядно увидали изъ сравненія нашихъ лекціонныхъ записей съ его статьями,—педантизмъ и мертвую схоластику первыхъ. Въ нашемъ маломъ кружкѣ институтскомъ случилось то же, что совершается теперь въ кругу университетскомъ. Прежде всего съ голоса Чернышевскаго мы перестали считать геніальнымъ то, что не имѣло *смысла*, а называли настоящимъ именемъ; равнымъ образомъ мы не восхищались блестящей шумихой словъ безъ всякой мысли. Вслѣдствіе этого между многими студентами исчезло святое рвеніе переписывать тетрадки лекцій, готовить репетиціи чуть не ежемѣсячно, но вмѣстѣ съ тѣмъ участилось путешествіе въ Публичную Библіотеку, несмотря на строгіе эдикты начальства» (Юб. Сбор., 472—473).

Надо ли говорить, каково было отношеніе Н. А. къ статьямъ Чернышевскаго о боготворимомъ имъ Бѣлинскомъ. Добролюбова влекло къ Н. Г. и вотъ, не дождавшись еще появленія своего перевода статьи Литтре, онъ идетъ къ Чернышевскому въ сопровожденіи близкаго пріятеля, Турчанинова, раньше еще познакомившагося съ выдвигавшимся писателемъ, и вручаетъ ему свою статью о «Собесѣдникѣ» (см. № 38)... Нерѣшительный, стѣсняющійся, въ началѣ, больше слушавшій и наблюдавшій, Добролюбовъ очарованъ личностью писателя... Бесѣда заходитъ далеко за полночь: такъ много въ ней содержательнаго: такъ много общаго оказывается между Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Это первое знакомство очень быстро переходитъ въ близкія отношенія, а потомъ—и въ дружбу... Въ «Современникъ» приняты статья о «Собесѣдникѣ» и очень злая рецензія институтскаго «Описанія» (№ 39)... Добролюбовъ дѣлается писателемъ, сотрудникомъ выдающагося журнала...

Въ письмѣ къ Турчанинову отъ 1 августа Н. А. передаетъ свои впечатлѣнія отъ Чернышевскаго. «Съ Ник. Гавр. я сближаюсь все болѣе и все болѣе научаюсь цѣнить его. Я готовъ бы былъ исписать нѣсколько листовъ похвалами ему, если бы не зналъ, что ты столько же, какъ и я (болѣе нельзя) уважаешь его достоинства, зная ихъ, конечно, еще лучше моего. Я нарочно начинаю говорить о немъ въ концѣ письма, потому что зналъ, что если бы я съ него началъ, то уже въ письмѣ ничему, кромѣ него, не нашлось бы мѣста. Знаешь ли, этотъ одинъ человѣкъ можетъ помирить съ человѣчествомъ людей, самыхъ ожесточенныхъ житейскими мерзостями. Столько благородной любви къ человѣку, столько возвышенности въ стремленіяхъ и высказанной просто, безъ фразерства, столько ума строго послѣдовательнаго, проникнутаго любовью къ истинѣ,—я не только не находилъ, но не предполагалъ найти» (Бумаги Литер. Фонда). «Я до сихъ поръ не могу различать время, когда сижу у него. Два раза долженъ былъ ночевать у него: до того досидѣлся. Одинъ разъ, зашедши къ нему въ 11 ч. утра, досидѣлъ до обѣда, обѣдалъ и потомъ опять сидѣлъ до 7 часовъ, и ушелъ только потому, что онъ сказалъ, что къ нему придутъ сейчасъ Пекарскій и Шишкины. Съ Н. Г. толкуемъ не только о литературѣ, но и о философіи, и я вспоминаю при этомъ, какъ Станкевичъ и Герценъ учили Бѣлинскаго, Бѣлинскій—Некрасова, Грановскій—Забѣлина и т. п. Для меня, конечно, сравненіе было бы слишкомъ лестно, если бы я хотѣлъ тутъ себя сравнивать съ кѣмъ-нибудь; но въ моемъ смыслѣ вся честь сравненія относится къ Н. Г. Я бы тебѣ передалъ, конечно, все, что мы говорили, но ты самъ знаешь, что въ письмѣ это не такъ удобно. Я, наконецъ, доставилъ ему ту книгу, какой мы долго ждали, и онъ сказалъ потомъ, что прочитавъ эту книгу и еще второй нумеръ журнала, издаваемаго тѣмъ же, онъ приходитъ къ мысли, что дѣйствительно авторъ человѣкъ весьма замѣчательный,—независимо отъ того, что мы его любимъ за идеи его. Этотъ отзывъ меня, конечно, чрезвычайно порадовалъ, потому что оба эти человѣка для меня авторитеты... («Матеріалы», 318—319).

Въ концѣ рѣчь идетъ о Герценѣ, о его нашумѣвшемъ тогда «Du développement des idées revolutionnaires» и о второмъ номерѣ «Полярной Звѣзды». Опустивъ изъ скромности первую часть письма, приве-

денную мною по подлиннику, и замѣнивъ во второй свои иниціалы буквами NN,— Чернышевскій въ «Матеріалахъ» сдѣлалъ примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что онъ самъ уже тогда «имѣлъ образъ мыслей, не совсѣмъ одинаковый съ понятіями Герцена, и сохраняя уваженіе къ нему, ужъ не интересовался его новыми произведеніями». Видя, что Николай Александровичъ огорчается холодными отзывами о нихъ, Чернышевскій «перешелъ отъ рязъясненія причинъ своего недовольства нѣкоторыми понятіями Герцена къ похваламъ тому, что находитъ у него хорошимъ и, между прочимъ говорилъ о томъ, что высоко цѣнитъ его блестящій литературный талантъ, что собственно по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену. Это утѣшало Н. А.» («Матер.», 319).

Чернышевскій и самъ былъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ знакомства, а потомъ отъ сближенія съ Добролюбовымъ. Это дѣлается особенно ясно, перечитывая его «Прологъ пролога» и «Изъ дневника Левицкаго за 1857 годъ». Непонятно только, зачѣмъ онъ, человѣкъ обладавшій громадною памятью и достаточнымъ документальнымъ матеріаломъ, въ видѣ подлинника дневника Добролюбова (теперь нигдѣ не находимаго), допустилъ то невѣроятное смѣшеніе 1856 съ 1857 годомъ, которое и составляетъ содержаніе второй части «Пролога». Правда, Чернышевскій не былъ переписчикомъ дневниковъ за эти два года,— онъ былъ до нѣкоторой степени беллетристомъ, но, все-таки, неясное такъ и остается неяснымъ: развѣ нельзя было раздѣлить жизнь двухъ лѣтъ на два года и была необходимость ихъ слить? Это обстоятельство, помимо элемента безусловной беллетристической выдумки, заставляетъ пользоваться матеріаломъ Чернышевскаго очень осторожно, довѣряя главнымъ образомъ не столько фактамъ разсказа, сколько впечатлѣніямъ автора, которыя выражены, конечно, совершенно вѣрно, потому что ради цѣнности и близости своей душѣ этихъ впечатлѣній, Чернышевскій и взялся за самую работу, надъ которой отдыхалъ въ сибирской ссылкѣ 1868—1869 годовъ. Факты «Дневника» особенно расходятся съ дѣйствительностью за всѣ мѣсяцы, кромѣ мая. Поэтому я почти и не пользуюсь этимъ источникомъ.

Свое впечатлѣніе отъ первой бесѣды съ Н. А—чемъ Чернышевскій выразилъ такими словами Волгина, сказанными его женѣ: «Вчера вечеромъ приноситъ статью—небольшую; читаю: вижу совсѣмъ не то, что у всѣхъ дураковъ,—читаю, думаю: неужели, наконецъ, попадается человѣкъ со смысломъ въ головѣ? Читаю,—такъ, такъ, должно быть, со смысломъ въ головѣ!—Ну, а потомъ сталъ говорить съ нимъ. И вотъ потому-то собственно пришлось не спать,—нельзя мой другъ, за это и ты не можешь осудить. Проговорилъ съ нимъ часовъ до 3-хъ. Это—человѣкъ, голубочка; со смысломъ человѣкъ. Будетъ работать... Замѣчательная сила ума, голубочка! Ну, пишетъ превосходно, не то, что я: сжато, легко, блистательно; но это хоть и прекрасно,—пустяки, разумѣется,—дѣло не въ томъ, а какъ понимаешь вещи. Понимаетъ. Все понимаетъ, какъ слѣдуетъ. Такая холодность взгляда, такая самобытность мысли въ двадцать одинъ годъ, когда всѣ поголовно, точно пьяные! хуже: пьяный проспится, дуракъ никогда» («Прологъ пролога», 36—37).

Въ дневникѣ Левицкаго-Добролюбова находимъ такую запись о первомъ ихъ свиданіи 17 іюня (число, вѣроятно, точно): «Самъ говорилъ мало; все заставлялъ говорить меня. Оставилъ обѣдать. Продержалъ до 8-го часа. «Ну, теперь простимся, Владиміръ Алексѣевичъ. Будутъ приходить за корректурами, надобно читать. Съ другими я не говорю такъ. Но вы видите, что внушаете мнѣ расположеніе, стало быть, нечего церемониться. Завтра по утру приходите опять. Надобно получше узнать васъ. Писать можете, это видно было по первой же страницѣ статьи. Но надобно узнать васъ получше» (стр. 210).

18-го іюня читаемъ: «Съ 10 часовъ до 4 сидѣлъ у Волгина.—«Ну теперь надобно мнѣ ѣхать на дачу... Поговоримъ еще. А впрочемъ, могу сказать вамъ и теперь: пишите о чемъ хотите, сколько хотите, какъ сами знаете. Толковать съ вами нечего. Достаточно видѣлъ, что вы правильно понимаете вещи!»—«Вы предоставляете мнѣ полную волю въ журналѣ?»—«А развѣ были вы очень нужны, еслибъ не такъ? Сотрудниковъ, которыхъ надобно водить на помочахъ, можно имѣть, пожалуй, хоть сотню; да что въ нихъ пользы? Пересматривай, поправляй,—такая скука, что легче писать самому».—«Вы не будете просматривать моихъ статей?»—«А что будетъ въ нихъ любопытнаго? Признаться вамъ сказать, не буду читать и напечатанныхъ, не только до напечатаніи. И безъ того приходится читать слишкомъ много пустяковъ, — ха-ха-ха!—благодарите за комплиментъ».—«Но я могу дѣлать ошибки».—«А ну васъ и съ вашими ошибками! Только время теряю съ вами—ха-ха-ха! Ну прощайте. Приходите послѣзавтра. Поговоримъ еще, хоть не о чемъ».

Но самый замѣчательный разговоръ про-

исходилъ 20-го іюня. Повторяю, что на него, какъ и на весь «Дневникъ Левицкаго», нельзя смотрѣть, какъ на копію дневника Добролюбова, но правды тамъ во всякомъ случаѣ больше вымысла.

«Было уже за полночь. «А знаете ли, становится уже довольно поздно», началъ Волгинъ: «а я вотъ все еще раздумываю, какъ бы это начать, потому что вамъ покажется нѣсколько странно, а мнѣ самому кажется какъ будто даже и очень глупо, но все это пустяки, глупо ли, странно ли, это пустяки. Такъ слѣдуетъ — значитъ и надобно такъ». Помолчавъ, онъ сталъ говорить; сначала, по своей манерѣ, съ нѣкоторою вялостью, но скоро проникся большимъ одушевленіемъ. Изъ того, что онъ говорилъ, многое казалось мнѣ слишкомъ мрачно, слишкомъ безнадежно; но я не долженъ забывать разницу нашихъ лѣтъ [1]) и опытности, и не забывалъ; и теперь готовъ признавать, что его взглядъ быть можетъ справедливѣе моего и кажется мнѣ слишкомъ мрачнымъ только потому, что я еще слишкомъ молодъ. А въ то время страстность его словъ увлекала и меня къ чувству, очень сходному съ его глубокимъ презрѣніемъ къ настоящему и ко всякой дѣятельности въ настоящемъ.

«Онъ началъ съ того, что вчера и въ особенности нынѣ очень много думалъ обо мнѣ; что ему очень невыгодно говорить со мною откровенно—вотъ я, вѣроятно, и самъ замѣтилъ, что онъ колебался... Все это было длинною цѣпью вялыхъ и нерѣшительныхъ оговорокъ; круто онъ перешелъ въ горячій и рѣзкій тонъ. Да какъ бы тамъ ни было, какъ бы я ни думалъ о себѣ, какъ бы онъ ни думалъ обо мнѣ, а все-таки, я еще очень молодой человѣкъ, если не по уму и не по знаніямъ, то по чувствамъ, по надеждамъ... Но не въ умѣ дѣло, а въ томъ, что все вздоръ, мелочь глупость, мерзость. Все мелочь и вздоръ... Конечно, онъ говоритъ про нашу общественную жизнь. Свои личныя дѣла важны и должны быть важны для каждаго. Но общественныя — мелочь. Да. Наше общество не занимается ничѣмъ, кромѣ пустяковъ. Теперь, напримѣръ, горячится исключительно изъ-за отмѣны крѣпостного права. Что такое крѣпостное право? Мелочь. Въ Америкѣ—невольничество не мелочь. Разница между правами и благосостояніемъ чернаго работника въ южныхъ штатахъ и бѣлаго работника въ сѣверныхъ—неизмѣримо велика. Сравнять невольника съ сѣвернымъ работникомъ—великая польза. У насъ не то. Многимъ ли лучше крѣпостныхъ живутъ вольные мужики? Многимъ ли выше ихъ общественное значеніе?—Такъ мало лучше, что не стоитъ и говорить о такой микроскопической разницѣ. Потому не великъ былъ бы выигрышъ для помѣщичьихъ мужиковъ, еслибъ и сравняли ихъ съ вольными. Но этого не будетъ, потому что это невозможно; это невозможно, потому что не думаетъ объ этомъ; оно и не воображаетъ думать, что можно понимать вопросъ въ такомъ смыслѣ и что только въ этомъ смыслѣ онъ, хоть и не важенъ сравнительно съ важными, забываемыми, но хоть самъ по себѣ, безъ сравненія съ ними, не совершенно пустъ. Исключительно занимаясь мелкимъ вопросомъ, оно понимаетъ его исключительно въ пустомъ смыслѣ. Сущность дѣла въ томъ, что за право существовать и работать мужикъ обязанъ платить частному лицу,—землевладѣльцу—подать, натурою или деньгами, барщину или оброкъ. За право работать, потому что земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности; сами по себѣ цѣнность имѣютъ пшеница, лошадь, овца, золото, алмазъ: эти предметы сами по себѣ годятся на что-нибудь. Земля сама по себѣ не имѣетъ цѣнности; кто платитъ за землю, платитъ только за право работать. Эта подать за право работать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ велика; почти у всѣхъ помѣщиковъ велика до большой обременительности. Вотъ серьезная сторона дѣла. Перемѣны въ ней не будетъ, потому что общество не думаетъ объ этомъ. Обременительная подать въ пользу частнаго лица останется. Но вмѣстѣ съ правомъ брать эту подать помѣщикъ имѣетъ административную власть. Исключительно этимъ обстоятельствомъ и занялось общество. Помѣщики дурные судьи, помѣщики деспоты, помѣщики злодѣи. Есть и такіе помѣщики. Есть дурные люди во всякомъ сословіи. Но во всякомъ сословіи ихъ очень мало. Изъ 20,000,000 людей подъ управленіемъ помѣщиковъ 200,000, можетъ быть, имѣютъ помѣщиками дурныхъ капризниковъ или злодѣевъ. Эти 200,000 выигрываютъ отъ уничтоженія административной власти помѣщиковъ. Остальная масса крѣпостныхъ не выиграетъ, скорѣе можно полагать, что проиграетъ. Извѣстно изъ политической экономіи, что наилучшій администраторъ тотъ, кто имѣетъ прямую личную выгоду отъ благосостоянія управляемыхъ. Помѣщикъ имѣетъ. Никакой бюрократическій начальникъ не имѣетъ. Одна сотая доля крестьянъ выиграетъ; остальной можетъ быть только проигрышъ.

«— Страшно, если такъ,—сказалъ я.

«— Ничего особенно страшнаго, мелочь.

[1]) Чернышевскій былъ старше Добролюбова на 7½ лѣтъ.

Характеръ администраціи зависитъ главнымъ образомъ отъ общаго характера національнаго устройства. Другія вліянія ничтожны передъ этимъ. Кому выгодно быть хорошимъ, тотъ немного, очень немного получше; кому нѣтъ выгоды быть хорошимъ, немного похуже, очень немного. Дурные администраторы очень немногимъ хуже хорошихъ своихъ товарищей по времени и мѣсту. Въ сущности все это мелочь и вздоръ. Все вздоръ передъ общимъ характеромъ національнаго устройства. Выгоды будетъ очень мало и убытокъ не великъ,—такъ поставленъ вопросъ.

«Пустое дѣло. Пустое. И сколько времени наше общество будетъ забывать обо всемъ другомъ изъ-за хлопотъ объ этомъ мелкомъ дѣлѣ, понимаемомъ только въ пустѣйшемъ его смыслѣ? Но вотъ, положимъ, дохлопотались, устроили и навосхищались до сыта, что бывшіе крѣпостные освобождены и возблагоденствуютъ. Можно обществу приняться за что-нибудь другое. Что дальше на очереди? — Судъ присяжныхъ. Тоже важная вещь, когда находится не подъ вліяніемъ такого общаго національнаго устройства, при которомъ никакія судебныя реформы не могутъ дѣйствовать много хуже суда присяжныхъ! Великая важность онъ самъ по себѣ! Былъ ли онъ въ Англіи при Тюдорахъ и Стюартахъ? Чему онъ мѣшалъ? Былъ ли онъ во Франціи теперь? Чему мѣшаетъ? Какія судебныя формы могутъ имѣть какую-нибудь серьезную важность, пока общій характеръ національнаго устройства не охраняетъ правду и защитниковъ ея?—Все вздоръ.

«Двѣ мелочи—вотъ вся программа хлопотъ и восторговъ русскаго общества на довольно долгое время, если не случится ничего особеннаго; а ничего особеннаго пока еще не предвидится. Пустота,—безсмыслiе пустоты, безсиліе безсмыслія.

«Общество не хочетъ думать ни о чемъ, кромѣ пустяковъ. Общество не можетъ допустить литературы, которая была бы противна его расположенію. Оно не можетъ допустить, чтобы литература занималась не пустяками, когда оно хочетъ заниматься только пустяками. Пока настроеніе общества не измѣнится, литература обречена оставаться пустою, мелочною, презрѣнною, какъ теперь. Онъ самъ пишетъ только вздоръ, и я сталъ бы писать только о пустякахъ. А между тѣмъ, мой голосъ звучалъ бы диссонансомъ въ усладительномъ концертѣ русскихъ либераловъ. Общее мнѣніе нашло бы, что я мѣшаю концерту. Оно было бы совершенно право. Я мѣшалъ бы. Прочь того, кто мѣшаетъ! Я буду чужой, ненавистный; прочь негодяя! Эта перспектива, думаетъ онъ, не страшна мнѣ: молодые люди безразсудны и воображаютъ свое безразсудство гражданской доблестью. Оно глупость, больше ничего.

«— Какую пользу принесу я, начавъ писать? Что выскажу, что разъясню? Невозможно ясно писать о томъ, что ненавистно обществу. Всякая серьезная мысль ненавистна ему. Какъ я ни бейся, какъ ни изворачивайся, я буду писать только темныя мелочи о мелочахъ. Умно ли мнѣ губить себя изъ-за такого вздора? Позволяетъ ли ему совѣсть допустить, чтобы я губилъ себя изъ такого вздора?

«Нѣтъ. Еслибъ я былъ не такой человѣкъ, пусть бы я губилъ себя, какъ мнѣ угодно: пьянствомъ ли, картежничествомъ ли, воровствомъ ли, все равно, чѣмъ мнѣ было бъ угодно. Онъ сказалъ бы: «и чортъ съ тобой, кому ты нуженъ, пропадай, когда нравится!» Такъ онъ сказалъ бы, все равно: и про мое желаніе бить лбомъ въ стѣну: «чортъ съ тобою, пиши, когда тебѣ угодно предпочесть пьянству этотъ путь къ погибели». Но онъ не можетъ сказать «чортъ съ тобой, пропадай!», потому что я не такой человѣкъ, погибель котораго не была бы особенною потерею для общества, или если мнѣ угодно думать: «а чортъ съ нимъ, съ обществомъ», то онъ можетъ выразиться правильнѣе: я пригожусь народу. О народѣ я не скажу, вѣроятно, «чортъ съ нимъ и съ его надобностями».

«Придетъ серьезное время. Когда?—Я молодъ, потому для вопроса обо мнѣ все равно, когда оно придетъ: во всякомъ случаѣ оно застанетъ меня еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, если я сберегу себя. Какъ придетъ? Какъ пришла маленькая передряга Крымской войны; безъ нашихъ заботъ; пусть не хлопочу: никакими хлопотами не оттянешь, не ускоришь вскрытіе Невы. Какъ придетъ? Мы говоримъ о силѣ времени,—сильна только сила природы:

По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда и какъ онъ летитъ.

....«Но такъ или иначе, придетъ серьезное время. Почему это несомнѣнно? Потому что связи наши съ Европою становятся все тѣснѣе, а мы слишкомъ отстали отъ нея. Такъ или иначе, она подтянетъ насъ впередъ къ себѣ.

«Придетъ серьезное время. Пойдутъ вопросы о благѣ народа. Нужно будетъ кому-нибудь говорить во имя народа. Я долженъ буду приберечь себя къ тому времени... Подумайте еще, мой упрямый, мой милый, подумайте. Я не отстану, пока не уговорю васъ. До завтра.

....«Но я вижу его (Волгина) недостатки.

Онъ не вѣритъ въ народъ. По его мнѣнію, народъ также плохъ и пошлъ, какъ общество. Понятно, почему онъ такъ думаетъ: ему не хотѣлось бы террора; онъ и старается убѣдить себя, что терроръ невозможенъ. Онъ слишкомъ холодно совѣтуетъ терпѣть. Это явная логическая ошибка: «намъ съ вами очень можно терпѣть, потому что намъ недурно»,—совершенно согласенъ, но «потому пусть и народъ потерпитъ». Народу не такъ легко терпѣть, какъ намъ. Люблю Волгина, но вовсе не слѣпъ на его недостатки» (210—217).

Теперь прежде всего нужно возстановить факты дѣйствительности: Чернышевскій уговаривалъ Н. А. обождать писать не въ ожиданіи прилива новой волны жизни,—а просто потому, что понималъ всю невозможность сотрудничества въ подозрѣваемомъ журналѣ для подозрѣваемаго и гонимаго студента.

Но для насъ не это важно. Важно совсѣмъ другое: какъ передъ Добролюбовымъ открылся невѣдомый до тѣхъ поръ кругъ радикальнаго міровоззрѣнія, совершенно не похожій ни на соціализмъ Герцена, убѣжденнаго въ то же время въ громадной важности и срочности освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ, свободы печати и пр., ни на революціонность Щеглова и его единомышленниковъ. Чернышевскій ставилъ вопросъ совсѣмъ по другому: всѣ эти реформы—вздоръ, мелочь; корень дѣла—въ «національномъ устройствѣ», т.-е. въ формѣ государственнаго устройства, которое нельзя исправить частичными поправками... *Это* въ такой категорической и ясной формѣ Добролюбовъ слышалъ впервые. *Такія* мысли не создавались еще въ его умѣ. Онъ сознавалъ, что его «opositiоn légale» несостоятельна, но понималъ также и отдаленность тогдашняго Чернышевскаго отъ революціонной работы... Мысль его получала новый громадный матеріалъ для переработки...

Въ это время Н. А. оглядывается на свое сознательное прошлое въ весьма интересномъ письмѣ къ Лаврскому, которому еще такъ недавно приписывалъ сильное на себя отрицательное вліяніе. «Со мной, послѣ нашего послѣдняго свиданія (лѣтомъ 1854 г.—*М. Л.*) случилось много такого, что совершенно отвлекло мое вниманіе отъ дружеской переписки. Вспомните нашъ послѣдній разговоръ (наканунѣ смерти отца—*М. Л.*), въ которомъ я, по какой-то странной, вѣчно неудовлетворяемой жаждѣ дѣятельности, желалъ поскорѣе «вступить въ жизнь», тогда какъ вы изъявляли свое отвращеніе отъ этого скораго вступленія... На другой день послѣ этого разговора мое желаніе было исполнено самымъ ужаснымъ, самымъ непредвидѣннымъ образомъ... На моихъ рукахъ были домъ и сироты... И что же—этотъ горькій опытъ не заставилъ меня раскаяться въ своемъ желаніи... Я нашелъ въ себѣ силы помириться съ своей личной участью; наслажденія труда замѣнили мнѣ былыя наслажденія лѣни, пріобрѣтенія мысли—увлеченія сердца, любовь человѣческая—любовь родственную... Не знаю, не покажется ли вамъ, что «говорю я хитро, непонятно»; можетъ быть, мои простыя слова противорѣчатъ вашей метафизической фразеологіи. Но прошу васъ, вспомните, что вѣдь я въ православной философіи не пошелъ дальше того, что имѣлъ неудовольствіе выслушать у профессора семинаріи, а во всемъ, что я читалъ послѣ—находилъ діаметральную противоположность съ ученіемъ его, и вѣроятно, всѣхъ другихъ академическихъ философовъ; поэтому оставьте въ покоѣ мою терминологію и поймите слова мои просто, безъ высшихъ претензій и взглядовъ... Утвердились ли вы еще болѣе въ добродѣтели, прониклись ли насквозь священнымъ девизомъ православія, самодержавія и народности, напитали ли душу свою вдоволь благоговѣйными размышленіями, важными для блага міра. Дремлите ли вы мирно подъ сѣнію всепримиряющей вѣры, или тлетворное дыханіе буйнаго Запада проникло и въ казанское убѣжище православія и, миновавъ стоглазыхъ аргусовъ, въ видѣ «Православнаго Собесѣдника» и пр., нарушило спокойный, безгрезный сонъ вашъ? Душевно жалѣю, если такъ; но утѣшаюсь надеждою, что вы крѣпки въ своихъ вѣрованіяхъ, что ваша голова издавна заперта наглухо для пагубныхъ убѣжденій и васъ не совратитъ съ вашего пути ни Штраусъ, ни Бруно Бауэръ, ни самъ Фейербахъ, не говоря уже о какомъ-нибудь Герценѣ или Бѣлинскомъ. Только въ этой увѣренности, предполагая въ васъ всегдашнюю христіански смиренную готовность къ прощенію ближняго, я рѣшился вамъ написать эти строки. Что касается до меня, то я доволенъ своею новою жизнью,—безъ надеждъ, безъ мечтаній, безъ обольщеній, но зато и безъ малодушнаго страха, безъ противорѣчій естественныхъ внушеній съ сверхъестественными запрещеніями. Я живу и работаю для себя, въ надеждѣ, что мои труды могутъ пригодиться и другимъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ я все воевалъ съ старыми врагами, внутренними и внѣшними. Вышелъ я на бой безъ заносчивости, но и безъ трусости,—гордо и спокойно. Взглянулъ я прямо въ лицо этой загадачной жизни и увидѣлъ, что она совсѣмъ не то, о чемъ твердили о. Паисій и преосвященный Іеремія. Нужно было пойти противъ прежнихъ по-

нятій и противъ тѣхъ, кто внушилъ ихъ. Я пошелъ сначала робко, осторожно, потомъ смѣлѣе, и, наконецъ, предъ моимъ холоднымъ упорствомъ склонились и пылкія мечты и горячіе враги мои. Теперь покоюсь на своихъ лаврахъ, зная, что не въ чемъ мнѣ упрекнуть себя, зная, что не упрекнутъ меня ни въ чемъ и тѣ, которыхъ мнѣніемъ и любовью дорожу я. Говорятъ, что мой путь смѣлой правды приведетъ меня когда-нибудь къ погибели. Это очень можетъ быть; но я сумѣю погибнуть не даромъ. Слѣдовательно, и въ самой послѣдней крайности будетъ со мной мое всегдашнее, неотъемлемое утѣшеніе, что я трудился и жилъ не безъ пользы... Впрочемъ, это еще очень далекая исторія». («Матеріалы», 323—325).

При свѣтѣ новыхъ убѣжденій Добролюбовъ былъ въ полосѣ переоцѣнки не только идей, но и людей, которыхъ еще недавно ставилъ такъ высоко. Любопытно его теперешнее отношеніе, напр., къ И. И. Срезневскому, у котораго онъ много работалъ, въ качествѣ помощника по корректурѣ академическихъ изданій, пріисканію матеріаловъ для всякаго рода библіографическихъ и этнографическихъ примѣчаній и прочее. Насколько тепло относился Срезневскій къ любимому своему ученику, видно изъ письма Н. А. къ профессору отъ 28 іюня 1856 года: «со времени смерти отца моего не припомню еще ни отъ кого такой сердечной, благосклонной ласки, какую—не знаю, за что—оказываете мнѣ вы».

Въ благодарность за постоянную помощь Срезневскій помѣстилъ его на лѣто 1856 г. въ своей квартирѣ, прося кстати заняться приведеніемъ въ порядокъ его обширной библіотеки... «Пока шла славянская филологія, я удивлялся богатству библіотеки его; книгъ чешскихъ, сербскихъ, болгарскихъ у него болѣе, нежели я предполагалъ всего существующаго въ этихъ литературахъ. Но когда дѣло дошло до русской литературы, удивленіе мое уступило мѣсто ужасу; вообрази, нѣтъ не только Лермонтова, Кольцова (это еще было бы понятно), нѣтъ даже Карамзина (кромѣ, конечно, «Исторіи»), Державина, Ломоносова (опять кромѣ «Грамматики»). Пушкинъ и Гоголь есть только въ новыхъ изданіяхъ, слѣд., до прошедшаго года и ихъ не было! «Мертвыхъ душъ» такъ и нѣтъ, и по одной распискѣ, брошенной между книгами, видно, что онъ бралъ ихъ читать изъ академической библіотеки». Были, конечно, рукописныя стихотворенія, которыми Срезневскаго снабжалъ Гильфердингъ, но все невинныя въ родѣ «Демона», «Русскому царю», «Насильнаго брака» и т. п... Добролюбовъ думалъ, что Срезневскій «былъ бы способенъ къ нѣкоторому образованію (въ смыслѣ общественности—*М. Л.*), если бы не имѣлъ такой сильной учености въ своемъ спеціальномъ занятіи и если бы въ сотняхъ своихъ статеекъ не находилъ точки опоры для своего невѣжества въ вопросахъ человѣческой науки»... Сравненіе со Срезневскимъ другого профессора, которымъ сначала Н. А. увлекался—Н. М. Благовѣщенскаго, было не въ пользу второго. «Этотъ человѣкъ, будучи въ десять разъ глупѣе Срезневскаго, въ десять разъ больше о себѣ думаетъ, и, слѣдовательно, къ образованію способенъ уже во сто разъ менѣе».

VIII.

4-й курсъ начался для Добролюбова непріятностью. Какъ только студенты собрались и увидѣли, что прошлогоднія ихъ жалобы на плохое содержаніе возымѣли свое частичное дѣйствіе, но еще очень, однако, недостаточное,—было рѣшено подать прямо Давыдову просьбу о мѣрахъ для улучшенія стола. Никто не рѣшался взять на себя самое врученіе просьбы. Добролюбовъ вывелъ товарищей изъ затрудненія. Несмотря на дружный ихъ протестъ, онъ отправился къ директору и подалъ ему бумагу... Н. А. вернулся блѣдный, со сжатыми губами, а черезъ часъ отправился къ кн. Вяземскому. Послѣдняго онъ просилъ выпустить его немедленно младшимъ учителемъ гимназіи, а Вяземскій долго уговаривалъ его отказаться отъ этого рѣшенія. Когда же Н. А. сталъ настаивать на принятіи своей просьбы, Вяземскій сказалъ, что просто не приметъ его прошенія (Бумаги Литератур. Фонда).

Давыдовъ всячески преслѣдовалъ смѣльчака, и черезъ нѣсколько дней Добролюбовъ отправилъ Вяземскому второе свое прошеніе:

«Поставленный въ крайне затруднительное положеніе обстоятельствами, недавно случившимися въ Глав. Пед. Ин. и имѣвшими для меня весьма тягостныя послѣдствія, осмѣливаюсь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбой объ оправданіи и защитѣ. В. С-ву извѣстны многія жалобы студентовъ Ин., въ особенности на экономическую часть его управленія. Вамъ, конечно, небезызвѣстно и то, что жалобы эти имѣли нѣкоторое дѣйствіе: съ 18 числа августа мѣсяца сего года въ Ин. начало исполняться постановленіе устава 1828 г. о томъ, чтобы студенты сами принимали провизію, выдаваемую для ихъ стола; и съ этого времени столъ дѣйствительно сдѣлался лучше. Ею пр-во, г. директоръ Ин., самъ

показалъ живую готовность преслѣдовать злоупотребленія и нѣсколько разъ при студентахъ (которые могутъ это засвидѣтельствовать) упрекалъ въ воровствѣ повара и въ несмотрѣніи — эконома. Въ это самое время оказалась у меня и еще у нѣсколькихъ студентовъ надобность въ ключахъ для запиранія своихъ шкафовъ и ящиковъ; мы просили объ этомъ свое начальство, и ключи къ замкамъ были придѣланы, несмотря на предварительныя отговорки эконома. Съ живымъ удовольствіемъ и благодарностью видя столь ревностное стараніе исправлять вкравшіяся неустройства и желая съ своей стороны по мѣрѣ возможности содѣйствовать благому стремленію, студенты сочли себя въ правѣ представить на благоусмотрѣніе начальства и свои собственныя замѣчанія о томъ, что ихъ непосредственно касается. Такимъ образомъ, находя, что пріемъ дежурнымъ провизіи и записываніе въ книгу *количества* ея, все еще не вполнѣ обезпечиваютъ *качество* стола студентовъ (такъ какъ о качествѣ пищи ничего не пишется въ книгѣ, данной дежурному студенту), студенты 4-го и 3-го курсовъ, которымъ въ послѣднее время представлено было дежурство въ кухнѣ,—рѣшились съ общаго согласія, просить правленіе Ин. о томъ, чтобы въ книгѣ этой заведена была особая графа, въ которой бы дежурный студентъ могъ записывать, всѣ ли студенты довольны въ своемъ столѣ и, если недовольны, то чѣмъ именно. 25 августа просьба была написана, прочитана всѣмъ студентамъ, исправлена, подписана всѣми почти бывшими на лицо студентами, и потомъ переписанная уже безъ подписей, подана въ правленіе Ин. Подача этой просьбы случайно выпала на мою долю. Въ тотъ же день я былъ призванъ въ правленіе и г. директоръ началъ представлять мнѣ прошеніе студентовъ тяжкимъ преступленіемъ, обвиняя при томъ во всемъ дѣлѣ меня одного. На всѣ мои оправданія и объясненія онъ сказалъ, что обвиняюсь именно я потому, что давно замѣченъ въ возмутительномъ характерѣ и негодномъ поведеніи, въ доказательство чего онъ выставлялъ два факта: одинъ, случившійся полтора года тому назадъ, въ которомъ я давно уже раскаялся, получилъ прощеніе и который кажется успѣлъ загладить, и другой—тотъ, что я осмѣлился просить о выдачѣ мнѣ ключа къ шкафу. Напрасно пытался я оправдаться: г. директоръ представлялъ дѣло въ столь мрачномъ видѣ, что даже вооружилъ противъ меня бывшаго при этомъ г. инспектора Ин., котораго благодѣтельное и навсегда дорогое для меня участіе въ судьбѣ моего семейства заставляетъ меня особенно дорожить его мнѣніемъ. Въ заключеніе г. директоръ сказалъ мнѣ, что «такъ какъ я осмѣлился быть недовольнымъ, то и мною не могутъ быть довольными; такъ какъ я осмѣлился находить зло, то и во мнѣ будутъ искать зла и при первомъ малѣйшемъ проступкѣ противъ институтскихъ правилъ, я буду выгнанъ изъ Ин.».

«Столь неожиданное для меня и столь рѣшительное объявленіе вынуждаетъ меня безпокоить своею просьбою В. С. Прежде всего смѣю объяснить, что прошеніе, за которое пострадалъ я, было, дѣйствительно, написано съ общаго рѣшенія всѣхъ студентовъ, что могутъ доказать ихъ подписи на черновой бумагѣ. Что же касается до моего поведенія, то умоляю В. С. приказать сдѣлать справки въ ежедневныхъ кондуитныхъ спискахъ за три года, гдѣ мнѣ почти всегда ставили полный баллъ 5 (хотя въ общихъ полугодовыхъ спискахъ и являлось, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, 4 и $4^1/_2$); во-вторыхъ, обратить вниманіе на въ высшей степени лестный отзывъ, сдѣланный обо мнѣ начальствомъ Ин. не далѣе 4 мѣсяцевъ тому назадъ по поводу дѣла о моемъ семействѣ; въ-третьихъ, сдѣлать справки, какъ у моихъ товарищей, такъ и у гувернеровъ, которые, постоянно бывая со студентами, скорѣе всѣхъ могли бы замѣтить признаки буйнаго и возмутительнаго характера. Я вполнѣ увѣренъ, что при строжайшемъ изслѣдованіи я окажусь вполнѣ чистымъ и благонравнымъ передъ безпристрастнымъ судомъ. Но при всемъ томъ, имѣя въ виду ясно выраженное обѣщаніе г. директора выгнать меня, я не могу быть увѣреннымъ, что въ продолженіе цѣлаго года, который остается мнѣ провести въ Ин., никогда не подамъ повода замѣтить меня въ упущеніи какой-нибудь мелочи, особенно, если за этими мелочами будутъ нарочито слѣдить. И, наконецъ, если бы даже я могъ выйти изъ этого испытанія вполнѣ безукоризненнымъ, я не чувствую въ себѣ довольно силъ для того, чтобы вынести безвредно цѣлый годъ такой жизни.

«По всѣмъ этимъ уваженіямъ я беру смѣлость умолять В. С. о дозволеніи мнѣ перейти въ Спб. университетъ и, если возможно, съ тѣмъ, чтобы мнѣ были выдаваемы, въ видѣ стипендіи, 143 р. сер., деньги, назначенныя для годового содержанія моего въ Ин. Если же я не буду имѣть счастія удостоиться этой милости, то покорнѣйше прошу перевести меня въ Ун. даже безъ всякой степендіи, съ сохраненіемъ, впрочемъ всѣхъ моихъ обязательствъ о службѣ по министерству народнаго просвѣщенія.

«Наконецъ, если невозможно сдѣлать и этого, я рѣшаюсь просить министерство о

томъ, чтобы меня, по правамъ, студентамъ Ин. въ IV курсѣ присвоеннымъ, уволили теперь же изъ Ин. съ званіемъ младшаго учителя. Этою милостью мнѣ дастся возможность черезъ годъ держать экзаменъ на званіе старшаго учителя и такимъ образомъ сравняться съ моими товарищами, которые съ этимъ званіемъ должны окончить курсъ въ Ин. въ слѣдующемъ году» (Бумаги Литер. Фонда).

Это прошеніе оставлено было безъ исполненія. Добролюбовъ, впрочемъ, и не надѣялся ни на что; ему важно было заявить въ офиціальномъ порядкѣ о своемъ положеніи, обратить на себя вниманіе министерства народнаго просвѣщенія и такимъ образомъ лишить Давыдова возможности продолжать мелочное преслѣдованіе; Добролюбовъ придавалъ этому прошенію чисто дипломатическое значеніе... Давыдовъ на время, дѣйствительно, затаилъ свою злобу...

30 декабря 1856 г. вышелъ въ свѣтъ V томъ «Извѣстій Второго Отдѣленія Академіи Наукъ», на обложкѣ котораго сказано было: «труды академиковъ II Отдѣленія (такихъ-то), корреспондентовъ Академіи (такихъ-то), *постороннихъ ученыхъ* — такихъ-то и Н. А. Добролюбова. Дѣйствительно, въ этомъ томѣ помѣщенъ былъ составленный Н. А. «Указатель къ первымъ пяти томамъ Извѣстій», — большой кропотливый трудъ, занимающій двадцать двухстолбцовыхъ страницъ мелкаго шрифта. Работа эта сдѣлана, по предложенію Срезневскаго, исключительно въ цѣляхъ небольшого заработка.

Послѣдній день 1856 года Добролюбовъ провелъ съ своими товарищами: Поржницкимъ и Михайловскимъ. По случаю коронаціи, въ сентябрѣ 1856 года лейбъ-медикъ Енохинъ напомнилъ государю о сосланныхъ студентахъ-фельдшерахъ и получилъ для нихъ помилованіе съ назначеніемъ, однако, въ Казанскій и Харьковскій университеты. Какъ разъ въ послѣднихъ числахъ декабря товарищи пріѣхали въ Петербургъ, чтобы оттуда слѣдовать дальше. Н. А. разсказываетъ это въ шуточномъ «посланіи» своемъ къ С. П. Галахову, родственнику кн. М. А. Трубецкой. Это былъ богатый человѣкъ (однофамилецъ А. Д. Галахова, котораго Добролюбовъ не разъ высмѣивалъ), вращавшійся въ свѣтскомъ петербургскомъ обществѣ. Онъ очень любезно принималъ Добролюбова еще съ конца 1854 года. Н. А. дорожилъ этимъ милымъ домомъ, какъ источникомъ массы новостей. Привожу шутливое посланіе съ тѣми пропусками, которые сдѣланы въ «Русской Старинѣ» (1887 г. X, 233 — 236), гдѣ оно впервые было опубликовано.

Посланіе къ С. П. Галахову.

Примѣры заразительны [1])
Твердятъ намъ все не впрокъ,
И вашъ превосходительный
Примѣръ меня увлекъ.
Стихами безтолковыми
Хочу вамъ описать,
Какъ трудностями новыми
Судьба меня опять
Преслѣдуетъ несчастнаго,
На цѣлые два дня
Сообщества прекраснаго
Лишая вновь меня.
Терплю я испытаніе
Въ лицѣ моихъ друзей...
Но вотъ вамъ описан!е
Исторіи моей.
Въ числѣ моихъ пріятелей
Полякъ одинъ здѣсь былъ, [2])
Чуть въ секту зажигателей
Онъ не записанъ былъ
За то, что злыхъ зарядами
Билъ глупыхъ на повалъ,
И прямо казнокрадами
. . . . . ругалъ;
За то, что справедливости
И честности хотѣлъ,
Шелъ противъ всякой мерзости
Безчестья не терпѣлъ.
Онъ нашъ педагогическій
Оставилъ институтъ
За то, что нашъ классическій
Директоръ слишкомъ крутъ,
Моритъ насъ тяжкимъ голодомъ,
Что рубища намъ шьетъ
И будто бъ тяжкимъ молотомъ
Намъ голову куетъ.
. . . . . .
. . . . . .
Но на смѣхъ душамъ пламеннымъ
На Невскомъ иль въ Морской,
На Выборгской, на Каменномъ,
Все тотъ же родъ людской,
. . . . . учрежденіямъ
Кому жъ у насъ служить,
Когда не упражненіемъ
Начальникамъ служить
Въ домашней экономіи,
Такъ нашъ и П—нъ,
На зло всей гастрономіи,
Набилъ себѣ карманъ
И вывелъ изъ терпѣнія
Голодныхъ лѣкарей.
И вотъ, въ ожесточеніи
Противъ судьбы своей,

---

[1]) За нѣсколько дней до этого посланія у Галаховыхъ въ шутку играли въ риѳмы.
[2]) Поржницкій.

Отправили Поржницкаго
Къ царю они опять
Чтобы Давыдки низкаго
Грѣшки изобличать.
И вотъ они представились
Передъ лицомъ царя,—
Чрезъ мѣсяцъ же отправились
Они всѣ въ фельдшера.
Ихъ чудная исторія
Извѣстна, вѣрно, вамъ.
И вамъ, крушась отъ горя, я
Ее не передамъ.
Изъ всей ихъ аттестаціи
Могу сказать одно,
. . . . . .
Прощенье имъ дано.
. . . . . .
А чтобъ отъ нихъ избавиться
Онъ далъ имъ свой декретъ,
Чтобы въ Казань отправиться
Имъ въ университетъ.
На дняхъ же собираются
Друзья мои туда,
Быть можетъ, распрощаемся
Мы съ ними навсегда.
Разлуку чтобъ печальную
Немного усладить,
Мы предъ дорогой дальнею
Рѣшились вмѣстѣ быть,
И даже я ужасную
Имъ жертву приношу,
Когда сію несчастную
Галиматью пишу!
Но что же дѣлать—дружество
Царитъ въ душѣ моей,
Во мнѣ не станетъ мужества
Бѣжать моихъ друзей,
Хотя бъ и веселѣе васъ
Было мнѣ увидать.—
Варварѣ Алексѣевнѣ
Прошу васъ передать
Глубокое почтеніе,
Супругѣ вашей тожъ.
У нихъ ужъ и прощенія
Боюсь просить я,—дрожь
Прометъ меня отъ мысли взбал-
[мошной,
Что я ихъ обманулъ.
И вмѣсто Шестилавочной
Вдругъ къ Выборгской махнулъ.
На ваше покровительство
Надѣюсь только я—
Гнѣвъ ихъ превосходительства
Смягчите для меня.
И въ счастьи, и въ несчастіи
Вамъ преданный душой,
Я быть имѣю счастіе
Покорнѣйшимъ слугой

Н. Добролюбовъ.

IX.

На другой день, 1 января 1857 г. Добролюбовъ обѣдалъ у Галаховыхъ съ массою прочихъ гостей и думалъ, какъ хорошо имѣть большое состояніе... «Но вскорѣ потомъ подумалъ я, что много есть людей, которые и мнѣ могутъ позавидовать за то, что я каждый день могу ѣсть мясо и пироги, ѣздить на извозчикахъ, имѣть теплый воротникъ на шинели и т. п. А, пожалуй, найдутся и такіе, которые позавидуютъ даже имѣющимъ возможность ѣсть хлѣбъ каждый день... Мысли эти меня очень грустно потревожили, и соціальные вопросы показались мнѣ въ эту минуту святѣе, чѣмъ когда-нибудь» (Юб. Сбор., 284)... Черезъ нѣсколько дней Н. А. пошелъ къ одному знакомому, и они «толковали о несоразмѣрности состояній, о роскоши, о бракѣ», и пріятель «совсѣмъ не чуждался радикальныхъ объясненій, которыя я дѣлалъ ему на этотъ счетъ... 25 января Н. А., сказавъ о себѣ какъ о «гуманнѣйшемъ и соціальнѣйшемъ» изъ всего его кружка, записываетъ въ свой дневникъ: «Вообще Александровичъ (товарищъ студентъ — *М. Л.*) — человѣкъ всѣхъ болѣе близкій комнѣ по характеру, т.-е. очень не глубокій характеръ, тѣмъ не менѣе чрезвычайно дѣятеленъ въ своихъ стремленіяхъ. Онъ забываетъ о высшихъ интересахъ, какъ и со мной случается, но при первомъ напоминаніи вполнѣ предается имъ и жертвуетъ своими прихотями. Для него вопросы соціальные — вопросы внутренніе, стремленіе души его, а никакъ не внѣшнія навязанные обстоятельствами увлеченія, какъ у большей части другихъ изъ намъ извѣстныхъ. Только у него натура ужасно слабая и способная къ увлеченіямъ, и я боюсь, что, попавши въ дурной кружокъ, онъ легко распростится съ своими святыми убѣжденіями... Этого бояться даже за самого себя я имѣю основаніе; но какъ же не сознаться, хоть и себѣ самому, что во мнѣ (что ни говори Щегловъ) внутреннихъ силъ гораздо больше, презрѣніе къ людскимъ авторитетамъ и къ житейскимъ выгодамъ гораздо сильнѣе, и что къ высшимъ вопросамъ, къ послѣднимъ рѣшеніямъ—я подошелъ гораздо ближе, гораздо смѣлѣе взглянулъ имъ въ лицо, нежели Александровичъ. Меня совратить съ моей дороги ужасно трудно, тѣмъ болѣе, что я до сихъ поръ не тратилъ силъ своихъ на серьезную внѣшнюю борьбу и, въ случаѣ нужды, могу явиться смѣлымъ и свѣжимъ борцомъ» (Юб. Сбор. 323—324).

Эти цитаты ясно указываютъ на непрерывный ходъ развитія въ Добролюбовѣ со-

ціализма и бо́льшую и бо́льшую прививаемость къ нему радикализма... Словомъ, вліяніе Чернышевскаго въ это время очень сильно. Его еще можно наблюдать и въ другой плоскости. Добролюбовъ прочелъ «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» и сразу сталъ на точку зрѣнія Н. Г—ча. «Лежа въ спальнѣ, разсуждали мы съ Александровичемъ о чистомъ и о дидактическомъ направленіи искусства. Ал. стоитъ за дидактизмъ, но не умѣлъ до сихъ поръ избавиться отъ мысли, что собственно дидактизмъ придаетъ мертвенность, вялость и холодность поэтическому произведенію. Сознаваясь въ этомъ, но презирая чистое, безцѣльное искусство, онъ не зналъ, куда ему дѣваться и на чемъ остановиться. Я растолковалъ ему, что дидактизмъ отвлеченный, головной нужно отличать отъ дидактизма, перешедшаго въ жизнь, въ натуру поэта, въ инстинктивное чувство добра и правды, чувство, придающее жизнь, энергію и поэзію произведенію гораздо болѣе, нежели просто какое-нибудь чувство природы или безотчетнаго наслажденія красотой и т. п. Я, конечно, своихъ мыслей не считаю чѣмъ-нибудь новымъ, важнымъ и т. п.» (Юб. Сбор. 315—316). Въ замѣткѣ моей къ сочиненію № 116 читатель найдетъ еще интересный матеріалъ для характеристики силы вліянія, которое оказано было на Н. А. диссертаціей Чернышевскаго. Очевидно, ею же объясняется и статья Добролюбова о стихотвореніяхъ Фета (№ 48).

Товарищи, конечно, хорошо видѣли, какъ эволюціонировалъ ихъ пріятель, положеніе котораго въ ихъ кругу дѣлалось все болѣе и болѣе замѣтно. Шемановскій категорически утверждаетъ, что на послѣднемъ курсѣ имъ стало ясно, что Н. А.— самый выдающійся изъ всѣхъ; они имъ гордились. Радонежскій выражаетъ это въ такой формѣ: «Если не всѣ любили Добролюбова, не всѣ соглашались съ нимъ, то положительно говорю — всѣ его уважали. Смѣло можно сказать: всѣ мы, его товарищи, обязаны многимъ и многимъ Н. А—чу, какъ студенту, откликавшемуся на все, за всѣмъ современнымъ слѣдившему. Большая часть изъ насъ у него искала разъясненій на многіе вопросы, съ которыми немогли сами совладать. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ, но эти убѣжденія *его* были *свои,* этотъ пылъ, эта искренняя откровенность—были всегдашнею неизмѣнною принадлежностью благородной натуры незабвеннаго Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что по его убѣжденію, не было добро и правда...» Здѣсь Радонежскій вспоминаетъ, кстати, сцену, происшедшую въ январѣ 1857 г. «Какъ-то вечеромъ, часовъ въ 10, послѣ ужина, сидѣли мы въ своей камерѣ за столомъ: Добролюбовъ, я и еще три студента. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувши на лобъ очки. Является отъ знакомыхъ одинъ студентъ, нѣкто N, считавшій себя аристократомъ между нами голышами, какъ помѣщикъ... N сталъ разсказывать одному студенту новость: будто бы носятся слухи объ освобожденіи крестьянъ. Передавая этотъ слухъ, N выразилъ оттѣнокъ неудовольствія, какъ помѣщикъ... Добролюбовъ, не переставая читать, доселѣ довольно спокойно слушалъ разсказъ N. Но когда N сказалъ, что подобная реформа еще не довольно современна для Россіи и что интересъ его личный, интересъ помѣщичій черезъ это пострадаетъ,—Добролюбовъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и неистовымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ отъ него, умѣвшаго владѣть собою, закричалъ: «господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ безчестье нашей камеры!..» И выраженіямъ страсти своей и гнѣва Добролюбовъ далъ полную волю... («Совр.» 1862, I, 304—305).

Самъ Н. А. въ дневникѣ разсказываетъ этотъ эпизодъ нѣсколько иначе. N (Аверкіевъ, не извѣстный писатель) замѣтилъ, что для студентовъ Института эта новость не можетъ быть интересна, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. Лебедевъ сталъ глупо острить. «Я, видя, что дѣло святое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, горячо замѣтилъ Ав. неприличіе его выходки... Я сказалъ, что его острота обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ товарищемъ, и что между нами много есть людей, которымъ интересы русскаго народа гораздо ближе къ сердцу, нежели какой-нибудь чухонской свиньѣ» (Юб. сбор., 302). Но во вскомъ случаѣ фактъ этотъ характеренъ для Н. А. и при томъ еще со стороны обнаруженія его несогласія съ точкой зрѣнія Чернышевскаго, которую послѣдній развивалъ въ разговорахъ лѣтомъ 1856 года.

Кстати приведу здѣсь басню, сочиненную черезъ нѣсколько дней Аверкіевымъ на Добролюбова; Н. А—чъ въ дневникѣ своемъ только указалъ на нее (стр. 302 «Юб. Сбор.»).

Освобожденіе дикихъ звѣрей изъ звѣринцевъ.

Надавно [1]) въ попыхахъ вбѣжалъ ко мнѣ пріятель,
Свободы Донъ-Кишотъ, животныхъ обожатель
И *честолюбія* каратель

(Скажу вамъ на ухо: онъ *чести* не любилъ [2]).

«Слыхалъ ты новый билль,
Освобождающій отъ рабства всѣхъ звѣрей,
Волковъ, лисицъ, мартышекъ и медвѣдей?
Теперь могу прижать я къ сердцу брата волка,
Медвѣдя дружески облобызать,
Съ мартышкой въ быструю пуститься польку [3]),
Всѣхъ жителей звѣринца братьями назвать!»
Полюбопытствовалъ узнать я, въ чемъ же дѣло?
Но выйти лишь на улицу [4]) успѣлъ я,
Какъ слышу вой звѣрей
И крикъ и стонъ людей [5]).
Лишь только Бернабо и Замъ раскрыли двери
И вырвались изъ клѣтокъ звѣри,
Какъ бросились они на встрѣчныхъ
И прохожихъ
И первой жертвою ихъ дружескихъ зубовъ
Былъ вѣрный ихъ пріятель,
Свободы Донъ-Кишотъ, животныхъ обожатель,
И честолюбія каратель [6]).
Увидѣлъ Замъ, увидѣлъ Бернабо
Какъ мало пользы изъ того,
Когда дать волю звѣрямъ неразумнымъ:
И снова населеньемъ дикимъ, шумнымъ
Наполнились звѣринцы.

Николай Пустосвятъ.

Позже Добролюбовъ написалъ къ этой баснѣ очень ядовитыя и весьма непріятныя для автора примѣчанія, которыя, какъ и басню, привожу по подлиннику, находящемуся въ бумагахъ Литер. Фонда.

Примѣчанія критика. 1) Т.-е. въ 1856 году. 2) Да, потерянный совершенно человѣкъ этотъ Донъ-Кишотъ. Нелюбовь свою къ чести онъ доказалъ непристойными нападками на такихъ благородныхъ, уважаемыхъ Россіей дѣятелей, какъ Н. И. Гречъ, И. И. Д—въ и т. д. Особенно же онъ осрамилъ себя, напавши изъ подворотни на почтенныхъ людей и опытныхъ педагоговъ, ратовавшихъ за исконный въ Россіи проводникъ добра и просвѣщенія—розгу. Уже одно это съ достаточною ясностью показываетъ, что честь не присуща его душѣ. Но басню эту можно и болѣе пояснить и проч. 3) Собственно Донъ-Кишотъ какъ человѣкъ, не любящій чести, не бывающій въ салонахъ и постоянно витающій въ сферахъ, пропитанныхъ запахомъ луку, рѣдьки и дегтя, не умѣетъ плясать польки, но баснописецъ счелъ необходимымъ красотѣ картины пожертвовать правдой. И вышла дѣйствительно *поэтическая* картина! 4) Сколько мнѣ извѣстно, не на улицу, а на Исаакіевскую площадь. 5) Да, сильно пострадали честные люди, до сихъ поръ они не могутъ опомниться отъ ранъ, нанесенныхъ освобожденными звѣрями. 6) Развязка исполнена неподдѣльнаго трагизма, хотя и не совсѣмъ вѣрна дѣйствительности. Къ горю людей честныхъ, Донъ-Кишотъ остался цѣлъ и не вредимъ. Правда, на дверяхъ его квартиры отъ времени до времени появляются скверныя эпиграммы, смыслъ которыхъ какъ будто напоминаетъ о ихъ нечеловѣческомъ происхожденіи».

Здѣсь же умѣстно привести еще одну выдержку изъ дневника Добролюбова все въ томъ же январѣ 1857 г. Въ одномъ домѣ заспорили о честности, добродѣтели и пр. «Я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и не имѣетъ права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ» (Юб. Сбор., 294).

Вліяніе Герцена тоже не прекращается. Добролюбовъ все время слѣдитъ за его изданіями и всегда имѣетъ случай прочесть ихъ. Напримѣръ, читая очередную книжку «Полярной Звѣзды», онъ просидѣлъ съ 10 ч. вечера до 5 утра, не оторвавшись, несмотря на оживленную вокругъ бесѣду студентовъ университета, къ которымъ онъ пришелъ. «Закрывъ книгу, не скоро еще заснулъ я... Много тяжелыхъ, грустныхъ, но гордыхъ мыслей бродило въ головѣ... Въ половинѣ 10-го я проснулся совершенно свѣжимъ и бодрымъ и, напившись чаю, поговоривши, полюбовавшись еще разъ на портретъ Искандера», сѣлъ за работу для Срезневскаго (Юб. Сбор., 308).

Каковы же въ это время были отношенія Добролюбова къ Д. Ѳ. Щеглову? Ясно, что прежнихъ друзей раздѣляла теперь уже разница ихъ міровоззрѣнія. Чернышевскій отзывался о Щегловѣ тогда не особенно лестно. «Я не знаю, Щ. можетъ быть очень хорошій человѣкъ, пріятель вашъ и все... но мнѣ кажется, что онъ какъ будто мало развитъ. Онъ похожъ на бойкаго гимназиста и, какъ гимназистъ, онъ очень замѣчателенъ... Онъ какъ-то довольно узко смотритъ... Съ нимъ скучно быть»... Въ январѣ 1857 г. Добролюбовъ рекомендовалъ Щеглова въ одинъ знакомый домъ (Татариновымъ) въ качествѣ учителя къ дѣтямъ. Тотъ былъ очень радъ, сказалъ, что они должны «немножко помириться» и просилъ принять его въ группу, выписывавшую журналъ и газеты. «Я, конечно, былъ этому очень радъ,—заноситъ Н. А. въ свой дневникъ,—потому что ссориться съ нимъ

мнѣ очень не хотѣлось бы, хоть и въ дружбѣ его я уже давно не нахожу особенной отрады. Каждая вещь, которую мы дѣлаемъ, основывается, конечно, на эгоизмѣ, тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Пріятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочувствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю, и т. п. Но съ Щ. у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ. Въ послѣднихъ цѣляхъ мы расходимся. Я—отчаянный соціалистъ, хоть сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество, съ равными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ—революціонеръ, полный ненависти ко всякой власти надъ нимъ, но признающій необходимымъ неравенство правъ и состояній даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества и возстающій противъ власти только потому, кажется, что видитъ ея нелѣпость statu quo и признаетъ себя выше ея... Идеалъ его — Сѣверо-Американскіе Штаты. Для меня же идеала на землѣ еще не существуетъ, кромѣ развѣ демократическаго общества, митингъ котораго описалъ Герценъ [1]). Я полонъ какой-то безотчетной, безпечной любви къ человѣчеству — и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ «*по глупости*» и, слѣд., нужно жалѣть ихъ, а не сердиться. Щ., напротивъ, отличается страстностью дѣйствія и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ. Все затѣянное имъ начиналось съ него и къ нему непосредственно относилось; все, затѣянное мной, касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, потому что лично я никогда не былъ обиженъ отъ нашего начальства. Наша ссора началась съ того, что онъ требовалъ исключенія Синева изъ числа подписавшихся на журналы, а я не хотѣлъ этого, потому что думаю, что, все-таки, лучше Синеву что-нибудь прочитать и принять въ голову, нежели еще болѣе оболваниться, будучи отчужденнымъ отъ нашего кружка и отъ литературы». На этой почвѣ произошла размолвка, въ которой Добролюбова поддержали товарищи. «Щегловъ естественно разсердился и вечеромъ, отозвавши меня, сказалъ, что я сподличалъ и что между нами прежнія отношенія должны прекратиться. Я отвѣтилъ, что это мое давнишнее желаніе... Это было въ началѣ декабря (1856 г.), а теперь онъ со мной по прежнему готовъ быть. Но я постараюсь отклонить всякія интимности потому, что разница нашихъ характеровъ и направленій все болѣе рисуется передъ моими глазами, а его своекорыстіе все болѣе меня отъ него отталкиваетъ... [1]). Я, признаюсь, болѣе люблю Поржницкаго, котораго 10 числа проводилъ я въ Казань. Это—благородный человѣкъ, съ энергическимъ постояннымъ желаніемъ добра и участіемъ къ бѣднымъ ближнимъ. Даже польскіе предразсудки его начинаютъ теперь пропадать, когда онъ нашелъ любовь и сочувствіе между русскими. Онъ ужасно много потерпѣлъ и пріобрѣлъ энергію и опытность, какихъ мнѣ, можетъ быть, никогда не удастся пріобрѣсти [2]). Страшно подумать, какъ мало во мнѣ жизни, какъ мало страсти! Хорошо еще, что попалъ я на благородныя, честныя убѣжденія. Что бы было изъ меня, если бы я не вышелъ изъ-подъ опеки церковной, державной и др. властей?.. Аккуратный исполнитель чужихъ приказаній и при случаѣ — подлецъ, хотя и безсознательный. Отсутствіемъ живого начала въ моей натурѣ объясняю я и то, что разлука съ Поржницкимъ произвела на меня очень слабое впечатлѣніе, до того слабое, что на другой день я позабылъ о ней и не вписалъ даже ея въ свою тетрадь. А между тѣмъ, мое уваженіе и любовь къ этому человѣку совершенно искренни, и былъ горячъ поцѣлуй нашъ прощальный, крѣпко было пожатіе рукъ, какъ писалъ я нѣкогда въ стихахъ» (Юб. Сбор., 309—311).

Нужно прибавить, что Щегловъ былъ въ числѣ товарищей, которымъ Н. А. охотно помогалъ денежно, отдавая имъ въ долгъ всѣ свои сбереженія. (Характерно, что свой крупный долгъ, около 100 руб., 1856 года не нуждавшійся и вполнѣ обезпеченный Щегловъ уплатилъ только въ концѣ 1860 года и то послѣ многихъ напоминаній и требованій). Шемановскій и другіе говорятъ, что доброта Н. А. была выдающейся: онъ никогда не отказывалъ ни въ какой помощи, если только она была ему самому посильна.

---

[1]) Рѣчь идетъ о брошюрѣ «Discours d'Alexandre Herzen, Exilé Russe, prononcée au meeting, tenu le 27 fevrier 1855».

[1]) Непонятно, на какомъ основаніи Е. В. Аничковъ утверждаетъ, что между Добролюбовымъ и Щегловымъ возникла «борьба за первенство» и ссора на почвѣ руководительства студенчествомъ («Совр. Міръ», 1911 г. VIII). Ничего подобнаго не было.

[2]) Въ Казани Поржницкій поднялъ студенческое настроеніе, создалъ затѣмъ движеніе и какъ его ни берегли товарищи, былъ уволенъ. Пріѣхавъ въ 1859 г. въ Спб., но не имѣя возможности никуда поступить, онъ въ 1860 г. уѣхалъ въ Берлинъ. Потомъ принималъ участіе въ возстаніи 1863 года.

Кромѣ Поржницкаго и близкихъ товарищей по институту—Шемановскаго, Бордюгова, Златовратскаго, Турчанинова, Радонежскаго, Сциборскаго и др., Добролюбовъ въ это время (начало 1857 года) былъ довольно близокъ съ А. Е. Разинымъ, потомъ довольно извѣстнымъ писателемъ для юношества, крестьяниномъ по происхожденію, человѣкомъ, отличавшимся разностороннимъ образованіемъ. 3 января Н. А. писалъ въ своемъ дневникѣ: «Въ третій разъ сегодня былъ я у этого человѣка и замѣчаю, что съ каждымъ разомъ онъ мнѣ болѣе нравится. Это живой человѣкъ жизни, дѣла... Онъ не слишкомъ большой философъ въ теоретическомъ отношеніи, и въ прошедшее мое посѣщеніе я замѣтилъ уже, что въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ обнаруживаетъ даже какую-то узость взгляда, но когда дѣло касается непосредственно жизни, примѣненій выработанныхъ идей, тогда онъ лучше даже Чернышевскаго» («Юб. Сбор.», 287).

Кругъ знакомствъ Н. А., и раньше довольно значительный, теперь сильно расширился. Сближеніе съ Чернышевскимъ, Разинымъ и другими должно было привести въ соприкосновеніе съ литературными кругами. Но Добролюбовъ уже знаетъ цѣну многихъ изъ нихъ. «Я рѣшительно втягиваюсь въ литературный кругъ и, кажется, безъ большого труда могу теперь осуществить давнишнюю мечту моей жизни, потерявшую уже, впрочемъ, значительную часть своего обаянія послѣ того, какъ я посмотрѣлъ вблизи на многихъ изъ тѣхъ господъ, которыхъ бывало считалъ чѣмъ-то высшимъ, потому что сочиненія ихъ печатались...» («Юб. Сбор.», 334) [1]).

[1]) Е. В. Аничковъ сдѣлалъ недавно открытіе въ біографіи Добролюбова, о которомъ говорить серьезно, конечно, не приходится. Дословно оно заключается въ слѣдующемъ, написанномъ какъ будто послѣ ознокомленія съ матеріалами, послужившими и для моей настоящей работы:—Добролюбова «ласкалъ и холилъ не только въ юности, но и долгіе годы потомъ, можно даже сказать, всегда ласкалъ и холилъ тѣсный кружокъ образованныхъ и либеральныхъ дворянъ». А такъ какъ это открытіе г. Аничковъ считаетъ еще къ тому же и особенно важнымъ, то онъ и сопровождаетъ его восклицаніемъ: «Зачѣмъ это замалчивать, разъ это правда?»... Если бы все это появилось не въ распространенномъ журналѣ («Современ. Міръ», 1911 г. VIII), то не заслуживало бы и упоминанія, но теперь такое открытіе не должо быть игнорируемо біографомъ Добролюбова. Остается ждать отъ г. Аничкова точнаго указанія лицъ этого, никому неизвѣстнаго, «тѣснаго кружка образованныхъ и либеральныхъ дворянъ», пригрѣвшаго Н. А—ча...

X.

Теперь намъ необходимо подойти къ Добролюбову съ самой интимной стороны его личной жизни — къ его отношенію къ женщинѣ, какъ къ таковой. Эта сторона его біографіи до сихъ поръ какъ-то совершенно обходилась; имѣвшіеся матеріалы не были использованы вполнѣ и вообще, по моему, отсутствіе жизни Добролюбова, какъ мужчины, въ значительной мѣрѣ способствовало представленію его какой-то безплотной фигурой иконописнаго изготовленія. Недавно эта брешь пробита опубликованіемъ дневника за январь и февраль 1857 года, содержащаго богатый матеріалъ для изученія Добролюбова со стороны, до того какъ будто даже немыслимой для строгаго пуританина. Я не вижу основанія продолжать традицію безплотности и Добролюбова-мужчину постараюсь освѣтить также съ тою полнотою, которая можетъ дать намъ живого человѣка.

Уже въ 1856 году, обезпеченный упорнымъ и усиленнымъ трудомъ въ средствахъ на необходимое, Н. А. поддался вліянію товарищей и вступилъ на путь, который тогда, какъ и теперь, не считался среди большинства студенческой молодежи сколько-нибудь предосудительнымъ въ нравственномъ отношеніи; наоборотъ, это былъ даже признакъ молодчества; съ такимъ студентомъ и взрослые мужчины держались уже, какъ съ равнымъ... Очень вѣроятно, что Н. А. просто поддался влеченію своего организма, но такъ или иначе—а не онъ былъ исключеніемъ изъ общаго явленія...

Узнаемъ объ этой сторонѣ его жизни съ его собственныхъ словъ, занесенныхъ въ интимный дневникъ.

«*7 января*. Въ 7 часовъ поѣхалъ я къ М. и остался тамъ весь вечеръ и ночь. Она теперь переѣхала на другую квартиру, впрочемъ, въ томъ же домѣ, и живетъ теперь съ Ю. и Н.—М. лучше ихъ обѣихъ и собой, и характеромъ. Съ ней можно бы жить и ужиться, особенно мнѣ. Но нельзя не согласиться, что плохое ремесло публичной женщины у насъ въ Россіи. Онѣ всѣ не образованы, съ ними говорить о чемъ-нибудь порядочномъ трудно, почти невозможно, и вотъ заходятъ къ нимъ франты на полчаса, и уйдутъ. Обращеніе при этомъ гораздо хуже, конечно, чѣмъ съ собакой, которую заставляютъ служить, и подходитъ развѣ къ обращенію съ извозчиками, крѣпостными лакеями и т. п. И всего ужаснѣе въ этомъ то, что женскій инстинктъ понимаетъ свое положеніе, и чувство грусти, даже негодованія нерѣдко пробуждается

въ нихъ. *Сколько ни встрѣчалъ я до сихъ поръ этихъ несчастныхъ дѣвушекъ*, всегда старался я вызывать ихъ на это чувство, всегда мнѣ удавалось. Искреннія отношенія установлялись съ первой минуты, и бѣдная, презрѣнная обществомъ дѣвушка говорила мнѣ иногда такія вещи, которыхъ напрасно сталъ бы добиваться я отъ женщинъ образованныхъ. Большею частью встрѣчаешь въ нихъ горькое сознаніе, что иначе нельзя, что такъ ихъ судьба хочетъ и перемѣнить ее невозможно. Иногда же встрѣчается что-то въ родѣ раскаянія, заканчивающагося какимъ-то мучительнымъ вопросомъ: что же дѣлать? Признаюсь, мнѣ грустно смотрѣть на нихъ, грустно потому, что онѣ не заслуживаютъ обыкновенно того презрѣнія, которому подвергаются. Собственно говоря, ихъ торгъ чѣмъ же подлѣе и ниже... ну, хоть нашего учительскаго торга, когда мы нанимаемся у правительства учить тому, чего сами не знаемъ, и проповѣдовать мысли, которымъ сами рѣшительно не вѣримъ? Чѣмъ выше этихъ женщинъ кормилицы, оставляющія собственныхъ дѣтей и продающія свое молоко чужимъ; писцы, продающіе свой умъ, вниманіе, руки, глаза въ распоряженіе своего секретаря или столоначальника; фокусники, ходящіе на головѣ и на рукахъ и обѣдающіе ногами; пѣвцы, продающіе свой голосъ, т.-е. жертвующіе горломъ и грудью, для наслажденія зрителей, заплатившихъ за входъ въ театръ, и т. п.? И здѣсь, какъ тамъ, вредъ физіологическій, лишеніе себя свободы, униженіе разумной природы своей... Разница только въ членахъ, которые продаются. Но тамъ торговля идетъ самыми священными чувствами: дѣло идетъ о супружеской любви!.. А материнская любовь кормилицы развѣ меньше значитъ?.. А чуство живого непосредственнаго наслажденія искусствомъ — развѣ не такъ же безсовѣстно продавать? Пѣвецъ, который тянетъ всегда одинаково, всегда заученную ноту, съ однимъ и тѣмъ же изгибомъ голоса и выраженіемъ лица, и при томъ не тогда, когда ему самому хочется, а когда требуетъ публика; актеръ противъ своей воли обязанный смѣшить другихъ, когда у него кошки скребутъ на сердцѣ,— развѣ они вольны въ своихъ чувствахъ, развѣ они не такъ же и даже еще не болѣе жалки, чѣмъ какая-нибудь Аспазія Мѣщанской улицы или Щербакова переулка? Эти по крайней мѣрѣ не притворяются влюбленными въ тѣхъ, съ кого берутъ деньги. а просто и честно торгуютъ... Разумѣется, жаль, что можетъ существовать подобная торговля, но надобно же быть справедливымъ... Можно жалѣть ихъ, но обвинять ихъ—никогда!

«М. недавно промышляетъ. Съ нѣкотораго времени къ ней ходитъ больше знакомыхъ, чѣмъ прежде. Это мнѣ почему-то не нравится, хоть я и знаю, что мнѣ собственно до нея никакого дѣла нѣтъ, пока я не прихожу къ ней. А при мнѣ, разумѣется, она прогоняетъ отъ себя своихъ гостей. Она очень добра и не слишкомъ падка на деньги. Отъ лишняго рубля она не увеличиваетъ своихъ любезностей, а остается мила по прежнему, какъ обыкновенно. Со мной она внимательна до того, что замѣчаетъ самую легкую мою задумчивость. Каждый разъ она передо мной оправдывается въ своей жизни, груститъ и мечтаетъ» («Юб. Сбор.», 288— 290)... (См. также № 79).

Въ дневникѣ 26 мая читаемъ:

«Поэтизируя все на свѣтѣ, по своему глупому характеру, я вздумалъ опоэтизировать и свои отношенія съ М. и дошелъ до того, что въ самомъ дѣлѣ привязался къ ней и увидѣлъ въ ней тоже нѣкоторые признаки привязанности». Изъ другихъ мѣстъ дневника видно, что изъ всѣхъ публичныхъ женщинъ, съ которыми имѣлъ дѣло Н. А. до середины 1857 года, М. нравилась ему больше всѣхъ и не за физическія свои свойства, а именно по какому-то нравственному влеченію къ ней. «Дошло до того, что я рѣшился съ сентября мѣсяца жить вмѣстѣ съ ней и находилъ, что это будетъ превосходно. Я даже сказалъ ей объ этомъ, и она согласилась съ охотой. Это было чортъ знаетъ какое положеніе: я не понималъ самъ себя, хотя разсуждалъ очень ясно и основательно. Я начинаю понимать сумасшедшихъ, помѣшавшихся на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ: вотъ я теперь, и сочиненія написалъ объ Амартолѣ и Плавтѣ, и три экзамена сдалъ, и общество посѣщалъ, и съ товарищами толкую... Никто рѣшительно не замѣчаетъ, что я сумасшедшій, потому что о пунктѣ моего помѣшательства я ни съ кѣмъ не говорю ни слова... До сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не узналъ моей тайны, и только я самъ могу любоваться картиной своей глупости... Я не знаю, какъ назвать мое чувство къ М. Еслибы я любилъ громкія фразы и хотѣлъ обманывать себя, то, конечно, провозгласилъ бы, что я влюбленъ; но, по совѣсти, это, кажется, вздоръ,—если только вообще любовь не составляетъ такого же вздора. Но нѣтъ, другія чувства у меня были и къ Дунечкѣ Ул., и къ Вѣрочкѣ Пѣт., и къ Феничкѣ Щ. Правда, я молодъ, молодъ былъ тогда: я думаю, мнѣ было всего лѣтъ 10 или 12—13».

Послѣ рѣшенія жить съ М., Н. А. съ ней разсорился изъ-за своего портрета... Добролюбовъ написалъ ей, что если она

хочетъ помириться, то пусть напишетъ ему. Она не отвѣчала... Н. А. пишетъ (см. № 87):

Напрасно ты отъ вѣтриницы милой
Отвѣта ждешь на гордое письмо:
Она знакома съ собственною силой,
Безсилье же твое сказалось ей само...

А въ дневникъ заноситъ:

«Чортъ знаетъ, скверное мое положеніе... Но лучше, кажется, порѣшить разомъ, и съ самаго начала, чѣмъ вести дѣло далеко. Ежели она любитъ, ежели ей жалко меня, то, несмотря ни на что, она напишетъ; если же нѣтъ, то навязываться нечего. Она такъ умна, что тотчасъ пойметъ мою слабость и тогда мнѣ будетъ плохо жить съ нею... А я еще не оставляю, все-таки, этого намѣренія, и если получу отъ нея отвѣтъ, непремѣнно исполню»... Отвѣта не было... Добролюбовъ самъ идетъ къ М., но она отъ нужды перешла прямо въ домъ терпимости... (Бумаги Литер. Фонда).

Черезъ нѣсколько дней она бѣжитъ оттуда прямо къ Н. А—чу. Подъ впечатлѣніемъ этого неожиданнаго посѣщенія Добролюбовъ пишетъ (см. № 92):

Но ты, мой другъ, мой ангелъ милый,
На мой призывъ отозвалась;
Любви таинственною силой
Ты освятилась и спаслась.
И не забуду я мгновенья,
Какъ ты, проклявъ свой прежній путь,
Полна и вѣры, и смущенья,
Рыдая, пала мнѣ на грудь...

Снова Н. А. съ своей М., снова они вмѣстѣ...

Былъ я щедро награжденъ
Звукомъ ласковыхъ именъ,
Милой рѣчью, милымъ взоромъ,
Милой радостью твоей,
Сладострастнымъ разговоромъ
Въ упоеніи страстей,
Пыломъ жаркаго лобзанья
И объятій молодыхъ... (см. № 93).

Но во всемъ этомъ не было, собственно, любви, озаряющей человѣку всю его жизнь, наполняющей его сердечной теплотой, рисующей ему счастливое будущее съ дорогимъ человѣкомъ. И Н. А. видѣлъ это ясно. При всѣхъ сношеніяхъ его съ публичными женщинами, даже и съ М. вначалѣ, сердце отсутствовало. Жажда чистой любви начинается съ января 1857 года и все сильнѣе и сильнѣе ощущается Н. А—чемъ.

Въ дневникѣ подъ 3 января находимъ: «Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ припала охота учиться танцовать. Чортъ знаетъ, что это такое»...

Это открытіе, видимо, очень смутило Н. А., уже достигшаго 21 года... Онъ готовъ видѣть въ немъ признакъ своей неспособности къ серьезному дѣлу, готовъ подавлять чувство...

«Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ... Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что-нибудь, я долженъ убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ держаться отъ него дальше, питать желчь свою... При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія и стану ругаться до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе... Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно — и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя къ этому дѣлу, словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе—если я примусь за дѣло, для котораго я еще не довольно развитъ и, слѣдовательно, не гожусь, то во-первыхъ, выйдетъ изъ него «не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разсудкѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственной личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься» («Юб. Сбор.», 286—287).

Но теоріей самовоздержанія ради будущаго дѣла нельзя было подавить въ себѣ естественныя склонности даже сильному характеромъ (на слабость котораго онъ такъ несправедливо часто жаловался) Н. А-чу... Не проходитъ недѣли, какъ онъ уже заноситъ въ дневникъ:

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдусь (разумѣется, не изъ разряда М.)—влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время. Итакъ, вотъ она начинается, жизнь-то... Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачекъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я пережилъ свои желанья и разлюбилъ свои мечты... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика... Но, вѣрно, жизнь возьметъ свое... И какъ странно началось во мнѣ это тревожное движеніе сердца!.. Въ первый разъ шевельнулось оно во мнѣ, когда я услышалъ отъ Бориса Куракина, что княжна Трубецкая—очень бѣд-

ная дѣвушка—выходитъ за Морни [1]). Не могу опредѣленно вспомнить своихъ чувствъ въ ту минуту, но знаю положительно, что съ тѣхъ поръ я не знаю покоя, и соціальные вопросы переплелись въ моей головѣ съ мыслями объ отношеніяхъ моихъ къ обществу, въ которомъ мнѣ именно суждено жить. Вмѣсто теоретическихъ стремленій начинается какая-то лихорадочная жажда дѣятельности и дѣятельности живой, личной, а не книжной, неопредѣленно безличной и отвлеченной... Что-то будетъ?.. Можетъ быть, конецъ моихъ учебныхъ подвиговъ совершенно испортится теперешнимъ моимъ расположеніемъ, но противиться ему я не въ силахъ»... («Юб. Сбор.», 296).

На слѣдующій день Добролюбовъ повѣдалъ свои томленія и сердечную тревогу Шемановскому, который привыкъ смотрѣть на него, какъ «на абстрактную идею, какъ-то воплощенную», и потому не повѣрилъ и отдѣлался шуткой. А судьба уже готовила Н. А—чу испытаніе... Проф. Благовѣщенскій рекомендовалъ его Татаринову въ качествѣ учителя словесности для его 15-лѣтней дочери. «Что, если она хорошенькая и умная дѣвушка! Что, если это доброе и радушное семейство? Въ теперешнемъ своемъ настроеніи я радъ всякой живой душѣ, которой могъ бы говорить о своихъ душевныхъ тревогахъ... Чувства мои рвутся наружу съ страшной силой. И что, если я встрѣчу сочувствіе? Съ трепетомъ, но съ сладкимъ трепетомъ и ожиданіемъ ѣду сегодня къ Татариновымъ. Теоретически—я боюсь, что она очень хороша и завлечетъ меня; но въ глубинѣ души — мнѣ ужасно хочется, чтобы оно было именно такъ, и я очень опасаюсь, что она дурна или глупа, такъ что мои надежды и опасенія лопнутъ при первомъ взглядѣ на нее» («Юб. Сбор.», 301).

Но испытаніе его миновало: ученица оказалась вполнѣ дѣвочкой, очень неловкой, застѣнчивой, краснѣющей и прячущей головку между своими руками при каждомъ словѣ... Какъ шли ихъ уроки, какъ Добролюбовъ сумѣлъ заинтересовать ими свою ученицу—видно изъ воспоминаній ея, напечатанныхъ въ № 296 «Волжскаго Вѣстника» 1893 г.

28 января Н. А. былъ на «Горѣ отъ ума». Роль Софьи исполняла Владимірова. «Она въ самомъ дѣлѣ поразительно хороша, и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такою будущую мою bien aimée... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные глаза, роскошные волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшемъ измѣненіи физіономіи,—все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. Но впечатлѣніе, произведенное на меня Вл-вой, именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ благоговѣньемъ богомольнымъ передъ святыней красоты. Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другого рода чувства волновали меня, когда танцовала Жебелева съ Богдановымъ мазурочку. Красота Жебелевой тоже въ родѣ Владиміровой отчасти, но она гораздо чувственнѣе и менѣе строга въ выраженіи и позахъ... Вотъ когда я почувствовалъ самъ слова Разина: я люблю балетъ только такой, какого женщинамъ смотрѣть нельзя,—по крайней мѣрѣ, тутъ уже гуляй душа!.. И въ самомъ дѣлѣ смыслъ этой мазурочки немножко можетъ скандализировать чистую невинную дѣвочку, особенно заключительная поза, заключающая въ себѣ, впрочемъ, невыразимое очарованіе для меня. Нѣтъ, вретъ Апполонъ Григорьевъ: тѣлесныя чувства имѣютъ свою поэзію да еще какую поэзію» («Юб. Сбор.», 330).

Н. А. сидитъ и даетъ урокъ кн. Борису Куракину. Входятъ мать и сестра. «Сестра—это чудо что такое! Ей должно быть лѣтъ 15 или 17... Она великолѣпная брюнетка, небольшого роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица... Если я ее никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица... Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга, послѣ того, какъ она черезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она сразу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады» («Юб. Сбор.», 332).

Въ эту полосу своей сердечной жизни Добролюбовъ написалъ много стихотвореній (см. №№ 51—68, 70—83), въ которыхъ или далъ волю своему собственному чувству, или переводилъ любимаго поэта, Гейне. Другая литературная работа по обстоятельствамъ, изложеннымъ выше, не занимала много времени. Началось сотрудничество въ «Журналѣ для Воспитанія» (объ этомъ см. № 69), напечатано двѣ статьи въ «Современникѣ» (№№ 72 и 84), выпущена статья о Пушкинѣ, написанная еще въ 1856 году (см. № 85); въ мартѣ вышла III книга «Ученыхъ Записокъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», гдѣ былъ напечатанъ «Алфавитный указатель сочиненій, вошедшихъ въ «Обзоръ русской

[1]) Добролюбовъ давалъ уроки въ домѣ кн. А. Куракина двумъ его сыновьямъ: Борису и Анатолію. Морни—французскій посолъ въ Россіи; женатъ на кн. Трубецкой.

духовной литературы» Филарета. Эта работа, занявшая 20 печатныхъ страницъ, получила одобреніе въ засѣданіи Отдѣленія 20 октября 1856 года и тогда же была сдана въ печать.

Имя Добролюбова дѣлается уже извѣстнымъ и внѣ стѣнъ Института. Напр., зайдя въ январѣ въ духовную академію къ товарищамъ по семинаріи Журавлеву и Спасскому, Н. А. не сразу нашелъ послѣдняго и «нѣсколько минутъ толковалъ съ какимъ-то незнакомымъ студентомъ, выказывавшимъ въ разговорѣ какое-то робкое расположеніе ко мнѣ. Вскорѣ Спасскій пришелъ и очень обрадовался, увидавши меня: онъ, кажется, думаетъ обо мнѣ очень высоко, по крайней мѣрѣ его обращеніе чуть не подобострастно»... Дальнѣйшая запись въ интимномъ дневникѣ еще разъ указываетъ, какъ Н. А. слѣдилъ за собой и насколько полно писалъ обо всемъ, о чемъ другіе только думаютъ, но не рѣшаются повѣдать своихъ мыслей даже бумагѣ. «Но мое обращеніе во всѣхъ подобныхъ случаяхъ восхищаетъ меня самого. Я просто перерождаюсь... Рѣчь моя становится тиха, плавна, нѣсколько сдержанна, тонъ скромный, ласковый, но полный сознанія своего достоинства и даже чуть-чуть покровительственный... Я люблю въ этихъ случахъ прислушиваться къ собственной рѣчи. Должно быть, я произвожу и на другихъ хорошее впечатлѣніе» («Юб. Сборн.», 322). Незнакомый студентъ былъ М. А. Антоновичъ, потомъ близко сошедшійся съ Н. А.

XI.

Подходило время окончанія института, и Н. А. конечно, много думалъ о томъ, какъ онъ устроится. Дѣло въ томъ, что каждый оканчивающій долженъ былъ прослужить по вѣдомству народнаго просвѣщенія 8 лѣтъ, если не найдетъ себѣ частной педагогической дѣятельности въ качествѣ домашняго наставника или учебной службы въ другомъ вѣдомствѣ. Надо, значитъ, было такъ устраиваться, чтобы, оставаясь въ Петербургѣ, получить то или другое. Въ апрѣлѣ положеніе опредѣлилось. Князь Куракинъ, сыновьямъ котораго, какъ уже сказано, Н. А. давалъ уроки еще будучи студентомъ, узнавъ о положеніи Н. А., съ готовностью предложилъ ему помочь избавиться отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и заявить въ министерство нар. просв., что Н. А. будетъ ихъ домашнимъ наставникомъ и впредь,—чего на дѣлѣ, конечно, не предполагалось. Родственникамъ Добролюбовъ все еще не рѣшался сообщить, что служба его въ Петербургѣ будетъ лишь фиктивна, а всѣ надежды возлагаются на «Современникъ»,—и, конечно, не изъ какой либо почтительной боязни, а просто потому, что и самъ еще не былъ увѣренъ въ прочности своего литературнаго положенія въ близкомъ будущемъ.

Экзамены Н. А. выдержалъ очень хорошо, но не получилъ золотой медали, какъ хотѣли профессора, особенно Срезневскій. Давыдовъ старался изъ всѣхъ силъ напакостить и хотѣлъ поставить за поведеніе 4, но послѣ разговоровъ о золотой медали это было уже не совсѣмъ удобно; чтобы показать, что онъ ничего не имѣетъ противъ учебной стороны Добролюбова, Давыдовъ предложилъ дать ему серебряную медаль, зная, что профессора сочтутъ это заслуженнымъ униженіемъ. Въ концѣ концовъ никакой медали не выдали, но въ аттестатѣ должны были сказать объ «отличныхъ» успѣхахъ въ наукахъ и объ особенно выдающемся и «добропорядочномъ» поведеніи (Бумаги Литер. Фонда; «Книжный Вѣстникъ» 1861 г. № 22).

Но на этомъ счеты Давыдова съ Добролюбовымъ далеко не кончились. Товарищи Н. А., учившіеся не такъ отлично, были козломъ отпущенія: 10 изъ нихъ «Ванька» хотѣлъ выпустить младшими учителями. При этомъ Срезневскій сообщилъ Добролюбову, что на послѣдней конференціи Давыдовъ ругалъ Н. А. «на чемъ свѣтъ стоитъ» и едва согласился дать ему званіе старшаго учителя; что князь Вяземскій требовалъ изъ Института учителя словесности въ 4-ю петербургскую гимназію, на что всѣ профессора отвѣтили указаніемъ на Н. А., и послѣ споровъ Давыдовъ съ этимъ согласился. Въ виду этого, профессоръ посовѣтовалъ Н. А. лично переговорить съ Давыдовымъ и взять съ него слово объ опредѣленіи въ 4-ю гимназію. Добролюбову и самому надо было выяснить свое положеніе и или закончить дѣло съ кн. Куракинымъ или поступить на службу, и потому, а еще больше—для личной провѣрки подлости своего директора, онъ отправился къ нему. Давыдовъ вышелъ къ Н. А. очень мрачный, воображая, что услышитъ ругань за лишеніе медали. Добролюбовъ очень ядовито сказалъ: «я долженъ, ваше превосходительство, поблагодарить васъ за доброе мнѣніе, которое вы на конференціи обо мнѣ высказали». Давыдовъ былъ очень смущенъ, сказалъ, что готовъ представить его въ 4-ю гимназію, но что тамъ надо вести себя хорошо и т. п. Добролюбовъ выслушалъ его длинную рацею и удалился.

На другой день десять обиженныхъ товарищей попросили Н. А. написать за нихъ

прошеніе министру, гдѣ и указать всю несправедливость постановленія конференціи... Одинъ изъ студентовъ донесъ объ этомъ Давыдову. Тотъ позвалъ Н. А. и выразилъ ему свое негодованіе, указавъ на его безчестность и т. п. Добролюбовъ не остался въ долгу; разговоръ ихъ съ «Ванькой» былъ очень бурный. Въ тотъ же день, желая хоть чѣмъ-нибудь отмстить, Давыдовъ пустилъ слухъ, что Добролюбовъ ведетъ двойную игру: передъ нимъ унижается и проситъ мѣстечка, передъ товарищами рисуется борцомъ за правду... Нашлись студенты, которые этому повѣрили, и въ числѣ ихъ Щегловъ, Сциборскій и даже Турчаниновъ и Александровичъ... Шемановскій и Бордюговъ, всячески доказывали товарищамъ всю гнусность клеветы директора, но такъ и не успѣли въ этомъ: послѣдніе дни единство товарищескаго кружка было нарушено... Гордый и самолюбивый Добролюбовъ не унизился тогда до оправданій и разувѣреній, и только въ 1859 году правда была наконецъ выяснена, и нарушенная дружба окончательно возстановлена. Отшатнувшимся на время друзьямъ Н. А—ча стало такъ совѣстно, что было рѣшено никогда не вспоминать объ этой исторіи.

Я не считаю нужнымъ разсказывать этотъ заключительный аккордъ учебной жизни Добролюбова съ большими подробностями, такъ какъ не вижу, чтобы онъ былъ важенъ для насъ, но интересующихся отсылаю помимо «Матеріаловъ», еще и къ стр. 186, 189—190, 191 и 175 «Дневника Левицкаго».

Конечно, мѣста въ 4-ю гимназіи Добролюбовъ не получилъ, былъ зачисленъ наставникомъ къ кн. Куракинымъ и остался свободнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, который готовилъ ему новую, славную дѣятельность...

Давыдовъ мстилъ Н. А—чу какъ могъ и даже за гробомъ не оставилъ его въ покоѣ. 16 апрѣля 1863 г. онъ пишетъ Погодину: «посылаю вамъ записку о Добролюбовѣ, составленную однимъ изъ его товарищей по институту. Записка эта—голосъ правды» (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина» XXI, 281). Я очень интересовался этой «правдивой» запиской, но, по сообщенію москвичей, она отсутствуетъ въ бумагахъ Н. П. Барсукова, переданныхъ его братомъ въ Румянцовскій музей.

Въ „Современникѣ".

1857—1861.

I.

Въ серединѣ іюня Н. А. поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и пробылъ до 23 іюля, среди родственниковъ и нѣкоторыхъ товарищей дѣтства, хлопоча о домашнихъ дѣлахъ, наблюдая жизнь своихъ близкихъ и по мѣрѣ внутренней возможности уступая условности приличій, требовавшихъ частыхъ и продолжительныхъ посѣщеній скучныхъ родственниковъ. Чтобы иллюстрировать положеніе Н. А. среди братьевъ и сестеръ, приведу короткій разсказъ Владиміра Александровича.

«Мой братъ прожилъ въ Нижнемъ недолго, рѣшивъ взять меня въ Петербургъ осенью, а отъѣздъ брата Ивана, который былъ моложе меня двумя годами, и котораго обожала тетушка Фавста Васильевна Благообразова, у которой онъ воспитывался, отложилъ почти на полтора года. Несмотря на то, что онъ сталъ, по моему мнѣнію, большимъ, онъ остался такимъ же тихимъ, спокойнымъ, добрымъ, какимъ и былъ, что меня крайне удивляло; но передъ отъѣздомъ его случилась у меня ссора съ младшимъ братомъ, на котораго я замахнулся ножемъ передъ обѣдомъ, и наказаніе, придуманное мнѣ братомъ Николаемъ, перепутало все въ моей головѣ. Мой братъ взялъ у меня ножъ, затѣмъ вилку, отодвинулъ мой приборъ дальше отъ прибора брата Ивана и сказалъ, чтобы мнѣ отнюдь не давали ничего остраго въ руки, кромѣ ложки, запирали бы отъ меня все, чѣмъ я могъ-бы повредить не только Ванѣ, который моложе на 2 года, но и всѣмъ, живущимъ со мной. Мясо братъ нарѣзалъ самъ и далъ мнѣ. Помню, что мнѣ было не до обѣда: спокойствіе брата, постигшее меня наказаніе, затронувшее мое самолюбіе, подѣйствовало на меня сильнѣе, чѣмъ лишеніе обѣда, запираніе въ чуланъ и даже если бы меня высѣкли, такъ какъ голодъ, лишеніе свободы, физическая боль занимаютъ исключительно вниманіе ребенка, который думаетъ о причиненномъ ему страданіи болѣе,

чѣмъ о совершонномъ имъ, чѣмъ отнимается возможность сознать вину. Я сознался, что братъ Николай правъ, что я виноватъ, и я былъ необычайно счастливъ, когда на другой день я сидѣлъ за столомъ, и мнѣ были положены вилка и ножикъ. Этотъ случай произвелъ на меня впечатлѣніе на всю жизнь, и я смотрѣлъ на брата Николая, какъ на свою совѣсть, думая потомъ всегда, какъ онъ отнесется къ моему поступку».

«На любезной родинѣ встрѣтилъ я самый любезный пріемъ, увидался съ любезными моему сердцу, окруженъ любезностями родныхъ и знакомыхъ—съ утра до вечера,—но, странно и стыдно сказать,—мнѣ теперь уже, черезъ недѣлю по пріѣздѣ, дѣлается страшно скучно въ Нижнемъ. Жду, не дождусь конца мѣсяца, когда мнѣ опять нужно будетъ возвратиться въ Петербургъ. Тамъ мои родные по духу, тамъ родные моей мысли, тамъ я оставилъ многое, что для меня милѣе родственныхъ патріархальныхъ ласкъ. Для меня просто досадно и тяжело говорить это, но еще тяжелѣе было бы молчать» (*ненапечатанное письмо къ* И. И. Срезневскому 5 іюля 1857).

Изъ того же письма видно, что Н. А. познакомился съ жившимъ въ Нижнемъ В. И. Далемъ, къ которому пошелъ въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ пріѣзда. «Я былъ пріятно пораженъ, нашедши въ Далѣ болѣе чистый взглядъ на вещи и болѣе благородное направленіе, нежели я ожидалъ. Странности, замашки, бросающіяся въ глаза въ его статьяхъ, почти совершенно не существуютъ въ разговорѣ».

Устроивъ всѣ отложенныя до его пріѣзда дядею, Василіемъ Ивановичемъ, дѣла, Добролюбовъ спѣшилъ на новое свое поприще.

За лѣто въ «Современникѣ» напечатаны были его статьи о гр. Соллогубѣ (см. № 95) и разсказъ «Доносъ» (см. № 98), написанный еще въ институтѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. А. еще не былъ увѣренъ въ твердости своей литературной карьеры, хотя и зналъ, что Чернышевскій готовъ дать ему самостоятельное положеніе. Все-таки, серьезные вопросы редакціонной организаціи рѣшались не исключительно Николаемъ Гавриловичемъ, а еще и Некрасовымъ съ Панаевымъ... Но не прошло и двухъ недѣль со дня пріѣзда, какъ Н. А—чу было предложено самостоятельное веденіе критико-библіографическаго отдѣла въ журналѣ...

Добролюбовъ получилъ каѳедру, о которой мечталъ... Горячо, вплотную сѣлъ онъ за работу и въ самое короткое время показалъ себя: редакціи именно недоставало его.

Съ сентября 1857 г. до мая 1860 г., когда Добролюбовъ уѣхалъ за границу, Чернышевскій не рецензировалъ уже ни одной беллетристической или историко-литературной книги и получилъ возможность ближе взяться за научно-общественный отдѣлъ и дать въ этой области все, что прославило его имя. Матеріально Н. А. былъ устроенъ сравнительно тоже недурно: въ виду отсутствія денегъ въ журналѣ,—явленіе обычное для конца года,—ему было предложено пока 150 руб. въ мѣсяцъ. Онъ нанялъ себѣ небольшую квартиру по Фонтанкѣ, у Аничкова моста, въ которой принималъ только близкихъ людей — Чернышевскаго, Некрасова, Пыпина и др.

Изъ институтскихъ товарищей почти никого уже не осталось въ Петербургѣ, кромѣ, кажется, Щеглова, бывшаго, какъ мы знаемъ, въ числѣ повѣрившихъ давыдовской клеветѣ. «Натура Добролюбова, разошедшагося со Щегловымъ передъ выходомъ изъ Института окончательно, была несравненно нѣжнѣе, и въ его словахъ ни въ то время, ни послѣ я не замѣчалъ той рѣзкости сужденій о важныхъ вопросахъ, какою отличался его безпощадный товарищъ, упрекавшей его въ неблагодарности и увѣрявшій насъ, что онъ все время студенчества «тянулъ Добролюбова за уши и дрессировалъ, какъ собаку» (Модестовъ, «Новь» 1886 г. VI). Разумѣется все это стало извѣстно Н. А—чу, и разрывъ со Щегловымъ былъ уже навсегда... Насколько радикальныя убѣжденія Щеглова были сильны, глубоки и продуманы, можно видѣть изъ того, какъ быстро онъ опустился. Не прошло и трехъ лѣтъ какъ, скрывшись подъ псевдонимомъ «К. Охочекомоннаго», Щегловъ сталъ писать пошлыя статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ, очевидно, считался виднымъ сотрудникомъ, такъ какъ бывали номера съ двумя и тремя его статьями, разно подписанными. Г. Пантелѣевъ разсказываетъ, что Щегловъ, молившійся тогда на Прудона, доводилъ свой радикализмъ до того, что оплакивалъ «паденіе» Добролюбова. «Вотъ гдѣ у меня Добролюбовъ», ударяя себя въ грудь, говаривалъ Щегловъ; «плачу о немъ, онъ сталъ бариномъ, завелъ себѣ лакея». «Впослѣдствіи Щегловъ былъ директоромъ гимназіи, но его раньше времени принуждены были убрать... Въ половинѣ 80-хъ годовъ Щегловъ разъ заявился ко мнѣ съ предложеніемъ издать 2-й томъ его «Исторіи соціальныхъ ученій». «Она пойдетъ,—говорилъ онъ, Л. Ѳ. Пантелѣеву,—такъ какъ будетъ рекомендована; вѣдь я получилъ субсидію; кромѣ того ее будутъ покупать и революціонеры,—преимущественно ими и былъ раскупленъ 1-й

томъ...—Такъ вамъ всего лучше самимъ ее издать, разъ вы получили субсидію.—А мнѣ не хочется ее тратить»... («Изъ воспоминаній прошлаго», 121—122).

Кругъ знакомствъ Н. А—ча еще болѣе расширился; масса людей проходила передъ нимъ въ редакціи «Современника», куда много являлось и незваныхъ сотрудниковъ.

Въ самомъ концѣ 1857 года Некрасовъ самъ предложилъ ввести Добролюбова еще ближе въ редакціонную работу: на ряду съ нимъ самимъ и Чернышевскимъ, Н. А—чу была сдана и часть редакторской корректуры, т.-е. чтеніе рукописей и исправленіе сочиненій въ корректурѣ со стороны литературной и общественной. Добролюбовъ несъ эту работу съ рѣдкою тщательностью и добросовѣстностью, а въ отношеніи авторовъ былъ самымъ аккуратнымъ. Плещеевъ въ одномъ изъ писемъ къ нему говоритъ: «вѣдь, вы единственный изъ всей редакціи «Современника», который отвѣчаетъ на письма» (Бумаги Литер. Фонда).

П—скій говоритъ о Добролюбовѣ: «только его одного изъ литераторовъ-редакторовъ мы встрѣтили такъ горячо, такъ пламенно принимавшаго къ сердцу всякую литературную непріятность своего сотрудника» («Иллюстрація» 1862 г., № 203).

Въ объявленіи о подпискѣ на «Современникъ» на 1858 годъ имя Добролюбова не упомянуто въ числѣ другихъ многочисленныхъ сотрудниковъ журнала исключительно потому, что Н. А. опасался непріятностей со стороны министерства народнаго просвѣщенія, которому былъ подвѣдомственъ...

«Современникъ» былъ такимъ журналомъ, подобнаго которому сейчасъ у насъ нѣтъ. Еще со времени Бѣлинскаго (умершаго въ 1848 году) онъ сталъ сразу исключительно выдающимся журналомъ. Чистота, твердость убѣжденія, проводимаго въ каждой строкѣ отъ беллетристики и до «смѣси»; неуклонность въ разъ взятомъ прогрессивномъ направленіи, всегда выражавшимся въ полную мѣру цензурной возможности; фанатическая преданность лучшимъ завѣтамъ своихъ руководителей; горячая любовь къ родинѣ при всеобъемлющей любви къ человѣчеству; тонкій литературный вкусъ; отсутствіе всего, что могло походить на уловленіе подписчика несбыточными или раздутыми обѣщаніями; дружность и солидарность всѣхъ членовъ редакціи,—вотъ тѣ главныя черты характера журнала, которыя ставили его на громадную высоту въ глазахъ даже запачканныхъ литературныхъ и общественныхъ противниковъ. Въ 1848—1855 годахъ журналъ потускнѣлъ, но даже и въ эту ужаснѣйшую эпоху доживанія николаевскаго режима, суевѣрно боявшагося всего живого и здраваго, «Современникъ» остался далеко впереди другихъ изданій, или совершенно ужъ обезцвѣтившихся, или сдѣлавшихся просто покорными слугами желѣзнаго деспотизма. Въ 1855 году журналъ вздохнулъ, по прежнему постепенно вытянулся во весь свой исполинскій ростъ и, руководимый сначала Некрасовымъ и Чернышевскимъ, потомъ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Некрасовымъ, а затѣмъ только Чернышевскимъ и Некрасовымъ (до середины 1862 года)—занялъ положеніе еще болѣе вліятельное; особенное его вліяніе чувствовало молодое поколѣніе. Этому вліянію русское общество обязано лучшею своею молодежью, создававшей свѣжую струю въ жизни 1860-хъ и 1870-хъ годовъ. Одинъ изъ этихъ людей, Н. К. Михайловскій, говоритъ, что престижа, равнаго престижу «Современника» дотолѣ не было во всей исторіи русской журналистики. «Нечего и говорить о насъ, тогдашней молодежи,—мы упивались «Современникомъ». Но и гораздо болѣе солидныя и значительныя сферы испытывали на себѣ его обаяніе. Шелгуновъ говоритъ, что ему случалось видѣть семидесятилѣтнихъ стариковъ, для которыхъ «Современникъ» былъ «учебникомъ жизни» и руководителемъ для правильнаго пониманія разрѣшавшихся тогда вопросовъ (Сочиненія, II, 682). «Современникъ» одновременно и непосредственно вліялъ и на ходъ государственной жизни въ ея механикѣ момента, и на общественное мнѣніе, которое воспитывалъ въ извѣстномъ настроеніи, внушалъ обществу извѣстные идеалы.

Вотъ въ этотъ-то журналъ и былъ призванъ Добролюбовъ, только что достигшій 21 года.

Здѣсь очень умѣстно привести слова Г. З. Елисеева, позднѣйшаго члена редакціи «Современника», въ которыхъ онъ очень ясно характеризуетъ способъ веденія дѣла въ этомъ журналѣ сравнительно съ другими.

«Большая часть нашихъ редакторовъ, говоритъ Елисеевъ,—набирая сотрудниковъ, что называется, съ бору и сосенки, похожа на дурныхъ кучеровъ, которые не даютъ лошадямъ бѣжать спокойно и ровно, дергаютъ ихъ безъ всякой нужды изъ стороны въ сторону. Извѣстно, что нѣтъ ничего хуже такихъ кучеровъ, нѣтъ ничего хуже и такихъ редакторовъ. Напрасно они держатъ то и дѣло совѣщанія съ своими сотрудниками, о чемъ писать въ тотъ или другой моментъ; напрасно потѣютъ, сидя съ утра до вечера надъ корректурами, стараясь смягчить или ослабить ту или другую рѣзкую фразу въ виду тѣхъ или другихъ соображеній о возможныхъ читателяхъ и т. п.

Все это ни къ чему не приводитъ, кромѣ возбужденія нервной боязни въ сотрудникѣ за свою натурально являющуюся мысль, за свою фразу — боязни, кончающейся совершеннымъ его обезличеніемъ. Въ «Современникѣ» съ того времени, какъ я его знаю, (1858 годъ) дѣло это повелось другимъ образомъ. Тамъ набирались подходящіе къ направленію журнала сотрудники и имъ предоставлялось въ каждый моментъ писать, что имъ Богъ на душу положитъ. Никто не слѣдилъ ни за мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читаютъ никакихъ статей въ своемъ журналѣ, а между тѣмъ, само собою выходило все ладно. Почему?—да потому, что въ журналѣ главнымъ образомъ нужно, чтобы всѣ говорили въ одно. Не только неудачныя фразы, но и неудачныя, т.-е. слабыя, цѣлыя статьи, если только онѣ бьютъ въ одну цѣль въ общемъ, нисколько не вредятъ дѣлу. Оттого «Современникъ» торжествовалъ надъ всѣми журналами не только въ первый періодъ своей обновленной дѣятельности, съ 1857 по 1862 г., когда имъ руководилъ блестящій штабъ съ Чернышевскимъ во главѣ, но и впослѣдствіи, когда въ немъ сильно чувствовалось отсутствіе этого штаба» (*Михайловскій*, «Литератур. воспоминанія и современная смута», I, 466—467).

Выборъ Добролюбова, а еще раньше — Чернышевскаго въ составъ редакторовъ журнала дѣлаетъ, несомнѣнно, честь проницательности и уму Некрасова. (Панаевъ шелъ слѣпо за нимъ). И эту честь Некрасову отдаютъ не только его друзья и приверженцы, но и люди, которыхъ принято считать, если не врагами его, то во всякомъ случаѣ—недоброжелателями. Изъ этой группы назову М. А. Антоновича, замѣтка котораго о только что умершемъ тогда поэтѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія его біографовъ. Г. Антоновичъ правъ, говоря, что сначала связь Некрасова съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ не стоила ему ничего, не требовала отъ него никакихъ жертвъ, не вынуждала его на разрывъ съ прошлымъ, на прекращеніе связей съ сверстниками, съ друзьями и пріятелями. Дѣйствительно, въ первое время люди сороковыхъ годовъ, окружавшіе Некрасова и бывшіе ему друзьями, шли мирно и дружелюбно рука-объ-руку съ Добролюбовымъ и его товарищами; они не понимали другъ друга и воображали, что идутъ къ одной и той же цѣли и даже по одной и той же дорогѣ. «Не было надобности, не представлялось сначала поводовъ и случаевъ для взаимнаго и подробнаго уясненія ихъ понятій; одна сторона знала другую только огульно; не являлось пробныхъ камней, на которыхъ бы обѣ стороны испытали себя и сравнили бы свои пробы. Было время, когда, повидимому, не существовало разногласій между «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Современникомъ»; точно также казалось, что нѣтъ разногласій между людьми сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ съ товарищами. Но за тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ обѣ стороны болѣе узнавали другъ друга; по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число пробныхъ случаевъ для испытанія ихъ существенныхъ и задушевныхъ идей и стремленій, несогласіе между ними все болѣе и болѣе опредѣлялось и выяснялось, и, наконецъ, дѣло дошло до рѣшительнаго разрыва. Тогда-то передъ Некрасовымъ предстала въ упоръ и, такъ сказать, ребромъ слѣдующая диллема: кто ему милѣе и кого онъ предпочитаетъ,— своихъ ли сверстниковъ и старыхъ друзей, личныхъ учениковъ и друзей Бѣлинскаго, или новыхъ друзей, т.-е. Добролюбова съ товарищами? Некрасовъ недолго колебался и рѣшительно предпочелъ новыхъ литературныхъ друзей старымъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе сразу отстранились отъ его журнала и разбрелись кто куда: одни въ «Библіотеку для Чтенія», другіе въ «Рус. Вѣстникъ» и т. п. Это рѣшеніе Некрасова, какъ можно судить по нѣкоторымъ признакамъ, стоило ему недешево; разрывъ старыхъ литературныхъ и дружескихъ связей былъ для него довольно чувствителенъ... Да, это была большая заслуга Некрасова для русской журналистики, что онъ понялъ этотъ кружокъ, предпочелъ его своимъ сверстникамъ и старымъ друзьямъ и отдалъ въ его распоряженіе свой журналъ». («Нѣсколько словъ о Н. А. Некрасовѣ», «Слово», 1878, II).

Въ своемъ мѣстѣ (см. мои замѣтки къ №№ 170, 242 и 298) читатели подробно познакомятся съ обстоятельствами разрыва двухъ поколѣній, а сейчасъ я не буду на нихъ останавливаться.

II.

Въ ноябрѣ 1857 г. старшая сестра Н. А., съ его согласія, вышла замужъ за его учителя дѣтства, Кострова. Конечно, Н. А. не могъ сдѣлать ей приданаго, и долженъ былъ ограничиться мелкими суммами, которыя посылалъ осенью этого года. Вскорѣ Костровы взяли къ себѣ Елизавету и Володю и тѣмъ успокоили старшаго брата.

Въ началѣ 1858 года Добролюбовъ заболѣлъ острыми проявленіями золотухи. Причины ее появленія понятны: жизнь въ Институтѣ при отвратительныхъ гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ и весьма

недостаточномъ питаніи. Сциборскій дѣлаетъ очень важное указаніе: изъ 40 товарищей по выпуску 1857 года къ февралю 1862 года умерли уже 12... Вторая причина—невоздержанность, рано при томъ начавшейся, половой жизни... Третья — очень интенсивный трудъ сразу послѣ окончанія Института, проходившій тоже при ненормальныхъ условіяхъ... Сначала Добролюбовъ не обращалъ на болѣзнь особеннаго вниманія, думалъ, что все ограничится пустяками, но уже въ апрѣлѣ онъ былъ очень удрученъ новымъ открытіемъ доктора... Чернышевскій, приводя письмо Н. А. къ Златовратскому, заключающее короткій разсказъ объ этомъ открытіи, выпустилъ какъ разъ самое главное, но я не считаю возможнымъ и здѣсь загораживаться отъ правды какою-то условною «скромностью». Вотъ что писалъ Н. А. 3 апрѣля 1858 г.: «Теперь докторъ увѣряетъ, что въ моей золотухѣ есть признаки сифилиса, и сколько я ни увѣрялъ его, что сифилисомъ никогда отъ роду боленъ не былъ, онъ продолжаетъ утверждать весьма упорно, что сыпь на моемъ лицѣ и тѣлѣ имѣетъ подозрительный характеръ. Угораздило его еще посмотрѣть мнѣ въ зубы, и онъ сказалъ, что въ горлѣ у меня есть какія-то раночки, которымъ быть не слѣдуетъ. Дѣлать нечего, долженъ былъ я согласиться на прижиганіе ляписомъ, производящимъ ужасно кислое ощущеніе въ прижигаемомъ мѣстѣ. Просто чортъ знаетъ, что такое со мною дѣлается. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ закрытое заведеніе, въ которомъ мы съ тобою имѣли счастье учиться, имѣетъ такое свойство, что въ немъ даже сифилисъ скрывается, чтобы потомъ отозваться хорошенько» (Бумаги Литер. Фонда).

Все, что можетъ выяснить характеръ болѣзни Добролюбова, я представилъ на разсмотрѣніе спеціалистовъ и получилъ слѣдующее разъясненіе. Сама по себѣ золотуха есть не что иное, какъ одна изъ формъ бугорчатки. Поэтому можно почти категорически утверждать, что врачъ, нашедшій признаки сифилиса, принялъ за него ранки горлового туберкулеза,—ошибка, которую дѣлаютъ еще и теперь, спустя 50 лѣтъ. Отъ прижиганія ляписомъ, здороваго климата Старой Руссы, общаго поднятія питанія золотушнаго организма—ранки исчезли, но, какъ увидимъ позднѣе, туберкулезъ бросился въ легкія.

Все это, вѣроятно, было извѣстно и Добролюбову, но позднѣе,—когда онъ вернулся изъ Руссы. Все же время пребыванія въ ней онъ очень волновался и страдалъ.

Домашнее наставничество у кн. Куракина, всецѣло подчинявшее Н. А—ча министерству народнаго просвѣщенія, не могло не стѣснять его болѣе, чѣмъ того хотѣлось, и потому онъ сталъ искать возможности выйти изъ-подъ надзора этого вѣдомства. Благодаря хлопотамъ Чернышевскаго и Н. Н. Обручева, 4 мая 1858 г. приказомъ за № 20, Н. А. былъ опредѣленъ репетиторомъ русскаго языка и словесности во 2-й кадетскій корпусъ безъ жалованія, но съ полученіемъ квартирныхъ денегъ въ размѣрѣ... 57 руб. $14^1/_4$ коп. сер. въ годъ. Это устроилось черезъ инспектора корпуса, полковника Даниловича, согласившагося на фиктивную службу Н. А. 7 декабря 1857 года Добролюбовъ подалъ директору корпуса прошеніе объ опредѣленіи его на службу. 11 декабря попечитель петербургскаго учебнаго округа, кн. Щербатовъ сообщилъ, что никакихъ къ этому препятствій не встрѣчаетъ; а 18 февраля 1858 года сообщилъ, что и министръ народнаго просвѣщенія препятствій къ перемѣщенію Н. А. въ корпусъ не встрѣчаетъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ дослужилъ по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній установленный восьмилѣтній со дня выпуска изъ Института срокъ.

Любопытно, что, согласно принятому порядку, одновременно съ подачею прошенія на высочайшее имя, въ которомъ Добролюбовъ писалъ, что имѣетъ «нынѣ ревностное желаніе поступить на службу» его императорскаго величества,—Н. А. 10 марта 1858 г. представилъ директору корпуса, ген.-маіору П. А. Степанову, бывшему въ молодости масономъ, слѣдующую подписку: «Я, нижеподписавшійся, далъ сію подписку въ томъ, что къ масонскимъ ложамъ и другимъ тайнымъ обществамъ не принадлежу и принадлежать не буду».

Изъ двухъ «дѣлъ», имѣющихся въ архивѣ 2-го корпуса, не видно ни фиктивности, ни реальности этой службы Н. А—ча, такъ какъ о самой службѣ Добролюбова въ дѣлѣ нѣтъ ни одного слова, но нѣтъ основанія не довѣрять категорическому утвержденію Чернышевскаго, что служба была только номинальна. Правда, въ дѣлѣ сказано, что 10 мая 1858 г. Н. А. «прибылъ» въ корпусъ, но это, по всей вѣроятности, было офиціальное представленіе корпусному начальству. Во всей перепискѣ и дневникахъ Н. А. нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній на самое его репетиторство въ корпусѣ.

Такимъ образомъ Н. А. перешелъ въ военное вѣдомство, отличавшееся и большею самостоятельностью и меньшею бдительностью за педагогическимъ персоналомъ своихъ кадетскихъ корпусовъ.

На лѣто докторъ отправилъ больного въ Старую Руссу, повидимому, надѣясь съ помощью ея грязей ослабить золотуху.

Тамъ Добролюбовъ купался въ грязи, бралъ соленыя ванны, пилъ іодъ... Вотъ его шутливое письмо къ С. П. Галахову, которое привожу изъ VII кн. «Рус. Старины» 1886 г.:

Къ вамъ такъ долго
Не писалъ я,
Чувству долга
Измѣнялъ я...
Но, надѣясь
На прощенье,
Снова смѣю-съ
Обращенье
Къ вамъ составить,
Вамъ теченье
Дѣлъ представить
Въ разсмотрѣнье.
Какъ живу я—
Поживаю
Правду всю я
Сообщаю.

Я лѣчуся
Въ Старой Руссѣ
Отъ болѣзни.
Но, хоть тресни,
Золотуха,
Точно муха,
Такъ пристала,
Что ей мало
Ваннъ соленыхъ,
Кипяченыхъ;
Нужны грязи...
Въ этомъ разѣ
Я терзаюсь,
Подвергаюсь
Пачкотнѣ сей
Разныхъ смѣсей...
Мнѣ не сладко,
Даже гадко
Такъ мараться
И купаться
(Какъ позорно!!)
Въ грязи черной.
Но здоровье,
По присловью,
Такъ пригоже,
Что дороже,
Чѣмъ все въ мірѣ.

Что намъ въ лирѣ,
Что въ богатствѣ,
Чистомъ братствѣ,
Въ громкой славѣ
И въ забавѣ,
Что въ начальствѣ,
Генеральствѣ,
Сытныхъ яствахъ,
Всѣхъ пріятствахъ:—
Если боленъ—
Недоволенъ
Свѣтомъ цѣлымъ,
И за дѣломъ
Не сидится
И не спится,
Все хладѣетъ,
Поблѣднѣютъ
И ланиты,
Аппетиту
Не дождешься
И все бьешься,
Безъ умолку
И безъ толку!..

Да, болѣзни
Нелюбезны.
Это зная,
Вамъ желаю
Первымъ словомъ
Быть здоровымъ;
Въ чувствахъ тая,
Посылаю
Также вдаль я
И Натальѣ
Алексѣвнѣ
Вседушевне
Тожъ желанье.
Въ докончанье,
Сердца въ жарѣ,
И Варварѣ
Алексѣвнѣ
Вседушевне
Тожъ желаю;
Прилагаю
И Алешѣ
Ту же ношу
Благъ желанья.
До свиданья.

Стихъ мой дрянный,
Очень странный,
Вы простите,
Извините,
Я мараю
Не желая
Затесаться
Въ рядъ поэтовъ,
Въ родѣ Фетовъ,
Иль талантовъ,
Въ родѣ франтовъ
Соллогубовъ

Н. Добролюбовъ.

Но минуты, въ которыя Н. А. могъ даже и такъ шутить, были не часты. Болѣзнь дѣйствовала на его психику очень подавляюще. Бодрость пропала, появилась неувѣренность въ своихъ силахъ, неувѣренность въ пользѣ самаго своего дѣла, мрачность, раздраженіе. «Мнѣ горько признаться вамъ,—пишетъ Добролюбовъ одной знакомой,—что я чувствую постоянное недоволь-

ство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ своей не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки умственнаго превосходства. Кромѣ того, я лишенъ и матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія знаній и развитія своихъ идей въ томъ видѣ, какъ я бы желалъ и какъ нужно было бы. Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и прохожу въ умѣ то, надъ чѣмъ до сихъ поръ я бился. Лѣтъ съ шести или семи я постоянно сидѣлъ за книгами и рисунками. Я не зналъ дѣтскихъ игръ, не дѣлалъ ни малѣйшей гимнастики, отвыкъ отъ людского общества, пріобрѣлъ неловкость и застѣнчивость, испортилъ глаза, одеревенилъ всѣ свои члены... Мнѣ тяжело и грустно бываетъ, когда мои теперешніе знакомые и пріятели начинаютъ иногда говорить со мною, какъ о вещахъ, извѣстныхъ всѣмъ, о такихъ предметахъ науки и искусства, о которыхъ я не имѣю понятія... Я тогда терзаюсь и сержусь, и хочу все время посвятить ученью... Но это легко сказать... Пора ученья прошла. Теперь мнѣ нужно работать, для того, чтобы было чѣмъ жить... А работа моя къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно... Я самъ удивляюсь, какъ меня стаетъ на это, и этимъ я измѣряю силу моихъ природныхъ способностей... Я вижу самъ, что все, что пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ, и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ» («Матеріалы», 434—435).

Нѣтъ сомнѣнія, что, пиша все это, Добролюбовъ тогда былъ увѣренъ, что выражаетъ свои не случайныя мрачныя мысли, но безспорно и то, что все это не было его постояннымъ, такъ сказать, убѣжденіемъ. Во всемъ этомъ письмѣ такъ и сквозитъ мрачное раздраженіе больного.

Чернышевскій говоритъ, что съ начала 1858 года не проходило ни одного мѣсяца безъ того, чтобы онъ нѣсколько разъ настойчиво не убѣждалъ Н. А. работать поменьше и беречь себя. Но Добролюбовъ отшучивался, говорилъ, что напрасно думаютъ, будто онъ утомляетъ себя. При этомъ Н. Г. прибавляетъ: «Впрочемъ, онъ былъ правъ — не трудъ убивалъ его, онъ работалъ безпримѣрно легко,—его убивала гражданская скорбь. Иногда обѣщался онъ отдохнуть, но никогда не въ силахъ былъ удержаться отъ страстнаго труда» (VIII т., 361). Мнѣ кажется, что врядъ ли есть основаніе говорить о гражданской скорби, какъ причинѣ физической болѣзненности. Эта натяжка совершенно не подтверждается ничѣмъ изъ всѣхъ имѣющихся матеріаловъ. Причины были, какъ мы уже видѣли, гораздо проще и естественнѣе.

Но была и еще серьезная причина подавленности нравственнаго состоянія Н. А. Весною 1858 года онъ сошелся съ одной совсѣмъ простой, необразованной дѣвушкой, которую я назову ея настоящими иниціалами—Т. К. Г., вмѣсто вымышленныхъ Чернышевскимъ (въ 1862 г. это было совершенно понятно)—В. Д. З. Уѣзжая въ Старую Руссу, Н. А. еще не зналъ того, что узналъ на лѣченіи изъ ея письма: она забеременила... Понимая, что Т. К. Г. не можетъ быть его постояннымъ спутникомъ жизни, Добролюбовъ нравственно мучился и страдалъ: онъ уже представлялъ себѣ зараженную мать и зараженнаго ребенка... Свои душевныя переживанія Н. А. выразилъ въ стихотвореніи № 190.

Ты ошиблась, ошиблась жестоко...
Много слезъ ты со мной пролила,
Ты во мнѣ ту же бездну порока,
Отъ которой бѣжала, нашла.
. . . . . .
Нѣтъ, любовью твоей умоляю,
Нѣтъ, не дѣлай, мой другъ, ничего...
Я и то ужъ давно проклинаю
Часъ рожденья на свѣтъ моего...

Можно себѣ представить, какъ онъ долженъ былъ въ это время смотрѣть на свое будущее... Вотъ что онъ писалъ Златовратскому 1 августа, изъ С.-Руссы: «Я теперь рѣшительно не въ состояніи разсуждать о чемъ-нибудь серьезно. Нѣсколько дней уже я хожу, какъ помѣшанный, и все на свѣтѣ мнѣ кажется необычайно пошлымъ, начиная съ меня самого. Недавно случилось одно обстоятельство, въ которомъ я оказался такимъ серьезнымъ мерзавцемъ, что всѣ литературныя мерзости, которыя на меня взводятъ, ничто уже передъ этимъ. Поэтому я могу тебѣ сказать только, что какъ бы ни худо рекомендовали меня мои статьи, на дѣлѣ я еще хуже, еще гаже. Только гадость эта совершенно другого рода и, пожалуй, она можетъ не мѣшать нашей перепискѣ, равно какъ и твое мнѣніе о моихъ статьяхъ, котораго, впрочемъ, ты не высказалъ... Надѣюсь, что наша связь основывалась вовсе не на единствѣ литературныхъ мнѣній. Да при томъ же очень можетъ быть, что скоро я прекращу свою

безтолковую дѣятельность по этой части и посвящу себя скромнымъ педагогическимъ трудамъ далеко отъ Петербурга, при чемъ, можетъ быть, попрошу и твоихъ совѣтовъ и указаній. Теперь я совершенно ни на что неспособенъ. Что-то ломитъ, давитъ, тѣснитъ меня. Я точно въ угарѣ хожу цѣлый день. Не знаю, что будетъ изъ всего этого» («Матеріалы», 448—449).

Черезъ двѣ недѣли, уже изъ Москвы, куда Н. А. поѣхалъ изъ Руссы навѣстить друга Бордюгова и завести кое-какія знакомства,—Добролюбовъ пишетъ Шемановскому очень шутливое письмо, а въ концѣ прибавляетъ: «Не оскорбись, Миша, этимъ шутовскимъ тономъ. У меня тяжело на душѣ, и если бы я сталъ писать серьезно, то, вѣрно, расплакался бы, что было бы еще хуже». А Бордюговъ дѣлаетъ тутъ же приписку: «Н. А. теперь находится въ томъ скверномъ состояніи, послѣ котораго мы дѣлаемся лучше» (ibid., 452, 453).

Вернувшись въ Петербургъ, Добролюбовъ поселилъ Т. К. Г. отдѣльно, несмотря на ея упреки и жалобы, а до этого въ теченіе лѣта, посылалъ ей деньги, иногда дѣлая своимъ посредникомъ Чернышевскаго, какъ это видно изъ писемъ Н. М. Михайловскаго (Бумаги Литер. Фонда).

Н. С. Русановъ, имѣвшій возможность ознакомиться съ письмами Чернышевскаго изъ Сибири, разсказываетъ, со словъ Н. Г., какъ онъ удивлялся характеру Добролюбова, который рядомъ съ идейнымъ ригоризмомъ и великой правдивостью обладалъ склонностью чувствовать частые и сильные, хотя быстро смѣнявшіеся, приступы любви—«влюбленности», какъ ихъ называетъ Чернышевскій,—то къ той, то къ другой изъ знакомыхъ особъ женскаго пола, зачастую стоявшихъ гораздо ниже его по развитію и въ этомъ смыслѣ недостойныхъ его. Такова была и исторія съ доброй, но совершенно необразованной Т. К. Г., на которой Добролюбовъ хотѣлъ во что бы то ни стало жениться, какъ только узналъ, что ни о какомъ сифилисѣ не могло быть и рѣчи. Чернышевскій употребилъ всѣ усилія, вплоть до физическаго насилія, чтобы не дать Н. А—чу привести въ исполненіе этотъ пагубный планъ. Онъ, бывшій въ то время въ два раза слабѣе Добролюбова, нашелъ, однако, въ себѣ достаточно рѣшимости и энергіи, чтобы привезти Н. А. прямо съ Николаевскаго вокзала къ себѣ на квартиру, втащить его по лѣстницѣ, повиснуть на немъ, и не пускать его съ дивана,—только бы разрушить ужасавшую Чернышевскаго матримоніальную комбинацію (Н. Русановъ, «Чернышевскій въ Сибири», «Рус. Богатство» 1910 г. IV, 110—111).

Самъ Н. А. поселился у Некрасова. «Я устроился вмѣстѣ съ нимъ вотъ какимъ манеромъ. Ему для себя нужна была комната еще, а возлѣ его квартиры была квартира въ три комнаты. Онъ взялъ ее, отдѣлилъ для себя одну комнату, а двѣ другія предложилъ мнѣ. Я, разумѣется, охотно согласился, и теперь за 15 р. въ мѣсяцъ я имѣю квартиру съ отопленіемъ и отчасти съ мебелью, тогда какъ за эту квартиру иначе нельзя было заплатить меньше 25 р. Кромѣ этой выгоды, квартира удобна и для моихъ постоянныхъ сношеній съ Некрасовымъ и съ типографіей. Панаевъ живетъ тутъ же, и его жена, прекрасная женщина, можетъ быть полезна даже для Володи» («Матеріалы», 455). Брата Владиміра Н. А. хотѣлъ теперь непремѣнно взять къ себѣ, и вскорѣ тотъ былъ доставленъ въ Петербургъ.

«Когда я пріѣхалъ, разсказываетъ Владиміръ А., братъ жилъ на углу Бассейной и Литейной, во дворѣ, въ квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ и передней. Черезъ площадку лѣстницы мы ходили къ Панаеву, съ которымъ обѣдали, и къ Некрасову. Въ нашей квартирѣ царила полная тишина. Единственное исключеніе составилъ для меня день майскаго парада, когда къ моему брату влетѣлъ рано утромъ офицеръ въ красивомъ мундирѣ, со шпорами, горячо его привѣтствовалъ, громко говорилъ, смѣялся. Говорили потомъ, что это былъ Всеволодъ Крестовскій. Чтобы я не мѣшалъ брату, А. Я. Панаева присылала за мной, и меня уводили къ ней. Иногда я видѣлъ брата озабоченнымъ; онъ всегда въ такомъ состояніи куда-то уѣзжалъ, иногда долго не возвращался, но, по возвращеніи, опять былъ такимъ-же спокойнымъ какъ и всегда. Сколько я помню изъ разговоровъ у Панаева и Некрасова, мой братъ ѣздилъ къ цензору» [1]).

Панаева разсказываетъ нѣкоторыя характерныя мелочи о жизни Н. А. въ одномъ съ ними домѣ.

«Сначала я посылала Добролюбову въ комнату утренній чай и завтракъ, потому что Некрасовъ и Панаевъ вставали поздно и въ разное время. Но немного спустя, онъ попросилъ у меня позволенія приходить пить чай ко мнѣ (я вставала рано), ссылаясь на то, что въ это время, безъ него, уберутъ его комнаты и онъ тотчасъ же послѣ чая можетъ сѣсть за работу. За утреннимъ чаемъ я заставляла Добролюбова ѣсть что-нибудь мясное, потому что иногда

[1]) Все, сообщенное В. А. Добролюбовымъ о своемъ братѣ и цитируемое и дальше, помѣщено впервые въ газетѣ «Россія» 1901 г. отъ 20 ноября.

онъ приходилъ къ чаю, совсѣмъ не ложась спать и проработавъ всю ночь. Такъ какъ при этомъ я настояла, чтобы Добролюбовъ послѣ ѣды отдыхалъ съ полчаса, то къ чаю началъ являться и Чернышевскій, пользуясь этимъ свободнымъ временемъ поговорить съ Д. Ихъ отношенія удивляли меня тѣмъ, что не были ни въ чемъ рѣшительно схожи съ взаимными отношеніями другихъ окружавшихъ меня лицъ» (стр. 295—296).

III.

Дружба Добролюбова съ Чернышевскимъ была одною изъ рѣдкихъ между двумя выдающимися людьми. Добролюбовъ пользовался такой благоговѣйной любовью, такой боготворимостью со стороны Н. Г., что лучшей иллюстраціи для сердечности Чернышевскаго положительно нельзя найти. Нѣтъ сомнѣнія, что второй томъ «Матеріаловъ» содержалъ бы сплошной панегирикъ Добролюбову. Но, не успѣвъ его составить, Чернышевскій мало высказался въ печати, и потому я считаю очень цѣннымъ свидѣтельство М. А. Антоновича, вполнѣ совпадающее съ тѣмъ, что Чернышевскому удалось высказать публично, но дающее нѣкоторыя подробности, лучше и полнѣе окрашивающія нѣкоторые нюансы.

«Я видѣлъ—говоритъ г. Антоновичъ, до какой степени Чернышевскій цѣнилъ и высоко ставилъ Добролюбова и какъ глубоко любилъ и уважалъ его, какъ товарища, какъ друга и даже чуть не какъ учителя. Въ его глазахъ Добролюбовъ былъ недосягаемымъ идеаломъ человѣка и писателя. Онъ восхищался Д., удивлялся ему, чуть не благоговѣлъ передъ нимъ. Въ рѣдкія минуты откровенности и задушевности у Ч. было любимой темой разговора—сравнивать себя съ Добролюбовымъ и унижать себя передъ нимъ. «Какой у Д. вѣрный литературный взглядъ», удивлялся, бывало, Ч.; «какое тонкое чутье, какая проницательность; ее не обманетъ ничто и ничто не скроется отъ нея. Вотъ я прочитаю что-нибудь, и мнѣ оно кажется хорошо, естественно, искренно и правдиво; но прочитаетъ это же самое Добролюбовъ и находитъ, что оно нехорошо и неискренно, и неправдиво. Я потомъ посмотрю и, дѣйствительно, самъ увижу, что я ошибался, а онъ правъ».

«Особенно же высоко цѣнилъ Ч. въ Д.— и на этотъ разъ уже абсолютно справедливо — удивительную силу убѣжденія и страстную, непоколебимую рѣшимость дѣйствовать всегда и вездѣ согласно съ этими убѣжденіями, не стѣсняясь ничѣмъ и невзирая ни на что. «Вотъ, говаривалъ онъ, настоящій человѣкъ дѣла, жаждущій дѣла. У него полная гармонія между мыслью, словомъ и дѣломъ. Въ его глазахъ самыя прекрасныя намѣренія не имѣютъ никакого значенія и даже вызываютъ его неудовольствіе, если они не стремятся проявиться въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ. И какъ онъ во всемъ строгъ, непоколебимъ и непреклоненъ! Никогда онъ не пойдетъ на малѣйшій компромиссъ; никому и ни въ чемъ онъ не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки. Ко всему онъ относится серьезно, осмысленно, прочувственно и страстно».

«Далѣе, Ч. удивлялся въ Д. непреклонной строгости, неподкупности и нелицепріятію въ сношеніяхъ со всѣми, кто бы они ни были, знакомые ли, пріятели, люди, высоко поставленные въ литературѣ, авторитеты или начинающіе новички; со всѣми онъ былъ одинаковъ и всѣмъ, ни мало не стѣсняясь, рѣзалъ въ глаза правду-матку; у него нѣтъ на лица зрѣнія, онъ за дѣло всякаго обругаетъ въ глаза безъ малѣйшаго стѣсненія и церемоніи и ужъ никому ничего не проститъ: къ малѣйшему неправильному поступку отнесется съ самымъ строгимъ осужденіемъ». («Жур. для Всѣхъ», 1902, 83—84).

Въ другомъ мѣстѣ г. Антоновичъ разсказываетъ, что при ихъ задушевныхъ бесѣдахъ, послѣ короткаго разговора или объ обыкновенныхъ житейскихъ или о журнальныхъ дѣлахъ, Чер. — человѣкъ, якобы необычайнаго самолюбія,—разражался самообличеніями: что у него бездна недостатковъ, нѣтъ твердости въ характерѣ, что онъ очень податливъ, что ему недостаетъ мужества, что онъ дѣлаетъ много глупостей, вотъ, напр., то-то и то-то и т. д. Эти самообличенія обыкновенно пересыпались панегириками Добролюбову, у котораго— де нѣтъ этихъ недостатковъ, онъ всегда твердъ и непоколебимъ, какъ скала, что у него завидныя и обширныя познанія и т. д. Однажды я—продолжаетъ г. Антоновичъ— попробовалъ, было, возразить Н. Г. и сказалъ, что ему нѣтъ основаній завидовать обширности познаній Д., потому что у него самого еще больше этого добра и при томъ изъ разныхъ областей, тогда какъ Д. силенъ только въ одной области. Онъ просто вскипѣлъ и горячо, почти съ крикомъ заговорилъ: «Что вы! Что вы это говорите?! Вѣдь Д. только что со школьной скамьи, а дайте ему дожить до моихъ лѣтъ, такъ вы увидите, что изъ него будетъ. Еще на школьной скамейкѣ онъ уже окончательно сформировался и установился, а я... а я...» и опять полились самообличенія. Здѣсь мимоходомъ замѣчу, что я ни одного разу

не слышалъ отъ Д. ни одного слова, ни единаго звука для выраженія его сужденій, какъ о личности Н. Г., такъ и объ его статьяхъ, точно это такой сюжетъ, что говорить о немъ—значитъ профанировать его» («Памяти Н. Г. Чернышевскаго», 19).

Любопытный штрихъ сообщаетъ г. Николаевъ, проведшій нѣсколько лѣтъ съ Чернышевскимъ въ Сибири. «Я помню, Н. Г. читалъ намъ свой «Прологъ къ прологу». Когда онъ читалъ «Дневникъ Левицкаго», голосъ его задрожалъ, въ немъ послышались всхлипывающія ноты, на глазахъ показались слезы. И онъ убѣжалъ тогда на полчаса: вѣроятно, хотѣлъ остаться одинъ со своими слезами. Онъ вообще не могъ безъ слезъ вспомнить Добролюбова—такъ сильно онъ любилъ его и настолько выше себя ставилъ его» («Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Ч. въ каторгѣ», 24). Г. Русановъ передаетъ, что Чернышевскій любилъ Н. А—ча, какъ сына («Рус. Богатство» 1910 г. IV, 110).

IV.

Подавленность состоянія духа постепенно проходила.

Лѣтнія опасенія Т. К. Г. о беременности оказались ложными... Добролюбовъ относился къ ней сердечно и дѣлалъ все, чтобы смягчить ея одиночество на отдѣльной квартирѣ. «Т. по прежнему страдаетъ ушами и, кромѣ того, постоянной безсонницей съ тѣхъ поръ, какъ живетъ одна. Не знаю, что съ ней дѣлать. Только тогда и засыпаетъ, когда находится въ моихъ объятіяхъ, — такъ что я служу для нея Морфеемъ». Вскорѣ она опять опасалась беременности, но вторично все обошлось благополучно. «Предположенія мои и ея, смутившія меня въ день твоего отъѣзда, пишетъ Н. А. другу Бордюгову оказались вздоромъ, и я твердо рѣшился не подвергать себя болѣе возможности подобныхъ предположеній. До сегодняшняго дня твердость моя подобна была нѣкоему адаманту, но сегодня, послѣ недѣльнаго упорства, я сидѣлъ, сидѣлъ съ Т. цѣлый вечеръ одинъ одинешенекъ и въ заключеніи позналъ, что я — человѣкъ, а не адамантъ» («Матер.», 485).

Въ декабрѣ, черезъ три мѣсяца, онъ пишетъ опять Бордюгову: «Мои отношенія съ Т. все болѣе и болѣе принимаютъ какой то похоронно-унылый характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась ихъ внѣшняя сторона. Я понялъ теперь, что никогда не любилъ этой дѣвушки, а просто увлеченъ былъ *сожалѣніемъ*, которое принялъ за любовь. Мнѣ и теперь жаль ее, мое сердце болитъ объ ней, но я уже умѣю назвать свое чувство настоящимъ его именемъ. Любви къ ней я не могу чувствовать, потому что нельзя любить женщину, надъ которой сознаешь свое превосходство во всѣхъ отношеніяхъ. Любовь потому то и возвышаетъ человѣка, что предметъ любви непремѣнно возвышается въ глазахъ его надъ нимъ самимъ и надъ всѣмъ остальнымъ міромъ... Еслибъ ты видѣлъ, какъ горько, какъ безумно плакалъ я, объявляя Т. мое рѣшеніе о прекращеніи нашихъ отношеній... О чемъ были эти слезы? Всего скорѣе это былъ плачъ обиднаго сознанья въ пошломъ обманѣ самого себя, плачъ о томъ, что такъ долго не умѣлъ понять своей души и въ своей ничтожности довольствовался такимъ мизернымъ чувствованьицемъ, принимая его даже за святое чувство любви... Несчастная, юродивая у меня натуришка, другъ мой».

Связью съ Т. К. Г. Добролюбовъ на нѣкоторое время былъ отвлеченъ отъ мучившихъ его исканій *любви*, какъ *понималъ* ее Байронъ:

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой,
И, какъ музыка на морѣ,
Сладокъ голосъ твой.

Онъ былъ убѣжденъ, что кто не чувствуетъ того же самаго относительно своей милой, тотъ не любитъ въ самомъ дѣлѣ, а лишь обманываетъ себя, увлекаясь чувствительностью или бездѣльемъ.

Въ томъ же письмѣ къ Бордюгову Добролюбовъ говоритъ: «Но если ты хочешь знать своего бывшаго Колю, своего друга, глупаго и незнакомаго съ жизнью, какимъ онъ остался доселѣ, то узнай что внутри меня сидитъ сильнѣйшая привязанность къ этой жизни, soi-disant ничтожной... Я не задумаюсь признаться, что завидую твоей жизни, твоему счастью. Если бы у меня была женщина, съ которою я могъ бы дѣлить свои чувства и мысли до такой степени, чтобы она читала даже вмѣстѣ со мной, мои (или, положимъ, все равно—твои) произведенія, я былъ бы счастливъ и ничего не хотѣлъ бы болѣе. Любовь къ такой женщинѣ и ея сочувствіе—вотъ мое единственное желаніе теперь. Въ немъ сосредоточиваются всѣ мои внутреннія силы, вся жизнь моя, и сознаніе полной безплодности и вѣчной неосуществимости этого желанія гнететъ, мучитъ меня, наполняетъ тоской, злостью, завистью, всѣмъ, что есть безобразнаго и тягостнаго въ человѣческой натурѣ... Я, конечно, неспособенъ былъ бы къ бранчивымъ писаніямъ (какъ ты выражаешься), если бы былъ, напримѣръ, на

твоемъ мѣстѣ, а не былъ одинокъ и *пустыненъ* въ цѣломъ мірѣ»...

Ясно, что Н. А. остро ощущалъ потребность въ близкомъ другѣ-женщинѣ. Личная его духовная жизнь не была полна, не давала ему того, что только и можетъ дать дружба любимой женщины. «Дождусь въ Петербургѣ только весны, а потомъ уѣду изъ проклятаго города, гдѣ обрекъ себя на жизнь «безъ любви души, безъ радости». Еслибъ уѣхать за границу, въ Италію... можетъ быть я тамъ и отдохнулъ бы душою. Если же нѣтъ, вези меня въ свою Хохландію... Я заранѣе уже мечтаю о томъ, какъ стану тамъ ѣсть галушки и ворочусь оттуда съ жинкой, для которой мнѣ такъ весело, такъ отрадно будетъ работать.. А теперь, повѣришь ли? Работа моя сдѣлалась тяжела и отвратительна. Если бы не нужда въ деньгахъ, не взялся бы за перо» («Матеріалы», 492—493).

Въ это-то время Добролюбовъ влюбляется въ жену Чернышевскаго, но проходитъ меньше мѣсяца и силою разсудка онъ побѣждаетъ въ себѣ это нераздѣленное чувство, а повѣренному своихъ сердечныхъ тайнъ, Бордюгову, пишетъ: «разсудилъ, что это ужъ будетъ слишкомъ»... Н. А—ча угнетаетъ отношеніе къ нему женщинъ. «Недавно Панаевъ возилъ меня въ маскарадъ и пробовалъ навязать меня интриговавшимъ его маскамъ; попытки были неудачны. Я бродилъ «сумраченъ, тихъ, одинокъ» и т. д. Встрѣтился одинъ офицеръ, котораго видѣлъ я у Чернышевскаго. Этотъ, сострадая моей участи, тоже хотѣлъ напустить на меня одну знакомую ему маску, но получилъ въ отвѣтъ, что «къ этакому уроду она даже подойти не въ состояніи» [1]). Могу прибавить и еще случай. Чернышевская хочетъ меня женить на своей сестрѣ, а та не хочетъ выходить за меня; наконецъ, говоритъ, что хочетъ, потому что мнѣ очень удобно будетъ рожки приставлять... И чортъ меня знаетъ, зачѣмъ я началъ шевелить, въ себѣ эту потребность женской ласки, это чувство нѣжности и любви!... Вѣдь шевелилось же оно у меня и пять, шесть лѣтъ тому назадъ, да я умѣлъ заглушить его; отчего бы не заглушить и теперь? А то понапрасну только мучу самого себя. Постараюсь все скомкать, все порвать въ себѣ и лѣтъ черезъ пять женюсь на толстой купчихѣ съ гнилыми зубами, хорошимъ приданымъ и съ десяткомъ предварительныхъ любовниковъ гвардейцевъ... Чортъ ихъ побери, всѣ эти тонкія чувства, о которыхъ такъ любятъ распространяться поэты!»

Чернышевскій хорошо видѣлъ душевное состояніе Н. А—ча, очень естественно, что понималъ, какъ оно должно отразиться на его литературной дѣятельности, и потому уговорилъ Добролюбова поѣхать, не стѣсняясь, въ грезившуюся ему Италію. Н. А. не соглашался бросить редакцію, все еще надѣялся, авось, устроится его личная жизнь, и не послушался совѣтовъ друга.

Въ это время онъ близко сходится съ двумя военными кружками, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ лучшихъ офицеровъ, слушателей академіи генеральнаго штаба-другой — изъ ея офицеровъ-профессоровъ; среди нихъ особенно выдавались Н. Н. Обручевъ, Добровольскій, Н. Д. Новицкій, Степановъ, Станевичъ, В. М. Аничковъ, Сигизмундъ Сѣраковскій и др. Жена Аничкова хотѣла женить Н. А. на своей сестрѣ, но и это не осуществилось... Дружба съ офицерами была результатомъ дружбы съ Чернышевскимъ, принимавшимъ ихъ всѣхъ у себя въ качествѣ самыхъ близкихъ людей. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакого матеріала, который далъ бы возможность объяснить эту дружбу мотивами не только личнаго характера, хотя вообще можно предполагать, что въ ней былъ элементъ общественный и политическій.

Добролюбовъ не былъ молчаливъ въ кругу близкихъ и интересныхъ собесѣдниковъ. Онъ самъ тогда говорилъ безъ умолку. По общему признанію, Н. А. блисталъ остроуміемъ, находчивостью и необыкновенною ѣдкостью своихъ приговоровъ надъ дѣйствіями правительства (Ср. «Рус. Стар.» 1910, IV, 147). Но какъ только онъ попадалъ въ общество людей, способныхъ говорить избитыя, банальныя вещи да еще съ видомъ открывающихъ какіе-то новые горизонты, онъ замолкалъ, смотрѣлъ и зло улыбался, а иногда, не выдержавъ, не скрывалъ своей досады. Напримѣръ, однажды въ домѣ Кавелина, собиравшаго у себя весьма многочисленное и часто довольно пестрое общество, уже поздно вечеромъ зашла рѣчь о какихъ-то очень избитыхъ, давно рѣшенныхъ и перерѣшенныхъ вопросахъ. Собесѣдники вступили въ горячій споръ. Кружокъ оживился. Но пока шелъ споръ, Н. А. уже давно замолкшій, тихонько пробрался въ прихожую и сталъ одѣваться. Чернышевскій, заинтересовавшись разговоромъ, вышелъ къ нему и просилъ немного подождать, желая идти вмѣстѣ. «Какъ вамъ не стыдно, отвѣтилъ Н. А.

---

[1]) Очень понятно, что жаждавшій любви Добролюбовъ старался скрасить недостатки своей заурядной внѣшности хорошо сшитымъ платьемъ, франтоватымъ галстукомъ и пр. Вотъ почему его портнымъ былъ извѣстный тогда Шармеръ, а не потому, что, какъ думаетъ г. Аничковъ, Н. А—чу некуда было денегъ дѣвать.

съ нервной лихорадочнойдр ожью: говорить о такомъ вздорѣ, переливать изъ пустого въ порожнее. Хороши люди, которымъ нужно еще убѣждаться въ такихъ вещахъ» («Книжный Вѣстникъ» 1861, № 20, 374). Да, правъ М. Протопоповъ, сказавъ, что Добролюбовъ «умѣлъ не прощать» общественнымъ дѣятелямъ ихъ ложные шаги...

Смягченію душевнаго состоянія не ждавшаго любви Н. А—ча помогали и заботы его о братѣ Владимірѣ. Н. А. занимался съ нимъ, развлекалъ его, и вообще не чувствовалъ себя дома такимъ одинокимъ. Панаева помагала ему въ этихъ заботахъ и много дѣлала для мальчика, котораго искренно полюбила.

Но, разумѣется, работа поглощала почти все время Н. А—ча.

«Надо было удивляться,—пишетъ Панаева,—когда Добролюбовъ успѣвалъ перечитать всѣ русскіе и иностранные газеты, журналы, всѣ выходящія новыя книги, массу рукописей, которыя тогда присылались и приносились въ редакцію. Авторамъ не нужно было по нѣсколько разъ являться въ редакцію, чтобы узнать объ участи своей рукописи. Добролюбовъ всегда прочитывалъ рукопись къ тому дню, который назначалъ автору.

«Много времени терялось у Д. на бесѣды съ новичками писателями, желавшими узнать его мнѣніе о недостаткахъ своихъ первыхъ опытовъ. Если Д. видѣлъ какія нибудь литературныя способности въ молодомъ авторѣ, то охотно давалъ совѣты и поощрялъ къ дальнѣйшемъ работамъ. Немало труда и времени нужно было употреблять также на исправленіе нѣкоторыхъ рукописей. Наконецъ, приходилось безпрестанно отрываться отъ дѣла и для объясненій съ ними. Такимъ образомъ, Д. могъ приниматься за писаніе своихъ статей только вечеромъ, и часто засиживался за работой до 4 часовъ утра. Изрѣдка онъ, для отдыха, приходилъ на нашу половину къ вечернему чаю и былъ доволенъ, если его братья, бесѣдуя съ нимъ, высказывали умно и толково свои мнѣнія о прочитанной книгѣ, которую онъ давалъ имъ. Добролюбовъ говорилъ мнѣ: «Мальчики не глупые, только надо позаботиться дать имъ прочное образованіе, развить въ нихъ честное направленіе, и это моя обязанность, а между тѣмъ я плохо выполняю ее». Я успокаивала его, увѣряя, что теперь для мальчиковъ еще не такъ важна его забота о нихъ, а когда они подрастутъ, тогда и его жизнь не будетъ такая лихорадочная, и онъ можетъ руководить самъ ихъ воспитаніемъ.

Добролюбову принадлежатъ также нѣкоторыя мѣста въ переводѣ Шлоссера, когда онъ хотѣлъ помочь Чернышевскому, не всегда успѣвавшему удовлетворить требованіе типографіи прислать дальнѣйшій оригиналъ. Бывало, что Н. А. переводилъ пять-шесть страницъ и спѣшилъ послать ихъ въ наборъ.

«По утрамъ Д. бесѣдовалъ съ Некрасовымъ относительно состава книжекъ «Современника» и вообще о статьяхъ, предназначавшихся для напечатанія въ журналѣ. Онъ очень заботился, чтобы ни одна фраза не противорѣчила направленію журнала, и волновался, если авторы статей выражали свои мысли слишкомъ многословно». И когда надо было по этому поводу объясниться съ авторомъ, Добролюбовъ бралъ это всегда на себя, невзирая на мягкость Некрасова и Чернышевскаго, часто отговаривавшихъ его отъ раздраженія видныхъ писателей во избѣженіе еще лишнихъ сплетенъ и неудовольствій на журналъ. «Редакція обязана дорожить мнѣніемъ читателя, а не литературными сплетнями,—отвѣчалъ Добролюбовъ. Если бояться всѣхъ сплетенъ и подлаживаться ко всѣмъ требованіемъ литераторовъ, то лучше вовсе не издавать журнала; достаточно и того, что редакціи нужно сообразоваться съ цензурой. Пусть господа литераторы сплетничаютъ, что хотятъ; неужели можно обращать на это вниманіе и жертвовать своими убѣжденіями. Рано или поздно правда разоблачится, и клевета, распущенная изъ мелочного самолюбія, заклеймитъ презрѣніемъ самихъ же клеветниковъ (стр. 313—315).

М. А. Антоновичъ добавляетъ къ этому: «Я не считаю нужнымъ говорить о прекрасныхъ, но обыкновенныхъ и, такъ сказать, заурядныхъ качествахъ, свойственныхъ всякому порядочному и болѣе или менѣе выдающемуся человѣку, каковы, напр., гуманность, великодушіе, преданность своему дѣлу и своимъ людямъ, самоотверженіе, безкорыстіе, готовность помочь всякому. Этими качествами Добролюбовъ былъ одаренъ въ высшей степени. Но что особенно возвышало его надъ обыкновенными выдающимися людьми, что составляло его характерную отличительную особенность, что возбуждало во мнѣ удивленіе, почти даже благоговѣніе къ нему,—это страшная сила, непреклонная энергія и неудержимая страсть его убѣжденій. Все его существо было такъ сказать, наэлектризовано этими убѣжденіями, готово было каждую минуту разразиться и осыпать искрами и ударами все, что заграждало путь къ осуществленію его практическихъ убѣжденій. Готовъ онъ былъ даже жизнь свою положить за ихъ осуществленіе. Каждая его практическая мысль, каждое слово такъ и рвалось неудержимо

осуществиться на дѣлѣ, что было невозможно; и эта невозможность служила для него источникомъ нервныхъ страданій и нравственныхъ мукъ» («Жур. для Всѣхъ», 1902, 78).

Составленіе объявленія о подпискѣ на 1859 годъ поручено было Добролюбову съ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно вставилъ въ него и о своемъ участіи. Такимъ образомъ въ числѣ анонсированныхъ въ этомъ объявленіи сотрудниковъ находимъ «Н. Александровича», «Волгина» и Добролюбова, при чемъ иниціаловъ имени и отчества не значилось, какъ впрочемъ, и у нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ; въ отношеніи Н. А. это была и предосторожность: не надо было забывать о его службѣ, хотя и фиктивной, по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній. Указаній же на его редакціонное участіе, конечно, все еще нельзя было сдѣлать.

V.

А мятущееся сердце плохо поддавалось разсудку... Въ мартѣ 1859 года Добролюбовъ переживаетъ рецедивъ чувствъ къ женѣ Чернышевскаго. «Что до настоящаго касается,—пишетъ онъ Бордюгову,—то я нахожусь на пути къ погибели, мой миленькій. Можетъ быть Шемановскій сказалъ тебѣ, что я въ послѣднее время его пребыванія въ Спб. былъ заинтересованъ m-me Чернышевской. Съ каждымъ днемъ интересъ этотъ возрастаетъ. Нѣсколько прогулокъ вдвоемъ по Невскому, между 2 и 5 часами, нѣсколько бесѣдъ съ нею въ домѣ, двѣ-три поѣздки въ театръ, и наконецъ, два-три катанья на тройкѣ за городъ, въ небольшомъ обществѣ, совершенно меня помутили. Я знаю, что тутъ ничего нельзя добиться, потому что ни одинъ разговоръ не обходится безъ того, чтобы она не сказала, что хотя человѣкъ я и хорошій, но ужъ слишкомъ неуклюжъ и почти что противенъ; я понимаю, что я *не долженъ* ничего добиваться, потому что Чернышевскій, все-таки, мнѣ дороже ея. Но въ то же время я не имѣю силъ отстать отъ нея, не могу не чувствовать особенной радости при всякомъ знакѣ ея расположенія. А расположеніе ея вотъ какого рода: она мнѣ разъ повѣряла тайны своего сердца и при этомъ призналась, что собственно не считаетъ меня за мужчину и потому вовсе не стыдится говорить мнѣ многое, чего другимъ и не сказала бы... И, что всего досаднѣе—признаніе это было совершенно искреннее: оно безпрестанно подтверждается ея обращеніемъ со мною... А между тѣмъ я не знаю, отчего же я не мужчина? И что же я такое послѣ этого? Неужели баба?» («Матеріалы», 500—501).

Жена Чернышевскаго, какъ умная женщина, очень незамѣтно для Добролюбова создала себѣ громоотводъ отъ его любви въ лицѣ своей сестры, А. С. Васильевой, которая также нравилась Н. А., но не была склонна серьезно раздѣлить его чувство, не хотѣла и отвергать его расположенія, и такимъ образомъ все время увлекала и дразнила его. Въ концѣ концовъ А. С. уѣхала въ Саратовъ, гдѣ и вышла за мужъ; романъ былъ прерванъ...

Осталось заочное обожаніе. «У меня остался только ея портретъ, который стоитъ того, чтобъ ты изъ Москвы пріѣхалъ посмотрѣть на него... Я часто по нѣсколько минутъ не могу отъ него оторваться и чувствую, что влюбляюсь, наконецъ, въ А. С. Это такая прелесть, что я не знаю ничего лучше»...

Но общественно-политическіе инстинкты Н. А. не давали ему подолгу засматриваться на портретъ своего обожанія... Какъ разъ въ это время онъ призываетъ молодое поколѣніе къ «широкой и самобытной» работѣ, чѣмъ заканчиваетъ свою извѣстную статью (см. № 242).

Есть основаніе думать, что онъ и самъ взялся за эту, конечно, политическую работу. Къ сожалѣнію только, до сихъ поръ совершенно неизвѣстно, что это была за дѣятельность, въ чемъ она выражалась конкретно. Въ письмѣ къ Бордюгову отъ 22 апрѣля 1859 г. Добролюбовъ, напримѣръ, говоритъ: «Я теперь самъ-то доволенъ, не знаю, чѣмъ. Можетъ быть, тѣмъ, что вчера съ десяти до двухъ съ половиной часовъ сидѣлъ у одного восторженнаго господина и, вмѣстѣ съ другими пятью или шестью, говорилъ о томъ, что мнѣ теперь такъ дорого и о чемъ съ тобой мы тоже толковали. Я все болѣе укрѣпляюсь въ своей мысли» («Матеріалы», 501). Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ другому своему другу, Шемановскому: «Повѣрь, что въ жизни есть еще интересы, которые могутъ и должны зажечь все наше существо и своимъ огнемъ освѣтить и согрѣть наше темное и холодное житьишко на этомъ свѣтѣ. Интересы эти заключаются не въ чинѣ, не въ комфортѣ, не въ женщинѣ, даже не въ наукѣ, а въ общественной дѣятельности. До сихъ поръ нѣтъ для развитого и честнаго человѣка благородной дѣятельности на Руси; вотъ отчего и вянемъ, и киснемъ, и пропадаемъ всѣ мы. Но мы должны *создать* эту дѣятельность; къ созданію ея должны быть направлены всѣ силы, сколько ихъ есть въ натурѣ нашей. И я твердо вѣрю, что будь сотня такихъ людей хоть, какъ мы съ то-

бой и Ваней (Бордюговъ—*М. Л.*) да рѣшись эти люди и согласись между собою окончательно,—дѣятельность эта создастся, несмотря на всѣ подлости обскурантовъ. Вѣрь, Миша, что пока мы сами себя не замараемъ, насъ не задавитъ чужой навозъ. Мы еще чисты, свѣжи, молоды, силъ въ насъ много; впереди еще двѣ трети жизни... Мы можемъ овладѣть настоящимъ и удержать за собой будущее. Нечего унывать и спать» (ibid., 510—511). Въ тотъ же день (24 мая) Добролюбовъ пишетъ и Бордюгову: «Наши мечты святы и чисты, ихъ смыслъ великъ и благотворенъ... Пойдемъ же дружно и смѣло: ты можешь и меня *под*держивать и удерживать, напоминая мнѣ о моихъ планахъ и стремленіяхъ. А въ свою очередь и я могу быть тебѣ полезнымъ. Попробуй же, Ваня, сознательно окунуться въ тотъ кипящій водоворотъ, который мы называемъ жизнью мысли и убѣжденія, сочувствіемъ къ общественнымъ интересамъ и т. д. Можно бы назвать и короче, но ты и безъ того понимаешь, о чемъ я говорю» (ibid., стр. 511—512). Черезъ три недѣли Добролюбовъ пишетъ опять Бордюгову: «Ты самъ долженъ *непремѣнно* пріѣхать. Намъ *нужно* говорить о предметахъ очень важныхъ. Теперь насъ зоветъ дѣятельность; пора перестать сидѣть сложа руки и получая 300 рублей жалованья и т. п. Пріѣзжай ради Бога. Ты очень нуженъ» (ibid., стр. 521). 6 августа Н. А. пишетъ Шемановскому, выражая въ письмѣ тѣ же мысли, что и въ своихъ предыдущихъ письмахъ, но короче и, несмотря на то, ярче, выпуклѣе.

«На послѣднее письмо твое я давно собираюсь отвѣтить, да все какъ-то руки не подымались. Надобно крѣпко ругать тебя!.. Ты думаешь отъ меня отдѣлаться тѣмъ, что честной дѣятельности для насъ нѣтъ и мы *не можемъ создать* ее для себя!.. Такъ поэтому, дескать, и надо быть Обломовымъ, а то, пожалуй, и Ефимомъ Дымманомъ! Бѣдный ты человѣкъ! Вотъ что значитъ любить добро и даже честную дѣятельность—*по принципу*, а не по влеченію натуры. Оно и дѣйствительно такъ: принципъ велитъ быть честнымъ, но честнымъ быть нельзя; значитъ, — нечего дѣлать,— надобно быть безчестнымъ или отказаться отъ всякой дѣятельности. Тотъ, кто поставилъ надъ нами принципъ, не можетъ взыскать съ насъ, потому что невозможнаго и онъ требовать не можетъ... Удивительно успокоительная мораль! Пойми же ты меня, другъ мой, не совсѣмъ еще отчаянный и отпѣтый!.. Никто,—понимаешь ли,—*никто въ свѣтѣ* не въ правѣ приказать тебѣ быть честнымъ, не красть, не пить и пр., точно такъ, какъ никто не запретитъ тебѣ выпить ядъ, обложиться змѣями или лягушками. Но вѣдь ты ничего подобнаго не сдѣлаешь просто потому, что тебѣ самому это противно, что ты этого выдержать не можешь... Такъ знай же, что человѣкъ можетъ доходить до того, что, сказать учтивую фразу Давыдову, ему будетъ такъ же точно противно, какъ и сподличать передъ начальствомъ, такъ же гнусно, какъ у слѣпого нищаго украсть копейку изъ чашки, увѣрять учениковъ въ томъ, чему самъ не вѣришь... Если мы съ тобой не дошли еще до этого, то, конечно, нечего намъ и предъявлять претензій на плодовитую общественную дѣятельность. Но это не значитъ, что мы должны опустить себя... Нѣтъ, теперь наша дѣятельность именно и должна состоять во внутренней работѣ надъ собою, которая бы довела насъ до того состоянія, чтобы всякое зло — не по велѣнію свыше, не по принципу — было нами отвергаемо, а чтобы сдѣлалось противнымъ, невыносимымъ для нашей натуры... Тогда нечего намъ будетъ хлопотать о созданіи честной дѣятельности: она сама собою создается, потому что мы не въ состояніи будемъ дѣйствовать иначе, какъ только честно. Съ потерею внѣшней возможности для такой дѣятельности мы умремъ,—но и умремъ, все-таки, не даромъ... Вспомни:

> Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
> На горе матери родной, —

Прочти стиховъ десять, и въ концѣ ихъ ты увидишь яснѣе, что я хочу сказать» («Матеріалы», 524—525).

Приведемъ всѣ указанныя Добролюбовымъ стихи Некрасова (напечатанные въ XI кн. «Современника» 1856 г. и въ отдѣльномъ изданіи «Стихотвореній» 1856 г.) изъ «Поэта и гражданина»:

> Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
> На горе матери родной, —
> Не будетъ гражданинъ достойный
> Къ отчизнѣ холоденъ душой,
> Ему нѣтъ горше укоризны...
> *Иди въ огонь за честь отчизны,*
> *За убѣжденье, за любовь...*
> *Иди и гибни безупречно:*
> *Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,*
> *Когда подъ нимъ струится кровь.*

Кажется, ясно, что̀ хотѣлъ сказать Добролюбовъ своему инертному, но честному другу...

VI.

Осенью 1859 г. Н. А. уѣхалъ отъ Некрасова и Панаевыхъ и нанялъ себѣ квартиру въ Моховой улицѣ, въ домѣ Гутко-

вой, что задумалъ уже съ весны, желая устроиться своимъ хозяйствомъ, «нѣсколько уютнѣе и благоразумнѣе» прежняго.

Сношенія съ Т. К. Г. сходили постепенно на-нѣтъ, а вскорѣ по совѣту Н. А., она уѣхала въ Дерптъ учиться акушерству, которое должно было дать ей возможность собственнаго заработка. Н. А. все время поддерживалъ ее матеріально и относился къ ней очень внимательно и тепло.

Матеріальныя средства самого Н. А. были очень хороши; онъ не одинъ разъ говоритъ въ письмахъ, что зарабатываетъ очень много [1]). 1858 и 1859 годы были годами наибольшей его литературной производительности. Добролюбовъ развернулъ всѣ свои способности, поставилъ себя на высоту и сталъ извѣстенъ широкой публикѣ, несмотря на то, что ни разу ни одной статьи не подписалъ своей фамиліей. Новыхъ уроковъ онъ больше не бралъ, но съ нѣкоторыми прежними не могъ ликвидировать, стѣсняясь не выполнить взятыхъ на себя обязательствъ. Любя Кавелина, Добролюбовъ очень привязался къ его сыну и занимался съ нимъ скорѣе для отдыха, чѣмъ по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ. Въ домѣ Кавелина, котораго Н. А. узналъ еще въ Институтѣ, какъ выдающагося профессора, Добролюбовъ былъ своимъ человѣкомъ даже и тогда, когда литературныя и общественныя убѣжденія раздѣляли его съ либераломъ-хозяиномъ. Чтобы иллюстрировать ихъ отношенія, приведу очень курьезное письмо Кавелина отъ 13 октября 1859 года. Оно написано было умышленно на листѣ бумаги, съ водянымъ портретомъ Николая I и съ надписью подъ нимъ: «Le czar Nicola I-er». На другой половинѣ былъ водяной двуглавый орелъ...

«Ясневельможнѣйшій Николай Александровичъ! Избирая для отвѣта Вамъ бумагу, Вамъ до извѣстной степени соименную, почитаю за особенное счастіе доложить Вамъ, что исторія съ каплею воды, зубами и водою, налитою въ калоши, приводитъ меня въ крайнее соболѣзнованіе. Систему Вашего лѣченія я вполнѣ одобряю и отъ сердца ей сочувствую. Съ зубами и языкомъ, особливо ядовитымъ, ни въ какомъ случаѣ разставаться не слѣдуетъ, въ наши печальные дни, когда ни правительственнымъ, ни неправительственнымъ прогрессомъ никакъ не поможешь дѣлу и придется или приходится все дѣлать auf seine eigene Faust, т.-е. auf seine eigene Zahn или Zunge, по Вашему глубокомысленному и остроумному замѣчанію.

«Крайне соболѣзную, что я не могъ имѣть счастія поучить Васъ и что сынъ мой не могъ у Васъ поучиться (а какое отличное поученіе ожидало Васъ и его — Вы себѣ и представить не можете!), долгомъ почитаю Васъ извѣстить, что въ субботу поученіе рѣшительно не можетъ имѣть мѣста, развѣ Вы вздумаете дополнить свои юридическія познанія слушаніемъ моихъ лекцій (отъ $9^1/_2$ до 12). Что же касается до пятницы, то хотя поученіе и горько, но плоды его сладки. Поэтому, въ случаѣ, если Васъ аранжируетъ, встаньте въ $8^1/_2$ часовъ утра, одѣньтесь и напейтесь чаю къ 9-ти, а въ 9 отправляйтесь къ намъ. Вы, разумѣется, пріѣдете къ $10^1/_2$, а въ 12 кончите урокъ. Позже нельзя никакъ. Полагаю, что желанье Ваше получить юридическій отвѣтъ выполнено мною совершенно аккуратно. Надѣюсь, крючковъ достаточно.

«Желаю Вамъ отъ души сохранить зубы, но здоровые. За ядовитый языкъ я спокоенъ вполнѣ.

«Съ глубокимъ соболѣзнованіемъ по случаю Вашихъ зубныхъ болей остаюсь Вашимъ *К. Кавелинъ*. 13 октября. И число-то какое негодное» (Бумаги Литер. Фонда).

Кавелинъ былъ однимъ изъ очень и очень немногихъ либераловъ, которыхъ Чернышевскій и Добролюбовъ глубоко уважали за ихъ искренность и совершенную душевную чистоту. Сынъ его, Дмитрій, выдающійся юноша, потеря котораго въ 1861 году страшно потрясла отца, очень любилъ Добролюбова; отношенія ихъ были дружескими и сердечными. Ученикъ частенько называлъ учителя «Ваше змѣйство» и расписывался въ письмахъ къ нему: «Вашего змѣинаго языка покорнѣйшій слуга» (Ibid.).

Ядовитость манеры Н. А. говорить и писать была, дѣйствительно, въ немъ очень замѣтной чертой. Враги его боялись ея и понимали, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который всегда сумѣетъ ихъ высмѣять. Напримѣръ, Плещеевъ пишетъ Н. А. въ январѣ 1860 года, только что уѣхавшему изъ Москвы, куда онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней къ Бордюгову: «Я начинаю замѣчать, что, несмотря на вражду московскихъ публицистовъ къ «Современнику», они ужасно интересуются вашею личностью. Всѣ разспрашиваютъ: что Добролюбовъ, какой онъ, какъ онъ, что онъ? Еще недавно я слы-

---

[1]) Е. В. Аничковъ и здѣсь сдѣлалъ «открытіе». «Добролюбовъ самъ никогда не зналъ нужды,—говоритъ онъ,—потому что сразу, какъ только оказалось нужнымъ, взялся за ту работу, какая представилась («Соврем. Міръ», 1911, VIII). Отсюда выводъ: «Добролюбовъ былъ готовъ потрудиться надъ такимъ совершенно ненужнымъ ему писаніемъ, какъ рецензіи на дѣтскія книги и плохіе учебники въ «Журналѣ для Воспитанія»... Все это такія «открытія», которыя явно противорѣчатъ всѣмъ приведеннымъ мною фактамъ...

шалъ подобные разспросы у Ѳеоктистова» (Бумаги Литер. Фонда).

VII.

Въ февралѣ 1860 года Н. А. снова остро захваченъ любовью... Случайно онъ попадаетъ въ одинъ домъ на семейное торжество. Народу было много, молодежь танцовала, остальные играли въ карты. «И между танцующими открылъ я одну дѣвушку, отъ которой не могъ оторвать глазъ: такъ была она хороша». Добролюбовъ знакомится съ ея отцомъ, садится играть съ нимъ въ карты. «Надо тебѣ сказать — разсказываетъ онъ Бордюгову,—что онъ генералъ со звѣздой, и несмотря на то я ему куртизанилъ въ картахъ и вообще ужасно егозилъ передъ нимъ. Пойми, какъ я врѣзался-то!..» Кончилось тѣмъ, что Н. А. получилъ приглашеніе генерала бывать у нихъ въ домѣ. Добролюбовъ, конечно, не заставилъ себя долго ждать... Среди гостей онъ замѣтилъ одного безцвѣтнаго и неумнаго путейскаго офицера, относившагося къ нему довольно радушно... Оказалось, что это женихъ его пассіи!.. Можно себѣ представить, что испыталъ Н. А., три недѣли до того жившій мечтою о красавицѣ... «Я тебѣ не расписываю своихъ чувствъ. Но объ ихъ силѣ ты можешь заключить по несвойственной мнѣ смѣлости и стремительности дѣйствій, выказанныхъ мною въ этомъ случаѣ. Суди же и о великости моего огорченія. Все окружающее меня, все, что я знаю,—дрянь въ сравненіи съ нею; а я принужденъ съ этой дрянью возиться и любезничать, въ то время, какъ у меня сердце защемлено, въ мечтахъ все она, въ глазахъ все ея милый образъ и рядомъ этотъ женихъ... добрѣйшій, впрочемъ, малый, съ которымъ ей жить будетъ спокойно. Она же институтка и кипучей жизни страстей не вѣдаетъ: это видно по тому сіянію, которое разлито по ея нѣжному, доброму и умному лицу. Пусть она будетъ счастлива, и пусть никто не возмутитъ ея спокойствія, ея наслажденія жизнью... Я бы заѣлъ и погубилъ ее... И по дѣломъ не достается мнѣ владѣть такой красотою, такимъ божествомъ!..» («Матеріалы», 549—552).

Глубоко ошибся бы всякій, кто изъ приведенныхъ выше фактовъ пришелъ бы къ заключенію о безхарактерности Н. А., особенно если бы еще положился въ этомъ выводѣ на слова самого Добролюбова, частенько говорившаго о своей излишней уступчивости и о холодности. Изученіе всей жизни его заставляетъ согласиться съ Чернышевскимъ, оспаривавшимъ и то и другое, Онъ утверждаетъ, что Н. А. обладалъ безусловной твердостью характера и съ дѣтства пріобрѣтенной привычкой обдумывать свои поступки. Кромѣ того Н. А. «очень рано пріобрѣлъ очень замѣчательную силу сдерживать внѣшнія проявленія своихъ чувствъ. Напримѣръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ безпрестанныхъ свиданій съ нимъ я только три раза былъ причиною или свидѣтелемъ того, что онъ измѣнялся въ лицѣ, вспыхивалъ и возвышалъ голосъ; а разумѣется, были десятки случаевъ, въ которыхъ онъ сильно досадовалъ на тотъ или другой мой поступокъ, и были сотни случаевъ, когда разговоръ нашъ шелъ о предметахъ, волновавшихъ его. Кромѣ трехъ случаевъ (изъ которыхъ одинъ на вечерѣ у Кавелина уже разсказанъ мною—*М. Л.*), я никогда ни видѣлъ его теряющимъ власть надъ голосомъ, ни разу не видѣлъ дѣлающимъ тревожныя движенія. Эту сдержанность онъ принималъ за холодность, между тѣмъ, какъ она только свидѣтельствовала о силѣ его воли» («Соврем.» 1862, I, 314—215). Шелгуновъ тоже указываетъ на то, что «Добролюбовъ поражалъ своей сосредоточенной замкнутой силой, объективнымъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ обыкновенно держалъ себя при людяхъ, ему мало знакомыхъ. Къ нему было вполнѣ примѣнимо замѣчаніе Гейне о неподвижномъ взглядѣ боговъ. У Добролюбова былъ именно этотъ взглядъ боговъ, неподвижно устремленный какъ бы въ безпредметную точку. Но за этимъ спокойнымъ, неподвижнымъ взглядомъ скрывалась затаенно-страстная, сильная и цѣльная натура, а внѣшняя спокойная безстрастность и служила именно признакомъ внутренней силы» («Сочиненія», II, 683).

Необходимо также сослаться еще на источникъ вполнѣ надежный—на сочиненія Добролюбова, чтобы устранить всѣ сомнѣнія въ глубокой его впечатлительности и сердечности. Правда, онѣ рѣдко выказывались наружу, но такова была внѣшняя сдержанность человѣка, съ дѣтства ушедшаго въ себя. Есть люди, съ необычайной силой владѣющіе своими чувствами именно потому, что они по опыту знаютъ, чѣмъ кончается ихъ душевное напряженіе при малѣйшемъ опозданіи въ его сдержкѣ: эти люди оказываются очень слабыми при столкновеніи со всякимъ чужимъ горемъ, со страданіемъ постороннихъ и, обладая большимъ самолюбіемъ, не хотятъ показаться слабыми а то и смѣшными и какъ бы спѣшатъ расхолодить себя... Казалось бы страннымъ совмѣщеніе силы воли со слабостью чувства, но явленіе это достаточно общеизвѣстно. Добролюбовъ принадлежалъ именно къ этому разряду людей. И его, какъ и ихъ, многіе

несправедливо считали холоднымъ, разсудочнымъ, даже эгоистомъ.

Друзья видѣли, какъ таялъ Добролюбовъ отъ обострявшейся чахотки, какъ страдалъ онъ отъ неустроенности своей личной душевной жизни, какъ насиловалъ себя на изнурительной журнальной работѣ, о степени трудности которой не имѣетъ понятія человѣкъ, самъ никогда не окунавшійся въ безмѣрное море кропотливой, сидячей, нервной и напряженной работы, сдабриваемой еще для русскаго журналиста всѣми страданіями и мытарствами отъ отечественной цензуры... Голоса, силъ, напряженія не хватаетъ, чтобы выразить эти муки при ежемѣсячномъ истязаніи...

«Здоровье Добролюбова замѣтно разстраивалось,—пишетъ Панаева. Въ его лицѣ не было кровинки; онъ страдалъ безсонницей, отсутствіемъ аппетита и чувствовалъ сильную слабость. Докторъ далъ ему совѣтъ ѣхать за границу и отдохнуть отъ всякихъ занятій. Добролюбовъ въ первую минуту говорилъ мнѣ:

«—Меня удивляетъ, какъ самый умный докторъ (И. М. Сорокинъ—*М. Л.*) даетъ подобный совѣтъ паціенту, зная хорошо, что ему невозможно этотъ совѣтъ выполнить.

«— Вы должны ѣхать за границу,—замѣтила я.

«— Ужъ вамъ-то не слѣдовало этого говорить; вы знаете, что я только что развязался съ долгомъ, который сдѣлалъ мой покойный отецъ, построивъ себѣ домъ въ Нижнемъ. Знаете также, что доходъ съ него такъ малъ, что его не хватаетъ на содержаніе моихъ сестеръ и на воспитаніе моихъ младшихъ братьевъ; значитъ, моя обязанность заботиться о нихъ; а я буду отдыхать цѣлый годъ и тратить деньги на свое путешествіе?!

«— Вы не должны ни о чемъ другомъ заботиться, какъ только о своемъ здоровьѣ.

«— Въ томъ-то и дѣло, что не напрасно ли я потрачу время и деньги. А вдругъ и со мной окажется такая же штука какъ съ Некрасовымъ, — доктора также ошибаются въ моей болѣзни? Можетъ быть, у меня болѣе серьезная болѣзнь и однимъ отдыхомъ не поправишь здоровья?.. Для меня немыслимо существовать безъ журнальной дѣятельности. Еслибы мнѣ сказали, что я могу дожить до глубокой старости, но съ условіемъ бросить журналъ, я, не колебаясь, продпочелъ бы лучше прожить только до 30 лѣтъ, но не бросать свою журнальную дѣятельность» (стр. 331—332).

Некрасовъ и Панаевъ, какъ хозяева журнала, убѣдили Н. А. въ полной матеріальной возможности для нихъ ссудить его значительной суммой на продолжительное время его отдыха. Чернышевскій всячески поддерживалъ и доктора и товарищей по журналу и настаивалъ на немедленномъ отъѣздѣ Н. А. изъ Россіи.

11 мая 1860 года онъ получилъ изъ 2-го кадетскаго корпуса отпускъ въ Германію и Францію до 20 августа, и въ концѣ мая выѣхалъ.

Побывавъ по нѣсколько дней въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, посовѣтовавшись въ послѣднемъ съ докторомъ Вальтеромъ, Н. А. отправился, по его указанію, въ Интерлекенъ, гдѣ уже въ іюлѣ рѣшилъ не возвращаться на зиму въ Петербургъ. Оттуда онъ направился въ Бернъ, Діеппъ и Руаннъ. Переписка за это время не была очень оживленной; новости Н. А. узнавалъ преимущественно изъ писемъ путешествовавшаго по Европѣ Н. Н. Обручева, имѣвшаго очень освѣдомленныхъ знакомыхъ... Добролюбова очень безпокоили свои большіе расходы: за два съ половиной мѣсяца онъ истратилъ 2000 фр. и очень этимъ сокрушался. Правда Некрасовъ всячески его успокаивалъ и гарантировалъ необходимый бюджетъ, но, все-таки, Добролюбовъ не хотѣлъ жить исключительно въ долгъ и, сколько могъ, писалъ въ журналѣ. Друзья никогда не давали ему понять объ ощущавшемся недостаткѣ матеріала, и если просили, то только о «Свисткѣ» который, конечно, не требовалъ отъ Добролюбова большого труда.

Временами Н. А. очень хандрилъ, вдругъ писалъ, что собирается вернуться... И. М. Сорокинъ видѣлъ, что лѣченье можетъ закончиться совершенно неожиданнымъ пріѣздомъ Н. А. въ Петербургъ, и потому написалъ ему, что, отправляя за границу, только для спокойствія говорилъ о быстромъ поправленіи, на самомъ же дѣлѣ необходимо лѣчится года два, и этимъ нельзя смущаться, такъ какъ Некрасову даже выгодно вылѣчить его совершенно, чтобы удержать въ журналѣ впослѣдствіи (Бумаги Литер. Фонда) Это подѣйствовало на Добролюбова, и онъ больше не поднималъ разговора о своемъ скоромъ возвращеніи. Только во время плохой погоды и холодовъ онъ иногда выражалъ неудовольствіе на уговорившихъ его уѣхать пріятелей, но потомъ самъ же жалѣлъ о своихъ раздраженныхъ выходкахъ...

Когда подходилъ конецъ отпуска разрѣшеннаго начальствомъ корпуса, Добролюбовъ просилъ дядю и друзей похлопотать объ отсрочкѣ, но ее не дали, а инспекторъ корпуса, Даниловичъ, посовѣтовалъ просто подать въ отставку. Это и было исполнено въ августѣ, хотя Добролюбовъ очень опасался, что теперь вспомнятъ о его обя-

занности прослужить до осени 1865 года и въ просьбѣ откажутъ. Въ виду этого Даниловичъ самъ набросалъ проектъ прошенія; Н. А—чу оставалось перебѣлить его и послать. Все обошлось благополучно: приказомъ 25 сентября 1860 года Добролюбовъ былъ уволенъ вовсе отъ службы, по болѣзни. Такимъ образомъ теперь только онъ былъ совершенно свободнымъ человѣкомъ и, разумѣется, прежде всего выразилъ это дальнѣйшимъ пребываніемъ за границей.

Въ сентябрѣ Н. А. отправляется въ Парижъ, гдѣ появляется вмѣстѣ съ Н. Н. Обручевымъ въ меблированныхъ комнатахъ Латинскаго квартала. Проживъ тамъ съ мѣсяцъ, онъ пишетъ дядѣ: «я думаю пробыть здѣсь еще недѣли двѣ. Я спрашивалъ Вальтера, нужно ли мнѣ виноградное лѣченіе; Вальтеръ сказалъ, что пожалуй, пусть его объѣдается, а впрочемъ, главное въ отдыхѣ и теплѣ да воздухѣ. Узнавъ это да извѣстясь, что нынѣшній годъ виноградъ по случаю подлаго лѣта вовсе не удался, какъ и всѣ плоды, я счелъ ненужнымъ забиваться въ Вевейскую глушь и остаюсь въ Парижѣ, пользуясь тѣмъ, что погода октябрьская несравненно лучше той, какую я имѣлъ въ Швейцаріи въ іюнѣ. Иванъ Максимовичъ (Сорокинъ — *М. Л.*) будетъ ругаться,—что парижскій воздухъ мнѣ вреденъ, скажетъ. Утѣшьте его тѣмъ, что я живу почти не въ Парижѣ, за Сеною, противъ Люксембурга, и по цѣлымъ днямъ шляюсь по саду и по набережнымъ, вечеромъ же бѣгаю въ театръ и на балы. На прошлой недѣлѣ дня три зубы болѣли, но вообще я здоровъ; кашель почти совсѣмъ прекратился, желудокъ исправенъ. Виноградъ я и здѣсь ѣмъ и трачусь на него очень—франка по три въ день постоянно». («Матер.», 606 — 607)... Какъ только здоровье стало улучшаться и вернулась нѣкоторая бодрость, Добролюбовъ снова ощущаетъ потребность любви... Въ Парижѣ его плѣнила одна мѣщаночка и до того, что онъ чуть-чуть на ней не женился (Бумаги Лит. Фонда).

Въ ноябрѣ, наконецъ, Добролюбовъ отправляется въ Италію, куда его манило еще въ 1858 году. Тамъ онъ встрѣчается съ большой компаніей русскихъ туристовъ: извѣстная писательница М. А. Марковичъ (Марко Вовчекъ), профессоръ С. Б. Ешевскій съ молодой женой, композиторъ Бородинъ, А. В. Пассекъ и др.—и проводитъ время довольно разнообразно. Въ Генуѣ онъ сходится съ итальянкой и опять начинаетъ подумывать о женитьбѣ. «Если бы я въ самомъ дѣлѣ женился за границей, — спрашиваетъ Н. А. дядю,—то какъ вы думаете: смогъ ли бы я устроиться съ семьею сколько-нибудь толково? Набралъ-то на свои плечи много, а справиться-то, того и гляди, что силъ не хватитъ. Впрочемъ, это я такъ только говорю, а, конечно, вернусь одинъ, по прежнему корпѣть за работой» («Матеріалы», 610).

Съ Т. К. Г. все время поддерживалась переписка; Н. А. очень много помогалъ ей. Не получая отъ нея одно время писемъ, онъ спрашиваетъ дядю: «Что съ нею бѣдняжкою дѣлается? Хоть бы влюбилась она въ кого да замужъ вышла или такъ сошлась бы съ хорошимъ человѣкомъ. Отлегло бы у меня, кажется, отъ сердца. А, впрочемъ, и горько было бы немножко»...

Товарищи по журналу знали, что Н. А. вернется въ теченіе 1861 года, и въ объявленіи объ изданіи «Современника» могли уже опубликовать о его близкомъ участіи. «*Современникъ* въ 1861 г. будетъ издаваться въ томъ же объемѣ, въ тѣ же сроки и тѣми же лицами при содѣйствіи постоянныхъ членовъ редакціи Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго» и т. д. «Кромѣ постоянной дѣятельности лицъ, составляющихъ редакцію журнала: Добролюбова Михайлова, Некрасова, Панаева, Чернышевскаго» и т. д.

Въ самомъ концѣ 1860 года Н. А. былъ потрясенъ ужасной вѣстью: сгорѣла его пятилѣтняя сестра, Елизавета. Живя у А. А. Костровой, дѣвочка очень любила кружиться и шалить около топившейся печки. 5 декабря, когда въ комнатѣ никого не было, она повторила свою обычную шалость, юбку втянуло въ печку, дѣвочка охваченная пламенемъ испугалась и побѣжала къ сестрѣ... На другой же день ея не стало...

VIII.

Въ январѣ 1861 года Н. А—ча потянуло изъ Ниццы, которую онъ остроумно называлъ русскимъ провинціальнымъ городомъ: до того ему надоѣли постоянныя встрѣчи съ представителями отечества въ родѣ Жеребцова, Всеволжскихъ, Долгорукихъ, Тимашевыхъ, Голицыныхъ, Скарятиныхъ и т. п, и неизбѣжныя русскія сплетни. Даже хандра напала. Здоровье тамъ тоже не улучшалось. Н. А. рѣшилъ вторично ѣхать въ Италію, которую и колесилъ изъ конца въ конецъ: былъ и въ Генуѣ, и во Флоренціи, и въ Римѣ, и въ Миланѣ, и въ Неаполѣ, и въ Мессинѣ, и въ Туринѣ. Въ апрѣлѣ онъ сталъ собираться въ Петербургъ къ іюлю, чтобы прибыть туда еще въ теплое время. Некрасовъ и Чернышевскій просили его совершенно не думать о матеріальныхъ средствахъ; чтобы успокоить его, они выдумы-

вали новыя условія его вознагражденія, умышленно уменьшая его долгъ журналу... Да и, дѣйствительно, «Современникъ» стоялъ тогда уже такъ, что касса его была открыта для Добролюбова. Послѣдній самъ, однако, не очень-то разсчитывалъ на благодѣянія, которыми считалъ бы все имъ незаработанное, и въ письмахъ къ дядѣ давалъ указанія, какъ надо устроиться дешево и удобно. «Хочу жить совершенно скромно, не принимая никого, не держа у себя ни стола, ни прислуги. Для сношеній по журналу прошу комнаты при типографіи; узнайте, согласятся ли и сообразно съ этимъ распорядитесь, какъ найдете выгоднѣе» («Матеріалы», 615—616).

М. А. Антоновичъ, имѣвшій въ рукахъ записную книжку Добролюбова, говоритъ, что Н. А. весьма точно велъ запись своихъ приходовъ и расходовъ, занося въ книжку даже расходы по 2 крейцера; напр., въ Прагѣ бифштексъ и пиво 60 крейц., въ Интерлакенѣ нищей дѣвочкѣ два раза по 10 сантимовъ и т. д. («Жур. для Всѣхъ» 1902, 90).

Въ іюнѣ Н. А. ѣздилъ въ Помпею и влюбился тамъ въ одну мессинскую дѣвушку но, узнавъ, что родители не согласны отпустить ее въ Россію, снова долженъ былъ бросить мечту о женитьбѣ...

Немного спустя, Добролюбовъ получилъ отъ Чернышевскаго описаніе общественнаго настроенія въ Россіи: оно очень перемѣнилось сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ оставлялъ отечество Н. А. въ маѣ 1860 года. Съ началомъ польскаго движенія правительство явно уже стало на путь реакціи, съ котораго и не сходило во все царствованіе Александра II. Добролюбова это не удивило: онъ всегда ожидалъ, что правительству, наконецъ, придется показать дѣлами искренность своего стремленія къ реализаціи пышныхъ словъ начала новаго времени, послѣ 18 февраля 1855 года.

Въ своемъ отвѣтѣ Чернышевскому 12 іюня Н. А. выражаетъ мысль очень для него характерную: «Жить мнѣ не Богъ знаетъ, какъ сладко (какъ и многимъ другимъ, вѣроятно) и если бы было такое дѣло, которое можно бы порѣшить курціевскимъ манеромъ,—я бы безъ малѣйшаго затрудненія совершилъ Курціевъ подвигъ, даже не думая, чтобы его можно было ставить въ заслугу [1]). Но, вѣдь, нужно не это, нужна другая работа, которая мнѣ не подъ силу, какъ нравственно, такъ главнымъ образомъ и физически». Дальше Н. А. рисуетъ будущую свою роль: «Вы радуетесь, что начали чувствовать себя «похожимъ на человѣка», по вашему выраженію; а я именно чувствую, что на человѣка-то походить я и не способенъ. Я знаю, что возвратясь въ Петербургъ, я буду по прежнему заказывать у Шармера платье, которое будетъ на мнѣ сидѣть такъ же скверно, какъ и отъ всякаго другого портного: ходить въ итальянскую оперу, въ которой ничего не смыслю, потѣшаться надъ Кавелинымъ и Тургеневымъ, которыхъ душевно люблю, посѣщать вечера Галаховыхъ и Аничковыхъ, гдѣ умираю со скуки, наставлять на путь истины Случевскаго и Апухтина, въ безпутности которыхъ увѣренъ, и предпринимать поѣздки въ Красный кабачекъ, не доставляющія мнѣ никакого удовольствія. Что бы тамъ у васъ ни дѣлалось, а для меня нѣтъ другой перспективы. Я это сознаю слишкомъ ясно» («Матеріалы», 624—625). Это свое настроеніе Н. А. выразилъ въ № 375 и 377.

Сообщая, что изъ Одессы, куда Н. А. долженъ былъ ѣхать на пароходѣ изъ Аѳинъ, онъ проѣдетъ въ Москву и Нижній и будетъ въ Петербургѣ не раньше начала августа, Н. А. проситъ Чернышевскаго безъ церемоній назначить день его пріѣзда туда, если ему самому надо въ Саратовъ уѣхать раньше этого срока. Хотя, конечно, лучше, если этого не понадобится, если сдать въ типографію запасъ матеріала на августовскую книжку и если Некрасовъ, давъ уѣхать Чернышевскому, побудетъ на работѣ нѣсколько дней. И затѣмъ Н. А. дѣлаетъ очень трогательное признаніе: «Вѣдь, кромѣ васъ да его, у меня никого нѣтъ теперь въ Петербургѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже ближе ко мнѣ. Вы для меня слишкомъ чисты, слишкомъ безукоризненны какъ-то и отъ вашего добраго, оправдывающаго слова мнѣ иногда дѣлается неловко и тяжело, какъ не бываетъ тяжело отъ рѣзкаго осужденія Некрасова» (Бумаги Литер. Фонда).

Въ Одессу Добролюбовъ пріѣхалъ въ началѣ іюля и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи денегъ, посланныхъ Чернышевскимъ. 13 іюля у него вдругъ хлынула горломъ кровь, и докторъ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшилъ ѣхать дальше... Положеніе было очень серьезно... Три дня Н. А. просидѣлъ въ гостиницѣ, но, видя, что онъ можетъ подвести Чернышевскаго, спѣшившаго въ Саратовъ, рѣшилъ, все-таки, двинуться... А чтобы успокоить доктора, разрѣшавшаго ѣхать только по водѣ, Н. А. доѣхалъ до Николаева на пароходѣ, а оттуда, все-таки, двинулся на перекладныхъ... Дорога была ужаснѣйшая... Прибывъ въ Москву 29 іюля, Н. А. поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Тамъ его встрѣтили

[1]) Курцій—римскій юноша, пожертвовавшій, по преданію, собой для спасенія Рима отъ грозившей ему опасности: онъ бросился въ пропасть, которая, поглотивъ его, сомкнулась и уже не угрожала городу.

всѣ родные, были очень внимательны, не знали, гдѣ усадить и чѣмъ попотчевать. Добролюбовъ радовался, что положеніе сестеръ теперь вовсе ужъ не такъ плохо, какъ прежде: за Анну сватался Рождественскій, за Екатерину—А. И. Стекловъ. Такимъ образомъ обѣ онѣ становились на ноги. Оставались двое братьевъ... Пользуясь ярмаркою, Н. А. ходилъ цѣлые дни по городу и накупилъ себѣ массу книгъ. По словамъ А. А. Костровой, онъ былъ очень худъ и имѣлъ видъ нездоровый, но никто изъ близкихъ и не подозрѣвалъ приближавшійся конецъ. Передъ отъѣздомъ изъ Нижняго, Н. А. пошелъ на могилы родителей, очень тамъ плакалъ и взялъ съ собой земли и травы...

Заѣхалъ Н. А. и къ А. П. Златовратскому во Владиміръ и, узнавъ, что отецъ его затѣваетъ изданіе «Владимірскаго Вѣстника», далъ согласіе участвовать въ газетѣ. («Юб. Сборн.», 464).

14—15 августа Добролюбовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился на Литейномъ, въ домѣ Юргенса, теперь духовнаго вѣдомства, гдѣ нанялъ квартиру въ 4 комнаты. По словамъ Панаева, онъ нисколько не поправился, и даже похудѣлъ. Съ Чернышевскимъ они видѣлись три дня, а затѣмъ Н. Г. уѣхалъ въ Саратовъ. Некрасова тоже не было въ Петербургѣ. На Добролюбова легла сразу вся редакціонная работа... Не разгибаясь, онъ сидѣлъ и днемъ и ночью. А погода, какъ нарочно, была ужасная, столь обычная на сѣверѣ въ августѣ... Грудь болѣла, кашель усилился, начались приливы къ головѣ... Н. А. крѣпился... Поинтересовавшись своимъ матеріальнымъ положеніемъ, онъ самъ взялся за конторскія книги и увидѣлъ, что оно вовсе не такъ хорошо, какъ его увѣряли: долгъ его журналу достигалъ 4000 рублей. Поневолѣ надо было работать во-всю и поскорѣе расквитываться... И въ августовской же книжкѣ Н. А. помѣщаетъ двѣ статьи и два обозрѣнія: внутренее и политическое. Каждый пойметъ, чего стоилъ этотъ трудъ, сдѣланный среди массы редакціонной работы въ теченіе нѣсколькихъ дней... Въ концѣ сентября Добролюбовъ слегъ...

Братъ его, Владиміръ А. разсказываетъ, что Н. А-ча посѣтилъ раза два попечитель учебнаго округа, впослѣдствіи министръ народ. просв. И. Д. Деляновъ—«и я не мало былъ пораженъ тѣмъ же спокойнымъ, достойнымъ отношеніемъ къ нему брата, какъ и ко всѣмъ прочимъ. Посѣщалъ его и Н. Г. Чернышевскій. Если кто посѣщалъ брата, то эти посѣщенія были, вѣроятно, въ то время, когда я былъ въ гимназіи. Въ мое присутствіе вечеромъ, въ будни, я не помню, чтобы кто-либо бывалъ у брата, котораго видѣлъ всегда за работой.

«Поѣздка за границу не принесла пользы брату, и онъ, по возвращеніи, чувствовалъ себя все хуже и хуже, что и я замѣтилъ. Вѣроятно, сознавая свое положеніе, братъ не обращался къ докторамъ и только въ послѣднее время, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ Панаевой, Некрасова и Чернышевскаго, братъ обратился къ С. П. Боткину. Помню посѣщенія и ассистента С. П. Боткина, П. И. Бокова.

«Мой братъ никогда никому не жаловался: я не слыхалъ ни оховъ, ни стоновъ и не подозрѣвалъ, что смерть его близка. Когда я, поднимаясь съ нимъ по лѣстницѣ, спросилъ его, отчего онъ такъ тихо идетъ, останавливается, тяжело дышетъ, и у него выступаетъ потъ, братъ, кротко улыбаясь, сказалъ: «это оттого, что я выросъ такимъ большимъ». Онъ былъ высокаго роста. Со времени пріѣзда изъ-за границы, братъ все время писалъ, я не знаю, когда онъ спалъ.

Когда я вставалъ,—братъ былъ за работой, приходилъ изъ гимназіи—тоже; послѣ обѣда, во время котораго онъ ѣлъ очень мало, если совсѣмъ не отказывался отъ него, чѣмъ ежедневно повергалъ въ слезы кухарку, старавшуюся всячески угодить ему, онъ писалъ весь вечеръ; когда я просыпался ночью, я видѣлъ всегда свѣтъ въ его комнатѣ. Подойдя тихонько къ двери его комнаты, я видѣлъ его склонившимся надъ бумагой и пишущимъ. Когда дядя сказалъ моему брату, что работа убьетъ его, онъ отвѣтилъ: «меня страшитъ не смерть, а неувѣренность, что я успѣю возвратить «Современнику» деньги, взятыя для лѣченія и поѣздки за границу; мнѣ нельзя терять и минуты».

Такъ таялъ мой братъ, молча, никому не жалуясь, никого не тревожа, не затрудняя ничѣмъ, не ища ни у кого утѣшенія, не обманывая себя. Меня съ братомъ Иваномъ не пускали уже къ нему. Панаева бывала ежедневно, облегчая, чѣмъ могла, его положеніе».

При началѣ серьезнаго приступа болѣзни, въ концѣ сентября, Панаева была за границей. Вдругъ она получаетъ письмо отъ Н. А.: «если вамъ возможно, то вернитесь поскорѣй въ Петербургъ, ваше присутствіе для меня необходимо. Я никуда не гожусь! Меня раздражаетъ всякая мелочь въ моей домашней обстановкѣ. Вы можете видѣть, насколько я боленъ, если придаю значеніе пустякамъ. Я убѣжденъ, что если вы пріѣдете, то мнѣ легче будетъ перенесть болѣзнь. Я не буду распространяться о моей благодарности, если вы принесете для меня

эту жертву. Отвѣтьте мнѣ немедленно, можете ли вы пріѣхать?»

Панаева поторопилась и черезъ нѣсколько дней была въ Спб. Въ ея воспоминаніяхъ о послѣдней болѣзни Н. А. отведено очень большое мѣсто (около 16 страницъ), приведено много мелочей, характеризующихъ больного и его отношенія къ людямъ, но пользоваться этимъ снаружи содержательнымъ матеріаломъ надо съ очень большой осторожностью: Панаева разсказываетъ и то, чего никакъ не могло быть; напримѣръ,—какъ она наняла, въ послѣднихъ числахъ октября, квартиру для Н. А., и указываетъ при этомъ на ту, которую на самомъ дѣлѣ еще лѣтомъ 1861 года нанялъ для Н. А-ча его дядя, а Добролюбовъ прямо и пріѣхалъ въ нее; какъ Н. А. 1 или 2 ноября вдругъ рѣшилъ перебраться домой, находясь до этого въ квартирѣ Некрасова,— тогда какъ Шелгуновъ (свидѣтель болѣе достовѣрный) утверждаетъ, что за 3—4 дня до смерти Добролюбова (13—14 ноября, и это вѣрно) былъ у него еще на квартирѣ Некрасова, чтобы разсказать о ходѣ дѣла М. И. Михайлова, по которому 12 ноября сенатъ вынесъ свое опредѣленіе о ссылкѣ его въ Сибирь; и т. д., и т. д. Поэтому я воспользуюсь лишь нѣкоторыми указаніями.

Чернышевскій бывалъ каждый вечеръ аккуратно. Н. А. ждалъ его съ нетерпѣніемъ и очень оживлялся въ его присутствіи.

До самой смерти Добролюбовъ жилъ интересами журнала и русской литературы, волновался изъ-за какихъ-нибудь мелочей. Любопытно, напримѣръ, что, получивъ въ концѣ октября просьбу своего институтскаго товарища, К. П. Буренина, помочь его брату, В. П. Буренину, пробить себѣ литературную дорогу, Н. А. рекомендовалъ его въ «Искру» и другіе журналы... Добролюбовъ нервничалъ, почти никого не принималъ и совершенно ясно сознавалъ безнадежность своего положенія. Слабость его была поразительна: болѣе двухъ минутъ онъ не могъ держать въ рукахъ газеты.

16 ноября началась агонія. Н. А. просилъ позвать братьевъ. Владиміръ А. вспоминаетъ, что братъ лежалъ на спинѣ, худой, съ впавшими глазами, не могшій уже говорить, видимо сильно страдавшій. «Когда онъ приласкалъ насъ, я разрыдался и насъ увели. Послѣ этого прощанья Панаева увезла меня и Ивана къ себѣ. На мой вопросъ, зачѣмъ насъ разлучили съ братомъ, зачѣмъ оставили его одного, Панаева отвѣтила, что на это было желаніе нашего брата, требующаго отдыха. Послѣ я узналъ, что братъ просилъ увезти насъ, чтобы избавить отъ впечатлѣнія приближающейся его кончины. Онъ просилъ даже друзей, какъ Панаеву, оставить его одного, чтобы не причинять скорби,—и много, сколько я могу судить, нужно было ей такта, увѣреній, чтобы братъ успокоился, и ея присутствіе не волновало его».

«Умирающій дышалъ тяжело, нижняя челюсть ослабѣла; онъ то высылалъ меня отъ себя, — разсказываетъ Панаева, — то посылалъ за мной человѣка. Желая мнѣ что-то сказать, онъ произнесъ нѣсколько словъ такъ невнятно, что я должна была нагнуться близко къ нему, и онъ, печально смотря на меня, спросилъ:

«— Неужели я такъ уже плохо говорю?.. Можете меня спокойно выслушать?

«— Могу,—отвѣчала я.

«— Поручаю вамъ моихъ братьевъ... Не позволяйте имъ тратить на глупости деньги... проще и дешевле похороните меня.

«Чернышевскій безвыходно сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ—и мы съ часу на часъ ждали кончины Добролюбова, но агонія длилась долго и, что особенно тяжело, умирающій не терялъ сознанія.

«За часъ или два до кончины у Д. явилось столько силы, что онъ могъ дернуть за сонетку у своей кровати. Онъ только что выслалъ меня и человѣка... но опять велѣлъ позвать меня къ себѣ. Я подошла къ нему, и онъ явственно произнесъ: «Дайте руку». Я взяла его руку, она была холодная... Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и произнесъ: «Прощайте... подите домой... скоро»... Это были его послѣднія слова».

17 ноября въ 2 ч. 15 м. утра Добролюбова не стало.

IX.

Утромъ 18 ноября въ петербургскихъ газетахъ публика прочла:

«*Некрологъ*. Въ ночь съ 16-го на 17-е сего ноября скончался Николай Александровичъ Добролюбовъ. Выносъ тѣла послѣдуетъ въ понедѣльникъ 20 ноября, въ половинѣ десятаго утра, изъ квартиры покойнаго (на Литейной д. Юргенса) на Волково кладбище. *Н. Некрасовъ, И. Панаевъ, Н. Обручевъ, Н. Чернышевскій*».

Заслуживаетъ вниманія не только самая форма такого коллективнаго и до послѣдней степени лаконическаго некролога, но и подпись подъ нимъ среди дѣйствительныхъ сотрудниковъ Добролюбова—виднаго профессора Николаевской академіи Генеральнаго штаба, полковника Н. Н. Обручева, открыто выступившаго въ такой очень опредѣленной компаніи и сознательно дѣлав-

шаго этотъ, по тогдашнимъ временамъ рискованный, шагъ...

17, 18 и 19 ноября у гроба перебывало все лучшее интеллигентное общество Петербурга. Были пріѣхавшіе и изъ Москвы. Согласно завѣщанію, высказанному Панаевой, дубовый гробъ не былъ обитъ парчей, все носило очень простой и строгій видъ.

20-го числа происходили похороны на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ друзьямъ Н. А. удалось получить для него мѣсто рядомъсъ Бѣлинскимъ. Сосѣдство очень трогательное и, конечно, вполнѣ заслуженное... Учащаяся молодежь въ значительномъ числѣ лишена была возможности проводить прахъ своего горячо ее любившаго учителя: незадолго до того студенты петербургскаго университета были посажены въ Петропавловскую и Кронштадтскую крѣпости, а другіе высланы изъ Петербурга... Собралось около двухсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣ прогрессивные писатели, журналисты и профессора... И въ этотъ день никакой помпы, ни вѣнковъ, ни процессій. Гробъ несли на рукахъ съ Литейнаго до самой могилы... Когда церковный обрядъ былъ законченъ, выступилъ впередъ Некрасовъ.

«Бѣдное дѣтство въ домѣ бѣднаго сельскаго священника; бѣдное полуголодное ученье; потомъ четыре года лихорадочнаго неутомимаго труда, и наконецъ, годъ за границей, проведенный въ предчувствіяхъ смерти,—вотъ и вся біографія Добролюбова»,—сказалъ поэтъ. «Добролюбовъ обладалъ сильнымъ и самобытнымъ дарованіемъ. Онъ началъ свой литературный трудъ назадъ тому пять лѣтъ, бывши еще совершеннымъ юношей; но съ самой первой статьи его, проникнутой, какъ и всѣ остальныя, глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ русской жизни и самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ настоящимъ и истиннымъ потребностямъ общества, всѣ, кто принадлежитъ къ читающей и мыслящей части русской публики, увидѣли въ Добролюбовѣ мощнаго двигателя нашего умственнаго развитія. Сочувствіе къ литературѣ, пониманіе искусства и жизни и самая неподкупная оцѣнка литературныхъ произведеній, энергія въ преслѣдованіи своихъ стремленій,—соединялись въ личности Добролюбова. «Меньше словъ и больше дѣла»—было постояннымъ девизомъ его и предсмертнымъ его завѣщаніемъ своимъ близкимъ собратамъ по труду. Въ Добролюбовѣ во многомъ повторился Бѣлинскій, насколько это возможно было въ четыре года: то же вліяніе на читающее общество, та же проницательность и сила въ оцѣнкѣ явленій жизни, та же дѣятельность и та же чахотка»... («Рус. Слово» 1861, XI).

За Некрасовымъ говорилъ Чернышевскій: «Такъ какъ смерть Н. А. послѣдовала неожиданно для публики, то ей интересно будетъ знать, какія причины ускорили ее». Сказавъ эти слова, Н. Г. сталъ читать отрывки изъ дневника Добролюбова, отрывки, общій смыслъ которыхъ приводилъ къ заключенію, что неблагопріятныя внѣшнія условія тяжело отражались на болѣзненной натурѣ покойнаго, чѣмъ и ускорили приближеніе окончательной трагической развязки. Затѣмъ Чернышевскій съ большимъ чувствомъ прочелъ нѣкоторыя стихотворенія Н. А—ча, между прочимъ «Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ» и «Пускай умру, печали мало»; когда дошелъ до того мѣста, гдѣ Добролюбовъ говоритъ: «чтобъ безкорыстною толпою за нимъ не шли мои друзья», то при этихъ словахъ съ грустной ироніей замѣтилъ: «кажется, опасенія покойнаго были напрасны, немного насъ тутъ собралось». Охарактеризовавъ послѣ всего сказаннаго имъ, въ общихъ чертахъ литературную дѣятельность Добролюбова, Чернышевскій съ необыкновеннымъ чувствомъ произнесъ: «какого мы человѣка потеряли! вѣдь это былъ талантъ. А въ какихъ молодыхъ лѣтахъ онъ кончилъ свою дѣятельность! вѣдь ему было всего 26 лѣтъ; въ это время другіе только учиться начинаютъ!» (Н. Рейнгардтъ, «Рус. Старина» 1904, IX).

«Слова Некрасова извлекали слезы; чтеніе же дневника потрясало присутствовавшихъ; безъ нервной лихорадки его невозможно было слышать никому, кто не отупѣлъ отъ привычки»—пишетъ хроникеръ «Рус. Слова».

Затѣмъ говорилъ М. А. Антоновичъ, Тибленъ, котораго Чернышевскій нѣсколько разъ останавливалъ за рѣзкія выходки по адресу противниковъ Добролюбова. Послѣ Тиблена говорилъ какой-то студентъ, который въ теплыхъ словахъ охарактеризовалъ значеніе Добролюбова, какъ продолжателя Бѣлинскаго и Грановскаго въ развитіи русскаго общества; послѣ студента говорилъ Н. А. Серно-Соловьевичъ, который предложилъ для увѣковѣченія памяти покойнаго поставить ему на общія средства памятникъ («Рус. Старина»). Потомъ бросили прощальную горсть земли, при слезахъ и рыданіяхъ близкихъ зарыли могилу и стали расходиться. Въ это время кто-то вспомнилъ о недавно посаженномъ въ Алексѣевскій равелинъ литераторѣ и членѣ редакціи «Современника»—М. И. Михайловѣ, авторѣ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію». Онъ въ скоромъ времени долженъ былъ быть отправленъ въ Сибирь... Собрали въ его пользу около 300 рублей...

Для каждаго знакомаго съ біографіей

Добролюбова въ предыдущемъ изложеніи, вѣроятно, показались странными самое начало рѣчи Некрасова и лейтъ-мотивъ рѣчи Чернышевскаго. Читатели знаютъ, что о бѣдности Добролюбова нельзя было говорить; знаютъ также, что онъ умеръ не отъ постоянныхъ страданій подъ бременемъ русской цензуры. Писатели тогда были къ этому еще гораздо привычнѣе, чѣмъ теперь, и во всякомъ случаѣ Добролюбовъ, никогда и не возлагавшій преувеличенныхъ надеждъ на поощреніе въ Россіи свободы слова и всегда приготовленный къ любому кесареву сѣченію,—не могъ принимать ихъ какъ страданія, способныя довести его до смерти... Можетъ быть, рѣчи Некрасова и Чернышевскаго переданы невѣрно? Предположеніе—не имѣющее подъ собой почвы. Рѣчь Некрасова я цитирую по ноябрьской книжкѣ «Рус. Слова», отнесшагося къ смерти Добролюбова съ полной сердечностью и, конечно, приведшаго эту рѣчь вѣрно, такъ какъ послѣ ни въ «Рус. Словѣ», ни въ Современникѣ» никакихъ поправокъ не появилось. Рѣчь Чернышевскаго нельзя, конечно, приводить по тогдашнимъ журналамъ и газетамъ и поневолѣ приходится пользоваться позднѣйшею ея записью, уже въ наши дни. Сомнѣваться въ вѣрности передачи основного смысла рѣчи г. Рейнгардтомъ также нѣтъ основанія, потому что точно такъ же она тогда же записана современникомъ, Никитенкомъ, такъ же она приводилась и въ запискѣ агента III Отдѣленія, напечатанной мною съ подлинника въ книгѣ «Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго» (Спб. 1907).

Что же побудило Некрасова и Чернышевскаго окрасить дѣло невѣрно, скорѣе—тенденціозно? По моему, отвѣтъ на это совершенно простъ и нисколько ихъ не компрометируетъ. Друзья Добролюбова смотрѣли на его похороны, какъ на извѣстное общественное событіе. При его гробѣ они считали своимъ долгомъ, оттѣнивъ выдающееся положеніе покойника, еще разъ крикнуть, насколько было возможно, объ окружавшемъ ихъ гнетѣ и произволѣ. Это особенно хорошо видно на нѣкоторой организованности порядка рѣчей: вѣдь, говорили не только Некрасовъ и Чернышевскій... Короче—Добролюбовъ былъ знаменемъ,—вотъ въ чемъ суть. Теперь, спустя 50 лѣтъ, знамя это свято и дорого каждому просвѣщенному гражданину; не то было тогда: чтобъ сдѣлать болѣе замѣтнымъ, его приходилось выкидывать высоко...

2 января 1862 года Некрасовъ прочелъ свою статью «Посмертныя стихотворенія Н. А. Добролюбова» (напечатанную въ I кн. «Современника» почему-то безъ его подписи) въ залѣ 1-й гимназіи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Студенчество, выпущенное изъ крѣпостей, горячо и долго апплодировало поэту; публика встрѣтила и проводила его съ рѣдкими знаками расположенія. Поэтъ закончилъ свое чтеніе такими словами: «Мы во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юноши столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго! Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ и едвали когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобъ онъ не являлся нашему воображенію то умирающій, то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ и поминутно зоветъ насъ туда и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же неотразимый образъ...

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода.
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только, словно, длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видные
Поцѣлуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои»...

Впослѣдствіи Некрасовъ прибавилъ къ этому стихотворенію, написанному имъ въ день похоронъ, первые четыре стиха:

Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ,—
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ!

и далъ заглавіе—«Двадцатое ноября 1861 г.».

Въ 1864 году онъ посвятилъ Добролюбову другое стихотвореніе, которое тогда же, съ невольными сокращеніями и измѣненіями, появилось въ «Современникѣ». Привиду его полностью и точно.

Памяти Добролюбова.

Суровъ ты былъ; ты въ молодые годы
Умѣлъ разсудку страсти подчинять,
Училъ ты жить для славы, для свободы,
Но болѣе училъ ты умирать.

Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ, ты чистоту хранилъ,
Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья;
Какъ женщину, ты родину любилъ,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдалъ ей; ты чистыя сердца
Ей покорялъ. Взывая къ жизни новой,
И свѣтлый рай, и перлы для вѣнца
Готовилъ ты любовницѣ суровой,

Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало.
Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты надъ нами...
Плачь, русская земля! но и гордись—
Съ тѣхъ поръ, какъ ты стоишь подъ небесами.

Такого сына не рождала ты,
И въ нѣдра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмѣщены въ немъ были блгодатно...

Природа—мать! когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни... [1]).

Какъ отнеслись къ смерти Добролюбова люди, могшіе выражать до извѣстной степени общественное настроеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я не буду приводить все, что появилось тогда въ русской журналистикѣ, а ограничусь только двумя отзывами.

Тургеневъ писалъ Анненкову: «Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя онъ собирался меня съѣсть живымъ. Послѣдняя его статья, какъ нарочно, очень умна, спокойна и дѣльна». Очевидно, рѣчь шла о «Забитыхъ людяхъ».

Герценъ, понимавшій, конечно, какъ онъ оскорбилъ Н. А. въ 1859 году (см. № 298), помѣстилъ въ № 116 (15 декабря) «Колокола» нѣсколько строкъ, озаглавленныхъ «Кончина Добролюбова»: «Опять намъ приходится занести въ нашу хронику раннюю смерть:— энергическій писатель, неумолимый діалектикъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ русскихъ — Добролюбовъ, похороненъ на дняхъ на Волковомъ кладбищѣ возлѣ своего великаго предшественника, Бѣлинскаго. Говорятъ, что Добролюбову было только 25 лѣтъ» [1]).

Приведеннаго, разумѣется, достаточно, чтобы понять, кого лишилась русская литература 17 ноября 1861 года... Нижегородцы понимали это не хуже остальныхъ, но, благодаря распоряженіямъ полиціи, родина Н. А. никакъ не могла откликнуться на голосъ общей скорби.

О мѣстѣ Н. А. Добролюбова въ русской литературѣ.

Описаніе личной жизни Добролюбова кончено. Полное знакомство съ его литературной и общественной дѣятельностью дадутъ четыре тома настоящаго изданія. На его страницахъ читатели найдутъ слишкомъ достаточный матеріалъ для опредѣленія роли и степени таланта критика-публициста раньше другихъ начавшаго, но раньше другихъ и кончившаго свою литературную дѣятельность. Но мнѣ кажется полезнымъ познакомить ихъ еще съ тѣми мнѣніями,

[1]) До какой степени осторожно нужно пользоваться воспоминаніями, написанными гораздо позднѣе разсказываемыхъ въ нихъ фактовъ, можно видѣть изъ разсказа П. И. Вейнберга въ 1901 году, сдѣланнаго имъ на одномъ литературномъ вечерѣ. Передъ смертью Вейнбергъ былъ у Добролюбова. Когда онъ вышелъ отъ него въ сосѣднюю комнату, то засталъ Некрасова въ слезахъ и услышалъ отъ него слова, которыя потомъ и вылились въ стихи, а именно: «Какой свѣтильникъ разума угасъ!» Слѣдовательно, три года Некрасовъ помнилъ эту строчку... Естественно, что послѣ этого сомнѣваешься и въ другомъ сообщеніи. Послѣ похоронъ Вейнбергъ встрѣтилъ Чернышевскаго и спросилъ у него о нихъ. Чернышевскій отвѣтилъ: «Когда Шиллеръ умеръ, Гете заперся у себя въ кабинетѣ, не выходилъ изъ него цѣлую недѣлю и просилъ потомъ не упоминать при немъ имени Шиллера. Я прошу васъ: не говорите со мной о Добролюбовѣ» («Россія», 1901 г. 12 декабря).

[1]) Чернышевскій былъ возмущенъ этой краткой замѣткой Герцена, посвящавшаго гораздо болѣе вниманія и чувства умершимъ передъ тѣмъ славянофиламъ, напримѣръ К. С. Аксакову, и даже послѣ смерти Н. А. не покаявшагося въ своей громоносной статьѣ (см. № 298). Въ «Свисткѣ» январской книжки «Современника» 1862 года Н. Г. написалъ между прочимъ: «Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ, а такъ какъ литература служитъ отраженіемъ жизни, то значитъ, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь. Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ жилахъ отъ ужаса: что скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, еслибы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: «very dangerons!» и назоветъ меня «окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ» или «ископаемымъ кандидатомъ»... По поводу этихъ своихъ строкъ, полтора года спустя, сидя уже въ крѣпости, Чернышевскій выразилъ признаніе очень любопытное: «Когда я потерялъ Добролюбова, непріязнь къ Герцену за него усилилась во мнѣ до того, что увлекла меня до поступковъ, порицаемыхъ правилами литературной полемики, не дозволяющими бранить того, кого не могъ бы похвалить, еслибъ захотѣлъ» (моя книга «Политическіе процессы», 305).

которыя высказаны были въ литературѣ о Добролюбовѣ вообще, не для того, чтобы самому вполнѣ примкнуть къ одному изъ нихъ или внушить его читателю, а просто для лучшаго ознакомленія съ личностью и творчествомъ критика-публициста.

А. М. Скабичевскій, вообще не знавшій предѣловъ своему краснорѣчію, и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ себѣ. Онъ зналъ, когда писалъ свою біографію для изданія О. Н. Поповой, что нужно указать мѣсто Добролюбова, и съ свойственной манерой перегибать палку въ другую сторону, не оставляя однако собственнаго шаблона и трафарета, провозглосилъ Добролюбова «вѣщимъ пророкомъ, могучій голосъ котораго долго еще будетъ раздаваться подъ сводами вѣковъ, поучая и вдохновляя нашихъ сыновей, внуковъ и правнуковъ», «иниціаторомъ всего движенія шестидесятыхъ годовъ», «создателемъ этой эпохи», человѣкомъ, поражающимъ своихъ современниковъ и не переставшимъ поражать и насъ идеальной высотой своей личности, возвышавшейся своимъ строгимъ ригоризмомъ до подвижничества христіанъ первыхъ вѣковъ»... и т. д. и т. д...

Г. Волынскій, отличающійся во всякомъ случаѣ своеобразностью историко-литературныхъ мнѣній, пришелъ къ противоположнымъ выводамъ. По его мнѣнію, Добролюбовъ—«натура разсудочная по преимуществу», не знавшая никакихъ широкихъ увлеченій «съ кипѣніемъ всѣхъ чувствъ, отражающимся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ»; «не обладая оригинальнымъ умомъ, Добролюбовъ всю жизнь неуклонно шелъ по пути проложенному Чернышевскимъ»; «натура уравновѣшенная, твердая, но не могучая, благородная, но не страстотерпческая, прямая и смѣлая, но не способная увлекать съ непобѣдимою силою высшаго авторитета»; «натура упрямо прямолинейная, безъ мечтательныхъ порывовъ къ идеальнымъ вершинамъ дѣятельности, безъ жажды красоты и совершенства»; Добролюбовъ нигдѣ не отдавался всецѣло той задачѣ, «которою должна заниматься настоящая литературная критика»,— и т. п...

На этотъ разъ правда, дѣйствительно, между крайними мнѣніями. Она выражена многими и при томъ съ разныхъ точекъ зрѣнія на значеніе Добролюбова.

Ивановъ-Разумникъ,—писатель съ яснымъ и самостоятельнымъ взглядомъ на вещи,—такъ характеризуетъ роль Добролобова: «подобно Бѣлинскому и Чернышевскому, Добролюбовъ не былъ литературнымъ критикомъ, по крайней мѣрѣ не былъ исключительно. Это былъ прежде всего публицистъ и общественный дѣятель, и главная его сила заключается именно въ томъ, за что его такъ часто упрекали: онъ писалъ не *о* литературныхъ произведеніяхъ, а только *по поводу* ихъ. Вслѣдствіе этого онъ, конечно, не могъ измѣрять художественныя явленія эстетическимъ критеріемъ—и потому онъ не былъ критикомъ; но вслѣдствіе этого самаго онъ умѣлъ широко охватить вопросъ, изъ эстетической области перенести его въ общественную; а если прибавить къ этому его громадный талантъ страстнаго изложенія, то вполнѣ понятно обаяніе, которымъ окружено его имя. Въ исторіи развитія русской общественной мысли его значеніе велико, хотя его роль и не особенно самостоятельна. Такое мнѣніе не можетъ унижать Добролюбова уже по одному тому, что онъ умеръ двадцатишестилѣтнимъ юношей, въ возрастѣ, когда большинство только начинаетъ работать; одно это позволяетъ судить, какой громадный талантъ умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Трудно себѣ представить, какую значительную роль онъ могъ бы сыграть въ исторіи русской общественной мысли, если бы не прервалась такъ преждевременно нить его жизни; теперь же ему суждено было сыграть роль соединительнаго звена между двумя половинами шестидесятыхъ годовъ, между міровоззрѣніями Чернышевскаго и Писарева» («Исторія русской общественной мысли», II, 54—55),

Это не значитъ, конечно, чтобы признавалась послѣдовательность въ развитіи выражаемой ими троими мысли. Нѣтъ, Добролюбовъ, по справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ, развивалъ идею, хотя и существовавшую въ обществѣ, но утопавшую, такъ сказать въ цѣломъ океанѣ противоположныхъ ей идей. Добролюбовъ—представитель ничтожнаго меньшинства; Писаревъ—представитель огромнаго большинства. Добролюбовъ сказалъ первое слово людей будущаго; Писаревъ — послѣднее слово стародворянской интеллигенціи (К—ъ, «Дѣло» 1881, I). Добролюбовъ воспитывалъ личность на основѣ общества; Писаревъ общество строилъ на личности.

Въ отношеніи метода публицистической критики Добролюбова совершенно вѣрное указаніе дѣлаетъ и г. Венгеровъ. «Въ полную противоположность Писареву, который мечталъ о проводящемъ симпатичные ему идеалы публицистическомъ *искусствѣ*, Добролюбовъ своими статьями клалъ основаніе исключительно публицистической *критикѣ*. Не художника, а только критика онъ превращалъ въ публициста» (Словарь Брокгауза, XX, 826).

Современникъ эпохи, самъ переживший всѣ ея умственные переломы и оставившій

видный слѣдъ въ своей критической дѣятельности, К. К. Арсеньевъ, находитъ, что съ 1856 годомъ наступилъ новый періодъ въ исторіи нашей критики, которому по праву принадлежитъ названіе «добролюбовскаго». «Сочувствіемъ и вниманіемъ общества всецѣло овладѣлъ молодой писатель, огромное дарованіе котораго какъ нельзя больше отвѣчало требованіямъ времени. Торжество новой публицистической критики надъ старой, эстетической, было полное; представители послѣдней были отодвинуты на задній планъ, и въ настояще время немногіе только помнятъ имена тогдашнихъ защитниковъ «чистаго искусства». Школа пережила своего основателя, ея господство, поддерживаемое—хотя и на другихъ основаніяхъ, съ несравненно меньшимъ искусствомъ,—Писаревымъ и другими критиками «Русскаго Слова», прекратилось только во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ». («Вѣстникъ Европы», 1879 г., IV, 789).

Карлъ Марксъ очень мѣтко указалъ на одну сторону дѣятельности Добролюбова. «Я сравниваю его, какъ писателя, съ Лессингомъ и Дидеро»—писалъ онъ Николаю —ону въ 1871 году («Минувшіе Годы» 1908, I, 51).

Очень любопытно мнѣніе Г. З. Елисеева, высказанное спустя два съ половиною года послѣ смерти Н. А., когда литературные враги покойнаго критика все еще не могли уняться, и, по выраженію Елисеева, «даже могила Добролюбова не въ состояніи разорвать братскаго союзаословъ противъ него; когда каждый изъ нихъ, проходя мимо ея, считаетъ долгомъ ударить въ нее своимъ копытомъ».

«Въ нашей литературѣ—говоритъ Елисеевъ по адресу этихъ Честертоновъ,— Добролюбовъ былъ явленіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ, одиночнымъ, для котораго нѣтъ ничего соизмѣримаго. Почти всѣ даже признающіе заслуги Добролюбова смотрятъ на него, какъ на преемника Бѣлинскаго. Но у Добролюбова съ Бѣлинскимъ въ основѣ таланта не было почти ничего общаго. Добролюбовъ не былъ ни критикомъ, ни публицистомъ, ни журналистомъ. Его занимало вовсе не то, чтобы поставить вопросъ, разъяснить его, провести извѣстные новые взгляды взамѣнъ прямыхъ, устарѣвшихъ. Если было нужно, онъ, разумѣется, занимался и этимъ. Но главное его стремленіе было возбудить общественную дѣятельность во всѣхъ ея родахъ и видахъ. Обладая природнымъ свѣтлымъ взглядомъ, онъ съ изумительною мѣткостью и тактомъ умѣлъ угадывать всюду достоинство и содержательность каждаго явленія въ жизни, подрыться подъ корень его, и часто, несмотря на всю новизну и блескъ формы, въ которомъ оно являлось, разоблачить въ немъ шарлатанство, пустоту, рутину, затѣмъ подмѣтить во всякомъ дѣлѣ струны дѣйствительно вѣщія, затронуть ихъ въ самую благопріятную минуту, произвести волненіе и раздраженіе. Добролюбовъ по своей природѣ былъ человѣкомъ дѣйствія, ораторомъ трибуны. Онъ не довольствовался тѣмъ, чтобы разъяснить извѣстное дѣло, произвести извѣстное впечатлѣніе и затѣмъ оставить человѣка собственному размышленію. Нѣтъ, онъ хотѣлъ увлечь его за собою, заставить его быть у дѣла, не только съ тѣмъ же взглядомъ на дѣло, но и съ тѣмъ же отношеніемъ къ нему, какіе имѣлъ онъ. А для этого надобно было заставить молчать, уничтожить всѣхъ противниковъ, которые имѣли другія идеи о дѣлѣ. Поэтому Добролюбовъ былъ постоянно на сторожѣ въ литературѣ. Онъ зналъ всѣ мельчайшія ея явленія, слѣдилъ за каждымъ шагомъ противниковъ, зналъ всю исторію ихъ литературной дѣятельности, ловилъ каждый ихъ промахъ и ошибку,—и никто лучше его не умѣлъ уничтожить противника, сдѣлать его смѣшнымъ и жалкимъ. Говорятъ, что это былъ деспотизмъ. Но въ такомъ случаѣ всякое превосходство ума, подавляющее ничтожества или посредственности, надобно назвать деспотизмомъ. Добролюбовъ, дѣйствуя противъ своихъ противниковъ, не исключалъ тѣмъ ихъ дѣятельности противъ себя. Дорога была открыта всѣмъ. И многіе изъ нихъ стремились сдѣлаться такими же деспотами, какъ онъ,— но не хватало пороха... и они съ поля битвъ уходили еще болѣе смѣлыми» («Современникъ» 1864, III, 133—135).

Почти въ одно время съ такимъ мнѣніемъ Елисеева высказался и тогдашній вліятельный сотрудникъ «Русскаго Слова»— Варѳоломей Зайцевъ, совершенно отрицавшій критическій талантъ Добролюбова, чего не дѣлалъ такъ категорически Елисеевъ, но въ остальномъ очень съ нимъ солидарный. «Добролюбовъ не только желалъ служить обществу, и не могъ не служить; для него это было необходимостью, но и онъ преслѣдовалъ не литературные цѣли, а общественныя». «Онъ лилъ холодную воду здраваго смысла на горячій азартъ приверженцевъ чистаго искусства, и его здоровый взглядъ необыкновенно раздражалъ этихъ господъ». «Онъ былъ самымъ полнымъ и чистымъ представителемъ любви къ народу. Любовь къ народу и сочувствіе къ нему были у него не простымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа и не мистическимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а живымъ и дѣятель-

нымъ чувствомъ». Въ заключеніе своей статьи Зайцевъ говоритъ: «Съ чувствомъ глубокой признательности и любви останавливаемся мы передъ свѣтлой личностью Добролюбова, которая уже принадлежитъ нашей исторіи и стоитъ выше мелкой злобы задѣтыхъ имъ самолюбцевъ» («Рус. Слово» 1864, I. 62—68).

Это подчеркиваніе реальности Добролюбова, на которую читатель встрѣтитъ достаточно указаній, въ моихъ постатейныхъ замѣткахъ, какъ, впрочемъ, и на остальныя особенности его таланта, сдѣлано было и Чернышевскимъ». Я не встрѣчалъ—говоритъ онъ, человѣка съ болѣе сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, чѣмъ какой былъ въ Николаѣ Александровичѣ. Но при этомъ было въ немъ такое живое сердце, что чувство постоянно служило ему первымъ возбудителемъ и мыслей, и дѣлъ. Отъ этого его убѣжденія и намѣренія всегда были реальны, его стремленія были чрезвычайно опредѣленны,—опредѣленны до конкретности, и при всей безпредѣльности своей теоретической программы, онъ всѣ силы свои обращалъ на исполненіе той части ея, которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная перемѣна, служила средствомъ для осуществленія дальнѣйшихъ замысловъ». («Современникъ» 1862, I, 265—266).

Выше я привелъ мнѣніе о Добролюбовѣ г. Волынскаго и замѣтилъ, что оно противоположно высказанному Скабичевскимъ. Это, однако, не значитъ, чтобы я считалъ г. Волынскаго выразителемъ отрицательнаго отношенія къ критику-публицисту. Нѣтъ, онъ признаетъ нѣкоторыя его выдающіяся стороны; его спокойное мнѣніе противоположно мнѣнію Скабичевскаго главнымъ образомъ по отсутствію выспренности и по непризнанію за Добролюбовымъ той роли, какую приписываетъ ему Скабичевскій. Представителемъ вполнѣ отрицательнаго отношенія къ Добролюбову можетъ служить Е. Ѳ. Заринъ, написавшій нѣсколько листовъ въ пріютившей его «Библіотекѣ для Чтенія» въ лицѣ Писемскаго, очень нерасположеннаго къ «Современнику» вообще и къ Добролюбову въ частности. Но статьи Зарина, написанныя послѣ смерти Н. А., до того пошлы и бездарны, а его пониманіе критики и публицистики вообще настолько дико, что я считаю совершенно не нужнымъ останавливаться на заринскомъ «развѣнчаніи» Добролюбова...

Намъ надо только остановиться на томъ, что Заринъ высказалъ первый,—на рабскомъ «совпаденіи» Добролюбова съ Чернышевскимъ. Заринъ готовъ былъ отрицать всякую самостоятельность въ литературной дѣятельности Н. А., сводя ее къ слѣпому слѣдованію за Чернышевскимъ. И при томъ это дѣлалось не для того, чтобы принизить Добролюбова; послѣдній былъ лишь удобной мишенью для сведенія счетовъ съ «Современникомъ». По пути хотѣлось сконфузить и Чернышевскаго: «Вы говорите, что Добролюбовъ стоялъ во главѣ русской литературы, что онъ былъ выше всѣхъ головой и пр. Но, вѣдь, всѣмъ извѣстно, что онъ былъ вашимъ слѣпымъ послѣдователемъ, а потому ясно, что ваши похвалы очень неискренни и даже болѣе—хваля ученика, вы тѣмъ самымъ возносите себя, его учителя. Стыдитесь!»—вотъ смыслъ статей и Зарина и какого то Н.—ова (все та же «Библіотека для Чтенія» 1862 г., первое полугодіе).

Позже вопросъ этотъ попалъ въ другую плоскость: устанавливали уже «вліяніе» Чернышевскаго на Добролюбова и, разумѣется, дѣлали это не à la Заринъ, а исключительно въ видахъ объясненія историко-литературнаго значенія и роли Добролюбова. Самъ Чернышевскій категорически и рѣзко отрицалъ свое вліяніе. «Мы не были, милостивый государь,—отвѣчалъ онъ Зарину—такъ тупы и глупы, чтобы не считать его первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу»; «не былъ его учителемъ никто изъ людей, писавшихъ по-русски»; «какъ же могли вы не замѣтить, что слишкомъ смѣшно ставить написанное мною выше написаннаго имъ»,—и т. д. («Сочиненія», IX, 100—104).

Разумѣется, отрицаніе Чернышевскаго противорѣчитъ фактамъ. Уже изъ біографіи Добролюбова мы видѣли, что вопросъ о вліяніи рѣшается въ положительномъ смыслѣ. Но чтобы установить его предѣлы, необходимо прежде всего условиться въ самомъ опредѣленіи «вліянія». Добролюбовъ обладалъ достаточно самостоятельнымъ умомъ, чтобы не итти слѣпо по слѣдамъ Чернышевскаго. Онъ принималъ нѣкоторыя его мнѣнія только послѣ того, какъ, переработавъ ихъ самостоятельно, убѣждался въ ихъ справедливости. Иногда онъ отвергалъ часть исповѣдывавшагося Чернышевскимъ убѣжденія, подставляя на ея мѣсто результатъ добытый самостоятельнымъ мышленіемъ; иногда, но уже только въ вопросахъ чисто экономическихъ, онъ вполнѣ примыкалъ къ Н. Г., довѣряясь его знаніямъ въ этой области, въ которой самъ такъ и не имѣлъ времени поработать самостоятельно. Наибольшей самостоятельностью Добролюбовъ обладалъ въ области политическихъ убѣжденій, а они-то, какъ извѣстно, и обусловили почти всю его дѣятельность. Здѣсь друзья дополняли другъ друга, но о вліяніи говорить не приходится.

Мнѣ кажется, что сильно ошибается г. Ивановъ-Разумникъ, утверждая, что

Добролюбовъ «находился подъ громаднымъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ Чернышевскаго», и думая, что хотя вліяніе это могло быть взаимнымъ, но перевѣсъ въ немъ былъ на сторонѣ Н. Г. Правда, критикъ прибавляетъ, что Добролюбовъ по самому своему большому таланту и не могъ быть эхомъ Чернышевскаго, что онъ «продолжалъ и развивалъ мысли, выработанныя имъ при обращеніи съ такимъ могучимъ умомъ, какимъ былъ Чернышевскій»,—но во всякомъ случаѣ утвержденіе его о колоссальности вліянія остается высказаннымъ категорически.

Г. Венгеровъ идетъ еще дальше и, по моему,—заблуждается еще больше. Онъ говоритъ, что Чернышевскій былъ «въ полномъ смыслѣ слова духовнымъ отцомъ» Добролюбова, что Добролюбовъ «выросъ на статьяхъ Чернышевскаго» («Юб. Сбор.», 277). Здѣсь необходима и чисто фактическая поправка. Добролюбовъ вылился въ вполнѣ опредѣленную форму къ серединѣ 1857 года, т.-е. къ окончанію Педагогическаго института. Къ этому времени Чернышевскій изъ своихъ выдающихся трудовъ написалъ только «Очерки гоголевскаго періода» и «Лессинга»; все остальное — были сравнительно неважныя сочиненія, во всякомъ случаѣ не такія, чтобы на нихъ можно было выучиться и при томъ Добролюбову. Я не буду приводить другихъ мнѣній, потому что всѣ они, кромѣ категорически отрицающаго всякое вліяніе М. М. Филиппова, и сводятся къ одному изъ двухъ вышеприведенныхъ.

Мих. Лемке.

Вологод. жел. дор.
Библиотека „КОР"

1. Бѣдность—не порокъ.

Комедія *А. Островскаго*. Москва. 1854.

Напечатано въ V книгѣ «Современника» 1854 года (ценз. 23 апрѣля).

Статья эта до сихъ поръ приписывалась Чернышевскому. Однако, по справкѣ съ его бумагами, хранящимися въ Академіи Наукъ, оказалось, что въ собственноручномъ спискѣ своихъ сочиненій Н. Г. ее не помѣстилъ; это указаніе позже уже сдѣлалъ Пыпинъ. Мало того, по словамъ М. Н. Чернышевскаго, въ бумагахъ и корректурахъ его отца вообще нѣтъ ничего, что могло бы дать безспорное основаніе приписывать эту статью его отцу. Въ одной изъ слѣдующихъ замѣтокъ я укажу на незнаніе Пыпинымъ первыхъ добролюбовскихъ сочиненій (см. № 39).

Но какія же есть основанія, кромѣ этихъ пока чисто отрицательныхъ, что данная статья принадлежитъ Добролюбову? Ни одного совершенно неоспоримаго и категорическаго и много наводящихъ.

Первое—это указаніе самимъ Добролюбовымъ въ его дневникѣ 8 февраля 1857 г.: «провелъ вечеръ въ бесѣдахъ съ Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ (братомъ комика, *котораго я такъ обругалъ нѣкогда*, да и вчера только по забывчивости не ругнулъ, говоря о 2 № «Современника», потому что не зналъ, что говорю съ его братомъ) и съ П. Г. Рѣдкинымъ», (Юб. Сбор., 324). При грамотности Добролюбова слово *нѣкогда* никакъ нельзя отнести ко времени очень близкому къ февралю 1857 г. Май 1854 года, время николаевское, первый годъ ученія въ Педагогическомъ институтѣ,—конечно, можетъ считаться этимъ «нѣкогда». Къ тому же другихъ «ругательныхъ» статей объ Островскомъ въ «Современникѣ» не было.

Но почему въ «Современникѣ»? Развѣ статья Добролюбова не могла быть въ «Отеч. Запискахъ» или въ другомъ журналѣ? Нѣтъ, не могла, потому что, во-первыхъ, въ «Отеч. Зап.» литературную библіографію велъ Галаховъ, который и «отдѣлалъ» Островскаго по-своему тоже за «Бѣдность—не порокъ»; а во-вторыхъ, пойдя въ «Отеч. Записки», Добролюбовъ познакомился бы тамъ съ Чернышевскимъ, что, однако, произошло позже, при сдачѣ туда статьи о Буслаевѣ (см. № 2). Въ другихъ же петербургскихъ журналахъ не появлялось такой «ругани» по адресу Островскаго, которая до сихъ поръ не имѣла бы уже вполнѣ опредѣленнаго автора.

Дальше. Въ статьѣ своей о «темномъ царствѣ» (см. № 317) Добролюбовъ затрагиваетъ всѣхъ «ругателей» Островскаго и какъ разъ проходитъ молчаніемъ *только* статью въ V кн. «Современника» 1854 года.

Но почему этой статьи нѣтъ въ собственноручномъ спискѣ статей Добролюбова? Потому что списокъ начинается только съ 1856 года, и начало его первой страницы не есть начало самаго списка; наоборотъ, видно, что была еще одна страница, потому что на этой стоитъ цифра «2».

По всѣмъ этимъ даннымъ, я полагаю, что не дѣлаю ошибки, приписывая статью Добролюбову.

Ее очень интересно сравнить съ №№ 317 и 404, чтобы получить представленіе о той перемѣнѣ мнѣнія о творчествѣ Островскаго, которая произошла въ Добролюбовѣ на протяженіи пяти лѣтъ.

Изъ цитированной записи дневника 1857 г. видно, что «Праздничный сонъ—до обѣда», напечатанный во II кн. «Современника» 1857 года, тоже заставлялъ Н. А. относиться отрицательно къ пути, на которомъ стоялъ бытописатель темнаго царства. Впрочемъ, вѣроятно, въ такомъ отношеніи къ нему въ самомъ началѣ играли роль и слухи объ Островскомъ, какъ угод-

никѣ славянофиловъ, какъ не совсѣмъ симпатичномъ человѣкѣ и пр., потому что въ одномъ изъ писемъ середины 1856 года Добролюбовъ говоритъ, что Островскій «оказывается дѣйствительно порядочнымъ человѣкомъ», съ которымъ онъ видится съ удовольствіемъ («Матеріалы», 318).

Объ обстоятельствахъ написанія этой статьи см. также въ біографическомъ очеркѣ. **М. Л.**

Первая комедія г. Островскаго, «Свои люди—сочтемся», была принята читателями съ единодушнымъ одобреніемъ. Мы встрѣчали даже такихъ, которые, въ порывѣ увлеченія ставили эту комедію выше «Недоросля» и «Горе отъ ума», наравнѣ съ «Ревизоромъ». И такое увлеченіе не сердило тѣхъ, которые не раздѣляли его—такъ оно было естественно. Черезъ два года явилась «Бѣдная невѣста», не уронившая извѣстности автора, но и не поддержавшая ее. Третья комедія его «Не въ свои сани ни садись» заставила нѣкоторыхъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей перваго произведенія г. Островскаго опасаться, что онъ уже не въ силахъ создать что-нибудь, достойное автора «Своихъ людей». Но большая часть публики не раздѣляла еще этихъ опасеній; многіе оставались такъ увлечены «Своими людьми», что все, выходившее изъ-подъ пера ихъ автора, считали равно замѣчательнымъ. Явилась« Бѣдность—не порокъ», и большинство публики убѣдилось въ основательности опасеній за талантъ г. Островскаго, и если мы скажемъ, что, по нашему убѣжденію, г. Островскій еще можетъ имѣть силы—если только будетъ имѣть желаніе — создать послѣ «Бѣдность—не порокъ» что-нибудь замѣчательное, то большинство читателей, мнѣніе которыхъ имѣетъ вѣсъ въ дѣлѣ искусства, едва ли не назоветъ насъ людьми, которые все еще не хотятъ отказаться отъ надеждъ и тогда, когда уже невозможно надѣяться. Мы не можемъ найти эпитета, который бы достаточно выражалъ всю фальшивость и слабость новой комедіи; не можемъ найти потому, что воспоминаніе о «Своихъ людяхъ» не позволяетъ намъ прибѣгнуть къ эпитетамъ, которыми характеризуются произведенія кичливой бездарности. Потому скажемъ только: новая комедія г. Островскаго слаба до невѣроятности. А между тѣмъ находятся люди, которые продолжаютъ называть ее «цѣннымъ и долговѣчнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской литературы». Этого мало; находятся люди, которые рѣшаются говорить такъ: мы видѣли «Гамлета», «Отелло», «Ричарда III», «Короля Лира»; эти геніальныя созданія сильны тѣмъ, что въ нихъ правдиво изображается человѣкъ, и могущественно ихъ «правда» дѣйствовала на нашу душу, но прошло время, и мы увидали произведеніе еще высшаго достоинства (т.-е. «Бѣдность—не порокъ»):

«И вотъ пришла пора другая,
Опять въ театрѣ стонъ стоитъ;
Полусмѣясь, полурыдая
На сцену вновь толпа глядитъ,
И съ нею истина иная
Со сцены снова говоритъ.
Но эта правда не похожа
На правду прежнюю ни чуть:
Она *простѣе, но дороже*,
Здоровѣй дѣйствуетъ на грудь.
Дай ей самой здоровья, Боже,
Пошли и впредь счастливый путь!
Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ окружилъ,
И новое сказалъ онъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ.
Вотъ отчего театра зала
Отъ верха до низу однимъ
Восторгомъ вновь затрепетала:
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ поникшей головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой... и проч.
и проч. [1]).

(См. «Москвитянинъ», 1854, № 5).

Для нечитавшихъ «Бѣдность — не порокъ» прибавимъ, что Любимъ Торцовъ—лицо изъ этой комедіи. Насъ нисколько не удивляетъ, что есть люди, не умѣющіе отличать посредственныхъ или плохихъ пьесъ отъ геніальныхъ и добродушно ставящіе «Бѣдность—не порокъ» выше шекспировскихъ произведеній: вѣдь есть же люди, думающіе, что Основьяненко (или Гребенко) выше Гоголя, что «Панъ Халявскій» лучше «Мертвыхъ душъ» и т. д.; но тѣмъ не менѣе удивительно, что подобные люди рѣшаются печатно высказать, что «Бѣдность—не порокъ» выше «Гамлета» и «Отелло». Примѣровъ такой забавной рѣшительности не бывало въ русской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ С. Глинка говорилъ, что въ «Димитріи Самозванцѣ» Сумароковъ, въ отношеніи развитія волненія душевнаго, превосходнѣе того, что Шекспиръ *предъявляетъ* въ своемъ «Макбетѣ» (Очерки жизни А. П. Сумарокова, изданные С. Глинкою, часть 3, стр. 120). Что могло придать этимъ неосторожнымъ поклонникамъ слабой комедіи такую смѣшную смѣлость? Только имя г. Островскаго, какъ автора «Своихъ

---

[1]) Эта оригинальная критическая статья принадлежитъ Ап. Григорьеву.

людей». Блескъ его такъ ослѣпилъ ихъ, что они не могутъ видѣть прискорбнаго различія между первою комедіею г. Островскаго и его послѣдними произведеніями. А различіе до того велико, что автора «Бѣдность—не порокъ», не будь выставлено его имени на этой комедіи, невозможно было бы признать авторомъ «Своихъ людей»: онъ кажется только его подражателемъ, усвоившимъ себѣ до нѣкоторой (только до нѣкоторой) степени его манеру, но не имѣющимъ и тѣни его таланта. Только подпись одного имени на обоихъ произведеніяхъ убѣждаетъ насъ, что оба они писаны однимъ и тѣмъ же человѣкомъ.

Но мало того, что успѣхъ «Свои люди—сочтемся» доставилъ автору извѣстность; у него явились подражатели, но какіе?

Въ каррикатурныхъ подражаніяхъ «Своимъ людямъ», — мы говоримъ о недавно появившихся пьесахъ: г. Потѣхина «Братъ и сестра» («Москвитянинъ», №№ 3 и 4) и г. Красовскаго «Женихъ изъ Ножевой линіи» («Отечественныя Записки», № 3)— нѣтъ и тѣни того, что составляетъ достоинство «Своихъ людей»; въ нихъ только развиты до крайности всѣ слабыя стороны «Своихъ людей» въ художественномъ отношеніи, и утрированъ до совершеннаго искаженія оригинальный языкъ этой комедіи. Какъ же могло отъ «Своихъ людей» произойти такое потомство, какъ «Не въ свои сани не садись», «Женихъ изъ Ножевой линіи», «Братъ и сестра», и особенно «Бѣдность—не порокъ»? Общій отвѣтъ на это ясенъ для всякаго, знающаго, что такое значитъ «подражать». «Подражать» значитъ: не понимая существенныхъ достоинствъ, не понимая смысла произведенія, ослѣпившаго насъ своимъ успѣхомъ, механически воспроизводить его внѣшнюю сторону и, не имѣя силъ передать его красоты, со всею силою безвкусія скопировать въ громадныхъ размѣрахъ его недостатки, принимая ихъ за красоты.

Послѣ «Своихъ людей» авторъ ихъ написалъ «Бѣдную невѣсту». Комедія была очень хороша; ее всѣ похвалили, но въ восторгъ не привела она никого. Почему же такъ? Потому что она дѣйствительно не имѣла ни одного изъ блестящихъ достоинствъ первой комедіи г. Островскаго. Идея въ ней была, если хотите; а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая. Милая, достойная всего лучшаго, дѣвушка должна—потому, что у нея нѣтъ приданаго, для того, чтобы спасти себя и мать отъ нищеты—выйти замужъ за человѣка, который не пара ей ни по образованію, ни по чистотѣ сердца, ни даже по лѣтамъ: это человѣкъ пошлый, необтесанный, довольно пожилой, котораго она будетъ стараться, но не успѣетъ облагородить, котораго она будетъ усиливаться полюбить, но не будетъ въ состояніи любить; ея жизнь погибнетъ невозвратно (все это сама она чувствуетъ), погибнетъ ея красота и молодость: сотни хорошихъ, если не геніальныхъ произведеній были писаны уже на эту тему, и если она всегда останется прекрасна, то свѣжесть и эффектность можетъ придать ей только колоссальный талантъ. А г. Островскій написалъ прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполненію произведеніе. Мало того, что идея не имѣла достоинства новизны: она принадлежала слишкомъ тѣсному кругу частной жизни.

Недовольный сомнительнымъ успѣхомъ этой комедіи, г. Островскій написалъ новую «Не въ свои сани не садись». Въ этой комедіи ясно и рѣзко было сказано: *полуобразованность хуже невѣжества*, но не прибавлено, что лучше и той и другаго: *истинная образованность*. Вообще эта комедія какъ бы служила переходнымъ звеномъ между «Своими людьми» и «Бѣдность—не порокъ», къ которой мы теперь и обратимся, такъ какъ то, что было несовсѣмъ опредѣлено въ «Не въ свои сани не садись», совершенно выяснилось въ «Бѣдность—не порокъ». Эта комедія явилась всего три мѣсяца назадъ; потому большей части нашихъ читателей содержаніе ея, можетъ быть, еще неизвѣстно, и мы должны разсказать его довольно подробно.

Но прежде, нежели начнемъ говорить о содержаніи, скажемъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Не свои сани не садись» представитель (мнимо) русскихъ по преимуществу понятій назывался уже Русаковымъ, представитель вѣрности старинымъ обычаямъ—Бородкинымъ, представитель модной пустоты и вѣтрогонства—Вихоревымъ. Такое блистательное нововведеніе, заимствованное изъ комедій стараго времени, понравилось г. Островскому; въ «Бѣдность—не порокъ» всѣ фамиліи лицъ «заимствованы» отъ ихъ качествъ. Коршуновъ (фабрикантъ свирѣпаго нрава), Гуслинъ (русскій виртоузъ), Разлюляевъ (т.-е. гуляка и весельчакъ). И надобно сказать, что это чрезвычайно прилично новой комедіи г. Островскаго, столь же неумѣренной въ неудачной идеализаціи, столь же наивно написанной, какъ и самыя плохія комедіи стараго времени. Въ нашихъ романахъ тридцатыхъ годовъ герой, образецъ скромнаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей, въ отличіе отъ остальныхъ лицъ (Звонскихъ, Греминыхъ, Блестовыхъ и т. д.) не имѣлъ даже фамиліи: онъ назывался просто Вла-

димiръ или Александръ; такъ и у г. Островскаго герой именуется просто Митя (отличіе отъ старыхъ романовъ только въ томъ, что тамъ уменьшительными Митя, Ваня, Андрюша титуловались юродивые).

Егорушка, мальчикъ, племянникъ богатаго купца Гордѣя Карпыча Торцова, читаетъ сказку о «Бовѣ Королевичѣ», перерывая свое чтеніе отвѣтами на вопросы Мити, приказчика Торцова; чтеніе «Бовы Королевича» рѣшительно не связано съ пьесою и введено только въ качествѣ народнаго элемента для украшенія сцены. Между прочимъ, и это главное, Егорушка разсказываетъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ Гордѣй Карпычъ прогналъ изъ дому своего промотавшагося брата Любима за то, что Любимъ началъ при гостяхъ за столомъ «разныя колѣна выкидывать» — Митѣ, живущему въ домѣ, очень естественно было цѣлую недѣлю, если не больше, не слыхать о такомъ шумномъ и скандальномъ происшествіи. Оставшись одинъ, Митя объясняется въ любви къ Любови Гордѣевнѣ, дочери Гордѣя Карпыча, и объявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать, потому что «все бы думалъ о ней»,—Митя человѣкъ очень бѣдный, и поэтому, намъ кажется, могъ бы уже давно привыкнуть поступать такъ, какъ всѣ бѣдные люди, обязанные каждый аккуратно работать, чтобы не терпѣть нужды: тоска сама по себѣ, а работа все-таки идетъ у нихъ какъ слѣдуетъ. Итакъ, вотъ вамъ элементы комедіи во вкусѣ трагедіи Корнеля и Расина: сначала (рѣшительно неумѣстный по положенію лицъ) прологъ для объясненія публикѣ предшествующихъ событій; потомъ лирическій монологъ, въ которомъ изливаетъ свою сентиментальную любовь герой. Потомъ входитъ Пелагея Егоровна (лицо безцвѣтное, повидимому, добрая старуха) и, продолжая прологъ, начатый Егорушкою, объясняетъ публикѣ положеніе дѣлъ, разсказывая Митѣ, который уже пятьсотъ разъ все это знаетъ, что Гордѣй Карпычъ совсѣмъ испортился и помутился отъ знакомства съ богатымъ фабрикантомъ Коршуновымъ, отъ котораго перенялъ манеру стыдиться старыхъ простыхъ обычаевъ и гоняться за нынѣшнимъ свѣтомъ. Чтобы ободрить къ продолженію объясненій для публики Пелагею Егоровну, которая сама должна чувствовать, что неумѣстно объяснять Митѣ давно извѣстныя ему дѣла, Митя подталкиваетъ ея разсказы разспросами и предположеніями. Тотчасъ послѣ ухода Пелаги Егоровны является третье лицо съ ролью корнелевскихъ наперсниковъ — Гуслинъ, которому Митя открывается въ любви свой къ Любови Гордѣевнѣ, прибавляя:

Что на свѣтѣ прежестоко?
Прежестока есть любовь.

Намъ кажется, что человѣкъ, восхищающійся подобными стихами, еще не въ состояніи находить Кольцова порядочнымъ поэтомъ; но, по волѣ г. Островскаго, Митя (юродивый или нѣтъ!) восхищается Кольцовымъ и самъ пишетъ пѣсни à la Koltzoff— нельзя не согласиться съ отзывомъ объ этомъ Гордѣя Карпыча: «Какія нѣжности при нашей бѣдности!» Но не удивляйтесь. Дальше будетъ еще лучше. Входитъ Разлюляевъ, сынъ богатаго фабриканта, веселый, удалый малый — и съ чѣмъ бы, вы думали, входитъ онъ? съ гормоніею!! сколько извѣстно читателямъ, на «гармоніи» играютъ одни только дворовые люди и бѣднѣйшій классъ мѣщанъ; но Разлюляевъ купилъ ее, конечно, по приказанію автора, потому не осуждаемъ его за это. Безъ особенной воли своего прихотливаго повелителя Разлюляевъ, конечно, нанялъ бы музыкантовъ, какъ всегда дѣлаютъ богатые гуляки изъ купеческаго класса. Какъ онъ входитъ, начинается пѣніе различныхъ пѣсенъ, ни къ чему не ведущее въ пьесѣ; между прочимъ Гуслинъ, успѣвшій въ нѣсколько минутъ положить на музыку пѣсню Мити à la Koltzoff, разумѣется, довольно плохую, поетъ ее и «во все это время (по точнымъ словамъ г. Островскаго) Разлюляевъ стоитъ какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ. По окончаніи пѣнія всѣ молчатъ»— отъ глубокаго чувства, по мнѣнію г. Островскаго, а по нашему мнѣнію, оттого, что пѣсня плоха, и хвалить ее совѣстно, хоть на это и рѣшается, наконецъ, Разлюляевъ; потомъ опять поэтическое тріо принимается пѣть — за этимъ застаетъ ихъ Годрѣй Карпычъ и бранитъ (по нашему мнѣнію, совершенно справедливо) Митю за то, что онъ не занимается своимъ дѣломъ. Но Разлюляевъ, по уходѣ Гордѣя Карпыча, соглашается съ Митею, что его жизнь очень горька. Входитъ съ подругами Любовь Гордѣевна, предметъ страсти поэтическаго Мити, и опять начинается ни къ чему не ведущее пустословіе и пѣнье пѣсенъ. Наконецъ, начинается «нить завязки романа», какъ говоритъ Гоголь. Митя остается наединѣ съ Любовью Гордѣевною и объясняется ей въ любви — какимъ бы вы думали способомъ? Читая ей «собственно для нея сочиненные стихи», о томъ, что

Понапрасну свое сердце парень губитъ,
Что неровнюшку дѣвицу парень любитъ.

Намъ казалось бы еще правдоподобнѣе объясненіе полуграмотнаго русскаго парня съ безграмотной дѣвушкою, если бы они принялись (по примѣру Шатобріана, см. его «Замогильныя записки») читать Аріосто, и

на какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ ихъ уста слились бы въ поцѣлуй. Тогда Митя, разсказывая объ этомъ Гуслину, могъ бы выказать пониманіе не только Кольцова, но и Данте, воскликнувъ:

Quel giurno vi no leggemo avante!

На что Гуслинъ могъ бы ему отвѣчать: Эхъ, братъ, тогда былъ счастливъ, а теперь еще больше сталъ тосковать! Правду, Митя, говоритъ Данте:

Nessun' maggior' dolore, и т. д.

Разумѣется, Любовь Гордѣевна *пишетъ* Митѣ отвѣтъ и уходитъ, вручивъ его.

Конечно, скажете вы, пламенный Митя сейчасъ же прочиталъ рѣшеніе своей судьбы? Г. Островскій не считаетъ этого нужнымъ. Къ Митѣ приходитъ Любимъ Торцовъ, братъ хозяина, и на восьми страницахъ повѣствуетъ Митѣ свои приключенія (какъ будто бы Митя, столько времени жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, не слышалъ уже ихъ отъ него тысячу разъ, но въ «Бѣдность—не порокъ» все разсказывается, ни одно лицо не знаетъ ничего изъ того, что давно должно знать), и Митя, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ своей милой въ карманѣ, имѣетъ терпѣніе непостижимое ни для кого, кромѣ героевъ г. Островскаго, слушать битыхъ полчаса его разсказы, не догадываясь даже отвернуться въ сторону, чтобы взглянуть: «да» или «нѣтъ» написала ему Любовь Гордѣевна. Надобно отдать справедливость Любиму Торцову, что разсказываетъ онъ превосходно; но разсказъ его—ненужный для пьесы эпизодъ, какъ три четверти всѣхъ разговоровъ, разсказовъ и пѣсенъ. Намъ необходимо послушать вмѣстѣ съ Митей, что такое за человѣкъ Любимъ Торцовъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ,

«Душѣ такъ прямо кажетъ путь»
(«Москв.», 1854, № 5),

надобно посмотрѣть, что это за путь, по которому предлагается идти вслѣдъ за Любимомъ.

По смерти отца, раздѣлившись съ братомъ, поѣхалъ онъ повеселиться въ Москву и повеселился такъ, что пропилъ всѣ деньги.

«Какъ же вы жили, Любимъ Карпычъ?» спрашиваетъ Митя, дослушавши похожденія его до того времени, пока не осталось у него ни копѣйки денегъ.

«Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни сверху нѣтъ ничего... Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная—воровать. Да не гожусь я на это дѣло: совѣсть есть; опять же и страшно: никто этой коммерціи не одобряетъ. Говорятъ, въ другихъ земляхъ за это по талеру платятъ, а у насъ добрые люди по шеямъ колотятъ. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Эта штука стара, ее бросить пора... Да вѣдь голодъ-то не тетка, надобно что-нибудь дѣлать! Сталъ по городу скоморохомъ ходить, по копѣечкѣ собирать, шута изъ себя разыгрывать, прибаутки разсказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь съ утра ранняго въ городѣ, гдѣ-нибудь за угломъ отъ людей хоронишься да дожидаешься купцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно,—ну и дастъ, кто пятачекъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дышешь день-то, тѣмъ и существуешь».

Если подражать Любиму Торцову совѣтуютъ въ томъ, чтобы не заниматься коммерціею, которой никто не одобряетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ полезный, хотя нѣсколько обидный, образецъ для читателей. Ну, а если нѣкоторые читатели подумаютъ, что имъ предлагаютъ идти къ нравственной высотѣ путемъ Любима Торцова, т.-е., пропившись, сдѣлаться скоморохами и выкидывать артикулы по улицамъ? Воля ваша, они могутъ обидѣться еще сильнѣе. Наконецъ, нашъ идеалъ—не трезвый, какъ всегда—засыпаетъ, и Митя можетъ прочитать записку, полчаса лежавшую у него въ карманѣ.

«Читаетъ: «*И я тебя люблю. Любовь Торцова*». Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ».

Мы такъ подробно разсказывали первое дѣйствіе, что, вѣроятно, читатели, утомленные даже сокращенною передачею всѣхъ этихъ неклеящихся съ настоящимъ содержаніемъ пьесы нескладицъ и несообразностей, утомленные всѣми этими наперсниками, прологами, монологами, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни драматизма, попросятъ насъ сократить разсказъ о двухъ остальныхъ дѣйствіяхъ. Съ величайшею радостью исполняемъ ихъ желаніе.

Двѣ трети второго дѣйствія заняты святочнымъ вечеромъ, справляемымъ матерью Любови Гордѣевны въ отсутствіе мужа. Всѣ эти сцены съ плясками, играми, пѣснями и такъ далѣе рѣшительно лишнія, и не связаны съ пьесою ничѣмъ, кромѣ воли автора. Наконецъ, пріѣзжаетъ Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, прогоняетъ наряженыхъ, называя такія увеселенія «мужичествомъ», и объявляетъ, что просваталъ дочь за Коршунова. Та умоляетъ отца не губить ее. Отецъ не хочетъ слушать, и простой святочный вечеръ обращается въ помолвку. Но Любимъ Карпычъ не дремлетъ: онъ въ домѣ брата оскорбляетъ Коршунова, высчитывая въ глаза ему всѣ его мошенничества.

Раздраженный Коршуновъ требуетъ, чтобы Гордѣй Карпычъ извинился передъ нимъ, что позволилъ обидѣть его въ своемъ домѣ. «Попросить прощенья—говоритъ онъ нареченному тестю — потому что другого жениха здѣсь твоей дочери нѣтъ».—«Врешь—говоритъ Гордѣй Карпычъ (замѣтьте, какъ натурально подведена развязка) — съ деньгами, которыя я за нею дамъ, всякій человѣкъ будетъ...» Въ эту самую минуту, неизвѣстно зачѣмъ, въ дверяхъ показывается Митя, который давно уже простился, чтобы уѣхать домой отъ горести по разлукѣ съ Любовью Гордѣевною... «Вотъ за Митьку отдамъ». Митя валится ему въ ноги, жена (знающая о любви между Митею и дочерью) умоляетъ мужа исполнить свое слово; Гордѣй въ нерѣшимости; тогда опять является идеалъ человѣка, Любимъ, и въ монологѣ, достойномъ автора шекспировской пьесы «Раздумье артиста» (см. «Ералашъ» при II нумерѣ «Современника»), проситъ брата сжалиться надъ нимъ, отдать дочь за Митю, который дастъ ему пріютъ и кусокъ хлѣба. По обыкновенному порядку вещей, вмѣшательство, даже одно появленіе Любима, который такъ жестоко уязвилъ гордость Гордѣя, осрамивъ его передъ всѣми и разстроивъ свадьбу, должно было бы безвозвратно испортить дѣло; но у г. Островскаго выходитъ не такъ: выслушавъ монологъ брата, Гордѣй «утираетъ слезу» и говоритъ ему: «Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ!» и благословляетъ Митю и Любовь Гордѣевну (какъ это правдоподобно!). Читатели теперь видятъ, что почти вся пьеса состоитъ изъ ряда несвязныхъ и ненужныхъ эпизодовъ, монологовъ и повѣствованій; собственно для развитія дѣйствія нужна развѣ только третья доля всего вставленнаго въ пьесу. Чѣмъ это объяснить? Во-первыхъ, небреженіемъ автора къ требованіямъ искусства—онъ, повидимому, считаетъ каждую написанную имъ строку драгоцѣнностью, которая будетъ пріятна читателямъ и въ томъ случаѣ, когда рѣшительно ненужна и неумѣста; во вторыхъ,—и это едва ли не главное—авторъ дѣйствительно правъ до нѣкоторой степени съ своей точки зрѣнія, вставляя въ свою пьесу по возможнымъ поводамъ пѣсни, пляски, игры: онъ пишетъ апотеозу стариннаго быта, какимъ представляется ему современный бытъ нѣкоторой части купеческаго общества; потому онъ старается выставить на видъ всѣ поэтическія черты его; для этой цѣли онъ вставилъ въ свою небольшую пьесу 16 или 17 пѣсенъ (не считая того, что Разлюляевъ нѣсколько разъ поетъ «Ахъ, какъ гусара не любить», и нѣсколько же разъ поется «Одна гора высока»), выставилъ на сценѣ цѣлый святочный вечеръ съ переодѣваньями, загадками, гаданьями и т. д., заставилъ дѣйствующихъ лицъ разъ десять плясать, и т. д., и т. д. Почему же, спроситъ насъ авторъ, недовольны вы такимъ намѣреніемъ? Не объ намѣреніи теперь мы говоримъ, а объ исполненіи. А исполняли вы свое намѣреніе, нисколько не заботясь о цѣлости и стройности вашего произведенія, и написали не «комедію», не художественное цѣлое, а что-то сшитое изъ разныхъ лоскутовъ на живую нитку. «Бѣдность—не порокъ» относится къ тому же роду произведеній, какъ «Мельникъ» Аблесимова,—она сборникъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ; разница только та, что у Аблесимова народные мотивы ловко введены въ самое дѣйствіе пьесы, а у васъ приставлены къ пьесѣ очень неловко и большею частью не имѣютъ съ нею никакой связи. Не говоримъ уже о томъ, что «Мельникъ» былъ первою пьесою, въ которой услышала публика народные мотивы, а ваша пьеса вовсе не новость въ своемъ родѣ, когда мы видѣли на сценѣ весь рядъ свадебныхъ обрядовъ, а пѣсни со сцены слушали уже десятки разъ.

Недовольны будутъ читатели пьесою г. Островскаго еще по другой причинѣ—гораздо важнѣйшей.

> Въ ней правды нѣтъ, въ ней жизни нѣтъ,
> Въ ней фальшь, не вѣчное искусство,

говоря словами одного изъ восторженныхъ ея поклонниковъ. Коршуновъ—мелодраматическій злодѣй,—это дурно; но еще хуже то, что всѣ остальныя лица (подъ конецъ пьесы даже злочинствующій сначала Гордѣй Карпычъ) облиты тою патокою, съ которою Егорушка пляшетъ на святочномъ вечерѣ, припѣвая:

> Ай патока, патока,
> Вареная, сладка!

Въ особенномъ изобиліи пролита она на Любима Торцова, который, по собственнымъ словамъ (истинная скромность!), «пьяница, но лучше всѣхъ», и на Митю, подслащенныхъ до совершеннаго искаженія дѣйствительности.

Мы должны были бы сказать еще очень многое по поводу «Бѣдность—не порокъ», но наша статья и безъ того слишкомъ длинна. Отложимъ до другого случая то, что еще остается намъ высказать о ложной идеализаціи устарѣлыхъ формъ. Въ двухъ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли

слабыя и фальшивыя. Но, по нашему мнѣнію, онъ, повредивъ этимъ своей литературной репутаціи, не погубилъ еще своего прекраснаго дарованія: оно еще можетъ явиться по прежнему свѣжимъ и сильнымъ, если г. Островскій оставитъ ту тѣнистую тропу, которая привела его къ «Бѣдность— не порокъ». Пусть онъ не слушаетъ восторженныхъ и безотчетныхъ похвалъ, пусть не увлекается стихотворными диѳирамбами, въ которыхъ провозглашаютъ его героемъ «Искусства и Правды», но пусть лучше строго подумаетъ о томъ, что̀ такое правда въ созданіяхъ искусства. Въ правдѣ сила таланта; ошибочное направленіе губитъ самый сильный талантъ. Ложныя по основной мысли произведенія бываютъ слабы даже и въ чисто художественномъ отношеніи.

---

2. Замѣтки и дополненія къ сборнику русскихъ пословицъ г. Буслаева.

Въ концѣ 1854 года Добролюбовъ-студентъ представилъ своему профессору, И. И. Срезневскому, эти «Замѣтки», а затѣмъ отнесъ ихъ въ «Отечественныя Записки». Тамъ онѣ попали на просмотръ къ Чернышевскому, работавшему въ журналѣ уже въ качествѣ близкаго сотрудника. Редакція, въ виду отношеній съ Буслаевымъ и Афанасьевымъ, какъ съ хорошими вкладчиками въ журналъ, не нашла возможнымъ напечатать Добролюбовскую статью, тѣмъ болѣе, что уже въ іюльской книжкѣ журнала (стр. 31—35) объ этой работѣ Буслаева, первоначально появившейся въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи» Калачова, былъ очень лестный отзывъ. Чернышевскій, повидимому, не раздѣлявшій такое рѣшеніе, захотѣлъ лично познакомиться съ авторомъ. Разумѣется, знакомство произошло безъ предположенія съ обѣихъ сторонъ, что оно такъ сравнительно скоро обратится въ трогательную дружбу (ср. *Н. Златовратскій*, «Изъ воспоминаній о Н. А. Добролюбовѣ», «Юбилейный сбор. Литер. Фонда», Спб. 1910, 272). Въ «Современникѣ» книга была отдана одному изъ постоянныхъ рецензентовъ и оцѣнена не очень пріятно для Буслаева (сентябрь, 10—13 стр.). Такимъ образомъ, статья осталась въ рукописи, хранилась въ бумагахъ Срезневскаго, а теперь получена была мною отъ сына его, Всеволода Измайловича.

Ея литературное и научное достоинство признано было Срезневскимъ и получило въ этомъ смыслѣ лестную оцѣнку: въ «Отчетѣ» Главнаго Педагогическаго Института за 1854—55 учебный годъ она названа въ числѣ выдающихся студенческихъ сочиненій (стр. 19). И такая ея оцѣнка вполнѣ справедлива. На девятнадцатомъ году студентъ такъ основательно разбираетъ работу уже извѣстнаго московскаго профессора, представляетъ такіе неопровержимые доводы ея несовершенства, дѣлаетъ такія серьезныя указанія на его промахи, — что мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Срезневскаго, особенно если примемъ во вниманіе его собственную компетентность.

Эта статья характерна для Добролюбова и въ другихъ отношеніяхъ. Она указываетъ прежде всего, что, живя юношей въ Нижнемъ-Новгородѣ, Н. А. внимательно приглядывался и прислушивался къ жизни народа, очевидно, и тогда исходя изъ убѣжденія, высказаннаго въ самомъ началѣ статьи. Во-вторыхъ, въ ней ясно сквозитъ желаніе сдѣлать науку не храмомъ жрецовъ, кѣмъ-то и когда-то таинственно посвященныхъ, а служительницей интересамъ народа, коллективнымъ творчествомъ всѣхъ и каждаго, способныхъ наблюдать и мыслить. Добролюбовъ-профанъ просто, но не безъ яду, указываетъ на ученаго съ ненаучными въ данной работѣ пріемами.

Вопреки собственному правилу—приводить всѣ сочиненія полностью, безъ малѣйшихъ сокращеній, въ этой статьѣ я опустилъ самыя пословицы, такъ такъ, разумѣется, статья интересна по самой своей конструкціи и содержанію, а отнюдь не по матеріалу, съ которымъ оперируетъ авторъ.

М. Л.

При современномъ состояніи направленіи отечественной науки каждый русскій, поживши на Руси, не зажимая глазъ и ушей для родного быта и слова, безъ сомнѣнія, можетъ всегда сообщить нѣсколько новыхъ мыслей и замѣчаній о нашемъ народѣ, которыя могутъ служить небезполезнымъ дополненіемъ къ любопытнымъ изслѣдованіямъ нашихъ ученыхъ. Будучи убѣжденъ въ этомъ и думая, что каждый изъ насъ долженъ дѣлать, что можетъ, хотя бы и одну только каплю надѣялся пролить въ море науки, — я рѣшаюсь высказать нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ мною при чтеніи сочиненія г. Буслаева «Русскія пословицы и поговорки».

Я не стану здѣсь оспаривать главныхъ положеній и выводовъ г. Буслаева, хотя съ нѣкоторыми изъ нихъ я не вполнѣ согласенъ. Главная моя цѣль — представить дополненія и варіанты пословицъ, собранныхъ г. Буслаевымъ, и поставить на видъ нѣкоторые факты въ его сочиненіи, которые я могъ подтвердить или подвергнуть сомнѣнію, сообразно съ моими личными наблюденіями, сдѣланными мною преимущественно въ Нижегородской губерніи.

Отлагая до конца статьи замѣчанія на первую половину труда г. Буслаева, я начну съ самаго сборника и сначала представлю варіанты нѣсколькихъ пословицъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Буслаева, потомъ укажу на тѣ пословицы, которыя въ этомъ сборникѣ составляютъ только варіанты помѣщенныхъ у г. Снегирева и г. Афанасьева, но при которыхъ не отмѣчено ихъ сходство съ тою или другою пословицею изъ этихъ собраній.

(Дальше представлено 114 варіантовъ приведенныхъ Буслаевымъ пословицъ—*М. Л.*).

Послѣ этихъ немногихъ замѣтокъ и варіантовъ, представляю списокъ пословицъ, которыя помѣщены у г. Буслаева безъ указанія на сборникъ г. Снегирева и которыя, между тѣмъ, составляютъ не болѣе, какъ варіанты помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ. Часто различіе состоитъ только въ начальномъ словѣ, иногда въ перестановкѣ словъ; есть пословицы, которыя буква въ букву находятся и у Снегирева, только, по алфавитному порядку, не совсѣмъ на мѣстѣ... Эти факты заставляютъ предполагать, что г. Буслаевъ совсѣмъ не такъ внимательно *изучалъ* сборникъ Снегирева, какъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи и послѣсловіи своего сочиненія. Въ числѣ собранныхъ имъ пословицъ (до 3000) я, не при *внимательномъ изученіи*, а при *бѣломъ сличеніи*, отмѣтилъ до 200, находящихся у Снегирева. Нужно при этомъ замѣтить, что варіанты Снегирева нерѣдко являются гораздо болѣе естественными, складными и близкими къ народному говору, нежели тѣ, которые помѣщены у г. Буслаева.

Такъ какъ при систематическомъ изданіи пословицъ (котораго, можетъ быть, мы и дождемся когда-нибудь) нужно же будетъ сводить въ одно всѣ разнообразные варіанты, то я считаю нелишнимъ здѣсь выписать параллельно всѣ замѣченныя мною близкія пословицы изъ Снегирева и Буслаева.

(Дальше идутъ такія пословицы—*М. Л.*).

Послѣ этого перечисленія, безъ сомнѣнія, неполнаго, — замѣтимъ еще, что у г. Буслаева находится также до 30 пословицъ, помѣщенныхъ уже въ маленькомъ сборникѣ г. Афанасьева, и, — что всего страннѣе, — нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны здѣсь *слово въ слово*, другія же съ незначительными измѣненіями.

Представляемъ ихъ перечень.

(Дальше идетъ перечень—*М. Л.*).

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что у самого г. Буслаева одна и та же пословица иногда повторяется два, даже три раза. (Слѣдуетъ 12 примѣровъ—*М. Л.*).

Не находя никакой особенной цѣли, для которой бы г. Буслаевъ могъ перепечатывать въ своемъ сборникѣ однѣ и тѣ же, уже извѣстныя пословицы, мы имѣемъ, кажется, полное право заключить, что во всѣхъ вышеисчисленныхъ случаяхъ виноватъ одинъ только недосмотръ, весьма, впрочемъ, извинительный въ подобномъ дѣлѣ.

Вотъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній о сборникѣ г. Буслаева. Нѣкоторыя пословицы приведены непонятныя, а между тѣмъ объясненія на нихъ нѣтъ. Этотъ упрекъ дѣлали еще г. Снегиреву, и теперь онъ прилагается отчасти и къ г. Буслаеву.

Просматривая этотъ сборникъ, нельзя также не видѣть, что г. Буслаевъ исключительно придерживался тѣхъ старыхъ сборниковъ, изъ которыхъ бралъ свои пословицы, и почти не обращалъ вниманія на употребленіе ихъ въ народѣ. Оттого многія пословицы приведены у него въ формѣ не народной, а книжной,—какъ можно отчасти видѣть изъ всего, что было сказано выше.

Переходя теперь къ сочиненію г. Буслаева, которое онъ предпослалъ своему сборнику (стр. 1—64), я долженъ ограничиться весьма немногимъ, потому что толковый споръ о началахъ и основаніяхъ здѣсь невозможенъ, безусловнаго согласія— тоже быть не можетъ... Кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшитъ намъ навѣрное, правы или нѣтъ *гаданія* нашихъ ученыхъ, основанныя

на созвучіи словъ въ разныхъ языкахъ, на темномъ мѣстѣ необъясненнаго памятника, на первоначальномъ, давно потерянномъ смыслѣ того или другого слова, на *опискѣ* писца, а иногда—кто знаетъ!—и на *ослышкѣ* или *обмолвкѣ* изслѣдователя? Кто проникъ въ доисторическую даль славянскаго міра, кто открылъ сокровища, давно и глубоко зарытыя въ землю, загроможденныя грудами чуждыхъ, позднѣйшихъ наростовъ, такъ, что даже отдѣлить новое отъ стараго, подлинное отъ ложнаго составляетъ немаловажный трудъ?.. Нѣтъ, пока еще не изслѣдованы вполнѣ наши древніе памятники, пока не обозрѣны тщательно всѣ закоулки нашей Россіи, въ этнографическомъ и филологическомъ отношеніяхъ, пока не собраны и не разобраны произведенія русской народной словесности, пока не сведены въ одно всѣ факты, представляемые исторіею и филологіею, — до тѣхъ поръ мы не можемъ вступать въ безплодные споры о миѳическомъ періодѣ языка и исторіи. Теперь пока — все можно доказывать и все оспаривать, потому что нѣтъ такихъ фактовъ, предъ которыми смолкло бы самое тонкое умствованіе, которые уничтожили бы самый ожесточенный скептицизмъ... Будемъ надѣяться, что труды нашихъ ученыхъ, неутомимо работающихъ для проясненія этого миѳическаго тумана, освѣтятъ, наконецъ, ясно и опредѣленно, хотя то немногое, что нынѣ уже возстаетъ передъ нами какъ бы въ тускломъ мерцаніи сумерокъ... А теперь, удерживаясь отъ оспариванія главныхъ положеній г. Буслаева, я представлю еще нѣсколько замѣтокъ, опять большею частью фактическихъ, чтобы такимъ образомъ поставить на видъ нѣкоторые предметы, которые могутъ служить подкрѣпленіемъ мнѣніямъ г. Буслаева или же, напротивъ, ослаблять ихъ.

Не придерживаясь въ своихъ замѣчаніяхъ никакой системы и не думая писать критики на всю книгу, я просто буду слѣдовать за г. Буслаевымъ по страницамъ и, гдѣ найду нужнымъ и возможнымъ, буду вставлять свои замѣчанія.

Г. Буслаевъ въ число пословицъ принимаетъ множество реченій, которыя находятся, какъ бы пословицы, въ разныхъ сборникахъ, лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ древней письменности. Это видно изъ его сборника и изъ того, что онъ говоритъ на 2—3 стр. своего сочиненія. Но трудно согласиться принимать пословицы въ такомъ обширномъ смыслѣ. Не гораздо ли естественнѣе признать за народную пословицу только то, что хранится въ народѣ? «Слово Даніила Заточника наполнено пословицами»...—Такъ ли? Не нравственныя ли это сентенціи одного человѣка, въ которыхъ народъ виноватъ столько же, сколько и въ позднѣйшихъ присловіяхъ, помѣщеніе которыхъ справедливо осуждаетъ самъ г. Буслаевъ, говоря о сборникѣ Княжевича (стр. 13)? По крайней мѣрѣ, трудно вообразить, чтобы народъ нашъ говорилъ когда-нибудь такія, напр., пословицы: *Рѣчь продолжна не добро, продолжена паволока;*— или: *не видалъ если неба полъстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, не безумна мудрость глаголюще,* или: *лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити или желѣзо варити.*

Такихъ пословицъ, взятыхъ изъ Даніила Заточника, изъ сборника Царскаго и др. довольно много можно насчитать у г. Буслаева. Но если всѣ подобныя реченія считать народными пословицами, то—раскройте только въ Библіи книгу *Сираха* или *Притчей Соломона*,—и вы обогатите свой сборникъ еще нѣсколькими сотнями прекрасныхъ нравственныхъ сентенцій... Конечно, пословицы, приведенныя г. Буслаевымъ, записаны русскимъ человѣкомъ въ древнее время, но почему же русскій человѣкъ XII, XVI, XVII вѣковъ имѣетъ преимущество предъ русскимъ же человѣкомъ XVIII—XIX столѣтій, какъ, напримѣръ, передъ Княжевичемъ, который тоже записалъ въ своемъ сборникѣ нѣсколько пословицъ, отвергаемыхъ г. Буслаевымъ (стр. 3)? Здѣсь укажутъ вліяніе европейскаго образованія, тамъ можно указать вліяніе Византіи... Можно согласиться, что духъ этихъ пословицъ (въ старыхъ сборникахъ) чисто русскій, но форма? Развѣ форма народная? или на нее не нужно обращать вниманія? Въ такомъ случаѣ впишите же въ вашъ сборникъ всѣ переложенія пословицъ, сдѣланныя Богдановичемъ, впишите и «новыя поговорки», изданныя недавно г. Е. Г.

Недостатокъ разграниченія между народными и книжными пословицами у г. Буслаева имѣетъ еще ту невыгоду, что наводитъ подозрѣніе и на другія пословицы, взятыя изъ разныхъ сборниковъ, хотя онѣ и имѣютъ складъ чисто русскій. Не слыхавши никогда такой пословицы, видя, что она взята не изъ устъ народа и что собиратель не обращалъ вниманія на это обстоятельство, невольно подумаешь о ней то же, что г. Буслаевъ говоритъ о пословицахъ, приводимыхъ Макаровымъ въ его «простонародномъ толковникѣ» (стр. 73).

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что если и можно принимать въ число народныхъ пословицы изъ древнихъ сборниковъ, то тогда только, когда представлено будетъ строгое разграниченіе между тѣми и другими,

Вологод. жел. дор. Библиотека КОР
Центр писателя В.И. Белова

да и въ этомъ случаѣ нужно быть очень осторожнымъ.

На первыхъ же страницахъ своего сочиненія г. Буслаевъ говоритъ о многихъ пословицахъ, служащихъ выраженіемъ древнихъ вѣрованій и понятій. Нельзя не согласиться, что пословицы могутъ быть приняты въ соображеніе при изслѣдованіяхъ о миѳологической эпохѣ славянской исторіи; но едва ли можно придавать такъ много значенія, какъ это дѣлаетъ г. Буслаевъ. Можетъ ли, напр., пословица: «родила тетка, жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ» (вар. «въ лѣсу родился, пенькамъ молился») доказывать поклоненіе пнямъ древеснымъ (стр. 5)? Можно ли доказать, что пословица: «обреченная скотинка—не животинка» относится къ древнимъ языческимъ жертвоприношеніямъ? Будто безъ этого не могла образоваться такая пословица? При томъ въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: *лѣчѐная* или даже *лечѐная* скотина... Здѣсь уже никакого намека нельзя отыскать на языческій періодъ... При небольшой натяжкѣ, разумѣется, можно изъ пословицъ вывести весьма многое. Напр., пословицей, подобною той, которою г. Буслаевъ доказываетъ поклоненіе пнямъ, подтверждается также поклоненіе очагу: «на печи сидѣлъ, кирпичамъ молился». Но, кажется, употребленіе ихъ (та и другая употребляются для означенія глупости, недальняго ума) и самое сходство ихъ образованія не позволяютъ относить ихъ къ столь древней эпохѣ. Иначе, что мѣшаетъ мнѣ изъ пословицы: «вотъ тобѣ помои—умойся, вотъ тебѣ онуча—утрися, *вотъ тебѣ лопата—помолися*» вывести поклоненіе лопатѣ?..

Въ такомъ случаѣ нельзя опустить безъ вниманія и слѣдующихъ, напр., поговорочныхъ выраженій: «перекрестись лучинкой», «ему и чортъ не братъ», «еще черти въ кулачки не дрались», и пр., и пр. По поводу *пней* г. Буслаевъ замѣчаетъ, что *дубъ* имѣлъ передъ всѣми деревьями преимущество. Вотъ любопытное подтвержденіе этого: въ рукописи пророчествъ Упира Лихаго (о которой г. Буслаевъ упоминаетъ на стр. 21) нѣсколько разъ слово δενδρον (въ новой Библіи — древо) переведено словомъ дѫбъ. (Ис. XVI, 9. XXXIV, 16).

Говоря объ *ожегѣ* и доказывая, что это былъ «древнѣйшій видъ кочерги», г. Буслаевъ (стр. 7) приводитъ потомъ пословицу: ни Богу свѣча, ни чорту ожегъ. Его соображенія подтверждаются тѣмъ, что обыкновенно говорятъ нынѣ вмѣсто *ожегъ*: ни чорту *кочерга*...

Въ подтвержденіе того, что *кремень* въ пословицахъ приписывается чорту, могу указать на одно повѣрье. У простолюдиновъ подъ именемъ «чортова пальца» извѣстенъ камень, чрезвычайно твердый, находимый въ садахъ и на поляхъ, въ обломкахъ большею частью цилиндрической формы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже приписываютъ ему цѣлебную силу.

Пропуская множество лингвистическихъ соображеній г. Буслаева, о которыхъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, замѣтимъ о производствѣ слова *убогій*. Г. Буслаевъ говоритъ, что *у* означаетъ здѣсь *лишеніе* и потому *убогій* будетъ означать того, у котораго *нѣтъ Бога*; это подтверждаетъ онъ пословицей: «бѣденъ бѣсъ, Бога у него нѣтъ» (стр. 12). Мнѣ кажется, гораздо естественнѣе объяснить это слово въ томъ смыслѣ, что *у-богій* есть тотъ, который *у-Бога*. Такое производство можно подтвердить и значеніемъ *у* во множествѣ подобныхъ словъ (усердный, удѣльный, удобный—отъ *доба*, ужасный — отъ *жасъ* и т. п.) и тѣмъ, что *убогими* еще зовутъ обыкновенно *юродивыхъ*, съ которыми особенно находится Богъ, по мнѣнію народа, а иногда *умершихъ*, т.-е. отшедшихъ къ Богу; наконецъ, самыми пословицами: «за голенькимъ Богъ», говорятъ у насъ, «за сиротою Богъ съ калитою».

Пропускаю перечисленіе древнихъ принадлежностей войны у славянъ, о которыхъ г. Буслаевъ не представилъ пословицъ, и останавливаюсь на словѣ *охотъ*. Онъ думаетъ, что это слово одного происхожденія съ *охота* и значитъ «животъ или аппетитъ». Но въ Нижегородской губерніи слово *оходъ* (а не *охотъ*) употребляется въ смыслѣ, кажется, *пасть*, *глотка* (въ областномъ словарѣ оходъ — *желудокъ*: можетъ быть). Напр. «заткни ему оходъ-отъ». «Что ты оходъ-отъ дерешь?» и т. п. Смѣемъ увѣрить, что и въ пословицѣ: пей, ѣшь, пока оходъ свѣжъ,—является этотъ самый *оходъ*, а не мнимый *охотъ*—аппетитъ.

Замѣтимъ еще о производствѣ слова *соколъ*, которое какъ-то странно читать въ современномъ ученомъ разсужденіи. Слово это происходитъ, по г. Буслаеву, отъ санскритскаго ѧjенас, собственно *сивый*, а потомъ уже *соколъ*; оно родственно при томъ съ санскритскимъ *ѧакуна*, какъ *соколъ*, такъ и *птица вообще*; корень же *ѧак* въ санскритскомъ имѣетъ значеніе *мочь, имѣть силу*! (стр. 17)... Нельзя не сознаться, что санскритскіе корни имѣютъ у г. Буслаева весьма разнообразное приложеніе...

Касательно *жира*, *жирова* ко всѣмъ значеніямъ, приводимымъ г. Буслаевымъ (стр. 21), я могу прибавить еще слѣдующее: «жировой сынъ» въ Нижегородской губ. значитъ—побочный сынъ.

На стр. 23 г. Буслаевъ приводитъ сербскую пословицу: *пијан ѣао земљу* и объ

ясняетъ, что здѣсь разумѣется сырая земля, напоенная влагою. Въ подтвержденіе этого могу указать на пословицу русскую: у насъ о пьяномъ говорятъ, что онъ «*чернѣй* матушки грязи», а иногда прямо: *пьянѣй* матушки грязи.

О связи понятій дыма и дома, семьи (стр. 21) можно привести донынѣ употребляющуюся пословицу, что «отъ мужа должно пахнуть вѣтромъ, а отъ жены *дымомъ*», т. е. она должна быть домовницею.

Говоря о развитіи понятій права и собственности, г. Буслаевъ замѣчаетъ, между прочимъ: «цѣна разумѣется, какъ нѣчто независимое отъ личнаго произвола и взаимнаго согласія: «собою цѣны не уставишь»... «цѣну Богъ установляетъ» (стр. 31). Но, кажется, эти пословицы не доказываютъ мысли автора. Вторая изъ нихъ относится только къ земледѣльческимъ произведеніямъ, которыхъ цѣна, дѣйствительно, зависитъ отъ Бога, т.-е. отъ урожая; а первая говоритъ, что самъ покупатель не можетъ устанавливать цѣны; иначе говорятъ: *дома* цѣны не уставишь. Напротивъ, есть пословицы, опровергающія мысль, высказанную г. Буслаевымъ: «базаръ цѣну знаетъ», въ «*цѣнѣ* купецъ волѐнъ, а въ *вѣсѣ* не волѐнъ».

Нѣсколько далѣе находимъ мысль, что «русскаго человѣка пугала грамотная обстановка суда». Не лучше ли обернуть эту мысль и сказать, что грамота потому и пугала простого человѣка, что употреблялась преимущественно въ дѣлахъ судебныхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и пословица: бумажки клочекъ *въ судѣ* волочетъ...

Далѣе г. Буслаевъ переходитъ къ другимъ предметамъ, соприкосновеннымъ съ пословицами, и потому замѣчанія мои должны прекратиться. Пропускаю подробности о заклятіяхъ, заговорахъ, ведахъ и вообще о древнѣйшемъ эпосѣ,—подробности, которыми г. Буслаевъ хочетъ доказать, что пословица есть «членъ одного великаго эпическаго цѣлаго». Едва ли, впрочемъ, можно допустить это предположеніе во всей его силѣ. Если народъ въ первобытномъ своемъ состояніи поетъ пѣсни, то нужно ожидать, что это будетъ безъ всякихъ умственныхъ хитростей, безъ всякихъ сентенцій и заключеній; что, напротивъ, онъ просто будетъ разсказывать все, какъ было, и больше ничего... Слѣдов., въ то время пословицы развѣ случайно какъ-нибудь могли зайти въ пѣсню и сказаніе, да и то въ весьма маломъ количествѣ. Если какое-нибудь событіе или какой-нибудь герой и могъ войти потомъ въ поговорку, то мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы доказать это... Во всякомъ случаѣ наши Фоки, Ѳомы, Ѳедулы и Самсоны ведутъ свое начало не отъ доисторической древности и, вѣрно, никогда не играли роли ни въ какомъ эпическомъ сказаніи.

Замѣчанія на сказку объ обженинѣ были уже высказаны г. Пыпинымъ въ «Извѣстіяхъ» 2-го отдѣленія Академіи. Повторять ихъ, конечно, нѣтъ нужды.

На стр. 49 — 56 у г. Буслаева опять идетъ длинное разсужденіе о загадкахъ, которыя онъ считаетъ, и по содержанію и по формѣ, сходными съ пословицами.

Касасательно *формы* пословицъ объясненія г. Буслаева (стр. 57 — 62) весьма интересны и съ ними нельзя не согласиться.

Въ заключеніе у г. Буслаева находится исчисленіе источниковъ, изъ которыхъ собралъ онъ свои пословицы. Относительно этого я могу замѣтить, что большая часть пословицъ историческихъ, отмѣченныхъ здѣсь именемъ Карабанова, напечатана была въ статьѣ г. Снегирева: «Мѣстныя пословицы русскаго міра» («Библ. для Чтенія» 1834 г. № 10). Эта статья была, вѣроятно, неизвѣстна г. Буслаеву, и потому онъ не воспользовался нѣкоторыми пословицами, тамъ помѣщенными. Точно также оставилъ онъ безъ вниманія нѣсколько пословицъ, помѣщенныхъ въ статьѣ Даля: «О русскихъ пословицахъ» («Современникъ», 1847 г. № 6), въ замѣткахъ объ Арзамасѣ г. Терещенка, въ статьѣ о шуйскихъ пословицахъ В. Борисова («Москвитянинъ», 1841 г. № 7), въ «Сельскомъ Чтеніи» кн. IV...

Я взялъ изъ этихъ статей то, чего не нашелъ ни у Снегирева, ни у Афанасьева, ни у Буслаева, и, присоединивши это къ тѣмъ пословицамъ, которыя были мною самимъ слышаны и записаны, составилъ небольшое дополненіе къ этимъ сборникамъ, которое и представляю здѣсь въ заключеніе всѣхъ моихъ замѣтокъ.

(Дальше приведены въ алфавитномъ порядкѣ 357 пословицъ—*М. Л.*).

3. На 50-лѣтній юбилей Его Превосходительства Николая Ивановича Греча.

Н. И. Гречъ былъ фигурой весьма типичной для своего времени—всего царствованія Николая I. Бездарность — какъ «ученый», угодливость—какъ подчиненный, безпринципность и продажность—какъ журналистъ, надутость и надменность — вотъ рѣзкія черты его умственной и нравственной физіономіи. Единственная въ свое время частная русская газета—«Сѣверная Пчела», этотъ услужливый органъ приснопамятнаго III Отдѣленія, издавалась Гречемъ и Булгаринымъ. Среди лучшей части русскаго интеллигентнаго общества ее презирали наравнѣ съ обоими издателями или, какъ ихъ назвалъ Пушкинъ — «грачами-разбойниками». Очень невзыскательный, въ смыслѣ общественности, Щербина такъ формулировалъ «молитву писателей»:

О, ты, кто принялъ имя Слова,
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной «Сѣверной Пчелы»...

Понятно теперь, какъ долженъ былъ возненавидѣть и презирать Греча молодой Добролюбовъ. «Подлости старичковъ, подвизающихся въ «Сѣверной Пчелѣ», раздражали меня, какъ нельзя болѣе» — пишетъ онъ Благообразову... И вотъ этому раздраженію представляется повод̀ъ вылиться въ формѣ стихотворенія: Гречъ организуетъ празднованіе собственнаго юбилея съ помощью Я. И. Ростовцева, его начальника по преподаванію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. 27 декабря 1854 года состоялось торжество. Во время юбилейнаго говоренія Гречу подаютъ пакетъ со стихотвореніемъ Добролюбова, одновременно посланнымъ въ редакціи газетъ и журналовъ...

Подлинный текстъ этого весьма интереснаго стихотворенія найденъ мною въ бумагахъ издателя «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, въ качествѣ «письма отъ неизвѣстнаго». Дѣйствительно, стихи были посланы съ анонимнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Получивши недавно изъ Иркутска стихотвореніе, написанное въ честь Николая Ивановича Греча, и узнавши, что оно уже ходитъ по Петербургу въ рукописяхъ, честь имѣю сообщить Вамъ его и просить Васъ помѣстить его въ Вашемъ журналѣ, чтобы сдѣлать еще болѣе извѣстными заслуги нашего почтеннаго грамматчика. Ваша извѣстная любовь къ просвѣщенію и уваженіе къ Николаю Ивановичу Гречу позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы не откажете въ моей просьбѣ». Письмо не было подписано, а подъ стихами стоялъ рядъ точекъ... Надо ли говорить, что и письмо это полно яду: кто не зналъ тогда, какъ Краевскій двуличничалъ передъ Гречемъ... Такое же письмо, съ нѣкоторыми измѣненіями, было послано и въ другія періодическія изданія. Почеркъ Добролюбова можно признать, несмотря на видимое стараніе его измѣнить.

Чтобы еще лучше понять, почему стихотвореніе должно было имѣть успѣхъ въ интеллигентномъ обществѣ, приведу взглядъ на юбиляра и юбилей такого умѣреннаго человѣка, какимъ былъ писатель, профессоръ и цензоръ Никитенко. «Толкуютъ объ юбилеѣ Греча. Многіе находятъ его неумѣстнымъ. Во-первыхъ, литературныя заслуги Греча, которыя у него, конечно, есть, не таковы, однако, чтобы дать ему право на этотъ почетъ. Какъ же послѣ того должно общество выражать свою признательность дѣятелямъ, подобнымъ Крылову, Пушкину, Жуковскому, Гоголю? Во-вторыхъ, репутація Греча двусмысленна. Въ чемъ только не подозрѣваютъ его! Да и дружба съ Булгаринымъ не дѣлаетъ ему чести и не возбуждаетъ къ нему довѣрія. Въ случаяхъ торжественнаго изъявленія кому-нибудь уваженія отъ имени общества, надо же, наконецъ, брать въ расчетъ также и нравственность. Настоящій юбилей—*личный*, а не общественный, хотя въ газетахъ и было воззваніе на всю Россію... Но зачѣмъ же эту пріятельскую фикцію раздувать въ дѣло общественное». А послѣ юбилея Никитенко пишетъ: «Говорятъ, народу было много, но ученыхъ и литераторовъ, сколько-нибудь извѣстныхъ, мало. Вотъ странность, однако: государь ничего не пожаловалъ Гречу. Этого еще не случалось въ подобныхъ случаяхъ» («Записки и дневникъ», I, 441, 444).

М. Л.

Вниманьемъ высшаго начальства
Заслуги Ваши почтены;
Достигли вы до генеральства;
Васъ всѣ россійскіе сыны
Достойно чтутъ, какъ патріота
И какъ творца учебныхъ книгъ...
Въ своихъ грамматикахъ безъ счета
Терзали вы родной языкъ;
Вы въ географіи мѣшали
Востокъ и Западъ межъ собой;
Ѳаддея [1]) съ Гоголемъ равняли,
Уча словесности родной...
Вы и исторію намъ дали,
Чужой издавши переводъ,
Гдѣ много мѣстъ вы пропускали,
Чтобы не зналъ ихъ нашъ народъ [2]).
И на позорищѣ журнальномъ
Вы подвизались много лѣтъ:
Кто чище васъ—вы звали сальнымъ,
Ложь правдой звали, мракомъ—свѣтъ...
Заслугъ такихъ не могъ, конечно,
Вашъ добрый баринъ позабыть
И вотъ онъ далъ чистосердечно
Свое согласье васъ почтить
Формально громкимъ юбилеемъ,
Какъ *генерала* подлецовъ,
— «И мы, дескать, цѣнить умѣемъ
Заслуги преданныхъ рабовъ!»
И радъ нашъ Гречъ... Одушевились
Его бездушныя черты.
Въ душонкѣ мелкой зароились
Честолюбивыя мечты.
Мечтаетъ онъ, какъ сонмъ ученыхъ
Придетъ труды его почтить,
И на сѣдинахъ посрамленныхъ
Вѣнокъ безсмертья возложить.
Мечтаетъ съ радостнымъ волненьемъ
О близкомъ часѣ торжества,
О томъ, какъ позднимъ поколѣньямъ
О Гречѣ перейдетъ молва.
Онъ мыслитъ: не противорѣча,
Русь приметъ торжество мое,
И не пойметъ, что праздникъ Греча
Есть униженье для нее...
И радъ нашъ Гречъ! Но рано, рано,
Ты поднялъ знамя торжества!
Не всѣмъ довольно . . . . . .
Чтобы признать твои права!
Ты хочешь въ славѣ и почетѣ
Къ потомству перейти на судъ.
Не ошибись, мой другъ, въ разсчетѣ:
Тебя поняли и поймутъ!..
Скажи намъ, нѣмецъ обрусѣлый [3]),
Что для Россіи ты свершилъ?
Когда и въ чемъ ты въ вѣкъ свой цѣлый
Любовь свою къ ней проявилъ?
Въ тѣ дни, какъ русскіе спасали
Родную Русь отъ чуждыхъ силъ
Въ патріотическомъ журналѣ [1])
Ты лишь ругался или льстилъ.
Ни разу голосъ благородный
Изъ устъ твоихъ не прозвучалъ,
Любви къ странѣ нашей природной
Ты, какъ пришлецъ, не понималъ.
И вслѣдъ за тѣмъ, когда Россія
Вдругъ пробуждаться начала;
Когда понятія живыя
Европа намъ передала;
Когда къ намъ свѣтлый лучъ познаній
Сквозь мракъ невѣжества проникъ,—
То сколько пошлой, грубой брани
Извергъ поганый твой языкъ?..
Все, въ чемъ дышала мысль живая,
Любовь, свобода, правда, честь,—
Чиновный духъ твой возмущая,
Въ тебѣ нашли вражду и месть,
Затѣмъ, что чести былъ пріятнѣй
Тебѣ . . . . . произволъ,—
И льстя ему, ты благодатно
Всю жизнь позорную провелъ.
Съ другимъ мошенникомъ связавшись [2]),
Составивъ шайку подлецовъ,
Судьей въ словесности назвавшись,
Металъ ты громы глупыхъ словъ
На геніальныя созданья.
Въ нихъ видѣлъ ложь и пустоту,
Ѳаддея-жъ пошлому маранью
Придалъ и умъ и красоту.
Полякъ и нѣмецъ,—вы судили
О русскомъ словѣ вкривь и вкось
И патріотами прослыли,
Хваля Россію на авось.
Весь *бракъ* литературы нашей,
Все, что въ ней пошло и подло,
Все къ вамъ сошлось въ газетѣ вашей [3]),
Все дичь свободно понесло.
Князь Вяземскій, поэтъ продажный,
Брантъ—не писатель-журналистъ [4]),
И Зотовъ—романистъ отважный [5]),
Масальскій—ловкій фабулистъ [6]),
И Розенъ—тотъ, кому донынѣ
Подъ ладъ языкъ нашъ не дался—
Сушковъ взывающій въ пустынѣ [7]),
И А. А. А. [8]) и Я. Я. Я. [9])

---

[1]) Булгаринъ.
[2]) Говорили, что Гречъ вовсе не перевелъ «Нѣкоторыхъ мыслей о современныхъ происшествіяхъ» Шредера, изд. имъ въ 1807 г.
[3]) Дѣдъ Греча прибылъ въ Россію изъ Пруссіи при Биронѣ.

[1]) «Сынъ Отечества».
[2]) Съ Булгаринымъ.
[3]) «Сѣверная Пчела».
[4]) Его часто вышучивалъ Бѣлинскій.
[5]) Рафаилъ Зотовъ.
[6]) Бездарный романистъ, увлекавшій тогдашнюю публику своимъ умѣньемъ ловко построить интригу романа.
[7]) См. сочиненіе № 148.
[8]) Чей то псевдонимъ въ «Сѣв. Пчелѣ».
[9]) Псевдонимъ Л. В. Бранта.

Но съ этой братіей убогой
Успѣха не могло вамъ быть...
Явился Пушкинъ... Судъ вашъ строгой
Его не могъ ужъ уронить...
Явился Гоголь... за живое
Онъ васъ Тряпичкиныхъ, задѣлъ.
Ругались вы, но бранью злою
Ужъ не могли поправить дѣлъ.
И знаетъ васъ теперь Россія,
Извѣстны ваши всѣ дѣла,
И ваши личности сѣдыя
Судьба презрѣнью предала.
Твой другъ, безграмотный писака [1]),
Легко презрѣніе сносилъ,
Но ты, поборникъ лжи и мрака,
Ты путь другой себѣ открылъ.
Какъ рабъ, какъ червь, ты пресмыкался,
Позорно ближнихъ продавалъ
И все за честью ты гонялся,
Хоть честь давно ты потерялъ.
И вотъ, добился! По прошенью
Твоихъ протекторовъ друзей,
Заслугъ твоихъ въ вознагражденье,
Тебѣ назначенъ юбилей.
Твоя почетная извѣстность
Рѣшеньемъ тѣхъ утверждена,
Кому вся русская словесность
Есть незнакомая страна.
И вотъ, по общему рѣшенью,
Взялись чиновные друзья
Собрать на праздникъ приношенье
Отъ почитающихъ тебя.

Но тотъ, кто съ Пушкинымъ, Крыловымъ
И съ Гоголемъ вѣкъ другомъ былъ,
Онъ прежде всѣхъ презрѣнья словомъ
Твой пошлый праздникъ заклеймилъ [1]).
За нимъ всѣ тѣ, кто уважаетъ
Науку, правду и себя,
Не слышатъ зова, презираютъ
И этотъ праздникъ и тебя.
И ты остался лишь съ толпою
Писакъ да нѣсколькихъ людей,
Давно задобренныхъ тобою...
Скажи: прекрасный юбилей!
А чтобъ онъ былъ еще прекраснѣй,
Прими привѣтствіе мое
И прокляни, мой Гречъ несчастный,
Высокомѣріе свое...
Мой стихъ жестокій за тобою
Пусть будетъ бѣгать, будто тѣнь...
Пусть онъ не дастъ тебѣ покою,
Тебя тревожитъ каждый день...
Пусть будешь ты кричать, бѣситься,
Начнешь безсмысленную рѣчь...
Но даже мщеньемъ насладиться
Не можешь ты, бѣдняжка Гречъ!
Презрѣніе другихъ—безмолвныхъ,
Легко отсюда ты поймешь,
И у друзей своихъ чиновныхъ
Ты утѣшенья не найдешь.
И даже твой . . . . . .
Отвергнетъ твой молящій стонъ...
Лишь твой достойный другъ, Булгаринъ,
Напишетъ громкій фельетонъ!

---

4. Дума при гробѣ Оленина.

Это стихотвореніе, по словамъ самого Добролюбова, написано имъ въ началѣ 1855 года. Текстъ его мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ. О немъ упоминается и въ замѣткѣ къ № 14. По словамъ друга Н. А.—Шемановскаго, «многія изъ стихотвореній Добролюбова на разные случаи приняты были съ восторгомъ институтскою публикою, списывались и въ рукописяхъ распространялись между студентами. Рѣдкіе догадывались, что они принадлежали Н. А., который скрывался тогда подъ псевдонимомъ Будимова».

М. Л.

---

5. На смерть Николая I.

Стихи эти, по словамъ Шемановскаго, написаны къ вечеру 18 февраля 1855 г., въ день смерти Николая I. Весь день Добролюбовъ бродилъ съ своимъ другомъ по Петербургу, наблюдая впечатлѣніе произведенное на публику и народъ кончиной царя.

[1]) Булгаринъ.

[1]) П. А. Плетневъ пустилъ по поводу готовившагося юбилея какое-то остроумное и очень злое четверостишіе.

Вернувшись въ институтъ, Добролюбовъ написалъ это стихотвореніе. Подлинный текстъ, найденный мною въ сенатскомъ архивѣ въ дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго, даетъ полное право признать въ Н. А. уже тогда незауряднаго политическаго поэта.

Современные предѣлы «свободы» печати совершенно не позволяютъ привести это сочиненіе Добролюбова полностью или съ незначительными пропусками; давать же его съ значительными купюрами я не считаю возможнымъ, потому что и тогда, какъ теперь, читателю все равно придется положиться на мои увѣренія въ силѣ стиха и ясности вложенной въ него мысли. Послѣдняя сводится къ безотрадному взгляду на жизнь страны при режимѣ бюрократическаго произвола и къ надеждѣ, что придетъ, обязательно придетъ такое время, когда Россія достигнетъ политической свободы. Это стихотвореніе, принадлежавшее 19-лѣтнему студенту, пользовалось очень широкой популярностью въ публикѣ, которая и не подозрѣвала, что авторъ его такъ еще молодъ. Мнѣ пришлось увѣрять въ этомъ нѣкоторыхъ еще живыхъ тогдашнихъ современниковъ, и всѣ они были удивлены, до какой степени политически сложился Добролюбовъ къ 18—19 годамъ.

М. Л.

---

6. На похороны Николая I.
7. На перемѣну формы въ войскахъ.

Похороны Николая I происходили 4 марта 1855 года; перемѣна формы въ войскахъ началась въ концѣ марта. Этимъ устанавливаются приблизительныя даты обоихъ стихотвореній, принадлежность которыхъ Добролюбову свидѣтельствуетъ его собственноручная запись въ дневникѣ 1856 года. Текстъ ихъ мною не найденъ. Похороны были устроены такъ, чтобы показать все величіе умершаго... Перемѣна формы приняла потомъ очень затяжной характеръ: первые два года царствованія Александра II свелись преимущественно къ реформамъ въ этомъ направленіи...

М. Л.

---

8. * * *

Другъ Добролюбова, М. И. Шемановскій говоритъ въ своихъ рукописныхъ воспоминаніяхъ (бумаги Добролюбова въ Литер. Фондѣ), что въ концѣ марта или въ апрѣлѣ 1855 года Н. А. написалъ стихи къ Александру II, «довольно мягкіе, даже нѣсколько восторженные» и послалъ ихъ къ министру двора, гр. Адлербергу, зная, что тотъ передастъ государю». Въ № 6 «Будущности» 1861 г. напечатаны вѣроятно эти стихи съ указаніемъ, что они стали ходить по рукамъ въ 1855 году. Сопоставляя эти два обстоятельства и находя въ стихотвореніи, во-первыхъ, прямое обращеніе, во-вторыхъ, ходатайство за литературу, въ-третьихъ, снова указаніе на перемѣну формы въ войскахъ,—я думаю, что есть большое основаніе приписать ихъ Добролюбову.

М. Л.

---

9 и 10. Эпиграммы.

Конецъ 1854 года былъ временемъ появленія въ Россіи массы шовинистическихъ стихотвореній, которыми досужіе «поэты» какъ бы подогрѣвали общество, еще не понимавшее приближавшагося пораженія... Въ началѣ 1855 года на помощь поэтамъ пришелъ талантливый каррикатуристъ, Н. А. Степановъ, выпустившій альбомъ «Каррикатуръ» на всѣхъ нашихъ крымскихъ враговъ (подробно объ этомъ см. мою книгу «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія», Спб. 1904 г.). Въ широкой массѣ онѣ имѣли большой успѣхъ. Масса готова была забыть собственное уродство да врядъ ли еще ясно и понимала его... Добролюбовъ стоялъ далеко впереди ея и въ двухъ эпиграммахъ (вторая, къ сожалѣнію, не можетъ быть напечатана) выразилъ свою мысль. Въ письмѣ къ М. И. Благообразову отъ 18 іюня 1855 г. онъ замѣчаетъ: «Ты, вѣрно, видѣлъ каррикатуры Степанова на англичанъ и французовъ; замѣтилъ, какъ онъ представляетъ и унижаетъ Наполеона III... Вотъ на него двѣ эпиграммы. Можешь распространить эти эпиграммы: онѣ могутъ убить авторитетъ Степанова и его глупыхъ, нелѣпыхъ каррикатуръ, гдѣ нѣтъ ни вкуса, ни остроумія, ни мѣткости насмѣшки» (бумаги Литер. Фонда). Не правъ Н. А. въ общей оцѣнкѣ Степанова, но правъ въ одномъ,—въ томъ, что такъ хорошо формулировано баснописцемъ: «чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться»... Эту точку зрѣнія Добролюбовъ и впослѣдствіи высказывалъ не разъ, находя, что зубоскальство надъ Европой очень вредно для нашей широкой массы, которая не понимаетъ хорошо условій, препятствующихъ одновременно осмѣянію всего существа русской жизни.

М. Л.

1.

Что намъ смотрѣть каррикатуры
На нашихъ западныхъ враговъ?
Да наша Русь вся и въ натурѣ
Есть съ иностранныхъ образцовъ
Каррикатурная гравюра.

2.

Н. А. Степанову.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

11-а. Друзьямъ въ Россіи

(изъ Мицкевича).

Принадлежность стихотворенія Добролюбову уставновлена имъ самимъ въ дневникѣ 1856 г. Текстъ не найденъ.

По всей вѣроятности, это былъ переводъ главы изъ поэмы Мицкевича «Dziady» подъ заглавіемъ «Отрывокъ (Петербургъ)», въ которой описывается дорога въ Петербургъ и сама столица, говорится о Пушкинѣ и о наводненіи 1824 г.; она посвящена «Друзьямъ Moskalom» (Великороссамъ). Вотъ буквальная передача этого «отрывка», сдѣланная, по моей просьбѣ, М. А. Славинскимъ:

Вспомните ли вы меня? Я много разъ мечтою вспоминаю
О смерти моихъ друзей, объ ихъ изгнаніи и тюрьмахъ:
И о васъ я думаю, ваши иноземныя лица
Пріобрѣли право гражданства въ моихъ мечтахъ.

Гдѣ вы теперь? Благородная шея Рылѣева,
Которую я сжималъ въ братскихъ объятьяхъ . . . . . ,

Виситъ, привязанная къ позорному столбу...
. . . . . народамъ, убивающимъ пророковъ своихъ!

Рука, которую мнѣ протягивалъ для пожатья Бестужевъ—
Поэтъ и солдатъ—та рука отъ пера и оружія
Оторвана и... ее запрегъ въ тачку,
И нынѣ она роетъ рудники, прикованная рядомъ съ польской рукой.

Иныхъ постигла, быть можетъ, еще болѣе суровая кара небесъ—
Быть можетъ, кто-нибудь изъ васъ, опозоренный службой, приказомъ,
Вольную душу свою продалъ на вѣки...
И нынѣ у его порога отвѣшиваетъ поклоны.

Быть можетъ, оплаченнымъ языкомъ славитъ его тріумфъ
И радуется страданію друзей своихъ;
Можетъ быть, въ отчизнѣ моей кто-нибудь изъ васъ обагряетъ себя родной мнѣ кровью,
И предъ . . . . . ставитъ себѣ въ заслугу проклятія.

Если къ вамъ издалека, изъ края свободныхъ народовъ,
На сѣверъ залетятъ эти печальныя пѣсни,
И прозвучатъ съ высоты надъ страною льдовъ:
Пусть онѣ вамъ возвѣстятъ свободу, какъ журавли возвѣщаютъ весну.

Вы узнаете меня по напѣву!
Нынѣ я былъ въ неволѣ, ползая, молча, какъ ужъ, обманывалъ деспотизмъ:
Но вамъ я открывалъ свою тайну, заключенную въ моемъ чувствѣ,
И для васъ у меня всегда была голубиная простота.

Теперь я изливаю въ міръ этотъ кубокъ яду—
Рѣзка и жгуча горечь моей рѣчи:
Горечь, высосанная изъ крови и слезъ моей отчизны,
Пусть ѣстъ и жжетъ не васъ, а ваши оковы.

Если кто изъ васъ издастъ жалобу,—мнѣ это покажется
Рычаніемъ собаки, которая такъ привыкла
Къ терпѣнью и долго носимой цѣпи,
Что готова кусать руку, которая рветъ эту цѣпь.

М. Л.

11-б. О русскомъ романѣ.

Найдено мною въ рукописи въ бумагахъ Литературнаго Фонда. Написано, должно быть, въ серединѣ 1856 г. и далеко не закончено. Почему Добролюбовъ бросилъ эту работу, начало которой указываетъ уже на способность его къ обобщеніямъ и правильнымъ выводамъ изъ изученія прошлаго русской литературы,—неизвѣстно. Скорѣе всего потому, что его захватила текущая русская жизнь.

М. Л.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Карамзинъ, говоря о русской литературѣ, замѣтилъ, что *публика наша всею охотнѣе читаетъ романы* и повѣсти. Спустя 30 лѣтъ, Пушкинъ съ удивленіемъ говорилъ, что публика «все еще сидитъ за романами и повѣстями: понравились!». Прошло 20 лѣтъ, послѣ Пушкина, и до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ замѣчается то же явленіе. Беллетристика поглощаетъ собою всю остальную литературу, журналы, въ которыхъ сосредоточивается теперь наша литература, считаютъ главнымъ своимъ отдѣломъ изящную словесность; книжка журнала безъ повѣсти или романа въ наше врамя такъ же невозможна, какъ бывало составленіе альманаха безъ стихотвореній. Какіе у насъ писатели пользуются наибольшею извѣстностью? Романисты. Какія произведенія всего болѣе переводятся съ иностранныхъ языковъ? Романы. Какія книги переходятъ изъ рукъ въ руки, читаются и перечитываются? Опять романы и повѣсти. Но будемъ ли мы удивляться этому, будемъ ли обвинять наше общество за такое настроеніе? *Не есть ли это необходимое условіе той степени развитія, на которой стоитъ народъ*? Не заключается ли причина этого явленія въ самой сущности романа и въ отношеніи его къ современному положенію общества?

Въ самомъ дѣлѣ, всегда и у всѣхъ народовъ литература являлась отпечаткомъ народной жизни, выраженіемъ общественныхъ потребностей. *Въ первый младенческій* періодъ своей жизни человѣчество, какъ и

каждый частный народъ, и каждый отдѣльный человѣкъ, предано обаянію окружающей его внѣшней природы. Съ дѣтскимъ любопытствомъ смотритъ тогда человѣкъ на раскрывающійся предъ нимъ Божій міръ, все его поражаетъ, все удивляетъ, во всемъ представляется что-то дивное, таинственное; въ благоговѣніи и умиленіи повергается онъ предъ непонятными для него красотами и величіемъ мірозданія и населяетъ весь міръ живыми образами, порожденіями своего духа, стремящагося выразить себя въ творческой дѣятельности. И вотъ звучный диѳирамбъ, благоговѣйная молитва, восторженный *гимнъ Божеству* исходятъ изъ младенческихъ устъ. Представляя себѣ все чудеснымъ и таинственнымъ, связывая всѣ явленія природы съ высшими невѣдомыми силами, человѣкъ любитъ въ это время слушать фантастическіе разсказы, вносящіе элементъ чудеснаго во все, имъ видимое, одушевляющіе для него всю природу, возводящіе всѣ частныя явленія къ невидимому, но вѣчно живому и неизмѣнному началу—Божества. И вотъ является дивная, народная *эпопея*, совмѣщающая въ себѣ всѣ религіозныя вѣрованія, философскія воззрѣнія, нравственныя правила народа. Весь міръ олицетворенъ, каждая рѣка, каждый лѣсъ, каждый пригорокъ являются вмѣстилищемъ высшихъ силъ, и самые боги являются между людьми, принимаютъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ, помогаютъ имъ, противятся, смѣшиваются съ ними, иногда сами поражаются ихъ героями полубогами,— и надъ всѣмъ этимъ тяжко властвуетъ непостижимая, неотразимая, грозная сила судьбы... Здѣсь видимъ мы всю жизнь, всѣ стремленія и вѣрованія *древняго* человѣчества; здѣсь ясно отразилось это чистое, младенческое міросозерцаніе перваго періода человѣческой жизни.

Въ постепенномъ ходѣ развитія является юношескій возрастъ. Много уже видѣлъ, много узналъ пылкій юноша; кипитъ въ немъ молодая кровь, рвутся наружу свѣжія силы. Обнять гордой мыслью все мірозданіе, направить могучую руку на славные подвиги, стать одному противъ цѣлаго міра, разрушить всѣ препятствія и отыскать свое счастье въ наслажденіяхъ высокой славы и вѣрной любви,—вотъ возвышенныя стремленія юношескаго возраста. И въ это время поетъ человѣкъ великіе подвиги уже не сказочные, но все еще принадлежащіе болѣе міру фантазіи, нежели дѣйствительности; въ это время являются пѣсни славы и любви; трубадуры и менестрели украшаютъ рыцарскіе пиры, барды и бояны сопровождаютъ героевъ въ ихъ походахъ. Странныя утопіи строитъ неопытный юноша, отыскивая свое счастье, воображая золотой вѣкъ и патріархальные невинные нравы,—и вотъ является идиллія, со всѣми своими видоизмѣненіями, и очаровываетъ молодыя чувства картинами воображаемой чистоты и невинности.

Но проходитъ пылъ юношескихъ лѣтъ; настаетъ возрастъ возмужалости, возрастъ обдуманности, зрѣлаго разсужденія, опыта и смиренія бурныхъ порывовъ воображенія и чувства. Теперь уже не строитъ человѣкъ мечтательныхъ плановъ, не рвется на невозможные подвиги, не стремится охватить собою весь міръ. Нѣтъ, осторожно и зорко осматривается онъ вокругъ себя, долго думаетъ надъ своимъ рѣшеніемъ; хочетъ идти впередъ,—но не скачками, а твердой, медленной поступью, мало-по-малу, стремится къ знанію, но избираетъ для себя предметы болѣе къ нему близкіе, имѣющіе прямое отношеніе къ его жизни. И вотъ, на этой то степени человѣческаго развитія является *романъ*, какъ изображеніе жизни народа. Это не сказка, назначенная для увеселенія малютокъ, не поэма, выражающая дѣтское міросозерцаніе и наивныя вѣрованія народа, не легенда, не романъ, воспѣвающіе дивные подвиги рыцаря и соединеніе его съ дамою его сердца, хотя элементы всѣхъ этихъ произведеній могутъ и даже отчасти должны быть и въ романѣ. Нѣтъ—это жизнь, это дѣйствительность, подмѣченная наблюдательнымъ глазомъ, брошенная на полотно искусною рукою и вставленная въ болѣе или менѣе широкую рамку. Это исторія быта и частныхъ отношеній народа или общества, прожившаго свои юношескіе годы, испытавшаго жизненныя разочарованія, обращающагося къ мирной думѣ семейной и довольствующагося воспоминаніемъ своихъ прежнихъ мечтаній. Оттого-то романъ и имѣетъ въ виду почти всегда семейныя отношенія и, если изображаетъ очарованія дѣтства и волненія юности, то только для того, чтобы привести ихъ къ желанной развязкѣ—водворенію семейнаго счастія. Оттого-то и развился романъ преимущество подъ вліяніемъ христіанства, сообщившаго намъ столь высокій и свѣтлый взглядъ на семейную жизнь и на взаимныя отношенія женщины и мужчины.

Таково происхожденіе и значеніе романа. Онъ составляетъ переходъ отъ міра идеальнаго къ дѣйствительному, отъ поэзіи къ исторіи [1]). Это полная картина жизни въ ея дѣятельномъ развитіи, строго подчиненная всѣмъ вещественнымъ условіямъ истины,— и вмѣстѣ свободная въ выборѣ занимательнѣйшихъ точекъ зрѣнія. Въ романѣ видимъ мы человѣка такимъ, каковъ онъ есть, со всѣми условіями необходимости дѣйствитель-

[1]) Давыдовъ, Чтенія о словесности, ч. II, стр. 323. *Прим. Д.*

наго міра и со всѣми прелестями міра фантазіи. И въ томъ и состоитъ искусство романиста, чтобы овладѣть нашимъ воображеніемъ, привязать его къ изображаемымъ событіямъ и личностямъ, внушить намъ полное участіе къ представляемымъ имъ характерамъ, заставить насъ поставить себя мысленно на ихъ мѣсто, увлекаться ихъ стремленіями, думать ихъ умомъ, чувствовать ихъ сердцемъ. Чѣмъ полнѣе это очарованіе, чѣмъ совершеннѣе наше увлеченіе, тѣмъ лучше авторъ достигъ своей цѣли, тѣмъ болѣе вниманія и похвалы заслуживаетъ его произведеніе [1]).

Ясно, что для достиженія этого нужно соблюденіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій. Нужно, чтобы романъ имѣлъ въ основаніи своемъ какую-нибудь идею, изъ которой бы развивалось все его дѣйствіе и къ осуществленію которой оно все должно быть направлено; нужно, чтобы это развитіе дѣйствія совершенно свободно и естественно вытекало изъ одной главной идеи, не раздвояя интереса романа представленіемъ нѣсколькихъ разнородныхъ пружинъ; нужно, чтобы въ описаніи всѣхъ предметовъ и событій романа авторъ художественно воспроизводилъ дѣйствительность, не рабски копируя ее, но и не позволяя себѣ отдаляться отъ живой истины; нужно, наконецъ, чтобы романическіе характеры не только были вѣрны дѣйствительности, но вѣрны самимъ себѣ, чтобы они постоянно являлись съ своими характеристическими чертами, отличающими одно лицо отъ другого; словомъ, чтобы сначала до конца они были выдержаны.

Вотъ что нужно для полнаго успѣха всякаго романа. Съ поэтическимъ воображеніемъ авторъ его долженъ соединять философское мышленіе и психологическую наблюдательность. Не говоримъ уже о достоинствахъ изложенія, которое должно быть не только правильно, легко, но и изящно.

Но еще болѣе важныя и трудныя условія необходимы для хорошаго романа *историческаго*. По самому существу своему этотъ видъ романа представляетъ высшую степень, нежели другіе его виды. Историческій романъ является въ то время, когда народное сознаніе обращается къ воспоминанію прошедшей своей жизни, подъ вліяніемъ того же направленія, при которомъ развиваются и сами историческія изслѣдованія. Цѣль этого рода романа—оживить мертвую букву лѣтописнаго сказанія, вдохнуть живую душу въ мертвый скелетъ подобранныхъ фактовъ, освѣтить лучемъ поэтическаго разумѣнія исторически-темную эпоху, представить частную, внутреннюю жизнь общества, о которомъ исторія разсказываетъ намъ только внѣшнія событія и отношенія. Отсюда уже ясно, какія новыя, важныя условія налагаетъ романъ *историческій* на своего автора. Здѣсь матеріалъ не находится въ его полномъ распоряженіи, онъ не можетъ по произволу изобрѣтать и вводить сюда все, что можетъ служить для лучшаго выраженія и представленія взятой имъ идеи. Здѣсь условія истинности не ограничиваются простыми законами вѣроятности; авторъ долженъ быть вѣренъ не только тому, что можетъ быть или бываетъ, но тому, что дѣйствительно было и было такимъ, а не другимъ образомъ. Съ другой стороны, онъ не долженъ разсказывать намъ только то, что нашелъ въ историческихъ сказаніяхъ, иначе это будетъ не романъ, не произведеніе поэзіи, а прозаическая исторія. Соединить эти два требованія—внести въ исторію свой вымыселъ, но вымыселъ этотъ основать на исторіи, вывести его изъ самаго естественнаго хода событій, неразрывно связать его со всей нитью историческаго разсказа и все это представить такъ, чтобы читатель видѣлъ предъ собою, какъ живыя, личности, знакомыя ему изъ исторіи и изображенныя здѣсь въ очарованіи поэзіи,—со стороны ихъ частнаго быта и внутреннихъ, сокровенныхъ думъ и стремленій,—вотъ задача историческаго романиста. При этомъ нужно еще, чтобы эпоха, изъ которой взятъ романъ, представлена была совершенно вѣрно, чтобы угаданъ былъ самый духъ событій, чтобы авторъ судилъ своихъ героевъ не по понятіямъ своего вѣка, а по ихъ времени, чтобы онъ смотрѣлъ ихъ глазами, жилъ ихъ жизнью, разсуждалъ сообразно съ ихъ умственнымъ развитіемъ, и чтобы на ту же точку зрѣнія умѣлъ поставить и своихъ читателей.

Всѣ эти немаловажныя трудности сочиненія историческаго романа увеличиваются еще болѣе въ приложеніи къ русской жизни, къ русской исторіи. Здѣсь романистъ встрѣчаетъ эпохи, большею частію неразработанныя, о которыхъ нѣтъ историческихъ свѣдѣній или есть только записи внѣшнихъ фактовъ съ самыми ничтожными замѣтками о внутренней жизни народа. Имѣя лѣтописи, которыхъ раннимъ появленіемъ, добросовѣстностью и основательностью, въ отношеніи къ внѣшнимъ фактамъ, имѣемъ право гордиться предъ другими народами, мы, однако же, не имѣемъ ничего, чтобы объяснило намъ самый внутренній смыслъ всѣхъ явленій нашей исторіи, освѣтило бы всѣ наши недоумѣнія касательно ихъ связи, причинъ и характера [1]). Недавно только

[1]) Курсъ словесности какой угодно. *Прим. Д.*

[1]) По этой части мы можемъ указать только

ученые принялись за изслѣдованіе этихъ вопросовъ, и для рѣшенія ихъ они должны часто схватывать отдѣльную мысль, нечаянно брошенное слово основываться на какомъ-нибудь сходствѣ названій, слѣдить духъ всего сказанія, дѣлать выводы изъ того, что такъ безстрастно и безсистемно записалъ лѣтописецъ, отдаленный отъ всѣхъ волненій міра и не поражающійся ничѣмъ въ тиши своего монастырскаго уединенія. Конечно, при этихъ условіяхъ трудно ожидать полнаго успѣха, и много историческихъ знаній и умѣнья нужно имѣть автору, чтобы представить въ своемъ произведеніи не блѣдный очеркъ, но полную картину древней Руси.

Другое обстоятельство, представляющее также не маловажныя трудности для русскаго историческаго романа, есть то, что русская жизнь, развиваясь подъ вліяніемъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ и, усваивая себѣ нѣчто изъ каждаго, представляетъ намъ какую-то смѣсь, въ которой очень трудно отдѣлить собственныя, національныя черты отъ чужихъ заимствованныхъ, и эти послѣднія трудно разграничить между собою. Не много свѣдѣній представляетъ намъ исторія о родоначальникахъ нашихъ—славянахъ, но и изъ простого разсказа Нестора видимъ мы разнообразіе нравовъ и обычаевъ у разныхъ племенъ одного рода славянскаго [1]). Дикіе, безстыдные древляне, кроткіе поляне, музыкальные обитатели странъ прибалтійскихъ, своевольные, необузданные жители прибрежій Дуная, — всѣ они оставили, конечно, слѣды въ дальнѣйшей исторіи и бытѣ народа русскаго. Просвѣщенныя племена германцевъ и итальянцевъ и съ другой стороны свирѣпые Печенѣги и половцы также, навѣрное, не остались безъ вліянія на древнюю Русь. Отважные, удалые норманны, которыхъ стихіями были война, грабежъ, презрѣніе опасностей, мечъ и пламя,—внесли новый элементъ въ наше отечество; и элементъ этотъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ подѣйствовать, что норманны стали у насъ во главѣ государственнаго управленія, и предъ ними должно было пасть родовое начало, господствовавшее до тѣхъ поръ у славянъ. Исторія первыхъ князей варяжскаго племени, дѣйствительно, показываетъ, какъ быстро и сильно норманская стихія возобладала надъ жизнью славянскою. И, вѣроятно, она еще глубже вкоренилась бы въ нашемъ народѣ, если бы не явилось противодѣйствія ей со стороны другого вліянія — греко-христіанскаго. Византія передала намъ, при Владимірѣ, святую вѣру, проникшую собою всѣ стихіи народной жизни, и возвысившуюся надъ ними своею божественною силою. Вмѣстѣ съ тѣмъ Греція дѣйствовала на насъ со стороны своихъ нравовъ и государственнаго устройства. Конечно, греки того времени мало уже походили на своихъ великихъ предковъ, народъ, составляющій навсегда честь и украшеніе человѣчества; вмѣсто древнихъ добродѣтелей усиливались между ними — продажность, хитрость, вѣроломство, пренебреженіе общественнаго блага, роскошь, мелочное тщеславіе. Многія изъ этихъ свойствъ, замѣчаемыя и въ русскомъ народѣ, объясняются, можетъ быть, византійскимъ вліяніемъ. Черезъ два вѣка тяжкія обстоятельства подчинили Русь новому и весьма пагубному вліянію дикихъ ордъ монгольскихъ. Города и села лежали въ пеплѣ, жители ни на одинъ часъ не могли быть увѣренными въ прочности и безопасности всего, чѣмъ они владѣли: каждый день могъ придти дикій татаринъ и отнять у нихъ все, разорить все, лишить ихъ и свободы, и жизни. Народъ не имѣлъ ничего, на чемъ бы могъ остановиться, къ чему бы могъ привязаться, и вслѣдствіе этого, конечно, развилась въ насъ эта странная безпечность, это отсутствіе собственнаго національнаго характера, эта недостаточность живого патріотизма, которыя до сихъ поръ замѣтны въ народѣ нашемъ. Кромѣ того, много частныхъ пороковъ, по замѣчанію Карамзина, привилось къ намъ отъ татарскаго ига: привыкши къ долговременному рабству, мы потеряли чувство собственнаго достоинства, обманывая, по необходимости своихъ властителей, пріучились употреблять обманъ для своихъ выгодъ и во взаимныхъ сношеніяхъ.

Но прошли лѣта позорнаго рабства. Мощно возстала Русь и начала входить въ болѣе и болѣе близкія сношенія съ просвѣщенными иностранными державами. Два вѣка протекло послѣ окончательнаго сверженія тяжкаго ига, и дивный преобразователь явился въ полу-европейской, полу-азіатской Московіи!.. Все измѣнилось все приняло новый, лучшій видъ подъ его властительской рукою... И это внезапное коренное измѣненіе во внутреннемъ бытѣ народа составляетъ новое затрудненіе для того, кто хочетъ взять предметомъ романа жизнь до-Петровской Руси. Мы такъ далеко отодвинулись отъ этой жизни (говоря объ образованномъ классѣ общества), столько испытали чуждыхъ вліяній послѣ того, столько пріобрѣли новыхъ знаній, такъ расширили свой кругъ зрѣнія, что намъ странно и неловко всматриваться въ

на соч. Кошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и на соч. крестьянина Посошкова. *Прим. Д.*

[1]) Разсказъ Прокопія. *Прим. Д.*

старинные нравы, столь отличные отъ нашихъ, сочувствовать стремленіямъ, для насъ совершенно чуждымъ, принимать сужденія и взгляды на жизнь, намъ рѣшительно непонятные... Много долженъ авторъ имѣть поэтическаго чутья и историческаго такта, много разностороннихъ и основательныхъ знаній, много искусства въ изложеніи, — чтобы внушить намъ полное участіе къ этимъ чуждымъ для насъ нравамъ, чтобы увлечь изображеніемъ этого быта, отъ насъ отдаленнаго, этихъ страстей, для насъ непонятныхъ... Удивительно ли, послѣ этого, что съ такимъ ничтожнымъ успѣхомъ до сихъ поръ было у насъ воздѣлываемо это неблагодарное поле...

Говоря вообще—романъ и повѣсть всегда привлекали къ себѣ вниманіе и составляли любимое чтеніе русскихъ людей. Послѣднія изслѣдованія [1]) показываютъ намъ, что и въ старинные годы, рядомъ съ благочестивыми поученіями и житіями святыхъ, списывались у насъ и ходили по рукамъ романическія сказанія и объ индійскихъ царяхъ, и о походахъ Александра Македонскаго, и о рыцарскихъ подвигахъ среднихъ вѣковъ. Въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія особенно развился вкусъ къ произведеніямъ этого рода, и огромная масса переводныхъ романовъ, выдерживавшихъ по нѣсколько изданій, свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ усердіемъ публика русская ихъ читаетъ. Чувствительные и дидактическіе романы m-me Жанлисъ и Дюкре Дюмениля, слезныя, идиллическія повѣствованія Августа Лафонтена и Коцебу, страшныя приключенія съ подземельями, убійствами и привидѣніями, описываемыя знаменитою Анною Радклифъ, — все это поглощало всеобщее вниманіе; приковывало къ себѣ исключительный интересъ всѣхъ читающихъ классовъ общества... Но во всемъ этомъ была только внѣшняя занимательность, только забава для праздная воображенія, увлекавшагося въ слѣдъ этихъ неестественно связанныхъ, но поразительныхъ по самой своей чрезвычайности, приключеній. Вѣрнаго изображенія жизни, естественнаго развитія страстей и характеровъ, правильнаго представленія духа времени тутъ не было, — да объ этомъ въ то время никто и не заботился. Преобразователемъ романа и высшимъ образцомъ его явился, съ начала нынѣшняго столѣтія, въ Англіи Вальтеръ Скоттъ. Въ 1820 г. онъ увлекъ своимъ примѣромъ и возвелъ историческій романъ на ту высокую степень достоинства, которая вполнѣ признана за нимъ современною критикою. Въ это время и у насъ стали появляться переводы его романовъ, и, конечно, они, болѣе или менѣе, дѣйствовали на измѣненіе вкуса публики. Скоро явился у насъ и свой собственный народный романъ...

Честь созданія русскаго романа принадлежитъ Нарѣжному. Онъ уже думалъ о новомъ направленіи въ этомъ родѣ поэзіи прежде, чѣмъ еще дошелъ до насъ слухъ о знаменитомъ Шотландскомъ бардѣ. Нарѣжный видѣлъ общее пристрастіе къ чтенію романа, видѣлъ, что оно совершенно естественно и необходимо вытекаетъ изъ настоящаго порядка вещей, и рѣшился обратить на пользу это обстоятельство, рѣшился дать роману такое направленіе и содержаніе, чтобы чтеніе его не было пустою забавою или праздным препровожденіемъ времени, а имѣло другое, гораздо болѣе дѣльное и важное значеніе. Онъ обратился къ народному источнику и сталъ изображать жизнь не въ идиллическомъ и сказочномъ ея интересѣ, но такъ, какъ она есть, съ ея дѣйствительными радостями и горестями, со всѣмъ, что есть въ ней высокаго, пошлаго и смѣшного... Уроженецъ Малороссіи, онъ обратилъ особенное вниманіе на сыновъ ея, наблюдалъ ихъ нравы, изображалъ частную жизнь и мелкіе домашніе интересы ихъ, разоблачалъ тайныя разнообразныя пружины дѣйствій человѣческихъ, и все это выполнялъ съ поразительной истиной и простотою, какой ни у кого до него не было замѣтно. Его «Бурсакъ» и «Два Ивана» до сихъ поръ не потеряли цѣны своей, и послѣднее произведеніе даже съ честію выходитъ изъ сравненія съ повѣстью Гоголя (о ссорѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича), имѣющею тотъ же сюжетъ. Романы Нарѣжнаго до сихъ поръ не были у насъ оцѣнены по достоинству. Встрѣтивши съ самаго начала холодный пріемъ въ публикѣ, они были забыты потомъ, заслоненные грудой романовъ, болѣе удовлетворявшихъ вкусу общества, хотя и стоящихъ гораздо ниже по своему художественному достоинству. Но во всякомъ случаѣ произведенія Нарѣжнаго принадлежатъ къ числу немногихъ отрадныхъ явленій, назначенныхъ украшать собою исторію русской литературы. Онъ опередилъ свой вѣкъ въ истинномъ пониманіи значенія романа, онъ предупредилъ Гоголя со всею новѣйшею, натуральною школою— въ простомъ, безыскусственномъ изображеніи природы и русскаго быта.

По слѣдамъ Нарѣжнаго пошли и другіе писатели. Въ 1829 г. явился «Иванъ Выжигинъ» г. Булгарина—романъ, который почему-то считаютъ многіе первымъ, собственно, русскимъ романомъ. Онъ имѣлъ

[1]) Пыпина — статья о старинныхъ романахъ, въ XII № «Соврем.» 1854 г. *Прим. Д.*

громадный успѣхъ. Вскорѣ послѣ него г. Булгаринъ издалъ «Димитрія Самозванца», «Петра Выжигина», «Мазепу» и еще нѣсколько романовъ; но успѣхъ каждаго послѣдующаго произведенія былъ менѣе предъидущаго... Въ романахъ этого писателя замѣтна наблюдательность, умѣнье составить нѣсколько недурныхъ очерковъ, но въ цѣломъ они далеко не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ вкуса и критики. О немъ можно привести слова Марлинскаго (въ статьѣ о романѣ: «Клятва при гробѣ Господа»): «Не Русь, а газетную Россію изобразилъ онъ намъ. Мастеръ въ живописи подробностей, естественный въ Теньеровскихъ сценахъ, онъ натянутъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ на чувства, на сильныя вспышки страстей... Русскихъ у него едва видно, и то они теряются въ возгласахъ или падаютъ въ каррикатуру».

Непосредственно за г. Булгаринымъ явился Загоскинъ съ своими романами: «Юрій Милославскій», «Рославлевъ», «Аскольдова могила» и др. Онъ показалъ болѣе искусства въ представленіи характеровъ, болѣе умѣнья придать занимательность своимъ лицамъ и возбудить къ нимъ участіе, болѣе искусства въ драматическихъ сценахъ, весьма часто встрѣчающихся въ его романахъ. Но его историческіе романы страдаютъ анахронизмами; въ нихъ также нѣтъ общности, нѣтъ идеи, одушевляющей все сочиненіе и проведенной во всѣхъ частяхъ ея: это рядъ отдѣльныхъ очерковъ, но это не картина народной жизни, не стройное поэтическое цѣлое, возстановляющее передъ нами цѣлую минувшую эпоху. Самый выборъ предметовъ обнаруживаетъ уже какъ въ г. Булгаринѣ, такъ и въ Загоскинѣ отсутствіе правильнаго взгляда на истинное достоинство романа. Эпохи, подобныя 1612 и 1812 гг., когда всѣ частныя, личныя отношенія умолкали и сливались въ одномъ общемъ дѣлѣ отечества, совсѣмъ неудобны для романа, который именно долженъ представить намъ частные интересы домашней жизни и для котораго, поэтому, гораздо лучше годятся времена междоусобій и внутреннихъ волненій.

Эту истину хорошо понялъ и воспользовался ею Лажечниковъ. Онъ представилъ намъ въ «Послѣднемъ Новикѣ» картину завоеванія русскими Лифляндіи и обвилъ пружину дѣйствія вокругъ таинственной личности Новика-шпіона, вовлеченнаго въ преступленіе противъ Великаго Петра, спасшагося отъ казни и поклявшагося посвятить жизнь свою для служенія родинѣ и для полученія прощенія отъ царя... Въ «Ледяномъ домѣ» изобразилъ онъ намъ борьбу русскаго барства съ тиранствомъ Бирона. Въ «Басурманѣ» описалъ судьбу человѣка, заброшеннаго въ чуждую землю, и его борьбу съ противоположными незнакомыми для него нравами и понятіями... Оттого интересъ романовъ Лажечникова достигаетъ высшей степени, увеличиваемый необычайнымъ искусствомъ его изложенія и поразительною вѣрностью характеровъ. Но, къ сожалѣнію, полному очарованію здѣсь вредитъ иногда двойственность интриги и слишкомъ вольное вторженіе вымысла въ область исторіи.

Можно бы теперь еще упомянуть о Марлинскомъ, какъ одномъ изъ предшественниковъ Полевого. Но онъ самъ, говоря о Полевомъ, замѣчаетъ между прочимъ о себѣ, что «историческія повѣсти Марлинскаго, въ которыхъ онъ, сбросивъ путь книжнаго языка, заговорилъ живымъ, русскимъ нарѣчіемъ, служили только дверью въ хоромы полнаго романа».

---

12. (Передовая статья въ № 1 „Слуховъ“).

Въ біографической статьѣ уже достаточно говорилось о роли Добролюбова среди товарищей-студентовъ, о его желаніи вліять на ихъ, такъ сказать, гражданственное развитіе. Однимъ изъ средствъ для выполненія этого желанія была и рукописная газета *Слухи*, «газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая», какъ сказано было въ ея подзаголовкѣ. Мысль основанія газеты принадлежала всецѣло Добролюбову. Первый ея номеръ вышелъ 1 сентября 1855 г. Форматъ и размѣръ—четыре страницы обыкновенной ученической тетради; писались номера въ два столбца, довольно мелко. Постоянный эпиграфъ—«Слухомъ земля полнится». Въ первомъ номерѣ было объявлено, что *Слухи* будутъ выходить еженедѣльно по полъ-листу и болѣе. «День выхода назначается понедѣльникъ, потому что въ дни воскресные отъ нечего дѣлать гораздо болѣе разносятъ слуховъ... Оттого издатели предоставляютъ

себѣ право выпускать иногда листокъ *Слуховъ* и среди недѣли, послѣ праздника». По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, всего вышло 19 номеровъ. По словамъ друга Добролюбова, Шемановскаго, только двѣ статьи принадлежатъ ихъ общему другу — Турчанинову, всѣ остальныя написаны Добролюбовымъ. Шемановскій — вообще очень достовѣрный свидѣтель, а потому нѣтъ основанія сомнѣваться и въ этомъ его указаніи.

Вотъ содержаніе «Слуховъ» по порядку ихъ номеровъ:

№ 1 (1 сент. 1855 г.) Передовая статья.

№ 2 (5 сент.) День 30 августа въ Петербургѣ. «Слухи изъ Крыма и о Крымѣ».

№ 3 (11 сент.) «Розенталь».

№ 4 (19 сент.) «Нѣсколько біографическихъ и библіографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ». «Полежаевъ».

№ 5 (26 сент.) «Современныя вѣсти».

№ 6 (3 окт.) «Николай I».

№ 7 (6 окт.) «Библіографическая новость — стихотвореніе, посвященное Розенталю *Н. Д.*» Анекдотъ.

№ 8 (12 окт.) «Николай I» (продолженіе).

№ 9 (17 окт.) «Тайныя общества въ Россіи 1817—25 года».

№ 10 (23 окт.) «Анекдоты кн. Меншикова».

№ 11 — не найденъ.

№ 12 (8 ноября) «Служебное грабительство».

№ 13 (16 ноября) «Отъ редакціи». «Министерство народн. просвѣщенія въ Россіи».

№ 14 (22 ноября) «Министерство народн. просвѣщенія въ Россіи» (продолженіе).

№ 15 (28 ноября) «Развратъ NN и его приближенныхъ любимцевъ».

№ 16 (1 декабря) «Отвѣтъ г. редактору «Слуховъ». «Нѣсколько словъ о цензурѣ въ Россіи».

№ 17 (8 декабря) «Отзывъ къ № 16». «Слухи о современной войнѣ». «Газетная Россія».

№ 18 — не найденъ.

№ 19 (19 декабря) «A propos». «Два слова о Жеребцовѣ». «Замѣтки о цензурѣ въ Россіи».

По внимательномъ сличеніи почерковъ, можно категорически утверждать, что №№ 1—6, 8—10, 12—15 и 17 писаны Добролюбовымъ; 7, 16 и 19—Турчаниновымъ. Изъ «A propos» въ № 19 видно, что въ ненайденномъ мною № 18 помѣщено было герценовское «Письмо къ императору Александру II» изъ «Полярной Звѣзды» 1855 г., переписанное Добролюбовымъ, за что, «считая пріятной для себя обязанностью», начинаютъ номеръ выраженіемъ «искренней признательности г. Редактору за его неусыпныя заботы». «Пусть приметъ отъ насъ г. Редакторъ многозначительное русское спасибо!..» А разумѣется, кѣмъ писано, тѣмъ и сочинено, потому что не сталъ бы Добролюбовъ, по самому своему положенію среди товарищей, быть переписчикомъ чужихъ сочиненій: это могъ бы сдѣлать каждый самъ.

Въ № 11, какъ видно изъ 12-го, были помѣщены чьи-то стихотворенія, вѣрнѣе всего — Добролюбова, на текущую злобу дня — воровство во всѣхъ его видахъ.

Показаніе Шемановскаго подтверждается такимъ образомъ съ очень небольшой поправкой: Турчанинову принадлежали не два, а три номера.

Изъ печатаемыхъ дальше статей изъ «Слуховъ» ясно, что Добролюбовъ, самъ горя огнемъ пробуждающагося гражданина, хотѣлъ захватить имъ и своихъ товарищей. Когда перечитываешь «Слухи», то особенно ярко бросается въ глаза ихъ сходство съ вскорѣ потомъ возникшимъ «Колоколомъ» Герцена, а вліяніе послѣдняго совершенно несомнѣнно.

Но, поскольку Добролюбовъ хотѣлъ сдѣлать *Слухи* собраніемъ трудовъ своихъ единомышленниковъ, мысль его не получила желаемаго осуществленія. Почти весь матеріалъ принадлежалъ ему самому. Вѣроятно, тому были двѣ причины: боязнь подвергнуться очень серьезной непріятности со стороны начальства института и отсутствіе умѣнья изложить соотвѣтственнымъ образомъ тотъ матеріалъ, который доходилъ до студентовъ. Уже въ № 13 (16 ноября 1855 г.) Добролюбовъ жалуется на равнодушіе читателей, обязанныхъ давать свѣдѣнія газетѣ, на свое одиночество, какъ редактора-издателя, и говоритъ, что при дальнѣйшемъ такомъ отношеніи онъ будетъ принужденъ прекратить изданіе съ концомъ года. На это реагировали, но не очень быстро. Въ № 16 (1 декабря), въ «Отвѣтѣ г. редактору *Слуховъ*» сказано: «Г. Редакторъ былъ слишкомъ несправедливъ къ своимъ читателямъ, которые при чтеніи газеты ничего другого не испытываютъ, кромѣ удовольствія, благородной мысли, возбужденной всегдашнимъ содержаніемъ газеты, а потому самому всегда бываютъ исполнены глубокаго уваженія къ почтеннымъ трудамъ г. Редактора. Справедливость сказаннаго мною внушаетъ мнѣ смѣлость предполагать, что всѣ читатели подтвердятъ это мнѣніе. Что же касается до облегченія труда г. Редактора, то во-1-хъ, подписчики не знали хорошо своихъ обязанностей или условій при подпискѣ, а во-2-хъ, встрѣчая всегда въ газетѣ самое разнообразное содержаніе, соединенное съ живостью и легкостью разсказа,

совершенно были убѣждены въ неисчерпаемомъ запасѣ свѣдѣній г. Редактора». Изъ этого отвѣта ясно, что писалъ его не близкій къ Добролюбову человѣкъ, и потому онъ особенно заслуживаетъ вниманія, какъ свидѣтель содержательности газеты въ глазахъ студенчества. Въ слѣдующемъ номерѣ (17) Добролюбовъ отвѣчалъ: «Что наши читатели-сотрудники встрѣчаютъ каждый № газеты съ удовольствіемъ и читаютъ его съ любопытствомъ, это еще ничего не значитъ. NN трясся отъ смѣха при представленіи «Ревизора»... Не трудно человѣку, не имѣющему никакого мнѣнія о предметѣ, принять то мнѣніе, которое первое попадется подъ руку, не трудно и увлечься имъ; но вопросъ въ томъ: до какой степени этотъ человѣкъ усвоилъ это мнѣніе, какъ онъ сумѣетъ отразить его въ своей дѣятельности, какъ уладитъ и примиритъ съ другими понятіями, издавна и также безотчетно сидящими въ его мозгу?.. Пока нѣтъ этого, до тѣхъ поръ нѣтъ жизни, нѣтъ свободы, нѣтъ самостоятельности, до тѣхъ поръ самаго живого, повидимому, человѣка мы не перестанемъ укорять въ апатіи и неподвижности. Вотъ наши понятія; вотъ о чемъ говорили мы, жалуясь на отсутствіе сочувствія въ нашихъ читателяхъ».

Впервые о «Слухахъ» было сказано А. Пятковскимъ въ № 60 газеты «Очерки» 1863 г., но очень сжато и неполно.

Обращаясь теперь къ печатаемой ниже передовой статьѣ въ первомъ номерѣ *Слуховъ*, нельзя, прежде всего, не обратить вниманія на начало ея, гдѣ подвергаются осмѣянію пути, по которымъ шло просвѣщеніе русскаго общества волею Николая I и его сподвижниковъ. Насмѣшка очень мѣткая и злая. Призывъ въ концѣ читателей къ молчанію особенно многозначителенъ, если вспомнить исторію со стихами на юбилей Греча (см. № 3). И нужно отдать должное широкой аудиторіи *Слуховъ*—просуществовавъ четыре мѣсяца, они такъ и остались неизвѣстными всевѣдущему Давыдову и его приснымъ. Очевидно, тайна газеты свято хранилась среди студенчества института. Добролюбовъ каждый разъ, вѣдь, рисковалъ быть сосланнымъ въ Сибирь: почеркъ свой онъ не измѣнялъ для *Слуховъ*.

М. Л.

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ уже не подвержена сомнѣнію великая польза устныхъ сказаній и современныхъ замѣтокъ въ многообразныхъ отрасляхъ наукъ историческихъ. Теперь во всѣхъ концахъ Россіи ревностно занимаются разработкою историческихъ матеріаловъ, безпрестанно издаются въ свѣтъ вновь отысканные древніе памятники, первоклассные русскіе ученые посвящаютъ имъ полезные труды свои; появляются превосходныя монографіи объ отдѣльныхъ фактахъ, личностяхъ, даже годахъ, замѣчательныхъ въ нашей исторіи. Но, къ сожалѣнію, наука русская все еще мертва, неполна, некрѣпка. Наши историческія познанія до сихъ поръ темны и сбивчивы. Это явленіе, очевидное для всякаго и кажущееся нѣсколько страннымъ, объясняется, однако, очень просто. Наука въ Россіи имѣетъ дѣло только съ офиціальными фактами, только съ тѣмъ, что заносится въ акты, что опредѣляется вѣсомъ и мѣрою, годомъ и днемъ. Оттого-то она и знаетъ только то, что въ такомъ-то часу такого-то числа загорѣлся въ такомъ-то кварталѣ такой-то домъ и сгорѣлъ... А кто тамъ жилъ, что потерпѣлъ отъ пожара, какое вліяніе имѣло это бѣдствіе на судьбу его, что онъ спасъ и что потерялъ, куда потомъ переѣхалъ и пр.—это вещь совершенно посторонняя для исторической полиціи. Да и негдѣ разыскать все это... развѣ остановиться на улицѣ и послушать, что толкуютъ въ народѣ, но объ этомъ никто не думаетъ, по крайней мѣрѣ, не думалъ до сихъ поръ. А между тѣмъ здѣсь-то и матеріалъ для историка. Такъ называемое общественное мнѣніе не есть ли выраженіе духа, направленія и понятій народныхъ въ ту или другую эпоху? А вѣдь оно не записывается потому, что пишутъ только вещи неизвѣстныя и интересныя. А кто же станетъ писать или читать то, что всякій самъ высказываетъ? Оттого-то, если твердятъ намъ каждый день въ газетахъ, что Севастополь взятъ невозможно; что русскій народъ отличается религіозностью и . . . . . ; что Николай Павловичъ покровительствовалъ просвѣщенію, а Ѳаддей Венедиктовичъ [1]) есть стражъ чистоты русскаго языка, — то, навѣрно, это вещи весьма и весьма сомнительныя. Не пишетъ же вѣдь никто трактатовъ о томъ, что человѣкъ имѣетъ на рукахъ по пяти пальцевъ, что Павелъ Петровичъ . . . . . и что Клейнмихель [2]) — . . . . . , не пишетъ оттого, что трудно найти человѣка, которому бы эти истины были новостью. Оттого-то и слухи также быстро исчезаютъ, какъ и появляются. Говорятъ о предметѣ до тѣхъ поръ, пока полагаютъ, что не всѣ еще знаютъ о немъ... Какъ скоро извѣстіе

---

[1]) Булгаринъ, достойный сподвижникъ Греча.
[2]) Тогдашній министръ путей сообщенія.

облетитъ всѣхъ, его тотчасъ оставляютъ и забываютъ. Такимъ образомъ, каждый день являются новыя вѣсти, сплетни, мнѣнія, задачи, рѣшенія, вопросы и отвѣты, словомъ—*слухи*, и каждый день они исчезаютъ и замѣняются другимъ такъ, что и записать ихъ не успѣютъ.

А между тѣмъ, сколько рѣзкихъ, живыхъ, характеристическихъ чертъ въ этихъ эфемерныхъ разговорахъ. Это не мертвыя числа и буквы, не архивная справка, не надгробная надпись умершему, — нѣтъ, это сама жизнь, съ ея волненіями, страданіями, наслажденіями, разочарованіями, обманами, страстями,—во всей своей красотѣ и истинѣ. Недѣля этой жизни научитъ васъ больше, нежели семь томовъ мертвой статистики. Десятокъ живыхъ современныхъ чертъ объяснитъ историку цѣлый періодъ гораздо лучше, нежели двадцатилѣтнія изысканія въ архивной пыли, гдѣ онъ найдетъ только блестящія реляціи о темныхъ дѣлахъ, указы, которые никогда не исполнялись, да слѣдствія, въ которыхъ невозможно отыскать причины... Человѣкъ—не машина для письма, жизнь его не въ канцелярскихъ бумагахъ, на которыя такъ сильно сбивается у насъ и исторія и литература. Конечно, изъ русскаго народа не сформировался еще полный человѣческій типъ, но все-таки нельзя же отвергнуть того, что онъ формируется, хоть понемножку, хоть незамѣтно, а формируется... и тѣмъ интереснѣе должно быть для насъ слѣдить за его начинающимся развитіемъ, тѣмъ поучительнѣе послушать, какъ онъ разсуждаетъ, какъ понимаетъ дѣла,—не въ учено-литературной канцеляріи, гдѣ онъ переписываетъ чужую резолюцію,—а въ частной жизни, дома, въ гостяхъ, въ театрѣ, въ церкви, на улицѣ, на рынкѣ—вездѣ, гдѣ только можетъ онъ выразить свое личное настроеніе и пониманіе. Чѣмъ болѣе подслушаемъ мы такихъ откровенныхъ разсужденій, разсказовъ, отдѣльныхъ мыслей и впечатлѣній, тѣмъ яснѣе намъ будетъ истинный духъ народа, тѣмъ понятнѣе будутъ его стремленія, его чувства, тѣмъ полнѣе и осязательнѣе представится намъ картина народной жизни. Что за бѣда, что всѣ эти мысли будутъ намъ извѣстны и, слѣдовательно, скучны, каждая порознь; зато значительное ихъ собраніе, ensemble ихъ можетъ впослѣдствіи повести къ соображеніямъ, которыя безъ того не пришли бы намъ въ голову, можетъ обратить нашъ взглядъ на такую точку, которой бы мы совсѣмъ и не примѣтили. Не всемірно-историческую важность имѣетъ то обстоятельство, что одинъ человѣкъ умеръ въ судорогахъ, и другой тоже, и третій тоже, а собрали сотни и тысячи подобныхъ фактовъ, такъ и увидѣли, что это cholera morbus.

Можетъ быть, и собранные нами слухи приведутъ умнаго человѣка къ открытію какой-нибудь хронической болѣзни въ русскомъ народѣ, можетъ быть, и позднѣйшій врачъ заглянетъ въ нашу газету, въ которой должна отразиться современная намъ эпоха съ внутренней ея стороны. Не будемъ же слишкомъ эгоистичны, не будемъ отвергать нашихъ *слуховъ* только потому, что они намъ уже извѣстны. Подѣлимся съ другими своимъ знаніемъ, сохранимъ для потомства наши мысли, пусть оно увидитъ, что мы жили или, по крайней мѣрѣ, хотѣли жить. Можетъ быть, мы внесемъ сюда ложные слухи, можетъ быть, займемся ничтожнымъ, опустивъ важное: но и въ этомъ отразится жизнь. Только машина можетъ работать съ неизмѣнною, размѣренною правильностью и вѣрностью. На ея сторонѣ преимущество скорости, ровности, выгодности и т. п., но гдѣ замѣшается дѣло мысли, тамъ живой человѣкъ всегда гораздо лучше. За доказательствомъ далеко ходить нечего: сравните громады русскаго войска съ арміями союзниковъ. На чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ?...

Вотъ убѣжденія, которыя привели насъ къ мысли собирать всѣ современные слухи, не заботясь объ ихъ исторической достовѣрности, и заносить ихъ на страницы нашей газеты. Надѣемся, что всѣ, истинно любящіе свое отечество, не откажутъ намъ въ содѣйствіи и поощреніи. Дѣло, которое мы начинаемъ, легкое само по себѣ, становится труднымъ и даже опаснымъ по своимъ послѣдствіямъ. Мы хотимъ быть безпристрастными, сообщать своимъ читателямъ все, что только услышимъ, а вѣдь мало ли что говорятъ... . . . . .
. . . . . .
. . . . . При томъ народъ все, вѣдь, съ самолюбіемъ у насъ въ Россіи: все хотятъ сами сдѣлать, а другимъ не позволяютъ. Сдѣлаетъ человѣкъ глупость и ничего, а только другой начнетъ говорить о ней, — бѣда! какъ смѣлъ! Ужъ и этой-то чести не хотятъ уступить другому! Это, дескать *моя* глупость: *я* ее сдѣлалъ и никому не позволю повторять.

Запретятъ еще, пожалуй, нашу газету. Да оно бы и хорошо еще, еслибъ запретили: тогда бы она, какъ все запрещенное, быстро разошлась во многихъ тысячахъ экземпляровъ... А то просто изъ опасенія—станутъ скрывать все отъ издателей *Слуховъ* и пускать не будутъ въ порядочные дома... Тогда ужъ плохое дѣло; матеріаловъ не будетъ, а изъ ничего не бываетъ ничего, — дѣло

извѣстное. Выдумывать же слуховъ мы не намѣрены, потому что это прямо противорѣчило бы предложенной нами цѣли...

Такимъ образомъ, благоразумный читатель видитъ, что одно средство спасти насъ и нашу газету—молчаніе. Пусть потомство оцѣнитъ насъ, мы не хотимъ громкой славы въ настоящемъ,—и въ этомъ отношеніи девизомъ нашимъ будутъ слова поэта:

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

---

13. (День 30 августа въ Петербургѣ).

Статья эта, помѣщенная въ «Слухахъ» 1855 г. № 2, 5 сентября, Добролюбовымъ не озаглавлена. По условіямъ современной цензуры она не можетъ быть напечатана въ этомъ собраніи. См. замѣтку къ № 12.

М. Л.

---

14. Слухи изъ Крыма и о Крымѣ.

Помѣщено въ № 2 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12). Добролюбовъ, очевидно, былъ въ числѣ тѣхъ, кто считалъ севастопольское пораженіе вполнѣ заслуженнымъ... Таковы же были убѣжденія его кружка пріятелей и знакомыхъ. Разумѣется, не всѣ думали такъ, что видно изъ многихъ современныхъ мемуаровъ. Фактическія свѣдѣнія, передаваемыя во второй части статьи и въ другихъ аналогичныхъ статьяхъ, въ большинствѣ совершенно вѣрны. Повидимому, Добролюбовъ имѣлъ надежный источникъ военныхъ свѣдѣній.

М. Л.

Севастополь взятъ—эта вѣсть почти никого не поразила, потому что давно была ожидана. Всѣ какъ будто перевели духъ послѣ долгаго ожиданія и сказали: «Ну, наконецъ-то, взяли же таки!..» И это выразили даже тѣ, которые прежде, съ голоса газетъ, кричали о невозможности взятія Севастополя! Записные патріоты утѣшаются, впрочемъ, тѣмъ, что союзники 11 мѣсяцевъ брали 11 кв. миль, и что Севастополь взятъ 28 августа, въ тотъ самый день, въ который въ 1812 году наши войска стали выходить изъ Москвы. Дивное совпаденіе чиселъ, воскликнулъ бы Погодинъ или Шевыревъ, если бы въ этомъ совпаденіи было что-нибудь выгодное для насъ... Это очень похоже на мистическое предсказаніе арх. Иннокентія, гадавшаго по имени Горчакова о его непобѣдимости и напечатавшаго свой гороскопъ во всѣхъ газетахъ русскихъ 1855 года по Рождествѣ Христовѣ!..

30 августа для именинъ царскихъ назначалась на сценѣ пьеса, въ которой представлялся лагерь союзниковъ съ одной стороны, съ другой—русскіе моряки, а вдали—Севастополь. Моряки толкуютъ разныя глупости, французы и англичане—въ русской передѣлкѣ—еще больше, а въ концѣ пьесы вдругъ сходятся облака и закрываютъ отъ союзниковъ городъ: только его и видѣли... Но послѣ взятія пьесу отмѣнили, потому конечно, что она напомнила бы зрителямъ о дѣйствительномъ исчезновеніи Севастополя,—только не изъ англо-французскихъ, а изъ русскихъ глазъ...

Между прочимъ разсказываютъ вотъ какой случай изъ военной жизни нашихъ въ Крыму. Въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года генералъ Хомутовъ прислалъ къ генералъ-провіантмейстеру, князю Долгорукову, бумагу, въ которой увѣдомлялъ, что съ августа 1855 до апрѣля 1856 г., т.-е. до подножнаго корма, ему нужно заготовить провіанта на 60,000 лошадей. Долгоруковъ держитъ бумагу весь іюнь, половину іюля и въ іюлѣ посылаетъ къ Хомутову спросить, какими средствами думаетъ онъ достать провіантъ и какія будутъ распоряженія его по этому предмету. Хомутовъ отвѣчаетъ

тотчасъ въ такомъ смыслѣ: «я имѣю честь служить въ кавалеріи, провіантскій департаментъ отъ меня нисколько не зависитъ, и заниматься его дѣлами я не имѣю ни права, ни возможности, а потому и никакихъ распоряженій объ отысканіи и доставкѣ провіанта сдѣлать не могу». Между тѣмъ, если въ августѣ продовольствія не будетъ, кавалерія вся передохнетъ. Испуганный Долгоруковъ даетъ милліоны (казенные) чиновникамъ-комиссіонерамъ, чтобы закупить все на мѣстѣ, и они доносятъ, что кончили порученіе благополучно, купивъ овесъ по 9 р. сер. за четверть...

---

15. Розенталь.

Помѣщена въ № 3 «Слуховъ» отъ 11 сентября 1855 года. См. мою замѣтку къ № 12.

Эта статья важна для характеристики Добролюбова не съ точки зрѣнія факта, переданнаго къ тому же и не совсѣмъ вѣрно и далеко не полно, а со стороны своего психологическаго значенія для автора. Она ярко выставляетъ его горячимъ поборникомъ свободы закрѣпощеннаго народа, путемъ даже переворота, съ котораго потомъ онъ сошелъ и уже не вѣрилъ въ возможность переустройства народной жизни такимъ образомъ. Тогда же Розенталь привлекъ къ себѣ всѣ его симпатіи, что видно и изъ № 20-го.

М. Л.

Недавно пріѣхавшіе въ Петербургъ кіевскіе студенты разсказали намъ исторію Розенталя, которая стоитъ того, чтобы передать ее тому, кто еще не слыхалъ о ней.

Это былъ студентъ кіевскаго университета, горячая неугомонная голова, съ жаждою дѣятельности, стремленіемъ къ славѣ и съ твердою рѣшимостью сдѣлать что-нибудь для блага отечества. (Отечествомъ считалъ онъ Россію, хотя, по происхожденію, какъ видно изъ фамиліи, и не былъ чисто русскимъ). Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ въ прошломъ году къ отцу своему, бывшему управляющимъ въ имѣніи г-жи Браницкой. Здѣсь—угнетеніе ли несчастныхъ крестьянъ возбудило его негодованіе, или просто при взглядѣ на нихъ его энергическая душа нашла для себя здѣсь дѣятельность по душѣ,—только Розенталь не остался хладнокровнымъ зрителемъ горькаго рабства,—и въ одинъ день прочиталъ въ собраніи крестьянъ рѣчь о свободѣ. Это было уже въ нынѣшнемъ году, послѣ смерти Николая Павловича. Въ рѣчи своей представилъ Розенталь положеніе крестьянъ во всей Европѣ, разсказалъ о томъ, какъ поднимался вопросъ о крѣпостномъ правѣ и въ Россіи, какъ Николай Павловичъ даже хотѣлъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ—и впечатлѣніе было необыкновенно сильно.

Цѣлая деревня возстала на нежданный зовъ свободы, но, еще скованные въ душѣ давно наложенными цѣпями, крестьяне рѣшились идти къ царю и просить его объ освобожденіи. При этомъ рѣшеніи Розенталь счелъ долгомъ высказать имъ всѣ опасности, какія ихъ ожидаютъ въ исполненіи ихъ просьбы, раскрылъ передъ ними духъ правительства русскаго,—и мужики сказали, что они готовы на все, чтобы только получить себѣ свободу. Въ этомъ настроеніи бросились они къ своему попу и начали упрекать его, что онъ училъ ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и что не говорилъ имъ правды. Попъ прибѣгъ, было, ... уловкамъ . . . . . но здравый смыслъ мужичка тотчасъ отгадалъ эти хитросплетенія, какъ только рѣшился немножко подумать о нихъ. Кончилось тѣмъ, что попа за несогласіе опустили въ колодезь.

Между тѣмъ Розенталь произвелъ подобное же дѣйствіе своей рѣчью въ другой и третьей деревнѣ. Вездѣ отказывались повиноваться помѣщикамъ, ругали поповъ, сажали ихъ въ подвалы и, наконецъ, рѣшались требовать себѣ свободы во что бы то ни стало.

Спустя немного времени около Розенталя собралось около 16,000 недовольныхъ, и возстаніе все распространялось. Вдругъ глава партіи—Розенталь, получаетъ свѣдѣніе, что его преслѣдуетъ полиція и захватитъ немедленно, если онъ не успѣетъ скрыться. Онъ бѣгалъ изъ одного мѣста въ другое, удалился отъ средоточія своей силы и, наконецъ, долженъ былъ бѣжать

окончательно. Но онъ плохо избралъ страну, куда удалился: это была Австрія, которая и выдала его русскому правительству.

Между тѣмъ, крестьяне, и лишась главы,— не вдругъ отстали отъ своего дѣла. Они рѣшились избрать предводителя, съ которымъ они могли добраться до Петербурга и вытребовать себѣ права человѣчества. Перебирая извѣстныхъ имъ людей, они остановились на одномъ помѣщикѣ, который казался имъ всегда добрѣе другихъ и, при томъ, служилъ нѣкогда въ военной службѣ, слѣдовательно, годился въ предводители. Они объяснили ему свои намѣренія, онъ согласился быть ихъ начальникомъ, но для лучшаго успѣха предложилъ взять съ собою еще другого помѣщика, тоже стараго служиваго,—и самъ вызвался просить его, чтобы онъ принялъ на себя званіе начальника этого ополченія.

Мужики согласились, а помѣщикъ поѣхалъ и донесъ обо всемъ земской полиціи. Тотчасъ выслали противъ толпы мужиковъ роту солдатъ, но она была разсѣяна. Видя, что дѣло начинается довольно серьезное, Васильчиковъ [1]) взялъ полкъ солдатъ и отправился на мѣсто самъ. Мужики непріязненныхъ дѣйствій не начинали, и Васильчиковъ хотѣлъ словами убѣжденія возвратить ихъ къ покорности. Но краснорѣчіемъ онъ особеннымъ не отличается, уваженіемъ искреннимъ не пользуется и потому его никто не хотѣлъ слушать: крестьяне говорили, что правоту ихъ дѣла доказалъ имъ такой человѣкъ, умнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ и, слѣдовательно, толковать съ ними нечего.

Видя, что это не беретъ, и думая испугать ихъ, Васильчиковъ велѣлъ въ нихъ стрѣлять изъ пушекъ холостыми зарядами, но мужики тотчасъ смекнули это дѣло и еще разсердились на такое обхожденіе. Шумъ и энтузіазмъ возросли до послѣдней степени, и, наконецъ, одна баба выскочила изъ толпы съ топоромъ и разрубила головы двумъ солдатамъ. Тогда зарядили пушки картечью; залпъ—другой, и толпа была разсѣяна, многіе захвачены, осуждены безъ суда и . . . . . .

. . . . . .

Розенталь, между тѣмъ, привезенъ въ Кіевъ и тоже отданъ подъ судъ не для защиты и оправданія, а для того, чтобы выпытать изъ него что-нибудь, если представится возможность.

Рѣшеніе его дѣла до сихъ поръ еще неизвѣстно. Схваченъ онъ былъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Теперь, можетъ быть, онъ уже не существуетъ...

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ вообще много занимаетъ теперь умы въ Россіи: говорятъ, что, дѣйствительно, самъ Николай Павловичъ хотѣлъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ, воображая, что послѣ этого Россіи ужъ нечего будетъ желать для полнаго совершенства. Было объ этомъ разсужденіе въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ Николай сказалъ, между прочимъ, что это было желаніе и обѣщаніе моего брата, данное союзнымъ государямъ еще на вѣнскомъ конгрессѣ. Но тутъ случился какой-то старикъ Кутузовъ, который возразилъ на это слѣдующее: «Ваше Величество,—сказалъ онъ,—я былъ съ вашимъ августѣйшимъ братомъ на вѣнскомъ конгрессѣ и очень хорошо помню, что, обѣщая освободить крестьянъ, онъ въ то же время обѣщалъ дать Россіи конституцію». Выслушавши эти слова, покойникъ Николай назвалъ Кутузова крамольникомъ, а дѣло о крестьянахъ было отложено.

Разсказываютъ еще, что царь спрашивалъ объ этомъ мнѣнія у старика Голицына, крестнаго отца Александра I, и что тотъ, одобривши вообще мысль освобожденія, попросилъ его тоже, чтобы онъ освободилъ прежде самихъ помѣщиковъ, чтобы начать мести лѣстницу съ верхней, а не нижней ступеньки.

Всѣ эти слухи уже самымъ существованіемъ своимъ доказываютъ, что у насъ существуетъ въ Россіи не безотчетное мужиколюбіе, но сознательное стремленіе къ благу государства. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

---

[1]) Кіевскій генералъ-губернаторъ.

16. Нѣсколько біографическихъ и библіографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ.

17. Полежаевъ.

Объ статьи помѣщены въ № 4 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12). Первая теперь не представляетъ ничего интереснаго, такъ какъ передаетъ только нѣсколько фактовъ біографіи Пушкина и нѣсколько его игривыхъ стихотвореній, теперь уже всѣмъ извѣстныхъ, безъ всякаго опредѣленнаго отношенія Добролюбова къ поэту.

Вторая — чисто компилятивная по «Тюрьмѣ и ссылкѣ» Герцена.

Здѣсь можетъ быть умѣстно привести запись Н. А. въ дневникѣ 1856 г. (бумаги Литератур. Фонда) объ этой книжкѣ Герцена. «На дняхъ говорилъ съ однимъ вятскимъ чиновникомъ, который зналъ А. И. Герцена, хотя ничего не знаетъ объ Искандерѣ. Изъ разсказовъ его видно, что ни одного слова, ни одного факта не выдумано и не преувеличено въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ». Все такъ, какъ было». **М. Л.**

18. Современныя вѣсти.

Помѣщено въ № 5 «Слуховъ» (см. замѣтки въ №№ 12 и 14).

М. Л.

Кто бываетъ въ обществѣ, тотъ, конечно, согласится, что разговоръ о Крымѣ и Севастополѣ до того у насъ общъ, что почти вытѣснилъ пресловутый и интереснѣйшій разговоръ о погодѣ. Надо сознаться при этомъ, что толки о войнѣ бываютъ часто такъ же пошлы, какъ и толки о погодѣ и здоровьѣ, въ которыхъ на вопросъ отвѣчаютъ благодарностью или совсѣмъ не отвѣчаютъ. Безпрестанно повторяютъ, напримѣръ, что оборона Севастополя намъ слишкомъ дорого стоила, что въ газетахъ и половины нѣтъ того числа, которое дѣйствительно нами потеряно, что несчастный газетный *одинъ казакъ*, убиваемый въ каждой битвѣ, въ каждой вылазкѣ, чтобы снова воскреснуть и явиться въ газетахъ, что этотъ *одинъ* казакъ покрываетъ собою многія сотни другихъ—казаковъ и не казаковъ... Да, помилуйте, кто же этого не знаетъ, или кто не согласится, что насъ надуваютъ здѣсь, что въ настоящей войнѣ Россія особенно ясно показала другимъ и, къ счастью, сама начинаетъ понимать, какъ она еще глупа до сихъ поръ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . Менѣе знаменитый и даже менѣе остроумный, но еще болѣе справедливый отзывъ слышали мы недавно въ одной дружеской бесѣдѣ. Chaque homme, qui aime le Russie, говорилъ одинъ умный офицеръ съ человѣческою головою,—doit absolumant désirer, que nous soyons le plus souvent battus. Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что, дѣйствительно, русскій до сихъ поръ ничего не дѣлаетъ иначе, какъ изъ-подъ палки. Это повторяется и въ частныхъ лицахъ и въ цѣломъ народѣ. Несчастія внѣшнія, этотъ argumentum baculinum, заставляютъ насъ обращать на себя вниманіе и стараться понять, что въ насъ худо и негодно. Теперь, напримѣръ, явно вездѣ слышится негодованіе на всѣ тѣ мучительные солдатскіе ученья и парады, которыми Николай Павловичъ думалъ прославить свое царствованіе и которые, между тѣмъ, не послужили намъ ровно ни къ чему. Теперь громко говорятъ о недостаточности образованія въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, не давшихъ намъ, на случай нужды, ни одного хорошаго генерала. Теперь вездѣ слышатся непрерывные клики о воровствѣ всѣхъ чиновниковъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ арміей. Наконецъ, теперь нерѣдко вы можете услышать въ откровенномъ разговорѣ жалобу на самолюбіе двухъ-трехъ человѣкъ, которые для удовлетворенія ему

губятъ въ кровопролитной войнѣ столько народу, непонимающаго, за что онъ дерется. Не знаемъ мы, что говорятъ во Франціи, хотя и можемъ довѣрять ихъ газетамъ болѣе, чѣмъ нашимъ. Но мы можемъ судить объ ихъ слухахъ по аналогіи съ своими. У насъ толкуютъ, что во Франціи страшное неудовольствіе противъ Людовика-Наполеона развивается въ народѣ все болѣе и болѣе, что въ народѣ слышались крики «vive la république» даже въ день празднованія рожденія Людовика, и что самое взятіе Севастополя поддержало его въ глазахъ народа очень не надолго. Мѣры же его къ прекращенію народнаго неудовольствія, какъ видится, совсѣмъ нераціональны: онъ завелъ что-то въ родѣ тайной полиціи, хотя, конечно, не столь совершенной, какъ у насъ, и теперь хватаютъ въ Парижѣ иногда по 100 человѣкъ въ день, у которыхъ срывается съ языка «république».

Но что намъ до французовъ, у насъ своихъ заботъ не оберешься. Тамъ одинъ мошенникъ и мошенникъ случайный, а у насъ развита цѣлая система, цѣлая іерархія мошенниковъ. Нынѣшняя война достаточно показала, какъ многіе умѣютъ у насъ пользоваться обстоятельствами для своей выгоды. Припомните давній разсказъ, и довольно вѣроятный, какъ князь Меншиковъ выставилъ госпитальный флагъ надъ своей квартирой въ Севастополѣ и потомъ, когда его продѣлка открылась, посылалъ парламентера спросить, какъ смѣютъ непріятели стрѣлять по госпиталямъ? Несчастный военачальникъ былъ, вѣроятно, боленъ въ то время, если не тѣломъ, такъ духомъ, по крайней мѣрѣ. Другіе господа, заботясь не столько о себѣ, сколько о другихъ, стараются, большею частью, изъ похвальной любви къ женѣ и дѣтямъ, зашибить здѣсь копейку на черный день. Замѣчательно, что чѣмъ болѣе и чѣмъ лучшія пособія посылаются отсюда въ Крымъ для раненыхъ и вообще для солдатъ, тѣмъ бодѣе они нуждаются. Въ Малороссіи ходятъ солдаты-нищіе, собирая подаяніе не для себя, а для раненыхъ, которые не имѣютъ ни крѣпкаго бѣлья, ни свѣжей пищи. А между тѣмъ генералы Бутовичъ и Холецкій присылаютъ, напримѣръ, изъ Севастополя по 40,000 р. сер. въ банкъ. О томъ, до какой степени равнодушно смотрятъ у насъ на воровство, можно судить по слѣдующему случаю: одинъ военный, неизвѣстно какого ранга, офицеръ, прислалъ своей женѣ деньги и письмо изъ Севастополя. По обычаю нашихъ почтъ, на письмо выпалъ жребій быть прочитаннымъ, и въ немъ нашли слѣдующій смыслъ: «завтра мы идемъ въ битву — писалъ нѣжный мужъ,—изъ которой я уже, можетъ быть, не ворочусь. Въ послѣдній разъ, можетъ быть, я пишу тебѣ и посылаю эту сумму (довольно значительную), которую успѣлъ я скопить моею службою». Но благое Провидѣніе сохранило его, по молитвамъ жены, вѣроятно, удѣлившей одну десятитысячную долю краденыхъ денегъ на молебенъ о мужѣ,—и вотъ мѣсяца черезъ два онъ опять посылаетъ ей деньги и пишетъ чувствительное посланіе въ томъ же родѣ. Письмо снова прочли, донесли объ этомъ высшему начальству и, по его повелѣнію, конфисковали деньги. Слѣд., другой разъ мошенникъ пошлетъ свою лепту уже подъ чужимъ именемъ.

Вотъ еще случай, показывающій, отчего у насъ множество пожертвованій не дѣлаетъ никакого подспорья для арміи. Воронежскіе помѣщики пожертвовали нѣсколько сотъ фургоновъ для арміи. Посланы комиссіонеры осмотрѣть и принять ихъ. Они осмотрѣли и явились вдругъ къ пожертвователямъ съ такимъ предложеніемъ: «дайте намъ по нѣсколько рублей съ каждаго фургона, тогда мы ихъ примемъ, иначе мы донесемъ, что они негодны». «А намъ что за дѣло—отвѣчаютъ помѣщики. Не хотите брать, такъ пусть у насъ остаются». Также точно въ Севастополѣ не принимаютъ сухарей и другого провіанта для арміи, такъ что сухари просто свалены въ горы и гніютъ безъ всякаго присмотра.

Говорятъ, что баронъ Вревскій и былъ посланъ въ Крымъ съ секретнымъ порученіемъ открыть всѣ эти злоупотребленія, что онъ уже много открылъ и въ награжденіе за это былъ посланъ Горчаковымъ на смерть въ дѣлѣ при Черной... Планъ нападенія былъ составленъ еще въ Петербургѣ, и предлогомъ къ отправленію Вревскаго было именно разсмотрѣніе возможности исполненія его. Отправляясь, онъ говорилъ пріятелямъ: «Я непремѣнно возвращусь съ Георгіемъ». По другимъ слухамъ, онъ именно и настоялъ на томъ, чтобъ планъ этотъ приведенъ былъ въ дѣло. Неизвѣстно, чему болѣе нужно вѣрить, но не подлежитъ сомнѣнію то, что Вревскій, никогда ничѣмъ не командовавшій и не имѣвшій особеннаго военнаго генія, не годился въ военачальники. Горчаковъ всю вину въ пораженіи при Черной свалилъ на Реада, но у убитаго Реада французы нашли планъ сраженія, изъ котораго видно, что Реадъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано. Есть слухъ, что враги знали планъ еще до сраженія, потому что имъ передалъ его писарь, переписывавшій окончательныя распоряженія; ему, говорятъ, дали за это 300,000 франковъ и отправили въ Парижъ. Какъ доказательство расположенія къ намъ Европы, забавно слѣдующее

обстоятельство. Недавно былъ у насъ пріемъ своему родному. Теперь король Нидерланпринцу нидерландскому, дѣлали для него довъ послалъ Пелиссье орденъ за взятіе Сепарады, показывали артиллерію и пр., какъ вастополя...

---

19. Николай I.

Помѣщено въ №№ 6 и 8 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12). По цензурнымъ условіямъ, статья не можетъ быть напечатана здѣсь. Скажу только, что Добролюбовъ хорошо былъ освѣдомленъ объ эпохѣ 1825—1855 годовъ...

М. Л.

---

20. Къ Розенталю.

Это стихотвореніе напечатано въ № 7 «Слуховъ» отъ 6 октября 1855 г. (см. замѣтку въ № 12), въ статьѣ «Библіографическая новость [1]): стихотвореніе посвященное Розенталю, *Н. Д.*» принадлежащей Турчанинову. Вотъ часть ея текста:

«Будучи увѣрены въ достоинствѣ этого стихотворенія, мы сочли непремѣнною для себя обязанностью познакомить съ нимъ и другихъ, для кого оно еще неизвѣстно.

«Знакомя читателей съ этимъ стихотвореніемъ, мы рѣшительно не имѣли въ виду говорить о его достоинствѣ въ художественномъ отношеніи. Это и безъ насъ видно каждому. Скажемъ только, что оно намъ нравится, и смѣемъ думать—украситъ страницы нашей газеты. Кромѣ художественнаго достоинства, это стихотвореніе имѣетъ современный интересъ и какъ бы внушено было однимъ изъ самыхъ важныхъ, животрепещущихъ вопросовъ современной жизни русскаго общества. Это вопросъ—уничтоженіе крѣпостного состоянія, столь постыднаго для европейскаго государства, если только Россію можно назвать государствомъ европейскимъ; по крайней мѣрѣ, пишущій эти строки, родясь въ одной изъ юго-восточныхъ губерній, увидѣлъ себя причисленнымъ къ азіатцамъ на одной изъ картъ, изданной, если не ошибаюсь, въ 30-хъ годахъ, въ Германіи, слѣдовательно, въ государствѣ, имѣющемъ полное право на европеизмъ».

Розенталь не былъ казненъ; его сослали въ Сибирь, гдѣ онъ и прожилъ около 20 лѣтъ, а затѣмъ уѣхалъ въ Европу. Добролюбовъ настолько былъ воодушевленъ поступкомъ Розенталя и настолько потрясенъ увѣренностью въ грозившей ему казни, что не счелъ даже возможнымъ скрыть свое имя, какъ автора стихотворенія «Къ Розенталю». Инициалы въ заглавіи статьи—Н. Д.—еще не такъ ясны были бы для институтскаго начальства, какъ указаніе тамъ же на принадлежность тому же автору стихотворенія «На юбилей Н. И. Греча»... При малѣйшей нескромности кого-либо изъ товарищей Добролюбовъ рисковалъ многимъ. И это стихотвореніе приходится пропустить...

М. Л.

---

[1]) Довольно, впрочемъ, уже запоздавшая, но тѣмъ не менѣе, стоящая извѣщенія. *Прим. Слуховъ.*

21. Тайныя общества въ Россіи 1817—1825 года.

Помѣщено въ № 9 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12). Не перепечатывается здѣсь, какъ статья чисто компилятивная по сочиненію Шнитцлера «Histoire intime de la Russi sous Alexandre I et Nicolas I».

М. Л.

22. Анекдоты князя Меншикова.

Помѣщено въ № 10 «Слуховъ» (см. замѣтку № 12).

М. Л.

Вѣрные своему характеру анекдотизма, мы постоянно разсказывали читателямъ нашимъ множество мелкихъ случаевъ изъ внутренней закулисной жизни Россіи. Но еще ни разу не посвящали мы цѣлаго листка собственно анекдотамъ, относящимся къ одному лицу и собраннымъ въ одно цѣлое. Теперь мы намѣрены сдѣлать это съ анекдотами, которые ходятъ въ народѣ о князѣ А. С. Меншиковѣ. Они довольно хорошо характеризуютъ кое-что, при томъ это слухи, слѣдовательно, намъ какъ разъ подстать.

Кажется, Меншиковъ не любитъ путейскихъ. Вотъ что онъ разсказывалъ однажды о своей исповѣди. «Я пришелъ исповѣдываться, говоритъ онъ, къ незнакомому священнику. Къ удивленію моему, священникъ особенно настаивалъ на нарушеніи восьмой заповѣди. Я ему сказалъ, что не грѣшенъ противъ этого (. . . . . .), но онъ не отсталъ и опять нѣсколько разъ спрашивалъ, не присвоялъ ли я чужого, не утаивалъ ли казеннаго интереса. Я твердо отъ всего отказался. По окончаніи исповѣди расписался я въ книгѣ, гдѣ записываются всѣ исповѣдывающіеся. Священникъ, увидавъ мою подпись, чрезвычайно испугался, подбѣжалъ ко мнѣ и началъ извиняться. «Ваше сіятельство, простите, я не зналъ... я вѣдь все думалъ, что вы *изъ путейскихъ*»...

Говорятъ, что еще въ давнее время, когда однажды Николай Павловичъ занимался съ Меншиковымъ (вѣроятно, проектомъ новаго парада), великій князь Михаилъ Павловичъ, бывшій тогда еще маленькимъ, прибѣжалъ въ кабинетъ и повисъ на шеѣ отца. «Кто это влѣзъ мнѣ на плечо?» спросилъ царь. «Klein Michel» отвѣчалъ Меншиковъ по-нѣмецки [1]).

Однажды случилось Меншикову съѣздить въ свою деревню и обрѣсти тамъ какой-то древній и чуть ли не чудотворный, только весьма замѣчательный крестъ. Онъ этотъ крестъ привезъ въ Петербургъ и повѣсилъ у себя въ кабинетѣ, распустивъ слухи о его необыкновенной рѣдкости и замѣчательности. Въ одинъ день, когда у него былъ Николай Павловичъ и множество вельможъ, онъ расхвастался своимъ крестомъ и предложилъ всѣмъ идти посмотрѣть его. Входятъ въ кабинетъ и что же видятъ?.. По срединѣ стѣны виситъ распятіе, по правую сторону его виситъ портретъ Чернышева [2]), а по лѣвую Клейнмихеля. Всѣ удивились, царь даже разсердился на подобное неприличіе и гнѣвно спросилъ, что это значитъ? Меншиковъ, ни мало не смутясь, отвѣчалъ ему: «Что же, ваше величество, вѣдь Онъ висѣлъ же между двумя разбойниками»... «Да еще тотъ, который былъ по правую руку, попалъ въ рай», прибавилъ онъ потомъ...

Какъ видно, Меншиковъ не совсѣмъ-то любитъ и всѣхъ вообще министровъ нашихъ. Когда Норова сдѣлали товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, тогда онъ

[1]) Сомнительно, впрочемъ, принадлежитъ ли это князю Меншикову. Иные приписываютъ Михаилу Павловичу. *Прим. Д.*

Klein Michel = Клейнмихель, что означало фамилію вліятельнаго при Николаѣ I министра путей сообщенія.

[2]) Любимый Николаемъ I военный министръ.

сострилъ, сказавши, что у насъ теперь министерство на трехъ ногахъ, да еще и съ *нороволъ* (или *норовымъ*—онъ сказалъ такъ, что никто не разслышалъ явственно [1]).

Когда удивлялись, что Севастополь такъ долго держится, несмотря на мины, которыя подводятъ враги, онъ отвѣчалъ: «что же тутъ удивительнаго? У насъ это не первый примѣръ... Вотъ Адлербергъ сколько лѣтъ ужъ на минѣ, а все не взорвется»...

Приписываютъ князю Меншикову (а другіе опять Михаилу Павловичу) слѣдующее изреченіе. Когда отстраивалось новое зданіе сената и гдѣ-то тамъ были устроены арки, однажды государь, осматривая вмѣстѣ съ княземъ эту постройку, спросилъ: «для чего эти арки?»... «Под-арками всѣ дѣла будутъ рѣшаться»—отвѣтилъ острякъ.

Струве читалъ когда-то публичныя лекціи астрономіи. Собиралась многочисленная публика и все самаго высшаго полета: генералы, военные и статскіе, звѣзды и аксельбанты. На одну лекцію явился и великій князь Константинъ Николаевичъ съ Меншиковымъ. И какъ нарочно Струве на нѣсколько минутъ на эту лецкію опоздалъ и вошелъ на каѳедру, когда зала была уже полна. При видѣ блестящей и многочисленной публики онъ немного смутился... Константинъ замѣтилъ это и спросилъ Меншикова: «отчего это Струве такъ смущенъ?» «Оттого, конечно, ваше высочество, отвѣчалъ тотъ, что онъ видитъ много звѣздъ не на своемъ мѣстѣ»...

Вотъ два анекдота изъ времени посольства Меншикова въ Турцію. Въ то самое время, какъ онъ велъ переговоры, поднялась страшная манія къ вертящимся столамъ. Въ самомъ разгарѣ толковъ о столодвиженіи входятъ однажды къ нему и видятъ, что онъ сидитъ на диванѣ, положивши руки на его края. Начинаютъ толковать о вертящихся столахъ... «А я, говоритъ князь—вотъ все хочу диванъ повернуть, да не удается: вѣроятно, аглицкая пружина мѣшаетъ».

Въ другой разъ уполномоченные съ турецкой стороны представляли ему, какъ важную привилегію, то, что султанъ запретилъ въ своихъ владѣніяхъ называть христіанъ собаками. «Да, это въ самомъ дѣлѣ очень важно, отвѣчалъ Меншиковъ. И въ вознагражденіе за это я тоже буду просить своего государя, чтобы онъ запретилъ въ Россіи называть собакъ «султанами».

Наконецъ, вотъ его разсказъ о томъ, какъ онъ видѣлъ сонъ, весьма близко относящійся къ нынѣшней войнѣ. Ему привидѣлось, что онъ присутствуетъ на небесахъ при особѣ Божества... Вотъ является къ Богу вѣстникъ (ангелъ) и говоритъ, что французы просятъ помощи, потому что имъ угрожаетъ опасность. «Э, они сами храбры, отвѣчаетъ Господь, нечего имъ помогать». Черезъ нѣсколько времени является другой просить помочь англичанамъ. «Что ты! Народъ умный, сами сумѣютъ все сдѣлать, нечего хлопотать о нихъ». Третій приходитъ просить за турокъ. «Ну, какъ-нибудь обойдутся и эти, у нихъ же союзники хорошіе». Прибѣгаетъ, наконецъ, четвертый ангелъ и умоляетъ помочь русскимъ... «Ахъ, этимъ дуракамъ-то надо помочь, восклицаетъ тогда Саваоѳъ, безъ меня, вѣдь, рѣшительно ничего не сумѣютъ сдѣлать»...

На этотъ разъ кончимъ наши анекдоты, а со временемъ, можетъ быть, еще поговоримъ о князѣ Меншиковѣ. . . . . .

---

[1]) А. С. Норовъ былъ съ деревянной ногой.

23. „Твое-ль Провидѣнье святое“.
24. Риѳмачамъ-патріотамъ.
25. Слово за Клейнмихеля.

Всѣ эти стихотворенія принадлежатъ Добролюбову, какъ видно изъ его собственной записи въ дневникѣ 1856 года, и относятся къ второй половинѣ 1855 года. Въ свое время они очень широко были распространены въ массѣ списковъ, что свидѣтельствуетъ и Шемановскій, но ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до насъ. Справки мои у современниковъ тоже не дали возможности установить текстъ стиховъ. Весьма вѣроятно, что все это было помѣщено въ № 11 «Слуховъ» (см. замѣтку въ № 12).

М. Л.

26. Служебное грабительство.

Помѣщено въ № 12 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12 и 14).

М. Л.

Продажность чиновниковъ и всѣхъ вообще должностныхъ людей въ Россіи давно уже обращала на себя вниманіе умныхъ русскихъ, нѣкоторыхъ изъ государей и даже всей просвѣщенной Европы, которая, мало зная внутреннюю жизнь Россіи, оказывается необыкновенно подробно и вѣрно извѣщенной насчетъ этого предмета. Но нужно признаться, что еще никогда служебное грабительство не было развито столь въ обширныхъ размѣрахъ, не было приведено въ такую стройную систему, какъ въ послѣднее время незабвеннаго царствованія Николая Павловича. Мы могли бы привести сотни поразительныхъ примѣровъ, но думаемъ, что лучше будетъ представить ихъ впослѣдствіи въ нѣкоторой системѣ и для того просимъ читателей припомнить то, что случалось имъ видѣть иля слышать объ этомъ, и сообщить въ Редакцію. Тогда это дѣло будетъ обработано, смѣемъ увѣрить, con amore. Теперь разскажемъ только кое-какіе слухи о происшествіяхъ недавняго времени.

Подумавши о воровствѣ, нельзя не вспомнить К — ля, а вспомнивши его, всегда найдешь обильный матеріалъ хоть для цѣлаго тома. Скажемъ кстати объ обстоятельствахъ его увольненія. Онъ теперь выѣхалъ изъ казеннаго дома, въ которомъ жилъ, и не могъ не оставить въ немъ, разумѣется, слѣдовъ своего пребыванія: въ торопяхъ во время перевозки онъ захватилъ казенныя зеркала и часть мебели... Передъ концомъ маленькія дѣти К — ля обратились къ экзекутору, который доставлялъ для нихъ бумагу, перья и чернила, и просили его доставить имъ въ послѣдній разъ всего этого побольше, потому что, говорили они, «мы уже теперь получили отставку». Экзекуторъ прислалъ имъ всего, но чернилъ только маленькую бутылочку. Графиня К—ль была этимъ весьма недовольна и спросила, отчего чернилъ такъ мало. Ей сказали, что вѣдь нельзя много держать чернилъ, они скоро засохнутъ и заплеснѣвѣютъ. «О, нѣтъ, отвѣчала она, я велю ихъ въ сырое мѣсто поставить»...

Говорятъ, что когда Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ Крымъ, тогда всѣмъ главнымъ смотрителямъ дорогъ, которые обязаны были и строить и поддерживать ихъ, приказано было Клейнмихелемъ всячески уклоняться отъ встрѣчи съ царемъ. И, дѣйствительно, когда онъ въ одномъ мѣстѣ потребовалъ къ себѣ путейскаго полковника, сказали, что онъ уѣхалъ въ другой городъ, лежащій впереди на пути царя, но тамъ его опять не оказалось; послали туда, гдѣ онъ долженъ былъ находиться по извѣстіямъ—но и тамъ не нашли. Такъ и не на комъ было взыскать за дороги... Спасибо, что Александръ догадался и обратился къ тому, отъ кого все это происходило...

Разсказываютъ весьма оригинальный способъ, посредствомъ котораго гг. путейцы

обдѣлывали возлагаемыя на нихъ порученія. Напр., однажды предположено было выстроить мостъ черезъ какую-то рѣку. Составлена смѣта, выданы деньги, наряжена комиссія, отправлены офицеры для осмотра мѣстности. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; отъ нихъ ни привѣта, ни отвѣта. Наконецъ, губернское начальство пишетъ къ кому слѣдуетъ, что нужно сдѣлать мостъ и что офицеры ничего не дѣлаютъ. Черезъ нѣсколько времени, не такъ скоро, однако жъ, присылаютъ имъ запросъ, что же они дѣлаютъ? Они отвѣчаютъ, что еще соображаютъ мѣстность... Опять нѣсколько мѣсяцевъ проходитъ; деньги тратятся, моста нѣтъ. Жалобы, запросъ, переписка. Наконецъ, оказывается страшный недочетъ въ суммахъ, и офицеры, посланные строить мостъ, доносятъ, въ заключеніе своихъ темныхъ подвиговъ, что мостъ строить пока еще нельзя, «ибо до сихъ поръ по рѣкѣ удобнаго мѣста для этого не найдено». Такъ и нѣтъ моста до сихъ поръ.

А ужъ и построятъ, такъ хорошо. Во Владимірѣ погибла недавно куча народу, потому что новопостроенный мостъ не сдержалъ массы въ крестномъ ходѣ и подломился. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ прошедшемъ году обвалилась одна стѣна императорскаго театра, когда его уже достраивали. Тамъ же построенъ женскій институтъ на мѣстѣ, гдѣ протекалъ какой-то ручей, лужа, болото, словомъ, была какая-то вода. Подрядчики умные говорили, что нужно отвести воду посредствомъ трубъ, и, дѣйствительно, въ смѣтѣ была показана довольно почтенная суммма на этотъ предметъ, но въ самомъ дѣлѣ-то—вода размываетъ да размываетъ грунтъ подъ зданіемъ, и теперь страшно боятся всѣ, что не сейчасъ, такъ черезъ годъ, черезъ два, черезъ пять—домъ упадетъ.

Такихъ примѣровъ не только не описать всѣхъ, но даже и не прочесть, и не только не прочесть, не перечесть. Приведемъ вмѣсто ихъ четверостишіе, которое можетъ служить заключеніемъ къ стихотвореніямъ, представленнымъ нами въ предыдущемъ номерѣ.

«Благодаримъ Тебя, Творецъ!
К - ля не стало!
Ворамъ, мошенникамъ конецъ,
Дорогамъ же—начало!

И дай Богъ, чтобъ было начало хоть теперь.

Поѣздка Александра Николаевича въ Крымъ раскрыла многое. Корфъ—генералъ разжалованъ въ солдаты, человѣкъ 8 мошенниковъ изъ высшаго ранга разстрѣляны, много другихъ присланы въ Петропавловскую крѣпость или разжалованы. Иначе и не слѣдовало поступать съ ними, и даже думаемъ, что мало ихъ наказаніе, когда слышишь, напримѣръ, слѣдующія вещи.

Давно уже говорили, что, несмотря на обиліе пожертвованій, при взятіи Севастополя нашихъ раненыхъ перевязывали сѣномъ, вмѣсто корпіи... Это, конечно, варварство, но въ этомъ случаѣ извинялись множествомъ раненыхъ, поспѣшностью, недостаткомъ свѣжей корпіи и т. п. Но вотъ что случилось въ Николаевѣ. Александръ Николаевичъ обходилъ лазаретъ; видитъ одного солдата, ворочающагося въ страшныхъ терзаніяхъ... Подходитъ. «Что съ тобой?» «Рука, ваше величество». «Что же у тебя? Кость переломлена?» «Нѣтъ, кажется, легко и раненъ, ваше величество, а мучитъ страшно, терпѣнья нѣтъ». «Сними перевязку». Снимаетъ, и царь видитъ, что рана его перевязана какимъ-то лоскуткомъ сукна... Тотчасъ фельдшера, доктора—никто ничего не знаетъ. «Гдѣ-жъ корпія?» «Нѣтъ ея». «Гдѣ смотритель магазина?». «Нѣтъ его». «Гдѣ ключи отъ магазина?» «У смотрителя». Дѣлать нечего, царь велѣлъ выломать двери и нашелъ въ магазинѣ цѣлые тюки корпіи и другихъ принадлежностей, уложенные и подписанные, что они слѣдуютъ къ отправленію на такую-то бумажную фабрику...

---

27. Министерство народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Помѣщено въ №№ 13 и 14 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12). Для характеристики министра Норова, попечителей Назимова и Мусина-Пушкина статья эта, несомнѣнно, имѣетъ цѣнность чисто фактическаго характера: факты, въ ней изложенные, вполнѣ гармонируютъ съ личностями, которымъ посвящены. **М. Л.**

Военный деспотизмъ... проникъ и въ министерство народнаго просвѣщенія, которое, повидимому, должно бы быть самымъ мудрымъ министерствомъ. Извѣстно, что настоящій министръ безъ ноги; слухи носятся, что онъ, ... и безъ головы. Въ прежнія времена, можетъ быть, онъ и имѣлъ ее, но теперь къ чему голова. . . . . Можно судить объ умственномъ развитіи его по слѣдующей рѣчи, произнесенной имъ 20 іюня 1855 года къ окончившимъ курсъ студентамъ Главнаго Педагогическаго Института. «Я весьма радъ, господа, вашимъ успѣхамъ и никогда не забуду васъ. Могу вамъ обѣщать, что вы найдете въ министерствѣ народнаго просвѣщенія всегдашнее поощреніе и предстательство передъ государемъ императоромъ за всѣ полезные труды ваши, направленные ко благу нашей православной церкви, къ поддержанію престола и... въ *ефтомъ* я увѣренъ...» Заключеніе показываетъ, что краснорѣчіе министра истощилось все до конца въ приведенныхъ словахъ, и онъ, напрасно поискавши внутри себя еще хоть одной мысли, не нашелъ ничего и могъ только прибавить (непонятно, къ чему): «и въ *ефтомъ* я увѣренъ». *Ефтотъ* или *естотъ*—обыкновенный способъ выраженія министра вмѣсто этотъ.

Но еще интереснѣе посмотрѣть на попечителей учебныхъ округовъ. Ихъ глупость вошла уже въ пословицу. Сегодня мы займемся только петербургскимъ и московскимъ попечителями и разскажемъ анекдоты, которые ходятъ на ихъ счетъ. Читатели сами отличатъ, что въ этихъ слухахъ справедливо и что вымышлено или преувеличено.

Московскій попечитель Назимовъ служитъ предметомъ анекдотовъ, доказывающихъ неимовѣрную глупость его и совершенное невѣжество въ дѣлѣ науки. Вотъ примѣры.

Былъ въ московскомъ университетѣ экзаменъ изъ медицины. Попечитель присутствовалъ на экзаменѣ, ничего не понимая. Смѣтливые люди обыкновенно хранятъ молчаніе при этакихъ случаяхъ, но Назимова не достало и на это. По поводу какого-то медицинскаго факта онъ вдругъ спросилъ, можно ли жить безъ головы? Студентъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Назимовъ доказывалъ, что можно, ссылаясь на какого-то доктора и на собственный опытъ. Студентъ опровергалъ его замѣчанія теоретически. Назимовъ разсердился...—«Да я же вамъ говорю, что это такъ!»—закричалъ онъ въ сердцахъ. Студентъ опять хотѣлъ возражать, но профессоръ остановилъ его. «Можете ли вы сомнѣваться, сказалъ онъ, когда его превосходительство, собственнымъ опытомъ узнавши эту истину, доказываетъ вамъ ее своей особой». Попечитель не понялъ сарказма.

Въ другой разъ случилось ему осматривать университетъ. Все здѣсь найдено было въ совершенномъ порядкѣ, и попечитель доволенъ былъ всѣмъ попекаемымъ. Но когда онъ вошелъ въ библіотеку, вдругъ душа его была возмущена, онъ разразился страшнымъ гнѣвомъ. «Что это у васъ за безпорядки въ библіотекѣ!»—закричалъ онъ. «Для чего изъ каждаго шкафа вытащено по нѣсколько книгъ? Вѣдь это безобразіе, гадость, безпорядокъ!» «Да студенты требуютъ книги читать»—отвѣчаютъ ему. «Такъ что же, что требуютъ! Развѣ нельзя соблюдать порядокъ при выдачѣ книгъ! Ну начали бы съ краю и выдавали бы по порядку. Одинъ шкафъ очищенъ, ну тогда за другой принимайтесь. А то изъ каждаго понемножку. Да тутъ и толку никакого не доберешься. Впередъ чтобъ этого не было!..»

Въ другой разъ, осматривая университетъ, онъ приведенъ былъ въ отдѣленіе, гдѣ находился гербарій. Узнавши, что это гербарій, Назимовъ попросилъ показать ему гербъ Тверской губерніи...

Еще однажды, осматривая университетъ, онъ нашелъ вновь поставленную группу Аполлона и девяти музъ: четыре были съ одной стороны Аполлона, а съ другой пять. Увидавъ это, попечитель разгнѣвался на отсутствіе симметріи. «Кто это такъ глупо распорядился! — кричалъ онъ. Понятія не имѣютъ объ искусствѣ. Можно ли ставить фигуры такъ несимметрично. Или бы съ обѣихъ сторонъ по четыре, или ужъ если по пяти, то по пяти бы съ обѣихъ сторонъ опять...» «Да музъ только девять»—возразили ему. «Такъ что-жъ, что девять! А нельзя развѣ было заказать десятую?..»

Право, это напоминаетъ римлянъ временъ Марцелла!..

Иногда, впрочемъ, попечитель московскій бываетъ очень замысловатъ. Напримѣръ, однажды онъ получилъ секретное предписаніе, но самъ въ то время былъ боленъ глазами и не могъ читать. Какъ же узнать содержаніе предписанія, безъ посредства другихъ? Онъ ухитрился... Послѣ долгихъ соображеній, позвалъ, наконецъ, своего секретаря, завязалъ ему уши и велѣлъ читать. Секретарь прочелъ такъ, что Назимовъ слышалъ содержаніе предписанія, а самъ онъ не слыхалъ, такъ какъ уши у него были завязаны...

Вы этому не вѣрите? Пожалуй, не вѣрьте: Назимовъ отъ этого, все-таки ничуть не меньше глупъ...

Мусинъ-Пушкинъ нѣсколько въ другомъ родѣ. Этотъ отличается своею спесью и грубостью. Оттого и анекдоты о немъ имѣютъ нѣсколько иной характеръ. Понимая науку не лучше Назимова, онъ былъ наверху счастья, когда, наконецъ, нашелъ себѣ дѣло въ университетѣ при введеніи тамъ маршировки. И вотъ является на ученье. Студенты выстроились, начинаютъ шагать, по командѣ поднимая всѣ правыя ноги. Вдругъ попечитель видитъ, что одинъ несчастный поднялъ и лѣвую ногу: ему такъ и показалось, что это одинъ человѣкъ поднялъ и правую и лѣвую, потому что при этомъ, естественно, промежутокъ, назначенный для лѣвой ноги во всей шеренгѣ, былъ пополненъ. Ничего не думая, кромѣ того, что такимъ образомъ нарушенъ порядокъ, Пушкинъ кричитъ въ гнѣвѣ: «эй, ты, ты, кто тамъ это обѣ ноги вдругъ поднимаетъ!? Вотъ я тебя...» Можно представить, какой эффектъ произвело подобное воззваніе на студентовъ...

Впрочемъ, читатели стоятъ того, чтобъ на этомъ остановиться сегодня и тѣмъ наказать ихъ за равнодушіе къ нашимъ слухамъ. Кончимъ когда-нибудь.

Сообщая, по обѣщанію нашему, еще нѣсколько анекдотовъ о разныхъ служителяхъ Минервы въ Россіи, возвращаемся на минуту опять къ московскому попечителю Назимову, чтобы разсказать о немъ еще одинъ анекдотъ, изъ котораго можно видѣть, къ какой породѣ существъ причисляетъ себя почтенный сей человѣкъ.

Въ университетѣ была свободною каѳедра ветеринарной полиціи. Нѣсколько спеціалистовъ хотѣло занять ее, но Назимовъ непремѣнно хотѣлъ опредѣлить сюда своего домашняго доктора, который тоже искалъ этого мѣста. Ректоръ университета не могъ противиться, но спросилъ попечителя, можетъ ли этотъ докторъ хорошо знать и преподавать ветеринарную полицію. «Помилуйте, какже не можетъ, когда онъ постоянно лѣчитъ меня и все мое семейство» — отвѣчалъ Назимовъ съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

О Мусинѣ-Пушкинѣ можемъ сообщить вотъ какія, напримѣръ, совершенно достовѣрныя свѣдѣнія. Онъ былъ однажды въ университетѣ на экзаменѣ. Экзаменъ производился по предмету русской словесности. Студентъ отвѣчалъ о дѣятеляхъ русскаго историческаго знанія и, разумѣется, во главѣ всѣхъ поставилъ Карамзина и много распространился о достоинствахъ его исторіи. Мусину-Пушкину наскучило слушать это изложеніе, въ которомъ онъ ничего не понималъ, и онъ спросилъ студента: «а какія другія заслуги Карамзина?» Студентъ сталъ опять говорить о заслугахъ Карамзина для исторіи, но попечитель прервалъ его и возгласилъ: «нѣтъ, нѣтъ, въ другихъ сочиненіяхъ, не въ исторіи?» Студентъ принялся говорить о журнальной и критической дѣятельности Карамзина. «Нѣтъ, нѣтъ, это все пустяки! — кричитъ Мусинъ, другое...» Не зная, что дѣлать, бѣднякъ принимается толковать о «Письмахъ русскаго путешественника». «Да нѣтъ, нѣтъ! — прерываетъ въ гнѣвѣ попечитель, ты ничего не знаешь! Да и чему вы ихъ здѣсь учите? Что онъ тутъ такое наговорилъ? А самаго главнаго-то и не знаетъ. Что это за студентъ? Не знаетъ «Бѣдной Лизы»,—лучшаго сочиненія Карамзина, красоты нашей *науки!*»... И это мнимое невѣжество до того растерзало чувствительное сердце поклонника «Бѣдной Лизы», что онъ никакъ не согласился поставить студенту полнаго балла, несмотря на превосходный отвѣтъ и настоянія профессоровъ.

На другомъ экзаменѣ изъ исторіи произошло вотъ что. Студентъ, говоря объ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ, сказалъ, что новгородцы, хотя и признали, наконецъ, покровительство великаго князя, но до Іоанна IV все еще часто возставали и бунтовали. «Какъ! — воскликнулъ Мусинъ-Пушкинъ, вскипѣвъ вѣрноподданнической яростью, — какъ! развѣ подданные смѣютъ бунтовать противъ своего законнаго государя?! Да развѣ бывали когда-нибудь въ Россіи бунты?! И кто это внушаетъ вамъ такія идеи!? Можете вы думать о возмущеніяхъ?! Да знаешь ли, что я тебя за одно это слово выгоню изъ университета!» Профессоръ попытался представить ему, что вѣдь новгородцы были вольница, какъ извѣстно... «Что новгородцы! новгородцы были дураки, и намъ ихъ глупостей повторять не слѣдуетъ!»—заключилъ блюститель умной тишины...

Разсказываютъ, что въ прежнія времена попечитель бывалъ и на диспутахъ ученыхъ. Вотъ, однажды, держалъ одинъ господинъ экзаменъ на степень магистра классической филологіи. Диссертація была на латинскомъ языкѣ. Защищалъ онъ ее тоже полатыни. Но дѣло шло чрезвычайно плохо, онъ былъ сбитъ своими оппонентами на всѣхъ пунктахъ и едва-едва могъ отдѣлываться общими фразами да повтореніями нѣкоторыхъ мѣстъ своей диссертаціи. Уже хотѣли совсѣмъ прогнать его съ каѳедры, какъ вдругъ Мусинъ-Пушкинъ, все это время слушавшій съ глубокимъ вниманіемъ и, наконецъ, утомленный этимъ непривычнымъ для него процессомъ, встаетъ и стук-

нувъ, палкой о полъ, говоритъ весьма рѣшительно: «достоинъ степени магистра!» Потомъ, понизивъ голосъ, говоритъ декану: «онъ, вѣрно, большой знатокъ въ древнихъ языкахъ; смотрите, больше часа онъ все говоритъ и все по-латыни, все по-латыни. Видно, что молодецъ». ...И вѣдь дали этому молодцу степень магистра.

А вотъ какъ просвѣщенный попечитель смотритъ на преподаваніе вообще. Разъ ему представляется учитель, вновь опредѣленный въ одну изъ петербургскихъ гимназій. Желая выказать свою дѣятельность, попечитель назначаетъ ему срокъ, когда онъ долженъ явиться въ гимназію, и говоритъ, что онъ самъ введетъ его въ классъ. Въ назначенный срокъ учитель является, пріѣзжаетъ и попечитель. Оба идутъ въ классъ въ сопровожденіи директора и инспектора гимназіи. Входятъ. Учитель ждетъ, что скажетъ попечитель, тотъ смотритъ на него. Учитель конфузится, попечитель молча садится на свое мѣсто. Учитель не знаетъ, что ему дѣлать, и жалобно посматриваетъ вокругъ. «Что-жъ ты сталъ!—кричитъ вдругъ Мусинъ. Что я на твою рожу что ли пришелъ смотрѣть сюда?! Что жъ ты! Спрашивай ихъ, я хочу слушать!» Такого рода оригинальное представленіе учителя ученикамъ, конечно, озадачило всѣхъ. Ученики не были приготовлены, учитель не зналъ, что спросить даже, и просвѣщенный попечитель въ ярости уѣхалъ изъ гимназіи. Тѣмъ представленіе и ограничилось.

Недавно также зашелъ онъ во 2-ю гимназію и попалъ на классъ естественной исторіи. Учитель что-то объяснялъ, и при попечителѣ спокойно продолжалъ разсказывать. Одинъ изъ гимназистовъ записывалъ. Пушкинъ пришелъ въ бѣшенство при этомъ и тотчасъ напалъ на учителя.

«Какъ ты смѣешь говорить тутъ отъ себя? Кто тебѣ позволилъ? Да почему знать, что ты говоришь! Ты, можетъ быть, проповѣдуешь имъ безнравственность, ересь, бунтъ! Никогда впередъ не смѣй позволять себѣ этого! Да и къ чему? Вѣдь есть у нихъ книга; начальствомъ признана, стало быть, хорошая книга. Пусть же по ней и учатся. Чего имъ еще!» И на другой день это было подтверждено письменнымъ приказаніемъ.

---

28. . . . . .

Напечатано въ № 15 «Слуховъ» (см. замѣтку къ № 12). По условіямъ цензурнымъ, статья здѣсь приведена быть не можетъ, а между тѣмъ для характеристики Добролюбова очень важна.

М. Л.

---

29. Слухи о современной войнѣ.

Помѣщено въ № 17 «Слуховъ» (см. замѣтки къ №№ 12 и 14).

М. Л.

Въ газетахъ видимъ, какъ непріятели восхваляютъ русскую храбрость и инженерное искусство; по слухамъ знаемъ факты, нѣсколько этому противорѣчащіе. Напр., сказываютъ воротившіеся офицеры изъ Крыма, что непріятели совсѣмъ не берутъ на полѣ брошенныхъ, послѣ битвы, русскихъ ружей и орудій, потому что они никуда не годятся. Соберутъ въ кучу, посмотрятъ, иногда выберутъ изъ сотни одно, а остальное переломаютъ. Пушки наши до того плохи, что нерѣдко разрываются послѣ перваго выстрѣла; иногда оказывается, что не находятъ ядеръ такого калибра, какой нуженъ для пушки, потому что пушки эти остаются еще тѣ же, которыя въ оныя времена были отняты у шведа. Бываютъ и такого рода обстоятельства, какъ разсказывалъ одинъ солдатъ, шедшій изъ Финляндіи. Его спрашивали: видѣлъ непріятеля? Подходилъ онъ къ вашему городу?» «Какъ же, подходилъ и стрѣлялъ въ городъ, много строеній пожегъ». «Ну, а что же съ крѣ-

пости отвѣчали ему? Стрѣляли?». «Нѣтъ, мы не стрѣляли». «Отчего же?». «Да въ то время только что пушки новыя были поставлены, генералъ еще не смотрѣлъ ихъ, такъ капитанъ не смѣлъ начать палить безъ него. А генерала-то не было тутъ»... Неправда ли, что это простодушное объясненіе стоитъ тѣхъ глубокомысленныхъ выраженій преданности царю и отечеству, которыя иногда заставляютъ говорить въ нашихъ газетахъ.

Разсказываютъ, что когда Александръ Николаевичъ былъ въ Николаевѣ, онъ замѣтилъ тамъ одну батарею, построенную совершенно не на мѣстѣ, и, повидимому, безъ всякой цѣли. Онъ спросилъ объясненій, для чего это сдѣлано. Никто не могъ ему сказать изъ окружающихъ. Онъ велѣлъ справиться и донести ему и, если не будетъ найдено особыхъ причинъ для сохраненія батареи, то уничтожить ее. Навели справки и оказалось, что батарея построена именно тутъ по непосредственному повелѣнію государя Николая Павловича, который, какъ извѣстно, считалъ себя великимъ инженеромъ. Александру постарались донести объ этомъ стороной, неофиціально, и онъ приказалъ оставить батарею въ память незабвеннаго его родителя. А тамъ, гдѣ необходимо, у насъ пушекъ нѣтъ...

Содержаніе нашихъ войскъ достаточно характеризуется слѣдующимъ разсказомъ. Константинъ Николаевичъ вошелъ въ Николаевскій госпиталь и вдругъ замѣтилъ, что въ немъ нѣтъ и половины того числа больныхъ, какое поставлено въ подданномъ ему спискѣ. Онъ замѣтилъ это сопровождавшему его смотрителю госпиталя, но его увѣрили, что тутъ всѣ. Разумѣется, онъ пересчитывать не могъ. По проходѣ обратно, онъ опять выразилъ свое удивленіе, что тутъ мало больныхъ. При выходѣ, солдатъ, подавая ему шинель, шепнулъ: «въ подвалѣ остальные, ваше высочество». Не подавъ виду, что слышитъ замѣчаніе, Константинъ Николаевичъ пошелъ изъ госпиталя и по дорогѣ распрашивалъ, куда какая дверь ведетъ. Наконецъ, противъ одной двери ему сказали, что это ходъ въ подвалъ. Онъ прошелъ туда и нашелъ множество больныхъ въ темнотѣ, смрадѣ, сырости безъ перевязокъ, безъ пособій. Стоны раздавались въ разныхъ углахъ; многіе испытывали предсмертныя мученія, не облегченныя даже каплей воды; трупы лежали рядомъ съ живыми, и все это были защитники отечества, въ пользу которыхъ учреждаются у насъ и спектакли, и гулянья, и балы, и лотереи, въ пользу которыхъ жертвуются сотни тысячъ и милліоны, о которыхъ служатъ молебны въ церквахъ.

Все это наводитъ на грустныя мысли, и мы думаемъ, что можемъ заключить этотъ номеръ, представивши стихи г. Будимова, въ которыхъ выражена эта противоположность между газетными возгласами и офиціальными отчетами и между дѣйствительностью русской жизни. Вотъ эти стихи.

---

30. Газетная Россія.

Непосредственно вслѣдъ за № 29 помѣщено и данное стихотвореніе. Въ дневникѣ 1856 г. Добролюбовъ самъ приписываетъ его себѣ. Оно вполнѣ можетъ подтвердить мое мнѣніе, высказанное въ замѣткѣ къ № 5, о талантѣ Добролюбова, какъ политическаго поэта. Такая сила, легкость формы и конструкція произведенія не могутъ быть вымученными, разсудочными. Вся фальшь нашей жизни, все глубокое несоотвѣтствіе ея офиціальной сторонѣ, вся разница между «быть» и «казаться»—все это прекрасно выражено поэтомъ. Очень понятно, что такія стихотворенія должны были пользоваться широкимъ распространеніемъ въ обществѣ, выраженіемъ мнѣнія котораго они и являлись. М. Л.

Читалъ я русскія газеты,
Въ нихъ современныя стихи
И философскіе отвѣты
Солдатъ, лишь взятыхъ отъ сохи.
Читалъ я перечень подробный
Различныхъ жертвъ, различныхъ лицъ;
Читалъ разборъ я безподобный
На Русь взнесенныхъ небылицъ;
Читалъ отчеты министерства
И донесенія вождей,
Примѣры англійскаго звѣрства
И русскихъ рядъ богатырей;
Читалъ о ходѣ просвѣщенія,
Торговли, фабрикъ, промысловъ,
О размноженьи населенья,
О безкорыстіи судовъ,
Шоссе, дорогахъ и каналахъ,
О благоденствіи крестьянъ.

О нашихъ дивныхъ генералахъ,
О чувствахъ доблестныхъ дворянъ,
Какъ Русь велика и богата,
И какъ порядка много въ ней;
Какъ честь и правду чтимъ мы свято,
Какъ любитъ Русь . . . . . .
Читалъ и думалъ: Боже правый!
Какъ Русь велика и сильна!
Навѣрно въ свѣтѣ нѣтъ державы,
Такой блаженной, какъ она!

И *зрѣлъ* я Русь на полѣ брани
Въ позорномъ бѣгствѣ отъ враговъ,
Среди проклятій и рыданій
Въ рекрутской сдачѣ мужиковъ,
Въ гримасахъ кислыхъ при *приказахъ*
О *вольныхъ* жертвахъ для солдатъ
И въ смѣхѣ зломъ при пошлыхъ
фразахъ,
Что бой нашъ праведенъ и святъ.
И въ томъ, что наши воеводы
Умѣли тамъ набить карманъ,
Гдѣ гибли тысячи народа
Отъ перевязки сѣномъ ранъ..
Я видѣлъ въ Руси сводъ законовъ,
Водимый прихотью судей,
Я слышалъ стоны милліоновъ
И вопль обиженныхъ семей.
Видалъ я дряхлыхъ инвалидовъ,
Судить посаженныхъ въ сенатъ,
Видалъ я, какъ, для . . . . . видовъ,
Синодомъ управлялъ солдатъ,
Видалъ насильства архиереевъ,
Развратъ и пьянство у поповъ,
Видалъ я школы для лакеевъ
И государственныхъ воровъ,
Видалъ несчастья и обвалы
Казенныхъ зданій и мостовъ
И баръ блистательные балы
На счетъ обѣда ихъ рабовъ...
Видалъ я мерзости придворныхъ
И преступленье въ блескѣ звѣздъ
И поруганье дѣвъ покорныхъ
Черезъ . . . . . подъѣздъ,
Видалъ главами просвѣщенья
Солдатъ и мерзостныхъ ханжей,
Цензуры тяжкое давленье
. . . . . .
Видалъ поэтовъ запрещенныхъ
Съ стихомъ правдивымъ на устахъ,
Въ тюрьмахъ живыми схороненныхъ
Или гніющихъ въ рудникахъ...
И я поникъ душой смятенной
И думалъ: Русь, какъ ты грустна!
Ужель еще есть во вселенной
Такая жалкая страна!!

---

31. Передъ дворцомъ.
32. 18 февраля 1856 года.
33-а. 17 апрѣля 1856 года.

На всѣ указано самимъ Добролюбовымъ какъ на свои собственныя, въ дневникѣ 1856 года. Текстъ неизвѣстенъ. 18 февраля 1856 года—годовщина смерти Николая I. 17 апрѣля—день рожденія Александра II.

М. Л.

33-б. Очеркъ направленія іезуитскаго ордена, особенно въ приложеніи къ воспитанію и обученію юношества.

Найдено мною въ рукописяхъ Добролюбова, хранящихся въ Литературномъ Фондѣ. Книга Модестова, на которую ссылается авторъ, вышла во второй половинѣ 1855 г.; по всей вѣроятности, статья написана въ началѣ 1856 года. Написана она такъ искусно, что всякій, не знакомый съ авторомъ по предыдущимъ сочиненіямъ, можетъ счесть ее совершенно искренней и серьезной. Но, разумѣется, достаточно перечитать все, написанное Н. А. раньше, чтобы увидѣть, что это очень тонкая иронія, необходимыя для того, чтобы подъ видомъ внѣшняго одобренія предмета статьи, вы-

нести ему очень суровое порицаніе. Это—проба пера, потомъ неоднократно дававшаго построенныя такимъ образомъ статьи и рецензіи. Очевидно, рѣчь идетъ объ іезуитской системѣ воспитанія, культивировавшейся въ Педагогическомъ Институтѣ директоромъ его, И. И. Давыдовымъ. Обозленный Добролюбовъ (см. біографію) написалъ такое сочиненіе, которое формально имѣлъ право открыто пустить въ обращеніе среди товарищей студентовъ для осмѣянія ненавистнаго имъ «Ваньки».

М. Л.

Іезуитская недобросовѣстность повсюду вошла въ пословицу; имя іезуита сдѣлалось почти синонимомъ названія мошенника. Противъ нихъ гремѣли всенародныя проклятія, устраивались тайныя интриги, издавались папскія буллы, предпринимались полицейскія мѣры, распространялись памфлеты, сочинялись сотни дискурсовъ, писемъ, мемуаровъ—съ бездною ученыхъ цитатъ и соображеній, съ глубиною истиннаго благочестія и съ негодованіемъ оскорбленной нравственности. На нихъ возставали и монахи, и свѣтскіе—и православные, и протестанты, и католики,—и короли, и республиканцы... Разобрали по ниточкѣ всю хитросплетенную сѣть ихъ ученія, вывели ихъ на свѣжую воду и въ романахъ, имѣвшихъ десятки изданій и переведенныхъ едва ли не на всѣ европейскіе языки, и въ драмахъ, возбуждавшихъ неистовство публики, и въ публичныхъ лекціяхъ, за которыя брались самые отличные люди ученой Европы, одни изъ передовыхъ двигателей мысли и науки, какъ, напр., Мишле... И все это понапрасну... Іезуиты до сихъ поръ здравствуютъ, пропагандируютъ, какъ нельзя лучше, забираютъ въ свои руки будущее поколѣніе нѣкоторыхъ странъ западной Европы, и—вѣчно измѣняющіеся, но вѣчно—тѣ же, являются безпрестанно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никто и не расположенъ подозрѣвать ихъ присутствіе. Что же бы это значило? Неужели народы Европы такъ глупы, что послѣ всѣхъ указаній, послѣ всѣхъ обличеній, обращенныхъ на іезуитовъ даровитѣйшими людьми всѣхъ временъ новой европейской исторіи,—все еще не могутъ понять этого мрачнаго, вреднаго, безнравственнаго ордена?.. Неужели цѣлыя массы, жаждущія благочестія и просвѣщенія, такъ мало о немъ размышляютъ, что готовы поддаться первому обольстительному слову іезуита, не обращая вниманія на всѣ ужасы, какіе разсказываютъ объ этомъ орденѣ? Въ такомъ случаѣ Европа нынѣшняго времени стояла бы ниже, нежели наши дворянчики прошедшаго вѣка, ввѣрявшіе образованіе своихъ дѣтей французскимъ кучерамъ и солдатамъ,—не въ состояніи будучи противиться обаянію французскаго діалекта... Нѣтъ, вѣрно, есть у іезуитовъ что-нибудь такое, что неотразмо влечетъ къ нимъ; вѣрно, есть у нихъ средства болѣе сильныя, чѣмъ обманъ и притворство; вѣрно, ихъ убѣжденія сильнѣе, чѣмъ всѣ памфлеты и разглагольствованія ученыя и романтическія, направленныя противъ нихъ; словомъ, несмотря на все дурное, что старались приписать имъ, вѣрно, у нихъ много есть и хорошаго и даже, вѣроятно, такъ много, что всѣ охотно прощаютъ за него все, что кажется дурнымъ у іезуитовъ, и охотно забываютъ о существованіи этого дурного...

Написавши эти строки, я самъ въ первую минуту испугался ихъ смысла... Какъ! искать хорошаго у іезуитовъ? Оправдывать лицемѣріе, безнравственность, подлость, словомъ—іезуитство?.. Брать на себя защиту людей, торжественно изобличенныхъ Паскалемъ, разбитыхъ въ пухъ и прахъ Эдгаромъ Кине и Мишле, выгнанныхъ отовсюду, оставленныхъ и обвиненныхъ самимъ папою?.. Правда, это страшная дерзость; но она находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ фактахъ, которыхъ существованіе необходимо должно навести насъ на соображенія, болѣе спокойныя и примирительныя. Если уже признано, что практически нельзя идти противъ исторіи, нельзя остановить естественнаго хода событій, то зачѣмъ же возставать и въ теоріи противъ историческихъ фактовъ? Къ чему безплодные крики, безтолковая брань, ретроградная реакція тому, что уже совершилось и принесло свои плоды? Изученіе предмета, наблюденіе явленія, объясненіе факта—вотъ задачи, которыми ограничиваютъ себя науки точныя, и пора всѣмъ наукамъ, по ихъ примѣру, постараться, наконецъ, о точности въ своихъ положеніяхъ. Тогда будетъ у насъ и болѣе спокойствія въ разборѣ историческихъ явленій. Ботаникъ одинаково безстрастно изучаетъ и яблони, и крапиву, и какой-нибудь ядовитый грибъ; зоологъ съ равнымъ участіемъ разсматриваетъ организмъ человѣка, змѣи, лягушки—хотя, разумѣется, ни тотъ ни другой не ѣдятъ ядовитыхъ грибовъ, не играютъ съ змѣями и не предпочитаютъ крапивы яблокамъ... Подобное спокойствіе въ точкѣ зрѣнія ведетъ къ безпристрастному наблюденію и изученію предмета съ уча-

стіемъ, съ любовью. Если развитіе существа ненормально, скажемъ, что оно ненормально, уродливо, отличимъ хорошо развившуюся обезьяну отъ урода-человѣка: отъ этого обезьяна вообще не займетъ высшей ступени въ ряду существъ, и человѣкъ не унизится... Каждый останется при своемъ, такъ какъ каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и каждый имѣетъ свое неотъемлемое право на существованіе; но, все-таки, нельзя не сказать, что бываютъ дурные люди и превосходныя обезьяны... Скажемъ и мы свое спокойное мирное слово о людяхъ, столько разъ обруганныхъ и, все-таки, держащихся своихъ началъ, дѣйствующихъ все по одному и тому же направленію, стремящихся къ одной и той же цѣли,— неизмѣнно, непоколебимо, неутомимо. Постараемся безъ гнѣва и отвращенія разсмотрѣть этотъ нравственный организмъ съ цѣлью опредѣлить, какъ онъ развился изъ своихъ началъ, уродливо или нѣтъ. Вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться двумя путями— исторіей ордена и анализомъ его внутренняго устройства. Вопросъ историческій очень обширенъ и сложенъ, а потому я миную его, тѣмъ болѣе, что онъ довольно общеизвѣстенъ. На русскомъ языкѣ я знаю объ этомъ нѣсколько статей. Таковы: 1) «Исторія іезуитовъ» въ «Вѣстн. Европы», 1814 г., № 13—14, статья составляетъ извлеченіе изъ Робертсоновой исторіи Карла V. 2) «Исторія іезуитовъ», «Москов. Телегр.» за 1830 г., № 13—14, статья Гизара. 3) «Исторія іезуитовъ» въ «Отечест. Зап.» за 1844 г., № 1—2, статья Н. Ратынскаго, скомпилированная изъ нѣсколькихъ иностранныхъ книжекъ. 4) «Исторія паденія іезуитовъ въ XVIII в.», книжка, составленная В. Модестовымъ въ 1855 г. и имѣющая значеніе по нѣкоторымъ приложеніямъ, напечатаннымъ при ней.

Всѣ эти статьи написаны въ духѣ нерасположенія къ іезуитамъ, въ духѣ нетерпимости и негодованія. Онѣ мало могутъ раскрыть внутреннее существо іезуитскаго ордена, потому что смотрятъ почти всюду только на внѣшность фактовъ, не заботясь объ ихъ внутреннемъ смыслѣ. Лучше ихъ обширное сочиненіе Кретино-Жоли: «Histoire religieuse, politique et litteraire de la compagnie de Jésus, composie sur les documents inedits et authentiques». S. Crétineau-Joly, Paris, 1844—46 г.; 6 томовъ, составляющихъ болѣе 3 тыс. страницъ довольно сжатой печати. Это сочиненіе явилось въ то время, когда раздавались самые ожесточенные клики противъ іезуитовъ, когда Парижъ сбѣгался на лекціи Мишле и Кине, газеты проповѣдывали крестовый походъ противъ іезуитовъ, и набожные католики восхищались чудовищными мерзостями «Вѣчнаго жида». Направленіе книги Кретино-Жоли, написанной въ защиту іезуитовъ, естественно должно было принять нѣсколько полемическій характеръ; но нельзя не удивляться той умѣренности, кротости и спокойствію, съ которыми благочестивый аббатъ ратуетъ за свое дѣло. Онъ самъ не іезуитъ, но онъ имъ сочувствуетъ, и сочувствіе его высказывается прямо и правдиво. Книга его скоро достигла второго изданія, и въ предисловіи къ нему авторъ говоритъ, что много было шуму и брани въ журналахъ французскихъ по поводу направленія его книги, но никто ни разу не могъ упрекнуть автора въ искаженіи хоть одного факта іезуитской исторіи. Это, безспорно, самое полное и самое спокойное изложеніе исторіи іезуитскаго ордена, и я старался во многомъ держаться его относительно историческихъ данныхъ. Изъ другихъ сочиненій большимъ безпристрастіемъ отличается книга Вольфа: «Allgemeine geschichte der Jesuiten» 4 t., 1803. Другія же сочиненія (какъ, напр., Ломіе: «Résumé de l'histoire des Jésuites», Paris, 1826; Симона: «Les Jésuites anciens et nouveaux», Paris, 1832; Эллендорфа: «Neueste und vollständige Geschichte der Jesuiten», Lpy. 1845) написаны въ сильно полемическомъ духѣ, не говоря уже о памфлетическихъ мемуарахъ, тоже имѣвшихъ притязаніе на историческое значеніе. Одни ихъ заглавія могутъ показать степень ожесточенія писавшихъ, особенно въ соединеніи съ нѣкоторыми эпиграфами. Напр., 1) «Les Jésuites marchands, usuriers et usurpateurs», p. G... de N..., Paris, 1824. 2) Génin—«Les Jésuites et l'université», Paris, 1844—съ эпиграфомъ:

«O vos, qui cum Jesu itis,
«Non ite cum jesuitis!»

3) «Le Leroi à Mont-Rouge», diol. sot. 1827. съ эпиграфомъ:

«Prenez trente grains d'impudence,
«Quatre livres d'ambition,
«Quarante onces d'impatience,
«Six xilas de corruption,
«La bassesse d'un Lypocrete
«L'astuce de jeune beauté,
«Mettez les vertus de côté,
«Et vous fabriques un jésuite...

Отъ такихъ площадныхъ пріемовъ нельзя, конечно, и ожидать ничего хорошаго; тѣмъ менѣе можно искать въ подобныхъ произведеніяхъ безпристрастнаго изслѣдованія и хладнокровнаго сужденія о предметѣ. Поэтому я и не читалъ ихъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь и достать ихъ очень затруднительно: они всѣ почти запрещены въ Россіи. Чтобы провести свой взглядъ по всей исторіи іезуитскаго ордена, я представлю теперь самый краткій историческій очеркъ

развитія іезуитизма. Но, собственно, этотъ вопросъ для меня посторонній. Я намѣренъ обратить главное свое вниманіе на внутреннее устройство іезуитскаго ордена и, въ особенности, на ходъ у нихъ воспитательной и учебной части.

Игнатій Лойола (р. 1491 г.), основатель іезуитскаго ордена, подвергается различнымъ сужденіямъ историковъ, иногда очень легкомысленнымъ. Напримѣръ, Робертсонъ (t. III. p. 187) говоритъ, что «онъ былъ увлеченъ фанатизмомъ *или* властолюбіемъ и славолюбіемъ...» Это удивительное соединеніе противоположныхъ понятій о человѣкѣ... Или чистосердечный пламенный фанатикъ, или властолюбивый эгоистическій лицемѣръ—что-нибудь одно... Но Лойола никогда не былъ лицемѣромъ, да и едва ли возможно хроническое лицемѣріе въ продолженіе 20 (если считать отъ раны Игнатія при Пампелунѣ въ 1521 до утвержденія ордена въ 1540 г.) или даже 35 лѣтъ (если—до смерти Игнатія, въ 1556 г.),—особенно для такой живой, пламенной натуры, какова была у Лойолы, по сознанію самихъ его обвинителей... Онъ былъ раненъ, былъ боленъ, лежалъ одиноко въ старинномъ испанскомъ замкѣ; ему дали читать отъ скуки католическія монастырскія легенды... Тутъ описывались страданія мучениковъ, дивные подвиги святыхъ, терпѣніе и труженичество божьихъ воиновъ, отрекшихся отъ міра... Игнатій самъ былъ ратникомъ, самъ страдалъ отъ ранъ и вспоминалъ битвы и подвиги свои и своихъ товарищей. Бредъ больного воображенія перемѣшалъ для него дѣйствительность съ вымысломъ, воспоминанія былого съ вновь навѣянными впечатлѣніями, и перерожденію немудрено было совершиться въ этой пылкой стремительной натурѣ. У него не было никакого образованія, никакіе высшіе помыслы не были развиты; но тѣмъ не менѣе природный умъ его былъ крѣпокъ и свѣтелъ... Онъ сначала инстинктивно почувствовалъ, а потомъ и сознательно убѣдился, что если есть высшая цѣль жизни—за предѣлами гроба, то лучше идти къ этой цѣли прямо, нежели извилинами и закоулками, часто совсѣмъ совращающими съ прямой дороги... Онъ убѣдился, что ежели есть Богъ, которому должны мы служить, то лучше служить ему прямо и непосредственно, оставивши всѣ другія дѣла, нежели изъ-за другихъ дѣлъ посвящать Богу только досуги свои. Какъ стремительная и дѣятельная натура, Лойола тотчасъ привелъ въ исполненіе стремленіе сердца. Онъ сдѣлался аскетомъ, посвятилъ всего себя на духовное служеніе Богу. Взволнованное воображеніе представляетъ ему чудныя видѣнія, и ему грезится, что уже дьяволъ бѣжитъ отъ него и небожители сходятъ къ нему, благословляя его на новый путь... Тотчасъ по выздоровленіи, онъ отправляется въ монастырь, одѣвается въ грубое платье, отпускаетъ своихъ людей, ходитъ въ госпиталяхъ за больными, у которыхъ заразительныя болѣзни: это ли лицемѣріе, это ли расчетъ хитраго честолюбца?.. Не виденъ ли здѣсь, напротивъ, грубый энтузіастъ, круто измѣняющій свою жизнь и жертвующій всѣмъ для своего глубокаго вѣрованія?... Онъ путешествуетъ потомъ въ Святую Землю, надѣясь проповѣдывать Евангеліе восточнымъ народамъ; но здѣсь убѣждается въ своей неспособности, необразованности и возвращается въ Испанію, чтобы учиться... 32-хъ лѣтъ садится онъ на школьную скамью, въ Барселонской школѣ, а потомъ въ Саламанкскомъ университетѣ и уже здѣсь высказываетъ свои убѣжденія съ такою силою, съ такой вдохновенной смѣлостью, что увлекаетъ цѣлыя толпы на площадяхъ Саламанки и, наконецъ, попадаетъ въ тюрьму за это. И здѣсь онъ продолжаетъ свое дѣло—проповѣдуетъ и поетъ духовныя пѣсни; узники находятъ средство бѣжать изъ тюрьмы, Игнатій не хочетъ имъ пользоваться и остается; его выпускаютъ за это на волю, и онъ отправляется доучиваться въ Парижъ... Ему нечѣмъ жить здѣсь: онъ проситъ милостыню и, все-таки, ходитъ слушать лекціи. Долго и прилежно онъ ихъ слушаетъ и, наконецъ, въ 1532 г. получаетъ степень баккалавра, а въ 1534 г.—степень магистра богословія. Во все это время онъ проповѣдуетъ словомъ и дѣломъ и пріобрѣтаетъ себѣ нѣсколько друзей и приверженцевъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи опорами и главами іезуитскаго ордена,—именно: Франсуа, Ксавьé, Петра Фабера, Якова Лайнеза, Альфонса Сальмерона, Николая Бобадилью, Симона Радригеза и др. Въ это время вспыхиваетъ реформаціонное движеніе, и Игнатій съ своими товарищами находитъ опредѣленную цѣль для своей дѣятельности: спасеніе душъ отъ ереси. Они рѣшаются основать орденъ, отличный отъ всѣхъ другихъ монашескихъ орденовъ и направленный, главнымъ образомъ, къ поддержанію папскаго престола противъ всѣхъ покушеній еретиковъ. Разсматривая первые шаги этихъ замѣчательныхъ избранниковъ, нельзя не видѣть, что у нихъ и въ это время уже сложились нѣкоторыя убѣжденія, подъ вліяніемъ ихъ благочестивой христіанской настроенности и вмѣстѣ подъ вліяніемъ житейскаго опыта. Они видѣли повсюду чрезвычайное развращеніе, видѣли роскошную жизнь и легкое поведеніе тогдашняго духо-

венства и монашества, видѣли догматическіе и нравственные споры, въ которыхъ имъ представлялось (какъ и намъ, конечно) пагубное уклоненіе кичливаго ума отъ истины откровенія; при этомъ самъ Игнатій могъ вспоминать и свои заблужденія, отъ которыхъ избавился, какъ думалъ онъ (можетъ быть, и справедливо), единственно силою благодати небесной. Всѣ эти обстоятельства совершенно естественно привели Лойолу и его товарищей къ глубокому живому сознанію тѣхъ откровенныхъ истинъ, которыя высказаны такъ ясно устами великаго учителя языковъ: «вѣмы я законъ духовенъ есть, азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу, сіе творю, но еже ненавижу, то содѣловаю» (Рим. VII, 14—15). «Не довольни есмы ниже помыслити, что отъ себе, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога». Самое спасеніе совершается по непосредственному дѣйствію Божію: «како бо призовутъ, въ негоже не вѣроваша? Какоже увѣруютъ, его же не слышаша? Како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ?» (Рим. X, 14). Проникнутые этими высокими святыми мыслями, основатели іезуитскаго ордена рѣшились вполнѣ примѣнить ихъ къ своей дѣятельности, и отсюда произошло одно изъ главнѣйшихъ правилъ ихъ ордена—безусловное послушаніе. Еще въ монмартской ихъ клятвѣ было положено идти всюду, куда пошлетъ ихъ папа. Это было ясно сознанное и выраженное, въ приложеніи къ практической дѣятельности, убѣжденіе въ тѣхъ началахъ, которыя выражены апостоломъ: чтобы человѣкъ могъ спастись, нужно, чтобы самъ Богъ привлекъ его къ себѣ; Богъ на землѣ осуществляется въ церкви; единственно истинная церковь (такъ должны вѣрить католики) есть католическая; глава и представитель ея есть папа; слѣдовательно, ему должно повиноваться, какъ самому Христу, который вѣчно съ нимъ пребываетъ, какъ съ своимъ помазанникомъ. Изъ всего этого ясно, что и для проповѣди евангельской необходимо содѣйствіе и велѣніе папы: «како бо проповѣдятъ, аще не послани будутъ?...» Всѣ эти логическія убѣжденія ясно выразились уже черезъ 6 лѣтъ послѣ утвержденія ордена папою въ рѣчи Лайнеза на Тридентскомъ соборѣ, въ 1546 г., и еще болѣе при второмъ его созваніи, въ 1556 г. (см. Paolo Sarpi, «Hist. de conc. de Trente», t. II, p. 139, squ.). Лайнезъ доказывалъ здѣсь, между прочимъ, что никогда епископъ не въ правѣ ослушаться папы, и не только одинъ, но и сговорившись съ другимъ и даже съ третьимъ епископомъ; не въ правѣ ослушаться эти трое и въ такомъ случаѣ, если къ нимъ пристанутъ еще трое и даже шестеро, словомъ, всѣ епископы, цѣлый соборъ ихъ ничто противъ папы: въ папѣ олицетворяется законъ Христовъ, а законъ этотъ святъ и неизмѣненъ, хотя бы и никто не хотѣлъ исполнять его... Нѣтъ дѣла до лица папы: онъ, самъ по себѣ, можетъ быть человѣкомъ дурнымъ; но ненужно забывать, что съ нимъ всегда пребываетъ духъ божій, ниспосылаемый на священныхъ помазанниковъ отъ Господа и не допускающій ихъ ошибаться въ дѣлахъ, касающихся блага церкви. Богъ знаетъ, кого избираетъ для служенія себѣ и управленія дѣтьми своими, «никогда онъ не предастъ помазанника своего въ неискусенъ умъ творити неподобная; а если и предастъ, то значитъ, Онъ хочетъ испытать или наказать насъ, и мы должны снести это съ терпѣніемъ и вѣрою въ Его Премудрый Промыселъ».

Епископы, въ которыхъ уже сильны были начатки реформаціоннаго движенія, были поражены этой рѣчью, какъ чудовищнымъ соплетеніемъ софизмовъ. Но мы можемъ принять ее съ совершенно другимъ чувствомъ; мы не можемъ не видѣть въ ней крѣпкой вѣры, полной преданности Промыслу и глубоко-справедливаго раздѣленія сана отъ лица. Мы сами такъ поступаемъ, сами держимся тѣхъ же убѣжденій: недостатки священниковъ извѣстны всѣмъ, но передъ священствомъ всѣ благоговѣютъ; всѣ знаютъ, что царь тоже человѣкъ, слѣдовательно, не изъятъ отъ общихъ человѣческихъ слабостей;—но онъ божій помазанникъ, и кто позволитъ себѣ отозваться о немъ—безъ чувства благоговѣнія,—кто даже въ глубинѣ души своей допуститъ мысль о томъ, чтобы то или другое высочайшее распоряженіе могло быть несправедливо?

Такъ развилось одно изъ главнѣйшихъ и благотворнѣйшихъ правилъ іезуитскаго ордена—безусловное *мертвое* повиновеніе «*perinde ac cadaver*»... Они разсуждали: все происходитъ по волѣ божіей; если Ему угодно, чтобы я что-нибудь сдѣлалъ, то Онъ возвыситъ меня на такую степень, на которой я буду въ правѣ дѣлать, что самъ сочту нужнымъ; если же я не занимаю такой степени, значитъ Господь считаетъ меня недостойнымъ ея, и я долженъ повиноваться тѣмъ, которыхъ онъ надо мной возвысилъ,—я долженъ считать справедливымъ и добрымъ все, что они мнѣ прикажутъ: obedientia, tum in executione, tum in voluntate, tum in intellectu, sit in nobis semper ex omni parte perfecta... omnia justa esse nobis persuadendo («Constit.» p. 123,—1583)... Въ самомъ началѣ общества стремленіе это выразилось въ разсужденіяхъ касательно свободной воли въ человѣкѣ:

при первомъ своемъ появленіи на Тридентскомъ соборѣ (1546 г.) Лайнезъ сильно поколебалъ доказательства прелатовъ о свободной волѣ, за что и подвергся подозрѣнію въ пелагіанизмѣ...

Другое изъ основныхъ вѣрованій, принятыхъ въ это время іезуитами, состояло въ твердомъ и живомъ стремленіи любви христіанской, соединенной съ полнымъ самоотверженіемъ и направленной единственно ко спасенію души. Эта любовь соединялась у нихъ съ полнымъ презрѣніемъ къ благамъ жизни здѣшней и съ глубокимъ состраданіемъ къ самымъ даже порочнымъ людямъ. И то, и другое прекрасно выводилось ими изъ основныхъ принциповъ христіанства, которыми ново-учрежденное братство было глубоко и сильно проникнуто. Если здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ будущей, если это не болѣе, какъ странствованіе къ небесной пристани,—то нѣтъ нужды заботиться объ удобствахъ и удовольствіяхъ житейскихъ. Поэтому тотъ, кто изъ любви къ ближнему старается устроить матеріальныя удобства его жизни, не понимаетъ еще истинной любви христіанской. Онъ можетъ этимъ сдѣлать ближнему скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, отвлекая его сердце отъ вѣчныхъ благъ загробной жизни. Слѣдовательно, помогать ближнимъ въ тѣлесныхъ нуждахъ нужно только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда страдаетъ ихъ здоровье или жизнь находится въ опасности, и такимъ образомъ они лишаются возможности достойно приготовляться къ будущей жизни. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ дѣло первой необходимости—духовная помощь человѣку, просвѣщеніе его ума и сердца свѣтомъ истиннаго откровенія... Заботиться же о своихъ матеріальныхъ нуждахъ даже противно истинной вѣрѣ и надеждѣ на помощь божію: Богъ, одѣвающій цвѣты полевые и питающій птицъ небесныхъ, подастъ, конечно, и человѣку все необходимое, если это будетъ угодно Святой Его волѣ...

Такія убѣжденія твердо и послѣдовательно проведены были во всемъ поведеніи іезуитовъ. Они не имѣли ничего и сами питались милостыней; они собирали вокругъ себя народъ и старались поучать его истинамъ вѣры; они постоянно посвящали свои труды на служеніе больнымъ братіямъ въ госпиталяхъ... Въ этомъ послѣднемъ отношеніи выразилась весьма ярко и другая сторона ихъ понятія о христіанской любви: снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ, за которое впослѣдствіи такъ много потерпѣли они различныхъ нареканій. Они неуклонно слѣдовали всегда высокому правилу апостола: «молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ» (Сол. V, 14). Предъ Всевышнимъ Судіею всѣ равно грѣшны; мы всѣ дѣлатели въ духовномъ вертогадѣ небеснаго хозяина, и никто изъ рано пришедшихъ не имѣетъ права укорять поздно пришедшаго. Дружно и мирно должны мы работать, помогая другъ другу и снимая колючіе тернія съ узкой дороги спасенія, по которой идутъ братья наши. Если кто заблудился, то не кликами негодованія нужно преслѣдовать его, не прогонять снова къ той точкѣ, откуда онъ отправился, чтобы снова начиналъ свой тяжелый путь; нѣтъ, нужно указать ему тѣ извилины, тѣ едва примѣтныя тропинки, по которымъ долженъ онъ поворотить съ пути заблужденія своего, чтобы достигнуть желанной цѣли. Изъ этихъ основаній развились знаменитые cas de conscience, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать такой позоръ для іезуитскаго общества и которыя считали дѣломъ простого плутовства со стороны іезуитскихъ монаховъ. Но ихъ лучшимъ оправданіемъ служитъ самый характеръ ихъ дѣятельности, постоянно чуждый суровости и преслѣдованій, постоянно полный мира и любви. Особенно это доказываютъ всѣ сказанія касательно ихъ ухаживанія за больными. Изъ многихъ фактовъ можно указать на подвиги образующагося еще общества, въ 1537 г. Они прибыли въ это время въ Венецію, гдѣ свирѣпствовали тогда особенно венерическія болѣзни. Больные возбуждали всеобщее отвращеніе и оставляемы были безъ всякаго ухода и пособія. Іезуиты, понимавшіе не хуже другихъ высокую цѣну цѣломудрія, ревностно, однако, принялись ходить за этими больными, спали вмѣстѣ съ ними, обмывали ихъ язвы той водой, которая была имъ самимъ принесена для питья и, потомъ, томимые жаждою, допивали остатки; Ксавье даже высасывалъ ядъ изъ язвъ больныхъ, когда, по предписанію доктора, это было нужно для спасенія больного... И неужели кто-нибудь осудитъ за это благотворительныхъ друзей человѣчества? Неужели можно за это обвинить ихъ въ недостаткѣ презрѣнія къ пороку, въ потворствѣ разврату?.. Нѣтъ, это не было потворство, это просто было живое подражаніе примѣру нашего подвигоположника Христа, который Самъ снисходилъ къ мытарямъ, грѣшникамъ и блудницамъ и отвергалъ со строгимъ обличеніемъ только тщеславныхъ высокомудрыхъ фарисеевъ и книжниковъ...

Люди съ такими стремленіями, съ такой энергіей, съ такимъ самоотверженіемъ не могли пропасть безъ всякаго успѣха. Они непремѣнно должны были достигнуть

своей цѣли и достигли. Во всѣ концы міра прошли они съ проповѣдью Евангелія и вездѣ имѣли успѣхъ. Уже въ 1542 г. Ксавье былъ въ Гоа и обращалъ индѣйцевъ, переходя изъ португальскихъ колоній въ собственныя поселенія туземцевъ и обходя, одинъ за другимъ, острова Цейлонъ, Полапотанъ, Меліопуръ, Малакку, Морейскіе острова и пр. Затѣмъ онъ отправляется въ Японію и Китай; узнавши, что сюда открытъ доступъ только посламъ, возвращается въ Гоа и убѣждаетъ португальскаго вице-короля назначить посольство въ Китай; когда же и посольство встрѣчаетъ препятствія, Ксавье подкупаетъ одного китайскаго купца, чтобы тотъ доставилъ его въ Кантонъ ночью подъ страшной тайной. Къ несчастію, здѣсь Ксавье заболѣлъ горячкой и вскорѣ умеръ, ничего не успѣвши сдѣлать. Но путь уже былъ указанъ, и вскорѣ затѣмъ іезуиты умѣли утвердиться и въ Индіи, и въ Китаѣ. Тамъ дѣйствовалъ Криминоль и Робертъ Нобили, здѣсь Матео Рикчи. Въ Японіи христіанство тоже водворено было іезуитами, но съ 1620 года императоръ воздвигъ гоненіе на христіанъ, и къ половинѣ XVII в. въ Японіи христіанство было уничтожено. Но въ Китаѣ, несмотря на всѣ гоненія отъ язычниковъ, несмотря на противодѣйствіе доминиканцевъ и францисканцевъ, іезуиты утвердились, пріобрѣли многихъ прозелитовъ, завели училища, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, у нихъ обучалось въ 1853 г. до 1300 китайскихъ мальчиковъ (см. въ «Revue des deux Mondes», 1856 г. Fevr. статью Шарля Ляволлé: «Les jésuites en Chine autrefois et aujourd'hui», стр. 528).

Замѣчательнѣе всего былъ успѣхъ іезуитской проповѣди въ Парагваѣ. Парагвай отданъ былъ совершенно на руки іезуитамъ Филиппомъ III, который самъ былъ воспитанникомъ іезуита Маріанны. Парагвай до тѣхъ поръ ужасно страдалъ отъ жестокостей испанскихъ губернаторовъ и постоянно возмущался: разстройство и безпорядки были страшные... Іезуиты кротостью, лаской, исправительными наказаніями весьма скоро и безъ особенныхъ затрудненій умѣли пріучить народъ къ порядку и повиновенію. Они основали здѣсь свою республику и внушили жителямъ такое уваженіе къ ордену, что они на колѣняхъ выслушивали повелѣнія святыхъ отцовъ и считали за счастіе цѣловать край ихъ одежды...

Не менѣе замѣчательны подвиги іезуитовъ противъ реформаціонной ереси. Въ Испаніи, Португаліи и Италіи орденъ постоянно былъ на сторожѣ и, имѣя вліяніе на ходъ высшихъ государственныхъ дѣлъ, уничтожалъ самые зародыши ереси... Во Франціи онъ долго выдерживалъ жестокую упорную борьбу: при Генрихѣ III они были двигателями и главами святой лиги, къ которой пристала тогда почти половина Франціи. При Генрихѣ IV они были высланы изъ королевства и черезъ 8 лѣтъ (1603 г.) снова призваны. При Людовикѣ XIV пріобрѣли они новую силу, но при Людовикѣ XV (1764 г.) опять изгнаны, а въ 1773 г. издана папская булла объ уничтоженіи ордена. За это чернь въ Швейцаріи повѣсила его портретъ.

Въ 1814 г. орденъ былъ возстановленъ, и они снова распространились во Франціи и особенно въ Бельгіи. Въ началѣ столѣтія появились, было, они въ Пруссіи и Россіи, но отсюда были высланы почти въ то самое время, когда орденъ былъ возстановленъ Піемъ VII (изъ Россіи высланы они указомъ 19 дек. 1815 г.). Повсюду они должны были выдерживать сильные споры за право обученія юношества...

Почти не касаясь подробностей внѣшней исторіи ордена, я старался показать тѣ воззрѣнія, на которыхъ утверждали іезуиты всѣ свои дѣйствія. Эти самыя воззрѣнія выразились какъ въ самомъ устройствѣ ордена, такъ преимущественно въ воспитаніи, къ очерку котораго я и перехожу теперь. Не буду излагать внѣшнихъ частностей и обращу все свое вниманіе на характеръ и направленіе, какіе господствовали въ іезуитскомъ воспитаніи и обученіи. Мы увидимъ, что и здѣсь послѣдовательно проведены тѣ же самыя воззрѣнія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ благочестиваго существованія іезуитовъ.

Самое стремленіе іезуитовъ повсюду заводить школы много свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу. Средніе вѣка и католическіе монахи не любили школъ; папы запрещали народу читать библію; католическая церковь не одобряла переводовъ священныхъ книгъ на языкъ народа... Іезуиты, напротивъ, куда не появлялись, всюду прежде всего принимались за воспитаніе дѣтей. Повсюду заводили они школы, обучали дѣтей безплатно, употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы привлечь къ себѣ большее количество воспитанниковъ. Это средство—дѣйствовать на людей—вмѣстѣ съ неутомимой ихъ проповѣдью служитъ яснѣйшимъ выраженіемъ той основной идеи, что любовь къ ближнему должна состоять въ духовной помощи имъ, а не въ матеріальномъ пособіи. Устройство и направленіе этихъ школъ, равно какъ и самаго ордена вообще, служило выраженіемъ той же основной идеи. Извѣстно, что всѣ іезуиты раздѣлялись на 4 класса: 1) послушниковъ, или новиціатовъ, 2) учениковъ, 3) коадъюторовъ и 4) профессовъ. Послушники подвергались, обык-

новенно, искусу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ или поступали въ разрядъ одобренныхъ учениковъ, или отсылались назадъ, если іезуитское начальство не находило въ нихъ наклонностей и достаточныхъ силъ для исполненія всего, предписываемаго въ орденѣ. Все это совершенно разумно и естественно и, какъ нельзя лучше, рисуетъ характеръ іезуитской дѣятельности, состоявшій всегда въ томъ, чтобы дѣйствовать на волю, но никогда не тащить человѣка противъ его воли. Они употребляютъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ новаго прозелита, дѣйствуя для этого проповѣдью, убѣжденіемъ, примѣромъ, воспитаніемъ... Наконецъ, они достигаютъ предположенной цѣли: воля человѣка склоняется на ихъ сторону,—онъ изъявляетъ желаніе сдѣлаться іезуитомъ. Но благоразумнымъ братіямъ этого недовольно; они не бросаются тотчасъ на этого человѣка, какъ охотникъ на добычу, пойманную имъ въ силокъ. Нѣтъ, они еще назначаютъ ему испытаніе на нѣсколько лѣтъ: испытай трудности новаго званія и покажи самъ свои способности. Тогда только, когда выкажется твердость и непоколебимое убѣжденіе человѣка, можно принять его въ число одобренныхъ учениковъ... И даже послѣ этого, будучи ученикомъ и коадъюторомъ,—онъ можетъ быть исключенъ изъ ордена или самъ просить увольненія. Изъ этого очевидно, какое высокое значеніе придавалось іезуитами внутреннимъ отношеніямъ и какъ мало обращали они вниманія на внѣшность. Всѣ силы убѣжденія употребляются, предпринимаются неимовѣрные труды и заботы, вся атмосфера, окружающая человѣка, располагается къ тому, чтобы привлечь его на путь спасенія; но при всемъ этомъ ни малѣйшаго насилія, дѣйствующаго внѣшнимъ образомъ. Они все располагаютъ такъ, чтобы благодать божія невидимо и внутренно коснулась сердца человѣка и привела его на путь правый. Такъ точно и по выдержаніи искуса—онъ связывается болѣе внутреннимъ обязательствомъ своей совѣсти, нежели наружною формальностью обѣтовъ... Какое высокое убѣжденіе въ нравственномъ началѣ, какая вѣра въ свои духовныя силы, какое высокое понятіе о служеніи Богу, которое должно быть сердечно и духовно! Нѣтъ сомнѣнія, что это самое убѣжденіе заставляло іезуитовъ при проповѣди Евангелія въ Китаѣ и Индіи подчиняться китайскимъ церемоніямъ, надѣвать платье браминское, строить церкви на манеръ индѣйскихъ пагодъ, дозволять женщинамъ носить неприличныя украшенія и т. п., за что доминиканцы возставали на іезуитовъ, какъ на злодѣевъ, еретиковъ и исказителей христіанства. А они просто дѣлали это по презрѣнію къ внѣшности, будучи увѣрены, что духъ христіанства нисколько не измѣняется отъ этихъ мѣстныхъ различій, такъ точно, какъ образъ божій въ человѣкѣ не зависитъ отъ того, черенъ или бѣлъ цвѣтъ его кожи, носитъ ли онъ бороду или нѣтъ.

Третій классъ—коадъюторы — раздѣлялись на духовныхъ и свѣтскихъ; первые были учителями въ школахъ, священниками и духовниками; вторые исправляли при коллегіяхъ и домахъ професскихъ самыя низшія обязанности.

Профессы были «трехъ обѣтовъ» и «четырехъ обѣтовъ». И тѣ, и другіе обязывались дать публично обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и слѣпого повиновенія; послѣдніе присоединяли къ этому еще обѣтъ проповѣдыванія Евангелія всюду, куда пошлетъ папа. Къ послѣднему классу допускались немногіе, уже извѣстные своими способностями и усердіемъ, испытанные въ теченіе многихъ лѣтъ... Во всемъ этомъ видна великая осмотрительность ордена въ выборѣ своихъ членовъ и постоянная ихъ идея о повиновеніи. Нужно замѣтить, что по окончаніи искуса никто не могъ знать, куда онъ будетъ назначенъ генераломъ ордена. Смотря по своимъ соображеніямъ, генералъ могъ его назначить и свѣтскимъ коадъюторомъ и профессомъ трехъ обѣтовъ... Возраженій не могло быть ниоткуда... Это идеалъ благоустроеннаго общества, основаннаго на послушаніи. Всѣ должности въ орденѣ были распредѣлены сообразно нуждамъ общества. Начальникъ его былъ генералъ; провинціями завѣдывали провинціалы, а коллегіями, новиціатскими и професскими домами и отдѣльными миссіями — префекты. Кромѣ исполненія частныхъ своихъ обязанностей, они должны были еще доносить—префекты провинціаламъ, а провинціалы генералу—обо всемъ, что касается ордена, и вообще, что происходитъ замѣчательнаго въ той мѣстности, гдѣ они находятся. Донесенія эти опять касались болѣе внутренняго значенія фактовъ, нежели внѣшнихъ подробностей, такъ что, по сознанію самихъ враговъ ордена, іезуитскій генералъ часто лучше зналъ расположеніе умовъ въ странѣ, чѣмъ самъ государь ея... Ихъ стараются обвинять за это и наблюдательность ихъ называютъ шпіонствомъ; но столь рѣзкій отзывъ не можетъ быть оправданъ, если обвинители вздумаютъ серьезно и пристально всмотрѣться въ характеръ іезуитской дѣятельности по этой части. Тутъ нѣтъ ни шпіонства, ни клеветы, ни наушничества, а просто замѣтки умнаго посланника, описывающаго своему начальнику, что онъ видитъ и узнаетъ въ странѣ, въ которую посланъ...

Профессы были также и ректорами школъ, которыя заводимы были іезуитами вездѣ, гдѣ только они появлялись. Внѣшнее устройство этихъ школъ не представляло рѣзкихъ особенностей въ сравненіи съ большею частью католическихъ учебныхъ заведеній въ средніе вѣка. Съ теченіемъ времени оно измѣнялось и принимало различныя формы, сообразно съ потребностями вѣка и мѣстными условіями. Подробности о внѣшнемъ устройствѣ первоначальныхъ школъ іезуитскихъ изложены у Раумера въ «Geschichte der Pädagogik». Я не стану дѣлать выписокъ изъ Раумера, отчасти имѣя въ виду недавно сдѣланный переводъ его статьи о іезуитахъ, а отчасти и потому, что отъ внѣшней формы нисколько не измѣнялось у іезуитовъ внутреннее направленіе воспитанія и обученія. Ихъ элементарныя школы, inferiores и superiores classes ихъ заведеній, лицеи, университеты отличаются однимъ и тѣмъ же существеннымъ характеромъ. Характеръ этотъ заключается въ стремленіи къ духовнымъ цѣлямъ и въ полномъ презрѣніи всѣхъ мірскихъ отношеній. Каждое постановленіе іезуитскихъ школъ, каждая черта ихъ воспитанія и обученія ясно говорятъ о глубокомъ убѣжденіи этихъ отцовъ, что царство ихъ «не отъ міра сего», что ихъ цѣль—выше, ихъ стремленія—чище... Въ воспитаніи, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на развитіе нравственности, на пріученіе къ самоотверженной братской любви, къ слѣпому повиновенію; въ обученіи всѣ познанія направляются къ цѣли религіозной: «во славу Господа Спасителя и ко спасенію души». Одинъ изъ умнѣйшихъ іезуитовъ Сакхинъ составилъ: «Paraenesis ad magistros scholarum inferiorum societatis Jesu», которое много разъ было перепечатано, и въ которомъ онъ весьма подробно говоритъ о важности учительской должности. Онъ смотритъ на обученіе, какъ на дѣло богоугодное, и предписываетъ учителю, между прочимъ, слѣдующее: пусть смотритъ онъ на школу, какъ на таинственный царскій цвѣтникъ, насажденный, воздѣланный и украшенный съ особеннымъ тщаніемъ во славу Господа; пусть смотритъ на нее, какъ на нѣжное стадо освященныхъ агнцевъ, воспитываемыхъ для святого жертвоприношенія; пусть смотритъ на нее, какъ на святѣйшій разсадникъ Всевышняго царя, гдѣ отроки должны быть такъ воспитываемы, чтобы явиться передъ царемъ своимъ въ велелѣпіи и послужить ему... На себя пусть смотритъ, какъ на живописца или скульптора, назначеннаго для того, чтобы сдѣлать изображеніе Господа Христа, изображенія живыя, пребывающія вѣчно, чтобы ихъ можно было поставить во храмѣ небесномъ «Paraen.» pars. I, cap. V). Далѣе онъ совѣтуетъ помнить правило св. Игнатія (Лойолы), что учителя, какъ во время уроковъ, такъ и внѣ ихъ, должны всячески стараться о томъ, чтобы подвигнуть души своихъ питомцевъ къ повиновенію и любви божіей и къ исполненію тѣхъ добродѣтелей, которыми можно угодить Богу; къ этому должны быть направляемы всѣ занятія (pars. II, cap. I). Весьма подробно раскрыта у Сакхина важность нравственности и средства утвердить ее въ душахъ питомцевъ. Онъ говоритъ, что воспитатели должны заботиться, чтобы въ ученикахъ истреблялись всякая гордость и самонадѣянность, всякая дерзость, но чтобы все дышало учтивостью, скромностью, умѣренностью... Все, что близко къ пороку и противно святѣйшимъ заповѣдямъ Христовымъ, должно быть почитаемо неприличнымъ и безнравственнымъ. Мщеніе, ложь, обманъ, осмѣиваніе другихъ, божба, произнесеніе неприличныхъ или нечестивыхъ словъ, описаніе жизни отсутствующихъ, насмѣшливое передразниваніе — должны считаться грубостями, свойственными варварамъ и рабамъ... Напротивъ, высоко должна быть цѣнима откровенная правдивость, состраданіе къ несчастнымъ, отверженіе ругателей, свободное обличеніе тутъ же, на мѣстѣ, тѣхъ, которые явно согрѣшаютъ;— рѣчь—нѣжная съ равными, почтительная къ старшимъ, ласковая ко всѣмъ... Пусть дѣти пріучаются стыдиться себя не менѣе, чѣмъ другихъ, и не слагаютъ съ себя украшеній добродѣтели и нравственности, какъ только снимутъ свою мантію (pallium). Но пусть они и втайнѣ хранятъ то, что высказываютъ явно, и пусть не иначе ведутъ себя въ уединенной комнатѣ, какъ и во храмѣ и на площади, пусть всегда благоговѣйно помнятъ они, что на нихъ устремлены очи ангеловъ небесныхъ и особенно ангела хранителя и самого Бога...» (ib., cap. XIV). Кто въ этихъ наставленіяхъ узнаетъ іезуита, вѣчно притворствующаго, не имѣющаго въ душѣ ни капли нравственности, хитраго, льстиваго, обманчиваго, какъ рисуютъ его ярые памфлетисты?.. Далѣе Сакхинъ говоритъ о томъ, какъ воспитатель долженъ направлять дѣтей къ благочестію. Первое средство и самое главное—молитва о нихъ къ Богу, а затѣмъ уже собственный примѣръ и наставленія... Наконецъ, самое устройство школы и расположеніе занятій должно вести къ той же цѣли. Я переведу главу, гдѣ говорится объ этомъ (cap. XIX).

«Во-первыхъ, учитель долженъ требовать строгаго соблюденія школьной дисциплины, исполненія правилъ и учебныхъ задачъ.

Пусть онъ знаетъ, что, стараясь объ успѣхѣ учебныхъ занятій, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ развитію благочестія: эти двѣ вещи удивительно связаны между собою такъ, что кто отлично успѣваетъ въ ученіи, тотъ великолѣпно успѣваетъ и въ нравственности.

2. Нужно постоянно занимать ихъ задачами такъ, чтобы они не имѣли досуга ни въ школѣ, ни дома. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для отрока, какъ праздность и покой; они и вообще вредны, а тѣмъ болѣе для отроковъ... Напротивъ, *врагъ* не найдетъ себѣ доступа къ отроку, который всегда занятъ. Но при этомъ необходимо, чтобы учитель съ благоразумной любовью придумалъ средство усладить для учениковъ эти неусыпные труды. Поэтому хорошо будетъ, если онъ постарается возжечь въ нихъ огонь соревнованія: тогда они сами не захотятъ быть праздными... Книги будутъ имъ милы, занятія—легки: они стремятся къ побѣдѣ, они должны избѣгать стыда пораженія. Такимъ образомъ, постоянно нужно занимать учениковъ, но кротко и любезно, а не грубо и сердито — такъ, чтобы они и могли, и сами хотѣли исполнять приказанное...

3. Жизнь, нравъ, дружескія отношенія каждаго должны быть извѣстны учителю; онъ долженъ пользоваться этимъ, чтобы избирать на пользу каждаго лучшее и болѣе сообразное съ характеромъ каждаго.

4. Весьма важно, чтобы ученикъ ни разу не отлучался изъ гимназіи: это вещь весьма опасная: они могутъ попасть на дурныхъ товарищей, увлечься обольстительными приманками зла и, разъ увлеченные, могутъ совсѣмъ погибнуть; вкусивши сладость праздности и свободнаго разгула, они могутъ почувствовать ненависть къ школѣ и къ уединенію.

5. Онъ долженъ знать, кого съ кѣмъ посадить въ классѣ, чтобы паршивая овца (morbosus agnus) не испортила близкихъ къ ней своимъ прикосновеніемъ. Если кто скроетъ свои руки въ классѣ, то нужно выговаривать ему за невѣжливость и требовать, чтобы онъ всегда руки держалъ передъ собою, поверхъ скамьи, иначе даже нужно наказывать...

6. Сколько позволяетъ монашеское состояніе и повиновеніе, учитель долженъ заботиться и о здоровьи, и о другихъ человѣческихъ нуждахъ учениковъ: долженъ облегчать слабыхъ, посѣщать больныхъ, покровительствовать потерпѣвшимъ неудачу; какъ нѣжный отецъ или мать, долженъ онъ обо всѣхъ заботиться, особенно же о чужестранныхъ и о бѣдныхъ ученикахъ. Пусть будетъ все идти такъ, чтобы ученики, чувствуя заботы, прилагаемыя о нихъ, сами всею своей волею предавались ученію тѣхъ, кто о нихъ такъ заботится...»

Эти прекрасныя наставленія учителю (который есть вмѣстѣ и воспитатель, какъ живущій постоянно съ учениками) показываютъ довольно ясно характеръ всего воспитанія. Во всемъ видна та христіанская любовь, помышляющая единственно о душевномъ спасеніи, о которой говорилъ я выше. Третье правило, которое, по увѣреніямъ враговъ іезуитовъ, вело всегда къ шпіонству, наушничеству и т. п., можетъ въ самомъ дѣлѣ представиться нѣсколько страннымъ. Но оно совсѣмъ не удивляетъ насъ, когда мы всматриваемся въ весь характеръ воспитанія въ іезуитскихъ школахъ. Привожу для яснѣйшаго представленія дѣла еще отрывокъ изъ главы той же книги Сакхина объ обращеніи товарищей-учителей другъ съ другомъ. Они должны помнить, что всѣ составляютъ одну семью и работаютъ для одного общаго дѣла, во славу Создателя. «Каждый изъ нихъ долженъ смотрѣть другъ на друга не только какъ на служителей, союзниковъ, братьевъ, но еще болѣе какъ на божіи храмы, какъ на жертвы, какъ на живыя изображенія Бога, какъ на его служителей и намѣстниковъ (vicarios)». Такимъ образомъ, всѣ земные разсчеты здѣсь бросаются въ сторону,— остается одно живое непоколебимое убѣжденіе въ высокости общаго назначенія, въ святости цѣли, соединяющей всѣхъ членовъ общества. Для достиженія этой цѣли нужно жертвовать всѣмъ—и мелочнымъ самолюбіемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и ближнихъ своихъ, и ложнымъ стыдомъ, и внѣшней деликатностью, и свѣтскими дружескими отношеніями, и матеріальными выгодами. Всякій обязанъ поэтому дѣлать явнымъ, доносить кому нужно все, что только можетъ быть противно общему благу. Это сознаніе, столь сильное у всякаго благомыслящаго человѣка, было и должно быть развито особенно сильно у іезуитовъ, какъ у людей, у которыхъ личность рѣшительно уничтожилась въ общемъ. Многіе обвиняли іезуитовъ за принятую ими мѣру пересказыванія старшимъ всего, что говорится между товарищами. Называли это разными позорными именами, но никогда не хотѣли глубже вникнуть въ сущность дѣла. Имя ничего не значитъ. Назовемъ это, пожалуй, хоть и шпіонствомъ. Что же въ немъ преступнаго, что предательскаго? Неужели менѣе предательства будетъ, если изъ какихъ-нибудь личныхъ отношеній и расчетовъ человѣкъ станетъ скрывать то, что считаетъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ или общему благу? Въ этомъ случаѣ

онъ тоже предатель—или самого себя, или общества. Духъ школьничества, заставляющій стоять за товарищей, даже когда они не правы, много участвовалъ въ томъ ожесточеніи, съ которымъ обличалось такъ называемое шпіонство іезуитскихъ училищъ. Но мы можемъ смотрѣть на эти вещи спокойнѣе. Развѣ мы не имѣемъ въ своемъ государствѣ благотворнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью сохранять тишину и порядокъ въ цѣлой странѣ, неусыпнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями частныхъ лицъ и непубличнымъ доведеніемъ до свѣдѣнія правительства всего, что происходитъ въ умахъ народа? Еще болѣе: развѣ каждый вѣрноподданный при самомъ началѣ своей службы не произноситъ священнаго обѣта: «служить Помазаннику божію, не щадя себя, до послѣдней капли крови, и доносить немедленно обо всемъ, что найдетъ съ пользами государя и государства не согласнымъ?» — И неужели можно извинить неисполненіе этой священной обязанности въ комъ бы то ни было, съ сознаніемъ и убѣжденіемъ произнесшемъ свой обѣтъ? А іезуиты произносили свои обѣты послѣ долгаго искуса, слѣдов., съ сознаніемъ и убѣжденіемъ, и ихъ дѣло, ихъ служеніе было еще выше нашего: они обрекали себя на службу Царю Небесному!.. А онъ Самъ заповѣдалъ отвергнуться ради Его отъ всякихъ житейскихъ расчетовъ и всѣмъ пожертвовать для служенія Ему: «аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ...» Слѣд., здѣсь выбора быть не можетъ: или сокрытіе проступка брата и отверженіе отъ Христа, отъ своихъ убѣжденій, или объявленіе о проступкѣ и пожертвованіе любовью братскою—любви къ Богу... А жертва эта должна быть потому, что конецъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій есть Богъ. Обличеніе же братьевъ прямо заповѣдуется писаніемъ: «если твой братъ согрѣшитъ, обличи его при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ; если же не послушаетъ, повѣждь церкви...» Это самое и исполняли іезуиты, къ этому и пріучали они дѣтей съ малыхъ лѣтъ... Говорятъ, что это противно любви христіанской; но при этомъ опять не берутъ въ расчетъ общности іезуитскихъ понятій. Для нихъ блага земной жизни ничего не значили; всѣ стремленія и желанія, вся дѣятельность ихъ направлялась къ тому, чтобы сподобиться благъ жизни вѣчной... Съ этой точки зрѣнія они опять совершенно правы и послѣдовательны. Доносъ на товарищей могъ еще имѣть дурное вліяніе на нѣкоторыя матеріальныя его удобства: онъ могъ подвергнуться выговору, наказанію и т. п. Но зато для блага душевнаго тутъ нельзя ничего указать, кромѣ пользы. За тѣмъ, кто подвергался разнымъ слабостямъ, сторожа слѣдили, старались исправлять его недостатки, навести его на путь истинный и такимъ образомъ спасали его отъ душевной гибели. Не нужно при этомъ упускать изъ виду и управленія іезуитскаго, совершенно отеческаго, чуждаго всякой формальности, чуждаго уголовныхъ казней. Здѣсь даже и для матеріальнаго благосостоянія не было большого ущерба отъ доноса. Такимъ образомъ и съ этой стороны мы находимъ, что іезуиты были правы, т.-е. они дѣйствовали гораздо послѣдовательнѣе съ своими принципами, нежели тѣ господа, которые ихъ обвиняли...

Постоянное послушаніе и отреченіе отъ собственной воли также весьма много способствовали развитію этой откровенности подчиненныхъ съ начальниками. По принципамъ и правиламъ іезуитскимъ не только ученики, но даже и профессы не могли сами собою осуждать и обличать своихъ товарищей. Онъ долженъ былъ предъ всѣми молчать и смиряться. Вотъ одна глава изъ книги другого уважаемаго іезуита—«Reverendi patris claudii Judde societatis Jesu documenta pro magistris ejusdem societatis» (Viennae 1847.) Онъ говоритъ, что молодой профессъ, живя въ коллегіи, долженъ со всѣми быть въ мирѣ (гл. III). «Будь со всѣми вѣжливъ и обходителенъ. Человѣчность (humanitas) весьма тѣсно связана съ любовью (charitate). Предъ всѣми вставай, обнажай голову, чтобы показать знаки твоего уваженія. Вездѣ старайся занять послѣднее мѣсто. Избѣгай поспѣшности въ рѣчи, въ сужденіяхъ, въ противорѣчіи: ты юноша и мало испыталъ; ты ничего не знаешь, а что и знаешь—то несовершенно знаешь. Поучись же прежде, чѣмъ учить другихъ. Юношѣ весьма прилична почтительность, будь скорѣе боязливъ, нежели смѣлъ въ разговорѣ, и особенно избѣгай безстыдства Ты не ангелъ и живешь не съ ангелами: приноровляйся къ характерамъ другихъ, а не ихъ старайся приноровить къ твоему характеру. Не пытайся никого преобразовывать: это тебѣ не удастся,— постарайся преобразовать самого себя: это удастся вѣрнѣе... Отъ чужихъ дѣлъ удаляйся, хотя бы тебѣ и казалось, что другіе въ твои дѣла вмѣшиваются; не любопытствуй знать о томъ, что дѣлается или что должно быть дѣлано; живи дома безъ шума, какъ будто бы тебя и не было... Старайся не внушать другимъ подозрѣній о себѣ, и въ себѣ не питай недовѣрчивости... *Никому—по дружбѣ или въ секретныхъ разговорахъ не сообщай о паденіи и ошибкахъ другихъ* и самъ не довѣряйся въ такихъ случаяхъ словамъ другихъ или собственнымъ

предположеніямъ: ты сто разъ можешь обмануться и нарушить тѣмъ миръ со всѣми и миръ твоей совѣсти... Никогда не описывай жизни твоихъ товарищей или, что еще хуже, старшихъ тебя: это преступленіе достойно гнѣва Божія и человѣческаго... Если все это трудно тебѣ кажется исполнить, вспомни великую заповѣдь любви христіанской: всѣ люди—братья, всѣ носятъ въ себѣ Христа, всѣ нѣкоторымъ образомъ составляютъ одно со Христомъ, который считаетъ сдѣланнымъ для Него то, что ты сдѣлаешь для братьевъ своихъ».

Я не знаю, что еще нужно прибавлять къ этой выпискѣ? Не ясно ли здѣсь рисуется вся нравственность іезуитовъ, съ этой мягкостью и спокойствіемъ, съ этимъ отсутствіемъ всего рѣзкаго и возмущающаго?.. Таковъ именно и долженъ быть истинный христіанинъ. Намъ укажутъ, можетъ быть, на примѣры апостоловъ, мучениковъ и пр., съ грознымъ и тяжелымъ словомъ возставшихъ противъ порока. Но не нужно забывать того, что они говорили не сами по себѣ: они были небесные посланники, одушевляемые Духомъ Божіимъ. Господь давалъ имъ уста и премудрость; языкъ ихъ былъ трость книжника скорописца, по выраженію пророка. Такъ и у іезуитовъ дѣйствовали люди, поставленные для наставленій и обличеній, находившіе власть и побужденіе въ самой своей должности; но простые братья не могли имѣть своихъ мнѣній, ничего не смѣли говорить отъ себя и должны были только обращаться за совѣтами и приказаніями къ своимъ начальникамъ. Какъ въ своихъ дѣлахъ всѣ зависѣли отъ начальства, такъ точно и, еще болѣе, чужіе поступки должно было повергать на усмотрѣніе начальства. И верховный судъ ихъ принадлежалъ только верховному начальнику ордена—генералу, получившему власть свою отъ самаго папы—намѣстника Божія. Только онъ могъ утверждать іезуитовъ въ тѣхъ или другихъ званіяхъ или исключать ихъ изъ числа членовъ общества. Другіе же подчиненные начальники были всѣ въ большей или меньшей степени простыми его докладчиками и исполнителями его воли. Поэтому даже профессъ, напр., не имѣлъ права и возможности самъ собою исправить ученика... Нѣтъ, если онъ замѣчалъ за нимъ что-нибудь, то онъ старался вызвать его на откровенную бесѣду, выпытывалъ его тайное настроеніе и затѣмъ доносилъ обо всемъ ректору школы, испрашивая его разрѣшенія и повелѣнія, какъ поступать съ ученикомъ... И неужели молодой человѣкъ, воспитанный въ іезуитской школѣ, могъ быть въ претензіи на своего наставника за подобный поступокъ? Неужели онъ имѣлъ право обвинять въ предательствѣ того, кто былъ его благодѣтелемъ и заботился о его вѣчномъ благѣ, слѣдуя постоянному, неизмѣнному принципу іезуитскаго ордена?.. Столь же легко и просто можетъ быть оправдана другая мѣра, употреблявшаяся постоянно въ іезуитскихъ школахъ—возбужденіе соревнованія между учениками. Объ этомъ тоже кричали, какъ о средствѣ, развращающемъ дѣтскую натуру, поселяющемъ между товарищами ненависть, раздоры, возбуждающемъ лихорадочную неестественную дѣятельность и т. п. Все это могло бы быть и справедливо въ другомъ мѣстѣ, но не въ іезуитскихъ школахъ. Здѣсь то именно ничего подобнаго и не было. Нужно прежде всего замѣтить, что причиною возбужденія соревнованія у самихъ начальниковъ была любовь христіанская, желаніе облегчить и усладить для воспитанниковъ труды ученія. Выше я привелъ выписку изъ Сакхина, касающуюся этого предмета. То же самое говоритъ Ювенцій. Далѣе—непріятности, которымъ могли подвергаться при этомъ отдѣльныя личности при неудачѣ, не могли остановить іезуитовъ, для которыхъ, по самому принципу, уничтоженіе личности въ общемъ представлялось однимъ изъ идеаловъ, къ которому должно стремиться. Имъ нужно было, чтобы ученье шло успѣшно: это дѣло общее. Для достиженія общей цѣли есть прекрасное средство—соревнованіе: они имъ и пользуются, не обращая никакого вниманія на то, что личность ученика можетъ при этомъ потерпѣть временное разстройство. Это все пройдетъ, это такъ ничтожно, что нечего и думать объ этомъ. Даже больше—это нужно и полезно для ордена... Постоянно подвергаясь разнымъ перемѣнамъ, удачамъ и неудачамъ, неизбѣжнымъ особенно при знаменитомъ calculus іезуитовъ, ученикъ мало-по-малу пріучился не дорожить собою, ставить себя ни во что, подавлять свое самолюбіе, отрекаться отъ своей личности; а это первый шагъ къ той высокой добродѣтели, которою прославился и возвысился іезуитскій орденъ,—къ самоотверженному послушанію. Такъ какъ и всѣ другія средства іезуитскаго воспитанія были приноровлены къ той же цѣли и прекрасно всѣ соображены между собою,—то calculus не производилъ вреда даже и для развитія любви христіанской въ ученикахъ. Все пріучало ученика къ мысли, что онъ самъ по себѣ—ничто, что его лучшее достоинство—повиновеніе тѣмъ, которыхъ Богъ надъ нимъ поставилъ, и съ этой твердой вѣрой въ Промыслъ трудно было увлечься внушеніями раздраженнаго самолюбія. Оттого-то

Вологод. жел. дор. Библиотека „КОР"

мы и видимъ въ іезуитахъ постоянную терпимость, ласковость и кротость въ обращеніи со всѣми и примѣрное единодушіе въ стремленіи къ общей цѣли. Въ лѣтописяхъ монашескихъ орденовъ много есть указаній на междоусобныя брани ихъ, много есть фактовъ, свидѣтельствующихъ о ненависти францисканца къ францисканцу, доминиканца къ доминиканцу. Но относительно іезуитскаго ордена совсѣмъ нельзя замѣтить этихъ враждебныхъ отношеній, столь свойственныхъ всѣмъ людямъ par jalousie du metier. Враги іезуитовъ никогда не могли указать на внутренніе раздоры ордена и это, кажется, служитъ яснымъ доказательствомъ, что средства іезуитскаго воспитанія совсѣмъ не были такъ опасны для любви христіанской, какъ воображаютъ ихъ противники.

Совершенно противоположное обвиненіе заключается въ томъ, что іезуиты пріучали своихъ воспитанниковъ къ слишкомъ мягкимъ, двоедушнымъ отношеніямъ. Ничего рѣзкаго, ничего прямого,—все искусственное, ровное, спокойное, уступчивое,—какъ видно изъ приведенной мною выписки изъ Юдде. Но тамъ же находится и отвѣтъ на это обвиненіе: ты не ангелъ и живешь не ангелами; легче тебѣ свой характеръ соображать съ характеромъ другихъ, нежели другихъ заставлять соображаться съ твоимъ характеромъ. Для личности это опять было, можетъ быть, непріятно и не удобно, но для общаго дѣла—прекрасно. Такъ поступать заповѣдалъ намъ даже апостолъ: «всѣмъ вся быхъ, да всяческая пріобрящу», говоритъ онъ. И іезуиты никогда не забывали этого святого примѣра (Juv. R. st. p. 110). Паскаль особенно сильно нападалъ на эту сторону іезуитской морали и, находя, что одинъ изъ іезуитовъ позволялъ сдѣлать отговорку — съ сознаніемъ ея недостаточности, а другой—дать на словахъ обѣщаніе безъ намѣренія его исполнить, провозгласилъ по всей Европѣ, что іезуитская мораль основана на обманѣ. Но онъ взялъ только частности безъ отношенія къ общему. У іезуитовъ главное вниманіе обращено на внутреннее: внѣшность совершенно презирается,—не цинически, не съ ожесточеніемъ, а еще гораздо сильнѣе—съ уступками. Имъ все равно: требуютъ, чтобы при встрѣчѣ кланялись, они кланяются, приняли въ обычай—цѣловаться, и они цѣлуются... Имъ это все равно. Нужно ходить въ свѣтской одеждѣ, они въ ней ходятъ; надо надѣть монашеское платье — надѣваютъ; одѣться браминомъ—одѣваются... Они такъ сильны душой, такъ увѣрены въ себѣ, что не опасаются съ этими внѣшними перемѣнами измѣнить и внутренній характеръ своего ученія. Они боятся только того, чтобы человѣкъ въ самой душѣ своей не увлекся дурнымъ направленіемъ и не попалъ на путь неправый. А пока въ сердцѣ его живо сознаніе своего долга, пока онъ не рѣшается внутренно измѣнить своимъ убѣжденіямъ, до тѣхъ поръ слова ничего не значатъ и на словахъ, вообще во внѣшности—можно дѣлать какія угодно уступки житейскимъ требованіямъ. На этомъ основаніи оправдывается наружное притворство и словесный обманъ, безъ дѣйствительнаго сердечнаго согласія на дурной поступокъ. Такая уклончивость совершенно согласна съ общимъ характеромъ іезуитскаго ордена, и если съ пуритански строгой точки зрѣнія можно осуждать ее, то, по крайней мѣрѣ, нельзя изъ нея дѣлать такого преступленія, какое вывелъ Паскаль. Нужно согласиться, что и въ этомъ, какъ во всемъ, іезуиты послѣдовательны. Презрѣніе къ внѣшности, къ земному, стремленіе въ небесную отчизну высказывается у нихъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ... Все, даже душу свою, презирали они, помня заповѣдь Спасителя: «иже душу свою отщетитъ Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю»... Въ отношеніи къ учебной части большая часть враговъ іезуитовъ отдаетъ имъ полную справедливость, что они учили отлично. Это зависѣло частію отъ тѣхъ воспитательныхъ средствъ, какія употреблялись въ школахъ, какъ-то: соревнованія, ближайшаго наблюденія за наклонностями и характеромъ каждаго, уничтоженія всякихъ постороннихъ развлеченій и т. п. Съ другой стороны много содѣйствовалъ успѣху и самый способъ преподаванія. И, во-первыхъ, нельзя не замѣтить въ іезуитскихъ школахъ строжайшаго единства цѣли во всѣхъ разнообразныхъ отрасляхъ обученія. Цѣль ихъ была жизнь вѣчная, и они, подобно Рабану Мавру, рѣшили, что всѣ науки должны быть ancillae theologiae. Сакхинъ говоритъ въ своемъ «Paraenesis» (p. I, cap. XIII): «humana litteratura revera antilla est, haec autem christiana est domina; et a nobis illa gratia hujus assumitur. Cui vero dubium quanto impensius dominae, quae ancillae debeatur obsequium...» Зачѣмъ же тогда и учиться свѣтскимъ наукамъ? Сакхинъ объясняетъ это такъ: между нами совершается договоръ. Люди хотятъ учиться свѣтскимъ наукамъ; а мы ихъ хотимъ учить божественному знанію. Для того, чтобы они божественное ученіе приняли, мы соглашаемся давать имъ и свѣтское ученіе (Сакх. стр. 61—62)... Такимъ образомъ, главная цѣль—спасеніе души—нигдѣ не терялась изъ виду. Все было расположено и устроено такъ, чтобы приводить къ религіознымъ размышленіямъ и

развивать въ ученикахъ благочестіе. Каждая наука имѣла свое опредѣленное мѣсто и значеніе и ученику легко было усвоить себѣ то, что представлялось ему, какъ необходимое для достиженія послѣдней цѣли его бытія... Другое весьма важное обстоятельство, облегчавшее труды учениковъ, состояло въ точности и неизмѣнности объема учебныхъ предметовъ и еще болѣе—самаго духа и содержанія. Никто не смѣлъ вводить новыхъ вопросовъ въ учебный курсъ, никто не смѣлъ останавливаться на извѣстномъ предметѣ долѣе опредѣленнаго времени. Изъ этого происходило то, что во всемъ господствовалъ строгій порядокъ и соразмѣрность.

Сдѣлавши эти общія замѣчанія, приведу нѣсколько частностей, стараясь быть по возможности краткимъ.

Іезуиты издавали нѣсколько разъ разныя инструкціи для учителей, ректоровъ, самихъ учениковъ и пр. Двѣ изъ нихъ были у меня подъ руками. Одна—«Josephi juvencii ratio discendi et docendi», другая — «Ratio atque institutio studiorum societatis Jesu», Paris, 1850. Патеръ Ювенцій говоритъ сначала о томъ, какъ изучать извѣстные предметы и особенно словесныя науки. Греческій языкъ необходимо изучать, говоритъ онъ, для сравненія священныхъ кодексовъ и загражденія устъ врагамъ вѣры; латинскій—для пониманія богослуженія и учителей церкви (Cap. I, avt. I). Затѣмъ онъ перечисляетъ лучшихъ авторовъ, латинскихъ и греческихъ, которыхъ слѣдуетъ читать въ классѣ. Перечень этотъ очень полонъ и, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ всѣхъ важнѣйшихъ писателей и всѣ лучшія произведенія классической древности. Отечественный языкъ также—non est negligenda tamen (стр. 34) для того, чтобы въ рѣчи умѣть искусно выражать свои мысли. Для этого же особенное вниманіе обращается далѣе на слогъ,—дѣло совершенно необходимое для проповѣдника. Къ той же цѣли ведетъ реторика, діалектика, декламація. Поэзія также входитъ въ курсъ обученія, но цѣль ея опредѣляется полезнымъ нравоученіемъ. Все различіе ея отъ реторики состоитъ въ томъ, что та убѣждаетъ доказательствами, а эта propositis exemplis et actionibus, aut honestis, quas sequamur, aut pravis, quos fugiamus (стр. 77). Подобныя же цѣли предполагаются и при изученіи исторіи и филологіи. Для исторіи предлагается, какъ совершенно достаточное руководство, Бароній,—у котораго гражданскія событія излагаются только какъ необходимыя дополненія и поясненія къ церковнымъ. Послѣ изложенія курса наукъ начинается у Ювенція изложеніе правилъ преподаванія. И здѣсь, на первомъ планѣ находимъ правила de imbuendis pietate discipulis. Объ этомъ нѣсколько главъ говорятъ спеціально, и затѣмъ каждое объясненіе каждаго отдѣла каждой науки непремѣнно направляется къ этой же цѣли. Вообще, говоритъ патеръ Ювенцій, ученики—monendi sunt imprimis, ut studia referant ad divinam voluntaten et gloriam, Deoque placere et probari velint (стр. 132). Писателей толковать нужно такъ, что даже свѣтскіе и языческіе писатели omnes fiant quodammodo Christi praecones, т.-е. все пусть обращается къ похвалѣ добродѣтели и къ порицанію порока (стр. 133). Все это совершенно согласно съ общими постановленіями ордена и поддерживается постояннымъ исполненіемъ. Въ Ratio studiorum, 1850 г., есть уже отдѣльныя главы о преподаваніи священнаго писанія, еврейскаго языка, каноническаго права, философіи во всѣхъ ея отрасляхъ, математики. Все это строго соображено съ истинною вѣрою и убѣжденіями ордена. Напримѣръ, о философіи вообще замѣчается (стр. 53): такъ какъ философія располагаетъ умъ къ богословію и другимъ наукамъ... «то, ища всѣмъ сердцемъ славы и чести божіей, учитель долженъ преподавать ее такъ, чтобы приготовлять ею своихъ слушателей къ другимъ знаніямъ, особенно же къ богословію, чтобы вооружать ихъ умъ противъ заблужденій нововводителей и особенно возбуждать къ познанію своего Создателя»... Поэтому-то заповѣдуется о философахъ, худо относящихся къ христіанской религіи, «говорить съ большею осторожностью, и если что-нибудь находится у нихъ хорошее, то показывать ученикамъ, что это ими заимствовано отъ кого-нибудь» (стр. 54). Это опять разсужденія совершенно здравыя и основательныя. Для насъ должна быть одна истина—та, которая содержится въ Христовомъ ученіи, все остальное можетъ быть истинно только въ той мѣрѣ, въ какой согласно съ христіанствомъ. Какъ скоро этого согласія нѣтъ, а есть даже противорѣчіе, мы уже не должны увлекаться видимой убѣдительностью и логической послѣдовательностью философа. Напротивъ — чѣмъ онъ логичнѣе, тѣмъ опаснѣе: у него ложное начало, и оно никогда не приведетъ къ истинѣ, а между тѣмъ наружная логичность можетъ увлечь неопытный умъ... Математику, физику и вообще естественныя науки предписывается излагать такимъ образомъ, чтобы во всемъ показать ученикамъ премудрость Творца, чтобы невидимая Его отъ созданія міра, твореньями помышляема, видимы были (стр. 60)... Опять истинно высокая и единственно важная цѣль изученія, какъ естественныхъ, такъ и вообще

свѣтскихъ наукъ... Все должно быть направлено къ жизни вѣчной, все должно напоминать намъ, что мы здѣсь странники, стремящіеся къ нашему небесному отечеству. Изученіе всѣхъ наукъ имѣетъ смыслъ только въ той мѣрѣ, въ какой способствуетъ спасенію души...

Столь же разумно и полезно было другое правило, принятое въ іезуитскихъ школахъ: nemo novas introducat quaestiones... Это правило прямо и непосредственно вытекало опять изъ того же общаго стремленія іезуитовъ къ благамъ вѣчной жизни и изъ презрѣнія ко всему житейскому. Они разсуждали такимъ образомъ: или въ свѣтскихъ наукахъ заключается что-нибудь существенно необходимое для спасенія души и недостающее въ откровенномъ ученіи,—въ такомъ случаѣ христіанство нужно обвинить въ недостаточности и неполнотѣ; или христіанское ученіе совершенно полно и достаточно для спасенія,—слѣдовательно, всѣ остальныя знанія при откровенномъ ученіи совершенно излишни... На основаніи этого разсужденія іезуиты и не заботились о полнотѣ свѣтскаго образованія, когда видѣли его безполезность для спасенія души. Совершенно оставить этихъ наукъ нельзя было, потому что онѣ уже вошли въ общее употребленіе, а іезуиты всегда отличались строго-консервативнымъ характеромъ. Но въ силу того же консерватизма, они не сочли нужнымъ преслѣдовать по всѣмъ извилинамъ всѣ новыя заблужденія мысли человѣческой и ограничились тѣмъ, что уже издавна было принято... И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было имъ заниматься всѣмъ, что открываетъ и придумываетъ мысль человѣческая, когда у нихъ были уже святые результаты — вѣчная истина, принесенная на землю Любовью Божественною? Это значило бы, по ихъ выраженію, зажигать факелъ при свѣтѣ солнца или, идя по берегу чистаго ручья—пить воду изъ грязной лужи, попадающейся на дорогѣ...

Такая твердость и послѣдовательность въ принятыхъ началахъ, такая энергія въ осуществленіи ихъ на дѣлѣ заслуживаютъ, кажется, скорѣе похвалы и сочувствія, нежели осужденія и отвращенія. Теперь, представляется самъ собою вопросъ: за что же всѣ такъ ненавидятъ іезуитовъ, за что ихъ преслѣдуютъ, за что къ нимъ питаютъ одинаковое нерасположеніе люди самыхъ различныхъ партій?.. Вопросъ этотъ получаетъ у іезуитовъ самое простое и самое правдоподобное рѣшеніе: «царство наше не отъ міра сего, говорятъ они, и міръ не хочетъ принять насъ, потому что не признаетъ насъ своими». Дѣйствительно, короли гнали іезуитовъ за то, что замѣчали въ нихъ стремленіе водворить повсюду духовную власть на началахъ теократическаго правленія, безъ сомнѣнія, самаго вожделѣннаго для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ... Республиканцы и раціоналисты возставали на іезуитовъ, потому что видѣли въ нихъ самыхъ твердыхъ и могущественныхъ противниковъ своимъ замысламъ. Они были послѣдовательны, потому что, порицая іезуитовъ, порицали самыя начала, на которыхъ тѣ основываются. Такъ, г.г. Мишле и Кине въ своихъ бранныхъ лекціяхъ 1843 года прямо говорятъ: Qu'est ce que les Jésuites?—C'est la contre-revolution, c'est la mort de la liberté (стр. 22)... Исходя изъ этого начала, они бичуютъ іезуитовъ и доводятъ ихъ до результатовъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасныхъ для того, кто ничего не видитъ за предѣлами здѣшней жизни... Это машинизмъ, говорятъ они, это подавленіе всѣхъ силъ духа, уничтоженіе естественнаго развитія, стѣсненіе и уничтоженіе свободы, противоестественное воспитаніе, жертвованіе призрачнымъ цѣлямъ существеннѣйшими потребностями жизни. У іезуитовъ нѣтъ любви къ наукѣ, говорятъ они, нѣтъ стремленія къ развитію мышленія, а напротивъ, есть постоянное желаніе подавить, умертвить самостоятельность личности, задержать ходъ развитія, во всемъ водворить неподвижность и застой...

Іезуиты ничего не говорили противъ справедливости этихъ обвиненій; они только объяснили свои понятія въ возраженіяхъ господамъ раціоналистамъ. «Вы хотите свободы,—говорили они,—но, по нашему, свобода состоитъ въ подчиненіи волѣ Божіей; хотите истины,—но истина наша—въ согласіи съ разумомъ Божественнымъ; хотите жизни,—но мы думаемъ, что здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ вѣчности и сама по себѣ ничего не значитъ... Вы указываете, что у насъ не было двигателей мысли, изобрѣтателей и т. п.,—да на что намъ они? Наша цѣль совсѣмъ иная... Мы хотимъ развить умъ для пониманія небесныхъ истинъ, а не для земныхъ открытій... Было бы дурно, если бы мы ошиблись въ своихъ расчетахъ и сдѣлали не то, что хотѣли... И къ чему служитъ ваше умственное развитіе? Развѣ Бэконъ, одинъ изъ начальниковъ новѣйшей философіи, не былъ безнравственнымъ человѣкомъ, и развѣ онъ не мучится теперь, несмотря на свой умъ, въ геенѣ огненной, тогда какъ какой-нибудь простой неискусный монахъ ликуетъ съ ангелами небесными?

Заключая этимъ свой неполный, короткій очеркъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что не обращалъ здѣсь вниманія на фактическія обвиненія противъ іезуитовъ, потому

что они не имѣютъ коллективнаго характера. Такой-то іезуитъ подкупилъ убійцъ Генриха IV, такой-то написалъ книгу въ оправданіе цареубійства и т. п. Это все ничего не доказываетъ. Бываютъ вездѣ уклоненія и исключенія; но они не должны класть позорнаго пятна на цѣлую корпорацію... Разсматривая же общій духъ установленій іезуитовъ и ихъ дѣятельности, нельзя не согласиться, что они всегда были вѣрны своимъ святымъ принципамъ. Пусть говорятъ раціоналисты противъ іезуитскихъ принциповъ и ихъ дѣятельности: имъ это простительно, потому что они ничего не видятъ за предѣлами земной жизни. Но мы смотримъ на дѣло иначе. Правда, заключимъ мы, мысль имѣетъ мало простора въ іезуитскомъ воспитаніи, умъ развивается односторонне, но намъ и не нужно особеннаго разгула мыслей и особенно премудраго ума: «мы умъ Христа имамы». Правда, іезуитизмъ подавляетъ личность, стѣсняетъ, умерщвляетъ; ученіе іезуитовъ останавливаетъ свободное развитіе, это есть смерть человѣчества... Но—«не оживетъ, аще не умретъ», скажемъ мы словами Апостола и охотно подвергнемся этой смерти душевной, которая должна послужить для насъ залогомъ духовной, небесной, вѣчной жизни... Къ достиженію этой-то жизни направлены всѣ стремленія, всѣ учрежденія іезуитовъ, и ихъ направленіе совершенно вѣрно и послѣдовательно. Если я не успѣлъ убѣдительно и неопровержимо доказать это, то, конечно, вина принадлежитъ неискусству моего изложенія, а не самому дѣлу, которое еще найдетъ себѣ когда-нибудь достойнаго адвоката.

---

34. Къ портрету И. И. Давыдова.

Изъ біографическаго очерка читатель уже знаетъ, какъ ненавидѣлъ Добролюбовъ директора Педагогическаго Института, Давыдова. Это стихотвореніе очень было распространено среди студентовъ института. Принадлежность его Добролюбову устанавливается его собственноручной записью въ дневникѣ 1856 г.

Тутъ же я считаю нелишнимъ привести два неизвѣстныя до сихъ поръ стихотворенія Г. П. Данилевскаго, выписывая ихъ изъ дневника Добролюбова.

Къ портрету И. И. Давыдова.

Онъ при Уваровѣ—французѣ
Былъ съ атеистами въ союзѣ
И, русскихъ нѣмцевъ идеалъ,
За университетъ стоялъ.
Онъ при Ширинскомъ, при монахѣ,
Ѣлъ просфоры, жилъ въ божьемъ страхѣ,
На Никитенко доносилъ,
Съ митрополитами крестилъ.
Теперь же съ кѣмъ его сравню я?
Когда латынь и аллилуя
Легли, сожравъ другъ друга, въ гробъ
И всей наукѣ бреютъ лобъ,—
Онъ повернулъ свой парусъ вольный
И сталъ рукою богомольной
На честь науки—сынъ на мать—
Доносы Панину писать.

1855 г.

Когда съ Давыдовымъ встрѣчаюсь я порой,
При людяхъ какъ-то мнѣ неловко и конфузно,
Какъ будто, кто передо мной
Показываетъ пузно.

М. Л.

Подлецъ душой, подлецъ изъ видовъ,
Душеприказчикъ старыхъ бабъ,
Иванъ Иванычъ сынъ Давыдовъ,
Презрѣнный Лазаревыхъ рабъ.

---

35. О польскихъ училищахъ.

(Изъ «Исторіи польской литературы» *Вишневскаго*).

36. Aulularia.

Комедія *Плавта*. Переводъ.

Обѣ эти работы представлены были Добролюбовымъ-студентомъ проф. Н. Вышнеградскому и Благовѣщенскому и въ «Отчетѣ» Глав. Педаг. Института за 1855—56 учеб.

годъ (стр. 11) признаны заслуживающими особаго вниманія. Рукописи мною не найдены. «Aulularia» впослѣдствіи переведена Петровскимъ («Кубышка») въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» 1888 г. и Фетомъ («Горшокъ») въ 1891 году. **М. Л.**

---

37. Говорящіе столы и стучащіе духи.

Напечатано въ VII кн. «Современника» 1856 г. (ценз. 30 іюня 1856 г.). Это—дословный переводъ статьи Литре, и потому текстъ его здѣсь не приводится. **М. Л.**

---

38. Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова.

Изданіе кн. Дашковой и Екатерины II.

1783—1784.

Напечатано въ VIII и IX книжкахъ «Современника» 1856 г. (ценз. 31 іюля и 22 авг.) за подписью «Н. Лайбовъ».

Въ мартѣ 1856 г. Добролюбовъ упоминаетъ объ этой статьѣ въ письмѣ къ теткѣ, надѣясь окончить ее въ апрѣлѣ («Матеріалы», 291). Статья сдана Чернышевскому, передавшему ее съ своимъ одобреніемъ Некрасову. Насколько она произвела впечатлѣніе на Чернышевскаго, можно видѣть изъ того, что впослѣдствіи онъ ошибочно полагалъ, что это была первая работа Добролюбова въ «Современникѣ». Мы уже знаемъ, что на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ невѣрно (ср. «Книж. Вѣстникъ» 1861 г., № 22, 373). Редакція не сочла возможнымъ дать статью полностью. По словамъ Добролюбова, «редакція выкинула нѣсколько строкъ изъ предисловія, по уваженію къ библіографамъ, и еще уничтожила насмѣшку надъ Соловьевымъ, такъ какъ она хочетъ скоро помѣстить какую-то статью Соловьева, и потому онъ сдѣлался на нѣсколько мѣсяцевъ неприкосновеннымъ» («Матеріалы», 320). Насмѣшки надъ Соловьевымъ Чернышевскій не ввелъ въ статью и въ собраніе «Сочиненій». Замѣчаніе Добролюбова: «цензура пропустила все» (ibid., 320) невѣрно: кое-что она выкинула. О впечатлѣніи, произведенномъ статьей на публику, можно судить по показанію Панаева: «она обратила на себя всеобщее вниманіе своимъ здравымъ взглядомъ и ѣдкою ироніею. Статья эта надѣлала шумъ. Она была прочтена всѣми. «Какая умная и ловкая статья!»—восклицали люди, никогда не обращающіе никакого вниманія на литературу... «Скажите, кто писалъ эту статью?»—слышались безпрестанные вопросы. Умъ и блестящія способности Добролюбова не могли не обратить на него особеннаго вниманія лучшихъ изъ его профессоровъ: «и я—говоритъ Панаевъ, помню, что на вечерѣ у кн. Щербатова, который былъ въ это время попечителемъ петербургскаго округа, цѣлый вечеръ шли толки о Добролюбовѣ и о томъ, какія блестящія надежды подаетъ онъ». («Современ.», 1861, XI, 72). Тургеневъ писалъ изъ Парижа Панаеву: «Статья Лайбова весьма дѣльна (кто этотъ Лайбовъ?)» (Панаевъ, «Литератур. воспоминанія», 1888 г., 404). Иного мнѣнія былъ В. Боткинъ: «статья г. Лайбова, къ сожалѣнію, суха» (ibid., 413),—но во всякомъ случаѣ и онъ говорилъ о ней.

И въ самомъ дѣлѣ, статья не могла не обратить на себя широкое вниманіе. Добролюбовъ очень мѣтко отмѣтилъ ту эволюцію, которая начинала происходить съ исторіей русской литературы и критикой. За отсутствіемъ талантливаго захватывающаго архитектора изъ всѣхъ щелей полѣзли каменщики и штукатуры и до такой степени шумно начали свою черную работу, что часть публики готова была счесть ихъ трудъ за истинное строительное творчество. И вотъ, во вліятельномъ журналѣ, еще съ недавней каѳедры Бѣлинскаго, раздается голосъ, призывающій къ осознанію своего прошлаго съ точки зрѣнія широкихъ и поучительныхъ обобщеній... Каждый долженъ былъ понять, кто правъ въ этой пре-

тензіи на руководящую роль. Публика не могла не оцѣнить также и знаній автора въ области русской исторіи вообще, исторіи русской журналистики и литературы въ частности. Съ этой стороны статья Добролюбова и до сихъ поръ, спустя слишкомъ полвѣка, остается очень цѣннымъ изслѣдованіемъ выдающейся эпохи.

Пыпинъ взялъ подъ свою защиту вышученныхъ Добролюбовымъ библіографовъ. «Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, дѣло обстояло не такъ просто и заключалось не въ одной случайной охотѣ къ литературному антикварству, къ отыскиванію книжныхъ курьезовъ, раскрытію старинныхъ псевдонимовъ и т. п. Почти сплошь эти новые антиквары были тогда молодые люди съ большой любознательностью къ литературной исторіи, и ихъ работы въ этомъ новомъ направленіи были вовсе не случайны и не произвольны. Надо вспомнить, во-первыхъ, что это время, конецъ сороковыхъ и первые пятидесятые годы, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ, какіе переживала русская литература. Невольно приходилось направлять работу на детальныя изслѣдованія, которыя не рисковали бы цензурнымъ истребленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эти детальныя разысканія открывали не мало интереснаго и исторически важнаго... Что это былъ органическій и жизненный интересъ, можно видѣть уже изъ того, что въ новомъ поколѣніи онъ выросталъ самъ собою, безъ чьего-либо указанія или руководства, въ отдѣльныхъ лицахъ, которыя приступали къ дѣлу съ различныхъ сторонъ» («Мои замѣтки», «Вѣстн. Европы» 1905 г., III, 10—11). Все это такъ, но Добролюбовъ и Пыпинъ стоятъ въ разныхъ плоскостяхъ, и второй этого не замѣтилъ. Разумѣется, Н. А. хорошо понималъ, почему расплодились библіографы,—онъ видѣлъ результаты николаевскаго гнета; сознавалъ онъ также, что эти литературныя работы имѣютъ свое значеніе, и пр. и пр. И все-таки, онъ былъ правъ, когда сказалъ обществу: не думайте, что это — исторія вашей литературы; а библіографамъ: — займите свое скромное мѣсто и не стрѣляйте такъ часто изъ пушекъ по воробьямъ. Послѣ смерти Николая I у Россіи есть задачи посерьезнѣе, и работники нужны иные: штукатурамъ дѣлать было нечего, когда понадобились сломщики и строители...

Роль Екатерины намѣчена вполнѣ правильно, несмотря на весь внѣшній аксесуаръ наружнаго преклоненія передъ «Россійской Минервой». Читатель пятидесятыхъ годовъ умѣлъ понимать истинную мысль автора, выраженную съ еще большимъ количествомъ реверансовъ, еще лучше замаскированную. Офиціальная исторія, созданная и вдохновенная людьми, нуждающимися въ ея помощи для освященія послѣдующихъ своихъ дѣйствій, была разоблачена, но такъ мягко, такъ деликатно, что цензура совершенно не знала, какъ поступить. Частые намеки на современность держали читателя въ напряженномъ вниманіи.

Эта работа Добролюбова не была скрыта и отъ глазъ его начальства по институту. По окончаніи ея, въ апрѣлѣ, онъ представилъ работу проф. Срезневскому, а послѣдній, доложивъ совѣту, включилъ ее въ число выдающихся студенческихъ работъ («Отчетъ Глав. Педаг. Инст. за 1855—56 уч. годъ», 11). Фактомъ напечатанія статьи въ «Современникѣ» Добролюбовъ ясно ставилъ свою къ нему принципіальную близость. Никакой другой журналъ и не напечаталъ бы ее, потому что всѣ шли по пути библіографической критики.

М. Л.

Статья первая.

Послѣ отвлеченныхъ философскихъ разсужденій, которыми отличалась наша критика въ сороковыхъ годахъ, наступило время обращенія къ фактамъ исторіи литературы. Любопытно наблюдать этотъ крутой поворотъ направленія,—одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много представляетъ исторія нашей словесности. За 10—20 лѣтъ передъ этимъ, ко всему хотѣли прилагать эстетическія и философскія начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякій предметъ оцѣнивали по тому значенію, какое имѣетъ онъ въ общей системѣ знаній или между явленіями дѣйствительной жизни. Тогда господствовали высшіе взгляды, тогда старались уловить духъ, характеръ, направленіе, оставляя въ сторонѣ мелкія подробности, не выставляя на показъ всѣхъ данныхъ, а выбирая изъ нихъ только наиболѣе характерныя. Тогда критика обыкновенно рисовала намъ прежде всего фасадъ зданія, потомъ представляла намъ его планъ, говорила о матеріалахъ, изъ которыхъ оно построено, разсказывала о внутреннемъ убранствѣ и затѣмъ анализировала впечатлѣніе, которое производитъ это зданіе.

Нынѣ это дѣлается не такъ [1]). Прежде

[1]) Разумѣемъ здѣсь большинство случаевъ, изъ которыхъ иногда являются пріятныя исключенія. *Прим. Д.*

всего намъ показываютъ отдѣльно каждый кирпичъ, каждое бревно, каждый гвоздикъ, употребленный при постройкѣ дома, разсказывая подробно, гдѣ каждый изъ нихъ купленъ, откуда привезенъ, гдѣ лежалъ до того времени, какъ занялъ свое настоящее мѣсто. Затѣмъ, занимаются изслѣдованіемъ, насколько, кѣмъ и какъ обрубленъ и обсѣченъ сырой матеріалъ, приготовленный для стройки. Наконецъ, представляютъ смѣту, сколько эти матеріалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоятъ. Теперь дорожатъ каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и библіографіи. Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись А, или Б, или В въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе,—вотъ важнѣйшія задачи современной критики, вотъ любимые предметы ея изслѣдованій, споровъ, соображеній. Верхъ ея искусства, апогей ея благотворности—если она хочетъ и сумѣетъ показать значеніе произведеній того или другого писателя для его времени и потерю этого значенія въ наше время. Но часто и этого не видимъ мы въ современной критикѣ. Она занимается фактами, она собираетъ факты,—а что ей за дѣло до выводовъ! Выводы дѣлайте сами: при помощи современной критики это очень легко. Она вамъ указываетъ, гдѣ помѣщено то-то и то-то: возьмите и прочитайте! Если хотите сличеній, и здѣсь вамъ критика поможетъ. Она представляетъ вамъ всевозможныя перемѣны, какія сдѣланы въ этомъ произведеніи при различныхъ его редакціяхъ. Мало того: она разскажетъ вамъ, гдѣ и въ какихъ обстоятельствахъ писано такое-то произведеніе, она откроетъ вамъ гдѣ-нибудь надпись: село такое-то, мѣсяцъ такой-то, или обстоятельно, посредствомъ множества хитрыхъ соображеній, докажетъ, что это стихотвореніе, вѣроятно, писано было уже послѣ того времени, какъ авторъ переѣхалъ съ Мойки въ Галерную улицу, но еще прежде, нежели онъ купилъ собственный домъ. Результаты, по истинѣ, блистательные! Можно надѣяться, что далеко уйдетъ съ ними молодое поколѣніе. [Много эта критика сообщитъ ему живыхъ воззрѣній, много породитъ отрадныхъ прекрасныхъ явленій въ области умственной жизни, много подѣйствуетъ на развитіе общества! Имѣя своими высшими, совершеннѣйшими идеалами—Сопикова и Анастасевича, бойко и твердо пойдутъ наши геніальные, но тѣмъ не менѣе трудолюбивые ученые по дорожкѣ, проторенной этими безсмертными основателями русской библіографіи... Наполняя литературу указателями, помѣщая въ журналахъ указатели, основывая свою ученую славу на составленіи указателей, они смѣло будутъ говорить всей Россіи: вотъ гдѣ истинное ученое достоинство, вотъ гдѣ основательные, дѣльные труды, заслуживающіе безсмертія въ потомствѣ!] [1]). Это не то, что какія-нибудь философскія умствованія, эстетическія соображенія, историческіе, литературные и всевозможные общіе взгляды, которые можетъ бросать всякій мальчикъ со школьной скамьи, для которыхъ слѣдуетъ только подумать нѣсколько часовъ, а не нужно проводить мѣсяцы и годы въ переборкѣ, сличеніи, переписываніи и выпискахъ изъ десятковъ и сотенъ книгъ.

Такъ думаютъ и говорятъ представители фактическаго, или, лучше, библіографическаго направленія критики. Такъ еще долго будутъ говорить они и, нельзя не сознаться, въ словахъ ихъ есть частица правды. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ занятія трудны и почтенны, и если достоинство каждаго дѣла мѣрить его трудностью, то едва-ли въ области умственной найдется трудъ болѣе достойный. Это несчастные носильщики, перетаскивающіе камни къ мѣсту стройки; это жалкіе рудокопы, копающіе землю, чтобы отыскать въ ея грудахъ зернышко золота. Они полезны, они необходимы, они даже достойны уваженія; но позвольте мнѣ, все-таки, болѣе уважать архитектора, распоряжающагося стройкой, геолога, указывающаго руду. Ихъ дѣло, можетъ быть, требуетъ менѣе постояннаго, тяжкаго, изнурительнаго труда; но я знаю, что они-то именно и придаютъ значеніе трудамъ каменщиковъ и рудокоповъ, что отъ нихъ-то міръ можетъ ожидать открытій и плановъ, на исполненіе которыхъ всегда найдется довольно людей. Уважаю я трудъ библіографа, знаю, что для него нужно нѣкоторое приготовленіе, предварительныя знанія, какъ для почтальона нужно знаніе городскихъ улицъ; но позвольте же мнѣ болѣе уважать критика, который даетъ намъ вѣрную, полную, всестороннюю оцѣнку писателя или произведенія, который произноситъ новое слово въ наукѣ или искусствѣ, который распространяетъ въ обществѣ свѣтлый взглядъ, истинныя, благородныя убѣжденія. Отъ этого критика я не

---

[1]) Это мѣсто, какъ видно, изъ словъ Добролюбова («Матеріалы», 320), выкинуто самой редакціей «по уваженію къ библіографамъ».

узнаю, можетъ быть, даже названій всѣхъ произведеній писателя, и тѣмъ менѣе то, гдѣ они были помѣщены и гдѣ писаны, но зато мнѣ будетъ открытъ характеръ писателя, я буду ясно и вѣрно понимать лучшія его произведенія, горячо сочувствовать всему прекрасному, что въ нихъ заключается... И долго будетъ въ обществѣ отзываться звучный, ясный голосъ этого критика, долго будетъ чувствовать народъ благотворное вліяніе его убѣжденій, его горячей, смѣлой, задушевной проповѣди. Конечно, это направленіе тоже можетъ быть доводимо до крайностей: можно набросать громкихъ фразъ, не имѣя никакого собственнаго убѣжденія... Но даже и это не совершенно безполезно: по крайней мѣрѣ, подобная статья заставитъ читателя думать... Библіографическіе же труды могутъ только составить чисто пассивное упражненіе памяти. Ихъ, конечно, можно ставить себѣ въ заслугу и успокоиваться на нихъ, точно такъ, какъ нѣкоторые ученые, покоящіеся на лаврахъ, ставятъ себѣ въ заслугу то, что читаютъ корректуры новаго изданія своихъ сочиненій. Но нельзя не замѣтить, что для подобнаго дѣла существуютъ корректора, работающіе безъ всякихъ претензій на геніальность.

Страннымъ можетъ показаться такое вступленіе въ сочиненіе, само имѣющее предметомъ одинъ изъ частныхъ фактовъ нашей литературы. Но оно было необходимо для того, чтобы показать, въ чемъ я полагаю задачу своего труда, какъ я смотрю на дѣло, за которое взялся, и чего читатель можетъ ожидать отъ этого обозрѣнія. Высказавъ теперь свои общія положенія о трудахъ подобнаго рода, я уже смѣлѣе могу говорить о своемъ собственномъ трудѣ, смѣлѣе могу предупредить, что это не будетъ библіографическій указатель, и тѣмъ менѣе—сводный списокъ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ» и потомъ перепечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Пусть библіографы съ презрѣніемъ отвернутся отъ моего труда; пусть люди, ищущіе все только фактовъ, голыхъ сырыхъ фактовъ,— пусть они обвиняютъ меня въ недостаткѣ научнаго мозольнаго изслѣдованія, въ пристрастіи къ общимъ взглядамъ,— пусть мой трудъ покажется имъ неосновательнымъ, пустымъ, легкимъ. Я не боюсь этого обвиненія и надѣюсь найти защиту предъ читателями именно въ легкости моего обозрѣнія. Я всѣми силами старался скрыть черную работу, которая положена въ основаніе зданія, снять всѣ лѣса, по которымъ лазилъ я во время стройки, потому что почитаю ихъ совершенно излишними украшеніями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счеты, не множители и дѣлители. Можетъ быть, отъ этого трудъ мой потеряетъ *научное* достоинство, но зато его можно будетъ читать, а я хочу лучше служить для чтенія, нежели для справокъ. Впрочемъ, чтобы невѣрующіе не вздумали усомниться во всѣхъ моихъ выводахъ, я рѣшаюсь дать имъ *примѣчанія*. Эти примѣчанія довольно обширны, и потому я отношу ихъ къ концу сочиненія, подъ особымъ названіемъ: *Библіографическія замѣтки*. Здѣсь будетъ списано отчасти и оглавленіе «Собесѣдника», и представленъ счетъ страницъ его, и показаны опечатки, и высказаны «требовавшія обширной эрудиціи» соображенія о томъ, кого скрывала такая-то подпись изъ начальныхъ буквъ, и кому могло бы принадлежать такое-то четверостишіе безъ подписи,—словомъ, все то, что такъ постоянно оставалось неразрѣзаннымъ въ нашихъ журналахъ послѣднихъ годовъ. Въ самомъ же сочиненіи читатель найдетъ только готовые выводы и самыя необходимыя соображенія касательно важнѣйшихъ вещей. Это дастъ мнѣ болѣе свободы въ моемъ изложеніи, позволитъ подробнѣе и вѣрнѣе прослѣдить духъ и направленіе журнала, оставитъ болѣе простора сооображеніямъ критическимъ и собственно литературнымъ.

Предметъ моего изслѣдованія даетъ много поводовъ для подобныхъ соображеній. Это не какая-нибудь «Поденщина», «Мѣшенина» или «Пустомеля», которыя, дѣйствительно, могутъ довольствоваться и просто библіографическимъ описаніемъ. «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» долженъ занять видное мѣсто въ исторіи русской литературы и въ особенности журналистики. Онъ можетъ дать много важныхъ фактовъ для изучающаго состояніе русскаго общества и литературы въ концѣ прошлаго столѣтія. Можно сказать, что въ продолженіе двухъ лѣтъ своего изданія онъ совмѣщалъ въ себѣ почти всю литературную дѣятельность русскихъ писателей того времени. Жизнь общества тогдашняго отражалась въ немъ болѣе, нежели въ какомъ-либо изъ другихъ изданій, и причину этого, конечно, должны мы искать въ самыхъ условіяхъ существованія «Собесѣдника». У насъ, вообще, журнальная литература всегда пользовалась наибольшимъ успѣхомъ и получила наибольшее развитіе,—потому-ли, что русскіе авторы никогда не хотѣли или не умѣли сами хлопотать о продажѣ и объ изданіи своихъ сочиненій, или потому, что чтеніе мелкихъ, легкихъ статеекъ приходилось болѣе по вкусу образующагося общества, нежели чтеніе сочи-

неній обширныхъ и серьезныхъ. Да, впрочемъ, подобныхъ сочиненій у насъ никогда и не являлось слишкомъ много. Какъ бы то ни было, журналы различныхъ форматовъ, съ различнымъ направленіемъ и содержаніемъ, различными сроками выхода развелись у насъ во множествѣ уже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Естественно, что они должны были слѣдить за современностію, угадывать потребности общества, если хотѣли имѣть успѣхъ. И дѣйствительно, пересматривая рядъ этихъ изданій, мы находимъ общее стараніе слѣдить за общественной жизнью и овладѣвать вниманіемъ публики, представляя посильное изображеніе того, что особенно ее занимало или могло занимать въ данное время. Отсюда объясняется раннее появленіе у насъ нравоописательныхъ изданій. При этомъ нельзя забыть и того особеннаго направленія, которое всегда проглядывало въ этихъ изображеніяхъ нравовъ—направленія сатирическаго. Молодое развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видѣло, что ему еще многое нужно у себя исправить и передѣлать. Но не въ его волѣ было вдругъ отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, имѣвшихъ, большею частію, историческое происхожденіе, проникнувшихъ весь характеръ народа и нерѣдко связанныхъ съ самымъ общественнымъ его устройствомъ. Для этого нужно было время, приготовленіе; нужно было, чтобы появилось сначала сознаніе недостатковъ, чувство необходимости ихъ исправленія; сначала должно было теоретически овладѣть умами, чтобы потомъ практически выразиться въ жизни. Сатира явилась въ этомъ случаѣ могучимъ дѣятелемъ, какъ и всегда является она въ обществѣ. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, такъ часто останавливаемое враждебными обстоятельствами въ естественномъ ходѣ своего развитія, такъ стѣсняемое въ самыхъ чистыхъ и высокихъ своихъ стремленіяхъ, связанное во всемъ по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе совершенно неравномѣрнаго распредѣленія въ немъ умственныхъ и вещественныхъ преимуществъ,— это общество, не имѣя возможности дѣйствовать, искало отрады, по крайней мѣрѣ, въ словѣ—умномъ, смѣломъ, благородномъ, выводившемъ на посмѣяніе все низкое и пошлое и выражавшемъ живое стремленіе къ новому, лучшему, разумному порядку вещей. Никогда не замирало у насъ это направленіе, и во всемъ, что есть лучшаго въ нашей словесности, отъ первыхъ народныхъ пѣсенъ до произведеній Гоголя и стихотвореній [Некрасова] [1]), видимъ мы эту иронію, то наивно-открытую, то лукавоспокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себѣ представителей и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. Число журналовъ, надачавшихся «Всякою Всячиною» (1769 г.) и отличавшихся преимущественно сатирическимъ направленіемъ, довольно велико. Въ этомъ же году появились: «И то, и се», «Ни то, ни се», «Поденьщина», «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь» и «Трутень».— Въ слѣдующемъ году издавался «Парнасскій Щепетильникъ» Новикова; въ 1771 г. «Трудолюбивый Муравей» Рубана; въ 1772 г. «Вечера» и «Живописецъ» Новикова, имѣвшіе такой блестящій успѣхъ, что «Живописецъ» снова перепечатанъ былъ въ слѣдующемъ же году. Съ этого времени Новиковъ рѣшительно овладѣлъ поприщемъ журналистики. Въ 1774 г. издалъ онъ «Кошелекъ», въ 1777—1780 годы «Утренній Свѣтъ»; въ 1781 г. «Московское Ежемѣсячное Изданіе»; въ 1782 г. «Вечернюю Зорю», какъ продолженіе «Утренняго Свѣта», и въ 1784 г. заключилъ все это «Покоящимся Трудолюбцемъ». Не всѣ новиковскія изданія отличаются одинаковымъ направленіемъ, а потому не всѣ имѣли одинаковый успѣхъ. Въ «Утреннемъ Свѣтѣ» является уже характеръ болѣе философскій, нежели сатирическій, и только стихотворенія да анекдоты все еще напоминаютъ веселую сатиру. Въ «Вечерней Зорѣ» уже преобладаютъ разсужденія—о постѣ, о безсмертіи души, о суетѣ суетъ, объ истинномъ блаженствѣ, о совѣсти, объ откровеніи, о египетской морали и догматикѣ, и т. п. Самыя стихотворенія представляютъ, большею частію, переложеніе молитвъ, псалмовъ и душеспасительныя размышленія. То же самое находимъ въ «Покоящемся Трудолюбцѣ», гдѣ въ каждой книжкѣ являются благочестивыя размышленія и духовныя оды на любовь, на злобу, на смерть, на рожденіе вообще или чье-нибудь рожденіе въ частности. Такое направленіе было очень почтенно и могло быть даже полезно въ то время; но для этого нужно было немножко получше взяться за дѣло. Въ виду смѣлыхъ и остроумныхъ нападеній величайшихъ умовъ того времени, нельзя уже было довольствоваться прежнею рутиною, обращеніями къ чувству, восклицательными знаками, изношенными сравненіями; нельзя уже было прятаться за авторитетъ египетскихъ, китайскихъ и другихъ мудрецовъ. А этимъ-то именно и отличаются разсужденія новиковскихъ журналовъ. Они чрезвычайно напоминаютъ сочиненія на заданныя темы, какими упражняютъ обыкновенно воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Это, впрочемъ, иначе и не могло быть, по самому

[1]) Въ «Современникѣ» стояли ***.

составу сотрудниковъ журнала, которые всѣ почти были студенты Московскаго университета, какъ объявлялъ объ этомъ Новиковъ на первыхъ же листахъ каждаго журнала. Большая часть именъ осталась совершенно неизвѣстными въ литературѣ, въ «Вечерней Зорѣ» можно только отмѣтить Лабзина и Пельскаго, въ «Покоящемся Трудолюбцѣ»—Подшивалова, Антонскаго и Сохацкаго. Неудивительно, что эти классныя упражненія мало встрѣчали сочувствія въ публикѣ, которая, не обращая вниманія на дидактическіе журналы Новикова, въ это самое время жадно перечитывала во 2-мъ и 3-мъ изданіи его «Живописца» и «Вечера».

Гораздо большимъ вниманіемъ пользовался журналъ, издававшійся съ 1778 г. Григоріемъ Брайко (1) (по свидѣтельству м. Евгенія)—«Спб. Вѣстникъ». Этотъ журналъ, менѣе обнаруживавшій наклонности къ отвлеченнымъ безплоднымъ умствованіямъ, больше вникавшій въ жизнь и лучше ее понимавшій, нежели остальная журнальная братія, скоро овладѣлъ общимъ вниманіемъ и продолжался непрерывно, въ теченіе почти четырехъ лѣтъ,— явленіе очень рѣдкое въ то время (2). Въ немъ явилось нѣсколько поэтическихъ опытовъ Державина (см. объ этомъ статью г. Грота въ «Соврем.» 1845 г., № 4). Въ немъ участвовалъ Княжнинъ. Здѣсь же помѣщена была знаменитая въ свое время сатира Капниста (3). Вообще, стихотворный отдѣлъ отличается скорѣе сатирическимъ, нежели дидактическимъ направленіемъ. Въ прозаическихъ статьяхъ тоже разсматриваются предметы болѣе близкіе къ жизни, нежели отвлеченные. Есть нѣсколько статей историческаго и даже юридическаго содержанія (4). Статья «О началѣ россійскаго театра» можетъ быть небезполезна и нынѣ. Кромѣ того, живѣйшій интересъ придаваемъ былъ журналу тѣмъ, что онъ постоянно слѣдилъ за новостями политики и литературы. Въ его программѣ заключался отдѣлъ библіографіи — довольно полной и дѣльной для своего времени—и, сверхъ того, отдѣлъ, въ которомъ помѣщались распоряженія русскаго правительства и извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ другихъ странъ. Все это придавало журналу небывалыя до того живость и разнообразіе и, конечно, много содѣйствовало его успѣху въ публикѣ. Причины его прекращенія неизвѣстны. Но послѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» это было самое продолжительное изданіе въ прошломъ вѣкѣ, и ужъ, конечно, прекратилось оно не по тѣмъ причинамъ, которыя, напримѣръ, заставили Туманскаго напечатать въ 1786 году на послѣдней страницѣ своего «Зеркала Свѣта» слѣдующія строки: «Сія часть оканчиваетъ изданіе «Зеркала Свѣта» понедѣльно. Разныя неудобства продолженіе онаго прерываютъ, а малое число подписателей, сей годъ бывшихъ, а и того меньше на будущій явившихся, подтвердили давно извѣстную о писателяхъ, общую пользу предметомъ имѣющихъ, истину».—Журналъ Туманскаго и «С.-Петербургскій Вѣстникъ» разнились такъ, какъ, напримѣръ, «Сынъ Отечества» и «Телеграфъ», и если первый прекратился *своею смертію*, то уничтоженіе послѣдняго, всего вѣроятнѣе, нужно искать въ обстоятельствахъ, теперь намъ неизвѣстныхъ [1]).

«Собесѣдникъ Любителей Росссійскаго Слова» былъ прямымъ преемникомъ и продолжателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника», хотя безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Даже, вѣроятно, безъ всякаго намѣренія, а совершенно случайно. Это продолженіе видимъ мы не во внутренней жизни, не въ существенныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ журнала: въ этомъ сходство между «Собесѣдникомъ» и «Вѣстникомъ» развѣ немногимъ чѣмъ больше, какъ и между всѣми другими журналами, которые всѣ отличались болѣе или менѣе полнымъ отсутствіемъ убѣжденій и болѣе или менѣе яркою пестротою противорѣчивыхъ понятій и взглядовъ. Нѣтъ, сходство это болѣе внѣшнее, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить его. Въ «Собесѣдникѣ» участвовали почти всѣ тѣ же писатели, которые участвовали въ «Вѣстникѣ; изъ «Вѣстника» перепечатывалъ «Собесѣдникъ», особенно въ первыхъ частяхъ своихъ, значительное количество статей, иногда сказывая объ этомъ, а иногда и умалчивая (5). «Собесѣдникъ», какъ и «Вѣстникъ», защищалъ русскій языкъ отъ вторженія ненужныхъ иностранныхъ словъ, отличался любовію къ историческимъ изысканіямъ, пытался рисовать современные нравы и представлять въ легкой формѣ дѣльныя научныя истины; наконецъ, въ немъ, какъ и въ «Вѣстникѣ», находимъ мы совершенное отсутствіе стихотворныхъ шарадъ и загадокъ, которыми наполнялись тогда всѣ журналы, особенно новиковскіе. Только отдѣлы критики и новостей были уничтожены здѣсь, потому, вѣроятно, что «Собесѣдникъ» не назначалъ себѣ срочнаго времени для выхода, а выпускалъ свои книжки по мѣрѣ накопленія статей.

Изъ этого коротенькаго обзора журналовъ, предшествовавшихъ «Собесѣднику»,

---

[1]) Интересующіеся причинами прекращенія Николаемъ I журнала Полевого — «Московскій Телеграфъ», найдутъ ихъ въ книгѣ моей—«Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.».

и изъ нѣсколькихъ словъ объ отношеніи его къ «С.-Петербургскому Вѣстнику» видно уже, что въ этомъ журналѣ смѣло можно искать отраженія современной жизни общества. Успѣхъ этого исканія представится намъ еще болѣе несомнѣннымъ, когда мы вспомнимъ о томъ, кто были его издатели. Это были—княгиня Дашкова и сама императрица Екатерина II. Здѣсь не могли, слѣдовательно, имѣть мѣста никакія опасенія, никакая малодушная робость предъ сильными міра сего. Литературное слово обличенія и наставленія нисходило съ высоты престола, оно было *со властію*, было сильно, свободно и открыто, не щадило порока и низости на самыхъ высшихъ ступеняхъ общественныхъ, не было стѣсняемо никакими посторонними обстоятельствами, которыя, въ другихъ случаяхъ, такъ часто накладываютъ *печать молчанія на уста* писателя. Съ другой стороны, это не было изданіе офиціальное, которое бы по необходимости должно было ограничиться узкой программой отчетовъ, мертвыхъ цифръ и другихъ, хотя краснорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе нисколько не характеристическихъ данныхъ. Это было изданіе собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полнымъ просторомъ въ выборѣ предметовъ и въ способѣ ихъ изображенія. Къ этому нужно присоединить и то, что вся литературная дѣятельность Екатерины II имѣетъ видъ высокой правды и безкорыстія, которое не могло не дѣйствовать и на другихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ то время. Правда, по духу того времени, императрица не могла не терпѣть разныхъ, слишкомъ восторженныхъ гиперболическихъ диѳирамбовъ; поэтъ прекрасно сказалъ отъ ея имени:

Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть.

И въ то время, можетъ быть, даже больше, чѣмъ во всякое другое, встрѣчаемъ мы торжественныхъ льстивыхъ одъ. Но это была дань своему вѣку, и, обезпечивъ себя подобнымъ твореніемъ, каждый изъ писателей тѣмъ безбоязненнѣе и прямѣе могъ изображать современное общество и подсмѣиваться надъ его недостатками. Таковъ именно и есть характеръ «Собесѣдника», какъ покажетъ подробный разборъ его.

Мы не будемъ здѣсь много распространяться объ основаніи «Собесѣдника» Екатериною II: оно довольно общеизвѣстно, и извѣстіе о немъ помѣщается даже въ курсахъ литературы, обыкновенно предъ разборомъ «Фелицы» Державина (6). Трогательная исторія появленія этой оды-сатиры, въ самомъ дѣлѣ, тѣсно связана съ началомъ «Собесѣдника»: ода красуется на первыхъ его страницахъ. Въ сущности, впрочемъ, это обстоятельство довольно маловажно для нашего дѣла, и потому, не останавливаясь на немъ, ограничимся только необходимыми историческими данными.

«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова», содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей», начался въ 1783 году, «по желанію Академіи Наукъ директора, ея сіятельства Е. Р. Дашковой», какъ сказано въ предувѣдомленіи къ нему. Объ участіи императрицы Екатерины II ничего тогда не было сказано, и оно нѣкоторое время оставалось тайною для многихъ, что доказывается смѣлыми вопросами фонъ-Визина, помѣщенными въ третьей книжкѣ, и не совсѣмъ благосклонными критиками «Любословововъ», помѣщавшимися въ самомъ же «Собесѣдникѣ» (7). Начался этотъ журналъ съ началомъ 1783 года: первая книжка его вышла мая 20-го, какъ видно изъ объявленія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1783 года, № 40. Въ этотъ первый годъ вышло десять книжекъ журнала; остальныя семь вышли въ слѣдующемъ году. Съ шестнадцатою книжкою изданіе, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, прекратилось въ сентябрѣ 1784 года (8).

Изданіе это многіе до сихъ поръ относили къ основанію Россійской Академіи (Гречъ, Полевой и др.) (9). Но оно началось гораздо раньше, потому что указъ объ учрежденіи Россійской Академіи состоялся только 30 октября 1783 года, а до этого времени издано уже было пять книжекъ «Собесѣдника» [1]). Вмѣстѣ съ этой ошибкой курсы нашей литературы повторяютъ другую, именно: будто бы въ «Собесѣдникѣ» напечатана была рѣчь, говоренная при учрежденіи Академіи княгинею Дашковою; въ «Собесѣдникѣ» этой рѣчи нѣтъ (10). Впрочемъ, не совпадая хронологически, «Собесѣдникъ» и учрежденіе Россійской Академіи совпадаютъ по мысли, произведшей ихъ. Въ объявленіи о «Собесѣдникѣ», которое вошло и въ предувѣдомленіе къ нему, сказано, что княгиня Дашкова «почитаетъ нужнымъ не только пещись, по долгу званія своего (какъ директоръ Академіи Наукъ), о приведеніи наукъ въ Россіи въ цвѣтущее состояніе, но и стараться о доставленіи публикѣ хорошихъ россійскихъ сочиненій, чтобы тѣмъ подавать, по мѣрѣ силъ своихъ, способы сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ, до словесныхъ наукъ и нравоученія касающихся, сочиненіяхъ.

---

[1]) См. «Объ учрежденіи Росс. Академіи», въ первомъ томѣ «Сочиненій и Переводовъ Росс. Академіи» 1805 года. *Прим. Д.*

Польза, отъ сего происходящая, ощутительна, какъ въ разсужденіи россійскаго слова, такъ и вообще въ разсужденіи просвѣщенія». Въ концѣ первой книжки напечатано увѣдомленіе издателей, чтобы всѣ, кому угодно, присылали въ редакцію критики на статьи «Собесѣдника»: «ибо желаніе княгини Дашковой есть, чтобы россійское слово вычищалось, процвѣтало и, сколько возможно, служило къ удовольствію и пользѣ всей публики, а критика, безъ сумнѣнія, есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ достиженію сей цѣли» [1]). Въ рѣчи при учрежденіи Россійской Академіи княгиня Дашкова также говоритъ: «Учрежденіемъ Россійской Академіи предоставлено усовершить и возвеличить слово наше препрославленному вѣку Екатерины Вторыя... Многоразличныя древности нашего отечества, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ представляютъ намъ обширное поле... Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ произведеніямъ, достойнымъ громкаго нашего вѣка. Сіе, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ». Изъ этихъ словъ видно уже просвѣщенное стремленіе княгини Дашковой способствовать успѣхамъ родного слова; видно, что новый деректоръ Академіи Наукъ съ жаромъ и умѣньемъ взялся за исполненіе своихъ важныхъ обязанностей. Назначенная директоромъ Академіи по непосредственному выбору императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова долго отговаривалась, утверждая, что она неспособна къ такой важной должности. Но императрица сказала, что люди, прежде того занимавшіе эту должность, по способностямъ и качествамъ своимъ, были ниже княгини, и настояла на своемъ выборѣ. Изъ собственныхъ записокъ княгини (11) видно, съ какимъ безкорыстіемъ и чистымъ усердіемъ принялась она за ввѣренное ей дѣло, съ какой ревностной напряженной дѣятельностью заботилась о процвѣтаніи и возвышеніи русскаго просвѣщенія и русскаго слова. Съ перваго дня своего вступленія въ должность, она хлопочетъ о приведеніи въ порядокъ библіотеки, типографіи академической, о выборѣ новыхъ членовъ, о возобновленіи журнала Академіи, объ увеличеніи экономическихъ суммъ, на которыя умножаетъ число учениковъ въ академическомъ училищѣ, прибавляетъ жалованья профессорамъ, вводитъ новые курсы, издаетъ карты губерній Россійской имперіи (12). Но и этихъ трудовъ было для нея не довольно: она хотѣла еще непосредственнѣе дѣйствовать на распространеніе полезныхъ знаній и добрыхъ мыслей въ обществѣ и для этой цѣли, черезъ три мѣсяца послѣ своего назначенія въ должность директора Академіи, задумала литературный журналъ. Апрѣля 14-го, 1783 года, явилось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» первое объявленіе объ изданіи «Собесѣдника». Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о томъ, на какія суммы предпринято было это изданіе, и кто первый возымѣлъ мысль о немъ—Екатерина-ли, или сама княгиня Дашкова. Въ «Запискахъ» ея сказано, что этотъ журналъ «издавала Академія» [1]), и на заглавномъ листѣ каждой книжки стоитъ: «иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ». Потому можно предполагать, что на это употреблены были именно тѣ экономическія суммы, которыя умѣлъ сберечь новый директоръ Академіи. Чрезъ полгода послѣ начала этого изданія княгиня Дашкова успѣла уже привести къ совершенію учрежденіе Россійской Академіи, какъ ученаго общества, долженствующаго «хранить и утверждать языкъ»; такимъ образомъ, что она имѣла въ виду совершить частнымъ образомъ, посредствомъ своихъ сочиненій и кружка литераторовъ, помѣщавшихъ свои труды въ ея журналѣ, теперь высказалось офиціально и возложено было на цѣлое сословіе ученыхъ, которые должны были усовершенствованіе отечественнаго слова поставить задачею свой дѣятельности. Вотъ въ какомъ отношеніи могутъ быть сближены «Собесѣдникъ» и Россійская Академія: они имѣли одну и ту же цѣль, явились вслѣдствіе одного и того же просвѣщеннаго стремленія—распространять просвѣщеніе въ обществѣ и возвысить значеніе отечественной литературы. Мы обращаемъ особенное вниманіе на это обстоятельство, потому что оно опредѣляетъ до нѣкоторой степени самый характеръ и направленіе журнала. Двойная цѣль изданія вполнѣ объясняетъ намъ, почему въ «Собесѣдникѣ», рядомъ со статьями о нравахъ, встрѣчаются опредѣленія синонимовъ, вмѣстѣ съ лучшими поэтическими произведеніями того времени—филологическія изслѣдованія о свойствахъ славянскаго языка, или критики, въ которыхъ ни единое *е*, ни единое *и*, нечаянно, не у мѣста поставленныя въ «Собесѣдникѣ», не пропущены [2]).

И «Собесѣдникъ», сколько мы можемъ теперь судить, дѣлалъ свое дѣло. При этомъ можно даже взять во вниманіе многочисленныя письма, помѣщавшіяся въ «Собесѣд-

[1]) «Соб.», ч. I, стр. 160. *Прим. Д.*

[1]) См. «Совр.» 1845 года, № 1, стр. 28. *Прим. Д.*

[2]) «Соб.», ч. II, стр. 103. *Прим. Д.*

никѣ» же и, прямо или косвенно, положительно или отрицательно, расхваливавшія этотъ журналъ. Многія изъ нихъ, очевидно, сочинялись въ редакціи, особенно тѣ, въ которыхъ журналъ хвалили подъ видомъ брани, вызванной будто бы негодованіемъ лицъ, въ немъ осмѣянныхъ. Но многія изъ этихъ писемъ, особенно при посылкѣ разныхъ собственныхъ сочиненій (13), безъ сомнѣнія, дѣйствительно были получаемы въ редакціи,—и всѣ они наполнены комплиментами; въ большей части говорится о томъ, съ какою жадностію всѣ читаютъ «Собесѣдникъ». Теперь нѣтъ возможности узнать, чьему перу принадлежатъ всѣ эти письма, иногда очень оригинальныя. Въ 16-ти книжкахъ «Собесѣдника» ихъ напечатано слишкомъ 50. Они обозначены множествомъ различныхъ мѣстностей: есть письма изъ Архангельска, изъ Карасубазара, изъ Клина, изъ Симбирска, изъ Шлиссельбурга и пр. (14); но всего болѣе писемъ изъ Москвы (15) и Звенигорода (16), и въ этихъ-то послѣднихъ можно подозрѣвать самихъ издателей, равно какъ и въ тѣхъ, подъ которыми подписано, что они присланы «изъ-за тридевяти земель, изъ тридесятаго царства». Въ библіографическихъ замѣткахъ приведено нѣсколько выписокъ изъ нихъ; здѣсь же мы ограничимся только указаніемъ на то, какъ умѣли хвалить «Собесѣдникъ» подъ видомъ брани. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ сочинителю «Записокъ о Россійской Исторіи»[1]. «Вы, мнѣ кажется, не весьма удачнымъ образомъ въ свое сочиненіе вступили. Какое ваше, напримѣръ, о происхожденіи Россіянъ, сухое и маловажное объясненіе! Не могли вы развѣ славному народу, каковъ есть нашъ, чудеснѣе сего дать колыбели? Не такъ, сударь, право, не такъ пишутъ исторію. Но вы, можетъ быть, не довольно въ древностяхъ упражнялись, чтобы о томъ надлежащее имѣть свѣдѣніе; вамъ все кажется: чему трудно повѣритъ, того въ исторіи и писать не должно. Да намъ-то что-жъ за забава читать лишь бытія простыя и возможныя?.. Вы больше всего, мнѣ кажется, остерегаетесь витійства слога. Итакъ, я вамъ мѣсто въ моей библіотекѣ подлѣ Тацита опредѣляю; надѣюся, что и васъ такъ же скоро крысы почнутъ: имъ уже давно онѣ у меня питаются. Ваши скиѳы и славяне мнѣ, право, не нужны; что мнѣ до того, что они живали; мнѣ бы лучше про Гостомысла или про дочь его Умилу что-нибудь послушать хотѣлось». Подобное же письмо напечатано въ 6-й книжкѣ—о «Быляхъ и Небылицахъ». Послѣднее заставило самаго автора «Былей» спросить въ слѣдующей книжкѣ: «ай, сударь, заподлинно-ли это критика, или хитро сложенный пукъ хвалы?»[1]. По этому можно судить, каковы были тѣ статьи, которыя *прямо* расхваливали «Собесѣдникъ» (17). Въ послѣдней книжкѣ его помѣщена статья, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ Россійской имперіи славившейся, и по столичнымъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той имперіи до сего дня читаемой, но не столько, какъ прежде, покупаемой, а именно «Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова»[2]. Статья эта прерывается на 3-й главѣ и обѣщаетъ «продолженіе впредь, ежели читателямъ угодно». Но, вѣроятно, читателямъ не угодно стало *раскупать* эту книгу, и слѣдующей части «Собесѣдника» уже не вышло. Видно, что, несмотря на общій восторгъ, журналъ расходился не слишкомъ бойко. Первые 12 №№ объявлены были по рублю, 13-й и 14-й по 80 к., 15-й и 16-й—уже по 50-ти, и при объявленіи о 15-мъ № прибавлено, что по 50-ти же копѣекъ можно теперь покупать и всѣ прежде вышедшія 14 частей (18). Ясно, что книга плохо шла съ рукъ. Какъ же согласить это съ извѣстіями о томъ, что всѣ и вездѣ читаютъ «Собесѣдникъ»? Нѣкоторое объясненіе на это можетъ дать слѣдующая выписка изъ одного письма къ издателямъ (на стр. 158, III-й части «Собесѣдника»): «девять человѣкъ купцовъ и четыре священника сію книгу у моего дворецкаго брали читать». Видно, что и тогда, какъ нынѣ, распространенъ былъ обычай «взять книжку почитать»; покупать же находилось мало охотниковъ, вѣроятно, подъ тѣмъ предлогомъ, какой нынѣ представляютъ обыкновенно подобные даровые читатели: «зачѣмъ, дескать, на пустяки деньги тратить? прочтешь книгу,—вѣдь она такъ лежать будетъ»... Распространеніе подобнаго образа мыслей, конечно, не могло благопріятствовать успѣхамъ книжной торговли. Впрочемъ, конечно, не недостатокъ покупателей заставилъ Академію прекратить изданіе «Собесѣдника», а какія-нибудь обстоятельства другого рода. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Академія въ предисловіи къ своему изданію: «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», которое началось съ половины 1786 года. Тамъ сказано: «Академія Наукъ чрезъ многіе годы издавала въ свѣтъ на россійскомъ языкѣ разныя періодическія сочиненія, коими наибольшая часть читателей были довольны; и не безполезность тѣхъ сочиненій, ниже неудовольствіе публики, но разныя перемѣны,

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 167. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», стр. 167. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XVI, стр. 3—11. *Прим. Д.*

которымъ подвержена была Академія, были причиною, что оныя сочиненія неоднократно останавливались, вовсе прерывались и паки снова начинаемы были, когда обстоятельства Академіи то позволяли» [1]). Въ числѣ этихъ изданій нужно, конечно, разумѣть и «Собесѣдникъ», тѣмъ болѣе, что самыя «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія» могутъ быть названы какъ бы продолженіемъ его по своей цѣли, высказанной въ томъ же предисловіи: «способствовать *приращенію человѣческихъ знаній* и *обогащенію россійскаго языка*».

Главнымъ двигателемъ и распорядителемъ этого изданія былъ опять директоръ Академіи, кн. Е. Р. Дашкова (19), и оно продолжалось въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ, прекратясь только со смертію Екатерины II. Журналъ этотъ имѣлъ болѣе ученый характеръ и, конечно, не замѣнилъ «Собесѣдника» въ отношеніи легкости и живости собственно литературнаго содержанія. «Собесѣдникъ», какъ видно, долго не переставали читать, и въ 1809 г. онъ вышелъ вторымъ изданіемъ; слѣдовательно, въ продолженіе 25 лѣтъ онъ не устарѣлъ для русской публики и могъ обращать на себя вниманіе даже послѣ карамзинскихъ журналовъ.

Такова внѣшняя исторія этого изданія. Можно уже и изъ нея видѣть, что это было замѣчательное явленіе въ русской журналистикѣ. Но еще болѣе убѣдимся въ этомъ, когда поближе разсмотримъ внутреннее его содержаніе, характеръ и направленіе.

Взглянемъ прежде всего на составъ редакціи и на сотрудниковъ журнала. Одинъ перечень ихъ именъ покажетъ, что сюда принадлежало все лучшее, что только дѣйствовало тогда на литературномъ поприщѣ. Издатели были: кн. Е. Р. Дашкова, которая нерѣдко помѣщала здѣсь свои сочиненія (20), и Екатерина II, наполнявшая большую часть журнала своими «Записками касательно Русской исторіи» и «Былями и Небылицами» (21). Кромѣ того, весьма дѣятельнымъ участникомъ въ изданіи былъ О. П. Козодавлевъ, молодой адвокатъ, какъ говоритъ кн. Дашкова въ своихъ «Запискахъ» (22). Затѣмъ, постояннымъ вкладчикомъ до конца журнала былъ Богдановичъ, напечатавшій здѣсь до 20 стихотвореній (23), большею частію подписанныхъ полнымъ именемъ. Державинъ, никогда не подписывавшій своихъ стихотвореній, предоставляя узнавать ex ungue leonem, помѣстилъ здѣсь многія изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: «Фелицу», «Оду ва смерь Мещерскаго», «Оду къ сосѣду», «Благодарность Фелицѣ», «Ключъ», «Оду Рѣшемыслу», «Богъ» и др. (24). Княжнинъ также ревностно трудился для первыхъ книжекъ журнала, помѣщая въ немъ и стихи, и прозу (25), впрочемъ, большею частію, не подписывая ихъ. Капнистъ, тогда еще не писавшій ни своей «Ябеды», ни превосходной оды «На истребленіе въ Россіи званія раба» (26), но уже извѣстный своею сатирою, тоже участвовалъ въ журналѣ и даже перепечаталъ сюда изъ «Вѣстника» знаменитую сатиру (27). Костровъ также далъ сюда нѣсколько стихотвореній, и стихотворенія эти, по крайней мѣрѣ, не изъ худшихъ у Кострова (28). Фонъ-Визинъ, еще тогда не авторъ «Недоросля», но уже извѣстный «Бригадиромъ» (29), постоянно принималъ участіе въ «Собесѣдникѣ», печатая въ немъ свой опытъ «Сословника», свои «Вопросы», «Челобитную Россійской Минервѣ», «Поученіе іерея Василія» (30). По многимъ извѣстіямъ, здѣсь были также статьи Хераскова (31), и, дѣйствительно, въ «Собесѣдникѣ» находимъ нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, подписанныхъ буквами М. Х. Проза весьма сильно напоминаетъ Хераскова; но стихи плавнѣе, нежели обыкновенно у него. Въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова нѣтъ ни одной изъ этихъ статей (32). Кромѣ того, въ «Собесѣдникѣ» находимъ мы по нѣсколько статей М. Муравьева (33), Д. Хвостова, Нелединскаго-Мелецкаго, Боброва, Левшина (34), Плавильщикова (35) и другихъ, менѣе извѣстныхъ авторовъ (36). Здѣсь напечатано даже одно, дотолѣ неизвѣстное, стихотвореніе Ломоносова (37). Затѣмъ остается еще множество статей неподписанныхъ и принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ, но часто весьма умныхъ (38). По извѣстіямъ м. Евгенія, въ «Собесѣдникѣ» помѣщено много статей академиковъ Лепехина и Румовскаго (39). Но мы не могли рѣшить, какія статьи изъ неподписанныхъ нужно присвоить этимъ ученымъ. Можетъ быть, впрочемъ, что митрополитъ Евгеній самъ ошибся при этомъ, какъ ошибся онъ, сказавъ, что въ «Собесѣдникѣ» помѣщена была рѣчь кн. Дашковой, говоренная ею при учрежденіи Россійской Академіи (40).

Нельзя не согласиться, что этотъ перечень сотрудниковъ весьма блистателенъ и весьма много обѣщаетъ. Правда, иногда имена эти обманываютъ [какъ и нынѣ случается съ именами многихъ извѣстныхъ писателей]. Муравьевъ, напримѣръ, помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» два весьма плохія стихотворенія; Богдановичъ втиснулъ сюда на половину пьесъ очень посредственныхъ; но, вообще, можно по справедливости сказать, что множество превосходныхъ произведеній выкупаетъ количество слабыхъ и

[1]) «Нов. Ежемѣс. Соч.» 1786 г. Т. I. Предисловіе, стр. 1, 2.—*Прим. Д.*

дaетъ журналу право на наше уваженіе. Одни произведенія Державина, Фонъ-Визина и Капниста могли бы спасти его отъ забвенія; но мы увидимъ, что въ немъ есть и еще не мало замѣчательнаго.

Въ «Собесѣдникѣ», какъ и во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, не было никакого раздѣленія на разныя отдѣленія. Это было введено только Карамзинымъ, поддержано Полевымъ и продолжалось по привычкѣ донынѣ. Теперь снова возвращаются къ прежнему и соединяютъ, напр., науки со словесностью, только—увы!—къ великой досадѣ славянофиловъ, совсѣмъ, кажется, не изъ подражанія старинѣ, а просто по примѣру иностранныхъ журналовъ [1]). Въ «Собесѣдникѣ», такимъ образомъ, господствовало пріятное разнообразіе: стихи перемѣшаны были съ прозою, серьезныя статьи съ шуточными, сатирическія—съ дидактическими, которыхъ, впрочемъ, надобно замѣтить, было очень мало. Открывалась книжка обыкновенно стихами; потомъ слѣдовала какая-нибудь статья въ прозѣ, затѣмъ очень часто письмо къ издателямъ; далѣе опять стихи и проза, проза и стихи. Въ срединѣ книжки помѣщались обыкновенно «Записки о Россійской Исторіи»; къ концу относились «Были и Небылицы». Каждая статья обыкновенно отмѣчалась особымъ нумеромъ, какъ нынѣ главы въ безконечныхъ англійскихъ романахъ, и число статей этихъ въ разныхъ книжкахъ было весьма неодинаково. Въ первой ихъ XXXIII, въ 5-й—XI, въ 10-й—XVII, въ 15-й—VII, въ 16-й—XII (41).

Стихи въ «Собесѣдникѣ» не были роскошью только, но, какъ въ альманахахъ двадцатыхъ годовъ, составляли его существенную часть. Въ подтвержденіе этого стоитъ указать только на то, что изъ 242 статей, напечатанныхъ въ 16-ти книжкахъ «Собесѣдника», 110 стихотвореній, и что они занимаютъ до 500 страницъ, изъ 2.800, составляющихъ весь журналъ.

Приступая къ обозрѣнію содержанія «Собесѣдника», мы должны прежде всего обратить вниманіе на «Записки касательно Россійской Исторіи», занимающія почти половину журнала (1348 страницъ). Записки эти были потомъ изданы отдѣльно, въ 6 частяхъ, 1785—1797, исправленныя и дополненныя, съ именемъ императрицы Екатерины II. Въ 1801 г. было третье ихъ изданіе. Въ «Собесѣдникѣ» онѣ доведены до 1224 г., въ отдѣльномъ изданіи продолжены до 1276 г. Исторія происхожденія этого творенія извѣстна довольно неопредѣленно, и до сихъ поръ на него никто изъ ученыхъ не обратилъ должнаго вниманія. Въ курсахъ исторіи литературы о «Запискахъ» этихъ едва упоминается... Карамзинъ, кажется, не имѣлъ ихъ въ виду; жизнеописатели Екатерины говорятъ только, что она составляла записки о русской исторіи—и болѣе ничего (42). Г. Старчевскій, обозрѣвая русскую литературу до Карамзина, сказалъ о «Запискахъ» нѣсколько словъ, не дающихъ никакого понятія объ этомъ сочиненіи (43). Г. Соловьевъ, въ статьѣ своей о писателяхъ русской исторіи въ XVIII вѣкѣ (44), о «Запискахъ» Екатерины II не говоритъ ни слова. Объ этомъ тѣмъ болѣе нужно сожалѣть, что спеціалистъ ученый, конечно, весьма легко могъ бы опредѣлить мѣру непосреднаго участія Екатерины II и ея воззрѣній въ этомъ сочиненіи и произнести рѣшительный судъ о научномъ его достоинствѣ и объ отношеніи его къ другимъ историческимъ трудамъ прошедшаго вѣка, посвященнымъ нашему отечеству. Не принимая на себя подобной задачи, я попытаюсь представить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя могутъ служить для дальнѣйшихъ выводовъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ Екатерины II.

Слѣдя постоянно за движеніемъ умовъ на Западѣ, императрица хорошо видѣла добрыя и дурныя его стороны. Понимая, что оно могло произвести гибельныя послѣдствія въ отношеніи къ существующему порядку вещей, она старалась всѣми силами противодѣйствовать распространенію его въ Россіи Но изъ опасенія зла, не желая лишить свой народъ всѣхъ выгодъ образованности и, такимъ образомъ, явиться въ глазахъ Европы противницею просвѣщенія, императрица продолжала покровительствовать наукамъ, только рѣшилась сама наблюдать за правильнымъ ходомъ развитія понятій нашего общества. Зная всю важность наукъ историческихъ въ этомъ случаѣ, она сама принялась за исторію и въ своемъ трудѣ дала образецъ своихъ воззрѣній на то, какимъ путемъ должны развиваться въ Россіи историческія знанія. Взгляды Екатерины II не всѣ были приняты нашими учеными, и уже Стриттеръ дѣлалъ свои замѣчанія на «Записки о Русской Исторіи». Но императрица, просматривая его трудъ и дѣлая на него свои замѣчанія, говоритъ: «я нашла во многомъ здравую критику «Записокъ касательно Россійской Исторіи»; но что написано, то написано: по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ оныхъ не унижено» (45). Послѣднія слова показываютъ намъ, какое значеніе придавала своему труду государыня.

Съ самаго начала царствованія своего

[1]) Выпадъ по адресу славянофиловъ, характерный для живо реагировавшаго на современность автора.

Екатерина II покровительствовала ученымъ трудамъ касательно русской исторіи (46). Скоро сама она стала заниматься ею, и профессорамъ Чеботареву и Барсову было поручено доставлять императрицѣ выписки изъ лѣтописей. Г. Старчевскій говоритъ, что порученіе это дано было имъ въ 1783 г., и что сводныя выписки изъ лѣтописей они должны были дѣлать, начиная съ 1224 г. (47). Но какъ на этомъ году именно остановились «Записки» въ «Собесѣдникѣ», то нужно думать, что это уже относится къ продолженію «Записокъ», которое готовила Екатерина для отдѣльнаго изданія. Г. Старчевскій свидѣтельствуетъ также, что выписками изъ лѣтописей для императрицы занимался и А. И. Мусинъ-Пушкинъ; но что это были за выписки—неизвѣстно (48). Вообще, свидѣтельства о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ трудѣ, не приведены еще въ надлежащую ясность. Но какъ бы то ни было, самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей уже замѣчательна для того времени, когда юные русскіе ученые, какъ всѣ вообще юноши, давая слишкомъ большой просторъ своему воображенію, отважно замѣняли цвѣтами его недостатокъ фактическихъ свѣдѣній. Ранѣе этого только Татищевъ вполнѣ понялъ у насъ необходимость обработки матеріаловъ, и только онъ сдѣлалъ попытку свода лѣтописей. Его трудъ, конечно, важнѣе, потому что онъ указываетъ, откуда именно бралъ то или другое извѣстіе; но «Записки о Россійской Исторіи» имѣютъ то преимущество, что облечены въ болѣе легкую форму, и, при томъ, событія представлены въ нихъ подробнѣе. Можетъ быть, болѣе научнаго достоинства имѣетъ трудъ Щербатова, котораго начало появилось около того же времени (49), но, во всякомъ случаѣ, въ прошедшемъ столѣтіи и началѣ нынѣшняго онъ пользовался гораздо меньшею извѣстностью, нежели «Записки» Екатерины. Самъ «Собесѣдникъ» свидѣтельствуетъ о важности, какую придавалъ имъ, говоря въ своей заключительной статьѣ [1]). «Сіи записки, собранныя рукою истиннаго и нелицемѣрнаго любителя россійскаго народа, дали сему изданію нѣкоторую степень важности и сотворили оное книгою, полезною каждому Россіанину». Въ одномъ изъ писемъ къ издателямъ, изъ Звенигорода, сказано, что «посредствомъ «Собесѣдника» можно разсѣять въ народѣ познанія, тѣмъ паче, что книга сія заключаетъ въ себѣ россійскую исторію, *каковой еще не бывало*, и для одного уже сего сочиненія всякой съ жадностію покупаетъ «Собесѣдникъ» [2]).

[1]) «Соб.», ч. XVI, стр. 9. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., III, стр. 158. *Прим. Д.*

Можно даже предполагать, что прекращеніе этого изданія зависѣло отчасти отъ того, что недостало матеріаловъ для продолженія «Записокъ о Россійской Исторіи».

Составленіе «Записокъ» изъ лѣтописей обнаруживаетъ себя даже въ ихъ слогѣ. Здѣсь нерѣдко попадаются цѣлые куски, взятые прямо изъ лѣтописи и внесенные въ сочиненіе даже безъ перемѣны въ слогѣ. Эти мѣста тотчасъ можно отличить по славянскимъ формамъ. Иногда эти формы странно перемѣшиваются съ новыми; напр., «Ольга, взявъ благословеніе патріарха константинопольскаго, *иде во* свою землю, и, пришедъ въ Кіевъ, уговорила сына креститься, *онъ же* ей отвѣтствовалъ: какъ я *единъ* крещуся, а прочіе не хотятъ. *Она же рече*: ежели ты *токмо* крестишься, то всѣ будутъ тоже творить» [1]). Или: «и повелѣ Владиміръ себя крестить. Епископъ же корсунскій *со іереи* цесаревнины крестили его, и нареченъ во святомъ крещеніи Василій. Писатели сказуютъ, что во время крещенія *отпаде яко чешуя отъ очей* его, и прозрѣлъ» [2]).

Хотя собственно разборъ «Записокъ о Русской Исторіи» мало относится къ самому журналу, но я скажу нѣсколько словъ объ ихъ характерѣ, такъ какъ въ этомъ сочиненіи отразились воззрѣнія императрицы Екатерины, принимавшей столь близкое участіе въ изданіи «Собесѣдника».

Цѣль этого труда состояла въ томъ, чтобы искуснымъ и подробнымъ изображеніемъ древнихъ доблестей русскаго народа и блестящихъ судебъ его уронить тѣ клеветы, которыя взводили на Россію тогдашніе иностранные писатели. При этомъ авторъ не бралъ на себя труда *только восхвалять* русскихъ: онъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли другимъ способомъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что если сравнить какую-нибудь эпоху русской исторіи съ современными событіями въ Европѣ, то «безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной единакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употреблялъ нерѣдко единакіе способы» [3]). Для большого удобства къ такимъ сравненіямъ, въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ умѣлъ набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ. Съ особеннымъ искусствомъ обходитъ онъ многія

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 94. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. IV, стр. 64. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. I. стр. 104—105. *Прим. Д.*

неправедныя дѣянія князей или старается придать имъ видъ законности не только по понятіямъ того времени, но и предъ судомъ новыхъ воззрѣній. Съ самаго начала идетъ коротенькій разсказъ о баснословномъ времени славянской исторіи (V—IX вѣка) и приводится разсказъ новгородскаго лѣтописца о скиѳахъ и славянахъ, которыхъ онъ почитаетъ единоплеменнымъ народомъ, производя ихъ названія отъ именъ князей Скиѳа и Славяна, родныхъ братьевъ. Авторъ «Записокъ» замѣчаетъ, что здѣсь, вѣроятно, баснословное смѣшано съ истиною. «Князьямъ не дано ли имянъ народовъ славянъ и скиѳовъ. Князья названы братьями, хотя славяне и скиѳы были народы разные» [1]). Впрочемъ, объ отношеніяхъ этихъ народовъ другъ къ другу авторъ самъ имѣлъ, кажется, не совсѣмъ ясное понятіе. Ниже онъ говоритъ, что *скиѳы* было у грековъ общее названіе для многихъ народовъ, на великомъ пространствѣ Азіи, Африки и Европы жившихъ, и что подъ ними весьма часто разумѣли и славянъ. Поэтому онъ очень подробно и благосклонно описываетъ нравы и образованность скиѳовъ. Кореннымъ народомъ сѣверной Россіи считаетъ авторъ руссовъ, къ которымъ пришли потомъ славяне съ Дуная. Варяги же были народъ единоплеменный славянамъ, жившій по берегамъ Балтійскаго моря и издавна находившійся въ сношеніяхъ съ руссами, такъ что Гостомыслъ, умирая, просто указалъ своимъ согражданамъ на Рюрика съ братьями, какъ на людей, хорошо имъ извѣстныхъ и достойныхъ быть ихъ правителями.

Вотъ какъ понимаетъ авторъ «Записокъ» запутанный вопросъ о происхожденіи руссовъ и призваніи варяговъ. Въ описаніи свойствъ и нравовъ славянъ замѣчательно, что авторъ обращаетъ вниманіе на языкъ ихъ и говоритъ, что распространеніемъ и умноженіемъ славянскаго языка доказывается распространеніе славянскаго народа. До временъ Рюрика почти вся Россія уже славянскимъ языкомъ говорила. Многіе народы въ свѣтѣ завоеваніями теряли свой языкъ, но славянскій языкъ перенимали побѣжденные славянами народы [2]). Здѣсь же замѣчено, что славяне задолго до Рождества Христова «письмо имѣли», и что у нихъ были даже древнія письменныя исторіи, что доказывается сказаніями Нестора [3]). Объ Аскольдѣ и Дирѣ разсказано здѣсь, что Рюрикъ послалъ ихъ къ Кіеву для обороны жителей отъ Хозаръ [4]), и что Олегъ пошелъ въ Кіевъ, чтобы повѣрить жалобы на Аскольда, которыя, «найдя знатно основательными», поступилъ съ нимъ, какъ съ ослушнымъ подданнымъ, лишивъ его княженія. Ни о хитрости, ни объ убійствѣ нѣтъ ни слова [1]). Олегу приписывается начало Москвы [2]). Различены два договора Олега 907 и 911 годовъ [въ «Запискахъ»—906 и 910, потому что авторъ, считая годъ съ сентября, весьма часто расходится съ Несторовымъ лѣтоисчисленіемъ съ марта], которые до позднѣйшаго времени принимали за одинъ (50). Святославъ характеризованъ въ «Запискахъ» совершенно словами лѣтописи [3]). Преданіе о мести Ольги древлянамъ разсказано весьма умѣренно, съ выпускомъ большей части лѣтописныхъ подробностей (51). О самомъ сватовствѣ кн. Мала (въ «Запискахъ»—Малдива) замѣчено, что «сіе мало имѣетъ вѣроятности, потому что великая княгиня Ольга была уже тогда шестидесяти лѣтъ; но, съ другой стороны, кн. Малдива могъ прельстить таковой союзъ, по участію великой княгини Ольги въ правленіи Россіею» [4]). Это замѣчаніе весьма сходно съ тѣмъ, которое отмѣчаетъ г. Соловьевъ у Щербатова, предложившаго подобное соображеніе о мнимомъ сватовствѣ къ Ольгѣ Константина Порфиророднаго [5]). Въ «Запискахъ», впрочемъ, замѣчено и о сватовствѣ Константина, что по старости Ольги оно невѣроятно, «вовсе же опровергается тѣмъ, что Константинъ тогда имѣлъ супругу, которая принимала и угощала Ольгу» [6]). Въ заключеніи правленія Ольги находимъ любопытную замѣтку: «Блаженная Ольга, будучи сама отъ рода князей славянскихъ, паки народъ славянскій возвысила. При ней всюду имена славянскія въ начальникахъ и правителяхъ оказываются. *Ольга и языкъ славянскій во употребленіе общее привела.* Извѣстно, что народы и языки народовъ *мудростію и тщаніемъ вышнихъ правителей умножаются* и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ о чести своего народа и языка прилеженъ, потому и языкъ того народа процвѣтетъ. Многіе народные языки исчезли отъ противнаго сему» [7]). Въ этомъ прекрасно выражается стремленіе императрицы Екатерины показывать во всемъ, въ чемъ только можно, что всякое добро нисходитъ отъ престола, и что въ особенности національное просвѣщеніе не можетъ обойтись

---

[1]) «Соб.», ч. II, стр., 75, 76. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. II, стр. 81. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 81. *Прим. Д.*
[4]) Ibid, ч. III, стр. 52. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», стр. 59—60. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., стр. 59. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 85—85. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. III, стр. 86. *Прим. Д.*
[5]) См. статью его въ «Архивѣ», стр. 53. *Прим. Д.*
[6]) «Соб.», ч. III, стр. 94. *Прим. Д.*
[7]) Ibid., ч. III, стр. 102. *Прим. Д.*

безъ поддержки правительства. Говоря о смерти Святослава, «Записки» утверждаютъ, что онъ утонулъ въ Днѣпрѣ, во время боя [1]); видно, что авторъ боялся, чтобы не унизить достоинства великокняжескаго даже разсказомъ о позорѣ, учиненномъ надъ трупомъ князя. То же самое стараніе — представить всѣхъ князей русскихъ сколько возможно болѣе чистыми и высокими личностями—видно и въ послѣдующихъ главахъ этого труда. Такъ, говоря о Владимірѣ, авторъ «Записокъ» разсказываетъ всю исторію ссоры его съ братьями такъ искусно, что всѣ три князя остаются совершенно правыми, а вина вся падаетъ на Свѣнельда и Блуда (въ «Зап.» «*Блюдѣ*»), которые и не остаются безъ наказанія. Ярополкъ съ трогательнымъ братскимъ участіемъ заботится объ Олегѣ и гнѣвается на Свѣнельда, узнавъ, что Олегъ утонулъ [2]). Затѣмъ, съ сожалѣніемъ прибавлено, что «люди иные порочили Ярополка, и никто его не оправдалъ, но осужденіе отъ всѣхъ понесъ по сему несчастному дѣлу» [3]). Владиміръ представляется благороднымъ мстителемъ за брата, а Ярополкъ—кроткимъ княземъ, хотѣвшимъ мира и любви. Убійство его совершается безъ вѣдома Владиміра, по предательству Блуда, который на третій же день и наказанъ Владиміромъ [4]). Говоря о войнѣ Владиміра съ половцами, авторъ опять, чтобы не возбудить и мысли темной о князѣ, умалчиваетъ объ убійствѣ Рогволода, а женитьбу на Рогнѣдѣ представляетъ какъ слѣдствіе давно начатаго сватовства. Среди восторженныхъ похвалъ Владиміру встрѣчаются только два упоминанія о темныхъ сторонахъ его, и то въ высшей степени искусно прикрытыя: «Лѣтописцы говорятъ, что Владиміръ бѣ женолюбивъ, *яко же Соломонъ... Греческіе писатели описываютъ* Владиміра до крещенія упрямымъ и своевольствующимъ» [5]). Въ описаніи принятія христіанства Владиміромъ находимъ нѣсколько любопытныхъ соображеній. Избраніе греческаго исповѣданія Екатерина приписываетъ отчасти тому, что Владиміръ зналъ объ этомъ законѣ отъ своей бабки Ольги и жены, которая была родомъ чехиня [6]), и тому, что между близкими ко Владиміру людьми было уже много христіанъ или наклонность имѣющихъ къ христіанству [7]). О странномъ походѣ на грековъ въ 988 году замѣчено: «вѣроятно, что причина тому была паки неустойка грекъ и неисполненіе тѣхъ договоровъ, кои, повидимому, возобновлялись въ восьмилѣтнее теченіе или по прошествіи того срока» [1]). Такимъ образомъ, дѣло это поставляется здѣсь въ совершенной отдѣльности отъ намѣренія принять христіанство, и, слѣдовательно, становятся ненужными всѣ разсужденія о томъ—гордость-ли языческая, желаніе-ли лучше научиться вѣрѣ, или что другое побудило Владиміра предпринять походъ на Корсунь. Замѣчательно, что, говоря о взятіи Корсуни, авторъ умалчиваетъ, что онъ взятъ былъ посредствомъ измѣны Анастасія. О повелѣніи народу креститься сказано слѣдующимъ образомъ: «По возвращеніи Владиміра въ Кіевъ, крестились дѣти его и вельможи. Слышавъ же сіе люди многіе съ радостію шли креститься на рѣку Почайну» [2]). Вслѣдъ затѣмъ разсказано о крещеніи новгородцевъ Добрынею, который «ласковыми словами увѣщевалъ ихъ», вмѣстѣ съ епископами. Но нѣсколько непослушныхъ произвели замѣшательство, и Добрыня, собравъ войско, «запрети безпорядки и грабленіе» [3]), потомъ крестилъ новгородцевъ. При этомъ случаѣ упоминается здѣсь объ «Іоакимѣ, который лѣтописецъ писалъ» [4]). Всѣ войны и походы Владиміра представляются славными и счастливыми, а къ концу его царствованія замѣчена слѣдующая любопытная черта: «Владиміръ, находя по сердцу своему удовольствіе въ непрерывномъ милосердіи, и распространяя ту добродѣтель даже до того, что ослабѣло правосудіе и судъ по законамъ, отъ чего умножились въ сіе время разбои и грабительства повсюду, такъ что, наконецъ, митрополитъ Леонтій со епископы стали говоритъ Владиміру о томъ, представляя ему, что всякая власть отъ Бога, и онъ поставленъ отъ всемогущаго Творца ради правосудія, въ которомъ есть главное злыхъ и роптивыхъ смирить и исправить, и добрымъ милость и оборону являть» [5]).

Святополкъ Окаянный, столь извѣстный въ исторіи братоубійствами, также находитъ себѣ оправданіе въ «Запискахъ». По ихъ словамъ, онъ, видя, что кіевляне къ нему нерасположены, собралъ бояръ и спросилъ, что дѣлать... «Суровость того вѣка и нравы людей, взросшихъ въ правилахъ, не сходныхъ со благочестіемъ и гражданскимъ добрымъ устройствомъ, видны по злочестивому совѣту. *Писатели сказываютъ*, что положили убить Бориса и сокровенно послали то исполнить».—О Глѣбѣ еще лучше ска-

---

[1]) «Соб.», стр. 108. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VI, стр. 36. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 37. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., стр. 44. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 51. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., стр. 57. *Прим. Д.*
[7]) Ibid., стр. 58. *Прим. Д.*

---

[1]) «Соб.», стр. 60 *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. IV стр. 64. *Прим. Д.*
[3]) Ibid.,. стр. 68. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., стр. 66. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 4. *Прим. Д.*

зано, что просто «въ дорогѣ напали на него неизвѣстные вооруженные люди, и всѣ подозрѣнія сего случая пали на Святополка» [1]). Объ убіеніи Святослава вовсе умолчано. Равнымъ образомъ ничего не сказано объ отношеніяхъ Ярослава къ новгородцамъ и о великодушіи, оказанномъ ими при затруднительныхъ обстоятельствахъ Ярослава, какъ будто бы этому такъ и должно было случиться.

Въ княженіи Ярослава упоминается о судебныхъ грамотахъ, которыя далъ онъ новгородцамъ; но какія льготы и вольности заключали онѣ въ себѣ, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Изгнаніе новгородцами Брячислава объясняется здѣсь тѣмъ, что они «хотѣли быть вѣрными Ярославу» [2]).

Здѣсь находимъ, между прочимъ, нѣсколько чертъ, обнаруживающихъ, что авторъ «Записокъ» замѣтилъ права старшаго въ родѣ, какія существовали въ древней Руси. Это видно и въ отвѣтѣ Бориса, который не хочетъ принять престола кіевскаго, ибо уважаетъ Святополка, какъ старшаго въ родѣ [3]), и въ распредѣленіи владѣній между Мстиславомъ и Ярославомъ, при чемъ послѣдній, какъ старшій въ родѣ, получаетъ великокняжескій престолъ [4]). Также точно замѣчено и о Всеволодѣ, братѣ Изяслава, что онъ «наслѣдовалъ брату, яко старшій и предпочтеннѣйшій въ роду» [5]). Подобныя замѣчанія встрѣчаются и въ дальнѣйшемъ продолженіи труда [6]).

Со времени Изяслава княжескія междоусобія дѣлаются столь постоянными, что ихъ невозможно было бы скрыть или сгладить. Но, сколько возможно, и въ этомъ періодѣ «Записки» щадятъ князей. Такъ, напр., о Ростиславѣ Владиміровичѣ не сказано, что онъ былъ отравленъ, а просто замѣчена кончина его и при этомъ прибавлена похвала его добрымъ качествамъ. Такъ точно и Изяславъ съ братьями щадится и оправдывается постоянно авторомъ и въ вѣроломствѣ, и въ трусости, и въ жестокости. Дѣло освобожденія Всеслава представлено и здѣсь точно такъ, какъ у Татищева, у котораго одного только г. Соловьевъ нашелъ подробное его описаніе. Если оно не списано у Татищева (что, впрочемъ, нетрудно предположить), то нужно заключить, что у составителя «Записокъ» были подъ руками тѣ лѣтописи, которыми пользовался и Татищевъ. Впрочемъ, здѣсь характеръ разсказа опять нѣсколько мягче. Напримѣръ, ничего не сказано о совѣтѣ заколоть Всеслава; вмѣсто цѣлаго вѣча кіевскаго представлены «нѣкоторые роптатели» [1]), и описаніе перваго возвращенія Изяслава въ Кіевъ 1069 г., весьма близкое къ лѣтописи, разнится отъ нея только тѣмъ, что раскаяніе кіевлянъ усилено, а условія, предложенныя ими князю, смягчены; противодѣйствіе братьевъ Изяславу въ этомъ случаѣ представлено ходатайствомъ предъ нимъ за кіевлянъ [2]). О казни освободителей Всеслава ничего не сказано, равно какъ и о гоненіи Изяслава на Антонія печерскаго. Во вторичномъ изгнаніи Изяслава «Записки» считаютъ виновнымъ одного Святослава Черниговскаго, сходно, впрочемъ, съ лѣтописью [3]).

Но совсѣмъ не съ лѣтописнымъ простодушіемъ разсказывается здѣсь о нападеніи Всеслава на Новгородскую область [4]). Тамъ, на первомъ планѣ дѣйствуютъ сами новгородцы, и, при томъ, разсказано, что они взяли Всеслава въ плѣнъ и только ради Христа отпустили его. «Записки» же говорятъ только, что князь Глѣбъ Тмутараканскій собралъ войско новгородцевъ и побѣдилъ Всеслава. Далѣе [5]) о князѣ Глѣбѣ сказано, что онъ ходилъ съ новгородцами на Ямь въ Заволочье и въ бою убитъ; лѣтописи же говорятъ, что онъ, будучи выгнанъ новгородцами, бѣжалъ въ Заволочье и тамъ убитъ Чудью [6]).

Описывая княженіе Всеволода, «Записки» не говорятъ о несправедливости, оказанной имъ Святославичамъ, которымъ онъ не далъ областей, а, напротивъ, въ самомъ началѣ его княженія перечисляютъ удѣлы ихъ, объ однихъ прямо говоря, что онъ даровалъ ихъ, о другихъ же просто, что такой-то князь имѣлъ такой-то удѣлъ [7]).

Вобще, составитель «Записокъ» имѣлъ особенный взглядъ на удѣльный періодъ. Онъ признаетъ великаго князя законнымъ полновластительнымъ государемъ, остальныхъ же князей — его подданными, которые отъ него зависятъ и обязаны ему повиноваться во всемъ. Поэтому, описывая ссоры удѣльныхъ князей, онъ еще довольно близко къ лѣтописи разсказываетъ дѣло, но, говоря о возстаніи удѣльнаго князя на великаго, всегда винитъ перваго, какъ нарушителя порядка и ослушника. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣ-

---

[1]) «Соб.», стр. 96. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. V, стр. 42. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. IV, стр. 94. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. V, стр. 47. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 109. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. VI, стр. 27, о Мономахѣ. Ч. VII, стр. 85, объ Ольговичахъ и др. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 8. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., стр. 84—85. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 89. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., стр. 86. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 16. *Прим. Д.*
[6]) Соловьева, ч. II, прим. 65. *Прим. Д.*
[7]) «Соб.», ч. V, стр. 110. *Прим. Д.*

дующая замѣтка, которою заключается описаніе правленія Всеволода. «Не малое великому князю Всеволоду безпокойство было отъ удѣльныхъ князей, ибо, *не удовольствуясь удѣлами, имъ данными*, желали всегда больше имѣть. Между удѣльными князьями вражды и безпокойства продолжались; по большей части они *слушали совѣты ласкателей или молодыхъ людей*, окружавшихъ ихъ, которые находили способы ссорить удѣльныхъ князей, брата съ братомъ и съ великимъ княземъ. Когда же онъ ихъ увѣщевалъ къ любви между братій, тогда негодовали на него и не принимали ни его совѣтовъ, ни совѣтовъ старѣйшинъ и вельможъ мудрыхъ; чрезъ что повсюду правосудія въ народѣ и обидимымъ обороны, а злымъ исправленія и наказанія не доставляли, и начали судіи грабить и продавать правосудіе и судъ» [1]).

Стятополкъ Изяславичъ, не имѣвшій никакихъ достоинствъ, похваляется въ «Записках», по крайней мѣрѣ, за хорошее зрѣніе и память: нерѣшительность и слабость его обращены въ доброту, а его безразсудный образъ дѣйствій отнесенъ къ тому, что онъ былъ неостороженъ и слушался недобрыхъ людей [2]).

Пораженія, претерпѣнныя отъ половцевъ, оправдываются большею частію тѣмъ, что мы не могли противиться превосходному множеству [3]). Разсказывая о вѣроломномъ убійствѣ Китана и Итларя половецкихъ (1095 г.), авторъ говоритъ о томъ, что Владимиръ Мономахъ сначала противился этому, но не упоминаетъ ничего о томъ, что онъ, наконецъ, на это согласился [4]). О походѣ 1095 г., когда Святополкъ купилъ миръ у половцевъ, сказано въ «Записках», что Святополкъ пошелъ на нихъ съ войскомъ, а они, «увѣдавъ о приходѣ великаго князя, не мѣшкавъ, ушли» [5]).

Изъ всѣхъ князей того времени порицаніе «Записокъ» заслуживаетъ только Олегъ Святославичъ за свой «безпокойный нравъ и гордость». Да еще о Давидѣ Игоревичѣ авторъ рѣшился замѣтить, что это былъ «человѣкъ не твердый и ко враждѣ склонный» [6]). Злодѣйство его и великаго князя съ Василькомъ Теребовльскимъ не могло быть оправдано, и потому оно только смягчается присутствіемъ злыхъ совѣтчиковъ, послѣдующимъ раскаяніемъ и тѣмъ, что они были, дѣйствительно, ослѣплены страстью. Давидъ, впрочемъ, принимаетъ на себя всю тяжесть преступленія; великій князь участвуетъ въ немъ только своимъ вынужденнымъ согласіемъ и потому представляется почти правымъ.

Все княженіе Мономаха описано блестящими красками; иначе и не могло быть, потому что лѣтописи также говорятъ о немъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣйной любви.

Столько же восхваляется въ «Записках» и Мстиславъ, котораго могущество представляется столь великимъ, что онъ посылаетъ вольможу своего разобрать удѣльныхъ князей и раздѣлить по справедливости предѣлы ихъ владѣній [1]).

И не только Мстиславъ, дѣйствительно пользовавшійся большимъ значеніемъ, но даже Ярополкъ и Всеволодъ II представлены въ «Записках» [2]), какъ полновластные владыки, совершенно законно и произвольно распоряжавшіеся удѣлами, переводившіе князей изъ одной отчины въ другую, отнимавшіе и раздававшіе области, кому хотѣли. Всѣ притязанія князей выставляются, какъ незаконныя посягательства, нарушавшія высшую власть великокняжескую и происходившія отъ ихъ своевольнаго, непокорнаго характера. Вслѣдствіе этого взгляда, великій князь никогда не является виною междоусобій, но всегда рѣшителемъ распрей, миротворцемъ князей, защитникомъ праваго, если только онъ слѣдуетъ внушеніямъ собственнаго сердца. Какъ скоро онъ дѣлаетъ несправедливость, которую нельзя скрыть или оправдать, то вся вина слагается на злыхъ совѣтчиковъ, всего чаще на бояръ и на духовенство.

При этомъ весьма странно разсказываются въ «Записках» отношенія Новгорода къ князьямъ. Авторъ постоянно слѣдитъ его исторію, не пропускаетъ ничего, не порицаетъ новгородцевъ за своевольства, но не сообщаетъ и ихъ общественнаго устройства, отчего всѣ новгородскія событія кажутся непонятными. Здѣсь даже не упоминается нигдѣ о вѣчѣ, а всѣ происшествія представляются слѣдствіемъ замысловъ нѣкоторыхъ, или говорится просто: новгородцы рѣшили. Князьямъ приписывается слишкомъ большое значеніе въ Новгородѣ, а между тѣмъ разсказывается, какъ новгородцы прогоняли своихъ князей. Кажется, что авторъ какъ будто имѣлъ мысль, что князья сами были виноваты, не умѣли держать въ рукахъ безпокойныхъ гражданъ. Такъ, подъ 1113 г., говоря о печерской дани, которой не хотѣли платить новгородцы, авторъ замѣчаетъ: «Писатели при-

[1]) «Соб.», стр. 123, 124. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VI, стр. 28. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 34. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., стр. 41. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 51. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., стр. 63. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. VII, стр. 88. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VIII. *Прим. Д.*

писываютъ сіе тому, что князь Всеволодъ Мстиславичъ, бывъ не токмо кротокъ, но и слабъ, не содержалъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, оттого и своевольствовали» [1]). Такъ и послѣ описанія того, какъ схватили, осудили и изгнали Всеволода изъ Новгорода, авторъ говоритъ, что великій князь весьма былъ недоволенъ Всеволодомъ, потому что «его неустройствомъ» новгородцы до того дошли, что передались Ольговичамъ [2]). О Святославѣ Ольговичѣ сказано, что въ 1140 г. новгородцы, тѣ, *кои остались вѣрны князьямъ* рода Владиміра, предуспѣли выслать изъ Новгорода князя Святослава Ольговича» [3]), тогда, какъ извѣстно, что онъ принужденъ былъ бѣжать, опасаясь суда вѣча и мщенія гражданъ за свои насилія. Слѣдовавшія затѣмъ изгнанія князей изъ Новгорода авторъ «Записокъ» разсматриваетъ именно съ той точки зрѣнія, что одни были вѣрны дому Мономаха, другіе же не хотѣли хранить вѣрности и искали другихъ князей. Конечно, въ отношеніи главной мысли всего труда это было лучшее объясненіе всѣхъ самоуправствъ вѣча новгородскаго.

Княженіе Изяслава II разсказано чрезвычайно подробно и вездѣ подлинными извѣстіями лѣтописей, которыя отличаются особеннымъ расположеніемъ къ этому князю. Только тонъ разсказа, по обычаю, измѣненъ и опять въ пользу великаго князя. Напримѣръ, узнавши о вѣроломствѣ Давыдовичей, Изяславъ посылаетъ въ Кіевъ заявить объ этомъ «*народу*»; въ «Запискахъ» же сказано, что онъ посылалъ извѣстіе къ брату Владиміру, «который, яко намѣстникъ, вѣдалъ Кіевъ въ отсутствіе великаго князя, также ко митрополиту и тысяцкому кіевскому», и эти уже рѣшились «объявить объ этомъ всенародно, дабы Кіевляне, не теряя времени, вооружиться могли» [4]). Мирясь съ Давыдовичами, великій князь посылаетъ за совѣтомъ къ брату, князю смоленскому, и тотъ отвѣчаетъ—по лѣтописи: «братъ, ты меня старше, то какъ *хочешь*, такъ и дѣлай; если же ты удостоиваешь спрашивать моего совѣта, то я бы думалъ: ради русскихъ земель и ради христіанъ миръ...» и пр. Въ «Запискахъ» же онъ отвѣчаетъ: «что онъ въ волѣ великаго князя, старѣйшаго своего брата, и повелѣніе его исполнитъ охотно, что онъ согласенъ со мнѣніемъ Изяслава, понеже миръ для сохраненія пользы всего государства лучше на сей случай, нежели война» [5]). Подобныя маловажныя, едва замѣтныя оттѣненія событій встрѣчаются здѣсь нерѣдко.

О Юріи, столь памятномъ въ исторіи ненавистью къ нему народа кіевскаго, «Записки» отзываются нехорошо, особенно въ то время, когда онъ былъ еще княземъ ростовскимъ и добывалъ Кіева, слѣдовательно былъ «виновенъ» въ незаконныхъ притязаніяхъ. Характеризованъ онъ почти словами Татищева [1]); большая часть его неудачъ и дурныхъ дѣйствій отнесена, впрочемъ, какъ всегда, насчетъ «любимцевъ и вельможъ», которыхъ онъ во всемъ слушался. То же обвиненіе относится отчасти къ послѣдующимъ князьямъ, Изяславу III и Ростиславу I [2]). Впрочемъ, ихъ княженія, равно какъ и слѣдующее, Мстислава II, не представляютъ особенно замѣчательныхъ соображеній автора. Только относительно дѣлъ новгородскихъ онъ говоритъ, что Ростиславъ «говорилъ имъ пространно о ихъ непорядкѣ и своевольствѣ, отчего землѣ и всей области новгородской происходитъ вредъ, и, наконецъ, послѣдуетъ разореніе. Они же со слезами обѣщались сына его имѣть непремѣнно самовластнымъ княземъ и утвердили оное ротою» [3]). По исторіи извѣстно, что новгородцы приняли Святослава совсѣмъ не убѣжденные краснорѣчіемъ великаго князя, а потому, что были тогда въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, угрожаемые Андреемъ Боголюбскимъ. При первой возможности они Святослава и выгнали.

«По смерти Мстислава,—говорятъ «Записки»,—состояніе великокняженія Кіевскаго было таково, что единое токмо уже званіе имѣло. Князи не почитали власть великаго князя и изъ послушанія къ оному вышли даже до того, что себя ставили равными ему» [4]). Вслѣдствіе этого авторъ уже не слѣдитъ за однимъ кіевскимъ княземъ, какъ сосредоточіемъ историческаго движенія, а описываетъ наиболѣе замѣчательныя событія во всѣхъ княжествахъ довольно отрывочно, соблюдая только хронологическій порядокъ. Авторъ «Записокъ» не могъ оцѣнить еще всей важности поступка Андрея Боголюбскаго, не взявшаго Кіева, а оставшагося во Владимірѣ: но онъ, все-таки, довольно много останавливается на этомъ князѣ и съ того именно времени замѣчаетъ паденіе важности Кіевскаго княжества. Этого уже достаточно для его времени. О самомъ Андреѣ «Записки» говорятъ съ большимъ уваженіемъ, только замѣчаютъ, что въ послѣднее время жизни онъ «возгордился зѣло

---

[1]) «Соб.», стр. 67. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., стр. 81. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 111. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. IX. стр. 68. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 92. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. X. стр. 43. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., кн. X, XI. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., кн. XI, стр. 57. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. XII стр. 23. *Прим. Д.*

и гордостію многія неистовства изъявилъ» [1]). Вообще за высокоуміе «Записки» никого не хвалятъ, и пороки, наиболѣе подвергающіеся ихъ осужденію въ князьяхъ—это слабость, слушанье чужихъ совѣтовъ, гордость, безпокойный нравъ. Одобренія заслуживаютъ всего болѣе умъ, привѣтливость, твердость, попеченіе о расправѣ внутренней и дѣлахъ воинскихъ. Понятно, что качества, которыя предъ цѣлымъ свѣтомъ выказывала сама императрица, не могли не возбуждать ея сочувствія и хвалы тогда, когда она видѣла ихъ въ другихъ.

Утомительно было бы для читателя слѣдить по «Запискамъ» всю нить мелкихъ происшествій, послѣдовавшихъ за смертью Боголюбскаго до 1224 года и разсказанныхъ очень подробно. Потому не станемъ разбирать этого повѣствованія, помѣщеннаго въ XIII—XIV книжкахъ, тѣмъ болѣе, что подробный разборъ «Записокъ» не входитъ въ планъ этого труда. Мы занялись имъ только, желая указать на историческія воззрѣнія автора ихъ, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ занимающихся отечественной исторіей возьмется за это дѣло и сдѣлаетъ его полнѣе и совершеннѣе. Теперь, въ заключеніе нашего обзора, нужно прибавить только, что, по окончаніи 2-й эпохи исторіи съ 1224 годомъ, помѣщены въ XIV и XV книгахъ еще разныя приложенія. Первое изъ нихъ имѣетъ заглавіе: «Знаменитыя происшествія второй эпохи россійской исторіи отъ 862 по 1224 г.» [2]). Здѣсь разсказаны важнѣйшіе, по мнѣнію автора, факты изъ разсказанныхъ въ «Запискахъ». Затѣмъ слѣдуетъ краткая выпись о дѣлахъ государей, современныхъ Рюрику [3]) и Игорю [4]). Третье приложеніе—о медаляхъ къ царствованіямъ Рюрика [5]) и Игоря [6]). Медалей этихъ для двухъ княженій авторъ предполагаетъ 49, и изъ нихъ нѣкоторыя интересны по подписямъ. Напримѣръ, № 19-й: «Рюрикъ усмирилъ новгородскія безпокойства, начавшіяся отъ зависти». Надпись: «и зависть побѣди». Внизу: «усмирилъ новгородскія безпокойства». № 24-й: «Олегъ начинаетъ опекунское свое управленіе объѣздомъ областей русскихъ». Надпись: «попечительный обычай». Внизу: «Олегъ объѣзжаетъ области русскія». № 42-й: «Игорь послалъ къ грекамъ ежегодной дани ради и, не получая, пошелъ съ войскомъ въ ладіяхъ къ Царю-граду». Надпись: «неисправныхъ исправить». Внизу: «Игорь идетъ въ ладіяхъ къ Царю-граду, въ941 году». Въ такомъ же родѣ и другія медали, проектированныя авторомъ «Записокъ».

Замѣтивъ главную мысль и направленіе этого сочиненія, мы должны прибавить еще нѣсколько словъ объ исполненіи. Слогъ ихъ и способъ представленія событій можно было видѣть изъ выписокъ. Но нужно еще сказать, что въ «Запискахъ» не только разсказываются одни дѣянія князей, но отмѣчаются, какъ въ лѣтописи, и необыкновенныя явленія природы и событія внутренней жизни государства, — напримѣръ, дѣйствія духовенства, народныя суевѣрія, ереси, и т. п. Въ самомъ изложеніи составитель весьма близко держится лѣтописныхъ сказаній, во многихъ мѣстахъ близко сходится съ Татищевымъ, только распространяя его сжатый разсказъ, иногда прерываетъ простодушное повѣствованіе лѣтописи своими соображеніями. Вообще, пріемъ изложенія и представленія событій очень сильно напоминаетъ тотъ пріемъ, которымъ воспользовался недавно другой ученый изслѣдователь русской исторіи — г. Соловьевъ. Въ «Запискахъ» попадаются даже страницы, которыя разнятся отъ разсказа г. Соловьева только слогомъ. Уже это одно много свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу.

Вообще, въ «Запискахъ о Россійской исторіи» императрица, давъ намъ образецъ своихъ взглядовъ на исторію, вмѣстѣ съ тѣмъ представила и образецъ умѣнья провести свою мысль во всемъ трудѣ и направить его къ подтвержденію своей идеи, не прибѣгая ни къ явнымъ натяжкамъ, ни къ совершенному искаженію достовѣрныхъ фактовъ. Иногда она давала имъ свой смыслъ, умалчивала объ одномъ и измѣняла тонъ разсказа о другомъ; но искусство разсказа было таково, что читающему даже не приходило въ голову, чтобы могло быть что-нибудь другое, кромѣ того, что ему сообщается.

И мы знаемъ, что сама императрица высоко цѣнила свое искусство и «Записки о Русской Исторіи» считала одною изъ заслугъ своихъ для русскаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ «Записками касательно Русской Исторіи» въ первыхъ книжкахъ «Собесѣдника» (до VIII) помѣщался другой трудъ императрицы Екатерины II: «Были и Небылицы». Отличаясь совершенно другимъ характеромъ, онѣ, конечно, не имѣли столь важнаго значенія, какъ «Записки». Самъ авторъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на плоды досуга и говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову. Нерѣдко онъ отвѣчалъ въ нихъ на разные толки, которые возбуждало появленіе этихъ и другихъ статей, отвѣчалъ на письма, мнимо и дѣйствительно адресованныя къ нему, посред-

---

[1]) «Соб.», стр. 53. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., кн. XIV, стр. 119—120; кн. XV, стр. 44—54. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 126—140. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., кн. XV, стр. 54—86. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., стр. 35—43. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. XV, стр. 86—96. *Прим. Д.*

ствомъ редакціи «Собесѣдника». Словомъ, это былъ трудъ легкій, шутливый, совершенно противоположный важности «Записокъ». Это выражено даже въ одномъ письмѣ къ автору «Былей и Небылицъ»: «Съ вами, все-таки, сударь, еще переписываться можно. Вы по крайней мѣрѣ на письма отвѣчаете; а какъ у васъ есть товарищъ, г. сочинитель «Записокъ о Русской Исторіи», такъ отъ того даже и о полученіи письма не дождешься отповѣди» [1]). Авторъ отвѣчалъ на это: «Государь мой! Намъ, безграмотнымъ, на всякія письма отвѣтствовать не трудно, понеже на то не болѣе надобно, какъ только, чтобы чернила съ пера текли. Головоломныхъ мыслей у насъ не спрашивается, какъ то вамъ, государю моему, и всѣмъ читателямъ «Былей и Небылицъ» извѣстно» [2]). И, дѣйствительно, головоломныхъ мыслей нельзя встрѣтить въ «Быляхъ и Небылицахъ». Въ нихъ все легко, шутливо, неглубоко, все писано какъ будто импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое. Въ этомъ отношеніи лучшая оцѣнка «Былей и Небылицъ» сдѣлана самимъ авторомъ» [3]): «Когда начинаю писать ихъ,—говоритъ онъ,—обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ, слово къ слову приставляя, мало-помалу строки наполняю: иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница написана, и очутится на бумагѣ мысль краткодлинная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но, съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ умахъ ихъ, а не въ моихъ строкахъ кроется». Въ другомъ мѣстѣ, онъ же говоритъ, что издателямъ хорошо «имѣть возлѣ бока «Были и Небылицы»: когда листа не достаетъ въ книгѣ, тогда заказать можно листъ аки поподьямъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ, чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ, правду сказать,—чѣмъ бы ни случилось! Таково дѣло имѣть съ безграмотнымъ; ни отъ одного грамотѣя вы такъ не бываете служебны» [4]).

Въ самыхъ «Быляхъ» встрѣчаются страницы, которыя именно какъ будто для того только были написаны, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить листъ. Часто авторъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что, начавъ писать, еще не знаетъ, что будетъ говорить дальше [5]). Вотъ страницы полторы и написаны,—говоритъ онъ,—чего?—ничего [1]). По словамъ автора, онъ ничего не хотѣлъ писать особеннаго; одного только не хотѣлъ онъ, чтобы его произведенія были скучны. Отъ этой скуки дѣлаетъ онъ заклятіе 64-мя подобранными наудачу глаголами, говоря: «пусть ее ищетъ, родитъ, несетъ, влечетъ, даетъ, наноситъ, приноситъ, кормитъ, бережетъ, сѣетъ, выкапываетъ, наговариваетъ, привозитъ, привлекаетъ, причиняетъ, производитъ, приключаетъ, выраниваетъ, наворачиваетъ, напихнетъ, натолкнетъ, напуститъ, надуетъ, накашляетъ, напрѣетъ, начихаетъ, насвиститъ, наиграетъ, напляшетъ, напоетъ, накричитъ, нажурчитъ, нареветъ, навертитъ, навернетъ, привьетъ, навинтитъ, натретъ, наскоблитъ, наложитъ, нашьетъ, наболтаетъ, намотаетъ, насчитаетъ, нальетъ, налѣпитъ, налаетъ, нахрапитъ, нагрузитъ, навалитъ, напыхтитъ, наворчитъ, набранитъ, насудитъ, нагрузитъ, назѣваетъ, насулитъ, нагрозитъ, наколотитъ, накладетъ, настроитъ, наломаетъ, изобрѣтетъ или напишетъ кто изволитъ, лишь бы вы не встрѣтили ея, читая «Были и Небылицы» [2]). Повтореніе по нѣскольку разъ одного и того же глагола въ этомъ истинномъ наборѣ словъ показываетъ, что авторъ не заботился ни о чемъ болѣе, какъ только чтобы наставить глаголовъ побольше. Въ свое время, впрочемъ, и это считалось, вѣроятно, очень остроумнымъ.

Съ явнымъ желаніемъ дать просторъ остроумію написаны также, напримѣръ, слѣдующія строки: «если писать нечего, за неимѣніемъ умотеченія, станемъ писать, какъ и что у конца пера явится, о чемъ чрезъ сіе чиню объявленіе.

. . . . . Уши прожужжали.
Предварительное.

«Когда лѣтомъ при открытыхъ окнахъ...

«NB. Зимой при открытыхъ сіе не бываетъ, какъ самому читателю извѣстно.

«...Стрекоза влетаетъ въ низкія хоромы и, ища обратнаго пути, вмѣсто неизмѣримаго свода (т.-е. неба), къ которому она привыкла, находитъ нѣсколько локтей отъ земли потолокъ, въ который она ударяется, не локтемъ, но головою и крыльями, произнося журчаніе, тѣмъ и другимъ обращаетъ вниманіе находящихся тутъ зрителей, подобно тому... Теперь начинается, о чемъ дѣло... Что? «Были и Небылицы»? нѣтъ! не вовсе, я не то сказать хотѣлъ, и вылилось почти такъ, во время еще успѣлъ остановить словесный потокъ», и пр. Читатель все еще ждетъ чего-то, — но далѣе уже

---

[1]) «Соб.», ч. VII, стр. 164. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., стр. 177. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. VIII, стр. 168—169. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. VIII, стр. 172. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. III, стр. 135. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. 159. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., стр. 160. *Прим. Д.*

идетъ дѣло о письмахъ, полученныхъ авторомъ, на которыя онъ собирался отвѣчать и никакъ не можетъ собраться. Въ заключеніе, авторъ отъ всего сердца желаетъ читателю разумѣнія сихъ строкъ [1]). Желаніе, конечно, не напрасное, но весьма трудно исполнимое, особенно для тогдашнихъ читателей, которыхъ недогадливость о самыхъ простыхъ вещахъ равнялась только развѣ ихъ нетребовательности, что доказывается почти каждой страницей «Былей и Небылицъ».

Изъ всего этого можно уже видѣть, что статьямъ, печатавшимся въ «Собесѣдникѣ» подъ этимъ названіемъ, совсѣмъ нельзя придавать значенія серьезной сатиры, какъ хотѣли нѣкоторые критики. Самъ авторъ подсмѣивается надъ этимъ мнѣніемъ, разсказывая о томъ, какъ онъ приписывалъ своимъ статьямъ всеобщее исправленіе нравовъ, замѣченное имъ со времени появленія «Собесѣдника», и какъ среди этихъ мечтаній нашелъ вдругъ свои «Были» употребленными на папильотки и на обертку фруктовъ у разносчика [2]). Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на желаніе, выраженное въ одномъ письмѣ, чтобы въ «Быляхъ и Небылицахъ» было выведено человѣческое тщеславіе [3]), авторъ говоритъ: «не моему перышку передѣлать, перемѣнить, переломить, убавить, исправить и пр., и пр., и пр., что въ свѣтѣ водится. Я изъ тѣхъ людей, для которыхъ *свѣтъ поди, какъ можетъ*, и жить въ ономъ, *какъ опредѣлено*. Перемытаривать оный, мнѣ казалось, дѣло возможное, пока я не слегъ горячкою (которую у насъ запросто называютъ: къ бородѣ), но съ того времени вещи мнѣ инако казаться стали» [4]). И это не иронія, а искреннее убѣжденіе, искреннее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ литературѣ. Императрица очень хорошо видѣла, что русское общество того времени далеко еще не такъ образовано, чтобы считать литературу за серьезную потребность, чтобы теоретическія убѣжденія вносить въ самую жизнь, чтобы выражать въ своихъ поступкахъ степень развитія своихъ понятій. Поэтому она позволяла писать и то, что ей не нравилось, зная, что не будетъ имѣть слишкомъ обширнаго вліянія на жизнь общества; возвышала чинами и наградами тѣхъ, чьи произведенія были ей пріятны, для того, чтобы этимъ самымъ обратить общее вниманіе на автора, а такимъ образомъ и на его сочиненія. Въ это время у насъ писали и печатали все безъ разбора: и переводы изъ энциклопедистовъ, и Эмиля, и поэму на разрушеніе Лиссабона, и путешествіе Р[адищева]; но награды получали: Державинъ за «Фелицу», Петровъ за «Оду на Карусель», Костровъ за торжественныя оды, и т. п. Это уже много значило и необходимо должно было придать болѣе вѣса въ глазахъ общества твореніямъ послѣдняго рода.

Точно такъ, какъ, покровительствуя литературѣ, великая Екатерина умѣла тѣмъ самымъ указывать ей и на надлежащее направленіе, такъ же точно, взявшись за сатирическое перо, она умѣла указать и предметы сатиры въ современномъ русскомъ обществѣ. Въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, вѣроятно, мѣткая и живая, потому что о ней было много толковъ въ то время. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія письма къ издателямъ «Собесѣдника» [свидѣтельствуютъ сами издатели], свидѣтельствуютъ мимолетныя замѣтки и намеки въ другихъ современныхъ произведеніяхъ. Сама Екатерина, въ отвѣтъ на присланное, будто бы, къ ней письмо Петра Угадаева, который угадывалъ лица, изображенныя въ «Быляхъ», писала: «буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ «Быляхъ и Небылицахъ», то сіе доказываетъ, что «Были и Небылицы» вытащены изъ обширнаго моря естества» [1]). Одинъ изъ издателей «Собесѣдника» (конечно, кн. Дашкова) замѣчаетъ, что это «совсѣмъ новаго рода сочиненіе служитъ къ украшенію сего изданія» [2]). Въ стихотвореніяхъ Державина встрѣчаемъ нѣсколько намековъ на лица, выведенныя въ «Быляхъ и Небылицахъ», и нѣсколько фразъ, пущенныхъ ими въ ходъ (52). Княжнинъ, въ исповѣданіи жеманихи, прямо обращается къ сочинителю «Былей и Небылицъ» и говоритъ, что въ нихъ, «какъ въ зеркалѣ, себя увидишь» (53). Въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ», тоже выводятся лица изъ «Былей и Небылицъ [3]).— Какія же обличенія и нападки возбуждали такъ сильно общее вниманіе? Въ первой же статьѣ [4]) осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ. Это самая обильная сатирическимъ элементомъ статья. Въ слѣдующихъ гораздо болѣе болтовни и менѣе подобныхъ портретовъ. Во второй статьѣ находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ, да нападки на мелочныхъ критиковъ, да еще выведенъ майоръ С. М. Л. Б. Е., въ которомъ «для за-

[1]) «Соб.». ч. VI, стр. 145, 146. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. II, стр. 128. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. VII, стр. 166. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., стр. 180. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 140. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VI, стр. 178. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., кн. VI, стр. XV; кн. XV, ст. VII, и др. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., кн. 2 ст. XX. *Прим. Д.*

крытія» выпущены буквы А, О, Ю и І, какъ тотчасъ объясняетъ авторъ. Далѣе, насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и т. д. Большая часть описаній, намековъ и остротъ слишкомъ общи и выражаютъ скорѣе общечеловѣческія страсти, нежели пороки тогдашняго общества. Можетъ быть, и, дѣйствительно, находились личности, которыя узнавали здѣсь себя, но, во всякомъ случаѣ, это не была характеристика общества. Гораздо болѣе характернаго находимъ мы въ бѣглыхъ замѣткахъ, которыя тамъ и сямъ понемножку разсѣяны въ «Быляхъ и Небылицахъ». Такъ, будто мимоходомъ, но постоянно, авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому; противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядкъ, противъ умничанья, которое называетъ скучнымъ. Вообще, авторъ не любитъ тѣхъ, которые «болѣе плачутъ и разсуждаютъ, нежели смѣются», и въ своемъ завѣщаніи, въ которомъ передаетъ «Были и Небылицы» другому, желающему продолжать ихъ, заповѣдуетъ: «врача, лѣкаря, аптекаря не употреблять для писанія ихъ, чтобы не получили врачебнаго запаха, проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять» [1]). Такъ, и въ этомъ выразился блестящій вѣкъ Екатерины—вѣкъ *веселый*, вѣкъ празднествъ, пировъ, безъ заботы объ отдаленномъ будущемъ, съ мыслію, что все на часъ, и что нужно скорѣе пользоваться жизнью.

Во многихъ мѣстахъ также встрѣчаемъ мысль, что нынѣ въ Россіи лучше, чѣмъ прежде. Любопытна въ этомъ отношеніи выходка дѣдушки, который говоритъ, что «въ прежнее время люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся поправленія того-сего; разговоры же сіи велись вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли: слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». Далѣе дѣдушка «для изъясненія сего говоритъ, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались» [2]). Вообще, Екатерина выставляла, какъ великое преимущество своего царствованія, то, что она позволяетъ говорить все, что угодно, и почти каждый стихотворецъ ея времени восхвалялъ ее особенно за это. Даже Вольтеръ воспѣваетъ монархиню:

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense.

Императрица, разумѣется, охотно позволяла *говорить*, зная, что отъ этихъ разговоровъ ничего дурного быть не могло, и что чѣмъ больше, чѣмъ безпрепятственнѣе говорятъ, тѣмъ меньше обыкновенно дѣлаютъ [1]). Но она же смѣялась надъ сплетнями и надъ людьми, которые умничали, равно какъ и надъ тѣми, которые выражали свое неудовольствіе, не понимая дѣла. Такъ, напримѣръ, въ «Быляхъ и Небылицахъ» [2]) разсказываетъ она объ одномъ человѣкѣ, который «мысли и понятія о вещахъ, которыя сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились. Напримѣръ, онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись. Понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ, однако, ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющія торги, хотя сняты въ 1753 г.»... и пр. Но особенно сильно возстала она противъ *свободоязычія* по поводу вопросовъ фонъ-Визина. Самые отвѣты на эти вопросы, напечатанные въ III части «Собесѣдника» [3]), свидѣтельствуютъ, что вопросы не были пріятны императрицѣ. Тѣмъ не менѣе она не только ихъ напечатала, но даже отвѣчала на нихъ. Только отвѣты эти такого рода, что большая часть изъ нихъ уничтожаетъ вопросы, не разрѣшая ихъ; во всѣхъ почти отзывается мысль, что не слѣдовало объ этомъ толковать, что это — свободоязычіе, простершееся слишкомъ далеко. Напримѣръ, самый первый вопросъ: «Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?» получаетъ такой уклончивый отвѣтъ: «У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится или непонятно». Второй: «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?» разрѣшается: «Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ». На десятый вопросъ: «Отчего въ нашъ законодательный вѣкъ никто въ сей части не по-

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. 173. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. II, стр. 137. *Прим. Д.*

[1]) Объ этомъ гораздо подробнѣе Добролюбовъ говоритъ въ статьѣ № 335.
[2]) «Соб.», ч. V, стр. 140. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. III, стр. 162—166. *Прим. Д.*

мышляетъ отличиться»? отвѣчено: «Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго». Въ отвѣтѣ на четырнадцатый вопросъ о томъ: «Почему многіе добиваются чиновъ пронырствомъ и плутовствомъ, чего прежде не было?» прямо замѣчается, что: «Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли». Наконецъ, на прямую обязанность подданнаго указываетъ смѣлому вопрошателю императрица и въ отвѣтѣ на послѣдній вопросъ: «Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?»— «Въ остромъ и скоромъ понятіи всего», говоритъ она, «въ *образцовомъ послушаніи* и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ». Вообще, если мы можемъ удивляться въ этомъ случаѣ смѣлости фонъ-Визина, то тѣмъ болѣе должны удивляться искусству государыни, съ которымъ она умѣла отклонить своими отвѣтами самые прямые вопросы и въ отвѣтахъ на самые щекотливые изъ нихъ давать чувствовать, что они неумѣстны и не могутъ ожидать прямого рѣшенія. Только на одинъ вопросъ отвѣчаетъ она прямо и рѣшительно, не уклоняясь отъ сущности дѣла. Это пятый вопросъ: «Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?»—Императрица говоритъ: «Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было». За этотъ отвѣтъ краснорѣчиво и восторженно благодаритъ Екатерину фонъ-Визинъ въ письмѣ къ ней, напечатанномъ въ V части «Собесѣдника» [1]). «Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній,— говоритъ онъ—гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдой судей безсовѣстныхъ», и пр. При всемъ томъ, сколько извѣстно, никто, кажется, у насъ не воспользовался благодѣтельнымъ разрѣшеніемъ великой Монархини, и темныя судейскія дѣла, къ сожалѣнію, попрежнему не выходятъ за стѣны судейскихъ архивовъ.

Мы видѣли, что въ самыхъ отвѣтахъ была довольно ясно высказана неумѣстность вопросовъ, что понялъ самъ фонъ-Визинъ, когда писалъ потомъ въ письмѣ своемъ; «по отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно», и потомъ даже нѣсколько разъ принимался оправдываться. «Я думалъ честно, — говоритъ онъ, — и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы... перо мое никогда не было и не будетъ смочено ни ядомъ лести, ни жолчью злобы... Всякое ваше неудовольствіе, — заключаетъ онъ,—мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ-нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила; во всю жизнь мою за перо не приниматься». Императрица уважила это письмо и замѣтила, что «сей поступокъ г. сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе» [1]).

Однакожъ, этого не было довольно. И прежде, и даже послѣ этого письма, авторъ «Былей и Небылицъ» нѣсколько разъ выказывалъ свое недовольство вопросами и подсмѣивался надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое поставленъ былъ авторъ ихъ «Отвѣтами». Въ 4-й части «Собесѣдника» [2]) дѣдушка сильно возстаетъ противъ вопросовъ (54), и хотя возможность говорить такъ смѣло опять относитъ къ преимуществамъ того времени, но заключаетъ свою выходку слѣдующимъ образомъ: на вопросъ — «Отчего прежде шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?» — онъ отвѣчаетъ: «Отчего? отчего? ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія».

Такой пріемъ не могъ ободрить фонъ-Визина, и онъ хотя обѣщалъ продолжать вопросы, но уже не осмѣлился сдѣлать этого. Вообще нужно сказать, что фонъ-Визинъ не умѣлъ вполнѣ понять великой Екатерины, и, конечно, вслѣдствіе этого онъ не пользовался расположеніемъ при дворѣ, по свидѣтельству его біографа. Это былъ, конечно, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей истиннаго здраваго направленія мыслей въ Россіи, особенно въ первое время своей литературной дѣятельности, до болѣзни; но его горячія, безкорыстныя стремленія были слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало обѣщали существенной пользы предъ судомъ императрицы, чтобы она могла поощрять ихъ. И она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ ни къ чему хорошему.

Кромѣ «Былей и Небылицъ», изъ сочиненій императрицы Екатерины помѣщена

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 145—148. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 151. *Прим. Д.*

[2]) Ibid., ч. IV, стр. 168. *Прим. Д.*

въ «Собесѣдникѣ»: «Ежедневная записка Общества Незнающихъ» [1]). Статья эта есть не что иное, какъ пространная насмѣшка надъ незнающими людьми, которые составляютъ общества, собираются, толкуютъ, отдаютъ преимущество мнѣнію того, у кого грудь сильнѣе, и, все-таки, разъѣзжаются, ничего не рѣшивъ, или кончаютъ дѣло тѣмъ, что записываютъ мнѣніе каждаго члена порознь и потомъ сдаютъ дѣло въ архивъ. Результатъ всѣхъ засѣданій состоитъ развѣ въ томъ, что на членовъ общества жалуются сосѣди за раннія ихъ собранія, говоря, что каретнымъ стукомъ мѣшаютъ многимъ спать [2]). Теперь трудно рѣшить, съ какимъ намѣреніемъ написана эта статья; но, вѣроятно, императрица имѣла въ виду какое-нибудь дѣйствительно существовавшее общество, гдѣ дѣла рѣшались не обыкновеннымъ приказомъ, а общимъ собраніемъ, на которомъ каждый изъ членовъ имѣлъ право подавать голосъ.

Съ такимъ характеромъ является участіе великой Екатерины въ «Собесѣдникѣ». Мы нарочно долго останавливались на разборѣ произведеній, помѣщенныхъ здѣсь ею, имѣя въ виду прослѣдить ея участіе въ литературѣ нашей, не официальное, а, такъ сказать, приватное, домашнее. Для разбираемаго нами журнала это особенно важно. Во-первыхъ, Екатерина признала себя однимъ изъ издателей его. Во вступленіи къ отвѣтамъ на вопросы фонъ-Визина прямо сказано: «Издатели «Собесѣдника» раздѣлили трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія между собою понедѣльно, равно какъ и отвѣтствовать на оныя, ежели нужда того потребуетъ. Сочинитель «Былей и Небылицъ», разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты» [3]). Эти слова ясно показываютъ, что Екатерина принимала участіе въ изданіи. Но даже если мы оставимъ въ сторонѣ это обстоятельство, то и тогда нельзя не видѣть, что образъ мыслей и воззрѣній императрицы не могъ не имѣть сильнаго вліянія на духъ журнала, издававшагося однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней лицъ, и котораго большую часть она сама наполняла своими литературными трудами. Поэтому намъ было особенно важно разсмотрѣть собственные трудыи императрицы, въ которыхъ выразились ея литературныя убѣжденія. Они могутъ намъ послужить ключемъ для объясненія многихъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ».

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. VI. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VIII, стр. 40. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. III, стр. 160. *Прим. Д.*

Статья вторая и послѣдняя.

Вмѣстѣ съ императрицею руководила изданіемъ кн. Е. Р. Дашкова. Ея имя напечатано на первыхъ же строкахъ объявленія о «Собесѣдникѣ». Сначала даже всѣ статьи для журнала присылались къ ней, и только уже по выходѣ 14 № «Собесѣдника» объявлено было, чтобы статьи присылались въ Академію, а еще позже — что онѣ будутъ принимаемы «въ той комнатѣ, гдѣ присутствуютъ находящіеся при Академіи совѣтники» (55). Такимъ образомъ, на кн. Дашковой лежалъ главный трудъ изданія. Касательно собственнаго участія въ своихъ «Запискахъ» она говоритъ, что «сама *иногда* только писала для журнала», и что особенно дѣятельнымъ ея помощникомъ былъ «молодой адвокатъ Козодавлевъ» (56). Вѣроятно, онъ раздѣлялъ трудъ по изданію, и ему, можетъ быть, должно приписать нѣкоторыя изъ писемъ къ издателямъ, явно сочиненныхъ лицомъ близкимъ къ редакціи. Изъ статей кн. Дашковой ни одна не подписана ея именемъ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, ей принадлежитъ надпись къ портрету Екатерины, помѣщенная въ 1-й книжкѣ, непосредственно за Фелицею, и не заключающая въ себѣ ничего особеннаго. Ей же, можетъ быть, принадлежатъ отвѣты *отъ издателей*, не принадлежащіе самой Екатеринѣ. Кромѣ того, по сходству въ слогѣ и мысляхъ съ другими произведеніями кн. Дашковой, несомнѣнно ей принадлежащими (57), можно предположить, что ею же написаны въ «Собесѣдникѣ»: «Посланіе къ слову «такъ» [1]), «Сокращеніе катехизиса честнаго человѣка» [2]), «О истинномъ благополучіи» [3]), «Искреннее сожалѣніе объ участи издателей «Собесѣдника» [4]), «Вечеринка» [5]), «Путешествующіе» [6]), «Картины моей родни» [7]), «Нѣчто изъ Англинскаго Зрителя» [8]). Все это, впрочемъ, не болѣе, какъ наше предположеніе: удачно-ли оно или нѣтъ — это, можетъ быть, покажетъ современемъ открытіе какихъ-нибудь положительныхъ свидѣтельствъ. Что касается до стихотворныхъ произведеній, то здѣсь, безъ положительныхъ данныхъ, невозможно даже предположеніе (58). Изъ отвѣтовъ издателей болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія, по своей обширности: отвѣтъ звенигородскому кор-

[1]) «Соб.», ч. I, ст. III. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ст. VI. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. III, ст. III. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ст. XIV. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. IX, ст. VII. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. XI, ст. IX. *Прим. Д.*
[7]) Ibid., ч. XII, ст. V, ч. XIV, ст. X. *Прим. Д.*
[8]) Ibid., ч. XVI, ст. III. *Прим. Д.*

респонденту, заключающій въ себѣ обстоятельное разсужденіе о воспитаніи [1]), отвѣтъ Іоанну Пріимкову «объ архангелогородской кумѣ» [2]) и еще обращеніе одного изъ издателей къ сочинителю «Былей и Небылицъ» [3]).

Несмотря на то, что не можемъ указать навѣрное статей самой кн. Дашковой въ «Собесѣдникѣ», мы тѣмъ не менѣе не задумываемся приписать ей весьма большую долю участія въ направленіи и характерѣ всего этого изданія. Журналъ этотъ былъ ея задушевной мыслью: она надѣялась посредствомъ его дѣйствовать на распространеніе знаній, развитіе истинныхъ понятій, на образованіе самаго языка. Болѣе серьезно, нежели всѣ окружавшіе ее, проникнутая просвѣщенными идеями, умѣя вносить ихъ въ самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною для другихъ, она стояла гораздо выше современнаго ей русскаго общества. Странно себѣ представить молодую дѣвочку того времени, проводившую ночи въ чтеніи потрясающихъ произведеній, отъ которыхъ были тогда въ волненіи умы всей Европы. Еще труднѣе повѣрить, что эта 15-ти-лѣтняя дѣвушка въ непродолжительномъ времени разстраиваетъ свое здоровье сильнымъ умственнымъ напряженіемъ, размышляя о томъ, что ею прочитано [4]). И вотъ, ее для развлеченія везутъ въ столицу. Здѣсь она пристаетъ къ каждому иностранцу, надоѣдаетъ каждому путешественнику, котораго увидитъ, разспрашивая ихъ о другихъ странахъ, и потомъ ихъ отвѣты сравниваетъ съ тѣмъ, что видитъ у себя передъ глазами. Это въ ней рождаетъ непреодолимое желаніе путешествовать. Наконецъ, она достигаетъ осуществленія своихъ желаній. Она видитъ Европу, посѣщаетъ Дидро, Вольтера, проводитъ время въ задушевныхъ разговорахъ съ этими знаменитостями Европы, столь дорогими ея сердцу еще по воспоминаніямъ дѣтскихъ чтеній (59). Съ обильнымъ запасомъ мыслей и знаній, съ просвѣщенною любовью къ родинѣ, съ желаніемъ служить ей на поприщѣ общественной жизни, возвращается она въ Россію, и здѣсь встрѣчаютъ ее назначенія, которыя заставляютъ ее трудиться на поприщѣ ученомъ и литературномъ. Въ этомъ дѣлѣ кн. Дашкова могла сдѣлать много полезнаго, какъ по своей обширной начитанности и развитому уму, такъ и потому, что здѣсь ее не могли встрѣтить интересы, которые заставили бы ее измѣнить честности и правотѣ своихъ стремленій. Она, конечно, не была идеальною женщиной: намѣреніе возвысить своего сына вмѣсто Потемкина, навлекшее на нее столько зла и столько порицаній, доказываетъ, что и она поддавалась внушеніямъ житейскихъ расчетовъ. Но самая неудача въ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими біографическими данными, свидѣтельствуетъ, что Дашкова была не совсѣмъ ловкій придворный и имѣла нѣчто священное въ сердцѣ своемъ, чѣмъ не могла жертвовать влеченію грубаго эгоизма. Ея чистое направленіе выразилось въ литературѣ уже самымъ выборомъ переводовъ съ французскаго и англійскаго, которые помѣщены ею въ «Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія». Такое же направленіе отзывается и въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ мы сказали, что можно приписать ихъ Дашковой. Эти статьи сильно вооружаются противъ того, что вообще есть низкаго, гадкаго въ человѣкѣ и что особенно распространено было въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества того времени— противъ двоедушія, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, обмана, презрѣнія къ человѣчеству. Эти статьи отрадно читать и нынѣ: черезъ 70 лѣтъ еще можно угадывать правдивость, мѣткость, благородную энергію ихъ замѣтокъ. Видно, что эта сатира безкорыстная, не руководившаяся ничѣмъ, кромѣ желанія добра. Такъ, напримѣръ, въ посланіи къ слову *такъ*, написанномъ прозою и стихами, сильно поражается ласкательство, и нельзя не сознаться, что примѣры выбраны очень хорошо.

Авторъ пишетъ:

Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно,
Тутъ всѣ поклонятся; и умный, и дуракъ,
И скажутъ, не стыдясь: конечно, сударь, такъ.

Клиръ скажетъ, напримѣръ, что глупо Маркъ [1]) считалъ,
Когда сокровища свои онъ продавалъ,
Когда онъ все дарилъ солдатамъ изъ чертоговъ,
Хоть тѣмъ спасалъ народъ отъ тягостныхъ налоговъ.

Клиръ пустошь говоритъ; но тутъ, почтенья въ знакъ,
Подлецъ ему кричитъ: конечно, сударь, такъ.

Невѣжда, нарядясь въ кафтанъ золотошитый,
Смышляетъ честь купить, гордится подлой свитой;
Хоть чести не купилъ и мыслитъ въ томъ не такъ,
Дуракъ прискажетъ: такъ.

Такальщики всегда подлы; но, — говоритъ авторъ,—

---

[1]) «Соб.», ч. II, ст. II. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. X, ст. IV. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. V, стр. 156—161. *Прим. Д.*
[4]) См. «Москв.», 1852 г. № 1, стр. 101—4. *Прим. Д.*

[1]) Маркъ Аврелій. *Прим. Д.*

Но самые и тѣ, которымъ потакаютъ,
Не лучше чувствуютъ, не лучше разсуждаютъ.
Кто любитъ *таканье* и слушаетъ льстеца,
Тотъ хуже всякаго бываетъ подлеца.

А между тѣмъ льстецовъ награждаютъ, тогда какъ умные всегда обойдены:

Другой пускай дуракъ,
Но, говоря все *такъ*,
Онъ чинъ за чиномъ получаетъ
И въ карты съ барами играетъ;
А тотъ въ передней пусть зѣваетъ
За то, что онъ не льстецъ,
Не трусъ и не подлецъ [1]).

Это «Посланіе къ слову *такъ*» возбудило толки. Въ 3-й книжкѣ «Собесѣдника» помѣщено весьма грубое письмо отъ защитника Клировыхъ мыслей. Авторъ этого письма говоритъ о Клирѣ, какъ о лицѣ, хорошо ему извѣстномъ, и оправдываетъ его отзывъ о Маркѣ Авреліи; въ заключеніе же говоритъ съ огорченіемъ: «критики, а особливо вмѣшивающіеся въ дѣла политическія, которыхъ не знаютъ ни малѣйшей связи, всегда будутъ имѣть прекрасное поле разсыпать свои разсказы» [2]). Издатели замѣчаютъ на это, что «онъ не знаетъ, можетъ быть, что они таковы, и что письмо это помѣщается для того, чтобы публика сама могла судить, сколь мало благопристойно предложенное сочиненіе, которое, если не послужитъ къ удовольствію читателей, то, конечно, служить можетъ образцомъ неучтивости» [3]). Впредь же мы будемъ помѣщать только учтивыя критики, говорятъ издатели.

Этимъ письмомъ, вѣроятно, вызванъ «Отвѣтъ отъ слова *такъ*», несомнѣнно, сочиненный въ самой редакціи. Въ немъ находимъ обращеніе къ *сочинительницѣ такъ*, чѣмъ еще подтверждается наше мнѣніе о томъ, что его писала Дашкова [4]). Здѣсь разсказывается о разныхъ лицахъ, которыя обижались намеками этого посланія, узнавали себя въ вымышленныхъ именахъ, вступались за Клариссу, Клира и пр., такъ что «по рѣчамъ ихъ казалось, будто всѣ стихотворцами употребленныя имена имъ весьма знакомы». Впрочемъ, вы ихъ не опасайтесь— говоритъ слово *такъ* автору,—они ничего не осмѣлятся сдѣлать вамъ, потому что

Кто любитъ *таканье*, находитъ въ лести вкусъ,
Того душа подла; во всѣхъ дѣлахъ онъ трусъ;
Наединѣ всегда тотъ за себя бранится,
А въ публикѣ всѣмъ льститъ, съ злодѣями мирится [5]).

Это имѣли, кажется, въ виду издатели «Собесѣдника» постоянно, во всѣхъ трудахъ своихъ. Они были въ такомъ положеніи, что нечего было имъ бояться, и при томъ кн. Дашкова, которая, все-таки, была главною распорядительницею журнала, глубоко была проникнута, какъ мы сказали уже, просвѣщенными и благородными стремленіями. Сама императрица всегда старалась показывать просвѣщенную терпимость въ дѣлѣ литературы, сдерживая только тѣ порицанія и обличенія, которыя казались ей несправедливыми или опасными. Въ одномъ письмѣ къ издателямъ «Собесѣдника» сказано: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою Монархини.

«Qui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense» [1]).

Такимъ образомъ, всѣ свободно могли говорить правду о порокахъ общества и находили себѣ пріютъ въ «Собесѣдникѣ». Изъ свидѣтельства самаго журнала мы знаемъ, что въ редакцію «присылались съ легкою и тяжелою почтою изъ всѣхъ концовъ Россіи огромныя кучи разнообразнаго вранья, и что выборъ былъ затруднителенъ для издателей» [2]). Поэтому въ составѣ книжекъ, въ помѣщеніи такихъ именно, а не другихъ статей, мы должны видѣть собственно участіе вкуса и направленія издателей, въ особенности, когда имѣемъ дѣло со статьями неизвѣстныхъ авторовъ, принадлежащими, можетъ быть, лицамъ близкимъ къ редакціи. Соображая все это, мы не отдѣляемъ особенно тѣхъ статей, которыя приписываемъ самой кн. Дашковой, а будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ съ другими неподписанными, а иногда даже и подписанными произведеніями, имѣющими тотъ же характеръ, и будемъ слѣдовать порядку разныхъ предметовъ, которые разсматриваются въ этихъ статьяхъ.

Кромѣ «Посланія къ слову *такъ*» и краткихъ замѣтокъ въ другихъ статьяхъ, сильную тираду противъ ласкательства находимъ въ статьѣ: «Моя записная книжка» [3]). Здѣсь передается мнѣніе одного человѣка, котораго пріятель называетъ мизантропомъ. Вотъ это мнѣніе: «вельможа, украшенный титлами и чинами, болѣе ни о чемъ не помышляетъ, какъ сохранить только ту пышность и великолѣпія, которыя его окружаютъ, и удовольствовать свои страсти, какими бы средствами то ни было. Не погну-

[1]) «Соб.», ч. I, стр. 15—23. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. II, стр. 42. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 45. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. III, стр. 146. *Прим. Д.*
[5]) Ibid. *Прим. Д.*

[1]) Epitre de Voltaite á Cathrine II. *Прим. Д*
[2]) «Соб.», ч. III., стр. 149. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. XIII ст. IV. *Прим. Д.*

шается онъ унижать себя всячески предъ вышними, дабы имѣть послѣ удовольствіе оказывать равномѣрную гордость низшимъ, а тѣ, подражая его примѣру, льстятъ его высокомѣрію для того, чтобы удовольствовать собственныя свои пристрастія. Богатства и чины, будучи первымъ предметомъ желаній вашихъ, препятствуютъ вамъ почитать природныя дарованія. Дабы пріобрѣсти благосклонность вельможи, какимъ ласкательствамъ, какимъ низкостямъ не должно себя подвергнуть?... Потому-то не тѣ занимаютъ мѣста, которые своимъ дарованіемъ и знаніемъ удобны ко исполненію, но тѣ, которые имѣли случай, способность и терпѣніе пріобрѣсти себѣ покровителей» [1]). Въ другихъ статьяхъ говорится нерѣдко съ насмѣшкою о разныхъ *милостивцахъ*, а въ статьѣ «Картины моей родни» [2]) выведена тетушка, которая говоритъ: «кто родню забываетъ, а особенно знатную, въ томъ нѣтъ уже Божіей благодати», и за то, что племянникъ рѣдко ѣздитъ къ ней *поклоняться*, называетъ его «беззаконникомъ и даже антихристомъ».

Все это такія черты, которыя и донынѣ не утратили своего значенія. Онѣ рѣзко характеризуютъ тѣ грубыя понятія, тотъ жалкій образъ поведенія, который произошелъ у насъ отъ смѣшенія стариннаго невѣжественнаго барства съ новымъ чиновничествомъ. Какъ во всемъ почти, у насъ тогда и въ этомъ дѣлѣ обратили вниманіе только на внѣшность. Перестали гонять собакъ и жирѣть въ бездѣйствіи въ глуши деревень своихъ, стали служить дворяне со временъ Петра I; но чувство долга, сознаніе того, что они обязаны именно *служить*, а не считаться на службѣ, и служить для того, чтобы быть полезными отечеству, а не для своихъ выгодъ,—это сознаніе было еще недоступно даже большей части вельможъ того времени. Службу считали средствомъ для полученія чиновъ, для пріобрѣтенія богатства, и потому, вмѣсто того, чтобы служить, всѣ только прислуживались, а потомъ, выбравшись въ люди, сами начинали важничать и требовать, чтобы предъ ними унижались другіе. И выслужившійся вельможа пускался опять въ древнее барство, только менѣе, чѣмъ прежде, простодушное, а болѣе требовательное и нахальное. Противъ этого тщеславія внѣшними отличіями «Собесѣдникъ» тоже бросилъ мимоходомъ нѣсколько словъ, показывая, какъ они ничтожны и какъ часто бываютъ незаслужены.

Съ благороднымъ жаромъ говоритъ объ этомъ фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ по поводу отвѣтовъ на его вопросы. «Мнѣ случалось по землѣ своей поѣздить», говоритъ онъ. «Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста для того, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ,—словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ» [1]). Въ «Челобитной Россійской Минервѣ» фонъ-Визинъ такъ же рѣзко говоритъ о многихъ вельможахъ, которые, «пользуясь Высочайшей милостію, достигли до знаменитости, сами не будучи весьма знамениты, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, Минервою руководствуемыхъ, происходитъ якобы отъ искръ ихъ собственной мудрости, ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по штатнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди». Подобную замѣтку находимъ въ статьѣ: «Путешествующіе» [2]). «Многіе изъ знатныхъ и богатыхъ—говоритъ авторъ—мыслятъ, что если кто не причастенъ благъ слѣпаго счастья и щедротъ Плутуса, тотъ недостоинъ съ ними сообщенія; а тѣ, которые уже совсѣмъ въ бѣдномъ состояніи, тѣ имъ кажутся не имѣющими на себѣ подобнаго имъ человѣчества» [3]). Примѣръ тому, какъ достигается эта знатность, представляетъ намъ злая сатира—«Повѣствованіе глухаго и нѣмаго», – въ 4-й части «Собесѣдника». «Сосѣдъ нашъ—тамъ сказано—имѣлъ у двора ближняго свойственника и нелицемѣрнаго друга. Сія знаменитая особа былъ дворцовый истопникъ Касьянъ Оплеушинъ, получившій свое прозвище по данной ему отъ гофъ-фурьера оплеухѣ за то, что однажды печь закрылъ съ головнею. Я думаю однакожъ, и всегда былъ того мнѣнія, что гофъ-фурьеръ поступилъ на сію крайность, послѣдуя болѣе своему первому движенію, нежели правосудію, ибо Оплеушинъ былъ такой мастеръ топить печи, что тѣ, для которыхъ онъ топилъ, довели его своею протекціею, наконецъ, и до штабъ-офицерскаго чина» [4]).

Люди, получавшіе чины и мѣста такимъ образомъ, не могли безкорыстно исполнять своихъ обязанностей, и оттого между чи-

[1]) «Соб.», ч. XIII, стр. 38—39. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XI, ст V. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 147. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XI, стр. 126. *Прим. Д.*
[3]) Ibid. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., IV. стр. 125. *Прим. Д.*

новниками господствовали продажность, плутовство, приказныя увертки, направленныя къ преступному искаженію,—для своихъ выгодъ,—существующихъ законовъ. Это обстоятельство тоже не укрылось отъ сатирической наблюдательности сотрудниковъ «Собесѣдника», и въ немъ встрѣчаемъ нѣсколько горячихъ нападковъ на корыстолюбіе, нѣсколько рѣзкихъ картинъ, представляющихъ намъ, какъ велико было зло въ это время. Въ «Записной книжкѣ» разсказанъ слѣдующій случай. Авторъ заѣзжаетъ къ сосѣду своему Аггею и застаетъ у него какого-то капрала, которому сосѣдъ разсказываетъ, что онъ, капралъ, законный и правильный наслѣдникъ пятидесяти душъ крестьянъ;—но, прибавилъ онъ—«понеже ты человѣкъ неимущій и не знающій законовъ, то я, сжаляся на твое состояніе, соглашаюсь у тебя купить сіе имѣніе, и ежели ты дашь мнѣ на оное купчую, то сначала даю тебѣ 50 рублей, а ежели выхлопочу дѣло, то еще 100 прибавлю. Нововыисканный сей наслѣдникъ, который и самъ не зналъ своего благополучія, благодарилъ ему и обѣщалъ купчую совершить. Я не налюбовался на великодушіе моего сосѣда, который сими способами нажилъ уже изрядное имѣніе». Затѣмъ, приходитъ одинъ приказный и показываетъ, какъ вывелъ онъ родословную какого-то Елисея, который уступаетъ пустошь сосѣду Аггею, и доказалъ, что Елисей «по мужскому колѣну двоюроднаго его брата внучатный племянникъ». «Ничего нѣтъ легче —прибавляетъ онъ—какъ вывести оное въ родословной и показать его законнымъ наслѣдникомъ, хотя, между нами будь сказано, и есть правильнѣе его наслѣдники, но они объ этой землѣ совсѣмъ не знаютъ, и намъ легко будетъ ихъ утаить или написать мертвыми; когда же купчая совершится, и они про то свѣдаютъ, то пусть просятъ и отыскиваютъ законнымъ порядкомъ, а между тѣмъ, какъ въ справкахъ и выпискахъ пройдетъ лѣтъ десятка два-три, то можете вы весь лѣсъ вырубить и продать, а луга отдавать въ наемъ и ежегодно получать съ нихъ втрое больше доходу, нежели вы за всю сію дачу заплатите» [1]).

Подобныя вещи дѣлались въ Петербургѣ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, даютъ понятіе слѣдущія строки изъ 4-й части «Собесѣдника»: «Другой сосѣдъ нашъ былъ титулярный совѣтникъ Язвинъ, знаменитаго подьячаго рода. Онъ купилъ воеводское мѣсто въ Кинешмѣ за 500 рублей, т.-е за тогдашнюю обыкновенную таксу воеводскихъ мѣстъ среднихъ городовъ. Всякое время имѣетъ свои чудеса. Нынѣ часто деревни въ города обращаются; тогда нерѣдко города преображались въ деревни. Городъ Кинешма подпала подъ сей несчастный жребій. Лишь только Язвинъ въ него прибылъ, казалось, что въ него сама язва ворвалась. Въ первое еще лѣто его благополучнаго воеводствованія уже во всемъ уѣздѣ богатіи обнищаша и взалкаша. Въ два года опустошеніе сдѣлалось въ томъ краѣ всеобщее; наконецъ, услышано стало моленіе убогихъ, и на смѣну Язвина присланъ былъ изъ Петербурга воеводою коллежскій ассесоръ Исай Глупцовъ. Между тѣмъ, Язвинъ купилъ деревню въ нашемъ сосѣдствѣ и въ нее переселился» [1]). Замѣчательно, что здѣсь не оставлена безъ вниманія эта послѣдняя черта, характеризующая ловкость тогдашнихъ плутовъ увертываться изъ рукъ правосудія. Казалось бы, правительство увидѣло безчестные поступки воеводы, признало его недостойнымъ оставаться при прежней должности, и за всѣ его преступленія онъ долженъ понесть заслуженное наказаніе; но нѣтъ! онъ выходитъ въ отставку и преспокойно переселяется въ грабежомъ пріобрѣтенную деревню наслаждаться наворованнымъ добромъ. Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что эта черта подмѣчена слишкомъ вѣрно. Конечно, не безъ намѣренія также сказалъ авторъ, что на мѣсто *Язвина* присланъ былъ *Глупцовъ*. Это напоминаетъ стихи изъ сатиры Капниста:

Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, тотъ глупецъ—
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ [2]).

Въ сатирѣ этой, не пользующейся у насъ извѣстностью, которой бы заслуживала, и изъ которой поэтому я рѣшился сдѣлать нѣсколько выписокъ, находимъ также нѣсколько стиховъ противъ взятокъ. Авторъ говоритъ о своемъ пріятелѣ *Драчѣ*.

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ,
А Драчъ такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ.
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не знавъ его, боялся;
Соперникъ мой его и зналъ, и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, призвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону,
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону.
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота:
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили
И вору заплатить безчестье осудили.

Любопытна также слѣдующая замѣтка въ 12-й части «Собесѣдника»: «дядя мой

[1]) «Соб.», ч. XIII, стр. 29—31. *Прим. Д.*

[1]) «Соб», ч. IV, 129 («Повѣствованіе глухаго и нѣмаго»). *Прим. Д.*

[2]) Ibid., ч. V, стр. 162. *Прим. Д.*

мѣшался въ ученость и иногда забавлялъ себя чтеніемъ древней исторіи и миѳологіи, оставляя указы, которые онъ читалъ не для того, чтобы употреблять ихъ оградою невинности, но чтобы силу ябеды присоединяя къ богатству своему, расширять своего владѣнія земли, что онъ весьма любилъ,—и для того то любилъ паче всего читать римскую исторію. Насильственнымъ завладѣніемъ чужого находя онъ великое сходство въ себѣ съ Римскою имперіей, почиталъ потому себя древнимъ римляниномъ» [1]).

Не приводимъ здѣсь нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ о томъ же предметѣ, потому что и изъ приведенныхъ, кажется, можно хорошо видѣть, какъ живо, умно и смѣло нападалъ «Собесѣдникъ» на сутяжничество и взяточничество, и изъ этихъ нападеній можно заключить, какъ сильно распространенъ былъ у насъ этотъ порокъ. Неудивительно, что многіе сердились и возставали на подобныя обличенія; но они имѣли тогда щитъ, отражавшій всѣ нападенія. Сама императрица ободряла сатириковъ своимъ примѣромъ, и они умѣли этимъ воспользоваться. Замѣчательно, что, несмотря на всю силу и ѣдкость нѣкоторыхъ статей «Собесѣдника», на нихъ нѣтъ жалобъ порочныхъ людей, которые себя въ нихъ узнавали; но зато очень много помѣщалось въ «Собесѣдникѣ» писемъ, въ которыхъ разныя лица жаловались на «Были и Небылицы», осмѣявшія ихъ. Видно, что редакція, зная автора ихъ, недоступнаго никакимъ осужденіямъ, нарочно помѣщала подобныя письма въ своемъ журналѣ, чтобы, такимъ образомъ, оградить отъ нареканій и свой образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ.

Обличая плутовство и корыстолюбіе чиновниковъ, «Собесѣдникъ» преслѣдовалъ и всякій обманъ, всякій нечистый поступокъ, приносящій вредъ матеріальному благосостоянію ближняго. Особенно подвергались его негодованію люди, не платящіе долговъ своихъ и мотающіе на чужой счетъ. Во 2-й книжкѣ напечатано коротенькое письмо г. *Рѣдкобаева*, который проситъ издателей «написать что-нибудь такое, что бы принудило молодчиковъ да и родителей ихъ платить долги» [2]). Въ отвѣтѣ ему говорится, что, дѣйствительно, не платить долговъ нечестно, и что при томъ это вредитъ торговлѣ, потому что купцы, по необходимости, пропавшія суммы въ долгахъ наверстываютъ на покупателяхъ, возвышая цѣну на товаръ. Вслѣдъ затѣмъ напечатана статья подъ заглавіемъ: «*Покорно прошу прочесть*», въ которой разсказывается исторія *одного человѣка*, который разорился для своего милостивца, былъ имъ принимаемъ какъ свой и долго пользовался его ласками. Но когда дѣло пришло до платежа денегъ, и разорившійся кліентъ напомнилъ ему о деньгахъ, которыя тотъ долженъ былъ заплатить, то милостивецъ заперъ для несчастнаго свои двери и оставилъ его на произволъ кредиторовъ, которые захватили все его имѣніе и пустили его по міру. Другой несчастный, замѣшанный въ эти же долги, попалъ въ тюрьму и приговоренъ былъ къ ссылкѣ; но—заключаетъ бѣднякъ разсказъ свой—«великодушіе общаго нашего милостивца, большого боярина, участь его облегчило. Онъ взялъ его на выкупъ и возмечталъ, что онъ тѣмъ долгу человѣколюбія и правосудія удовлетворилъ совершенно» [1]).

Въ 11 части «Собесѣдника» помѣщены «Записки разнощика», который описываетъ, какъ онъ собиралъ долги свои. «Обходивъ нѣсколько домовъ для сбора должныхъ мнѣ денегъ, въ иномъ завтраками отпотчивали, въ другомъ отослали до будущаго понедѣльника, въ третьемъ не доложили госпожѣ за болѣзнію, которая приключилась ей оттого, что птичка ея вылетѣла изъ клѣтки, и любимая собачка переломила ножку; однимъ словомъ, вмѣсто 300 рублей, которые считалъ я тотъ день получить, 13 рублей мнѣ отдалъ тотъ изъ должниковъ моихъ, который бы скорѣе извиненъ былъ въ неисправности, ибо онъ всѣхъ прочихъ бѣднѣе» [2]).

Вообще, всякій обманъ, предательство, вѣроломство встрѣчали сильное обличеніе въ «Собесѣдникѣ». Этого касаются отчасти даже «Были и Небылицы»; но гораздо сильнѣе говорятъ противъ того другія статьи. Въ 14-й части помѣщенъ цѣлый разсказъ «Клеантъ», въ которомъ выведенъ человѣкъ, обманывавшій своего друга ложною преданностью и, между тѣмъ, клеветавшій на него.

Въ сатирѣ Капниста есть стихи:

Злохватъ бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди, цалуетъ
И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ,
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ,
И клятвами остритъ коварный злобы ядъ.
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется,
Пока конца моей онъ жизни не дождется [3]).

Въ 4-й части находимъ общее обвиненіе; отецъ говоритъ сыну: «я испыталъ, что обращеніе свѣтское и служба за собою влечетъ предательство, ухищренія, зависть, злоключенія и самое умерщвленіе духа» [4]).

Видно, что, въ самомъ дѣлѣ, понятія объ

[1]) «Соб.», ч. XII, стр. 19 («Карт. моей родни»). *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. II, стр. 54. *Прим. Д.*
[1]) «Соб.» стр. 64. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. IX, стр. 10. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., , ч. V, стр. 166. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. IV, стр. 116. *Прим. Д.*

истинной чести и честности были весьма мало тогда развиты въ нашемъ обществѣ: иначе, трудно объяснить себѣ такое невольное обвиненіе, особенно въ устахъ отца, поучающаго сына своего на путь жизни.

Какъ самый отвратительный видъ двоедушія, ханжество и пустосвятство также вызвали порицанія и насмѣшки въ «Собесѣдникѣ». Нельзя не сказать, что насмѣшки эти очень удачны и остроумны. Въ нихъ схвачены черты очень рѣзкія и, въ самомъ дѣлѣ, поразительныя. Напр., въ «Повѣствованіи глухаго и нѣмаго» честный воевода Язвинъ характеризуется еще слѣдующею чертою: «однажды укралъ онъ изъ нашего табуна 12 лучшихъ лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тѣхъ же краденыхъ коняхъ отправился въ Ростовъ Богу молиться» [1]).

Въ «Картинахъ моей родни» постная тетушка хвалитъ своего брата за то, что онъ не жжетъ восковыхъ свѣчъ дома. «Ужъ нынѣ люди до чего дошли,—говоритъ она,—что не только равняются, но хотятъ перевысить иконы. Я и имъ, свѣтамъ, по разбору ставлю. Иныя у меня бѣлаго (воска) и въ праздники не видятъ, а и желтымъ такъ же таки пробавляются». Эта богомольная старушка оказываетъ особенное расположеніе одному племяннику, который «заслужилъ сіе равною съ ней охотою замаливать то, что вмѣстѣ согрѣшатъ, а послѣ опять нагрѣшить, чтобы имѣть удовольствіе замаливать» [2]). Эта же почтенная старушка старается поддержать гнѣвъ своего брата на слугъ, «несмотря на то, что она лишь съ церкви отъ вечерни пріѣхала» [3]). Эти слова замѣчательны для насъ потому, что они показываютъ въ авторѣ статьи свѣтлый взглядъ на истинное благочестіе. Не въ исполненіи пустыхъ обрядовъ, но въ чистой любви къ человѣчеству поставляется здѣсь угожденіе Богу. И эта мысль не случайно попадается здѣсь. Она встрѣчается очень во многихъ статьяхъ «Собесѣдника», и почти въ каждой книжкѣ можно найти или положительное провозглашеніе обязанностей человѣколюбія и состраданія, или сильное обличеніе жестокосердія, презрѣнія къ ближнимъ и грубыхъ проявленій эгоизма. Не представляя разсужденій «Собесѣдника», возьмемъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о лицахъ, какія описаны въ немъ, и какія, конечно, бывали у насъ въ то время.

Въ первой же книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена статья «Пріятное путешествіе», въ которой разсказывается, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ. Къ одному богачу, во время богатаго обѣда въ его загородномъ домѣ, является бѣдная женщина, которой мужъ былъ благодѣтелемъ этого богача. Увидѣвъ ее въ окошко, хозяинъ началъ роптать на безпокойство, которое ему причиняютъ бѣдные люди. Когда же она пришла, то онъ на всѣ мольбы о помощи ей и малолѣтнимъ дѣтямъ ея отвѣчалъ сухо, что помочь ей не можетъ, что издержки его и безъ подаянія велики. Такимъ образомъ, отказавъ ей, онъ еще оскорбилъ ее названіемъ нищей, замѣчаетъ авторъ. «Преисполненный омерзѣніемъ, авторъ вышелъ и уже къ недостойному тому богачу болѣе не возвращался» [1]). Затѣмъ, слѣдуетъ еще нѣсколько рѣзкихъ обличеній на бездушныхъ богачей. Нѣсколько такихъ выходокъ есть также въ статьѣ «Путешествующіе» [2]), при разсказѣ одного подобнаго случая. Какой-то несчастный, будучи въ Лондонѣ, обратился здѣсь къ своему министру въ надеждѣ, какъ у земляка и человѣка, найти у него прибѣжище; «но знатный мой, ополчася своимъ величіемъ, бѣдняка и до лица своего не допустилъ». Бѣднякъ принужденъ былъ наняться въ матросы на одномъ суднѣ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ отечество [3]).

Въ 13-й части есть статья «Приключеніе», которой содержаніе состоитъ въ томъ, что проѣзжему, заблудившемуся въ пути, встрѣчается баринъ, возвращающійся съ охоты, и на просьбу о помощи отвѣчаетъ: «мнѣ не до васъ: я, право, не ужиналъ, такъ спѣшу домой». Потомъ встрѣчается дровосѣкъ и приглашаетъ проѣзжаго къ себѣ въ избушку [4]). Это опять даетъ поводъ автору къ нѣсколькимъ горячимъ словамъ обличенія. Въ 4-й части выведена еще любопытная личность майора Щелчкова «изъ солдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшаго».—«Лучшая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобы, выбравъ сильныхъ мужиковъ, ставить ихъ на колѣни и щелкать по лбу. Онъ въ семъ искусствѣ такъ отмѣнно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти» [5]). Этотъ человѣкъ дѣлалъ, что хотѣлъ, въ уѣздѣ, и на него не было никакого суда; «ибо воевода и съ приписью подъячій, съ женами и дѣтьми, не были ничто иное, какъ твари, питавшіяся отъ крупицъ, падающихъ изъ майорскаго дома». Кто знаетъ нравы нашего общества того времени, особенно

[1]) «Соб.», стр. 129. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XIV, стр. 464, 466. *Прим. Д.*
[3]) Ibid, ч. XII, стр. 22. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. I, стр. 49—52. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч XI, ст. IX. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., стр. 127–9. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. XIII, стр. 130—135. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. IV, стр. 124. *Прим. Д.*

провинціальнаго, тотъ оцѣнитъ справедливость и грустное значеніе этихъ замѣтокъ.

Но ни на что на обращалось въ «Собесѣдникѣ» столькихъ преслѣдованій, какъ на легкое поведеніе тогдашнихъ женщинъ и на слѣпое пристрастіе ко всему французскому. По замѣткамъ современниковъ, по цѣлой литературѣ екатерининскаго времени мы знаемъ, какъ распространены были, дѣйствительно, эти недостатки въ тогдашнемъ обществѣ (60). И это было великое дѣло—возстать на пороки сильные, господствующіе, распространенные во всѣхъ классахъ общества [начиная съ самыхъ высочайшихъ, и чѣмъ выше, тѣмъ больше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ первому] [1]). Смотря на эту сильную, настойчивую борьбу съ главнѣйшими недостатками эпохи, нельзя съ сожалѣніемъ не припомнить нашей литературы послѣдняго времени, которая большею частію сражается съ призраками и бросаетъ слова свои на воздухъ, которая осмѣливается нападать только на то, что не простирается за предѣлы какого-нибудь очень тѣснаго кружка или что давно уже осмѣяно и оставлено самимъ обществомъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что съ нынѣшними своими средствами она могла бы сдѣлать гораздо больше для общества, нежели въ то время, когда она сама еще едва выходила изъ пеленокъ (61) [2]).

Рѣзкость и безцеремонность выраженій, въ которыхъ описывается въ «Собесѣдникѣ» тогдашній развратъ, можетъ показаться странною и непріятною для утонченныхъ нравовъ нашего времени, которые позволяютъ дѣлать нѣкоторыя вещи, но не позволяютъ говорить о нихъ. Принимая въ уваженіе это обстоятельство и не видя надобности приводить доказательства на столь общеизвѣстный предметъ, мы удержимся здѣсь отъ выписокъ изъ статей, въ которыхъ особенно рѣзко изображаются отношенія тогдашнихъ женщинъ къ мужьямъ, и проч. Въ каждой книжкѣ «Собесѣдника» можно найти непремѣнно насмѣшливое описаніе какой-нибудь четы, или госпожи съ *господчикомъ*, или просто госпожи, излагающей свои понятія объ этомъ предметѣ. Есть также нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ все остроуміе вертится на словѣ *рогатый*. Вотъ, напр., одна, для образчика:

Филинтъ искалъ купить хорошую картину,
Изображающую рогатую скотину;
Онъ въ лавку только лишь ступилъ,
То зеркало купилъ [1]).

До какой степени доходило разстройство всѣхъ семейныхъ отношеній, можно видѣть изъ нѣсколькихъ стиховъ въ «Посланіи къ слову *такъ*». Здѣсь жена проситъ мужа позволить ей *помахать* (техническое слово тогдашняго времени) для того,

Чтобъ свѣту показать, что мы живемъ *по модѣ*.

Мужъ *по модѣ* потакаетъ ей, и она продолжаетъ:

Mon coeur très obligé,
Вѣдь вѣрность наблюдать, конечно, préjugé?
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ?
Тутъ мужъ ей говоритъ: такъ, маменька, такъ, такъ [2]).

Въ этой же части помѣщено, будто бы полученное издателями, письмо отъ одной дамы, жалующейся на своего мужа, который не даетъ ей *махать*. «У него такія идеи премудреныя,—говоритъ она,—онъ совсѣмъ не слушаетъ резону, а еще умнымъ человѣкомъ считается. Я ему тысячу примѣровъ насказала, да онъ мнѣ отвѣчаетъ тѣми же глупостями. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ, конечно, видитъ, что въ хорошихъ сосіететахъ за порокъ не почитаютъ махать отъ скучныхъ мужей, и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ; а ежели бы маханье было порокъ, то бы, конечно, ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали. Но со всѣмъ тѣмъ мужъ мой все при старыхъ капризахъ остается» [3]).

Такимъ образомъ, видно, что развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и даже считался признакомъ образованности. Многіе тогда не женились только потому, что «c'est du bon ton—быть холостымъ», какъ сказано въ другой статьѣ [4]). Слѣдовательно, модѣ этой подражали равно мужчины и женщины.

Въ «Собесѣдникѣ» есть нѣсколько статей собственно посвященныхъ этому предмету. Таково письмо, изъ котораго приведена выписка [5]), «Исповѣданіе жеманихи» [6]), «Прогулка» [7]), «Маскарадъ» [8]). Кромѣ того, много замѣтокъ разсѣяно мимоходомъ въ другихъ статьяхъ. Даже «Были и Небылицы», въ которыхъ никакъ нельзя ожидать разсказовъ о подобныхъ предметахъ, касаются

[1]) Врядъ ли это мѣсто вычеркнуто редакціей, а не цензоромъ.

[2]) Эта мысль о мелочности обличительной литературы, потомъ не одинъ разъ была развита авторомъ. Здѣсь важно лишь замѣтить, что впервые она высказана имъ въ концѣ 1856 года.

[1]) «Соб », ч. III, ст. 38. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., стр 31. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. I, стр. 84, 85. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. II, стр 20. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. I, ст. XVI. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. VIII, ст. XII. *Прим. Д.*
[7]) Ibid., ч. VI, ст. XV. *Прим. Д.*
[8]) Ibid., ч. XI, ст. XVII. *Прим. Д.*

ихъ нерѣдко [1]). Впрочемъ, нельзя не отличить въ этихъ нападеніяхъ двухъ сторонъ: одна — на самое дѣло, и это насмѣшки, очень невинныя и снисходительныя, — другая — на тѣ средства, которыми хотятъ привлекать къ себѣ — на щегольство, *прикрасы личныя* и проч. Эти нападенія жестокія и нещадныя. Видно, атмосфера до того была заражена, что даже лучшіе люди не могли вполнѣ понять гадости самаго порока и смотрѣли на него, какъ на вещь очень обыкновенную и неважную, въ сущности, заслуживающую порицанія только смотря по той формѣ, въ которой она проявляется. Изъ всѣхъ статей «Собесѣдника» видимъ, что тогда развратъ женщинъ осуждали только съ одной точки зрѣнія—за то, что здѣсь находили обманъ. Сущность же дѣла казалась очень милою, привлекательною и вовсе не беззаконною. Доказательствъ можно найти тысячу въ литературѣ того времени: въ сочиненіяхъ Державина, Богдановича, фонъ-Визина, Майкова, Екатерины и проч., даже въ статьяхъ «Собесѣдника», даже въ тѣхъ самыхъ статьяхъ его, которыя вооружаются противъ развращенія. Въ первой книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена идиллія «Вечеръ», въ которой разсказывается встрѣча пастуха, вечеромъ, въ рощѣ, со спящею, разметавшеюся пастушкою [2]). *Идиллія* эта не отличается большою скромностію и напоминаетъ Богдановича въ сценѣ задуманнаго самоповѣшанія Душеньки. Вѣроятно, это и нравилось тогда. Каковы были требованія тогдашнихъ барынь отъ мужчины, видно отчасти изъ одного намека въ «Записной книжкѣ». Двѣ женщины восхищаются однимъ молодымъ человѣкомъ, и на вопросъ: что онѣ нашли въ немъ хорошаго?—одна отвѣчаетъ: «ахъ, неужто ты того не примѣтила? посмотри, пожалуй, какой ростъ...» «Онъ головою выше моего мужа», пресѣкла другая [3]). Взглядъ на самую любовь былъ совершенно чувственный. Вотъ, напримѣръ, для доказательства начало оды *Къ любви*, изъ «Собесѣдника»:

О ты, что чувства въ насъ питаешь,
Томишь и услаждаешь кровь,
Пріятну страсть въ сердца вливаешь,
О ты, *божественна любовь* [4])...

Смотря на любовь, какъ на волненіе крови, конечно, нельзя было имѣть строгаго взгляда на семейную нравственность.

Но корень всему злу было французское воспитаніе, и на него-то обращена большая часть самыхъ ожесточенныхъ нападеній. Причина этого настойчиваго преслѣдованія объясняется отчасти тѣмъ, что тогдашнее волненіе умовъ во Франціи грозило многимъ и въ политическомъ отношеніи, отчасти же и тѣмъ, что княгиня Дашкова, понимавшая истинную сущность дѣла, естественно должна была негодовать, видя, какъ русскіе люди, знакомясь съ литературой и нравами Франціи, перенимали самое пустое, самое глупое, самое ничтожное, не обращая вниманія на то, что составляло дѣйствительное сокровище, что могло въ самомъ дѣлѣ образовать и облагородить человѣка. Эти двѣ причины, до нѣкоторой степени противоположныя, если разсмотрѣть ихъ внимательно, произвели, однакожъ, одно слѣдствіе: осмѣяніе пустого подражанія французамъ (62). Въ этихъ насмѣшкахъ попадается нѣсколько характерныхъ чертъ, которыя могутъ служить любопытнымъ выраженіемъ нравовъ того времени.

Имѣть учителя француза или *мамзель* француженку считалось необходимомъ въ порядочномъ семействѣ. Авторъ статьи «*О воспитаніи*» говоритъ: «нерѣдко случалось слышать, особливо въ замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ: *что ты, матушка, своей мамзели даешь?*—Дарага, проклятая, дарага! да что дѣлать! хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: 180 руб. деньгами да сахару по 5 и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И, матушка, я такъ своей больше плачу: 250 р. на годъ да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правду сказать, зато она ужъ моетъ кружево мое и чепчики мнѣ шьетъ, да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Нынче, матушка, ужъ и замужъ дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умѣетъ, а вѣдь постричь ее нельзя же. Какъ быть? да я и сама-таки люблю французское благородство и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ» [1]). При такомъ воспитаніи, при такихъ руководителяхъ съ первыхъ лѣтъ жизни, основательнаго образованія, разумѣется, нельзя было и ожидать. И вотъ, выходили молодая дѣвушка или молодой человѣкъ съ презрѣніемъ къ отечеству, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ ко всему французскому, съ легкой головой, съ пустымъ сердцемъ, — словомъ, нѣчто въ родѣ соллогубовскаго Ивана Васильича съ своей матушкой. У дѣвушки тотчасъ является желаніе имѣть petite santé и тратиться свыше состоянія на французскія накладки, шпильки и булавки. Объ этомъ много говорится въ «Собесѣдникѣ», и въ

[1]) «Соб.», ч. II, стр. 150—154; ч. V, стр. 142—145; ч. VII, стр. 130—133. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. I, ст. V. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. XIII, стр. 23. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. IV, стр. 174. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. II, стр. 16. *Прим. Д.*

статьѣ «О воспитаніи», и въ другихъ, напримѣръ, въ «Письмѣ нѣкоторой женщины» [1]), при которомъ есть даже примѣчаніе издателей, подсмѣивающееся не надъ безнравственностью его, а надъ тѣмъ, что въ немъ много французскихъ словъ. То же есть въ «Записной Книжкѣ» сначала [2]), въ «Подражаніи Англинскому Зрителю» [3]), въ «Прогулкѣ» [4]), въ «Вечеринкѣ» [5]), во «Французской Лавкѣ» [6]) и пр. Не дѣлаемъ выписокъ, потому что и безъ того слишкомъ много выписывали: притомъ изъ этихъ выписокъ мы узнали бы новаго развѣ только то, что тогда была мода носить дамамъ высокіе каблучки, растрепанные волосы, румяниться и притираться, что были въ употребленіи:

Флеръ, крепъ, лино, цвѣты и перья, и накладки [7]).

И здѣсь, впрочемъ, зло было слишкомъ сильно, и «Собесѣдникъ» старался только уменьшить, а не истребить его. Въ статьѣ «*О личныхъ прикрасахъ*» онъ прямо сознался, что это есть «необходимо нужное зло» [8]).

Молодой человѣкъ тогдашняго времени, при малѣйшей возможности, отправлялся въ *вояжъ* и прямо направлялъ путь свой въ Парижъ. Въ дорогѣ онъ ограничивалъ свою наблюдательность трактирами, честолюбіе его удовлетворялось названіями сіятельства и свѣтлости отъ трактирной прислуги; любознательность не шла далѣе покроя платья. Въ самомъ Парижѣ изучалъ онъ модныя лавки, гулянья, лоретокъ и даже спектакли—для того, чтобы знакомиться съ актрисами. Возвращаясь въ отечество, онъ исполнялся горестію, что долженъ со слугами объясняться не по-французски, и что нельзя между невѣждами вести образованной парижской жизни. Съ полнымъ презрѣніемъ ко всему родному, съ совершеннымъ отсутствіемъ серьезнаго образованія, эти люди были увѣрены, что они обо всемъ могутъ судить очень дѣльно, и потому говорили обо всемъ рѣшительнымъ образомъ, пренебрегая все то, что видятъ дома, а рѣшенія свои считая выше всякой аппеляціи, потому что были въ Парижѣ. Такъ, «Собесѣдникъ» описываетъ русскихъ путешественниковъ конца прошедшаго вѣка, въ статьяхъ своихъ: «О воспитаніи» [9]), «Просвѣщенный путешественникъ» [10]) и «Путешествующіе» [1]). Къ этому можно прибавить характерную замѣтку мизантропа, изъ «Записной Книжки». «Молодой путешественникъ,—говоритъ онъ,—спѣшитъ въ Парижъ, чтобы перенять разныя моды и со вкусомъ одѣваться, въ Римъ—чтобы посмотрѣть на хорошія картины, въ Лондонъ—чтобы побывать на конскомъ ристаніи и на драке пѣтуховъ; но поговорите съ нимъ о нравахъ, законахъ и обычаяхъ народныхъ, онъ скажетъ вамъ, что во Франціи носятъ короткіе кафтаны, въ Англіи ѣдятъ пуддингъ, въ Италіи — макароны» [2]).

Такимъ образомъ, немудрено повѣрить, что въ обществѣ царствовали величайшее легкомысліе, пустота и полное невѣжество въ отношеніи ко всѣмъ вопросамъ науки и литературы. Просвѣщенный путешественникъ говоритъ, что онъ не крестьянинъ, чтобы ему интересоваться успѣхами сельскаго хозяйства и задачами политической экономіи; что онъ не будетъ составителемъ календарей, чтобы ему заниматься математикой и физикой; что онъ не секретарь, чтобы тратить время на изученіе правъ народныхъ. При господствѣ такого образа мыслей, легко могло произойти то, что утверждаетъ мизантропъ; что если два человѣка съ талантами въ обширномъ городѣ встрѣчаются, то такъ другъ другу обрадуются, какъ двое русскихъ, которые бы въ первый разъ встрѣтились въ Китаѣ. О невѣжествѣ встрѣчаемъ довольно свидѣтельствъ въ «Собесѣдникѣ». Эти свидѣтельства нужно раздѣлить на два рода: одни относятся къ тѣмъ, которые не хотѣли знать литературы и науки, другія — къ тѣмъ, которые сами пускались въ писательство, но тоже умѣли доказывать свое невѣжество.

Въ отношеніи къ первому роду невѣждъ мы находимъ такого рода данныя. Множество было людей, которые ни о чемъ больше говорить даже не умѣли, какъ только о собакахъ [3]); другіе, имѣя претензію на высшую образованность, посвящали все свое время танцамъ, клавикордамъ или скрипкѣ и разговорамъ о театрѣ [4]), третьи заботились о томъ, «чтобъ издавать наряды своимъ соотечественникамъ» и забавлять компанію разговорами, не заботясь о томъ, правду или нѣтъ говорить придется [5]). Такимъ образомъ, когда дѣло доходило до серьезныхъ вопросовъ, то подобные господа рѣшительно терялись. Въ 11-й части «Собесѣдника» помѣщено письмо одного священника, который говоритъ: «Недавно, въ

[1]) «Соб.», ч. I, ст. XVI. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XIII, стр. 19—22. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. XV, ст. VI. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. VI, ст. XV. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. IX, ст. VII. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. XI, ст. III. *Прим. Д.*
[7]) Ibid., ч. XI, стр. 24. *Прим. Д.*
[8]) Ibid., ч. VI, стр. 172. *Прим. Д.*
[9]) Ibid., ч. II, ст. II. *Прим. Д.*
[10]) Ibid., ч. III, ст. XVIII. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. XI, ст. IX. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XIII, стр. 37. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. I, ст. XX. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. II, стр. 18. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. III, стр. 175, 183. *Прим. Д.*

не маломъ благородномъ собраніи, предложенъ былъ, между прочимъ, высокоблагородному важный вопросъ: что есть Богъ?— и по многимъ преніямъ многіе сего общества члены такія опредѣленія сей задачѣ изыскивали, что не безъ сожалѣнія можно было примѣтить, сколь много подобныхъ симъ найдется мудрецовъ за то одно незнающихъ святости христіанскаго закона, понеже никакого о немъ понятія не имѣютъ» [1]). Отъ этого безсилія предъ вопросами, требующими серьезнаго размышленія и положительныхъ знаній, развился въ то время и остался, кажется, надолго въ употребленіи у полузнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ въ стихахъ г. XX*** [2]):

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье;
На все давать тотчасъ свободное рѣшенье;
Не много разумѣть, о многомъ говорить;
Быть дерзку, но умѣть продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться въ разговорахъ;
И другу и врагу являть пріятство въ взорахъ;
Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать;
Смѣяться дуракамъ и имъ же потакать;
Любить по прибыли, по случаю дружиться;
Душою подличать, а внѣшностью гордиться;
Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ;
Для остраго словца шутить и надъ закономъ,
Не уважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ;
И, словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать,
Въ познаніяхъ одни только цвѣты срывать;
Тотъ узелъ разсѣкать, что развязать, не знаемъ—
Вотъ остроуміемъ что часто мы считаемъ.

Но у кого недоставало душевной наглости и для того, чтобы хоть такъ отдѣлываться отъ вопросовъ, тотъ просто не допускалъ ихъ въ свою голову. А дѣлалось это очень просто. Прибѣгали для этого къ карточной игрѣ [3]), къ сплетнямъ [4]), къ вину [5]). Иные отъ праздности придумывали еще лучшее занятіе. Напримѣръ, въ «Картинахъ моей родни» тетушка для развлеченія принимается ругать слугъ, а мужъ ея, опасаясь, чтобы послѣ того, какъ она всѣхъ перебранитъ, и ему не досталось, помогаетъ супругѣ нападать и «продолжаетъ всячески гнѣвъ ея на слугъ, спасительный для него» [6]). Нѣкоторые, отъ нечего дѣлать, занимались гаданьемъ на картахъ [7]), придавая, впрочемъ, ему серьезное значеніе. Если еще и теперь можно встрѣтить вѣрующихъ этому гаданью, то въ то время ихъ, конечно, было несравненно больше, судя по образчикамъ тогдашняго суевѣрія въ другихъ родахъ. Тогда, напримѣръ, не вѣрили врачебной наукѣ и считали грѣхомъ лѣчиться: объ этомъ говоритъ «Собесѣдникъ». Въ четвертой части находимъ разсказъ о человѣкѣ, который ожесточенъ былъ противъ лѣкарствъ и еще болѣе утвержденъ въ своемъ предубѣжденіи отцомъ игуменомъ на Перервѣ, куда онъ ѣздилъ молиться Богу, — «его преподобіе имѣлъ такое мнѣніе, что всякій докторъ долженъ быть неминуемо колдунъ, и что весь корпусъ медиковъ есть не что иное, какъ сатанино сонмище, попущенное гнѣвомъ Божіимъ на пагубу человѣческаго рода» [1]).

Общество, столь мало или столь превратно развитое умственно и нравственно, не могло, разумѣется, отличаться сочувствіемъ къ литературѣ, — и это не разъ замѣчено было въ «Собесѣдникѣ», какъ дѣло весьма постыдное. Въ «Вечеринкѣ» является одинъ господинъ, который на вопросъ, читалъ-ли онъ «Душеньку», отвѣчалъ: «Не читалъ и не видалъ». — «Какъ не видали»?—«Я думалъ, что ее когда-нибудь сыграютъ». — «Да это не драма, а сказка въ стихахъ». — «А мнѣ сказывали, что это комедія». «Надобно знать, — прибавляетъ авторъ, — что господинъ этотъ выдаетъ себя за человѣка просвѣщеннаго, за любителя наукъ и художествъ» [2]). Въ письмѣ къ Капнисту сказано прямо, что «публика наша еще не очень охотно читаетъ россійскія стихотворенія (63): «Душенька» и многія другія сочиненія въ стихахъ лежатъ въ книжныхъ лавкахъ не проданы, тогда какъ многіе переведенные романы печатаются четвертымъ тисненіемъ. Посему стихотворцы наши не могутъ еще безъ покровителей надѣяться на одобреніе публики» [3]). Въ послѣдней книжкѣ «Собесѣдника» описанъ одинъ любитель чтенія, который заставляетъ своего дворецкаго читать себѣ книги, а самъ въ это время спитъ, по прочтеніи же отмѣчаетъ своей рукой на книгѣ: *прочтена*. «Зачѣмъ же вы это подписываете?»—спрашиваютъ его. «А чтобы въ другой разъ не читать книги», наивно отвѣчаетъ онъ [4]).

Но, выставляя на посмѣяніе подобныхъ читателей, «Собесѣдникъ» не оставляетъ въ покоѣ и писакъ, которые пускались въ литературу, особенно тѣхъ, которые писали по-русски французскимъ складомъ. «Собесѣдникъ» самъ иногда помѣщалъ у себя для смѣху подобныя произведенія; но

[1]) «Соб.», ч. XI, стр. 157. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. III, стр. 115. «Модное Остроуміе». *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. XIII, стр. 23, 25. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. III, стр. 143, 145; ч. VI, стр. 183. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. IV, стр. 129. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. XII, 20 *Прим. Д.*
[7]) Ibid., ч. IX, стр 242—246. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. IV, стр. 130. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. IX, стр. 245. *Прим. Д.*
[3]) Ibid, ч. I, стр. 75. *Прим. Д.*
[4]) Ib.d., ч. XVI, ст. X. *Прим. Д.*

дорого стоила авторамъ ихъ честь попасть въ этотъ журналъ. Надъ ними долго нещадно смѣялись, разбирая по ниточкѣ уродливыя фразы ихъ. Особенно досталось двумъ авторамъ: «Любослову», который помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» свою критику [1]) на первую часть его, мелочную, правда, но большею частію справедливую, и потомъ «Начертаніе о россійскомъ языкѣ» [2]), и еще автору одного письма къ сочинителю «Былей и Небылицъ», приложившему при этомъ письмѣ и свое предисловіе къ исторіи Петра Великаго [3]). Перваго осмѣяли за мелочную придирчивость и за напыщенность выраженія, второго — за то, что, «пишучи по-русски, думалъ по-французски», и написалъ свое предисловіе совершенно по-французски, только русскими словами. За это особенно нападаетъ «Собесѣдникъ», и дѣло это, дѣйствительно, было важно для литературы. Даже Карамзинъ жаловался, какъ извѣстно, на то, что русскому писателю негдѣ взять образца для своего языка, потому что всѣ образованные люди говорятъ по-французски. Обычай этотъ, усиливаемый французскимъ воспитаніемъ и, въ свою очередь, поддерживавшій его жалкое вліяніе, былъ особенно распространенъ въ то время, и нельзя не отдать должной справедливости издателямъ «Собесѣдника» за стараніе противодѣйствовать этому злу. Осмѣивая неумѣстное употребленіе французскихъ фразъ въ обществѣ, они тѣмъ сильнѣе осмѣивали тѣхъ, которые съ подобною привычкой принимались писать по-русски. Объ одномъ изъ подобныхъ сочиненій «здравомыслящій человѣкъ» говоритъ: «мнѣ кажется, все сіе написано по-французски русскими словами; если вамъ угодно, я переведу все сіе сочиненіе на французскій языкъ, и, возвратя оное въ первобытное состояніе, оно болѣе смысла имѣть будетъ, нежели теперь въ русскихъ словахъ оно содержитъ. Авторъ же этотъ, хоть верхомъ или инако во французскомъ шарѣ летать будетъ, пока по-русски не выучится, русскимъ сочинителемъ не будетъ» [4]).

Плохимъ стихотворцамъ тоже доставалось отъ «Собесѣдника», особенно въ эпиграммахъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Глупоповъ написалъ и прозу, и стихи,
Чтобъ всякому читать за тяжкіе грѣхи.
Хоть грѣшниковъ и есть на свѣтѣ очень много,
Но ихъ наказывать не должно слишкомъ строго [5]).

На плохихъ риѳмотворцевъ нападаетъ и Капнистъ въ своей сатирѣ, сожалѣя, что можно прекратить злодѣйства страхомъ наказаній, но никогда нельзя стихотворцевъ заставить «безъ смысла не гремѣть»,—

Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить кастальскихъ чистыхъ водъ.

А что писакъ было и тогда очень довольно, свидѣтельствуетъ «Искреннее сожалѣніе объ участи издателей «Собесѣдника», въ которомъ сказано: «Присылаемые къ вамъ разноманерные пакеты, запечатанные то пуговкою, то полушкою, правда, наполнены стихотвореніями, но по скольку добрыхъ стиховъ на сто худыхъ? Я увѣренъ, что не находится тутъ ниже по шести на сто указанныхъ процентовъ» [1]). Письмо сочинено, очевидно, въ редакціи, и потому его увѣренность можно принять за положительное показаніе.

«Собесѣдникъ» открываетъ намъ еще одно странное явленіе тогдашней литературы. Были люди, которые нанимали другихъ, чтобы написали для нихъ сочиненія, которыя они потомъ издавали подъ своимъ именемъ. Этотъ обычай, какъ видно, тоже принесенъ изъ Франціи, гдѣ онъ получилъ освященіе отъ знаменитаго Ришелье. Фактъ этотъ разсказывается въ статьѣ: «Счастливое излеченіе зараженнаго болѣзнію сочинять» [2]). Статья незначительна сама по себѣ; содержаніе ея взято изъ одного анекдота, помѣщеннаго еще въ «Письмовникѣ» Курганова (64). Онъ состоитъ въ томъ, что двое молодыхъ людей вздумали увѣрять своего пріятеля, что онъ ослѣпъ, и для того, среди темной ночи, когда онъ спалъ, подняли споръ объ одномъ словѣ, котораго будто бы не могли разобрать въ одной тетради. Проснувшись отъ шума, онъ спросилъ, о чемъ они спорятъ, и они попросили его разобрать, что тутъ написано. Онъ сказалъ, что безъ огня не видитъ; они начали смѣяться надъ нимъ и увѣряли, что теперь день. Такимъ образомъ, онъ увѣрился, что ослѣпъ. Разница между разсказомъ «Письмовника» и «Собесѣдника» та, что тамъ друзья рѣшаются настращать пріятеля за богохульство, въ которомъ онъ упражнялся съ вечера, а здѣсь за то, что онъ оскорбляетъ божество Таліи, осмѣливаясь писать комедіи по заказу одного господчика, который, побывавъ въ Парижѣ (какъ видно, это было въ глазахъ издателей необходимое условіе глупости), слылъ между дворянами великимъ умникомъ, да и отъ мѣщанъ тоже хотѣлъ получить дань поклоненія своему генію.

---

[1]) «Соб.», ч. II, ст. XI. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VII, ст. XV. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. VII, ст. XIX. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. IX, стр. 12–13. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. III, стр. 152. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ст. XV. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. X, ст. X. *Прим. Д.*

Мы разсмотрѣли большую часть нравоучительныхъ статей «Собесѣдника», въ которыхъ являются сколько-нибудь живыя личности, сколько-нибудь дѣйствительная жизнь. При этомъ мы не брали во вниманіе всѣхъ извѣстныхъ произведеній Державина, фонъ-Визина, Богдановича и пр., которыя могутъ еще дополнить картину тогдашнихъ нравовъ, представленную въ «Соб ». Нельзя не видѣть, что въ этихъ стать-яхъ болѣе выводится на сцену дурная сторона нравовъ, и за это нельзя осуждать «Собесѣдника». Еще въ наше время испыталъ неудачу въ созданіи идеальныхъ русскихъ лицъ писатель, которому равнаго, конечно, не представитъ прошедшее столѣтіе въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, наше время уже далеко не то, что тогдашнее. Тогда, какъ видимъ изъ «Собесѣдника» же, старинные предразсудки, невѣжество, грубость сердца, суевѣріе, боярская спѣсь упорно еще боролись противъ просвѣщенія, насильно вторгающагося въ русскую жизнь. Но остановить распространеніе свѣта они не могли, и молодое поколѣніе жадно бросилось перенимать французскій умъ, французскіе нравы и переняло, разумѣется, настолько, насколько можно перенимать умъ и нравы. Все было искажено, все перешло въ однѣ пошлыя, заученныя формы безъ души, потому что все вниманіе обращали только на внѣшность, не думая о томъ, что подъ нею скрывается. Да и самая внѣшность эта была не понятна и, поразивъ сначала удивленіемъ непривычныхъ людей, скоро потомъ переходила къ намъ въ чудовищныхъ искаженіяхъ. Такъ, французская свобода обращенія въ переложеніи на наши нравы сдѣлалась семейнымъ развратомъ, французская веселость — шутовствомъ, ихъ легкомысліе и беззаботность— презрѣніемъ къ всякимъ серьезнымъ занятіямъ, ихъ насмѣшки надъ предразсудками—кощунствомъ, тѣмъ болѣе отвратительнымъ, что оно у насъ не имѣло никакого внутренняго основанія въ личныхъ убѣжденіяхъ. Словомъ, что у француза было естественно, чѣмъ онъ былъ по своей природѣ, тѣмъ русскій хотѣлъ сдѣлаться чрезъ подражаніе и, такимъ образомъ, считая правиломъ для себя то, что было только невольнымъ движеніемъ подвижной природы француза, разумѣется, впадалъ въ крайности и достоинство обращалъ въ недостатокъ, а недостатокъ — въ отвратительный порокъ. Если, остепенившись потомъ, образованный по тогдашнему русскій принимался за дѣло, за службу, то выходило еще хуже. Изъ всего французскаго ученія онъ понималъ, конечно, легче всего то, что уничтожало предразсудки, которымъ онъ прежде вѣрилъ; но, взамѣнъ этихъ предразсудковъ, философія того времени не давала ему никакихъ принциповъ, къ которымъ бы могъ привязаться, которые бы могъ полюбить сердцемъ и мыслію человѣкъ, такъ мало приготовленный къ философскимъ отвлеченностямъ, какъ были тогда французившіеся русскіе. Плоды многолѣтнихъ тяжелыхъ размышленій, идеи, добытыя вѣковыми горькими опытами и разочарованіями, пролетали черезъ головы нашихъ *господчиковъ* въ нѣсколько дней и, непереваренныя, часто непонятыя или понятыя навыворотъ, оставляли только въ сердцѣ пустоту, а въ головѣ — нѣсколько новыхъ фразъ, которыя, при первомъ же случаѣ и пускались въ оборотъ, безъ убѣжденія и безъ сознанія. Такимъ образомъ, онѣ оставались совершенно мертвымъ капиталомъ для своихъ владѣльцевъ, не сообщая имъ убѣжденій чести и добра, а только освобождая ихъ отъ страха, въ которомъ держали ихъ прежнія вѣрованія. Нечего говорить о томъ, каковъ долженъ былъ сдѣлаться въ жизни человѣкъ, потерявшій всякій страхъ передъ какимъ-нибудь судомъ внѣшнимъ и не имѣющій благородства внутренняго. Самый грубый, самый гадкій эгоизмъ дѣлался пружиною всѣхъ дѣйствій, — и распложались люди такого рода, какіе описаны въ стихахъ *Модное остроуміе*. Все это горькое переходное время тяжело отразилось на русскомъ обществѣ, и нельзя не отдать чести «Собесѣднику», по крайней мѣрѣ, за то, что онъ понялъ нелѣпость этого положенія и старался выводить на общее посмѣяніе, какъ упорное старинное невѣжество, такъ и пустоцвѣтъ французской цивилизаціи, столь дурно усвоенной у насъ тогдашними молодыми людьми. Если не прежде всѣхъ, то сильнѣе всѣхъ возсталъ онъ на употребленіе французскихъ фразъ въ русскомъ разговорѣ, на французское воспитаніе и на обольщеніе одною внѣшностью образованія; первый заговорилъ онъ съ такою энергіею о человѣколюбіи и объ уваженіи достоинства человѣка, осмѣивая жестокость, грубость, презрѣніе къ человѣчеству. Не много предшественниковъ имѣлъ онъ и въ нападеніяхъ своихъ на женскій развратъ и безумную расточительность. Нельзя не согласиться, что стремленія издателей «Собесѣдника» были честны и благородны; во всемъ изданіи нельзя не видѣть печати просвѣщеннаго вкуса и безкорыстнаго желанія добра, которые всегда отличали княгиню Дашкову въ ея ученой и литературной дѣятельности.

Что касается до исполненія, то оно, конечно, не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какихъ привыкли мы нынѣ требовать отъ ли-

тературныхъ произведеній. Прежде всего, не понравится намъ языкъ тогдашній, неустановленный, съ формами старинными и простонародными, съ галлицизмами и сбивчивой орѳографіей (65). Касательно этого обстоятельства есть замѣчанія въ самомъ «Собесѣдникѣ». Любословы критиковали неправильности языка, а въ предисловіи къ этимъ критикамъ, въ то же время, издатели (вѣроятно, сама Екатерина) говорили: «одинъ изъ издателей нижайше проситъ, чтобы дозволено ему было и не всегда исправныя свои сочиненія въ «Собесѣдникѣ» помѣщать, такъ какъ онъ ни терпѣнья, ни времени не имѣетъ свои сочиненія переправлять, а при томъ и не хочетъ никого тяготить скукою поправлять его противъ грамматики преступленія» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, хотя императрица прекрасно изучила русскій языкъ, но, все-таки, это не былъ природный языкъ ея, и она никогда не могла привыкнуть къ сбивчивой его грамматикѣ, почему и признавалась открыто, что грамматики совсѣмъ не знаетъ (66) [2]).

Въ статьяхъ другихъ авторовъ тоже встрѣчаются нерусскіе обороты, странныя нынѣ окончанія и т. п.; но, сравнительно съ общей массой литературныхъ произведеній того времени, статьи «Собесѣдника» большею частію были написаны удивительно чистымъ и легкимъ языкомъ. Дурнымъ изложеніемъ отличаются только статьи, надъ которыми самъ же «Собесѣдникъ» смѣется. Таковы—одно письмо къ автору «Былей и Небылицъ», «Начертаніе» Любослова. Начертаніе это, впрочемъ, смѣшно только напыщенностью длинныхъ періодовъ во вступленіи и заключеніи; изъ самого же изложенія дѣла видно, что авторъ его серьезно занимался изслѣдованіями филологическими. Такъ, онъ приводитъ болѣе сотни словъ, сходныхъ въ русскомъ и латинскомъ языкахъ, и доказываетъ, что оба эти языка произошли отъ одного корня, что рѣзко отличаетъ его отъ тогдашнихъ филологовъ, которые были помѣшаны на заимствованіяхъ одного языка изъ другого и часто производили все отъ славянскаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, впрочемъ, и Любословъ приближается къ тому же, доказывая, что славянскій древнѣе латинскаго, потому что въ латинскомъ есть *suadeo*, какъ одно слово, а у насъ оно является въ своихъ корняхъ—съ+вѣтъ, равно какъ слова *donec*=до+нелѣ, solidus=со+литъ (какъ бы *слитой*),—и пр., и потому, что у насъ есть первоначальныя формы словъ, которыя въ лат. являются въ формѣ уже распространенной, напримѣръ, око=*oculus*, небо=nebula, грачъ=graculus, и пр. На этихъ немногихъ словахъ Любословъ основываетъ свое мнѣніе о древности славянскаго языка, простирающейся далѣе двухъ тысячъ лѣтъ [1]). Въ критикѣ своей Любословъ дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣтокъ, напримѣръ, возстаетъ противъ употребленія окончанія глаголовъ на *ти* вмѣсто *ть*, противъ неправильныхъ удареній въ стихахъ, противъ невѣрной разстановки словъ, противъ подобныхъ фразъ: «изболъ глаза», «отверзивъ двери», «ты пишешь въ сказкахъ поученій», «отроча рожденъ», и пр. Замѣтимъ, что Державинъ, впослѣдствіи, исправляя свои стихотворенія, принялъ во вниманіе нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній (67).

Кромѣ этихъ произведеній, въ «Собесѣдникѣ» были еще слѣдующія статьи относящіяся къ языку: «Сумнительныя предложенія одного невѣжды, желающаго пріобрѣсть просвѣщеніе», гдѣ онъ дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ на «Фелицу» и на нѣкоторыя другія стихотворенія, помѣщенныя въ 1-й части «Собесѣдника». Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ его критикѣ Державинъ и Богдановичъ представляли свои опроверженія, которыя оставили автора критики совершенно въ дуракахъ. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что нельзя сказать *нѣжить чувства*. Державинъ отвѣчаетъ: «если нѣтъ у г. Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе, то не благоволитъ ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь. Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то, вѣроятнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и нѣжить—можно» [2]). Вѣроятно, испуганный такимъ тономъ, невѣжда болѣе не являлся въ «Собесѣдникѣ» съ своими сомнѣніями. По поводу предисловія къ «Исторіи Петра Великаго» написано прошеніе къ гг. издателямъ, чтобы они не отягощали публику сочиненіями, которыя писаны языкомъ неизвѣстнымъ; въ прошеніи есть и разборъ нѣкоторыхъ фразъ, не согласныхъ съ духомъ русскаго языка [3]). Въ той же книжкѣ «Собесѣдника» помѣщено письмо, представляющее наборъ какихъ-то словъ безъ смысла, въ видѣ пародіи на сочиненія Любослова [4]). Въ послѣдней книжкѣ, послѣдней статьей помѣщено мнѣніе о раздѣленіи россійскихъ согласныхъ буквъ въ разсужденіи правописанія *з* и *с* [5]). Здѣсь рѣшено то, что нынѣ и

[1]) «Соб.», ч. II, стр. 103. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VII, стр. 137. *Прим. Д.*
[1]) «Соб.», ч. VII, ст. XV. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. IV, стр. 13. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. VIII, ст. IV. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. VIII, ст. X. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. XVI, ст. XII. *Прим. Д.*

принято, т.-е., чтобы передъ твердыми писать *з*, а передъ мягкими *с*. Только странно, что здѣсь твердыя (б, д) называются мягкими, а мягкія (п, т) наоборотъ. Есть еще въ 1-й части маленькая замѣтка о правописаніи слова *драма*.

Болѣе значительны статьи фонъ-Визина: «Опытъ россійскаго сословника» [1]), съ отвѣтомъ на критику его противъ Любослова [2]), и «О древнемъ и новомъ стихотвореніи», Богдановича [3]). Эти произведенія, впрочемъ, такъ извѣстны, что о нихъ нѣтъ нужды говорить здѣсь, тѣмъ болѣе, что статьи фонъ-Визина заключаютъ только опредѣленія словъ, а статьи Богдановича состоятъ почти изъ однѣхъ выписокъ стиховъ Ломоносова.

Изъ произведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ литературу, можно еще остановиться на письмѣ «Именотворителя» [4]). Авторъ доказываетъ здѣсь важность именъ въ повѣстяхъ, особенно чувствительныхъ. «Одно имя *Моннимiи* и *Аемониды,* говоритъ онъ, въ изобильныя слезы нѣжную красавицу или сладкосердечнаго молодца повергнетъ». Если же «сочинитель безъ вкуса станетъ описывать злосчастнѣйшія приключенія, но называетъ героевъ своихъ Брандышевыми, Брандаусовыми и Клонтубасовыми, то впечатлѣніе теряется, и хотя никто оспорить не можетъ, что Брандаусовъ и Клонтубасовъ имѣютъ столько же права быть несчастными, какъ какого бы имени христіанинъ ни былъ» [5]).

Для избѣжанія этого неудобства, Именотворитель предлагаетъ свои услуги, такъ какъ онъ набралъ до семисотъ французорусскихъ именъ для романовъ, да для ученыхъ сочиненій триста именъ, содержащихъ каждое не менѣе тринадцати буквъ, чрезъ что въ читателѣ возбуждаются довѣренность и уваженіе. Много именъ также собрано и для стиховъ, и, притомъ, они такъ остроумно сложены, что по требованію стиха, можно и выпустить или прибавить слогъ совершенно не замѣтно. Важность именъ доказывается здѣсь, между прочимъ, и тѣмъ, что есть много комедій, въ которыхъ всю соль составляютъ имена, изображающія собою характеръ лицъ.

Такимъ образомъ, еще въ 1784 году находимъ мы насмѣшки надъ тѣмъ, противъ чего принуждена была вооружаться наша критика въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, и что отъ времени до времени и теперь еще появляется въ нѣкоторыхъ разсказахъ и комедіяхъ. И въ этомъ случаѣ «Собесѣдникъ» далеко опередилъ свое время.

Но, разсматривая до сихъ поръ свѣтлую сторону «Собесѣдника», мы еще не видѣли недостатковъ, составляющихъ его темную сторону. Недостатки эти происходили отъ неустановившихся еще убѣжденій въ самихъ писателяхъ, отъ нѣкотораго стѣсненія обществомъ, которое было еще не приготовлено понимать ихъ чистыя стремленія, и отъ недостатка послѣдовательности самимъ себѣ. Вообще, въ характерѣ тогдашней литературы была какая-то двойственность, какая-то нетвердость въ однажды начатомъ пути. Изобразивъ глупца, авторъ считалъ обязанностью рядомъ съ нимъ поставить и умнаго, который бы объяснялъ и поправлялъ глупости перваго; осмѣявъ ябеду, считали нужнымъ замѣтить, что собственно судьи полезны и даже необходимы, но только честные судьи, и т. п. Видно, что и публика еще требовала назиданій, да и авторъ еще не надѣялся на свои силы и хотѣлъ разсужденіями дополнить то, что опустилъ при изображеніи характера. Подобныхъ разсужденій, оговорокъ, восклицаній много есть и въ «Собесѣдникѣ». Есть цѣлыя статьи, предлинныя и прескучныя, дидактическаго направленія. Иногда онѣ облекались даже въ аллегорическую форму, въ которой, разумѣется, становились еще скучнѣе. Таковы двѣ статьи: «Египетская повѣсть» [1]) и «Новѣйшее путешествіе во сновидѣніи» [2]), В. Левшина. Первая разсказываетъ путешествіе царевича *Нинея*, внука царицы *Идеи* (въ которой нетрудно узнать Екатерину), въ разныя страны для того, чтобы отыскать, гдѣ обитаютъ божества Правды, Человѣколюбія, Мужества и Мудрости. Путешествіе описано очень неискусно и даже, если въ немъ были какіе-нибудь современные намеки, то теперь нѣтъ возможности понять ихъ. «Египетская повѣсть» сама опасается, чтобы не навести на читателей *египетской скуки*, и, нужно сказать, опасеніе ея сбывается совершенно.

«Новѣйшее путешествіе» описываетъ нравы лунныхъ жителей и содержитъ пространныя размышленія объ эфирѣ, о силѣ тяготѣнія и пр. Въ авторѣ видно желаніе доказать преимущество патріархальнаго, немудрствующаго о жизни народа передъ нами, зараженными новѣйшимъ просвѣщеніемъ. Въ изложеніи довольно ясно проскаль-

---

[1]) «Соб.», ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. XII; ч. X, ст. VIII. *Прим. Д.*

[2]) Ibid., ч. III, ст. XI. *Прим. Д.*

[3]) Ibid., ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, стр. 3; ч. VIII, ст. II. *Прим. Д.*

[4]) Ibid., ч. XIII, ст. II. *Прим. Д.*

[5]) Ibid., ч. XIII, ст. X. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. II, ст. IV; ч VI, ст. II; ч. X, ст. II. *Прим. Д.*

[2]) Ibid., ч. XIII, ст. X: ч. XIV, ст. II; ч. XV, ст. II: ч. XVI, ст. VII. *Прим. Д.*

зываютъ непонятныя идеи Руссо. Одинъ старикъ разсказываетъ Нарсиму-путешественнику о своей жизни и сообщаетъ ему свои понятія, которыя Нарсиму и самому автору кажутся совершеннѣйшими. «Мы вѣруемъ во Всевышнее Существо, — говоритъ старикъ,—любимъ другъ друга, занимаемся земледѣліемъ и скотоводствомъ; прочія же науки, которыя стали было выдумывать люди, не любящіе трудовъ, отвержены. Кто пустится въ разныя выдумки, тому мы не даемъ ѣсть, и голодъ всегда заставляетъ его образумиться. Законовъ никакихъ мы не имѣемъ, потому что естественный довольно твердъ въ душахъ нашихъ; природа же наша, стараніемъ правителей семействъ, осталась еще въ той первобытной чистотѣ, въ какой развернулась въ первомъ человѣкѣ». Затѣмъ, для параллели, идетъ разсказъ о землѣ, на которую путешествовалъ одинъ изъ лунныхъ жителей, Квалбоко. Сущность разсказа состоитъ въ томъ, что все на землѣ дурно, что различіе между дикими народами и просвѣщенными маловажно: «дикіе производятъ то наглостью, что просвѣщенные дѣлаютъ искусствомъ».

Послѣ этого слѣдуютъ еще два отрывка изъ путешествія, не имѣющіе никакой связи. Въ одномъ говорится о египетскихъ божествахъ и гіероглифахъ, въ другомъ описываются путешествіе Квалбоко по Россіи и его восторгъ и изумленіе при видѣ необыкновенно разумнаго и благодѣтельнаго устройства этого государства подъ державою премудрой монархини.

Обыкновенными дидактическими разсужденіями и наполнены статьи: «Утро», «Полдень», М. Х., «Сокращенный катихизисъ честнаго человѣка», «Объ истинномъ благополучіи», «Письмо изъ Карасубазара», «Письмо о великодушныхъ чувствованіяхъ», Богдановича, «Письмо отца и сына», сообщенное Яковомъ Дол., «Подражаніе Англинскому Зрителю», «Нѣкоторыя разсужденія о смѣхѣ»; отчасти также статьи: «Пріятное путешествіе», К—ва, «Путешествіе», и др. (68). Сюда же можно бы отнести «Поученіе» фонъ-Визина; но оно, по своему выраженію, можетъ скорѣе быть названо юмористическимъ произведеніемъ. Не относимъ сюда также и рѣчи Княжнина, сказанной имъ въ Академіи Художествъ, равно какъ и статьи «О системѣ міра», которая имѣетъ свое достоинство въ дѣльномъ изложеніи ученаго предмета.

Мы не будемъ ничего выписывать изъ дидактическихъ статей, потому что новаго въ нихъ ничего нѣтъ; тѣ же самыя стремленія, какія мы уже показали, выражаются и здѣсь, только нравоучительнымъ тономъ, то въ разсужденіяхъ о необходимости добродѣтели, то въ похвалахъ добрымъ людямъ, которые, однако же, очень рѣдко являются въ дѣйствіи живыми, то въ обращеніяхъ къ совѣсти, къ небесамъ, къ Минервѣ Россійской и пр. Всѣ эти статьи очень скучны; лучше другихъ «Разсужденіе объ истинномъ благополучіи» и «Подражаніе Англинскому Зрителю» Совершенно пусты, но любопытны по изложенію статьи: «Письмо Іоанна Пріимкова» и «Отъ архангелогородской кумы». Въ послѣднемъ особенно интересна попытка поддѣлаться подъ простонародный языкъ [1]).

Иногда въ разсужденіяхъ авторовъ попадаются довольно странныя мысли, обличающія еще не совершенно просвѣтленный взглядъ или отреченіе отъ своихъ личныхъ убѣжденій по какимъ-нибудь житейскимъ разсчетамъ. Такъ, напримѣръ, одна статья удивляется тому, что итальянцы подражаютъ французамъ, и считаетъ это преступленіемъ съ ихъ стороны потому, что Италія владѣла нѣкогда всѣмъ свѣтомъ [2]), какъ будто бы сила оружія и пространство имперіи условливаютъ и высшую образованность [3]). Или: одинъ отецъ побуждаетъ сыновей служить—зачѣмъ же? затѣмъ, что иначе «дѣти отдаваемыхъ нами рекрутъ будутъ нашимъ дѣтямъ командиры» [4]). Дальше этого не простирался просвѣщенный разумъ чадолюбиваго родителя. А между тѣмъ, авторъ выставляетъ его человѣкомъ, достойнымъ уваженія и подражанія. Въ «Письмѣ изъ Карасубазара» старый служивый толкуетъ о дисциплинѣ и, между прочимъ, открываетъ въ ней вотъ какія свойства: «она вливаетъ въ душу воина храбрость и мужество, воспламеняетъ ее любовью къ отечеству, растрогиваетъ въ ней страсти и побужденія къ дѣламъ великимъ и честнымъ, а къ низкимъ даетъ омерзѣніе» и пр. [5]). Конечно, такихъ вещей нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ.

Но, что особенно замѣчательно, такъ это постоянное выраженіе глубокаго благоговѣнія къ «Августѣйшей наукъ покровительницѣ, Россійской Минервѣ, Милосердной Монархинѣ», императрицѣ Екатеринѣ. Нѣтъ почти ни одного произведенія, въ которомъ бы какъ-нибудь, кстати или некстати—все равно—не выразились чувства благоговѣнія къ государынѣ. Въ особенности сатирики отличались этимъ, и даже чѣмъ острѣе, чѣмъ рѣзче была сатира, тѣмъ съ большимъ чувствомъ говорилось въ ней о

---

[1]) «Соб.», ч. XII, ст. X. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. X, стр. 125. *Прим. Д.*
[3]) Несомнѣнный камешекъ въ родной огородъ.
[4]) «Соб.», ч. VI, стр. 135. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. VII, стр. 13. *Прим. Д.*

благодѣяніяхъ, изливаемыхъ на народъ императрицей, какъ будто бы авторъ хотѣлъ этимъ отстранить отъ себя всякій упрекъ въ *свободоязычіи* и старался заранѣе показать, что онъ предпринимаетъ обличать пороки единственно по желанію добра обществу. Вѣроятно, въ то время находились тоже люди, способные перетолковывать все въ дурную сторону, какъ перетолковали, напримѣръ, вопросы фонъ-Визина [1]).

Но вѣрноподданническія чувства въ прозѣ все еще не такъ сильно выражались, какъ въ стихахъ. До сихъ поръ мы очень мало говорили о стихотворной части «Собесѣдника», и, кажется, намъ не придется много говорить о ней. Это потому, что одна половина стихотвореній, принадлежащая Державину, Княжнину, Капнисту, Богдановичу, такъ общеизвѣстна и столько разъ была разобрана, что здѣсь и нечего сказать новаго. Другая же половина, принадлежащая неизвѣстнымъ піитамъ, не отличается ничѣмъ особеннымъ, что бы могло надолго остановить на себѣ вниманіе читателей.

Въ библіографическихъ замѣткахъ перечислены всѣ произведенія, принадлежащія извѣстнымъ поэтамъ и напечатанныя въ «Собесѣдникѣ». Здѣсь же можемъ только указать на то, что и тутъ выборъ стихотвореній обличаетъ свѣтлый взглядъ издателя. «Фелица», какъ извѣстно, напечатана безъ вѣдома Державина княгинею Дашковою—и она осталась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній во всемъ изданіи. Потомъ изъ «Санктпетербугскаго Вѣстника» перепечатаны были лучшія произведенія его же: «На смерть князя Мещерскаго», «Сосѣду», «На новый 1781 г.» и др., а не были перепечатаны, напримѣръ, «Пѣснь Петру Великому» или «Пѣсенка отсутствующаго мужа». У Капниста издатели просили его сатиры для напечатанія въ «Собесѣдникѣ», въ исправленномъ видѣ, особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ первой же книжкѣ журнала [2]). Изъ стихотвореній Княжнина перепечатаны изъ «Вѣстника» *стансы* «Къ Богу», по теплотѣ чувства и по чисто-христіанскому взгляду на Бога, единственно какъ на высочайшую любовь, стоящіе гораздо выше знаменитой оды Державина. Что касается до Богдановича, то онъ былъ, кажется, присяжнымъ участникомъ журнала и до послѣдней книжки помѣщалъ въ немъ всевозможный вздоръ. «Душенькой» своей онъ пріобрѣлъ такую славу, что съ радостью брали все, выходившее изъ-подъ пера его, и онъ подъ большей частью стихотвореній своихъ выписывалъ всѣми буквами: Ипполитъ Богдановичъ. Два его стихотворенія были въ первой книжкѣ «Собесѣдника» безъ подписи; но и тутъ Богдановичъ не удержался и показалъ, кто онъ, какъ только осмѣлилась критика коснуться въ нихъ нѣкоторыхъ выраженій.

Изъ писателей, менѣе извѣстныхъ, помѣщавшихъ свои стихи въ «Собесѣдникѣ», особеннаго вниманія заслуживаетъ Козодавлевъ, по легкости своего стиха. Полнымъ его именемъ подписано здѣсь только одно стихотвореніе «На смерть князя Голицына» [1]), да буквами О. К. подписано «Посланіе къ татарскому мурзѣ» (Державину) [2]). Но ему можно приписать достовѣрно еще стихотворенія: «Клеліи» [3]), «Къ другу» [4]), изъ которыхъ послѣднее подписано: авторъ «Пріятнаго путешествія» и стиховъ «Клеліи»; «Пріятное» же «путешествіе» подписано: К—въ. Ему же принадлежитъ, по всей вѣроятности, письмо къ Ломоносову, въ которомъ онъ называетъ Державина своимъ другомъ и говоритъ, что писалъ къ нему посланіе [5]). Ему же принадлежитъ, можетъ быть, и шуточная пьеса «Сновидѣніе», которая напоминаетъ его по стиху и въ которой тоже говорится о «Клеліи» [6]).

Вотъ одна строфа изъ его оды «На смерть Голицына». Въ ней онъ такъ хвалитъ умершаго:

Коварства онъ терпѣть не могъ
И въ вѣкъ не осквернялся лестью,
Къ себѣ во всѣхъ дѣлахъ былъ строгъ,
Наполненъ былъ единой честью,
Несчастныхъ жребій облегчалъ
И никого не могъ обидѣть,
Желалъ людей въ блаженствѣ видѣть
И милосердіемъ дышалъ.

Въ стихахъ «Къ мурзѣ» есть мѣсто, замѣчательное по поэтическому представленію предмета, и потому выпишемъ его здѣсь. Козодавлевъ убѣждаетъ Державина писать стихи, не слушая невѣждъ, которые, можетъ быть, увѣряютъ, что люди дѣльные стиховъ не сочиняютъ.

О стихотворствѣ мысль оттуда ихъ идетъ,
Гдѣ въ вѣчной мрачности невѣжество живетъ.
Есть островъ на морѣ, проклятый небесами,
Заросшій весь кругомъ дремучими лѣсами,
Покрытый искони густѣйшимъ мракомъ тучъ,
Куда не проникалъ ни разу солнца лучъ.
Гдѣ вѣтры вѣчные кипяще море роютъ,
Вода пускаетъ громъ, лѣса, колеблясь, воютъ.
Исчадье мерзкое подземна бога тамъ

---

[1]) Опять шпилька современной русской цензурѣ и администраціи.
[2]) «Соб.», ч. I, ст. XIV.

[1]) «Соб.», ч. VII, ст. XIV. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VIII, ст. I. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. VI, ст. VI. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. VI, ст. VII. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. XIII, ст. XI. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. XVI. ст. IX. *Прим. Д.*

Построило себѣ желѣзный, мрачный храмъ.
Невѣжествомъ оно издревле нареченно,
Великимъ божествомъ невѣждами почтенно.
При входѣ въ сей чертогъ два стража вѣчно бдятъ,
Потупя внизъ глаза, со робостью стоятъ
И глупость на челѣ и подлость показуютъ;
Ихъ суевѣріемъ и рабствомъ именуютъ.
На тронѣ изъ свинца невѣжество сидитъ
И взоромъ внизъ тупымъ недвижимо глядитъ.
Оттуда гадовъ тьма всечастно выползаетъ,
Которая ту мысль повсюду разсѣваетъ,
Что будто смертному считаются стихи
Самой Минервою за тяжкіе грѣхи,
И что съ величествомъ земнымъ владыкъ несходно,
Чтобъ мыслилъ и писалъ ихъ подданный свободно;
А паче правду кто стихами говоритъ,
Надъ тѣмъ ужъ мщеніе жестокое виситъ.
Не слушай ты невѣждъ, возьмись опять за лиру... [1] и пр.

Въ «Письмѣ къ Ломоносову» Козодавлевъ смѣется надъ торжественными одами и говоритъ, что онѣ уже выходятъ изъ моды. Здѣсь же высказываетъ онъ взглядъ на тогдашнее положеніе стихотворцевъ въ отношеніи къ языку. Онъ говоритъ [2]):

Пусть выбираетъ всякъ предметъ себѣ по волѣ,
Не наполняя стихъ пустымъ лишь звономъ словъ,
Съ Олимпа не трудя безъ нужды къ намъ боговъ.
Иной летитъ наверхъ и бредитъ по-славянски,
Другой ползетъ внизу и шутитъ по-крестьянски,
И думаютъ они сравнится съ тобой,
Забывъ, что ихъ стихи лишь только звонъ пустой.

Кромѣ Козодавлева, къ Мурзѣ писали еще нѣсколько піитовъ, которыхъ стихи помѣщены въ «Собесѣдникѣ». Такъ, какой-то Василій Жуковъ (69) написалъ *Сонетъ* къ нему [3]); г-жа М. С. прислала въ «Собесѣдникъ» «Письмо Китайца къ Мурзѣ» [4]). Костровъ тоже написалъ къ нему посланіе [5]).

Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, не отличающихся особеннымъ достоинствомъ, хвалятъ Державина не столько за хорошіе стихи, сколько за то, что онъ писалъ безъ лести. Затѣмъ рѣчь обращается къ самой Фелицѣ, и бо́льшая половина стихотворенія наполняется восторженными похвалами ея доблестямъ.

Еще болѣе, нежели къ Державину, обращались піиты съ хвалебными пѣснями къ княгинѣ Дашковой, при чемъ, разумѣется, величали и «Россійскую Минерву». Въ 1-й же книжкѣ Богдановичъ помѣстилъ разговоръ Минервы съ Аполлономъ, гдѣ Дашкову вводятъ они въ сонмъ музъ [6]). Въ 6-й книжкѣ находимъ стихи М, Х. княгинѣ Дашковой, оканчивающіеся такъ:

Пойте, росски музы, пойте,
Есть наперсница у васъ;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Ввѣренъ Дашковой Парнассъ [1]).

Г-жа М. С. напечатала стансы на учрежденіе Россійской Академіи, въ которыхъ превозноситъ златой вѣкъ Екатерины и называетъ Дашкову честью своего пола и красою музъ [2]). Княжнинъ помѣстилъ здѣсь письмо къ Дашковой, въ которомъ, впрочемъ, по обычаю, хвалитъ болѣе Екатерину, нежели самое Дашкову, и подсмѣивается надъ одами, которыя всегда уподобляли Екатерину райскому крину и въ своемъ восторгѣ, взятомъ взаймы, становили вселенную вверхъ дномъ [3]). Значитъ, и тогда уже видѣли приторность, неестественность и неискренность этихъ торжественныхъ похвалъ [4]).

Нѣсколькими стихотвореніями наградилъ «Собесѣдникъ» нѣкто Р.—Д.—Н. (70). Онъ помѣстилъ здѣсь «Цидулку», «Сонетъ» [5]), «Эклогу» [6]), потомъ вдругъ прислалъ письмо, въ которомъ говоритъ, что десять лѣтъ не писалъ стиховъ, а теперь сочинилъ подпись къ монументу Петра Великаго, и потому проситъ помѣстить ее въ «Собесѣдникѣ» [7]). Послѣ того прислалъ онъ еще стихи къ *** и «Эклогу», два стихотворенія, сочиненныя на однѣ и тѣ же заданныя риѳмы [8]). Стишки пустенькіе, за исключеніемъ сонета, въ которомъ (если это только не переводъ) тяжелымъ горемъ отзываются душевныя сомнѣнія. Вотъ мрачное окончаніе сонета:

Коль правосуднымъ жить мы созданы Творцомъ,
То Жизнодавецъ нашъ намъ долженъ быть отцомъ;
Но какъ мы здѣсь живемъ? Повсеминутно страждемъ,
Нашъ духъ отягощенъ, и смущены умы;
Мы ищемъ помощи и только тщетно жаждемъ...
Творецъ иль виноватъ, иль заблуждаемъ мы [9]).

Кромѣ этихъ стихотвореній, замѣчательно, по благородству и силѣ выраженія, «Посланіе Катона къ Юлію Цезарю» (ч. VIII, ст. V), подписанное буквами Др. (71). Въ началѣ Катонъ съ гордой грустью вспоминаетъ минувшую славу Рима, его героевъ-гражданъ, его Брутовъ, Регуловъ, Камилловъ, потомъ съ желчью негодованія напа-

---

[1]) «Соб.», ч. XIII, стр. 171. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. VIII, стр. II. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. III, ст. VII. *Прим. Д.*
[4]) Ibid., ч. V, ст. I. *Прим. Д.*
[5]) Ibid., ч. X. ст. V. *Прим. Д.*
[6]) Ibid., ч. I, ст. XIII. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. VI, стр. 22. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. IX, ст. IV. *Прим. Д.*
[3]) Ibid., ч. XI, ст. I. *Прим. Д.*
[4]) Намекъ на неискренность «поэтовъ», засыпавшихъ своими «патріотическими» стихами царя и дворъ въ 1854—1855 годахъ.
[5]) «Соб.», ч. VII. *Прим Д.*
[6]) Ibid., ч. VIII. *Прим. Д.*
[7]) Ibid., ч. XI. *Прим. Д.*
[8]) Ibid., ч. XIV. *Прим. Д.*
[9]) Ibid., ч. VII, стр. 122. *Прим. Д.*

даетъ на Цезаря за то, что онъ коварно захватилъ власть—

Чтобы отечество себѣ поработить
И на вселенную оковы наложить.

«Ты достигъ этого,—говоритъ онъ—но не въ этомъ величіе»:

Внимай, чѣмъ славится великій человѣкъ:
Любя отечество, ему онъ служитъ вѣкъ,
Разитъ враговъ его, пороки истребляетъ,
Законы чтитъ его и вольность охраняетъ.

«А ты только хочешь быть всѣмъ страшнымъ, ты окружаешь себя стражей»

[И сонмище убійцъ друзьями почитаешь.
Какіе жъ то друзья, въ которыхъ чести нѣтъ?]
Толпа разбойниковъ тебя не сбережетъ.
Когда бъ ты, Римъ любя, служилъ ему, гонитель,
Тогда бы цѣлый Римъ былъ стражъ твой и хранитель;
А ты въ немъ съ вольностью законы истребя,
Насильствомъ, яростью мнишь сохранить себя.
Но гнуснымъ средствомъ симъ ты бѣдъ не отвращаешь.
Самъ больше на себя враговъ вооружаешь.

Не менѣе любопытна ода «На злато» [1]), въ которой рѣзко раскрыты всѣ бѣдствія, происшедшія отъ золота. Въ началѣ міра, когда еще не знали золота, — говоритъ поэтъ:

Тогда еще не возвышались
Чинами, славою пустой,
Еще поля не орошались
Той кровію, что льетъ герой,
Довольствуясь своей судьбою,
Не зрѣлъ владыки надъ собою
Рожденный вольнымъ человѣкъ.
Онъ Богу лишь повиновался,
Которымъ міръ сей основался.
О, коль счастливъ былъ оный вѣкъ.

Когда же открылось золото, и нѣкоторые хитростью завладѣли имъ, тогда другіе также захотѣли его и—несчастные—«подло предались своимъ врагамъ». Неужели вы такъ безумны? восклицаетъ поэтъ:

Тираны вамъ готовятъ муки,
А вы лобзаете ихъ руки
И ихъ вѣнчаете главы.
Межъ тѣмъ, какъ всякъ изъ нихъ трудится
Отъ васъ себя обогощать,
Печаль на вашихъ лицахъ зрится,
Должны вы съ глада умирать.
Вы стонете и слезы льете
И вашихъ варваровъ клянете,
Что, къ злату лишь питая страсть
И не смягчаясь вашимъ рокомъ,
Презрительнымъ взираютъ окомъ
На злополучну вашу часть.

Ода оканчивается обращеніемъ къ добродѣтели:

Коснися къ намъ лучемъ твоимъ,
Да паки будемъ жить въ равенствѣ,
Въ покоѣ сладкомъ, въ благоденствѣ,
И вѣкъ златой возобновимъ...

Стихи здѣсь нѣсколько шероховаты, но, все-таки, видно, что это не подборъ фразъ, какъ всегда было въ торжественныхъ одахъ, а что, напротивъ того, стихотвореніе сильно прочувствовано авторомъ, скрывшимъ, къ сожалѣнію, свое имя.

Послѣ этихъ стихотвореній можно обратить вниманіе въ «Собесѣдникѣ» развѣ на шутливую оду «Къ безсмертію» (ч. X), принадлежащую, кажется, А. С. Хвостову (72), и «Дружескую пѣсню» (въ четвертой части), тоже, можетъ быть, имъ написанную. Вотъ начало оды:

Хочу къ безсмертью пріютиться,
Нанять у славы уголокъ,
Сквозь кучу риѳмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ.
Хочу сварганить кой-какъ оду
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ ненадобенъ Пегасъ,
Ни Аполлонъ, дѣтина строгій.
Хочу проселочной дорогой,
На долгихъ ѣхать на Парнассъ.

Въ такомъ же тонѣ написана вся ода, выражающая глубокое презрѣніе ко всѣмъ правиламъ ложно-классической піитики.

Здѣсь—

— Сципіонъ, явяся къ бою,
На Аннибала наплевалъ;
Помпея Цезаръ въ ухо хлопнулъ,
Отъ Александра Дарій лопнулъ,
Ахиллъ туза Гектору далъ...

И обо всѣхъ выраженія таковы: спуску нѣтъ никому.

Въ «Дружеской Пѣснѣ» поется:

Пускай, кто хочетъ, тотъ трудится
Узнать, сколь крѣпокъ Гибралтаръ,
И отчего могъ приключиться
Въ Константинополѣ пожаръ.
Мы умъ свой тѣмъ не отягчаемъ,

мы будемъ пить и веселиться съ друзьями да прославлять дѣла нашей монархини. До остального намъ дѣла нѣтъ.

Таковы же пьесы «Старое и новое время» [1]) и «Народный обѣдъ» [2]), поэма въ 70 стихахъ, «Н. М. съ товарищи». Это какъ будто подражаніе «Елисею» Майкова. Вся острота состоитъ въ томъ, что высокія слова эпическихъ поэмъ примѣняются здѣсь къ кулачному бою мужиковъ [изъ-за окорока и вина, которое было выставлено для народа, по случаю какого-то торжества.]

---

[1]) «Соб.», ч. III, ст. X. *Прим. Д.*

[1]) «Соб.», ч. XIII, ст. V. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. II, ст. VI. *Прим. Д.*

Къ этому же роду надо отнести «Баталію», Плавильщикова [1]).

Замѣтимъ еще «Эпитафію женѣ отъ мужа» [2]).

На мѣстѣ семъ моя покойнаа жена
Моимъ стараніемъ была положена.
Ахъ, какъ ей хорошо подъ мраморной доскою,
Для вѣчнаго ея и моего покою.

Затѣмъ остаются еще въ «Собесѣдникѣ» историческія надписи А. Мейера, въ родѣ слѣдующей—къ Андрею Боголюбскому:

Сей во Владиміръ скиптръ принесъ отъ града Кія.
Пресѣкли жизнь его Кучковичи презлые.

[Или—Симеонъ Гордый:

Взявъ Новгородъ, онъ велъ съ Литовцами войну.
Но язвой въ пагубѣ зрѣлъ русскую страну.]

Остаются еще стихотворенія Муравьева, М. Х., торжественныя оды П. Икосова (73); остаются притчи Д. Хвостова, стихи Прохора Соловьева и другихъ писателей, благоразумно скрывшихъ имена свои отъ потомства. Перечисленіе всѣхъ ихъ относится къ библіографическимъ замѣткамъ (74). Читатель не потребуетъ отъ насъ разбора этихъ произведеній. Довольно и того, что они разъ были напечатаны. Зачѣмъ тревожить гроба мертвыхъ? Скажемъ только, что многія изъ нихъ—въ томъ офиціально восторженномъ родѣ, который обличалъ въ піитахъ этихъ короткое знакомство не съ парнасскимъ сонмомъ боговъ и полубоговъ, а съ обычными обитателями лакейскихъ.

Но, и за исключеніемъ этихъ стихотвореній, въ «Собесѣдникѣ», какъ видѣли читатели, найдется много замѣчательнаго въ литературномъ отношеніи. Если въ наше время можно еще перечитывать журналы прошедшаго вѣка, то, конечно, только для того, чтобы видѣть, какъ отразилась въ нихъ общественная и домашняя жизнь того времени, чтобы прослѣдить въ нихъ тогдашнія понятія о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, науки и литературы. И въ этомъ отношеніи едва-ли какой-нибудь изъ тогдашнихъ журналовъ можетъ удовлетворить нашему любопытству въ такой степени, какъ «Собесѣдникъ». Въ немъ сосредоточивалось все, что составляло цвѣтъ тогдашней литературы; его издатели были люди, стоявшіе по образованію далеко выше большей части своихъ соотечественниковъ; стремленія ихъ клонились именно къ тому, чтобы изобразить нравы современнаго имъ русскаго общества, выставивъ на показъ и дурное, и хорошее. Правда, что и здѣсь встрѣчаемъ мы резонерство и торжественныя оды, стансы, сонеты и пр., воспѣвающіе нещадно своихъ милостивцевъ и прославляющіе *златой вѣкъ* тогдашній; но эти произведенія, все-таки, относительно, занимаютъ немного мѣста въ «Собесѣдникѣ». При томъ же, въ самомъ резонерствѣ издателей нельзя не видѣть, что это — резонерство умнаго человѣка. Да оно объясняется и оправдывается и самымъ состояніемъ русскаго общества въ то время. Въ письмахъ къ издателямъ мы видимъ одинаковыя похвалы и истинно-поэтическимъ произведеніямъ, и сочиненіямъ дидактическимъ. Видно, что общество не довольствовалось однимъ изображеніемъ порока, а требовало еще указанія на то, что въ немъ именно дурно, и почему,—требовало поддержки и возбужденія для себя въ прямомъ поученіи, которое можно бы было просто принять, не трудясь надъ размышленіемъ и обсужденіемъ предмета.

Какъ бы то ни было, «Собесѣдникъ» удовлетворялъ требованіямъ своего времени. Мы старались показать, какъ отразилось въ немъ тогдашнее общество русское, старались выставить на видъ главныя стремленія издателей, показать отчасти, какое вліяніе имѣли на ходъ изданія покровительство Екатерины и просвѣщенное участіе кн. Дашковой. Библіографы мало, конечно, найдутъ для себя данныхъ въ этомъ трудѣ, но объ этомъ мы немного и жалѣемъ. Можетъ быть, упрекнутъ насъ еще въ томъ, что слабо обозначено собственно литературное достоинство произведеній. Но худшія и не стоили разбора, лучшія же давно уже оцѣнены, и намъ не хотѣлось повторять того, что прежде и лучше насъ уже сказали другіе. При томъ, мы смотрѣли на «Собесѣдникъ», какъ на памятникъ болѣе историческій, нежели чисто литературный.

[1]) «Соб.» ч. XV, ст. V. *Прим. Д.*
[2]) Ibid., ч. XII, ст. VIII. *Прим. Д.*

Библіографическія замѣтки.

(1) Гречъ, объявивъ въ своей учебной книжкѣ и въ «Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ» издателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника» И. Ѳ. Богдановича, ввелъ въ ошибку многихъ изъ послѣдующихъ писателей. То же потомъ повторилось и въ курсахъ литературы у Плаксина («Ист. лит.», стр. 244), у Мизко («Столѣтіе русск. слов.», стр. 157) и др. Митрополитъ Евгеній, въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» (ч. 1, стр. 117. Снегир. изд.), говоритъ, правда, что Богдановичъ только участвовалъ въ изданіи «Вѣстника» въ продолженіе шестнадцати мѣсяцевъ съ начала изданія; но и этому трудно повѣрить послѣ статьи въ № 7 «Вѣстника» на 1778 годъ «Объ историческомъ изображеніи Россіи», соч. Богдановича,—статьи, которая, несмотря на свою крайнюю умѣренность, возбудила въ немъ жесточайшій гнѣвъ. Оскорбленный авторъ напечаталъ въ 64 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1778 года отвѣтъ на этотъ разборъ, гдѣ «далъ возчувствовать гнѣвъ свой». Издателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника», по свидѣтельству Евгенія, былъ Григорій Брайко, поводомъ же къ ошибкѣ, вѣроятно, послужило то, что другой Богдановичъ — Петръ — дѣйствительно издавалъ другой «Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ» въ 1786 году и издалъ три книжки вмѣсто обѣщанныхъ двѣнадцати.

(2) Большею частью журналы въ то время продолжались только по одному году, если успѣвали дожить до конца его. Нѣкоторые, являясь и на другой годъ, въ томъ же составѣ, при тѣхъ же издателяхъ, перемѣняли, однако, названіе; напримѣръ, Новиковъ въ 1769 г. издавалъ «Трутень», въ 1770—«Смѣсь», въ 1771—«Живописецъ», Рубанъ—въ 1769—«Ни то, ни сё», въ 1771—«Трудолюбивый Муравей», въ 1772—«Старина и Новизна».

(3) Изъ произведеній Державина помѣщены въ «Вѣстникѣ»: 1) Пѣснь «Петру Великому» (1778 г., № 6); 2) Надписи, числомъ шестнадцать, изъ которыхъ двѣ внесены въ «Полное собраніе сочиненій Державина», остальныя же подъ сомнѣніемъ (1779 г., № 2); 3) «Пѣсенка отсутствующаго мужа» (тамъ же); 4) Ода на смерть князя Мещерскаго (№ 9); 5) «Ключъ» (№ 10); 6) «На рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока» (№ 12); 7) «На отсутствіе императрицы Екатерины въ Бѣлоруссію» (1780 г., № 5); 8) «Ода къ сосѣду» (№ 8); 9) Пѣсенка (тамъ же); 10) Застольная пѣсня, названная въ собраніи сочиненій: «Кружка» (№ 9); 11) На новый годъ (1781 г., № 1). Большая часть этихъ стихотвореній перепечатана въ «Собесѣдникѣ». Ни одно изъ нихъ не подписано.

Сатира Капниста помѣщена была въ 6 №, 1780 года, и отсюда перепечатана въ «Собесѣдникѣ» съ нѣкоторыми измѣненіями.

(4) Изъ болѣе обширныхъ статей, помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ», замѣтимъ: «Объ установленіи патріаршества въ Россіи» (1778 г., № 9); «Описаніе Тибетскаго государства» (1779 г., №№ 3—4); «Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ» (№№ 8 10); «О первомъ прибытіи въ Россію англичанъ» (1780 г., № 5); «О происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ россійскихъ законовъ (№№ 9, 10); «Обрѣтеніе пятой части свѣта» (1781 г., № 1); «Раздробленіе и механическое строеніе тѣла человѣческаго» (№ 3). Таковы же большія критическія статьи «О Россіадѣ» (1779 г., № 8) и «О Потерянномъ Раѣ» (1780 г., №№ 6, 7). Кромѣ ученыхъ статей, находимъ здѣсь также и нѣсколько повѣстей, довольно длинныхъ для тогдашняго времени, напримѣръ: «Повѣсть о блаженствѣ» (1778 г., № 12. 1779 г., № 1, 3); «Фонгъ-Кіангъ, или торжество дружбы» (1779 г., № 2); «Розалія» (1780 г., № 11); «Повѣсть о Палемонѣ и Сильвіи» (1781 г., № 3); «Повѣсть о человѣческой бородѣ» (№ 5). Изъ одного этого указанія уже видно отчасти разнообразіе содержанія «Вѣстника».

(5) Изъ «Вѣстника», кромѣ семи стихотвореній Державина, перепечатаны въ «Собесѣдникѣ» многія эпиграммы, сатира Капниста, нѣсколько стихотвореній Княжнина и статья «О правописаніи слово драма».

(6) Довольно полный разсказъ объ этомъ находится, напримѣръ, у Мизко («Стол. рус. сл.», стр. 83—84; см. также словари Евгенія и Бантышъ-Каменскаго подъ именемъ Державина, Дашковой и Козодавлева. Подробнѣе же разсказано все это происшествіе въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина, Львова (ч. II, стр. 6—9) и въ статьѣ г. Грота о «Фелицѣ и Собесѣдникѣ» («Современникъ» 1845 г., № XI, стр. 120—125).

(7) Во второй книжкѣ «Собесѣдника» (стр. 106—107) помѣщено посланіе *Любослова,* содержащее въ себѣ нѣсколько придирчивую критику на первую книжку. Въ третьей же части (ст. VI, стр. 39—43) помѣщено письмо отъ защитника Клировыхъ мыслей, въ которомъ неизвѣстный защитникъ выразился объ издателяхъ такъ, что они сочли нужнымъ замѣтить, что, можетъ быть, онъ писалъ такъ, «не зная, кто они» (стр. 45).

(8) Для библіографовъ пріятны будутъ, конечно, слѣдующія свѣдѣнія. Первое объявленіе о «Собесѣдникѣ» явилось апрѣля 14-го 1783 г., въ № 30 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ 33 №, 25 апрѣля оно было повторено. Въ 38 № (мая 12) помѣщено объявленіе, что первая книжка уже совсѣмъ готова, и потому присланная статья «Египетская повѣсть» не будетъ уже въ ней помѣщена. Мая 19, № 40, объявлено, что первая книжка выйдетъ *завтра,* 20 мая, въ субботу. Въ послѣдующемъ нумерѣ объявлено о дѣйствительномъ ея выходѣ. Вторая книжка вышла 24 іюня («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1783 г., № 56). Третья книжка—іюля 28, 4—августа 21, 5—сентября 16, 6—октября 10, 7—октября 28, 8 ноября 21, 9 - декабря 22. Такимъ образомъ, въ 1783 году вышло девять книжекъ «Собесѣдника» (а не десять, какъ говоритъ г. Гротъ въ своей статьѣ, на стр. 128). Десятая книжка вышла въ 1783 году января 26, 11 февраля 20, 12—марта 22, 13—апрѣля 23, 14—мая 21, 15—іюня 21, 16—сентября 6.

[Въ объявленіи о 13-мъ и 14-мъ № сказано, что они продаются по 80 коп., а всѣ предыдущіе по 1 рублю. Въ объявленіи о 15-мъ № назначено 50 коп., какъ за этотъ №, такъ и за всѣ, прежде вышедшіе. 16-й № тоже объявленъ за 50 к. Большой промежутокъ времени между двумя послѣдними книжками, которыя при всемъ томъ объ очень тощи, показываетъ, что уже въ это время были какія-то обстоятельства, задерживавшія изданіе].

(9) См. Остолопова—«Ключъ къ сочиненіямъ Державина», стр. 26; Полевого—«Очерки русской литературы», ч. 1, стр. 15; Греча—«Чтенія о русскомъ языкѣ», ч. II, стр. 384; Савельева—предисловіе къ третьему изданію Державина, стр. XXXVII.

(10) Митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ» своемъ (см. «Дашкова») говоритъ, что въ «Собесѣдникѣ» было помѣщено *много* сочиненій княгини Дашковой и, между прочимъ, рѣчь ея, говоренная при открытіи Россійской Академіи. Это извѣстіе перешло потомъ и въ «Словарь» Бантышъ-Каменскаго (ч. II, стр. 192), и въ книгу г. Мизко (стр. 155) и др. Всѣ они безъ дальнихъ справокъ, перепечатывали Евгенія.

(11) Не имѣя подъ руками подлинныхъ записокъ княгини Дашковой (или Дашкавой, какъ тогда писали), я долженъ былъ ограничиваться отрывками изъ нихъ, приведенными въ нашихъ журналахъ: «Москвитянинъ» 1842 года №№ 1, 2, «Современникъ» 1845 г., № 1. Въ особенности интересенъ для насъ отрывокъ, помѣщенный въ «Современникѣ», потому что въ немъ разсказывается о назначеніи княгини директоромъ Академіи.

(12) Объ изданіи картъ русскихъ губерній говоритъ сама княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ, жалуясь на то, что тогдашній генералъ-прокуроръ, кн. Вяземскій, препятствовалъ ей въ этомъ дѣлѣ, «не присылая бумагъ, которыхъ она требовала, касательно опредѣленія границъ между губерніями» («Совр.» 1845 г., № 1, стр. 28), и даже «задерживая тѣ свѣдѣнія, которыя губернаторы, по ея просьбѣ препровождали въ Академію» (ib., стр. 31). Въ «Спб. Вѣдом.», во все продолженіе 1783—1784 годовъ, помѣщались объявленія о постепенномъ изданіи картъ почти всѣхъ русскихъ губерній. Продавались эти карты по 55 и 60 коп.

(13) Таковы, напримѣръ, письмо А. Мейера, при посылкѣ историческихъ надписей россійскимъ государямъ (кн. 1, статья XXX); критика на эти надписи (кн. I, ст. XV); письмо при посылкѣ сочиненій «О системѣ міра» (кн. II, ст. XXII); письмо, при которомъ посланы вопросы фонъ-Визина (кн. III, ст. XVI); письмо, приложенное къ повѣствованію мнимаго глухого и нѣмого (кн. IV, ст. X); письмо г. Икосова, при посылкѣ его оды (кн. IV, ст. XI); письмо, содержащее критику на «Систему міра» (кн. IV, ст. XVI); письмо при посылкѣ стиховъ г. Голенищева-Кутузова (кн. V, ст. VII); письмо Любослова о напечатаніи его «Начертанія о россійскомъ языкѣ» (кн. VII, ст. XV); письмо о «Быляхъ и Небылицахъ», съ приложеніемъ предисловія къ «Исторіи Петра Великаго» (кн. VII, ст. XIX); письмо при посылкѣ стансовъ на учрежденіе Россійской Академіи (кн. IX, ст. IV); письмо съ пріобщеніемъ оды «Къ безсмертію» (кн. X, ст. XIII); письмо А. Мейера въ отвѣтъ на критику его историческихъ надписей (кн. X, ст. XIV); письмо при посылкѣ стиховъ Ломоносова (кн. XI, ст. XIV); письмо А. Старынкевича, съ приложеніемъ «Стиховъ къ другу» (кн. XI, ст. XVI); письмо при посылкѣ стиховъ Р—Д—Н. (кн. XIV, ст. V).

(14) Такъ, «сумнительныя» предложенія одного невѣжды присланы изъ Шлиссельбурга (ч. IV, ст. III); письмо со стихами Голенищева-Кутузова—изъ Симбирска (ч. V, ст., VII); письмо о дисциплинѣ—изъ Карасубазара (ч. VII, ст. II); письмо при посылкѣ оды «Къ безсмертію»—изъ Крыма (ч. X, ст. XIII); письмо при посылкѣ *притчи*—изъ Клина (ч. XI, ст. VII); письмо священника Старынкевича—изъ Бѣлоруссіи (ч. XI, ст. XVI); письмо объ одной ошибкѣ въ «Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ» — касательно Россіи - изъ Новгорода (ч. XII, ст. II); отъ Архангелогородской кумы—изъ Архангельска (ч. XII, ст. X). Кромѣ того, много помѣщено писемъ, подъ которыми мѣстность не обозначена. Во всѣхъ высказывается чрезвычайное уваженіе къ «Собесѣднику».

(15) Изъ Москвы прислано письмо о собачникахъ (ч. I, ст. XXII); письмо Рѣдкобаева (ч. II, ст. VII); письмо съ приложеніемъ стиховъ Китайца къ татарскому мурзѣ (ч. V, ст. I), г-жи М. С., и ея же письмо при посылкѣ стансовъ на учрежденіе Россійской Академіи (ч. I, ст. IV). Кромѣ того, подписью: «прислано изъ Москвы отъ неизвѣстнаго» отмѣчены два стихотворенія: «Сонъ» (ч. VI, ст. XIV) и «Къ самому себѣ» (ч. XII, ст. XVII).

(16) Письма изъ Звенигорода назывались всегда письмами Звенигородскаго корреспондента и пользовались, какъ видно, уваженіемъ самихъ издателей. Въ «искреннемъ сожалѣніи» объ участи издателей «Собесѣдника» (ч. III, ст. XV), въ числѣ прочихъ средствъ улучшить журналъ и придать ему интересъ, совѣтуется издателямъ дѣятельнѣе продолжать переписку съ Звенигородскимъ корреспондентомъ (ч. III, стр. 153). Изъ писемъ его, первое помѣщено во второй части (ст. II) и заключаетъ вопросъ о воспитаніи; второе, въ III части (ст. XVI), содержитъ нѣкоторыя разсужденія объ истинной и ложной чувствительности. На второмъ письмѣ переписка эта и остановилась.

(17) Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о «Собесѣдникѣ» какой-то г. А. Г. въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ 14-й книжкѣ (ст. VI). «Книга ваша есть зеркало, гдѣ порочные видятъ свои пороки, а добродѣтельные находятъ утѣшеніе, усматривая, что, хотя на словахъ, получаютъ возмездіе за свои дѣла; книга ваша есть прутъ, которымъ развращеніе наказывается и очищаются нравы; книга ваша есть изображеніе благоденствія нынѣшняго вѣка и процвѣтанія наукъ. Всѣ благомыслящіе люди читаютъ ее съ удовольствіемъ и утверждаютъ, что стараніемъ какой-то любительницы музъ россійскія словесныя науки придутъ вскорѣ въ такое совершенство, какому удивляемся мы у другихъ народовъ» (стр. 145). Въ письмѣ изъ Карасубазара говорится: «Собесѣдникъ читается уже и въ Карасубазарѣ съ такимъ же, или, можетъ быть, еще съ большимъ вниманіемъ и пріятностью, нежели въ Петербургѣ и Москвѣ. Мы радуемся отъ истиннаго сердца, что новое сіе изданіе, снимая послѣднія съ мыслей человѣческихъ оковы, подаетъ имъ отверстую дорогу для ихъ просвѣщенія» (ч. VII, стр. 8). Священникъ Старынкевичъ пишетъ, что небо послало ему счастіе видѣть первыя 4 книжки «Собесѣдника», и что онъ «съ толикимъ удовольствіемъ листы полезнѣйшаго сего сочиненія прочитывалъ, съ коликимъ утомленный долговременною жаждою изъ чистѣйшаго источника опаленный свой языкъ орошаетъ» (ч. XI, стр. 156). Подобныхъ любезностей много можно найти въ письмахъ къ издателямъ.

(18) См. «Спб. Вѣд.» 1784 г., № 50, іюня 21. Здѣсь помѣщено объявленіе о выходѣ 15 книжки «Собесѣдника» и приглашеніе присылать свои статьи въ редакцію. Объявленіе о пониженіи цѣны на первыя книжки «Собесѣдника» сдѣлано безъ всякихъ объясненій; просто сказано: «15-я книжка продается по 50 к.; по той же цѣнѣ можно получать и всѣ прежде вышедшія». То же повторено и въ № 72, при объявленіи о выходѣ 16 книжки.

(19) Что кн. Дашкова завѣдывала изданіемъ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій», по крайней мѣрѣ въ первые годы, это видно изъ письма Капниста, помѣщеннаго въ 1790 г., въ 47 части «Н. Е. С.», гдѣ онъ проситъ ее помѣстить въ этомъ журналѣ его отвѣтъ «Пѣвцу Фелицы». Кромѣ того, можно заключать объ этомъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ посланія Николаева къ кн. Дашковой («Н. Е. Соч.», ч. 60, 1791 г.). Здѣсь, между прочимъ, онъ обращается къ ней съ слѣдующими стихами:

Составя кругъ ученыхъ думъ,
Ты поощряешь мысль и умъ,
Къ обогащенью росска слова...

Въ «Н. Е. Сочиненіяхъ» есть, по общему свидѣтельству біографовъ кн. Дашковой, и нѣсколько собственныхъ ея сочиненій (См. словари — Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, энциклопедическій— Плюшара и Старчевскаго. Впрочемъ, всѣ они списывали показанія м. Евгенія).

(20) Въ своихъ Запискахъ кн. Дашкова говоритъ сама, что она работала для «Собесѣдника» («Совр.» 1845, № 1, стр. 29). М. Евгеній, а за нимъ и другіе говорятъ, что здѣсь помѣщено *много* статей Дашковой. Впрочемъ, узнать ихъ навѣрное довольно трудно. Ниже представлены нѣкоторыя соображенія наши объ этомъ предметѣ.

(21) Въ запискахъ кн. Дашковой сказано, что «государыня сама иногда наполняла нѣсколько страницъ журнала». Но, вѣроятно, говоря это, кн. Дашкова не имѣла въ виду «Записокъ о Россійской Исторіи». Кромѣ этихъ «Записокъ» и «Былей и Небылицъ», въ «Собесѣдникѣ» помѣщены еще слѣдующія статьи, написанныя Екатериною: 1) отвѣты на вопросы фонъ-Физина (ч. III, ст. XVII); 2) отвѣтъ на письмо къ автору «Былей и Небылицъ» (ч. VII, ст. XX); 3) письмо неизвѣстнаго каноника ignorante bambinelli, по поводу того же письма (ч. VII, ст. X); 4) общества незнающихъ ежедневная записка, подписанная: скрѣпилъ извѣстный каноникъ (ч. VIII, ст. VI). Кромѣ того, ей же принадлежатъ, вѣроятно, нѣсколько предварительныхъ словъ къ критикѣ Любослова (ч. II, ст. XIII), и, можетъ быть, «Записки разнощика», подписанныя: Рыжій Фролка (ч. IX, ст. II). Послѣднихъ двухъ статей нѣтъ въ «Полномъ собраніи сочиненій Екатерины», а первыя четыре напечатаны въ III томѣ, какъ-то посреди «Былей и Небылицъ». Тутъ же перепечатано кстати и письмо фонъ-Визина (стр. 53—57); а одно мѣсто изъ «Былей и Небылицъ», ужъ неизвѣстно для какой цѣли, напечатано два раза, на одной и той же страницѣ (стр. 78). Здѣсь же перепечатано, неизвѣстно на какомъ основаніи, похвальное письмо къ Екатеринѣ, по поводу «Былей и Небылицъ», помѣщенное въ «Соб.», на стр. 175—178, VI части, и съ примѣчаніями издателей.

(22) О Козодавлевѣ кн. Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ: «изъ сотрудниковъ журнала особенно дѣятеленъ былъ молодой адвокатъ Козодавлевъ, помѣщавшій въ немъ и прозу и стихи» («Совр.» 1845 г., № 1, стр. 30). Изъ сочиненій Козодавлева одно только подписано полнымъ именемъ (ч. VII, ст. XIV); о другихъ соображенія представлены ниже.

(23) Изъ произведеній Богдановича помѣщены въ «Собесѣдникѣ»: 1) «О древнемъ и новомъ стихотвореніи» (ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, ст. III, ч. VIII, ст. II); 2) басни: «Пчелы и Шмель» (ч. I, ст. XIX); «Журавли и Комаръ» (ч. II, ст. XXI); «Слухъ и Видѣніе», и «Левъ и Ребята» (ч. V, ст. IV); басня на пословицу: воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя (ч. VI, ст. XII); 3) письмо о великодушныхъ чувствованіяхъ (ч. I, ст. XXVIII); 4) идиллія бѣлыми стихами, перепечатанная откудато въ исправленномъ видѣ (ч. II, ст. IV); 5) къ Д. Г. Левицкому (ч. IV, ст. V); 6) къ моему другу (ч. V, ст. IV); 7) стихи на пословицу: не всякая любовь совершается бѣдой (ib.); 8) Гимнъ на бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича (ч. VII, стр. XXI); 9) Старина ненапечатанная (ч. X, ст. XII); 10) Стансъ къ Л. Ѳ. М. (ч. XI, ст. V); 11) Стансъ къ М. М. Хераскову (ч. XIII, ст. I); 12) «Пріятность простой жизни» (ч. XVI, ст. XX). Всѣ эти произведенія были подписаны полнымъ именемъ Богдановича и вошли въ собраніе его сочиненій. Кромѣ того, въ первой книжкѣ «Собесѣдника» напечатаны безъ подписи его стихотворенія: 13) «Разговоръ Минервы съ Аполлономъ» (ст. XIV) и «Къ деньгамъ» (ст. XV). Любословъ сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній на эти стихотворенія. Богдановичъ подъ строками помѣстилъ «возраженія сочинителя» и подписалъ ихъ своимъ именемъ. Несмотря на это указаніе, оба эти стихотворенія, впрочемъ, пропущены въ собраніи сочиненій Богдановича.

(24) Въ «Собесѣдникѣ» помѣщались стихотворенія Державина, особенно въ большомъ числѣ въ первыхъ книжкахъ. Вотъ ихъ перечень: 1) «Фелица» (ч. I, ст. I); 2) «Диѳирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ» (ст. IV); 3) «Ода на новый годъ» (ст. IX); «Ода къ сосѣду моему» Г. (ст. XX); 5) «Ода на смерть князя Мещерскаго» (ст. XXI); 6) Стихи на рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока (ст. XXIII); 7) «Ода на отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію» (ч. II, ст. I); 8) «Ключъ» (ч. III, ст. I); 9) «Успокоенное невѣріе» (ст. III); 10) «Благодарность Фелицѣ» (ст. XIX); 11) «Ода Рѣшемыслу» (ч. VI, ст. I), подписанная: сочинялъ З... 12) «Ода на присоединеніе Крыма» (ч. XI, ст. X); 13) «Богъ» (ч. XIII, ст. VII). Ни одно изъ этихъ произведеній не подписано именемъ Державина. Половина изъ нихъ перепечатана изъ «Вѣстника», потому что (сказано въ примѣчаніи) авторъ исправилъ ихъ. Но поправки эти весьма ничтожны. Такъ, въ «Одѣ на смерть князя Мещерскаго» измѣнены слѣдующіе стихи:

ВЪ ВѢСТНИКѢ:	ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:
Зоветъ меня отъ жизни онъ	Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ.
Узрѣлъ я только лишь сей свѣтъ	Едва увидѣлъ я сей свѣтъ.
Монархъ и рабъ есть снѣдь червей	Монархъ и узникъ снѣдь червей.
Текутъ какъ въ морѣ рѣчны воды, Текутъ такъ въ вѣчность дни и годы	Какъ въ морѣ льются быстры воды, Такъ въ вѣчность льются дни и годы.
И міры ею разрушатся, Твореньямъ всѣмъ она грозитъ.	И солнцы ею потушатся, И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мыслитъ смертный умирать	Не мнитъ лишь смертный умирать.
Громовы стрѣлы не быстрѣе Взлетаютъ къ гордымъ вышинамъ	Ея и громы не быстрѣе Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

ВЪ ВѢСТНИКѢ:	ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:
Здѣсь персть твоя, а духъ твой тамъ. Онъ тамъ, онъ тамъ, а гдѣ—не знаемъ, Мы только плачемъ и вздыхаемъ.	Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ. Гдѣ-жъ онъ? онъ тамъ. Гдѣ тамъ?.. не знаемъ, Мы только плачемъ и взываемъ.
Гдѣ вкуса столъ, тамъ гробъ стоитъ	Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.
Коимъ въ державу тѣсны міры	Кому въ державу тѣсны міры.
Глядитъ на всѣхъ, и на князей	Глядитъ на пышныхъ богачей.
За хаосъ въ бездну улетѣли	Хаоса въ бездну улетѣли.
Не сильно жжетъ мя красота	Не сильно нѣжитъ красота.
Желаньемъ пышности размученъ, Влечетъ меня и чести шумъ. Наградой чти судебъ ударъ.	Желаньемъ честей размученъ, Зоветъ, я слышу славы шумъ. Благословляй судебъ ударъ.

Въ «Одѣ къ сосѣду» измѣненъ только одинъ стихъ. Вмѣсто: *А то веселье непорочно,* напечатано: *Веселье то лишь непорочно.*

Въ стихотвореніи «Ключъ» измѣнены слѣдующіе стихи:

ВЪ ВѢСТНИКѢ:	ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:
Источникъ вижу я прекрасный,	Прекраснѣй вижу я источникъ.
Источникъ милый и прозрачный, Поящій луги, долы злачны	Источникъ шумный и прозрачный, Луга поящій, долы злачны.
Гора, въ день стадомъ покровенна, Любуется, въ тебя смотрясь; Въ твоихъ водахъ изображенна Дубрава, вѣткомъ струясь, Со златомъ волнуются нивы. О, какъ съ высотъ пріятно зрится.	Гора въ день стадомъ покровенну Себя въ тебѣ любуясь зритъ, Въ твоихъ водахъ изображенну Дубраву вѣтерокъ струитъ, Волнуетъ жатву золотую. Прекраснѣй брегъ твой становится...
Равно ночною темнотою Прекрасенъ видъ твой при лунѣ	О, сколь ночною темнотою Пріятенъ видъ твой при лунѣ.
Лирный звонъ съ твоимъ стремленіемъ.	Лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ.

Въ «Одѣ на отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію» измѣнены только три фразы: вмѣсто *сладкой* пѣсни—поправлено; *громкой* пѣсни; вмѣсто *истина и совѣтъ*—истина и совѣсть, и вмѣсто съ велелѣпіемъ — въ велелѣпіи. Да еще поправлена опечатка, вмѣсто совѣтъ — напечатано *зоветъ*.

Столь же ничтожны перемѣны въ стихахъ «На рожденіе порфироднаго отрока». Здѣсь только вмѣсто «полубогъ» поставлено—нѣкій богъ, и вмѣсто «возраждачи»—возрождаючи, что въ собраніи сочиненій опять было измѣнено на—зарождаючи.

Болѣе перемѣнъ сдѣлано въ одѣ «На новый годъ». Впрочемъ, и онѣ не важны.

Вотъ эти перемѣны:

ВЪ ВѢСТНИКѢ:	ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:
Мольбы и плески возшумѣли, Тимпаны, громы возгремѣли.	Сошелъ—и гласы раздалися, Мечты, надежды понеслися.
Среди текущаго блаженства Мы благъ желаемъ совершенства	И самаго среди блаженства Желаемъ блага совершенства.
Здоровье, хлѣбъ и совѣсть права, Одежда, сонъ и добра слава Меня равняютъ съ королемъ	Меня здоровье, совѣсть права, Достатокъ нужный, добра слава Творятъ счастливѣе царей.
Безсмертный воинъ хочетъ славы, Леандръ фортуны при игрѣ.	Герой безсмертной славы жаждетъ, И счастія игрокъ въ игрѣ.

Вологод. жел. дор. Библиотека

ВЪ ВѢСТНИКѢ:	ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:
И въ здѣшней жизни, пышной, страстной	И въ здѣшней жизни коловратной
Нѣжнѣе гласы становятся.	Пріятны гласы становятся.
Петры, Траяны, Генрихъ, Титы	Петры, и Генрихи, и Титы.

Стихотворенія, которыя въ исправленномъ видѣ перепечатаны въ «Собесѣдникѣ», болѣе уже не передѣлывались, исключая двухъ или трехъ фразъ. Такъ, въ «Одѣ къ сосѣду», вмѣсто—въ твой парусъ — въ собраніи сочиненій почему-то напечатано: въ твой Парнасъ (т. I, стр. 203).

Стихотворенія, напечатанныя въ первый разъ въ «Собесѣдникѣ», большихъ измѣненій также не потерпѣли въ слѣдующихъ изданіяхъ. Въ одѣ «Фелица» исправлено только нѣсколько стиховъ. Вмѣсто «честно и правдиво», въ послѣдней поставлено *пышно* и правдиво; вмѣсто Лентягомъ и Брюзгой—лица изъ сказки о Хлорѣ, соч. Екатериной — просто: лѣнтяемъ и брюзгой. Вмѣсто стиховъ, замѣченныхъ еще Любословомъ:

Въ часы твоихъ отдохновеній
Ты пишешь въ сказкахъ поученій,

поставлено —

Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья.

Наконецъ, вмѣсто стиха:

Да сладкаго твоихъ словъ тока

поставлено —

Да словъ твоихъ сладчайша тока.

Въ одѣ «Богъ»—слѣдующія поправки:

ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:	ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ:
Какъ день, когда зимой	Какъ въ ясный, мразный день зимой.
Въ бездонной пустотѣ текутъ	Въ неизмѣримости текутъ.
Какъ ежели сравнять съ Тобою Чтобъ духъ мой перстью облачился	Когда дерзну сравнить съ Тобою Чтобъ духъ мой въ смертность облачился.
Отецъ—въ объятіе Твое	Отецъ, въ безсмертіе Твое.
Неизъясненный, непостижный	Неизъяснимый, непостижный.

Много измѣненій въ «Одѣ на пріобрѣтеніе Крыма», которая въ первоначальномъ видѣ своемъ даже въ иныхъ стихахъ не имѣла смысла. Болѣе другихъ значительны слѣдующія поправки: Вмѣсто — Увидя Марсъ, *тоуритъ* взоры — впослѣдствіи поправлено —

Увидѣлъ Марсъ, *нахмурилъ* взоры.

Вмѣсто стиховъ:

Его стенанье раздавалося
Внутрь сердца зависти, и умъ,
Перомъ орудіемъ имѣя,
Едва-ль гдѣ столь торжествовавшій,
Безсмертной славой возсіялъ,

поправлено:

Его паденье раздалося
Внутрь сердца зависти, и трость,
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась.

Далѣе измѣнена цѣлая строфа:

ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:	ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ:
Текущаго съ полнощи свѣта Не можетъ снесть Цирцеинъ взоръ, Стонаетъ, что Минерва зиждетъ Людей разумныхъ изъ звѣрей: Осклабясь, Пиѳагоръ дивится, Что мнѣніе его сбылося: Животныхъ видитъ онъ людьми.	Цирцея отъ досады воетъ: Волшебство все ея ничто; Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ, Минерва вновь творитъ людьми; Оскаблясь, Пиѳагоръ дивится, Что мнѣніе его сбылось, Что зритъ онъ преселенье душъ.

Нѣсколько ничтожныхъ поправокъ есть также въ «Одѣ къ Рѣшемыслу».

Львовъ въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина, говоритъ, что въ «Собесѣдникѣ» были напечатаны стихотворенія: «Счастливое семейство» (ч. I, стр. 8) и «Видѣніе Мурзы» (ч. II, стр. 13). Но это несправедливо: «Счастливое семейство» напечатано, по словамъ Львова же, въ 1782 году, когда еще «Собесѣдникъ» не издавался, а «Видѣніе Мурзы» явилось въ 56-й части «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій», въ 1790 г.—Замѣчанія Львова внесены и въ Смирдинское изданіе сочиненій Державина, 1847; но Львовъ, кажется, совсѣмъ не зналъ «Собесѣдника», относя изданіе его то къ 1782, то къ 1792 г.

(25). Въ прозѣ Княжнинъ помѣстилъ здѣсь свою рѣчь, говоренную на актѣ въ Академіи Художествъ въ 1779 г. (ч. I, ст. XXXI); а въ стихахъ: «Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ» (ч. I, ст. XV); «Феридина ошибка» (ст. XXIII); «Моръ звѣрей» (ст. XXV); «Рыбакъ» (ст. XXVII. Перепечатано изъ «Спб. Вѣстника» 1778 года, № 9). Въ послѣдующихъ книжкахъ журнала помѣстилъ оду «Утро» (ч. VII, ст. IX); «Стансы къ Богу» (ч. VIII, ст. IX; изъ «Вѣстника» 1780 г., № 8),—«Исповѣданіе жеманихи» (ч. VIII, ст. XII), неподписанное; сказку «Улиссъ и его спутники» (ч. X, ст. XI), и письмо къ кн. Дашковой (ч. XI, ст. I).

(26). Ода эта написана была Капнистомъ въ 1786 г., по случаю указа 19 февраля 1786 г. о томъ, чтобы на просьбахъ не подписывались *рабъ*, но «вѣрноподданный» (См. П. С. З. Р. И. 1776 г. № 16,329).

(27). Въ «Собесѣдникѣ», кромѣ сатиры (ч. V, ст. IX), напечатано письмо къ Любослову, который считалъ неприличнымъ то, что Капниста въ письмѣ къ нему (въ I части «Собесѣдника») назвали въ эпиграфѣ mortel (ч. VII, ст. III).

Сатира Капниста перепечатана изъ 6 №, 1779 г. «Спб. Вѣстника». Тамъ она была названа «сатира первая», а здѣсь прибавлено «и послѣдняя». Хотя въ примѣчаніи сказано, что она вновь поправлена, но исправленіе это весьма незначительно. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *дерзость* поставлена *хищность*; въ другомъ—вмѣсто истреблять пороки—исправлять. Важно только исключеніе личныхъ намековъ, слишкомъ уже явныхъ. Такъ, въ двухъ мѣстахъ поставлено здѣсь имя дурного стихотворца — Мевій, вмѣсто *Рубовъ* (явный намекъ на Рубана). Вмѣсто прежнихъ двухъ стиховъ:

Котельскій, Никошевъ, Варикинъ, Флезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Весевкинъ,
Кампаровскій,—

въ которыхъ заключались изломанныя немного фамиліи здравствовавшихъ тогда авторовъ,—поставлено въ «Собесѣдникѣ» очень просто:
Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ риѳмотворцевъ,
Слагателей вранья и сущихъ умоборцевъ.

Это, конечно, могло служить и хорошимъ комментаріемъ къ выставленнымъ прежде именамъ.

Впрочемъ, одна личность даже прибавлена при переправкѣ сатиры; но это самая невинная личность—Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Вмѣсто стиховъ:

А разумъ съ честностью такъ рѣдко видимъ въ
свѣтѣ,
Какъ гладкій умный стихъ въ покойномъ
Бредоретѣ,

напечатано:

И словомъ, въ свѣтѣ семъ, такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкія стихи въ творцѣ Телемахиды.

(28). Изъ сочиненій Кострова помѣщены здѣсь: эклога «Три граціи» (кн. VIII, ст. III) и письмо къ творцу оды «Фелица» (кн. X, ст. V). Оба подписаны Ер. Кост.

(29). «Недоросль» явился, какъ есть преданіе, въ одно время съ «Фелицей» и раздѣлялъ съ нею общее вниманіе; впрочемъ, въ «Собесѣдникѣ» ни разу о немъ не упоминается. О «Бригадирѣ» же говорится въ одной эпиграммѣ: «На нѣкоторую зрительницу комедіи Бригадиръ» («Собесѣдникъ», ч. III, ст. 38).

(30). Въ «Собесѣдникѣ» помѣщены изъ сочиненій фонъ-Визина: 1) «Опытъ россійскаго сословника» (ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. XII; ч. X, ст. VIII); 2) «Примѣчанія на критику россійскаго сословника» (ч. III, ст. XII); 3) «Вопросы» (ч. III, ст. XVII); 4) «Челобитная россійской Минервѣ» (ч. IV, ст. II); 5) «Поученіе іерея Василія» (ч. VII, ст. VI).

(31). Въ числѣ сотрудниковъ «Собесѣдника» помѣщаютъ Хераскова—князь Вяземскій («Фонъ-Визинъ», стр. 262), Гречъ («Чт. о рус. яз», ч. II, стр. 384), Гротъ въ названной уже статьѣ о «Собесѣдникѣ».

(32) Произведенія, подписанныя въ «Собесѣдникѣ» буквами М. Х., слѣдующія: 1) «Комета 1767 года» (ч. IX, ст. X); 2) «Апрѣль» (ст. XI); 3) «Кн. Дашковой» (ч. VI, ст. IV); 4) «Вѣчность» (ч. VII, ст. I). Кромѣ этихъ стихотворныхъ произведеній есть еще двѣ статьи въ прозѣ: «Утро» (ч. I, ст. XII) и «Полдень» (ч. V, ст. II).

(33) Муравьева здѣсь два стихотворенія: «Письмо къ *» (ч. I, ст. XXXIII) и «Время» (ч. II, ст. XIV). Въ одной критикѣ («Собесѣдникъ», ч. IV, ст. XVI) эти стихотворенія признаны справедливо очень дурными и названы опытами молодого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя почти никакого содержанія, по языку стихи эти могутъ быть сравнены развѣ съ твореніями Петрова.

(34) Д. Хвостовъ помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» нѣсколько притчъ: 1) «Мыши и орѣхи» (ч. IV, ст. XIV); 2) «Солнце и молнія» (ч. VI, ст. V); 3) «Павлинъ» (ч. V, ст. XI). Нелединскаго-Мелецкаго есть здѣсь «Ода на службу» (ч. VI, ст. VIII). Боброва—стихотвореніе «Дѣйствіе и слова зиждущаго духа», содержащее хвалы императрицѣ Екатеринѣ (ч. XII, ст. I). Подписано оно С. Б. Левшинъ помѣстилъ здѣсь свое «Путешествіе на луну», названное въ первыхъ отрывкахъ—«Новѣйшее путешествіе, сочиненное въ городѣ Бѣлевѣ», а потомъ—«Новѣйшее путешествіе во сновидѣніи» (ч. XIII, ст. X; ч. XIV, ст. II; ч. XV, ст. II; ч. XXI, ст. VIII).

(35) Плавильщиковъ, по показанію м. Евгенія, родился въ 1771 г. и, слѣд., не могъ участвовать въ журналѣ, издававшемся въ 1783—4; но это показаніе невѣрно; по другимъ извѣстіямъ, Плавильщиковъ род. 1760 г., и ему, дѣйствительно, принадлежитъ стихотвореніе *Баталія*, помѣщенное въ XVI ч. «Собесѣдника» (ст. V, стр. 97—106).

(36) Другіе авторы, участвовавшіе въ «Собесѣдникѣ» и подписывавшіе свои имена, были слѣдующіе: А. Мейеръ, напечатавшій «Историческія надписи въ стихахъ государямъ Россійскимъ» (ч. I, ст. XXX) и «Отвѣтъ» на критику ихъ (ч. X, ст. XIV). В. Жуковъ, помѣстившій здѣсь «Сонетъ творцу оды къ Фелицѣ» (ч. III, ст. VII). Павелъ Икосовъ, напечатавшій оду на рожденіе Великой Княгини Александры Павловны (ч. IV, ст. XI) и идиллію на тотъ же случай (ч. V, ст. VI). Д. Левицкій, помѣстившій свое письмо въ «Собесѣдникѣ» (ч. VI, ст. III). Р.—Д.—Н., напечатавшій «Цыдулку къ *» (ч. VII, ст. XI), сонетъ (ст. XII), эклогу (ч. VIII, ст. XI), письмо къ издателямъ (ч. XI, ст. IV), стихи къ *** и эклогу (ч. XIV,

ст. V). Прох. Соловьевъ, сочинившій «Разговоръ о музахъ» при открытіи семинаріи въ Спб. (ч. X, ст. VII). Ѳ. Козельскій, написавшій надгробіе графу Воронцову (ч. X, ст. XV). Лабзинъ, подписавшійся подъ своимъ стихотвореніемъ «Французская лавка» (ч. XI, ст. III) цифрами, изъ которыхъ составляется его фамилія. Ѳед. Кам., помѣстившій стихи въ Ирисѣ (ч. XVI, ст. IV).

(37) Это «Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда я въ 1761 г. ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ». Стихотвореніе это, состоящее всего изъ десяти стиховъ, содержитъ обращеніе къ кузнечику, который гораздо счастливѣе людей потому,

Что видитъ все его,—вездѣ въ своемъ дому,
Не проситъ ни о чемъ, не долженъ никому.

Стихи эти присланы кѣмъ-то изъ Москвы и напечатаны въ XI части, ст. XIV.

(38). Изъ неизвѣстныхъ авторовъ подписывались буквами, кромѣ выше названныхъ: Н. М. и товарищи—подъ стихами: «Народный обѣдъ» (ч. II, ст. VI);—С. подъ стихотвореніемъ «Городская жизнь» подр. нѣмецкому (ч. II, ст. XIV);—С. С. подъ статьей «Маскарадъ» (ч. XI, ст. XVII); этому же автору принадлежитъ статья «Прогулка» (ч. VI, ст. XV).—В. С. подъ статьями: «Волкъ и Лисица», басня (ч. XIV, ст. I); «Ночь», стихотвореніе (ст. VII); «Клеантъ» (ст. VIII); «Подражаніе англинскому зрителю» (ч. XV, ст. VI); «Нѣкоторыя разсужденія о смѣхѣ» (ч. XV, ст. V).—Ва. Сѣв.—подъ одою «На кротость» (ч. XIV, ст. IX);—М. С.—подъ письмомъ къ «Татарскому мурзѣ» (ч. V, ст. I) и подъ стансами на учрежденіе Россійской Академіи (ч. IX, ст. IV).—Х. Х.—подъ стихами «Модное остроуміе» (ч. III, ст. IX).—N. подъ одою «Къ Любви» (ч. IV, ст. XV).—NN. подъ сочиненіемъ «О системѣ міра» (ч. II, ст. XXII; ч. V, ст. X).—Др. подъ письмомъ Катона къ Юлію Цезарю (ч. VIII, ст. V).—А. Кр. подъ стихами Гр. В. П. М. П. (ч. X, ст. IX).—Д—й Р—ъ подъ стихами «Лизетта и Дафнисъ» (ч. XIII, ст. IX).—А. Г. подъ письмомъ къ издателямъ (ч. XIV, ст. VI).—И. Ф. подъ баснею «Комаръ» (ч. XV, ст. I). Изъ статей, вовсе неподписанныхъ, замѣчательнѣе другихъ: «Повѣствованіе мнимо глухаго и нѣмаго», «Картины моей родни» и «Моя записная книжка», въ прозѣ; о нихъ много говорится ниже. Въ стихахъ замѣчательны: «Ода къ безсмертію», «Дружеская пѣсня», «Ода на злато», «Весна» (въ XII ч.) и «Сновидѣніе» (въ XVI). О нихъ—ниже. Замѣтимъ, что въ числѣ эпиграммъ также есть нѣсколько довольно удачныхъ. Между прочимъ, въ IV части (стр. 110) нашли мы эпиграмму Дмитріева:

Почто Ликаста осуждаютъ,
Что вялымъ слогомъ пишетъ онъ?
Вѣдь имъ одинъ лишь изданъ сонъ:
Когда же складны сны бываютъ?

(39) См. м. Евгенія «Словарь свѣтскихъ писателей» часть II, стр. 10 и 158. Очень можетъ быть, что это показаніе тоже невѣрно. Въ «Собесѣдникѣ» почти нѣтъ ученыхъ статей. Развѣ сочиненіе «О системѣ міра» можно приписать одному изъ академиковъ?

(40) См. «Словарь свѣтскихъ писателей», подъ словомъ «Дашкова».

(41) Въ I-й кн. 33 статьи, во II—22, III—18, IV—16, V—11, VI—15, VII—21, VIII—13, IX—8, X—17, XI—18, XII—10, XIII—11, XIV—10, XV—7, XXI—12.

(42) Упоминанія объ этомъ находятся во всѣхъ курсахъ литературы и во всѣхъ біографическихъ словаряхъ нашихъ, но подробностей нигдѣ нѣтъ.

(43). Г. Старчевскій говоритъ («Лит. русской исторіи до Кар.», стр. 230): «Записки эти составлены изъ свода разныхъ русскихъ лѣтописей, со многими синхронистическими таблицами и съ критическими примѣчаніями». Болѣе ничего не сказано для ихъ характеристики.

(44) Г. Соловьевъ помѣстилъ въ «Архивѣ» г. Калачова статью о русскихъ историческихъ писателяхъ XVIII вѣка, въ которой разбираетъ нѣкоторыхъ писателей. Не знаемъ, почему именно тѣхъ, а не другихъ. Если онъ хотѣлъ разсмотрѣть только замѣчательнѣйшихъ, то неужели труды Елагина и Эмина замѣчательнѣе «Записокъ о русской исторіи?»

(45) Замѣчанія эти приведены въ книгѣ г. Старчевскаго, стр. 236.

(46) Извѣстно, что при Екатеринѣ начали издавать русскія лѣтописи. Много списковъ было собрано изъ Москвы и другихъ мѣстъ, но, по неимѣнію хорошо приготовленныхъ къ этому дѣлу людей, изданіе тогда не состоялось.

(47) См. Старчевскаго «Лит. рус. ист. до Кар.», стр. 218. Въ біографіи Чеботарева, въ «Словарѣ проф. Моск. унив.», г. Соловьевъ говоритъ неопредѣленно: *въ это время* Чеботаревъ занимался выписками изъ лѣтописей. По ходу его изложенія это можетъ относиться къ 1782—1790 г. Промежутокъ довольно значительный.

(48) Г. Старчевскій говоритъ, что онъ «самъ видѣлъ нѣсколько выписокъ изъ нашихъ лѣтописей, сдѣланныхъ для императрицы». Но онъ ничего не сообщаетъ объ ихъ содержаніи.

(49) Первый томъ исторіи Щербатова вышелъ въ 1770 г., а слѣдующіе 14 въ разные сроки выходили до 1792 г.

(50) Различіе этихъ разговоровъ доказано въ недавнее время г. Срезневскимъ (см. статью его въ «Изв. II отд. Ак. Н.», 1852 г., т. I).

(51) Какъ видно, это сдѣлано было по убѣжденію императрицы, потому что даже въ ея замѣчаніяхъ на Стриттера мы находимъ обвиненіе въ томъ, что онъ возобновилъ нелѣпыя басни о мести Ольги древлянамъ, выброшенныя изъ «Записокъ о русской исторіи» (Старч., стр. 235).

(52) У Державина въ стихотвореніи «На счастіе» сказано о Екатеринѣ:

Комедьи пишетъ, чиститъ нравы
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ.

Хемъ, хемъ—это дѣдушкинъ кашель въ «Быляхъ и Небылицахъ». Львовъ же, въ «Объясненіяхъ» (ч. I, стр. 22), выдумалъ какое-то небывалое сочиненіе императрицы «Разговоры дѣдушкины» и при томъ еще *палату съ чутьемъ*, для чтенія и обсуживанія этого сочиненія. Не знаемъ, есть ли правда въ послѣднемъ извѣстіи, но первое совершенно ложно.

(53) «Исповѣданіе жеманихи» напечатано въ VIII ч. «Собесѣдника», при «Быляхъ и Небылицахъ», какъ ихъ заключеніе; оно даже не отдѣлено особою цифрою, какъ дѣлалось всегда въ этомъ журналѣ.

(54) При этомъ-то дѣдушка и закашлялся особенно сильно. Изъ этого можно видѣть, какіе *безпорядки* ему не нравились. Львовъ говоритъ, что онъ припѣвалъ «хемъ, хемъ» только при видѣ какого-нибудь безпорядка.

(55) Въ 45 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1784 года, причиною такого измѣненія выставляется то, что «издателямъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ присланныхъ сочиненій до нихъ не доходили». Къ этому прибавлено въ № 50: «а чтобы не принять неблагопристойнаго, то сочи-

неніе при принесшемъ же и прочтется, и буде оно согласно съ расположеніемъ «Собесѣдника», то и примется для печатанія, буде же противно, то возвратится принесшему». Слѣдовательно, въ это время главный издательскій трудъ—разсмотрѣніе и выборъ приславшихся статей,—лежалъ уже не на кн. Дашковой, а на совѣтникахъ Академіи, которые, такимъ образомъ, были въ то же время и цензорами статей.

(56) Ниже представлены нѣкоторыя соображенія касательно трудовъ Козодавлева, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ». Изъ другихъ же его произведеній, отдѣльно изданныхъ, извѣстны: переводъ поэмы Тиммеля «Вильгельмина», Спб., 1783 г. (Соп. библ., № 8636), и комедій «Нашла коса на камень», въ одномъ дѣйствіи, Спб., 1781 г. (Соп. библ. № 5475) и «Перстень» въ одномъ дѣйствіи, Спб., 1781 г. (Соп. библ., № 5549). Ему же, вѣроятно, принадлежитъ и слѣдующій переводъ: «Древняго и новаго вѣка люди, или уборный столъ г-жи маркизы Помпадуръ, соч. г. Вольтера, перевелъ съ французскаго О. К.» Спб., 1777 г. (Соп. № 3478).

(57) Кн. Дашковой принадлежатъ комедіи: «Таисёковъ» (Соп., № 5649 «Тайсіоковъ»), въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1786 г., и «Свадьба Фабіана». Кромѣ того, ея произведенія помѣщены въ «Невинномъ упражненіи» на 1763 г. и въ «Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ», съ 1774 г. Въ этомъ послѣднемъ изданіи именемъ ея отмѣчены: «Письмо къ другу» (ч. I, стр. 78—86); «Опытъ о торгѣ», переводъ изъ Юма (стр. 87—112)); «Путешествіе одной россійской знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ» (ч. II, стр. 105—147), переводъ изъ англійскаго «Смотрителя» о шуткѣ (стр. 145—151). Ей же, кажется, принадлежатъ и слѣдующія статьи, отмѣченныя подписью Англоманъ: «Письмо англомана» (ч. II, стр. 257—261); «Предложеніе объ исправленіи англійскаго языка, переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями относительно языка русскаго» (ч. III, стр. 1—38); переводъ стиховъ оксфордскаго студента къ портрету Локка (стр. 72—73). Въ письмѣ англомана представленъ также опытъ перевода знаменитаго монолога Гамлета: «быть или не быть». О принадлежности этихъ статей кн. Дашковой свидѣтельствуетъ сколько видное въ нихъ знаніе англійской литературы и жизни, весьма мало тогда у насъ распространенное, столько же и умѣнье владѣть языкомъ и въ стихахъ, и въ прозѣ,—умѣнье, которымъ, какъ увидимъ, также отличалась кн. Дашкова.

(58) Видно, однакожъ, что въ свое время кн. Дашкова всего болѣе извѣстна была своими стихотвореніями. Въ словарѣ Новикова читаемъ: «Княгиня Дашкова... писала стихи; изъ нихъ нѣкоторые, весьма изрядные, напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи: «Невинное упражненіе», 1763 г., въ Москвѣ. Впрочемъ, она почитается за одну изъ ученыхъ россійскихъ дамъ и любительницу свободныхъ наукъ». («Опытъ историч. словаря о росс. писат.» Нов. 1772 г., стр. 55).

(59) Въ «Запискахъ» своихъ кн. Дашкова говоритъ: «Бель, Монтескье, Буало и Вольтеръ были изъ числа любимыхъ моихъ писателей. Позднія занятія и расположеніе духа, происшедшее отъ такого изнуренія, произвели во мнѣ слабость и болѣзненные признаки, возбудившіе опасеніе моего почтеннаго дяди». Докторъ Бурхавъ сказалъ, что болѣзнь происходитъ отъ безпокойства духа, и вслѣдствіе того—говоритъ княгиня—«я подверглась тысячѣ распросовъ,—однакожъ, не сказала истины. Въ то время, какъ я приписывала свой блѣдный и истощенный видъ слабости нервовъ и головнымъ болямъ, умъ мой ежедневно крѣпнулъ и оживлялся отъ постояннаго упражненія». (См. «Москв.» 1842 г., № 1, стр. 101—2, Матеріалы). Такого рода чтеніе, конечно, обѣщало самое богатое развитіе и совсѣмъ не походило на то безсознательное пристрастіе къ французамъ, надъ которымъ такъ много смѣялся «Собесѣдникъ». Касательно любознательности княгини Дашковой можно привести еще слѣдующую замѣтку: «Съ самыхъ раннихъ лѣтъ—говоритъ она—политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ; я разспрашивала каждаго иностранца о его отечествѣ, формѣ правленія и законахъ, и сравненія, къ которымъ часто вели ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать» (см. «Москв.», Ibid.).

(60) Кто знакомъ съ литературою того времени, тотъ не станетъ, конечно, требовать подтвержденія этихъ словъ. Для незнакомыхъ же достаточно привести хоть заглавія нѣкоторыхъ книгъ, выходившихъ въ то время, — напр.: «Гермель или можетъ ли добродѣтельная жена совершенно положиться на постоянство своего мужа?» переводъ съ французскаго, Спб., 1783 г.; «Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки, или лабиринтъ женскихъ коварствъ», Спб., 1794 г.; «Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, или смѣшныя проказы трехъ красавицъ, чинимыя надъ простосердечными ихъ супругами, нравственное и счастливое твореніе», Спб., 1794 г.; «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами продажными изображены и сравнены Правдолюбомъ», Спб., 1799 г.,—и т. д. Такихъ и еще болѣе курьезныхъ и безцеремонныхъ книгъ выходило въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія чрезвычайно много. Нельзя не замѣтить, что здѣсь всегда виденъ шутливый взглядъ на предметъ, тогда какъ съ начала нынѣшняго вѣка является уже болѣе трагическій элементъ въ самыхъ заглавіяхъ, какъ, напримѣръ: «Мщеніе оскорбленной женщины, или ужасный урокъ для развратителей невинности», «Москв.,» 1803 г.; «Жертва супружескаго тщеславія или бѣдствія, отъ чрезмѣрной любви происходящія», М., 1809 г., и т. д.

(61) Чтобы не ходить далеко, укажемъ только на ходъ нашей комедіи. Не говоря о фонъ-Визинѣ и Капнистѣ, даже второстепенные, слабые дѣятели на этомъ попрощѣ въ прошломъ столѣтіи умѣли затрагивать живые общественные вопросы. Вспомнимъ «Опекуна» и «Лихоимца» Сумарокова, «Вояжера» Ефимьева, «Несчастіе отъ кареты» Княжнина, и т. п. А нынѣ при бо́льшихъ средствахъ и талантахъ, при бо́льшемъ кругѣ дѣйствія, что же дѣлаетъ комедія? пробавляется картежниками, шулерами, вертопрахами, женящимися на богатыхъ купчихахъ, отцами, насильно отдающими дочерей замужъ, женами, обманывающими мужей, и т. д., всѣмъ, надъ чѣмъ уже давно притупили свое остроуміе комики всѣхъ народовъ. Правда, нельзя съ грустью не вспомнить и того, сколько грубыхъ порицаній и злобныхъ обвиненій въ наше время навлекъ на себя писатель, осмѣлившійся поднять даже ничтожный кончикъ занавѣсы, подъ которой скрываются пороки общества, да еще перенесшій ихъ въ дальній уѣздный городъ...

(62) Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовали полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ ученію. «Собесѣдникъ» первый началъ настойчивое ихъ преслѣдованіе; вообще же противъ нихъ возстали у насъ только послѣ 1789 г. Тогда уже начали появляться насмѣшливыя и ругательныя брошюрки, въ которыхъ доставалось, разумѣется, особенно Вольтеру,—таковы, напр., «Заблужденія Вольтеровы», 1793 г.,

«Изобличенный Вольтеръ», 1782 г., «Ахъ, какъ вы глупы, гг. французы!» 1793 г., и пр.

(63) Равнодушіе публики тогдашней не находитъ себѣ оправданія даже въ дороговизнѣ книгъ, которыя, сравнительно, были тогда очень недороги. Такъ, напр., по объявленію въ «Спб. Вѣдомостяхъ» тѣхъ годовъ «Душенька» продавалась по 1 р. 10 к. асс., сочиненія Ломоносова—3 р., сочиненія Сумарокова—17 р., «Росславъ», траг. Княжнина—60 к., «Вильгельмина», поэма—35 к., «Сказка о царевичѣ Хлорѣ»—15 к., «О царевичѣ Февеѣ»—8 к. Журналы тоже не были дороги: такъ, «Живописецъ» Новикова стоилъ 2 р. асс., «Вечерняя Заря» 4 р. все изданіе.

(64) Статья «Собесѣдника» заимствована, конечно, изъ «Письмовника», первое изданіе котораго, подъ именемъ «Универсальной Грамматики», вышло еще въ 1769 г. Тамъ статья эта носитъ названіе: «Повѣсть о томъ, какъ нѣкоего юношу друзья его увѣрили, что онъ ослѣпъ». Помѣщена она (см. пятое изд., 1793 г.) тамъ подъ № 234, тотчасъ послѣ знаменитой въ свое время «Потѣшной повѣсти о педантѣ», которая одна даже могла бы дать понятіе о нравахъ того общества, въ которомъ печатались и имѣли успѣхъ подобныя вещи.

(65) Мы никакъ не осмѣлились бы пропустить безъ вниманія правописаніе «Собесѣдника», если бы только было въ немъ какое-нибудь правописаніе. Къ величайшему нашему сожалѣнію, мы нашли въ немъ только непослѣдовательность и непостоянство въ образѣ написанія даже однихъ и тѣхъ же словъ. Иногда, напр., *океанъ, генералъ, грамматика*, пишутся съ большой буквы, иногда съ маленькой; одинъ разъ встрѣчаете *желѣзо, терпѣть*, а въ другой *жѣлезо, тѣрпѣть*, и т. п. Конечно, мы могли бы послѣдовать здѣсь примѣру издателя, тщательно собравшаго въ своихъ примѣчаніяхъ орѳографическія ошибки Пушкина, но боимся употреблять во зло терпѣніе читателей.

(66) Въ «Запискахъ о Екатеринѣ Великой» статсъ-секретаря Грибовскаго (М. 1847 г.) проводятся слѣдующія слова, сказанныя ему императрицей: «Ты не смѣйся надъ моею русскою орѳографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». «Впрочемъ—замѣчаетъ Грибовскій—государыня говорила по-русски *довольно чисто* и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала» («Зап.» Гриб., стр. 41).

(67) Чтобы оцѣнить эти грамматическіе труды, нужно принять въ соображеніе то, что тогда еще у насъ существовали всего только двѣ русскія грамматики: Ломоносова (1755 г.) и Барсова (1771 г.), и что изслѣдованія о языкѣ пришли въ движеніе только послѣ учрежденія Россійской Академіи, хотя, собственно, академическая грамматика явилась уже въ 1802 г.

(68) Произведенія, имѣющія какую-нибудь подпись въ «Собесѣдникѣ», указаны въ прим. 32 и 38. Неподписанныя же статьи, названныя здѣсь, помѣщены въ слѣдующихъ книжкахъ «Собесѣдника»: «Сокращеніе катихизиса честнаго человѣка» кн. I, ст. VI «Письмо къ Капнисту» (ib., ст. XIV); «Обѣщать и исполнить суть два дѣла разныя», (кн. II, ст. X); «Объ истинномъ благополучіи», (кн. III, ст. III); «Письмо изъ Карасубазара», (кн. VII, ст. II); «Путешествующіе» (кн. XI), ст. IX; «Нѣчто изъ Англинскаго зрителя» (кн. XVI, ст. III). Кромѣ того, не подписаны многія письма къ издателямъ. Остальныя изъ неподписанныхъ статей указаны въ самомъ текстѣ.

(69) Имени В. Жукова мы нигдѣ болѣе не встрѣчали. Въ Росписи Смирдина у Сопикова есть Матвѣй и Петръ Жуковы; но Василій нигдѣ не упоминается. Въ старинныхъ журналахъ тоже не попадалось намъ этого имени.

(70) Изъ писателей того времени мы не знаемъ ни одного, въ фамиліи котораго могли бы умѣститься эти буквы. Только у Новикова находимъ упоминаніе о Николаѣ Раздеришинѣ, который, «будучи въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ», писалъ разныя стихотворенія, по большей части сатирическія, въ которыхъ весьма много соли, остроты и хорошихъ замысловъ; но они не напечатаны». «Нынѣ – прибавляетъ «Словарь» (1772)—онъ оберъ-офицеромъ въ арміи» («Слов.», стр. 186). Можетъ быть, ему принадлежатъ стихотворенія, подписанныя въ «Собесѣдникѣ» Р—Д—Н; но, во всякомъ случаѣ, не имѣя возможности сличить ихъ съ произведеніями Раздеришина, не можемъ сдѣлать никакого положительнаго заключенія.

(71) Изъ извѣстныхъ намъ писателей того времени подпись Др. можетъ принадлежать троимъ: С. Друковцову, кромѣ хозяйственныхъ своихъ изданій напечатавшему: «Бабушкины сказки», въ 1778 г., и «Сова, ночная птица», 1779 г.; Дружерукову, извѣстному «Разговоромъ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ», 1787 г., и Я. А. Дружинину, переводившему шестую часть Анахарисова путешествія изъ Виланда – «Пиѳагоровыхъ учениковъ», 1794 г. Всѣ эти лица, конечно, могли писать стихи въ 1783 г., но дѣйствительно ли писали, этого сказать не можемъ.

(72) По указанію митрополита Евгенія, А. С. Хвостовъ написалъ шутливую «Оду къ безсмертію». Вѣроятно, эта самая ода и помѣщена въ «Собесѣдникѣ»; по крайней мѣрѣ, другой мы не знаемъ. Изъ другихъ литературныхъ трудовъ А. С. Хвостова извѣстны: переводъ комедій Теренція (1777), перев. статьи о Португаліи, изъ Бюшинговой «Всеобщей географіи» (1774), и собственная комедія «Любовные оборотни» (1770). Но всего болѣе, по свидѣтельству князя Вяземскаго (Фонъ-Визинъ, въ прилож.), митрополита Евгенія («Словарь св. пис.», Хвостовъ), Аксакова («Семейн. хрон.», Шишковъ), А. С. Хвостовъ извѣстенъ былъ своимъ остроуміемъ.

(73) Кромѣ этихъ твореній Пав. Икосовъ написалъ еще достойныя его имени творенія: «Письмо похвальное пуншу», 1789 г., и дивирамбъ «Изображеніе ужасныхъ дѣяній французской необузданности, или плачевная кончина царственнаго мученика Людовика XVI», 1793 г.

(74) Неподписанныхъ и принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ стихотвореній въ «Собесѣдникѣ» было довольно много. Вотъ ихъ перечень: 1) идиллія «Вечеръ 1780 г., ноября 8» (кн. I, ст. V); 2) двѣ эпиграммы (ib., ст. XXV); 3) «Гоноръ и Сальмира» (кн. II, ст. V); 4) «Посланіе къ г. Чудихину» (ib., ст. IX); 5) «Стихи, присланные отъ неизвѣстнаго» (ib., ст. XII); 6) «Городская жизнь, подраж. нѣмецкому» (ib., X, ст. IV); 7) эпиграммы, 3 (кн. III, ст. V); 8) «Ода на злато» (ib., ст. XI); 9) «Новыя чудеса» (кн. IV, ст. I); 10) «Тирсисъ и роза» (ib., ст. IV); 11) «Отвѣтъ на вопросъ: что есть піитъ» (ib., ст. VII); 12) «Дружеская пѣсня» (ib., ст. VIII); 13) эпиграммы,—4 (одна Дмитріева) (ib., ст. IX); 14) басня «Неравенъ путь къ возвышенію» (кн. VI, ст. X); 15) «Сонъ» (ib., ст. XIV); 16) басня «Зазнавшаяся мартышка» (кн. VII, ст. IV); 17) «Хоръ на аллегорич. изображеніе Россіи садомъ» (ib., ст. XVI)

18) «Стихи къ самому себѣ» (ib., ст. XVII); 19) «На отъѣздъ любовницы» (ib., ст. XVIII); 20) басня «Заслуги свои часто измѣряемъ несправедливо» (кн. VII, ст. VII); 21) «Слава» (кн. IX, ст. I); 22) эпиграммы,—3 (кн. IX, ст. III); 23) «На сочиненіе Финтакова» эпигр. (ib., ст. VII); 24) «Ея величеству Екатеринѣ II» (кн. X, ст. I); 25) мадригалъ (ib., ст. III); 26) «Стихи, присланные изъ Владиміра» (ib., ст. XVI); 27) Эпитафія, присланная изъ Владиміра (Р. И. Воронцову, отцу княгини Дашковой (ib., ст. XVII); 28) «Притча» (кн. XI, ст. XII); 29) «Превращеніе форели» (ib., ст. VIII); 30) «Счастье» (ib., ст. XII); 31) «Бесѣда первая» (ib., ст. XIII); и 32) вторая (кн. XIII, ст. III); 33) «Фебъ, Палемонъ и Дафнисъ» (кн XI, ст. XV); 34) «Эпиграмма на Глупонова» (ib., ст. XVIII); 35) «Къ шатру моему» (кн. XII, ст. III); 36) «Стихи на разлуку» (ib., ст. IV); 37) эпиграмма (ib., ст. VI); 38) «Надгробная женѣ отъ ея мужа» (ib., ст. VIII); 39) эпиграмма (ib., ст. IX); 40) «Старое и новое время» (кн. XIII, ст. V); 41) «Эпитафія мудрецу» (кн. XV, ст. III); 42) мадригалъ (ib., ст. VII); 43) «Весна» (кн. XVI, ст. II); «Подражаніе французскимъ стихамъ на заданныя риѳмы» (ib., ст. VI); 45) «Сновидѣніе», сказка (ib., ст. IX); 46) эпиграмма (ib., ст. XI).

---

39. Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи.

Спб. 1856.

Актъ девятаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института, 21 іюня 1856.

Спб. 1856.

Напечатано въ VIII книжкѣ «Современника» 1856 г. (ценз. 31 іюля).

По тонкости ироніи и юмора эта статья одна изъ самыхъ замѣтныхъ. Добролюбову настолько тонко удалось провести и цензуру, что она не нашла возможнымъ на что-нибудь наложить свою руку. Между тѣмъ, Некрасовъ «боясь, все-таки, что Давыдовъ будетъ жаловаться, спросилъ разрѣшенія у Щербатова (попечителя петербургскаго учебнаго округа и очень просвѣщеннаго предсѣдателя цензурнаго комитета—*М. Л.*); тотъ сказалъ очень просто: «Да помилуйте, въ чемъ же вы затрудняетесь? Печатайте смѣло; вѣдь это ужъ извѣстный негодяй» («Матеріалы», 314). Предложенія оправдались отчасти. Давыдовъ особенно заинтересовался личностью рецензента, не предполагая еще, что имъ можетъ быть Н. А. Къ цензору и въ редакцію присылали спросить и, ничего не узнавъ, свалили вину на Чернышевскаго и «его успѣли даже очернить передъ министерствомъ» народнаго просвѣщенія (Юб. Сб. 308). По словамъ Чернышевскаго, эта статья доставила ему «безчисленныя овація» («Современ.» 1861, XI). Любопытно, что Пыпинъ считалъ эту статью Добролюбова первою въ «Современникѣ» (см. «Вѣст. Евр.» 1905, III, 25); припомнимъ здѣсь все сказанное раньше о его освѣдомленности въ отношеніи Добролюбова (см. замѣтку къ № 1).

М. Л.

Обѣ эти книжки изданы почти въ одно время и служатъ необходимымъ дополненіемъ одна другой. *Описаніе* представляетъ намъ состояніе Института во всѣхъ частяхъ его жизни и управленія. Актъ заключаетъ въ себѣ отчетъ объ учебной дѣятельности Института за истекшій академическій годъ и рѣчь профессора Лоренца, на латинскомъ языкѣ, *о томъ, съ какой цѣлію императоръ Николай учредилъ Педагогическій Институтъ.*

Педагогическій Институтъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, по тому вліянію, какое могутъ имѣть его воспитанники, всѣ дѣлающіеся учителями въ гимназіяхъ, на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Знанія, убѣжденія, направленіе, принятое ими, не остаются только ихъ достояніемъ, а передаются ими новому поколѣнію, идущему по слѣдамъ ихъ. Поэтому все, что касается Института, должно возбуждать живѣйшее любопытство во всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на изданныя нынѣ брошюры, изъ которыхъ можно получить довольно полное понятіе объ устройствѣ и значеніи Института.

Начнемъ съ рѣчи. Профессоръ Лоренцъ избралъ предметомъ ея чрезвычайно важный вопросъ и въ началѣ рѣчи прекрасно, хотя и кратко, обрисовываетъ дѣятельность Карла Великаго для распространенія образованности; затѣмъ, сравнивая съ нимъ въ Бозѣ

почивающаго государя императора Николая I-го, говоритъ о цѣли учрежденія Института и необходимѣйшихъ предметахъ общаго образованія. Хотя рѣчь профессора Лоренца, по обычаю сочиненій подобнаго рода, написана очень краснорѣчивымъ слогомъ, но, тѣмъ не менѣе, въ ней встрѣчается нѣсколько мыслей, въ которыхъ мы узнаемъ проницательный умъ историка, столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи. Говоря о цѣли учрежденія Института, г. Лоренцъ прекрасно выражаетъ ее въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: «Государь Императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и безплодныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству»(стр. 9).

Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство Института, свѣдѣнія о которомъ сообщаются въ «Описаніи» его. Строжайшій надзоръ и повѣрка всѣхъ дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйствовать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила Устава доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ; попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагу и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничиваются чтеніемъ лекцій, но постоянно обращаются къ учащимся съ вопросами и, по надлежащемъ съ ихъ стороны усвоеніи пройденныхъ предметовъ, заставляютъ самихъ студентовъ о нихъ объясняться» («Опис.» стр. 12). Учебными книгами студенты снабжаются «по требованію преподавателей и распоряженію инспектора» (стр. 20), а изъ неучебныхъ могутъ брать изъ библіотеки только «книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора, и не болѣе, какъ по одному сочиненію для каждаго изъ изучаемыхъ ими предметовъ» [1]) (стр. 21). Независимо отъ прочихъ преподавателей за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною учащихся имѣетъ еще инспекторъ (стр. 22). Весь день студентовъ распредѣленъ очень подробно. Вотъ что говоритъ «Описаніе» (стр. 23—4):

«Въ 7 часовъ утра студенты должны быть чисто, опрятно и по формѣ одѣты и собираются въ классныхъ комнатахъ *для приготовленія уроковъ*. Въ 8 часовъ они всѣ въ порядкѣ идутъ въ столовую на молитву и занимаютъ тамъ каждый опредѣленное мѣсто. Послѣ утреннихъ молитвъ читаются апостолъ и евангеліе, по положенію православной церкви, на церковнославянскомъ языкѣ. По окончаніи евангелія, студенты завтракаютъ. Въ 9 часовъ начинаются классы и продолжаются до 3 часовъ. *Въ классахъ студенты занимаютъ опредѣленныя мѣста, назначаемыя имъ по успѣхамъ и поведенію.* Въ 3 $^1/_4$ часа студенты обѣдаютъ за общимъ столомъ, *соблюдая благопристойность.* Во время стола *они могутъ говорить о предметахъ лекцій своихъ, безъ нарушенія общей тишины, со всею скромностію, отличающею людей образованныхъ.* Отъ 4 $^1/_2$ до 6 въ I и II курсахъ лекціи. Студенты старшихъ курсовъ употребляютъ это время *на самостоятельныя занятія и отдохновеніе*; въ младшихъ— студентамъ дается для отдохновенія одинъ часъ по окончаніи послѣ-обѣденной лекціи. *Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется въ свободное отъ занятій время, съ крайнею осмотрительностью, не иначе, какъ въ пріемной залѣ и, при томъ, всякій разъ съ разрѣшенія директора.* Въ 7 часовъ всѣ собираются въ классныхъ комнатахъ, *для повторенія и приготовленія уроковъ.* Въ 8$^1/_2$ часовъ ужинъ и потомъ вечерняя молитва. Послѣ вечерней молитвы и кратковременнаго отдохновенія, студенты занимаются приготовленіемъ своихъ уроковъ до 10$^1/_2$ часовъ и потомъ отправляются въ спальни, въ сопровожденіи своихъ надзирателей»...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только учебныя занятія студентовъ, или, какъ говоритъ «Описаніе», составленное г. Смирновымъ, *приготовленіе ими уроковъ*, но даже предметы ихъ разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и *самостоятельныя* занятія,—все опредѣляется Уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы не было упущеній во всемъ этомъ, «при студентахъ неотлучно находятся комнатные надзиратели, наблюдающіе неусыпно за всѣми ихъ дѣйствіями. Имъ помогаютъ въ этомъ *старшіе*, избираемые изъ отличныхъ студентовъ» («Опис.» стр. 23). Кромѣ того, старшій надзиратель наблюдаетъ надъ всѣми ихъ поступками и старается вселять въ нихъ чувства чести и добродѣтели, наблюдая, чтобы они возвращались во́-время съ прогулокъ и изъ отпусковъ и не оставались праздными въ назначенные для повторенія уроковъ и приготовленія къ классамъ часы (стр. 25—6).

---

[1]) Впрочемъ, на стр. 16 сказано, что для нѣкоторыхъ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованій по части филологіи и исторіи, студенты, по указанію профессоровъ, получали доступъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и въ Румянцевскій Музеумъ. Здѣсь, конечно, нужно разумѣть *доступъ* со стороны самого начальства Института, которое, безъ особеннаго указанія профессоровъ, не дозволяетъ студентамъ бывать въ Библіотекѣ и Музеѣ, но никакъ не со стороны начальства этихъ послѣднихъ учрежденій, которыя открываютъ доступъ къ своимъ сокровищамъ всѣмъ и каждому, безъ всякихъ особенныхъ ходатайствъ и указаній. *Прим. Д.*

«Директоръ также имѣетъ неусыпное попеченіе объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ поощренію прилежанія и благонравія» (стр. 7).

«Для поощренія же употребляются слѣдующія средства: 1) предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; 2) избраніе отличныхъ студентовъ въ старшіе (для надзора за товарищами); 3) похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора» (стр. 25).

Чтобы показать, до какой степени простирается предусмотрительность институтскаго начальства, выпишемъ еще нѣсколько статей изъ «Описанія». Студенты обязываются «въ дортуарахъ не отворять форточекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ и классныхъ залахъ не трогать лампъ и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ» (стр. 41). «Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, въ столовую, классы, или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы» (стр. 43). При встрѣчѣ съ высшими извѣстными лицами требуется соблюденіе должной учтивости, какъ это исполняется въ отношеніи къ начальникамъ и наставникамъ.

Изъ всего этого читатели могутъ видѣть, какъ ревностно стремится Педагогическій Институтъ къ своей цѣли. Вся исторія его служитъ тому подтвержденіемъ. Въ приложеніи къ «Описанію» напечатанъ алфавитный списокъ выпущенныхъ въ учебную службу изъ Института въ продолженіе 28 лѣтъ его существованія. Число ихъ простирается до 575, и между ними мы находимъ 10 именъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ или наукѣ (въ томъ числѣ г. Касторскій, двое гг. Лавровскихъ и г. Лешковъ). Но по службѣ студенты идутъ весьма счастливо: по указаніямъ г. Смирнова, уже болѣе 30 изъ нихъ занимаютъ мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій или штатныхъ смотрителей училищъ. Это можетъ служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что идеи строгой подчиненности и тщательнаго исполненія приказаній начальства особенно сильно вкореняются въ душахъ студентовъ и не оставляются ими и по выходѣ изъ заведенія, во все время ихъ службы.

Лежащій передъ нами *Актъ*, съ *напутственнымъ словомъ* директора Института, И. И. Давыдова, и благодарственною рѣчью одного изъ окончившихъ курсъ студентовъ, Александра Чистякова, подтверждаетъ ту же истину. Почтенный директоръ Института торжественно свидѣтельствуетъ здѣсь свою радость о томъ, что окончившіе курсъ студенты «готовы знаніями своими и вѣрною службою государю принести честь мѣсту своего воспитанія», и только опасается, чтобы они, лишаясь руководства наставниковъ и воспитателей, не ослѣпились пріобрѣтенною ими мудростію. Для избѣжанія этого онъ рекомендуетъ имъ, какъ лучшее средство, «сознаніе своей слабости и испрашиваніе помощи Всемогущаго», скрѣпляя свой совѣтъ назидательнымъ изреченіемъ одного учителя Церкви: «не надо знать, чтобы вѣровать, а должно вѣровать, дабы знать».

Студентъ Чистяковъ отвѣчалъ на это рѣчью, исполненною мыслей и чувствованій чисто отроческихъ и ученическихъ, какихъ, конечно, и слѣдовало ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, къ которой студенты не могутъ не чувствовать самой горячей признательности.

Этого уже было бы довольно, чтобы судить о высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ Главный Педагогическій Институтъ; въ помѣщенномъ «Актѣ» его мы находимъ объ этомъ свидѣтельства еще болѣе ясныя. Въ прошедшемъ году «Отчетъ» г. Смирнова заключался тѣмъ, что Институтъ *сдѣлалъ ощутительные успѣхи въ стремленіи къ предназначенной ему цѣли*; нынѣ же онъ достигъ полнаго совершенства, по единогласному свидѣтельству воспитателей и воспитанниковъ. Благодарственная рѣчь студента Чистякова называетъ Институтъ «*средоточіемъ умственной жизни*» и говоритъ, что здѣсь «всѣ потребности души были предупреждены и удовлетворены»: едва-ли хоть одно изъ нашихъ заведеній можетъ похвалиться подобнымъ совершенствомъ!

Отрадно слышать такое безпристрастное признаніе собственныхъ заслугъ, и еще отраднѣе видѣть, что оно вполнѣ подтверждается каждою строкою правдиваго и откровеннаго «Отчета». Послѣ всего этого справедливо можно надѣяться, что вышедшіе изъ Института сѣятели соберутъ обильную жатву на поприщѣ службы и гражданскаго благочинія.

Но, занявшись внутреннимъ устройствомъ Института и увлеченные горячимъ участіемъ къ его совершенствамъ, мы было позабыли сообщить факты о внѣшнемъ его состояніи. Спѣшимъ исправить свою вину, представляя цифры изъ «Отчета».

Число студентовъ въ Институтѣ нельзя опредѣлить съ точностью, потому что на стр. 5-й напечатано: «нынѣ состоятъ въ Институтѣ 107 студентовъ; изъ нихъ 27 окончившихъ полный курсъ и 81 продолжающихъ ученіе»—явная ошибка, для разрѣшенія которой мы сочли число студентовъ по приложенному тутъ же списку

(стр. 19—22); но тамъ оказалось продолжающихъ курсъ только 78. Такимъ образомъ, число студентовъ Института колеблется между 105, 107 и 108.

Въ теченіе года выбыло изъ Института 12 студентовъ. Причины этого безвременнаго выбытія не указаны.

Нынѣ кончившіе курсъ студенты пробыли въ Институтѣ пять лѣтъ (вслѣдствіе раздѣленія двухгодичныхъ курсовъ на годичные, въ прошломъ году), и послѣ этого 17 изъ нихъ выпущены старшими учителями гимназій, а 10 — младшими. Двое получили золотыя медали, 7 человѣкъ — серебряныя.

Большая часть изъ окончившихъ курсъ— въ «Отчетѣ» названо 19 студентовъ—представили диссертаціи для полученія степени. Изъ продолжающихъ курсъ, пять студентовъ тоже представили сочиненія, поименованныя въ «Отчетѣ».

Результатъ этихъ цифръ, конечно, не блестящъ, даже по сравненію съ прежними годами того же Педагогическаго Института; но еще разъ повторимъ, что все это съ избыткомъ замѣняется нравственными совершенствами, которыя такъ хорошо развиваются вышеуказанными *поощреніями* и *кондуитными списками*, имѣющими, по словамъ г. Смирнова, «рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студентовъ».

Во всякомъ случаѣ, обозрѣвъ общій характеръ устройства Института, мы имѣемъ полное право сказать, что онъ во всемъ остается вѣренъ мыслямъ, выраженнымъ въ этихъ словахъ его непосредственнаго начальника и руководителя: «мудрость земная не даетъ того, что озаряетъ путь жизни, часто омрачаемый страстями и заблужденіями. Не надобно знать, чтобъ вѣровать, а должно вѣровать, чтобъ знать».

---

40. Жалоба ребенка.

Мы уже знаемъ, какъ интересовались Давыдовъ и министерство народнаго просвѣщенія именемъ автора убійственной рецензіи объ изданіяхъ Педагогическаго Института (См. № 39). Чернышевскій справедливо считалъ, что «опасно было бы для Николая Александровича даже и совершенно невинное участіе въ журналѣ, помѣстившемъ эту рецензію», а потому онъ просилъ Добролюбова отложить до окончанія курса сотрудничество въ «Современникѣ», «какъ не тяжело было для насъ на цѣлый годъ лишать себя помощи такого товарища» («Современ.», 1861, XI). Разумѣется, Добролюбовъ понималъ всю справедливость опасеній и всю диктовавшую ихъ любовь къ нему своихъ будущихъ товарищей и безъ сопротивленія подчинился просьбѣ. Но легко сказать не писать,—а не сотрудничать въ «Современникѣ» значило для него уже и тогда не писать, потому что онъ принципіально не могъ сотрудничать въ «Отеч. Запискахъ» или «Библіотекѣ для Чтенія», издававшихся въ Петербургѣ, — гораздо труднѣе это исполнить при постоянной работѣ живого ума и любвеобильнаго сердца... Н. А. ушелъ въ чтеніе, въ бесѣды и въ такую область, которая диктовалась его сердечными, душевными переживаніями—въ поэзію. Читавшіе мой біографическій очеркъ уже знаютъ, какъ любовь къ женщинѣ волновала сердце Добролюбова... Онъ и отдалъ ей свое перо, перо поэта и переводчика. Гейне былъ его любимымъ поэтомъ, ему онъ и посвящалъ свой досугъ, если не имѣлъ какой-нибудь своей собственной поэтической темы. Въ этомъ направленіи онъ много работалъ, особенно въ январѣ и февралѣ 1857 года, пока не наступила экзаменная выпускная пора.

Почти всѣ стихотворенія этой полосы были напечатаны потомъ въ I кн. «Современника» 1862 г., кромѣ №№ 41, 46, 47, 82, напечатанныхъ впервые въ «собраніи»; № 42, 70, 77, 81—въ IX кн. «Совр.» 1858 г. и №№ 75 и 83, печатаемыхъ впервые здѣсь изъ тетрадей автора, по которымъ свѣрены и всѣ остальныя стихотворенія. Принадлежность всѣхъ приводимыхъ мною стиховъ Н. А. совершенно, такимъ образомъ, несомнѣнна.

Содержаніе ихъ очень разнообразно и, слѣдя за фактами біографіи, нетрудно догадаться, чѣмъ подсказывалось то или другое. Добролюбовъ былъ несомнѣнно награжденъ талантомъ поэта — это только подтверждается №№ 40, 41, 44, 46, 47, 49—68, 70, 71, 73—83.

Въ частности данное стихотвореніе имѣетъ значеніе для оцѣнки душевныхъ мукъ, испытываемыхъ человѣкомъ, съ боль-

шимъ трудомъ подчинявшимъ себя условностямъ общепринятой житейской фальши и дѣлавшимъ это очень и очень нечасто.

М. Л.

Для чего вы связали мнѣ руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Еще много носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей;
Вкругъ кипучей груди обовьется
Много, много губительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка пристрастный законъ, —
Предписанія модныхъ приличій...
Ими буду всю жизнь я стѣсненъ...

Дайте жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей груди вздохнуть!..
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

Авг. 1856 г.

---

41. Благодѣтель.

Стихотвореніе посвящено описанію тѣхъ душевныхъ и религіозныхъ переживаній, которыя наслаивались у автора до смерти матери, потомъ до смерти отца и, наконецъ, послѣ смерти отца до осени 1856 г., къ которой стихи и относятся. «Я проклиналъ довѣрчивость свою...» — въ этомъ тяжелая драма души, колизія ея съ разумомъ... И авторъ все еще не можетъ отказаться отъ желанія вѣрить: такъ глубоки впечатлѣнія дѣтства и юности.

М. Л.

Былъ у меня какой-то покровитель...
Всю жизнь мою его я не видалъ;
Но съ дѣтства убѣдилъ меня учитель,
Что онъ учиться мнѣ заочно помогалъ,
Что награждалъ меня за прилежанье,
Наказывалъ за шалости и лѣнь;
Что зналъ мои онъ мысли и желанья,
Что долженъ я ему молиться каждый день...
Молился я... Но сердце знать хотѣло
Того, кто втайнѣ былъ такъ добръ ко мнѣ,
Кто освящалъ собой начало дѣла
И помогалъ свершить его вполнѣ.
Однако, тщетно я искалъ его увидѣть,
Иль встрѣтить гдѣ-нибудь хоть слѣдъ его прямой...
Но, подозрѣніемъ боясь его обидѣть,
Я вѣрилъ все, что онъ хранитель мой...
И мысль о немъ была мнѣ утѣшеньемъ
Въ тревожномъ, пасмурномъ младенчествѣ моемъ.
Безсильный самъ, я думалъ съ наслажденьемъ,
Что сильный у меня хранитель есть во всемъ...
Прошли года невинности безпечной,
И горемъ жизни я испытанъ былъ...
Хранителя молилъ я съ вѣрою сердечной,
Чтобъ онъ меня въ страданьяхъ подкрѣпилъ.
Но онъ не шелъ... Когда же сердца раны
Отъ времени ужъ стали заживать,
Сказали мнѣ, что горестью нежданной
Хранитель мой хотѣлъ меня лишь испытать,
Что долженъ я къ нему съ любовью обратиться,
И счастье вновь въ награду дастъ мнѣ онъ.
Я сдѣлалъ такъ... Но лишь успѣлъ склониться,
Какъ новымъ былъ ударомъ пораженъ.
Тогда пришло печальное сомнѣнье.
Я звалъ далекаго хранителя къ себѣ,
Чтобъ доказалъ права свои на уваженье,
Чтобъ сохранилъ меня во внутренней борьбѣ.
Напрасно... Онъ не шелъ... Не внялъ онъ призыванью.
Я проклиналъ довѣрчивость свою...
Но до сихъ поръ въ тяжеломъ ожиданьи
На жизненномъ пути недвижно я стою.

Авг. 1856 г.

---

42. Бальзакъ.

Напечатано въ IX кн. «Современника» 1856 г. (ценз. 31 августа). Добролюбову принадлежитъ только небольшое предисловіе, все остальное — переводъ, который я потому и не привожу здѣсь.

М. Л.

Въ послѣднихъ книжкахъ «Revue de Paris» мы нашли прекрасную біографію Бальзака, написанную сестрою знаменитаго романиста Лаурою Сюрвиль, урожденною Бальзакъ. Особенно интересны эти воспоминанія, согрѣтыя истинною родственною любовью, потому что изображаютъ намъ въ Бальзакѣ именно тѣ основныя черты характера, которыя обнаруживаются только въ семейномъ кругу, только передъ самыми близкими людьми. Бальзакъ, подобно почти всѣмъ талантливымъ писателямъ, имѣлъ много завистниковъ и враговъ, былъ предметомъ ожесточенной клеветы. Люди, имѣющіе свой разсчетъ въ томъ, чтобы чернить характеры людей, таланта которыхъ не могутъ помрачить въ глазахъ публики, кричали о Бальзакѣ, какъ о легкомысленномъ и холодномъ эгоистѣ; читатели пасквилей, не знавшіе личности, противъ которой направлена была злоба, и не отгадавшіе низкихъ причинъ, направлявшихъ ее, часто вѣрятъ этимъ пустымъ выдумкамъ.

Намъ чрезвычайно пріятно было въ воспоминаніяхъ сестры Бальзака найти новое подтвержденіе той истины, которая извѣстна по опыту каждому, кого случай ставилъ въ близкія отношенія съ истинно талантливыми писателями: обыкновенно сердце этихъ людей таково, что заставляетъ или любить, или уважать ихъ какъ людей: поэзія едва ли можетъ жить въ дурномъ сердцѣ. Г-жа Сюрвиль не скрываетъ слабостей своего брата; она говоритъ о нихъ съ благородною откровенностью, справедливо будучи увѣрена, что прекрасными качествами души ея брата слишкомъ достаточно вознаграждались эти ничтожные недостатки его. Но въ каждой строкѣ ея воспоминаній вы видите отраженіе той нѣжной дружбы къ покойному брату, которую внушаютъ къ себѣ только люди истинно превосходные по душѣ; каждый фактъ убѣждаетъ васъ въ томъ, что Бальзакъ-человѣкъ заслуживалъ такого же уваженія, какъ и Бальзакъ-писатель. О жизни Бальзака у насъ почти ничего не было писано; отъ времени до времени повторялись только жалкіе анекдоты о его причудахъ, о томъ, что у него была цѣлая коллекція тростей, о томъ, какъ онъ тратилъ деньги на фантастическое украшеніе своего загороднаго домика въ Жарди, и т. п. Поэтому переводимъ біографію, написанную г-жею Сюрвиль, опуская нѣкоторые эпизоды, служащіе только отвѣтомъ на разныя выходки французскихъ фельетонистовъ; выходки эти почти неизвѣстны нашей публикѣ, потому и разсужденія по поводу ихъ имѣли бы у насъ мало интереса.

Въ заключеніе біографіи мы, для дополненія и повѣрки той характеристики, которую представляетъ сестра, приводимъ относящійся къ Бальзаку отрывокъ изъ мемуаровъ г-жи Дюдеванъ, дружбу которой Бальзакъ высоко цѣнилъ, какъ говоритъ его сестра.

---

43. На коронацію.

Въ дневникѣ 1856 г. Добролюбовъ указываетъ на это свое стихотвореніе. Найти его полный текстъ мнѣ не удалось. Со словъ Шемановскаго извѣстны только первые пять стиховъ, но ихъ напечатать невозможно по цензурнымъ условіямъ.

Стихотвореніе это написано послѣ того, какъ Н. А. прочелъ въ газетахъ («СПБ. Вѣдомости» №№ 201 и 217) объ обѣдѣ, устроенномъ 36 литераторами въ Москвѣ, въ гостиницѣ Шевалье. Пріятно пораженные милостями, разсыпанными въ коронаціонномъ манифестѣ, московскіе литераторы излили свои чувства въ рядѣ рѣчей, гдѣ восторгались Александромъ II.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела

рѣчь стараго литератора, Н. Ф. Павлова, при Николаѣ I считавшагося даже неблагонамѣреннымъ. Рѣчь его, дѣйствительно, очень характерна для иллюстраціи настроенія тогдашняго либеральнаго общества, котораго Н. А. вовсе не раздѣлялъ. Вотъ она:

«Господа! въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бы такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужого жилища, — это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка: у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостна жизнь, если не разберешь — что велитъ долгъ и что внушаетъ любовь. Скажите, разобрались ли вы, чѣмъ недавно: чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабвенныхъ словахъ: *отпѣтить*, *простить*, *возвратить*. И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ!

«Поднимемте же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца наши бокалы во здравіе и во славу того, чье высокое имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: *отпѣтить, простить*, *возвратить*; за кого въ эту минуту бѣжитъ еврей изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; о комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сына; кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное, благородное чувство; кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; кто повелѣлъ растворить двери университетовъ; кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; кто въ просвѣщенной благости вспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи».

Такъ были настроены либералы коронаціоннымъ манифестомъ 26 августа 1856 г....

М. Л.

---

44. * * *

Когда, среди зимы холодной,
Лишенный средствъ, почти безъ силъ,
Больной, озябшій и голодный,
Я пышный городъ проходилъ;

Когда чуть не былъ я задавленъ
Четверкой кровныхъ рысаковъ
И былъ на улицѣ оставленъ,
Для назиданія глупцовъ;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присѣлъ я гдѣ-то на крыльцо,
А въ уши вѣтеръ дулъ сердито,
И мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо,—

О, сколько вырвалось проклятій,
Какая бѣшеная злость
Во мнѣ кипѣла противъ братій,
Которымъ счастливо жилось

Средь этой роскоши безумной,
И для которыхъ — брата стонъ
Веселымъ бѣгомъ жизни шумной
И звономъ денегъ заглушенъ.

...Но пронеслись несчастій годы
И, гордо мчась по мостовой,
Я радъ теперь, коль пѣшехода
Кнутомъ задѣнетъ кучеръ мой.

Сент. 1856 г.

---

45. (Отвѣтъ А. Д. Галахову).

Напечатано въ XI кн. «Современника» 1856 г. (ценз. 2 ноября).

Статья Добролюбова о «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» (см. № 38) была, разумѣется, весьма непріятна всѣмъ, чью «критическую» работу авторъ поставилъ на надлежащее мѣсто. Громче и злѣе всѣхъ реагировали «Отечественныя Записки». Не удовольствовавшись четырьмя редакціонными страничками, онѣ выступили противъ Добролюбова съ большой статьей одного изъ «развѣнчанныхъ»—А. Д. Галахова—«Были и Небылицы, сочиненіе императрицы Екатерины Второй» («Отечественныя Записки», 1856, X). Галаховъ сдѣлалъ всѣ усилія надъ собой, чтобы, доказывая всю серьезность шутокъ Екатерины, воздержаться отъ какихъ бы то ни было рѣзкихъ выходокъ по адресу Добролюбова. Редакція, наоборотъ, взявъ подъ свою защиту обиженныхъ библіографовъ, по пути колола и «Современникъ» и Лайбова. Она уже умалчиваетъ о томъ, насколько «эта игривая характеристика библіографическихъ трудовъ прилична „Современнику“,—журналу, который былъ украшенъ статьями о Дельвигѣ г. Гаевскаго» и т. п. Она не беретъ на себя «и защиты библіографическаго направленія критики,—направленія полезнаго, необходимаго, *даже* достойнаго уваженія, по собственному сознанію г. Лайбова». «Историко-литературные труды нѣмцевъ, англичанъ и французовъ показали намъ все богатство и разумность ихъ работъ, всю бѣдность и безразсудность нашихъ». Она убѣждена, что дѣло надобно «начинать съ начала, то-есть съ фактовъ, а не съ конца, то-есть съ результатовъ, которые безъ фактовъ способны тѣшить празднословное невѣжество или невѣжественное празднословіе и обращаются въ фабрикацію мыльныхъ пузырей». А потому она скажетъ всякому, не желающему ожидать достаточнаго накопленія фактовъ: «пишите, если угодно... вмѣсто твердаго историческаго храма вы построите изъ высшихъ взглядовъ и общихъ выводовъ карточный домикъ, который разсыплется наповалъ отъ перваго прикосновенія одного факта». Вотъ почему «статьѣ г. Лайбова угрожаетъ именно подобная опасность». При этомъ надо замѣтить, что подобная выходка была напечатана рядомъ съ двумя другими замѣтками по адресу «Современника»: одна по поводу полныхъ именъ живыхъ лицъ въ «Очеркахъ гоголевскаго періода» Чернышевскаго, другая—о состоявшемся соглашеніи Григоровича, Островскаго, Толстого и Тургенева съ редакціей «Совр.» о преимущественномъ правѣ его на ихъ новыя произведенія. Весь этотъ залпъ по «Современнику» былъ данъ старымъ пушкаремъ, Краевскимъ какъ разъ во-время, насколько онъ могъ понимать: въ самомъ началѣ подписки на 1857 годъ...

Отвѣтомъ на статью Галахова и является настоящая ему отповѣдь Добролюбова, включенная въ «Замѣтки о журналахъ» Чернышевскаго, которыя она заканчиваетъ. Чернышевскій предпослалъ ей слѣдующія строки: «Вражда «Отеч. Записокъ» къ «Современнику» вводитъ ихъ въ ошибки, пагубныя для нихъ. Новое подтвержденіе тому представляетъ помѣщенная въ октябрьской книжкѣ статья г. Галахова «Были и Небылицы», направленная противъ изслѣдованія г. Лайбова о «Собесѣдникѣ Люб. Рос. Слова». Не можемъ оставить безъ отвѣта этой страшно длинной выходки. Статья г. Галахова имѣетъ ученую наружность: она снабжена 153 цитатами, преимущественно изъ смирдинскаго изданія «Сочиненій импер. Екатерины II» и «Сочиненій Державина» (стр. 169—170). Отповѣдь написана очень кратко, но сильно и ядовито. Она настолько была мѣтко пущена, что «заставила А. Д. Галахова стыдиться: всѣ—говоритъ Чернышевскій—хохотали надъ нимъ; онъ сталъ заискивать милости Добролюбова, познакомился съ нимъ, сталъ оказывать услуги ему» («Матеріалы», 439).

Кончились «Замѣтки» тоже словами Чернышевскаго: «Теперь спросимъ: выигралъ ли г. Галаховъ, вызвавъ насъ на этотъ отвѣтъ? Не выиграла ли, напротивъ, статья г. Лайбова отъ его неудачныхъ нападеній, и какого результата достигли «Отеч. Записки» помѣщеніемъ статьи г. Галахова»?

М. Л.

Г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, которыхъ цѣль—«доказать односторонность или невѣрность выводовъ», заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова въ «Современникѣ» и относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже пріобрѣсти громкую

извѣстность—какъ между учащимися — своею хрестоматіею и разными статейками, такъ и между учеными—[наивнымъ] признаніемъ, что въ составленіи своей хрестоматіи [(и, вѣроятно, своихъ статеекъ)] онъ руководствовался «Чтеніями о словесности», г. [Ивана] Давыдова (См. «Отеч. Зап.» 1843 г., № 7). [(Что, впрочемъ, и весьма замѣтно, какъ въ хрестоматіи, такъ и въ статейкахъ). Когда такой ветеранъ литературы возвышаетъ голосъ, то люди неизвѣстные должны кланяться и благодарить, и, конечно, г. Лайбовъ не будетъ препираться съ тѣмъ, кто въ своихъ понятіяхъ сходится съ понятіями автора «Чтеній о словесности». Но, смотря на дѣло со стороны, нельзя не пожалѣть о г. Галаховѣ, который рѣшительно погубилъ свой трудъ даромъ, отчасти сражаясь съ вѣтряными мельницами, отчасти стараясь свить веревку изъ песку. Надѣюсь, что редакція «Современника» не откажется помѣстить нѣсколько моихъ замѣтокъ объ этомъ дѣлѣ, замѣтокъ человѣка, совершенно равнодушнаго къ личностямъ обоихъ авторовъ, между которыми зашелъ споръ о «Быляхъ и Небылицахъ»].

Г. Галаховъ прежде всего выбралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣсколько строкъ, съ шести страницъ, оставивши въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. (Методъ, за употребленіе котораго всегда хвалили «Отеч. Записки» добросовѣстныхъ своихъ оппонентовъ «Сѣв. Пчелы»). Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣдуетъ 10 страницъ о стараніяхъ императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣріи и тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ фонъ-Визина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, и изъ всего разсужденія выводится, что «Были и Небылицы»—истинная характеристика тогдашняго общества, и что на нихъ можно смотрѣть, какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II *до* и *послѣ* 1783 года...

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій императрицы, изъ «Наказа», изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣріе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* замѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтряными мельницами. Пріемъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ если бы мы, стараясь доказать, что, наприм., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Данте, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр., и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Ганца Кюхельгартена» и «Италію»,—тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галахова разсуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ, мы видимъ много невѣрнаго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣлъ на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову*. Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемоніи—*безсмысленными* («От. Зап.» 1856 г., № 10. Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки ея считались, по своей важности и серьезности, равными «Наказу». Слава ея не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь выказывала она сама. Если бы ея произведенія были дурны, и тогда она бы потребовала, чтобы ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе могла бы она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи—и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенныя имъ,

должны непремѣнно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно такъ же *отдыхомъ* для Екатерины, какъ для Петра—точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно-ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно-ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и—если это литературное произведеніе—что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ»? Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлены въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣритъ разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки, и изъ этого, будто бы, выводитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ, какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выписаны слова: «и это не иронія», и пр., а въ подлинникѣ они относятся совсѣмъ не къ тому. Въ подлинникѣ сказано, когда кто-то въ письмѣ просилъ автора «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ, что перемытаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № 8, стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьезное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современника») все писано какъ бы импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое.

Точно также опрометчиво поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей выпискѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предыдущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ и пр. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что большая часть этихъ описаній характеровъ, съ намеками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго въ мимолетныхъ, случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и, какъ нельзя лучше, соглашается съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьезной сатиры, а были просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьезныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочитавъ выписку, думаешь, что Г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ гордо обѣщался опровергнуть выводы, представленные имъ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Возстаетъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаются въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія императрицы, явившіяся и прежде, и послѣ «Былей и Небылицъ», и ея правительственные уставы и учрежденія, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе,—вопреки заключенію г. Лайбова,*—что «Были и Небылицы»—живая и мѣткая сатира. Но то же самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *вѣроятно, мѣткая* и живая; но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очень немногія и то не важнѣйшія. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ, чтобы обнять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселый часъ, во время отдыха, а не съ серьезной цѣлью. Авторъ отказался описать *мздоимца* и *ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческаго тщеславія;* равнымъ образомъ, ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили намъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, подслуживанье и выслуживанье предъ высшими, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при умолчаніи объ этихъ недостаткахъ, вышла бы плохая *характеристика* общества, и еслибъ императрица хотѣла писать *характеристику*, она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вниманія, нежели на все остальное. Недо-

статки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ же «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщены «Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ во второй статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти тоже, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляетъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отыскалъ г. Галаховъ въ «Быляхъ»,—черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ ненужными выписками изъ комедій императрицы и пр. то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стоитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № VIII «Современника», и каждый увидитъ, что г. Галаховъ ничего сколько-нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ... Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, нелюбящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр... авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому, противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ»... Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ «Полнаго Собранія Законовъ», изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета» и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки—дѣло совсѣмъ нетрудное. Г. Лайбовъ, конечно, сумѣлъ бы надѣлать ихъ не менѣе г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирдинское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ три и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не въ правѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не объ общемъ характерѣ литературы. Если бъ онъ писалъ статью о «нравахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда, конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, *о чемъ* онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснить вопросъ вполнѣ, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными, и съ произведеніями словесности». Онъ говоритъ, что «нельзя оградить себя однѣми «Былями», что нужно начать издалека»... И все это для чего же? *Для того, чтобы доказать*, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтіи пристрастіе къ французскому воспитанію, что, дѣйствительно, были суевѣрія, были масонскія общества, что точно были люди, не плативше долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшенное. Ваша задача должна состоятъ только въ томъ, чтобы показать, *что* и *какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда вывелъ г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему г. Галаховъ отвергаетъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящимъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ, и въ воспоминаніяхъ современниковъ, — этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смерть Мещерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Га-

лахова о тогдашнемъ воспитаніи. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ», № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовали полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*». Хотя передъ этимъ ничего не говорилось о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о фонъ-Визинѣ, и о сатирическихъ журналахъ 1769—74 гг. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ могъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ вникнуть въ истинный смыслъ и духъ того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто офиціальная бумага — такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ и объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добраться до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учрежденій и предписаній о воспитаніи въ Россіи» (Спб., 1789 г.), совсѣмъ не трудно сообразить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Саншеса*, *Гюма*, *Монтаня*, припоминаются мнѣнія *Ришелье*, помѣщаются *вегеціевы* наставленія; указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *Датскаго* королевства; для пополненія и разъясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, высказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ офиціальной рѣчи Сумарокова на открытіе академіи художествъ (стр. 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть-де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что онъ робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ—оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» («Семена Порошина Записки», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и офиціальнымъ представленіемъ его: не худо г. Галахову замѣтить эту разницу.

---

46. Поэту.

Снова тучи сгустились на небѣ ночномъ,
Звѣздъ и мѣсяца свѣтъ помрачили,
Снова вѣтеръ завылъ, загремѣлъ въ небѣ громъ,
И глаза всѣ отъ страха закрыли.

Но не бойся: пронесся давно ураганъ,
И тяжелая ночь ужъ проходитъ.
Тамъ, далеко, за моремъ, прорѣзавъ туманъ,
Лучезарное солнце восходитъ...

Яркій свѣтъ упадетъ, и сквозь мракъ густыхъ тучъ
На глаза отягченныхъ дремою,
И, людей разбудивши, живительный лучъ
Ихъ подниметъ на дѣло благое...

Ноябрь 1856 г.

47-а. Встрѣча.

Въ лохмотьяхъ, худенькій, болѣзненный и блѣдный,
Дрожа отъ холода, съ заплаканнымъ лицомъ,
На улицѣ меня разъ встрѣтилъ мальчикъ бѣдный
И сжалиться надъ нимъ молилъ меня Христомъ.

«Насъ пятеро дѣтей; отецъ взятъ въ ополченье,
«И при смерти лежитъ больная наша мать...
«Съ квартиры гонятъ насъ, нѣтъ денегъ на лѣченье,
«И намъ приходится по суткамъ голодать»...

Горѣлъ я, слушая... Облилось сердце кровью,
Но—пособить ничѣмъ не могъ я ихъ судьбѣ...
Ребенка я ласкалъ съ тоскою и любовью,
И мрачно думалъ я—о немъ и о себѣ...

А противъ насъ—сіялъ веселыми огнями
Роскошно-убранный, великолѣпный домъ...
Виднѣлась зала въ немъ съ зелеными столами,
И бальной музыки къ намъ доносился громъ...

Дек. 1856 г.

47-б. Нѣчто о дидактизмѣ въ повѣстяхъ и романахъ.

Найдено мною въ рукописи въ бумагахъ Литературнаго Фонда. Сочиненіе это писано въ концѣ 1856 года, въ то время, когда, вполнѣ раздѣливъ убѣжденія Чернышевскаго, высказанныя имъ въ «Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности», Добролюбову, повидимому, самому захотѣлось выразить ихъ. Статья не-закончена, но характерна для автора, горячо примкнувшаго къ своему будущему другу.

М. Л.

48. „Стихотворенія А. А. Фета“.

Статья *В. Боткина* («Современникъ» 1857, I).

Въ дневникѣ подъ 14 января 1857 года Добролюбовъ записалъ: «Говорятъ, Боткинъ отличается особеннымъ сладострастіемъ. Этого не подумаешь, читая его туманныя разсужденія о музыкѣ и чистомъ искусствѣ... За послѣднюю статью о Фетѣ надобно отдѣлать его. Я думаю, Краевскій помѣститъ съ удовольствіемъ. А статья весьма глупа» («Юб. Сбор.», 309). 17 января:—«Я зашелъ въ контору «Отеч. Записокъ», отдалъ свою замѣтку на Боткина (вѣроятно, Краевскій помѣститъ ее)» (ibid., 312). Н. Златовратскій, передавая воспоминанія своего дяди, указываетъ: «По поводу статьи Боткина о Фетѣ онъ пишетъ антикритику, въ которой доказываетъ всю необоснованность и пустословіе такъ называем. «эстетической» критики» (ibid., 472). Вотъ все, что пока извѣстно объ этой статьѣ. Я пересмотрѣлъ всѣ журналы того времени, гдѣ, по содержанію своему, она могла бы быть напечатана, не будучи принятой въ «Отеч. Запискахъ»,—«Общезанимательный Вѣстникъ», «Лучи», «Рус. Художественный Листокъ», — но нигдѣ ея не нашелъ. Разумѣется, это было исповѣданіе новой теоріи Чернышевскаго, на что указано мною въ біографіи.

М. Л.

49. Соловей.

Тебя, средь простора лѣсного,
Охотникъ въ силокъ изловилъ...
Чтобъ пѣснь твою сдѣлать звучнѣе,
Хозяинъ тебя ослѣпилъ.

И тянешь ты звонкую пѣсню,
И звучныя трели ты льешь.
Въ восторгѣ твой толстый хозяинъ,
Что ты неумолчно поешь.

Но я твой языкъ разумѣю,
И чуткой душою моей
Я слышу рыданья и стоны
Въ мелодіи пѣсни твоей.

Январь 1857.

50. На смерть особы.

Рѣзкій и очень опредѣленный вызовъ всему, что символизировало режимъ гнета, доспотизма, подлости и униженія. Твердая вѣра въ лучшее будущее; сознаніе, что оно не придетъ, пока не очистится путь, занятый изживающимъ,—все это выражено очень увѣренно. Разумѣется, тогда это стихотвореніе не могло появиться въ печати: 1857 годъ былъ именно переломомъ николаевской и александровской Руси.

М. Л.

Печальный вѣстникъ смерти новой,
Въ газетахъ черный ободокъ
Не будитъ горести суровой
Въ душѣ, исполненной тревогъ.

Въ какомъ-то радостномъ волненьи
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣньи
Уже успѣла жизнь отцвѣсть...

Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно;
Что въ старомъ мірѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено...

Ликуй же, смерть, въ странѣ унылой,
Все въ ней отжившее рази,
И знамя жизни надъ могилой
На грудахъ труповъ водрузи!..

27 января 1857.

51. ***

Я пришелъ къ тебѣ, сгорая страстью,
Для восторговъ нѣги и любви...
Но тобой былъ встрѣченъ безъ участья,
И погасъ огонь въ моей крови.

Мнѣ въ глаза лукаво улыбаясь,
Равнодушно ты сказала мнѣ:
«Я гостей сегодня дожидаюсь,
«Намъ нельзя побыть наединѣ»...

Словъ твоихъ я скрытый смыслъ увидѣлъ,
На тебя съ презрѣньемъ посмотрѣлъ...
Въ этотъ мигъ тебя я ненавидѣлъ,
Отъ тебя на вѣкъ бѣжать хотѣлъ...

...Но съ улыбкой нѣжною и ясной
Ты сказала: «завтра ты придешь?»..
И призывъ ласкающій и страшный
Бросилъ въ краску вдругъ меня и въ дрожь...

Я приду, приду, о, другъ мой милый,
Для восторговъ нѣги и любви!..
Голосъ твой какой-то чудной силой
Вновь огонь зажегъ въ моей крови.

31 января 1857.

52—61. Изъ Гейне.

1.

Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Цвѣтъ моей жизни отравой
Ты облила мнѣ, мой другъ!..
Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Множество змѣй въ моемъ сердцѣ,
Да еще ты, милый другъ!..

Январь 1857.

53 [1]).

2.

Ко груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,
И—что тебѣ сердце волнуетъ,
Въ біеньи его угадалъ...
Чу, въ городъ вступаютъ гусары,
Намъ слышенъ ихъ музыки звукъ.
И завтра меня ты покинешь,
Мой милый, прекрасный мой другъ!..
Пусть завтра меня ты покинешь;
Зато ты сегодня моя...
Сегодня въ объятіяхъ милой
Вдвойнѣ хочу счастливъ быть я.

4 февраля 1857.

54.

3.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя...
Съ сердцемъ рыскалъ, въ дождь и слякоть,
Всюду по городу я—
Всѣ трактиры я обѣгалъ
За бѣглянкою моей
И разспрашивалъ напрасно
Грубыхъ кельнеровъ о ней.
Вдругъ я вижу: мнѣ киваетъ
Съ звонкимъ смѣхомъ изъ окна...
Могъ ли знать я, что попала
Во дворецъ такой она.

6 февраля 1857.

55 [1]).

4.

Отъ насъ выступаютъ гусары...
Я слышу ихъ музыки звукъ;
И съ розовымъ, пышнымъ букетомъ
Къ тебѣ прихожу я, мой другъ!
Тутъ дикое было хозяйство,
Толпа и погромъ боевой...
И даже, мой другъ, въ твоемъ сердцѣ
Большой былъ военный постой.

6 февраля 1857.

56.

5.

Я горестный Атлантъ, я долженъ міръ носить,
Тотъ міръ—тяжелый міръ скорбей невыносимыхъ...
Подъ тяжестью его нѣтъ силъ мнѣ больше жить,
Мнѣ сердце рветъ въ груди отъ мукъ невыразимыхъ.
Ты, сердце гордое, само хотѣло ты
Иль въ счастьи быть, но въ безпредѣльномъ счастьи,
Иль въ горѣ безпредѣльномъ,—вотъ мечты
Твои исполнились: дано тебѣ несчастье...

6 февраля 1857.

57.

6.

Живыя чувства расцвѣтаютъ
И отцвѣтаютъ въ свой чередъ;
И вновь цвѣтутъ... и вянутъ снова...
И такъ до гроба все идетъ...
Я это знаю... Мыслью этой
Смущенъ мой міръ, моя любовь,
И къ сердцу, умному некстати,
Тревожно приливаетъ кровь...

7 февраля 1857.

58. ВОПРОСЪ.

7.

Ночью, надъ брегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
«О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!..
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!
«Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ—и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ...

[1]) Приведены и въ № 227.

«Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами живетъ?»..
Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ;
Вѣтеръ несется и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ въ безстрастьи холодномъ...
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ...
8 февраля 1857.

59.

8.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,
Все, что люди привыкли искать,
Да еще есть прелестные глазки...
Милый другъ! Чего больше желать?..
Я на эти прелестные глазки
Выслалъ цѣлую стройную рать
Звучныхъ пѣсенъ изъ жаркаго сердца.
Милый другъ! Чего больше желать?..
Эти чудные глазки на сердце
Наложили мнѣ страсти печать;
Ими, другъ мой, меня ты сгубила...
Милый другъ! Чего больше желать?
9 февраля 1857.

60.

9.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?
Будто совершенно ты перемѣнилась?
Цѣлому я свѣту жаловаться буду,
Что со мной ты, другъ мой, обошлась такъ худо...
Миленькія губки! Можно-ль, чтобъ вы стали
Такъ неблагодарны, чтобъ о томъ сказали
Вы дурное слово, кто въ любви прекрасной
Васъ во дни былые цѣловалъ такъ страстно.
9 февраля 1857.

61.

10.

О, перестань, мое сердце, крушиться;
Сердце мое, прямирися съ судьбою!
Съ новой весною опять возвратится
Все, что зима унесла за собою.
И еще какъ тебѣ много осталось!
Сколько красотъ у природы и свѣта!
Лишь бы что милымъ тебѣ показалось,
Можешь ты все полюбить безъ запрета.
10 февраля 1857.

62. Тихій ангелъ.

Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный,
И бурно рѣчь гостей текла,
Когда ты къ намъ съ улыбкой ясной,
Съ привѣтнымъ взоромъ подошла.

Вдругъ споръ замолкъ. Прервать молчанья
Никто какъ будто бы не смѣлъ:
И думалъ я въ очарованьи:
«Здѣсь тихій ангелъ пролетѣлъ!»
10 февраля 1857.

63. Сонъ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами,
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ да изверги съ цѣпями...
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ...
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою...
Подъ отческимъ надзоромъ я росту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной...
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ...
И кажется, въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья...
Но въ глубинѣ душевной и во снѣ
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ...
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.
11 февраля 1857.

64—67. Пѣсни Гейне.

11.

Зимній вечеръ.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,
Кроткіе, свѣтлые глазки лазурные...
Милый мой другъ, дорогая, желанная!
Все о тебѣ моя мысль постоянная...
Длиненъ такъ вечеръ нашъ въ зиму унылую,
Какъ бы хотѣлъ я съ тобою быть, милая!
Въ комнаткѣ тихой съ тобой, другъ плѣнительный,
Сидя, забыться въ бесѣдѣ живительной,—
Крѣпко къ губамъ прижать эту нѣжную,
Милую ручку твою бѣлоснѣжную,
И на нее, эту ручку прекрасную,
Вылить въ слезахъ всю тоску мою страстную...

16 февраля 1857.

65.

12.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,
Гдѣ мы съ любезной обѣты шептали:
Гдѣ ея слезы въ то время упали,
Тамъ изъ земли теперь выползли змѣи.

16 февраля 1857.

66.

13.

Когда я вамъ ввѣрялъ души моей мученья,
Вы молча слушали, съ зѣвотой утомленья;
Но въ звучное я ихъ излилъ стихотворенье,
И вы разсыпались въ хвалахъ и восхищеньи.

17 февраля 1857.

67.

14.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вихрь крутитъ, и буря злится,
Пусть стучитъ ко мнѣ въ окно...
Нужды нѣтъ... мнѣ все равно:
Образъ милой надо мною
Вѣетъ тихою весною...

17 февраля 1857.

68-а. ***

Еще недавно я неистовой сатирой
На небо и на землю возставалъ,
И звукомъ бѣшенымъ своей нестройной лиры
Надежды и восторгъ во многихъ пробуждалъ...

Но утомился я цѣпнымъ, безплоднымъ лаемъ,
И вздумалъ, цѣпь забывъ, взглянуть на Божій свѣтъ...
И новымъ чувствомъ я теперь одушевляемъ:
Въ душѣ моей суровыхъ звуковъ нѣтъ...

Я понялъ красоту!.. Душа полна любовью,
И мѣста нѣтъ для ненависти въ ней.
Мой стихъ запечатлѣнъ теперь не свѣжей кровью,
А развѣ тихою слезой любви моей.

Проклятій нѣтъ!.. Они звучали-бъ несогласно
Съ рѣчами милой; я-жъ согласья съ ней ищу...
Проклятій нѣтъ: она добра и такъ прекрасна,
Что, рядомъ съ ней, на зло смотрѣть я не хочу...

Проклятій нѣтъ... Но, подождите, братья!..
Забывшись отъ любви, горя въ ней, какъ въ огнѣ,
Прекрасную къ груди своей стремлюсь прижать я...
Но—эти цѣпи видите-ль на мнѣ?

Лишь только протяну я къ ней мои объятья,
Какъ эти цѣпи страшно загремятъ...
Пугливо отбѣжитъ она... И вновь проклятья
На землю и на небо полетятъ.

17 февраля 1857.

68-б. Замѣчанія о слогѣ и мѣрности народнаго языка.

68-в. О поэтическихъ особенностяхъ великорусской поэзіи.

Найдены мною въ рукописяхъ въ бумагахъ Литературнаго Фонда. Статьи начаты, но настолько незакончены, что печатаніе начала не дало бы читателю ничего для опредѣленія ихъ содержанія.

М. Л.

69. Заграничныя извѣстія.

Берлинъ, 20 февраля. Вѣна, 28 февраля. Франкфуртъ-на-Майнѣ, 21 февраля. Мюнхенъ, 23 февраля. Вюрцбургъ.

Напечатано въ III кн. «Журнала для Воспитанія» 1857 года (ценз. 17 марта).

Помимо стихотвореній (см. замѣтку къ № 40) Добролюбовъ сталъ работать въ «Журналѣ для Воспитанія», издававшемся А. А. Чумиковымъ въ Спб. Кстати, эта работа давала ему и небольшой хотя, но болѣе или менѣе постоянный заработокъ. До сихъ поръ ни одна добролюбовская замѣтка изъ этого журнала не была помѣщена ни въ одномъ собраніи его сочиненій, такъ какъ Чернышевскій хотѣлъ включить всѣ ихъ въ пятый томъ, котораго такъ и не удалось никогда издать. Установить сочиненія Добролюбова въ изданіи Чумикова удалось по имѣющемуся въ бумагахъ Н. А. собственноручному списку, къ которому, говоритъ Чумиковъ,—можетъ быть, «скорѣе что-нибудь прибавлено, чѣмъ опущено». Эту чисто компилятивно-переводную замѣтку не печатаю.

Но почему, все-таки, Добролюбовъ вступилъ именно въ педагогическій журналъ, а не въ какой-нибудь другой, хотя тоже не общій? На это даетъ отвѣтъ его убѣжденіе, тогда уже сложившееся, что русское общество обязано подумать и затѣмъ дѣятельно заняться подготовкой новаго поколѣнія, которое имѣло бы достаточно воли, смѣлости и силы для реформированія русской жизни. Съ Добролюбовымъ повторилось то, что бывало съ очень многими прежними передовыми людьми: они вѣрили, что возможно перевоспитаніе дѣтей одумавшимися отцами... Имъ казалась исполнимой такая задача, они не видѣли ей препятствій во всѣхъ остальныхъ условіяхъ общественной и политической жизни страны. 1856 и 1857 годы были моментомъ, когда въ русскомъ обществѣ появилось горячее увлеченіе педагогическимъ вопросомъ. Общество какъ бы лихорадочно схватилось за устройство новой жизни, и журналы и газеты не мало отводили мѣсто воспитанію. Въ то же время возникли первые педагогическіе журналы. О воспитаніи говорилось въ салонахъ, горячо бесѣдовали въ кружкахъ.

О началѣ своей работы въ «Журналѣ для Воспитанія» Добролюбовъ говоритъ: «Я пошелъ не столько имѣя въ виду брать переводы, сколько предложить издателю свои услуги по части сочиненія оригинальныхъ статей... Я началъ толковать съ Чумиковымъ о направленіи журнала, изъявилъ насмѣшливое презрѣніе къ консерваторству и услышалъ отъ Чумикова откровенное признаніе, что онъ хочетъ издавать журналъ *въ либеральномъ* духѣ. ...Онъ далъ мнѣ переводить начальныя упражненія изъ Buch der Mutter Рамзауэра, вовсе ужъ не либеральныя и страшно скучныя. Я ихъ отдалъ ему назадъ, посовѣтовавши сократить побольше». (Юб. Сбор., 304).

М. Л.

70. Дорогой.

Ночью по снѣжнымъ сугробамъ иду я:
Холодъ все тѣло мнѣ жметъ и куетъ,
Вѣтеръ, мнѣ въ уши неистово дуя,
Снѣжною пылью лицо мнѣ сѣчетъ.

На неразумную силу природы
Силюсь возстать я всей силой души,
Силюсь представить подъ ревъ непогоды,
Свѣтъ и тепло, и бесѣду въ тиши.

Но застываетъ мечта и сознанье,
Движусь безъ мысли, какъ въ сонномъ бреду,
Смутно лишь чуя тупое желанье —
Сладко заснуть, какъ до мѣста дойду.

20 марта 1857.

71. Изъ Гейне.

15.

Солнце уже поднялось надъ горами,
Въ стадѣ овечки звонками звучатъ...
Другъ мой, овечка моя, мое солнце и радость,—
Какъ я еще разъ взглянуть на тебя былъ бы радъ!..

Съ жаднымъ томленьемъ гляжу я въ окошко...
«Другъ мой! прощай! Я иду отъ тебя»...
Нѣтъ, все какъ прежде опущены шторы...
Спитъ еще все... и во снѣ еще грежусь ей я...

31 марта 1857.

72. (Два новые педагогическіе журнала).

Эта замѣтка, включенная въ конецъ «Замѣтокъ о журналахъ» Чернышевскаго и напечатанная въ IV кн. «Современ.» 1857 г. (ценз. 31 марта), была одною изъ двухъ, все-таки, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» за послѣдній студенческій годъ Добролюбова, невзирая на желаніе редакціи оградить его отъ возможныхъ непріятностей. Правда, статья маскировалась именемъ Чернышевскаго, хотя и не подписаннымъ, но достаточно извѣстнымъ. Объ отношеніяхъ Н. А. къ П. Г. Рѣдкину можно судить изъ его дневника за январь 1857 г. «Часа два я съ желчнымъ наслажденіемъ распространялся о педагогической теоріи и практикѣ Давыдова и Вышнеградскаго. Рѣдкинъ былъ внѣ себя отъ восторга. Вообще, въ нашихъ понятіяхъ о воспитаніи и пр. мы съ нимъ сошлись... Въ разговорѣ онъ кажется лучше, нежели въ статьяхъ своихъ... Стремленія благородны...» (Юб. Сбор. 336—337). Рѣчь идетъ объ Н. А. Вышнеградскомъ, человѣкѣ очень двуличномъ и ловкомъ, педагогѣ безпринципномъ, думавшемъ исключительно о своей карьерѣ. Въ дневникѣ за 1857 г. Добролюбовъ приводитъ рядъ фактовъ, рисующихъ этого, потомъ прославленнаго, педагога съ его истинной стороны (Юб. Сбор., 307, 332 и др.). Давыдову достается опять въ этой замѣткѣ и опять очень ловко и тонко.

М. Л.

Мы нѣсколько разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей на статьи о воспитаніи, помѣщавшіяся въ «Морскомъ Сборникѣ». Теперь мы съ удовольствіемъ можемъ указать на два новыя явленія въ нашей литературѣ, посвященныя исключительно педагогическимъ вопросамъ: «Журналъ для Воспитанія» и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ». Вопросы о воспитаніи имѣютъ такую существенную важность и такъ близки сердцу каждаго образованнаго и благомыслящаго человѣка, что мы предостав-

ляемъ себѣ поговорить современемъ особо объ этихъ новыхъ журналахъ. Теперь же ограничимся только общими замѣчаніями.

«Журнала для Воспитанія», издаваемаго А. Чумаковымъ, вышло до сихъ поръ уже три книжки. Онѣ еще не даютъ права дѣлать какихъ-нибудь окончательныхъ выводовъ о достоинствѣ и характерѣ журнала; но и по нимъ уже можно судить, что это предпріятіе серьёзное и добросовѣстное, а не спекуляція, являющаяся подъ ученымъ покровомъ, на легковѣріе нашей публики, еще такъ мало знакомой съ педагогическими вопросами. Редакція не дѣлала особенно громкихъ обѣщаній и даже не назвала въ объявленіи своихъ сотрудниковъ; но въ вышедшихъ книжкахъ выполняетъ, болѣе или менѣе удовлетворительно, все, что обѣщала. Въ нихъ видѣли мы и общія теоретическія разсужденія о воспитаніи, и частныя замѣтки, касающіяся практическихъ занятій съ учениками, и обозрѣнія педагогическихъ сочиненій, и біографіи извѣстныхъ педагоговъ, и извѣстія объ учебныхъ заведеніяхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Къ сожалѣнію, не всѣ статьи написаны одинаково дѣльно, и не всѣ легко читаются. Между прочимъ, тяжело изложеніе въ статьяхъ г. Рѣдкина, подъ общимъ заглавіемъ: «Что такое воспитаніе?» (во всѣхъ трехъ нумерахъ журнала). Онѣ такъ много заключаютъ въ себѣ мыслей истинно полезныхъ и благородныхъ, что жаль было бы, если бы форма ихъ оттолкнула отъ себя читателей. Для пользы самого дѣла нужно желать, чтобы г. Рѣдкинъ избѣгалъ въ своихъ статьяхъ отвлеченной витіеватости, равно какъ и того выспренняго тона, въ которомъ онъ обращаетъ къ родителямъ и воспитателямъ свои обличенія. Мы замѣчаемъ это, будучи вполнѣ увѣрены, что г. Рѣдкинъ, доказавшій изданіемъ своей «Дѣтской Библіотеки», какъ хорошо онъ умѣетъ примѣняться къ потребностямъ дѣтей, умѣлъ бы, если бы захотѣлъ, примѣниться и къ потребностямъ обыкновенныхъ читателей. Въ 1 и 2 нумерахъ помѣщены, составленныя также г. Рѣдкинымъ, обозрѣнія иностранной педагогической литературы. Первое изъ нихъ, гдѣ говорится вообще обо всѣхъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ по части педагогики, слишкомъ кратко и не даетъ почти никакого понятія объ особенностяхъ разбираемыхъ книгъ. За то вторая статья, о Дистервегѣ, написана весьма дѣльно, обстоятельно и безпристрастно. Она заставляетъ желать, чтобъ за нею явились столь же подробныя статьи и о другихъ важнѣйшихъ дѣятеляхъ на педагогическомъ поприщѣ. Изъ другихъ статей замѣчательны разборы статей о воспитаніи г. Бема и г. Давыдова, составленные Ѳ. Бёмеромъ. Напрасно только критикъ подробно разбираетъ статью г. Давыдова, которая, какъ объясняетъ г. Бёмеръ, хотя и явилась *по поводу* разсужденія г. Бема въ 1856 г., но составляетъ не что иное, какъ буквальное повтореніе мыслей, высказанныхъ г. Давыдовымъ уже много лѣтъ тому назадъ: одна ея половина была напечатана въ приложеніи къ «Трудамъ студентовъ Педагогическаго Института», въ 1851 г., а другая въ «Библіотекѣ для Чтенія» еще въ 1834 г. Опровергать и разбирать сужденія человѣка, который, *по поводу* новыхъ мнѣній и вопросовъ, буквально повторяетъ то, что было имъ высказано за 20 слишкомъ лѣтъ, — по нашему мнѣнію,—совершенно излишне. Серьёзные разборы подобныхъ перепечатокъ могутъ быть оправданы развѣ тогда, когда они обращаются на авторовъ, которые, повторяя зады, все-таки, продолжаютъ пользоваться непоколебимымъ ученымъ авторитетомъ...

Интересны также въ «Журналѣ для Воспитанія» — «Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ», статья издателя, еще неконченная (№ 3); «Письма къ русскимъ женщинамъ», А. Х—вой, также представляющія только начало цѣлаго ряда статей (№ 1, 3); «Біографія Витторино Фельтрскаго» (№ 1); «О пользѣ педагогической литературы» г. У-го (№ 1); «О дѣтскомъ чтеніи» (№ 2); «Объявленія содержателей пансіоновъ», очень живой очеркъ Диккенса. Въ извѣстіяхъ объ учебныхъ заведеніяхъ находимъ, между прочимъ, обзоръ учебныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ третьяго нумера, редакція начала рядъ мелкихъ замѣтокъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическій Сборникъ». Здѣсь собраны изъ разныхъ педагогическихъ иностранныхъ изданій маленькія статейки, представляющія простое указаніе на какія-нибудь педагогическія явленія или вопросы, напримѣръ, объ улучшеніи учителей въ зависимости отъ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, о вліяніи умственнаго образованія на нравственное воспитаніе и т. п. Вообще, «Журналъ для Воспитанія» представляетъ довольно интереса и разнообразія. Нельзя не пожелать только, чтобы въ немъ не было статей, подобныхъ «Совѣтамъ врача» (№ 2), поверхностно и вяло толкующимъ о предметахъ, которые никому даже не могутъ быть неизвѣстны. Еще значительный недостатокъ «Журнала для Воспитанія» состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ критики вновь выходящихъ сочиненій, назначенныхъ для обученія и воспитанія. Назначивши свой журналъ быть «руководствомъ для родителей и воспитателей», редакція непремѣнно должна позаботиться

о томъ, чтобы удовлетворить ихъ потребностямъ и съ этой стороны.

Вслѣдъ за «Журналомъ для Воспитанія», объявлено было и объ изданіи «Русскаго Педагогическаго Вѣстника»—И. Вышнеградскимъ, профессоромъ педагогики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Пышная программа новаго журнала и званіе издателя заставляли бы ожидать отъ него очень многаго. Но, къ сожалѣнію, почтенный профессоръ, не совсѣмъ ясно выразивъ идею и ходъ изданія въ своей программѣ, не разрѣшилъ нашихъ недоумѣній и первой книжкой, недавно вышедшей. О направленіи журнала издатель выразился глухо, сказавши только, что «редакція питаетъ *извѣстныя* педагогическія убѣжденія». О характерѣ журнала сказано, что онъ будетъ практическій, и что въ немъ не будетъ статей теоретическихъ, имѣющихъ только отдаленное отношеніе къ педагогической практикѣ; а между тѣмъ вышедшая книжка вся почти наполнена именно такими теоретическими разсужденіями.

Мы хотимъ, однакоже, надѣяться, что послѣдующія книжки совершенно поправятъ впечатлѣніе, производимое программой и первой книжкой журнала, которая тоже, кажется, скорѣе prospectus изданія, нежели настоящее начало его. Въ ней гораздо болѣе обѣщаній и предположеній, нежели дѣла. Только прекрасная статья г. Чистовича о педагогической гимнастикѣ искупаетъ до нѣкоторой степени бѣдность перваго нумера журнала,—хотя и она болѣе излагаетъ общія физіологическія и гигіеническія понятія, нежели даетъ практическіе совѣты относительно пріемовъ въ пріученіи дѣтей къ гимнастикѣ. Въ статьѣ самого издателя, которою открывается журналъ, «О самовоспитаніи» (статья первая),—послѣ совершенно справедливыхъ, хотя довольно многословныхъ, разсужденій о необходимости старшему поколѣнію *улучшить себя*, чтобы успѣшно воспитывать младшее, мы неожиданно находимъ дидактическое изложеніе элементарныхъ понятій о томъ, существуетъ ли природное различіе между людьми въ умственныхъ способностяхъ. Зачѣмъ сюда попало это изложеніе, объясняется развѣ замѣчаніемъ издателя, что вопросъ этотъ весьма важенъ для русскаго общества. Въ статьѣ г. Гурьева — «О вліяніи воспитанія на силу воли» (статья первая), тоже ничего почти не нашли мы о волѣ; а говорится тамъ о необходимости пріучать дѣтей къ точному и правильному воспріятію впечатлѣній.

Но обѣщаній «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» даетъ весьма много. Въ первой книжкѣ много страницъ занято обѣщаніями и предположеніями о томъ, что онъ долженъ и что будетъ дѣлать. Онъ обѣщаетъ печатать извлеченія изъ сочиненій Лафатера и Галля съ подробнымъ обсужденіемъ ихъ положеній, извлеченіе изъ регулятивовъ Стиля и изъ критики на нихъ Дистервега, особый рядъ статей, въ которыхъ постепенно будетъ развиваться весь курсъ теоріи воспитанія, описаніе учебныхъ заведеній Франке, сводъ всѣхъ законодательныхъ постановленій въ Германіи относительно воспитанія. Но всего замѣчательнѣе и всего болѣе заслуживаетъ благодарности слѣдующее обѣщаніе издателя: «въ нашемъ журналѣ будутъ помѣщены въ переводѣ на русскій языкъ *всѣ* классическія творенія о воспитаніи» («Русск. Пед. Вѣст.», № 1, стр. 66). Однакоже, рядомъ съ этимъ обѣщаніемъ намъ кажется нѣсколько непонятною оговорка, которую онъ дѣлаетъ въ заключеніе своихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ классическихъ иностранныхъ сочиненій по части педагогики. «Простите, говоритъ онъ, что сужденія наши о важнѣйшихъ педагогическихъ твореніяхъ нѣсколько кратки. Причина того — небольшой объемъ нашего журнала, рѣшительно не позволяющій вводить въ него обширныя критическія статьи о каждой книгѣ педагогическаго содержанія» (стр. 105). Неужели же критическая статья займетъ мѣста больше, нежели *переводъ* цѣлаго сочиненія?

Все это бѣглыя замѣчанія, касающіяся болѣе внѣшности изданія, нежели внутренняго его характера, о которомъ предоставляемъ себѣ поговорить уже впослѣдствіи, потому, что изъ первой книжки нельзя еще ничего видѣть.

Еще одно замѣчаніе: языкъ въ большей части статей «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», и особенно въ статьяхъ самого издателя, весьма сильно напоминаетъ языкъ нашихъ витій первой половины XVIII вѣка, церковно-славянскій, съ латино-германской конструкціей.

Во всякомъ случаѣ появленіе двухъ журналовъ педагогическаго содержанія представляетъ для насъ явленіе чрезвычайно отрадное. Оно доказываетъ, что публика наша обратила, наконецъ, на вопросы о воспитаніи то вниманіе, котораго они заслуживаютъ.

73. Въ церкви.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ...

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю...

1 апрѣль 1857.

74. Изъ Гейне.

16.

Другъ любезный! Ты влюбился...
Горе новое пришло...
Въ головѣ твоей туманно,
А на сердцѣ такъ свѣтло...

Другъ любезный! Ты влюбился...
Но не хочешь говорить...
Но я вижу—счастье сердца
Чрезъ жилетъ твой ужъ сквозитъ...

2 апрѣля 1857.

75. * * *

Тронулся ледъ—такъ тихо, стройно...
Плыветъ въ гранитныхъ берегахъ
Онъ такъ покорно и спокойно,
Смягченный въ солнечныхъ лучахъ
И о чугунныя преграды
Разбитый въ мелкіе куски:

Такъ ровно, мѣрно средь народа
На плацѣ движутся полки...
И нѣтъ ни бури, ни волненья.
Лишь воздухъ сталъ похолоднѣй,
Прервались средства сообщенья
Да воды сдѣлались мутнѣй...

76. Изъ Гейне.

17.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;
Но потускъ тотъ свѣтлый образъ,
Мракъ совсѣмъ меня покрылъ.
Дѣти, ежели въ потемкахъ
Ужасъ чувствовать начнутъ,
Чтобъ боязнь свою разсѣять,
Пѣсню громкую поютъ,
Такъ и я, ребенокъ глупый,
Я пою теперь впотьмахъ.
Пѣснь моя звучитъ уныло,
Но разсѣянъ ей мой страхъ.

5 апрѣля 1857.

77. Очарованіе.

Съ душою мирной и спокойной
Гляжу на ясный божій міръ
И нахожу порядокъ стройный,
Добра и правды свѣтлый пиръ.
Нигдѣ мой взглядъ не примѣчаетъ
Пороковъ, злобы, нищеты,
Весь міръ въ глазахъ моихъ сіяетъ
Въ вѣнцѣ добра и красоты.

Всѣ люди кажутся мнѣ братья,
Съ прекрасной любящей душой...
И я готовъ раскрыть объятья
Всему, что вижу предъ собой...
Мнѣ говорятъ, я вижу плохо,
Очки совѣтуютъ носить.
Но я молю, напротивъ, Бога,
Чтобъ далъ весь вѣкъ мнѣ такъ прожить.

5 апрѣля 1857.

78—80. Изъ Гейне.

18.

Стоялъ я въ забытьи тяжеломъ,
Въ портретъ ея взоръ устремилъ,
И милый мнѣ образъ, казалось,
Таинственно жизнь получилъ.
Чудесно-живая улыбка
Явилась у ней на губахъ,
И скорбныя, скорбныя слезы
Блистали въ двухъ чудныхъ глазахъ.
И самъ я заплакалъ, и слезы
Катилися вдоль моихъ щекъ...
Я все не могу еще вѣрить,
Чтобъ я потерять тебя могъ!..

6 апрѣля 1857

79.

19.

Подождите терпѣливо:
Еще все изъ сердца рвется
Старой боли стонъ, и живо
Въ новыхъ пѣсняхъ отдается.

Подождите, въ жизни новой
Эхо боли расплывется,—
Изъ груди моей здоровой
Пѣснь весенняя польется.

6 апрѣля 1857.

80.

20.

Кастраты все бранили
Меня за пѣснь мою
И жалобно твердили,
Что грубо я пою.
И нѣжно всѣ запѣли:
Ихъ дисканты неслись...
И, какъ кристаллы, трели,
Такъ тонко въ нихъ лились...
И пѣли о стремленьи
И сладости—любить...
И дамы въ умиленьи
Всѣ плакали навзрыдъ.

7 апрѣля 1857.

81. Сила слова.

Моралистъ краснорѣчивый
Намъ о нищихъ говорилъ,
Рѣчью умной и правдивой
Помогать имъ насъ училъ;

Говорилъ о цѣли жизни,
О достоинствѣ людей,
Грозно сыпалъ укоризны
Противъ роскоши дѣтей...

Рѣчь его лилась такъ сладко,
Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
Что ему внимали жадно
Всѣ, дыханье затаивъ,—

И, чтобъ не развлечь вниманья,
Отогнали двухъ старухъ,
Что на бѣдность подаянья
Подъ окномъ просили вслухъ...

10 апрѣля 1857.

82. * * *

Многіе, другъ мой, любили тебя,
Многимъ и ты отдавалась...
Но отдавалась ты имъ не любя...
Это была только шалость,

Или велѣнье голодной нужды,
Или отчаянья взрывы...
Но красоты твоей чистой слѣды
Въ самомъ паденіи живы...

Свѣжи и пламенны чувства твои,
Сердце невинно и чисто,—
И въ первый разъ еще блескомъ любви
Свѣтится взоръ твой огнистый.

Другъ мой! Съ довѣрьемъ склонись мнѣ на грудь,
Можемъ съ тобой съ этихъ поръ мы
Въ правдѣ сердечной любви отдохнуть
Отъ добродѣтельной формы.

14 апрѣля 1857.

83. Майская невзгода.

Снова снѣгъ валится,
И морозъ трещитъ.
Снова вѣтеръ злится
И въ окно стучитъ.
А давно ль пахнуло
Свѣжею весной?
Солнышко блеснуло
Ярче надъ землей;
Покатились воды
Въ блескѣ голубомъ,
Тѣшилась природа
Свѣтомъ и тепломъ.
Радостно вдыхали
Вешній воздухъ мы...
Вдругъ опять настали
Холода зимы.
Въ маѣ что за стужа,
Все вѣдь ужъ весна...
Но теперь намъ хуже,
Чѣмъ зимой, она:
Стали жить иначе
И, не ждавъ зимы,
Ужъ давно на дачи
Перебрались мы.

22 апрѣля 1857.

84. [О значеніи авторитета въ воспитаніи].

Мысли по поводу «Вопросовъ жизни» *т. Пирогова.*

Напечатано въ V кн. «Современника» 1857 г. (ценз. 30 апрѣля) за подписью *Н. Л.*

Въ серединѣ января 1857 г. Добролюбовъ закончилъ эту статью для «Журнала для Воспитанія» и при этомъ замѣтилъ: «только выходитъ что-то слишкомъ либерально» (Юб. Сборн. 309). Озаглавленную: «О значеніи авторитета въ воспитаніи»— Чумиковъ не рѣшился печатать ее въ своемъ журналѣ, очевидно, боясь, все-таки, забраться въ такой либерализмъ. Не помогъ, повидимому, и Рѣдкинъ, заранѣе согласившійся съ основной мыслью автора (Юб. Сборн. 337). Тогда ничего не оставалось, какъ снести ее Чернышевскому и дать болѣе блѣдное заглавіе: «Нѣсколько словъ о воспитаніи». Это была послѣдняя статья Добролюбова-студента въ «Современникѣ».

Цензура потрепала ее порядочно; кое-что, вѣроятно, почистила и редакція.

По словамъ самого Добролюбова, это —«апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола, останавливающаго естественное развитіе». Высказанная молодымъ человѣкомъ, испытывавшемъ на себѣ всѣ отрицательныя качества николаев-

ской педагогіи, мысль *Н. Л.* не можетъ не производить впечатлѣнія даже и теперь; слѣдовательно, какъ горячо она должна была быть принята тогда, когда слово Добролюбова было для русской семьи и школы просто откровеніемъ. Горячность тона, энтузіазмъ въ отстаиваніи правъ подрастающаго человѣчества и въ обличеніи негодности господствовавшей системы безусловнаго повиновенія,—эти стороны статьи не могли не дать *Н. Л.* вѣрныхъ союзниковъ. Статья Пирогова была только поводомъ; всѣ мысли Добролюбова — его собственныя, до тѣхъ поръ въ нашей литературѣ, общей и педагогической, совершенно новыя. Нельзя также не отмѣтить, что, говоря о дѣтяхъ, авторъ все время имѣетъ въ виду, между строкъ, юношество, молодежь и въ отношеніи ихъ—уже не педагогію школы и семьи, а прямо русскія общественныя условія. Черезъ головы педагоговъ и родителей Добролюбовъ призываетъ молодую часть общества стряхнуть съ себя понятіе о безусловныхъ, непререкаемыхъ авторитетахъ и встать самостоятельно въ ряды борцовъ за свободу личную и общественную. Всякій авторитетъ, чей бы онъ ни былъ, долженъ быть свергнутъ, если не стоитъ на прочной и единственно правильной почвѣ—разумности. Долой авторитеты, задерживающіе нормальное развитіе личныхъ способностей, личныхъ цѣлесообразныхъ желаній, общественнаго разума и общественныхъ стремленій ко благу угнетенной родины:—вотъ короткій смыслъ статьи. Написанная серьезно, совершенно не похожая на статью студента, она врядъ-ли могла возбудить подозрѣнія Давыдова...

М. Л.

Умственное движеніе, возбужденное въ нашемъ обществѣ событіями послѣднихъ годовъ, обратилось недавно и къ вопросамъ о воспитаніи. Теперь у насъ основано уже два педагогическихъ журнала и, кромѣ того, статьи о воспитаніи появляются отъ времени до времени и въ другихъ изданіяхъ. Но первый обратилъ вниманіе на это важное дѣло «Морской Сборникъ», помѣстившій въ началѣ прошлаго года статью о воспитаніи г. Бема, за которою послѣдовали и другія статьи, болѣе или менѣе новыя и справедливыя. Многія изъ этихъ статей находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полнаго и блестящаго успѣха, какъ «Вопросы жизни» г. Пирогова. Они поразили всѣхъ— и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это явленіе весьма много говоритъ въ пользу русской публики, и оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья г. Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокій, святой смыслъ. Значитъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всѣхъ увлеченіяхъ на практикѣ, общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться. Оно уже имѣетъ столько внутренней силы, что не пугается сознанія своихъ недостатковъ, а сознаніе прошедшаго и настоящаго зла есть лучшее ручательство за возможность добра въ будущемъ. Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуя этотъ благородный порывъ русскихъ людей, мы рѣшаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ она всякаго мыслящаго читателя. Дѣлаемъ это съ тѣмъ большею смѣлостью, что до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчали болѣе частнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ афористическихъ положеніяхъ г. Пирогова.

Сущность мыслей, изложенныхъ въ «Вопросахъ жизни», состоитъ въ слѣдующемъ: главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ [совершенномъ] разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, оканчивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь такимъ

образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ разсчетовъ— слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ [общества] [1])—гдѣ же взять силъ на это? Къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что онъ такое, какая его цѣль и назначеніе. Всматриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью,— но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А между тѣмъ, годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ, какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону,— потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать, въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя,* кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду, стоять за нее горою* и *быть принужденно откровеннымъ* какъ *съ наставниками,* такъ и съ сверстниками.

На этомъ останавливается г. Пироговъ. Онъ указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои положенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла: преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка. Но какимъ образомъ именно убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ нихъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными,— этого г. Пироговъ не разбираетъ подробно, а опять предоставляетъ только угадывать. Мы рѣшаемся высказать здѣсь нѣсколько мыслей объ этомъ, родившихся въ насъ по прочтеніи «Вопросовъ жизни».

[Трактуя съ своихъ педагогическихъ высотъ вопросы о воспитаніи, мы до сихъ поръ очень сильно напоминали басню, въ которой поставили волковъ въ начальники надъ овцами. Здѣсь всѣ обстоятельства были прекрасно соображены, всѣ голоса собраны, только одного не доставало: не спросили самихъ овецъ. Такъ точно,] большая часть нашихъ педагогическихъ разсужденій, отлично разбирая вопросы высшей философіи, представляя вѣрныя и полезныя правила съ точки зрѣнія религіозной, государственной, нравственной, обще-психологической и т. п., упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство — дѣйствительную жизнь и природу дѣтей, и вообще воспитываемыхъ... Оттого дитя нерѣдко жертвуется педагогическимъ разсчетамъ. Вознесшись на своего нравственнаго конька, воспитатель считаетъ воспитанника своей собственностью, вещью, съ которой онъ можетъ дѣлать, что ему угодно. «Дитя не должно имѣть своей собственной воли,— говорятъ премудрые педагоги:—оно должно слѣпо подчиняться требованіямъ родителей, учителей, вообще старшихъ. Приказаніе воспитателя должно быть для него высшимъ закономъ и исполняться безъ малѣйшихъ разсужденій. Безусловное повиновеніе — главное и единственное необходимое условіе воспитанія. Воспитаніе своей послѣдней цѣлью и имѣетъ именно то, чтобы на мѣсто *неразумной* воли ребенка, поставить *разумную* волю воспитателя».

Не правда-ли, что все это кажется очень логическимъ и справедливымъ? Но, припоминая характеристику этого *разумнаго* воспитанія, сдѣланную въ «Вопросахъ жизни», и сами еще не слишкомъ отдаленные отъ впечатлѣній собственнаго воспитанія и ученія, мы не можемъ безъ недовѣрчивой улыбки слушать логическія разсужденія. Всѣ они, очевидно, обнаруживаютъ только одно: страшную, педантическую гордость почтенныхъ педагоговъ, соединенную съ презрѣніемъ къ достоинству человѣческой природы вообще. Говоря, что въ лицѣ воспитателя осуществляется для ребенка нравственный законъ и разумное убѣжденіе, они, очевидно, ставятъ воспитателя на недосягаемую высоту, непогрѣшительнымъ образцомъ нравственности и разумности. Не трудно, конечно, согласиться, что если бы возможенъ былъ такой идеальный воспитатель, то безусловное, слѣпое слѣдованіе его авторитету не принесло бы особеннаго вреда ребенку (если не считать важнымъ вредомъ замедленіе самостоятельнаго развитія личностей). Но, во-первыхъ, идеальный наставникъ не сталъ бы и требовать *безусловнаго* повиновенія: онъ поста-

[1]) неправды.

рался бы какъ можно скорѣе развить въ своемъ воспитанникѣ разумныя стремленія и убѣжденія. А, во-вторыхъ, искать непогрѣшимыхъ, идеальныхъ наставниковъ и воспитателей въ наше время было бы еще слишкомъ смѣлая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишкомъ много условій. Прежде всего, нравственныя правила воспитателя должны быть безусловно вѣрны и строго проведены по всѣмъ, самымъ частнымъ и мелочнымъ случайностямъ жизни. Темныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ для него никогда и никакихъ не должно быть: иначе—что же онъ станетъ дѣлать, если въ подобномъ случаѣ придется приказывать ребенку, который всякое предписаніе исполняетъ безусловно, слѣдовательно, вызвать на разсужденіе и соображеніе никакъ не можетъ? Кромѣ того, въ воспитателѣ предполагается еще при этомъ совершенное безстрастіе: онъ не можетъ увлечься ни гнѣвомъ, ни любовью, не можетъ чувствовать лѣни и утомленія, для него не можетъ существовать хорошее и дурное расположеніе духа, онъ долженъ быть не обыкновеннымъ человѣкомъ, а особеннаго рода снарядомъ, въ которомъ долженъ, безъ всякихъ уклоненій, осуществляться нравственный законъ. Но, сколько намъ извѣстно, подобные снаряды еще не изобрѣтены, а если иные и объявляютъ, будто они открыли секретъ такого изобрѣтенія, то въ этомъ опять выражается только ихъ презрѣніе къ человѣческой природѣ и желаніе, во что бы то ни стало, не походить на людей. Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія, то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій въ отношеніи къ ребенку? И не лучше-ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ пріучать ребенка къ разумному разсужденію, [чтобы онъ какъ можно скорѣе пріобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно?]

Въ умственномъ отношеніи отъ идеальнаго наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрѣшимость убѣжденій, чрезвычайно высокое, всестороннее развитіе, обширныя и разнообразныя познанія, приведенныя въ полную гармонію съ общими принципами. Самая натура его должна стоятъ гораздо выше натуры ребенка во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, что выйдетъ, если учитель будетъ напримѣръ, восхищаться Державинымъ и заставитъ ученика учить оду «Богъ»; а тому нравится уже Пушкинъ, а ода «Богъ» представляетъ [совершенно] непонятный наборъ словъ? Что, если цѣлый годъ морятъ надъ музыкальными гаммами ребенка, у котораго пальцы давно уже свободно бѣгаютъ по клавишамъ, и который только и порывается играть и играть?.. Что, если дитя восхищается картиной, статуей, пьесой, любуется цвѣтами, насѣкомыми, съ любопытствомъ всматривается въ какой-нибудь физическій или химическій приборъ, обращается къ своему воспитателю съ вопросомъ, а тотъ не въ состояніи ничего объяснить?.. [Тутъ уже плохое безусловное повиновеніе!] А много-ли найдется наставниковъ и воспитателей, которые бы умѣли объяснить *всѣ* дѣтскіе вопросы? Многимъ, конечно, не разъ случалось видать, какъ иногда семи или восьми-лѣтнее бойкое дитя забьетъ въ-пухъ и поставитъ втупикъ иного почтеннаго старичка. А между тѣмъ, этотъ почтенный старичокъ имѣетъ своего воспитанника, который обязанъ безусловно его слушаться?... Этотъ ужъ, конечно, никого втупикъ не поставитъ.

Такимъ образомъ, идеальный воспитатель, не желающій, чтобы ребенокъ разсуждалъ и убѣждался [а требующій только, чтобы онъ слушался], долженъ быть готовъ на все, долженъ знать все, долженъ еще предварительно разрѣшить *всѣ* вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Только съ этой предупредительностью онъ можетъ еще какъ-нибудь вести воспитаніе, не насилуя дѣтской природы. А затѣмъ онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника вѣрнымъ и самымъ лучшимъ путемъ на всякомъ поприщѣ. Откроетъ-ли онъ въ ребенкѣ наклонность къ музыкѣ, къ живописи, страсть къ ботаникѣ, легкость математическаго соображенія, поэтическое чувство, способность къ изученію языковъ, и пр., и пр., онъ долженъ быть вполнѣ способенъ развить все это въ своемъ питомцѣ. Если же онъ не можетъ за это взяться, значитъ, онъ самъ еще не столько приготовленъ, не столько развитъ, чтобы руководить другихъ. [А если такъ, то онъ и не имѣетъ права требовать, чтобы его слушались безусловно.]

Но даже если мы допустимъ, что воспитатель всегда можетъ стать выше личности воспитанника (что и бываетъ, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ стать выше цѣлаго поколѣнія. Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидитъ, а даже просто не понимаетъ потребностей новаго времени и считаетъ ихъ нелѣпостью. Онъ старается удержать

своего питомца въ тѣхъ понятіяхъ, въ тѣхъ правилахъ, которыхъ самъ держится: стараніе совершенно естественное и понятное, но, тѣмъ не менѣе, вредное въ высшей степени, какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія собственной воли и ума ребенка. Изъ этого происходитъ то, что естественный смыслъ воспитанника раскрывается медленнѣе, воспріимчивость къ явленіямъ и потребностямъ той жизни, того общества, среди которыхъ придется ему дѣйствовать,—совсѣмъ иногда заглушается старыми предразсудками и мнѣніями, на вѣру принятыми въ дѣтствѣ отъ воспитателей. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, есть врагъ всякаго усовершенствованія и успѣха и ведетъ къ мертвой неподвижности и застою... вліяніе его отражается уже не на однѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ.

Если предразсудки и заблужденія стараго поколѣнія насильно, съ малыхъ лѣтъ, вкореняются во впечатлительной душѣ ребенка, то просвѣщеніе и совершенствованіе цѣлаго народа надолго замедляется этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Горькій опытъ жизни убѣждаетъ, правда, цѣлое поколѣніе въ невѣрности того, о чемъ толковали ему въ дѣтствѣ, и человѣкъ теряетъ часть своего дѣтскаго энтузіазма къ давнимъ внушеніямъ, не оправданнымъ жизнью; но все еще по привычкѣ онъ держится этихъ внушеній и передаетъ ихъ дѣтямъ, только съ меньшею восторженостью, чѣмъ ему самому передавали ихъ. Новое поколѣніе утрачиваетъ еще частичку благоговѣнія къ внушеннымъ мнѣніямъ; но зато родовая привычка усиливается, и чѣмъ дальше, тѣмъ безсознательнѣе и, потому самому, тѣмъ крѣпче держится народъ за преданія отцовъ. Нужно, чтобы жизнь сдѣлала невозможнымъ приложенія этихъ, давно ставшихъ мертвыми, преданій; нужно, чтобы явился мощный геній мысли, чтобы заставить общество почувствовать нужду и возможность измѣненія въ принятыхъ неразумныхъ началахъ. И послѣ этого открытія,—какъ медленно, какъ слабо принимается новая мысль, какъ долго не проникаетъ она въ глубину души людей и не распространяется на массахъ! Прошли столѣтія послѣ того, какъ указано движеніе земли, а до сихъ поръ простолюдинъ нашъ, слыша безпрестанно, что солнышко взошло и закатилось, смотритъ на него, какъ на огромный фонарь, подвигающійся по небесному своду отъ востока до запада. Девять вѣковъ уже Россія оглашается божественнымъ ученіемъ христіанства; но въ народѣ до сихъ поръ живы повѣрья о домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ. Даже тѣ, которые впослѣдствіи теоретически освобождаются отъ дѣтскихъ вѣрованій, на практикѣ долго еще имъ подчиняются. Много есть образованныхъ людей, имѣющихъ хорошее понятіе о явленіяхъ электричества и, все-таки, прячущихся отъ ужаса въ темную комнату во время грома; точно такъ же, какъ есть множество другихъ, достигшихъ до умѣнья разсуждать объ истинномъ достоинствѣ человѣка и, все-таки, въ своемъ знакомомъ цѣнящихъ болѣе всего изящество французскаго выговора и модный жилетъ. Отчего происходитъ это, какъ не отъ вліянія неразумныхъ впечатлѣній дѣтства, перешедшихъ къ ребенку, по несчастію, отъ тѣхъ, кого онъ любитъ или уважаетъ?.. «Вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбѣжно, — скажете вы,—и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что, при дурныхъ сторонахъ, оно имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныхъ въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человѣка на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человѣчествомъ». Возраженіе совершенно справедливое, и мы поступили бы безумно, если бы стали требовать уничтоженія того, что естественно, само по себѣ, является, существуетъ и уничтожиться не можетъ. Но мы не видимъ также причины и ратовать за то, что неизбѣжно само по себѣ. Младшее поколѣніе необходимо должно быть подъ вліяніемъ старшаго, и отъ этого проистекаетъ неизмѣримая польза для развитія и совершенствованія человѣка и человѣчества. Никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины. Мы говоримъ только о томъ,—зачѣмъ же ставить прошедшее идеаломъ для будущаго, зачѣмъ требовать отъ новыхъ поколѣній *безусловнаго, слѣпого* подчиненія *мнѣніямъ* предшествующихъ? Для чего уничтожать самостоятельное развитіе дитяти, насилуя его природу, убивая въ немъ вѣру въ себя и заставляя дѣлать только *то, чего я хочу*, и только *такъ, какъ я хочу*, и только *потому, что я хочу*?.. А объявляя такое *безусловное* повиновеніе, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитіе дитяти. Какъ это вредно дѣйствуетъ на все нравственное существо ребенка, ясно можно видѣть изъ безчисленныхъ опытовъ, равно какъ и изъ теоретическихъ соображеній. Представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего опредѣлимъ яснѣе, что нужно разумѣть подъ [*безусловнымъ* повиновеніемъ] [1]). *Безусловный*—значитъ неза-

[1]) словомъ безусловный.

висящій ни отъ какихъ условій и обстоятельствъ, неизмѣнно остающійся при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не происходящій вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, но существующій самобытно и самъ въ себѣ заключающій свое оправданіе. Таково именно бываетъ повиновеніе, котораго требуютъ у насъ отъ дѣтей, и котораго необходимость еще недавно доказывалъ весьма сильно въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., № 14) г. пасторъ Зедергольмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ слушаться безъ разсужденій, слѣпо вѣровать своему воспитателю, признавать его приказанія единственно непогрѣшимыми, а все остальное несправедливымъ, и, наконецъ, дѣлать все не потому, что это хорошо и справедливо, а потому, что это приказано и, слѣдовательно, должно быть хорошо и справедливо.

Посмотримъ же, какое психологическое дѣйствіе можетъ произвести подобное отреченіе отъ своей воли въ дитяти.

Предположимъ сначала идеальныхъ воспитателей и наставниковъ. Ихъ внушенія всегда справедливы, всегда послѣдовательны, всегда соразмѣрны со степенью духовнаго развитія ребенка; они сами любимы и уважаемы дѣтьми. Предположимъ, что подобные воспитатели требуютъ отъ дѣтей повиновенія *безусловнаго*, а не *разумнаго*. Что изъ этого выходитъ?

Отдается приказаніе; ребенокъ исполняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего достойнаго награды,—ребенокъ потому и исполнилъ приказъ тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ; за что же его хвалятъ?—Очевидно, за послушаніе.

Дается другое приказаніе; воспитаннику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы слушался, а не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значитъ, бранили его?—Ясно, за что — за непослушаніе.

Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію, и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету.

Вы скажете, что впослѣдствіи, сдѣлавшись поумнѣе, воспитанникъ самъ поймётъ, какъ разумны были приказанія воспитателя. Это, конечно, и бываетъ очень часто, и это прекрасно, но только для воспитателя, который такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ болѣе уваженія,—но никакъ не для воспитанника, на котораго всѣ подобныя открытія имѣютъ совершенно противное вліяніе. Увидѣвши, черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, недѣлю, день, часъ, наконецъ, но во всякомъ случаѣ поздно (потому что дѣло уже сдѣлано и сдѣлано не по убѣжденію, а по приказу),—увидѣвши, что его противорѣчіе было глупо и неосновательно, ребенокъ теряетъ довѣріе къ собственному разсудку, лишается отваги и энергіи въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ, боится составить какое-нибудь собственное мнѣніе и не смѣетъ слѣдовать собственному убѣжденію даже тогда, когда оно представляется ему яснымъ, какъ солнце... А можетъ быть, думаетъ онъ, что-нибудь тутъ не такъ... Вотъ, можетъ быть, пройдетъ нѣсколько времени, и окажется, что я неправъ... Отсюда нерѣшительность, медленность, вялость, выжиданіе въ дѣйствіяхъ, — черты, сохраняющіяся на всю жизнь и нерѣдко поражающія насъ въ людяхъ, одаренныхъ замѣчательной силой соображенія въ теоріи, [но не имѣющихъ отваги осуществить свои мысли на практикѣ].

А что еще, если ребенокъ правъ въ абсолютномъ смыслѣ, если его противорѣчіе было истинно, съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ, а несообразно было только съ житейскими обстоятельствами? Житейскія обстоятельства оправдываютъ воспитателя; ребенокъ понимаетъ это; такъ какъ онъ еще не утвердился въ принципѣ сознательнымъ убѣжденіемъ, то мало-помалу высшая правда, какъ несогласная съ жизнью, поступаетъ въ разрядъ отвлеченныхъ, негодныхъ мнѣній, пустыхъ бредней...

Вотъ примѣры. Мальчикъ сказалъ въ семействѣ про своего товарища, что онъ воръ. Отецъ сталъ бранить сына и приказалъ ему не говорить этого никогда. Мальчику сначала досадно, онъ находитъ несправедливымъ это запрещеніе; но черезъ недѣлю, на одномъ вечерѣ, другой его товарищъ упрекнулъ маленькаго вора въ воровствѣ. Поднялась кутерьма: два семейства поссорились, откровеннаго болтуна наказали... Отецъ говоритъ мальчику: вотъ видишь, что можетъ выйти изъ этого?..

Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія съ старымъ слугой; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушаетъ и въ одно время такъ зашаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику непріятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ

въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика: говоритъ: а все оттого, что не слушался! Погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь попрежнему быть съ нимъ за-панибрата!.. И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи.

Гувернантка приказываетъ дѣвочкѣ вести себя благопристойно,—станъ выпрямить, идти плавно, голову держать прямо, говорить только, когда спрашиваютъ, и т. п. Съ такими правилами пріѣзжаетъ она въ гости. Тамъ много дѣтей, и все такія рѣзвыя, веселыя; они бѣгаютъ, шумятъ, болтаютъ, хохочутъ. Ей тоже хотѣлось бы пристать къ нимъ, но гувернантка говоритъ, что это неблаговоспитанно, и она скучаетъ, съ завистью смотря на веселящихся подругъ, особенно на одну, которая шалитъ больше всѣхъ, и которой, кажется, всѣхъ веселѣе... Но вдругъ эта рѣзвая дѣвочка упала и сломала себѣ ногу... Торжествующая гувернантка говоритъ своей скромной воспитанницѣ: вотъ что значитъ вести себя неприлично!..

И тому подобное. Разсудите безпристрастно, насколько безусловное повиновеніе служитъ здѣсь къ развитію нравственнаго чувства? Не убиваетъ-ли, напротивъ, такое воспитаніе и тѣхъ добрыхъ, святыхъ началъ, которыя природны ребенку? Не естественно-ли, что при этомъ онъ приметъ исключеніе за правило, извращенный порядокъ за естественный? И кто въ этомъ будетъ виноватъ? Неужели самъ онъ?

А между тѣмъ, какое пышное развитіе могъ бы получить умъ, какая энергія убѣжденій родилась бы въ человѣкѣ и слилась со всѣмъ существомъ его, если бы его съ первыхъ лѣтъ пріучали *думать* о томъ, что дѣлаетъ, если бы каждое дѣло совершалось ребенкомъ съ сознаніемъ его необходимости и справедливости, если бы онъ привыкъ самъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и исполнять то, что другими велѣно, не изъ уваженія къ приказавшей личности, а изъ убѣжденія въ правдѣ самого дѣла!.. [Правда, тогда, многимъ воспитателямъ пришлось бы отступиться отъ своего дѣла, потому что ихъ воспитанники доказали бы имъ, что они не умѣютъ приказывать!]

Убивая въ ребенкѣ смѣлость и самостоятельность ума [*безусловное* повиновеніе] [1]), вредно дѣйствуетъ и на чувство. Сознаніе своей личности и нѣкоторыхъ правъ человѣческихъ начинается въ дѣтяхъ весьма рано (если только оно *начинается*, а не прямо родится съ ними). Это сознаніе [необходимо требуетъ удовлетворенія, состоящаго въ] [1]) возможности слѣдовать *своимъ* стремленіямъ, [а не служить безсознательнымъ орудіемъ для какихъ-то чужихъ, невѣдомыхъ цѣлей.] Какъ скоро разумныя стремленія ребенка удовлетворяются, т.-е. дается ему просторъ думать и дѣйствовать самостоятельно (хотя до нѣкоторой степени), ребенокъ бываетъ веселъ, радушенъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, выказываетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, самое милое и разумное послушаніе въ томъ, справедливость чего онъ признаетъ. Напротивъ, когда дѣятельность ребенка стѣсняется, стремленія его подавляются, не находя ни желаемаго удовлетворенія, ни даже разумнаго объясненія, когда, вмѣсто сознательной личной жизни, дитя, какъ трупъ, какъ автоматъ, должно быть только послушнымъ орудіемъ [чужой воли]—тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположеніе овладѣваетъ душою ребенка: онъ становится угрюмъ, вялъ, безжизненъ, выказываетъ непріязнь къ другимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и расположеній. Въ отношеніи къ самому воспитателю, до тѣхъ поръ, пока не усвоитъ себѣ *безусловнаго* достоинства машины, воспитанникъ бываетъ очень раздражителенъ и недовѣрчивъ. Да и впослѣдствіи, успѣвши даже до нѣкоторой степени обезличить себя, онъ, все-таки, остается въ непріятныхъ отношеніяхъ къ воспитателю, требующему только *безусловнаго* исполненія приказаній, [справедливо, хотя и смутнымъ инстинктомъ постигая въ немъ притѣснителя и врага своей личности, отъ которой, при всѣхъ усиліяхъ, человѣкъ никогда не можетъ совершенно отрѣшиться].

Нужно-ли говорить о томъ губительномъ вліяніи, какое производитъ [привычка къ *безусловному* повиновенію] [2]) на развитіе воли? Кажется, совершенно излишне, и мы бы охотно прошли молчаніемъ этотъ пунктъ, если бы не имѣли предъ глазами странныхъ положеній г. Зедергольма («Морской Сборникъ» № 14, стр. 38—39), утверждающаго, что «усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю и подчинить ее чужой, развиваетъ его *нравственную силу* (!). Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его первое проявленіе нравственности, первая нравственная борьба, и только съ нея начинается собственно *человѣческая* жизнь. А отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ, силы его воли укрѣпятся такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, въ состояніи повиноваться *самому себѣ* и исполнять то, что

[1]) *такое воспитаніе*

[1]) хочетъ
[2]) такая система воспитанія

разсудокъ и совѣсть требуютъ отъ него». Все это разсужденіе очень напоминаетъ намъ одного благоразумнаго родителя, который, желая развить въ сынѣ тѣлесную ловкость, клалъ его спиною поперекъ на узкую доску, поднятую аршина на полтора отъ земли, и заставлялъ такимъ образомъ балансировать. Ребенокъ болталъ руками и ногами, стараясь найти себѣ точку опоры, не находилъ ея, изнемогалъ и со страшнымъ крикомъ скатывался съ доски. Развился онъ при такихъ умныхъ мѣрахъ очень уродливо, да еще вдобавокъ никогда не могъ впослѣдствіи даже пройти моста безъ внутренняго содроганія. Вообще эта система—клинъ клиномъ выбивать—давно [у насъ] извѣстна, [и давно мы видимъ ея страшные результаты.] Дитя боится темноты—его запираютъ въ темную комнату; дитя питаетъ отвращеніе къ какому-нибудь кушанью,—его цѣлую недѣлю кормятъ нарочно этимъ кушаньемъ; дитя любитъ сидѣть за книжкой,—его посылаютъ гулять; онъ хочетъ бѣгать,—ему велятъ сидѣть на мѣстѣ,—и это дѣлается весьма часто не изъ сознанія необходимости или пользы того, что приказываютъ, а изъ чистыхъ и безкорыстныхъ педагогическихъ видовъ,—чтобы пріучить ребенка къ послушанію... Впрочемъ, наши практическіе воспитатели нѣсколько послѣдовательнѣе г. Зедергольма; они просто говорятъ: «нужно привыкать къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ поздно будетъ». Такимъ образомъ они откровенно признаются, что имѣютъ въ виду подарить обществу будущихъ Молчалиныхъ. Но г. Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли! Да помилуйте, вѣдь это все равно, какъ если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитанникѣ, каждый разъ говоря ему: не разсуждайте [(какъ и дѣлается обыкновенно у воспитателей, требующихъ *безусловнаю* повиновенія),] вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: «этимъ развиваются его умственныя способности, потому что тутъ онъ долженъ соображать внутренно и взвѣшивать справедливость моего мнѣнія и несправедливость своихъ возраженій». Не правда-ли, что это столь же логическое предположеніе, какъ и г. Зедергольма? И какъ легко такимъ образомъ воспитывать дѣтей!

Напрасно г. Зедергольмъ указываетъ на *борьбу*. Здѣсь собственно нѣтъ борьбы, а есть только уступка безъ бою, которая, при частомъ повтореніи, производитъ не крѣпость воли, а нравственное разслабленіе. Да если и бываетъ въ самомъ дѣлѣ борьба, то самая неразумная: съ одной стороны—внутренняя сила, природное влеченіе, которое ребенку представляется правильнымъ, а съ другой—внѣшнее, непонятное давленіе чужого произвола, или того, что ребенокъ считаетъ произволомъ... При [*безусловномъ* повиновеніи] [1]) побѣда обыкновенно остается на сторонѣ *внѣшней* силы, и это обстоятельство неизбѣжно должно убить внутреннюю энергію [и отбить охоту отъ противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ]. При томъ не нужно упускать изъ виду еще одного обстоятельства: многія изъ приказаній, отдаваемыхъ ребенку, бываютъ такого рода, что онъ не имѣетъ еще о нихъ опредѣленнаго мнѣнія, и ему лично все равно—исполнить ихъ или не исполнить. Не понимая, зачѣмъ и почему, онъ дѣлаетъ то, что велѣно, только потому, что это велѣно. Тутъ уже [борьбы] [2]) никакой нѣтъ, а господствуетъ полная безсознательность, обращающаяся потомъ въ привычку. Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ во всю свою жизнь остается подъ различными вліяніями, которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманнымъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человѣкъ прежде всего попадется, тому будетъ слѣдовать.

Каково вліяніе *безусловныхъ* приказаній на *совѣсть* (на что указываетъ также г. Зедергольмъ), можно понять изъ всего, что было до сихъ поръ сказано. Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добрѣ, а только по приказу, человѣкъ становится безразличнымъ къ добру и злу и безъ зазрѣнія совѣсти совершаетъ поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что «*такъ приказано*».

Это все слѣдствія, необходимо вытекающія изъ самой методы абсолютнаго повиновенія. Но вспомните еще, сколько съ ней сопряжено другихъ неудобствъ, являющихся при исполненіи. Приказанія воспитателя могутъ быть несправедливы, непослѣдовательны и, такимъ образомъ, будутъ искажать природную логику ребенка. Если наставниковъ и воспитателей нѣсколько, они могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ приказаніяхъ, и дитя, обязанное всѣхъ ихъ равно слушаться, попадаетъ въ темный лабиринтъ, изъ котораго выйдетъ не иначе, какъ только совершенно потерявши сознаніе нравственнаго долга (если не успѣетъ дойти само до *своихъ* правилъ и, слѣдовательно, до презрѣнія наставниковъ). Всѣ недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могутъ перейти и къ воспитаннику, пріученному соображать свои дѣйствія не съ нрав-

---

[1]) такой системѣ воспитанія.
[2]) разумной дѣятельности.

ственнымъ закономъ, не съ убѣжденіемъ разума, а только съ безусловною волею воспитателя.

Такимъ образомъ, отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ [прежде установленныхъ] [1]) порядковъ,—вотъ дары, которыми [*безусловное* повиновеніе при воспитаніи] [2]) надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И съ такими-то качествами человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія [противъ цѣлаго обшества,] и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркою для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего будетъ онъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто же, наконецъ, далъ ему право на это? [Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія же отношенія въ службѣ и общежитіи. Какая же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта—пятнадцать, двадцать лѣтъ,—до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того, собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими.—Гораздо естественнѣе] [3]) заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ виду, разумѣется, совершенный успѣхъ [системы *безусловнаго* повиновенія] [4]). Но есть натуры, съ которыми подобная система никакъ не можетъ удаться. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное, свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди совершаютъ великія дѣла, становятся благодѣтелями человѣчества. Но, задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь, весьма ограниченнаго, наставника, не имѣя простора для размаха своихъ крыльевъ, а принужденные брести тѣсной тропинкой, которая воспитателю кажется совершенно удобной и приличной, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Самый яркій примѣръ подобнаго оборота дѣла представляетъ *Вольтеръ*, воспитанный въ [благочестивыхъ,] основанныхъ на строгомъ, мертвомъ повиновеніи, правилахъ іезуитскихъ школъ. Одинъ разъ дошедши до убѣжденія въ неправости своего учителя, подобный ученикъ уже не останавливается... Да и что могло бы остановить его? И хорошее и дурное, и ложное и справедливое у него перемѣшано въ приказаніяхъ безусловныхъ и представляется ему подъ одной призмой стѣсненія его личности. Нравственное чувство въ немъ не развито, умъ не пріученъ къ спокойному, медленному обсуживанію своихъ дѣйствій; все, что онъ знаетъ и чему вѣритъ, вбито ему въ голову насильно, безъ всякаго участія его собственной воли и чувства. Поэтому весь внутренній міръ, какъ развитый имъ не отъ себя, а навязанный извнѣ, представляется ему чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, и весь, разомъ, безъ большого труда, опрокидывается, особенно, если при этомъ вмѣшается еще какое-нибудь вліяніе, совершенно противоположное вліянію воспитателей. Въ ожесточеніи [противъ угнетавшихъ его,] онъ развиваетъ въ себѣ духъ противорѣчія и становится противникомъ уже не злоупотребленій только, а самыхъ началъ, принятыхъ въ обществѣ. Разумѣется, его ждетъ скорая гибель, или жизнь, полная скорбнаго недовольства самимъ собою и людьми, пропадающая въ безплодныхъ исканіяхъ, съ неумѣньемъ остановиться на чемъ-нибудь. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгибло такимъ образомъ жертвою учительской указки, иногда съ жалобнымъ шумомъ, а чаще просто, въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда.

Но чего вы хотите?—спросятъ насъ:—неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?...

Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что

---

[1]) существующихъ
[2]) такое воспитаніе
[3]) Изъ этого можно
[4]) приведенной системы.

не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясною и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго человѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать человѣка нравственнымъ—не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію.

«Но это смѣшная и нелѣпая претензія,—скажутъ глубокомысленные педагоги, презрительно улыбаясь въ отвѣтъ на наши доводы.—Развѣ можно отъ маленькаго дитяти требовать правильнаго обсужденія высокихъ нравственныхъ вопросовъ, развѣ можно *убѣждать* его, когда онъ не развитъ настолько, чтобы понимать убѣжденія? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему цѣлый курсъ физіологіи, чтобы доказать, почему и какъ полезна прогулка, точно такъ, какъ было бы непѣпо, задавая таблицу умноженія, перебирать всѣ математическія дѣйствія, въ которыхъ она необходима, и отсюда уже вывести пользу ея изученія... [Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы добиться, во что бы то ни было, безпрекословнаго исполненія воспитанникомъ приказаній высшихъ, и если нельзя достигнуть этого посредствомъ убѣжденія, то надо добиться посредствомъ страха».]

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одинъ недостатокъ — принятіе [нынѣшняго] statu quo за нормальное положеніе вещей. Я съ вами согласенъ, что дѣти неразвиты еще для яснаго пониманія своихъ обязанностей; но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развить въ нихъ это пониманіе. Для этого они и воспитываются. А вы, вмѣсто того, чтобы внушать имъ сознательныя убѣжденія, подавляете и тѣ, которыя въ нихъ сами собою возникаютъ, и стараетесь только сдѣлать ихъ безсознательными, послушными орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ,—тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ, что приказано.—Въ такомъ случаѣ, на что же вы и поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе?... Вѣдь вашъ прямой долгъ — добиться, чтобы васъ понимали!... Вы для ребенка, а не онъ для васъ; вы должны приноравляться къ его природѣ, къ его духовному состоянію, какъ врачъ приноравливается къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье. «Ребенокъ еще не развитъ»,—да какъ же онъ и разовьется, когда вы нисколько объ этомъ не стараетесь, а еще, напротивъ, задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значитъ, нельзя выучиться незнакомому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ, — потому что, начиная учиться, вы его не понимаете,—а надобно вести дѣло, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь, мало-по-малу, узнается!... Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ едва-ли что-нибудь выказывается такъ ярко, какъ желаніе спрятать свою лѣнь и разные корыстные виды подъ покровомъ священнѣйшихъ основъ всякаго добра. Но, унижая разумное убѣжденіе, заставляя воспитанника дѣйствовать безсознательно, можно несравненно скорѣе подкопать ихъ, нежели всяческимъ предоставленіемъ [самой] широкой свободы развитію ребенка... Всѣ эти близорукія сужденія о неразвитости дѣтской природы чрезвычайно напоминаютъ тѣхъ господъ, которые возстаютъ противъ Гоголя и его послѣдователей за то, что эти писатели просто пересыпаютъ изъ пустого въ порожнее, что они никого не научаютъ, и что людей, на которыхъ они нападаютъ, можно пронять только дубиною, а никакъ не убѣжденіемъ... Какъ будто бы дубина можетъ кого-нибудь и чему-нибудь научить! Какъ будто бы, побивши человѣка, вы черезъ то дѣлаете его нравственно лучшимъ или можете внушить ему какое-нибудь убѣжденіе, кромѣ развѣ убѣжденія, что вы такъ или иначе сильнѣе его!... Для дрессировки, правда, argumentum baculinum очень достаточенъ: такимъ образомъ лошадей выѣзжаютъ, медвѣдей плясать выучиваютъ и изъ людей дѣлаютъ ловкихъ спеціальныхъ фокусниковъ. Но при всей ловкости въ своемъ мастерствѣ, — ни лошади, ни медвѣди, ни многіе изъ людей, воспитанные такимъ образомъ, ничуть не дѣлаются оттого умнѣе!...

«А какъ же,—говорятъ еще ученые педагоги, — предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній, окружающихъ его? Неужели позволить ему доходить до сознанія ихъ вредности собственнымъ опытомъ? Такимъ образомъ,

ни одинъ ребенокъ не остался бы цѣлъ. Испытавши, напримѣръ, что такое ядъ, или что значитъ свалиться въ окошко изъ четвертаго этажа, дитя навѣрное не останется очень благодарнымъ тому педагогу, который, по особенному уваженію человѣческой природы, принялся бы въ критическую минуту за убѣжденія, а не рѣшился бы просто отнять ядъ или оттащить ребенка отъ окошка»... Оставляя въ сторонѣ всю [шутовскую,] нелѣпую сторону этого возраженія, по которому, напримѣръ, подчиненный не можетъ спасти утопающаго начальника (потому, что онъ отъ него не можетъ требовать безусловнаго повиновенія, а безъ этого спасеніе невозможно), замѣтимъ одно. Дѣти потому-то часто и падаютъ изъ оконъ и берутъ мышьякъ вмѣсто сахару,—что система безусловнаго повиновенія заставляетъ ихъ только слушаться и слушаться, не давая имъ настоящаго понятія о вещахъ, не пробуждая въ нихъ никакихъ разумныхъ убѣжденій.

Да и хоть бы справедливы были жалобы на неразумность дѣтей! А то и онѣ оказываются чистѣйшею клеветою, придуманною для своихъ видовъ досужимъ воображеніемъ неискусныхъ педагоговъ. Прежде всего можно замѣтить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, такъ же, какъ, напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика—говорить, не піитика—быть поэтомъ, и т. п. Воспитаніе, точно такъ, какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачею только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ въ душѣ, только живетъ жизнью непосредственною, безсознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьянѣ, съ вашей системой *безусловнаго* повиновенія, и тогда цѣлый міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ этой системой и будетъ по ней воспитывать дѣтей своихъ. Но вы этого не можете сдѣлать и потому должны смиренно признать права разумности въ самой природѣ ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она вамъ представляетъ.

А разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, нежели предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и неумѣютъ опредѣлительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Логика ребенка весьма ясно выражается въ самое первое время его жизни, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ языкъ. Можно положительно сказать, что трехъ или четырехлѣтнее дитя не слыхало и половины тѣхъ словъ, которыя употребляетъ; оно само составляетъ и производитъ ихъ по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грамматикѣ, скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого, слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развивается въ ребенкѣ.

То же самое нужно сказать и о пониманіи связи между причинами и слѣдствіями. Ожегши одинъ палецъ на свѣчкѣ, ребенокъ въ другой разъ уже не схватитъ свѣчи рукою; видя, что зимою бываетъ снѣгъ, а лѣтомъ—нѣтъ, ребенокъ при таяніи снѣга, весною, догадывается, что лѣто приближается, и пр., и пр. Всякое дитя ласкается къ тому, кто его ласкаетъ, и удаляется отъ того, въ комъ встрѣчаетъ грубое обращеніе, и т. п.

Мало этого: дѣти очень рано умѣютъ составлять понятія. Узнавши, что такое домъ, книга, столъ и пр., ребенокъ безошибочно узнаетъ всѣ другіе дома, книги, столы, хотя бы вновь увидѣнные имъ и не походили на тѣ, которые онъ видѣлъ прежде. Это значитъ, что у него въ головѣ уже составилось понятіе, а для составленія понятія, какъ извѣстно, нужно умѣть сдѣлать и сужденіе, и умозаключеніе...

Съ чего же пришло въ голову многоученымъ педагогамъ, что дитя не способно понимать разумное убѣжденіе, а можетъ быть управляемо только страхомъ, обманомъ и т. п.? Я никакъ не могу сообразить, отчего же бы это ложное убѣжденіе скорѣе принялось въ душѣ ребенка, нежели правильное. Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ,—нельзя; а сказать: «не плачь, а то тебя бука съѣстъ», или: «перестань, а не то—высѣку»,—можно. Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при подобныхъ увѣщаніяхъ?

«Но,—говорятъ,—ребенокъ еще не можетъ разсуждать правильно о частныхъ случаяхъ, потому что онъ не имѣетъ данныхъ: онъ еще такъ мало видѣлъ и знаетъ». Это въ высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя въ томъ именно и состоитъ, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ мо-

жетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что-нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя;—а вы ему покажите, *какъ* это сдѣлать. Онъ самъ что-нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его какъ онъ хотѣлъ бы исполнить свое намѣреніе. Онъ разсказываетъ свои мечтательные планы; вы послѣдовательно и подробно доказываете неисполнимость его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ природы, о явленіяхъ духовной жизни человѣка, объ устройствѣ общества! И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію.

Вообще можно сказать, что въ непонятливости дѣтей большею частію виноваты сами взрослые. У насъ обыкновенно жизненныя случайности потрясаютъ нѣсколько твердость чистой логики; de jure и de facto неразрѣшимо переплетаются, и мы, по привычкѣ къ уклоненіямъ, часто допускаемъ такія примѣненія основныхъ принциповъ, или такіе общіе выводы изъ частныхъ фактовъ, которыхъ чистое мышленіе никакъ принять не можетъ. Чистая дѣвственная логика дѣтской головы этого не допускаетъ, и потому всѣ нелогичности, допускаемыя нами незамѣтно для насъ самихъ, изъ деликатнаго почтенія къ statu quo, упорно не понимаются дѣтьми. Если вы наполнили умъ дитяти вѣрными данными, то вамъ трудно уже будетъ вбить ему въ голову ложное заключеніе, выведенное изъ этихъ данныхъ; если вы заставили его сначала принять ложное основаніе, то вы долго не добьетесь, чтобы онъ правильно смотрѣлъ на слѣдствія, выводимыя вами и логически несоотвѣтствующія принятому началу. Твердое настаиваніе на этихъ нелогичностяхъ, безъ подробнаго и откровеннаго разъясненія обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, непремѣнно ведетъ къ искаженію природнаго здраваго смысла въ ребенкѣ, и, къ сожалѣнію, такое искаженіе происходитъ у насъ слишкомъ часто.

Столь же много вредитъ понятливости дѣтей и неестественный порядокъ, принятый у насъ вообще въ обученіи. Познанія могутъ быть пріобрѣтаемы только аналитическимъ путемъ; сама наука развивалась такимъ образомъ; а между тѣмъ, даже въ самомъ первоначальномъ обученіи начинаютъ у насъ съ синтеза! Порядокъ совершенно извращенный, отъ котораго происходятъ въ занятіяхъ неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, напр., введеніемъ, въ которомъ говорится о сущности, важности, пользѣ, раздѣленіи науки и т. п. Спрашиваю васъ, какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ понялъ все это прежде, чѣмъ онъ изучитъ самую науку?—Исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую: каждая часть дѣлится на слѣдующіе періоды и пр. На чемъ держится это дѣленіе, къ чему оно примкнетъ въ головѣ мальчика, который объ исторіи понятія не имѣетъ? Географія есть наука, показывающая и т. д.; она состоитъ изъ трехъ частей: математической, физической и политической. Первая говоритъ о томъ-то, вторая о томъ-то, и пр. Можно ли ожидать, чтобы, начиная съ этого географію, ребенокъ могъ разумно усвоить себѣ что-нибудь? [1]).

А между тѣмъ, посмотрите, сколько *любознательности*, сколько жаднаго стремленія къ изслѣдованію истины выказываютъ дѣти. Инстинктъ истины говоритъ въ нихъ чрезвычайно сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, нежели во взрослыхъ людяхъ. Они не интересуются призраками, которые создали себѣ люди и которымъ придаютъ чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются въ филологическія или метафизическія тонкости, не стремятся къ чинамъ и почестямъ (разумѣется, если имъ не натолковали объ этомъ чуть не со дня рожденія). Зато, какъ охотно они обращаются къ природѣ, съ какою радостію изучаютъ все дѣйствительное, а не призрачное, какъ ихъ занимаетъ всякое живое явленіе. Они не любятъ отвлеченностей, и въ этомъ спасеніе отъ насильственно вторгающихся въ ихъ душу умствованій, которыхъ доказать и объяснить часто не можетъ даже тотъ, кто хлопочетъ о вкорененіи ихъ въ душѣ воспитанниковъ. Да, счастливы еще дѣти, что природа не вдругъ теряетъ надъ ними свои права, не тотчасъ оставляетъ ихъ на жертву извращенныхъ, пристрастныхъ, односторонникъ людскихъ теорій!..

«Но, скажутъ, въ дѣтяхъ сильно влеченіе ко злу; необходимо дѣятельно противиться злымъ отъ природы наклонностямъ ребенка». Не разбирая подробно этого мнѣнія, позволимъ себѣ отвѣтить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполнѣ можно повѣрить, когда дѣло идетъ о свойствахъ человѣческой природы. Вотъ его

---

[1]) Въ этой мысли Добролюбовъ былъ несомнѣннымъ у насъ новаторомъ: только теперь русская школа вступаетъ на указанный имъ путь.

слова: «Добро и зло довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и зоркости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу».

Но если даже и справедливо, что въ природѣ нашей есть природное влеченіе ко злу, то развѣ вы можете взяться за его уничтоженіе? Вы ли, безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіямъ грубаго эгоизма,— вы ли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью возстаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитайте прежде самихъ себя и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ.

Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершества, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются со сверстникомъ, не спрашивая, богатъ ли онъ, равенъ ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особая наклонность сближаться съ обиженными судьбою, со слугами и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ; ребенокъ никогда не съѣстъ даннаго ему яблока безъ своего брата или сестры, которыхъ онъ любитъ; онъ всегда принесетъ изъ гостей гостинцы своей любимой нянюшкѣ; онъ заплачетъ, видя слезы матери, изъ жалости къ ней. Вообще, мнѣніе, будто бы въ дѣтяхъ преобладающее чувство — животный эгоизмъ, рѣшительно лишено основанія. Если въ нихъ не замѣтно сильнаго развитія любви къ отечеству и человѣчеству, это, конечно, потому, что кругъ ихъ понятій еще не расширился до того, чтобы вмѣщать въ себѣ цѣлое человѣчество. Они этого не знаютъ, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нѣтъ, не напрасно дѣти поставлены въ примѣръ намъ даже Тѣмъ, предъ Кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, чье ученіе столько вѣковъ оглашаетъ вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на дѣтей, должны сами переродиться, *сдѣлаться какъ дѣти*, чтобы достигнуть вѣдѣнія истиннаго добра и правды. Если уже мы хотимъ обратить вниманіе на воспитаніе, то надо начать съ того, чтобы перестать презирать природу дѣтей и считать ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденій разума. Напротивъ, надо пользоваться тѣми внутренними сокровищами, которыя представляетъ намъ натура дитяти. Многія изъ этихъ природныхъ богатствъ намъ еще совершенно неизвѣстны, многое, по слову Евангелія, утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ!..

Эта апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола, останавливающаго естественное развитіе, имѣла цѣлью указать на одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего воспитанія. Мы не пускались въ подробности, а выставляли на видъ только общія положенія, въ надеждѣ, что умные воспитатели, если согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, то и сами увидятъ, что и какъ нужно имъ дѣлать и чего не дѣлать. Искусства обращаться съ дѣтьми нельзя передать дидактически; можно только указать основанія, на которыхъ оно можетъ утверждаться, и цѣль, къ которой должно стремиться. И мы думаемъ, — главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это— уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды.

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобнаго обращенія къ естественному смыслу дѣтей было уже положено, слишкомъ за полвѣка назадъ, благороднымъ и безкорыстнымъ филантропомъ воспитателемъ—Песталоцци. По поводу его-то школы сдѣлано, г-жею Сталь многозначительное замѣчаніе, что «непониманіе дѣтей происходитъ всегда болѣе отъ темноты изложенія, нежели отъ трудности самыхъ наукъ» (De l'Allemagne). Тысячи опытовъ подтвердили это замѣчаніе съ тѣхъ поръ, какъ оно было высказано, и мы съ горестью должны сознаться, что оно и до сихъ поръ не потеряло своей справедливости. И не только умственное, но, — что еще болѣе грустно,—даже нравственное воспитаніе дѣтей страдаетъ у насъ тою же голословностью, внѣшностью, мертвенностью. Освободиться отъ этого жалкаго состоянія обратить вниманіе не на мертвую букву, а на живой духъ, не на исполненіе внѣшней

формы, а на развитіе внутренняго человѣка, — вотъ задача, которой выполненіе предстоитъ современному русскому воспитанію.

---

85. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Бывшій издатель «Иллюстраціи», А. Т. Крыловъ, въ началѣ 1856 г. задумалъ составить сборникъ, въ которомъ надѣялся дать видное мѣсто многимъ старымъ рисункамъ журнала. Онъ пригласилъ сотрудничать Крешева, Мея, Толбина, Данилевскаго, Ѳедорова, Томилина, Ив. Михайлова, Витта и др. Въ половинѣ сентября Крыловъ обратился къ Чернышевскому съ просьбой написать статьи о Пушкинѣ и Державинѣ. Н. Г. отказался, но указалъ на Добролюбова. Послѣдній согласился взяться за Пушкина, а Державина отдалъ пріятелю, Щеглову. Черезъ недѣлю статья Н. А. была готова и 1 октября сдана Крылову. «Оказалось, что у него еще только три статьи получены, а всѣ остальныя обѣщаютъ на дняхъ. Я пожалѣлъ, что торопился и не обдѣлалъ статью какъ слѣдуетъ, т.-е. ровно ничего не сказалъ въ ней. Передѣлывать въ другой разъ и хорошія-то вещи я не люблю, а пустяки еще больше». Время шло. Крыловъ обратился къ Чернышевскому съ просьбой принять на себя редакцію сборника, но тотъ снова указалъ на Добролюбова. «Я колебался, думая, что эта вещь очень щекотливая, и не могъ себѣ представить, какъ же это я буду поправлять сочиненія извѣстныхъ писателей... Но Чернышевскій своей насмѣшкой заставилъ меня рѣшиться, и на другой день я отправился къ Крылову за статьями». Статей оказалось пока очень мало, и были «всѣ очень пусты и дики и, дѣйствительно, требовали сильныхъ поправокъ» (Юб. Сборн., 304 — 306). Словомъ, дѣло тянулось до 10 мая 1857 года, когда «Русскій иллюстрированный альманахъ» былъ разрѣшенъ цензурой. Къ этой датѣ я и пріурочиваю статью Добролюбова, полагая, что какъ ни какъ, но, все-таки, хоть въ корректурѣ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія и потому врядъ-ли справедливо относить статью къ сентябрю 1856 г., тѣмъ болѣе, что въ свѣтъ альманахъ вышелъ въ самомъ концѣ 1857 года. Разумѣется, для студента-Добролюбова редактированіе сборника было уже нѣчто, оно указываетъ на мнѣніе о немъ Чернышевскаго. Статья подписана «Н. Лайбовъ».

Сейчасъ она интересна для насъ только, какъ возможность знать, какъ Н. А. оцѣнивалъ Пушкина еще на студенческой скамьѣ. Какъ видно, онъ отводилъ ему почетнѣйшее мѣсто, но далекъ былъ отъ безотчетнаго поклоненія всему, написанному поэтомъ. Факты біографіи Пушкина не играютъ роли для современнаго читателя, знакомаго съ ними по новѣйшимъ даннымъ. (См. № 119).

М. Л.

Имя Пушкина извѣстно каждому читающему русскому. О немъ было написано у насъ очень много и еще недавно, при новомъ изданіи его сочиненій, представленъ русской публикѣ цѣлый томъ матеріаловъ для его біографіи, собранныхъ г. Анненковымъ. Въ нихъ можно почерпнуть довольно много любопытныхъ данныхъ для характеристики Пушкина, и мы постараемся воспользоваться важнѣйшими изъ нихъ для нашего очерка, имѣющаго въ виду именно характеристику поэта, такъ какъ собственно біографія его всѣмъ извѣстна, и при томъ, какъ у большей части писателей, не богата событіями, имѣющими внѣшній интересъ.

Пушкинъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Это обстоятельство, само по себѣ совершенно ничтожное въ жизни поэта, заслуживаетъ нашего вниманія потому, что самъ Пушкинъ придавалъ ему весьма большое значеніе. Онъ съ наслажденіемъ занимался своей генеалогіей, гордился своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, осуждалъ одного изъ своихъ родственниковъ за то, что онъ подписался подъ грамотою объ уничтоженіи мѣстничества, зло смѣялся надъ тѣми, для которыхъ все равно,

> «Кто-бъ не былъ ихъ родоначальникъ,
> Мстиславъ, Князь Курбскій, иль Ермакъ,
> Или Митюшка цѣловальникъ»,

и писалъ, что только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго: такъ, образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою старого лѣтописца, гдѣ упомянуто

имя его предка, но у калмыковъ нѣтъ ни дворянства, ни исторіи. Впрочемъ, поэтъ, простирая свое генеалогическое пристрастіе слишкомъ далеко, нѣсколько преувеличивалъ древность своего рода, возводя его къ прусскому выходцу Радшѣ, пріѣхавшему въ Россію во время Александра Невскаго. Отъ этого Радши Пушкины ведутъ свой родъ вмѣстѣ со многими другими родами; настоящій же родоначальникъ фамиліи Пушкиныхъ былъ нѣкто Григорій Пушка, жившій, по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ началѣ XV вѣка. Съ этого времени и начинаются упоминанія о Пушкиныхъ въ историческихъ памятникахъ.

Со стороны матери родъ Пушкина также замѣчателенъ. Прадѣдъ его, по собственнымъ словамъ Пушкина, былъ сынъ одного владѣтельнаго африканскаго князька, попалъ въ Константинополь амманатомъ, а здѣсь, осьми лѣтъ отъ роду, купленъ русскимъ посланникомъ и отосланъ въ подарокъ Петру Великому. Петръ очень полюбилъ его, и въ русской службѣ негръ Ганнибалъ дослужился до чина генералъ-аншефа. Сынъ его, Осипъ Абрамовичъ, служилъ во флотѣ и былъ женатъ на Маріѣ Алексѣевнѣ Пушкиной. Дочь ихъ, Надежда Осиповна, вышла потомъ за Сергѣя Львовича Пушкина, и отъ этого брака, 1799 г. 26 мая, родился Александръ Сергѣевичъ. Гордясь своимъ родомъ, поэтъ нерѣдко съ замѣтнымъ услажденіемъ упоминаетъ также и о своей африканской крови.

Отецъ Пушкина былъ богатый помѣщикъ, получившій блестящее французское образованіе, веселый, остроумный, жившій въ отставкѣ въ Москвѣ въ то время, какъ родился нашъ поэтъ. О домашнемъ воспитаніи молодого Пушкина мы знаемъ очень немногое, но, судя по общимъ чертамъ, сохраненнымъ въ воспоминаніяхъ его родственниковъ и друзей, можемъ думать, что въ немъ таится начало и основаніе многихъ качествъ, впослѣдствіи отличавшихъ поэта. По тогдашнему обыкновенію, его образованіе предоставлено было иностраннымъ гувернерамъ, по большей части — французамъ, и между ними попалось нѣсколько эмигрантовъ; въ семействѣ господствовалъ французскій языкъ; домъ С. Л. Пушкина былъ открытъ для всѣхъ эмигрантовъ, и библіотека его была наполнена французскими книгами, конечно, подъ стать общему настроенію. Все это способствовало тому, чтобы развить въ воспріимчивой натурѣ Пушкина — веселость, любезность, остроуміе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить ему то безпечное легкомысліе, ту небрежную поверхностность, которая старается обходить серьезные теоретическіе вопросы жизни. Значеніе этихъ чертъ въ Пушкинѣ мы еще увидимъ. Съ этимъ направленіемъ соединялась природная лѣность и беззаботность поэта, которая въ дѣтствѣ его выражалась чрезвычайной неповоротливостью, сидячестью и молчаливостью. Родные сочли это признакомъ слабости и тупости умственныхъ способностей, что для нихъ еще болѣе подтверждалось странною угрюмостью и робостью ребенка, которая, можетъ быть, и произошла вслѣдствіе привычки слышать о себѣ постоянно невыгодное мнѣніе. Большое вліяніе могъ также имѣть здѣсь и характеръ отца Пушкина, вспыльчивый и раздражительный, можетъ быть, не разъ дававшій себя знать мальчику. Говорятъ, что Пушкинъ, чтобы избавиться отъ требованій — быть поживѣе, убѣгалъ нерѣдко къ своей бабушкѣ, залѣзалъ въ ея рабочую корзинку и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, смотря на ея работу. Начиная съ семилѣтняго возраста, его характеръ начинаетъ измѣняться: живая натура поэта вступаетъ въ свои права, освобождаясь отъ робкой лѣности и сосредоточенности. Но тѣмъ не менѣе впечатлѣнія дѣтства оставили въ немъ слѣды на всю жизнь. Недовѣрчивость къ силѣ собственной мысли, отвращенія отъ упорной работы надъ теоретическими вопросами, уклончивость и нерѣшительное потворство въ практическихъ сношеніяхъ съ людьми произошли весьма естественно изъ первыхъ отношеній Пушкина къ своему семейству. Впослѣдствіи, сознавши свои духовныя силы, высоко поставленный во мнѣніи общества, онъ научился уважать себя болѣе, научился даже презирать толпу; но недостатки легкаго французскаго воспитанія помѣшали и здѣсь. Пушкинъ остановился на внѣшности, не нашелъ себѣ того, что составляетъ истинную силу человѣческой личности, и, сумѣвши сдѣлаться до нѣкоторой степени независимымъ отъ частныхъ вліяній, не могъ освободиться отъ тяготѣнія нѣкоторыхъ привычекъ жизни. Говоря о домашнихъ вліяніяхъ на Пушкина, нельзя умолчать о нянѣ его, Аринѣ Родіоновнѣ. Она была для своего питомца представительницею русской народности: она ему передавала волшебныя сказанія русской старины, знакомила его съ русской рѣчью, внушала ему народныя чувства и воззрѣнія. Ей же, можетъ быть, обязанъ онъ отчасти своимъ суевѣріемъ, которое обнаруживалъ во многихъ случаяхъ жизни. Такъ, онъ участь своего таланта соединялъ съ силою какого-то перстня, вѣрилъ счастью серебряной копѣечки, бывшей у него; вѣрилъ предсказаніямъ, придавалъ таинственное значеніе дню Вознесенія, въ который онъ ро-

дился, и проч. Впрочемъ, это опять могло быть естественнымъ слѣдствіемъ его страстной впечатлительной натуры, не направляемой строго-логическимъ развитіемъ. Въ первые годы молодости по этому же самому, конечно, онъ позволилъ себѣ слишкомъ увлечься разсѣяніями свѣта, но уже въ послѣдніе годы жизни онъ совершенно предался религіозному направленію.

Между тѣмъ, съ семи лѣтъ Пушкинъ быстро развивался. Прежняя неповоротливость замѣнилась даже рѣзвостью. Чтеніе было его любимымъ занятіемъ; онъ пожиралъ книги, и, по замѣчанію Сергѣя Львовича, на 11-мъ году зналъ уже наизусть всю французскую литературу. Блестящее общество, собиравшееся въ домѣ Пушкиныхъ, тоже не осталось, конечно, безъ вліянія на развитіе способностей молодого Пушкина. Скоро онъ началъ и самъ составлять французскіе стишки въ подражаніе тому, что читалъ и слышалъ; онъ устроилъ съ сестрой своей нѣчто въ родѣ театра и импровизировалъ для него комедійки. Прочитавши «Генріаду», онъ написалъ даже поэму Joliade, въ 6 пѣсняхъ, содержаніемъ которой была война карлицъ и карликовъ во времена Дагоберта. Но порусски во все это время Пушкинъ почти ничего не писалъ.

Двѣнадцати лѣтъ Пушкинъ, при содѣйствіи В. Ѳ. Малиновскаго и А. И. Тургенева, поступилъ въ Царскосельскій лицей, только-что учрежденный въ то время (1811). Здѣсь скоро развились главныя черты характера Пушкина. Его живость и вѣтреность вызвали его острый умъ на насмѣшки надъ товарищами, за что сначала его не любили и прозвали французомъ; но, съ другой стороны, добродушіе и искренность его не могли не найти отзыва въ кружкѣ товарищей, и, дѣйствительно, лицейскія привязанности всегда были дороги сердцу Пушкина. Скоро появилась въ немъ любовь къ литературѣ: въ лицеѣ издавалось при немъ нѣсколько рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ помѣщались его стихи. Особенно славились въ кругу товарищей его эпиграммы. Въ наукахъ же точныхъ и требующихъ умственнаго усилія Пушкинъ всегда отставалъ. Еще въ дѣтствѣ плакалъ онъ надъ четырьмя правилами ариѳметики; а въ лицеѣ вотъ какъ аттестовалъ его Куницинъ въ 1814 г.: «весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, на крайне неприлеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особенно, по части логики». Эта замѣтка дѣлаетъ честь проницательности добраго профессора.

Зато литературой Пушкинъ занимался усердно, вмѣстѣ съ своими друзьями, особенно съ Дельвигомъ. Дельвигъ убѣдилъ, было, его заниматься нѣмецкой литературой: но Пушкинъ скоро бросилъ ее, вѣроятно потому, что это занятіе требовало сильнаго напряженія. Любимой его литературой оставалась попрежнему французская, и отчасти итальянская, съ которой онъ познакомился еще дома. Въ лицеѣ онъ, кажется, занимался и латынью. Здѣсь онъ велъ нѣкоторое время свои записки, сохранившіеся отрывки которыхъ показываютъ, что уже въ то время онъ серьезно занятъ былъ литературой и предпринималъ много литературныхъ трудовъ въ разныхъ родахъ. Такъ, хотѣлъ онъ писать героическую поэму «Игорь и Ольга», писалъ романъ «Фатама, или разумъ человѣческій», начиналъ какую-то комедію, задумывалъ представить картину Царскаго Села. Все это осталось неисполненнымъ или неоконченнымъ. Между тѣмъ, Пушкинъ не переставалъ во все время лицейской жизни писать мелкія лирическія стихотворенія, въ подражаніе — частію французскимъ поэтамъ, частію Державину, Батюшкову, Жуковскому, тогдашнимъ корифеямъ нашей поэзіи. По большей части—это легкія остроумныя шутки, посланія къ друзьямъ и пьески въ томъ неопредѣленно-эротическомъ родѣ, какой могъ быть доступенъ мальчику, знавшему наслажденія и страданія любви по прочитаннымъ романамъ да по празднымъ мечтамъ воображенія. Первое напечатанное его стихотвореніе было: «Къ другу-стихотворцу» («Вѣстн. Евр». 1814 г., іюль, № 13), и затѣмъ въ продолженіе 1814—1817 г. стихи его постоянно помѣщались въ «Вѣстникѣ Европы», «Россійскомъ Музеумѣ», «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Наблюдателѣ». Замѣчательно, что въ то время Пушкинъ не увлекся одопѣніемъ, которое тогда еще господствовало. Между лицейскими стихотвореніями его находимъ только три или четыре пьесы возвышенно-браннаго содержанія. Это, конечно, даетъ очень выгодное понятіе о поэтическомъ тактѣ молодого Пушкина, который уже и въ это время успѣлъ написать нѣсколько пьесъ, ярко отличающихся и по стиху, и по способу представленія предметовъ отъ всего, что было до него. Стихотвореніе «Лицинію», написанное въ 1815 г., отличается даже благородствомъ и силою мысли болѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ зрѣлыхъ созданій Пушкина, въ которыхъ онъ, переставая быть просто художникомъ, рѣшался затрогивать высокіе общественные вопросы. Впрочемъ, судя по тому, что въ одинъ годъ съ «Лициніемъ» написаны Пушкинымъ «Воспоминанія въ

Царскомъ Селѣ», «Наполеонъ на Эльбѣ» и др., можно думать, что и тогда поэтъ не былъ слишкомъ преданъ мыслямъ, выраженнымъ имъ въ стихахъ своихъ. Вѣроятно, это было у него просто мгновенная вспышка, не мѣшавшая его мирно-эпикурейскимъ наклонностямъ, которыя рѣшительно преобладаютъ въ общей массѣ его лицейскихъ стихотвореній. Изрѣдка появляется въ нихъ оттѣнокъ элегической грусти, которая впослѣдствіи такъ превосходно завершала часто его живые порывы и придавала такую поэтическую прелесть его изображеніямъ. 9 іюня 1817 г. Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лицея, а 13 іюля опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. На лѣто, впрочемъ, онъ отправился въ свое псковское имѣнье, Михайловское, которое потомъ играло такую важную роль въ его поэтической жизни. Три года затѣмъ онъ прожилъ въ Петербургѣ, предаваясь всѣмъ увлеченіямъ и излишествамъ молодости. Онъ былъ въ это время принятъ въ кругу петербургскихъ литераторовъ, какъ уже извѣстный писатель. Еще въ лицеѣ напутствованный благословеніемъ Державина, одобренный потомъ благосклонностью Карамзина, юноша-поэтъ скоро обратилъ на себя вниманіе Жуковскаго и другихъ заслуженныхъ писателей, введенъ былъ въ Арзамасское Общество литераторовъ, познакомился съ Катенинымъ, котораго онъ всегда чрезвычайно уважалъ, какъ умнаго критика. Въ 1820 г. явилась его поэма «Русланъ и Людмила», по прочтеніи которой Жуковскій подарилъ Пушкину портретъ свой съ надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя», хотя, собственно, произведеніе это и не заслуживало еще такой восторженной похвалы. При всемъ стараніи поддѣлаться подъ ладъ русскихъ народныхъ сказокъ, оно очень мало имѣетъ въ себѣ народнаго и довольно бѣдно въ поэтическомъ отношеніи. Впрочемъ, поэма эта, начатая еще въ лицеѣ, окончена была уже на Кавказѣ. Въ Петербургѣ же Пушкинъ въ это время писалъ мало, да и то большею частью такія стихотворенія, которыхъ нельзя было печатать и которыхъ впослѣдствіи онъ самъ стыдился. Это были, большею частью, ѣдкія эпиграммы и разныя пьески нескромнаго содержанія. Въ 1820 г. перевели его въ службу на Кавказъ. Послѣдующія произведенія поэта доказали, что обнаруженное имъ направленіе не было глубоко въ его душѣ, а привилось къ нему только вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, не могшихъ не подѣйствовать на страстную, пламенную натуру его.

Пять лѣтъ провелъ Пушкинъ на югѣ Россіи, подарившемъ его многими прекрасными вдохновеніями. Большую часть этого времени прожилъ онъ въ Кишиневѣ и Одессѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему странствовать по Крыму и Бессарабіи, присматриваясь къ тамошнимъ цыганамъ и грекамъ.

Это время осталось памятнымъ для его развитія. Онъ много писалъ здѣсь и скоро пріобрѣлъ громкую славу на Руси. Въ 1822 г. явился его «Кавказскій плѣнникъ», въ 1824 — «Бахчисарайскій фонтанъ». «Плѣнникъ» стоитъ уже выше «Руслана», хотя и о немъ еще самъ Пушкинъ говоритъ впослѣдствіи: «все это слабо, молодо, незрѣло; но много угадано и выражено вѣрно». На этой пьесѣ, равно какъ и на «Гиреѣ», замѣтны еще слѣды вліянія Байрона. Тогда же начаты «Онѣгинъ» и «Цыганы». Лирическія произведенія во все это время безъ перерыва печатались въ журналахъ, и въ 1826 г. явилась въ печати первая часть собранія ихъ.

Въ концѣ 1824 г. пріѣхалъ онъ въ свое Михайловское и здѣсь въ уединеніи Псковской губерніи прожилъ до 1826 г. Здѣсь посѣтили его друзья и, между прочими, Языковъ. Во все это время онъ очень много работалъ. Здѣсь были написаны шесть главъ «Онѣгина», «Графъ Нулинъ», начатъ «Борисъ Годуновъ». Лирическія стихотворенія, относящіяся къ этому году, поражаютъ оттѣнкомъ тихой грусти, которая съ этихъ поръ дѣлается неразлучной спутницей его музы. Особенно поражаетъ этимъ трогательнымъ чувствомъ стихотвореніе «19-е октября».

Во время пребыванія своего въ псковскомъ уединеніи Пушкинъ особенно обратился къ изученію русской народности. Онъ неоднократно посѣщалъ въ это время Псковъ, молился въ его монастыряхъ (Печерскомъ и Свѣтлогорскомъ, возлѣ самаго Пскова), разсматривалъ памятники его исторической древности на мѣстѣ перваго водворенія князей русскихъ (въ Изборскѣ), и тѣмъ приготовлялъ уже себя къ тому дѣлу, которое потомъ ему должно было выполнить въ отношеніи къ поэтическому и историческому изображенію судебъ Россіи. Но особенно занимало его въ то время наблюденіе надъ языкомъ и нравами народа. Онъ, переодѣтый, ходилъ даже иногда по базарамъ псковскимъ для изученія живой народной рѣчи. Кромѣ того, онъ собиралъ тогда народныя пѣсни и записывалъ сказки, которыя сказывала ему няня Арина Родіоновна.

3-го сентября 1826 года Пушкинъ переѣхалъ въ Москву. Всѣми здѣсь онъ принятъ былъ съ энтузіазмомъ. Его долговременное отсутствіе еще увеличило его славу, какъ поэта, и придало особенный интересъ его личности. Въ упоеніи славы, дружбы и

свѣтскихъ веселостей провелъ онъ всю эту зиму, почти не трогая пера. Съ 1827 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ новомъ журналѣ, предпринятомъ г. Погодинымъ— «Московскомъ Вѣстникѣ». Въ этомъ же году издалъ онъ своихъ «Цыганъ»; въ 1828 г. явились три главы «Онѣгина»; въ 1829 г.— «Полтава», поразившая всѣхъ стальною крѣпостью и силою стиха, и двѣ книжки лирическихъ стихотвореній. Слава его достигла высшей степени. Каждое новое его произведеніе мгновенно разлеталось по всѣмъ концамъ Россіи, читалось, переписывалось, заучивалось. Книгопродавцы наперерывъ покупали его произведенія и платили ему по 10 рублей за стихъ. Такимъ образомъ Пушкинъ съ справедливою гордостью могъ сказать о себѣ, что онъ одинъ изъ первыхъ у насъ развилъ книжную торговлю.

Въ 1829 г. Пушкинъ еще разъ съѣздилъ на Кавказъ и возбудилъ всеобщія ожиданія новыхъ твореній; плодомъ этой поѣздки было—«Путешествіе въ Арзрумъ» и стихотворенія: «Донъ», «Делибашъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ», «Обвалъ».

Въ 1830 г. конченъ «Онѣгинъ» и изданъ «Борисъ Годуновъ», это величайшее драматическое произведеніе русской литературы, хотя и погрѣшающее въ неловкой идеѣ, въ которой Пушкинъ суевѣрно слѣдовалъ Карамзину. Въ этомъ же году Пушкинъ принималъ большое участіе въ основаніи «Литературной Газеты» Дельвигомъ. Вообще 1830 годъ весьма замѣчателенъ въ жизни Пушкина, какъ поэта и какъ человѣка. 21-го апрѣля этого года онъ сдѣлался счастливымъ женихомъ Н. Н. Гончаровой, которую узналъ и полюбилъ еще въ 1828 г. Въ августѣ же онъ долженъ былъ, по хозяйственнымъ дѣламъ, ѣхать въ нижегородскую свою вотчину, село Бородино. Здѣсь застала его холера, и онъ принужденъ былъ пробыть тамъ до декабря. Это время было для него временемъ самой плодотворной дѣятельности. Въ три осенніе мѣсяца написаны: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменный гость», «Лѣтопись села Горохина», повѣсти Бѣлкина и около 30 мелкихъ стихотвореній. «Онѣгинъ» оконченъ здѣсь же.

Наконецъ, въ февралѣ 1831 г. совершилась свадьба Пушкина въ Москвѣ. Скоро послѣ того переѣхалъ онъ въ Петербургъ и здѣсь принялся за собраніе матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Между тѣмъ, въ то же время привлекъ его вниманіе одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ русской исторіи — бунтъ Пугачева, и въ слѣдующіе два года онъ написалъ его исторію и повѣсть изъ того же времени — «Капитанскую дочку». Вообще Пушкинъ склоняется теперь все болѣе къ эпосу и болѣе начинаетъ писать прозой. Онъ самъ говорилъ, что лирическія пьесы можно писать только до 35 лѣтъ, когда еще чувства свѣжи и молоды. Къ 1832 году относятся также «Дубровскій» и «Русалка».

Въ 1833 г. Пушкинъ совершилъ поѣздку въ Казань и Оренбургъ для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о Пугачевѣ. Лѣтомъ этого года перевелъ онъ «Пѣсни западныхъ Славянъ», а осенью кончилъ «Мѣднаго всадника». Къ тому же году относятся, вѣроятно, статьи, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «Мыслей на дорогѣ».

Въ слѣдующіе два года Пушкинъ напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія»—«Пиковую даму», «Кирджали» и «Гусара». За послѣднюю пьесу, въ которой, между прочимъ, мастерски очерченъ типъ стараго гусара, онъ получилъ отъ Смирдина 2000 рублей. Тогда же издалъ онъ 4-ю книжку своихъ стихотвореній и написалъ «Египетскія ночи».

Послѣдній годъ жизни поэта занятъ былъ изданіемъ журнала, о которомъ давно онъ думалъ и хлопоталъ, но котораго все не успѣвалъ начать. Приступивъ, наконецъ, къ изданію «Современника», Пушкинъ съ увлеченіемъ принялся за него, желая сдѣлать изъ него изданіе съ благороднымъ, серьезнымъ тономъ и характеромъ, которое могло бы противодѣйствовать легкому насмѣшливому взгляду на литературу, развивавшемуся тогда въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ журналѣ Пушкина приняли участіе Гоголь, Жуковскій, князь Вяземскій. Самъ издатель чрезвычайно много работалъ для журнала, помѣщая въ немъ особенно много прозаическихъ статей.

Стихотворенія Пушкина въ послѣднее время отличаются особенно религіознымъ характеромъ. Онъ даже занимался въ это время переложеніемъ житій святыхъ и чуть ли не участвовалъ въ составленіи «Словаря святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви». Онъ обѣщалъ идти еще дальше по этому пути; но судьба не дала ему выразить этого направленія ни въ какомъ великомъ изданіи. Страшный ударъ поразилъ поэта въ то самое время, какъ онъ готовился изумить Россію новыми твореніями, какихъ отъ него не ожидали.

27-го января 1837 г. онъ раненъ на поединкѣ Георгомъ Гекерномъ (Дантесомъ) и 29 скончался. Грустно разсказывать трагическую исторію его кончины; впрочемъ, описаніе ея читала уже вся Россія въ дивномъ письмѣ Жуковскаго къ отцу поэта. Въ послѣдніе дни жизни поэта русская публика выказывала къ нему свое участіе.

Во время предсмертной агоніи домъ его съ утра до вечера полонъ былъ народомъ, и цѣлыя толпы стояли на улицѣ, желая имѣть извѣстіе о его положеніи. Тысячи народа собрались въ день его погребенія, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на своего любимаго поэта. Тѣло Пушкина предположено было отправить въ Святогорскій Успенскій монастырь, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Для избѣжанія шумнаго многолюдства при проводахъ тѣло отправили въ самую полночь, и объ этомъ знали только немногіе, самые близкіе друзья его. А. И. Тургеневъ проводилъ его до послѣдняго жилища.

Прошло 20 лѣтъ со времени смерти великаго поэта. Умолкли личныя страсти и предубѣжденія противъ него, охладѣли и пламенныя увлеченія тогдашнихъ юношей. Русская публика привыкла къ имени Пушкина, какъ своего великаго національнаго поэта. Она до сихъ поръ его перечитываетъ и наслаждается живою прелестью его стиховъ. Она теперь еще лучше понимаетъ его, нежели въ то время, когда новость и блескъ его произведеній, ослѣпляя всѣ глаза и увлекая всѣ сердца, препятствовали холодному, правильному разсмотрѣнію сущности характера его произведеній. Теперь для Пушкина настало потомство. Не тѣ уже мы, каковы были четверть вѣка тому назадъ.

Безцѣльное направленіе исключительной художественности для новаго поколѣнія — уже прошедшее, имѣющее только свою долю историческаго значенія. Въ этомъ прошедшемъ яркой звѣздой красуется Пушкинъ, и заря новаго литературнаго движенія, конечно, не потемняетъ еще его блеска. Еще мы можемъ имъ любоваться; еще мы чувствуемъ и на себѣ отраженіе того блеска, который недавно былъ восхваленъ, какъ солнечное сіяніе. Теперь мы понимаемъ возможность иного, еще болѣе яркаго и благотворительнаго свѣтила на горизонтѣ русской поэзіи,—свѣтила, въ лучахъ котораго потонутъ всѣ наши звѣзды. Но пока оно взойдетъ, у насъ еще долго будутъ ярко блестѣть лучи поэзіи Пушкина.

Значеніе Пушкина огромно не только въ исторіи русской литературы, но и въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ первый пріучилъ русскую публику читать, и въ этомъ состоитъ величайшая его заслуга. Въ его стихахъ впервые сказалась намъ живая русская рѣчь, впервые открылся намъ дѣйствительный русскій міръ. Всѣ были очарованы, всѣ увлечены мощными звуками этой неслыханной до тѣхъ поръ поэзіи. Прежде того поэты русскіе въ наемномъ восторгѣ воспѣвали по заказу иллюминаціи, праздники и другія событія, о которыхъ сами не имѣли никакого понятія и до которыхъ цѣлому народу не было никакого дѣла. Потомъ, освободившись отъ этого шутовского занятія, эти почтенные люди обратились къ гуманнымъ идеямъ, но, по обыкновенію, поняли ихъ совершенно отвлеченно отъ жизни и начали строить зданіе золотого вѣка на грубой почвѣ. Такимъ образомъ литература ударилась въ сентиментальность: оставляя въ сторонѣ существенныя бѣдствія, плакали надъ вымышленнымъ горемъ; преклоняясь предъ господствующимъ порокомъ, казнили порокъ не бывалый и вѣнчали идеальную добродѣтель. Убѣдившись, наконецъ, въ безплодности этого слезнаго направленія, съ начала нынѣшняго столѣтія поэзія наша рѣшается сознаться, что дѣйствительный міръ не такъ хорошъ, какъ она его изображала. Но зато она нашла утѣшеніе намъ въ какомъ-то другомъ эѳирномъ, туманномъ мірѣ, среди тѣней, привидѣній и прочихъ призраковъ. Она грустила о чемъ-то, темно и вяло воспѣвала и нѣчто, и туманную даль, стремилась къ чему-то невѣдомому. Изъ земныхъ предметовъ она удостаивала воспѣвать только возвышенныя чувства да эротическій разгулъ. Пушкинъ въ первые свои годы заплатилъ дань каждому изъ этихъ направленій, но скоро онъ умѣлъ освободиться отъ нихъ и создать на Руси свою самобытную поэзію. Воспитанный въ семействѣ и въ жизни, учившійся въ то время, когда послѣ событій отечественной войны русскіе стали приходить къ самосознанію, имѣвшій случай войти въ соприкосновеніе со всѣми классами русскаго общества,— Пушкинъ умѣлъ постигнуть истинныя потребности и истинный характеръ народнаго быта. Онъ присмотрѣлся къ русской природѣ и жизни и нашелъ, что въ нихъ есть много истинно-хорошаго и поэтическаго. Очарованный самъ этимъ открытіемъ, онъ принялся за изображеніе дѣйствительности, и толпа съ восторгомъ приняла эти дивныя созданія, въ которыхъ ей слышалось такъ много своего, знакомаго, что давно она видѣла, но въ чемъ никогда не подозрѣвала столько поэтической прелести. И Пушкинъ откликнулся на все, въ чемъ проявлялась русская жизнь; онъ обозрѣлъ всѣ ея стороны, прослѣдилъ ее во всѣхъ степеняхъ, во всѣхъ частяхъ, ничему не отдаваясь исключительно. Мы не считаемъ этой разнохарактерности, этого отсутствія рѣзко обозначеннаго направленія особеннымъ достоинствомъ поэта, какъ хотѣли нѣкоторые; но мы убѣждены, что это было необходимымъ явленіемъ, принадлежащимъ самому времени. Такъ было у насъ съ наукой, когда первый

русскій ученый, открывшій намъ, что есть наука, долженъ былъ самъ сдѣлаться и химикомъ, и физикомъ, и историкомъ, и политико-экономомъ, и ораторомъ, и въ добавокъ еще — піитомъ [1]). Такъ было при началѣ нашей поэзіи, когда въ одномъ лицѣ могъ совмѣщаться одописецъ, баснописецъ, сатирикъ, элегистъ, трагикъ, комикъ и проч. Такъ было и теперь при открытіи дѣйствительности: это былъ еще новый, неизвѣданный міръ; трудно было рѣшиться избрать въ немъ что-нибудь одно. Нужно было попробовать много разныхъ дорогъ, прежде чѣмъ остановиться на какой-нибудь изъ нихъ. Все привлекало къ себѣ, все казалось столь прекраснымъ, что невольно вырывало сладкіе звуки восторга и очарованія изъ молодой груди поэта. И толпа внимала ему съ благоговѣйной любовью: для нея этотъ стихъ, эти образы были свѣтлымъ воспоминаніемъ того, о чемъ до сихъ поръ она не смѣла и думать, какъ о пошлой прозѣ, какъ о житейскихъ дрязгахъ, отъ которыхъ надобно стараться держать себя подальше. И въ этомъ-то заключается великое значеніе поэзіи Пушкина: она обратила мысль народа на тѣ предметы, которые именно должны занимать его, и отвлекла отъ всего туманнаго, призрачнаго, болѣзненно-мечтательнаго, въ чемъ прежніе поэты находили идеалъ красоты и всякаго совершенства. Поэтому не должно казаться страннымъ, что очарованіе нашимъ бѣднымъ міромъ такъ сильно у Пушкина, что онъ такъ мало смущается его несовершенствами. Въ то время нужно было еще показать то, что есть хорошаго на землѣ, чтобы заставить людей спуститься на землю изъ ихъ воздушныхъ замковъ. Время строгаго разбора еще не наступало, и Пушкинъ не могъ вызвать его ранѣе срока. Да это было бы и безполезно: немногіе избранные тогда поняли бы его, а масса осталась бы при своихъ мечтаніяхъ. Теперь же стихъ Пушкина приготовилъ форму, въ которой уже могли потомъ явиться высшія созданія, а его вліяніе на публику сдѣлало ее способнѣе къ принятію и пониманію этихъ созданій. Она поняла уже цѣну жизни въ сладкозвучныхъ строфахъ Пушкина, и теперь самое горькое негодованіе на житейскую пошлость только подвинетъ людей къ исправленію, а не унесетъ ихъ отъ земной дѣйствительности въ надзвѣздныя пространства.

Такъ теперь смотримъ мы на историческое значеніе поэзіи Пушкина. Но въ его время нельзя еще было ясно понять этого, и онъ самъ не сознавалъ вполнѣ своего назначенія. Это, конечно, и не могло быть иначе: какъ поэтъ, Пушкинъ прежде всѣхъ самъ долженъ былъ увлечься тѣмъ, чѣмъ увлекалъ другихъ; какъ поэтъ извѣстнаго времени и народа, онъ долженъ былъ прежде всего принадлежать своему времени, своему народу. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ титаническихъ натуръ, которыя, сознавъ свое разумное превосходство, становятся надъ толпою въ уединенномъ величіи, не наклоняясь до ея понятій, не возбуждая ея сочувствій, довольныя только собственной силою. Нѣтъ, Пушкинъ шелъ въ уровень съ своимъ вѣкомъ. Несмотря на свои увѣренія о презрѣніи къ толпѣ, онъ угождалъ ей; иначе нельзя было-бы объяснить того громаднаго успѣха, какимъ онъ пользовался въ публикѣ. Она никогда не награждаетъ особенной любовью того, что выше ея понятій. Оцѣнка геніевъ, опередившихъ свой вѣкъ, совершается въ потомствѣ.

Впрочемъ, и Пушкинъ не всегда слѣдовалъ своему правилу:

«Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай — деспотъ межъ людей».

Его богато одаренная, пламенная и благородная натура не всегда подчинялась требованію обстоятельствъ. Даже можно сказать больше: всматриваясь ближе въ субъективный характеръ поэзіи Пушкина, мы находимъ въ немъ постоянное исканіе чего-то, неудовлетворимое настоящимъ. Его лирика полна грусти, и если эта грусть не глубока, если она тотчасъ же разсѣевается принужденной улыбкой, то причина этого всего болѣе, конечно, заключается въ легкости теоретическаго образованія поэта, при которомъ онъ не могъ даже задать себѣ серьезнаго вопроса о томъ, что за идея лежитъ въ основаніи его грустныхъ порывовъ. Но для насъ грусть поэта понятнѣе теперь, чѣмъ для него самого. Мы видѣли, въ жизни его было время, когда ему были новы всѣ впечатлѣнія бытія,

«Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь».

Живописная природа Кавказа и Тавриды скоро замѣнила для него всѣ внутренніе вопросы. Отстранивъ отъ себя всякую внѣшнюю цѣль, всякое постороннее стремленіе, онъ заключился въ тѣсномъ кругѣ исключительнаго служенія искусству, въ сферѣ чистой художественности. Онъ прекрасно выполнилъ свою задачу. Напрасно старался онъ оправдывать себя тѣмъ, что служеніе музъ не терпитъ суеты. Напрасно онъ бросалъ въ толпу презрительный вопль:

«Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

[1]) М. В. Ломоносовъ.

Напрасно потому—что не толпа, а внутреннее сознаніе тревожило его благородную душу, и эти тревоги тяжело отзываются въ его произведеніяхъ. Онѣ появляются на краткое мгновеніе, но тѣмъ болѣе имѣютъ для насъ значенія, что каждый разъ поэтъ ничѣмъ не разрѣшаетъ своихъ сомнѣній и страданій, а отдѣлывается отъ нихъ шуткой или усиліемъ забыть ихъ. Такимъ образомъ грустное чувство безпрестанно возобновляется у него съ новою силою и даетъ намъ видѣть, что онъ не былъ доволенъ своей ролью безпечнаго художника. «Я разумѣю ничтожность жизни», говоритъ онъ, «и мало къ ней привязанъ я...» Онъ называетъ свѣтъ пустымъ и боится, чтобы душа его не охладѣла въ мертвящемъ упоеньи свѣта. Онъ жалѣетъ о своей молодости:

«Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана...
Что наши лучшія мечтанья,
Что наши свѣжія желанья
Истлѣли быстрой чередой.»

Онъ трепещетъ и проклинаетъ, воспоминая о своей прошедшей жизни; онъ страдаетъ при мысли о томъ, что пережилъ свои мечты. Онъ изнемогалъ подъ этимъ страданіемъ, говоря:

«Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ».

Его послѣднія элегіи полны жгучей, безотрадной горести. Онъ чувствуетъ, что жизнь не даетъ ему успокоенія, и говоритъ:

«Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море».

И какимъ отчаяніемъ отзываются самые звуки надежды, которыми онъ хочетъ утѣшить себя:

«Но не хочу, о други, умирать.
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю,—мнѣ будутъ наслажденья
Средь горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь...»

Какое жалкое утѣшеніе! Только тотъ, въ комъ убита всякая вѣра въ дѣйствительное счастье, можетъ мечтать о томъ, какъ онъ будетъ наслаждаться вымыслами. И это намѣренное желаніе обольщать себя составляетъ главный недостатокъ Пушкина. Онъ не находилъ выхода изъ своихъ сомнѣній и восклицалъ:

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ»,

и—успокаивался... но не надолго.

Въ послѣднее время свой жизни онъ нашелъ болѣе прочное успокоеніе—въ религіи. Здѣсь, конечно, должно было послѣдовать полное примиреніе; здѣсь былъ конецъ тревожной борьбѣ. Мы считаемъ несправедливымъ мнѣніе тѣхъ, которые предполагаютъ, что Пушкинъ могъ еще впослѣдствіи явиться намъ въ новомъ, еще невиданномъ свѣтѣ, съ плодами новаго самобытнаго развитія. Нѣтъ, онъ уже пришелъ къ своей пристани, измученный битвою жизни. Онъ могъ подарить намъ много новыхъ, высоко художественныхъ произведеній, но въ характерѣ его поэзіи нельзя уже было предвидѣть новаго, высшаго развитія.

Но, смотря на свои понятія объ искусствѣ, какъ цѣли для себя, Пушкинъ умѣлъ, однако, понимать и свои обязанности въ отношеніи къ обществу. Въ своемъ «Памятникѣ» онъ ставитъ себѣ въ заслугу не художественность, а то,

«Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ».

Замѣтимъ также, что Пушкину принадлежитъ мысль «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», и что онъ вызвалъ Гоголя на обработку этихъ сюжетовъ. Это показываетъ, что въ его душѣ всегда таилось сознаніе того, что нужно для нашего общества.

Въ образахъ, созданныхъ самимъ Пушкинымъ, дѣйствительно можно видѣть нѣкоторыя затаенныя мысли, очень гармонирующія съ его настроеніемъ вѣчнаго, неудовторяемаго безпокойства. Его Онѣгинъ не просто свѣтскій фатъ; это человѣкъ съ большими силами души, человѣкъ, понимающій пустоту той жизни, къ которой призванъ онъ судьбою, но не имѣющій довольно силы характера, чтобы изъ нея выбраться. Его Алеко—тоже своего рода Онѣгинъ, бѣжавшій отъ свѣта къ цыганамъ съ тѣмъ-же похвальнымъ намѣреніемъ, съ какимъ крыловскій волкъ бѣжалъ въ Аркадію. И поэтъ съ замѣтной любовью описываетъ цыганскій таборъ, простую жизнь и нравы цыганъ, какъ-бы стараясь обмануть собственное чувство. Но Алеко и здѣсь встрѣчаетъ горе и измѣну. Конечно, это его вина болѣе, нежели тѣхъ, къ которымъ онъ пришелъ и которыхъ счастье разрушилъ; но поэтъ какъ-будто радъ этому случаю успокоить себя мыслью, что на землѣ нигдѣ нѣтъ счастія. И вотъ онъ пишетъ свой грустный эпилогъ:

«Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны,
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны», и проч.

Для своего успокоенія онъ не хочетъ понять даже образъ, имъ самимъ созданный.

Мы не хотѣли писать разбора всѣхъ произведеній Пушкина, и потому читатель не будетъ, конечно, обвинять насъ за то, что мы ни слова не сказали о многихъ изъ замѣчательныхъ твореній поэта. Говоря о нихъ, нельзя ограничиться нѣсколькими словами, а предѣлы нашей статьи очень не велики. Впрочемъ, если-бы мы и пустились въ подробный разборъ, то, конечно, ничего новаго не могли-бы сказать послѣ замѣчательныхъ статей о Пушкинѣ, писанныхъ Бѣлинскимъ, въ «Отеч. Зап.» 1843—1846 гг. Мы ограничились только общими замѣчаніями о характерѣ поэзіи Пушкина, особенно лирической, которая представляетъ болѣе возможности слѣдить за направленіемъ и духовнымъ развитіемъ самого поэта, и, перечитавъ его, мы можемъ сказать теперь, съ полнымъ уваженіемъ къ славному имени: Пушкинъ оказалъ благотворное вліяніе, обративши взоръ народа на дорогу, по которой должны были пройти другіе. Онъ не высказалъ полнаго смысла явленій русской природы и жизни, но зато со стороны формы онъ сдѣлалъ изъ нихъ все, что можно было сдѣлать, не касаясь внутренняго содержанія ихъ. И оттого-то послѣ Пушкина уже не могло удовлетворять простое изображеніе предмета; отъ поэта потребовали, чтобы онъ далъ смыслъ описываемымъ явленіямъ, чтобы онъ умѣлъ схватить въ своихъ твореніяхъ не одни видимыя отличія предмета, но и самый его внутренній характеръ. Вслѣдствіе этихъ требованій явился новый періодъ литературы, котораго полнѣйшее отраженіе находимъ въ Гоголѣ, но котораго начало скрывается уже въ поэзіи Пушкина.

---

86. О пріученіи дѣтей.

Эта компилятивная замѣтка по сочиненію R. Hermanus'a — «Die Zuch in der Volksschule» помѣщена въ VI кн. «Журнала для Воспитанія» 1857 г. (ценз. 20 мая).

М. Л.

---

87. * * *

Напечатано въ I кн. «Современника» 1862 г. Имѣетъ отношеніе къ личной жизни автора. Свѣрено по его тетрадямъ.

М. Л.

Напрасно ты отъ вѣтреницы милой
Отвѣта ждешь на гордое письмо:
Она знакома съ собственною силой,
Безсилье же твое сказалось ей само...
Повѣрь, твои отчаянныя строки
Она съ улыбкою небрежною прочтетъ,
И жалобы твои, угрозы и упреки—
Спокойно все она перенесетъ.
Она увидитъ въ нихъ порывъ любви несчастной,
Порывъ отчаянья и ревности твоей,
И будетъ ждать, когда съ мольбою страстной,
За примиреньемъ самъ ты явишься предъ ней.
И придешь съ тоской своей влюбленной,
Къ ногамъ прекрасной робко ты падешь,
И ласковой ея улыбкой оживленный,
Забывши все, къ груди ея прильнешь...

27 мая 1857.

---

88. О Плавтѣ и его значеніи для изученія римской жизни.

Найдено мною въ рукописи въ бумагахъ Литер. Фонда. Мы уже видѣли (см. № 36), что Добролюбовъ занимался Плавтомъ. Немного спустя, онъ берется за настоящее сочиненіе и представляетъ его проф. Благовѣщенскому. Послѣдній такъ характеризовалъ эту работу: «Сочиненіе г. Добролюбова замѣчательно особенно тѣмъ, что

Вологод. жен. дух. Библиотека

авторъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался трудами Ритшля, которые въ недавнее время составили новую эпоху въ изученіи Плавта. Нахожу, что это превосходное сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ печати». О печатаніи его думалъ и Н. А., что видно изъ его прямыхъ выраженій въ этомъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, я совершенно не знаю, гдѣ предполагалось печатать эту работу. Въ настоящемъ изданіи я не считаю нужнымъ приводить ее полностью, потому что послѣ приведеннаго текста идетъ очень спеціальная часть, врядъ ли интересная для сколько-нибудь значительнаго числа читателей, особенно теперь, послѣ критическаго изданія всѣхъ комедій Плавта, принадлежащаго Лео (Берлинъ, 1895—1896 гг.), продолженія и обновленія изданія Ритшля его учениками Лёве, Гёцомъ и Шёллемъ (Лейпцигъ, 1893—1895). Для насъ интересно только то, что позволяетъ видѣть самого Добролюбова-студента. Очень любопытны его замѣчанія объ узости и ложности славянофильскаго ученія, о томъ, что Россіи тоже надо было отречься отъ желанія кого-нибудь учить и самой взяться за серьезное ученіе. Все это высказано съ убѣжденіемъ, хотя и сдержанно, что и подобало офиціальному студенческому сочиненію.

М. Л.

Предисловіе.

Изслѣдованія объ иноземныхъ писателяхъ составляютъ у насъ одинъ изъ самыхъ неблагодарныхъ литературныхъ трудовъ. Какъ бы ни хорошо изучилъ человѣкъ свой предметъ, сколько бы труда, знанія, любви къ дѣлу ни положилъ онъ въ своемъ сочиненіи, — все-таки, оно не избѣжитъ общей участи подобныхъ трудовъ: въ публикѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшей, если не въ большей части ея,—оно принято будетъ за компиляцію,—а отъ знатоковъ дѣла подвергнется упреку въ неполнотѣ и недостаточномъ знакомствѣ съ иностранными изслѣдованіями. Такимъ образомъ даже спеціалистъ, принимающійся за разработку чуждаго намъ предмета, находится въ положеніи довольно невыгодномъ и затруднительномъ. Съ одной стороны онъ долженъ опасаться, чтобы не опустить чего-нибудь, съ другой,—чтобы не распространиться о томъ, что уже сказано и доказано другими прежде и, можетъ быть, лучше его. Очевидно, что въ этомъ случаѣ онъ никакъ не можетъ ограничиться только собственнымъ знаніемъ источниковъ и необходимо долженъ прибѣгнуть къ трудамъ ученыхъ, прежде его работавшихъ надъ тѣмъ же предметомъ. Но, приступая къ нимъ, изслѣдователь, съ горестью юнаго Александра, видитъ, что труды предшественниковъ почти ничего не оставили ему на долю: сдѣлано такъ много, предметъ разобранъ такъ подробно и многосторонне, что выводы новѣйшаго изслѣвателя рѣшительно теряются въ массѣ результатовъ, добытыхъ предшествовавшими писателями. Такое вообще невыгодное положеніе писателя, занимающагося разработкою чуждаго, представляется еще болѣе затруднительнымъ, какъ скоро заходитъ дѣло о писателяхъ классической древности. Здѣсь уже рѣшительно нѣтъ возможности довольствоваться только прямыми источниками: знаніе нѣмецкой (по крайней мѣрѣ) литературы необходимо при этомъ не менѣе, какъ и знаніе самыхъ писателей греческихъ и латинскихъ. Трудолюбивые нѣмцы такъ много сочинили всякаго рода схолій, комментарій, изслѣдованій, такъ много сдѣлали ученыхъ изданій классическихъ писателей, такъ много пустили по свѣту мнѣній, предположеній и догадокъ, иногда полныхъ самой причудливой и фантастической игры воображенія, а иногда и поражающихъ удивительнымъ сочетаніемъ глубокомыслія съ остроуміемъ и педантической учености съ здравымъ смысломъ,—такъ много они трудились и сдѣлали, что русскому изслѣдователю, принимающемуся за предметъ изъ классической древности остается только полною рукою пользоваться ихъ трудами.

Таково положеніе даже сцеціалиста, ученаго, который посвящая всю жизнь одной отрасли занятій,—можетъ, наконецъ, найти возможность, по соображеніи чужихъ трудовъ, сказать и свое свѣжее слово въ наукѣ. Право и возможность своего мнѣнія онъ пріобрѣтаетъ основательнымъ знакомствомъ не только съ прямыми источниками своихъ занятій, но и со всей обстановкой—исторической и литературной,—въ которой эти источники появились и существовали. Но что сказать о затрудненіяхъ человѣка, который принимается за дѣло, какъ диллетантъ, который еще совсѣмъ не свободно чувствуетъ себя въ сферѣ классическихъ изслѣдованій?.. По моему мнѣнію, если бы такой человѣкъ приступалъ къ своему труду съ претензіями на оригинальность, съ желаніемъ внести въ изслѣдованіи свои взгляды, открытія, предположенія и т. п.,—то подобное предпріятіе можно бы, не обинуясь, назвать рѣшительно неразумнымъ и предсказать ему совершенную безуспѣшность. Единственное спасеніе для такого дилле-

танта—изслѣдователя—близкое знакомство съ изслѣдованіями иностранныхъ ученыхъ. Если онъ возьметъ на себя трудъ пересмотрѣть все важнѣйшее, писанное до него, о предметѣ его занятій, если хорошо усвоитъ себѣ результаты, добытые другими, и ясно изложитъ ихъ,—то его цѣль уже достигнута. Значеніе умной и добросовѣстной компиляціи, по моему мнѣнію,—единственное значеніе, какого можно ожидать и требовать отъ подобнаго труда.

Съ такимъ воззрѣніемъ приступилъ я къ своей монографіи о Плавтѣ, и во все продолженіе своего труда держался этого, однажды принятаго, мнѣнія. Плавтъ уже четыре столѣтія постоянно привлекаетъ къ себѣ вниманіе европейскихъ ученыхъ. Стоитъ заглянуть въ библіографію Швейгера, чтобы убѣдиться, что изъ изслѣдованій о Плавтѣ и изъ ученыхъ изданій и переводовъ его съ комментаріями всякаго рода,—можетъ составиться цѣлая библіотека. Съ моей стороны безразсудно было бы отказаться отъ того, что было сдѣлано, и доходить своимъ умомъ до всѣхъ результатовъ, съ помощію только самого Плавта. Этотъ путь былъ бы и тяжелъ, и опасенъ, и во всякомъ случаѣ,—не привелъ бы ни къ чему особенно хорошему. Поэтому я рѣшился пожертвовать гордымъ стремленіемъ къ самостоятельности—простому требованію здраваго смысла, и роль честнаго компилятора предпочелъ роли судьи, не стѣсняющагося сужденіями другихъ и доходящаго своимъ умомъ до разныхъ оригинальныхъ результатовъ.

Взглядъ свой я почелъ нужнымъ высказать съ нѣкоторой подробностью въ самомъ началѣ сочиненія,—отчасти для того, чтобы съ самого начала не обманывать читателя,—а отчасти и по другой причинѣ, довольно посторонней собственно для моего дѣла, но которую нельзя оставить безъ вниманія въ настоящее время, какъ дѣло очень шумное... Я говорю о требованіяхъ народности и самобытности въ наукѣ.. Требованія эти, проистекающія изъ источника вполнѣ благороднаго и чистаго, производятъ очень грустное дѣйствіе въ большей части тѣхъ, которые имѣютъ слабость увлечься ими. Судьба перехода разныхъ мнѣній въ нашемъ отечествѣ вообще имѣетъ весьма странный и не совсѣмъ нормальный характеръ. Все у насъ дѣлается какъ то вдругъ, случайно, не во время, понимается на половину, не переваривается, бросается, мѣняется на новое, которое опять, не выработанное хорошенько, уступаетъ мѣсто другой новости, болѣе блестящей или—просто—болѣе новой. И такъ ведется у насъ не только въ послѣднее время, не только съ Петра, какъ силятся доказать славянофилы... Нѣтъ, это идетъ со временъ благовѣрнаго князя Владиміра. Не успѣла развиться славянская миѳологія, какъ она уничтожена новыми высокими понятіями, до которыхъ народъ еще не доросъ. Не успѣло установиться русское законодательство такъ, какъ его требовала русская жизнь, и уже на мѣсто его сталъ греческій Номоканонъ. Едва народъ сталъ сознавать себя и обнаруживать слабыя попытки къ литературѣ, ему уже навязали громады переводовъ, подражаній, передѣлокъ, экстрактовъ и т. п. изъ разныхъ византійскихъ хроникъ, поученій, посланій, житій и пр... Народъ сталъ было, наконецъ, сживаться съ чужой народностью, принимать въ себя ея черты, сначала внѣшнія, а потомъ кое-какія и изъ внутреннихъ,—какъ вдругъ и тутъ его ходъ останавливается, его дѣятельность парализуется нашествіемъ татарскимъ: пошла другая жизнь, другія отношенія князей и, до нѣкоторой степени, вторглись другія отношенія въ самое управленіе... Иго было свергнуто прежде, чѣмъ русскіе успѣли сдѣлаться татарами, но уже послѣ того, какъ они успѣли утратить многое изъ своего греко-россійскаго элемента. Тутъ стремленіе къ централизаціи застигаетъ врасплохъ раздѣленную Русь. Тамъ латинское вліяніе подоспѣваетъ, чтобы помѣшать возможному теперь самобытному развитію, и само не успѣвши проникнуть глубоко въ жизнь народа, уступаетъ свое мѣсто наплыву новоевропейскихъ понятій. Съ этого времени идеи движутся быстрѣе, и перемѣны кажутся еще разительнѣе, чѣмъ прежде... Мы разомъ захотѣли догнать старую Европу и бросились, разумѣется, не на то, что непосредственно служило бы продолженіемъ нашей жизни тогдашней, а на то, что было самымъ новымъ, самымъ свѣжимъ цвѣткомъ европейской цивилизаціи, и чего сама Европа достигла столѣтіями естественнаго развитія. Изъ этого вышла странная комедія... Еще русскіе купцы и даже бояре держатся за свои бороды, еще не охотно выпускаютъ изъ теремовъ своихъ женъ и дочерей,—а уже Кантемиръ пишетъ злую сатиру между прочимъ и на тѣхъ, которые употребляютъ книги для завивки кудрей и нарушаютъ границы приличія въ обхожденіи съ женскимъ поломъ. Еще не вывелось въ народѣ презрѣніе къ иностранцамъ,—еще ихъ называютъ басурманами и нехристями, а тамъ въ другомъ кругѣ общества уже начинаются преслѣдованія сатиры и комедіи на тѣхъ, которые презираютъ все русское и считаютъ единственнымъ и необходимымъ условіемъ образованія—побывать въ Парижѣ. Еще не вошло въ глубину народнаго духа, не слилось съ жизнью, не выработалось въ народѣ

все божественное содержаніе христіанства, а въ обществѣ уже явились раціоналисты, послѣдователи французской философіи XVIII в., проповѣдывавшіе убѣжденія, противныя церкви и религіи... Не прошла еще эта философская горячка и не успѣла образоваться во что-нибудь серьезное, основательное, какъ послышались крики противъ всякой философіи въ защиту тупого обскурантизма... Все касалось насъ только внѣшностью, крайними точками, и все исчезало такъ же быстро, случайно, насильственно, какъ и появлялось... Внутренняго развитія почти не видно, и—въ смыслѣ законченнаго, совершеннаго процесса въ исторической жизни народа—его даже совсѣмъ не было: процессъ этотъ постоянно прерывался внѣшними вліяніями. Вмѣсто того, чтобы выработать одно направленіе и изъ него естественно перейти къ другому, мы постоянно шли въ сторону съ половины пути и принимали новое направленіе только потому, что оно появилось у другихъ или навязывалось намъ какими-нибудь внѣшними обстоятельствами. Не въ этой ли постоянной привычкѣ стремиться туда, куда направятъ, и вертѣться такъ, какъ повернутъ,—не въ этомъ ли странномъ историческомъ развитіи заключается объясненіе и причина изумительной переимчивости русской и гибкости народнаго характера? И не нужно ли теперь дать только этой переимчивости хорошее направленіе, чтобы не сбивать опять съ толку цѣлое поколѣніе, а, напротивъ, поддержать естественный ходъ историческаго развитія? Такъ, кажется, слѣдовало бы, если судить безпристрастно... Но не такъ думаютъ такъ наз. славянофилы. Имъ кажется, что намъ уже не нужно заимствовать отъ Европы, что реформа Петра была зло, и что нужно стараться, сколько возможно, исправить это зло. Вліяніе византійское и татарское считаютъ они русской народностью, а общечеловѣческіе интересы науки и искусства, отъ которыхъ не могутъ отречься и славяне, не переставши быть людьми, величаютъ они наущеніями лукаваго Запада и убѣждаютъ бѣжать отъ нихъ; или смотрѣть на нихъ не по-человѣчески, а по-русски. Если понять эти требованія съ самой лучшей и благопріятной для нихъ стороны,—то, кажется, ихъ можно растолковать, какъ желаніе видѣть въ насъ болѣе самостоятельности, болѣе критики, болѣе собственныхъ взглядовъ, нежели увлеченій чужимъ авторитетомъ. Это желаніе совершенно законно и благородно. Но—стоитъ ли и можно ли хлопотать объ этомъ? Можно ли насильно навязывать человѣку самостоятельность? Не смѣшно ли заставлять человѣка самого судить, а не слѣдовать чужому мнѣнію, въ такомъ дѣлѣ, о которомъ онъ самъ не имѣетъ никакого понятія? А вѣдь едва ли не въ такомъ положеніи находимся мы относительно Европы въ большей части вопросовъ науки... Намъ нужно теперь еще не умствовать, а учиться... Тотъ, кто дѣйствительно хочетъ, чтобы въ Россіи принялась наука серьезно, чтобы въ насъ выработалось свое самостоятельное воззрѣніе, народное направленіе, отличающееся не одной своеобразной дикостью и угловатостью, а правдой и основательностью,—кто въ самомъ дѣлѣ хочетъ этого, тотъ никогда не скажетъ намъ: удаляйтесь Европы, старайтесь не вѣрить ея ученымъ, ея мыслителямъ. Напротивъ, онъ скажетъ: учитесь, учитесь у Европы; вамъ еще много и усердно нужно учиться; старайтесь усвоить запасъ знаній, накопившійся на Западѣ вѣками, старайтесь догнать Европу и взять у нея все лучшее, оставивши только то, что въ ней самой дурно и признано дурнымъ, или что рѣшительно имѣетъ только частное, народное значеніе, и къ намъ нейдетъ по условіямъ климатическимъ, географическимъ, историческимъ и пр... Но такихъ вещей немного въ наукѣ: она выше мелочей жизни, и ея достояніе передается отъ одного народа другому, не измѣняясь въ своемъ содержаніи и даже существенномъ характерѣ. Учитесь же у Европы, собирайте плоды, возращенные западной наукой. А когда вы достаточно близко и основательно съ ней ознакомитесь, собственныя самостоятельныя соображенія явятся у васъ сами собою. У всякаго неглупаго человѣка непремѣнно является стремленіе обуживать накопившуюся въ умѣ его массу данныхъ разнаго рода: чѣмъ больше этихъ данныхъ и чѣмъ меньше преднамѣренныхъ, заданныхъ заранѣе, стремленій, тѣмъ сужденіе будетъ истиннѣе. Заботьтесь объ истинѣ, а народность придетъ сама собою. Отъ нея вы не убѣжите: она въ вашемъ происхожденіи, въ вашемъ бытіи, во всей обстановкѣ, при которой вы живете. Такъ, кажется, долженъ бы сказать человѣкъ, желающій истиннаго просвѣщенія; такому воззрѣнію долженъ, кажется, подчиняться человѣкъ, добивающійся истины въ своихъ изысканіяхъ. Такъ поступить почелъ я необходимостью и для себя, выступая на поле, чуждое для русской народности и отчасти чуждое для моихъ постоянныхъ занятій. Не приписывая своему труду никакого самостоятельнаго значенія, я буду радъ, если его назовутъ компиляціей добросовѣстной и не совершенно неполной.

Т. Макцій Плавтъ.

Вступленіе.

Замѣчаніе объ аналогическомъ отношеніи, въ какомъ находятся между собою исторіи римская и русская, сдѣлалось почти общимъ мѣстомъ. Замѣчаніе это примѣнялось и къ внѣшнему расширенію границъ, и къ внутренней администраціи, и къ бытовымъ отношеніямъ, и даже къ семи холмамъ, которые у насъ замѣнены семью морями съ немолчнымъ плескомъ и съ маленькой натяжкой. Но едва ли гдѣ такая аналогія можетъ быть проведена такъ полно и послѣдовательно, какъ въ отношеніи къ литературѣ обоихъ народовъ. Здѣсь и тамъ собственныя народныя начала — въ пѣсняхъ и преданіяхъ, нѣсколькихъ, сплоченныхъ въ одно, народовъ, теряются въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи. Тамъ и здѣсь отражается эта gravitas, строгость народнаго характера въ соединеніи съ злымъ остроуміемъ. Тамъ и здѣсь искусственная литература служитъ не для выраженія внутреннихъ, глубочайшихъ стремленій и потребностей сердца, а для внѣшнеутилитарныхъ цѣлей,—качество, отъ котораго наша литература начинаетъ избавляться только со времени Пушкина, и которое въ латинской замѣчено впервые, кажется, г-жею Сталь [1]). Въ обѣихъ литературахъ та же подражательность и, наконецъ, то же развитіе преимущественно отрицательнаго направленія въ поэзіи: комедіи и сатиры живы, мѣтки и близки къ народному быту,—трагедіи и поэмы скучны, вялы и заоблачны. Самое развитіе комическаго начала довольно близко сходится въ обѣихъ литературахъ. Начало комедіи, какъ у римлянъ, такъ и у русскихъ, скрывается въ народныхъ праздничныхъ перебранкахъ, о существованіи которыхъ въ Италіи знаемъ мы по свидѣтельствамъ Т. Ливія и Горація [2]), и которыхъ остатки у насъ доселѣ видимъ въ нашихъ обрядовыхъ и хороводныхъ пѣсняхъ. Затѣмъ, является въ Римѣ этрусская комедія (364 г. до Р. Х.), напоминающая собою первыя представленія мистерій въ Россіи. Послѣ этого съ быстротою развитія, которую находимъ только въ латинской и русской литературѣ, — черезъ 100 лѣтъ съ небольшимъ является въ Римѣ (250 л. до Р. Х.) правильная комедія въ произведеніяхъ Ливія Андроника и Невія, и менѣе, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ послѣ Невія, она достигаетъ высшаго своего развитія въ Плавтѣ... Но при всемъ своемъ литературномъ достоинствѣ, комедія не можетъ освободиться отъ ярма подражательности, и какъ Плавтъ, такъ и непосредственно за нимъ слѣдовавшій комикъ Теренцій—воспроизводятъ греческіе *миѳы*, б рутъ греческіе сюжеты, выводятъ на сцену греческіе нравы и лица съ греческими именами. И при всемъ томъ зрители довольны,—зрители узнаютъ въ этихъ передѣлкахъ самихъ себя и свои нравы, потому что и нравы то ихъ были не что иное, какъ передѣлка съ греческаго, болѣе или менѣе искусная... Кто не увидитъ въ этомъ близкаго сходства съ судьбами развитія нашей собственной комедіи? Кто не замѣтитъ этой близости въ самомъ характерѣ подражанія, выражающемся въ комическихъ произведеніяхъ того и другого народа? Наши Сумароковы, Херасковы, Княжнины и т. п. были такими же подражателями въ своихъ комедіяхъ, какъ и въ трагедіяхъ и піимахъ, но въ трагедіяхъ ихъ лица не только на русскихъ, но и ни на какихъ людей, и вообще ни на что не похожи; въ комедіяхъ же сквозь французскую форму, дидактическія сентенціи, классическую постройку съ слугами-пролазами, наперсниками, дядюшками и всякаго рода богами ex machina,—сквозь все это мелькаютъ нерѣдко фразы, сцены, положенія, взгляды и нравы, живьемъ выхваченные изъ современной дѣйствительной жизни народа. То же самое видимъ и въ римской комедіи, которой полнѣйшимъ представителемъ является намъ Плавтъ, а за нимъ Теренцій. Только въ отношеніи къ самобытной народной комедіи оказались мы счастливѣе римлянъ. Мы имѣемъ Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, а у римлянъ только въ самомъ концѣ II-го вѣка до Р. Х. явился вполнѣ замѣчательный писатель comaediae togatae Л. Афраній, да и о томъ Горацій сказалъ не безъ оттѣнка ироніи, вѣроятно, весьма основательной:

«Dicitur Afrani toga convenisse Menandro» [1]).

Афраній, должно быть, какъ нѣкій славянофилъ новѣйшихъ дней принялся за римскую народность, по примѣру греческихъ образцовъ. Если бы уцѣлѣли донынѣ его произведенія, они, вѣроятно, представили бы поучительный урокъ нѣкоторымъ изъ приверженцевъ русской тоги, состоящей изъ армяка и тулупа.

Но, къ сожалѣнію, вся комедія togata существуетъ теперь только въ нѣсколькихъ

---

[1]) L'utilité est le principe createur de la litterature latine. (De la lit. considerée dans se rapports sociales, 1800 p. 141). *Прим. Д.*

[2]) T. Liv. VII, 2 Hor. ep. II, 1, v. 139. *Прим. Д.*

[1]) Hor. Ep. II 1, 57. Говорятъ, что тога Афранія хорошо пришлась Менандру. *Прим. Д.*

незначительныхъ отрывкахъ. И, конечно, это не даромъ. Исчезновеніе всѣхъ произведеній этого рода не могло быть случайно, и лучшее его объясненіе, кажется, заключается въ томъ, что этими твореніями очень мало интересовались, мало ихъ переписывали, потомъ совсѣмъ забыли и оставили сгнить въ пыли и сырости книгохранилищъ. Видно, римскіе нравы, сами по себѣ, еще менѣе имѣли оригинальности, а историческія обстоятельства еще менѣе способствовали тамъ развитію комическаго начала, чѣмъ у насъ въ Россіи послѣ-Петровской...

Такимъ образомъ римская народность представляется нашему наблюденію въ литературныхъ произведеніяхъ латинскихъ только подъ призмою греческихъ формъ. Мы не можемъ сказать, чтобы все, что находимъ въ ихъ комедіяхъ, прямо и непосредственно принадлежало къ нравамъ римскаго общества. Вѣроятно, многое въ латинскихъ передѣлкахъ осталось такимъ, какимъ было въ греческихъ подлинникахъ. Къ сожалѣнію, и съ этой стороны почти не представляется возможности точно опредѣлить, что принадлежитъ грекамъ и что римлянамъ, потому что греческая комедія, служившая источникомъ римскимъ комикамъ, тоже почти вся погибла. Остается руководствоваться аналогическими соображеніями и тѣми данными, какія представляются въ другихъ произведеніяхъ латинскихъ писателей, говорившихъ о нравахъ своего времени. Я бы не рѣшился принять на себя такого труда, требующаго обширнаго знакомства съ литературой не только латинской, но и греческой, если бы этотъ предметъ не представлялся мнѣ уже разработаннымъ въ трудахъ германскихъ ученыхъ. Пользуясь ихъ замѣчаніями, я только прибавлялъ къ ихъ указаніямъ тѣ свидѣтельства о бытѣ и нравственности римскаго общества, какія находилъ у Плавта. Въ этомъ состояла главная цѣль, для которой принялся я за изученіе знаменитаго римскаго комика. Но, представляя богатые матеріалы для моей частной задачи, — самъ писатель не могъ остаться для меня лицомъ мертвымъ, не могъ не возбудить участія къ его личности и сочувствія къ его произведеніямъ. Думая, что то же самое чувство можетъ онъ возбудить во всякомъ читателѣ, я почелъ не лишнимъ и даже нужнымъ, прежде показанія общественнаго значенія Плавта, представить нѣсколько замѣчаній о его жизни, литературной дѣятельности, характерѣ и достоинствѣ его произведеній собственно въ литературномъ отношеніи и, наконецъ, о томъ значеніи и вліяніи, какое имѣлъ Плавтъ въ свое время и въ послѣдующіе вѣка [1]).

I.

Біографія писателя есть ключъ для объясненія его произведеній, говорятъ обыкновенно въ наше время. Если это такъ, то нужно сознаться, что для объясненія сочиненій Плавта ключъ этотъ, хотя и существуетъ, но весьма мало можетъ оказать помощи. Біографія, конечно, можетъ быть весьма полезна для узнанія духа писателя, но для этого нужно, чтобы она сама ясно представляла намъ духъ и смыслъ жизни поэта. Иначе метрическое свидѣтельство и формулярный списокъ автора нисколько не помогутъ понять его произведенія. Опытъ исторіи русской литературы Н. И. Греча или даже исторія чешской литературы Юнгманна никого еще не научили и не научатъ, конечно, литературной оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній. А о Плавтѣ, къ сожалѣнію, остались именно такія свѣдѣнія, которыми, можетъ быть, остался бы совершенно доволенъ пресловутый составитель опыта русской литературы [2]). Нѣсколько фактическихъ свѣдѣній о внѣшнихъ перемѣнахъ въ обстоятельствахъ жизни Плавта мы имѣемъ, но внутренняго значенія и связи этихъ обстоятельствъ, характера самыхъ побужденій, руководившихъ поэтомъ въ его жизни—мы рѣшительно не знаемъ. Древность не слишкомъ была внимательна къ своимъ литературнымъ знаменитостямъ, а, можетъ быть, еще и не понимала новѣйшихъ требованій отъ всякой литературной біографіи. Оттого, если авторъ самъ не потрудился выразить себя пояснѣе въ своихъ произведеніяхъ, то даже при существованіи какой-нибудь древней біографіи, характеръ его, все-таки, остался чрезвычайно темнымъ. Да и писатели, высказавшіеся сами, все еще подвергаются нерѣдко очень страннымъ толкамъ и осужденіямъ, какъ, напр., Горацій, который едва ли не въ каждомъ стихотвореніи выражаетъ свою душу и о которомъ, однако, до сихъ поръ еще слышатся самыя противорѣчивыя мнѣнія... Тѣмъ труднѣе судить по самымъ произведеніямъ о драматическомъ писателѣ, который, по самому роду сочиненій своихъ, не имѣетъ такой возможности высказаться, какъ лирикъ... Слѣдова-

---

[1]) Въ фактическомъ отношеніи я пользовался при этомъ матеріалами, собранными Ритшелемъ, въ его: «Parergon Plautinorum terenti anorumque», въ литературной же оцѣнкѣ имѣлъ въ виду сужденія Лессинга и отчасти Беккера: «De comicis Romanis fabulis maxime Plautinis quaestiones. Lips» 1837. *Прим. Д.*

[2]) Гречъ.

тельно, здѣсь, съ одной стороны, представляется необходимость внѣшнихъ біографическихъ данныхъ, съ другой—недостатокъ ихъ побуждаетъ опять обратиться къ самымъ сочиненіямъ и изъ нихъ выбрать все, что возможно. Соединивши то и другое, можемъ дойти до нѣкоторыхъ результатовъ относительно жизни и характера Плавта.

---

89. О древнеславянскомъ переводѣ хроники Георгія Амартола.

Студенческая работа, представленная проф. Срезневскому и такъ аттестованная имъ въ засѣданіи совѣта института: «ознакомившись съ переводомъ хроники по тремъ спискамъ и сличивъ его съ греческимъ текстомъ по изданію Второго Отдѣленія И. Академіи Наукъ, приготовленному къ выходу въ свѣтъ г. Муральтомъ, авторъ разсмотрѣлъ особенности перевода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что до сихъ поръ было сдѣлано для объясненія вопроса объ Амартолѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, пополнитъ и исправитъ свой трудъ, но и въ настоящемъ видѣ онъ заслуживаетъ особеннаго одобренія» («Отчетъ» за 1856—57 уч. годъ, стр. 25).

Добролюбовъ не очень то былъ склоненъ «пополнять и исправлять» свой трудъ. Достаточное удовольствіе отъ этой суши онъ получилъ уже и во время первоначальной работы. Въ дневникѣ 1857 г., подъ 4 января, онъ, напримѣръ, говоритъ: «Ничего не можетъ быть безплоднѣе и убійственнѣе дня, какой я провелъ сегодня: я сидѣлъ съ утра до вечера за Амартоломъ и просмотрѣлъ съ 12 большихъ листовъ рукописи... Это отвратительно до тошноты» (Юб. Сборн., 288). «Георгій Амартолъ просто дуракъ, котораго издавать не стоитъ, а переписчики его болваны, которыхъ совсѣмъ нѣтъ надобности сличать. Я жалѣю, что взялся тратить время на такое безплодное занятіе» («Матеріалы», 320). 11 февраля Добролюбовъ записываетъ: «Сколько-то я получу за этотъ мозольный трудъ! Неужели менѣе 100 рублей?... Вотъ будетъ сюрпризъ-то!» (Юб. Сбор., 340). Эти слова для меня совершенно не понятны: отъ кого онъ разсчитывалъ получить деньги? и, если отъ Срезневскаго, то не дѣлалъ ли этой работы, въ сущности, не въ качествѣ студента, а по особому соглашенію?

М. Л.

---

90. * * *

Оба стихотворенія (№№ 90 и 91) найдены мною въ бумагахъ Добролюбова, принадлежащихъ Литер. Фонду. Несомнѣнно, и они имѣютъ прямое отношеніе къ личной жизни Добролюбова, какъ и слѣдующія два (№№ 92 и 93), изъ которыхъ первое напечатано въ I кн. «Современ.» 1862 г., второе—въ первомъ «собраніи».

М. Л.

По утру встаю я съ мыслью:
Еслибъ милая пришла!
Ввечеру ложусь съ досадой:
Нѣтъ, и нынче не была...
И въ ночи, съ моей тоскою
Я безъ сна лежу
И въ мечтахъ, какъ полусонный,
Цѣлый день брожу.

1 іюня 1857.

---

91. * * *

Ночь глухая была холодна и страшна,
Я по лѣсу бродилъ все съ тоской и проклятьемъ;
И деревья въ лѣсу пробудилъ я отъ сна,
И они головой покачали съ участьемъ.

2 іюня 1857.

---

92. * * *

Не диво доброе влеченье
Въ душѣ невинной, молодой,
Не испытавшей обольщенья
Любви и радости земной.
Но кто соблазнамъ жизни трудной
Нуждою рано преданъ былъ,
Кто битву жизни безразсудной
Паденьемъ тяжкимъ заключилъ,
Кто въ искушеніяхъ разврата
Провелъ дни лучшіе свои,
Тому трудна стезя возврата
На голосъ правды и любви...
Но ты, мой другъ, мой ангелъ милый,
На мой призывъ отозвалась;
Любви таинственною силой
Ты освятилась и спаслась.
И не забуду я мгновенья,
Какъ ты, проклявъ свой прежній путь,
Полна и вѣры, и смущенья,
Рыдая, пала мнѣ на грудь.

2 іюня 1857.

93. * * *

Сдѣлалъ глупость я невольно
Въ увлеченіи смѣшномъ,
Но душа моя довольна,
Только вспомнилъ я о томъ.
За минутную ошибку
Благодарною улыбкой
Былъ я щедро награжденъ
Звукомъ ласковыхъ именъ,
Милой рѣчью, милымъ взоромъ,
Милой радостью твоей,
Сладострастнымъ разговоромъ
Въ упоеніи страстей,
Пыломъ жаркаго лобзанья
И объятій молодыхъ...
О, какъ много обаянья
Въ счастіи глупостей такихъ!

3 іюня 1857.

94. Благоразумно ли позволять нашимъ дѣтямъ ходить въ театръ?

Переводная замѣтка (изъ Monatsblatt «Журнала для Воспитанія», 1857 г. (ценз. v. Beuggen), напечатанная въ VII кн. 15 іюня). **М. Л.**

95. Сочиненія графа В. А. Соллогуба.

Спб. 1855—1856. Пять томовъ.

Напечатано въ VII кн. «Современника» 1857 года (ценз. 30 іюня) (ср. затѣмъ съ № 105).

Это первая статья Добролюбова, уже не студента. Если можно сказать, что Бѣлинскій, своимъ разборомъ «Тарантаса» Соллогуба, уложилъ его въ могилу забвенія, то будетъ справедливо считать, что Добролюбовъ накрылъ ее тяжелой плитой... Онъ, проще говоря, добилъ Соллогуба въ глазахъ читающей публики. Соллогуба не стало... Статья очень ядовита, до крайности на-

смѣшлива и потому особенно легко прочлась въ свое время. Это были похороны старой литературы.

М. Л.

Тѣ, которые слѣдятъ за русской литературой только по петербургскимъ журналамъ, могли думать до прошедшаго года, что графъ Соллогубъ въ послѣднія восемь—десять лѣтъ почти совсѣмъ оставилъ литературное поприще: такъ рѣдко слышались въ литературѣ хоть какія-нибудь напоминанія объ этомъ писателѣ, нѣкогда столь извѣстномъ и любимомъ. Общее молчаніе о немъ въ послѣднее время было тѣмъ болѣе странно, что никакъ не соотвѣтствовало тѣмъ восторгамъ, какіе возбуждало начало его литературной дѣятельности. Дебютъ графа Соллогуба былъ въ счастливое свѣтлое время русской литературы. Живая еще тогда утрата Пушкина возбуждала въ публикѣ, даже еще болѣе, чѣмъ при его жизни, горячее участіе къ чтенію и изученію его произведеній; а между тѣмъ, въ то же время новыя надежды возбуждала другая яркая звѣзда русской поэзіи,—такъ мгновенно блеснувшая и закатившаяся,—Лермонтовъ. Въ то время, какъ онъ писалъ своего «Героя»,—Гоголь, въ полной силѣ своего таланта и славы, готовилъ уже «Мертвыя души», и въ то же время критика гоголевскаго періода, окрѣпши въ своихъ силахъ, смѣло пошла впередъ и сдѣлалась выразительницею мнѣній лучшей части русской публики [1]). При такомъ положеніи дѣлъ трудно было обратить на себя вниманіе писателю безъ замѣчательной силы таланта, безъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ. Графъ Соллогубъ, несомнѣнно, обладалъ этой силою таланта и этими достоинствами, потому что, съ перваго своего шага на литературномъ поприщѣ, онъ возбудилъ живѣйшій восторгъ тогдашней публики и критики. Кто знаетъ нашу журналистику сороковыхъ годовъ, тотъ вспомнитъ, сколько шумныхъ, восторженныхъ похвалъ расточала графу Соллогубу, сколько высокихъ, блестящихъ достоинствъ находила въ его произведеніяхъ критика того времени. Имя графа Соллогуба упоминалось рядомъ съ именами Гоголя и Лермонтова; въ повѣстяхъ его находили высокую художественность, глубокія идеи, удивительное знаніе человѣческаго сердца, необыкновенно умное и живое изученіе быта всѣхъ слоевъ нашего общества, безукоризненное изящество, соединное съ полной естественностью въ представленіи всѣхъ лицъ и положеній въ разсказѣ, вдохновенное, согрѣтое сердечнымъ чувствомъ краснорѣчіе, живое, веселое остроуміе и пр., и пр. Публика соглашалась со всѣмъ этимъ и жадно перечитывала повѣсти Соллогуба, оставляя для него и фразера Марлинскаго, и приторнаго Полевого, и веселаго Загоскина, и фантастическаго Вельтмана. Съ каждымъ годомъ слава графа Соллогуба росла, — и, нужно признаться, онъ умѣлъ ее поддерживать: за «Исторіей двухъ галошъ» слѣдовалъ «Большой свѣтъ», за нимъ—«Аптекарша», потомъ «Медвѣдь», далѣе «Теменевская ярмарка»... Всѣ эти произведенія, явившіяся въ теченіе пяти лѣтъ, одно за другимъ, стоили другъ друга, и критика имѣла полное право говорить, что «графъ Соллогубъ не перестаетъ обогащать русскую литературу новыми созданіями изящнаго пера своего». Но такой постоянный успѣхъ не увлекъ блестящаго автора «Большого свѣта». Онъ занимался литературой какъ диллетантъ, онъ хорошо понималъ, что дѣлаетъ ей нѣкоторое одолженіе, становясь въ ряды ея дѣятелей, и неоднократно—мимоходомъ, намекомъ, но, тѣмъ не менѣе ясно и твердо,—выражалъ, что смотритъ на нее нѣсколько свысока... 1845 годъ былъ самымъ блестящимъ и, увы! послѣднимъ годомъ его славной литературной дѣятельности. Намѣреваясь разстаться съ своими почитателями, графъ Соллогубъ усилилъ, предъ концомъ, свою дѣятельность, чтобы оставить добрую память по себѣ въ своихъ поклонникахъ. Въ это время издалъ онъ двѣ книжки: «Вчера и сегодня» и «Тарантасъ». То и другое было встрѣчено съ обычнымъ восторгомъ. Вскорѣ авторъ «Тарантаса» появился съ новыми повѣстями: «Балъ», «Двѣ минуты» и «Княгиня» (соединенными въ нынѣшнемъ изданіи подъ однимъ заглавіемъ «Жизнь свѣтской женщины»),—и затѣмъ, замолкъ надолго,—по крайней мѣрѣ, для обычнаго литературнаго круга. Имя его продолжало, правда, появляться на афишахъ Александринскаго театра, при заглавіяхъ новыхъ водевилей; оно украшало нѣсколько времени фельетонъ «Иллюстраціи», мелкія статьи, стихотворенія, шутки, историческія и статистическія замѣтки графа Соллогуба печатались въ «Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго общества», въ газетѣ «Кавказъ», въ «Зурнѣ», въ нижегородскихъ и симбирскихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и т. п. Эти статьи заняли цѣлыхъ три тома въ изданномъ нынѣ собраніи сочиненій графа Соллогуба, состоящемъ изъ пяти томовъ... Но, къ сожалѣнію, все это было чуждо любознательности большинства русскихъ читателей, и потому никакъ не могло быть названо новымъ обогащеніемъ русской ли-

---

[1]) Рѣчь идетъ о Бѣлинскомъ.

тературы. Публика слѣдила за литературой по журналамъ, а журналисты совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы извлекать перлы созданій изящнаго беллетриста изъ малоизвѣстныхъ изданій. Только драма «Мѣстничество» да повѣсть «Старушка» порадовали многочисленныхъ почитателей графа Соллогуба; да и въ этихъ созданіяхъ нѣкоторые заносчивые критики примѣтили, будто бы, упадокъ таланта, нѣкогда столь прекраснаго. Ихъ мнѣніе не встрѣтило сильнаго противорѣчія, не возбудило ожесточенной полемики; повидимому, читателямъ и критикѣ было рѣшительно все равно, какъ бы кто ни думалъ о талантѣ графа Соллогуба. Имя его потеряло прежнюю привлекательность и далеко отодвинулось отъ именъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, къ которымъ, бывало, прибавлялось непосредственно. Новыя имена, новыя произведенія заняли собою вниманіе публики, и никто не высказывалъ сожалѣній, что «столь даровитый беллетристъ пересталъ дарить нашу бѣдную литературу высоко-художественными произведеніями изящнаго пера своего»... О немъ не вспоминали, о немъ перестали говорить, имъ перестали интересоваться,—

«...и скоро позабытый,
Надъ міромъ онъ прошелъ безъ всякаго слѣда», и пр...

Положеніе писателя, пережившаго свою литературную славу, не должно быть слишкомъ пріятно. Для автора «Тарантаса» это обстоятельство, конечно, менѣе имѣло значенія, чѣмъ для всякаго другого: онъ былъ, вѣдь, только диллетантомъ литературы... Но все же, послѣ шумныхъ похвалъ, громкихъ рукоплесканій, пламенныхъ восторговъ и т. п., — вдругъ безвѣстно заглохнуть въ тихомъ забвеніи, не прерывая еще при томъ своей дѣятельности, — какъ хотите, а это незавидно положеніе. И мы не можемъ обвинить графа Соллогуба, чтобы онъ былъ нечувствителенъ къ охлажденію публики и не хотѣлъ возвратить ея благосклонности. Онъ дѣлалъ множество самыхъ разнообразныхъ попытокъ, чтобы привлечь на себя вниманіе публики. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ литературы, такъ что едва ли кто изъ русскихъ писателей можетъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи—развѣ Александръ Петровичъ Сумароковъ, своей всеобъемлемостью равнявшійся господину Вольтеру. Въ самомъ дѣлѣ, не довольствуясь славою превосходнаго разсказчика, графъ Соллогубъ пробовалъ себя и въ лирическомъ родѣ, — писалъ альбомныя стихотворенія, описанія весны, серенады, казацкія пѣсни и даже оды-симфоніи; подвизался и на драматическомъ поприщѣ, сочиняя драмы, комедіи, водевили, пословицы и оперы; вступалъ и въ ряды фельетонистовъ, описывая петербургскую жизнь, симбирскіе спектакли и тифлисскія иллюминаціи. Онъ рѣшился даже изъ свѣтлой сферы поэзіи спуститься въ область смиренной прозы и сдѣлался статистикомъ, этнографомъ, историкомъ, біографомъ, туристомъ, даже критикомъ и историкомъ литературы... Онъ составлялъ точныя свѣдѣнія «объ измѣненіяхъ на легзинской линіи», описывалъ весьма тщательно «Алагирскій серебро-свинцовый заводъ», изображалъ грузинскіе нравы въ окрестностяхъ Тифлиса, составилъ біографію генерала Котляревскаго, написалъ «Нѣсколько словъ о началѣ кавказской словесности».

Все это было неизвѣстно доселѣ любителямъ литературы; но въ прошломъ году все это издано авторомъ въ пятомъ томѣ его сочиненій, подъ общимъ названіемъ: «Салалакскіе досуги»,—названіе, пріятно напоминающее «Чаталагайскія оды», «Славянскіе вечера» и т. п. Вмѣстѣ съ разнообразіемъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба, замѣчательна еще ихъ животрепещущая современность, также свидѣтельствующая въ пользу его благосклоннаго вниманія къ нашей публикѣ. Были въ модѣ благотворительные спектакли,—онъ писалъ пьесы для благотворительныхъ спектаклей (какъ говоритъ въ примѣчаніи къ пьесѣ—«Сотрудники»). Поднялось въ Петербургѣ цвѣтобѣсіе,—онъ написалъ водевиль—«Букеты». Обратилъ на себя вниманіе въ 1848 г. славянскій вопросъ, и вмѣстѣ съ нимъ громче прежняго сталъ выражаться вопросъ о старинномъ русскомъ бытѣ,—у графа Соллогуба явилась драма изъ старинной русской жизни — «Мѣстничество». Острякъ Вивье ввелъ въ моду въ Петербургѣ пускать мыльные пузыри,—авторомъ «Салалакскихъ досуговъ» написана была шутка—«Мыльные пузыри». Событія послѣдней войны вызвали у него біографію Котляревскаго и оду-симфонію: «Россія передъ врагами», оканчивающуюся русскимъ народнымъ гимномъ «Боже, Царя храни» [1]). Словомъ, графъ Соллогубъ никогда не пренебрегалъ современностью, никогда не прикидывался непонятнымъ, непризнаннымъ, презирающимъ толпу, а, напротивъ, всегда старался угождать ея вкусу, старался идти на-ряду съ вѣкомъ, не отставать отъ современныхъ вопросовъ и не выходить изъ ряда современныхъ литературныхъ дѣятелей. Постоянство его усилій было, наконецъ, въ прошломъ году увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Онъ взялся за

[1]) См. № 106.

одинъ изъ самыхъ живыхъ общественныхъ вопросовъ и основалъ на немъ комедію, которая снова обратила вниманіе публики и критики на талантъ графа Соллогуба. Читатели помнятъ, безъ сомнѣнія, какіе шумные толки возбуждены были въ прошломъ году комедіею «Чиновникъ», благодаря блестящей критикѣ г. Павлова. Къ сожалѣнію, въ этихъ толкахъ болѣе обращали вниманія на возбужденный вопросъ и на критическій талантъ г. Павлова, нежели на достоинства таланта графа Соллогуба. Результатомъ всѣхъ толковъ было опять полное равнодушіе къ автору «Чиновника», не измѣнившееся ни при полномъ изданіи его сочиненій, ни при новой пьесѣ, написанной имъ для столѣтняго юбилея русскаго театра. Это явленіе—замѣчательный фактъ въ исторіи нашей литературы, и оно требуетъ разбора болѣе подробнаго [1]).

Кого винить въ этой перемѣнѣ общаго мнѣнія? Автора или публику? Авторъ, какъ легко предположить, и какъ мы уже видѣли отчасти, никогда не хотѣлъ этого. Напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе желалъ онъ одобренія, тѣмъ болѣе онъ придавалъ значенія литературной извѣстности. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію своихъ мелкихъ стихотвореній, въ 1855 г.

«... Кто единожды молвы
Отраву горькую извѣдалъ,
Кто бредъ тревожной головы
Хоть разъ читателю повѣдалъ,
Тотъ отуманится ужъ такъ,
И столько хмѣля наберется,
Что онъ, какъ пьяница въ кабакъ,
Такъ въ типографію и рвется.
Во всемъ лиха бѣда—начать,
И вотъ, читатель благосклонный.
Зачѣмъ отважно я въ печать
Пустилъ свой стихъ неугомонный,
Но ты, принявъ сей тощій томъ,
Уваживъ скромное признанье,
Не будешь гнѣвенъ въ дѣлѣ томъ,
Гдѣ ты и судъ, и оправданье».

Какъ видите, со стороны автора не было недостатка въ охотѣ и доброй волѣ для пріобрѣтенія новыхъ успѣховъ. Онъ не игралъ роли Расина или Россини, упорно хранившихъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, строгое молчаніе, несмотря на мольбы своихъ поклонниковъ. Отчего же новыя произведенія графа Соллогуба не встрѣчали такого восторженнаго пріема, какъ первыя его повѣсти? Мы уже упомянули, что нѣкоторые находили причину этого въ упадкѣ таланта блестящаго беллетриста. Это мнѣніе заслуживаетъ вниманія, и оно легко можетъ быть повѣрено теперь, когда всѣ произведенія графа Соллогуба собраны и изданы вмѣстѣ. Мы рѣшаемся взяться за эту повѣрку тѣмъ съ большею охотою, что она даетъ намъ удобный случай высказать нѣсколько замѣчаній объ особенныхъ чертахъ таланта графа Соллогуба вообще.

Оставляя въ сторонѣ разные общественные вопросы, направленія и обстоятельства, обращая вниманіе только на субъективную сторону произведеній графа Соллогуба и прослѣдивши ихъ всѣ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, отъ «Исторіи двухъ галошъ» до «Года военныхъ дѣйствій за Кавказомъ», мы можемъ сказать прямо и положительно, что въ сущности талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился. Онъ и теперь отличается тѣмъ же характеромъ, направленіемъ, пользуется тѣми же внѣшними пособіями, выражаетъ тѣ же внутреннія убѣжденія, даже употребляетъ тотъ же способъ выраженія, какъ и прежде. Только иногда дѣлаетъ онъ уступки современнымъ требованіямъ, сдерживая свои собственныя чувства и стремленія; но эта сдержанность, по нашему мнѣнію, придаетъ еще болѣе цѣны тѣмъ чертамъ, которыя хотятъ, но не могутъ укрыться за нею. Притомъ, сдержанность эта,—какъ признается самъ авторъ,—явилась у него вслѣдствіе жизненной опытности и яснѣйшаго сознанія требованій искусства. Онъ говоритъ о своемъ «Тарантасѣ»: «тогда не разсчетливая, сухая опытность водила перомъ, а *неразборчивое чувство* само собою бросалось на бумагу, *не сдерживаясь разсудкомъ*, не признавая рѣзкихъ *предѣловъ, поставляемыхъ искусствомъ и жизнью*» (Т. V, стр. 455). Такимъ образомъ, по собственному сознанію автора, разница между первыми и послѣдними его произведеніями состоитъ въ томъ, что онъ сталъ теперь опытнѣе, болѣе сталъ сдерживаться разсудкомъ и яснѣе созналъ предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью. Согласитесь, что все это можетъ способствовать скорѣе возвышенію, нежели упадку таланта. И въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться, что во многихъ мѣстахъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба талантъ его кажется намъ созрѣвшимъ и

[1]) Желая подогрѣть застывшій къ себѣ интересъ публики, Соллогубъ написалъ «Чиновника», гдѣ далъ видное мѣсто патетическимъ восхищеніямъ по адресу взяточничества, тогда уже обличавшагося въ печати. Публика очень сочувственно приняла эту пьесу на сценѣ, не особенно разбираясь въ ея литературныхъ и драматическихъ качествахъ. Таково ужъ было общественное настроеніе... Не отличавшійся либерализмомъ Н. Ф. Павловъ, котораго публика помнила по отповѣди его Гоголю за «Переписку съ друзьями» (1847 г.), написалъ очень хорошій «Разборъ» «Чиновника» («Рус. Вѣст.» 1857 г.) и сразу охладилъ восторгъ публики, доказавъ, что воплями героевъ—Надимовыхъ: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнемъ!»—русскую жизнь реформировать нельзя.

укрѣпившимся, а совсѣмъ не упавшимъ. Начнемъ хоть съ самаго ничтожнаго и внѣшняго признака,—способа выраженія. До сихъ поръ весьма мало обращали вниманія на одну особенность графа Соллогуба, въ этомъ отношеніи равняющую его чуть-ли не съ самимъ Марлинскимъ,—на его блистательное краснорѣчіе въ описаніяхъ и разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Г. Павловъ обратилъ, правда, вниманіе на краснорѣчіе Надимова, но разсматривалъ его совсѣмъ съ другой стороны, почти не касаясь изящной выработки слога. Мы же хотимъ сказать именно объ этомъ достоинствѣ графа Соллогуба, которое совершенно несправедливо было пренебрегаемо нашей критикой, такъ много толковавшей о краснорѣчіи Марлинскаго. Приведемъ, для подтвержденія нашего отзыва, два описанія: одно изъ нихъ написано Марлинскимъ, другое графомъ Соллогубомъ.

Вотъ описаніе мятели.

«Вдругъ вся природа содрогается. Летитъ мятель на крыльяхъ вихря. Начинается что-то непонятное, чудное, невыразимое. Земля-ли въ судорогахъ рвется къ небу, небо-ли рушится на землю?—но все вдругъ смѣшивается, вертится, сливается въ адскій хаосъ. Глыбы снѣга, какъ исполинскіе саваны, поднимаются, шатаясь, кверху и, клубясь съ страшнымъ гуломъ, борятся между собой, падаютъ, кувыркаются, разсыпаются, и снова поднимаются еще больше, еще страшнѣе. Кругомъ—ни дороги, ни слѣда. Мятель со всѣхъ сторонъ. Тутъ ея царство, тутъ ея разгулъ, тутъ ея дикое веселье»...

Вотъ описаніе грозы:

«Меркло. Тучи плескались, какъ волны, по небу,—грозили залить ледяной островъ Шагъ-дага. Только одно его темя блистало еще снѣгомъ, пылало огнемъ солнца, какъ душа поэта, какъ жерло волкана. Другіе хребты—слѣва, справа, отвсюду вздымались великанскими головами одинъ надъ другимъ, одинъ за другимъ, все выше, и синѣе, и мрачнѣе, подобно чудовищнымъ валамъ, вздутымъ Божіимъ гнѣвомъ въ страшный день потопа... Подъ кипучею пѣной облаковъ, казалось, они идутъ, идутъ грозные, крутятся, падаютъ горами, разступаются безднами; прыщутъ и воютъ! Ливень бичуетъ, хлещетъ, гонитъ ихъ, догоняетъ насъ... Дорога шумитъ и несется водопадомъ... проливается небо, земля тонетъ...»

Не правда-ли, что эти отрывки очень схожи? Фигуры нарушенія, повторенія, единоначатія и т. п. украшенія реторики щедро разсыпаны въ томъ и другомъ. Пріемъ и манера рѣшительно тѣ же. Весь секретъ состоитъ, главное, въ подборѣ эпитетовъ почти синонимическихъ, въ умѣстномъ повтореніи нѣкоторыхъ глаголовъ и въ искусномъ избѣжаніи союза *и*, который, какъ извѣстно, *связываетъ* рѣчь. Краснорѣчивыя описанія, чтобы не лишиться своей свободы, большею частію вовсе не употребляютъ его, а если и употреблютъ, то не иначе, какъ съ повтореніемъ — попарно. Необходимо также при этомъ обращать вниманіе и на звучность фразы.

Разсматривая съ этой стороны краснорѣчіе графа Соллогуба, находимъ, что онъ не пренебрегъ рѣшительно ни одной мелочью, какая только могла служить для украшенія его слога. Его описаніе мятели, по нашему мнѣнію, рѣшительно не уступаетъ описанію грозы у Марлинскаго.

Мы не хотимъ дѣлать длинныхъ выписокъ, да онѣ и не нужны. Каждый изъ читателей самъ весьма легко можетъ найти краснорѣчивыя страницы въ сочиненіяхъ графа Соллогуба: ихъ такъ много вышло изъ-подъ изящнаго пера его! Мы здѣсь замѣтимъ только, какъ онъ, съ теченіемъ времени, подчинялся требованіямъ современности въ самомъ слогѣ своихъ произведеній, и для этого приведемъ описаніе мятели изъ другого его произведенія, писаннаго нѣсколько позже, чѣмъ то, изъ котораго отрывокъ приведенъ нами выше.

Вотъ это описаніе:

«Вдругъ рванулъ вѣтеръ,—снѣгъ повалилъ хлопьями, бѣлое небо слилось съ бѣлой землей; снѣжные столбы начали вздыматься, качаться и кружиться по воздуху. Дорогу мигомъ занесло... Лошади дрожали и едва могли идти противъ бури...»

И только. Ранѣе разсказывается уже о томъ, какъ кучеръ принялся отыскивать дорогу. А между тѣмъ, какъ бы хорошо опять могла разыграться фантазія автора,—какую чудную картину могло нарисовать здѣсь краснорѣчивое перо его! Но разсказъ, изъ котораго мы взяли эти строки («Иванъ Васильевичъ на Кавказѣ»), писанъ уже въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, когда авторъ сталъ «сдерживаться разсудкомъ и сознавалъ *предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью*». Поэтому описаніе его вышло короче, сообразнѣе съ требованіями современныхъ читателей. Неужели и въ этомъ не видно совершенствованіе, а не упадокъ таланта?

А какъ говорятъ герои и героини разсказовъ графа Соллогуба,—свѣтскіе люди большого свѣта! Боже мой, какъ они говорятъ! хоть сейчасъ отправьте ихъ на состязаніе съ любымъ членомъ парламента! И, что всего замѣчательнѣе,—каждый изъ героевъ, принимаясь говорить, дѣлается самъ не свой. Онъ уже не помнитъ, что онъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ онъ, забываетъ и свой характеръ, и степень своего образованія, и свои убѣжденія. Входя въ пафосъ краснорѣчія, онъ уже какъ-будто не самъ говоритъ, просто

«Какимъ-то демономъ внушаемъ»...

И какъ краснорѣчиво и длинно!... Въ продолженіе каждаго изъ спичей этихъ героевъ можно порядочно выспаться... Право... Василій Иванычъ такъ и дѣлалъ обыкновенно, слушая Ивана Васильевича, и еще всегда поспѣвалъ отвѣтить что-нибудь на его заключительную фразу. А тотъ и радъ, и опять понесется.

Мы останавливаемся на этой особенности повѣстей графа Соллогуба, потому что доселѣ критики наши сумѣли отмѣтить ее только у двухъ замѣчательныхъ писателей—Марлинскаго и Полевого. Мы рѣшительно утверждаемъ, что авторъ «Исторіи двухъ галошъ» и «Чиновника» не только не уступитъ имъ въ этомъ отношеніи, а даже, можетъ быть, и превзойдетъ ихъ. Судите сами.

Вотъ объясняется Левъ (по имени):

«—Да, милая, любовь вездѣ и повсюду; она и въ пылинкахъ, сплывающихся въ кристаллы; она на вѣткѣ дерева и въ дикой берлогѣ; она въ чашечкѣ цвѣтка, равно какъ въ сердцѣ человѣка; она въ стихіяхъ земли и въ мірахъ небесныхъ!..» и пр.

Вотъ объясненіе медвѣдя (по званію):

«—Нѣтъ, я вѣрую, что у каждаго человѣка должна быть своя прекрасная минута; вѣрую, что вы ниспосланы Небомъ осѣнить свѣтлымъ лучемъ мое теперешнее одиночество. Кроткая душа ваша сжалилась надъ сиротскою моею жизнью, и теперь, благодаря вамъ, я счастливъ, я силенъ, я гордъ судьбой своей...

«Глаза молодого человѣка засверкали...

«—Вотъ видите-ли, здѣсь, подъ этимъ чистымъ небомъ, подъ этими деревьями—душа расширяется, сердце наполняется радостью... О, какое было бы блаженство, если-бъ...

«Онъ не посмѣлъ кончить»...

А вотъ еще объясненіе льва (по званію), о томъ же предметѣ:

«—Повѣрьте, источники истинныхъ наслажденій должны быть непорочны, чисты. Любовь, не освященная супружествомъ, чѣмъ бы она ни извинялась, всегда будетъ преступна, и голосъ совѣсти всегда восторжествуетъ. Теперь хоть и говоритъ романтическая школа, что бракъ—одно только пустое условіе; но это—коварный обманъ: не вѣрьте ему. Люди, которые излагаютъ свѣтскимъ женщинамъ подобныя правила, обнаруживаютъ не любовь свою, а холодное презрѣніе»...

Несмотря на разницу тона, въ этихъ трехъ рѣчахъ удивительно много общаго. Возвышенныя фразы, пышная книжность выраженій ярко обнаруживаютъ сильное чувство говорящаго. Разница же зависитъ единственно отъ разности положеній. Левъ Марлинскаго, человѣкъ съ пылкими страстями, высказываетъ свою любовь мечтательной Ольгѣ по тому поводу, что она испугалась грозы; медвѣдь Соллогуба, человѣкъ застѣнчивый, неловкій, нелюдимый, — хотя очень умный, — говоритъ съ княжной, свѣтской, избалованной, вѣтреной дѣвушкой; левъ Соллогуба разсуждаетъ въ маскарадѣ съ маской, которую онъ считаетъ невинной провинціалкой, своей невѣстой, недавно пріѣхавшей изъ деревни. При такихъ обстоятельствахъ — отъ медвѣдя и отъ льва даже трудно бы ожидать такого блестящаго краснорѣчія; но авторъ самъ потрудился за нихъ и вложилъ имъ въ уста такую изящную, краснорѣчивую рѣчь, какой и не слыхано доселѣ между русскими людьми. Графъ Соллогубъ помнилъ, вѣроятно, правило Карамзина, что у насъ должно не писать такъ, какъ говорятъ, а говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ со вкусомъ, и хотѣлъ дать образецъ для подражанія нашимъ салоннымъ героямъ. Доселѣ попытка его еще мало, кажется, имѣла успѣха, но мы надѣемся, что со временемъ она принесетъ полезные плоды и найдетъ достойныхъ подражателей въ нашихъ гостиныхъ. Эту надежду, кажется, раздѣляетъ съ нами и самъ графъ Соллогубъ. Несмотря на всѣ измѣненія современнаго вкуса, онъ неуклонно продолжаетъ свою методу — заставлять создаваемыя имъ лица говорить такъ, какъ они *не говорятъ*, но *какъ должны говорить*. Въ этомъ отношеніи мы не находимъ ни малѣйшей разницы между первымъ и послѣднимъ произведеніемъ графа Соллогуба. Въ «Исторіи двухъ галошъ» молодой человѣкъ толкуетъ съ своимъ товарищемъ о славѣ слѣдующимъ образомъ:

«Слава, товарищъ, слава! Видишь отсюда? Толпа, покорная передъ именемъ твоимъ, волнуется передъ тобой; всюду гремитъ молва о твоей славѣ. Слава, слава тебѣ!.. Женщины кидаютъ тебѣ вѣнки; мужчины съ завистью рукоплещутъ тебѣ: бѣдный артистъ сдѣлается владыкой толпы; геній возьметъ свое мѣсто: музыка восторжествуетъ!.. А я смиренно пойду за тобой, и буду кидать цвѣты на славный путь твой»... и пр.

Это было написано въ 1839 году. А въ 1856 г. — кто же не помнитъ, какъ объяснялся г. Надимовъ, крича, что надо крикнуть на всю Россію, и пр. Способъ выраженія тотъ же самый. Мало этого: въ пьесѣ «Ночь передъ свадьбой, или Грузія черезъ 1000 лѣтъ», авторъ увѣряетъ, что въ 2853 г. будутъ выражаться слѣдующимъ образомъ:

«Благодарю васъ, друзья мои, что вы такъ радушно приняли мое приглашеніе. Согласіе между артистами, отсутствіе мелочнаго самолюбія для пользы искусства, — вотъ что отличаетъ наше полезное сословіе. Садись сюда, прекрасный иностранецъ... они тебя разсѣятъ»...

Все это рѣшительно убѣждаетъ насъ, что талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился и блеститъ попрежнему, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ искусству

выраженія. Рѣчь его и его героевъ всегда изящна и выработана, ее такъ и хочется слушать; къ ней никакъ уже нельзя приложить послѣднихъ двухъ стиховъ извѣстнаго четверостишія:

«Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ».

Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что все краснорѣчіе да краснорѣчіе—утомительно; слишкомъ обточенныя и звучно-пышныя фразы не могутъ нравиться постоянно. Мы совершенно согласны, тѣмъ болѣе, что это даетъ намъ случай выставить предъ взоромъ взыскательнаго читателя новое достоинство слога графа Соллогуба: у него не вездѣ краснорѣчіе, а есть еще блестящее, поразительное остроуміе. Здѣсь опять авторъ «Мыльныхъ пузырей» совершенно несправедливо обиженъ судомъ критики и публики. О его остроуміи говорили всегда только мимоходомъ, какъ о достоинствѣ очень и очень второстепенномъ, между тѣмъ какъ авторъ нашъ, очевидно, съ чрезвычайной любовью и усердіемъ занимается подборомъ остроумныхъ фразъ, любитъ пощеголять ими и съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ выставляетъ ихъ на потѣху читателей, даже повторяя удачныя остроты въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. И при всемъ томъ — кричатъ объ остроуміи барона Брамбеуса [1]), восхищаются остротами Петербургскаго Туриста [2]), рукоплещутъ въ театрѣ каламбурамъ Каратыгина 2-го, и никто не признаетъ остроумія, какъ особеннаго достоинства, за графомъ Соллогубомъ. А это одно изъ самыхъ постоянныхъ, *неувядаемыхъ* его свойствъ. Съ нимъ онъ началъ свое поприще, съ нимъ и продолжалъ его постоянно и неизмѣнно. На первой страницѣ первой его повѣсти говорится: «Бѣдныя галоши! люди, которые исключительно имъ обязаны тѣмъ, что они находятся *на приличной ногѣ* въ большомъ свѣтѣ, прячутъ ихъ со стыдомъ и неблагодарностью въ уголкахъ передней. И какъ, скажите, не позавидовать имъ *блестящей* участи своихъ однослуживокъ, счастіемъ избалованныхъ лайковыхъ перчатокъ? Ихъ то и дѣло, что *на рукахъ носятъ*», и пр. Черезъ 8 лѣтъ авторъ «Исторіи галошъ» говорилъ въ своихъ замѣткахъ объ одномъ литераторѣ, Максимѣ Ивановичѣ: «одѣтъ онъ всегда въ черное, вѣроятно, въ ознаменованіе того, что привыкли держать литературу *въ черномъ тѣлѣ*...» Не правда-ли, какое милое остроуміе?.. А въ другомъ, еще позднѣйшемъ произведеніи графа Соллогуба, развѣ не остроуменъ слѣдующій разговоръ?

«Семенъ. Помилуйте, должокъ такой бездѣльный..

Гоня. Отъ того-то и не отдаютъ, что онъ бездѣльный; будь онъ дѣльный, такъ и говорить бы не стали.

Семенъ. Да какъ же, батюшка, неужели по вашему пятнадцать рублей за три мѣсяца не дѣльный долгъ?

Гоня. И говорить не смѣй, что онъ недѣльный: онъ мѣсячный»...

Или вотъ это—развѣ не остроумно?

«Олеговичъ. Вотъ, въ особенности, не уронилъ-ли ты моей диссертаціи о землѣ тмутараканской?

Сидоръ. Помилуйте-съ: она тяжелая...

Прохоръ (*не разслыхавъ*). Какъ-съ?.. въ господскомъ домѣ нѣтъ-съ;—а вотъ у насъ, такъ много,—не знаемъ, какъ сладить.

Олеговичъ. Я это привезъ въ подарокъ хозяину.

Прохоръ (*въ сторону*). Вишь, чудакъ, съ какими подарками ѣздитъ!»

Не правда-ли, что эти созвучія такъ и напоминаютъ пріятные и знаменитые каламбуры: «сколько зла-то отъ злата!.. Моего гнѣва не залить Невой. — Не вой, дружище, не вой», и т. п... А вѣдь не пріобрѣли они такой знаменитости. Всему, подумаешь, своя судьба... И каламбуры sua fata habent.

А каково простодушіе Прохора? Не правда-ли, что оно совершенно, какъ нельзя болѣе въ русскомъ духѣ и даже приводитъ на мысль ту прибаутку о глухомъ, въ которой разсказывается, какъ кумъ разспрашивалъ, куда онъ ходилъ, и какъ кумъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе въ разспросахъ, и что изъ того вышло?..

Но пора намъ оставить восхищеніе внѣшними достоинствами графа Соллогуба. Ихъ трудно передать въ разборѣ и пересказѣ; надобно читать самому сочиненія автора «Мятели» и «Сотрудниковъ», чтобы вполнѣ понять и оцѣнить ихъ краснорѣчіе и остроуміе. Поэтому, мы переходимъ теперь къ другой сторонѣ таланта графа Соллогуба, болѣе серьезной и внутренней: это его наблюдательность, его необыкновенное умѣнье изображать бытъ всѣхъ сословій. Дѣятельность графа Соллогуба поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи прежде всего необыкновеннымъ разнообразіемъ. Главное его вниманіе устремлено, разумѣется, на большой свѣтъ, на львовъ и львицъ; но онъ ими не ограничивается. Въ произведеніяхъ его встрѣчаются вамъ и медвѣди, и студенты, и чиновники, и аптекари, и помѣщики-степняки, и помѣщики-вельможи, и художники,

---

[1]) Псевдонимъ О. И. Сенковскаго.

[2]) Псевдонимъ А. В. Дружинина въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

и купцы, и нѣмцы-ремесленники, и русскіе солдаты, ямщики, старосты церковные, и простые поселяне, и старинные русскіе бояре, и новѣйшіе литераторы различныхъ кружковъ и пр., и пр., всего не перечтешь. У него описываются и великосвѣтскіе балы, и маскарадныя интриги, и студентскія пирушки, и семейное счастіе и несчастіе, и ночлеги на постояломъ дворѣ, и провинціальное гостепріимство, словомъ, все, что хотите... Предъ вами рисуется здѣсь и шумная жизнь Петербурга, и мирное спокойствіе нѣмецкаго городка, и сердитое спокойствіе нашей губернской жизни, и наша уѣздная безжизненность. Всюду, отъ великолѣпнѣйшихъ палатъ до бѣднѣйшихъ хижинъ, проникъ графъ Соллогубъ своимъ зоркимъ взглядомъ и всюду умѣлъ отмѣтить болѣе характеристическія особенности. Въ послѣднее время это умѣнье, какъ и другія достоинства графа Соллогуба, нисколько не уменьшилось; напротивъ, кругъ его наблюдательности еще расширился: онъ присоединилъ къ прежнимъ своимъ опытамъ и изученіямъ цѣлую обширную страну—Грузію съ Кавказомъ. Такимъ образомъ, позднѣйшія его произведенія получаютъ новый, особенный колоритъ оригинальности, свѣжести и величія, благодаря вліянію края, столь благодѣтельно дѣйствующаго всегда на нашихъ лучшихъ поэтовъ. Оригинальность графа Соллогуба выразилась особенно въ пьесѣ «Грузія черезъ тысячу лѣтъ». Здѣсь, вдохновенный прекрасной страной, авторъ отважно предается своимъ мечтамъ объ усовершенствованіи наукъ, искусствъ и жизни человѣчества и рисуетъ намъ картину грузинскаго быта въ 2853 году. Тогда, по его понятіямъ, женщины и дѣти будутъ исправлять должности чиновниковъ и полицейскихъ, потому что это дѣло самое легкое... Тогда человѣкъ, спасающій другого, будетъ благодарить спасеннаго, извиняться передъ нимъ... Но — мы не можемъ удержаться, чтобы не привести вполнѣ этой сцены, свидѣтельствующей о будущемъ превращеніи всѣхъ нынѣшнихъ понятій.

Дѣло въ томъ, что Кайхосро, женихъ Кетеваны, привязанъ къ трубѣ одного тифлисскаго дома Шамилемъ, съ которымъ Кетевана вздумала бѣжать на воздушномъ шарѣ... Кайхосро стоитъ привязанный и мычитъ. Вдругъ—въ трубѣ слышна баркаролла, изъ трубы вылѣзаетъ трубочистъ и говоритъ:

«Что это за человѣкъ, привязанный къ трубѣ? Не помочь-ли ему? Можетъ быть, онъ не разсердится. Помогу, въ самомъ дѣлѣ! Трубочисты—люди отважные (развязываетъ). Милостивый государь, вы свободны теперь. Позвольте мнѣ всеуниженно благодарить васъ.

Кайхосро. За что же? (Надо замѣтить, что Кайхосро вдругъ просыпается, проспавши 1000 лѣтъ, и потому остается еще съ нынѣшними понятіями: это дѣлаетъ прекрасный контрастъ, отлично оттѣняющій всю картину).

Трубочистъ. За то, что вы доставили мнѣ неоцѣненный случай оказать вамъ одолженіе.

Кайхосро. Да, кажется, мнѣ бы должно...

Трубочистъ. Вы не будете сердиться на меня, что я имѣлъ счастіе прислужиться вамъ?

Кайхосро. Что вы?

Трубочистъ. Не обижайтесь, пожалуйста. Позабудьте это. Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ ничего непріятнаго, не хотѣлъ внушить вамъ гнуснаго чувства благодарности. Виноватъ, простите меня.

Кайхосро. Не понимаю.

Трубочистъ. Не мстите мнѣ только. Я бѣдный человѣкъ. Вамъ легко будетъ меня уничтожить. Трубочисты и безъ того всегда въ черномъ тѣлѣ»...

Разговоръ еще продолжается въ этомъ родѣ; трубочистъ становится на колѣни передъ Кайхосро и проситъ у него поцѣловать ручку, называя его своимъ благодѣтелемъ и истинно великодушнымъ человѣкомъ. Но мы останавливаемся на этомъ, чтобы замѣтить здѣсь, какъ просвѣщеніе распространится черезъ тысячу лѣтъ въ Россіи: каламбуръ о черномъ тѣлѣ, сказанный недавно графомъ Соллогубомъ въ примѣненіи къ русской литературѣ, будетъ черезъ тысячу лѣтъ повторяться трубочистомъ, уже въ приложеніи къ нему, трубочисту... Мы даже думаемъ, что именно желаніе вложить этотъ каламбуръ въ уста трубочиста заставило автора написать всю эту сцену. По понятіямъ его, черечъ тысячу лѣтъ все будетъ дѣлаться машинами, и даже вотъ до какой степени: Карапетъ, отецъ Кетеваны, выходитъ на кровлю своего дома, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Вдругъ ему захотѣлось спать. Онъ заводитъ ключемъ отверстіе *въ трубѣ*, и изъ окна выѣзжаетъ кровать, которую подталкиваетъ машина съ колесами и пружинами. Карапетъ говоритъ: «машина, положи меня; машина, накрой меня; машина, погаси свѣчу и отвези въ комнату». Машина все это исполняетъ, и Карапетъ уѣзжаетъ, говоря: «ну, а теперь я самъ засну»... Когда только стоитъ завести ключомъ отверстіе въ трубѣ, чтобы произвести такія чудеса, то — скажите—многаго-ли стоитъ завести машину для чистки трубъ? Къ чему же здѣсь трубочистъ? Очевидно, не для чего иного, какъ для каламбура...

Свѣжесть и величіе выразились особенно въ послѣднихъ стихотвореніяхъ графа Соллогуба. Подъ живительнымъ вліяніемъ Кавказа, онъ воспѣвалъ весну такими стихами:

«Отчего, подобье рая,
Изумрудная весна,
Ожиданьямъ измѣняя,
Въ дни живительнаго мая
Ты сурова и грозна?
Что тебя такъ взволновало?
Все тобой оживлено,
Ты всѣхъ радостей начало,
И тебѣ еще-ли мало
Богомъ счастія дано?» и пр.

Въ виду величественнаго Кавказа вылились изъ души его слѣдующіе стихи торжественной оды симфоніи:

«Законъ любви живетъ у насъ издавна:
«Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!»
Вотъ чѣмъ силенъ народъ нашъ православный,
И почему орелъ самодержавный
Не убоится никого!...»

Изъ всего этого очевидно, что, въ изображеніяхъ быта, природы и чувствъ, талантъ графа Соллогуба не только не утратилъ своей силы въ послѣднее время, но еще пріобрѣлъ новыя блестящія достоинства. При всемъ томъ, новѣйшая критика взвела на него обвиненіе, какое прежде и *въ голову никому не приходило*. Она вздумала упрекать графа Соллогуба въ томъ, что у него есть только даръ внѣшней наблюдательности, которой, по мнѣнію новой критики, очень недостаточно. По понятіямъ графа Соллогуба,—говоритъ критика,—нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, *убрать ея столъ* разными бездѣлками, посадить ее въ кресло, обитое бархатомъ, заставить непремѣнно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство — это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню... Но,—продолжаетъ критика,—этого мало: вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, несмотря на то, что она графиня, можетъ также быть воображеніе, тонкость ума, живость чувства, какое-нибудь пониманіе того, что дышитъ, движется, мыслитъ и чувствуетъ около нея... Въ произведеніяхъ графа Соллогуба критика не находитъ ничего этого, и потому не признаетъ ихъ достоинствъ. Но, по нашему мнѣнію, критика совсѣмъ неправа: каждый писатель имѣетъ полное право изображать предметъ съ той стороны, съ которой его видитъ. Что же дѣлать, если ему не представлялось свѣтскихъ женщинъ, чувствующихъ, понимающихъ и пр.? Графъ Соллогубъ еще въ «Большомъ свѣтѣ» заранѣе отвѣтилъ всѣмъ подобнымъ критикамъ, замѣтивши, что въ петербургскихъ обществахъ царствуетъ какая-то вялость, которая отдѣляетъ на почтительную дистанцію всякій поэтическій вымыселъ, и что «въ большомъ свѣтѣ только и есть внѣшность и внѣшность. Рѣзкія драмы внутренней жизни, — прибавляетъ онъ, — скрываются въ глубинѣ души, въ тайнѣ кабинета, подальше отъ насмѣшливыхъ взоровъ, тогда какъ внѣшняя жизнь тянется однообразно и прилично, безъ измѣненій и страстей». Эту-то однообразную и приличную жизнь большого свѣта и взялся изобразить графъ Соллогубъ, и—нужно сознаться — изобразилъ ее превосходно. Наблюдательности внутренней, анализа душевныхъ ощущеній, умѣнья проникнуть въ духъ и смыслъ жизни — авторъ «Чиновника» и «Большого свѣта» никогда себѣ и не приписывалъ. Онъ открыто говорилъ, что только описываетъ то, что вседневно и обыкновенно встрѣчается въ жизни, что у каждаго передъ глазами, но что онъ совсѣмъ не хочетъ заглядывать въ душу своихъ героевъ... Слѣдовательно, критика съ этой стороны не можетъ предъявлять слишкомъ строгихъ требованій. Но зато жизнь внѣшнюю авторъ «Тарантаса» умѣетъ описывать съ рѣдкимъ искусствомъ. Раскройте одну изъ страницъ, на которыхъ помѣщаются его удивительныя описанія, и вы изумитесь подробности и точности, съ какою здѣсь перечислены и перемѣчены всѣ предметы. И гдѣ какая скляночка стоитъ въ аптекѣ, и какія бездѣлки разбросаны на столѣ франта, и сколько сальныхъ огарковъ и пустыхъ баночекъ валяется на окнахъ у станціоннаго смотрителя, и *насколько полиняла* матерія, которой обиты стулья у бѣднаго чиновника, и сколько складокъ на платьѣ у княгини, и какая сбруя у ея лошадей,— все до послѣдней мелочи описано съ необыкновенной подробностью... И такое перечисленіе всѣхъ предметовъ составляетъ полную и живую картину быта, дополняемую разговорами дѣйствующихъ лицъ, большею частію очень краснорѣчивыми и остроумными... Въ особенности описанія великосвѣтскаго общества хороши у графа Соллогуба. Онъ изображаетъ его съ любовью, съ нѣжностью, вникаетъ въ малѣйшіе, едва уловимые, оттѣнки различныхъ его явленій, разбираетъ его съ увѣренностью знатока и близкаго человѣка. Это, впрочемъ, совершенно натурально: авторъ «Большого свѣта» самъ живетъ среди этого общества; онъ кровно связанъ съ нимъ, онъ ежедневно видитъ передъ глазами «эту бѣдную картину этого бѣднаго свѣта», какъ онъ самъ выражается... Не мудрено, что онъ такъ хорошо ее описываетъ: онъ полагаетъ здѣсь часть души своей, выражаетъ самого себя, разсказываетъ здѣсь часть собственной исторіи. И вотъ почему мы болѣе вѣримъ графу Соллогубу въ изображеніи великосвѣтской жизни, нежели всѣмъ его

критикамъ. Ему бы, можетъ быть, и хотѣлось представить близкую ему среду въ розовомъ свѣтѣ; но, какъ талантъ истинный, онъ преклонился предъ строгой истиной и нарисовалъ намъ, въ разныхъ своихъ произведеніяхъ, картину большого свѣта, мрачную, но истинную. Попробуемъ собрать разсѣянныя черты и составить изъ нихъ общее понятіе о большомъ свѣтѣ, какимъ онъ рисуется въ произведеніяхъ графа Соллогуба. Постараемся говорить его собственными словами:

«Здѣсь все раболѣпствуетъ предъ значеніемъ, счастьемъ, богатствомъ, модой... Въ свѣтѣ первая добродѣтель — наружность, и человѣкъ цѣнится здѣсь не за то, что онъ есть, а за то, чѣмъ онъ кажется... Здѣсь странный угаръ людей, вѣчно танцующихъ, вѣчно разряженныхъ, вѣчно ищущихъ чего-то; изъ тайной надежды показаться чѣмъ-нибудь повыше, позначительнѣе сосѣда, мужчины жертвуютъ своимъ благородствомъ, женщины — своимъ достоинствомъ... Смѣшно и страшно видѣть большой свѣтъ на изнанку. Сколько происковъ, сколько невѣдомыхъ подарковъ, сколько родныхъ и племянниковъ, сколько нищеты щегольской, сколько веселой зависти!.. Одно слово все живитъ и двигаетъ... и какое слово!.. самое безсмысленное—тщеславіе!..

«Какъ проходитъ жизнь свѣтской женщины? О чемъ она думаетъ? Она думаетъ, что Лядовъ хорошо играетъ на скрипкѣ, что розовый цвѣтъ ей къ лицу, что въ такой-то лавкѣ получены такіе-то наряды, что у такой-то дамы прекрасные брильянты, что тотъ волочился, другой волочится, а третій будетъ за нею волочиться. Иногда смущаютъ ее скучныя домашнія заботы. Но о нихъ она не думаетъ, думать не хочетъ. Домъ ея ей чужой. У нея нѣтъ дома. Ея домъ, ея жизнь — это свѣтъ, неугомонный, разряженный, болтливый, танцующій, играющій, тщеславный, взволнованный и ничтожный. Вотъ ея сфера, вотъ ея доля, вотъ для чего она родилась!»

А вотъ свѣтскій человѣкъ:

«Вы его видали вездѣ. Кресло у него въ театрѣ всегда въ первомъ ряду, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ знакомствъ. Лорнетъ у него складной, бумажный. Въ театрѣ онъ свой человѣкъ... Онъ не то, чтобы хорошъ, не то, чтобы дуренъ, не то, чтобы уменъ, не то, чтобы глупъ, не богатъ и не бѣденъ. Въ большомъ свѣтѣ онъ занимаетъ какое-то почетное мѣсто отъ особаго искусства танцовать постоянно мазурку съ модной красавицей и заводить дружбу съ первостатейными любезниками и франтами... Онъ кое-чѣмъ и занимался. Онъ читалъ всего Бальзака и слышалъ о Шекспирѣ. Что же касается до наукъ, то онъ имѣетъ понятіе объ англійскомъ парламентѣ, о крѣпости Бильбао, о свекловичномъ сахарѣ, о паровыхъ каретахъ и о лордѣ Лондондерри».

Такова яркая картина пустоты большого свѣта, начертанная графомъ Соллогубомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она согласна съ истиной. И какъ же въ такой средѣ искать мысли, чувства, убѣжденій? Не понятно-ли, почему авторъ «Большого свѣта» обратилъ исключительное вниманіе на внѣшность въ своихъ изображеніяхъ? Пріемъ этотъ былъ естественъ и до того сдѣлался привыченъ ему, что былъ перенесенъ имъ на изображенія другой среды, другого быта. Въ этомъ можно бы упрекнуть графа Соллогуба; но оправданіемъ ему служитъ, все-таки, та среда, въ которой онъ самъ жилъ и воспитался, изъ которой смотрѣлъ онъ и на другіе классы общества. Онъ, разумѣется, не могъ проникнуться ихъ духомъ, потому что былъ уже проникнутъ духомъ большого свѣта; не могъ вполнѣ понять ихъ нуждъ, жить ихъ жизнью, потому что преданъ былъ свѣтской жизни. Оттого-то и купцы, и художники, и крестьяне выходятъ у него на одну стать, съ той же пустотой и безжизненностью, съ какой изображаются имъ свѣтскіе люди... За это обвинять нельзя, какъ нельзя обвинять человѣка за то, что онъ не всемогущъ и не всеобъемлющъ. При этомъ намъ вспомнилось одно остроумное замѣчаніе изъ пьесы графа Соллогуба: «Мастерская русскаго живописца». Иванъ Кузьмичъ разсказываетъ о своемъ художникѣ изъ дворовыхъ: «Отличный мастеръ!.. Русскій, а не хуже иностранца... Одинъ только у него недостатокъ, разумѣется, неважный,—людей писать не умѣетъ. Зато, я вамъ доложу—на звѣряхъ собаку съѣлъ... А какъ человѣка начнетъ писать, все какъ то на звѣря смахиваетъ»... Мы согласны съ Иваномъ Кузьмичемъ: недостатокъ, дѣйствительно, неважный... Художникъ можетъ и не умѣть изображать людей; мы его не обвинимъ за это, если только онъ умѣетъ хорошо представить—хоть свѣтскихъ львовъ и медвѣдей... А мы видѣли, что у графа Соллогуба всѣ они обрисовываются превосходно; не удаются они ему только тогда, когда вздумаютъ разсуждать и походить на людей... Тогда ихъ краснорѣчіе и остроуміе явно обнаруживаетъ, что говорятъ не они, а самъ авторъ за нихъ сочиняетъ крылатыя рѣчи.

Во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба, дѣйствительно, повторяется типъ одного звѣря, выразившійся особенно ярко въ Иванѣ Васильичѣ. Прежняя критика не хотѣла видѣть въ Иванѣ Васильичѣ ни малѣйшей частички субъективности автора, и всѣ разсужденія этого промотавшагося дворянчика относила прямо и исключительно къ его шутовской личности... Но мы имѣемъ основаніе думать иначе. Иванъ Васильевичъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ общему разряду типовъ, постоянно воспроизводимыхъ авторомъ «Тарантаса». Это типъ вотъ какого рода. Онъ не богатъ и не слишкомъ бѣденъ; характеръ имѣетъ добрый и мягкій отъ природы, образованіе получилъ поверхностное (нерѣдко въ Дерптскомъ университетѣ). По

окончаніи курса втянулся онъ въ большой свѣтъ; лѣзетъ изъ кожи, чтобы поддержать на себѣ приличную внѣшность, дѣлаетъ долги, кланяется важнымъ лицамъ, унижается, подличаетъ, волочится за модными красавицами, къ которымъ ничего не чувствуетъ. При столкновеніи съ другимъ кругомъ людей, онъ увлекается непремѣнно какимъ-нибудь чувствомъ (отъ непривычки къ чужой сферѣ), а потомъ опять легкомысленно жертвуетъ этимъ чувствомъ для своихъ обязанностей въ отношеніи къ свѣту... Если онъ не промотается, то будетъ свѣтскимъ человѣкомъ до конца, т.-е. до выгодной женитьбы; если же поддерживать себя нечѣмъ, кредитъ потерянъ, то онъ спокойно исчезаетъ въ безвѣстности. Ни правилъ, ни взглядовъ у него нѣтъ; онъ по легкомыслію готовъ совершить доблестный подвигъ, такъ же, какъ и покуситься на гнуснѣйшее преступленіе... Онъ почти никогда не думаетъ, а только кричитъ, повторяя то, что слышалъ отъ другихъ, и слова его никогда не сходятся съ поступками.

Авторъ самъ, какъ видно, не сознаетъ иногда полнаго согласія своихъ типовъ и къ однимъ изъ нихъ относится иначе, чѣмъ къ другимъ. Но, въ сущности, всѣ они одинаковы. Напримѣръ, Карлъ Шульцъ въ «Исторіи двухъ галошъ», — по замыслу автора, очевидно, долженъ былъ бы принадлежать къ другому разряду людей: изъ него долженъ былъ выйти благородный труженикъ искусства, съ пламенно-любящей душой, съ возвышенными стремленіями, — непонятый міромъ и гордо погибшій невинною жертвою судьбы... Но изображеніе такой личности было не по средствамъ таланта нашего автора, и изъ Шульца вышло тоже что-то въ родѣ Ивана Васильича: существо слабое, безхарактерное, противорѣчащее себѣ на каждомъ шагу, ничего не дѣлающее само и во всемъ обвиняющее другихъ. Онъ сходитъ съ своего чердака въ великолѣпную гостиную княгини и дебютируетъ здѣсь тѣмъ, что ругаетъ концертную музыку... Потомъ онъ играетъ, его хвалятъ, хотятъ съ нимъ знакомиться: онъ этимъ не пользуется, воображая, что всѣ сами должны искать его. Онъ влюбился въ Генріетту; она согласна быть его женой; но онъ говоритъ: «нѣтъ, погодите, дайте мнѣ прославить себя»... И затѣмъ начинаетъ съ того, что пишетъ большую симфонію на цѣлый оркестръ... Пріѣзжаетъ онъ съ ней въ Петербургъ, встрѣчаетъ холодный пріемъ, о концертѣ и хлопотать не хочетъ, а рѣшается давать уроки музыки... Но потомъ соглашается играть на именинномъ вечерѣ у сапожника, — за пару галошъ,—и даже рѣшается на униженіе дать концертъ... На концертѣ вдругъ видитъ свою Генріетту, смущается и играетъ плохо. На другой день получаетъ отъ Генріетты письмо: она замужемъ, но любитъ его попрежнему... Онъ отправляется къ ней и нѣсколько мѣсяцевъ наслаждается платонической любовью... Наконецъ, ихъ застаетъ мужъ, увозитъ Генріетту въ деревню, а Шульцъ сходитъ съ ума и умираетъ... Что же это за человѣкъ, что за характеръ? Видно, что авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, и вышло какое-то слабодушное, пассивное существо, очень похожее на великосвѣтскаго звѣря...

Таковы же точно и Леонинъ, доброе сердце безъ всякаго характера; и Сережа, способный къ увлеченіямъ, исчезающимъ при первой насмѣшкѣ; и баронъ Фирентеймъ, готовый жертвовать жизнію за своего профессора и столь же легко готовый играть спокойствіемъ семьи, которая должна быть дорога ему; и офицеръ, влюбляющійся и возбуждающій нѣжную вѣчную взаимность — мимоѣздомъ на станціи; и Чесминъ, искренно увлекающійся любовью до перваго выгоднаго назначенія; и князь Андрей, такъ легко уступающій убѣжденіямъ старушки-бабушки; и генералъ Северинъ, отдѣлывающійся отъ увлеченій молодости тѣмъ, что покупаетъ хорошихъ лошадей для своего сына-ямщика; и господинъ Надимовъ, поступающій на службу, которой онъ не понимаетъ, затѣмъ только, чтобы оттереть другого, который можетъ быть взяточникомъ. Даже Медвѣдь, котораго авторъ опять-таки хотѣлъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ, тоже слабое пустое существо, рѣшительно не понимающее себя, до того не понимающее, что рѣшается, Богъ вѣсть зачѣмъ, танцовать французскую кадриль на балѣ у князя Щетинина, да еще vis-à-vis съ одной блистательной парой. Самъ даже мужикъ Тарасъ, убившій мать вмѣсто богатаго купца, котораго хотѣлъ обокрасть,—и онъ рѣшается на преступленіе просто по легкомыслію и безумной слабости характера. Словомъ, каждый изъ героевъ—пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ. Видно, что автору очень близокъ этотъ типъ, что онъ имѣлъ много случаевъ изучить его, свыкнуться съ нимъ, проникнуться образомъ его мыслей и перенести его въ свои созданія, иногда даже безъ своего вѣдома и противъ воли своей. Говорятъ, что каждый авторъ выражаетъ часть своего собственнаго характера въ каждомъ изъ представленныхъ имъ типовъ; если согласиться съ этимъ, то тѣмъ болѣе нужно согласиться, что на воспроизведеніе тѣхъ или другихъ характеровъ сильно дѣйствуетъ образъ мыслей и сфера

дѣйствій самого автора, и въ такомъ случаѣ для насъ становится совершенно понятнымъ, почему графъ Соллогубъ, привыкшій къ понятіямъ и воззрѣніямъ большого свѣта, такъ постоянно выводилъ намъ пустыхъ и ничтожныхъ людей, безъ правилъ и убѣжденій, — даже представляя ту среду, въ которой они всего менѣе встрѣчаются. Не лишнимъ считаемъ замѣтить и здѣсь, что пристрастіе къ подобнымъ типамъ совсѣмъ не составляетъ особенности, появившейся въ авторѣ «Чиновника» только въ послѣднее время. Совсѣмъ нѣтъ,—оно столь же сильно и въ «Исторіи двухъ галошъ», и въ «Большомъ свѣтѣ», и во всѣхъ другихъ разсказахъ Соллогуба, и, слѣдовательно, здѣсь опять нельзя видѣть какого-то паденія таланта.

Странная судьба постигла творенія графа Соллогуба. Прежняя критика восхищалась его героями, разсматривая ихъ чисто съ объективной стороны, и хотя замѣчала, что понятія автора какъ будто сходятся иногда съ понятіями его героевъ—но приписывала это сходство особенному художественному умѣнью автора представить предметъ живо и полно. Она разсматривала Ивана Васильича, какъ что-то совершенно чуждое, по своимъ воззрѣніямъ, самому автору, все произведеніе принимала за жестокую насмѣшку надъ людьми, подобными Ивану Васильичу. Такимъ образомъ, когда Иванъ Васильичъ говорилъ, что за границей научился онъ любить Россію,—критика смѣялась надъ его шутовствомъ; и когда авторъ говорилъ, что только за границей понялъ Иванъ Васильичъ, какъ много хорошаго въ Россіи,—критика опять принимала слова эти за насмѣшку надъ пустотой Ивана Васильича. Новая критика поступила не такъ. Подвернулся ей подъ руку Надимовъ, тотъ же Иванъ Васильичъ; отчего бы не разобрать его съ такой же точки зрѣнія и не сказать спасибо графу Соллогубу за искусное изображеніе такого безтолковаго крикуна? Нѣтъ, его вздумали разбирать, какъ идеальнаго чиновника, за его блестящія фразы, и его пустоту сдѣлали обвиненіемъ для автора. А посмотрите-ка, сколько прекрасныхъ фразъ говорятъ у графа Соллогуба — Иванъ Васильичъ, левъ, баронъ Фиренгеймъ, старушка и пр., и пр. Такія рѣчи—одна изъ особенностей графа Соллогуба. Можетъ быть, это и недостатокъ, но, конечно, неважный: и у Грибоѣдова Фамусовъ отпускаетъ подчасъ такія эпиграммы, что хоть бы Чацкому въ пору. Герои графа Соллогуба говорятъ много хорошаго, только дѣла ихъ не сходятся съ словами: въ этомъ и состоитъ ихъ недостатокъ, по мнѣніямъ автора. Прежняя критика думала, что авторъ и самыя понятія ихъ осмѣиваетъ, и потому она увѣряла, что въ его произведеніяхъ положены всегда въ основаніе глубокія идеи и крѣпкія убѣжденія, то-есть тѣ, которыя она сама приписывала автору, понимая наоборотъ его отношеніе къ понятіямъ его же героевъ. Теперь это отношеніе обозначилось яснѣе, и мы видимъ, что многія изъ разсужденій Ивана Васильича и подобныхъ ему людей вполнѣ одобряются графомъ Соллогубомъ. Это видно отчасти и въ самомъ способѣ изображенія этихъ личностей, при которомъ авторъ изъ спокойнаго эпическаго разсказчика безпрестанно дѣлается вдохновеннымъ лирикомъ и горячимъ ораторомъ, невольно выражая свое субъективное настроеніе. Но особенно доказываетъ это сличеніе словъ самого графа Соллогуба съ словами его героевъ. Мы боимся представлять выписки, чтобы не обременить вниманіе читателей; укажемъ только нѣсколько примѣровъ. Иванъ Васильичъ жалѣетъ о гибели фамильныхъ преданій, о томъ, что генеалогія не уважается,—и графъ Соллогубъ, въ своихъ замѣткахъ, жалѣетъ о томъ же. Иванъ Васильичъ увѣряетъ, что все зло взяточничества происходитъ оттого, что чиновники происходятъ изъ простого класса, изъ дворовыхъ, а не изъ дворянъ: графъ Соллогубъ доказалъ «Чиновникомъ», что раздѣляетъ это убѣжденіе. Иванъ Васильичъ хлопочетъ о народности русской, находя, что лучшій залогъ настоящаго и будущаго величія Россіи—это могучее ея смиреніе; то же самое, почти слово въ слово, высказано графомъ Соллогубомъ отъ собственнаго лица, въ статьѣ «6-го декабря 1853 г. въ Тифлисѣ». Здѣсь онъ уже не могъ шутить: предметъ его описанія былъ слишкомъ серьезенъ для этого. Иванъ Васильичъ не находитъ во Франціи ничего, кромѣ вѣтренности и грязи, въ Германіи ничего, кромѣ педантизма,—и графъ Соллогубъ (умѣреннѣе, конечно, чѣмъ Иванъ Васильичъ) бранитъ ихъ за то же самое,—не только въ прозѣ, но даже въ стихахъ. Иванъ Васильичъ раздѣляетъ русскую литературу на двѣ половины: смиренную, и потому умную, хорошую,—и крикливую, но бездарную, и увѣряетъ, что истинныя дарованія рѣдко появляются съ своими произведеніями, боясь быть смѣшанными съ этими крикунами. Въ свое время критика посмѣялась надъ такими выходками, какъ обличающими шутовское верхоглядство Ивана Васильича, но посмѣялась напрасно. Черезъ годъ, въ своихъ замѣткахъ, самъ графъ Соллогубъ написалъ уже отъ себя, что отъ журнальныхъ крикуновъ «литература падаетъ въ грязь и внушаетъ отвращеніе къ себѣ въ тѣхъ юныхъ дарованіяхъ, которыя могли бы развиться и окрѣпнуть

для чести и пользы русскаго слова». Мнѣній въ такомъ родѣ мы могли бы привести очень много: но надѣемся, что изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть, по крайней мѣрѣ, то, что авторъ «Тарантаса» совсѣмъ не хотѣлъ смѣяться надъ убѣжденіями своего героя, а старался выставить только противорѣчіе его словъ съ поступками. Это видно и въ той главѣ, гдѣ авторъ разсказываетъ воспитаніе Ивана Висильича и съ теплымъ участіемъ говоритъ о его умѣ, смѣтливости, пылкой натурѣ, сердечной любви къ Россіи и пр.

Таковы же и прочіе герои. Левъ разсуждаетъ о свѣтской жизни ничуть не хуже самаго автора повѣсти; княгиня задумывается о пустотѣ своей жизни точно такъ, какъ авторъ за нее задумывается. Северинъ разсуждаетъ съ церковнымъ старостой о томъ, что каждому нужно оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился: «бариномъ быть, бариномъ надо и родиться; сдѣлай мужика бариномъ, барина мужикомъ,—обоимъ не сладить». Эта мысль весьма сильно и ярко изображается во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба. По его мнѣнію и въ большой свѣтъ надо пускаться только тѣмъ, кто уже родился въ немъ, потому что тутъ нужны своего рода привилегіи; и чиновникомъ долженъ быть только дворянинъ, а ужъ никакъ не человѣкъ изъ простого званія... Для сохраненія чести своего званія нужно жертвовать всѣмъ, говоритъ старушка своему внуку, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ. Читая ея разсужденія, вы можете подумать, что авторъ хочетъ выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Да и какъ иначе подумать, читая, напримѣръ, слѣдующія строки: «Не легко въ наше время быть аристократомъ; вотъ для чего и надо оставаться аристократомъ. Теперь, когда всѣ убѣжденія въ Европѣ исчезаютъ, кому поддержать и спасти ихъ, какъ не дворянскому сословію? Теперь, когда владычествуютъ слова, а не начала, кому указать толпѣ на путь истинный, какъ не тѣмъ, которые выше толпы? Но этого достигнуть можно не умомъ, а характеромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ булочники пишутъ стихи, а сапожники занимаются политикой, умъ ничего не значитъ. Другое дѣло—характеръ; но характеръ крѣпнетъ только послѣдовательностью и вѣрою въ законы, принятые при рожденіи»... и т. д. Далѣе, между прочимъ, говорится, что вся исторія человѣчества даетъ намъ слѣдующій урокъ: «счастливы тѣ государства, гдѣ каждое сословіе остается въ своихъ предѣлахъ, идетъ по собственному пути»... И тѣ же самыя мысли найдете у графа Соллогуба въ статьяхъ: «Община сестеръ милосердія», «6 декабря въ Тифлисѣ», «Симбирскій театръ» и другихъ. По соображеніи многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ графа Соллогуба, можемъ думать, что и будущность Россіи представляется ему именно въ томъ видѣ, какъ изобразилъ онъ ее въ снѣ Ивана Васильича. Иначе этотъ самый сонъ какъ-то неестественъ: какъ могутъ такому человѣку, какъ Иванъ Васильичъ, сниться такія отвлеченныя вещи? Только наяву могъ онъ придумать хоть, напримѣръ, слѣдующую картину: «Сельскій пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. Кое-гдѣ надъ деревнями возвышались домы помѣщиковъ, строенные въ томъ же вкусѣ, какъ и простыя избы, только въ большомъ размѣрѣ. Эти домы, казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а, благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя»...

Все, сказанное нами, доказываетъ, что и убѣжденія графа Соллогуба постоянно были одни и тѣ же. Только сначала они высказывались не совсѣмъ опредѣленно, такъ что критика не умѣла отдѣлить личности автора отъ личности его героевъ и насмѣшки отъ истины. Теперь же они обозначились яснѣе, и въ этомъ опять мы видимъ доказательство того, что авторъ «Большого свѣта» постоянно шелъ впередъ, постоянно крѣпнулъ въ своихъ силахъ и вырабатывалъ свои понятія...

Мы разобрали теперь всѣ достоинства графа Соллогуба, за которыя восхищалась имъ прежняя критика и которыя перечислены нами въ началѣ статьи. Разборъ ихъ показалъ, что и теперь блестящій беллетристъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, и прежде былъ тѣмъ же, что и теперь... Только теперь онъ сильнѣе и ярче выразился... При разборѣ нашемъ не брали мы въ разсчетъ біографіи Котляревскаго, почти не касались водевилей и драмъ графа Соллогуба, равно и «Салалакскихъ досуговъ» и альбомныхъ стихотвореній. Не на нихъ основана слава графа Соллогуба: онъ извѣстенъ русской публикѣ какъ юмористъ и повѣствователь, и мы старались разсматривать его съ этой стороны, чтобы объяснить фактъ охлажденія къ нему публики. Другія его произведенія были намъ нужны только для того, чтобы прослѣдить ходъ развитія его убѣжденій и стремленій—съ самаго начала до послѣдняго времени... Впрочемъ, считаемъ нужнымъ прибавить здѣсь, что даже и мелкія произведенія графа Соллогуба нисколько не противорѣчатъ общему нашему понятію о немъ и не могутъ уро-

нить его славы. Въ нихъ онъ является тѣмъ же блестящимъ, остроумнымъ писателемъ, съ тѣмъ же истинно свѣтскимъ тономъ и взглядомъ на вещи, съ тѣми же чувствами и убѣжденіями... Напримѣръ, стихотворенія его такъ милы и изящны, что нельзя не любоваться ими. Они такъ и переносятъ въ благоуханную атмосферу гостиныхъ, такъ изящно очерченныхъ графомъ Соллогубомъ, они такъ и заставляютъ вспомнить барона, декламировавшаго:

«Всегда, вездѣ, и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ.
И наяву, и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ!..

Правда, иногда попадается у графа Соллогуба шероховатость въ стихѣ: въ риѳму—*Руаньели*—стоитъ, напр., *съ поэзіями вступи*... Встрѣчается такое четверостишіе:

«Не въ сущей *доброть я-ли*
Вамъ вѣрилъ, какъ дуракъ;
А вы вотъ и *затѣяли*
Меня цыганить такъ»...

Но стоитъ-ли обращать вниманіе на такіе пустяки!..

Чѣмъ же, однако, объяснить охлажденіе публики къ графу Соллогубу? Талантъ его такъ же блестящъ и цвѣтущъ теперь, какъ и прежде; дѣятельность не прерывалась, убѣжденія тверды по прежнему, словомъ, со стороны автора, всѣ условія для успѣха тѣ же, что и прежде. Явно, что вина на сторонѣ публики и критики. Главное обстоятельство, неблагопріятное для автора «Тарантаса», было, по нашему мнѣнію, то, что критика долго не умѣла ясно и правильно понять его направленія. Пока графъ Соллогубъ высказывался неопредѣленно, полу-намеками, она хотѣла видѣть въ немъ убѣжденія, какими она сама была проникнута, и въ лицахъ его разсказовъ находила сознательное, художественное воспроизведеніе жизненной пошлости и пустоты. Впослѣдствіи оказалось, что взглядъ автора на своихъ героевъ не совсѣмъ сходился со взглядомъ критики, что многія изъ его лицъ смѣшны и пусты ненамѣренно, такъ какъ смѣшны и пусты кажутся намъ сильныя и идеальныя натуры въ повѣстяхъ Марлинскаго и Полевого. Критика перестала выражать свое восхищеніе повѣстями Соллогуба и ставить его рядомъ съ Гоголемъ и Лермонтовымъ; публика тоже увидала, въ чемъ дѣло, и не хотѣла восхищаться въ графѣ Соллогубѣ тѣмъ, чѣмъ восхищалась въ изображеніяхъ барона Фиренгейма и Ивана Васильича. Послѣдовало невниманіе и забвеніе... Другою причиною того же факта могла быть самая вѣрность графа Соллогуба принятому однажды воззрѣнію. Рѣшивши, что «большой свѣтъ» живетъ только внѣшностью и полонъ пустоты, взглянувши и на все остальное сквозь лорнетъ «большого свѣта», авторъ «Тарантаса» постоянно повторялъ одну и ту же тему, одинъ и тотъ же типъ, и это, наконецъ, пріучило публику думать, что ничего новаго отъ автора «Старушки» ожидать уже нельзя. Охлажденіе сдѣлалось еще полнѣе, когда многіе стали замѣчать, что не все же пустота въ большомъ свѣтѣ, что можно и тамъ отыскать какіе-нибудь серьезные интересы, если только самъ ими проникнутъ серьезно... И вотъ—забыла наша публика свои прежніе восторги, забыла, сколько наслажденія доставляли ей прежде прекрасныя картины графа Соллогуба, его художественныя описанія, краснорѣчивыя разсужденія, остроумные разговоры, мѣткія наблюденія надъ внѣшней стороной нашихъ нравовъ и изящный юморъ... Явился «Чиновникъ»,—публика вспомнила своего любимаго автора, но скоро опять отвернулась отъ него... Явилось полное собраніе его сочиненій,—и до сихъ поръ никто не занялся серьезнымъ разборомъ ихъ... Это очень грустное явленіе... Мы старались, какъ умѣли, разсмотрѣть и объяснить его, чтобы, съ одной стороны, отдать справедливость талантливому беллетристу, а съ другой—напомнить публикѣ о томъ, о комъ не должна забыть будущая исторія нашей литературы.

---

96. ***

Напечатано въ первомъ «собраніи», свѣрено съ подлинникомъ въ тетради Добролюбова. Имѣетъ отношеніе къ его личной жизни.

М. Л.

Я знаю все: упала ты глубоко,
Любовь свою ты многимъ раздаешь;
Средь пошлости, позора и порока,
Забывъ себя, ты весело живешь...
Но, противъ воли, сердце молодое
Горитъ во мнѣ любовію къ тебѣ;
Душа моя полна одной мечтою—
О нашей общей будущей судьбѣ...
Я чую—внутреннимъ огнемъ горю я,
Какъ ты меня къ груди своей прижмешь;
Ты у меня, уста мои цѣлуя,
Изъ сердца соки жизненные пьешь...
Такъ нѣжный кустъ, плющемъ въ объятьяхъ стиснутъ, гибнетъ,
Теряя соки лучшіе свои...
А тотъ все дальше стелется и липнетъ
Къ другимъ—съ объятьемъ гибельной любви...

15 іюля 1857.

97. Дорожная пѣсня.

Напечатано въ I кн. «Современника» 1862 года; провѣрено съ подлинной тетрадью Н. А., гдѣ и выставлена его рукой дата, помѣщенная потомъ и въ первомъ изданіи сочиненій. Стихотвореніе имѣетъ явное политическое значеніе. Навѣянное поѣздкой на родину, оно выражаетъ такой смыслъ: и я вмѣстѣ съ другими вѣрилъ, что Александръ II дастъ свободу крѣпостному народу, но теперь, когда всѣ реформы свелись къ перемѣнѣ въ войскахъ касокъ, лампасовъ, погонъ и мундировъ,—этому уже не вѣрится... Чернышевскій объясняетъ это стихотвореніе совершенно иначе. По его утвержденію, оно написано *послѣ* пребыванія Н. А. въ Старой Русѣ, когда Чернышевскій всѣми силами препятствовалъ его женитьбѣ на Терезѣ Г. (см. біографію)... Но это объясненіе, приведенное по письму Чернышевскаго отъ 1878 года Н. С. Русановымъ («Чернышевскій въ Сибири», «Рус. Богатство» 1910 г. IV), совершенно невѣрно. Стихотвореніе написано за годъ *до* возвращенія изъ Старой Русы, и, если предположить даже, что въ тетрадь Добролюбова вкралась описка: вмѣсто 1858 года—1857 годъ, то и то это не разъяснитъ дѣла, потому что 27 іюля 1858 г. Н. А. былъ еще въ Русѣ, а разсказъ Чернышевскаго говоритъ о фактахъ, бывшихъ уже *послѣ* возвращенія оттуда. Ясно, что, вспоминая это стихотвореніе двадцать лѣтъ спустя, Чернышевскій перепуталъ его хронологическія рамки.

М. Л.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...
Ты и я, всѣ наши братья,
Наши лучшіе друзья
Всѣ узнали, безъ изъятья,
То, что такъ крушитъ тебя.
Пой, ямщикъ, твоя кручина
И во мнѣ волнуетъ кровь;
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.
А то, какъ, было, въ избушкѣ
Хорошо она зажглась...
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей пришлась.
Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ;
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ!..

27 іюля 1857 г.

98. Доносъ.

Разсказъ.

Напечатано въ VIII кн. «Современника» 1857 г. (ценз. 31 іюля), за подписью «Н. Александровичъ». Этотъ разсказъ былъ написанъ Добролюбовымъ еще студентомъ и не появился бы въ журналѣ, если бы Некрасовъ не просилъ дать его, находя, что ужъ если онъ написанъ, то надо имъ воспользоваться («Матеріалы», 466). Ничего особеннаго въ разсказѣ нѣтъ: такихъ произведеній тогда было очень много—обще-

ство съ удовольствіемъ видѣло въ печати описаніе быта чиновничества, полагая, что такимъ образомъ можно очистить наши нравы... Отдалъ дань этому обличительному направленію и Добролюбовъ, вскорѣ послѣ того, однако, призывавшій покончить съ «алгебраической» (по выраженію Герцена) гласностью...

М. Л.

Не было ни одного человѣка въ губернскомъ городѣ Покорскѣ, который бы могъ оставаться хладнокровнымъ, когда заходила рѣчь о Петрѣ Спиридонычѣ Ошарскомъ, секретарѣ гражданской палаты. Отзывы о немъ были очень разнообразны, но тонъ ихъ былъ всегда самый горячій и восторженный. Петръ Спиридонычъ былъ едва-ли не единственнымъ предметомъ, на которомъ по цѣлымъ часамъ могъ держаться у покорскихъ гражданъ одушевленный разговоръ. Старички спорили о немъ съ молодыми, женщины интересовались имъ наравнѣ съ мужчинами, даже дѣти оставляли свои игрушки и внимательно прислушивались, какъ скоро въ разговорѣ упоминалось имя Петра Спиридоныча. И въ самомъ дѣлѣ, Ошарскій былъ, быть можетъ, самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ цѣлой Покорской губерніи. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, всего лѣтъ тридцати съ небольшимъ, но уже носилъ пряжку за пятнадцатилѣтнюю безпорочную службу. Лѣтъ пятнадцати, исключенный изъ семинаріи, поступилъ онъ писцомъ въ духовную консисторію, оттуда перешелъ въ полицію, затѣмъ въ уѣздный судъ и, наконецъ, втерся въ гражданскую палату. Красивымъ почеркомъ, а всего болѣе почтительностію къ начальству и точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ скоро заслужилъ расположеніе своего столоначальника и даже обратилъ на себя милостивое вниманіе секретаря. Года черезъ два онъ былъ помощникомъ столоначальника, черезъ четыре столоначальникомъ, а черезъ десять секретаремъ. Въ пять лѣтъ своего секретарства онъ успѣлъ выстроить себѣ два дома, выгодно жениться, купить на имя жены деревеньку и еще положить, какъ говорили, порядочный капиталъ въ ломбардъ (по понятіямъ покорскихъ жителей, всякій достаточный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть деньги *въ ломбардѣ*). Съ этой стороны обыкновенно и разсматривался Ошарскій своими согражданами. Личныя его качества менѣе возбуждали общее вниманіе, и многіе даже удивлялись, что отчего такое счастье во всемъ человѣку, не имѣющему въ себѣ ничего необыкновеннаго. Вообще, многіе отзывались о немъ съ завистливымъ негодованіемъ, другіе съ почтительною завистью, а третьи, съ безкорыстнымъ сознаніемъ его превосходства, ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ и племянникамъ.

Но исторія о томъ, какъ Петръ Спиридонычъ сдѣлался секретаремъ, заслуживаетъ особаго описанія. Онъ достигъ этого самъ собою, своими личными достоинствами. Достоинства эти были, дѣйствительно, замѣчательны. Онъ выставлялъ себя человѣкомъ очень образованнымъ, говорилъ, что никакихъ отвлеченностей не признаетъ и создавать для себя призраки не имѣетъ ни малѣйшей охоты. Нерѣдко сбивалъ онъ съ толку ученѣйшихъ людей, учившихся въ семинаріи и даже въ духовной академіи, своими положительными вопросами. «Да гдѣ же граница между побужденіями чувственными и духовными, возвышенными, какъ вы называете?—говорилъ онъ.—Что же такое честность, если она, по вашему, имѣетъ безусловный смыслъ? Объясните мнѣ, пожалуйста, чего ради долженъ я о себѣ заботиться меньше, чѣмъ о другихъ, и своей выгодѣ предпочитать чужую?..» И, задавши подобный вопросъ, Петръ Спиридонычъ выставлялъ впередъ одну ногу, лѣвую руку упиралъ себѣ въ бокъ, а правой поправлялъ очки на своемъ прямомъ и остромъ носу, и затѣмъ устремлялъ свой дерзкій взглядъ на своего собесѣдника. Этого взгляда никто не выдерживалъ; ученые мужи принимались иногда за метафизическія объясненія, но Ошарскій мгновенно поражалъ ихъ діалектикой здраваго смысла, какъ называлъ онъ свое краснорѣчіе. И любо было посмотрѣть на него, когда онъ торжествовалъ свою побѣду надъ «семинарской софистикой», какъ говорилъ онъ самъ. Рѣчь его текла свободно и живо, глаза такъ и сверкали, кровь такъ и переливалась въ крупныхъ очертаніяхъ его рябоватаго лица. Подумаешь, что стоитъ передъ тобой энтузіастъ и пропагандистъ какихъ-нибудь новыхъ идей, а онъ просто—секретарь гражданской палаты... Его рѣзкость и гордый видъ были пріобрѣтены долговременной привычкой властвовать и непривычкой встрѣчать неудачи. Во всей палатѣ не было человѣка, который бы сколько-нибудь сносно зналъ законы, Ошарскій же зналъ отлично не только то, что есть въ законахъ, но и то, чего совсѣмъ нѣтъ въ нихъ. Онъ могъ кого угодно запутать и нѣсколько разъ заставлялъ старика предсѣдателя отказаться отъ мнѣнія, уже утвержденнаго и подписаннаго имъ, пугая его слѣдствіемъ и Сибирью. Полный сознанія собственнаго достоинства, онъ не унижался передъ всякимъ,

кто только былъ повыше его чиномъ, или побогаче сотней рублей дохода. Напротивъ, онъ даже отличался особенной самоувѣренностью въ обращеніи съ такими людьми и большую часть ихъ держалъ въ рукахъ. Дерзкое самовольство было въ характерѣ Ошарскаго. За него изгнали дерзкаго мальчишку изъ семинаріи, за него же терпѣлъ онъ множество непріятностей въ первое время своей службы. Горькій опытъ научилъ, наконецъ, Ошарскаго смиренію, и онъ смирился, но и смирился по своему. Вмѣсто того, чтобы замолчать и превратиться въ безсловеснаго слушателя и исполнителя чужихъ приказаній, онъ заговорилъ еще громче прежняго, только совершенно въ другомъ родѣ. Онъ замѣтилъ что столоначальникъ его не любилъ французскаго табаку и чиновниковъ изъ университета, и принялся наповалъ ругать французскій табакъ и университеты. Онъ узналъ, что одинъ изъ писцовъ—племянникъ секретаря и пользуется его протекціей, и постарался сблизиться съ племянникомъ, чтобы выразить предъ нимъ свое удивленіе и благоговѣніе къ дядюшкѣ. Предсѣдатель обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы у прописныхъ буквъ головки дѣлались самыя маленькія, и Ошарскій, скрѣпя сердце, сталъ писать такъ, что его глаголи и рцы походили на огромнѣйшій шестъ съ едва замѣтною наверху скворечницей. Мало того, онъ громко принялся спорить и доказывать, что такой способъ написанія буквъ, дѣйствительно, самый удобный и красивый. Такимъ образомъ, Петръ Спиридонычъ былъ постоянно на виду у начальства и обращалъ на себя вниманіе съ самой отличной стороны. Для него же самаго такой переворотъ въ дѣятельности не представилъ особенныхъ затрудненій. Онъ воображалъ себя въ положеніи охотника, разставляющаго силки для птичекъ, и про себя потѣшался глупостью своихъ жертвъ. Скоро, однакожъ, натура взяла свое, и, сдѣлавшись столоначальникомъ, Петръ Спиридонычъ началъ исподтишка утирать носъ своему секретарю, а предсѣдателю и въ усъ не дулъ, хотя по привычкѣ и продолжалъ выводить скворечницы на прописныхъ буквахъ. Черезъ нѣсколько времени секретарь убѣдился, что съ Ошарскимъ ссориться опасно и заключилъ съ нимъ союзъ, сдѣлавши его своимъ помощникомъ. Это соединеніе было тѣмъ необходимѣе, что тогда приближались выборы и поговаривали, что на слѣдующее шестилѣтіе старый предсѣдатель не будетъ выбранъ. Слухи, впрочемъ, не оправдались; дворяне привыкли уже къ старику и опять его выбрали, тѣмъ болѣе, что и нѣ за-что было забаллотировать его: онъ никому не сдѣлалъ зла,—«здоровьемъ былъ онъ слабъ и всѣ дѣла секретарю оставилъ», а секретарь былъ человѣкъ благонамѣренный и даже честный, насколько дозволяло ему его положеніе. Зато въ палату присланъ былъ новый товарищъ предсѣдателя, молодой человѣкъ, весьма горячо хлопотавшій о честности. Петръ Спиридонычъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился сдѣлать хорошее употребленіе изъ добрыхъ расположеній новаго поборника честности. Случай къ этому представился очень скоро. Однажды по утру, Ошарскій сидѣлъ въ своей комнатѣ, допивая чай и просматривая дѣла, которыя были на очереди въ этотъ день, какъ вдругъ отворилась дверь, и передъ нимъ предсталъ стройный молодой человѣкъ въ гусарскомъ мундирѣ.

— Не вы-ли господинъ Ошарскій? — обратился онъ къ Петру Спиридонычу, не снимая фуражки.

— Къ вашимъ услугамъ-съ... Что вамъ угодно?—отвѣчалъ хозяинъ, не вставая съ мѣста.

— Мнѣ посовѣтовали обратиться къ вамъ по этому чертовскому дѣлу, которое вы, вѣрно, знаете,— ну, объ этомъ глупомъ балакаевскомъ наслѣдствѣ, — продолжалъ гость, разваливаясь въ креслахъ.

— Ахъ, такъ вы — г. Балакаевъ!.. Не угодно-ли чаю?

— Ну его къ черту!.. Какой Балакаевъ... Не дай Богъ быть Балакаевымъ. Я просто Струшинъ...

— Струшинъ!.. Такъ вамъ чего же отъ меня угодно? Я для васъ ничего сдѣлать не могу...

— То-есть—это значитъ, что Балакаевъ успѣлъ уже васъ купить... Да вѣдь я самъ человѣкъ, понимающій эти дѣла... Не съ пустыми руками пришелъ къ вамъ...

— Я вамъ совѣтую прежде всего, г. Струшинъ, не забывать, что вы говорите съ чиновникомъ, и что вы находитесь въ моей квартирѣ, откуда я могу попросить васъ выйти.

— А вы думаете, что я васъ такъ и послушаюсь... Мнѣ чортъ съ вами, и съ вашей квартирой, и съ вашимъ чиновничествомъ!.. Пошелъ бы я къ вамъ, кабы не это проклятое наслѣдство...

— Да и теперь напрасно пожаловали. Наслѣдства этого вамъ не видать, какъ ушей своихъ... Помилуйте,— Балакаевъ родной братъ покойницы, а вы-то что же такое?.. Двоюродный или троюродный племянникъ...

— Э, что за вздоръ вы мнѣ говорите... Я этого ничего не хочу слышать... Я знаю, что вы можете сдѣлать все, что нужно. Вамъ только отговорка нужна... Ну, тамъ,

расходы, что-ли, какіе... Чортъ ихъ знаетъ,— разумѣется, — это все будетъ заплачено... Вотъ на первый разъ на расходы вамъ тысяча рублей... Возьмите.

— О какихъ расходахъ вы говорите? и съ какой стати меня дѣлаете повѣреннымъ вашимъ? Деньги на веденіе дѣла нужны тамъ писцамъ, столоначальникамъ, секретарю, мало-ли кому! Подите, да и дайте имъ всѣмъ.

— Стану я еще ко всѣмъ имъ ходить. Да и почему я знаю, кому сколько дать. Мнѣ васъ рекомендовали, какъ дѣльнаго и расторопнаго человѣка... Да мнѣ и ѣхать нужно скоро... Вѣдь ваши труды будутъ вознаграждены... Я ничего не пожалѣю... Помилуйте—дѣло идетъ о семидесяти тысячахъ годового дохода... Я всего недѣлю тому назадъ занялъ въ Москвѣ десять тысячъ подъ залогъ этого наслѣдства. Нужно же мнѣ получить его... Теперь у меня осталось всего пять тысячъ,—хотите три?..

— Если вы хотите поручить мнѣ хлопоты по вашему дѣлу, то, разумѣется, я могу согласиться на нѣкоторыхъ условіяхъ и сдѣлаю все, что нужно. Но я ничего не могу вамъ обѣщать, я даже напередъ говорю вамъ, что, вѣроятно, ваше дѣло будетъ проиграно.

— Такъ за какимъ же чортомъ и хлопотать тогда? Чортъ съ вами, я отправлюсь и дамъ три тысячи секретарю.

— И онъ, все-таки, ничего не сдѣлаетъ, потому что еще столько же нужно дать предсѣдателю, да чиновникамъ еще...

— Да я послѣ все заплачу... Теперь у меня денегъ нѣтъ... Возьмитесь, пожалуйста, хлопотать. Я предоставляю пока три тысячи въ ваше распоряженіе... А мнѣ, право, нѣкогда... Въ Петербургѣ давно балы, маскарады начались, — а я тутъ провозился съ вашими глупыми выборами, да съ этимъ подлѣйшимъ наслѣдствомъ... Ну, такъ беретесь?

— Видите, въ чемъ дѣло: намъ нужно, если ужъ такъ, исполнить нѣкоторыя формальности. Вы напишите, что поручаете мнѣ передать деньги кому слѣдуетъ за рѣшеніе вашего дѣла, и что требуете отъ меня росписки въ полученіи ихъ... Я вамъ дамъ росписку, и по ней возьму росписки съ секретаря и другихъ, кто будетъ получать, тогда мы съ вами и сведемъ свои счеты.

— Ну, что же, это можно, я думаю, сейчасъ сдѣлать, пожалуй, хоть съ приложеніемъ моей печати. Диктуйте, я буду писать... Всѣмъ чиновникамъ вмѣстѣ, или каждому особо?.. Пожалуйста, вмѣстѣ... А то провозишься, чортъ знаетъ, сколько времени.

— Нѣтъ-съ, какъ же можно всѣмъ вмѣстѣ... Впрочемъ, знаете, что? — можно написать только для секретаря. Остальные,— народъ добросовѣстный и сговорчивый... Пишите секретарю... на тысячу рублей...

— Какъ на тысячу?.. На три...

— Да вѣдь у васъ всего три? такъ ихъ нужно раздѣлить, я думаю... пока вы не пришлете остальныхъ...

— Ахъ, да, разумѣется. Такъ я пишу-съ... Диктуйте!

Петръ Спиридонычъ сѣлъ къ столу возлѣ Струшина и принялся писать росписку въ полученіи денегъ, диктуя въ то же время, что слѣдовало, своему просителю. Черезъ десять минутъ все оказалось готово. Гусаръ отдалъ деньги и ушелъ, очень довольный собою, позабывъ даже взять съ собою росписку Ошарскаго.

По уходѣ его, Петръ Спиридонычъ замѣтилъ сквозь зубы, посмотрѣвъ ему вслѣдъ: «Вотъ, дуракъ-то!.. думаетъ тремя тысячами отдѣлаться, когда Балакаевъ, законный наслѣдникъ, десять ужъ заплатилъ... А, впрочемъ, секретарюя на солю», прибавилъ онъ, немного подумавъ, и принялся отсчитывать тысячу рублей изъ полученныхъ денегъ. Отсчитавши, онъ бережно завернулъ ее въ бумажку, а потомъ спряталъ въ свой портсигаръ. Остальныя деньги заперты были въ шкатулку, находившуюся въ сундукѣ, подъ кроватью Ошарскаго. Окончивъ эту операцію, онъ позвалъ кухарку Акулину и велѣлъ ей убирать чай, а самъ принялся писать росписку отъ имени секретаря въ полученіи тысячи рублей на веденіе Струшинскаго дѣла.

— Ты что сегодня обѣдать мнѣ дашь?— спросилъ онъ, между писаньемъ, Акулину, которая вытирала стаканъ.

— Да что вамъ дать-то? Что прикажете, то и будетъ.

— А ты варила, что-ли, что-нибудь?

— Что варить-то! Ничего не варила... Супъ только вамъ.

— Супъ какой у тебя?

— Какому быть-то ему? Картофельный будетъ, телячій... Хорошій супъ.

— Ну, хорошо... А еще что?

— Да что еще?.. Ничего больше... Каша будетъ.

— Не надо каши... А ты вотъ что сдѣлай... Приготовь котлеты къ обѣду на трехъ человѣкъ, чтобы было всего... Да сходи—сладкихъ пирожковъ возьми въ кондитерской, что-ли, на двугривенный. Теперь вѣдь ужъ самой ничего нельзя сдѣлать, ни пирога сладкаго, ни блинчиковъ, ничего этакого!..

— Отчего не сдѣлать?.. Можно бы все сдѣлать, кабы съ вечера сказали.

— Да тутъ ужъ нечего «съ вечера», я

про теперешнее говорю... Теперь-то нельзя, вѣдь?

— Теперь-то ужъ какъ можно... Теперича, извѣстно, ничего не сдѣлаешь.

— Ну, такъ, вотъ такъ и сдѣлай. Вотъ и денегъ тебѣ.

Петръ Спиридонычъ далъ кухаркѣ полтинникъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Петръ Спиридонычъ отправился на поприще общественной дѣятельности. Въ палатѣ онъ занялся дѣлами съ обычнымъ усердіемъ и только одинъ разъ, между дѣлъ, позволилъ себѣ поговорить съ молодымъ помощникомъ столоначальника, недавно еще учившимся въ университетѣ и до сихъ поръ не успѣвшимъ утратить своихъ юношескихъ вѣрованій.

— Да, хорошо вамъ мечтать, пока еще молоды, — говорилъ Ошарскій, незамѣтно отходя къ окну, гдѣ никто не могъ слышать ихъ разговора. — А какъ послужишь да посмотришь на людей, такъ и видишь, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности сдѣлать что-нибудь порядочное...

— Зачѣмъ? Развѣ нельзя вооружиться энергіей правды и, съ сознаніемъ правоты дѣла, гордо и смѣло идти на борьбу...

— Полноте, гордо и смѣло... Потихонько-то борешься, такъ и то, того и гляди, что пропадешь, какъ червякъ. А поднимись-ко гордо и смѣло-то... въ ту же минуту раздавятъ...

— Неужели вы считаете негодяевъ столько твердыми, что они рѣшатся идти противъ открытой силы? Никогда. Они сильны только безсиліемъ другихъ.

— Такъ-то оно такъ, да все же осторожность нужна, хоть сначала, по крайней мѣрѣ. Да вотъ, чего далеко ходить, секретарь нашъ вѣдь ужъ мошенникъ отъявленный (Петръ Спиридонычъ понизилъ голосъ), а подите, сладьте съ нимъ. Вотъ сегодня у меня съ нимъ должна быть исторія. Я васъ хотѣлъ пригласить къ себѣ, чтобы вы были свидѣтелями, вотъ тотчасъ послѣ палаты.

— Извините, мнѣ сегодня нужно въ одно мѣсто... если-бъ вечеромъ...

— Ха, ха, ха, вотъ вы, проповѣдники-то борьбы... На словахъ-то вы всѣ хороши, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и прочь сейчасъ... Даже и посмотрѣть боитесь...

— Что же, вы думаете, что я трушу... этого?

— Ну, разумѣется... какъ же иначе...

— Извольте, я у васъ буду... Въ которомъ часу?—театрально-рѣшительнымъ голосомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Ну, вотъ хорошо... давно бы такъ,— отвѣчалъ Ошарскій примиряющимъ тономъ подавая руку увлеченному имъ юношѣ.— Такъ сегодня, тотчасъ, какъ присутствіе кончится, отправимся обѣдать ко мнѣ. Тутъ и секретарь будетъ... Вы увидите вещь очень интересную. Только предупреждаю васъ—ни во что не вмѣшивайтесь, молчите и ожидайте, пока я попрошу вашего содѣйствія. Оно будетъ нужно, но ежели вы сунетесь раньше, чѣмъ слѣдуетъ, вы все дѣло испортите. Смотрите же... Дѣло идетъ о торжествѣ нашихъ стремленій.

Послѣ присутствія Ошарскій приступилъ къ секретарю съ убѣдительнѣйшею просьбой зайти къ нему. Послѣ многихъ отговорокъ, секретарь согласился, услышавъ, что посѣщеніе имѣетъ цѣлью разговоръ объ одномъ *интересномъ* дѣльцѣ... Съ ними вмѣстѣ пошелъ и Аменскій, молодой помощникъ столоначальника. Увидавши его секретарь, спросилъ съ неудовольствіемъ:

— А этотъ что?..

— А этотъ тоже намъ нуженъ будетъ,— успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ Ошарскій, и секретарь успокоился.

Секретарь былъ уже человѣкъ старый и принадлежалъ къ породѣ тѣхъ простодушныхъ чиновниковъ, которые никакъ не могутъ понять, почему же имъ не слѣдовало бы брать денегъ за дѣло, которое они сдѣлаютъ. Инстинктивно онъ не терпѣлъ Аменскаго, какъ человѣка, по его мнѣнію, пустого и вреднаго; но инстинктивно же онъ понималъ и то, что этотъ человѣкъ не можетъ быть очень опасенъ. Такимъ образомъ, втроемъ дошли они до квартиры Ошарскаго, разсуждая о томъ, что нынѣшній годъ зима сиротская, и что ежели лѣто по зимѣ будетъ, то оно будетъ жаркое, а если зима по лѣту, то до весны еще сильные холода будутъ...

Пріятный разговоръ продолжался и на квартирѣ Петра Спиридоныча до самаго обѣда. Передъ обѣдомъ, по обычаю, выпили и закусили, на столъ тоже поставлены графинъ водки и бутылка лафита, при чемъ хозяинъ замѣтилъ:

— Это вотъ вамъ, молодой человѣкъ, если хотите... А мы съ Петромъ Кирилычемъ русскаго хватимъ...

— А вы то что за старикъ,—возразилъ Аменскій...

— Э, батюшка, какъ это говорится-то: не годы старятъ—заботы... Вамъ что: разсуждаете себѣ на досугѣ, какъ человѣчество переработать, а устанете, такъ въ деревню отдохнуть отправитесь... А вотъ какъ намъ нужно о кускѣ насущномъ позаботиться, такъ другое запоешь... Да еще мнѣ сполагоря... а вотъ Петру-то Кирилычу — трое дѣтей малолѣтнихъ... выростить надо, да и замужъ отдать... На жалованье-то далеко не уѣдешь...

Говоря это, Петръ Спиридонычъ значительно посматривалъ на Аменскаго, какъ бы увѣдомляя его, что интересное представленіе начинается.

— Да подлецъ и народишко-то сталъ,— говоритъ секретарь:—никуда не годится... Дрянь такая, ни на что не похоже... Нѣтъ, чтобы этакъ честненько да смирненько поплатиться за дѣло-то... Куда тебѣ, всякая свинья еще шумитъ, лѣзетъ съ рыломъ-то... Вотъ хоть бы этотъ дуракъ— еще графъ— Рѣшетиловъ-то... Какъ посмотрѣлъ я у него въ деревнѣ, такъ цѣлый домъ книгами однѣми заваленъ... Управляющій говоритъ, что тысячъ на десять каждый годъ всякаго хламу покупаетъ... И на какой прахъ онѣ ему!.. и не прочитаетъ половины. А случилось намеднись плевое дѣло,—все-то какихъ-нибудь пяти-сотъ рублей стоитъ,—такъ не по губѣ рѣшили,—на апелляцію въ Сенатъ взялъ, да еще бѣды отъ него жди себѣ, отъ болвана...

— Какъ, вы хотите отнять право голоса у подсудимаго?..—началъ было Аменскій, но хозяинъ прервалъ его:

— Чего тутъ хотѣть, любезнѣйшій Андрей Васильевичъ, — надобно просто смотрѣть вездѣ на обстоятельства. Вѣдь дѣло дѣлу рознь. Вотъ хоть бы теперь у насъ Балакаевское дѣло, о которомъ я и говорить хотѣлъ съ вами сегодня, Петръ Кирилычъ...

— Ну, да, Балакаевъ-то еще туда, сюда.

— Что же такое, видно, что старинаго вѣка человѣкъ...

— Дѣло-то ужъ его, такъ его, что и запутать трудно,—а все-таки, тысченку-другую перепустилъ... Нельзя же оставаться скотомъ неблагодарнымъ за добро, которое намъ люди дѣлаютъ... А тотъ вертопрахъ-то носу, небось, не показалъ... А вѣдь, чай, тоже нарохтился выиграть дѣло.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—замѣтилъ Петръ Спиридонычъ, думавшій между тѣмъ: «вишь, старый мошенникъ, прикидывается какъ!.. Тысченку, другую... Какъ будто я не знаю, сколько денегъ разсорилъ Балакаевъ!.. Ну, да мы тебя выведемъ на свѣжую воду».

— Да-съ, безъ всякаго сомнѣнія,—повторилъ онъ.—Онъ вѣдь самъ и процессъ-то началъ... Впрочемъ, не хлопоталъ онъ по своимъ дѣламъ скорѣе по недосугамъ и по незнанію, чѣмъ по неблагородству мыслей. Онъ всего только на два дня пріѣзжалъ сюда и сегодня поутру былъ у меня...

— У васъ былъ-съ?... Что же онъ, какъ?... Вѣдь дѣло-то его въ ходу.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ... Вообще, хоть гусаръ и молодой человѣкъ, а, должно быть, дока. Онъ знаетъ, къ кому и какъ прибѣгнуть, понимаетъ, въ комъ сила. Ко мнѣ заѣхалъ только на минуту,— по дорогѣ, говоритъ, съ тѣмъ, чтобы я передалъ вамъ тысячу рублей... для сообщенія *начальнаго* движенія дѣлу, какъ онъ говоритъ...

— Тысячу рублей,—повторилъ секретарь, искоса поглядывая на Аменскаго.

— Да, — повторилъ Петръ Спиридонычъ,—тысячу рублей собственно для васъ, на начальные расходы. Натурально, что онъ и другихъ не забылъ. И вотъ Андрей Васильевичъ свидѣтелемъ былъ...

— Кто?... я-съ?—съ изумленіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Чего же вы испугались,—значительно подмигнувъ, продолжалъ Ошарскій. — Не бойтесь, мы васъ никогда не выдадимъ. Но вѣдь для порядка дѣла нужно же. Онъ такой законникъ... не отдалъ мнѣ просто денегъ, а подъ росписку, хоть и при свидѣтелѣ... И самъ мнѣ далъ сохранную запись, что даетъ мнѣ тысячу рублей для передачи секретарю на первоначальное веденіе дѣла... Такъ и самъ написалъ, и мнѣ велѣлъ написать: на первоначальное веденіе дѣла... Видно, что надувать не хочетъ...

— Однако, вы маху дали, Петръ Спиридонычъ... Какъ же это бѣсъ-то васъ угораздилъ дать росписку?... А какъ онъ возьметъ да предъявитъ ее, куда слѣдуетъ?...

— Экая ему выгода будетъ, Петръ Кирилычъ! Во-первыхъ, процессъ проиграетъ, во-вторыхъ, въ палату потомъ ужъ ни за какимъ дѣломъ не показывайся, въ-третьихъ, вы, я думаю, знаете постановленіе, что всякаго, уличеннаго въ томъ, что даетъ взятку и хочетъ подкупить судью,—судить по строгости законовъ, такъ же, какъ самого подкупленнаго... Что же ему за выгода?.. нѣтъ, это онъ просто изъ опасенія, чтобы я не надулъ его да не замоталъ его денегъ...

— Такъ-ли, полно, Петръ Спиридонычъ?...

— Именно такъ, Петръ Кирилычъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ настоятельно требовалъ, чтобы я и отъ васъ взялъ росписку въ полученіи и ему переслалъ въ Москву...

— Какъ, и отъ меня росписку? Что вы городите-то!

— Вотъ—спросите Андрея Васильевича. Да и въ роспискѣ-то я долженъ былъ написать: «въ чемъ обязуюсь въ непродолжительномъ времени отъ онаго секретаря представить вышереченному Струшину росписку, въ противномъ же случаѣ неустойку всей суммы принять на себя».

— Ну, что же это вы набѣдокурили тутъ, Петръ Спиридонычъ?.. Чортъ знаетъ, умный человѣкъ, кажется, а всегда пакость какую-нибудь сочинитъ... Не могу же я вамъ,

при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такой росписки давать... Не прежнія времена. Въ такую впутаешься исторію... и какъ не сообразить было...

— Какъ вамъ угодно, Петръ Кирилычъ, мое дѣло тутъ сторона... А только что я думалъ, что вы этимъ дѣломъ брезговать не будете. Тутъ вѣдь десятками тысячъ пахнетъ. Можно его на пять лѣтъ протянуть: оно вѣдь только еще начато. И Струшинъ такой молодецъ, что знаетъ, кѣмъ и какъ взяться... Такія дѣла не часто и у насъ случаются... А коли хотите, такъ я ему такъ и напишу. Назадъ-ли онъ деньги возьметъ или передать кому другому велитъ, мнѣ вѣдь все равно, я только по расположенію къ вамъ, зная вашъ характеръ.

— Что тутъ мой характеръ. Дѣло-то дрянь ты сдѣлалъ. Само собой, что за молодца надо взяться; само собой, что такого дѣльца мы съ тобой, можетъ, еще-то и не дождемся. Да неужто нельзя безъ росписки было? Самъ-то далъ, да и меня втюрилъ тутъ же,—въ чужомъ пиру похмѣлье.

— Я ужъ, Петръ Кирилычъ, отговаривался, отговаривался, ничто не беретъ-съ— отвѣчалъ Ошарскій, а самъ посмотрѣлъ на Аменскаго, какъ-бы говоря глазами: «подивитесь-ка безсовѣстности; говоритъ, что ему тутъ похмѣлье въ *чужомъ* пиру».

Аменскій отвѣчалъ взоромъ, полнымъ негодованія, и жестомъ, выражавшимъ желаніе плюнуть въ глаза гнусному секретарю.

— Этакая, вѣдь, исторія, подумаешь. Ну что тутъ станешь дѣлать? Просто сообразить никакъ не могу.

Соображеніе Петра Кирилыча въ это время, дѣйствительно, нѣсколько притупилось, потому что обѣдъ подходилъ уже къ концу, а гостепріимный хозяинъ не забывалъ, въ промежуткахъ разговора, подчивать своего гостя очищеннымъ. Когда встали изъ-за стола, секретарь велѣлъ Ошарскому написать росписку и дать ему подписать, вмѣстѣ съ деньгами. Росписка была уже готова, и все дѣло слажено въ нѣсколько минутъ. Аменскій, по просьбѣ Петра Спиридоныча, подписался какъ свидѣтель. Послѣ этого Ошарскій завелъ рѣчь о преимуществахъ русской водки передъ заморскими винами, а Андрей Васильичъ вступилъ съ нимъ въ горячій споръ, упрекая его въ квасномъ патріотизмѣ.

Видя, что дѣлать тутъ болѣе нечего, секретарь всталъ, покачиваясь, отыскалъ кое-какъ шляпу и палку и простился съ хозяиномъ. Ошарскій его не удерживалъ.

— Вотъ гадина-то,—сказалъ Аменскій, какъ только секретарь вышелъ изъ комнаты.

— Подите же и боритесь съ такими врагами,—замѣтилъ Петръ Спиридонычъ.

— А вашему поведенію я удивляюсь,— снова началъ разгорячившійся поборникъ честности. — Какъ, участвовать въ низостяхъ, быть посредникомъ между негодяями, помогать неправому дѣлу, помилуйте, это стыдно, это... это...

— А что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я?.. Я просто бы кинулъ въ рожу этому Струшину его деньги...

— Ну, онъ бы отправился самъ къ секретарю, да и сладился съ нимъ.

— По крайней мѣрѣ, вы тутъ не были замѣшаны. Ваша совѣсть была бы чиста.

— За то правое дѣло было бы проиграно навѣрное. А теперь я имѣю возможность спасти его, начавши ту борьбу, о которой вы давеча говорили.

— Какъ это?

— Очень просто: идти съ этими расписками къ товарищу предсѣдателя и разсказать ему все дѣло. Онъ человѣкъ благонамѣренный и участвовать въ дѣлѣ благородномъ никогда не откажется. Съ нимъ вмѣстѣ можно отправиться къ предсѣдателю. Тотъ слабъ и глупъ, такъ его можно застращать огласной, и онъ передастъ дѣло губернатору, чтобы нарядили слѣдствіе. А тамъ уже вѣрная отставка этому мошеннику, ежели еще подъ судъ не отдадутъ... Вы не откажетесь отъ этого?

— Но какъ же вы хотите? Доносъ... вѣдь это подло...

— Вотъ тебѣ и разъ!... Вотъ вамъ и европейскія понятія... Такъ, по вашему, если вы видѣли, что разбойникъ въ лѣсу человѣка зарѣзалъ, а потомъ вы его встрѣтили въ обществѣ,—*подло* будетъ сказать, что это разбойникъ, что нужно схватить его! По вашему только два пути — укрывательство да дуэли, если ужъ на расправу пошло... А законнымъ порядкомъ дѣйствовать подло... Хорошъ взглядъ!.. Самый просвѣщенный!.. Нечего сказать...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ только показалось какъ-то... я не знаю... У насъ весь порядокъ такой, что... знаете... доносъ... шпіонство... все какъ-то смѣшивается...

— Такъ не смѣшивайте же, умный вы человѣкъ... Отправляемся, что-ли къ товарищу?

— Отправимся, и сейчасъ же...

— Ну, разумѣется, сейчасъ же... Вы будете моимъ свидѣтелемъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: отправились къ товарищу предсѣдателя. Это былъ молодой человѣкъ въ родѣ Аменскаго, либералъ отчаянный, нѣсколько лѣтъ писавшій уже проектъ о немедленномъ искоре-

неніи взяточничества въ Россіи. Онъ предполагалъ: изъ коренныхъ дворянъ и состоятельныхъ людей выбрать особенныхъ чиновниковъ, которыхъ обязанность состояла бы въ томъ, чтобы неусыпно слѣдить какъ за чиновниками, такъ и за просителями, и всячески препятствовать имъ видѣться и условливаться между собой. Всякій проситель, уличенный въ томъ, что далъ взятку, неизбѣжно лишался за то права выиграть свое дѣло; а чиновникъ, пойманный во взяточничествѣ,—на первый разъ лишался годового жалованья, съ занесеніемъ въ формуляръ, на второй—платилъ штрафъ въ десять разъ болѣе полученной взятки, а на третій—исключался изъ службы съ лишеніемъ состоянія. Чтобы облегчить должность особыхъ чиновниковъ, которыхъ товарищъ предсѣдателя хотѣлъ назвать цензорами, предполагалось выстроить особое зданіе, гдѣ должны были жить всѣ чиновники, и куда слѣдовало приставить особую стражу, съ тѣмъ, чтобы она никого изъ постороннихъ въ этотъ домъ не пускала безъ предъявленія особаго удостовѣренія начальства, что этотъ человѣкъ никакого дѣла въ судахъ и палатахъ не имѣетъ. Этимъ способомъ прерывались всякія сношенія чиновниковъ съ просителями на дому, и, слѣдовательно, вполнѣ устранялась всякая возможность брать взятки. Проектъ этотъ начатъ былъ товарищемъ предсѣдателя еще въ школѣ, и онъ чрезвычайно сожалѣлъ, что не успѣлъ кончить его къ выборамъ, чтобы предложить на разсмотрѣніе благороднаго и просвѣщеннаго дворянства. Главное затрудненіе, котораго авторъ смѣлаго проекта никакъ не могъ рѣшить, состояло въ томъ, къ какой службѣ причислить цензоровъ,—къ полицейской, или къ тому вѣдомству, при которомъ они состоять будутъ, и дать-ли имъ военную форму или гражданскую. Думалъ, было, онъ составить изъ нихъ нѣчто въ родѣ прокуроровъ и стряпчихъ и учредить особенное министерство цензуры нравовъ; но это казалось ему самому уже слишкомъ смѣлымъ... Не разрѣшатъ, думалъ онъ, и, пожалуй, еще изъза этого цѣлый проектъ остановятъ... Петръ Спиридонычъ съ Аменскимъ застали его именно въ этихъ размышленіяхъ.

— А, m-r Ошарскій, m-r Аменскій, пожалуйте... сдѣлайте одолженіе... Какъ ваше здоровье?..—говорилъ онъ, усаживая гостей, которымъ въ глубинѣ души чрезвычайно обрадовался, хотя и старался внутренно увѣрить себя, будто очень недоволенъ тѣмъ, что они помѣшали его соображеніямъ.

— Благодарю васъ, Николай Владиміровичъ... Вы насъ извините, что мы безпокоимъ васъ въ такое время,—началъ Ошарскій, но хозяинъ перебилъ его.

— О, нѣтъ, ничего-съ. Вѣдь я всегда занятъ, слѣдовательно у меня нѣтъ неурочныхъ часовъ...

И онъ пріятно улыбнулся.

— У насъ дѣло...

— Я все съ своимъ проектомъ хлопочу,—снова перебилъ прожектеръ.—Кажется, онъ пойдетъ хорошо... я вамъ разсказывалъ содержаніе.

— Да-съ, особые чиновники...

— Да, ценсоры... Это будетъ, по моему мнѣнію, радикальная мѣра... радикальная уже и потому, что она гарантирована со всѣхъ сторонъ, чего нѣтъ обыкновенно въ полумѣрахъ, принимаемыхъ разными частными начальниками. Во-первыхъ, ценсоры будутъ всѣ богатые люди, слѣдовательно, будутъ свободны отъ всякаго искушенія; во-вторыхъ, столбовые дворяне, слѣдовательно, съ честностью неподкупною... Затѣмъ, всякое нарушеніе чести будетъ влечь за собою наказаніе, совершенно сообразное съ поступкомъ. Если проситель даетъ взятку, значитъ, онъ сознаетъ, что его дѣло не право, что его нельзя выиграть безъ подкупа; слѣдовательно—ясно, что дѣло должно быть рѣшено въ пользу противника тотчасъ, какъ только одинъ изъ просителей уличенъ въ намѣреніи подкупить чиновниковъ...

— А ежели оба уличены будутъ-съ?

— Нѣтъ-съ, это невозможно.

— Нѣтъ-съ, бывали случаи...

— Ну, развѣ чрезвычайно рѣдко... И при томъ,—это не бѣда-съ. Во-первыхъ, одинъ изъ нихъ прежде подкупаетъ, другой послѣ,—можетъ быть изъ опасенія, по сомнѣніямъ, смотря на своего противника... Очевидно, что первый, кто подкупилъ, долженъ терять свой процессъ. Но если уже случится такъ, что двое подкупаютъ въ одинъ день, въ одинъ часъ, въ одну минуту,—то дѣло теряетъ тотъ, кто подкупалъ старшаго чиновника и чья взятка больше. Согласитесь, что не могутъ же они сойтись въ количествѣ денегъ, и,—главное, не могутъ придти въ одно и то же время къ одному и тому же чиновнику...

— Да-съ, конечно, это такъ-съ...

— Я давно предвидѣлъ всѣ эти возраженія и на все приготовилъ отвѣтъ. Только вотъ теперь остается затрудненіе, какъ съ чиновниками устроиться, куда ихъ причислить...

— То-есть,—откуда имъ жалованіе требовать?

— О, нѣтъ, жалованья имъ совсѣмъ не нужно... Они будутъ все богатые люди и станутъ служить изъ чести... Они даже

станутъ жертвовать сами на поддержку бѣдныхъ чиновниковъ, на устройство даже общаго зданія для нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это превосходно-съ... А тутъ можно прибавить и тѣ деньги, которыя будутъ собираться со штрафовъ и вычетовъ жалованья за взятки. Да и самыя взятки, я думаю, будутъ отниматься, и тоже могутъ быть причисляемы къ этой суммѣ.

— Да, видите-ли, я думалъ объ этомъ... Но мнѣ кажется, это будетъ немножко... знаете... неделикатно... помѣстить въ проектѣ статью, прямо разсчитывающую на выгоду отъ нарушенія правилъ...

— Что же дѣлать-съ? Вѣдь ужъ не вы въ этомъ виноваты... Да можно это такъ выразить, что на первое устройство всего этого пойдутъ деньги, нами, такимъ образомъ, открытыя въ здѣшней палатѣ...

— Какъ же это можно? Что вы это? Да наша палата пользуется образцовой репутаціей... и вдругъ написать такую вещь...

— Въ томъ и дѣло-съ, что надобно уничтожить тѣхъ, которые могутъ вредить этой образцовой репутаціи... А то вотъ теперь у насъ... графъ Рѣшетиловъ взялъ свое дѣло на аппеляцію... Дѣло-то совершенно правое, а секретарь его покривилъ-таки порядочно.

— Полноте, что вы говорите? Неужели Петръ Кирилычъ?...

— Да, разумѣется, Петръ Кирилычъ... Кому же больше.

— Скажите, пожалуйста... Я какъ-то, знаете, чувствовалъ всегда, что онъ долженъ быть взяточникъ, и мнѣ всегда было непріятно смотрѣть на него... А между тѣмъ, кого я ни спрашивалъ, всѣ имъ очень довольны: говорятъ, что это человѣкъ честный и добрый...

— Да-съ, добрый человѣкъ, а вотъ онъ какія штуки выдѣлываетъ... Я сегодня нарочно къ вамъ пришелъ, вотъ съ Андреемъ Васильевичемъ, чтобы попросить вашего совѣта въ одной исторіи... Мнѣ удалось сегодня поймать Петра-то Кирилыча... Такъ теперь какъ поступить съ нимъ?

— Какъ поймать?.. Какимъ это образомъ?

— Да вотъ видите, собираюсь я сегодня въ палату, вдругъ влетаетъ Струшинъ, что по Балакаевскому дѣлу...

— Какое это Балакаевское дѣло?.. Я что-то не помню...

— Да оно еще не такъ давно. У васъ по нему всего двѣ или три бумажонки было. Значительное, впрочемъ, дѣло. Такъ Струшинъ вздумалъ подкупить меня и секретаря. Я, натурально, отказался и прогналъ было его. Только онъ у меня спрашиваетъ, гдѣ живетъ секретарь, или, говоритъ, вы ему, можетъ быть, возьметесь передать. Я понимаю, что это опять уловка, и говорю ему: извольте, я передамъ и, пожалуй, росписку вамъ дамъ. Очень хорошо, говоритъ, только ужъ вы мнѣ и отъ секретаря роспсочку доставьте, что онъ получилъ отъ васъ. Хорошо, говорю. Такъ и сладили. Послѣ присутствія я позвалъ Петра Кирилыча къ себѣ, да вотъ, при Андреѣ Васильевичѣ, передалъ ему деньги, тысячу рублей, и росписку взялъ, что получилъ онъ деньги на первоначальные расходы по дѣлу.

— Неужели такъ и въ роспискѣ написалъ? Вотъ сплошалъ-то человѣкъ.

— Не сплошалъ бы, если бы въ головѣ не шумѣло-съ. Да и то едва могъ уговорить. Нѣтъ, никакъ не хочетъ. Только и рѣшился, когда я сохранную запись Струшина показалъ, въ которой онъ требуетъ, чтобы я взялъ деньги для передачи секретарю и представилъ отъ него росписку. Такъ вотъ теперь, что дѣлать намъ? Вѣдь, я думаю, дѣло пустить законнымъ порядкомъ, чтобы на совѣсти не было.

— То-есть, какъ же-съ? Неужели вы рѣшились донести на своего сослуживца? А вѣдь тутъ, какъ дѣломъ не верти, оно все будетъ имѣть видъ доноса.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Но что же дѣлать? Нужно только сожалѣть о томъ, что имѣешь несчастье служить съ такими людьми. А вѣдь какъ же иначе? Злоупотребленія не могутъ быть открыты иначе. Да хоть теперь ваши цензоры. Какъ они будутъ открывать злоупотребленія? Вѣдь ужъ, конечно, доносить будутъ о всякомъ нарушеніи правилъ чести.

— Конечно, такъ. Вы правы. Но знаете, нельзя-ли какъ-нибудь вразумить человѣка, наставить тамъ... Вѣдь это, знаете, — ну, можетъ быть, по увлеченію, по затменію какому-нибудь.

— Нѣтъ, Николай Владимировичъ, ужъ ежели предпринимать радикальное истребленіе зла, то и мѣры должны быть радикальныя. Всякій плутъ сумѣетъ оправдаться, когда дашь ему возможность оправдаться. Ему ничего не стоитъ сказать, что онъ поступалъ такъ по увлеченію, по неопытности. Но не надо же забывать, что какой-нибудь Петръ Кирилычъ сорокъ лѣтъ, вѣдь, ужъ такъ поступаетъ, — сорокъ лѣтъ позоритъ званіе чиновника и честь дворянина... Нѣтъ-съ, тутъ надо дѣйствовать рѣшительно, строго, безпощадно.

И глаза Петра Спиридоныча засверкали, одна нога выставилась впередъ, правая рука поднялась, чтобы поправить очки, запрыгавшія на носу доблестнаго оратора во время его рѣчи. Товарищъ предсѣдателя посмотрѣлъ на него и умилился.

— Вы правы, — сказалъ онъ глубокорастроганнымъ голосомъ:—въ васъ больше энергіи, чѣмъ у меня. Посовѣтуемтесь же, что намъ дѣлать.

И доблестный тріумвиратъ принялся совѣтоваться. Аменскій предлагалъ собрать завтра всѣхъ чиновниковъ палаты и предъ всѣми изложить дѣло со всѣми подробностями, приготовивъ для секретаря «скамью обвиненныхъ», каковой въ гражданской палатѣ, къ сожалѣнію, не водилось. Товарищъ предсѣдателя, одобряя эту мѣру, находилъ, однако, что она недостаточно широка, и предлагалъ, кромѣ того, написать статью о секретарѣ и помѣстить во всѣхъ губернскихъ и столичныхъ вѣдомостяхъ, а, если можно, то перевести ее и на иностранные языки. Но противъ этого Аменскій горячо возсталъ, доказывая, что намъ не слѣдуетъ стыдить себя передъ Европой. Товарищъ предсѣдателя возразилъ, что онъ объ этомъ думалъ и все предвидѣлъ, и нашелъ средство предотвратить всякіе невыгодные толки. Средство это очень простое: придать фамиліи секретаря нѣмецкое окончаніе и начать статью размышленіями о томъ, что поговорка о германской честности совершенно лишена основанія. Аменскій началъ соглашаться съ этимъ, и дѣло совершенно было устроилось къ общему удовольствію, но Петръ Спиридонычъ, почти все время молчавшій, напомнилъ имъ, что фамилію Петра Кирилыча довольно трудно передѣлать на нѣмецкій ладъ, потому что онъ прозывался Христорождественскій. Юные патріоты съ горечью должны были согласиться, что россійское происхожденіе секретаря ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть скрыто. Ошарскій воспользовался, какъ искусный тактикъ, минутою ихъ уныніе и стремительно краснорѣчивой рѣчью убѣдилъ, что самое лучшее отправиться сейчасъ же къ предсѣдателю и представить ему необходимость нарядить слѣдствіе для разсмотрѣнія гнусныхъ поступковъ г. Христорождественскаго. Застигнутые врасплохъ, юноши согласились и вмѣстѣ съ Петромъ Спиридонычемъ отправились къ предсѣдателю. Этотъ почтенный старецъ чрезвычайно изумленъ былъ ихъ повѣствованіемъ, но сначала довольно хладнокровно и даже съ нѣкоторой самоувѣренностью осмѣлился было замѣтить, что это вздоръ и пустяки. При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла Николай Владимирычъ примѣтно смутился и заикнулся на полсловѣ, а Аменскій началъ даже что-то въ родѣ оправданія въ своей дерзости. Но Петръ Спиридонычъ разразился такой желчной филиппикой противъ взяточничества, какой позавидовалъ бы самый задорный театральный чиновникъ, и заключилъ іереміадой объ участи бѣдной палаты.

— Назначатъ ревизора,—говорилъ онъ плачевнымъ голосомъ:—нарядятъ слѣдствіе, отдадутъ подъ судъ и праваго, и виноватаго. Бѣдные чиновники останутся безъ куска хлѣба, оплеванные, опозоренные. Тѣхъ, которые поничтожнѣе, выгонятъ и оштрафуютъ, а тѣхъ, кто повыше, истиранятъ судомъ и ошельмуютъ навѣки. Можетъ, и Сибири не миновать кому-нибудь.

Напоминаніе о Сибири какъ-то особенно непріятно дѣйствовало на почтеннаго старца. Онъ начиналъ ежиться, озираться и обдергиваться, весьма напоминая видомъ своимъ кошку, которая только-что задавила барскую канарейку и замѣчаетъ за собой преслѣдованіе. Не успѣлъ еще Петръ Спиридонычъ окончить своихъ зловѣщихъ разсужденій, какъ предсѣдатель былъ уже согласенъ передать дѣло въ руки губернатора и просить его о назначеніи слѣдствія. Довольный результатомъ своего краснорѣчія, Ошарскій удалился вмѣстѣ съ юными сподвижниками своими, захвативъ съ собою, для безопасности, всѣ росписки, которыя онъ бралъ съ собою и показывалъ предсѣдателю.

Предосторожность оказалась не лишнею. Тотчасъ по уходѣ гостей, предсѣдатель послалъ за секретаремъ и передалъ ему все дѣло. Петръ Кирилычъ пришелъ въ крайнее негодованіе и, сказавши рѣшительно, что онъ уничтожитъ доносчика, тотчасъ спросилъ свою росписку. Но узнавъ, что она осталась въ рукахъ у Ошарскаго, онъ до того вышелъ изъ себя, что вслухъ назвалъ предсѣдателя бабой, чѣмъ престарѣлый сановникъ, имѣвшій претензію на воинственную осанку, не мало оскорбился. Объясненіе вышло довольно крупное, такъ что предсѣдатель два раза назвалъ даже Петра Кирилыча милостивый государь. Кончилось оно тѣмъ, что секретарь, подумавъ и сообразивъ что-то, объявилъ, что онъ завтра же подастъ въ отставку. На другой день, дѣйствительно, въ присутствіе поступилъ рапортъ секретаря о болѣзни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просьба объ уволненіи отъ службы по разстроенному здоровью. Просьба заслушана, помѣчена и отправлена, куда слѣдуетъ. Должность Петра Кирилыча сталъ исправлять Петръ Спиридонычъ.

Въ тотъ же день весь городъ узналъ о продѣлкѣ Ошарскаго, и на всѣхъ перекресткахъ раздавались проклятія его подлости. О немъ сочиняли легенды, ему приписывали вещи, о которыхъ онъ и понятія не имѣлъ,—напримѣръ, болѣзнь маленькой дочери соляного пристава, приключившуюся съ *глазу*, смерть замерзшаго объ Рождествѣ дворника изъ того дома, въ которомъ жилъ

Ошарскій, уродство квартальнаго, сломавшаго себѣ ногу о чье-то костлявое туловище и т. п. Противъ него составляли заговоръ, какъ противъ человѣка, вреднаго для общественнаго спокойствія. Въ палатѣ никто на него смотрѣть не хотѣлъ, и даже писцы, собравшись рано утромъ, толковали о томъ, что надо грубить Ошарскому и выгнать его, наконецъ, изъ службы. Толки эти были, противъ обыкновенія, шумны и рѣшительны, и прекращались только съ приходомъ Аменскаго, котораго опасались, какъ сообщника Ошарскаго въ злодѣйскомъ доносѣ. Дѣла, впрочемъ, шли прежнимъ порядкомъ; никакихъ покушеній на личное спокойствіе Петра Спиридоныча не было, и всѣ его приказанія исполнялись безпрекословно, даже еще скорѣе, чѣмъ у прежняго секретаря. Зато по окончаніи присутствія Ошарскому доставалось. У нѣкоторыхъ чиновниковъ открылись сходки, имѣвшія спеціальное назначеніе разсуждать о подломъ его поступкѣ и пріискивать средства всячески вредить ему.

— Сегодня встрѣтился я съ Петромъ Кирилычемъ,—говоритъ одинъ совѣтникъ правленія на вечерѣ у другого совѣтника.—Въ какомъ онъ жалкомъ положеніи теперь. И какъ благодушно, истинно по-христіански, переноситъ онъ свое горе. Что, говорю, Петръ Кирилычъ, какъ это такъ внезапно, такой ударъ... Что, дѣлать, говоритъ, Богъ далъ, Богъ и взялъ... Такъ и сказалъ...

— Да какъ и не сказать,—заговорилъ губернскій казначей.—Я не знаю, это какое-то дьявольское навожденіе было. Съ кѣмъ онъ на своемъ вѣку не тягался? Лѣтъ двадцать-пять тому, я думаю, я еще мальчишкой былъ, такъ помню, все толковали, что какой-то страшный слѣдователь пріѣхалъ. Тогда губернатора перевели куда-то, вицегубернатора смѣнили, предсѣдателя уголовной палаты оставили, всѣхъ чиновниковъ почти раскассировали. А Петръ Кирилычъ тогда цѣлую палату отстоялъ. Никого не тронули. Одного только столоначальника прогнали тогда за небрежность. Ну, да ужъ тотъ самъ виноватъ. Подалъ докладъ предсѣдателю, а въ немъ писецъ вмѣсто Семену Ивановичу написалъ Сену Иванычу. Докладъ-то и попадись въ руки ревизору. Сейчасъ обратилъ вниманіе. Тонкая такая бестія была. Ужъ не прорвется ничего у него. Что это, говоритъ, Семенъ Иванычъ, у васъ чиновники правописанія не знаютъ. Называютъ они васъ сѣномъ, да *есть* пишутъ. Писали бы ужъ, по крайней мѣрѣ, *ять*. Да этакъ въ полномъ-то присутствіи. Ну, натурально, столоначальникъ на другой же день въ отставку долженъ былъ подать, а писецъ-то уцѣлѣлъ какъ-то. Такъ вотъ противъ какихъ людей Петръ-то Кирилычъ устоять сумѣлъ. Ему, можно сказать, вся палата вѣчной признательностью обязана. Да, въ то время-то ужъ не такія исторіи были, что теперь. Хоть бы и свихнуться-то, такъ не диво было. А теперь, посудите сами... отъ мальчишки. Вѣдь Ошарскій-то противъ него еще мальчишка, учиться бы у него долженъ. А тутъ приходится этакій срамъ терпѣть.

— Но какъ же это можно,—вступилась жена асессора:—это надо не допустить,—просто не позволить, остановить эту отставку, сказать, что мы всѣ не хотимъ, что Ошарскаго вмѣсто того нужно отставить.

— Да, останови поди, больно бойка,—отвѣчалъ мужъ ея,—Петръ Кирилычъ-то самъ сплоховалъ, такъ не поможешь... Поторопился онъ подать просьбу. Боялся, говоритъ, что передадутъ, въ самомъ дѣлѣ, губернскому начальству для изслѣдованія. А вольно ему, дураку, испугаться-то было. Что за бѣда, нарядили бы слѣдствіе, да и оправдали его... и этого выскочку самого со свѣта бы согнали.

— И еще сгонимъ,—началъ хозяинъ дома.—Петръ Кирилычъ, разумѣется, человѣкъ старый, много-то возиться уже и не рѣшается. Куда же ему съ этакимъ мошенникомъ тягаться.

— Полноте, пожалуйста, Иванъ Ѳомичъ,—перебилъ асессоръ.—Только-то вѣдь и есть развѣ, что мошенникъ, этотъ Ошарскій... а въ дѣлахъ-то онъ никуда не годится... Рѣшетиловское-то дѣло онъ испортилъ, всѣ говорятъ. Петръ Кирилычъ такъ его чисто обдѣлалъ, что иголки подточить нельзя было. Балакаева тоже Петръ Кирилычъ заставилъ поплатиться. Тотъ было и не хотѣлъ. Дѣло, говоритъ, ясное. Такъ ему Петръ Кирилычъ-то такой ясности задалъ, что онъ свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ну, и раскошелился, разумѣется... Нѣтъ-съ, до Петра Кирилыча и нашему брату, опытнымъ людямъ, далеко еще, а не то, что этому молокососу...

— Да-съ, это истинно такъ. Жаль, отъ души жаль почтеннаго Петра Кирилыча. Рѣдкій былъ челевѣкъ. И мнѣ, бывало, сколько онъ совѣтовъ хорошихъ давалъ,—съ прискорбіемъ замѣчалъ хозяинъ дома.

Въ это же самое время, въ другомъ концѣ города, собрались столоначальники палатскіе съ женами и чадами къ одному изъ своихъ товарищей. Здѣсь тоже цѣлый вечеръ разговоръ вертѣлся на подлости, сдѣланной Ошарскимъ.

— Послѣ этого жить нѣтъ возможности,—говорилъ одинъ изъ гостей, пожилой человѣкъ, очень худощавый и желчный.—Этакого мальчишку, свинью, можно

сказать, посадили за столъ, а онъ и ноги на столъ. Да вѣдь важничать-то нечего передъ нами. На нашей памяти въ люди-то вышелъ... у меня въ столѣ былъ лѣтъ десять тому назадъ, такъ только тѣмъ и бралъ, что все мнѣ перья чинилъ. Только и дѣлать-то умѣлъ... Бывало не пикнетъ, Дашь что изъ стола, коли придется, такъ радъ, кланяется въ поясъ, а не дашь, такъ и безъ него раздѣлишь. Слова выговорить не смѣетъ бывало. А тутъ вдругъ полѣзъ, и чортъ ему не братъ.

— Да чего далеко ходить, Василій Никифорычъ,—отвѣчалъ другой столоначальникъ, помоложе,—я самъ вѣдь помощникомъ былъ, какъ онъ поступилъ-то къ намъ. Гривенниками, бывало, бралъ за то, чтобы нумерочекъ выставить. Ужомъ взвивался передъ всѣми. Задавить можно было, какъ гадину. Кто зналъ тогда, что онъ этакъ пойдетъ?

— И чего онъ хочетъ, наконецъ?—заговорилъ третій, очень молодой, съ претензіями на щегольство и высшій тонъ.—Я всегда считалъ его, по крайней мѣрѣ, не дуракомъ. А онъ вдругъ увлекается въ эти химерическія мечтанія, связывается съ товарищемъ предсѣдателя, дѣлается фискаломъ, грозитъ общему спокойствію, потому что, наконецъ, и мы не можемъ быть спокойны.

— Чертъ бы его взялъ, мошенника. Будешь съ нимъ спокоенъ,—снова вступился желчный Василій Никифорычъ.—Да я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока съ лица земли не сотру этой гадины. Вишь, какія дѣла задумалъ... Да что онъ, передѣлать, что-ли, всѣхъ хочетъ?.. Нѣтъ, братъ, шутишь... поздненько... До сѣдыхъ волосъ дожили, такъ ужъ мальчишкѣ этакому покоряться не станемъ, не будемъ по твоей дудкѣ плясать.

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой,—со вздохомъ начала жена Василья Никифорыча.—И правда, видно, послѣднія времена приходятъ. Тогда вѣдь, написано, возстанутъ братъ на брата и сынъ на отца... А ужъ истинно Петръ-то Кирилычъ могъ бы отцомъ считаться этому лиходѣю, прости, Господи...

— Полно, матушка, онъ самъ-то антихристъ и есть... Оттого у него и рожа-то такъ изрыта... Дьяволы рогами исковыряли.

Это замѣчаніе Василія Никифорыча возбудило общій восторгъ и вызвало новыя остроты на счетъ Ошарскаго. Говорили, что онъ еще и въ семинаріи ябедникомъ былъ, и выгнанъ потому, что въ семинаріи ректоромъ сдѣлался инспекторъ, на котораго онъ прежде наушничалъ ректору. Говорили, что онъ сосчитываетъ, кто сколько разъ плюнетъ, чихнетъ, высморкается, и все это записываетъ, чтобы донести при случаѣ.— Посреди этихъ тонкихъ намековъ и остротъ раздался вдругъ дребезжащій голосъ стараго-престараго архиваріуса, все время сидѣвшаго молча и думавшаго какую-то глубокую думу...

— Нѣтъ,—заговорилъ онъ нараспѣвъ,— помяните мое слово... Онъ не для честности это сдѣлалъ... Человѣкъ онъ не глупый... Нѣтъ,—онъ просто весь вашъ доходъ къ рукамъ прибрать хочетъ... Вотъ что... Помяните мое слово... Онъ у васъ у всѣхъ хлѣбъ отобьетъ... А самъ-то онъ себѣ на умѣ...

— Ну, ужъ это, Тихонъ Ильичъ, извините... Доходовъ нашихъ никогда онъ не уничтожитъ, хоть еще двадцать проектовъ напиши съ товарищемъ предсѣдателя-то... Только-что пакостить будетъ, а толку-то все также не выйдетъ никакого... Ни себѣ, ни людямъ, и будетъ, что собака на сѣнѣ... Куда ему себѣ на умѣ быть... Что вы говорите... Кабы себѣ на умѣ-то былъ, такъ бы такихъ глупыхъ штукъ не выкидывалъ... Просто вздурился, бестія... Еще прежде-то туда и сюда былъ, а теперь ужъ и совсѣмъ спятилъ.

— Нѣтъ, помяните мое слово,—повторилъ нараспѣвъ архиваріусъ, но его никто не хотѣлъ слушать, потому что никто не хотѣлъ допустить ни малѣйшаго *смягчающаго обстоятельства* въ пользу Петра Спиридоныча...

Мало-по-малу городскіе толки приняли фантастическій колоритъ, а разсужденія чиновниковъ—угрожающій характеръ. Черезъ нѣсколько дней городовой разсказалъ горничной полицеймейстера, что Ошарскій явился къ секретарю переодѣтый въ гусарскій костюмъ и, приставивши ему пистолетъ ко лбу, заставилъ подписать просьбу объ отставкѣ и вексель въ десять тысячъ рублей. А двѣ нищія старухи, стоявшія у церковныхъ дверей въ ожиданіи конца обѣдни, при видѣ Ошарскаго, входившаго въ церковь, съ ужасомъ начали разсказывать другъ другу подробную исторію о томъ, какъ онъ въ видѣ огненнаго змѣя спустился въ трубу къ секретарю и заставилъ его подписать отреченіе отъ вѣры, заплативши за каждое слово по золотому,—какъ потомъ отреченіе это появилось гдѣ-то, а деньги разсыпались черепками, какъ потомъ оборотень, возвращаясь отъ секретаря, наткнулся на жену старика предсѣдателя и проскользнулъ у ней подъ ногами, оборотившись кошкой, и т. д. Въ палатѣ же негодованіе со дня на день шло все crescendo. Къ концу недѣли стали ругать Петра Спиридоныча уже у при Аменскомъ. Простодушный юноша принялся-было защищать его, выставляя на

видъ какіе-то принципы, понятіе о долгѣ и т. п. Но скоро онъ долженъ былъ замолчать. Для чиновниковъ дѣло шло о личности, а не о принципѣ. Принципъ стоялъ и нихъ уже выше всякаго сомнѣнія, и понятіе о долгѣ просителя въ отношеніи къ чиновнику было у всѣхъ ясно и непоколебимо... Самъ Ошарскій уклонялся отъ всякихъ разговоровъ и объясненій; это придало смѣлости чиновникамъ, и Василій Никифоровичъ, замѣтивъ издали, что онъ идетъ въ комнату, нарочно крикнулъ однажды какому-то просителю: «Чего вы пристаете? Ступайте къ секретарю... А мы что!.. Мы, чай, не благодарность беремъ съ васъ, что станемъ скорѣе-то дѣлать, чѣмъ надобно... Скоро-то при прежнемъ секретарѣ дѣлалось, а при этомъ и подождете...» Ошарскій услышалъ назиданіе, но не смутился, какъ ожидали чиновники, а совершенно спокойно подошелъ къ желчному столоначальнику и съ ласковой улыбкой сказалъ: «Я не понимаю, господа, почему вы думаете, что я стану противиться полученію законнаго вознагражденія за ваши труды. Поступайте, пожалуйста, во всемъ, какъ прежде... Только росписокъ не давайте,—потому что это можетъ компрометировать цѣлое учрежденіе...»

Эта выходка повергла въ сильное недоумѣніе всѣхъ чиновниковъ. Толки возобновились еще съ большей силой, хотя уже безъ прежняго ожесточенія, и нѣкоторые припомнили слова стараго архиваріуса, которымъ прежде никто не хотѣлъ вѣрить...

Петръ Спиридонычъ, между тѣмъ, шелъ исполинскими шагами къ своей цѣли — къ примиренію со своими сослуживцами. Сначала многіе просители, услышавъ о новомъ неслыханномъ дивѣ, честномъ секретарѣ, и проникшись, очень быстро, новыми понятіями о правосудіи, стали являться съ пустыми руками; но Ошарскій такъ ловко проводилъ ихъ, такъ явно дѣлалъ всякаго рода прижимки, что скоро всѣ возвратились къ прежнимъ убѣжденіямъ, оставивши аркадскія мечтанія. Чиновники стали поговаривать, что, дѣйствительно, новый секретарь понимаетъ дѣла и совсѣмъ не такъ глупъ, какъ казалось имъ прежде... Балакаевское дѣло Петръ Спиридонычъ круто повернулъ въ пользу Струшина и еще разъ заставилъ Балакаева пріѣхать и поплатиться съ палатой; послѣ этого дѣло рѣшено въ пользу Балакаева, а чиновники стали говорить, что Ошарскій—человѣкъ, повидимому, благонамѣренный... Аменскій разъ забылся въ присутствіи Петра Спиридоныча и обругалъ одного изъ столоначальниковъ за взяточничество; черезъ недѣлю ретивому юношѣ велѣно было подать въ отставку. Это многихъ окончательно примирило съ новымъ секретаремъ, особенно, когда многіе достовѣрные люди стали разсказывать, что онъ принимаетъ у себя на дому просителей и отъ просителей принимаетъ все предлагаемое ими, внушая при томъ, чтобы они не забыли и остальныхъ.

Прошло мѣсяца три или четыре. Петръ Спиридонычъ утвержденъ былъ въ должности секретаря и устроилъ у себя вечеринку. Всѣ его товарищи по службѣ и многіе яростнѣйшіе непріятели его изъ другихъ вѣдомствъ явились на его приглашеніе съ искреннимъ радушнымъ привѣтомъ и отъ всего сердца пожелали ему долгаго житья и успѣха въ дѣлахъ.

— А молодецъ Петръ Спиридонычъ,—нечего сказать,—говорилъ губернскій казначей стряпчему, возвращаясь съ пирушки.—Какъ онъ теперь, говорятъ, дѣлами заправляетъ, такъ просто любо посмотрѣть, да и только.

— Ну, все, вѣрно, противъ прежняго не будетъ,—возразилъ стряпчій.

— Противъ Петра Кирилыча?.. Да помилуйте, вѣдь тотъ ужъ былъ совсѣмъ старый человѣкъ, изъ ума выживалъ... Да чего лучше вамъ—эта самая послѣдняя-то исторія, какъ онъ въ просакъ-то попался... Вѣдь это смѣшно подумать... Только и скажешь, что простота хуже воровства...

— А нечего сказать, изъ молодыхъ да ранній, Петръ Спиридонычъ-то,—замѣтилъ догнавшій ихъ асессоръ.—Вѣдь что, ему еще тридцать лѣтъ есть-ли, а этакое мѣсто получилъ. И продувной, вѣдь, бестія. Все у него шито да крыто... Посмотрите, какъ онъ тутъ себѣ гомзульку-то набьетъ...

Въ такомъ родѣ были всѣ отзывы объ Ошарскомъ въ этотъ замѣчательный вечеръ. Всѣ его ругали, правда, и даже если бы онъ слышалъ самыя похвалы, какія воздавались ему, то, можетъ быть, ему не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ, но при всемъ томъ замѣтно было, что общее мнѣніе измѣнилось въ его пользу. Похвалы были искренни, безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи, а брань была какая-то мирная, патріархальная и напоминала идиллическую картину, какъ добрый папенька, откормивши своего сынка, бранитъ его толстякомъ, пузаномъ, бутузой, бычкомъ и тому подобными названіями, которыя хотя, въ сущности, обидны, но, тѣмъ не менѣе, всѣми принимаются за ласку. Примиреніе было полное: даже самъ Василій Никифоровичъ смягчился, убѣдившись въ истинѣ словъ архиваріуса и придавъ имъ даже болѣе обширный и болѣе опредѣленный смыслъ.

— Какой вѣдь, кажется, милый человѣкъ,—говорила жена его въ тотъ же ве-

черъ, возвращаясь съ мужемъ отъ Ошарскаго:—а этакую подлость позволилъ себѣ сдѣлалъ съ старикомъ.

— Съ какимъ старикомъ?—спросилъ Василій Никифорычъ, давно позабывшій ужъ и думать о доносѣ.

— Съ Петромъ Кирилычемъ-то.

— Э, матушка, ты этого ничего не понимаешь... Какая тутъ, чортъ, подлость, гдѣ ты тутъ подлость нашла? Это просто разсчетъ... Ему самому хотѣлось мѣсто секретарское получить,—онъ для этого и подвелъ все... Говорятъ, что онъ и Струшина-то самъ уговорилъ росписки-то эти писать... Тому и горя мало было... Да и денегъ-то, говорятъ, привезъ тотъ не одну тысячу, а три... Такъ вотъ тутъ и разбирай, кто кому зубы-то во рту пересчиталъ... Въ то время всѣ кричали, и я самъ тоже думалъ, что подлость, подлость... Анъ, вотъ оно какъ дѣло-то вышло наружу, такъ и выходитъ, что больше ничего, какъ разсчетъ... Секретарскаго мѣста добивался,—вотъ и все... Отъ этого бы и мы съ тобой, матушка, не отказались...

---

99. Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи.

Напечатано въ IX кн. «Соврем.» за 1857 г. (ценз. 31 августа), подъ псевдонимомъ «Н. Турчиновъ». По словамъ Чернышевскаго, статья написана по его просьбѣ, когда онъ увидѣлъ, что, за неимѣніемъ времени, не сможетъ самъ написать къ сроку. Добролюбовъ «отказывался, говоря, что мало знакомъ съ предметомъ, получилъ отвѣтъ, что, все-таки, справится съ дѣломъ удовлетворительно, и согласился исполнить просьбу» («Матеріалы», 465). И, дѣйствительно, статья вышла хорошая, очень ясно излагающая современному обществу суть занимавшаго его вопроса. Конецъ ея характеренъ для Н. А.— поборника народныхъ правъ, противника «просвѣщенія» народа сверху безъ достаточной справки съ вѣрованіями и нуждами самого «просвѣщаемаго». Призывая англичанъ (между строкъ было понятно, что и не только англичанъ, а и отечественныхъ реформаторовъ) къ созданію культуры, а потомъ уже къ увѣнчанію ея соотвѣтственными учрежденіями, Добролюбовъ, такимъ образомъ, высказался вкратцѣ по вопросу: что раньше — учрежденія или нравы?

Эта статья заслуживаетъ нашего вниманія еще и съ другой стороны. Русская журналистика, всегда стѣсненная при обсужденіи чисто русскихъ вопросовъ и явленій, издавна пользовалась Европой, особенно же такъ похожей на Россію Австріей, чтобы подъ видомъ «политическаго» написать въ сущности «внутреннее» обозрѣніе. Если рѣчь въ такой замаскированной статьѣ шла о державѣ, съ которой въ тотъ моментъ не нѣжничала наша дипломатія, то цензура не чинила особыхъ препятствій, а читатель рѣдко не понималъ, что у писателя «умыселъ другой тутъ былъ». Это одна сторона практики. Другая—состояла въ порицаніи и обличеніи политики европейскихъ государствъ, совершенно ни на что русское не мѣтившемъ. И надо прибавить—статьи второй категоріи были всегда гораздо болѣе рѣзки и очень часто весьма поверхностны, приближаясь просто къ шовинистическому указанію: посмотрите-ка, какъ живетъ прославляемая Европа. Къ этой второй категоріи принадлежали и многія статьи по поводу возстанія въ Индіи. Добролюбовъ находилъ, что строгость этихъ статей въ отношеніи Англіи «вовсе не къ лицу нашей печати, и ея судейская роль относительно иностранныхъ дѣлъ бѣсила его не меньше, чѣмъ славословія«настоящему времени» и его гласности» (см. замѣтку къ № 216). «Въ политическихъ обозрѣніяхъ, въ иностранной политикѣ,—говаривалъ Добролюбовъ,—русская печать ужасно либеральна и даже радикальна и чрезвычайно требовательна». (М. А. Антоновичъ, «Изъ воспоминаній о Н. А. Добролюбовѣ», «Жур. для Всѣхъ» 1902, I, 80, 81). Онъ находилъ, что такіе громы нашей печати пріучаютъ широкую массу думать о Европѣ гораздо хуже, чѣмъ слѣдовало, служатъ на руку всѣмъ, кто хлопочетъ о дикой русской самобытности, и во всякомъ случаѣ несправедливы, потому что всѣ наши обличенія основываются на иностранной прессѣ, которая такимъ образомъ имѣетъ возможность обличенія жизни своего государства, а въ этомъ уже—залогъ культуры страны.

М. Л.

Остъ-индское возмущеніе уже нѣсколько мѣсяцевъ обращаетъ на себя вниманіе всей Европы. Оно до сихъ поръ не утихаетъ и, несмотря на нѣкоторые успѣхи англійскаго оружія въ сшибкахъ съ сипаями, распространяется все болѣе по всей странѣ. Если и нельзя ожидать, чтобы Индія могла теперь освободиться отъ господства Англіи, то все же несомнѣнно, что нынѣшнее возстаніе поведетъ къ большимъ измѣненіямъ въ настоящемъ положеніи дѣлъ Остъ-Индской Компаніи. Изъ Европы уже отправлено въ Индію нѣсколько десятковъ тысячъ войска и мильоновъ фунтовъ стерлинговъ: это одно уже служитъ доказательствомъ, что англійское правительство понимаетъ мѣру опасности. Кажется, выраженіе «Times», что «Индію надобно теперь снова завоевать», довольно близко къ истинному положенію дѣлъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, что для окончательнаго подавленія возстанія потребуется теперь гораздо болѣе силъ, чѣмъ сколько имѣла Компанія при первомъ своемъ водвореніи въ Остъ-Индіи.

Извѣстіе о возмущеніи изумило и встревожило Англію и вызвало въ англійской журналистикѣ сильныя филиппики противъ индусовъ. Между тѣмъ, это явленіе нисколько не было внезапнымъ и изумительнымъ. Государственные люди Англіи, чиновники, служившіе въ Остъ-Индской Компаніи, даже проницательные путешественники, имѣвшіе возможность ближе узнать настоящее положеніе Индіи, давно уже предсказывали, что англійскому владычеству угрожаетъ здѣсь сильная опасность со стороны туземнаго населенія. Они видѣли безпорядки управленія, угнетеніе жителей, и, проникая въ нравственныя расположенія народа, замѣчали въ немъ глухое покорное недовольство, которое, однако, рано или поздно должно было выразиться открыто, потому что есть мѣра всякому терпѣнію человѣческому. Теперь пришло время вспомнить всѣ эти зловѣщія предсказанія, и англійскія газеты сознаются уже, что происшедшее возстаніе не имѣетъ въ себѣ ничего случайнаго, что оно должно было произойти, по естественному ходу англійскихъ дѣлъ въ Индіи. По общему мнѣнію, нынѣшнее возмущеніе сипаевъ гораздо важнѣе, нежели всѣ предыдущія волненія, возникавшія въ индо-британскихъ владѣніяхъ, и въ такомъ случаѣ все предыдущее мы можемъ, въ историческомъ порядкѣ вещей, считать какъ бы приготовленіемъ къ великому возстанію, которое теперь разыгрывается. Въ самомъ дѣлѣ, мирный характеръ населенія, столько вѣковъ уже привыкшаго ко всевозможнымъ угнетеніямъ, сравнительно лучшее устройство англійскаго управленія Остъ-Индіею въ послѣднее время, самая ничтожность предлога, изъ-за котораго вспыхнуло возмущеніе, — все это заставляетъ смотрѣть на остъ-индское возстаніе, не какъ на случайный взрывъ недовольства, но какъ на дѣло исторической необходимости. Объясненія его нужно искать не въ томъ или другомъ частномъ вліяніи, а во всей исторіи Индіи и въ современной ея статистикѣ, какъ результатѣ историческаго движенія. Эта точка зрѣнія въ приложеніи къ остъ-индскимъ дѣламъ тѣмъ болѣе необходима, что самое водвореніе тамъ англичанъ служитъ самымъ яркимъ доказательствомъ той мысли, что ходъ исторіи нисколько не зависитъ отъ частныхъ случайностей. Въ первое время существованія Остъ-Индской Компаніи, и особенно въ періодъ ея борьбы съ французскимъ вліяніемъ, были десятки случаевъ, вырывавшихъ изъ рукъ англичанъ всѣ пріобрѣтенныя ими выгоды, изгонявшихъ ихъ изъ занятыхъ ими мѣстъ, почти уничтожавшихъ всякое ихъ вліяніе въ странѣ. И несмотря на все это, они утвердились здѣсь и распространили свое владычество на весь Индостанъ, тогда, какъ французы, не получая важныхъ выгодъ отъ благопріятныхъ случайностей, всегда терпѣли существенный вредъ и, наконецъ, все потеряли отъ неблагопріятныхъ случаевъ. Напрасно было бы складывать вину на личности: народная сила, вѣками воспитанное и глубоко сознанное въ народѣ стремленіе къ опредѣленной цѣли будетъ самымъ прямымъ и простымъ объясненіемъ всѣхъ успѣховъ англичанъ. Та же народная сила, тотъ же духъ народа, въ своемъ историческомъ развитіи, долженъ объяснять и современныя происшествія въ Индіи. Только здѣсь вопросъ гораздо сложнѣе, потому что индійская народность развивалась подъ вліяніями, чрезвычайно разнообразными. На нее, кромѣ народныхъ своихъ силъ, дѣйствовали — исламъ и христіанство, восточный деспотизмъ и англійское торговое управленіе, браминскія суевѣрія и европейская цивилизація. Нечего и говорить, что въ массѣ народа, дурно развитаго, по природѣ безпечнаго и лѣниваго, постоянно сдавленнаго въ своемъ развитіи, каждое новое вліяніе отразилось всего болѣе своей темной стороною, и послѣднимъ результатомъ всего вышла странная путаница и въ понятіяхъ народа, и въ его внѣшнемъ положеніи. Какимъ образомъ произошло все это, какимъ образомъ мало-по-малу приведена была Остъ-Индія къ своему теперешнему положенію, — всего лучше можетъ показать краткій историческій очеркъ судебъ ея, послѣ котораго мы намѣрены представить

читателямъ изложеніе теперешняго ея состоянія подъ англійскимъ владычествомъ.

Индійскія племена, находящіяся нынѣ подъ владычествомъ Англіи, занимаютъ чрезвычайно обширное пространство (около 1,400,000 англ. кв. миль). На этомъ огромномъ пространствѣ обитаетъ народъ въ 160 мильоновъ, изъ которыхъ восьмая часть принадлежитъ къ исламу, остальное населеніе держится коренной индійской религіи и обычаевъ. Число европейцевъ, находящихся здѣсь, совершенно незначительно въ сравненіи съ массою туземнаго населенія. Оно ограничивается всего 30.000 европейской арміи да нѣсколькими десятками тысячъ англійскихъ чиновниковъ, купцовъ и промышленниковъ.

Изъ отношенія числа жителей къ пространству полуострова видно, что масса населенія его въ настоящее время очень плотна. Въ древнее время плотность эта была, конечно, меньше, но, все-таки, Индія, съ самой глубокой древности, была одною изъ населеннѣйшихъ странъ въ мірѣ. Естественныя богатства ея постоянно привлекали толпы пришельцевъ, которые, пробравшись сюда черезъ горы, окружающія Индію съ сѣверной стороны, не имѣли уже охоты оставлять страны, столь щедро надѣленной природою, и основывались здѣсь навсегда. Свѣдѣнія о первоначальномъ заселеніи Индостана теряются въ доисторической эпохѣ, и потому трудно сказать, откуда пришли племена, составляющія нынѣшнее индійское населеніе полуострова. Древняя Индія не имѣетъ своего историка, и первыя извѣстія о ней находимъ мы у Геродота. Но памятники законодательной и поэтической литературы индійской, превосходящей своей древностью литературы всѣхъ другихъ народовъ, доказываютъ раннее и богатое развитіе цивилизаціи въ Индіи. Къ сожалѣнію, это пышное развитіе остановилось уже вѣковъ за пять до нашего лѣтосчисленія, и индусы временъ Дарія Гистаспа и Александра Македонскаго представляются намъ такими же, если не лучше, какъ и нынѣшніе потомки ихъ. Причина такого внезапнаго застоя, послѣ столь роскошнаго и блестящаго развитія, заключается, конечно, въ самыхъ принципахъ, на которыхъ основывалась индійская цивилизація. Принципы эти могли возбуждать духъ къ дѣятельности только до тѣхъ поръ, пока они еще должны были бороться съ противоположными началами, и потому не успѣли установиться. Но какъ скоро они утвердились и были развиты съ фанатическимъ увлеченіемъ, свойственнымъ востоку, до послѣднихъ своихъ результатовъ,—они неизбѣжно должны были остановить всѣ попытки любознательнаго духа и привести къ полнѣйшему квіетизму, такъ ярко выразившемуся въ факирствѣ. Замкнутый со всѣхъ сторонъ горами и моремъ, отдѣленный отъ остального міра, индіецъ жилъ своею особою жизнью, выработалъ себѣ міросозерцаніе, совершенно не похожее на міросозерцаніе другихъ народовъ. Между тѣмъ, какъ другіе народы, даже сосѣдніе съ Индіей персы, находили въ природѣ борьбу двухъ началъ и изъ нея производили все существующее, индіецъ всюду видѣлъ совершеннѣйшее единство и весь міръ считалъ продолженіемъ верховнаго существа Брамы. Брама верховный творецъ и владыка всего, и потому въ сущности каждая вещь равна передъ нимъ; все разнообразіе предметовъ въ природѣ основывается только на различномъ способѣ происхожденія отъ Брамы; на этомъ утверждается и раздѣленіе кастъ. Брамины потому выше всѣхъ остальныхъ, что они произошли прямо изъ головы Брамы; далѣе — кшатріи вышли изъ груди его, и по этому самому уже отъ начала назначены защищать народъ оружіемъ; вайшіи должны быть купцами, ремесленниками и земледѣльцами по своему происхожденію изъ живота Брамы; судры, созданные изъ ногъ Брамы, должны потому служить другимъ, высшимъ кастамъ... Это— вѣчный, неизмѣнно-гармоническій порядокъ общества, недопускающій перемѣнъ, такъ какъ самъ всесовершенный Брама не терпитъ измѣненія. Малѣйшая попытка нарушить установленный имъ порядокъ жестоко наказывается: отъ смѣшенія кастъ происходятъ паріи, жалкіе отверженцы общества, служащіе предметомъ отвращенія для всякаго порядочнаго индійца. Благоговѣя передъ мудрымъ порядкомъ, установленнымъ Брамою, индіецъ долженъ почитать равно всякое состояніе и не стараться перейти изъ низшаго въ высшее: если онъ будетъ хорошо жить въ своей кастѣ, то самъ Брама обратитъ на него взоръ своего милосердія и послѣ смерти пошлетъ душу его въ существо высшей касты. Собственныя же попытки подобнаго перехода всегда беззаконны и преступны, потому что показываютъ недостатокъ уваженія къ тому, что разъ навсегда утверждено премудростью Брамы и что необходимо для соблюденія всеобщей міровой гармоніи, которой тайна хранится въ неисповѣдимыхъ судьбахъ его. Слѣдовательно, каждый долженъ быть доволенъ своимъ состояніемъ и не смѣетъ помышлять о его измѣненіи: во всемъ существующемъ заключается частица непостижимой сущности Брамы, и все, что ни происходитъ, отражаетъ на себѣ частицу его верховнаго могущества.

Благотворныя отношенія Брамы къ міру

выразились для индійца, невидимо, въ разныхъ частныхъ божествахъ, хранителяхъ міра, а видимо—въ царѣ. О царѣ законы Ману говорятъ, какъ о высшемъ существѣ на землѣ, вслѣдствіе его благороднѣйшаго, божественнаго происхожденія. «Царь, говоритъ Ману, созданъ изъ частицъ, взятыхъ отъ различныхъ божествъ, хранителей этого міра, и, слѣдовательно, превосходитъ славою всѣхъ смертныхъ. Какъ солнце, опаляетъ онъ очи и сердца, никакая тварь человѣческая не смѣетъ прямо взглянуть на него. Онъ—огонь и воздухъ, онъ богъ наказующаго правосудія, онъ геній богатства, онъ—правитель водъ и господинъ тверди небесной. Съ царемъ, даже съ ребенкомъ, не позволительно обходиться просто, какъ будто съ простымъ смертнымъ, потому что онъ есть могущественное божество, принявшее земную оболочку. Гнѣвъ его—смерть; навлекшій на себя гнѣвъ царя своими заблужденіями погибнетъ непремѣнно, такъ какъ царь не замедлитъ обратить силу свою на погубленіе этого человѣка... Царь созданъ быть попечителемъ людей всякаго чина и званія, отъ перваго до послѣдняго... Если бы не было царя на свѣтѣ, то свѣтъ былъ бы объятъ страхомъ и дрожалъ бы на своихъ основаніяхъ; потому-то Творецъ міровъ и создалъ царей для поддержанія своей системы».

Какъ воплощеніе божества, царь естественно имѣлъ надъ народомъ всѣ права, но не могъ быть ограниченъ никакими обязанностями. Онъ имѣлъ при себѣ совѣтъ изъ семи или восьми человѣкъ; но по закону онъ долженъ былъ только выспрашивать ихъ мнѣнія, а потомъ рѣшать дѣла самъ, нисколько не стѣсняясь ими. Часть своей божественной власти онъ могъ удѣлять своимъ сановникамъ, которые въ свою очередь, передавали часть своего значенія низшимъ чиновникамъ, и такимъ образомъ образованъ былъ въ Индіи строго опредѣленный іерархическій порядокъ. Всякое оффиціальное лицо обязано было безусловнымъ повиновеніемъ въ отношеніи къ непосредственно высшему его, и взамѣнъ того пользовалось неограниченною властью надъ слѣдовавшимъ за нимъ, такъ что каждый чиновникъ въ своемъ тѣсномъ кругу пользовался тою же властью, какою самъ монархъ въ своей обширной сферѣ; измѣнялся размѣръ власти, но характеръ ея оставался тотъ же. Высшій чиновникъ послѣ царя былъ начальникъ тысячи городовъ, затѣмъ слѣдовали начальники ста, двадцати, десяти, одного города. Содержаніе ихъ должно было получаться отъ жителей и вычиталось изъ той суммы, которую всѣ подданные должны были платить царю. Какъ намѣстникъ Брамы, царь былъ полный господинъ земли и только отдавалъ ее въ пользованіе; за это онъ долженъ былъ получать: изъ скота и драгоцѣнныхъ камней $^1/_{50}$; изъ произведеній земли отъ $^1/_{12}$ до $^1/_8$; изъ древесныхъ плодовъ $^1/_6$; изъ денежныхъ доходовъ—$^1/_{20}$. Во время войны налогъ увеличивался и могъ возрастать до $^1/_4$ произведеній земли. Начальникъ отдѣльной общины собиралъ этотъ доходъ и, вычтя изъ него свое жалованье, отсылалъ остальное къ ближайшему высшему начальнику; тотъ поступалъ точно такимъ же образомъ, и такъ доходило до царя. Жалованье чиновниковъ не было значительно: начальникъ десяти городовъ или общинъ пользовался доходами съ двухъ плуговъ; начальникъ двадцати—съ пяти плуговъ; начальникъ ста—доходомъ съ маленькаго городка; начальникъ тысячи—доходомъ съ большого города. Для наблюденія за исправностью въ сборѣ податей назначались отъ царя особенные лазутчики, «потому что, сказано въ законахъ Ману: начальники округовъ обыкновенно жадны до чужого имущества». Верховнымъ судьею по дѣламъ всякаго рода былъ обыкновенно самъ царь, и судъ былъ словесный, какъ у всѣхъ народовъ на первой степени развитія.

Подъ такимъ правленіемъ много вѣковъ существовали въ Индіи сельскія и городовыя общины, владѣвшія поземельной собственностью, съ обязательствомъ платить за право владѣнія часть дохода царю. У нихъ были свои начальники, которые сначала назначались государемъ по избранію общины. Но такъ какъ, по понятію индійца, всякое достоинство состоитъ главнымъ образомъ въ происхожденіи, а не въ личныхъ качествахъ, то скоро и эта должность, какъ всѣ власти индійскія, сдѣлалась наслѣдственною. Затѣмъ, въ каждой общинѣ должно было находиться двадцать четыре низшихъ чиновника, изъ которыхъ замѣчательны: школьный учитель, пѣвецъ и флейщикъ

Чтобы установить изложенныя нами начала, въ которыхъ видимъ полное уничтоженіе личности,—необходима была, разумѣется, сильная борьба, и, конечно, Индія не вдругъ пришла къ такой спокойной и стройной организаціи. Признаки этой борьбы духа и замѣтны въ литературныхъ памятникахъ индійскихъ, совсѣмъ не отличающихся тѣмъ спокойствіемъ, образцомъ котораго служитъ индійская община. Разрушительный Шива былъ необходимымъ жизненнымъ явленіемъ въ исторіи индійской цивилизаціи и много мѣшалъ построенію безмятежной системы браминовъ. Это была неизбѣжная уступка естественно пробуждающимся въ каждомъ человѣкѣ требованіямъ ума, вѣчными измѣненіями при-

роды и жизни вызываемаго къ постоянному живому развитію, а не къ пассивному успокоенію въ лонѣ Брамы. Но мысль человѣческая въ Индіи была еще слаба, и она нашла себѣ успокоеніе въ браминскомъ ученіи о Вишну. Противорѣчія были формально примирены этимъ ученіемъ: Шива остался въ индійской миѳологіи, но потерялъ жизненный смыслъ свой; пытливый духъ, изнеможенный безплоднымъ исканіемъ, спокойно покорился новому ученію и началъ послѣдовательно проводить его черезъ всѣ явленія своей жизни. Прямымъ слѣдствіемъ того былъ застой, и если онъ прерывался иногда, это было только благодаря тому, что индіецъ не умѣлъ вполнѣ логически сдѣлать послѣднихъ выводовъ изъ своихъ началъ, или что послѣдовательность браминской самоотреченности дѣлалась, наконецъ, невыносимою даже для индійскаго сознанія.

Религіозная система и политическое устройство, основанное на ней, образовали въ индійцахъ ихъ спокойный, смирный, созерцательный характеръ; а отдѣльное существованіе въ общинѣ, въ которой имъ доставало всего, что нужно, сдѣлало ихъ совершенно равнодушными къ правительственнымъ интересамъ. Они платили опредѣленный налогъ, какъ необходимую, искони предписанную жертву, и затѣмъ не знали ничего дальше своего непосредственнаго начальника общины. За предѣлы общины желанія ихъ не простирались, тѣмъ болѣе, что богатая природа вполнѣ обезпечивала для нихъ спокойную жизнь и дѣлала даже нечувствительною значительность самого налога. Во времена Римской Имперіи, Индія производила даже обширную внѣшнюю торговлю, такъ что римскій оборотъ, въ индійской торговлѣ, по свидѣтельству Плинія, простирался до 50,000,000 сестерцій (около 3,000,000 руб. сер.) ежегодно.

Болѣе тысячи лѣтъ длилось это спокойное, неподвижное существованіе Индіи. Поселяне мирно воздѣлывали землю, наслѣдственные чиновники мирно исправляли свои обязанности въ отношеніи къ правительству, правительство мирно получало свой оброкъ, и случавшіяся иногда перемѣны его нисколько не озабочивали мирнаго населенія страны. Все было хорошо, пока не пришлось этой спокойной странѣ испытать враждебнаго столкновенія съ чуждой силой. Столкновеніе произошло въ началѣ VIII вѣка, когда мусульмане, въ своемъ религіозномъ фанатизмѣ, проникли и въ Индію изъ Аравіи. Но въ это время имъ помѣшалъ здѣсь именно ихъ религіозный фанатизмъ: на защиту своей религіи индійцы возстали мужественно и успѣли отразить чуждое вторженіе. Мусульмане успѣли только овладѣть сѣверо-западной частью Индостана и основать здѣсь Афганское государство. Но спустя три столѣтія (1004 г.) съ той же стороны явился въ Индію Махмудъ Газневидъ и покорилъ всю сѣверную часть ея.

Съ XIII вѣка начинаются вторженія монголовъ, мало-по-малу завладѣвшихъ всѣмъ полуостровомъ. Въ самомъ концѣ XIV вѣка (1399 г.) Тамерланъ ниспровергъ афганскую династію, совершивши по Индіи походъ съ сто-тысячнымъ войскомъ и утвердившись въ Дели. Съ этого времени монгольское владычество надъ Индостаномъ упрочивается въ династіи тимуридовъ. Въ XV вѣкѣ его нарушаютъ еще возстанія афгановъ и междоусобія претендентовъ, но со временъ Бабера, въ 1525 году, побѣдою при Панипутѣ (на сѣверъ отъ Дели) получившаго во власть свою весь Индостанъ, монгольское правительство устанавливается твердо и непоколебимо.

Монголо-мусульманскія стремленія были такого рода, что могли легко ужиться съ національными требованіями индусовъ. Бывши всегда плохими мусульманами, монголы XIV вѣка совершенно потеряли тотъ характеръ пропаганды, который отличалъ поклонниковъ пророка въ первыя времена послѣ Магомета. Равнодушные къ внутреннему управленію завоеванныхъ странъ и къ положенію покоренныхъ народовъ, они заботились только о выгодахъ завоеванія и о соединенномъ съ ними блескѣ своего владычества. Захвативши въ свои руки верховную власть и обезпечивши себѣ взиманіе податей, налагавшихся обыкновенно съ безпощадной разсчетливостью могучаго побѣдителя, они предоставляли народу право дѣлать, что хочетъ, оставляли народные обычаи и даже мѣстныя власти, которыя уже должны были, чтобъ удержаться на своихъ мѣстахъ, выжимать изъ народа все, что можно, для удовлетворенія требованій сильныхъ повелителей. Такъ поступали монголы въ другихъ странахъ; такъ поступили они и въ Индіи. Уничтоживши туземныхъ властителей, которые не обѣщали быть для нихъ исправными сборщиками податей, по непривычкѣ къ этому дѣлу, монгольскіе побѣдители оставили, однако, неприкосновенными должности начальниковъ сельскихъ и городовыхъ общинъ и даже цѣлыхъ округовъ. Порядокъ управленія для народа остался тотъ же; только подать увеличилась: монгольское правительство потребовало себѣ четверть жатвы. Вынужденные необходимостью, поселяне должны были согласиться платить эту подать, хотя она и въ самомъ началѣ была нѣсколько обременительна для нихъ. Съ теченіемъ времени,

при умноженіи населенія, при размельченіи участковъ земли и при необходимости, вслѣдствіе того, большихъ издержекъ на ея обработку, подать становилась все тяжелѣе и въ неурожайные годы поглощала даже весь прибытокъ земледѣльца отъ его участка. Чтобы сдѣлать сборъ своихъ доходовъ вѣрнѣе и успѣшнѣе, монгольское правительство усилило власть земиндаровъ, общинныхъ и окружныхъ начальниковъ, которые теперь изъ простыхъ сборщиковъ податей превратились въ сановниковъ, облеченныхъ властью административною, судебною и исполнительною. Вмѣстѣ съ тѣмъ земиндары получили болѣе самостоятельности, чѣмъ прежде: изъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ царемъ и состоявшихъ у него на жалованьѣ, они сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ владѣтелей. Дѣйствія ихъ управленія уже не опредѣлялись предписаніями свыше, а предоставлялись большею частію ихъ собственному произволу. Передъ правительствомъ они отвѣчали только за недоимки въ сборѣ податей. Народъ привыкалъ такимъ образомъ смотрѣть на земиндара, какъ на своего настоящаго владѣтеля, и такъ какъ достоинство его, по индійскому обычаю, дѣлалось наслѣдственнымъ, то они, дѣйствительно, и дѣлались, наконецъ, какъ бы самостоятельными владѣльцами своей общины, платившими только вассальную подать великому моголу. Такъ, рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ, произошло въ Индіи помѣстное право.

При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, масса народа оставалась вѣрною принципамъ своего ученія, то-есть почти всегда сохраняла свое робкое спокойствіе и равнодушіе. Почитая въ своихъ властителяхъ не личное достоинство, а единственное олицетвореніе отвлеченной идеи власти, индійскіе народы были совершенно равнодушны къ тому, кто ими владѣетъ. Есть власть—хорошо; надобно ей повиноваться, потому что въ ней выражается могущество и мудрость Брамы. Является другая власть, пересиливающая прежнюю, — и то хорошо; опять, значитъ, не безъ воли Брамы, который захотѣлъ теперь избрать новый органъ для проявленія своей силы. Въ этомъ случаѣ индійцы были послѣдовательны и личность всегда отдѣляли отъ званія. Обстоятельство это замѣчено было еще знаменитымъ завоевателемъ Баберомъ, который въ своихъ запискахъ говоритъ: «Въ Индіи есть царскій престолъ, равно какъ есть мѣста и званія визиря, эмира, и проч. Этотъ престолъ, эти мѣста и званія и составляютъ единственный предметъ уваженія для народа. Если царю вздумается отставить какого-нибудь чиновника и замѣнить его другимъ, то, какъ бы ни былъ вновь назначенный, всѣ обращаются къ нему съ тѣмъ же уваженіемъ и повиновеніемъ, какъ и къ прежнему. Это правило остается неизмѣннымъ и въ отношеніи къ царскому престолу». Этими замѣчаніями Бабера объясняется для насъ, почему большинство народа было совершенно равнодушно къ перемѣнѣ правителей да и не считало себя въ правѣ вмѣшиваться въ то, что происходитъ между ними. Низшіе классы народа были вполнѣ убѣждены, что ихъ дѣло — знать только свое званіе, съ его ближайшими отношеніями, и только здѣсь могли еще являться для нихъ сколько-нибудь живыя личности. Далѣе же начинались мертвыя отвлеченія, и пустыя, постоянныя по привычкѣ, но не сознанныя мышленіемъ, формы безъ содержанія. Поэтому-то, замѣчаетъ Жансиньи въ своемъ очеркѣ Индостана, — «индійцы совершенно безразличны относительно образа правленія, и всякое облегченіе своей участи, равно какъ и всякое стѣсненіе и угнетеніе, приписываютъ только ближайшимъ чиновникамъ, которые завѣдуютъ ихъ дѣлами». При такихъ общественныхъ понятіяхъ могла бы еще возбуждать индійца на защиту существующей національной власти любовь къ отечеству. Но съ одной стороны, предразсудки касты мѣшали индійцу понять кровныя связи, соединяющія народъ, и заставляли его признавать родною только свою касту, а все остальное считать чуждымъ и нечистымъ. Съ другой же стороны, общинная уединенность предохраняла массу индійскихъ поселянъ и отъ того ложнаго увлеченія, по которому бѣднякъ, не имѣющій хлѣба и пристанища, вздумалъ бы гордиться обширностью и богатствомъ своей родной страны. Народъ не понималъ этихъ воззрѣній, оставался вѣрнымъ ученію браминовъ и предоставлялъ всѣ подобные высшіе взгляды своимъ властителямъ.

Рядомъ съ индійскимъ квіетизмомъ, мало-по-малу, утвердился на почвѣ Индіи и магометанскій фанатизмъ въ тѣхъ частяхъ, которыхъ владѣльцы и земиндары приняли исламъ или были замѣнены мусульманскими начальниками. Кромѣ делійскаго императора, который, съ титуломъ великаго могола, долго владѣлъ всѣмъ Индостаномъ, замѣчательнѣйшіе изъ мусульманскихъ владѣтелей были: низамъ деканскій, король удскій, султанъ мисорскій и набабъ бенгальскій. Воззрѣнія корана въ приложеніи къ государственному управленію были не слишкомъ далеки отъ индійскихъ, хотя и разнились въ своихъ основныхъ началахъ. Успокоеніе ли въ лонѣ Брамы, во всемъ премудро выражающаго свою сущность, или убѣжденіе въ неизбѣжности рока, все равно,

и то и другое должно было привести индійца къ смиренному перенесенію постигшей его судьбы. По праву ли намѣстника Брамы, или по праву завоевателя, изложенному въ коранѣ, бралъ властитель съ жителей оброкъ, право это въ глазахъ индійца, все-таки, было равно законно: онъ самъ всегда считалъ себя только временнымъ пользователемъ земли, перенося право собственности на высшія лица. Поэтому мусульманскій хараджъ, хотя и былъ для поселянъ отяготительнѣе прежней подати, но всегда исправно собирался земиндарами и выплачивался райотами, то-есть земледѣльцами, имѣвшими частную поземельную собственность.

Монгольское правительство XVI и XVII вѣка оставило въ Индіи много слѣдовъ своего мудраго государственнаго управленія. Акбаръ, царствовавшій въ теченіе второй половины XVI вѣка, и Аурунгзебъ, умершій въ 1707 г., особенно памятны своимъ мудрымъ и блестящимъ правленіемъ. И дѣйствительно, Акбаръ опредѣлилъ положительными узаконеніями чиновную администрацію, ввелъ лучшую систему сбора податей, увеличилъ государственные доходы, устроилъ дороги, завелъ правильныя почты, ввелъ лучшую дисциплину въ войскѣ, произвелъ множество великолѣпныхъ построекъ, доселѣ, даже въ своихъ развалинахъ, возбуждающихъ изумленіе путешественниковъ. Аурунгзебъ въ особенности прославился своими громадными и роскошными сооруженіями. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ долженъ былъ приняться за оружіе и войною утвердить власть свою въ Деканѣ. Война эта сопровождалась опустошеніями и неистовствами, какими всегда отличались монгольскія войны. Но за то, по окончаніи ея, Аурунгзебъ предпринялъ здѣсь множество общественныхъ работъ, отчасти, чтобы доказать, что онъ твердо рѣшился навсегда удержать за собою вновь пріобрѣтенную землю, отчасти же и затѣмъ, чтобы дать работу жителямъ, разореннымъ войною. При немъ выстроено нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ, пагодъ, дворцовъ, и проч., которыхъ сооруженіе, по выраженію одного французскаго писателя, служило источникомъ жалкаго прозябанія для народа и символомъ ужаснаго могущества его владыкъ.

Могущество это было велико и, дѣйствительно, придавало державѣ великаго могола необыкновенный блескъ и величіе. Но, какъ мы видѣли, индійская община такъ была устроена, что ей очень мало утѣшенія могла приносить слава и обширность державы ея повелителя. Богатство и великолѣпіе великаго могола не заставляло его отказаться отъ своихъ доходовъ. Напротивъ, съ теченіемъ времени подати все увеличивались. Шеръ-Шахъ, предшественникъ Акбара, требовалъ четвертой части произведеній земли. Акбаръ, уничтоживши нѣкоторые косвенные налоги, установилъ за то годовою податью треть жатвы. Чтобы имѣть менѣе посредствующихъ лицъ между правительствомъ и подданными, Акбаръ учредилъ особыхъ чиновниковъ, которые, при сборѣ податей, должны были имѣть дѣло прямо съ податнымъ населеніемъ. Неизвѣстно, лучше ли было для жителей имѣть дѣло съ мусульманскимъ чиновникомъ, чѣмъ съ своимъ общиннымъ начальникомъ, но правительство, конечно, выиграло при этомъ въ скорости и вѣрности сбора. При Акбарѣ вообще увеличивается въ Индіи число монгольскихъ чиновниковъ и даже учреждается сипахъ-салоръ или субодаръ, что-то въ родѣ вице-короля, съ военной и гражданской властью и съ правомъ смертной казни въ важныхъ случаяхъ. Такихъ субодаровъ было двѣнадцать, по числу провинцій, на которыя Акбаръ раздѣлилъ свою огромную монархію. Около субодара составилась цѣлая свита сановниковъ, имѣвшихъ различныя должности и образовавшихъ вскорѣ монгольскую аристократію въ Индіи. По принципу Акбара, аристократію нужно было беречь и возвышать во всякомъ случаѣ и даже щадить ее между индійцами, которыхъ вообще по корану слѣдовало бы преслѣдовать и истреблять, какъ невѣрныхъ противниковъ пророка. «Творецъ міра, говоритъ Акбаръ въ своихъ запискахъ, — ввѣрилъ царямъ господство надъ ними для того, чтобы они имѣли попеченіе о счастіи народовъ и особенно заботились о чести и славѣ знатныхъ фамилій». Такое воззрѣніе, разумѣется, приходилось какъ разъ по духу индійцевъ, для которыхъ ученіе о кастахъ имѣло столь важное значеніе. Слѣдовательно, народъ и при лучшихъ изъ мусульманскихъ правителей, все-таки, не имѣлъ ни малѣйшей возможности возстать изъ того покорнаго, безсмысленнаго униженія, до котораго онъ доведенъ былъ предшествовавшими обстоятельствами.

Какъ слабо было умственное развитіе народа во времена блеска монгольской династіи, свидѣтельствуетъ неуспѣхъ нововведеній, задуманныхъ Акбаромъ. Акбаръ (ум. 1605 г.) принадлежитъ къ числу людей истинно геніальныхъ. Его положеніе мѣшало отчасти его уму въ совершенно свободномъ и окончательномъ развитіи своихъ идей, но и въ томъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, выразилась уже его умственная сила. Воспитанный въ законѣ Магомета, окруженный поклонниками пророка, находя въ исламѣ всѣ удобства временной жизни

и всѣ залоги вѣчнаго блаженства, онъ, однако, выводами философствующаго разсудка дошелъ до убѣжденія въ ложности Магометова ученія и оставилъ его. Религіозная система индійцевъ казалась ему въ своемъ основаніи возвышеннѣе ислама, но и она не могла удовлетворить его. Тогда Францискъ Ксавье предсталъ предъ нимъ съ проповѣдью евангелія; Акбаръ долго держалъ его при себѣ, выслушивалъ убѣжденія его, излагаемыя со всею тонкостью и силою іезуита, позволилъ ему проповѣдывать въ странѣ своей, но и эта проповѣдь ему не понравилась. Испытавши всѣ вѣроученія, и, продолжая философствовать по своему, Акбаръ составилъ свою религіозную систему, имѣющую деистическій характеръ. Онъ не называлъ себя посланникомъ Божіимъ и всѣ свои положенія основывалъ на томъ, что они согласны съ разумомъ. Міромъ управляетъ, по его ученію, верховное существо, къ которому должно относить всякое свое дѣйствіе, всякое рѣшеніе, всякую мысль. Это существо не требуетъ себѣ никакого внѣшняго богослуженія: почитаніе его должно выражаться въ постоянно-добродѣтельной жизни и въ подчиненіи своихъ личныхъ выгодъ и страстей чувству всеобщей любви къ человѣчеству. Онъ обнародовалъ свое ученіе и хотѣлъ его ввести въ Индіи. Но ни мусульмане, ни послѣдователи браминскаго ученія его не поняли. Религіозныя идеи индійцевъ давно уже пришли къ тому, къ чему необходимо приводитъ всякій умственный застой. Лишившись права разсуждать, встрѣтивши непреодолимыя преграды на пути свободнаго умственнаго развитія, индійцы поневолѣ должны были остановиться на внѣшности и удовольствоваться однѣми религіозными формами. Брамины, не имѣя ни охоты, ни надобности слѣдить за духовнымъ развитіемъ народа, строго наблюдали за исполненіемъ обрядовъ, придавали имъ преувеличенную важность и усердно старались о великолѣпіи церемоній и увеличеніи количества жертвоприношеній, которыя приносили имъ значительныя выгоды. Религіозный формализмъ произвелъ безсмысленное факирство съ безчисленными видоизмѣненіями его уродливости, и безотрадное прозябаніе индійца дѣлалось еще жалче отъ неблагодарнаго вліянія браминовъ. Въ такомъ народѣ невозможно было установить религію, подобную акбаровой, безъ принудительныхъ мѣръ; но Акбаръ не хотѣлъ насилія. Онъ рѣшился лучше сдѣлать уступку и прибавилъ къ своему ученію сабеистическое почитаніе звѣздъ и огня: въ этомъ видѣ религія его пріобрѣла нѣсколькихъ прозелитовъ. Тѣмъ не менѣе она прекратилась вмѣстѣ со смертію самого Акбара.

Нѣсколько царствованій, подобныхъ Акбарову, можетъ быть, и вызвали бы Индію къ жизни. Но положеніе великаго могола слишкомъ соблазнительно, особенно въ такой странѣ, какова Индія, и въ отношеніи къ такому народу, каковы ея жители. Преемники Акбара предпочли деспотическій произволъ трудной заботѣ о развитіи и благосостояніи народа. Капризы властителей вызывали ропотъ и противодѣйствіе даже въ смиренныхъ индійцахъ. Вотъ, напримѣръ, изъ множества другихъ одинъ случай, который разсказываетъ мусульманскій историкъ Ферішта, какъ образецъ твердости духа монгольскаго владыки. Магометъ Шахъ торжествовалъ какой-то праздникъ; на этотъ праздникъ явилась, между прочимъ, изъ Дели труппа музыкантовъ въ 300 человѣкъ. Шахъ такъ былъ восхищенъ ихъ игрой, что тутъ же приказалъ своему визирю дать предписаніе раджѣ висъ-янагарскому, чтобы тотъ щедро вознаградилъ музыкантовъ. Висъ-янагара не была подвластна Магометъ-Шаху, и потому визирь, видя, что повелитель его говоритъ подъ вліяніемъ опьянѣнія, отложилъ исполненіе приказа до другого дня. Но проспавшись на другой день, Шахъ сказалъ: «Богу не угодно, чтобы изъ устъ моихъ вышло пустое слово, которое бы осталось безъ исполненія. Отошли приказъ къ раджѣ висъ-янагарскому: я хочу этого». Раджа прогналъ отъ себя посланнаго съ шахскимъ приказомъ, и началась война. Индійцы овладѣли одной мусульманской крѣпостью и вырѣзали гарнизонъ ея,—около восьмисотъ человѣкъ. Узнавши объ этомъ, Магометъ-Шахъ поклялся истребить тысячу индійцевъ, для отомщенія своихъ воиновъ, и сдержалъ свое слово. Онъ даже съ излишкомъ превзошелъ мѣру, назначенную имъ самому себѣ, такъ что одинъ изъ приближенныхъ осмѣлился замѣтить ему: «ты, однако же, не клялся, государь, истребить все индійское племя». Пораженный этимъ замѣчаніемъ, властитель велѣлъ прекратить убійства и согласился принять отъ раджи вознагражденіе, котораго сначала требовалъ для музыкантовъ. Принимая его, онъ самодовольно замѣтилъ: «я не хотѣлъ, чтобы слово, брошенное на вѣтеръ, осталось пятномъ на моей памяти». Видя, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа, послы осмѣлились спросить его: зачѣмъ велѣлъ онъ убивать людей всякаго пола и возраста, которые ничѣмъ не участвовали въ оскорбленіи, какое нанесъ ему раджа? Онъ отвѣчалъ: «Это была воля Божія, для меня не было выбора!»—и въ припадкѣ великодушія онъ рѣшился на будущее время

постановить условіе, чтобы несражающіеся были щадимы во время войны...

Такого рода поступки должны были превзойти мѣру всякаго терпѣнія. Противъ нихъ нужно было, наконецъ, вооружиться, по безотчетному инстинкту самосохраненія. Какъ ни сильно обезличенъ былъ индіецъ своимъ религіознымъ ученіемъ, какъ ни тяжело налегла на него рука деспотическихъ завоевателей, но естественная любовь къ жизни взяла свое. Чужеземное нашествіе, довершивши бѣдствія страны, періодически разграбляемой собственнымъ правительствомъ, указало исходъ изъ страшнаго положенія. Въ 1739 г. персидскій шахъ Надиръ опустошилъ и ограбилъ имперію великаго могола, оставивъ изъ милости престолъ сыну Аурунгзеба, Магомету XIV. Сокровища, вывезенныя имъ изъ Дели, великолѣпіемъ своимъ превосходятъ самыя знаменитыя добычи, о которыхъ только упоминаетъ исторія. Между прочими предметами, въ это нашествіе вывезенъ престолъ, донынѣ находящійся во дворцѣ тегеранскомъ и представляющій павлиній хвостъ, весь составленный изъ брильянтовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Захвативши добычу, Надиръ-Шахъ тотчасъ же удалился изъ Индіи, но его нашествіе сильно потрясло Монгольскую имперію и перелило послѣднюю каплю въ полной чашѣ страданій народа. Прежде всѣхъ рѣшились воспользоваться разслабленіемъ Монгольской имперіи маратты, живущіе въ центральной Индіи, между Нербуддою, Бераромъ и Аурунгабадомъ. Этотъ народъ всегда отличался суровостью и даже дикостью: делійскіе владѣтели никогда не могли совершенно покорить ихъ. Одинъ изъ отчаянныхъ удальцовъ, обладавшій обширнымъ умомъ и практической ловкостью, Сиваджи, былъ основателемъ могущества мараттовъ. При немъ основалось сильное Маратское государство, и вскорѣ владычество великаго могола надъ Индостаномъ было уничтожено. Въ то же время Шейдъ-Кулыханъ, названный Низамъ-уль-Мулькомъ, основалъ сильное государство, Гайдерабадское. Нѣсколько позже Гайдеръ-Али, достигшій высшей власти изъ погонщика верблюдовъ, возвысилъ Мисорскую имперію, процвѣтавшую и послѣ него при сынѣ его Типпу-Саибѣ, до начала нынѣшняго столѣтія. Всѣ эти событія, имѣвшія въ началѣ своемъ характеръ возмущеній, сопровождались сильными войнами и способствовали совершенному раздробленію правительственныхъ интересовъ полуострова. Народъ продолжалъ страдать въ этой безурядицѣ и, переходя отъ одного властителя къ другому, тщетно ожидалъ облегченія своей участи. Не привыкши къ сильнымъ напряженіямъ, онъ уже начиналъ уставать отъ быстраго теченія событій, въ которыхъ его заставляли теперь принимать участіе гораздо болѣе, чѣмъ прежде. Маленькіе независимые владѣтели, которыхъ множество развелось теперь на полуостровѣ, старались тянуться за большими въ великолѣпіи; иные хотѣли поддерживать старинный блескъ громкаго имени, какъ, напримѣръ, великій моголъ, только съ 1803 года обязанный своимъ престоломъ милости англичанъ. Владѣнія ихъ не были уже столь обширны, какъ прежде, и послѣ столькихъ разграбленій не могли доставлять такихъ богатыхъ средствъ, какъ въ прежнія времена; слѣдовательно, нужно было увеличить количество налоговъ. Такова была логика индійскихъ властителей, и они дѣйствовали сообразно съ нею. Въ это время являются въ Индостанѣ сильными дѣятелями англичане.

Англійскія торговыя факторіи издавна существовали здѣсь, не предъявляя особенныхъ претензій и предоставляя первую роль даже въ торговыхъ сношеніяхъ со страною португальцамъ, голландцамъ и особенно французамъ, которые въ половинѣ XVIII вѣка пользовались обширнымъ вліяніемъ въ Пондишери и Шандернагорѣ.

Англо-индійская торговая Компанія была учреждена королевою Елизаветою въ 1600 г. Первое торговое складочное мѣсто было заведено англичанами въ Суратѣ, на западномъ берегу Индіи, въ 1611 г. Затѣмъ въ 1654 г. основана была факторія въ Мадрасѣ и въ 1664 г. въ Бомбеѣ. Около этого времени кругъ дѣйствій торговой англійской компаніи расширился по особенному, благопріятному для нея случаю. Суратская факторія отправила посольство къ императору Агры, Шахъ-Джегану. При посольствѣ находился лѣкарь Боуфтонъ, который подоспѣлъ сюда какъ разъ кстати, чтобы спасти жизнь любимой дочери императора. Въ благодарность за это Шахъ-Джеганъ далъ ему право свободной торговли во всемъ государствѣ. Боуфтонъ передалъ это право Компаніи, которая не замедлила имъ воспользоваться, и въ Бенгаліи на берегу Гугли, одного изъ рукавовъ Ганга, скоро основала новую купеческую контору. На этомъ мѣстѣ возникла впослѣдствіи Калькутта.

Утвердившись такимъ образомъ на двухъ противоположныхъ концахъ полуострова, англійскіе купцы стали стараться о распространеніи круга своихъ дѣйствій во внутренности страны. Средства ихъ въ это время были невелики, и Компанія даже не мечтала о возможности владычества надъ Индостаномъ. Весь основной капиталъ предпріятія состоялъ изъ 400,000 фунтовъ стерлинговъ съ акціями въ пятьдесятъ фунтовъ каждая.

Съ этими средствами имъ нужно было выдерживать соперничество съ голландцами и французами и держаться въ виду сильной имперіи Аурунгзеба, царствовавшаго тогда въ Дели. Къ несчастію нѣкоторые поступки англичанъ вовлекли ихъ во враждебныя отношенія съ этимъ императоромъ, и въ 1690 г. почти всѣ ихъ факторіи были разорены или заняты войсками Аурунгзеба. Чиновниковъ Компаніи водили въ цѣпяхъ по бомбейскимъ улицамъ. Видя, что дѣло идетъ плохо, англичане отправили изъ Сýрата посольство къ Аурунзебу просить прощенія. Деспотъ былъ весьма доволенъ этимъ поступкомъ. Онъ приказалъ ввести къ себѣ пословъ со связанными руками и съ веревкой на шеѣ, велѣлъ имъ упасть предъ собою во прахъ и, вдоволь натѣшившись надъ ними, въ заключеніе простилъ Компанію и возвратилъ ей всѣ прежнія привилегіи, съ тѣмъ, чтобы она вознаградила его подданныхъ за всѣ убытки, причиненные имъ англичанами. Прежнія торговыя сношенія возобновились.

Черезъ тридцать-пять лѣтъ (1726) отправлено было въ Дели новое посольство отъ Компаніи. Оно было снабжено разными европейскими бездѣлушками для обольщенія двора индійскаго императора. Эта миссія имѣла успѣхъ, которымъ была обязана отчасти искусству пословъ, умѣвшихъ ловко вести переговоры и давать подарки, главнымъ же образомъ искусству компанейскаго доктора, Гамильтона, излѣчившаго императора отъ болѣзни, мѣшавшей ему жениться. Съ этихъ поръ англичане прочно основались въ трехъ пунктахъ: въ Бомбеѣ, Мадрасѣ и Калькуттѣ.

Вскорѣ послѣ этого англичанамъ пришлось выдержать столкновеніе съ противниками болѣе опасными, нежели туземные владѣтели, съ французами, которые, подъ управленіемъ Дюпле (Dupleix) и Бюсси, пріобрѣли тогда большое вліяніе на индійскія дѣла. Французскіе историки съ восторгомъ отзываются о Дюпле, какъ о человѣкѣ геніальномъ, и говорятъ, что онъ, при первомъ же появленіи своемъ въ Индіи, составилъ уже замыселъ основать здѣсь французское владычество въ тѣхъ же размѣрахъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ впослѣдствіи удалось это Англіи. И на самомъ дѣлѣ, при немъ, подъ покровительствомъ великаго могола, французы владѣли болѣе, нежели третьей долею индійскаго полуострова. Его стараніями вліяніе англичанъ въ Индіи было нѣсколько разъ почти совершенно уничтожаемо. Но онъ не находилъ себѣ поддержки во Франціи и, наконецъ, въ 1754 г., по стараніяхъ англійскихъ дипломатовъ, былъ отозванъ изъ Индіи въ Парижъ и замѣненъ человѣкомъ, болѣе сговорчивымъ, который тотчасъ же согласился заключить съ англійской Компаніей договоръ, совсѣмъ не къ выгодѣ Франціи. Какъ французская, такъ и англійская Компаніи отказывались въ немъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла внутренняго индійскаго управленія и предоставляли великому моголу земли, занятыя ими въ его владѣніяхъ. «Въ силу этого договора,—говоритъ одинъ французскій писатель,—Англія уступала нѣсколько деревушекъ, Франція же теряла цѣлое царство».

Однажды лишившись пріобрѣтенныхъ выгодъ, французы никогда уже потомъ не могли вознаградить своей потери. Англичане, напротивъ, успѣвши возвыситься до того положенія, до котораго теперь низведены были французы, быстро пошли впередъ, безпрестанно увеличивая свои владѣнія. Торговыя права ихъ были велики, основной капиталъ возросъ до шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и торговля шла такъ успѣшно, что къ 1760 г. капиталъ удвоился, принося отъ двѣнадцати до пятнадцати процентовъ. Въ 1769 г., парламентъ уже счелъ нужнымъ ограничить наибольшій дивидентъ на каждую акцію десятью процентами, что́ потомъ постоянно и соблюдалось. Между тѣмъ, преодолѣвши французское вліяніе, англійская Компанія, изъ чисто торговаго общества, сдѣлалась вдругъ учрежденіемъ полуполитическимъ, съ притязаніями на территоріальное господство. Событія въ Бенгаліи, неосторожно затѣянныя молодымъ набобомъ бенгальскимъ, Сураджа-Доула, возбудили воинственную энергію Клейва и послужили началомъ политическаго могущества англичанъ въ Индіи. Сураджа-Доула неожиданно напалъ на фортъ Вильямъ, выстроенный англичанами для тишины Калькутты, и удушилъ тамъ въ тюрьмѣ сто англичанъ, захваченныхъ въ плѣнъ; это было 1755 г. 28 іюня. Робертъ Клейвъ находился въ то время въ Мадрасѣ и узналъ о неистовствахъ Сураджа-Доула уже въ августѣ. Немедленно собралъ онъ тысячу человѣкъ англійскихъ солдатъ да около двухъ тысячъ сипайевъ, выступилъ съ ними противъ шестидесяти-тысячной арміи бенгальскаго набоба, имѣвшаго пятьдесятъ пушекъ и нѣсколько европейскихъ офицеровъ. Битва произошла при Плассаджи, близъ Калькутты; она не дорого стоила англичанамъ: съ потерею сорока-пяти человѣкъ убитыми и ранеными, Клейвъ разбилъ Сураджа и провозгласилъ на мѣсто его набобомъ бенгальскимъ Миръ-Джаффара, который былъ союзникомъ англичанъ и давно добивался этой провинціи. Въ награду за содѣйствіе, Миръ-Джаффаръ уступилъ Компаніи двадцать четыре перчуннаха (общины) въ Бенгаліи и обязался уплатить

два милліона серебряныхъ рупій. Кромѣ того, англичане сами присвоили себѣ съ этихъ поръ право возводить на престолъ набоба бенгальскаго. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы на Бенгалію нападали голландцы и самъ великій моголъ, англичане отразили ихъ и получили за то еще три округа въ Бенгаліи. Вскорѣ они принялись самовластно распоряжаться въ Бенгаліи, сводя и возводя на тронъ набобовъ по своему произволу, и вытребывая отъ нихъ всякаго рода привилегіи, изъ которыхъ въ числѣ важнѣйшихъ было право безпошлинной торговли внутри всего государства. Кромѣ того, они безпрестанно требовали значительныхъ контрибуцій съ владѣльцевъ, которыхъ сажали на престолъ. Это сдѣлалось, наконецъ, скучно жалкимъ властителямъ, которые и добивались власти только за тѣмъ, чтобы побольше имѣть доходу для великолѣпной и сладострастной жизни. Заботиться объ увеличеніи государственныхъ доходовъ по своему имъ было неловко въ виду европейцевъ, и они разсчитали весьма благоразумно, что лучше получать деньги безъ хлопотъ, ничего не дѣлая, нежели подвергаться изъ-за нихъ всякимъ заботамъ, а часто и непріятностямъ. Вслѣдствіе такого разсужденія, въ 1765 году, великій моголъ уступилъ англичанамъ всѣ свои претензіи на Бенгалію за 330,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, а набобъ бенгальскій, Вуджинъ Дольва, отказался отъ всѣхъ своихъ правъ, выговоривъ себѣ пенсію въ 662,000 фунтовъ стерлинговъ. Онъ дѣлалъ это потому, что «не могъ, наконецъ, получить ни одной рупіи, которая бы тотчасъ не перешла въ руки къ англичанамъ». Такъ ужъ послѣ этого и хлопотать ему не стоило.

Съ пріобрѣтеніемъ Бенгаліи Остъ-индская Компанія становилась обладательницею царства съ 30,000,000 жителей и 2,500,000 фунтовъ стерлинговъ годового дохода. Затѣмъ увеличеніе территорій Компаніи пошло съ чудовищною быстротою, благодаря продажности владѣтелей и равнодушію населенія, для котораго кто бы ни владѣлъ, Компанія или туземный деспотъ, «оба были хуже». Не стоило бороться изъ-за того, чтобы изъ огня перейти въ полымя: пусть, кто одолѣетъ, тотъ и будетъ владѣть. Англійскіе дѣятели въ Индіи хорошо поняли эти обстоятельства и для пріобрѣтенія провинцій совсѣмъ не старались пріобрѣсти популярность въ народѣ. Они просто вели дѣла съ раджами и набобами, зная, что приказъ властителя могъ отдать имъ цѣлую область не только живою, но даже мертвою. Въ особенности рѣшительными успѣхами отличалось управленіе Варрена Гаситнгса, бывшаго генералъ-губернаторомъ до 1785 г. Въ 1775 г. король удскій уступилъ имъ Бенаресъ; въ 1778 г. субобъ деканскій отдалъ имъ прекрасныя провинціи Гонтурскую и Сиркарскую, на югѣ полуострова; въ 1792 г., разбивши Типпу-Саиба и взявши Серингапатамъ, лордъ Корнваллисъ раздѣлилъ большую часть владѣній побѣжденнаго султана между англичанами и союзниками ихъ, пизамомъ и мараттами. Лордъ Корнваллисъ хотѣлъ такимъ образомъ установить въ Индіи систему политическаго равновѣсія, подражая образу дѣйствій, который тогда, на основаніи этой системы, былъ въ ходу между державами Европы. Но индійскіе владѣльцы плохо были приготовлены къ этой системѣ, и лордъ Уэльсли старшій, замѣнившій Корнваллиса, придумалъ другое средство мирно управлять Индіей,— систему вспомогательныхъ войскъ. Эта система какъ нельзя лучше удалась въ Индіи и, продолжаясь до сихъ поръ, принесла уже англичанамъ большія выгоды. Въ 1779 г. погибъ въ войнѣ съ англичанами Типпу-Саибъ; престолъ его былъ отданъ десятилѣтнему ребенку, оставшемуся отъ прежней династіи мисорскихъ султановъ, и для защиты его оставленъ англійскій корпусъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ часть мисорскихъ земель отошла въ непосредственное владѣніе Компаніи. Въ 1803 г. самъ великій моголъ поступилъ на пенсію Компаніи: англійскія войска въ 1803 г. одержали побѣду надъ Доулетъ-Синдіахомъ, который владѣлъ Дели, возвели на престолъ великаго могола Шахъ-Аллоума, содержавшагося до тѣхъ поръ въ темницѣ, и назначали ему пенсію въ 1,200,000 серебряныхъ рупій (120,000 фунтовъ стерлинговъ). Званіе великаго могола, хотя лишенное всякаго значенія, сохранено англичанами въ Индіи доселѣ. Въ то же время всѣ раджи, гваліорскій, индурскій, нагпурскій, возставшіе противъ британскаго господства, были усмирены Арчеромъ Уэльсли (впослѣдствіи герцогъ Веллингтонъ), и купили миръ не иначе, какъ уступкою значительной части своихъ владѣній, съ согласіемъ принять англійскую военную помощь и не допускать къ себѣ въ службу ни одного европейца безъ согласія правительства Компаніи. Такимъ образомъ постоянно дѣйствовалъ лордъ Уэльсли старшій (графъ Морнингтонъ) до 1805 г., когда онъ отозванъ былъ въ Лондонъ и замѣненъ лордомъ Корнваллисомъ, бывшимъ здѣсь уже прежде. Корнваллисъ и потомъ лордъ Минто, стараясь всего болѣе о мирѣ, занимались болѣе внутренней организаціей англо-индійскаго управленія, и десять лѣтъ ихъ управленія прошли спокойно.

Съ 1814 г. опять начинаются продолжительныя военныя тревоги. Три года— 1814 — 1816, лордъ Гастингсъ велъ войну

съ турками, воинственнымъ племенемъ непальскимъ. 1817 — 1819 годы прошли въ войнѣ съ пиндарами, разбойничьей шайкой, чрезвычайно сильной, образовавшейся въ горныхъ областяхъ, Мальвѣ и Бопалѣ. Лордъ Моира выступилъ противъ нихъ съ арміей въ 114,000 человѣкъ и въ 1819 году совершенно ихъ уничтожилъ. Пейшва маратскій, вздумавшій было принять участіе въ этомъ дѣлѣ, поплатился за то потерей своей независимости и уступкой нѣсколькихъ областей, лежащихъ на Нербуддѣ, такъ что Компанія пріобрѣла здѣсь около 14,000 кв. миль. Въ 1824 г. новыя пріобрѣтенія сдѣланы были въ войнѣ бирманской. Несмотря на воинскую славу бирмановъ, сэръ Кэмпбель осмѣлился съ 8,000 войска проникнуть во внутрь страны до самой столицы Бирманской имперіи, Авы, одержалъ нѣсколько побѣдъ и предписалъ миръ, по которому Компанія пріобрѣла еще новыя владѣнія и получила 2,000,000 ф. стер. контрибуціи за военныя издержки. Столь же блистательно для англичанъ кончилась въ 1826 г. распря съ раджею буртпорскимъ, который былъ наказанъ лордомъ Эмгерстомъ за самовольное завладѣніе престоломъ и принужденъ возвратить его законному владѣтелю, поступившему съ этихъ поръ подъ покровительство Компаніи. Теперь уже весь полуостровъ, отъ Гималайскихъ горъ и Инда до Каморина и Цейлонскаго пролива, былъ подъ непосредственнымъ или посредственнымъ владычествомъ англичанъ, и нѣсколько лѣтъ спокойствіе въ Индіи ничѣмъ не было нарушаемо.

Съ 1838 года, со времени афганской войны, англичане встрѣчаютъ болѣе противодѣйствія на полуостровѣ, и, что замѣчательно, противодѣйстіе это перестаетъ уже быть дѣломъ личнаго произвола какого-нибудь властителя, а вызываетъ сильное участіе въ самомъ народонаселеніи страны. Въ афганской войнѣ народъ выказалъ сильное сопротивленіе возведенію на престолъ шаха Суджи, котораго поддерживали англичане и который, за свои неистовства, три раза уже былъ прогоняемъ своими подданными. Европейская армія восторжествовала надъ упорнымъ сопротивленіемъ афгановъ, но всѣ пріобрѣтенія англичанъ вскорѣ должны были быть оставлены ими, по невозможности удержать ихъ за собою. 20,000 человѣкъ и 16,000,000 фунт. стерлинговъ были напрасно истрачены въ этой войнѣ.

Счастливѣе кончилась война съ эмирами синдскими. Синдъ былъ присоединенъ къ англійскимъ владѣніямъ и долженъ былъ заплатить 500,000 фунт. стерл. контрибуціи, изъ которой 70,000 досталось начальнику арміи, сэру Чарльзу Нэпиру. Но и здѣсь замѣчательно то обстоятельство, что когда эмиры, заботясь о своемъ спокойствіи, соглашались на всѣ требованія англичанъ, народъ, и особенно національная армія, возстали противъ нихъ. Эмиры напрасно старались удержать порывъ ея негодованія и принуждены были вести ее на битву съ англичанами. Битва, происшедшая при Міани, рѣшилась, конечно, въ пользу британскаго владычества.

Въ 1845 году произошли страшныя смятенія въ имперіи, утвержденной въ Пенджабѣ Ренджитъ-Сингомъ, который, послѣ славнаго и твердаго правленія, умеръ въ 1839 году. Послѣ него нѣсколько слабыхъ и жестокихъ правителей, послѣдовательно свергавшихъ одинъ другого, разстроили имперію и заставили удалиться изъ нея европейскихъ офицеровъ, управлявшихъ арміею Ренджитъ-Синга. Лишившись своихъ руководителей и презирая преступное свое правительство, войско сейковъ разсыпалось по странѣ, предалось грабежу и, наконецъ, направилось чрезъ Сатледжъ на британскія владѣнія. Здѣсь встрѣтилъ ихъ лордъ Гэрдинджъ и, уничтоживши ихъ, наложилъ контрибуцію на Пенджабъ, а у Магараджи лагорскаго оставилъ вспомогательный англійскій корпусъ.

Успокоившись послѣ войны съ сейками, Остъ-индская Компанія хотѣла приступить теперь къ внутреннему устройству, которое необходимо было для страны. Но вскорѣ произошло новое возстаніе въ Мультанѣ, и для усмиренія его потребовалось 100,000 войска. Въ мартѣ 1849 года мятежъ былъ совершенно успокоенъ, и слѣдующій годъ уже показалъ въ отчетахъ Компаніи 64,000 фунт. стерл. излишка, вмѣсто обыкновеннаго дефицита.

II.

Обращаясь къ современному состоянію Остъ-Индіи, мы находимъ два предмета, обращающіе на себя вниманіе: состояніе самой Компаніи въ ея внутреннемъ устройствѣ, составѣ и управленіи, и положеніе индійскихъ народовъ въ отношеніи къ торговымъ интересамъ Компаніи и англійскому управленію.

Начало Компаніи относится къ 1599 году. Привилегіи, данныя ей, были возобновлены въ 1635 году Карломъ I, уничтожены въ 1653 году Кромвелемъ, возстановлены въ 1657 году и распространены въ 1661 году. Все это дѣлано было королевскимъ правительствомъ, безъ всякаго участія парламента, который сначала не обращалъ на Остъ-Индію никакого вниманія. Въ концѣ XVII вѣка общее стремленіе парламента къ

ограниченію королевской власти выразилось и въ приложеніи къ привилегіямъ, даннымъ отъ короля Остъ-индской Компаніи. По смыслу королевскихъ актовъ, Компанія имѣла совершенную монополію торговли въ Остъ-Индіи; парламентъ требовалъ уничтоженія исключительныхъ правъ ея, предвидя отъ того выгоды для индійской торговли и опасаясь оставить ихъ въ зависимости отъ короля, который могъ бы употребить ихъ на увеличеніе своей собственной власти. Не получивши удовлетворенія своихъ требованій, парламентъ далъ съ своей стороны право индійской торговли другой Компаніи, которая и начала свои дѣйствія въ 1698 году. Но обѣ Компаніи мѣшали одна другой, и потому въ 1702 году онѣ были слиты въ одну, и парламентъ уже присвоилъ себѣ право наблюденія надъ ново-образованною «Соединенною Компаніею остъ-индскихъ торговцевъ». Въ 1708 году утвержденъ былъ парламентомъ новый уставъ ея, по которому устройство Компаніи, большею частію на основаніи прежняго порядка дѣлъ, представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Управленіе дѣлами Компаніи представлялось двумъ собраніямъ; одно — собраніе акціонеровъ, въ которомъ прежде могли участвовать всѣ, взявшіе акціи Компаніи, теперь было ограничено тѣми, кто имѣлъ акціи не менѣе, какъ на 500 ф. стерл. Второе — собраніе совѣта директоровъ, должно было состоять изъ 24 человѣкъ, которые выбирались ежегодно изъ общаго числа акціонеровъ Компаніи. Оба совѣта, какъ общій, такъ и частный, имѣли свои собранія въ Англіи по четыре раза въ годъ. Въ Индіи же управленіе было раздѣлено по тремъ президентствамъ, основаннымъ въ 1708 году, — мадрасскому, бомбейскому и калькутскому. Каждое изъ нихъ состояло подъ начальствомъ особаго губернатора и было независимо отъ остальныхъ. Но всѣ губернаторы обязаны были отвѣтственностью передъ Совѣтомъ директоровъ Компаніи.

Послѣ 1756 года, когда дѣйствія Клейва открыли для Компаніи столь обширный кругъ дѣйствія въ Индіи, англійское правительство начало обнаруживать сильное стремленіе вмѣшаться въ остъ-индскія дѣла и захватить ихъ въ свои руки. Билль Питта, 1773 г., увѣнчалъ совершеннымъ успѣхомъ это стремленіе, и съ того времени Компанія теряетъ свой исключительно торговый характеръ и превращается въ учрежденіе политическое въ англійскомъ аристократическомъ духѣ. Билль 1773 года былъ блистательнымъ дѣломъ питтова министерства. Раньше его Фоксъ хотѣлъ утвердить права правительства надъ Индіей, предлагая назначить туда отъ парламента семь комиссаровъ, которымъ подчинить директоровъ; право же быть директоромъ предоставить только имѣющимъ 2,000 ф. стерл. Но это было слишкомъ грубое притязаніе власти, и самъ Питтъ, какъ членъ оппозиціи, опровергалъ его въ нижней палатѣ. Сдѣлавшись министромъ, тотъ же Питтъ принялся самъ за дѣло Фокса, только гораздо искуснѣе. Онъ оставилъ по прежнему Совѣтъ директоровъ и Совѣтъ акціонеровъ, но предложилъ учредить при нихъ еще «Контрольное бюро»— собраніе изъ 6 членовъ, выбираемыхъ министерствомъ между коронными совѣтниками, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря. Оно должно было предварительно разсматривать всѣ депеши, какія посылались въ Индію отъ Совѣта директоровъ, и могло, въ случаѣ несогласія съ ними, измѣнять ихъ содержаніе или останавливать посылку. Для особенныхъ сношеній, требовавшихъ сохраненія тайны, образованъ былъ еще Тайный комитетъ, состоящій изъ трехъ членовъ. Въ самомъ Совѣтѣ директоровъ и акціонеровъ произведены перемѣны въ пользу правительственнаго аристократическаго элемента. По биллю Питта, голосъ въ Совѣтѣ акціонеровъ могъ имѣть только владѣлецъ акцій на 1,000 ф. стерл.; имѣющіе 3,000 ф,—имѣли право на два голоса, 6,000 ф.—на три, 10,000 ф.—на четыре. Директоры должны были избираться на четыре года,—что давало имъ болѣе независимости въ отношеніи къ избирателямъ. Въ Индіи назначенъ былъ генералъ-губернаторъ въ Калькуттѣ, и ему подчинены губернаторы мадрасскій и бомбейскій. При каждомъ изъ нихъ былъ назначенъ Совѣтъ изъ четырехъ членовъ, которыхъ вліяніе, однако, много уменьшено противъ прежняго. Кромѣ того, въ Калькуттѣ учрежденъ Верховный Судъ изъ главнаго судьи и трехъ другихъ чиновниковъ, назначавшихся отъ короны. Чиновникамъ этимъ опредѣлено было большое жалованье и запрещено заниматься какимъ бы то ни было родомъ торговли, равно какъ и принимать подарки въ какомъ бы то ни было случаѣ [1]). Прежніе же чиновники, выбиравшіеся Компаніею, были просто купеческіе приказчики и даже носили подобное названіе. Обязанность ихъ была главнымъ образомъ смотрѣть за ходомъ торговыхъ дѣлъ, жалованье они получали ничтожное [2]) и старались вознаградить ихъ

[1]) Генералъ-губернатору назначено было жалованья 23,000 фунт. стерл. (143,750 р. сер.), главному судьѣ—8,000 фунт. стерл. (50,000 руб. сер.), четыремъ совѣтникамъ то же, тремъ чиновникамъ суда—6,000 фунт. стерлинг. (37,500 руб. сер.). Эти громадныя суммы впослѣдствіи времени были еще увеличены. *Прим. Д.*

[2]) Прежнее компанейское жалованье губернатора было 360 ф. стерл. (2,250 р. сер.), низшихъ

недостаточность торговыми предпріятіями на свой счетъ, хотя это и не было особенно одобряемо Компаніею, видѣвшею въ томъ ущербъ своимъ интересамъ. Теперь чиновники дѣлались представителями британскаго правительства и получали власть административную и судебную въ огромныхъ территоріяхъ, безпрерывно увеличивавшихся въ своемъ объемѣ. Въ такомъ положеніи имъ уже неприлично, да и невозможно стало заниматьсяторговлей. Управленіе Индіи отдѣлялось, слѣдовательно, отъ дѣла торговли. Хартія 1833 года окончательно отняла у купеческой Компаніи всякое право вмѣшательства въ правительственныя отношенія Остъ-Индіи, хотя она, подобно хартіи 1793 и 1813 года, и оставляла индо-британскія владѣнія въ распоряженіи Компаніи еще на 20 лѣтъ, по прошествіи которыхъ новая хартія, 1854 г., продолжила срокъ на неопредѣленное время. Въ 1833 году калькутское президентство раздѣлено на два: калькутское собственно и на вице-президентство агрское, гдѣ былъ назначенъ особый вице-губернаторъ, съ жалованьемъ 8,400 ф. стерл. Хартія 1854 г. оставила въ силѣ всѣ распоряженія, утвержденныя въ 1833 году, только уменьшила число директоровъ до восемнадцати, изъ которыхъ трое назначаются отъ короны, а срокъ ихъ избранія увеличила до шести лѣтъ. Кромѣ того, въ присягѣ, установленной хартіею 1854 года, находится клятва въ вѣрности ея величеству королевѣ Викторіи,—формула, которая не употреблялась въ прежнихъ присягахъ чиновниковъ Компаніи.

Такимъ образомъ, Остъ-индская Компанія въ настоящее время ограничивается торговлей и матеріальной частью управленія, состоящею въ сборѣ доходовъ и въ уплатѣ всѣхъ необходимыхъ для управленія денежныхъ издержекъ. Само же управленіе находится въ рукахъ правительства, которое издаетъ законы для обитающихъ въ Индіи, назначаетъ чиновниковъ, производитъ всѣ дипломатическія сношенія по дѣламъ Индіи, содержитъ тамъ войско и проч. Управленіе Индіи находится, слѣдственно, частію въ Англіи въ лицѣ парламента, королевы, Совѣта директоровъ и Контральнаго бюро (Board of Control); отчасти въ Индіи, въ особѣ генералъ-губернатора, имѣющаго неограниченную власть, и губернаторовъ президентствъ. При нихъ находится Совѣтъ изъ четырехъ человѣкъ; далѣе слѣдуютъ чиновники второстепенные назначаемые обыкновенно генералъ-губернаторомъ, съ утвержденія парламента, а иногда также и Совѣтомъ директоровъ. При губернаторѣ находятся отдѣленія, завѣдующія разными отраслями управленія: финансовое, таможенное, соляное, опіумное, торговли, морское, медицинское. Кромѣ того, для управленія въ провинціяхъ существуютъ особые чиновники. Сборъ податей возложенъ на коллекторовъ, имѣющихъ при томъ иногда и судебную власть. Каждому изъ коллекторовъ ввѣрены чрезвычайно обширные округи: объ ихъ чрезмѣрной огромности можно судить по тому, что въ 1847 г. во всемъ президентствѣ бенгальскомъ было только 62 коллекторства, въ мадрасскомъ 28, а въ бомбейскомъ 12. Каждое изъ нихъ заключало въ себѣ 3772 города и деревни, съ народонаселеніемъ въ 800,000 душъ. Кромѣ коллектора, въ каждомъ округѣ есть еще судья, соединяющій въ своемъ лицѣ власть судебную и исполнительную, если послѣдняя не отдана коллектору. Эти два лица, да ихъ помощники или ассистенты сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю администрацію округа. Для внѣшнихъ сношеній въ Индіи англійское правительство при каждомъ изъ туземныхъ властителей содержало особаго чиновника съ титуломъ президента и съ обязанностью слѣдить за всѣмъ, что дѣлается при тамошнемъ дворѣ.

Военная сила въ Индіи, такъ же, какъ и гражданская, находится подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ генералъ-губернатора, который такимъ образомъ властвуетъ во всей странѣ совершенно неограниченно. Число индо-британской арміи измѣняется, смотря по положенію дѣлъ, но обыкновенно цифра его не уходитъ далеко отъ 300,000. По исчисленію, представленному у Варрена, число войскъ въ Индіи:

въ 1826 г.	было	302,797,	въ	томъ	числѣ	европейцевъ	30,872
» 1830 »	»	213,856,	»	»	»	»	33,971
» 1837 »	»	180,340,	»	»	»	»	30,340
» 1842 »	»	303,081,	»	»	»	»	50,000.

Послѣ того число европейцевъ все увеличивалось въ индо-британской арміи и теперь простирается до 60,000. Высшія должности замѣщаются англичанами; большая часть штабъ-офицеровъ тоже изъ англи-

чиновниковъ отъ 24 до 200 ф. стерл. (150 до 1250 р, сер.), а самыхъ низшихъ, называвшихся купеческими учениками, даже до 12 ф. стерл. (75 р. сер.) въ годъ. При всемъ томъ, приманка индійскихъ сокровищъ была такъ сильна, что молодые люди наперерывъ старались попасть въ службу Компаніи. *Прим. Д.*

чанъ. Офицеры изъ сипаевъ пользуются гораздо мѣньшимъ уваженіемъ и на дѣлѣ никогда не могутъ достигнуть преимуществъ, равныхъ тѣмъ, какіе имѣютъ европейскіе офицеры. Все количество англо-индійской арміи, конечно, слишкомъ ничтожно для удержанія въ подданствѣ населенія въ полтораста милліоновъ на 70,000 кв. геогр. миль, въ виду столь же сильной, числительно, арміи туземныхъ властителей, которая каждую минуту можетъ быть употреблена противъ англичанъ. Но болѣе содержать войска не позволяютъ средства Компаніи: и то военныя издержки поглащаютъ всегда болѣе половины ея доходовъ.

Финансовое положеніе Компаніи совсѣмъ не такъ благопріятно, какъ можно воображать, судя по слухамъ о баснословномъ богатствѣ Индіи и объ огромныхъ выгодахъ, доставляемыхъ Англіи остъ-индскими владѣніями. Доходы ихъ обыкновенно не покрываютъ расходовъ, хотя цифра получаемыхъ денегъ, дѣйствительно, огромна. Ежегодно получается съ Индіи около 20 милл. ф. стерл. чистаго дохода. Болѣе половины этой суммы доставляетъ поземельный и поголовный налогъ; затѣмъ 14% общаго дохода доставляетъ монополія опіума, 12% монополія соли; остальное собирается съ штемпельныхъ и гербовыхъ пошлинъ, съ почтъ, таможенъ и проч. Издержки же,—главныя на войско (около 56%), затѣмъ на погашеніе государственнаго долга (11%), на судебныя и полицейскія учрежденія (9%), на жалованье гражданскимъ чиновникамъ (8%1/3). Диведенты Компаніи берутъ обыкновенно около 3% ежегоднаго дохода.

Съ 1838 по 1849 г. въ финансахъ Компаніи постоянно оказывался дефицитъ, и она принуждена была прибѣгать неоднократно къ займамъ, которые, впрочемъ, не были для нея обременительны, потому что, хотя долгъ и прибавился, но сумма взносимыхъ процентовъ весьма мало увеличилась, по причинѣ пониженія средняго процента въ займахъ Компаніи. Въ 1793 г. долгъ Компаніи составлялъ всего 7 милліоновъ ф. стерл.

Въ 1809 г.	23,528,441	ф.	%	1,835,423 ф.
» 1819 »	29,014,808	»	»	1,735,153 »
» 1829 »	34,280,269	»	»	1,846,457 »
» 1839 »	30,703,776	»	»	1,447,453 »
» 1849 »	51.071,710	»	»	2,410,535 »

Въ послѣдній годъ средній % приходится около 4,75, тогда какъ въ первый, 1809, онъ равняется 7,80, а еще прежде Компанія принуждена была платить: въ 1798 по 12%, а въ 1799 по 11%. Это обстоятельство само по себѣ уже доказываетъ ясно, что, несмотря на частные неудачи и постоянный видимый дефицитъ, дѣла Компаніи идутъ успѣшно и кредитъ ея утвержденъ прочно.

Послѣдніе пять-шесть лѣтъ, прошедшія для Индіи довольно спокойно, дали возможность Компаніи справиться и съ ежегодными своими издержками. Въ эти годы оставался даже излишекъ отъ расходовъ, тогда какъ прежде постоянно была передержка. Вотъ таблица доходовъ и расходовъ въ Индіи съ 1835 г.

	Чистый доходъ.	Расходъ.	Излишекъ.	Дефицитъ.
1835—36 г.	16,391,000	16,924,152	1,466,848	—
1836—37 »	16,215,000	14,966,776	1,248,224	—
1837—38 »	16,070,000	15,289,682	780,318	—
1838—39 »	16,320,000	16,701,000	—	381,000
1839—40 »	15,512,000	17,650,000	—	2,138,000
1840—41 »	16,141,000	17,805,000	—	1,754,000
1841—42 »	16,834,000	18,605,000	—	1,771,000
1842—43 »	17,485,000	18,831,000	—	1,346,000
1843—44 »	18,284,000	19,724,000	—	1,440,000
1844—45 »	18,271,000	18,854,000	—	583.000
1845—46 »	18,998,000	20,493,376	—	1,495,376
1846—47 »	19,896,000	20,867,202	—	971,202
1847—48 »	18,748,000	20,659,791	—	1,911,791
1848—49 »	19,442,000	20,915,115	—	1,473,115
1849—50 »	21,686,172	21,621,326	64,846	—
1850—51 »	20,250,530	19,834,664	415,866	—
1851—52 »	20,404,230	19,872,965	531,265	—
1852—53 »	20,867,425	20,523,368	344,057	—
1853—54 »	20,201,011	21,855,319	—	1,654,308
		Итого	4,851,424	16,918,792

Слѣдовательно, въ 20 лѣтъ Компанія понесла чистаго убыкту 12,067,368 ф. стерл. и, кромѣ того, нажила 15 милл. ф. стер. долгу.

Просмотрѣвши эту таблицу дефицитовъ Компаніи, невольно задаешь себѣ вопросъ: въ чемъ же заключаются тѣ огромныя вы-

годы, которыя, по общему мнѣнію, извлекаются Англіею изъ ея остъ-индскихъ владѣній, и которыя заставляютъ ее рѣшаться на такія страшныя издержки, хлопоты, несправедливости, даже жестокости? Зачѣмъ это дорогое войско, зачѣмъ эти полтора милліона ф. стерл. пенсіи индійскимъ владѣльцамъ, зачѣмъ это громадное жалованье тамошнимъ чиновникамъ? Отвѣтъ на все это находимъ мы въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Несмотря на временный дефицитъ, дѣла Компаніи нисколько не падаютъ: акціонеры постоянно получаютъ въ исправности свои $10^1/_2{}^0/_0$ дивидента (что составляетъ 615,000 ф. стерл.), частныя лица получаютъ выгоду отъ торговыхъ сдѣлокъ съ Компаніей, простирающуюся, по счету Біорншіерны, до 3 милліоновъ ф. стерл., чиновники компанейскіе въ Лондонѣ получаютъ свое жалованье, до 100,000 ф. стерл., отставные чины, военные и гражданскіе, получаютъ свою пенсію, болѣе 200,000 ф. стерл. Все это пріобрѣтается англійскими подданными въ Англіи, на счетъ суммъ Индійской Компаніи, собранныхъ ею въ Индіи. Кромѣ того, всѣ чиновники, служащіе въ Индій, по окончаніи десятилѣтняго срока тамошней службы, возвращаются въ Англію съ состояніемъ, накопленнымъ въ остъ-индской службѣ. Сумму всѣхъ капиталовъ, ежегодно этимъ путемъ возвращающихся въ Англію, полагаютъ въ 1,500,000 ф. стерл. Кромѣ того, обмундировка и вооруженіе индійскихъ войскъ, производимыя въ Англіи, но выплачиваемыя доходами Индіи, составляютъ болѣе 500,000 ф. стер. Вообще въ Англіи ежегодно получается индійскихъ суммъ болѣе, чѣмъ на 6.000.000 ф. стерл. (37,500,000 р. с.) Въ этотъ счетъ входитъ, впрочемъ, и оборотъ торговли съ Китаемъ, который чаемъ платится за индійскій опіумъ; а ежегодный вывозъ опіума простирается до суммы 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Независимо отъ денежныхъ выгодъ, для Англіи весьма важны остъ-индскія владѣнія, какъ удобное мѣсто, куда можно сбывать съ рукъ младшихъ сыновей знатныхъ фамилій. По силѣ майората, имъ некуда дѣваться въ Англіи. Безъ состоянія и безъ значенія, прежде они вступали обыкновенно въ духовное званіе, чтобы составить себѣ карьеру; теперь карьера ихъ составляется въ Остъ-Индіи.

Самая торговая и промышленная дѣятельность, безъ отношенія къ барышамъ при покупкѣ и продажѣ, много выигрываетъ отъ господства Англіи въ индійскихъ ея колоніяхъ. При ихъ существованіи, для Англіи всегда есть возможность поддерживать торговлю и находить сбытъ своимъ произведеніямъ; всегда есть надобность въ торговомъ флотѣ, и сношенія съ Индіею имѣютъ значительную долю участія въ огромномъ количествѣ матросовъ на торговомъ англійскомъ флотѣ (около милліона человѣкъ).

Всѣ эти государственныя и народныя выгоды совершенно объясняютъ то упорство, съ которымъ Англія въ теченіе столѣтія старается удержаться на индійскомъ полуостровѣ. Но этого мало. Прошедшее здѣсь не можетъ давать аналогіи для будущаго, потому что до сихъ поръ англійское владычество въ Индостанѣ постоянно колебалось, не устанавливаясь вполнѣ прочно. Только въ послѣдніе годы англичане избавились отъ необходимости покорять вокругъ себя независимыя земли.

До послѣдняго времени находились они въ безпокойномъ положеніи, которое выражено было однимъ изъ государственныхъ людей ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы здѣсь не можемъ остановиться; намъ нужно постоянно расширять свои владѣнія; одинъ мигъ остановки, — и все потеряно». Эта, завоевательная по необходимости, политика была очень разорительна для Компаніи: вознагражденіе же за всѣ чрезвычайныя издержки ожидается еще въ будущемъ. Теперь Англія имѣетъ на полуостровѣ свои естественныя границы и продолженіе завоевательной политики для нея уже не нужно. По усмиреніи нынѣшняго возстанія, она, вѣроятно, съ новою дѣятельностью примется за тѣ внутреннія усовершенствованія въ странѣ, какими она начала заниматься тамъ въ послѣдніе годы.

Усовершенствованія эти состоятъ всего болѣе въ общественныхъ сооруженіяхъ и другихъ работахъ, долженствующихъ привести въ лучшее состояніе средства сообщенія и производительныя силы страны. На англичанъ давно уже нападали за пренебреженіе этой частью. Варренъ писалъ въ 1843 г.: «Въ самомъ небольшомъ изъ департаментовъ Франціи производится теперь больше публичныхъ работъ въ полгода, чѣмъ во всей англійской Индіи въ продолженіе года. Компанія не открыла здѣсь ни одного пруда, не провела ни одного канала, не устроила ни одного моста въ пользу своихъ индійскихъ подданныхъ; не проложила даже ни одной дороги, кромѣ тѣхъ, которыя назначены для похода войскъ»... При всей своей рѣзкости, упрекъ этотъ былъ справедливъ въ своемъ основаніи: все вниманіе компаніи было обращаемо тогда, дѣйствительно, только на способы утвердиться въ странѣ, а забота о самой странѣ отлагалась на неопредѣленное время. Теперь время перемѣнилось и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перемѣнился самый характеръ дѣй-

ствій въ отношеніи къ индійскому полуострову.

Суммы, назначенныя въ 1851—52 г. на публичныя работы въ Индіи, составляли около 7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, почти вдвое болѣе суммы предыдущихъ пяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ начатыя работы не останавливались, поглощая ежегодно отъ полутора до двухъ милл. фунтовъ стерлинговъ. Въ 1854 г. былъ сдѣланъ заемъ въ 22 милл. фун. стерлинговъ для публичныхъ работъ. Суммы эти обращены были главнымъ образомъ на устройство путей сообщенія и проведеніе каналовъ. Въ 1854 г. было уже окончено около тысячи миль большой дороги, которая, на пространствѣ 1,423 миль, должна проходить отъ Калькутты къ Пешавару, черезъ Дели, Карнуль, Лодіанахъ и Лагоръ. Другая дорога, на 1,170 миль, предположена изъ Калькутты въ Бомбей, третья—234 миль, изъ Бомбея въ Агру. Работы канализаціи имѣютъ въ виду главнымъ образомъ орошеніе полей, въ которомъ земля очень нуждается въ Индіи. Разсчитано, что въ сухое лѣто воды шести рѣкъ (Ганга, Ченабо, Джамны, Сатледжа, Равы и Джелума), берущихъ начало на высотѣ Гималая, могутъ дать 24,000 кубическихъ футовъ въ секунду для орошенія земель. Кубическаго фута въ секунду достаточно для орошенія 218 акровъ земли; полагая, что треть обрабатываемыхъ земель нуждается въ орошеніи, найдемъ, что кубическаго фута достаточно на цѣлую англійскую милю, и, слѣдовательно, воды Гималая могутъ служить для орошенія 24,000 англійскихъ миль земли. По этой водной системѣ уже предпринята работа канализаціи. Такія же работы производятся и въ приложеніи къ другимъ воднымъ системамъ. Во всѣхъ трехъ президентствахъ проводятся линіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; послѣднія обнимаютъ уже около 3,000 миль. Все это доказываетъ, что матеріальныя удобства страны теперь не забываются англійскимъ правительствомъ.

То же и въ отношеніи къ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ. Въ послѣднее время чиновничество гражданской службы Компаніи устроено лучше прежняго, и въ число чиновниковъ допускаются туземцы, по экзамену, какому должны подвергаться и англійскіе кандидаты. Содержаніе обезпечено хорошимъ жалованьемъ, не только для высшихъ, но и для низшихъ чиновниковъ. Судья получаетъ 3,000 фун., магистратъ и коллекторъ 2,300 — 2,700, помощники ихъ отъ 840 до 1,200. По окончаніи службы, черезъ 25 лѣтъ, получаютъ они пенсіонъ въ 1,000 ф. Въ числѣ чиновниковъ второго разряда находились въ 1849 — 1850 годахъ туземцы, съ жалованьемъ отъ 100 до 1,200 фунтовъ стерлинговъ. Въ низшихъ должностяхъ гражданской службы служатъ преимущественно туземцы. Въ 1840 г., считалось въ этихъ должностяхъ гражданскихъ чиновниковъ 405, офицеровъ, допущенныхъ изъ армій въ гражданскую службу—1,543, туземцевъ 45,538. Въ числѣ послѣднихъ:

получающихъ	отъ	2	до	4	рупій	въ	мѣсяцъ [1]	24,118
»	»	4	»	8	»	»	»	11,417
»	»	8	»	12	»	»	»	3,504
»	»	12	»	16	»	»	»	1,767
»	»	20	»	25	»	»	»	618
»	»	100	»	125	»	»	»	37
»	»	250	»	300	»	»	»	13
»	»	450	»		»	»	»	11
»	»	500	»		»	»	»	1
»	»	600	»		»	»	»	9
»	»	750	»		»	»	»	1
»	»	1200	»		»	»	»	1

Изъ незначительности жалованья, какое получаетъ бо́льшая часть туземныхъ чиновниковъ, можно заключать, если не о степени ихъ матеріальнаго благосостоянія, то о степени нравственнаго вліянія на нихъ европейской цивилизаціи. Въ прежнее время и отъ самой страшной нужды, и за большее жалованье индіецъ не пошелъ бы служить въ европейскій судъ.

Заботы Англіи объ образованіи индусовъ выражаются въ учрежденіи школъ и въ дѣйствіяхъ миссіонеровъ. Къ сожалѣнію, сколько первое успѣшно, столько же второе вредитъ дѣлу цивилизаціи въ глазахъ суевѣрныхъ индійцевъ. Первыя школы для туземцевъ были основаны англичанами въ Бенаресѣ и Калькуттѣ, въ 1823 г. Въ 1825 г. такихъ школъ считалось 14, нынѣ болѣе 40, въ одной Бенгаліи и въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ. Элементарныя туземныя училища считаются тысячами. Образованіе въ этихъ школахъ достигаетъ довольно зна-

[1]) Рупія $^1/_{10}$ фунт. стерл., около 62½ коп. сер. *Прим. Д.*

Вологод. губ. земск. библиотека

чительныхъ результатовъ, какъ показываютъ опыты воспитанниковъ, напечатанные въ Лондонѣ въ 1852 году. Одинъ изъ этихъ воспитанниковъ пишетъ, между прочимъ: «миссіонеры дѣлаютъ все возможное, чтобы увѣрить молодыхъ индійцевъ, что нѣтъ имъ спасенія ни въ чемъ, кромѣ библіи. Цѣль ихъ—совсѣмъ не просвѣтить, а только обратить ихъ въ христіанство; они думаютъ, что это должно быть первымъ шагомъ въ цивилизаціи Индіи, и тѣмъ самымъ вредятъ ея успѣхамъ. Индійцы потому и не посылаютъ своихъ дѣтей въ англійскія школы, что боятся за свою религію: учителя они смѣшиваютъ съ миссіонеромъ, потому что онъ тоже говоритъ съ каѳедры и раздаетъ дѣтямъ книги и тетради...» Изъ этого видно, что индійцы не созрѣли еще для принятія христіанской проповѣди. Англійское правительство, стараясь вести свое дѣло постепенно, благоразумно обратилось къ положительнымъ наукамъ, и ихъ преподаваніе въ индійскихъ школахъ идетъ весьма успѣшно.

Вообще, дѣйствія англійскаго правительства въ Индіи, особенно въ послѣднее время, запечатлѣны характеромъ просвѣщенной гуманности. Вмѣстѣ съ религіозной и національной терпимостью, правительство высказало и свое уваженіе къ свободѣ мнѣній, дозволивъ въ Индіи свободу книгопечатанія. Запретительныя дѣйствія его направлены были постоянно только на явленія, оскорбительныя для человѣчества, напримѣръ, на человѣческія жертвы, на сожиганіе вдовъ и т. п. Отношенія высшихъ кастъ къ низшимъ оно смягчило, установивъ равенство всѣхъ предъ законамъ. Чтобы предупредить злоупотребленія судовъ, оно учредило судъ присяжныхъ; чтобы лучше соразмѣрить взиманіе податей, приступило къ кадастру и проч.

И несмотря на все это, индіецъ возсталъ, возсталъ съ остервенѣніемъ ненависти, и даже равнодушную Англію заставилъ содрогнуться отъ своихъ неистовствъ,—въ то самое время, какъ эта Англія принималась дѣятельно заботиться о благосостояніи его страны. Эта странная реакція, произведенная совершенно не во-время, вызвала уже много разнообразныхъ объясненій. Иные сваливали все дѣло на религіозный фанатизмъ, другіе на злоупотребленія англійскихъ чиновниковъ, третьи даже на то, что въ индійскихъ газетахъ позволяли печатать статьи о недостаткахъ англійскаго управленія. Но, конечно, всѣ подобныя вещи, если и могутъ служить *поводами*, то ни какъ не могутъ дѣлаться *причинами* возмущеній. «Times» объясняетъ все дѣло самымъ ходомъ цивилизаціи въ Индіи, и въ его замѣткахъ есть значительная доля правды. «Для людей, хорошо знакомыхъ съ Индіею, писали въ «Times» два мѣсяца тому назадъ, вовсе не неожиданное явленіе это безпокойное мрачное броженіе, безъ цѣли и плана, милліоновъ людей, которые намъ подвластны, особенно же войскъ. Дѣйствительно, постоянная работа и движеніе впередъ человѣческаго ума въ нашъ вѣкъ дѣятельности и матеріальныхъ перемѣнъ перешли отъ англійскаго племени на племена ему подвластныя. Въ то самое время, какъ воспитаніе, мелькнувшій лучъ исторіи и естественныхъ наукъ, видъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, великія событія, происходившія въ послѣднее время въ Европѣ пробудили индійцевъ отъ ихъ усыпленія и довольства всѣмъ окружающимъ, еще болѣе тягостное и скучное спокойствіе спустилось на индійскую жизнь, военную и гражданскую. Въ прежнія времена, когда сипай не имѣлъ ни знанія, ни честолюбія, у него почти всегда было какое-нибудь дѣло. Но теперь мы покорили всѣхъ непріятелей, внѣшнихъ и внутреннихъ, и 250 тысячъ туземныхъ солдатъ превращены въ обширную полицію. Нѣтъ никакой дѣятельности, никакихъ сильныхъ ощущеній, ничего, кромѣ однообразнаго исполненія своихъ обязанностей, съ перспективою получить на старости лѣтъ пенсію. Думаемъ, что подобное печальное и безцѣльное существованіе не по силамъ даже апатичнымъ индійцамъ. Вѣрность и дисциплина, испытанныя въ столькихъ битвахъ, были потрясены годами казарменной жизни, съ ученьями и чисткою ружей вмѣсто развлеченія, и съ одной надеждой впереди: за четверть-вѣковую службу пріобрѣсти право на полученіе въ достаточномъ количествѣ риса на пищу и коленкора на одежду. Причины неудовольствія проистекаютъ изъ самой сущности вещей, и, вѣроятно, съ каждымъ днемъ оно будетъ становиться все сильнѣе. Мы можемъ себѣ представить, какое дѣйствіе производитъ на впечатлительный характеръ индійца все, совершающееся въ Индіи. Все вокругъ него измѣняется. Сотни людей перевозятся передъ его глазами на разстояніи 25 миль въ какой-нибудь часъ, тогда какъ прежде и въ день нельзя было проѣхать этого пространства. Извѣстія изъ Калькутты въ Бомбей передаются въ нѣсколько часовъ. Въ то же время открыты школы, которыя научатъ его дѣтей, что все, чему самъ онъ учился, ложно и нелѣпо, и что одна мудрость европейцевъ истинна. Рядомъ съ этимъ цѣлыя толпы наставниковъ проповѣдуютъ всѣмъ желающимъ слушать, что индійская религія столь же ложна, какъ и индійская муд-

рость. Индійцы начинаютъ бояться, что, наконецъ, и это поле битвы останется за ихъ противниками. Сипай имѣетъ довольно времени, чтобы разсуждать о воображаемыхъ замыслахъ противъ него, и неудовольствіе его, выражавшееся посредствомъ мрачнаго упрямства, натурально могло перейти, наконецъ, и въ открытую оппозицію. Но не столько опасенъ самый мятежъ, какъ скрытое неудовольствіе, тлѣющее цѣлые годы. Нынѣшнее возстаніе, можетъ быть, послѣдній отпоръ индійцевъ возрастающему вліянію европейской цивилизаціи. Вѣроятно, что во время, когда вдовы выходятъ замужъ и люди всевозможныхъ кастъ сидятъ вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ на желѣзной дорогѣ, суевѣріе сдѣлаетъ послѣднее усиліе. Черезъ нѣсколько лѣтъ то, что отличаетъ настоящее поколѣніе азіатцевъ, исчезнетъ...» Все это очень можетъ быть, и замѣчанія «Times» касательно неизбѣжности въ сдавленной Индіи скрытаго, глухого неудовольствія и касательно степени его опасности, по нашему мнѣнію, совершенно справедливы. Но напрасно «Times» относитъ это неудовольствіе на счетъ европейской цивилизаціи; оно направляется скорѣе всего на англійскій способъ приложенія цивилизаціи къ Индіи, исходя изъ побужденій, болѣе близкихъ къ просвѣщеннымъ стремленіямъ вѣка, нежели могутъ предполагать англичане. Мы нарочно привели англійское мнѣніе, чтобы показать точку, съ которой ихъ воззрѣнія начинаютъ расходиться съ нашими. Они могутъ думать, что нынѣшнее возстаніе есть произведеніе религіознаго суевѣрія и невѣжества; но мы, незамѣшанные нисколько въ это дѣло, какъ совершенно посторонніе наблюдатели, можемъ сдѣлать другія соображенія касательно историческаго хода событій, приведшихъ къ настоящему возстанію.

Дѣло въ томъ, что, при всей либеральной гуманности своей, англійское правленіе по необходимости наслѣдовало деспотизмъ прежнихъ обладателей Индіи и, стараясь, по человѣческому чувству, освободиться отъ него, не хотѣло отказаться отъ соединенныхъ съ нимъ выгодъ. Мы уже видѣли, что индіецъ, и по своимъ религіознымъ понятіямъ, и по давнишней привычкѣ, считалъ совершенно естественнымъ дѣломъ всѣ насилія и притѣсненія своихъ индусскихъ и мусульманскихъ владыкъ. Не далѣе, какъ въ началѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству мусульманскаго историка Голаумъ-Гуссейнъ-Шаха, въ Индіи «всѣ туземцы по малѣйшему подозрѣнію подвергались пыткѣ; колъ и цѣпи были самые обыкновенные виды наказанія; въ нѣкоторыхъ областяхъ для потѣхи травили чернь собаками; у кого было какое-нибудь состояніе, тотъ ежеминутно опасался видѣть свое имущество конфискованнымъ (при чемъ, для удобства, обыкновенно, начинали дѣло удавленіемъ владѣльца имѣнія); никто не могъ приглашать къ себѣ даже друзей безъ позволенія визиря или раджи своего города; весь народъ безпрестанно подвергался грабежу и самымъ страшнымъ притѣсненіямъ». Индіецъ все сносилъ безропотно, потому что въ немъ глубоко хранилось еще ничѣмъ не подрываемое убѣжденіе, что такова воля рока, и таковы права властителя, какъ благороднѣйшаго отраженія на землѣ всеобъемлющей сущности Брамы или просто какъ намѣстника пророка. Въ то же время, помня о различіи происхожденія всѣхъ вещей отъ Брамы, на англичанъ индіецъ смотрѣлъ, какъ на «прангисъ», на людей подобныхъ паріямъ его родины. И вдругъ эти англичане пріобрѣтаютъ владычество надъ страною. Ихъ положеніе, въ отношеніи къ предразсудкамъ населенія, было совсѣмъ невыгодно; съ другой стороны, и сочувствіе къ индійцамъ англійскихъ пріобрѣтателей было весьма умѣренно: они смотрѣли на покоряемый народъ просто, какъ на предметъ, который можетъ быть облагаемъ податью. При такомъ положеніи дѣлъ, англичанамъ естественно было не хлопотать о нововведеніяхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они нужны были для увеличенія доходовъ. Такъ, дѣйствительно, англичане и поступали долгое время, и этому консервативному образу дѣйствій они обязаны первыми своими успѣхами въ Индіи. Они застали народъ обложенный податью, которая при Аурунгзебѣ достигла половины жатвы: и они стали требовать столько-же въ своей территоріи. Имъ представлялось полное слѣпое повиновеніе народа властямъ: они и трактовали съ властями, не стараясь о популярности въ народѣ. Они даже до сихъ поръ оставили многихъ туземныхъ государей и управляютъ Индіею какъ бы подъ ихъ покровительствомъ. Плата пенсій этимъ заштатнымъ владѣльцамъ вводитъ ихъ въ большія издержки: если бы она была уничтожена, то поземельный налогъ могъ бы понизиться на 10%. Но англичане все еще дѣлаютъ уступки призраку прежняго деспотизма. За недостаткомъ народности, это ихъ жизненный элементъ въ Индіи. Точно такія уступки постоянно дѣлались англичанами во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ относительно Индіи, до конца прошлаго столѣтія. Они опирались въ своемъ управленіи на высшія касты, совершенно презирая низшія, они отдавали общины во владѣніе земиндаровъ, давали огромную власть всѣмъ, сколько-нибудь значительнымъ, чиновникамъ. Туземцы высшихъ

классовъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству Гебера, «украшали дома свои коринѳскими колоннами и убирали англійской мебелью, имѣли лучшихъ лошадей, лучшія калькутскія кареты, свободно говорили по-англійски и были свѣдущи въ литературѣ». Видно, что они имѣли средства воспользоваться дорогою внѣшностью европейской цивилизаціи. Между тѣмъ народъ страдаетъ отъ чрезмѣрнаго налога, поглощающаго все его достояніе. Онъ живетъ въ глиняной хижинѣ, вмѣсто одежды имѣетъ нѣсколько лоскутковъ на тѣлѣ, питается просто зернами или мукою, разведенною въ холодной водѣ, часто даже не приправленной солью.

Впрочемъ, нужно сознаться, что по мѣрѣ утвержденія своего въ странѣ Англія все дальше отодвигала туземный деспотизмъ и становилась на мѣсто его съ собственной системой управленія. Но и тутъ дѣло было сдѣлано не совсѣмъ успѣшно и благоразумно. Отказываясь отъ нелѣпаго произвола, отъ жестокостей азіатскаго деспотизма, англійская Компанія не хотѣла отказаться отъ его выгодъ; она хотѣла только, чтобы народъ добровольно, по сознанію долга, давалъ то, что прежде изъ него вымучивали. Но такъ какъ долга никакого въ сущности и не бывало никогда, то народъ радъ былъ избавиться отъ него и, видя формальное уничтоженіе своихъ прежнихъ обязательствъ, не хотѣлъ уже и на дѣлѣ исполнять ихъ. Съ самаго начала, слѣдовательно, англійское управленіе вызвало въ народѣ противорѣчіе между правомъ и фактомъ. Свои отношенія къ туземнымъ властителямъ индусъ еще понималъ; но отношенія къ англичанамъ онъ никакъ не могъ объяснить удовлетворительно. Эти обязательства въ отношеніи къ презираемому племени никакъ не вязались въ его головѣ со всѣми его религіозными и политическими преданіями и убѣжденіями. По этому, англичане скоро увидѣли, что для соблюденія ихъ выгодъ нужно de facto опять прибѣгнуть къ системѣ деспотизма. Они такъ и сдѣлали: дали неограниченную власть генералъ-губернатору, съ правомъ жизни и смерти, даже съ правомъ изданія законовъ для Индіи. Эта мѣра, сосредоточивая въ однѣхъ рукахъ все управленіе огромною страною, была, конечно, выгодна для правительства, но народу напомнила она времена процвѣтанія великихъ моголовъ. Правда, въ должности генералъ-губернаторовъ были почти всегда люди отличнаго ума и благородныхъ понятій; но самое ихъ положеніе вызывало ихъ безпрестанно на дѣйствія, гибельныя для народа. Облеченный и военной и гражданской властью, обязанный отвѣтственностью почти только за одно количество доходовъ, генералъ-губернаторъ одинъ долженъ быть вездѣ, смотрѣть за всѣмъ, соблюдая государственныя выгоды безъ обремененія народа. Естественно, что онъ всегда жертвовалъ народомъ государству, такъ какъ въ Индіи выгоды ихъ находятся въ совершенномъ противорѣчіи: государство ищетъ здѣсь собрать какъ можно больше, а народъ хочетъ платить какъ можно меньше... Поставленный очень высоко, занятый высшей администраціей, генералъ-губернаторъ, разумѣется, не зналъ народа, не понималъ его нуждъ, и ему ничего не стоило утвердить мѣру, которая могла привести въ отчаяніе милліоны народа. Такъ случилось въ Бенаресѣ, когда, по случаю налога на дома, 300 тысячъ человѣкъ рѣшились отчаянно отомстить правительству *дгурной*. Дгурна эта состоитъ въ томъ, что человѣкъ садится на землю и сидитъ неподвижно, не принимая пищи, пока человѣкъ, противъ котораго это дѣлается, не согласится поправить своего проступка. Цѣлое населеніе рѣшилось мстить такимъ страдательнымъ способомъ и уморило бы себя голодомъ, если бы генералъ-губернаторъ не отмѣнилъ налога.

Вводя свою систему управленія, англійское правительство преобразовало въ своемъ духѣ и систему налоговъ. Не обративши вниманія на сельскую общину индійцевъ, оно обратилось къ земиндарамъ и къ райотамъ, какъ мелкимъ собственникамъ земли. Въ Калькутскомъ президентствѣ земиндарамъ былъ предоставленъ сборъ поземельнаго налога, съ платою 45% правительству и съ правомъ на 15% для себя. Земледѣльцу, слѣдовательно, оставалось 40% валового дохода; но такъ какъ треть валоваго дохода обыкновенно полагается на издержки производства, то въ остаткѣ выходило только семь процентовъ. Положеніе земледѣльца было ужасно. Ужасъ его еще увеличился оттого, что общинный порядокъ былъ разрушенъ, всѣ должности, издавна бывшія въ общинѣ, были уничтожены, налогъ опредѣленъ для каждаго отдѣльно, равно какъ и участокъ земли. Въ платежѣ произошло затрудненіе, какого никогда не бывало. Райоты отказывались обрабатывать землю и скитались нищими, земиндары выгоняли ихъ съ земли и не находили работниковъ. Между тѣмъ и земиндарамъ нужно было выплачивать свою часть правительству, у котораго разсчетъ въ этомъ случаѣ былъ коротокъ: оно продавало имѣніе несостоятельнаго должника съ публичнаго торга. Черезъ три года по установленіи новой системы количество продаваемыхъ земель равнялось уже трети всей Бенгаліи.

Самыя значительныя владѣнія попались въ руки нѣсколькимъ калькутскимъ спекуляторамъ; земли сдѣлались предметомъ ажіотажа... Разумѣется, къ концу концовъ все это обрушивалось опять на производительный классъ населенія, на райотовъ.

Въ Мадрасѣ тоже разрушена была сельская община, и вмѣсто ея чиновниковъ, посредствующихъ между ею и правительствомъ, поставленъ прямо англійскій коллекторъ съ своими помощниками и агентами. Черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось то же слѣдствіе, хотя здѣсь весь налогъ былъ въ 55% (45% подать и 10% на издержки администраціи), слѣдовательно,земледѣльцу оставалось пятью процентами болѣе. Земледѣльцы рѣшительно не въ состояніи были по одиночкѣ платить то, что выплачивали безъ особаго затрудненія при общинномъ устройствѣ. Принуждены были каждый годъ дѣлать облегченія въ пользу райотовъ и прощать недоимки. «Гузаратскіе земледѣльцы (гдѣ община оставалась), писалъ Брайгтъ,—платятъ ежегодную сумму, равняющуюся половинѣ валоваго дохода по обыкновенной рыночной цѣнѣ, и нисколько не разоряются, но налогъ въ 45% въ округахъ, уступленныхъ президентству мадрасскому, такъ тягостенъ, что не проходило года, когда бы не нужно было дѣлать для земледѣльцевъ облегченій, отдаваемыхъ на произволъ коллектора и его помощниковъ, облегченій, дѣлаемыхъ для предупрежденія оставленія земель». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что причиною чрезмѣрной обременительности налога въ Мадрасѣ могло быть еще и другое обстоятельство: агенты коллектора, получая очень маленькое жалованье, пользовались для своей выгоды положеніемъ, въ какомъ были они поставлены между райотами и коллекторомъ.

Устройство гражданской службы и особенно судебной части въ Индіи показываетъ также, какъ неловко европейская цивилизація была приложена къ нуждамъ народа, и какъ его существенное благо пожертвовано было для порядка государственной администраціи. Индіецъ судился прежде въ общинѣ, гласно и словесно. Дѣлъ было немного, потому что нельзя судиться за ничто и судиться несправедливо передъ людьми, которые хорошо насъ знаютъ: тутъ рѣшеніе могло быть коротко и легко. Но англичане, все основываясь на наблюденіи высшихъ классовъ индійскихъ, рѣшили, что индійцы по своей развратности и продажности не могутъ быть хорошими судьями и что надобно учредить англійскіе открытые суды, съ присяжными и англійскимъ судопроизводствомъ. Ожидали улучшенія участи туземцевъ, имѣющихъ дѣло съ судомъ; вышло наоборотъ. Судъ учрежденъ былъ одинъ въ каждомъ округѣ, а дѣлъ оказалось столько, что учредитель этихъ судовъ, лордъ Корнваллисъ, не могъ и подозрѣвать такого множества. Разсуждая по-англійски и предполагая въ жителяхъ ясное сознаніе долга и законности, онъ не разсчиталъ, что историческія обстоятельства совсѣмъ не благопріятствовали развитію въ индійцахъ этихъ чувствъ. Они взялись за новое средство выражать неудовольствія всякаго рода и воспользовались имъ весьма неумѣренно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ число дѣлъ въ одномъ изъ округовъ, Бурдванскомъ, накопилось до 30,000, въ другихъ округахъ тоже количество было огромное. Принуждены были принять мѣры противъ такого сутяжничества и наложили особенную пошлину за начатіе всякаго дѣла. Тогда просьбъ стало поступать меньше, но, все-таки, было много; въ 1802 году въ туземныхъ судахъ было 131,529 дѣлъ, въ сельскихъ 14,124, въ городскихъ 8,528, въ апелляціонныхъ 882. Слѣдствіемъ такого множества былъ застой дѣлъ въ судахъ, который велъ тяжущихся къ самоуправству, потому что они не хотѣли ждать окончанія тяжбы, которая, по всей вѣроятности, была бы продолжительнѣе жизни человѣческой. Уголовныя дѣла представляли еще болѣе затрудненій, чѣмъ гражданскія: количество разбоевъ, всегда значительное въ Индіи, еще увеличилось при уничтоженіи общины и введеніи присяжныхъ судовъ, которые въ Индіи приняли видъ забавный и вмѣстѣ отвратительный. Въ Англіи хорошо было учреждать такое судопроизводство, когда тамъ судьи полны чувства законности, и когда каждый гражданинъ, самъ напрашиваясь на правдивое свидѣтельство, ни за какія деньги не продастъ ложнаго показанія. Въ Индіи было совсѣмъ не то: долговременное рабство и угнетеніе пріучило народъ къ хитрости и обману до такой степени, что они вошли въ самый его характеръ. Судить индійца за подлогъ, говоритъ одинъ французъ, изучившій Индію на мѣстѣ,—все равно, что судить мусульманина за многоженство. Другой французскій писатель разсказываетъ слѣдующій случай уголовнаго правосудія. Одного богатаго фермера обвинили въ томъ, что онъ убилъ индійца; 25 присяжныхъ утверждали, что видѣли его во время самого совершенія преступленія; другіе 30 увѣряли, что видѣли его въ это время совершенно въ другомъ городѣ, въ разстояніи 25-ти миль отъ мѣста преступленія... Послѣ множества изслѣдованій оказалось, что фермеръ не убилъ индійца и не былъ въ это время въ томъ городѣ, который указывали подкупные свидѣтели. Естественно, что для такого народа, гдѣ каждый за са-

мую ничтожную сумму согласится сдѣлать ложное показаніе, — судъ присяжныхъ не великое благодѣяніе.

Но всего болѣе принесъ горя туземцамъ верховный судъ, учрежденный въ Калькуттѣ. Въ него представляли обвиненныхъ часто за нѣсколько сотъ миль и прямо отправляли въ тюрьму, если имъ некого было представить въ поруки, что, конечно, бывало почти всегда, особенно съ бѣдными. Потомъ начиналось изслѣдованіе, въ которомъ судьи, совершенно чуждые дѣлу и обстоятельствамъ подсудимаго, старались по своимъ понятіямъ дать ему правосудіе, которое, впрочемъ, никогда почти не удовлетворяло индійца. А между тѣмъ, дѣла часто начинались изъ-за пустяковъ или съ злымъ умысломъ; напримѣръ, звали въ калькуттскій судъ должника за 200 миль, по жалобѣ его кредитора; оказывалось, что долгъ былъ вымышленный, а вызванъ былъ должникъ затѣмъ, чтобы отвлечь его отъ свидѣтельства, которое онъ долженъ былъ сдѣлать въ мѣстномъ судѣ.

Такъ во всемъ исказились лучшія англійскія учрежденія на индійской почвѣ. Характеръ народа, рабствомъ пріученнаго къ лукавству, обману и неуваженію собственнаго достоинства, былъ непреодолимымъ препятствіемъ для введенія просвѣщенныхъ учрежденій. Какъ свободою книгопечатанія воспользовались здѣсь прежде и больше всего брамины для памфлетовъ противъ христіанъ, какъ открытыми судами воспользовались богатые мошенники съ подкупными свидѣтелями, такъ точно всѣ благонамѣренныя стремленія англичанъ послужили, вмѣсто улучшенія состоянія народа, только къ большему его отягощенію. Народный характеръ нужно и можно было преобразовать, но только приняться за это слѣдовало иначе. У Англіи, все-таки, конечною цѣлью была государственная и частная корысть, а не дѣло цивилизаціи. Управленіе издали, преемственность преданій деспотизма, забота болѣе о доходахъ, чѣмъ о благѣ народа (что особенно доказываетъ опіумъ), предпочтеніе высшихъ кастъ производительному классу народа, неумѣнье сообразоваться съ народными потребностями,—вотъ естественныя явленія, которыя должны были тяжело лежать надъ индійскимъ населеніемъ и постоянно возбуждать въ немъ мрачное недовольство. Къ этому присоединялись, конечно, и злоупотребленія чиновниковъ; но они сами по себѣ не могли имѣть большого значенія. За чиновниковъ народъ въ Индіи только и былъ бы недоволенъ чиновниками; дальше его ненависть не пошла бы. А теперь онъ возсталъ потому, что увидѣлъ, наконецъ, зло въ самой организаціи англійскаго управленія.

Но почему же народъ, столько времени молчавшій, покорно сносившій страшнѣйшія неистовства нелѣпыхъ властителей, покорно подчинившійся управленію презираемыхъ имъ европейцевъ, покорно отдавшій все свое достояніе въ силу никѣмъ не признанныхъ правъ чужого народа, вдругъ вздумалъ возмутиться въ то самое время, когда его властители начали серьезно заботиться о вещественномъ и умственномъ благѣ его? Отвѣтъ на это находимъ мы въ жизненномъ вліяніи цивилизаціи, которая расшевелила, наконецъ, индійца послѣ тысячелѣтняго сна, въ который погрузилъ его азіатскій деспотизмъ, вспомоществуемый формализмомъ браминскаго ученія. Народъ, подвергшійся этому страшному давленію, при первомъ столкновеніи съ новымъ живымъ элементомъ, долженъ или исчезнуть, уничтожиться, какъ исчезли древнія азіатскія государства, какъ исчезъ древній Римъ подъ императорами, или же разорвать свои узы и съ новыми, свѣжими силами возстать для принятія новой цивилизаціи. Мы думаемъ, что такова будетъ судьба Индіи. Она пережила столько, что всѣ ея прежнія вѣрованія, убѣжденія, привычки теперь полуразрушены и не имѣютъ никакой жизненной силы. Ея Брама теперь уже не тотъ Богъ, котораго сила отражается во всей природѣ и въ каждомъ человѣческомъ дѣйствіи: религіозный формализмъ браминовъ ограничилъ его пагодами и разсыпалъ на мелкіе идолы, которымъ бросаются подъ ноги суевѣрные фанатики. Касты Индіи уничтожились de facto, а это служитъ лучшимъ ручательствомъ, что скоро произойдетъ уничтоженіе и de jure. Теперь уже есть примѣры, что судры достигаютъ богатства и высшихъ должностей, и брамины находятся въ услуженіи у европейцевъ; каста кшатріевъ осталась только въ воспоминаніяхъ. Отвращеніе индійцевъ къ убійству животныхъ, заповѣданное ихъ ученіемъ о метаморфозѣ, должно потерять свою силу при видѣ англичанъ, постоянно питающихся мясомъ. Ихъ равнодушіе къ формѣ власти должно было исчезнуть при разрушеніи сельской общины; ихъ мирная неподвижность должна уступить мѣсто безпокойному изумленію при видѣ матеріальныхъ примѣненій, какія дѣлаетъ въ ихъ странѣ европейская цивилизація. Все это смѣшиваетъ, спутываетъ давно утвержденныя понятія индійца, заставляетъ его принять нѣкоторыя новыя убѣжденія, вызываетъ на борьбу противорѣчіями, производитъ въ головѣ его совершенный хаосъ, который не позволяетъ ему мирно покоиться и факирствовать. Личность индійца, долго считавшаяся несуществующею, долго попиравшаяся ногами, нако-

нецъ, сказалась въ этомъ хаосѣ. Все, что вѣками накипѣло въ груди несчастныхъ поколѣній, служившихъ жертвою высшихъ классовъ, поднялось теперь и вырвалось наружу съ ужаснымъ неистовствомъ. Послѣ этой борьбы индійцу уже трудно погрузиться въ прежній сонъ. Вѣроятно, еще англійская цивилизація будетъ долго господствовать въ Индіи и руководить ея народы на пути просвѣщенія. Но теперь уже и значеніе Англіи въ отношеніи къ Остъ-Индіи должно перемѣниться. Назначеніе ея будетъ уже не эксплуатація народа, наконецъ обнаружившаго, что онъ начинаетъ понимать самъ себя, а его образованіе. Это уже замѣтили государственные люди Англіи, выражавшіе убѣжденіе, что Индія должна быть управляема изъ Индіи и *для Индіи*, а не изъ Англіи и *для Англіи*. Теперь даже среди ожесточенія, какое возбуждено въ общественномъ мнѣніи англичанъ неистовствами сипаевъ, раздаются уже въ парламентѣ и на митингахъ голоса противъ злоупотребленій англійскаго управленія въ Индіи; въ лондонскихъ газетахъ печатаются статьи и письма, полныя упрековъ Англіи и сожалѣнія объ участи туземцевъ. Въ этой смѣлости, безпощадности, съ которой во всякое время могутъ быть раскрыты правительственные и общественные недостатки, заключается величайшая сила Англіи. Съ этимъ благодѣтельнымъ правомъ общественнаго голоса она избѣгала многихъ ошибокъ въ своей государственной жизни. Оно же, вѣроятно, поможетъ ей и теперь устроить управленіе Индіею съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ нуждамъ народа, съ бо̀льшею заботою о его благѣ, нежели съ корыстолюбивыми разсчетами относительно налоговъ и пошлинъ. И тогда, конечно, англійское могущество сильнѣе прежняго надолго утвердится въ Остъ-Индіи, которая пойдетъ рука въ руку съ своей метрополіей на пути цивилизаціи.

---

100. Стихотворенія А. Полежаева,

съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва. 1857.

Напечатано въ IX кн. «Соврем.» 1857 г. (ценз. 31 августа).

Въ противоположность Бѣлинскому Добролюбовъ справедливо, хотя и очень осторожно, доказываетъ, что въ гибели Полежаева повиненъ не онъ самъ, а постороннія обстоятельства, по-просту—жестокость Николая I, готоваго видѣть въ каждомъ юношѣ, выдававшемся изъ среды своихъ товарищей развязностью слова и бойкостью мысли, будущаго «декабриста»... Только это и хотѣлъ сказать Добролюбовъ, не вдаваясь въ оцѣнку самыхъ стихотвореній сгубленнаго поэта.

Мы уже знаемъ, что еще за два года передъ тѣмъ Добролюбовъ изучилъ біографію Полежаева по иностранному источнику (см. замѣтку къ № 17).

М. Л.

Полежаевъ пользуется у насъ довольно печальной извѣстностью въ кружкѣ тѣхъ читателей, которые доселѣ продолжаютъ читать его. Кому не случалось встрѣчать молодыхъ людей, хранившихъ размашисто переписанныя тетрадки съ непечатными стихами Полежаева? Эти юноши восхищаются темной стороной Полежаева, забывая или не зная о его истинныхъ достоинствахъ. Обвинять ли ихъ за это, считать ли людьми пустыми, ничтожными, неспособными возвыситься надъ грубыми животными побужденіями? Едва-ли справедливо будетъ такое обвиненіе; по крайней мѣрѣ, мы никогда не рѣшимся произнести его. Иначе, мы должны были бы осудить на ничтожество самого Полежаева, который, конечно, болѣе всего долженъ подвергаться отвѣтственности за свои стихи. Нѣтъ, заблужденіе еще не порокъ, одностороннее развитіе — не преступленіе. Оно всегда есть прямое, неизбѣжное слѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ суждено человѣку жить и развиваться. Можно жалѣть о человѣкѣ, для котораго обстоятельства сложились дурно, — можно горько задумываться о той жизненной обстановкѣ, которая можетъ губить лучшія силы души, направляя ихъ къ злу и пороку. Но напрасно было бы обвинять самого человѣка въ ошибочномъ направленіи, какое принимаетъ его дѣятельность подъ вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ. По нашему мнѣнію, только тотъ заслуживаетъ полнаго презрѣнія, кто совсѣмъ не обнаруживаетъ никакой дѣятельности, оставаясь во всю свою

жизнь существомъ совершенно пассивнымъ. Такія существа, дѣйствительно, не заслуживаютъ никакого участія и могутъ быть заклеймлены названіемъ людей неспособныхъ, негодныхъ, ничтожныхъ, унижающихъ свое человѣческое достоинство. Отъ нихъ ничего нельзя ожидать, какъ бы ни были благопріятны окружающія ихъ обстоятельства. Получивши разъ толчокъ отъ внѣшней силы, они безмятежно и ровно, по силѣ инерціи, движутся въ одномъ, данномъ имъ направленіи. Они часто достигаютъ предположенной цѣли весьма удачно, переходя отъ переписки бумагъ къ ихъ подписыванью, отъ перваго мѣста на школьной скамьѣ—къ наставнической каѳедрѣ и пр. Но, со всѣмъ тѣмъ, трудно удержать въ себѣ порывъ презрѣнія и даже негодованія противъ этихъ людей, которыхъ все нравственное достоинство заключалось въ умѣренности, аккуратности и терпимости, и которыхъ труды, безсмысленные и мертвые, могутъ быть съ гораздо большимъ успѣхомъ исполняемы хорошею машиною. Отрекаясь отъ своей самостоятельности, дѣлаясь орудіемъ чужой силы, такіе люди сами становятся въ разрядъ низшихъ существъ, сами отказываются отъ общаго братства людскаго и добровольно вызываютъ на себя презрѣніе даже тѣхъ, которые пользуются ихъ услугами. Подвигъ высокой доблести и самая отвратительная низость съ одинаковымъ хладнокровіемъ и аккуратностью совершаются пассивными натурами, какъ скоро данъ имъ внѣшній толчокъ, приводящій ихъ въ движеніе. Тутъ уже не можетъ быть заблужденій, борьбы, страданій, паденія... Тутъ, собственно говоря, нѣтъ и вины, какъ нѣтъ заслуги... Но тяжкая вина, предъ судомъ общества и исторіи—лѣниво зарыть въ землю свой талантъ, попрать свое достоинство, рутиной и бездѣйствіемъ убивши свои силы, данныя отъ природы... Зато и общество попираетъ ногами такихъ лѣнивцевъ. Зато и исторія эти натуры обходитъ презрительнымъ молчаніемъ.

Не такова судьба тѣхъ несчастныхъ, но, все-таки, сравнительно высшихъ натуръ, которыя, чуя въ себѣ родникъ живыхъ силъ души, хотятъ непремѣнно пробиться съ нимъ сквозь кору житейскихъ дрязгъ, общественныхъ несправедливостей и людскихъ предразудковъ. Теченіе ихъ жизни бываетъ бурно и мутно, часто гибельно; нерѣдко они теряются на дорогѣ, если сверху сушитъ ихъ солнечный зной, а внизу поглощаетъ сожженная, разсыпчатая почва; во всякомъ случаѣ, ихъ отдѣльная струя пропадаетъ въ общемъ океанѣ исторіи человѣчества. Но все же—это движеніе, жизнь, а не болотный застой. Въ болотѣ погибнуть такъ же легко, какъ и въ морѣ; но если море привлекательно-опасно, то болото опасно-отвратительно. Лучше потерпѣть кораблекрушеніе, чѣмъ увязнуть въ тинѣ. Моралисты—обыкновенно люди сонные; ихъ можно разбудить только грозой. При сильномъ ударѣ грома они просыпаются, торопливо спрашиваютъ: «что случилось?» и потомъ начинаютъ кричать объ ударѣ рока, постигшемъ одного человѣка, убитаго громомъ. А передъ ихъ глазами, возлѣ нихъ, сотни и тысячи человѣкъ падаютъ отъ изнеможенія, задыхаются, гибнутъ безъ шума и слѣда; этого они не замѣчаютъ, а если и замѣчаютъ, то находятъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей.

Всѣ эти мысли невольно приходятъ въ голову, послѣ прочтенія маленькой книжки стиховъ Полежаева и статьи о немъ, написанной Бѣлинскимъ. Съ обычной своей проницательностью и силой выражаетъ Бѣлинскій характеръ поэзіи Полежаева и отношеніе ея къ его жизни. Но у него есть одна фраза, которая можетъ подать поводъ къ ложному толкованію. «Полежаевъ не былъ жертвою судьбы, — говоритъ Бѣлинскій, — и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели» Мы уже сказали, что, по нашему мнѣнію, именно себя-то онъ и не могъ обвинять.

Пострадалъ ли Полежаевъ отъ судьбы, странно враждебной всѣмъ лучшимъ поэтамъ нашимъ, можно видѣть при внимательномъ взглядѣ на его портретъ, который приложенъ къ нынѣшнему изданію его сочиненій [1]).

Повѣсть его жизни немногосложна, но изъ нея видно, что Полежаевъ принадлежалъ къ числу натуръ дѣятельныхъ, для которыхъ лучше паденіе въ борьбѣ, нежели страдательное отреченіе отъ всякой личности и самостоятельности. Начало его жизни было лучше, чѣмъ ея продолженіе, какъ это замѣтно изъ частыхъ сожалѣній поэта о потерянныхъ годахъ, какъ видно изъ его задушевныхъ воззваній къ прежнему времени.

«Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное
Въ блескахъ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось изъ очей!..»

Но и это время, о которомъ онъ вспоминалъ потомъ съ грустнымъ сожалѣніемъ,

---

[1]) Намекъ на солдатскую форму Полежаева, отданнаго Николаемъ I въ солдаты за своего «Сашку»...

не было продолжительно, такъ что онъ и не успѣлъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Двадцатилѣтній юноша, увлекся онъ, какъ и всѣ увлекаются въ двадцать лѣтъ, страстностью своей натуры и пылкостью молодой крови; только его увлеченіе выразилось ярче, было сильнѣе, бурнѣе, чѣмъ бываетъ у другихъ, и къ этому-то времени студенчества въ Московскомъ университетѣ относится первая, непечатная извѣстность Полежаева [1]). Передъ концомъ жизни, онъ такъ вспоминалъ объ этомъ бурномъ періодѣ своей жизни.

«Я подвигъ жизни совершилъ
И юныхъ дней фіалъ безвкусный,
Надолго памятный—разбилъ!
Давно-ли я, въ оргіяхъ шумныхъ
Ничтожность міра забывалъ,
И въ кликахъ радости безумныхъ
Безумство счастьемъ называлъ!
Тогда вдали отъ глазъ невѣжды,
Или фанатика глупца,
Я сердцу милыя надежды
Питалъ съ улыбкой мудреца,
И счастливъ былъ! Самозабвенье
Таилось въ безднѣ пустоты».
. . . . . .

Если бы мы захотѣли, мы могли бы найти у Полежаева много подобныхъ признаній, доказывающихъ, что онъ былъ человѣкъ не въ родѣ поручика Пирогова, и что порывъ, увлекавшій его къ наслажденіямъ чувственности, скоро смѣнился бы другимъ, болѣе благороднымъ увлеченіемъ. Онъ уже начиналъ, кажется, этотъ поворотъ жизни, когда надъ нимъ разразился новый ударъ судьбы, и—

«Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь»... [1]).

Изъ молодого разгульнаго кружка своихъ товарищей внезапно попалъ Полежаевъ въ другой кругъ—гораздо болѣе грубый, порочный и невѣжественный, въ которомъ смотрѣли на поэта, какъ на преступника и негодяя. Онъ не хотѣлъ и не могъ подчиниться тому, чему легко подчинились другіе, а его заставляли подчиняться.

«Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье»,

и Полежаевъ ожесточился противъ людей и судьбы. Сначала у него еще оставался какой-то геній, котораго онъ не называлъ ни добрымъ, ни злымъ, но который обѣщалъ ему свое покровительство, а потомъ забылъ его... Полежаевъ съ довѣрчивостью ждалъ его помощи, и надежда на этого генія поддерживала его въ постоянной борьбѣ съ обстоятельствами. Утомляясь борьбою, онъ восклицалъ:

«Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня вдали отъ береговъ;
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ.
Казалось, теплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ, на полѣ битвы
Курилъ свой свѣтлый ѳиміамъ,
И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужъ готово
Изречь: воскресни и живи!
Я оживалъ; но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня, и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія...
Темнѣетъ ночь, гроза бушуетъ,
Несется быстро мой челнокъ,—
Душа кипитъ, душа тоскуетъ
И, мнится, снова торжествуетъ
Надъ бѣднымъ плавателемъ рокъ»...

Несмотря на эти минуты сомнѣнія и тоски душевной, долго еще крѣпился бѣдный поэтъ и гордо сражался съ гнетущей его судьбой:

«Увы, давно печаленъ, равнодушенъ,
Онъ привыкалъ къ лихой своей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ».

Стремленіе къ самостоятельной жизни развилось въ немъ еще больше среди несчастій и стѣсненій, и въ то время, какъ челнокъ его уже тонулъ, онъ еще находилъ въ себѣ силы пѣть эту пѣснь погибающаго пловца:

«Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы
Съ юныхъ лѣтъ,
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ
И оставилъ
Мирный брегъ,
На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ;
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ...»

Такимъ открытымъ выраженіемъ энергіи и силы смѣлаго бойца отличаются стихотворенія Полежаева до того времени, когда

[1]) Поэма «Сашка», направленная отчасти на русскія политическія условія.
[2]) Отдача въ солдаты.

является въ нихъ упоминаніе о заключеніи и болѣзни. Извѣстно, что въ послѣднее время своей жизни Полежаевъ страдалъ чахоткой и умеръ въ больницѣ, получивъ въ минуты предсмертнаго томленія офицерскій чинъ. Это послѣднее время тяжелой болѣзни вызвало у поэта нѣсколько отчаянныхъ, ожесточенныхъ стихотвореній. Онъ изнуренъ былъ битвою жизни, геній его не являлся къ нему на помощь, усилія его свергнуть съ себя гнетущее иго судьбы оказывались безплодными,—и одно отчаянное, страшное презрѣніе къ жизни осталось въ душѣ поэта. Ужасные звуки нашелъ онъ въ себѣ для выраженія силы своего отчаянія:

«Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій,
И умираю ночь и день!
Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда».

Эта жизнь позора и стыда могла бы быть жизнью славы и величія. Человѣкъ, нашедшій такіе звуки для выраженія отчаянія, умѣлъ бы проникнуться какими угодно возвышенными чувствами и найти для нихъ выраженіе въ словѣ и въ дѣлѣ. При другой жизненной обстановкѣ не погибъ бы этотъ энергическій талантъ жертвою неравной и безплодной борьбы. Не звуки проклятій и злобы, а роскошные звуки чистыхъ спокойныхъ стремленій могъ бы онъ завѣщать міру, потому что, кромѣ чрезвычайной силы, талантъ Полежаева отличается еще необыкновенной страстностью и стремительностью. Она-то и увлекаетъ пылкихъ юношей въ непечатныхъ стихотвореніяхъ Полежаева. Мы не винимъ ихъ за это въ пустотѣ и ничтожности: можно этимъ увлекаться и не будучи ничтожнымъ человѣкомъ. Но мы глубоко и тяжко должны сожалѣть о той средѣ, которая не представляетъ ничего лучшаго для увлеченія молодыхъ людей; мы должны грустно, безотрадно задуматься о тѣхъ преданіяхъ, которыми передаются, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, изъ поколѣнія въ поколѣніе, грязныя произведенія поэтовъ, сбитыхъ съ чистаго пути и столкнутыхъ въ вонючую лужу. Не одинъ Полежаевъ погибъ у насъ въ этой мрачной и душной средѣ, подъ вліяніемъ этихъ развратныхъ преданій, поддерживаемыхъ застоемъ общественной жизни. Грустное раздумье одолѣваетъ всегда при воспоминаніи о гибели дѣятельной натуры. Напрасно стараешься успокоить себя тѣмъ, что гибель эта не безплодна, что она была необходима по законамъ исторіи. Все-таки, остается въ душѣ неотвязный вопросъ, такъ поэтически выраженный Полежаевымъ:

«Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ, чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?...»

---

101. Походъ аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ.

Сочиненіе *Владиміра Ведрова*. Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 97.

Одна изъ массы рецензій, такъ быстро привлекшихъ вниманіе читателей «Современника» къ отдѣлу «Новыя книги». Юморъ, иронія, пародія,—все это особенно ярко въ нихъ. Такія рецензіи навсегда хоронили вздутую ученость, надменность, невѣжество. Добролюбовъ зналъ, что во премя переоцѣнки всѣхъ цѣнностей нельзя постоянно говорить серьезно—публика не была подготовлена къ этому; ей гораздо понятнѣе была другая манера: коротко, но опредѣленно раздѣлываться со всякимъ ученымъ и литературнымъ хламомъ, показывая его отличительныя особенности, его самыя слабыя мѣста. Добролюбовъ хорошо зналъ въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, и особенности положенія высмѣиваемаго, но, благодаря цензурѣ, не могъ писать объ этомъ, иначе все было бы вычеркнуто. Ведровъ, напримѣръ, былъ тогда профессоромъ всеобщей исторіи въ Александровскомъ лицеѣ, а потомъ казанскомъ университетѣ, былъ удостоенъ петербургскимъ университетомъ магистерскаго званія какъ разъ за «Эпаминонду», «Пиѳагору» и «Ѳому»...

М. Л.

Это древняя исторія, читатель,—очень древняя исторія. Это древность классическая, о которой мы съ вами весело вспоминаемъ подчасъ, при встрѣчѣ со школьными товарищами. Я предполагаю, что вы учились въ какой-нибудь школѣ, мой читатель, и потому хочу разбудить въ васъ воспоминаніе о древнихъ классическихъ продѣлкахъ, которое невольно рождается въ каждомъ, прошедшемъ гимназическій курсъ, при самомъ бѣгломъ обзорѣ книги г. Ведрова. Помните-ли, какъ вы, въ старшихъ классахъ гимназіи, принялись, наконецъ, за самостоятельное изученіе разныхъ предметовъ и начали сами сочинять?... Какое это было наслажденіе,—сколько мечтаній и замысловъ являлось тогда въ вашей юной душѣ! Какъ вы хлопотали о томъ, чтобы дѣлать новыя открытія въ наукѣ, бросать новые взгляды, казаться ученымъ, поглотившимъ всю возможную ученость!... У васъ былъ тогда благоразумный учитель, который предлагалъ вамъ—описать осаду Казани по Карамзину, или Бородинскую битву по Михайловскому-Данилевскому. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду двоякую пользу: и фактъ вы изучили бы основательно, и пріемы историческаго изложенія могли бы усвоить по хорошимъ образцамъ. Но мы съ презрѣніемъ отвернулись тогда отъ такой задачи. Вы хотѣли казаться ученымъ, бросать собственные взгляды, а тутъ вамъ даютъ связывающую нить, заставляютъ быть какимъ-то компиляторомъ. Для взглядовъ вамъ нуженъ былъ просторъ, для учености – ссылки, а нельзя же было вамъ, перефразируя Карамзина, ссылаться на его разсказъ и писать въ выноскѣ его собственныя слова. Нѣтъ, вы рѣшительно отказывались отъ темы, предложенной учителемъ, и хотѣли писать или о происхожденіи Руси, или ужъ о чемъ-нибудь изъ иноземной исторіи. Вамъ опять учитель давалъ въ руки хорошія книги съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали изъ нихъ извлеченіе. Но вамъ казалась унизительною подобная работа: вы услыхали какъ-то, что истинно ученые всегда разрабатываютъ науку *по источникамъ*, и вы сами захотѣли, во что бы то ни стало, заниматься *источниками*, чтобы имѣть истинно ученый видъ. Но что дѣлать съ источниками, какъ за нихъ приняться, да и гдѣ еще отыскать ихъ? Вы этого рѣшительно не знали, читатель, да если бы и знали, то мало бы было вамъ утѣшенія. Большей части источниковъ вы не могли читать. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было вамъ разбирать средневѣковую латынь, древне-нѣмецкіе, французскіе, англосаксонскіе памятники? Какъ могли вы пуститься въ изученіе источниковъ, изъ которыхъ почерпается знаніе ново-европейской исторіи? А за предѣлами Европы—тамъ ужъ вы рѣшительно терялись въ исторіи, какъ въ дремучемъ лѣсу. Въ такомъ затруднительномъ положеніи вамъ оставалось одно спасеніе—взяться за классическую древность. Источники тамъ не многочисленны, да и переведены большею частію на французскій и даже на русскій языкъ; мнѣнія о событіяхъ древней исторіи почти во всемъ уже установились, слѣдовательно, и свой взглядъ бросить уже не трудно; а между тѣмъ, ученость—своимъ чередомъ. А ученость была тогда вашей слабостью. Теперь мы съ вами, читатель, уже выросли, одолѣли нѣсколько языковъ, пріобрѣли кое-какія понятія объ исторіи, и потому теперь мы не понимаемъ, почему же знакомство съ трудами Тьерри, Гиббона, Шлессера не доказываетъ учености, а цитата изъ Ѳукидида, Тацита, Цицерона, Плутарха доказываетъ ее?... Теперь мы знаемъ разработку древней исторіи у новыхъ писателей и потому прибѣгаемъ къ источникамъ только для провѣрки ихъ мнѣній, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, для образованія собственнаго взгляда на предметъ. Ни въ какомъ случаѣ не станемъ ужъ мы приводить цитаты изъ классическихъ писателей, говоря о томъ, что, напримѣръ, Сицилія была островъ, что тамъ былъ городъ Сиракузы, что городъ этотъ былъ богатъ и т. п. Но въ то время мы съ вами, читатель, только еще вступали въ святилище науки, намъ все еще было ново, мы еще не умѣли отличить истинъ, всѣми признанныхъ, избитыхъ, опошлѣвшихъ вслѣдствіе частаго повторенія, отъ вопросовъ нерѣшенныхъ, изъ-за которыхъ доселѣ спорятъ ученые; самыя общія, обыкновенныя, ничтожныя положенія мы смѣшивали съ важными, особенными, характеристичными явленіями народной жизни. Въ головѣ нашей была путаница, насъ поражала масса незнакомыхъ фактовъ, открытыхъ нами въ нашемъ *источникѣ*, и мы съ гордостью, безъ всякаго выбора и разсужденія, выставляли ихъ напоказъ ученому міру, точно какое открытіе, и не подозрѣвая, что все это давно уже, и весьма строго, требуется отъ всякаго на пріемномъ университетскомъ экзаменѣ. Не имѣя понятія ни объ исторической критикѣ, ни о современномъ состояніи знаній, ни о новыхъ научныхъ и общественныхъ требованіяхъ, не умѣя читать хорошенько даже своихъ источниковъ, не въ состояніи будучи сдѣлать даже складнаго извлеченія изъ нихъ, мы принимались свысока трактовать какой-нибудь клочокъ какого-нибудь частнаго событія древности, вырвавъ его изъ связи фактовъ и лишивъ всей его жизненной обстановки. Мы брали Ѳиванскую гегемонію,

законодательство Дракона, жизнь кожевника Клеона или олигарха Критія, Сицилійскую экспедицію и принимались сочинять. Мы не имѣли ничего порядочнаго прибавить къ нашему источнику: лучше всего было бы намъ перевести его. Но вспомните, читатель: съ одной стороны, сильно говорило въ васъ желаніе сказать что-нибудь свое (почему знать: авось, что-нибудь и скажется, думали вы); а съ другой стороны, вы никакъ не могли преодолѣть своей страсти—написать сочиненіе, и сочиненіе ученое, со ссылками на разные источники, съ цитатами на разныхъ языкахъ. А цитаты представлялись вамъ не только украшеніемъ, но даже необходимостью; вы сами обо многомъ только что узнали, составляя ваше сочиненіе, и думали, что безъ цитатъ никто вамъ не повѣритъ. Вы узнали, напримѣръ, о чемъ бы?... Ну, да что далеко ходить за примѣрами... Возьмемъ ихъ изъ лежащей передъ нами книжки господина Ведрова. Вы узнали, напримѣръ, читая свои источники, что Алкивіадъ былъ ловокъ и красивъ собой и, воображая, что это новость, сообщаете свое открытіе съ греческой ссылкой на Плутарха и съ латинской—на Корнелія Непота (стр. 14). Вы узнали, что на веденіе войны, кромѣ солдатъ и оружія, нужны еще значительныя издержки денежныя. Это васъ поразило изумленіемъ, и вотъ вы, говоря о томъ, что много вышло у аѳинянъ денегъ на Сицилійскую экспедицію, приводите для достовѣрности по-гречески строчку изъ Ѳукидида, въ которой тоже говорится, что много денегъ вышло изъ Аѳинъ на эту экспедицію (стр. 45). Совѣсть ваша спокойна, а между тѣмъ, и страница имѣетъ ученый видъ, будучи украшена цитатой: незнающій греческаго языка подумаетъ, что въ ней и Богъ вѣсть какая премудрость... Вы узнали также, что Алкивіада, въ его отсутствіи, обвинили въ ниспроверженіи гермовъ,—и опять двѣ строчки изъ Ѳукидида (стр. 64). Узнали, что Никій, стѣсненный у Эпиполя, принужденъ былъ принять уже оборонительное положеніе вмѣсто наступательнаго,—и въ подтвержденіе этой новой для васъ истины опять цитируете Ѳукидида, и опять по-гречески (стр. 95). Такимъ образомъ, сочиненіе ваше пестрѣетъ цитатами, и вы довольны, воображая себя великимъ ученымъ,—хоть сейчасъ годнымъ въ профессора въ лучшій изъ университетовъ... Но для профессора мало ссылокъ, надо еще взгляды. Можно и взгляды... Смысла всего событія вы обсуживать не хотѣли, для васъ самихъ это была вещь довольно темная. Живое отношеніе частныхъ явленій къ общему ходу и значенію главнаго факта вы тоже не сочли нужнымъ прослѣдить,—можетъ быть потому, что на это источниковъ не нашлось... Но вамъ хотѣлось чѣмъ-нибудь показать, что и вы не просто же канцеляристъ, подшивающій бумаги, какъ онѣ слѣдуютъ по нумераціи главъ у Ѳукидида,—что и вы тоже разсуждать можете. Вотъ вы и принялись разсуждать... Какъ вы разсуждали, читатель, будучи въ гимназіи, мнѣ совѣстно напоминать объ этомъ. Такъ и быть,—я пощажу васъ и приведу вамъ для примѣра не ваше разсужденіе, а хоть... разсужденіе г. Ведрова же: оно можетъ напомнить вамъ ваши старинныя замашки. Вы вздумали, напримѣръ, оцѣнить достоинства Алкивіада и Никія и доказываете, что Никій былъ не только боязливый и дрянной человѣкъ, но еще и безчестный гражданинъ, потому что, подъ видомъ пользы государственной, заботился о своихъ личныхъ интересахъ. Вотъ Алкивіадъ—дѣло другое... Это личность чарующая, и вы приводите его рѣчь, въ которой онъ доказываетъ, что его личные-то интересы именно и полезны государству... Послѣ этого, вы, безъ дальнихъ разсужденій, заключаете, что Алкивіадъ правъ, а Никій только и выказываетъ привязанность къ своимъ домашнимъ дѣламъ (стр. 35). Такъ вы судили тогда, потому что въ васъ еще сильно было пристрастіе къ печоринскому элементу даже въ исторіи, что вамъ нравилось все заносчивое, надменное, и вы, можетъ быть, даже въ себѣ считали достоинствомъ нахальную безцеремонность и ребяческую самоувѣренность, находя въ нихъ доказательства вашего глубокаго сочувствія и уваженія къ Аѳинамъ... Были также у васъ и другія, болѣе или менѣе отвлеченныя и высокія разсужденія о томъ, напр., что бываютъ люди, измѣняющіе своимъ убѣжденіямъ и, все-таки, счастливые, а бываютъ и другіе, измѣняющіе—несчастные (стр. 77—78), что бываютъ люди бойкіе на словахъ, но крайне плохіе на письмѣ и на дѣлѣ, а бываютъ и другіе,—и на словахъ, и на дѣлѣ хорошіе люди и пр... Всѣ эти размышленія писались вами, читатель, съ плеча, безъ всякой обдуманности и даже съ крайней небрежностью въ языкѣ... У васъ попадались нерѣдко такія фразы, какими написана книжка г. Ведрова,—напр.: «Слава виновникамъ греческой свободы отъ другихъ народовъ и удивленіе отъ потомства! Достойный подвигъ не съ одними аѳинянами, но и съ ихъ союзниками, хотя онъ раздѣленъ съ коринѳянами и лакедемонянами...» (стр. 119). Или: «Ѳукидидъ не говоритъ такъ ясно, но даетъ понять изъ своихъ словъ, что искаженіе гермовъ было сложено на Алкивіада его врагами *съ тою же* вѣроятностью, какъ *и то, что* оскорбленіе святыни было дѣломъ враговъ народнаго пра-

вленія. Припомнимъ, что и *самый* Никій, желая отклонить *народъ* отъ задуманнаго *имъ* предпріятія, указывалъ на олигархическую партію, *зная болѣе* всего, *чѣмъ* страдалъ народъ аѳинскій, что составляло для него вѣчную боязнь» (стр. 12—13). Не замѣчая всей нескладицы своего творенія, вы гордо считали его тогда чуть не докторской диссертаціей и подавали своему учителю въ полной увѣренности, что онъ будетъ повергнутъ въ изумленіе вашей ученостью и геніальностью. Но добросовѣстный учитель терпѣливо прочиталъ тогда ваше сочиненіе, отмѣтилъ на каждой страницѣ историческіе ваши промахи и грамматическія ошибки и въ заключеніе, не входя въ серьезный разборъ, котораго вашъ трудъ не стоилъ, замѣтилъ вамъ, что напрасно вы хотите прикидываться ученымъ, не пріобрѣтши даже умѣнья складно выражаться и точно передавать подлинникъ, съ котораго переводите по клочкамъ quasi-самобытное изслѣдованіе; что ваша неразборчивость въ цитатахъ доказываетъ, вмѣсто учености, только полное незнаніе дѣла; что ваши результаты ничтожны, разсказъ вялъ и спутанъ, мнѣнія бездоказательны и нелогичны, что вамъ еще много надо учиться для того, чтобы уразумѣть, какъ и для чего нужно пользоваться источниками. Вы были счастливы, читатель, вы имѣли хорошаго учителя, который остановилъ васъ на пути къ сочинительству и предохранилъ отъ ученаго самозванства; вы не напечатали вашего гимназическаго труда и благоразумно забыли о немъ. Но не всѣмъ выпадаютъ на долю умные учителя, и многіе на всю жизнь остаются при классической древности гимназическаго курса.

Но мы съ вами, читатель, такъ увлеклись школьными воспоминаніями, что намъ и не остается времени поговорить о книжкѣ г. Ведрова. Впрочемъ, вѣдь мы брали же ее для примѣра: поэтому вы можете сами судить, что это за книжка; школьныя воспоминанія, можетъ быть, дополнятъ вамъ то, что нами не досказано... Не подумайте, однако, чтобы сочиненіе г. Ведрова принадлежало къ числу гимназическихъ опытовъ; нѣтъ, г. Ведровъ далеко отъ этого. На брошюрѣ не выставлено, къ сожалѣнію, кто онъ такой, но, судя по логичности разсужденій и по манерѣ изложенія, мы имѣемъ основаніе думать, что это тотъ самый г. Ведровъ, который издалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, диссертацію объ аѳинскомъ олигархѣ Критіи, гдѣ онъ предъявилъ удивительное открытіе, что Эпаминонда слѣдуетъ называть Эпаминондою, а Пиѳагора—Пиѳагорою, на томъ основаніи, что Ѳому называютъ Ѳомою.

---

102. Сочиненіе барона Корфа „Восшествіе на престолъ Императора Николая I“.

Напечатано въ самомъ началѣ «Современнаго обозрѣнія» IX кн. «Соврем.» 1857 г. (ценз. 31 августа). Для читателей «Современника» не надо было больше того, что есть въ этихъ строкахъ, чтобы понять мнѣніе своего журнала о произведеніи барона Корфа, которое такъ нелестно принялъ Герценъ, нестѣсненный никакой цензурой («Письмо къ императору Александру II», «Колоколъ» 1857 г. 1 октября н. ст., № 4). «Безграмотный текстъ, отталкивающій по своему тяжелому, татарскому раболѣпію, по своему канцелярскому подобострастію, по своей уничиженной лести»,—вотъ общая характеристика книги, данная Искандеромъ. Иначе долженъ былъ подойти къ ней весьма подцензурный «Современникъ». Тѣмъ болѣе, что какъ разъ во время прохожденія черезъ цензорскія руки матеріаловъ къ этой книжкѣ «Современника», а именно 15 августа, по цензурѣ было отдано приказаніе: «всѣ поступающія на разсмотрѣніе статьи о книгѣ барона Корфа должны быть представляемы на разсмотрѣніе въ Главное Управленіе цензуры», гдѣ сидѣлъ спеціально приставленный къ дѣлу чиновникъ съ особой инструкціей («Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ», 415). Вѣря въ своего читателя, журналъ зналъ, что его не могутъ заподозрить въ сочувствіи кому бы то ни было изъ героевъ дня 14 декабря 1825 года со стороны предержащей власти.

И Добролюбовъ такъ отшаркался передъ ними и передъ Корфомъ, что далъ положительно идеальный образчикъ голоса подцензурной печати въ случаяхъ, когда молчаніе инкриминируется въ особое тяжкое преступленіе. Стоитъ только внимательно вчитаться въ эти немногія строки, чтобы не имѣть о нихъ другого мнѣнія. «Въ высшей степени достовѣрныя данныя»;

«высокое положеніе и государственныя заслуги людей, не нуждающихся въ напоминаніяхъ о нихъ», а именно гр. Орловъ, гр. Левашевъ, гр. Адлербергъ, Перовскій и генералъ Ростовцевъ...; предусмотрительныя кавычки, открывающія и закрывающія характеристику воспоминаній иностранцевъ и самихъ декабристовъ; «величайшая авторитетность» главнаго виновника событій; указаніе на «благодѣтельное правительство наше», старающееся «передать народу свѣдѣніе о важныхъ фактахъ нашей исторіи», и многое другое,—все это донельзя находчиво, а съ точки зрѣнія тогдашней цензуры совершенно невинно, наоборотъ — весьма похвально. Съ другой стороны, чистосердечное указаніе на возбужденіе событіями 14 декабря «возвышенныхъ воспоминаній», которое цензура просто прозѣвала.

Разумѣется, редакція не могла не цѣнить Добролюбова, какъ дорогого своего товарища.

М. Л.

Сочиненіе барона Корфа «Восшествіе на престолъ императора Николая I. Составлено, по высочайшему повелѣнію, статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ. Третье изданіе (первое для публики). Спб. 1857 г.» извѣстно уже большей части читающей публики. Какъ ни мало прошло времени послѣ его появленія въ свѣтѣ, но оно уже прочитано съ жаднымъ любопытствомъ всѣми, кто только имѣетъ возможность достать его. Безъ сомнѣнія, любознательность публики привлекалась самымъ предметомъ, представляющимъ такъ много возвышенныхъ воспоминаній и столь дорогимъ для каждаго русскаго, умѣющаго цѣнить великія явленія своей исторіи. Но независимо отъ предмета, сочиненіе барона Корфа пріобрѣтаетъ новую цѣну отъ обстоятельствъ, поставившихъ автора въ благопріятное положеніе, при которомъ онъ могъ изучить и представить всѣ описанныя имъ событія такъ, какъ до него никто не имѣлъ возможности узнать ихъ. Сочиненіе барона Корфа составлено по высочайшему повелѣнію, на основаніи подлинныхъ актовъ и другихъ, въ высшей степени достовѣрныхъ, данныхъ, повѣренныхъ самимъ въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ; слѣдовательно, оно имѣетъ нѣкоторымъ образомъ значеніе офиціальнаго правительственнаго документа, совершенно отличаясь этимъ отъ всякаго рода частныхъ записокъ, которыхъ достовѣрность обыкновенно утверждается только на личности автора. Для немногихъ, не имѣющихъ еще въ рукахъ книги барона Корфа, мы извлечемъ изъ предисловія автора исторію ея составленія. Описаніе восшествія на престолъ императора Николая I обязано началомъ своимъ царственному желанію благополучно царствующаго нынѣ государя императора. Составленіе этого описанія возложено было на статсъ-секретаря барона Корфа, и для его труда открыты были ему всѣ возможные и нужные источники. Въ 1848 г. трудъ его былъ конченъ и напечатанъ, въ числѣ 25 экземпляровъ, для августѣйшихъ членовъ императорскаго дома и для нѣкоторыхъ довѣренныхъ особъ. Источниками описанія, кромѣ офиціальныхъ бумагъ и разсказовъ разныхъ очевидцевъ, послужили: 1) собственноручная подробная записка, написанная государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ для царственнаго его семейства; 2) воспоминанія государя великаго князя Михаила Павловича, положенныя на бумагу подъ непосредственнымъ его руководствомъ; 3) разсказы покойныхъ князя А. Н. Голицына и графа М. М. Сперанскаго, записанные съ ихъ словъ еще при ихъ жизни; 4) разсказы и частію письменныя замѣтки живыхъ свидѣтелей и дѣятелей 14 декабря: генералъ-адъютантовъ графа Орлова, графа Левашева, графа Адлерберга, Перовскаго, Кавелина и Философова, и генерала Ростовцова. Одно исчисленіе этихъ свидѣтелей, высокое положеніе и государственныя заслуги которыхъ не нуждаются въ напоминаніяхъ, указываетъ на ту степень достовѣрности, какую имѣютъ факты, изложенные барономъ Корфомъ. Это отличаетъ его книгу отъ тѣхъ описаній времени 14 декабря, которыя составлены иностранцами или людьми, не имѣвшими подъ руками всѣхъ нужныхъ матеріаловъ, и потому «наполнены ошибками, пропусками, нерѣдко и преднамѣренными умолчаніями, или же повторяютъ вещи всѣмъ извѣстныя, съ бо́льшими только или меньшими украшеніями слога и фантазіи». (Стр. VII предисловія). Но это еще не все: величайшій авторитетъ свой получаетъ книга барона Корфа отъ царственнаго одобренія того самого, къ кому главнымъ образомъ относились описываемыя событія. Въ Бозѣ почившій императоръ просматривалъ самъ это описаніе, неоднократно собственноручно исправлялъ его и, наконецъ, удостоилъ своего одобренія, рѣшительно отклонивъ, однако же, мысль огласить его въ общее свѣдѣніе. Въ 1854 году оно было вновь пересмотрѣно и исправлено по новымъ источникамъ, между которыми особенную важ-

ность имѣютъ: 1) собственноручная современная памятная записка государыни императрицы Александры Ѳеодоровны; 2) бумаги государя цесаревича константина Павловича, найденныя въ бумагахъ скончавшагося въ 1852 г. генералъ-фельдмаршала князя Волконскаго. Кромѣ того разсказъ дополненъ былъ новыми свѣдѣніями, собранными отъ разныхъ лицъ и изъ официальныхъ бумагъ. «Изъ числа новыхъ матеріаловъ, собранные при жизни блаженныя памяти государя великаго князя Михаила Павловича, были подносимы его высочеству, для повѣрки съ личными его воспоминаніями; потомъ всѣ они представлялись государю наслѣднику цесаревичу, по мысли котораго возникла настоящая работа, и наконецъ, государю императору. На каждомъ его величество изволилъ полагать собственноручныя отмѣтки, и такимъ образомъ они получали окончательную достовѣрность». (Стр. XII предисл.). Составленное такимъ образомъ описаніе снова было напечатано въ числѣ 25 экземпляровъ.

Несмотря на все участіе, какое принималъ въ Бозѣ почившій государь императоръ въ описаніи событій 14 декабря, онъ, однако, рѣшительно отклонялъ мысль обнародовать это описаніе въ общее свѣдѣніе. Причиной этого былъ самый характеръ тѣхъ событій, которыя здѣсь описаны. «Отъ хода и связи событій и личныхъ дѣйствій юнаго монарха,—говоритъ баронъ Корфъ,—одна правда, строгая и нагая, принимала здѣсь какъ бы личину лести, а истинному величію всегда сопутствуетъ скромность». (Стр. IV пред.).

«Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ признать изволилъ за благо сдѣлать общеизвѣстнымъ это описаніе». Оно дополнено въ настоящемъ изданіи еще «нѣсколькими частными письмами августѣйшихъ членовъ императорскаго дома, не бывшими въ виду при двухъ первыхъ изданіяхъ, двумя или тремя чертами изъ записокъ покойнаго генералъ-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа и еще нѣкоторыми другими подробностями». (Стр. V предисл.).

Этотъ короткій очеркъ составленія книги барона Корфа достаточенъ, конечно, для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ благодѣтельное правительство наше старается передать народу свѣдѣніе о великихъ фактахъ нашей исторіи. Но кто прочелъ самую книгу (а ее прочли или скоро прочтутъ всѣ, кто можетъ читать),—тотъ полнѣйшимъ образомъ увидитъ это самъ, безъ всякихъ объясненій съ нашей стороны. Мы не хотимъ говорить здѣсь громкихъ фразъ, восторженныхъ восклицаній: предъ нами факты, и они говорятъ сами за себя. Фактъ изданія книги барона Корфа слишкраснорѣчивъ, чтобы мы могли что-нибудь прибавить къ нему. Сердце каждаго русскаго навѣрное бьется сильно при чтеніи этой книги, съ первой страницы ея предисловія до послѣдней страницы приложеній, на которой напечатано письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ графу Кочубею.

Изложеніе книги исполнено высокихъ достоинствъ и обличаетъ въ авторѣ глубокій историческій талантъ.

---

103. Въ долинѣ.

Напечатано въ первомъ «собраніи».

М. Л.

Солнце освѣтило горъ вершины;
И отъ нихъ легла густая тѣнь,
И не знаютъ мирныя долины,
Что вверху давно сіяетъ день.

Съ грудью каменной, въ коронѣ льдистой,
Въ величавой мантіи изъ тучъ,
Отъ долины сумрачной и мглистой
Горы заслоняютъ солнца лучъ.

Наверху движенье и работа,
А внизу всѣ въ сонъ погружены;
Только для грядущаго забота
Шлетъ имъ всѣмъ мучительные сны.

Но на полдень солнце все стремится,
Совершая свой обычный ходъ;
Тѣнь отъ горъ короче становится
И къ полудню вовсе пропадетъ.

Станетъ солнце прямо надъ долиной,
И внизу проглянетъ свѣтлый день,
До тѣхъ поръ, пока съ другой вершины
Не наляжетъ вновь густая тѣнь.

Сентябрь 1857.

104. Заволжская часть Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Сочиненіе *графа Н. С. Толстого*. Томъ I. Москва. 1857.

Напечатано въ X кн. «Современника» 1857 г. (ценз. 30 сентября).

Твердо вѣря, что «прошло уже время, когда мы просили баюкать насъ колыбельными пѣснями», и что «пришла и намъ пора учиться и узнать о себѣ что-нибудь серьезное», — Добролюбовъ привѣтствуетъ эту книгу, имѣвшую несомнѣнный мѣстный интересъ.

Самъ нижегородецъ, Н. А., очевидно, зналъ гр. Н. С. Толстого за порядочнаго человѣка и потому такъ подробно и сочувственно остановился на представленномъ имъ матеріалѣ для изученія народнаго быта. Онъ отнюдь не призываетъ автора идеализировать народъ; наоборотъ, онъ старается показать широкой массѣ читателей и «ошую» и «одесную» нашего крестьянства, указывая лишь на неповинность его въ своихъ отрицательныхъ сторонахъ, выработанныхъ всей русской внутренней политикой. Слащавое описаніе «прекраснаго мужичка» меньше всего было поощряемо Добролюбовымъ. Уже въ этой замѣткѣ ясно видно убѣжденіе, что крестьянству нужно не слащавое поклоненіе угнетенному, а искреннее отношеніе, какъ къ равному.

М. Л.

Книга эта составляетъ перепечатку статей, помѣщавшихся во многихъ нумерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года. Онѣ отличяются тѣмъ же честнымъ и правдивымъ направленіемъ, которое привлекало столько читателей къ разсказамъ гг. Щедрина и Печерскаго, и потому были замѣчены и прочтены многими съ большимъ интересомъ. Дѣйствительно, статьи графа Н. С. Толстого составляютъ пріятное явленіе въ средѣ тѣхъ литературныхъ произведеній, которыхъ рядъ открытъ былъ въ прошломъ году «Губернскими Очерками». Направленіе, которое ранѣе другихъ выказалъ г. Щедринъ, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца пріобрѣло себѣ множество послѣдователей и до сихъ поръ постоянно встрѣчаетъ горячее сочувствіе въ публикѣ. Но нельзя не сознаться, что такое направленіе не можетъ быть долговѣчнымъ въ той формѣ, въ какой теперь всего болѣе выражается. Никто не станетъ спорить, что высшее достоинство юридической нашей беллетристики послѣдняго времени заключается въ ея общественномъ значеніи, а не въ красотахъ поэтическихъ. Но общественное значеніе всѣхъ юридическихъ разсказовъ весьма много теряетъ подъ покровомъ крутогорскихъ, черноборскихъ и малиновскихъ прозвищъ. Крутогорскъ, равно какъ и Малиновъ, построенъ авторскимъ воображеніемъ, и воображеніе, вслѣдствіе этого, распоряжается въ своихъ владѣніяхъ, какъ ему угодно. Будь я самъ Фейеръ или князь Чебылкинъ,— вы, обиженный и ограбленный мною, не можете привести меня въ судъ, съ «Губернскими Очерками» въ рукахъ, вмѣсто всякихъ документовъ. Я могу вамъ сказать, что мало ли чего сочинители не выдумаютъ: на то они сочинители! Разумѣется, общественное мнѣніе узнаетъ меня и покараетъ, если мои поступки описаны такъ добросовѣстно, какъ г. Щедринъ описываетъ. Но, къ сожалѣнію, подражатели его не всегда такъ вѣрны дѣйствительности. Теперь же многіе пускаются въ юридическую поэзію,

Наобумъ мѣшая
Съ былью небылицы.

При отсутствіи достоинствъ чисто-литературныхъ это весьма дурно; довѣріе ко всему разсказу подрывается какой-нибудь неловкой подробностью, и читатель думаетъ: если бы все это было правда, то ужъ такъ и быть, — но если авторъ сочиняетъ, то могъ бы сочинить что-нибудь позамысловатѣе и поинтереснѣе. А то, право, мы скоро дождемся, что на бѣдныхъ русскихъ чиновниковъ взвалятъ криминальные анекдоты всѣхъ вѣковъ и народовъ... Недавно, напримѣръ, одинъ изъ подражателей Щедрина и Печерскаго напечаталъ, будто исправникъ спрашивалъ мужика, когда ему легче было,—при исправничьемъ управленіи или при окружныхъ,—а мужикъ отвѣчалъ: «при васъ было тяжельше». — «Да отчего-жъ?» спросилъ исправникъ съ досады. — «Да какъ же,—пояснилъ мужикъ: — бывало, барана-то взвалишь на плечи, прешь его, прешь къ твоей милости, ажъ лобъ взопрѣетъ; а теперь возьмешь хворостинку и шутя все стадо сгонишь къ окружному».— Но, кто же не знаетъ, что это изъ восточной басни—чуть ли не про самого Га-

рунъ-аль-Рашида? и въ какихъ краяхъ лежитъ эта пастушеская, много-скотинная провинція, гдѣ окружной беретъ взятки съ казенныхъ крестьянъ стадомъ барановъ? Каждый человѣкъ, мало-мальски неглупый и привыкшій къ судейской казуистикѣ, не затруднится, конечно, хоть каждый вечеръ придумывать по нѣскольку десятковъ самыхъ замысловатыхъ столкновеній чиновниковъ съ просителями; но вѣдь это будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, литературный Собачкинъ, разсказывающій о томъ, какъ жена мужа высѣкла, вмѣсто дѣвушки. Публика хочетъ правды; она потому и обрадовалась «Губернскимъ Очеркамъ», что увидѣла въ нихъ правду, жизненную, общественную правду. Въ послѣдніе семь или восемь лѣтъ литература наша все толковала о разныхъ смѣшныхъ случаяхъ, въ родѣ того, что человѣкъ поѣхалъ на Пески, а попалъ на Крестовскій,—да громогласно высказывала «надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ», до которыхъ никому не было дѣла. Дѣйствительная жизнь какъ будто была заколдована для писателей; они какъ будто не смѣли коснуться заповѣдной почвы и вертѣлись обыкновенно въ тѣсномъ кругѣ сердечныхъ ощущеній. Въ это время появлялись сердца самого разнообразнаго свойства: слабыя и твердыя, женскія и мужскія, безъ перегородокъ и съ перегородками. Такое направленіе, — сердечное, — страшно надоѣло всѣмъ, потому что, оторванное отъ дѣйствительныхъ, жизненныхъ русскихъ интересовъ, было вяло и безцвѣтно. Живой голосъ человѣка, благородно и дѣльно заговорившаго о томъ, что близко къ намъ, пробудилъ многихъ; многіе тотчасъ же отозвались на этотъ голосъ, какъ бы обрадованные новымъ открытіемъ, что можно говорить и еще кой о чемъ, кромѣ скромнаго анализа сердечныхъ ощущеній, взятыхъ въ отвлеченіи отъ общественной жизни. Литература оживилась и привлекла общественное вниманіе. Но теперь уже напрасно было бы разсчитывать, что публика заинтересуется всякимъ разсказомъ, всякой комедіей, въ которой только говорится о мошенничествѣ, прикрытомъ законными формами. Освоившись нѣсколько со способомъ литературной огласки, публика во всякомъ, самомъ благонамѣренномъ, разсказѣ потребуетъ уже теперь, во-первыхъ, жизненной правды, а не житейскихъ сплетенъ, и, во-вторыхъ, литературнаго достоинства. Слѣдовательно, по самому естественному порядку дѣлъ, писатели, одаренные талантомъ, должны теперь оживлять свои поэтическіе вымыслы вѣрной и правдивой передачей своихъ наблюденій надъ общественными интересами; писателямъ же, не имѣющимъ литературнаго таланта, — но бывалымъ и много видавшимъ, — остается передавать публикѣ свои замѣтки, безъ особенныхъ притязаній, съ одною заботою, чтобы ихъ разсказы и описанія были строго вѣрны и честны...

Графъ Н. С. Толстой принадлежитъ ко второму разряду писателей. Онъ самъ хорошо понялъ это, и потому благоразумно остерегся отъ искушенія облекать свои замѣтки и наблюденія въ форму вымышленнаго разсказа. Оттого статьи его имѣютъ существенное значеніе для нравственной статистики того края, который онъ описываетъ. Значеніе ихъ еще увеличивается тѣмъ, что авторъ описываетъ то, что могъ хорошо изучить на опытѣ. Онъ много лѣтъ прожилъ въ своемъ имѣніи въ той части Макарьевскаго уѣзда, которая граничитъ съ губерніями Костромской, Вятской и Казанской; онъ разъѣзжалъ въ собственной лодкѣ по Ветлугѣ и Волгѣ до Камы, прислушиваясь къ разсказамъ волжскихъ бурлаковъ; онъ содержалъ водяныя мельницы по границѣ Макарьевскаго уѣзда и, какъ простой мельникъ, входилъ въ близкія отношенія съ крестьянами; онъ самъ торговалъ мукою, солью и пр. въ собственной лавкѣ, на базарѣ села Воскресенскаго. Все это даетъ ему право на полное довѣріе читателей и возбуждаетъ въ насъ полное довѣріе къ его благому намѣренію подѣлиться съ публикой своей опытностью. Претензіи его не велики. «Я пожилой помѣщикъ и человѣкъ военный, говоритъ онъ, но ссылаюсь, въ оправданіе своей рѣшимости, на общественную пользу правдивыхъ описаній. Если хоть что-нибудь изъ разсказовъ моихъ остановитъ вниманіе читателей, то этого для самолюбія моего будетъ уже довольно: значитъ, не даромъ небо коптилъ... А то, подъ старость лѣтъ, вступилъ въ ополченіе, командовалъ дружиною и думалъ отдать долгъ свой отечеству, а вмѣсто того, разжирѣлъ только, не видавъ непріятеля...» Въ «Заключеніи» своихъ очерковъ (помѣщенномъ въ «Молвѣ» 1857 г., № 16), онъ прибавляетъ: «устраняя литературное мое достоинство или пороки, не обинуясь скажу: самый предметъ этой книги долженъ имѣть интересъ животрепещущій, волнующій и возбуждающій каждаго истиннаго сына отечества, и грозящій анаѳемой губящимъ силы его изъ грязныхъ, своекорыстныхъ видовъ...» Изъ этихъ строкъ видно благородное направленіе автора и благонамѣренность его стремленій, вполнѣ искупающія неважные недостатки его литературнаго изложенія. Въ книжкѣ графа Н. С. Толстого находимъ довольно много интересныхъ статистическихъ данныхъ — о рѣкахъ и лѣсахъ Ма-

карьевскаго уѣзда, о лѣсной и водяной промышленности, о промыслахъ рогожномъ, смоляномъ и дегтярномъ, о мѣстной торговлѣ, и пр. Кромѣ того, здѣсь попадаются чрезвычайно живыя страницы, характеризующія бытъ крестьянъ, ихъ понятія, повѣрья, ихъ отношенія къ мѣстному управленію и т. п. Авторъ рисуетъ положеніе крестьямъ не слишкомъ розовыми красками, хотя онъ и далекъ отъ всякихъ аристократическихъ предразсудковъ въ отношеніи къ нимъ. Изъ множества фактовъ, представляемыхъ его книгою, видно, что мужикъ, съ своею природною смѣтливостью, умѣлъ сообразить всю фальшивость того положенія дѣлъ, въ которомъ онъ находился, и, чтобы выбить клинъ клиномъ же, рѣшился и самъ фальшивить, сколько возможно. Одно изъ разительныхъ доказательствъ этого представляется, между прочимъ, въ воззрѣніи мужиковъ на статистическія свѣдѣнія, собираемыя отъ начальства. Только заслышавши о пріѣздѣ господина, составляющаго поземельныя описи, опытный староста представляетъ помѣщику резоны касательно того, что нужно подкупить или просто надуть этого господина. «У него, слышно, говоритъ староста, становой писарь всѣмъ дѣломъ-то орудуетъ. Такъ у шабровъ, у Стружечкиныхъ и собрали съ міру три золотые, да и поклонились писарю-то; онъ имъ и написалъ, да такъ, слышь ты, написалъ, что мы только съ дива дались! Всю вотчину въ болото преобразилъ! И пашня-то у нихъ будто вся вымочка, и луга-то кислятникъ, и лѣсъ-то карявый. Сказываютъ, зато съ нихъ больно ужъ мало спросовъ-то въ казну поступитъ по ихъ убожеству. Такъ и намъ, батюшка, не прикажешь ли ужъ поклониться тамъ, писарю-то? Завѣдомо худаго не выйдетъ. А я самъ, своимъ ушамъ, слышалъ отъ земскаго, какъ баринъ-отъ, Стружечниковъ, наказывалъ писарю подпустить въ описяхъ такого жучка, чтобъ вся вотчина стала ровно опакощена; а то, баетъ, съ дуру-то высказывай имъ, а другіе-прочіе затаятъ, такъ тебя и разцѣнятъ... и будешь платить за другихъ...» Какъ видите, старосту нечего винить: онъ только благоразуменъ и понимаетъ свое положеніе. Около него обманъ со всѣхъ сторонъ; съ какой же стати требовать отъ него геройства—идти со своей правдой противъ неправды всѣхъ?

Къ тому же заключенію приводитъ насъ и разсказъ стараго конторщика о ревизорѣ, присланномъ въ господское имѣнье. Конторщикъ вечеромъ полѣзъ зачѣмъ-то въ шкафъ съ бумагами и чуть не поджегъ ихъ. Когда старикъ, остерегшій его, сталъ его упрекать за небрежность, онъ отвѣчалъ: «да ужъ одинъ бы конецъ... а то съ нашимъ-то ревизоромъ не до осторожности!..» Старикъ, разсказывая объ этомъ, самъ замѣчаетъ, что, дѣйствительно, «плохо дѣло, когда дѣла запутаны, а тутъ еще ревизоръ пріѣдетъ да зареветъ, аки драконъ какой, да учнетъ стращать да грозить. Только скорѣе вотчину разорятъ: вѣдь всякому прикрыться надобно. Такъ тутъ и поджоговъ жди, и другихъ плутенъ». И въ самомъ дѣлѣ, при грозномъ ревизорѣ, отъ котораго конторщикъ чуть бумагъ не сожегъ, два раза лѣса начинали горѣть и амбары съ хлѣбомъ... Ужъ, наконецъ, баринъ всепрощеніе объявилъ, такъ тутъ только поутишилось.

Подобный этому случай разсказываетъ самъ графъ Толстой объ одномъ форштмейстерѣ, который, частію по глупой честности, частію по простотѣ, долго не принималъ заповѣдныхъ рощъ, которыхъ въ натурѣ не оказывалось. Предлагали ему и сумму въ обезпеченіе, но онъ все не рѣшался; сумму увеличивали и, наконецъ, почти удвоили, мнительный и робкій форштмейстеръ все сомнѣвался. Такъ прошло одиннадцать мѣсяцевъ, и, наконецъ, по требованію его, пріѣхалъ ревизоръ, чтобы все разсмотрѣть и описать на мѣстѣ. Но, къ несчастію, въ это самое время случился пожаръ въ сосѣднемъ лѣсу, вѣтеръ былъ къ казенному лѣсу, и отъ заповѣдныхъ рощъ даже слѣдовъ не осталось. И даже самая сумма, предлагавшаяся въ обезпеченіе, въ хлопотахъ затерялась.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги авторъ положительно высказываетъ свое убѣжденіе, что «всякій безпорядокъ ведетъ за собой другіе», и въ разсказѣ его представляется не мало опытныхъ доказательствъ этой истины. Онъ выставляетъ на видъ множество случаевъ, убѣдительно доказывающихъ связь всѣхъ дурныхъ явленій въ хозяйствѣ, бытѣ и нравственности мужиковъ съ недостаткомъ общаго естественнаго порядка въ ихъ дѣлахъ и положеніи. Какъ и всякій порядочный человѣкъ, авторъ вполнѣ понимаетъ, что мужикъ по натурѣ своей не вовсе не лишенъ высшихъ человѣческихъ стремленій, что онъ обладаетъ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ и нисколько не имѣетъ особенной наклонности къ грязи, низости, обману и т. п. Всѣ эти и подобные пороки являются въ крестьянскомъ быту весьма естественно, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ ихъ быта. Одно изъ самыхъ значительныхъ — недостатокъ правильнаго, солиднаго образованія и отсутствіе всякой возможности получить его, при необходимости, однако, наобумъ соображаться съ нѣкоторыми и, при томъ, не

самыми лучшими результатами цивилизаціи, принятыми въ высшихъ классахъ. Вслѣдствіе этого, у крестьянъ нѣтъ живыхъ нравственныхъ убѣжденій, кругъ интересовъ чрезвычайно узокъ, понятіе объ общественномъ интересѣ почти несуществуетъ... Чрезвычайно поразителенъ контрастъ между макарьевскими черемисами и русскими, приводимый авторомъ въ отношеніи къ правдивости ихъ. Черемисы, живущіе въ глуши лѣсовъ и менѣе принужденные прилаживать свою простоту къ хитросплетеннымъ требованіямъ образованныхъ искусниковъ, отличаются, по словамъ графа Толстого, искренностью и чистосердечіемъ, доходящимъ до наивности. Ихъ поддерживаетъ, при этомъ, религіозное убѣжденіе въ небесномъ возмездіи за правое дѣло и во всевѣдѣніи божества. Если черемисъ обиженъ неправымъ судомъ помѣщика или управителя, онъ спокойно требуетъ отъ своего противника послѣдняго клятвеннаго подтвержденія, и потомъ, плюнувъ, говоритъ: «ваша богъ виде! наша шайтанъ виде! Не хорошо буде! Пропадилъ будешь! Умрилъ будешь!» тѣмъ и окончитъ... Такое апатическое равнодушіе къ собственнымъ интересамъ, во имя покровительства шайтана,—тоже, конечно, не совсѣмъ хорошо рекомендуетъ народъ: но все же тутъ есть, по крайней мѣрѣ, честность убѣжденія, есть вѣра въ небесную кару, которую въ нашихъ мужикахъ совершенно замѣнилъ страхъ кары физической. «Русачки, по словамъ графа Толстого, путаютъ, облыгаютъ, крестятся, божатся, заклинаются дѣтьми и всякими другими отвратительными способами, какъ, напримѣръ, «чтобы глаза лопнули, чтобы утробу разорвало, чтобы провалиться на мѣстѣ» (въ это время другіе поддакиваютъ); окончательно же окажется, что вся эта божба—была ложь, самая унизительная и оскорбительная для человѣчества! И всего болѣе дѣлаютъ это мужики торговые, къ которымъ привилось кое-что изъ понятій образованности. Они избавились отъ простодушной вѣры, управляющей поступками черемиса, но не пріобрѣли, взамѣнъ ея, здравыхъ, благородныхъ понятій о чести, о значеніи личности и объ общемъ благѣ. Поэтому-то надувательство, своекорыстіе, низости сдѣлались для нихъ самой обыкновенной вещью. Авторъ «Макарьевскихъ очерковъ» выражается на этотъ счетъ очень рѣшительно. «Мошенническіе торги и самые мошенническіе промыслы (говоритъ онъ), основанные на лжи, фальшѣ, плутняхъ и униженіяхъ, развращаютъ и до того затмеваютъ понятія о чести въ промышленникахъ, что эти мелкіе торгаши-работники рѣшительно теряютъ всякое уваженіе къ честному слову, и если исполняютъ его, то не изъ душевнаго побужденія, а или изъ страха отвѣтственности, или изъ боязни потерять довѣріе нужнаго человѣка, или, наконецъ, изъ разсчета надуть когда-нибудь позначительнѣе». Такое мнѣніе подтверждается множествомъ разнообразныхъ фактовъ, относящихся уже не только къ торгашамъ, но и вообще къ крестьянамъ-промышленникамъ. О земледѣльцахъ весьма мало говоритъ авторъ, потому что въ заволжской части Макарьевскаго уѣзда, которую онъ описываетъ, земледѣліе развито чрезвычайно слабо, и всѣ крестьяне занимаются по большей части разными лѣсными промыслами. О самыхъ «коренныхъ лѣсникахъ», какъ называетъ авторъ, онъ отзывается, какъ о людяхъ простыхъ и честныхъ, но промышленники вообще выказываютъ самое грубое своекорыстіе, и полное отсутствіе чувствъ справедливости и человѣколюбія. Въ крестьянскомъ быту разъигрывается общая житейская комедія, только еще грубѣе и отвратительнѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ общества. Разжившись кое-какъ, мелкими и крупными обманами, подлостями и униженіями, мужикъ не видитъ иного пути поддерживать свое благосостояніе, какъ тѣми же средствами. Вслѣдствіе этого, онъ безсовѣстно пользуется обстоятельствами, давитъ и прижимаетъ того, кто побѣднѣе и находится въ нѣкоторой зависимости отъ него,—жертвуетъ важнымъ мірскимъ интересомъ для своего грошоваго барыша, и подличаетъ передъ тѣмъ, съ кого надѣется сорвать какую-нибудь выгоду. Такое явленіе, кромѣ общихъ причинъ всякаго мошенничества, имѣетъ еще въ своемъ основаніи два обстоятельства, сильно его поддерживающія: во-первыхъ, чрезвычайно стѣснительное положеніе крестьянъ, которое часто предаетъ ихъ въ руки смышленыхъ спекулянтовъ, называемыхъ въ народѣ *кулаками;* во-вторыхъ, не вполнѣ обезпеченное положеніе самихъ капиталистовъ изъ простого народа, которые весьма рѣдко могутъ быть вполнѣ увѣрены, что ихъ благосостояніе будетъ прочно, если они не станутъ плутовать. Съ уничтоженіемъ того и другого обстоятельства, и поводы къ плутовству, конечно, будутъ весьма значительно уменьшены въ нашемъ крестьянскомъ быту.

У графа Толстого представлено, между прочимъ, нѣсколько случаевъ того, какъ страдаетъ наша промышленность отъ крестьянскихъ ростовщиковъ. Вотъ примѣры.

«Иногда въ вотчинахъ—пишетъ авторъ—существуетъ монополія, составленная изъ вотчинныхъ главъ, съ богатыми мужиками,

какъ то было въ одной вотчинѣ на смолу до пріѣзда помѣщиковъ. Тогда въ три-четыре года явилось нѣсколько значительныхъ капиталистовъ, а смольники обнищали. То же повторилось въ другой вотчинѣ на брусъ и бревно. Въ обѣихъ вотчинахъ завѣдывали управляющіе... Я видѣлъ примѣры займовъ хлѣба, гдѣ за каждый пудъ муки отдавали по $3^1/_2$ пуда ржи черезъ три недѣли! Случай состоялъ вотъ въ чемъ. Мука дана была передъ самой новью, — время самое голодное и безденежное въ оброчныхъ и промышленныхъ имѣніяхъ. Въ это время водяныя мельницы спущены и не мелютъ; вѣтра не случилось, подвоза муки — тоже. Мука поднялась до 1 руб. 75 коп. асс. за пудъ... Пришла новь; ржи сдѣлалось въ волю; потребовали, *стукнули* по нашему, оброки: денегъ взять негдѣ, и рожь подешевѣла. Смѣтливые заимодавцы предугадали это и на томъ караулили своихъ заемщиковъ. Въ условіи займовъ было сказано, чтобы заплатить рожью по цѣнамъ, какія будутъ во время нови. Всеобщая нужда и стакнувшіеся богачи установили на базарѣ цѣну въ 50 коп. асс. за пудъ. Такимъ образомъ, заемщикамъ пришлось отвѣшивать по три пуда ржи за каждый пудъ муки. Такихъ заемщиковъ были сотни, а заимодавцевъ — нѣсколько человѣкъ.

«Разскажу еще курьезный примѣръ здѣшней промышленности:

«Капиталисты разныхъ деревень отпускаютъ иногда соль тѣмъ изъ мужиковъ, кому вѣрятъ, по 28 и даже до 32 руб. асс. за куль, глядя по сроку платежа, который никогда не превышаетъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Но 28 руб. за куль даютъ за три недѣли, что испыталъ я на себѣ собственно, хотя обходится онъ въ нашемъ краю 22—23 руб. асс. Мужикъ купитъ соль и, въ доказательство тому, что принялъ покупку, вытащитъ куль за порогъ амбара и тутъ же продастъ тому же капиталисту за 25 руб. асс. на чистыя деньги. Капиталистъ можетъ одинъ и тотъ же куль въ теченіе базара продать нѣсколько разъ на тѣхъ же условіяхъ, перекидывая его черезъ порогъ и обратно. Но къ чему ведетъ вся эта продѣлка, спросите вы, если можно было безъ выноски и вноски куля дать деньги взаймы и условиться относительно процентовъ? Но тогда назовутъ ростовщикомъ, — а теперь ловкимъ торгашемъ. Вотъ почему ловкій торгашъ нерѣдко синонимъ отъявленнаго плута».

Въ другомъ мѣстѣ своей книги авторъ разсказываетъ подобную же исторію о смольномъ промыслѣ. Цѣны на смолу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно понижались, — именно оттого, что крестьяне не могли начать промыселъ безъ сильныхъ задатковъ и, вслѣдствіе того, должны были запродавать смолу съ большими уступками. Въ послѣднее время цѣна упала до 17 коп. сер. за пудъ, такъ что крестьянамъ, по словамъ автора, физически невозможно было выплатить этимъ промысломъ оброкъ и быть сытыми. Въ этомъ критическомъ случаѣ, графъ Н. С. Толстой, помѣщикъ 750 душъ, рѣшился выдать своимъ крестьянамъ 1,500 руб. для облеченія начала промысловъ, и въ пять недѣль цѣна на смолу поднялась до 23 коп. сер. за пудъ. Цифра эта весьма значительна, прибавляетъ авторъ, потому что крестьяне мои накуриваютъ болѣе 20,000 пудовъ смолы въ зиму, а курятъ цѣлый годъ.

Изъ другихъ явленій крестьянскаго быта весьма сильно поражаетъ въ очеркахъ графа Н. С. Толстаго полное презрѣніе мужиковъ къ общественнымъ выгодамъ и неразсчетливая лѣнь, губящая понапрасну драгоцѣнные матеріалы, которые могли бы доставить милліонныя суммы. Авторъ объясняетъ это «всегдашней увѣренностью въ прокормленіи, которое всегда подъ руками, лишь возьми топоръ», — потому что во всемъ краю находится огромное количество лѣсныхъ угодій. Но едва ли справедливо будетъ предполагать такъ рѣшительно, будто обиліе матеріала непремѣнно предполагаетъ безусловное неумѣніе имъ пользоваться. Безъ сомнѣнія, и здѣсь имѣютъ большую важность многія побочныя обстоятельства. Мужички не считаютъ преступленіемъ жечь лѣсъ, кольванить рыбу по цѣлой рѣчкѣ, вырѣзывать скотину въ стадѣ безъ пастуха, подрубать дубы для сбиранія съ нихъ жолудей и т. п., не только по безпечности, но и по отсутствію въ нихъ понятія объ общественномъ интересѣ,—не только по причинѣ изобилія, но и по непривычкѣ разсчитывать вдаль о своемъ житьѣ-бытьѣ. Они говорятъ, что всѣ они Божьи, господскіе и государевы, что какъ ни хлопочи, а чему быть, тому не миновать,—выше лба уши не вырастутъ; а между тѣмъ, кому много дано, съ того много и взыщется... Что-жъ тутъ стараться объ улучшеніяхъ, на что-жъ тутъ беречь лишнее добро? Было бы чѣмъ оброкъ заплатить, да сыту быть, безъ особенныхъ затрудненій, а тамъ хоть все огнемъ погори. И вотъ мужикъ, стараясь всячески облегчить свою работу, принимается за промыслы способами, какіе описаны авторомъ «Макарьевскихъ очерковъ». Онъ поджигаетъ лѣсъ, чтобы больше оказалось пеньковъ для смолья, чтобъ больше выросло малинника, или чтобы на горѣляхъ разрослась трава кип-

рей съ розовыми цвѣтами, которую пчелы любятъ. Онъ куритъ смолье ямами, чтобы не заводиться казаномъ или котломъ, хотя при ямномъ куреніи лѣсного матеріала истребляется несравненно больше. Онъ подрубаетъ подъ корень березы, чтобы снять съ нихъ бересту для дегтя. Въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи дѣлаютъ ложки изъ осиновыхъ узорочныхъ пней. Чтобы достать такіе пни, мужички ходятъ по лѣсу да и подрубаютъ сплошь каждую осину, чтобы посмотрѣть, какой пенекъ у нея. Узорочные пни очень рѣдки, и потому одинъ мужикъ можетъ въ день перепробовать до сотни осинъ. Всѣ такимъ образомъ испробованныя деревья становятся негодными, засыхаютъ и сламываются вѣтромъ. По словамъ автора, ихъ такое страшное количество оказывается въ годъ, что едва ли 500 промышленниковъ корытныхъ, чашечныхъ, лопатныхъ и другихъ въ состояніи были бы подобрать осины, испорченныя двадцатью ложечниками въ одинаковое время. Въ одной вотчинѣ изъ 3,600 душъ при 63,000 десятинъ земли знакомый автору помѣщикъ потребовалъ, чтобы крестьяне доставили по полгарнцу жолудей съ тягла, для заведенной имъ пары англо-китайскихъ свиней. Мужички пошли да и подрубили тысячи дубовъ, да еще въ такомъ мѣстѣ, откуда лѣсу рѣшительно никакого сбыта не могло быть: «досягать, дескать, медленько, а Божье дерево, Господь дастъ,—выростетъ»... При такомъ обращеніи съ лѣсомъ не стоитъ ужъ и говорить о томъ, сколько его вывозится и сплавляется по рѣкамъ безданно, безпошлинно, изъ господскихъ и казенныхъ владѣній.

Съ той же неразсчетливостью производится рыбный промыселъ. Несмотря на запрещеніе закона, рыбу до сихъ поръ ловятъ «черными снастями» и «куколеваной». Въ черныхъ снастяхъ на бичевку огромной длины, иногда въ версту и даже болѣе, нанизываются удочки, въ разстояніи четверти аршина одна отъ другой. Рыба задѣваетъ за уду и такимъ образомъ ловится. Но часто она срывается и, раненая, мечется вокругъ снастей, спугивая прочую рыбу и нерѣдко загоняя ее на тѣ же крючья. Рыбы при этомъ ранится множество, и часто она околѣваетъ безъ всякой пользы для лова... Куколевана еще хуже: это отрава, бросаемая въ воду, въ шарикахъ хлѣба. Рыба проглатываетъ шарики и, отравленная, выскакиваетъ на поверхность, гдѣ ловцы забираютъ ее саками. Очевидно, что гораздо больше рыбы унесетъ теченіемъ и потонетъ, нежели достанется въ руки рыбаковъ; при томъ отравленная рыба спугиваетъ всю остальную, такъ что, по замѣчанію автора, «рѣшительно вся рыба надолго скрывается изъ мѣстъ, гдѣ была отравливаема».

Все это явленія не слишкомъ утѣшительныя, но тѣмъ выше заслуга автора, не убоявшагося представить ихъ на общественный судъ. Прошло уже для насъ время, когда мы просили баюкать насъ колыбельными пѣснями; пришла и намъ пора учиться и узнать о себѣ что нибудь-серьёзное. Корень ученія горекъ—правда; но что же дѣлать? безъ корня и плодовъ не дождешься. Если же побольше будетъ являться у насъ такихъ правдивыхъ и серьезныхъ очерковъ различныхъ мѣстностей, каковы очерки графа Н. С. Толстаго, то подобныя произведенія, безъ сомнѣнія, принесутъ свои полезные плоды. Авторъ обѣщаетъ скоро издать вторую часть своихъ очерковъ. Желаемъ, чтобъ это обѣщаніе скорѣе было исполнено: опытность автора и благородство его направленія даютъ ручательство, что и вторая часть будетъ интересна не менѣе первой.

---

105. У пристани.

Романъ въ письмахъ графини *Евдокіи Ростопчиной*. Девять частей. Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 104.

Такая же уничтожающая статья, какъ и о Соллогубѣ (см. № 92). Ростопчина была одною изъ тѣхъ фигуръ въ нашей литературѣ, которыхъ такъ ненавидѣлъ Добролюбовъ; онъ зналъ, что у нея, какъ и Соллогуба, есть своя публика,—эта безпринципная гостинная и ничегонедавшая масса, предъявлявшая искусству требованія, на удовлетвореніе которыхъ не способенъ былъ умный, честный писатель. Ошибочно было бы думать, что знатные Соллогубъ и Ростопчина не пользовались расположеніемъ Н. А., благодаря своему аристократическому положенію. Онъ не былъ слѣпымъ гонителемъ этого класса людей, если видѣлъ въ нихъ дѣйствительныя достоинства; примѣръ — гр. Н. С. Толстой (см. № 104), дружба съ домомъ князей Куракиныхъ (см. біографическій очеркъ) и пр. **М. Л.**

Письмо—это все равно, что разговоръ на бумагѣ. Слѣдовательно—новый романъ въ письмахъ графини Ростопчиной относится по своей формѣ собственно къ драматическому роду, въ которомъ талантъ этой писательницы оказывается особенно замѣчательнымъ. Всѣхъ, кто читалъ ея *жалостныя* пьесы: «Кто кого проучилъ», «Уѣдетъ или нѣтъ» и т. п., до сихъ поръ коробитъ, при воспоминаніи о нихъ, отъ невольнаго кислаго чувства,—точно такъ, какъ всѣ читавшіе ея комедіи: «Нелюдимка», «Семейная тайна» и пр., доселѣ не могутъ удержаться отъ хохота, вспоминая изображенные въ нихъ безтолковые поступки людскіе. Правда, комедіи эти носятъ названіе драмъ, а жалостныя пьесы—комедій, но le nom ne fait pas chose, и мы совсѣмъ не хотимъ изъ ошибочнаго названія выводить какія-нибудь заключенія, неблагопріятныя для самой пьесы. Мы просто говоримъ, что авторъ ошибся, вѣроятно, въ названіи, которое, впрочемъ, могло быть и опечаткой, или даже просто прихотью автора. Одну подобную прихоть знаменитой писательницы мы уже знаемъ. Это было лѣтъ семь или восемь тому назадъ. У «Москвитянина» былъ тогда періодъ школьничества: онъ печаталъ школьныя бесѣды г. Погодина съ гг. Грановскимъ, Соловьевымъ и пр., педагогическія лекціи г. Шевырева, упражненія г. Покровскаго по корректурной и грамматической части и т. п. Около этого времени и графиня Ростопчина вздумала помѣстить въ «Москвитянинѣ» составленную ею хрестоматію изъ лучшихъ иностранныхъ писателей,—съ собственными объясненіями. Цѣлый годъ печаталась эта хрестоматія, въ которой перепечатано было много стиховъ изъ Данте, Шекспира, Байрона, Гете и пр., и какъ бы вы думали, какъ она называлась? «Поэзія и проза жизни, романъ въ стихахъ»!!... И хрестоматія нисколько не потеряла отъ этого, а «Москвитянинъ» даже выигралъ: подъ видомъ эпиграфовъ къ роману, онъ цѣлый годъ помѣщалъ на своихъ страницахъ прекрасные отрывки изъ классическихъ писателей...

На этомъ основаніи мы не хотимъ дѣлать никакихъ замѣчаній касательно названія «романъ въ письмахъ». Мы жалѣемъ только объ одномъ: зачѣмъ нѣтъ здѣсь предисловія, въ родѣ того, какое находится при послѣднемъ изданіи стихотвореній графини Ростопчиной. Оно бы всего лучше объяснило намъ, какъ самъ авторъ понимаетъ своихъ героевъ, и что онъ имѣлъ въ виду при созданіи своего романа. Такое объясненіе со стороны автора необходимо было бы потому, что романъ въ письмахъ, подобно всякому драматическому произведенію, не допускаетъ никакого вмѣшательства автора въ отношенія дѣйствующихъ лицъ и заставляетъ говорить только ихъ самихъ. Такимъ образомъ, во всемъ романѣ авторъ нашелъ возможность сдѣлать отъ себя только два-три замѣчанія въ выноскахъ, въ которыхъ онъ даетъ читателямъ понятіе о томъ, что такое газета *Punch* и что за экипажъ *брэкъ*,—предметы, о которыхъ особы, пишущія письма, не считаютъ приличнымъ распространяться... А между тѣмъ, характеръ нѣкоторыхъ лицъ остается довольно загадочнымъ, безъ авторскаго объясненія. Напримѣръ, князь Суздальскій не представленъ, кажется, прямо пустымъ враломъ, а между тѣмъ вретъ на каждомъ шагу. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, напримѣръ, что совсѣмъ не знаетъ русской литературы и что недавно прочиталъ только, по указанію сосѣдки своей, «Горе отъ ума»,—а черезъ нѣсколько страницъ толкуетъ о печоринскомъ элементѣ, и въ другомъ письмѣ, еще прежде писанномъ, разсуждаетъ о языкѣ княгини Дашковой въ ея журналѣ. Въ одномъ письмѣ онъ толкуетъ о благосостояніи и просвѣщеніи своихъ крестьянъ, и въ томъ же самомъ письмѣ выражаетъ опасеніе, чтобы русскаго мужика грамота не испортила!... Въ ноябрѣ 1844 г. онъ пишетъ, что ему только тридцать два года, самодовольно вспоминая свои *кутежи* съ лоретками, а въ январѣ 1845 года, собираясь жениться, онъ вдругъ хочетъ казаться степеннѣе и накидываетъ себѣ три года, увѣряя, что ему тридцать пять лѣтъ. А между тѣмъ, всѣ дѣйствующія лица романа превозносятъ его добродѣтели и стараются выставить его человѣкомъ, истинно благороднымъ и просвѣщеннымъ. Что хотѣлъ сказать авторъ, ставя своихъ лицъ въ такія мудреныя отношенія? Предисловіе могло бы объяснить это: но авторъ не захотѣлъ предисловія, предоставляя самому дѣлу говорить за себя. Онъ представилъ намъ драматическое произведеніе, не прибавляя ни слова отъ себя, и отыскать его идею, опредѣлить сущность характеровъ, прослѣдить все развитіе дѣйствія въ драмѣ составляетъ уже обязанность критики. Мы принимаемъ на себя эту обязанность, заранѣе сознаваясь, однако, передъ читателями, что мы не могли разъяснить нѣкоторыхъ загадочныхъ вещей въ романѣ, и что нѣкоторыя наши заключенія, можетъ быть, окажутся не вполнѣ вѣрными и удовлетворительными.

Прежде всего поражаетъ насъ двойственность интриги романа: двѣ пріятельницы, Сара и Маргарита, ведутъ между собой переписку и разсказываютъ другъ другъ приключенія своей жизни, которыя во всемъ романѣ идутъ совершенно отдѣльно и не имѣютъ

ни малѣйшаго вліянія одни на другія. Авторъ романа такъ хорошо знакомъ съ художественными требованіями, общими для всякаго литературнаго произведенія, что вѣрно не рѣшился бы нарушить ихъ, если бы не имѣлъ въ виду какой-нибудь особенной цѣли. И намъ кажется, что мы нашли эту цѣль. По нашему мнѣнію, авторъ имѣлъ въ виду доказать своимъ романомъ, что всѣ люди, какъ бы они умны или глупы, богаты или бѣдны, добродѣтельны или развратны ни были, всѣ рано или поздно придутъ къ одной общей всѣмъ *пристани*, то-есть, что всѣ люди смертны. Для такой широкой, всеобщей темы и содержаніе нужно было взять какъ можно шире. Такъ поступали, по крайней мѣрѣ, наши лучшіе сочинители. Г. Загоскинъ, въ романѣ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», провелъ исторію рода Мирошевыхъ черезъ нѣсколько поколѣній, многократно переходя отъ Петра Кузьмича къ Кузьмѣ Петровичу и обратно отъ Кузьмы Петровича къ Петру Кузьмичу: такъ необходимо было затѣмъ, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить жизнь русскихъ во времена Екатерины Великой. Въ знаменитомъ романѣ «Иванъ Выжигинъ», желающемъ доказать торжество нравственности надъ порокомъ, авторъ [1]) также не удовольствовался одной жизнью, а привелъ, по разсказамъ старыхъ людей, читавшихъ его романъ, цѣлое поколѣніе нравственныхъ людей: дѣдушку, сынка его и внучка—Петра Иваныча, въ нарочито сочиненномъ продолженіи. Имѣя предъ глазами такіе прекрасные примѣры, и графиня Евдокія Ростопчина не усомнилась пожертвовать узкими понятіями о художественномъ единствѣ желанію сколько возможно полнѣе разрѣшить свою высокую задачу. Но такъ какъ истинный талантъ никогда не бываетъ рабскимъ подражателемъ, то и графиня Евдокія Растопчина уклонилась нѣсколько отъ своихъ высокихъ образцовъ и расширила свою тему не во времени, а въ пространствѣ. Она не удовольствовалась проведеніемъ своей идеи въ жизни одного лица, а взяла для этого двѣ параллельныя жизни, около которыхъ сгруппировала много другихъ лицъ, соединенныхъ съ главными почти одной только общей мыслью романа (то-есть, тѣмъ, что всѣ они умираютъ) безъ всякихъ побочныхъ интересовъ. Въ этомъ находимъ мы оправданіе двойственности интриги въ романѣ, которая, такимъ образомъ, нисколько не мѣшаетъ строгому единству общей мысли и даже служитъ къ ея усиленію и подкрѣпленію. Мы полагаемъ даже, что цѣль автора достигнута была бы еще вѣрнѣе, если бы онъ послѣдовалъ примѣру автора великолѣпной трагедіи «Деньги» и уморилъ бы въ своемъ романѣ нѣсколько сотъ человѣкъ. Тогда бы смертность человѣческая была еще неопровержимѣе для всякаго читателя. Впрочемъ, романъ «У пристани» оканчивается напоминаніемъ о Севастополѣ, и, по нашему мнѣнію, это сдѣлано не безъ глубокаго артистическаго соображенія: имя Севастополя служитъ послѣднимъ доводомъ автора, самымъ сильнымъ и даже дѣлающимъ ненужными всѣ остальные доводы. Кто не хочетъ читать романа, тотъ можетъ только заглянуть въ послѣднія его страницы, прочесть на нихъ слово: Севастополь, и въ немъ тотчасъ пробудится мысль о послѣдней *пристани*—смерти, чѣмъ цѣль автора романа будетъ вполнѣ достигнута...

Развитіе главной идеи въ романѣ доказываетъ намъ глубокое знаніе человѣческаго сердца и многостороннюю опытность автора. Субъективная личность автора и его воззрѣнія на жизнь, безъ всякаго сомнѣнія, много участвовали въ созданіи характеровъ романа: иначе невозможенъ этотъ тонкій анализъ женскаго сердца, невозможно это умѣнье выставить наружу сокровеннѣйшія побужденія самыхъ тайныхъ женскихъ страстей, какое показала графиня Евдокія Ростопчина въ исторіи двухъ лицъ своего романа—Сары Волтынской и Маргариты Петровской. Самыя эти лица, оба представляютъ какъ бы разложеніе одного характера на двухъ особъ, такъ что въ этомъ случаѣ графиня Евдокія Ростопчина уподобляется любимому поэту своему—Байрону, который, по словамъ Пушкина, въ каждомъ изъ своихъ героевъ воспроизводилъ какую-нибудь одну сторону собственнаго характера. Разница только въ томъ, что у Байрона менѣе рефлексіи: онъ относится къ созданнымъ имъ лицамъ непосредственно, и оттого страсть представляется у него въ трагическомъ развитіи. Графиня Евдокія Ростопчина, напротивъ, силою рефлексіи отрѣшаясь отъ непосредственнаго увлеченія страстью, заставляетъ ее проходить предъ судомъ неумолимаго разсудочнаго анализа и, вслѣдствіе этого, относится къ ней уже комически или, точнѣе сказать, сатирически. Въ романѣ, содержаніе котораго мы сейчасъ разскажемъ читателямъ, авторъ поражаетъ своей сатирой легкомысліе людей, надменно резонирующихъ, безъ всякаго прочнаго убѣжденія и съ постояннымъ противорѣчіемъ, какъ между словомъ и дѣломъ, такъ даже и между самыми словами. Выражается это резонерство преимущественно въ двухъ главныхъ лицахъ романа—Сарѣ и Маргаритѣ. Само собою разумѣется, что подобные характеры всегда заключаютъ въ

[1]) Ненавистный Добролюбову Булгаринъ.

себѣ достаточное количество глупости, прикидывающейся разумною. Авторъ и въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ; его Сара и Маргарита изображены глупыми до невѣроятія. Равнымъ образомъ соблюдено и другое условіе художественной постройки романа—естественность и вѣрность дѣйствительности. Въ дѣйствительности резонеры обыкновенно бываютъ скучны: и авторъ сдѣлалъ письма своихъ героинь непомѣрно длинными и скучными. Романъ «У пристани» напечатанъ въ «Библіотекѣ для дачъ и пароходовъ» и пр. Но мы полагаемъ, что ни одинъ морякъ, послѣ самаго продолжительнаго штиля, не можетъ такъ жадно желать пристани, какъ тотъ, кто на пароходѣ вздумалъ для развлеченія читать письма резонерокъ этого романа въ письмахъ. И никто, конечно, не станетъ проклинать замедленіе парохода съ такою яростію, какъ тотъ, кто возьметъ съ собою этотъ романъ, чтобы читать у пристани, въ ожиданіи парохода. До того скучны всѣ эти письма!... Можетъ быть, найдутся близорукіе критики, которые поставятъ это въ вину автору. Мы, напротивъ, видимъ здѣсь великое достоинство... Было бы совершенно нелѣпо, если бы онъ письма глупыхъ резонерокъ сдѣлалъ живыми и занимательными. Нужно было именно заставить ихъ писать скучно, безтолково, длинно, утомительно. Авторъ все это исполнилъ въ высшей степени совершенно. Можно судить о его искусствѣ и по одному слѣдующему факту: цѣлыхъ два тома (2-й и 3-й) заключаютъ въ себѣ *одно* письмо Сары, наполненное нелѣпѣйшими и длиннѣйшими разсужденіями обо всемъ на свѣтѣ, отъ хаоса, который, по мнѣнію ея, кто-то считаетъ «родоначальникомъ вселенной», до достоинства сигаръ и ловкости юнкеровъ и пажей... Отвѣты Маргариты на письма своей подруги также длинны въ соразмѣрности.

Характеристика этихъ двухъ подругъ представляетъ для насъ только одно затрудненіе: мы боимся слишкомъ рѣзко выразить негодованіе, возбужденное въ насъ противъ подобныхъ женщинъ романомъ графини Евдокіи Ростопчиной. До того онѣ проникнуты суетностью и чувственностью, до того безсмысленны въ своихъ притязаніяхъ, до того нагло-безцеремонны въ своихъ выраженіяхъ, грязно-сальны въ своихъ шуткахъ! Обѣ онѣ—широкія натуры. Одна изъ нихъ сожалѣетъ, отчего она не мужчина и не можетъ участвовать въ ихъ *бурныхъ* подвигахъ и въ не менѣе бурныхъ развлеченіяхъ. Другая безпрестанно толкуетъ о своей страсти къ разгулу и удали,—признается, что еще въ дѣтствѣ была влюблена въ Макса Пикколомини и всегда питала особенное сочувствіе къ героямъ въ родѣ Леоне Леони, Ускока и Манфреда. Она ругаетъ неприличными словами современныхъ *гуманистовъ* за то, что они не умѣютъ жить, какъ предки... А предки, говоритъ она, «пили, ѣли, лихо дрались, *лихо любили* (!) и слегли своевременно въ могилу, не клеветавши ни міра, ни жизни, не гнушаясь даромъ Божіимъ... А вы,—продолжаетъ она въ паѳосѣ, — а вы, жалкіе недоноски будущихъ поколѣній, бездольные междуумки», — да и пошла... «Вы, — говоритъ—и кутить-то не умѣете, какъ предки: ихъ разгулъ былъ размашистѣе и *разъемистѣе* (что она хочетъ этимъ сказать!?); ихъ развратъ кипѣлъ какимъ-то блистательнымъ увлеченіемъ, какимъ-то гордымъ безстрашіемъ и великодушіемъ, которыхъ въ васъ нѣтъ... Вы пигмеи предъ ловеласами и герцогами Ришелье прошлаго вѣка... Безсиліе и пустота, вотъ ваша сущность!..» (Т. I, стр. 114). И послѣ такой грозной филиппики на гуманистовъ она прибавляетъ: «Это вопль моего сердца!..» Немудрено повѣрить, судя по ея исторіи... Всѣ письма этой резонерки, Сары Егоровны, полны подобныхъ выходокъ противъ *вялости* нынѣшняго поколѣнія, въ пользу кипучести и и ухарскихъ замашекъ прежняго времени. Вообще, удаль во всемъ ей нравится, и въ русской тройкѣ, и въ растрепанныхъ волосахъ, и въ пьяной оргіи, и въ дикой цыганской пѣснѣ: такой ужъ вкусъ у нея. Интересно разсказываетъ о ея любви къ цыганамъ князь Элимъ Суздальскій, тотъ самый шутъ, который, заботясь о просвѣщеніи крестьянъ, пугается грамотности. На святкахъ онъ вздумалъ сдѣлать елку для дѣтей Сары Егоровны, а ее собственно захотѣлъ потѣшить цыганами, которыхъ, по его словамъ, и выписалъ изъ Нижняго (и тутъ совралъ, конечно: какіе въ Нижнемъ цыгане на святкахъ!.. Другое дѣло—въ ярмарку...). И вотъ какое впечатлѣніе произвели на нее цыгане, по разсказу князя Элима. «Вся жизнь ея, вся душа, кажется, перешла въ слухъ и въ какое-то нѣмѣющее ожиданіе... Она ожила, она воскресла; душа ея рвалась, и кровь кипѣла въ ней, а я, безъ ея вѣдома, читалъ на лицѣ ея всѣ бѣглыя выраженія живыхъ ея ощущеній и волненій. Яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ; глаза блистали, дыханіе занималось... нѣсколько разъ обращалась она ко мнѣ, чтобы крѣпко пожать мою руку и горячо благодарить меня за сюрпризъ. Я былъ въ полномъ удовольствіи своего успѣха!»... (Т. VI, ст. 188). Не по-русски, но сильно выразился князь Элимъ!.. — Здѣсь простой разсказъ доходитъ даже до поэтическаго паѳоса, который можетъ быть сравненъ

только развѣ съ увлекательнымъ стихотвореніемъ самой же графини Ростопчиной: «Посѣщеніе цыганскаго табора»...

И такая-то удалая женщина безпрестанно впадаетъ въ проповѣднический тонъ и толкуетъ о нравственности и о религіозности. По ея понятіямъ, впрочемъ, нравственность состоитъ въ ухарскомъ увлеченіи, а религіозность... Но вотъ, какъ она разсуждаетъ объ этомъ предметѣ. «Нынѣ, восклицаетъ она, науки не такъ преподаются; всѣ только и хлопочутъ о томъ, чтобы религію уничтожить... Кто же виноватъ, если теперь всѣ высшія науки приводятъ къ этому ужасному исходу, если философія, геологія, отчасти исторія громко и безнаказанно (гдѣ же это?) преподаются такъ, что онѣ должны истреблять всѣ зачатки вѣры, всѣ стремленія духовности, если онѣ отрицаютъ идею высшаго начала и *восхваляютъ* (а надо *возбранять*?) вещество!.. Кто виноватъ, если основныя понятія вѣка отвергаютъ все, чему человѣкъ привыкъ вѣрить и поклоняться, и показываютъ грубый хаосъ родоначальникомъ вселенной и первобытной стихіей, изъ которой долженъ былъ образоваться человѣкъ? (Вонъ оно, — куда метнула!.. взявшись не за свое дѣло, безтолковая резонерка зарапортовалась: она и позабыла, что сказаніе о хаосѣ читается въ книгѣ Бытія, а не въ новѣйшей философіи). Кто жъ виноватъ, что въ нашъ вѣкъ ученые и умные боятся прослыть невѣждами и суевѣрами (желаніе, кажется, довольно естественное!), если они не пытаются идти противъ доводовъ науки и раздѣляютъ мнѣнія высшихъ свѣтилъ, ее проповѣдующихъ?» и т. д. (Т. III, стр. 63—4). Видите-ли: она думаетъ, что для религіозности необходимо нужно идти противъ науки!.. Тогда, конечно, и религіозность хороша будетъ, — въ родѣ той, какую исповѣдуетъ сама Сара Егоровна. Не угодно-ли посмотрѣть, какіе силлогизмы сочиняетъ она, напримѣръ, о Провидѣніи... Разсуждаетъ она совершенно безцеремонно о томъ, кого мужчинѣ легче покорить — женщину или дѣвушку, и заключаетъ:

«Да! всѣ мы, сколько насъ ни есть, все мы прямыя, настоящія дочери Еввы: всѣмъ намъ передала общая праматерь свое тревожное любознанье, свою страстную тоску по запретномъ... Всѣхъ насъ неодолимо тянетъ къ запрещенному плоду. Всѣ мы *должны* вкусить его, чтобы удостовѣриться въ его горечи, познать наше заблужденіе и раскаяться въ нашей винѣ. Безъ того женщина словно не вполнѣ женщина, не достигаетъ своего совершеннаго развитія. Лучшія изъ насъ непремѣнно прошли эту школу. Перемотри преданья первыхъ временъ христіанства, перебери исторію среднихъ вѣковъ, византійскія легенды, записки XVI, XVII и даже начала XVIII ст., ты увидишь, что всѣ строжайшія жилицы монастырей и обителей, все, что убѣгало въ пустыни и спасалось въ уединеньи... было приведено къ мирной пристани только бурею житейской... Всѣ онѣ начали любовью, чтобы кончить покаяніемъ и молитвою. Стало быть, есть же какая-то тайная сила, которая влечетъ насъ безъ нашего вѣдома и участія къ исполненію нашей участи... Стало быть, пути Провидѣнья неисповѣдимы (стало быть!!!), и оно заранѣе знаетъ цѣль, которой не видятъ наши близорукіе взоры! (стало быть!). Стало быть, нѣтъ силы и нѣтъ воли, которыя могли бы затаиться и укрыться отъ одного изъ первѣйшихъ условій жизни!» (Дѣло идетъ все о томъ же запретномъ плодѣ, который всѣ женщины наслѣдовали отъ праматери Еввы!)... (Т. IV, стр. 85).

Такія безобразныя понятія, призывающія Провидѣніе въ оправданіе своей удали и чувственности, конечно, должны ужасаться движенія здравыхъ философскихъ идей... Помѣшала имъ, видите, геологія съ исторіей; зачѣмъ, дескать, безнаказанно преподаются? А какое наказаніе получили учителя, передававшіе вамъ, Сара Егоровна, скандалезную исторію дебоширствъ всякаго рода и всѣхъ временъ, которую вы такъ подробно и отчетливо знаете, какъ видно изъ вашихъ писемъ?

Та, къ которой обращаются воззванія Сары Егоровны, Маргарита Петровская, тоже—бой-баба и, при размашистости своей натуры, не лишена нѣкоторой экзальтаціи. Она—дѣвушка, но это не налагаетъ на нее какой-нибудь особенной печати: ей уже 30 лѣтъ, она очень опытна и, судя по ея письмамъ, конечно, уже не укрылась отъ «одного изъ первѣйшихъ условій жизни». Съ рѣзкою беззастѣнчивостью разсказываетъ она мужчинѣ о томъ, какъ другой мужчина, незванный, ломился къ ней въ комнату и пр... Онъ хотѣлъ, говорила она, сдѣлать изъ меня свою Аспазію, свою Эгерію... Какъ будто мало на то лоретокъ? — съ гордостью вопрошаетъ она въ заключеніе. Вообще, лоретки составляютъ любимый предметъ ея разсужденій, и она пишетъ о нихъ даже съ сильными претензіями на юморъ. О свойствѣ ея юмора можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ: «Я, конечно, всею душою уважаю и люблю Тихопадскаго,—*но вѣдь только душою*... А матушка и онъ имѣютъ виды и планы гораздо возмутительнѣе для моей независимости и *безопасности*»... Не правда ли, что для письма дѣвушки это каламбурецъ довольно игриваго содержанія?..

Но пора намъ оставить характеристику героинь и разсказать содержаніе романа, которое раздѣляется собственно на два содержанія — исторію Маргариты и исторію Сары, не имѣющія между собою ничего общаго, кромѣ того, что обѣ совершенно нелѣпы. Передадимъ сначала исторію Маргариты: она покороче.

Маргарита, дочь бѣднаго украинскаго помѣщика, воспитывается у княгини Г., своей крестной матери, вмѣстѣ съ дочерью ея, Китти. Она получаетъ блестящее воспитаніе, наравнѣ съ княжной, и вводится въ большой свѣтъ. Тутъ на нее обращаютъ вниманіе, и княжна съ княгиней начинаютъ за то преслѣдовать воспитанницу. Преслѣдованіе продолжается два года: она все живетъ у нихъ, очарованная, какъ сама говоритъ, своими свѣтскими успѣхами. Черезъ два года въ нее влюбляется графъ П. (дѣвица Маргарита Петровская черезвычайно таинственна: она называетъ только буквами своихъ знакомыхъ князей и графовъ). Она тоже полюбила его... Онъ такъ искусно умѣлъ — говоритъ она, — бросать мнѣ намеки о нашей будущности, о своихъ намѣреніяхъ!.. Я должна была повѣрить, что эти намѣренія честны и прочны; я повѣрила, я почитала себя невѣстою любимаго и любящаго меня человѣка.

Далѣе слѣдуютъ точки... а еще далѣе графъ П. женится на княжнѣ Китти, извиняясь передъ Маргаритой тѣмъ, что его принудили... Графъ поселяется съ женой въ домѣ княгини Г., и Маргарита остается тутъ же, — хотя и могла бы удалиться къ матери. Черезъ полгода послѣ женитьбы, графъ снова началъ за ней ухаживать, сталъ ожидать ее на лѣстницахъ, преслѣдовать по заламъ и явно, открыто говорить о своей страсти. Она была «глубоко уязвлена», какъ сама говоритъ, и рѣшилась обороняться... Легче всего было бы уѣхать, но тогда не было бы геройства. А ей непремѣнно хотѣлось сценъ, борьбы, страданій. Богъ вѣсть ужъ, зачѣмъ ей всей этой дряни было надобно... Она осталась ждать и дождалась, разумѣется, до того, что однажды, въ отсутствіе жены, графъ забрался въ комнату Маргариты и хотѣлъ сдѣлать изъ нея свою Аспазію... Она не согласилась; но и этотъ урокъ не проучилъ ее. Она, все-таки, осталась въ этомъ домѣ, да еще пожаловалась на графа дядѣ его — старику Симборскому, отъ котораго графъ ждалъ богатаго наслѣдства. Симборскій влюбился въ нее самъ и сталъ ей оказывать свое вниманіе, а княгиня Г. и Китти опять стали ее преслѣдовать. Она все ждала и дождалась формальнаго предложенія отъ Симборскаго, отъ котораго, однако же, отказалась. Самъ графъ совѣтовалъ ей выйти за старика затѣмъ, что тогда,—объясняетъ она,— онъ надѣялся успѣшнѣе продолжать свое волокитство. Отказавши Симборскому, Маргарита потеряла послѣднюю защиту и подверглась сильнѣйшему гоненію княгини и Китти и новымъ, ужаснѣе прежняго, преслѣдованіямъ со стороны графа. Наконецъ, ужъ тутъ рѣшилась она уѣхать домой, — къ матери... Пожила она съ матерью немножко и отправилась въ Одессу... Тамъ встрѣтила степенного помѣщика Тихопадскаго, котораго полюбила душою, и молодого человѣка Краснодольскаго, котораго полюбила сердцемъ. Краснодольскій, какъ само собою разумѣется, былъ образецъ всѣхъ совершенствъ въ глазахъ Маргариты, но ей нельзя было выйти за него, потому что онъ состоялъ уже въ законномъ бракѣ, къ которому принудили его разстроенныя обстоятельства, послѣ слишкомъ сильныхъ кутежей. Онъ въ нее страстно влюбился и пишетъ къ ней письма, ругая въ нихъ жену свою. Она отвѣчаетъ ему въ томъ же родѣ. Между тѣмъ Тихопадскій къ ней сватается; она отказываетъ. Скоро послѣ того умираетъ мать ея, имѣнье идетъ въ раздѣлъ, и у Маргариты ничего почти не остается. Тихопадскій повторяетъ сватовство, Маргарита снова отказываетъ, чтобы не потерять своей независимости, и идетъ въ гувернантки къ Краснодольскому для воспитанія его дочери. Жена Краснодольскаго знаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ прежнія сношенія и неохотно принимаетъ въ домъ свою соперницу, но не препятствуетъ. Маргарита съ своей воспитанницей поселяется въ отдѣльномъ флигелѣ, куда Краснодольскій каждый вечеръ приходитъ къ ней, и потомъ нерѣдко катаетъ ее по полю на лихой тройкѣ... Такъ проходитъ нѣсколько времени, въ продолженіе котораго Краснодольскій открываетъ связь своей жены съ какимъ-то пройдохою швейцарцемъ и хочетъ съ ней развестись. Маргарита очень рада; но вдругъ Краснодольскаго подстрѣливаетъ на охотѣ собственный егерь, подкупленный его женою, и Маргарита идетъ въ монастырь...

Если бы всѣ эти безразсудства она дѣлала по простотѣ души, то она была бы просто глупа, и слава Богу, разумѣется. Но она себя выставляетъ какою-то героинею, безпрестанно резонируетъ, толкуетъ о высшихъ стремленіяхъ и потребностяхъ, о непоколебимости на пути добра и т. п. А между тѣмъ, на каждомъ шагу выказываетъ она жалкое невѣдѣніе самыхъ простыхъ законовъ мышленія и общественной жизни, самое кривое пониманіе добра и зла... Оттого она нелѣпа и каррикатурна до отвратительности во всѣхъ своихъ поступкахъ, которые она считаетъ подвигами добродѣтели и самоотверженія. Напримѣръ, она пренаивно разсказываетъ о своихъ ночныхъ прогулкахъ съ Краснодольскимъ и потомъ прибавляетъ: «*иногда, возвращаясь съ нашихъ прогулокъ*, мы видимъ яркій свѣтъ въ окнахъ боскетной (предполагается,

что тамъ сидитъ жена Краснодольскаго и съ нею швейцарскій пройдоха-гувернеръ), и оба останавливаемся, невольно пораженные одною и тою же мыслью. Въ такія минуты я боюсь взглянуть на него... Мнѣ совѣстно и стыдно за этого человѣка, оскорбленнаго во всемъ, что наиболѣе затрогиваетъ самолюбіе и гордость мужчины». Видите-ли: ей стыдно за него—не потому, что онъ дѣлаетъ глупости, а потому, что его оскорбляютъ... Да чѣмъ же запоздалая бесѣда въ боскетной, да еще при *яркомъ свѣтѣ*, предосудительнѣе уединенной прогулки въ темнотѣ ночной?.. Героическая Маргарита никакъ не хочетъ сообразить, что она произноситъ судъ сама надъ собою же... И подобныхъ выходокъ у ней безчисленное множество... Нельзя не сознаться, что этотъ типъ чрезвычайно удался графинѣ Евдокіи Ростопчиной. Трудно представить поведеніе болѣе легкое при болѣе скучномъ и исполненномъ высокихъ претензій резонерствѣ; трудно представить бо̀льшее отсутствіе здраваго смысла и бо̀льшую пошлость въ увлеченіяхъ... Типъ, еще болѣе исполненный всякихъ несообразностей въ мысляхъ и въ дѣлахъ, могло начертать только то же перо, которое создало образъ Маргариты Петроковской. И графиня Евдокія Ростопчина дѣйствительно исполнила это: она изобразила Сару Волтынскую, и въ ея лицѣ, кажется, окончательно исчерпала свою задачу.

Сара получила, должно быть, довольно легкое воспитаніе, вышла очень молоденькая замужъ за Волтынскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ овдовѣла и отправилась съ двоими дѣтьми въ свое имѣніе. Здѣсь познакомилась она съ сосѣдками—Фаиной Якимовной и Аграфеной Тихоновной, у которыхъ есть родственничекъ, Александръ Орбиновичъ. Это — малый, способный только бить баклуши, одинъ изъ самыхъ несносныхъ коптителей неба. Онъ годами пятью моложе Сары, и она считаетъ его мальчишкой, на котораго не стоитъ обращать вниманія. Онъ же, при своемъ нравственномъ ничтожествѣ, не имѣетъ даже и внѣшняго лоска, который могъ бы примирить съ нимъ свѣтскую женщину. Онъ застѣнчивъ, неловокъ, неотесанъ, не умѣетъ поддержать самого пустого разговора. Сара все это замѣчаетъ при первомъ же знакомствѣ, и потому цѣлый годъ они не сходятся другъ съ другомъ. Онъ спасаетъ ея утопавшаго сына,—она ему очень благодарна, обращаетъ на него вниманіе, ходитъ за нимъ, когда онъ дѣлается боленъ отъ простуды въ рѣкѣ; но онъ такъ глупо ведетъ себя, что и тутъ все дѣло оканчивается только усиленіемъ въ ней прежняго отвращенія къ дрянному мальчику. До сихъ поръ все шло хорошо; но тутъ начинаются удивительныя приключенія, которымъ никто не повѣрилъ бы, если бы ихъ не засвидѣтельствовала письменно сама Сара Егоровна. Она начинаетъ съ Александромъ сцены, въ которыхъ выходитъ изъ себя отъ негодованія, уязвленнаго самолюбія и т. п. Но сама она воображаетъ, что одерживаетъ побѣды надъ мальчикомъ, въ своихъ спорахъ съ нимъ, и высокомѣрно утверждаетъ, что проучила его, дала ему урокъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ тетки, Фаины Якимовны, она соглашается сопровождать Александра въ его прогулкѣ на лихой тройкѣ. Александру, видите, докторъ велѣлъ непремѣнно ѣздить каждый день, а онъ не хочетъ ѣздить безъ Сары. Такъ говоритъ ей Фаина Якимовна, и, разумѣется, Сарѣ нужно много самодовольной глупости для того, чтобы согласиться сопровождать Александра послѣ такого объясненія... Она, однако, соглашается и даже отчасти мирится съ презираемымъ ею мальчикомъ, замѣтивши признаки ухарства въ его умѣньѣ править лошадьми. Вскорѣ затѣмъ пріѣзжаютъ въ сосѣдство двое офицеровъ и навѣщаютъ Сару. Въ одномъ изъ нихъ она по походкѣ узнала бывшаго пажа: у пажей есть что-то особенно ловкое и аристократическое въ пріемахъ, замѣчаетъ она съ обычной своей проницательностью. Черезъ день, она уже называетъ пажа Гришей, катается съ нимъ, проводитъ длинные зимніе вечера. Орбиновичъ, какъ ни пустъ онъ, смекаетъ, однако, что не худо ему показать опять свою удаль: онъ является къ Сарѣ во время ея вечерней бесѣды съ Гришей и съ его товарищемъ, г. Лавровскимъ (который, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ извѣстныхъ ученыхъ, братьевъ Лавровскихъ), ведетъ себя совершенно дико и производитъ впечатлѣніе. Впрочемъ, безтолковая во всемъ, Сара скоро забываетъ это впечатлѣніе и проводитъ время отъ Рождества и до поста въ танцахъ и катаньяхъ съ Гришей и другими. Орбиновичъ дѣлаетъ ей сцену въ домѣ своей тетушки; она клянется за то никогда не видать его, но потомъ встрѣчается съ нимъ случайно, замѣчаетъ, что онъ вынесъ какую-то борьбу, возмужалъ, то-есть, пріобрѣлъ болѣе ухарское выраженіе, и тутъ—«что-то и охнуло и забилось у ней въ груди»... Это было въ прощальное воскресенье. Чистый понедѣльникъ провела Сара ровно въ какомъ-то оцѣпенѣніи, во вторникъ Гриша простился съ ней, отъѣзжая въ Петербургъ, и вслѣдъ за нимъ явился Александръ, съ словами: «это я... тотъ уѣхалъ... Богъ съ нимъ»... За этимъ неприличнымъ вступленіемъ послѣдовало колѣнопреклоненіе. Сара «нагну-

лась къ нему, чтобы поднять его, и, вмѣсто того, обвила руками его шею и очутилась въ его объятіяхъ». Поведеніе Сары Егоровны, высокомудрой, опытной вдовы, было бы совершенно неизвинительно по своей ребяческой безтолковости даже и тогда, когда бы этимъ все дѣло и оканчивалось. Но развязка ея похожденій еще далеко, и чѣмъ дальше, тѣмъ они страннѣе и нелѣпѣе. Кажется, молодая, независимая вдова въ двадцать семь лѣтъ, полюбивши молодого человѣка, котораго тетушка и бабушка давно уже и очень настойчиво намекали ей о свадьбѣ, должна бы позаботиться о порядочномъ концѣ своей любви. Но это было бы для нея очень пошло: такъ могутъ поступать обыкновенныя женщины, которыхъ она называетъ чѣмъ-то среднимъ между лоретками и возвышенными существами, и потому «слово бракъ не было между ними произнесено». Онъ былъ бѣднѣе ея, она была старше его, и «взаимная деликатность сковывала уста». Деликатность эта соблюдалась, однако, только относительно формы: на дѣлѣ было не то, и графиня Евдокія Ростопчина съ истинно-художническимъ тактомъ подмѣтила эту черту безтолковой щепетильности Сары, на словахъ, и цинической безцеремонности, на дѣлѣ, заставивъ ее написать слѣдующее:

«Когда Александръ видѣлъ себя любимымъ, когда онъ всякій день проводилъ со мною длинные часы, въ полной короткости и непринужденности, съ него мало было, и высшая отрада раздѣленнаго чувства не наполняла ужъ его мятежнаго сердца... Мужчина страстный и чувственный проснулся вдругъ въ капризномъ ребенкѣ; онъ захотѣлъ полнаго торжества себѣ, полнаго самопожертвованья съ моей стороны... Сердце говорило мнѣ, что одна страсть должна повергнуть женщину въ объятія ея любовника. Упорно и добросовѣстно боролась я, пока стало силъ моихъ, Кромѣ чувства долга у замужнихъ женщинъ, кромѣ отвращенія отъ лжи и предательства, я вѣрю, что у всякой женщины, если она не отродье (?) своего пола, есть ея защитникъ — святой стыдъ! Нѣтъ! не мечта и не заблужденье, не предразсудокъ, внушенный воспитаньемъ и страхомъ людей, это тайное, это всесильное чувство, которое изъ каждой изъ насъ дѣлаетъ весталку чистаго огня, хранительницу своей чести; это — чувство, врожденное намъ; оно выражается въ насъ то боязнью, то отвращеніемъ, даже передъ любимымъ человѣкомъ. Чтобы побѣдить его, нужно намъ высокое (!) самопожертвованье, нужно, чтобъ женщинѣ послѣднимъ доказательствомъ любви своей усвоить себѣ на вѣкъ осчастливленнаго ею, и выкупить его у всѣхъ соблазновъ жизни. И если часъ мой пробилъ, то это потому, что я съ самой собою думала отдать ему всю жизнь мою!.. (Т. III, стр. 34—35).

Не взыщите, что Сара Егоровна такъ нескладно выражается по-русски: лучше она не умѣетъ, несмотря на то, что часто толкуетъ вкривь и вкось о русской литературѣ. Оставимъ въ покоѣ ея языкъ; гораздо болѣе любопытны ея слова, какъ образецъ безстыдства, съ какимъ пустая женщина можетъ иногда говорить о стыдѣ. Это все оттого, что у ней вмѣсто сердца—чувственность, а вмѣсто нравственныхъ понятій—сентенціи, взятыя на прокатъ.

Жизни своей съ Александромъ, послѣ того, когда «часъ ея пробилъ», Сара не описываетъ, потому что счастья нельзя описывать, говоритъ она, и затѣмъ философствуетъ слѣдующимъ образомъ:

«Попытаюсь выразить мысль свою сравненьемъ. Объяснять свѣтъ труднѣе, чѣмъ объяснить мракъ, принимая въ соображеніе, что есть третье состояніе, которое собственно ни свѣтъ, ни мракъ, какъ бываетъ въ пасмурные дни, когда все въ природѣ тускло и безъ отблеска. Но блеснетъ солнце, и лучи его озолотятъ всѣ предметы, придавая имъ вдругъ и прозрачность, и яркость, и округлость, и сіяніе — предметы въ сущности своей не измѣнились, но они озарены: это дѣйствіе свѣта!.. (Т. III, стр. 39).

Какъ вамъ нравится эта философія, для которой надо принять въ соображеніе, что «есть третье состояніе, которое не есть ни свѣтъ, ни мракъ»... Таковы всѣ разсужденія этой, немножко фривольной, резонерки: всѣ они начинаются съ какихъ-то среднихъ неопредѣленныхъ отношеній и вращаются около золотой средины, совершенно безцѣльныя и пошлыя. Таковы же и поступки ея. Цѣлыхъ три года она наслаждается съ Александромъ, и попрежнему взаимная деликатность мѣшаетъ имъ заговорить о свадьбѣ. Онъ поступаетъ съ нею, какъ мальчишка, и ревнуетъ ее ко всѣмъ старикамъ и уродамъ, преслѣдуетъ своимъ гнѣвомъ за всякое неловкое движеніе, а она вдругъ дѣлается предъ нимъ кроткой овечкой, ни слова не смѣетъ сказать ему, мучится, страдаетъ и бѣгаетъ за этимъ мальчикомъ, котораго въ глубинѣ души, все-таки, презираетъ за его тунеядство, тупую апатію и безтолковость. Но однажды, послѣ сцены со своимъ возлюбленнымъ, Сара вдругъ, проводивши его, около полуночи позвонила, созвала весь домъ—дворецкаго, приказчика, няню, весь свой домашній штатъ,—и приказала тотчасъ же готовить все къ отъѣзду въ Москву. «Въ домѣ поднялась тревога», говоритъ она; конечно, старая няня сожалѣла о внезапномъ поврежденіи ея разсудка, а дворецкій увѣрялъ, что она ужъ «съ роду такова». Но Сара, не теряя присутствія духа, среди этой тревоги, сочинила два прощальныхъ письма—къ Александру и къ его теткѣ, которая, говоритъ она, «нетерпѣливо, но съ удивительной скромностью ожидала времени, когда ей будетъ, наконецъ, позволено назвать меня своею племянницею». Бѣдная старушка не знала оригинальной деликатности резонерки.

Изъ Москвы Сара отправилась въ имѣнье своего свекра, Кирилла Захарьича, въ Саратовской губерніи. Она описываетъ характеръ свекра, главнѣйшимъ образомъ обращая вниманіе на интимныя отношенія его къ разнымъ дворовымъ «Лавальершамъ, Монтеспаншамъ и Помпадуршамъ», какъ она выражается. Боязнь-ли потерять наслѣдство заставляетъ ее такъ подробно толковать о такихъ щекотливыхъ предметахъ, или просто сердечная склонность,—рѣшить трудно. Хорошо еще, если первое; но, кажется, что въ ней сильны были обѣ эти причины. Такова ея натура, и таково, вѣроятно, было воспитаніе, заставившее ее изучить до малѣйшихъ подробностей скандалезную хронику временъ Людовика XIV и XV и всѣ дебоширства старинныхъ временъ. Въ старикѣ, свекрѣ Сары, грубомъ самодурѣ, нравится ей болѣе всего «его феодальное уваженіе къ имени, семейству и роду», да еще то, что «онъ рѣшился лучше пожертвовать цѣлою жизнію, чѣмъ подвергнуться мгновеннымъ насмѣшкамъ общества и свѣта». А самопожертвованіе его состояло въ томъ, что поскользнувшись какъ-то на балѣ, онъ отъ стыда удралъ въ деревню и оттуда уже никогда въ свѣтъ не показывался, а прожилъ весь вѣкъ съ своими Помпадуршами. Нечего сказать—высокая черта характера! Въ глазахъ такой женщины, какъ Сара Егоровна, Кириллъ Захарьичъ, дѣйствительно, долженъ казаться человѣкомъ съ великой энергіей и силой воли!...

У этого слабодушнаго сумасброда знакомится Сара съ княземъ Элимомъ Суздальскимъ, тѣмъ самымъ шутомъ, который боится грамоты и выписываетъ, для удовольствія Сары, нижегородскихъ цыганъ на святкахъ. Она пишетъ къ своей подругѣ, что князь оказываетъ ей свое вниманіе, и это ее безпокоитъ. «Зачѣмъ? что я ему? что онъ мнѣ? — спрашиваетъ она и прибавляетъ:—онъ честный и благородный человѣкъ, онъ не имѣетъ какой-нибудь дурной, непозволительной цѣли. Онъ ничего не хочетъ отъ меня, кромѣ удовлетворенія какого-то страннаго, капризнаго любопытства на мой счетъ»... Это, не знаемъ, почему, напомнило намъ восклицаніе Хлестакова: «нѣтъ, вы это не думайте: я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ... Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста, ну, тогда совсѣмъ другое дѣло...» Но это въ сторону. Съ Сарой случилось вотъ какое обстоятельство: въ село Кирилла Захарьича явился возлюбленный ея—Орбиновичъ, небритый, неприглаженный, съ измятымъ лицомъ, одѣтый неряхой. Она видитъ его въ первый разъ въ церкви и ужасается. Черезъ нѣсколько часовъ онъ проситъ позволенія видѣть ее, и она,—вы думаете, отказывается отъ свиданія?—нѣтъ, она принимаетъ его въ своей комнатѣ, опасаясь, что «иначе онъ подниметъ шумъ въ домѣ». Шумъ, разумѣется, поднимаетъ онъ въ ея комнатѣ, узнавъ, что она его разлюбила и презираетъ. Въ порывѣ бѣшенства, онъ грозитъ показать ея письма къ нему князю Элиму, котораго считаетъ своимъ счастливымъ преемникомъ. Сара страшно изумляется такому мнѣнію, потому что она до сихъ поръ и мыслей не имѣла о князѣ Элимѣ, по ея собственному признанію. Она оправдывается передъ Александромъ и прогоняетъ его отъ себя, а потомъ ложится въ постель, сказавшись больною. Черезъ нѣсколько часовъ входитъ къ ней князь Элимъ и говоритъ: «Сара Егоровна! вы не больны, вы огорчены, удостойте меня вашего довѣрія». Она и удостаиваетъ,—такъ, ни съ того, ни съ сего. Въ письмѣ къ Маргаритѣ, она, потомъ, обругавъ прежняго возлюбленнаго «*подлецомъ*», увѣряетъ, что какой-то «добрый геній шепнулъ ей ему (Элиму) повѣрить все». И продолжаетъ: «я заглушила въ себѣ голосъ приличій свѣтскихъ (да и всякихъ),—сопротивленіе женской скромности, ложный стыдъ за старые грѣхи... Я вылила всю душу, высказала все сердце. Откуда что бралось!..» (Томъ VII, стр. 111). Подлинно, что такъ: откуда что бралось! Князь Элимъ, какъ настоящій шутъ, выслушавъ признаніе, ту же минуту самъ дѣлаетъ ей декларацію въ любви,—и она ту же минуту падаетъ къ нему въ объятія, и говоритъ: «да»... Казалось бы, хоть тутъ могъ быть конецъ глупостямъ. Но нѣтъ: на другой день князь Элимъ письменно дѣлаетъ Сарѣ формальное предложеніе; она соглашается, но требуетъ, чтобы ея рѣшеніе оставалось до времени въ тайнѣ!

Князь Элимъ соглашается. Проходитъ два мѣсяца, свекра Сары разбиваетъ параличъ; она ухаживаетъ за старикомъ, и свадьбы быть не можетъ. Вдругъ, черезъ мѣсяцъ еще, получаетъ она отъ тетки Александра письмо съ извѣщаніемъ, что бабушка его умираетъ, и что только пріѣздъ Сары можетъ спасти ее отъ смерти. Сара, все болѣе теряя употребленіе разсудка, бросаетъ все и ѣдетъ. Пріѣхавъ туда, находитъ, что старуха не умираетъ, а просто груститъ по внукѣ, и вызвала Сару за тѣмъ, чтобы отправить ее въ Москву за Александромъ, который совсѣмъ отбился отъ рукъ и кутитъ тамъ напропалую. Вы думаете, что она разсердилась на это предложеніе, что человѣческое безуміе не можетъ простираться до согласія на такія вещи? Ошибаетесь: она поѣхала, вмѣстѣ

съ теткой Александра, и «отправилась его отыскивать по Москвѣ, *въ полночь*»!... Нашли онѣ его гдѣ-то на Плющихѣ, въ домѣ, знакомства съ которымъ мы никакъ не рѣшились бы подозрѣвать въ сочинительницѣ писемъ, столь возвышенно резонирующихъ. Между тѣмъ, описаніе этого дома, его обитателей и пьяной оргіи, въ немъ происходящей, принадлежитъ къ самымъ живымъ и задушевнымъ мѣстамъ романа: несомнѣнно, что Сара Егоровна въ самомъ дѣлѣ хорошо знакома съ подобными жилищами и съ ихъ бытомъ. Въ комнатѣ, куда вошла Сара съ теткой Александра, нѣсколько пьяныхъ встрѣтили ихъ привѣтствіями такого рода: «милости просимъ, красотки! Къ кому же вы? Все равно, пожалуйте!... Мы добрые ребята, съ нами не соскучитесь»... Наши искательницы приключеній доблестно отбились отъ всѣхъ нападеній и заставили, наконецъ, провести себя къ Александру, хотя имъ и говорили, что «наврядъ-ли онъ можетъ видѣть васъ». Онѣ нашли его «въ крошечномъ альковѣ, гдѣ была кровать, на которой сидѣла женщина, очень недурная, но съ наглою, дерзкою физіономіею, носящею отпечатокъ безнравственности и порока. Подъ ногами у нея была скамейка, на скамейкѣ сидѣлъ человѣкъ въ грязномъ халатѣ, небритый, немытый, нечесанный, и упирался головой на колѣни этой женщины; то былъ Александръ Орбиновичъ»... Онъ былъ пьянъ; но Сара начинаетъ ему проповѣдывать о любви къ теткѣ. Онъ говоритъ, что всѣ женщины равны, лишь были бы хорошенькія, и цѣлуется съ своей Полей, приговаривая, что она славная дѣвка, стоитъ всякой барыни... Кажется, ясно: Сарѣ надобно хоть сейчасъ отправляться къ своему Элиму. Не тутъ-то было: на другой день она опять является съ теткой къ Александру; Полю выталкиваютъ въ шею за дверь, а его перевозятъ на другую квартиру и начинаютъ лѣчить. Сара за нимъ ухаживаетъ. Такое нелѣпое поведеніе, наконецъ, выводитъ изъ себя самого князя Элима: онъ пишетъ Сарѣ письмо, въ которомъ проситъ ее оставить Орбиновича. Она не слушается, потому что Фаина Якимовна проситъ ее дождаться выздоровленія Орбиновича, а сама, къ довершенію нелѣпости, уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ умираетъ бабушка Аграфена Тихоновна. Сара остается одна съ больнымъ, въ отдѣльномъ флигелѣ въ Москвѣ. Князь Элимъ какъ разъ въ это время проѣзжаетъ черезъ Москву въ Петербургъ и, побывавши на дворѣ того дома, гдѣ живетъ Сара съ Александромъ, разспросилъ у дворника и уѣхалъ, чтобы не тревожить Сары, а потомъ прислалъ ей письмо, въ которомъ разсказалъ, что былъ у нея и что черезъ десять дней опять будетъ въ Москвѣ и возьметъ ее съ собой въ деревню. Для этого она должна оставить Орбиновича, ждать его въ гостиницѣ Дрезденъ или у Мореля. Она перебирается въ Дрезденъ, Александръ прибѣгаетъ туда къ ней, грозитъ застрѣлиться, дѣлаетъ страшный скандалъ и падаетъ въ безпамятствѣ. Его оставляютъ въ той же гостиницѣ. Между тѣмъ, князь Элимъ, пробывши въ Петербургѣ дольше, чѣмъ разсчитывалъ, предположилъ, что, Сара уже уѣхала безъ него, и, не справившись о ней въ гостиницѣ, уѣхалъ изъ Москвы одинъ. Она узнала объ отъѣздѣ его изъ газетъ и предположила, что онъ ее бросилъ за тотъ скандалъ, какой надѣлалъ съ нею Орбиновичъ. Вышло, видите, взаимное недоразумѣніе, достойное такихъ недоумковъ, какъ Сара и Элимъ. Вообразивши свое несчастіе, Сара рѣшается уже остаться до конца съ Александромъ и проводить его въ деревню къ бабушкѣ. Но мелкая душонка ея и тутъ не выдерживаетъ: она начинаетъ мучить и дразнить больного, чтобы выместить на немъ свою досаду. Несмотря на то, черезъ мѣсяцъ, бабушка, умирая, проситъ ее выйти замужъ за Александра, и она соглашается!... На другой день Элимъ, провѣдавъ, наконецъ, гдѣ она, является къ ней и разрѣшаетъ недоразумѣніе; но уже поздно... Она обручена съ другимъ при постели умирающей Аграфены Тихоновны. У князя Элима достало столько смысла, чтобы сказать Сарѣ, что это вздоръ, что она можетъ избавиться отъ своего обязательства... Но она пишетъ ему мелодрамное объясненіе, въ которомъ говоритъ: нѣтъ, Элимъ, нѣтъ, князь!.. Ужели я обману покойницу и пр., на двѣнадцати страницахъ. Впрочемъ, это не рѣшимость, а опять только малодушіе; она ищетъ лазейки, надѣется, ждетъ и еще цѣлый годъ не вѣнчается съ Орбиновичемъ. Наконецъ, она рѣшается на послѣдній шагъ, и то со злости: Орбиновичъ взбѣсился на нее, услыхавъ, что Элимъ ѣдетъ туда, гдѣ они живутъ, и попрекнулъ ее... Она взбѣсилась на Орбиновича и на завтра назначила день свадьбы... Элимъ отправляется путешествовать; Александръ на пятый годъ послѣ женитьбы умираетъ. Сара еще разъ видится съ Элимомъ на бастіонѣ Севастополя, гдѣ онъ былъ раненъ, а она была въ числѣ сестеръ милосердія.— Въ заключеніе авторъ говоритъ: стало быть, названіе этой длинной повѣсти не солгано: всѣ дѣйствующія лица *у пристани*, каждый по своему, кто уже въ томъ мірѣ, кто еще въ этомъ, но уже готовый къ тому...

Намъ утомительно было пересказывать эту длинную исторію, въ которой женщина, толкующая о нравственности, о возвышен-

ныхъ чувствахъ и о разумныхъ требованіяхъ, ведетъ себя такъ пошло, безумно и безнравственно... Но тѣмъ сильнѣе наше удивленіе къ искусству автора, умѣвшаго представить такую невообразимую, чудовищную несообразность со здравымъ смысломъ въ поведеніи женщины резонерки, сочиняющей письма въ два тома величиною... И, что всего замѣчательнѣе, авторъ ни на минуту не выпустилъ изъ виду своей роли драматическаго писателя: онъ нигдѣ не высказываетъ своего личнаго воззрѣнія на своихъ героевъ... Напротивъ, онъ до того входитъ въ ихъ положеніе, до того проникается ихъ интересами, что излагаетъ ихъ чувства и убѣжденія совершенно такъ, какъ будто свои собственныя. Несмотря на весь комизмъ водевильныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ, несмотря на баснословную глупость и анекдотическую пошлость героевъ, авторъ ни разу не поддался искушенію выставить ихъ искусственно въ комическомъ свѣтѣ... Напротивъ, герои превозносятъ другъ друга совершенно серьезно, безъ малѣйшаго юмора, и даже Сара Волтынская описывается, какъ «единственная женщина, съ душою свѣтлою и теплою, какъ солнце, твердою и непоколебимою, какъ гранитъ» и пр. Это умѣнье автора не выказывать своего взгляда на изображаемыя личности—можетъ, пожалуй, опять ввести многихъ въ заблужденіе. Могутъ подумать, судя по тону изложенія, что авторъ серьезно считаетъ свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, безъ сомнѣнія, очень грустно для автора, и потому мы думаемъ, что, рѣшившись на такой подробный разборъ романа, оказываемъ автору услугу, ставя читателей на настоящую точку зрѣнія. И кто станетъ на эту точку, тотъ найдетъ въ романѣ графини Евдокіи Ростопчиной неисчерпаемый источникъ комическихъ сценъ, положеній и характеровъ... Забавнѣе Сары Егоровны, съ ея безконечными разглагольствованіями, двухъ-томными письмами, обличеніями современныхъ идей, страстью къ ухарству и цыганамъ, мелочностью и чувственностью, цитатами изъ временъ регенства, противорѣчіями самыми дикими и безтолковыми,—забавнѣе ея мы не знаемъ ни одной женщины въ русской литературѣ. Нѣкоторое слабое ея подобіе представляетъ госпожа Каурова въ пьесѣ: «Завтракъ у предводителя» [1]), но не болѣе, какъ слабое. Совершеннно же полное и живое выраженіе этого типа представила намъ нынѣ графиня Евдокія Ростопчина.

---

106. Стихотворенія первой молодости.

Е. Вердеревскаго. Пѣсни, думы, посланія. Москва. 1857.

Отъ Зауралья до Закавказья.

Юмористическія, сантиментальныя и практическія письма съ дороги, *Е. Вердеревскаго.* Москва. 1857.

Напечатано въ XI кн. «Современника» 1857 г. (ценз. 31 октября).

Поэты à la Вердеревскій въ 1856—59 годахъ полѣзли изъ всѣхъ щелей и «обогащали» нашу литературу неимовѣрными произведеніями своего безталаннаго версификаторства. Конечно, критика не могла проходить ихъ совершеннымъ молчаніемъ, и вотъ Добролюбовъ изрѣдка занимался ими съ кнутомъ своего юмора въ рукахъ.

М. Л.

«Стихотворенія первой молодости» г. Вердеревскаго расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и подъ каждымъ подписано мѣсто созданія его: похвальный обычай, напоминающій манеру графини Евдокіи Ростопчиной и свидѣтельствующій объ отеческой внимательности автора къ чадамъ своей юности, или, точнѣе, первой молодости [2]). Мы полагаемъ, что *первую* молодость достаточно считать—этакъ лѣтъ до двадцати-пяти: иначе для *второй* молодости ничего уже не остается. Стихотворенія, напечатанныя нынѣ г. Вердеревскимъ, обнимаютъ пространство времени въ одиннадцать лѣтъ, отъ 1845 до 1855 г. включительно: слѣдовательно, нѣкоторыя изъ твореній его музы относятся къ четырнадцати или пятнадцати-лѣтнему возрасту. «Пятнадцать только лѣтъ!» восклицаетъ читатель.

---

[1]) И. С. Тургенева.

[2]) См. № 105.

«Не болѣе того», отвѣчаемъ мы, безъ всякихъ прибавленій. Дѣло не въ возрастѣ: отчего въ пятнадцать лѣтъ и не писать стиховъ? отчего даже и не печатать ихъ если есть охота? Тутъ ничего нѣтъ дурного. Напротивъ, это даже очень хорошо, съ политико-экономической точки зрѣнія. Для печатанія книги покупается бумага, дается работа наборщику и другимъ работникамъ въ типографіи, потомъ переплетчику и т. д., и все это, надо замѣтить, юный поэтъ, т.-е. поэтъ первой молодости, дѣлаетъ совершенно безкорыстно, безъ всякихъ видовъ на вознагражденіе, изъ одной чистой любви къ человѣчеству. Въ этомъ случаѣ онъ приближается, по величію души своей, къ графу Хвостову, который, чтобы оживить книжную торговлю, самъ даже и скупалъ всѣ свои произведенія. Вѣроятно, нашъ поэтъ первой молодости не дойдетъ до такой крайней благонамѣренности; но уже и дѣло изданія книги, и даже двухъ, никому не нужныхъ и не интересныхъ, достаточно обнаруживаетъ самоотверженіе автора и степень его желанія поощрить нашу книжную промышленность. За это нельзя не похвалить поэта первой молодости: если уже и теперь онъ столь самоотверженно подвизается для общественнаго блага, по мѣрѣ силъ своихъ, то чего же можно ожидать отъ него въ лѣтахъ зрѣлаго мужества! Извѣстно, что благонамѣренность возрастаетъ съ лѣтами. Изъ обнародованныхъ доселѣ документовъ, публика знаетъ, какими исполинскими шагами идетъ впередъ благонамѣренность остроумнаго фельетониста и водевилиста нашего — графа Соллогуба; г. Вердеревскій и съ нимъ состязается. Въ сочиненіяхъ графа Соллогуба находится ода-симфонія: «Слава Россіи», сочиненная имъ вмѣстѣ съ г. Вердеревскимъ, въ умилительномъ единогласіи. Въ стихотвореніяхъ же г. Вердеревскаго напечатаны стихи «На елку», въ которыхъ онъ извиняется, что не можетъ пріѣхать на елку къ графу Соллогубу; но, взамѣнъ того, говоритъ онъ,—

«Все же я,—мнѣ думать сладко,—
Вмѣстѣ съ вами помолюсь,
Чтобъ по прежнему, *не шатко*
Простояла наша Русь»;

чтобы посрамился врагъ лукавый, и

«Чтобъ черезъ годъ всѣ *дѣти наши*,
Дѣти русской всей земли,
Точно такъ, какъ *нынче* ваши,
Елку радостно зажгли,
И въ огняхъ, для нихъ зажженныхъ,
Чтобъ увидѣли они,
Что отцевъ непобѣжденныхъ
Были *гордыми* дѣтьми» и проч.

Мысли нѣсколько темно выражены, стихи плоховаты, — но благонамѣренность ясно видна. Сейчасъ видно, что поэтъ во что бы то ни стало хотѣлъ славу Россіи приклеить къ елкѣ графа Соллогуба; если это ему и не удалось, то благородство чувствованій ни мало не потерпѣло оттого въ яркости своего выраженія [1]).

Авторъ первой молодости, очевидно, нуждается въ нѣкоторыхъ наставленіяхъ; но мы боимся, чтобы не сказать чего-нибудь непріятнаго юному поэту, и чтобы не подать ему повода создать такое же стихотвореніе, какое создалъ онъ десять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ. Стихотвореніе называется «Рецензенту первыхъ напечатанныхъ моихъ стихотвореній» (подражаніе Лермонтову) и состоитъ изъ слѣдующихъ строкъ:

«За все, за все тебя благодарю я,
Газетный шмель, бездарный Я—я—я! [2])
За брань твою, за то, что, негодуя,
Своей хвалой не заклеймилъ меня;
«За глупость фразъ, растраченныхъ въ пустынѣ,
Гдѣ ты святыхъ именъ не пощадилъ...
О, сдѣлай такъ, чтобы тебя отнынѣ
Я, какъ теперь, всегда благодарилъ!»

Положимъ, что авторъ былъ юнъ (вѣроятно, лѣтъ шестнадцати), когда это сочинилъ; но вѣдь онъ теперь, черезъ десять лѣтъ, напечаталъ свой остроумный отвѣтъ въ собраніи своихъ стихотвореній. Тутъ и мудрое правило Квинтиліана не помогло... и мы, кажется, съ полной основательностью можемъ предполагать, что и нынѣ г. Вердеревскій «не пощадитъ святыхъ именъ», чтобы кольнуть своего рецензента. Чего добраго, вдругъ, напримѣръ, вздумаетъ онъ перепародировать хоть гетевскую балладу:

«Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною, мглой—»

или мѣсто изъ Пушкина:

«Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ» и проч.

Для насъ это будетъ очень прискорбно, именно потому, что мы уважаемъ память великихъ именъ.

Чтобъ избѣгнуть подобнаго горестнаго обстоятельства, мы ограничимся нѣсколькими размышленіями, болѣе касающимися современной литературы вообще, нежели въ частности поэта первой молодости. Къ этимъ размышленіямъ привели насъ два стихотворенія г. Вердеревскаго и примѣчаніе къ одному изъ нихъ, въ которомъ онъ жалуется на тѣсныя времена для поэзіи во время между 1845 и 1855 г. «Конечно, не для одного пишущаго эти строки, говоритъ

[1]) См. № 95.
[2]) Псевдонимъ «критика» Л. В. Бранта.

онъ, десятилѣтнее гоненіе на поэзію было истиннымъ, настоящимъ *безвременьемъ*». — «Оно, продолжаетъ поэтъ, постоянно останавливало въ душѣ лирическіе порывы, возбуждало въ писателяхъ постоянный вопросъ: *къ чему*? заставляло многихъ сомнѣваться въ своемъ поэтическомъ призваніи» и проч... Все это, разумѣется, горько для юнаго сердца, полнаго желаніемъ повѣдать о себѣ міру въ риѳмованныхъ строчкахъ, но едва ли это такъ гибельно для литературы, какъ думаетъ г. Вердеревскій. Онъ сожалѣетъ, что отъ *безвременья* для стиховъ многія русскія думы остались невысказанными, многія задушевныя пѣсни не пропѣтыми. Но, значитъ,—слабы и плохи были эти пѣсни, не глубоки были эти думы, если ихъ задавило журнальное гоненіе. Нечего и жалѣть о нихъ. Что за думы таились въ головахъ нашихъ загнанныхъ поэтовъ, — это мы видѣли въ послѣднее время, когда внезапно явились стихотворенія Аполлона де-Сангленъ, Кроля, Розенштрема, Суслова, Смурова и проч. Вѣроятно, у каждаго изъ названныхъ поэтовъ есть русскія думы и задушевныя пѣсни; но что же пріобрѣла въ нихъ русская литература? Мы думаемъ, что ничего. Журналистика дѣлала свое дѣло: она остерегала молодыхъ авторовъ отъ безразсудныхъ увлеченій, свойственныхъ первой молодости, — въ увѣренности, что истинный талантъ не пропадетъ отъ журнальныхъ насмѣшекъ, а найдетъ достаточно силы въ самомъ себѣ. Такихъ талантовъ, къ сожалѣнію, не являлось; но это ужъ не вина журналистики. А явись человѣкъ съ сильнымъ поэтическимъ талантомъ, съ горячимъ сочувствіемъ къ интересамъ родины, съ умѣньемъ отозваться благородно и смѣло на всѣ общественныя и народныя явленія Руси, — нѣтъ сомнѣнія, что такой поэтъ былъ бы встрѣченъ общимъ вниманіемъ и былъ бы поддержанъ всѣми и въ 1845, и въ 1850 г. точно такъ же, какъ въ 1835 или въ 1857. А то, скажите на милость, за что же поддерживать-то? Неужели слабые дѣтскіе отголоски на чужой мощный голосъ заслуживаютъ одобренія и поощренія? Что же тутъ особеннаго, что человѣкъ въ первой молодости, изучивъ Лермонтова, перевертываетъ его на разные лады, разводя его куплеты на цѣлыя стихотворенія, и его строчки на цѣлыя страницы? Что, напримѣръ, есть живого и задушевнаго въ думѣ Урала, которому говоритъ путникъ:

«*Развлеки свою кручину*,—
Съ дикой высоты
Величавую картину
Тамъ увидишь ты:
Здѣсь кочующихъ народовъ
Легкіе шатры;
Тамъ безчисленныхъ *заводовъ*
Дымные костры,
И *гряды* отгорій мрачныхъ,
Дикихъ скалъ гранитъ
И равнинъ *зеленозлачныхъ*
Оживленный *видъ* (увидишь видъ!).
Дальше—молотъ бьетъ, грохочетъ,
Цѣлый день, всю ночь,
Будто скалъ твердыни хочетъ
Въ зерна истолочь (!?).
Дальше, тамъ, гдѣ плавно льется
Сонная рѣка,
Заунывно раздается
Пѣсня бурлака...» и т. д., и т. д.

Все стихотвореніе, написанное въ 1854 году въ Тифлисѣ, занимаетъ восемь страницъ. Да вѣдь эти вялые звуки напоминаютъ намъ другой,—энергическій, мощный стихъ, послѣ котораго, право, не хочется и дочитывать думу Урала, авторъ которой знаетъ русскій языкъ ни чуть не лучше путника, разговаривающаго съ нимъ. И къ чему, напримѣръ, на мотивъ Лермонтова:

«Пускай холодною землею
Засыпанъ я...»

писать въ Екатеринбургѣ, Пермской губерніи, въ 1849 году, застольную пѣсню:

«Конецъ мой ранній я предвижу,
Но предъ концомъ
Пережитаго не увижу...» и проч.

Зачѣмъ послѣ этихъ живыхъ, сердечныхъ стиховъ:

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ...» и пр.

читать намъ такіе вирши:

Любила-бъ она; но изъ смертныхъ не могъ ни одинъ
Къ себѣ обратить ея взора;
Привлечь ея душу умѣлъ бы душой исполинъ—
Но гдѣ человѣкъ безъ укора...» и т. д.

Зачѣмъ, послѣ «Думы», «Перваго января», «Не вѣрь себѣ», — читать намъ то же, пережованное и искаженное въ неловкихъ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«Мы вѣтрено мѣняемъ съ каждымъ днемъ
Ошибки старыя на новыя ошибки;
Мечтаемъ мы, что къ лучшему идемъ,—
А прошлое? мы говоримъ о немъ
Съ гримасою презрительной улыбки!» и т. д.

Или:

«..... святымъ призваніямъ не вѣря,
На все живущее мы холодно глядимъ,
Бездѣйствуемъ, и дни лишь скукой мѣря,
Мы ни любить, ни вѣрить не хотимъ...

Нѣтъ, лучше бы не было такихъ вещей въ русской литературѣ. Всякое кушанье, какъ бы оно ни было хорошо, теряетъ свой вкусъ, когда возвращается изъ чужого

рта, уже пережованное. Мы будемъ лучше читать самого Лермонтова и оставимъ въ покоѣ тѣ подражанія ему, которыя составляются поэтами первой молодости.

Всѣ эти размышленія мы не относимъ собственно къ г. Вердеревскому, у котораго въ числѣ 77 стихотвореній его книжки есть два-три недурныхъ, какъ, напримѣръ, «Три сцены», «Возвращеніе»,—пьесы, обнаруживающія теплое чувство въ поэтѣ первой молодости.

Вмѣстѣ съ книжкою стихотвореній, г. Вердеревскій издалъ письма съ дороги, въ которыхъ самъ признаетъ присутствіе юмора и сентиментальности. Письма эти печатались года два въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ доканчивались въ «Кавказѣ». Тамъ было ихъ настоящее мѣсто; но какъ отдѣльная книга, они едва ли возбудятъ интересъ въ читателяхъ. Письма,—какъ письма. Нѣтъ въ нихъ ничего рѣзкаго, ничего слишкомъ глупаго или слишкомъ умнаго, нѣтъ курьезностей, какія попадаются въ путевыхъ замѣткахъ гг. Погодина, Греча, Пауловича и т. п. Все чинно, ровно, все какъ слѣдуетъ. Авторъ и объ Ирбитской ярмаркѣ говоритъ и даже представляетъ таблицу ея оборотовъ за десять лѣтъ, и о пермскомъ обществѣ, и о плаваніи по Камѣ, и о памятникѣ Державину въ Казани, и о клубѣ въ Симбирскѣ, и объ одеждѣ и физіономіи донскихъ казаковъ, и о видахъ на Кавказѣ, и о водахъ въ Пятигорскѣ. И все это приличнымъ слогомъ, съ нѣкоторымъ порывомъ къ остроумію, нѣсколько растянуто и скучно, но безъ поразительныхъ выходокъ, такъ что почти и упомянуть не объ чемъ. Развѣ выписать образцы трехъ родовъ изложенія, на которые раздѣляетъ г. Вердеревскій свои письма? Вотъ это, вѣроятно, надо отнести къ практическому роду:

«Отъ духана, въ которомъ мы пообѣдали превосходнымъ шашлыкомъ и свѣжими огурцами и расплатились съ владѣльцами буйволовъ и съ услужливыми пасанаурскими солдатами, мы поѣхали въ Анануръ, по уцѣлѣвшей здѣсь дорогѣ и на почтовыхъ лошадяхъ, взятыхъ нами съ пасанаурской станціи».

А вотъ образецъ юмора:

«Послѣ обѣда, по распоряженію князя (въ Кабардинскомъ аулѣ) началась джигитовка. Затѣмъ послѣдовала игра въ палки,—не та игра въ палки, которая такъ интересна въ нашихъ клубахъ,—а другая, въ которой играютъ главную роль не карты, а настоящія палки или дубинки хорошаго размѣра».

Въ образецъ сентиментальности можемъ указать на размышленіе автора о томъ, зачѣмъ Лермонтовъ похороненъ въ Россіи, а не на Кавказѣ. Авторъ пишетъ:

«Мнѣ кажется, поэту Кавказа, такъ любившему эти горы, посреди которыхъ возрастало и зрѣло его творчество, посреди которыхъ вылетѣло послѣднее дыханіе изъ груди его, — лучше, отраднѣе было бы покоиться подъ сѣнью воспѣтыхъ имъ вершинъ, въ нѣдрахъ любимой имъ природы!..»

Не знаемъ еще, къ какому роду отнести то мѣсто путевыхъ писемъ, гдѣ авторъ доказываетъ образованность пермскаго общества, между прочимъ, тѣмъ, что здѣсь «имена *Авдѣева* или *Тургенева*, *Григоровича* или *Дружинина* произносятся часто съ уваженіемъ...» Въ этомъ сочетаніи именъ долженъ быть злой юморъ.

---

107. Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Выпускъ I. Спб. 1857 г.

Напечатано въ XI кн. «Современника» 1857 (ценз. 31 октября).

Рецензія очень ядовита и не даромъ. Какому-нибудь Галахову или Лонгинову Добролюбовъ готовъ былъ простить крохоборство и мелочность въ литературѣ,—отъ нихъ, какъ людей отрѣшенныхъ отъ запросовъ современной жизни, нечего было и требовать. Но когда мелочами и вопросами узкаго спеціальнаго интереса занялась университетская молодежь, которая, по его мнѣнію, обязана была учиться и учить другихъ стать въ уровень современныхъ общественныхъ потребностей, должна была, не вдаваясь въ частности, стремиться къ выработкѣ въ себѣ основныхъ взглядовъ и построенію стройнаго міросозерцанія, — тогда Добролюбовъ не могъ не осмѣять псевдоученаго крохоборства и тѣмъ ясно и опредѣленно не указать студенчеству на его истинное призваніе. Голосъ Н. А. былъ почти одинокъ—и тѣмъ слышнѣе онъ былъ молодежи. Она не поддержала «Сборниковъ», и на второмъ выпускѣ они кончились,—на третій уже не хватило матеріала...

М. Л.

Давно уже въ Петербургѣ носились слухи о «Сборникѣ», предпринятомъ студентами университета. Съ осени прошлаго года, въ кружкахъ, близкихъ къ университету, безпрестанно слышались толки о предполагаемомъ изданіи, изъ котораго одни дѣлали журналъ, другіе—учено-литературный сборникъ, третьи — просто сборникъ студентскихъ диссертацій. Сначала находились скептики, отвергавшіе возможность подобнаго изданія; но 26-го октября 1856 года подано было студентами формальное прошеніе въ Совѣтъ университета, а 30 января 1857 года вышло разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія касательно изданія студентскаго «Сборника». Не теряя времени, студенты принялись за работу. Немедленно во всѣхъ журналахъ и газетахъ напечатаны были объявленія объ изданіи, повѣщены публикѣ имена редакторовъ, на которыхъ возлагалась отвѣтственность изданія, разосланы во всѣ концы Россіи и даже за границу особо напечатанныя программы изданія, приглашенія и пр. Въ одной изъ этихъ программъ было сказано, что «Сборникъ студентскій» хочетъ, между прочимъ, служить отзывомъ на призывъ, обращенный ко всѣмъ студентамъ издателями журнала «Voix des écoles». Это многихъ поставило было въ недоумѣніе относительно характера ожидаемаго студентскаго изданія, — такъ какъ извѣстно, что «Voix des écoles» помѣщаетъ у себя школьные анекдоты, игривые разборы сорбонскихъ лекцій и т. п. Но вскорѣ всѣ успокоились, когда объявлено было, что студентская редакція поступаетъ подъ надзоръ одного изъ профессоровъ, М. И. Сухомлинова, извѣстнаго нашего молодого ученаго. Кромѣ того, студенты обращались къ нѣкоторымъ высокимъ особамъ, ученымъ и литераторамъ, съ просьбою ободрить ихъ начинаніе. Такъ, обратились они къ С. Т. Аксакову, какъ автору «Семейной хроники» и «Записокъ объ уженіи рыбы и о ружейной охотѣ»,—столь памятныхъ русской публикѣ; такъ, обратились они къ Н. И. Пирогову, какъ знаменитѣйшему изъ нашихъ врачей хирурговъ. Г. Аксаковъ отвѣчалъ, что онъ оченъ радъ начинанію студентовъ и очень имъ благодаренъ за ихъ вниманіе; г. Пироговъ же написалъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: «Если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденіе, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни убѣжденія не помогутъ («Сб.», стр. VI, пред.).

Ободренные, такимъ образомъ, высокимъ вниманіемъ просвѣщенныхъ особъ, студенты, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова, приступили къ трудамъ по изданію. Учреждены были сходки студентовъ-редакторовъ черезъ каждыя двѣ недѣли на квартирѣ профессора-редактора, а 20 апрѣля былъ даже большой сходъ въ одномъ изъ залъ университета. Этотъ сходъ удостоенъ былъ посѣщеніемъ нѣсколькихъ любителей и любительницъ просвѣщенія, не принадлежащихъ къ университету. Одна изъ дамъ написала въ редакцію восторженное письмо, которое тоже напечатано въ «Сборникѣ». Письмо полно энтузіазма. — «Я вполнѣ сознала, — говоритъ неизвѣстная дама, — чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья... И закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко... И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастіе на счастьѣ всѣхъ ее окружающихъ, научить женщину сбросить пустую жизнь, убивающую всякую нравственную дѣятельность»... и пр., въ томъ же родѣ... Редакція ничего не прибавляетъ къ этому письму; но уже самое напечатаніе письма служитъ доказательствомъ, что она надѣется, съ своимъ почтеннымъ руководителемъ, исполнить всѣ надежды, высказываемыя восторженною корреспонденткой; иначе къ чему было и печатать ея письмо?

Впрочемъ, первый выпускъ, являющійся нынѣ, какъ результатъ всего, описаннаго выше, движенія, еще не выполняетъ ни одной изъ этихъ надеждъ. Въ немъ находимъ направленіе скорѣе чисто научное, нежели общественное. Большихъ статей въ первомъ выпускѣ четыре: «О Герберштейнѣ», гг. Григоровича, Корелкина и Новикова (сводъ въ одно трехъ диссертацій); «Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій», статья А. Коркина; «Гюлистанъ Саади», статья Ю. Богушевича; «О новгородской судной грамотѣ», статья Ѳ. Панова. Достоинство всѣхъ этихъ разсужденій, какъ студентскихъ трудовъ, не нуждается въ нашемъ сужденіи: всѣ они напечатаны съ одобренія профессоровъ, къ факультету которыхъ относятся. Изъ профессорскихъ отзывовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ», видно, что за авторами признаны и знаніе источниковъ и пособій, и трудолюбіе, и умѣнье правильно подбирать данныя, и логическая послѣдовательность, и ясность изложенія. Конечно, нельзя отъ «Сборника» студентовъ ожидать какихъ-нибудь новыхъ

плодотворныхъ взглядовъ на науку, замѣчательныхъ открытій и т. п.,— нельзя, кромѣ другихъ причинъ, уже и по самой организаціи изданія, какъ она теперь установлена. Но все же и въ этихъ статьяхъ, составляющихъ вообще не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе профессорскихъ лекцій и мнѣній, — гораздо уже болѣе значенія, нежели въ «Трудахъ» разныхъ воспитанниковъ, издававшихся въ былое время другими заведеніями. Тамъ видали мы переводы, въ видѣ критическихъ обзоровъ, перифразы напечатанныхъ профессорскихъ записокъ, водяные историческіе разсказы по учебникамъ, да еще развѣ какія-нибудь глоссы, кропотливо приведенныя въ алфавитный порядокъ, чѣмъ и ограничивались всѣ многотрудныя соображенія автора. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ, дѣйствительно, если не настоящую ученость, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое знакомство съ учеными пріемами. Здѣсь же видимъ мы и торжество той школы, которая отвергаетъ общіе взгляды, и видимъ настоящую пользу университетскихъ занятій въ изученіи мелочей и частностей. Извѣстно, что есть люди, которые, занесшись слишкомъ высоко, полагаютъ, что юношество, вступающее въ университетъ, достаточно уже запаслось частными знаніями и фактами всякаго рода еще въ среднихъ заведеніяхъ, и что въ университетѣ оно уже должно узучать философію науки; что здѣсь должны господствовать духъ и идея, а буква и всѣ мелочи должны служить только для напоминанія, и потомъ для повѣрки. Эти люди жестоко ошибаются. Гораздо лучше ихъ понимаютъ положеніе нашихъ университетовъ тѣ, которые держатся мнѣнія совершенно противоположнаго. Они совсѣмъ и не думаютъ о какихъ-нибудь взглядахъ, они разсуждаютъ такъ: «если человѣкъ посвятитъ всю жизнь такому-то предмету, то, можетъ быть, и взглядъ какой-нибудь составитъ; а если нѣтъ, то на что ему взгляды? Будетъ только судить и рядить, не понимая дѣла. Пусть же лучше займется, какъ слѣдуетъ, основательно». И на этомъ основаніи, вмѣсто философіи языка, читается просто перечень всѣхъ корней словъ въ языкѣ, или пространно толкуется о разныхъ тонкостяхъ правописанія, напримѣръ, съ большой или маленькой буквы писать прилагательныя, произведенныя отъ именъ собственныхъ. Вмѣсто обзора исторической жизни, останавливаются, по нѣсколько лекцій, на томъ, что значитъ какой-нибудь аористъ вмѣсто прошедшаго совершеннаго въ какомъ-нибудь греческомъ источникѣ. Вмѣсто характеристики писателя, представляютъ полное собраніе достовѣрныхъ, но разнорѣчащихъ свидѣтельствъ о томъ, какого числа онъ родился, на какомъ году написалъ первое стихотвореніе и на какой улицѣ жилъ передъ смертью. Въ такомъ же родѣ даютъ труды и студентамъ: сличить два изданія древняго памятника, подвести варіанты къ изданію по рукописи, сдѣлать сводъ всѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ упоминается такое-то имя и т. п. Студенты работаютъ и, отвыкая отъ безплодныхъ высшихъ взглядовъ, пріучаются къ серьезному основательному труду, начинаютъ находить вкусъ въ занятіяхъ и пріобрѣтаютъ усидчивость и ту примѣтливость къ мелочамъ, которая такъ необходима истинному ученому. Правда, при такомъ направленіи, грозитъ имъ опасность остаться при однѣхъ мелочахъ, но это, собственно, не бѣда: все-таки, хоть что-нибудь да есть, вмѣсто пустоты общихъ взглядовъ. Намъ могутъ возразить, что самое тщательное, мелочное изученіе предмета можетъ быть помирено съ живымъ и широкимъ взглядомъ на него. Но такое примиреніе нужно будетъ предоставить уже истинно ученымъ, какихъ у насъ крайне мало, а не студентамъ нашихъ университетовъ, для которыхъ лѣтописи и Мишле, варіанты ериковъ въ древнихъ спискахъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ—вещи рѣшительно несовмѣстимыя. Если наши студенты будутъ рѣшаться на высказыванье собственныхъ общихъ взглядовъ, то обнаружатъ только бѣдность своихъ знаній и безсиліе своей мысли, которая весьма легко скрывается при занятіи частностями предмета. Напримѣръ, гг. Григоровичъ, Корелкинъ и Новиковъ представили сводную диссертацію свою о Герберштейнѣ. Все, что говорятъ они, не ново со времени Аделунга и Карамзина. Сначала идетъ біографія Герберштейна, составленная по сочиненію Аделунга; далѣе разбирается достовѣрность извѣстій Герберштейна о Россіи, и перебираются лица, сообщавшія ему свѣдѣнія, разсматриваются обстоятельства, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, приводятся древніе памятники, бывшіе у него въ рукахъ. Все это не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе разныхъ намековъ и указаній Карамзина, съ добавленіемъ кое-какихъ свѣдѣній, добытыхъ послѣ него нашими учеными. Но все же, здѣсь видно трудолюбіе и внимательное изученіе предмета, какъ, напримѣръ, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ диссертація слѣдитъ за Герберштейномъ въ его изложеніи русской исторіи и указываетъ подробнѣшимъ образомъ, гдѣ онъ не понялъ лѣтописи, гдѣ сократилъ ея разсказъ, гдѣ измѣнилъ, гдѣ прибавилъ свое слово. При такомъ строго ученомъ слѣдованіи трудно, по крайней мѣрѣ, впасть въ заблужденіе. Можно,

конечно, дѣлать ошибки и тутъ, но и ошибки эти могутъ быть только такого свойства, что будутъ доказывать развѣ недостатокъ сообразительности и ограниченность круга зрѣнія автора. Совсѣмъ другое дѣло—статья г. Ю. Богушевича о Гюлистанѣ, въ которой авторъ широко раскидываетъ свои взгляды, выдавая за новость, что на Востокѣ умственный застой, и что исламъ ниже христіанства. Съ этими высокими взглядами г. Богушевичъ добился только того, что и профессоръ (г. Березинъ) замѣтилъ въ немъ недостатокъ историческаго изученія, и даже редакція «Сборника» сама созналась, что статья «не выдерживаетъ исторической критики». Да еще и это куда бы ни шло. Вышло нѣчто, еще болѣе неудачное: въ своемъ задорномъ стремленіи доказать зловредность ислама, г. Богушевичъ, истощивши всѣ силы своей мыслительной способности, прибѣгъ къ пособію реторики, которая увлекла его къ тирадамъ въ родѣ слѣдующей:

«Послѣ первыхъ вѣковъ бурной жизни, когда исламъ разливался кровавою лавою, съ быстротою и неудержимостью горнаго весенняго потока, потрясая умы своимъ палящимъ фанатизмомъ и возбуждая ихъ къ новой жизни и дѣятельности,—послѣ этихъ первыхъ вѣковъ, когда страшный потокъ разлился въ разныя стороны и потерялъ единство своей идеи и цѣли, все застыло и превратилось, подобно лавѣ, въ твердую, почти безжизненную, бѣдно-производительную массу, такъ, что тотъ же исламъ, который прежде двинулъ Востокъ такъ далеко впередъ, на извѣстныхъ предѣлахъ остановилъ его, повисъ надъ нимъ неодолимою судьбою и надолго запечатлѣлъ его роковою печатью неподвижности» (стр. 181).

Подобныя тирады бываютъ роковыми для ихъ авторовъ: трудно ужъ подняться хоть сколько-нибудь въ глазахъ читателя, сунувши ему въ глаза такихъ десять строчекъ. Онъ ужъ все такъ и будетъ думать: «да нѣтъ, — это все какая-то нескладная аллегорія. Лава, кровь, весенній потокъ съ палящимъ фанатизмомъ, теряющій единство своей цѣли и вдругъ повиснувшій судьбою. Нѣтъ, это все не клеится. Вѣрно, и всѣ взгляды автора таковы же». И читатель будетъ имѣть право дѣлать такое сужденіе, потому что отъ всякаго, кто пускается въ высшіе взгляды, всегда требуются не громкія фразы, а ясное, отчетливое убѣжденіе, которое въ изложеніи должно быть доведено до простоты и осязательности факта. Для такого изложенія нужно въ самомъ дѣлѣ овладѣть предметомъ, и вотъ почему мы говоримъ, что для нашихъ студентовъ гораздо выгоднѣе заниматься разработкой частностей, нежели пускаться въ общіе обзоры. Тамъ можно и не доглядѣть многаго, и обойти многое — бѣды не будетъ. Напримѣръ, возьмемъ хоть ту же диссертацію о Герберштейнѣ: несмотря на подробный разборъ содержанія его записокъ, несмотря на множество ученыхъ сличеній, читатель, по прочтеніи всей диссертаціи, остается въ полномъ недоумѣніи относительно внутренняго характера Герберштейновыхъ записокъ, относительно его понятій, взглядовъ и убѣжденій. Авторы говорятъ, что это былъ мужъ ученый, добросовѣстный, любознательный и т. п., но существа его характера, его мнѣній не объясняютъ нисколько. Двухъ страницъ, конечно, достаточно было бы, чтобы дать полную, живую, отчетливую характеристику Герберштейна; но эти двѣ страницы должны бы были потребовать несравненно болѣе предварительнаго труда и учености, чѣмъ сколько ея потрачено на всю диссертацію, тремя авторами совокупно. Всякій понимаетъ это и не требуетъ невозможнаго. Читатель, по прочтеніи диссертаціи спрашиваетъ себя: что же этотъ Герберштейнъ,—приближается ли онъ къ флетчеровскому роду, или представляетъ что-то въ родѣ «Путешествія по святымъ мѣстамъ русскихъ», или «Странствія въ Малороссію» князя Петра Шаликова? Но отвѣта на такой вопросъ никто уже не станетъ требовать отъ студентовъ, видя, что они, съ свой стороны, разсмотрѣли данныя совершенно другого рода, бывшія имъ болѣе по силамъ. Это обстоятельство можетъ быть даже полезно: иной читатель, послѣ статьи о Герберштейнѣ, обратится самъ къ его запискамъ и прочтетъ переводъ ихъ, начало котораго напечатано въ первомъ же выпускѣ «Сборника». Вотъ о переводѣ нельзя не сказать, что это дѣло полезное. Жаль, что студенты не взялись за это дѣло въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Если бы они даже весь свой «Сборникъ» наполнили переводами иностранныхъ произведеній, почему-нибудь замѣчательныхъ, то, конечно, ни отъ кого не услышали бы ничего, кромѣ благодарности. Именно такого рода труды всего болѣе удобны для студентовъ.

Кромѣ большихъ статей въ «Сборникѣ» напечатано еще нѣсколько мелкихъ библіографическихъ замѣтокъ о Новиковѣ, Воейковѣ и пр. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, «Сумасшедшій домъ» Воейкова. Остальное все составляетъ перепечатку изъ разныхъ старинныхъ изданій. Мы не считаемъ слишкомъ драгоцѣнными подобныя случайныя перепечатки и замѣтки. Особенной занимательности для всей публики такія мелкія указанія имѣть не могутъ, для библіо-

графа же едва-ли составятъ большое облегченіе. Пройдетъ пять, десять лѣтъ, и нынѣшнія изданія также будутъ старыми. Библіографъ, занимающійся хоть литературой двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, пересмотритъ тогдашніе журналы и альманахи, и его дѣло сдѣлано. А тутъ, между тѣмъ, подвертываются еще несносные журналы пятидесятыхъ годовъ, въ которыхъ тоже напечатаны замѣтки о тогдашней литературѣ. Нужно рыться и въ нихъ, и на это, пожалуй, пойдетъ труда еще больше, чѣмъ на самое дѣло. А окажется, что здѣсь только перепечатано то же самое, что было въ журналахъ двадцатыхъ годовъ. Пора бы нашимъ библіографамъ понять, что ихъ труды получаютъ нѣкоторое значеніе только при массѣ свѣдѣній, и что отрывочныя, мелкія указанія вовсе и не стоитъ выпускать на божій свѣтъ, затѣмъ только, чтобы они, затерянныя въ старыхъ изданіяхъ, еще разъ затерялись въ новыхъ. Совсѣмъ другое—указатели или сборники довольно значительныхъ размѣровъ: тѣ могутъ замѣнять сотни томовъ, въ тѣхъ можно всегда навести нужную справку. А то, что бы было, если бы журналы принялись, напримѣръ, печатать въ «Смѣси» хоть областныя слова и пословицы, да и помѣщали бы по десятку словъ да по парѣ пословицъ въ каждой книжкѣ? А что еще, если бы собиратели этихъ словъ стали гордиться своими трудами и придавать имъ важное значеніе для науки?

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить въ «Сборникѣ» статьи г. Богушевича: «Новое предпріятіе нашихъ студентовъ». Это предпріятіе касается сочиненія и изданія учебниковъ по восточнымъ языкамъ, т.-е. грамматикъ, словарей и хрестоматій. Всѣхъ изданій насчитано 36. Дѣло еще «остается пока мыслью», по выраженію г. Богушевича; но онъ выражаетъ твердую увѣренность, «что мыслью оно останется недолго». Мы, съ своей стороны, не можемъ оставить безъ вниманія стремленіе г. Богушевича сообщать русской публикѣ какъ можно поспѣшнѣе обо всемъ, что думаютъ и о чемъ толкуютъ его товарищи въ своемъ кружкѣ.

Въ лѣтописи внутренней жизни университета говорится всего болѣе объ изданіи «Сборника». Тутъ сообщаются тѣ самыя свѣдѣнія, которыя мы изложили въ началѣ нашей рецензіи. Но самое интересное здѣсь—таблица числа студентовъ въ университетѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Въ 1835 г. было всего 200 студентовъ, и съ каждымъ годомъ число это увеличивалось до 1848 г., когда ихъ было уже 650. Но въ 1849 г. число студентовъ вдругъ упадаетъ до цифры 503, а въ 1850 г. до 387. Съ этихъ поръ идетъ довольно ровно до 1855 года, никогда не доходя до 400. Въ 1856 году опять увеличивается до 478, а въ 1857 году до 600. Это одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о томъ, какъ сильно сдѣлалось у насъ въ послѣдніе годы сознаніе необходимости просвѣщенія.

---

108. Библіотека римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ.

Томъ I—сочиненія Саллюстія; томы II и III—сочиненія Юлія Цезаря.
Перев. съ латинскаго *А. Клеванова*. Москва. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 107.

Почему на этотъ разъ Н. А. не ограничился похвалой съ нѣкоторыми замѣчаніями о работѣ Клеванова, а изложилъ кое что и изъ ея содержанія? По моему мнѣнію, потому, что, пользуясь рецензируемой книгой, можно было ознакомить широкую публику съ моментами прошлаго римскаго народа, весьма поучительными именно для русскихъ, отъ которыхъ такъ всегда тщательно скрывались всѣ серьезныя народныя движенія, а если и не скрывались, то такъ излагались тогдашними «Иловайскими», что всѣ историческія понятія отражались въ умахъ русскаго совершенно шиворотъ-навыворотъ. Этой рецензіей, помѣщенной непосредственно за № 107, Добролюбовъ еще больше уничтожилъ «Сборникъ студентовъ», какъ трудъ крохоборцевъ.

М. Л.

Въ недавное время громко заговорили у насъ о бѣдности нашей переводной литературы и о необходимости имѣть хорошіе переводы классическихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній. Необходимость эта такъ велика и такъ очевидна, что сознаніе ея выразилось съ разныхъ сторонъ почти въ одно и то же время безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, полно и основательно былъ разсмотрѣнъ этотъ вопросъ В. И. Ламанскимъ, считающимъ недостатокъ переводовъ значительнымъ препятствіемъ къ распространенію у насъ просвѣщенія [1]). Въ самомъ дѣлѣ, мы какъ будто нѣсколько отстали отъ умственной жизни другихъ народовъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ [2]). До тридцатыхъ годовъ у насъ еще печатались, время отъ времени, переводы замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Но съ начала четвертаго десятка нынѣшняго столѣтія, переводная дѣятельность замѣтно слабѣетъ и вскорѣ совершенно упадаетъ, обратившись чуть не исключительно на переводы французскихъ водевилей и романовъ Поль-де-Кока, и затѣмъ Александра Дюма и Поля Феваля. Беллетристика пробавлялась ихъ затѣйливыми созданіями, ни мало не заботясь о существованіи въ иностранныхъ литературахъ истинно поэтическихъ произведеній, еще незнакомыхъ русской публикѣ. Наука же шла у насъ во все это время какъ-то своеобразно. Ученые наши сдѣлали изъ науки какую-то принадлежность касты и не иначе открывали ея таинства, какъ только посвященнымъ. Первымъ же условіемъ посвященія было занятіе подлинными источниками,—и новопринятые адепты клялись надъ фоліантомъ Остромирова евангелія или надъ крошечнымъ изданіемъ Геродота, что они не будутъ профанировать науки, никому ни откроютъ ключа къ ея іероглифамъ, будутъ заниматься не общими результатами, любопытными для всѣхъ, а только частными задачами, понятными лишь для записныхъ ученыхъ и, главное, всегда будутъ отуманивать читателя тьмою цитатъ, приведенныхъ въ подлинникѣ, на разныхъ языкахъ... Кто отступалъ отъ правилъ ученой касты, кто старался прояснить взглядъ общества на предметъ науки, того закидывали грязью,— не только при жизни, но даже и по смерти,— увѣряя, что онъ самъ ничего не зналъ и совершенно лишенъ былъ способности быть ученымъ [1]). Почтенные представители науки уподобились у насъ средневѣковымъ католическимъ монахамъ, запрещавшимъ народу читать библію и не дававшимъ ему даже подробнаго и яснаго катехизиса. «Что намъ за дѣло до необразованной русской публики, говорили ученые: мы хотимъ идти наравнѣ съ вѣкомъ, хотимъ двигать науку впередъ. Я, напримѣръ, знаю греческій языкъ и могъ бы предпринять переводъ греческихъ историковъ; но это уже будетъ профанація ученаго званія... Гораздо приличнѣе будетъ для меня заняться разборомъ трехъ сомнительныхъ строчекъ у такого-то писателя: если я разрѣшу сомнѣніе, то двину науку впередъ, на меня будутъ ссылаться, мое мнѣніе будетъ принято въ ученомъ мірѣ... Для этого стоитъ посидѣть нѣсколько лѣтъ... А одобреніе публики ничего для насъ не значитъ: пусть просвѣтится прежде,—тогда и будетъ для нея понятно значеніе нашихъ трудовъ». И, что всего забавнѣе, эти добродушные люди въ самомъ дѣлѣ вѣрили въ высокое значеніе своихъ трудовъ, были наверху блаженства отъ сознанія собственнаго величія и говорили даже съ благороднымъ негодованіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ о необразованности общества, которое, восхищаясь какимъ-нибудь профессоромъ-артистомъ, не замѣчаетъ ученаго крохобора,—несмотря на необычайную силу его терпѣнія и трудолюбія. Ни дать, ни взять — Крыловскій муравей на базарѣ!.. Только наши муравьи были еще замысловатѣе: задумавши показывать людямъ свою силу, они сочинили, легко сказать, русскую науку!.. Не надо, дескать, намъ иноземщины, не надо чужихъ идей и взглядовъ, а надо постараться, во что бы то ни стало, сочинить народное воззрѣніе,—не такое, какое у насъ ужъ сложилось естественно, подъ

---

[1]) Въ V кн. «Современника», 1857 г., была напечатана статья В. И. Ламанскаго «О распространеніи знаній въ Россіи», привлекшая тогда общее вниманіе. Между прочимъ, онъ остановился на важности имѣть въ Россіи какъ можно больше переводовъ солидныхъ иностранныхъ книгъ и тамъ, по пути, больно задѣлъ русское правительство, изгнавшее переводы, особенно въ 1848—55 гг., всего того, что представляло дѣйствительную науку. «Противъ переводовъ, — говорилъ Ламанскій,—могутъ быть только тѣ террористы наши, которые раздѣляютъ замѣчательное мнѣніе, такъ открыто высказанное «чиновникомъ важной наружности» въ «Разъѣздѣ» Гоголя: «Я бы все запретилъ. Ничего не надо печатать. Просвѣщеніемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не надо». Разумѣется, они сильно возстаютъ и противъ всякихъ переводовъ... Замѣтное исчезаніе въ настоящее время этой породы гасильниковъ и злостныхъ недоброхотовъ русскому просвѣщенію не позволяетъ сомнѣваться въ возможности приняться теперь энергически за дѣло столь настоятельной важности».

[2]) Т.-е. за царствованіе Николая I.

[1]) Намекъ на В. В. Григорьева, печально прославившаго свое имя статьей: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» («Рус. Бесѣда» 1856 г., IV).

вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ,— а какое-нибудь особенное, небывалое въ человѣчествѣ... Если же и придетъ нужда неминучая отъ иноземцевъ что-нибудь позаимствовать, — такъ и тутъ надобно принимать все чужое не иначе, какъ пропустивши его сквозь струю русскаго духа»... Теперь это направленіе уже ясно высказалось и опредѣлилось и — слава Богу, разглагольствуетъ себѣ, и никому не мѣшая и даже, своимъ открытымъ выраженіемъ, смущая нѣсколько тѣхъ, которые исподтишка и рады бы его попридержаться [1])... Прежде же было гораздо хуже: о русской наукѣ и о стараніяхъ двигать ее впередъ толковали многіе совсѣмъ не по приверженности къ славянофильству, а просто въ видахъ сохраненія собственнаго ученаго величія, въ интересахъ касты, мрачно-недоступной для празднаго любопытства черни дерзкой и непросвѣщенной. При столь высокихъ понятіяхъ о наукѣ и столь низкомъ взглядѣ на общество — до переводовъ-ли было! Въ видахъ собственнаго возвеличенія, даже пріятно было держать публику въ невѣдѣніи о всемъ, что сдѣлано и дѣлается на этомъ гніющемъ Западѣ. Зачѣмъ ей слишкомъ много любопытствовать! Много будетъ знать, такъ скоро состарится и, сдѣлавшись опытнѣй, потеряетъ, пожалуй, прежнее уваженіе къ нашимъ авторитетамъ, сама станетъ судить да рядить не хуже нашего. Пусть же лучше остается публика только при томъ, что мы скажемъ, пусть на все смотритъ нашими глазами, пусть судитъ обо всемъ на основаніи воззрѣній, нами выработанныхъ. Мы заподозримъ Англію въ помѣшательствѣ, слѣды татарскаго ига назовемъ основными стихіями русской жизни, увѣримъ, что величайшій философъ на свѣтѣ — Сковорода, лучшій экономистъ — авторъ Домостроя, къ которому немножко приближается Жанъ Батистъ Сэ, и т. д. Публика будетъ вѣрить: она вѣдь необразованна, она не знаетъ ни англійскихъ публицистовъ, ни германской философіи, ни разныхъ школъ политической экономіи.

Такова оказывается сущность воззрѣнія тѣхъ, которые, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, становились стражами русскаго общества отъ заразы западныхъ идей... Эти люди, толкуя о серьезности научнаго образованія и т. п., помогали, можетъ-быть, сами не замѣчая, тѣмъ обскурантамъ, которые именно старались лишить русское общество всякой возможности судить о чемъ-нибудь самостоятельно, не спрашивая мнѣнія издавна-признанныхъ авторитетовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не было общенія идей съ Западомъ, посредствомъ литературы, — и русская мысль облѣнилась, бросилась на какіе то призрачные, абстрактные вопросы, стала разбиваться по мелочи, обратившись къ орѳографіи и т. п.; проснулась русская мысль,— и тотчасъ чувствуется необходимость познакомиться съ тѣмъ, что выработала западная наука. И сознаніе это не есть легкомысленное стремленіе — схватить скорѣе вершки, взять готовые результаты изъ новыхъ книжекъ. Напротивъ, вмѣстѣ съ желаніемъ узнать труды новѣйшихъ ученыхъ, является также и потребность познакомиться съ самыми источниками, изъ которыхъ они черпали свои положенія, разсмотрѣть ближе тѣ основанія, на которыхъ они утверждали свои выводы. Это неизбѣжно соединяется всегда съ расширеніемъ круга зрѣнія, происходящимъ отъ знакомства съ общими результатами науки. Стоитъ припомнить здѣсь конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтія; русская мысль работала сильно, общество жадно искало истины, просвѣщенія, — и въ отвѣтъ на эту потребность является, въ царствованіе Екатерины и Александра (особенно въ первые годы), такое множество переводовъ, какого не представляетъ ни одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ русской литературы... Тогда все переводилось, что только было замѣчательнаго въ какомъ-нибудь отношеніи. Не довольствовались доморощенными курсами философіи или краткимъ очеркомъ ея исторіи, а переводили и Платона, и даже Руссо, Вольтера и Даламбера; не ограничивались знаніемъ существующихъ постановленій, а переводили (не говоря о классическихъ сочиненіяхъ, какъ, наприм., Бентама, Монтескье и пр.) даже постановленія Юстиніана, положенія англійской конституціи и т. п. Тоже было и относительно исторіи. Замѣчательные курсы исторіи, разсужденія, изслѣдованія—переводились въ количествѣ весьма значительномъ; но этого мало: большая часть источниковъ историческихъ также была переведена. Такъ, изъ древнихъ авторовъ переведены были Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Полибій, Діодоръ Сицилійскій, Саллюстій, Цезарь, Тацитъ, Светоній, Корнелій Непотъ, Іосифъ Флавій и мн. др. И, конечно, переводы эти не оставались безъ читателей и, слѣдовательно, имѣли вліяніе на распространеніе знаній, на возбужденіе охоты къ изученію историческихъ фактовъ и т. д. Это доказывается какъ самымъ обиліемъ переводовъ, такъ и тѣмъ, что нѣкоторые писатели были почти въ одно время переведены два раза (напр., Тацитъ въ 1805 и 1807 г.; Светоній

[1]) Рѣчь идетъ о славянофильскомъ журналѣ «Русская Бесѣда», издававшемся въ Москвѣ.

въ 1776 и 1794), другіе издавались въ разныхъ видахъ,—то полнѣе, то сокращеннѣе (напр., Плутархъ), третьи выдержали по нѣсколько изданій (напр., Светоній — 2, Флавій—4). Теперь эти переводы исчезли изъ книжныхъ лавокъ; да и читать-то ихъ уже трудно: младшимъ изъ нихъ есть уже лѣтъ пятьдесятъ, а старшимъ будетъ за восемьдесятъ. Многіе изъ нихъ труднѣе понимать, чѣмъ самый подлинникъ. Это обстоятельство давно уже вызвало дѣятельность людей, знакомыхъ съ классическими литературами; но до послѣдняго времени, сколько мы знаемъ, только Ѳукидидъ и Ксенофонтъ были переведены у насъ, около 1840 г., въ «Военной библіотекѣ». Нынѣ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ общаго стремленія къ просвѣщенію и къ распространенію круга знаній въ обществѣ, пробудилась и переводная дѣятельность, и нынѣ, какъ и всегда, она не ограничивается передачею послѣднихъ результатовъ науки, но старается ознакомить съ самыми источниками, съ самыми данными, изъ которыхъ выработались эти результаты. Такъ, новыя историческія сочиненія переводятся въ большомъ количествѣ: въ журналахъ нашихъ помѣщаются переводы изъ Маколея, изъ Грота; въ Москвѣ издается переводъ римской исторіи Момсена, готовится переводъ Гизо, въ Петербургѣ предпринимается цѣлое изданіе «Исторической библіотеки»... [1]). Въ то же время не забывается и древне-классическая литература: печатаются переводы трагиковъ, философовъ, безпрестанно появляются переводы лирическихъ стихотвореній древности, издаются, наконецъ, и переводы историческихъ сочиненій. Теперь вышли уже три книги, составляющія начало обширнаго изданія «Библіотеки римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ», предпринятаго г. Клевановымъ. Въ этихъ книгахъ помѣщены сочиненія Саллюстія и Юлія Цезаря, за которыми должны вскорѣ послѣдовать переводы Тита Ливія, Цицерона и Тацита. Нельзя не поблагодарить переводчика за этотъ выборъ, доказывающій, что онъ хорошо понимаетъ, что теперь особенно нужно и интересно для нашей публики. Саллюстій и Цезарь—современники и дѣятели одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ римской исторіи, и событія, описанныя ими, имѣютъ особенно важное значеніе. Записки Цезаря о внутренней войнѣ служатъ какъ бы продолженіемъ сочиненія Саллюстія о заговорѣ Катилины. Исторія войны югуртинской, бросая яркій свѣтъ на эпоху, немножко предшествовавшую, служитъ поясненіемъ послѣдующихъ событій, разыгравшихся во время Цезаря. Если прибавить сюда рѣчи Цицерона, этого геніальнаго софиста и краснобая безъ всякаго убѣжденія въ душѣ, то послѣднее время римской республики весьма опредѣленно обрисуется передъ нашими глазами. Переводчикъ, очевидно, имѣлъ въ виду эту связь между сочиненіями избранныхъ имъ авторовъ: въ первомъ томѣ, въ дополненіе къ сочиненіямъ Саллюстія, онъ помѣстилъ также переводъ рѣчей Цицерона противъ Катилины, рѣчи Саллюстія и Цицерона другъ противъ друга и письма Саллюстія къ Цезарю, — хотя эти послѣднія рѣчи и письма доселѣ признаются сомнительными. Изъ этихъ приложеній достаточно ясно видны взаимныя отношенія трехъ знаменитыхъ писателей и государственныхъ людей Рима. Для большей полноты свѣдѣній, переводчикъ приложилъ еще жизнеописаніе Саллюстія, составленное имъ по сочиненію де-Бросса, и біографію Цезаря, сочиненную Светоніемъ. Въ біографіи Саллюстія замѣчательно мнѣніе, высказываемое о значеніи Катилины. Г. Клевановъ говоритъ, что историкъ заговора Катилины не умѣлъ понять его характера, и называетъ дерзкаго заговорщика «жертвою благородныхъ стремленій». Мнѣніе это прямо противорѣчитъ общепринятому убѣжденію, что Катилина задумалъ произвести возмущеніе изъ видовъ самыхъ гнусныхъ, для поправленія своего состоянія и для пріобрѣтенія большей свободы развратничать... Лѣтъ пять тому назадъ, въ «Пропилеяхъ» помѣщена была статья г. Бабста о Саллюстіи, въ которой авторъ, согласно съ общимъ мнѣніемъ, утверждаетъ, что катилинское возмущеніе произвела самая грязная и преступная часть римской аристократіи, въ надеждѣ возобновить грабежи и проскрипціи временъ Суллы. Трудно дѣлать рѣшительное заключеніе о событіи, переданномъ намъ довольно односторонне, въ показаніяхъ торжествующей партіи. Саллюстій, съ первыхъ же строкъ, рисуетъ Катилину развратнымъ негодяемъ, стремившимся ловить рыбу въ мутной водѣ; Цицеронъ, личный врагъ Катилины, съ какою-то злобною радостью рисуетъ его самыми черными отвратительными красками. При всемъ томъ, многое въ самомъ разсказѣ Саллюстія и даже въ обличеніяхъ Цицерона даетъ поводъ соглашаться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое высказано у насъ въ первый разъ г. Клевановымъ. Полагая даже, что историкъ Катилины былъ совершенно безпристрастенъ и добросовѣстенъ въ изложеніи фактовъ, мы можемъ изъ многихъ представленныхъ имъ данныхъ вывести благопріятныя для Катилины заключенія.

[1]) Было объявлено, что съ 1858 г. будетъ издаваться; изданіе было очень близко къ «Современнику».

Даже обвиненія Цицерона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводятъ къ той же мысли. Катилина былъ, конечно, человѣкъ разгульнаго поведенія, какъ былъ самъ Саллюстій, какъ былъ Цезарь и другіе государственные люди Рима, которыхъ историки вовсе не считаютъ извергами. Катилина промотался и принялся искать средствъ поправить свое состояніе,—это правда. Но не забудемъ, что онъ былъ преторомъ въ Африкѣ и ничего не нажилъ, тогда какъ историкъ его, во время своего проконсульства въ той же провинціи, пріобрѣлъ несмѣтныя сокровища и жилъ никакъ не скромнѣе несчастнаго заговорщика. И Саллюстій, и Цицеронъ (въ третьей рѣчи) согласно говорятъ, что Катилина пріучилъ себя ко всевозможнымъ лишеніямъ, умѣлъ проводить ночи безъ сна и въ трудахъ, легко переносить холодъ, голодъ и жажду. Такой человѣкъ совсѣмъ не похожъ на изнѣженнаго мота, который ищетъ только комфорта и для него готовъ пожертвовать благомъ родины. Развратъ въ домѣ Катилины и въ кружкѣ его пріятелей былъ, безъ сомнѣнія, предосудителенъ; но, съ одной стороны, молва легко могла преувеличивать его, въ чемъ сознается и самъ Саллюстій; съ другой стороны, кто же изъ тогдашнихъ римлянъ могъ похвастаться чистотою своихъ нравовъ; изъ всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи только имя Марка Порція Катона сохранилось безукоризненнымъ. Тотъ же Саллюстій, столь строго осудившій Катилину, обличается Цицерономъ, какъ бичъ всѣхъ мужей, и самъ, въ свою очередь, на Цицерона, такъ страшно возставшаго на безнравственность Катилины, бросаетъ обвиненіе въ томъ, что онъ «свое ораторское искусство купилъ у М. Пизона постыдною цѣною»... Что Римъ въ то время наполненъ былъ негодяями безъ всякихъ убѣжденій, готовыми на всякую мерзость, лишь бы пожить весело, въ этомъ никто не сомнѣвается. Нечего говорить и о томъ, что всякій человѣкъ, выходящій изъ уровня посредственности, старался пользоваться этими людьми и употреблялъ ихъ для своихъ цѣлей. Мы знаемъ, что Марій набиралъ подъ свои знамена всякую сволочь, Сулла ограждалъ себя людьми, вмѣстѣ съ которыми онъ наслаждался своими танцовщицами въ разгульныхъ оргіяхъ; лагерь Помпея, во время борьбы его съ Цезаремъ, былъ убѣжищемъ всѣхъ промотавшихся развратниковъ, обремененныхъ неоплатными долгами; къ Цезарю также стекались во множествѣ негодяи, надѣявшіеся, среди безпорядковъ, поживиться на общественный счетъ, и онъ считалъ себя обязаннымъ всячески покровительствовать людямъ, помогавшимъ ему, хотя бы они были величайшіе злодѣи и разбойники. При такомъ порядкѣ вещей нечего удивляться образу дѣйствій Катилины, какъ чему-то необычайному и чудовищному. При своемъ обширномъ умѣ и глубокой проницательности, онъ, конечно, хорошо понималъ состояніе тогдашняго римскаго общества, видѣлъ, что люди, окружающіе его, совершенно ничтожны, и что на нихъ можно дѣйствовать только поблажая ихъ грязнымъ наклонностямъ: такъ онъ и расположилъ свой образъ дѣйствій. Хвалить его за это нельзя; но нельзя также складывать всю вину на его собственный характеръ: таковъ былъ господствующій характеръ общества, противъ котораго не можетъ идти частный человѣкъ, добивающійся сильнаго вліянія. Впрочемъ, неуспѣхъ Катилины свидѣтельствуетъ, что онъ еще не дошелъ до высшей степени ипокритства и отреченія отъ всѣхъ убѣжденій, какое тогда нужно было римскому честолюбцу. Его стремленія были еще слишкомъ горды для того, чтобы наклониться до послѣднихъ низостей. Планы его были громадны, стремленія неукротимы, дѣятельность неутомима, по свидѣтельству враждебныхъ ему лицъ, — Саллюстія и Цицерона. Онъ увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, своей пылкостью и предпріимчивостью. Сначала онъ хотѣлъ добиться вліянія законнымъ порядкомъ, искалъ консульства и получилъ бы, если бы соперникъ его, Цицеронъ, не перехитрилъ его партіи. Видя неудачу, онъ рѣшилъ низвергнуть правительство, которое сдѣлалось ему ненавистнымъ. Замыслы его съ самаго начала не были тайною и возбудили въ обществѣ скорѣе сочувствіе, чѣмъ негодованіе. Саллюстій, несмотря на свое увѣреніе, что заговоръ былъ предпринятъ просто для грабежа, замѣчаетъ, что въ числѣ сообщниковъ Катилины было много именитыхъ людей изъ колоній и муниципій, и еще больше людей знатныхъ, желавшихъ перемѣны правительства болѣе изъ честолюбивыхъ видовъ, нежели по нуждѣ или по какой-нибудь другой причинѣ; что вообще молодежь, особенно благородная, желала успѣха Катилинѣ, не исключая и тѣхъ, которые безъ всякихъ смутъ имѣли возможность жить роскошно и пышно... Цезарь, почти навѣрное, былъ замѣшанъ въ заговорѣ; о Крассѣ также ходили сильныя подозрѣнія; Помпей совершенно холодно отвѣчалъ Цицерону, который съ гордой радостью увѣдомлялъ его объ уничтоженіи возстанія... Видно, что всѣ партіи недовольны были настоящимъ положеніемъ вещей и желали перемѣны... Только энергіи недоставало большинству: оно предпочитало выжидать, чѣмъ кончится дѣло, нежели само принять въ немъ дѣятель-

ное участіе. Что пассивное сочувствіе къ Катилинѣ было сильно въ обществѣ и въ народѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ весь ходъ правительственныхъ дѣйствій, предпринятыхъ противъ него. Заговоръ былъ открытъ, глава его былъ обличенъ Цицерономъ въ Сенатѣ; но чѣмъ же оканчивается грозное обличеніе? Ораторъ упрашиваетъ заговорщика оставить городъ, давая знать тутъ же, что по законамъ онъ достоинъ смертной казни. Катилина спокойно выѣзжаетъ изъ города, не захвативши съ собою своихъ сообщниковъ, какъ просилъ Цицеронъ; но безъ главы своего эти сообщники ничего не значатъ и ничего не умѣютъ сдѣлать. Несмотря на то, ихъ не смѣютъ схватить; чтобы обвинить ихъ публично, нужны доказательства того, что они входили въ сношенія съ врагами отечества,—и вотъ Цицеронъ добивается письменныхъ свидѣтельствъ о сношеніяхъ ихъ съ Аллоброгами и тогда только рѣшается формально обвинить ихъ въ Сенатѣ. Но и послѣ того Сенатъ все еще колеблется, не будетъ-ли опасно казнить ихъ; только строгая рѣчь Катона придаетъ рѣшимость сенаторамъ. Цицеронъ говоритъ рѣчи къ народу, передъ которымъ старается очернить заговорщиковъ, увѣряя, что только по внушенію боговъ могъ раскрыть ихъ ковы, но что на самомъ дѣлѣ эти люди такъ ничтожны, что ихъ нечего опасаться. Нечего и сравнивать, говоритъ онъ, ваши громадныя средства и силы съ положеніемъ этой шайки нищихъ грабителей, у которыхъ нѣтъ ничего, даже самаго необходимаго. А черезъ день тотъ же Цицеронъ умоляетъ сенаторовъ принять поскорѣе рѣшительныя мѣры потому, что зло имѣетъ громадныя размѣры, что оно, какъ гибельный ядъ, разлилось по всѣмъ жиламъ Италіи и заразило многія провинціи, и что онъ, Цицеронъ, спасшій Римъ отъ конечной гибели, долженъ стоять выше Сципіоновъ, Марія, Помпея. Онъ замѣчаетъ еще, что даже рабы не хотѣли принять участія въ судьбѣ Катилины; но Саллюстій говоритъ, что Катилина самъ отвергъ ихъ, потому что не хотѣлъ дѣло вольныхъ гражданъ мѣшать съ дѣломъ рабовъ. Въ другомъ мѣстѣ, Саллюстій опять разногласитъ съ Цицерономъ относительно народнаго сочувствія къ заговору. Ораторъ указываетъ Сенату на народъ, собравшійся на площади, и торжественно восклицаетъ: «смотрите, всѣ сословія собрались, чтобы единодушно защищать отечество!.. Смотрите, съ какимъ рвеніемъ стремятся они на охраненіе общественнаго порядка! и прочее. Нужно замѣтить, что это было тогда уже, когда заговорщики были схвачены, и опасность кончилась... Саллюстій, напротивъ, положительно говоритъ, что народъ (plebs) сильно сочувствовалъ Катилинѣ, потому что въ то время значеніе народа убавилось, и властью завладѣли немногіе. Аристократы забрали все въ свои руки, управляли провинціями, захватили всѣ должности, знать не хотѣли никакихъ законовъ и даже грозили судомъ всякому, кто въ гражданскихъ дѣлахъ склонялся на сторону народа. И какъ только явилась надежда на перемѣну, при началѣ смуты, старинное негодованіе снова взволновало умы. Если бы Катилина выигралъ или, по крайней мѣрѣ, не проигралъ первую битву,, то нѣтъ сомнѣнія, что страшное кровопролитіе и бѣдствіе постигли бы республику... Конечно, всякій безпорядокъ есть бѣдствіе для государства: но едва-ли побѣда Катилины произвела бы такое страшное дѣйствіе, какого опасался историкъ. Онъ же самъ сохранилъ намъ двѣ рѣчи Катилины, въ которыхъ онъ рѣзко возстаетъ противъ тогдашней распутной аристократіи и говоритъ о своей бѣдности, что трудно было говорить человѣку, проводившему жизнь слишкомъ роскошную, передъ тѣми, которые собирались къ нему пировать и развратничать... «Мы должны вооружиться за свою свободу, — говоритъ Катилина. — Съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько аристократовъ замѣнили и судъ и всякую власть въ республикѣ, имъ платятъ свои дани и цари, и правители, имъ идутъ деньги отъ всѣхъ народовъ и государствъ; а мы всѣ, остальные, при всей своей дѣятельности и доблести, и незнатные, и знатные, одинаково останемся затертыми въ толпѣ, безъ всякой силы и вліянія: мы рабы предъ ними, тогда какъ могли бы страшить ихъ, если бы республика была въ силѣ. Можно-ли сносить спокойно, что они отличаются богатствомъ, которое расточаютъ на постройку зданій на морѣ и на срытіе горъ,—а у насъ нѣтъ средствъ для самаго необходимаго; у нихъ по два дома или болѣе, а у насъ своего угла нѣтъ»... Въ этихъ словахъ видно не одно желаніе чужого имущества, а также и сочувствіе къ народу, и ненависть къ аристократамъ, захватившимъ правленіе въ свои руки. Въ другой рѣчи, говоренной передъ послѣднею битвою, Катилина съ грустнымъ отчаяніемъ разсказываетъ своимъ приверженцамъ положеніе дѣлъ и свои планы и надежды. «Слова не помогутъ,—говоритъ онъ, — не сдѣлаютъ труса храбрымъ и лѣнивца дѣятельнымъ. Но я хочу только разсказать вамъ все дѣло. Вы знаете, что безпечность Лентула все испортила. Намъ теперь одна надежда на оружіе; оно можетъ доставить намъ богатство, честь, славу и вольность. Съ побѣдою получимъ мы и припасы, и спокойную жизнь. Но, кромѣ

того, не забудьте, что мы сражаемся за отечество, за свободу, за жизнь. А наши враги совершенно напрасно бьются для господства немногихъ аристократовъ. Можно было и намъ остаться или въ добровольной ссылкѣ, или даже въ Римѣ и, потерявши свое имѣніе, жить на чужой счетъ; но это было бы постыдно и низко. Своимъ мужествомъ должны мы достигнуть лучшей участи: если не удастся, падемъ, но отомстимъ за себя». Послѣднюю мысль этой рѣчи Катилина скоро выполняетъ на дѣлѣ: онъ врѣзался далеко въ средину непріятелей и палъ, далеко отъ своихъ, поражая враговъ на всѣ стороны. Ни одинъ изъ гражданъ римскихъ, бывшихъ въ его войскѣ, не отдался въ плѣнъ; всѣ до одного пали, обращенные лицомъ къ непріятелю. Въ этомъ опять нельзя не видѣть геройства, достойнаго лучшихъ временъ республики: такъ сражаются люди, имѣющіе въ душѣ крѣпкое убѣжденіе, котораго не хотятъ принести въ жертву ничему въ свѣтѣ. Здѣсь же кстати можно упомянуть и о другомъ фактѣ несчастнаго заговора, засвидѣтельствованномъ Саллюстіемъ. Сенатъ опредѣлилъ награжденіе за открытіе подробностей заговора: невольнику — свободу и сто тысячъ сестерцій (около 5.000 рублей серебромъ), а свободному — безнаказанность за участіе и двѣсти тысячъ сестерцій (а не сто и не двѣсти, какъ переводитъ г. Клевановъ: sestertium значитъ тысяча сестерцій, сестерцій же была мелкая монета въ два съ половиною асса). Декретъ этотъ былъ потомъ повторенъ, и, несмотря на то, говоритъ Саллюстій, ни одинъ изъ множества сообщниковъ Катилины не польстился на обѣщанное вознагражденіе, и ни одинъ не ушелъ изъ лагеря Катилины. Да и не одни соучастники заговора, а также весь плебсъ былъ расположенъ къ перемѣнѣ и желалъ Катилинѣ успѣха, — добавляетъ добросовѣстный историкъ.

Всѣ представленные нами факты и сами по себѣ уже много говорятъ въ пользу того мнѣнія, которое хочетъ оправдать Катилину отъ обвиненія въ чудовищныхъ гнусныхъ замыслахъ, гибельныхъ не для аристократіи, а для всего народа римскаго. Но еще болѣе получаютъ значенія всѣ эти обстоятельства, когда вспомнимъ рядъ происшествій, доведшихъ Цезаря до его цѣли—овладѣть правленіемъ государства. Едва-ли въ Катилинѣ можно найти хоть одно общественное преступленіе, котораго не совершилъ бы или на которое не покушался бы Цезарь. Избранный эдиломъ, Цезарь составилъ замыселъ, совершенно такой же, какъ Катилина: онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ М. Крассомъ и еще нѣсколькими приверженцами, напасть на Сенатъ, убить многихъ сенаторовъ, провозгласить Красса диктаторомъ и затѣмъ захватить все управленіе въ свои руки. Крассъ струсилъ, и потому замыселъ не былъ выполненъ. Несмотря на это, Цезарь не отсталъ отъ своихъ намѣреній: онъ участвовалъ въ замыслахъ Пизона, не чуждъ былъ и участія въ заговорѣ Катилины. Назначенный правителемъ Испаніи, онъ отправился туда ранѣе срока, уговоривши своихъ кредиторовъ подождать присылки имъ денегъ изъ провинціи. Въ Лузитаніи онъ разграбилъ нѣсколько городовъ, въ Галліи похитилъ сокровища изъ храмовъ, во время консульства своего укралъ изъ Капитолія 3,000 фунтовъ золота, положивъ туда, вмѣсто того, позолоченную мѣдь; съ Птоломеемъ сторговался за 6,000 талантовъ, чтобы продать ему дружбу Рима. Роскошь и изнѣженность его доходили до смѣшного: напримѣръ, въ походахъ онъ приказывалъ возить за собою особые штучные паркетные полы. Любовныя похожденія его неисчислимы. И при всемъ томъ, во время своего управленія государствомъ, онъ болѣе принесъ пользы народу, нежели предшествовавшее ему господство аристократіи. Онъ учредилъ, чтобы велись протоколы занятіямъ Сената, и чтобы они постоянно обнародывались во всеобщее свѣдѣніе; онъ предложилъ новый поземельный законъ въ пользу народа; онъ раздѣлилъ казенное Кампанское поле двадцати тысячамъ гражданъ, имѣвшимъ троихъ дѣтей или болѣе; онъ пополнилъ Сенатъ, далъ права дѣтямъ опальныхъ гражданъ, далъ народу большія права при выборахъ чиновниковъ и пр. и пр. Можно сказать, что народъ римскій въ томъ состояніи, въ какомъ находился онъ во время Цезаря, не могъ быть управляемъ лучше. Цезарь оставилъ по себѣ хорошую славу въ исторіи, и никто не сравниваетъ его съ извергомъ Катилиной: а вся разница между ними состоитъ, можетъ быть, въ томъ только, что одинъ успѣлъ добиться того, къ чему безплодно стремился другой. Можетъ быть, попытка Катилины даже облегчила путь Цезарю. Цѣли ихъ были одинаковы, но, наученный опытомъ, Цезарь умѣлъ быть осмотрительнѣе и лучше умѣлъ заискать расположеніе народа, который самъ тяготился правленіемъ аристократовъ. Въ этомъ случаѣ Цезарь былъ одушевляемъ, конечно, тѣми же чувствами, какъ и Катилина, и чувства ихъ были вполнѣ законны. Мы съ полнымъ согласіемъ приводимъ здѣсь слова г. Клеванова, изъ его біографіи Саллюстія:

«Естественна ненависть Катилины къ тому порядку общественному, гдѣ гражданину нѣтъ дороги по его достоинствамъ, гдѣ ни умъ, ни высокія дарованія ничего не значатъ безъ денегъ и особенно связей, гдѣ немногіе, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть, тѣсною толпою не

пропускаютъ къ ней никого, кто не принадлежитъ къ ихъ категоріи. Катилина хотѣлъ каждому открыть дорогу къ власти, какъ и слѣдовало бы въ вольномъ грсударствѣ. Попытка его не была преступною; онъ благороднѣе и выше Суллы, Марія и другихъ, которые оружіемъ торжествовали надъ соотечественниками. Катилина прибѣгъ къ оружію, но по необходимости, прижатый, какъ бѣшеный волкъ, къ горамъ Аппенинскимъ войскомъ Антонія. Если бы Катилина былъ такъ неразборчивъ въ средствахъ, какъ его обвиняютъ, то онъ не погибъ бы, а торжествуя вошелъ бы въ Римъ».

Положеніе всякаго честолюбца, достигшаго власти, въ отношеніи къ тогдашнему народу римскому, довольно хорошо рисуется въ письмахъ Саллюстія къ Цезарю. Саллюстій восхваляетъ Цезаря за униженіе аристократической партіи и совѣтуетъ ему принять мѣры для того, чтобы воскресить народъ римскій и сдѣлать его способнымъ пользоваться вольностью, какая была у него прежде. У насъ изстари, говоритъ онъ, были двѣ партіи: патриціевъ и плебеевъ, спорившія одна съ другой. Борьба вела все къ большему расширенію правъ народа и къ ограниченію власти аристократіи. Тогда «каждый гражданинъ пользовался вольностью, не стараясь ставить свою волю выше законовъ; граждане соперничали другъ съ другомъ не въ богатствѣ и спѣси, а старались превзойти одинъ другого на пути чести и добра. Послѣдній изъ гражданъ не зависѣлъ отъ другихъ и могъ быть полезенъ себѣ и отечеству и на войнѣ, и въ мирѣ». Но все перемѣнилось съ увеличеніемъ римскаго могущества и съ распространеніемъ территоріи. Одни страшно обогатились, другіе же потеряли поземельные участки, бывшіе у нихъ; завидуя богатству нѣкоторыхъ, стали стремиться къ обезпеченію своего матеріальнаго положенія и уже менѣе думали о своей свободѣ, и вольность свою, и выгоды государства продавали ради своихъ частныхъ выгодъ. «Такимъ образомъ,—заключаетъ Саллюстій,—большинство народа утратило въ стремленіи къ частнымъ интересамъ идею общаго блага и, по моему мнѣнію, сдѣлалось неспособнымъ къ участію въ управленіи государственными дѣлами». Аристократы были этому очень рады и, захвативши правленіе въ свои руки, стали употреблять свою власть для личныхъ выгодъ, нимало не заботясь о народѣ и еще поддерживая въ немъ тѣ наклонности и то положеніе, которое мѣшало народу пользоваться своими правами на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изложивши свой взглядъ на положеніе Рима до Цезаря, Саллюстій говоритъ далѣе о томъ, что же теперь нужно дѣлать Цезарю, какъ человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточена вся власть. Не обинуясь, онъ указываетъ правителю цѣль его дѣйствій. Возвеличеніе Рима извнѣ и удержаніе за собой верховной власти онъ считаетъ предметами, слишкомъ недостойными великаго духа Цезаря. Призваніе его Саллюстій полагаетъ въ томъ, чтобы вызвать къ жизни замирающій народъ, даровавъ ему возможность существованія свободнаго и обезпеченнаго. Помпей много повредилъ республикѣ, по мнѣнію историка: верховную власть, распоряженіе государственнымъ приходомъ и расходомъ, власть судебную онъ дѣлалъ исключительнымъ правомъ немногихъ сенаторовъ; народъ же римскій, бывшій прежде главою правленія, обратилъ въ рабство, уничтоживъ даже равенство всѣхъ сословій предъ закономъ. Правда, что должности судебныя, какъ бы по старому, остались принадлежностью всѣхъ трехъ сословій; но тѣ же немногіе управляютъ и ими, даютъ и отнимаютъ ихъ по произволу, отстраняютъ людей добросовѣстныхъ, всѣ почести готовятъ только для своихъ. «Они расхищаютъ и грабятъ все, что у нихъ подъ рукою, и въ городѣ нашемъ, точно взявши его приступомъ, не признаютъ другихъ правъ, кромѣ права сильнаго». Все это ведетъ неминуемо къ паденію государства, и потому Саллюстій совѣтуетъ Цезарю поступить совершенно противоположно Помпею, который допускалъ все это, не думая ни о чемъ, кромѣ своего возвышенія. Именно, Цезарь долженъ, во-первыхъ, распространить право гражданства на возможно большее количество народа и, во-вторыхъ, дать всѣмъ гражданамъ право голоса при выборахъ въ судебныя должности. Тамъ уже нѣтъ вольности, говоритъ онъ, гдѣ выборъ судебныхъ властей въ рукахъ немногихъ. Потому власть судебная должна принадлежать всѣмъ гражданамъ перваго класса, число которыхъ нужно увеличить (Салл. въ русск. переводѣ, стр. 166). Въ примѣръ приводитъ онъ родоссцевъ, у которыхъ всѣ приговоры безпристрастны, потому что всякій, и бѣдный и богатый, имѣютъ равное право голоса, даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Этимъ способомъ, по мнѣнію Саллюстія, могло бы уменьшиться въ обществѣ и корыстолюбіе, такъ какъ многіе ищутъ богатства не столько для наслажденій, имъ доставляемыхъ, сколько изъ честолюбивыхъ видовъ: какъ скоро богатство не будетъ придавать общественнаго значенія человѣку, то можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, честные люди не будутъ стремиться къ его пріобрѣтенію, а прямо будутъ стараться отличиться истинными заслугами. Да и дурные люди меньше станутъ искать богатства, потому что «и къ злу человѣкъ стремится всегда изъ-за какихъ-нибудь выгодъ: отними ихъ,

и никто даромъ не будетъ дѣлать зла». Далѣе Саллюстій говоритъ, что «аристократія вся никуда не годится: они хотятъ повелѣвать другими,—замѣчаетъ онъ,—а сами, облѣнившись и изнѣжившись, способны скорѣе быть рабами, чѣмъ господами». Ихъ слушать нечего: могутъ-ли подать хорошіе совѣты въ управленіи государствомъ тѣ, которые не успѣли сберечь собственную свободу? Сами сенаторы потеряли сознаніе собственнаго достоинства и сдѣлались орудіемъ въ рукахъ немногихъ. Чтобы уничтожить это, надобно увеличить число сенаторовъ и установить тайную подачу голосовъ: тогда, не опасаясь ничего, никто не пожертвуетъ своимъ вліяніемъ въ пользу сильнѣйшаго, потому что «чувство самостоятельности и зависимости равно есть у всѣхъ гражданъ: и у благонамѣренныхъ, и у дурныхъ, и у дѣятельныхъ, и у лѣнивыхъ. Большая часть измѣняетъ ему отъ страха и, по неразсудительности, добровольно принимаетъ рабство, которое не ушло бы отъ нихъ и въ случаѣ неудачи въ борьбѣ; а ея результатъ еще могъ быть сомнительнымъ» (стр. 169). Саллюстій оканчиваетъ свое письмо увѣщаніемъ Цезарю отъ лица предковъ его и отъ имени отечества. Содержаніе его слѣдующее: «Мы пріобрѣли отечество, честь и славу, говорятъ предки Цезаря, а ты все это получилъ готовымъ. Чтобы возблагодарить насъ за все, возвысь еще славу нашего рода дѣломъ, которое выше всѣхъ подвиговъ, всѣхъ доблестей: возстанови ниспроверженную свободу народа, клонящагося къ паденію... Иначе гибель отечества неизбѣжна». Цезарь не исполнилъ желанія Саллюстія, не исполнилъ его и Августъ,—оба, можетъ быть, потому, что не могли исполнить: Римской Имперіи суждено было пасть съ паденіемъ силы и доблести народной.

По сдѣланнымъ нами извлеченіямъ можно судить, сколько интереса представляетъ изученіе эпохи, изобразителями которой являются Саллюстій, Цезарь и Цицеронъ. Г. Клевановъ вполнѣ заслуживаетъ благодарность публики за избраніе этихъ писателей для перевода. Къ сожалѣнію, переводъ сдѣланъ не совсѣмъ удовлетворительно. Попадаются такія ошибки, какъ съ сестерціями; иныя слова переводятся странно, какъ напримѣръ, *imperator* вмѣсто полководца вездѣ переводится *императоромъ*; говорится: заботиться о своей *народности*, то-есть, стараться пріобрѣсти любовь народа, *тапи* bona laceravit—переведено: проигралъ имѣніе *въ карты*; *in exstruendo mari* divitias profundunt переведено — вырываютъ пруды, подобные морямъ,—тогда какъ тутъ дѣло идетъ о зданіяхъ на морѣ. Такихъ промаховъ не мало, и они показываютъ, что переводчикъ мало справлялся съ комментаторами переводимыхъ пасателей. Иногда переводъ его очень удаляется отъ подлинника, не выражая его силы и точности, иногда же слишкомъ буквaленъ и тяжеловатъ. Напримѣръ: «никогда не пожелаю я, цѣною того, чтобы быть внѣ обвиненія, знать, что Катилина обнажилъ мечъ» и пр.; попадаются не русскія выраженія, въ родѣ: скрѣпивъ *душу* (вмѣсто сердце), *скопище зла* и т. п. Изданіе перевода не можетъ назваться изящнымъ; корректурная часть также не безукоризненна. И, несмотря на то, цѣна назначена очень высокая: три книжки, листовъ въ пятнадцать каждая, стоятъ 5 рублей сер. Это дорого, сравнительно даже съ русскими книгами.

---

109. О внутреннемъ устройствѣ земного шара.

Спб. 1857.

О магнитѣ и земномъ магнетизмѣ.

Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 108.

М. Л.

Естественныя и математическія науки имѣютъ у насъ въ Россіи многихъ достойныхъ представителей. Къ сожалѣнію, труды ихъ ограничиваются небольшимъ кружкомъ ученыхъ, будучи недоступны публикѣ по самому своему изложенію, требующему спеціальныхъ знаній. Отъ этого происходитъ, что, тогда какъ наши ученые дѣлаютъ въ естественныхъ наукахъ новыя открытія,—большинство публики не имѣетъ возможности даже слѣдить за ходомъ наукъ, и совершенно незнакомо съ результатами новѣйшихъ изслѣдованій. Недостатокъ популярныхъ книгъ въ этой отрасли знанія ощу-

тительнѣе, чѣмъ въ другихъ, тѣмъ болѣе, что предметы естественныхъ наукъ чрезвычайно близки ко всѣмъ намъ. Пособить отчасти этому недостатку имѣютъ въ виду двѣ брошюры, которыхъ заглавіе выписано нами. Обѣ онѣ отличаются чрезвычайно простымъ, яснымъ и даже живымъ изложеніемъ, что́ не часто встрѣчается въ научныхъ сочиненіяхъ. Первая изъ нихъ разсказываетъ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и соображеній, о томъ, что́ находится внутри земного шара. Тутъ находимъ подробное и основательное объясненіе землетрясеній и много дѣльныхъ замѣтокъ о разныхъ геологическихъ вопросахъ. Во второй брошюрѣ авторъ представляетъ популярное изложеніе свойствъ магнита вообще, говоритъ о дѣйствіяхъ электро-магнетизма, и потомъ переходитъ къ объясненію магнетизма земли, доказывая, что земля наша есть великая электрическая машина, большой вольтовъ столбъ, и что она рождаетъ электрическіе токи, направляющіеся отъ востока къ западу. Между объясненіями и доказательствами, изложенными весьма легко и просто, попадаются мысли и свѣдѣнія новыя, доселѣ не высказанныя русскими учеными.

---

110. Сократово ученіе по Ксенофону, въ видѣ разговоровъ,

въ четырехъ книгахъ. Перев. съ греческаго *Иваномъ Синайскимъ*. Москва. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ №№ 107 и 108. Помимо желанія предостеречь публику отъ крайне плохого перевода, Добролюбовъ хотѣлъ, конечно, кольнуть нашихъ государственныхъ людей: всѣ они были въ своемъ родѣ Главконы...

М. Л.

Появленіе перевода Ксенофонта служитъ новымъ подтвержденіемъ высказанной нами мысли о пробужденіи у насъ въ послѣднее время переводной дѣятельности. Но если римскіе историки могутъ имѣть нѣкоторый интересъ для нашей публики даже и въ такомъ неудовлетворительномъ переводѣ, какъ г. Клеванова, то никакъ нельзя сказать этого о Ксенофонтѣ (или Ксенофонѣ, какъ пишетъ переводчикъ), переведенномъ г. Синайскимъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что предлагаетъ свой переводъ *въ «назиданіе* любезнымъ соотчичамъ». Но неужели во всей греческой литературѣ не нашелъ г. Синайскій ничего назидательнѣе этого Ксенофонта? Выборъ его отчасти объясняется, впрочемъ, особенностью взгляда на греческую литературу, выраженную тоже въ предисловіи. «Платонъ, говоритъ переводчикъ:—въ разговоры свои вводилъ лицо своего учителя и влагалъ въ уста его ученіе и чуждое ему; напротивъ того, Ксенофонтъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ изложилъ главные пункты Сократова ученія». Изъ этого вы видите, что г. Синайскій большой приверженецъ Сократовой философіи, а къ Платону питаетъ справедливое недовѣріе, какъ къ человѣку, осмѣлившемуся слишкомъ вольно толковать мысли своего учителя. Со стороны г. Синайскаго все это прекрасно. Въ Сократовой философіи, изложенной Ксенофонтомъ весьма искусно, находится, въ самомъ дѣлѣ, много справедливыхъ и дѣльныхъ вещей, касающихся устройства общества и истинной нравственности. Діалектика Сократа сохранена у Ксенофонта съ удивительнымъ искусствомъ, которое одно могло ему доставить присвоенное ему прозваніе «аттической пчелы». Но дѣло въ томъ, что всѣ превосходныя истины Сократова ученія давно стали не новы и потеряли общественное значеніе; читать ихъ ужасно скучно и утомительно. Если бы предпринятъ былъ переводъ всѣхъ греческихъ философовъ, то, конечно, было бы вполнѣ естественно поставить Сократа во главѣ ихъ. Но, избирая для перевода одно какое-нибудь сочиненіе, не мѣшаетъ позаботиться о его интересѣ для современнаго общества. Что же, въ самомъ дѣлѣ, за радость читать длинныя разсужденія, и еще въ разговорной формѣ,—о томъ, напримѣръ, что надо уважать родителей, жить въ дружбѣ съ братьями, воздерживаться отъ чувственныхъ наслажденій, преклоняться предъ волею боговъ, повиноваться законамъ, дорожить добрыми друзьями, не браться за то, чего не знаешь и т. п. Скука всѣхъ подобныхъ разсужденій не выкупается живостью и остроуміемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, весьма, впрочемъ, не многочисленныхъ. Къ числу ихъ можно отнести, напримѣръ, разговоръ Сократа съ Аристип-

помъ, гдѣ Аристиппъ утверждаетъ, что начальникомъ быть непріятно, потому что начальники, въ отношеніи къ подчиненному имъ обществу, должны быть чѣмъ-то въ родѣ слугъ,—должны обо всемъ заботиться, все приготовлять для общества, работать за него и умѣть переносить всѣ лишенія, которыхъ когда-нибудь придется потребовать отъ другихъ... Сократъ возражаетъ, развивая ту мысль, что здѣсь весьма важна свободная воля: начальникамъ хорошо потому, что они все это дѣлаютъ по произволу, когда имъ угодно, и могутъ, если имъ вздумается, перемѣнить занятіе; а подчиненные должны дѣлать то, что имъ приказано. Хороши также допросы Сократа Главкону, стремившемуся сдѣлаться стратегомъ или архонтомъ.

— Ты вѣрно хочешь доставить выгоды государству, сдѣлавшись его правителемъ?— спрашиваетъ Сократъ.

— Да.

— Значитъ, ты уже имѣешь хорошее понятіе о его доходахъ и расходахъ?

— Нѣтъ; но вѣдь обогатить государство можно военной добычей...

— Такъ ты хорошо знаешь положеніе военныхъ силъ и въ отечествѣ, и въ другихъ государствахъ?

— Нѣтъ; этого я не знаю.

— Но, все-таки, ты сообразилъ, по крайней мѣрѣ, что нужно для охраненія страны.

— Нѣтъ еще.

— Однако же, ты знаешь, вѣрно, очень хорошо естественныя средства страны нашей?

— Ну, это очень трудно...

Словомъ, оказывается, что Главконъ вовсе и не думалъ, что нужно приготовить себя къ управленію страной, изучая ея положеніе, средства и нужды...

Сократъ заключаетъ свои вопросы убѣжденіями, чтобы юноша поучился прежде, а потомъ уже искалъ государственныхъ должностей.

Но повторяемъ, Ксенофонтъ передаетъ немного разговоровъ, которые равнялись бы въ замысловатости хоть этимъ, приведеннымъ нами отрывкамъ. Да и эти мѣста теряютъ всю свою живость въ дивномъ переводѣ г. Синайскаго. Его переводъ отличается необычайно пестрымъ характеромъ: на каждой страницѣ красуются кои, таковые, столькіе, ибо, поелику и проч. Употребляются весьма часто слова: злоключенія, вожделѣнный, своихъ-си, сладцѣ бесѣдовать, благоугождать; и рядомъ съ ними такія слова, какъ поводливый, промежъ собой, мастерица, волокита, и даже—ротные и полковые командиры, кондитеры, камердинеры, пикникъ, маршрутъ и проч. Точно будто переводилъ какой-нибудь дьячокъ временъ Петра Великаго, наставилъ славянскихъ словъ и формъ, да и далъ поправить какому-нибудь объевропеившемуся придворному, а тотъ и насовалъ сюда всякой нѣмечины. Мы сожалѣемъ, что не имѣемъ теперь подъ рукой перевода Ксенофонта, сдѣланнаго въ 1762 г. Григоріемъ Полетикою. Вѣроятно, за сто лѣтъ до нашего времени не умѣли такъ прелестно писать, какъ умѣетъ г. Синайскій. Возьмемъ изъ него, для примѣра, первыя попавшіяся строки, чтобы читатель имѣлъ понятіе о слогѣ г. Синайскаго.

Сократъ. Не отдалъ ли бы ты кормить и того человѣка, который согласился бы и имѣлъ силу отбить тебя отъ людей, намѣревающихся нанести тебѣ обиду?

Критонъ. Съ удовольствіемъ бы, только чтобъ не думать мнѣ, что и онъ пойдетъ противъ меня же.

Сократъ. Какъ это? Развѣ ты не знаешь(ь), что многимъ пріятнѣе кому-нибудь пользоваться чѣмъ-либо отъ так*а*(о)го человѣка, какъ ты за услуги, а не за какія-нибудь низости? Будь увѣренъ, что здѣсь есть и такіе люди, кои за большую честь сочтутъ быть твоимъ другомъ.

Такъ пишетъ г. Синайскій, издавшій недавно «Три статьи по предмету церковнославянскаго языка».

На оберткѣ книжки, изложенной крайне дурно и составляющей 416 страницъ въ 16-ю долю листа, напечатано: «Цѣна 1 р. 50 к. сер. Мѣста и лица за вытребованные уже и вновь требующіеся экземпляры благоволятъ присылать деньги въ Москву на имя Кол. Сов. И. Ѳ. Синайскаго, коего квартира въ Звонарскомъ переулкѣ, въ домѣ Зырева». Мы думаемъ, что *мѣста и лица* поступятъ очень дурно, если благоволятъ бросить полтора рубля за «Ксенофонта» переведеннаго г. Синайскимъ.

На послѣдней страницѣ замѣчено *семь* опечатокъ (восьмая сдѣлана на этой самой страницѣ: вмѣсто *напечатано*, стоитъ—*напечано*). Трудъ совершенно напрасный: корректура изданія такова, что по семи опечатокъ можно найти почти на каждой страницѣ.

111. Стихотворенія изъ Гейне.

Перев. *И. Генслера.* «Сновидѣнія». Спб. 1857.

Напечатано съ № 107 (см. № 126).
М. Л.

О г. Генслерѣ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ хорошимъ версификаторомъ. Безобразіе его стиха превосходитъ всякое вѣроятіе. Кто прочтетъ его переводъ и вздумаетъ по немъ судить о Гейне, тотъ, конечно, вообразитъ, что Гейне что-то въ родѣ графа Хвостова. Мы не умѣемъ объяснить таинственнаго процесса, которымъ г. Генслеръ умѣлъ убитъ всякую поэзію въ русскомъ переводѣ «Сновидѣній» Гейне; но злодѣяніе это несомнѣнно. Иногда чтеніе г. Генслера возбуждаетъ смѣхъ; но чаще оно ничего не возбуждаетъ... Читая его, нельзя представить себѣ ни одной картины, нельзя почувствовать ни одного изъ тѣхъ ощущеній, которыя такъ часто возбуждаются «Сновидѣніями» Гейне и такъ грустно, болѣзненно отзываются въ сердцѣ. Напримѣръ, вторая пьеса, гдѣ поэту три раза является дѣва смерти, — эта превосходная пьеса передана такимъ пошлымъ, такимъ прозаическимъ образомъ, что становится даже досадно... Русскій языкъ — невыносимъ... Въ образецъ стихотворной способности г. Генслера выписываемъ одну маленькую пьеску, которая говоритъ сама за себя. Замѣтимъ только, что послѣдніе три стиха, столь безсмысленные, сокращены переводчикомъ изъ *шести* стиховъ Гейне.

«Я видѣлъ самого себя во снѣ,
Что я брожу на балѣ разодѣтый:
Фракъ черный, шелковый жилетъ, манжеты,—
По модѣ все изъисканной на мнѣ.
И вотъ межъ дамъ присѣла въ сторонѣ
Одна, кого люблю я въ цѣломъ свѣтѣ.
Я, поклонясь, сказалъ ей: «правда-ль это,
Что вы помолвлены? Я, слыша, внѣ
Себя былъ радъ васъ отъ души поздравить».
И думалъ я, что вотъ мнѣ горло сдавитъ
Натянутый, холодный, чинный тонъ...
Она заплакала... О, очи ясны!
О, лгуньи—звѣздочки моей прекрасной!..
А все же вѣрится въ зловѣщій сонъ!..

Не вѣрьте, г. Генслеръ, что вы знаете русскій языкъ и умѣете писать стихи.

112. Губернскіе очерки. Изъ записокъ отставного совѣтника Щедрина.

Собралъ и издалъ *М. Е. Салтыковъ.* Томъ третій. Москва. 1857 г.

Напечатано въ XII кн. «Современника» 1857 г. (ценз. 7 декабря).

Статья важная и для оцѣнки Салтыкова и для пониманія Добролюбовскаго міровоззрѣнія. Начало ея очень цѣнно просто, какъ краткое, но сильное описаніе того общественнаго подъема, который русское общество переживало въ 1855—56 годахъ. При нѣкоторой ироніи, такъ сказать, задняго числа, Добролюбовъ, однако, вполнѣ понимаетъ, что должна была переживать культурная часть Россіи послѣ смерти Николая I, сумѣвшаго свести на-нѣтъ всѣ чаянія и упованія людей времени Александра I. Ирония его создана послѣдующимъ. Какъ человѣкъ дѣла и «дѣйствія», Добролюбовъ не могъ не смѣяться надъ пустозвонствомъ и словесными упражненіями массы общества. Онъ звалъ его къ дѣлу, предлагалъ отказаться отъ словъ, всячески анализировалъ съ этой точки зрѣнія общественные элементы и... должно сознаться, не видѣлъ яснаго, казалось бы, противорѣчія въ такомъ собственномъ построеніи. Добролюбовъ не хотѣлъ признать, что какъ русское крестьянство всѣмъ своимъ прошлымъ толкалось на путь нравственной гибели, такъ и интеллигентная часть общества была совершенно неприготовлена къ какой бы то ни было активности; она просто неспособна была встать, выпрямиться и пойти. Теоретически эта программа была для нея ясна, практически же—невыполнима. Единственная надежда оставалась на молодежь; къ ней Доб-

ролюбовъ и обращался потомъ часто, но все еще не переставалъ упрекать и «отцовъ», что, будучи поучительнымъ для «дѣтей», мало помогало имъ самимъ. Это противорѣчіе тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что здѣсь же, въ этой же статьѣ авторъ правильно понимаетъ задачи литературы въ отношеніи общества...

Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что въ анализѣ «талантливыхъ натуръ» Добролюбовъ шелъ дальше Салтыкова.

Обращаю вниманіе на конецъ статьи: Добролюбовъ первый указалъ на любовь Салтыкова къ народу, на вѣрный на него взглядъ и на справедливыя на него надежды (ср. замѣтку къ № 114).

М. Л.

Прошелъ съ небольшимъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ первые «Очерки» г. Щедрина появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и встрѣчены были восторженнымъ одобреніемъ всей русской публики. До настоящей минуты г. Щедринъ не сходитъ съ своей арены и продолжаетъ свою благородную борьбу, не обнаруживая ни малѣйшаго истощенія силъ. Онъ печатаетъ разсказъ за разсказомъ, постоянно выказывая въ нихъ, какъ великъ запасъ его средствъ, какъ неистощимъ источникъ его наблюденій. Мало того: къ нему постоянно присоединяются новые бойцы, и даже тѣ, которые молчали до сихъ поръ и прятались въ толпѣ безпечныхъ зрителей,—и тѣ, смотря на него и «вящшимъ жаромъ возгоря», отважно ринулися на поле безкровной битвы со всемогущимъ оружіемъ слова. Публика все еще съ любопытствомъ слѣдитъ за зрѣлищемъ этихъ подвиговъ, и разсказы *въ щедринскомъ родѣ* прежде всего прочитываются въ журналахъ. Но нельзя не видѣть, что теперь нѣтъ уже, ни въ публикѣ, ни въ литературѣ, прежняго увлеченія, прежней горячности, и что многіе донашиваютъ теперь сочувствіе къ общественнымъ вопросамъ, какъ старомодное платье. Кто началъ читать русскіе журналы только съ нынѣшняго года и не имѣетъ понятія о томъ, что было у насъ два года тому назадъ, тотъ потерялъ нѣсколько прекраснѣйшихъ минутъ жизни. Странно говорить объ этомъ времени, какъ о давнопрошедшемъ: но тѣмъ не менѣе—нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно прошло, и что не скоро русская литература дождется опять такой же поры. Мы вообще какъ-то очень скоро и внезапно вырастаемъ, пресыщаемся, впадаемъ въ разочарованіе, не успѣвши даже хорошенько очароваться. Растемъ мы скоро, истинно по-богатырски, не по днямъ, а по часамъ, но, выросши, не знаемъ, что дѣлать съ своимъ ростомъ. Намъ внезапно дѣлается тѣсно и душно, потому что въ насъ образуются все широкія натуры, а міръ-то нашъ узокъ и низокъ,—развернуться негдѣ, выпрямиться во весь ростъ невозможно. И сидимъ мы, съежившись и сгорбившись «подъ бременемъ познанья и сомнѣнья», въ совершенномъ бездѣйствіи, пока не расшевелитъ насъ что-нибудь уже слишкомъ чрезвычайное. Одинъ изъ ученыхъ профессоровъ нашихъ, разбирая народную русскую литературу, съ удивительной прозорливостью сравнилъ русскій народъ съ Ильей Муромцемъ, который сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ и потомъ, вдругъ, только выпивши чару пива крѣпкаго отъ каликъ перехожіихъ, ощутилъ въ себѣ силы богатырскія и пошелъ совершать дивные подвиги. Въ самомъ дѣлѣ, вся наша исторія отличается какой-то порывистостью: вдругъ образовалось у насъ государство, вдругъ водворилось христіанство, скоропостижно перевернули мы вверхъ дномъ весь старый бытъ свой, мгновенно догнали Европу и даже перегнали ее: теперь уже начинаемъ ее побранивать, стараясь сочинить русское воззрѣніе... Такъ было въ большомъ, то же происходило и въ маломъ: рванемся мы вдругъ къ чему-нибудь, да потомъ и сядемъ опять, и сидимъ, точно Илья Муромецъ, съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Два года тому назадъ, насъ расшевелила война, заставивши убѣдиться въ могуществѣ европейскаго образованія и въ нашихъ слабостяхъ. Мы какъ-будто послѣ сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашній и общественный бытъ и догадались, что намъ коечего недостаетъ. Едва эта догадка озарила нашъ умъ, какъ мы, съ рѣдкою добросовѣстностью и искренностью, принялись раскрывать «наши общественныя раны». Теперь многіе уже начинаютъ смѣяться надъ этимъ, и скептики, увѣрявшіе съ самаго начала, что все это

«Тяжелый бредъ души больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье»,

теперь злобно торжествуютъ, иронически поглядывая на взрослыхъ дѣтей, всегда склонныхъ къ увлеченію и видящихъ все въ розовомъ свѣтѣ. Но какъ хотите, а надъ ними нечего смѣяться; въ ихъ увлеченіи было такъ много прекраснаго, благороднаго, такъ много юности и свѣжести. Любо смотрѣть было, въ самомъ дѣлѣ, на общее одушевленіе: самый робкій, самый угрюмый человѣкъ не могъ, кажется, не увлечься, ви-

дя, какъ всѣ единодушно и неутомимо хлопотали о томъ, чтобы раскрыть «наши общественныя раны», показать наши недостатки во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Какихъ тогда вопросовъ ни подняли, до какихъ закоулковъ ни добрались!... «Отъ Перми до Тавриды» пронесся одинъ громкій энергическій возгласъ: идите всѣ, кто можетъ, спасать Русь отъ внутренняго зла! И все поднялось, все заговорило—твердо, сильно, разумно. Старые люди стряхнули, повидимому, свою давнишнюю лѣнь, возникли молодые дѣятели и съ свѣжими силами принялись за общее дѣло. Литература, какъ всегда, послужила первою выразительницею общественныхъ стремленій, приводя ихъ въ ясность и умѣряя ихъ силу строгимъ и обдуманнымъ обсуживаніемъ всѣхъ затронутыхъ вопросовъ. И литература получила, повидимому, общественное значеніе: она почти исключительно обратилась къ тѣмъ вопросамъ, которыми занято было вниманіе публики. Публика заговорила о путяхъ сообщенія, и въ журналахъ были десятки статей о желѣзныхъ дорогахъ и другихъ средствахъ сообщенія, съ искреннимъ сознаніемъ, что до сихъ поръ мы мало имѣли хорошихъ дорогъ и оттого не мало потеряли. Поднялся вопросъ о тарифѣ, и тотчасъ явился рядъ статей о свободной торговлѣ и запретительной системѣ. Обратили вниманіе на экономическія отношенія народа, и литература заговорила о состояніи земледѣльческаго класса, о свободномъ трудѣ и другихъ экономическихъ вопросахъ, выставляя преимущественно, чего у насъ нѣтъ, и что нужно сдѣлать. Послышались въ обществѣ голоса о важности воспитанія и о неудовлетворительности того, что доселѣ у насъ было принято,—и тотчасъ о воспитаніи пишутся горькія статьи, предпринимаются педагогическіе журналы, и публика тѣмъ большими рукоплесканіями награждаетъ статью, чѣмъ болѣе горька правда, въ ней высказанная. Поднимается голосъ противъ злоупотребленій бюрократіи,—и «Губернскіе очерки» открываютъ рядъ блестящихъ статей, безпощадно карающихъ и выводящихъ на свѣжую воду всѣ темныя продѣлки мелкаго подъячества. Горькіе упреки слышались отовсюду, и никто не думалъ противорѣчить имъ. Поэты и прозаики, ученые и диллетанты, теоретики и практики—всѣ бросались самоотверженно въ мрачное болото невѣжества и злоупотребленій съ пламенникомъ обличенія. Въ душѣ ихъ кипѣла могучая сила, ихъ рѣчи горѣли огнемъ вдохновенія, сожигая плевелы родной нивы [1]). Возстань, поэтъ, ободряли поэты самихъ себя, размышляя о своемъ призваніи:

«Да звучитъ твой стихъ обронный,
Правды Божіей набатъ,
Въ пробужденье мысли сонной,
Въ кару жизни беззаконной,
На погибель всѣхъ неправдъ».

Борьба во имя высшей правды противъ мелкихъ интересовъ времени!—восклицали высоко-образованные практики. «Съ первыхъ лѣтъ жизни, при самомъ начальномъ воспитаніи, должно пріучать къ этой борьбѣ, которая ожидаетъ въ нашемъ обществѣ каждаго порядочнаго человѣка!..»—«Наука должна смѣло вступить въ борьбу противъ невѣжества и предразсудковъ»,—говорили лучшіе изъ нашихъ ученыхъ. «Мы должны благодарить войну за то, что она открыла намъ многія темныя стороны нашей жизни, противъ которыхъ мы дружно должны идти теперь, отстаивая честь родины!..» Эти мощные, благородные, безкорыстные призывы не могли не находить отзыва въ сердцахъ людей, сочувствующихъ благу отечества,—и точно: у многихъ сердце билось сильнѣе отъ этихъ вдохновенныхъ звуковъ. Многіе съ грустной улыбкой, даже со слезами на глазахъ выслушивали русскую всенародную исповѣдь, но потомъ гордо поднимали голову, давая торжественный обѣтъ дѣятельности честной, неутомимой и безбоязненной. Были и такіе, силою обстоятельствъ и собственной слабостью увлеченные въ пошлость жизни, которые съ ужасомъ смотрѣли на собственное поприще и съ горечью сознавались въ его гадости. И что имѣли въ виду эти люди? Что заставляло ихъ съ такимъ увлеченіемъ подвергать себя торжественному самообвиненію? Ничего особеннаго. Они просто повторяли слова одного изъ своихъ глашатаевъ:

«Раскаянья слеза намъ будетъ въ облегченье
И къ новымъ подвигамъ насъ мощно воззоветъ»,—

и добродушно вѣрили, что вслѣдъ за словомъ не замедлитъ явиться и дѣло. Самое пустозвонство приняло тогда характеръ серьезно-обличительный. Пустѣйшій изъ пустозвоновъ, г. Надимовъ, смѣло кричалъ со сцены Александринскаго театра: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями!» и публика приходила въ неистовый восторгъ и рукоплескала г. Надимову, какъ будто бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, принялся вырывать зло съ корнями... «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь»,—вслухъ припомнилъ слова Гоголя кто-то изъ скеп-

[1]) См. замѣтку къ № 236.

Вологод. губ. земская библіотека

тиковъ, во время одного изъ представленій «Чиновника». Но эти слова никого не смутили: на скептика сосѣди его смотрѣли такъ гордо и прямо, какъ будто бы хотѣли отвѣтить ему словами того же комика: «да, надъ собой смѣемся; потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье высшее быть лучшими другихъ».

Такъ все оживало, все одушевлялось желаніемъ идти впередъ по пути просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія. Два года тому назадъ человѣкъ сторонній, услышавшій эти клики, увидавшій это движеніе, непремѣнно подумалъ бы, что это—пробужденіе исполина, который, послѣ продолжительнаго сна, расправляетъ свои члены, приводитъ въ порядокъ свои мысли и готовится искупить свое долгое бездѣйствіе подвигами изумительнаго величія. И такое предположеніе было совершенно естественно: чистыя, возвышенныя стремленія общественныхъ и литературныхъ дѣятелей казались такъ мощны, быстры и кипучи, что они должны были идти впередъ неудержимо, разрушая всѣ преграды, поставляемыя невѣжествомъ, омывая всѣ нечистоты, произведенныя въ русской жизни силою эгоизма, корысти и лѣни общественной. Сердца бились тогда сильно и радостно, въ полномъ убѣжденіи, что сознаніе недостатковъ есть уже половина исправленія, и что русскій человѣкъ ничего не любитъ дѣлать вполовину. Святотатствомъ сочли бы тогда, если бы кто осмѣлился утверждать, что этотъ Илья Муромецъ, столько лѣтъ сидѣвшій сиднемъ, поднялся теперь только за тѣмъ, чтобы толчись на одномъ мѣстѣ. Напротивъ, онъ долженъ былъ безостановочно идти впередъ, наслаждаясь жизнью и совершая славныя дѣла. И всѣ ждали этихъ подвиговъ, всѣ были въ напряженномъ ожиданіи чего-то великаго, необычайнаго. Все принимало видъ какого-то торжественнаго приготовленія, точно наканунѣ великаго праздника:

«И вились тогда толпою
Легкокрылые друзья:
Юность легкая съ *мечтою*
И живыхъ *надеждъ* семья»...

Отрадно было то время, время всеобщаго увлеченія и горячности... Какъ-то открытѣе была душа каждаго ко всему доброму, какъ-то свѣтлѣе смотрѣло все окружающее. Точно теплымъ дыханіемъ весны повѣяло на мерзлую, окоченѣлую землю, и всякое живое существо съ радостью принялось вдыхать въ себя весенній воздухъ, всякая грудь дышала широко, и всякая рѣчь понеслась звучно и плавно, точно рѣка, освобожденная ото льда. Славное было время! И какъ недавно было оно!

Но прошло два года, и хотя ничего особенно важнаго не случилось въ эти годы, но общественныя стремленія представляются теперь далеко уже не въ томъ видѣ, какъ прежде. Много разочарованій испытали уже мы на новой дорогѣ, многія надежды оказались пустыми мечтами, много видѣли мы явленій, способныхъ сбить съ толку самаго простодушнаго изъ оптимистовъ, вообще отличающихся простодушіемъ. И нѣтъ прежняго увлеченія, прежняго задушевно-гордаго тона...

«Гдѣ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая?..»

Разговоры и теперь, конечно, продолжаются, и мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы общественное вниманіе вовсе забыло о тѣхъ вопросахъ, которые недавно возбуждены были съ такой энергіей. Мы говорили только, что въ дѣятельности, въ жизни общества мало оказывается результатовъ отъ всѣхъ восторженныхъ разговоровъ, чѣмъ и доказывается, что большинство нашихъ доморощенныхъ прогрессистовъ играло до сихъ доръ, по выраженію г. Щедрина, «не внутренностями, а кожей».

Литература продолжаетъ свое дѣло добросовѣстно: служеніе дѣлу общественнаго совершенствованія она считаетъ своимъ священнѣйшимъ назначеніемъ. Она уже навсегда теперь вышла изъ пеленокъ и, что бы ни случилось, не получатъ въ ней теперь права гражданства ни швейцарскія поздравленія съ высокоторжественнымъ праздникомъ, ни лакейскія оды на пожалованіе такого-то господина такимъ-то чиномъ, ни трактирные диѳирамбы въ честь какого-нибудь праздника съ фейерверкомъ и иллюминаціей. Литература дѣятельно продолжаетъ свои обличенія, свои вызовы на все хорошее и благородное; она попрежнему твердитъ обществу о честной и полезной дѣятельности, она все поетъ ту же пѣсню—

«Встань, проснись, подымись,
На себя погляди!»

Но уже нѣтъ прежнихъ восторженныхъ отзывовъ со стороны публики. Она уже утомилась, она уже едва-ли не считаетъ свое дѣло конченнымъ, едва-ли не считаетъ себя достойною вѣнка за участіе, оказанное общественнымъ вопросамъ и новымъ дѣятелямъ литературнаго обличенія. Только по временамъ вспыхиваетъ теперь кое-гдѣ, неровно и порывисто, огонь одушевленія, похожаго на прежнее. Но и эти вспышки скоро пропадаютъ безъ слѣда, не имѣя никакого вліянія на общественную дѣятельность. Оказывается, что увлеченія и на-

дежды были преждевременны, и что многіе изъ людей, горячо привѣтствовавшихъ зарю новой жизни, вдругъ захотѣли ждать полудня и рѣшились спать до тѣхъ поръ, что еще большая часть людей, благословлявшихъ подвиги, вдругъ присмирѣла и спряталась, когда увидѣла, что подвиги нужно совершать не на однихъ словахъ, что тутъ нужны дѣйствительные труды и пожертвованія. Всѣ нетерпѣливо ждали, желали, просили улучшеній, озлобленно кричали противъ злоупотребленій, проклинали чужую лѣнь и апатію, — но рѣдко-рѣдко кто принимался за настоящее дѣло. Испуганные воображаемыми трудностями и препятствіями, многіе изъ тѣхъ, кто даже могъ дѣлать истинно-полезное,—

«Въ началѣ поприща увяли безъ борьбы».

Произошло явленіе, не слишкомъ возвышенное и даже довольно непредвидѣнное: русское общество разыграло въ нѣкоторомъ родѣ талантливую натуру. Читатели, конечно, прочли уже «Губернскіе очерки» и потому, вѣрно, знакомы съ нѣкоторыми изъ талантливыхъ натуръ, очерченными г. Щедринымъ. Но не всѣ, можетъ быть, размышляли о сущности этого типа и о значеніи его въ нашемъ обществѣ. Потому мы рѣшаемся подробнѣе разсмотрѣть эти натуры, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, довольно ярко выражается господствующій характеръ нашего общества. Виды талантливыхъ натуръ чрезвычайно разнообразны, но есть у нихъ и нѣчто общее, состоящее именно въ ихъ *талантливости*, которая можетъ иногда вызвать истинное сожалѣніе и навести на очень грустныя думы. Положеніе ихъ, конечно, смѣшно, даже отвратительно, но насмѣшку надъ положеніемъ этихъ господъ не нужно переносить на самую натуру ихъ, вовсе не лишенную добрыхъ качествъ. Занятія и свойства ихъ г. Щедринъ изображаетъ такимъ образомъ:

«Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатѣ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими Мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые перевариваютъ на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее у всѣхъ этихъ господъ, во-первыхъ, «червякъ», во-вторыхъ, то, что «на жизненномъ пирѣ» для нихъ не случилось мѣста, и, въ-третьихъ, необыкновенная размашистость натуры. Но главное—червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ уголъ, не зная, куда преклонить голову; онъ познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ; онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея—какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ не вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслію о томъ, какими бы онѣ могли быть, если бы... и т. д. Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ, онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдотрагическомъ негодованіи («Губерн. очерки», т. III, стр. 69 и сл.).

Видите-ли,—при всей насмѣшливости отношеній г. Щедрина къ талантливымъ натурамъ, онъ самъ не можетъ не обнаружить, что въ основаніи ихъ лежитъ нѣчто хорошее. Ихъ стремленія не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, напротивъ—стремленія эти ставятъ ихъ дѣйствительно выше тѣхъ апатическихъ безличностей, которыя, смотря на жизнь съ практической стороны, находятъ блаженное успокоеніе отъ всѣхъ сомнѣній и вопросовъ въ учительской указкѣ или въ подписи того, кто повыше ихъ чиномъ. Вся бѣда пропавшихъ талантливыхъ натуръ состоитъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ живыхъ началъ. Стоитъ дать имъ во́-время эти начала, и изъ нихъ можетъ выйти что-нибудь положительно доброе. Давно уже кто-то замѣтилъ, что на свѣтѣ нѣтъ собственно неспособныхъ людей, а есть только *неумѣстные*; что плохой извозчикъ и вываленный имъ изъ саней плохой чиновникъ, выгнанный изъ службы за неспособность, — оба, быть можетъ, не были бы плохими, если бы помѣнялись своими мѣстами: чиновникъ, можетъ быть, имѣетъ отъ природы склонность къ управленію лошадьми, а извозчикъ въ состояніи отлично разсуждать о судебныхъ дѣлахъ... Все горе происходитъ отъ ихъ неумѣстности, въ которой опять не виноваты ни чиновникъ, ни извозчикъ, а виновата ихъ судьба, эта «глупая индѣйка», по залихватскому русскому выраженію. То же самое происходитъ со всѣми талантливыми натурами; онѣ получаютъ одностороннее развитіе, несоотвѣтственное ихъ потребностямъ, и, уступая силѣ враждебныхъ обстоятельствъ, попадаютъ на ложную дорогу. Онѣ не столько животны, слабодушны и слѣпы, чтобы уступить безъ всякаго усилія, въ простодушной увѣренности, что такъ должно быть: это ихъ достоинство. Но онѣ не имѣютъ и настолько внутренней силы, ума и благородства, чтобы выдержать до конца, чтобы не измѣнить своимъ добрымъ влеченіямъ и не впасть въ апатію, фразер-

ство и даже мошенничество: вотъ ихъ существенный, страшный недостатокъ. Но этотъ недостатокъ, очевидно, не природный. Онъ происходитъ отъ слабости характера, соединенной съ пылкостью стремленій. Пылкость стремленій сама по себѣ—вещь весьма похвальная, и при томъ составляетъ въ человѣкѣ не что иное, какъ простой признакъ живой молодости,—а характеръ, какъ всѣ согласны, не родится съ человѣкомъ, а пріобрѣтается имъ во время воспитанія, установляясь окончательно въ послѣдующихъ треволненіяхъ жизни. Слѣдовательно, по строгомъ разсужденіи, на сторонѣ самой личности остается только живая воспріимчивость натуры,—признакъ вовсе недурной, а все остальное ложится на отвѣтственность окружающей ее среды. Намъ скажутъ: отчего же эта среда не оказываетъ такого же вліянія на другихъ, отчего именно на талантливыя натуры она дѣйствуетъ такъ гибельно? Отвѣтъ простъ: эти натуры, по своей впечатлительности, забѣгаютъ дальше другихъ, часто захватываютъ больше, чѣмъ сколько могутъ вынести, и при этомъ чаще, чѣмъ другіе, встрѣчаютъ противодѣйствія, которымъ онѣ не въ силахъ противиться. Между тѣмъ, какъ дѣти милыя и благонравныя наслаждаются спокойствіемъ блаженнаго невѣдѣнія, помня, что они дѣти и, слѣдовательно, должны составлять свой маленькій міръ, не вступаясь въ дѣла большихъ,—дѣти воспріимчивыя и пылкія суются безпрестанно туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, рано знакомятся съ житейскими дрязгами и рано получаютъ отъ большихъ практическія опроверженія своихъ дѣтскихъ разсужденій. Въ иныхъ естественная логика и привычка къ дѣятельности беретъ верхъ: они разсматриваютъ практическіе взгляды со всѣхъ сторонъ и оцѣниваютъ ихъ очень вѣрно; они не падаютъ передъ силою обстоятельствъ, не опускаются до злобнаго фразерства и циничесой лѣни — съ досады, что ничего великаго сдѣлать нельзя,—а до конца идутъ противъ враждебной силы, и если не успѣютъ ее покорить, то падаютъ, звукомъ самого паденія созывая на трупъ свой новыхъ самоотверженныхъ дѣятелей. Но такихъ крѣпкихъ людей немного. Большая часть не выдерживаетъ враждебнаго напора и гибнетъ нравственно, безъ пользы, а часто даже съ вредомъ и для другихъ. Въ общественномъ отношеніи, разумѣется, хвалить ихъ нечего: они всегда являются въ обществѣ или тунеядцами, или мошенниками. Отъ этого мы и не думаемъ ихъ оправдывать, равно какъ не думаемъ возвеличивать ихъ бездѣйствіе насчетъ незамѣтной дѣятельности скромныхъ труженниковъ. Мы только хотимъ сказать, что въ сущности своей талантливыя натуры даютъ больше задатковъ хорошаго развитія, нежели благонравныя, милыя, послушныя и т. д. дѣти—и что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ихъ развитіе принесло бы хорошіе плоды. Мы можемъ сравнить ихъ, пожалуй, съ плодородной землей. Засѣйте гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга хорошую почву (если таковая найдется) маисомъ, рожью и крапивой. Маисъ, разумѣется, не примется, по причинѣ разныхъ прелестей петербургскаго климата, а рожь заглушена будетъ крапивою. Вотъ поле и не годится никуда. Какъ же можно сравнить его по плодамъ съ другимъ, довольно, правда, скуднымъ полемъ, которое, однако же, выростило рожь, хотя и очень тощенькую. А, все-таки, нельзя не сказать, что въ первомъ полѣ земля лучше. Брошенное и запущенное, да еще закрытое отъ солнышка какими-нибудь заборами да постройками, заваленное всякимъ мусоромъ, оно и все порастетъ крапивой. Но попадись оно въ руки хорошему хозяину, такъ тотъ не только его отъ мусора очиститъ и крапиву выполетъ, не только жатву соберетъ, а еще цѣлую оранжерею на немъ разведетъ и самыя нѣжныя растенія воспитаетъ, оградивши ихъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ петербургскихъ вліяній.

Если нужно доказать наши слова примѣрами, то за ними ходить недалеко. У г. Щедрина представлены талантливыя натуры трехъ разрядовъ: мефистофельская, спившаяся съ кругу и пустившаяся въ мошенничество. Нельзя не сознаться, что выборъ этихъ трехъ категорій самъ по себѣ весьма удаченъ. Неудавшаяся дѣятельность талантливыхъ натуръ обыкновенно имѣетъ одинъ изъ этихъ исходовъ. Всѣ они гадки и вредны, или, по крайней мѣрѣ, безполезны; но посмотрите на начало жизненнаго поприща этихъ господъ, вникните въ сущность ихъ натуры, и вы увидите, что всѣ ихъ увлеченія имѣютъ доброе начало, а паденіе происходитъ просто отъ безсилія противиться внѣшнимъ вліяніямъ. Отчего такое безсиліе происходитъ, мы уже отчасти объяснили. Прибавимъ только, что, завися отъ естественной, каждому предмету въ мірѣ присущей инерціи,—качество это усиливается отъ постоянной привычки къ пассивному воспріятію чужихъ идей, и дѣлается тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ больше ума и свѣжихъ силъ въ такой пассивной натурѣ. На человѣка, не умѣющаго пяти словъ сказать со смысломъ, не досадно, если онъ цѣлый вѣкъ сидитъ за переписываньемъ. Да его и не замѣтишь: онъ доволенъ своею судьбою и высоко не заносится, зная, что безъ крыльевъ опасно подниматься на воздухъ... Но человѣкъ, легко и быстро понимающій

предметы, имѣющій живыя и высокія стремленія, знающій очень хорошо степень собственныхъ силъ,—такой человѣкъ вдругъ, поддаваясь лѣни, отстаетъ отъ всякаго дѣла и употребляетъ свои способности только на пересыпанье изъ пустого въ порожнее или на различныя непохвальныя продѣлки: это уже досадно и горько. Такого человѣка сейчасъ всѣ замѣтятъ, потому что онъ всѣмъ надоѣдаетъ своими жалобами на несправедливость судьбы, ко всѣмъ навязывается съ пересмѣиваньемъ своихъ ближнихъ, всѣмъ кидается въ глаза своимъ сознательнымъ, преднамѣреннымъ бездѣльничествомъ. Вотъ, напримѣръ, передъ вами г. Корепановъ. Онъ не потому замѣченъ крутогорскимъ обществомъ, что тунеядствуетъ и въ пустякахъ всю свою жизнь проводитъ. Онъ пустъ не больше другихъ; какъ другіе, онъ служитъ,—какъ другіе, является на дѣтскіе балы княжны Анны Львовны,—какъ другіе, ничѣмъ особенно не занимается. Словомъ, въ немъ ничего нѣтъ замѣчательнаго, и вы проходите мимо его, бросая на него разсѣянный взглядъ и думая: «вотъ еще одинъ изъ множества тѣхъ, которые прозябаютъ въ Крутогорскѣ, серьезно занимаясь дѣланьемъ ничего и не имѣя понятія о другихъ, лучшихъ сферахъ дѣятельности...» Но г. Корепановъ вдругъ останавливаетъ васъ восклицаніемъ: «прошу не смѣшивать меня съ этой толпой; я увѣряю васъ, что я гораздо лучше всѣхъ ихъ. Не смотрите на то, что я толкусь между ними и такъ же, какъ они, ничего не дѣлаю... Повѣрьте, что я могъ бы сдѣлать многое, очень многое, если бы только захотѣлъ... Но я не хочу...» — «Тѣмъ хуже,—отвѣчаете вы,—значитъ, вы, мсьё Корепановъ, сами виноваты въ своемъ ничтожествѣ. Съ этихъ людей нечего спрашивать: они дѣлаютъ то, что могутъ; виноваты-ли они, что у нихъ не хватаетъ силъ на большее? А вы гораздо хуже ихъ, потому что не дѣлаете и того, что можете. Вы просто дрянь, мосье Корепановъ».—И что же бы вы думали? Корепановъ мгновенно съ вами соглашается и начинаетъ ругать себя. «Да,—говоритъ онъ, впрочемъ, не безъ оттѣнка тонкой ироніи,—я глупъ, я слабъ, у меня мелкая ничтожная душонка. Я завидую даже этому пошлому довольству и безмятежію, которое написано на лицахъ моихъ сослуживцевъ: все-таки, значитъ, ихъ жизнь прошла недаромъ... А я только все сомнѣвался да метался безъ толку, изъ стороны въ сторону... А къ чему?... Гораздо было бы спокойнѣе—добыть себѣ тепленькое мѣстечко, какъ Николай Ѳедорычъ, жениться на Анфисѣ Ивановнѣ, которая изъ старыхъ панталонъ шаль устраиваетъ, да считаетъ себѣ денежки, какъ Семенъ Семенычъ»... Вы соглашаетесь, что это, дѣйствительно, было бы спокойнѣе, чѣмъ безъ толку цѣлый вѣкъ маяться; но Корепановъ обнаруживаетъ полное омерзѣніе къ дѣятельности Николая Ѳедорыча, Семена Семеныча и подобныхъ. Онъ даже дѣтямъ Семена Семеныча и Николая Ѳедорыча внушаетъ отвращеніе къ воровству и скаредной жизни родителей и гордится своими заслугами въ этомъ отношеніи. Онъ называетъ Крутогорскъ помойной ямой и очень недоволенъ тѣмъ, что здѣсь всякій долженъ безсмѣнно носить однажды накинутую на себя ливрею. По выходкамъ Корепанова вы видите, что онъ былъ въ хорошей школѣ, умѣетъ зло отъ добра отличить и имѣетъ понятіе о настоящей нравственности. Онъ и самъ признается, что въ молодости своей умныхъ людей съ каѳедры слушалъ, но только ученье не пошло ему въ прокъ. Онъ, видите, не хотѣлъ корпѣть надъ книжкой и клевать по крупицѣ, а ждалъ все, что ему кто-нибудь «вольетъ знаніе ковшомъ въ голову, и сдѣлается онъ послѣ того мудръ, какъ Минерва». Вотъ вамъ и первое паденіе передъ трудностями, первое торжество лѣни. Далѣе, Корепановъ затѣмъ не остался служить тамъ, гдѣ бы лучше могли развернуться его таланты, что «онъ желаетъ кушать, а въ Петербургѣ или Москвѣ этого добра не найдешь сразу». А ему—видите—лѣнь добиваться чего-нибудь трудомъ, понемножку; все сразу хотѣлось бы. Вотъ онъ и ѣдетъ въ Крутогорскъ, гдѣ у него есть родные, «которыми, слѣдовательно, ужъ насижено мѣсто и для него»... Здѣсь онъ кое-какъ служитъ, какъ и всѣ, но, главнымъ образомъ, злобствуетъ противъ всѣхъ, стараясь выставить собственное превосходство и несправедливость судьбы. Если хотите, судьба точно несправедлива къ нему, но несправедлива тѣмъ, что дала ему родныхъ, которые, съ грѣхомъ пополамъ насидѣвши тунеядцу мѣсто, освободили его отъ необходимости работать самому для пріобрѣтенія мѣста и хлѣба. Не будь этого, Корепановъ былъ бы славнымъ работникомъ и не погибъ бы для честной и полезной дѣятельности, обратившись въ Мефистофеля средней руки.

Теперь посмотримъ на Лузгина, тоже талантливую натуру, только другого разбора. Положительно дурного въ этой натурѣ ничего нѣтъ. Припоминая прежніе годы Лузгина, г. Щедринъ говоритъ, что онъ былъ тогда безразсчетно добръ и великодушенъ, что въ немъ сильно кипѣла кровь, обильна и неистощима была животворная струя молодости. Самъ Лузгинъ, въ откровенномъ разговорѣ, высказываетъ, что у него и въ пожилыхъ лѣтахъ сохранилось еще много

любви, горячности, жару. Онъ сожалѣетъ, что погано провелъ свою молодость и не столько лекціями, сколько ухарствомъ занимался. Въ жизни его есть прекрасныя явленія. Онъ женился на бѣдной гувернанткѣ своего сосѣда, которую притѣсняли сладострастный хозяинъ и капризная хозяйка. Онъ не хотѣлъ служить въ Петербургѣ затѣмъ, что тамъ «выморозки, что-то холодное, ослизлое», бѣгаютъ цѣлый день, чтобъ имѣть счастіе искривить ротъ въ улыбку при видѣ нужнаго лица. Онъ пересталъ ѣздить къ школьному товарищу, когда тотъ вздумалъ пустить ему въ глаза пыль въ видѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стрекозы, княгини Оболдуй-Тараканової и такъ далѣе. Все это, нельзя не сознаться, обнаруживаетъ натуру добрую, симпатичную, съ наклонностями истинно-благородными. Можно бы почесть его просто прекраснымъ мирнымъ помѣщикомъ, нашедшимъ, наконецъ, въ кругу семейномъ успокоеніе отъ житейскихъ треволненій. Но такое заключеніе было бы неудачно: Лузгинъ хоть и не занимался лекціями, по его собственному признанію, но все же кое-что изъ высшихъ наукъ запало ему въ голову,— и онъ уже не можетъ довольствоваться своей тѣсной сферой. «Размѣры насъ душатъ,—говоритъ онъ:—природа у насъ широкая, желалъ бы захватить и вдоль, и поперекъ, а размѣры маленькіе. Жару и теперь еще пропасть осталось, только некуда его дѣвать: сфера-то у насъ узка, разгуляться негдѣ»... Да кто же вамъ не велѣлъ, г. Лузгинъ, захватывать именно столько, сколько ваши силы позволяютъ? Зачѣмъ вы кисните въ деревнѣ и даже не служите, хоть бы по выборамъ?—А вотъ видите,—когда Лузгинъ воротился изъ ученья, то мать стала его упрашивать: «около меня посиди», да и сосѣди лихіе нашлись,—онъ и остался, тѣмъ болѣе, что къ лѣности съ юныхъ лѣтъ сердечное влеченіе чувствовалъ... Но въ деревнѣ его томитъ скука: образованіе его не столько полно, чтобъ онъ могъ довольствоваться самимъ собою и семейнымъ кругомъ; онъ ищетъ другихъ развлеченій и находитъ ихъ, разумѣется, безъ особенныхъ затрудненій; онъ начинаетъ каждый день напиваться до пьяна, приводя въ отчаяніе свою жену и разстраивая собственное здоровье... Ну, скажите на милость, природа-ли тутъ виновата? Лузгинъ всячески старается всю вину сложить на природу, хотя онъ, собственно говоря, и не думаетъ себя оправдывать. Напротивъ, онъ, какъ и всѣ талантливыя натуры, безбоязненно и безстыдно распространяется о своихъ недостаткахъ, увѣряя, что онъ свинья, что онъ опустился, что онъ гнусенъ съ верхняго волоска головы до ногтей ногъ. Но это самообвиненіе мало помогаетъ. Подняться онъ уже не въ силахъ: я, говоритъ, до такой степени привыкъ къ праздности, такъ въѣлся въ нее, что даже ужъ и думать ни о чемъ не хочется. При всемъ томъ, онъ не хочетъ принять на себя отвѣтственности за все. Чувствуя, что не въ силахъ подняться, онъ старается увѣриться, что такъ ужъ судьбой рѣшено, что иначе и быть не можетъ, что такъ, видно, «и суждено этому огню перегорѣть въ груди, не высказавшись ни въ чемъ». И въ этой увѣренности принимается съ отчаянія за чарочку, чтобъ утопить въ винѣ свои досадные порывы. А потомъ жалуется на природу весьма комическимъ образомъ. «Для чего,—говоритъ,—она не сдѣлала меня Зеноном, а наградила наклонностями сибарита? Для чего она не закалила мое сердце для борьбы съ терніями суровой дѣйствительности, а, напротивъ того, размягчила его и сдѣлала способнымъ откликаться только на доброе и прекрасное?... Природа-то вѣдь дура, выходитъ»... Какая же тутъ природа, г. Лузгинъ? Природа всѣхъ людей рѣшительно выпускаетъ на Божій свѣтъ слабыми и бепомощными: никого она не калитъ и не мягчитъ нарочно, въ томъ соображеніи, что вотъ этотъ господинъ долженъ будетъ бороться, а тотъ нѣтъ, такъ въ видахъ предусмотрительности надобно дать имъ такія-то и такія-то свойства. Это вы все для оправданія своей лѣни выдумываете, что природа какъ-то непріязненно къ вамъ расположена и по какимъ-то интригамъ вздумала васъ размягчить. Ничего подобнаго не бывало: закаляются люди не на лонѣ природы, а въ горнилѣ житейской опытности. А этой-то закалки и нѣтъ у васъ, потому что вамъ не случилось надобности съ самаго начала преодолѣть вашу лѣнь, и вы позволили другимъ за васъ думать и дѣйствовать. Въ результатѣ и вышло, что хотя у васъ сердце доброе, хоть оно и откликается на все прекрасное, а сами-то вы вышли человѣкъ не только плохой, но и пошлый, даже грязный. Такъ скажемъ мы Лузгину, не желая поощрять его лѣни и цинизма. Но, обращаясь къ читателямъ, мы, разумѣется, не можемъ не прибавить, что дѣйствительно судьба была довольно жестока къ Лузгину. Его вывели изъ непосредственной простоты и патріархальности деревенскихъ отношеній, дали нѣкоторое понятіе о предметахъ высшихъ, но не дали основательныхъ и твердыхъ началъ, не заинтересовали даже наукой хоть бы до такой степени, чтобы предпочитать ее разнымъ ухарскимъ развлеченіямъ. При первыхъ попыткахъ что-нибудь дѣлать, ему встрѣчаются препятствія: тамъ, мать и ро-

димое гнѣздо отвлекаютъ отъ службы, тамъ, *лихіе* сосѣди увлекаютъ въ отъѣзжее поле да въ буйную оргію, тамъ, надменныя выскочки и мягкотѣлые низкопоклонники отталкиваютъ его отъ петербургской жизни. Для него это уже слишкомъ много: его наклонность къ лѣни, привычка подчинять себя требованіямъ чужой воли и слишкомъ поверхностное образованіе не могутъ устоять противъ безпрестанныхъ искушеній. А тамъ — судьба позаботилась приготовить родимое гнѣздо, въ которомъ можно жить на чужой счетъ... Вотъ и погибъ человѣкъ, изъ котораго, при другихъ обстоятельствахъ, могло бы и выйти что-нибудь.

Есть еще особаго рода талантливыя натуры, повидимому, совершенно не похожія на два образца, которыя нами разсмотрѣны, но въ сущности чрезвычайно къ нимъ близкія. Образчикъ такихъ натуръ представляетъ Горехвастовъ, описанный г. Щедринымъ. Этотъ, съ перваго раза, можетъ показаться, пожалуй, очень дѣятельнымъ. Онъ прожектеръ, мошенникъ, шулеръ; онъ и въ офиціальное платье переодѣвался, и казенныя деньги кралъ, и заставлялъ кое-кого въ окно прыгать, и самъ изъ онаго прыгивалъ, и фортуну себѣ умѣлъ составить и потерять оную. Кажется, чего больше дѣятельности— энергической, постоянной, только дурно направленной. Это ужъ, кажется, не слабая натура, носившая въ себѣ задатки добра, но погибшая только вслѣдствіе своей лѣни и слабости; это сильная, злодѣйская душа, талантливая только на мерзости всякаго рода. Онъ совсѣмъ непохожъ на двухъ малодушныхъ, только-что нами видѣнныхъ у г. Щедрина. Такъ кажется съ перваго взгляда. Но если всмотрѣться пристальнѣе, то найдется, что и Горехвастовъ, въ сущности, рѣшительно то же самое, что Корепановъ и Лузгинъ. Разница между ними только въ томъ, что тѣ двое, все-таки, учились чему-нибудь и, при всей поверхностности своего образованія, усвоили нѣкоторыя наиболѣе простыя внушенія, какъ напримѣръ, что кража постыдна, шулерство гнусно и т. п. Горехвастову же и этого не внушили, а учили его имѣть только пріятныя манеры и *causer* обо всемъ. Какъ натура талантливая, онъ поддался этому направленію, и манеры его, дѣйствительно, оказались хороши, и *causeur* вышелъ изъ него отличный. Товарищи его ѣздили къ француженкамъ по воскресеньямъ, и онъ ѣздилъ, потому что не въ силахъ былъ противиться искушенію, не имѣя никакой внутренней опоры, точно такъ, какъ и Лузгинъ съ Корепановымъ. Петръ Бурковъ сводитъ его съ людьми, которыхъ карьера и назначеніе въ жизни ограничивается не совсѣмъ честными подвигами на зеленомъ полѣ, и онъ подвизается вмѣстѣ съ ними; затѣиваютъ эти люди штуку en grand, чтобы купца надуть, и онъ является ревностнымъ исполнителемъ проекта; говоритъ ему Петръ Бурковъ о жизни en artistes,—онъ и en artistes жить соглашается; зоветъ его по ярмаркамъ ѣздить,—онъ и на это готовъ. Иногда какъ будто добрые инстинкты въ немъ просыпаются: ему, напримѣръ, неловко становится продать себя безобразной барынѣ, которая задумала воспользоваться его атлетическими формами. Но Бурковъ сказалъ ему, что это вздоръ, *велѣлъ* ему рѣшиться, во имя правъ дружбы,—и Горехвастовъ рѣшился. Скажите, на что же еще слабодушнѣе человѣка? Онъ гораздо слабѣе Лузгина и Корепанова, потому что еще менѣе, чѣмъ они, имѣетъ внутреннихъ убѣжденій; онъ рѣшительно не можетъ противиться окружающимъ вліяніямъ, не можетъ даже уклониться отъ нихъ въ бездѣйствіе, а прямо имъ подчиняется... А тамъ ужъ онъ идетъ дальше, по силѣ инерціи, и даже нерѣдко выказываетъ наружную твердость и храбрость, приличную обстоятельствамъ. Талько эта энергія и твердость походятъ на храбрость лакея, который громогласно кричитъ съ крыльца «подавай!», а потомъ тотчасъ же подобострастно усаживаетъ барина въ карету и смиренно стоитъ передъ нимъ, если тому вздумается намылить ему шею. Храбрость Горехвастова мгновенно исчезаетъ: онъ трясется и блѣднѣетъ, какъ только увидитъ гдѣ-нибудь около себя *кавалера* или другую полицейскую власть, или даже просто въ чужомъ обществѣ получитъ «подлеца», съ любезнымъ обѣщаніемъ выбросить его изъ окна. Безсиліе противиться внѣшнимъ вліяніямъ обнаруживается въ немъ на каждомъ шагу еще болѣе, чѣмъ въ Корепановѣ и Лузгинѣ.

Лѣнь, отвращеніе отъ труда тоже составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ его характера, несмотря на видимую неутомимую дѣятельность. Онъ не хотѣлъ служить и сдѣлался мошенникомъ именно потому, что не хотѣлъ «сидѣть каждый день семь часовъ въ какой-то душной конурѣ, облизываясь на мѣсто помощника столоначальника». Онъ чувствуетъ, что «стоитъ выше общаго уровня», что можетъ быть и поэтомъ, и литераторомъ, и прожектеромъ, и капиталистомъ. Но ему непремѣнно хочется получить какъ можно больше безъ всякаго труда, и онъ избираетъ шулерство, какъ легчайшее средство обогащенія. Разорившись, онъ живетъ въ четвертомъ этажѣ, на манеръ артиста, и тутъ всего болѣе нравится ему полная безпечность, которой онъ можетъ предаваться. Ему тошно смо-

трѣть даже на своего сосѣда, Дремилова, только потому, что этотъ сидитъ все за книжкой. Негодованіе разыгрывается въ немъ при одномъ воспоминаніи о такомъ труженичествѣ. «Ну, что это за жизнь, спрашиваю я васъ, — восклицаетъ онъ, — и можетъ ли, имѣетъ ли человѣкъ право отдавать себя въ жертву геморрою? И чего, наконецъ, онъ достигнетъ?» и т. д. Горехвастову мало быть практическимъ лѣнтяемъ: онъ старается свою лѣнь возвести въ теорію. Онъ даже положительно выражается, что «геніальная натура науки не требуетъ, потому что до всего собственнымъ умомъ доходитъ. Спросите, напримѣръ, меня... Ну, о чемъ хотите!.. на все отвѣтъ дамъ, потому что это у меня все русское, врожденное». Какъ видите, и этотъ господинъ, подобно Лузгину, не прочь бы свалить свою пустоту на природу, на врожденность. Но въ его словахъ и разсказахъ нельзя не видѣть крайняго развитія лѣности, далеко превосходящей естественное и всякому человѣку дозволительное влеченіе къ покою.

«Однако, онъ играетъ, мошенничаетъ, прожектируетъ,—могутъ возразить намъ.— Для этого тоже нужно много дѣятельности. Горехвастовъ работалъ и умомъ, и руками, и ногами, и всѣми членами тѣла, для пріобрѣтенія фортуны. Онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, опасностямъ подвергался, странствовалъ по ярмаркамъ, путешествовалъ черезъ окна изъ второго этажа на улицу. Какъ хотите, а къ этому неспособна натура пассивная, лѣнивая, находящая высшее блаженство въ апатическомъ бездѣйствіи». Все это кажется очень справедливымъ при первомъ взглядѣ. Но при нѣкоторомъ вниманіи не трудно сообразить, что и дѣятельность Горехвастова — совершенно пассивная, вынуждаемая обстоятельствами чисто внѣшними. Почти всегда онъ дѣйствуетъ по чужой указкѣ, ведомый другими мошенниками, почти всегда слѣдуетъ неуклонно тому направленію, на которое его толкнули. Пожалуй, если хотите, и онъ не совсѣмъ безъ дѣла. Но развѣ тогда можно найти на свѣтѣ хоть одного человѣка бездѣльнаго? Тотъ бѣгаетъ цѣлый день около бильярда, другой сидитъ за шахматами, третій глубокомысленно куритъ сигару. Иной половину дня гуляетъ для моціона, а другую половину — употребляетъ на то, чтобы задавать работу своему желудку, который едва въ цѣлыя сутки ее выполнитъ... Иной всю жизнь свою вѣсти разноситъ, другой каждый вечеръ въ театрѣ томится и т. д., и т. д. Все это вѣдь тоже дѣло, если хотите, и ни одинъ человѣкъ безъ дѣлъ подобнаго рода обойтись въ своей жизни не можетъ, потому что законъ самой природы непремѣнно какое-нибудь движеніе предписываетъ. Но что это за движеніе, къ чему оно стремится, какая сила его производитъ,—вотъ на что нужно обращать вниманіе при оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности. И камень бросить, такъ онъ полетитъ и даже, если его искусно направить на воду, то кружки на ней произведетъ. И если воду вскипятить, то она такъ разбушуется, что и черзъ край пойдетъ; но затѣмъ разольется по полу и простынетъ тотчасъ, — только лужа останется. Подобными вспышками ограничивается и дѣятельность пропавшихъ талантливыхъ натуръ. Внутреннее влеченіе къ дѣятельности имъ уже сдѣлалось непонятно; сознательно и постоянно преслѣдовать свою цѣль у нихъ не хватаетъ терпѣнія и твердости. На одинъ порывъ, и даже сильный, ихъ еще станетъ, потому что они вообще, по слабости своихъ внутреннихъ силъ, склонны увлекаться внѣшними впечатлѣніями; но одна неудача, одно препятствіе, котораго нельзя удалить сразу — и энергія оставляетъ ихъ, и природная лѣнь беретъ свое. Всѣ они являются дѣятельными представителями того взгляда на вещи, который высказываетъ Горехвастовъ такимъ образомъ:

«Я, Николай Ивановичъ, патріотъ, я люблю русскаго человѣка за то, что онъ не задумывается долго. Другой вотъ, нѣмецъ или французъ, надъ всякою вещью остановится, даже смотрѣть на него тошно, точно родить желаетъ, а нашъ братъ только подошелъ, глазами вскинулъ, руками развелъ: «этого-то не одолѣть? — говоритъ: — да съ нами крестная сила! да мы только глазомъ мигнемъ!» И дѣйствительно, какъ почнетъ топоромъ рубить,—только щепки летятъ; геніальная, можно сказать, натура! безъ науки всѣ науки прошелъ!.. Люблю я, знаете, иногда посмотрѣть на нашего мужичка, какъ онъ тамъ дѣйствуетъ: лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да зато ужъ какъ примется, такъ у него словно горитъ въ рукахъ дѣло, откуда что берется!»

Вмѣстѣ съ слабодушіемъ и лѣностью, Горехвастовъ имѣетъ и другіе второстепенные признаки талантливыхъ натуръ. Онъ съ удивительною откровенностью разсказываетъ свои подвиги и при этомъ энергически ругаетъ себя, превосходя въ этомъ случаѣ Корепанова и Лузгина настолько, насколько натура его размашистѣе ихъ натуръ.—«Я подлецъ — восклицаетъ онъ и рветъ при этомъ свои волосы: — я не стою быть въ обществѣ порядочныхъ людей! я подлецъ, я погубилъ свою молодость! я долженъ просить прощенія у васъ, что осмѣлился осквернить вашъ домъ своимъ присутствіемъ». Какое сильное раскаяніе! — можете вы подумать. Не безпокойтесь: это такъ, вспышка, для успокоенія собственной совѣсти. «Мы, дескать, не такіе пошляки, какъ другіе-прочіе; мы чуемъ нашу высшую русскую

породу и знаемъ, что если бы захотѣли, такъ могли бы быть очень хорошими людьми». На дѣятельность же Горехвастова всѣ подобныя вспышки не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія. Въ то самое время, какъ онъ декламируетъ о своемъ недостоинствѣ, его арестуютъ за кражу казенныхъ денегъ женщиною, съ которой онъ находился въ «непозволительной» связи. Проживъ свою молодость, этотъ господинъ до того излѣнился, что уже и украсть самъ не хочетъ, а заставляетъ свою любовницу.

Оставимъ теперь въ сторонѣ талантливыхъ пріятелей г. Щедрина и поставимъ вопросъ въ болѣе отвлеченномъ видѣ, чтобы не задѣвать никакихъ личностей. По нашему мнѣнію, въ обществѣ молодомъ, не успѣвшемъ еще основательно переработать всѣхъ своихъ взглядовъ и мнѣній, не успѣвшемъ, по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развить въ себѣ самоопредѣляемости къ дѣйствію (говоря по ученому), непремѣнно являются два главные разряда членовъ. Одни—вполнѣ пассивные, безличные и крайне ограниченные, какъ въ своихъ способностяхъ, такъ и въ потребностяхъ. Эти—смирны; они не волнуются, не сомнѣваются и не только не выходятъ изъ своей колеи, но даже не подозрѣваютъ, что можно изъ нея выйти. Въ ученьѣ, на службѣ, въ жизни—они всегда *исправны*; что имъ прикажутъ, то они сдѣлаютъ, что дадутъ выучить, выучатъ, до какихъ границъ позволятъ дойти, до тѣхъ и дойдутъ. Это уже люди убитые, безнадежные; нечего ждать отъ нихъ, нечего стараться направить въ хорошую сторону. Какъ ихъ ни направьте, они не выйдутъ изъ своего ничтожества, не разовьютъ вашихъ идей, не будутъ вашими помощниками. Они, какъ балластъ на кораблѣ, даютъ только устойчивость кораблю общества противъ бурныхъ вѣтровъ и толчковъ взволнованнаго моря. Они тяжелы на подъемъ, неподвижны и тупо вѣрны одному, разъ навсегда заученному правилу, разъ навсегда принятому авторитету. Отступленія дѣлаются ими только на практикѣ, и всегда безсознательно. Они могутъ похвалить романъ Жоржъ-Санда, пока не знаютъ, что онъ написанъ Жоржъ-Сандомъ; могутъ даже посмѣяться надъ нелѣпостью, если вы имъ не скажете, что взяли эту нелѣпость изъ уважаемой ими книги; могутъ осудить гнусный поступокъ, не зная, что онъ учиненъ генераломъ. Но какъ скоро авторитетъ является наружу, сознаніе ихъ просвѣтляется, и тутъ ужъ никакія убѣжденія не помогутъ... Убѣжденій и принциповъ нѣтъ для этихъ людей: для нихъ существуютъ только правила и формы. Въ дѣятельности ихъ есть что-то похожее на медвѣжью пляску для выгоды хозяина и для потѣхи празднаго народа; въ разговорахъ же своихъ они напоминаютъ попугая, который на всѣ ваши вопросы отвѣчаетъ одно заученное слово, и часто совершенно невпопадъ говоритъ вамъ «дуракъ» за всѣ ваши ласки. Нѣкоторые, впрочемъ, и этимъ утѣшаются: интересно, дескать, что птица говоритъ, точно человѣкъ.

Другую половину молодого общества составляютъ именно тѣ люди, которыхъ называютъ современными героями, «провинціальными Печориными», «уѣздными Гамлетами», наконецъ, «талантливыми натурами». Послѣднее названіе, можетъ быть, менѣе другихъ соотвѣтствуетъ мысли, которую мы хотимъ высказать: но—дѣло не въ названіи. Натуры тутъ, конечно, немного, а болѣе дѣйствуютъ обстоятельства житейскія, состоящія, во-первыхъ, въ отношеніяхъ времени. Печоринскія замашки и претензіи на талантливость натуры являются всегда, какъ уже замѣтилъ г. Щедринъ, въ молодомъ поколѣніи, обладающемъ сравнительно большею свѣжестью силъ, болѣе живою воспріимчивостью чувствъ. Подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ, молодые люди находятся въ необходимости сдѣлать, наконецъ, выборъ между ними. Начинается внутренняя работа, которая въ иныхъ исключительныхъ личностяхъ продолжается безостановочно, идетъ живо и самостоятельно, съ строгимъ разграниченіемъ внутреннихъ органически-естественныхъ побужденій отъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствующихъ болѣе или менѣе насильственно. Но подобныя личности представляютъ исключеніе тѣмъ болѣе рѣдкое, чѣмъ ниже стоитъ образованность всего общества. Самая же большая часть людей, начинающихъ работать мыслью въ обществѣ мало образованномъ, оказывается слабою и негодною, чтобы устоять противъ ожидающихъ ихъ препятствій. Съ самаго появленія своего на бѣлый свѣтъ, въ самые первые впечатлительные годы жизни,—люди новаго поколѣнія окружены, все-таки, средою, которая не мыслитъ, не движется нравственно, о мысли всякаго рода думаетъ, какъ о дьявольскомъ навожденіи, и безсознательно-практически гнетъ и ломаетъ волю ребенка. Это второе обстоятельство,—противодѣйствіе начальнаго воспитанія и всей окружающей среды идеямъ времени, которому уже принадлежитъ новое поколѣніе, — и приводитъ къ паденію большую часть талантливыхъ натуръ. Возникли у нихъ кое-какія требованія, которымъ прежняя среда и прежняя жизнь не удовлетворяютъ: надобно искать удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ. Но для этого надо много продолжительныхъ усилій, надо долго плыть

противъ теченія. Между тѣмъ, корабль давно уже стоитъ на мели, и балластъ грузно лежитъ внизу. Талантливыя натуры, замѣтивъ, что все около нихъ движется,— и волны бѣгутъ, и суда плывутъ мимо,— рвутся и сами куда-нибудь; но снять корабль съ мели и повернуть по своему они не въ силахъ, уплыть одни далеко отъ своихъ— боятся: море невѣдомое, а пловцы они плохіе. Напрасно кто-нибудь, болѣе ихъ искусный и неустрашимый, переплывшій на противный берегъ, кричитъ имъ оттуда, указывая путь спасенія; плохіе пловцы боятся броситься въ волны и ограничиваются тѣмъ, что проклинаютъ свое малодушіе, свое положеніе, и иногда, заглядѣвшись на бѣгущую мимо струю, или ободренные крикомъ, вылетѣвшимъ изъ капитанскаго рупора, вдругъ воображаютъ, что корабль ихъ бѣжитъ, и восторженно восклицаютъ: «пошелъ, пошелъ, двинулся!» Но скоро они сами убѣждаются въ оптическомъ обманѣ и опять начинаютъ проклинать или погружаются въ апатичное бездѣйствіе, забывая простую истину, что имъ придется умереть на мели, если они сами не позаботятся снять съ нея корабль и, прежде всего—хоть помочь капитану и его матросамъ выбросить балластъ, мѣшающій кораблю подняться.

Какой изъ этихъ двухъ разрядовъ лучше,—конечно, не затруднится сказать никто. Въ настоящемъ они *оба хуже*, и горе тому обществу, которое долго остановится на этихъ двухъ категоріяхъ, и въ которомъ не будетъ съ года на годъ увеличиваться число спасительныхъ исключеній. Отсутствіе всякой самостоятельности, лѣнивая апатія и увлеченіе внѣшностью составляютъ существенные признаки — какъ талантливыхъ натуръ, такъ и людей, принадлежащихъ къ общественному балласту, хотя и не во всѣхъ находятся эти качества въ одинаковой степени. Слѣдовательно, и тотъ, и другой сортъ людей—не большая находка для общества, которое хочетъ жизни и дѣятельности сознательной и самобытной. Лучшая изъ талантливыхъ натуръ не пойдетъ дальше теоретическаго пониманія того, что нужно, и громкаго крика, когда онъ не слишкомъ опасенъ. Въ случаѣ же обстоятельствъ неблагопріятныхъ, они или заговорятъ двусмысленно, или и совсѣмъ противно своимъ *убѣжденіямъ*. Самые отважные — замолчатъ, и свое молчаніе будутъ считать геройствомъ. «Мы, дескать, мученики своихъ убѣжденій: всѣ говорятъ противъ совѣсти и получаютъ отъ этого выгоду; и мы могли бы тоже получить выгоду, проповѣдуя чужія мысли, которыхъ не раздѣляемъ; но мы не хотимъ кривить душою и молчимъ, затаивъ въ себѣ собственное, самобытно-сочиненное воззрѣніе до того времени, когда можно будетъ его высказать безъ опасенія». Такимъ образомъ и водворяется въ обществѣ невозмутимѣйшая тишина, полнѣйшая неподвижность, возмущаемая только развѣ дебоширствами талантливыхъ натуръ, посягающихъ на безопасность смиренныхъ гражданъ.

Но у молодого, еще не совсѣмъ развитого, общества есть будущее. И для этого будущаго второй разрядъ людей, т.-е. люди съ размашистыми натурами даютъ, все-таки, несравненно больше хорошихъ надеждъ, чѣмъ убитыя существа безъ всякихъ стремленій. Они, по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть такого парализующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хоть смутное предчувствіе истины, хоть робкое слабое оправданіе молодыхъ порывовъ. Лузгинъ уже не смѣетъ высѣчь своихъ дѣтей за то, что они уличаютъ его во лжи; Корепановъ безбоязненно внушаетъ крутогорскому молодому поколѣнію «отвращеніе къ тѣмъ мерзостямъ, въ которыхъ закоренѣли ихъ милые родители». Рудинъ (тоже талантливая натура) имѣлъ болѣе благотворное вліяніе на молодого студента Басистова, чѣмъ всѣ его профессора вмѣстѣ. Въ талантливыхъ натурахъ есть хоть слабые зачатки дѣятельности, хоть желаніе перевертывать на разныя манеры то, что имъ передано другими; въ натурахъ безполезныхъ, безличныхъ, нѣтъ даже мысли о томъ, что нужно и можно дѣйствовать самому; пассивное воспріятіе внѣшнихъ внушеній не только не возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности, но даже еще болѣе усыпляетъ и успокаиваетъ въ томъ процессѣ механическаго передвиженія, который они называютъ жизнью и дѣятельностью... Винить этихъ несчастныхъ тружениковъ было бы несправедливо уже и потому, что у нихъ нѣтъ своей воли, нѣтъ своей мысли, слѣдовательно, имъ и отвѣчать не за что. Но нельзя не жалѣть объ ихъ положеніи, нельзя не желать, чтобы все уменьшалось въ человѣчествѣ число подобныхъ людей, напрасно носящихъ образъ человѣческій.

Обращаясь теперь къ началу нашей статьи, мы намѣрены предложить читателямъ вопросъ: не состоитъ ли и большинство нашего общества изъ членовъ двухъ названныхъ нами категорій? Не составляютъ ли исключенія у насъ люди, соединяющіе съ праведливостью и возвышенностью стремленій честную и неутомимую дѣятельность? Вѣроятно, каждый изъ читателей можетъ насчитать въ числѣ своихъ знакомыхъ десятки людей, которымъ, кажется, сроду не приходило въ голову ни одного вопроса, не

касавшагося ихъ собственной кожи, и десятки другихъ, безплодно тратящихъ всю жизнь въ вопросахъ и сомнѣніяхъ, не пытаясь разрѣшить своей дѣятельностью ни одного изъ нихъ, и измѣняющихъ на дѣлѣ даже тѣмъ рѣшеніяхъ, которыя ими сдѣланы въ теоріи. Сколько мы видимъ людей, унижающихся передъ тѣми, кого они внутренно презираютъ, смѣющихся надъ тѣмъ, чего боятся, дѣлающихъ то, чего гадость они очень хорошо знаютъ, говорящихъ то, чему сами не вѣрятъ и т. п. Отчего происходитъ все это? Оттого же, отчего погибаютъ талантливыя натуры,—отъ недостаточнаго развитія внутренней силы, необходимой, чтобы устоять противъ внѣшнихъ вліяній. Теперь мы, слава Богу, всѣ уже знаемъ кое-что, потому что всѣ учились понемногу. Но бѣда въ томъ, что ученье это рѣдкимъ изъ насъ въ прокъ идетъ: рѣдкіе рѣшаются собственнымъ умомъ провѣрить чужія внушенія, внести въ чужія системы свѣтъ собственной мысли и ступить на дорогу безпощаднаго отрицанія для отысканія чистой истины; большая часть принимаетъ ученье только памятью, и если дѣйствуютъ иногда разсудкомъ, то не потому, чтобы внутренняя, живая потребность была, а потому только, что въ голову заброшено такое ученіе, въ которомъ именно приказывается мыслить. И начинается мышленіе на заказъ, безъ всякаго участія сердца, съ соблюденіемъ только діалектическихъ тонкостей. И то хорошо, конечно: все-таки, лучше, чѣмъ совершенное, мертвое безсмысліе. Но жизнь не уловляется діалектикой, и кто не вникалъ въ разнообразіе ея вліяній самъ, не стѣсняясь теоріями, навязанными въ лѣта невѣдѣнія,—тотъ не пойметъ ея хода. Въ томъ обществѣ, гдѣ сильно еще дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ личностяхъ чужія, безсмысленно взятыя на вѣру формы и формулы, долго нельзя ожидать плодотворной и послѣдовательной дѣятельности. Во многихъ умахъ могутъ появляться прекрасные порывы, произведенные присталыми убѣжденіями; но всѣ они—и порывы, и самыя убѣжденія—безполезно погибаютъ и разсыпаются въ прахъ, не въ силахъ будучи противиться давленію темной и тяжелой массы, со всѣхъ сторонъ заграждающей имъ путь. Оттого-то и бываетъ такъ медленъ переходъ народовъ изъ состоянія пассивнаго воспріятія въ состояніе самобытной дѣятельности. Медленно, чуть замѣтно увеличивается, изъ поколѣнія въ поколѣніе, число людей самобытно мыслящихъ, и еще медленнѣе получается возможность приложить мысль къ дѣлу. Идеала лично-самостоятельной дѣятельности не достигъ еще ни одинъ народъ, и немного есть народовъ, въ которыхъ сознательно развитыя личности не составляютъ исключенія.

Наше общество еще очень молодо въ отношеніи къ европейской цивилизаціи, и потому нечего удивляться, что огромное большинство его относится къ наукѣ и мысли чисто-страдательно. Между этимъ большинствомъ есть мирные люди, отличающіеся изумительной способностью легко переваривать всѣ противорѣчія, проистекающія изъ смѣшенія новыхъ понятій, вносимыхъ жизнью, съ старыми привычками, пріобрѣтенными въ дѣтствѣ. Есть и талантливыя натуры разныхъ сортовъ, шумно дающія знать о своемъ бездѣйствіи и переваривающія на досугѣ свое прошедшее, протестуя противъ настоящаго. Они-то обыкновенно и толкуютъ о высшей своей русской породѣ, которой достоинства опредѣляютъ на манеръ Горехвастова: «геніальная, дескать, натура у русскаго человѣка; безъ науки всѣ науки прошелъ!..» И дѣйствительно,—продолжимъ мы рѣчь Горехвастова, соображая нѣкоторыя явленія нашей общественной жизни,—«какъ почнетъ топоромъ рубить—только щепки летятъ... Лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да зато ужъ какъ примется»... Въ полтора вѣка Европу мы догнали, да и перегнали,—восклицаютъ у насъ, вторя Горехвастову, многія талантливыя натуры. «Да помилуйте, мы уже восемь вѣковъ назадъ были далеко впереди отъ Европы,—возражаютъ другіе,—мы всегда были не то, что прочіе люди; мы давно уже безъ науки всѣ науки прошли, потому что геніальная натура науки не требуетъ: это ужъ у насъ у всѣхъ русское, врожденное».

Къ сожалѣнію, все это—слова, слова, не имѣющія внутренняго смысла. Самые толки о необыкновенно быстромъ ростѣ нашемъ оказываются краснорѣчивымъ тропомъ. Отъ древней Руси довольно осталось намъ наивно-разсказанныхъ фактовъ кормленія и продѣлокъ подьячества. Сто лѣтъ тому назадъ Сумароковъ пріобрѣлъ благодарность современниковъ за успѣшное преслѣдованіе «крапивнаго сѣмени». За шестьдесятъ лѣтъ до нашего времени, по поводу комедіи Капниста, журналы предсказывали искорененіе взяточничества. Не дальше, какъ въ прошломъ году самъ господинъ Щедринъ похоронилъ прошлыя времена. Но вотъ, опять всѣ покойники оказались живехоньки и зычнымъ голосомъ отозвались въ третьей части «Очерковъ» и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени. Доказываетъ ли это, что мы очень выросли въ нравственномъ отношеніи? Не напоминаетъ ли это, напримѣръ, Горехвастова, трагически декламирующаго о своей гадости и подлости, съ вырываніемъ собственныхъ

волосъ приносящаго раскаяніе и, въ то же время, затѣвающаго новое воровство?..

«До чего-жъ вы, наконецъ, договорились, — возражаютъ намъ практическіе люди:—вы сами сознаетесь, наконецъ, въ безсиліи вашего хваленаго рода литературы? Къ чему же привели всѣ эти отвратительныя картины, грязныя сцены, пошлые и подлые характеры? Къ чему привело все это раскрытіе общественныхъ ранъ, которые вы всегда такъ превозносили? Выходитъ, что отъ вашихъ литературныхъ обличеній никакого толку нѣтъ, да и быть не можетъ. Повѣрьте, что исправники и становые вашихъ разсужденій и очерковъ читать не станутъ, а если и прочтутъ, такъ только васъ и ругнутъ: хорошо, молъ, имъ сочинять-то у бездѣлья, а тутъ на шеѣ столько обязанностей виситъ, что только дай Богъ вынести. И повѣрьте, что сознаніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ желудку, семейству, начальству и пр., будетъ въ человѣкѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ убѣжденія всѣхъ вашихъ книжекъ. Напрасно только литература унижаетъ себя, опускаясь изъ свѣтлыхъ высотъ фантазіи въ омутъ грязной дѣйствительности. Она должна приносить чистыя жертвы на алтарь музъ, а вмѣсто того жрецы ея берутся за метлу. Вы рождены для вдохновенья, для звуковъ *сладкихъ* и молитвъ; зачѣмъ же вы пускаетесь въ житейскія волненія, зачѣмъ преслѣдуете какія-то цѣли, достиженіе которыхъ васъ, кажется, очень интересуетъ? Искусство цѣлей внѣ себя допускать не должно. Иначе оно искажается, профанируется, низводится на степень ремесла, и все это безъ малѣйшей пользы для общества, единственно за тѣмъ, чтобы дать исходъ желчи какого-нибудь господина. Оставьте лучше этотъ родъ: онъ не приводитъ ни къ чему хорошему. Вѣковой опытъ долженъ убѣдить васъ въ этой непреложной истинѣ. Изображайте намъ лучше чувства возвышенныя, натуры благородныя, лица идеальныя. Дайте намъ образцы добраго и изящнаго, которыми мы могли бы восхищаться, на которыхъ душа наша могла бы отдохнуть и успокоиться отъ треволненій и сердечныхъ зрѣлищъ жизненнаго поприща. Пишите объ искусствѣ, о предметахъ, повергающихъ сердце въ сладостное умиленіе или благоговѣйный восторгъ,—описывайте, наконецъ, красы природы, неба... Тогда ваша литература будетъ исполнять свое прямое назначеніе—служеніе искусству и, слѣдовательно, будетъ полезна, пріятна и, главное, художественна».

Въ словахъ практическихъ людей звучитъ ожесточеніе безпощадное. Они давно уже косятся на это направленіе, которое насолило ихъ теоріи, да не оставило-таки задѣть немножко и практику. Всѣ ихъ возраженія, конечно, не новы и составляютъ варіаціи стихотворенія Пушкина «Чернь», съ прибавленіемъ, можетъ быть, чувствительныхъ стишковъ изъ Ильи Муромца:

«Ахъ, не все намъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ...
На минутку позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ».

Отчего же и не позабыться, если хотите,—особенно, если только на минуту. Но, при врожденной талантливымъ натурамъ лѣни, онѣ любятъ забываться надолго, даже навсегда, если можно. Онѣ готовы въ своей дремотѣ отъ всего сердца проклясть «правды гласъ», если онъ вдругъ разрушитъ ихъ сладостныя мечтанія. Многія, эстетически обученныя талантливыя натуры сильно желаютъ этого забытья, чтобы блаженствовать въ покоѣ. Но, признаемся, мы никогда не понимали «блаженства безумія», и еще менѣе понимаемъ, зачѣмъ люди хотятъ сдѣлать искусство служителемъ этого безумія. Вамъ не хочется смотрѣть на гадость и пошлость жизни; да литература-то что же за штопальщица, что вы хотите заставить ее зашивать кое-какъ прорѣхи вашего изношеннаго наряда? Вы знаете, что человѣкъ не въ состояніи самъ себя ни одной песчинки выдумать, которой бы не существовало на свѣтѣ; хорошее или дурное, все равно, берется изъ природы и дѣйствительной жизни. Когда же художникъ болѣе подчиняется заранѣе предположенной цѣли,—тогда ли, когда въ своихъ произведеніяхъ выражаетъ истину окружающихъ его явленій, безъ утайки и безъ прикрасъ, или тогда, когда нарочно старается выбрать одно возвышенное, идеальное, согласное съ опрятными инстинктами эстетической теоріи? И чѣмъ же искусство болѣе возвышается,—описаніемъ ли журчанья ручейковъ и изложеніемъ отношеній дола къ пригорку, или представленіемъ теченія жизни человѣческой и столкновенія различныхъ началъ, различныхъ интересовъ общественныхъ? Вамъ угодно называть служителей общественнаго направленія подметателями всякаго сора. Пусть такъ; мы противъ этого не станемъ спорить; мы даже выскажемъ вамъ нашу искреннюю благодарность и удивленіе къ вашей эстетической мудрости, уподобивъ васъ тому нѣмецкому профессору (подумайте, профессору! нѣмецкому!), который у Гейне:

«Mit seinen Nachtmützen und Schlafrockfetzen
Stopft die Lücken des Weltbaues».

А что литературныя обличенія не производятъ практически-благотворныхъ ре-

зультатовъ или производятъ ихъ весьма мало,— такъ кто же опять виноватъ въ этомъ? Неужели опять вы скажете, что литература? Да на нее и безъ того вы же сами взводите обвиненія въ излишней рѣзкости, вмѣшательствѣ не въ свои дѣла и пр. Она дѣйствуетъ такъ сильно, какъ только можетъ, а вы недовольны ея дѣйствіями и хотите ихъ прекратить, потому что они слабы! Гораздо послѣдовательнѣе было бы съ вашей стороны, если бы вы сказали, что надобно, поэтому, усилить тонъ литературныхъ обличеній, для легчайшаго достиженія практическихъ результатовъ. Тогда бы мы съ вами и спорить не стали, хотя, все-таки, не рѣшились бы обѣщать слишкомъ замѣтнаго успѣха въ улучшеніи нравовъ посредствомъ литературы. Литература въ нашей жизни не составляетъ такой преобладающей силы, которой бы все подчинялось: она служитъ выраженіемъ понятій и стремленій образованнаго меньшинства и доступна только меньшинству; вліяніе ея на остальную массу — только посредственное, и оно распространяется весьма медленно. Да и по самому существу своему, литература не составляетъ понудительной силы, отнимающей физическую или нравственную возможность поступать противозаконно. Она не любитъ насилія и принужденія, а любитъ спокойное, безпристрастное и безпрепятственное разсужденіе. Она поставляетъ вопросы, со всѣхъ сторонъ ихъ разсматриваетъ, сообщаетъ факты, возбуждаетъ мысль и чувство въ человѣкѣ, но не присваиваетъ себѣ какой-то исполнительной власти, которой вы отъ нея требуете. Намъ приходитъ теперь на мысль начало одного знаменитаго въ свое время французскаго сочиненія объ одномъ важномъ вопросѣ. «Меня спросятъ,— говоритъ авторъ,—что я за правитель или законодатель, что смѣю писать о политикѣ? Я отвѣчу на это: оттого-то я и пишу, что я ни правитель, ни законодатель. Если бы я былъ тѣмъ или другимъ, то не сталъ бы напрасно тратить время въ разговорахъ о томъ, что нужно сдѣлать: я сдѣлалъ бы или бы молчалъ»... Нужно же понять, наконецъ, значеніе писателя, нужно понять, что его оружіе—слово, убѣжденіе, а не матеріальная сила. Если вы признаете справедливость его убѣжденій и, все-таки, не исправляете по нимъ своей дѣятельности,— въ этомъ вы сами ужъ виноваты: въ васъ, значитъ, нѣтъ характера, нѣтъ умѣнья бороться съ трудностями, не развито понятіе о честномъ согласованіи поступковъ съ мыслями. Если же самыя убѣжденія вамъ не нравятся,— тогда другое дѣло. Тогда выскажите намъ всенародно ваши собственныя убѣжденія, докажите, что г. Щедринъ говоритъ неправду, что онъ изобрѣтаетъ небывалыя вещи. Публика послушаетъ и васъ, разберетъ тогда, на чьей сторонѣ правда. Въ такомъ случаѣ, литература, разумѣется, и значенія больше получитъ, хотя, конечно, и тогда чудесъ дѣлать не будетъ и не остановитъ хода исторіи. Для примѣра укажемъ хоть на древнюю исторію, чтобы не вмѣшивать сюда новыхъ народовъ. Ужъ на что, кажется, литературный народъ были аѳиняне. Судебныя дѣла рѣшались умиленіемъ судей отъ чтенія хорошей трагедіи; краснорѣчіе судьбою государства правило, но ничто не отвратило упадка аѳинской силы, когда народная доблесть пропала. Аристофанъ, не чета нашимъ комикамъ, не въ бровь, а въ самый глазъ кололъ Клеона, и бѣдные граждане рады были его колкимъ выходкамъ; а Клеонъ, какъ богатый человѣкъ, все-таки, управлялъ Аѳинами съ помощью нѣсколькихъ богатыхъ людей. Демосѳенъ цѣлому народу громогласно проповѣдывалъ свои филиппики. Филиппъ зналъ силу оратора, говорилъ, что боится его больше, чѣмъ цѣлой арміи, и, понимая, что борьбу надобно производить равнымъ оружіемъ, подкупилъ Эсхина, который могъ помѣряться съ Демосѳеномъ. Борьба продолжалась долго, наконецъ, самый ходъ событій оправдалъ Демосѳена: аѳиняне послушались его, собрали, наконецъ, войско и пошли на Филиппа. Но все краснорѣчіе Демосѳена было не въ силахъ возвратить времена Мильтіадовъ и Ѳемистокловъ. Аѳины покорились Филиппу. Неужто и тутъ Демосѳенъ виноватъ: зачѣмъ, дескать, онъ говорилъ? Какъ бы не говорилъ, такъ, можетъ, было бы и лучше.

Впрочемъ, подумавши хорошенько, мы убѣждаемся, что серьезно защищать господина Щедрина и его направленіе совершенно не стоитъ. Все отрицаніе господина Щедрина относится къ ничтожному меньшинству нашего народа, которое будетъ все ничтожнѣе съ распространеніемъ народной образованности. А упреки, дѣлаемые г. Щедрину, раздаются только въ отдаленныхъ, едва замѣтныхъ кружкахъ этого меньшинства. Въ массѣ же народа имя г. Щедрина, когда оно сдѣлается тамъ извѣстнымъ, будетъ всегда произносимо съ уваженіемъ и благодарностью: онъ любитъ этотъ народъ, онъ видитъ много добрыхъ, благородныхъ, хотя и не развитыхъ или невѣрно направленныхъ инстинктовъ въ этихъ смиренныхъ, простодушныхъ труженикахъ. Ихъ-то защищаетъ онъ отъ разнаго рода талантливыхъ натуръ и безталанныхъ скромниковъ, къ нимъ-то относится онъ безъ всякаго отрицанія. Въ «Богомольцахъ» его великолѣпенъ контрастъ между просто-

душной вѣрой, живыми, свѣжими чувствами простолюдиновъ и надменной пустотой генеральши Дарьи Михайловны или гадостнымъ фанфаронствомъ откупщика Хрептюгина. И неужели это будетъ отрицаніе народнаго достоинства, нелюбовь къ родинѣ, если благородный человѣкъ разскажетъ, какъ благочестивый народъ разгоняютъ отъ святыхъ иконъ, которымъ онъ искренно вѣруетъ и поклоняется, для того, чтобы очистить мѣсто для генеральши Дарьи Михайловны, небрежно говорящей, что c'est joli; или какъ полуграмотный писарь глумится надъ простодушной вѣрой старика, увѣряя, что «простой человѣкъ, окромѣ какъ своего невѣжества, натуральнаго естества ни въ жизнь произойти не въ силахъ»; или какъ у истомленныхъ, умирающихъ отъ жажды странницъ отнимаютъ ото рта воду, чтобы поставить серебряный самоваръ Ивана Онуфрича Хрептюгина. Нѣтъ, отрицательное направленіе принадлежитъ именно тѣмъ людямъ, которые обижаются подобными разсказами и безумно отрекаются отъ своей родины, ставя себя на мѣсто народа. Они—гнилыя части, сухія вѣтви дерева, которыя отмѣчаются знатокомъ для того, чтобы садовникъ обрѣзалъ ихъ, и они-то подымаютъ вопль о томъ, что рѣжутъ дерево, что гибнетъ дерево. Да, дерево можетъ погибнуть именно отъ этихъ гнилыхъ и засохшихъ вѣтвей, если онѣ не будутъ отсѣчены. Безъ нихъ же дерево ничего не потеряетъ: оно свѣжо и молодо, его можно воспитать и выпрямить; его растительная сила такова, что на мѣсто обрѣзанныхъ у него скоро выростутъ новыя, здоровыя вѣтви. А о сухихъ вѣтвяхъ и жалѣть нечего: пусть ихъ пригодятся кому-нибудь хоть на растопку печки.

Сочувствіе къ неиспорченному, простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи, выражается у г. Щедрина чрезвычайно живо. Мы думаемъ, что самый эстетическій, самый восторженный человѣкъ можетъ отдохнуть на общей картинѣ богомольцевъ и странниковъ, ожидающихъ на соборной площади появленія святыхъ иконъ. Тутъ нѣтъ сентиментальничанья и ложной идеализаціи; народъ является какъ есть, съ своими недостатками, грубостью, неразвитостью. Тутъ и горе, и бѣдность, и лохмотья, и голодъ являются на сцену, тутъ и пѣсни о томъ, что пришло время антихристово, потому что

«Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити»...

Но эти бѣдные, невѣжественные странники, эти суевѣрные крестьянки возбуждаютъ въ насъ не насмѣшку, не отвращеніе, а жалость и сочувствіе; становится грустно, какъ послушаешь толки женщинъ о предстоящемъ имъ переселеніи по-за Пермь, въ сибирскія страны. Жалко стараго мѣста, жалко родительскія могилки оставить, но что дѣлать? Житье-то плохое на старомъ мѣстѣ: земля — тундра да болотина, семья большая, кормиться нечѣмъ и подати взять неоткуда. А въ сибирской сторонѣ, говорятъ, и хлѣбъ родится, и скотина живетъ... Вздыхаютъ собесѣдницы, и разговоръ, повидимому, стихаетъ. Но, продолжаетъ г. Щедринъ,—

«Этой боли сердечной, этой нуждѣ сосущей, которую мы равнодушно называемъ именемъ ежедневныхъ будничныхъ явленій, никогда нѣтъ скончанія. Они безконечно зрѣютъ въ сердцѣ бѣднаго труженика, выражаясь въ жалобахъ, всегда однообразныхъ и всегда безплодныхъ, но тѣмъ не менѣе повторяющихся безпрерывно, потому что человѣку невозможно не стонать, если стонъ, совершенно созрѣвшій безъ всякихъ съ его стороны усилій вылетаетъ изъ груди.

«— Такъ-то вотъ, братъ,—говоритъ пожилой и очень смирный съ виду мужичокъ, встрѣтившись на площади съ своимъ односельчаниномъ:— такъ-то вотъ, и Матюшу въ некруты сдали!

«Въ загорѣлыхъ и огрубѣвшихъ чертахъ лица его является почти незамѣтное судорожное движеніе, въ голосѣ слышится дрожаніе, и обыкновенный сдержанный вздохъ вырывается изъ груди.

«— А добрый парень былъ,— продолжаетъ мужичокъ:—какъ есть на свѣтѣ муха, и той не обидѣлъ, робилъ непрекословно да и въ некруты непрекословно пошелъ, даже голосу не подалъ, какъ «лобъ» сказали!

«Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смирный парень Матюша, не то, чтобъ веселый, а скорѣе боязный, трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой, бодраго и сильнаго, несмотря на капли пота, струящіяся съ его загорѣлаго лица; вижу его дома безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви божіей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ; вижу его позднимъ вечеромъ, засыпающаго сномъ невиннымъ послѣ тяжкой дневной работы, для него никогда не кончающейся. Вижу я старика отца и старуху мать, которые радуются, не нарадуются на ненаглядное дѣтище; вижу урну съ свернутыми въ ней жеребьями, слышу слова: «лобъ», «лобъ», «лобъ»!..

« — Что-жъ, помолиться, что-ли, ты пришелъ, дядя Иванъ? — спрашиваетъ у мужика его собесѣдникъ.

« — Да, вотъ къ угоднику... Помиловалъ бы Онъ его, нашъ батюшка! — отвѣчаетъ старикъ прерывающимся голосомъ: — никакого, то-есть, даже изъяну въ немъ не нашли, въ Матюшѣ-то; тѣло-то, слышь, бѣлое разбѣлое, да крѣпко таково...

«И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка» (т. III, стр. 152—154).

Мы остановимся здѣсь, подъ вліяніемъ этого трогательнаго чувства. Замѣтимъ только, въ заключеніе, какъ ровно, безпорывно, но зато какъ беззавѣтно, просто и открыто выражается глубокое чувство, глубокая вѣра этого народа, и выражается не въ восклицаніяхъ, а на дѣлѣ. Это не то, что фразеры, о которыхъ говорили мы въ началѣ статьи. Толками тѣхъ господъ нечего увлекаться, на нихъ нечего надѣяться: ихъ стаетъ только на фразу, а внутри существа ихъ господствуетъ лѣнь и апатія. Не такова эта живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданьями и печалями, и часто даже сама ихъ не понимаетъ хорошенько. Но ужъ зато, если пойметъ что-нибудь этотъ «міръ», толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ его слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщалъ. На него можно надѣяться.

---

113. Метеорологія и ея будущіе успѣхи.

Спб. 1857.

Напечатано въ XII кн. «Современника» 1857 (ценз. 7 декабря).

М. Л.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, указывая на двѣ брошюрки «О внутреннемъ устройствѣ земного шара» и «О земномъ магнетизмѣ», мы говорили объ отличительномъ ихъ достоинствѣ, состоящемъ въ общепонятности и живости научныхъ объясненій, касающихся предметовъ естествовѣдѣнія. То же достоинство должны мы замѣтить въ брошюрѣ «Метеорологія». Метеорологія, какъ объясняетъ самъ авторъ, еще очень недавно получила свое мѣсто въ ряду наукъ и, какъ наука новая, не достигла еще значительныхъ результатовъ. Поэтому многіе считаютъ ее вздоромъ и пустяками. При такомъ положеніи предмета, автору недостаточно было умѣнья понятно излагать данныя науки, нужно было искусство заинтересовать вниманіе читателей. И авторъ показалъ, что онъ обладаетъ этимъ искусствомъ. Онъ начинаетъ свои разсужденія съ здоровья человѣка, предмета, какъ извѣстно, очень любопытнаго для всѣхъ,—и отъ него тотчасъ переходитъ къ тѣмъ вліяніямъ, которыя имѣетъ на здоровье состояніе атмосферы. Вліянія эти объясняются въ рядѣ искусно подобранныхъ примѣровъ, и затѣмъ указывается важность атмосферныхъ вліяній на жизнь животныхъ и растеній. Постановивши такимъ образомъ вопросъ о задачахъ, которыя должна рѣшитъ метеорологія, какъ наука объ атмосферныхъ вліяніяхъ, авторъ переходитъ къ краткому изложенію нынѣшняго состоянія метеорологіи, еще весьма неудовлетворительнаго, и потомъ указываетъ, чего можно ожидать отъ нея въ будущемъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что по значенію метереологіи для здоровья человѣка и для почвы, будущіе успѣхи ея весьма важны. «Со временемъ,—такъ оканчивается брошюрка,—метеорологія сдѣлается *философскимъ камнемъ*, котораго тщетно искали древніе алхимики. Она дастъ людямъ здоровье и богатство».

---

114. Заволжскіе очерки

Практическіе взгляды и разсказы графа Толстого.

(продолженіе Заволжской части Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи). М. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 113).

Нѣтъ сомнѣнія, что при своихъ связяхъ редакція «Соврем.» знала объ извѣстномъ рескриптѣ генералъ-губернатору Сѣверо-Западнаго края, Назимову, подписанномъ 20 ноября, гораздо раньше офиціальнаго опубликованія его въ серединѣ декабря. Какъ только рескриптъ былъ подписанъ, крѣпостническая партія стала особенно раздувать страхъ къ мужику, кото-

рый, освободившись, покажетъ-де правительству, какого звѣря оно выпустило изъ клѣтки... Добролюбовъ счелъ долгомъ реагировать на это. Цензурныя условія совершенно лишали возможности быть хоть сколько-нибудь откровеннымъ, и потому нужно было искать удобнаго случая и повода. Вторая книжка гр. Н. С. Толстого (см. № 101) и была однимъ изъ такихъ поводовъ. Въ отвѣтъ обвиняющимъ нашъ народъ въ грубости и безнравственности Добролюбовъ указываетъ на добрую его натуру и выражаетъ удивленіе, что при томъ режимѣ, при которомъ жило крестьянство, оно сохранило еще такъ много добрыхъ началъ. Потомъ Добролюбовъ не разъ возвращался къ этому вопросу (см. №№ 122, 124, 130, 165 и др.).

Необходимо также отмѣтить на ходу брошенную мысль: «гдѣ общественный интересъ предмета исчезаетъ, тамъ теряется и общая занимательность разсказа». Служебное значеніе литературы Добролюбовъ проводитъ впослѣдствіи гораздо рѣшительнѣе (см. №№ 205, 207, 242 и др.). (Ср. также замѣтку къ № 116). Наконецъ, заключительныя строки статьи были брошены, съ помощью Толстого, по адресу людей, отрицавшихъ пользу гласности...

М. Л.

Разбирая недавно «Макарьевскіе очерки» графа Н. С. Толстого, мы говорили о томъ преимуществѣ, какое имѣютъ подобные *дѣйствительные* разсказы и описанія надъ вымышленными сочиненіями, лишенными литературныхъ достоинствъ. Теперь, по поводу новой книжки того же автора, мы считаемъ не лишнимъ возвратиться къ той же мысли съ другой стороны и обратить вниманіе читателей на то преимущество, какое имѣютъ подобные живые разсказы сравнительно съ офиціальными статистическими данными всякаго рода. Не говоря уже о томъ, что статистическія свѣдѣнія, по замѣчанію самого же графа Н. С. Толстого, часто собираются крайне нерадиво, а доставляются отъ низшихъ сельскихъ начальниковъ со всевозможными опасеніями, подозрѣніями и лукавствомъ,—не говоря объ этомъ неудобствѣ, тоже очень важномъ,—голыя статистическія данныя неудобны уже и тѣмъ, что объясняютъ только внѣшность, форму, не давая почти никакого понятія о внутреннемъ значеніи факта. Особенно относится это къ нравственной статистикѣ, въ которой рѣшительно невозможно сдѣлать вѣрнаго заключенія о нравственности изъ представленныхъ голыхъ цифръ. Въ этомъ году совершено столько-то убійствъ, столько-то покражъ, столько-то разводовъ и т. п.; черезъ двадцать лѣтъ всей этой безнравственности меньше стало по цифрамъ, и вы заключаете, что нравственность въ это время улучшилась. Факты, выкладки совершенно въ вашу пользу; но не нужно забывать, что статистика, хоть и положительная наука, но въ положительности своей достигла не далѣе ариѳметическихъ именованныхъ чиселъ. И ея приложеніе къ жизни совершенно такое. Обѣ онѣ съ ариѳметикой только выучиваютъ васъ, какъ мѣрять, и даютъ вамъ фунты, аршины, гарнцы, народонаселеніе, промышленность, преступленія и т. д. Все это хорошо тѣмъ, что *поименовано*, но дурно тѣмъ, что, вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, именуются только отвлеченныя понятія. Настоящая, живая жизнь ускользаетъ отъ нашихъ статистиковъ точно такъ, какъ изъ именованныхъ чиселъ ускользаютъ истинныя качества предметовъ, ими измѣряемыхъ. Вы заключаете, что супружеская вѣрность стала крѣпче, потому что разводовъ стало меньше; а между тѣмъ это зависитъ просто оттого, что найдено средство расходиться безъ разводу, или даже не расходуясь удовлетворять супружескому отвращенію и постороннимъ нѣжнымъ наклонностямъ. Вы думаете, что воровство уменьшается, судя по цифрамъ, но вспомните русскую пословицу: «не пойманъ—не воръ» и сообразите, что чѣмъ человѣкъ опытнѣе, тѣмъ онъ рѣже попадается впросакъ а слѣдовательно и въ статистическія графы. Вамъ кажется, что теперь человѣческія чувства любви больше развились, потому что убійствъ меньше стало; но почему вы знаете, что не скрываются сотни убійствъ въ этихъ раннихъ смертяхъ—отъ чахотки, отъ аневризмовъ, отъ нервныхъ разстройствъ всякаго рода. Статистика этого не можетъ вамъ сообщить: ей нуженъ голый фактъ, безъ всякихъ постороннихъ мелочей, безъ всякой физіономіи. Вспомните Корнила Егорыча Красильникова и его разсужденія о господахъ, «что свѣдѣнія-то собираютъ»: мужички страдаютъ отъ неурожая, имъ нечѣмъ оброковъ платить,—повели коровъ на базаръ, повезли телѣги да сани продавать, у кого были лишнія; а господа, что свѣдѣнія-то собираютъ,—сосчитали все на базарѣ, да и пишутъ: вотъ, де, у мужиковъ скота стало больше, и промыслы у нихъ въ гору пошли. Такъ постоянно случается съ голыми мертвыми цифрами, особенно если онѣ попадутся въ руки человѣка не бывалаго и не живого по своей натурѣ.

Ему бы только было на что сослаться, только бы ариѳметическія дѣйствія надъ цифрами вѣрно произвести, а до самой жизни, до самой правды—что ему за дѣло. Онъ о правдѣ разсуждаетъ такъ точно, какъ «Озорникъ» г. Щедрина о личности. Что намъ за дѣло до какого-нибудь сиволапаго мужика, отъ котораго сивухой пахнетъ? Администрація—comprenez-vous—имѣетъ высшія соображенія; для нея главное—теченіе дѣлъ, правильный оборотъ бумагъ, безпрепятственный ходъ государственной машины; а эти мужиченки для нея въ собственномъ смыслѣ—gens de rien. На бумагѣ-то оно и выходитъ, разумѣется, какъ-будто гладко и чисто; но съ живой дѣйствительностью нѣтъ, зато, ни малѣйшаго сходства, или всѣ черты такъ неопредѣленны, такъ общи, что могутъ быть одинаково приданы предметамъ самымъ противоположнымъ. Такъ, на паспортахъ прописываютъ примѣты человѣка: «росту 2 аршина 6 вершковъ, волосы русые, глаза сѣрые, носъ, ротъ, побородокъ—умѣренные», и въ заключеніе еще прибавляется:—«особыхъ примѣтъ не имѣетъ». Милліоны людей подойдутъ, конечно, подъ это описаніе, и во всѣхъ этихъ милліонахъ вы не найдете, можетъ быть, десяти человѣкъ, сколько-нибудь похожихъ другъ на друга. Таково значеніе голыхъ формальныхъ фактовъ.

Все это говоримъ мы къ тому, чтобы еще разъ повторить графу Н. С. Толстому благодарность нашу за его разсказы и очерки. Многіе изъ нихъ могутъ служить прямымъ подтвержденіемъ того, что нами сказано о статистическихъ данныхъ, неодушевленныхъ жизненной правдой. Всего болѣе важнымъ показалось намъ одно обстоятельство, касающееся характеристики нашего простонародья. Съ нѣкотораго времени у насъ часто слышится мнѣніе, что низшій классъ нашего народа по натурѣ своей грубъ, лукавъ, безсовѣстенъ и до того опустился въ грязь невѣжества и пьянства, что только дубиной и можно на него дѣйствовать, да и то еще не скоро прошибешь. Приводятъ и факты статистическіе: «вотъ, говорятъ, государственные крестьяне платятъ самую легкую подать, и у нихъ недоимки безконечно числятся, оттого, что они пьянствуютъ круглый годъ. Грамотѣ иные мужики выучиваются и, вмѣсто просвѣщенія, только еще больше мерзостей набираются: именными списками доказать можно, что изъ 500 грамотныхъ 200 сдѣлались *извѣстными* негодяями. Значитъ, и грамота не для русскаго мужика писана: у него ужъ натура такая, что изо всякаго добра одно только зло брать умѣетъ, изо всякаго цвѣтка только ядъ высосетъ. Пока его бьешь да заставляешь ходить по струнке, до тѣхъ поръ только и можно еще съ нимъ жить кое-какъ. А какъ только далъ волю, такая заварится каша, что и не расхлебаешь». Эти премудрыя разсужденія кажутся на первый взглядъ основательными, и факты, повидимому, подтверждаютъ ихъ. Результатъ же ихъ очень плачевенъ: мрачные пессимисты рѣшаютъ, что русская, и вообще славянская, натура до того ужъ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, огрубѣла, отупѣла, измельчала, что нѣтъ никакой возможности облагородить ее, развѣ ужъ черезъ много, много поколѣній. Если хотите, тутъ есть даже и частичка правды. Русскій народъ, и особенно низшій слой его, много видѣлъ черныхъ дней въ своей жизни. И варяги крутили и жали его, и на его бокахъ выѣзжали въ своихъ неудачныхъ распряхъ съ греками; и греки надували его, подъ видомъ благочестивой наружности, льстя вельможамъ и всѣмъ сильнымъ міра сего; и нѣмцы его болванили, стараясь приспособить къ русской машинѣ пружину нѣмецкую... И монгольское иго вынесъ онъ на плечахъ своихъ, и ляшское кровопролитіе въ сердце принялъ, и французскій погромъ грудью встрѣтилъ. Всякаго рода ученые люди и даже не ученые, а *просто особы, переводящія бумагу* и въ томъ поставляющія задачу жизни, не имѣютъ понятія о томъ, какъ много трудовъ и горя досталось при всемъ этомъ низшему классу, рабочему классу народа. Намъ съ вами хорошо было, Иванъ Петровичъ Выжигинъ или бояринъ Милославскій; мы хоть тоже душою преданы были общему дѣлу, но тутъ же кстати и себя не забывали: и о славѣ собственной хлопотали, и возлюбленныхъ отыскивали, и пили, какъ слѣдуетъ, и почивали, какъ надобно, если романическія мечтанія насъ не тревожили. А съ вами, г. Вишневскій или г. Лисицкій, намъ еще лучше: мы съ высоты своего величія взираемъ на тлѣнность всего земнаго, подаемъ прекрасные проекты, составленные другими, пріобрѣтаемъ репутацію людей дѣятельныхъ и безкорыстныхъ, объ общей пользѣ кричимъ, не жалѣя груди. Правда, это все составляетъ для насъ безпокойство немалое. Но, согласитесь, что наше положеніе, все-таки, имѣетъ еще нѣкоторыя выгоды: намъ и награду дадутъ значительную, и наши подчиненные выкажутъ иногда безкорыстное, но для насъ не безвыгодное усердіе, и денегъ изъ деревни пришлютъ, а главное—мы о своемъ животѣ можемъ не безпокоиться; насъ съ вами и палкой не выгонятъ подъ турку или подъ

француза, да и на поле-то жариться мы съ вами не пойдемъ въ страдную пору. Въ этомъ ужъ просимъ насъ извинить. На это есть много народу, кромѣ насъ съ вами. Неправда ли, мсьё Озорникъ?...

Но человѣкъ, принадлежащій къ низшему классу, не можетъ разсуждать такъ резонно. Во-первыхъ, онъ этому не обученъ; во-вторыхъ, жизнь его не даетъ ему права на такія разсужденія. Онъ знаетъ свое дѣло дѣлать, а тамъ толковать ужъ другіе будутъ. Онъ хлѣба намъ наработáй, потому что иначе намъ съ г. Буеракинымъ взять неоткуда: изъ халата зéрна не посыплются, изъ словъ ничего не вырастаетъ, да и бумагу какъ ни верти, а все она безплодное поле, хлѣба никакъ не взойдетъ на ней. Бумага намъ для распоряженій годится. Вотъ хоть бы и татары или ляхи нападутъ, мы съ вами сейчасъ и распишемъ: «вотъ, дескать, беззаконные враги, по грѣхамъ нашимъ, насъ губятъ; но, дескать, русскій человѣкъ долженъ постоять за себя до послѣдней капли крови». Распишемъ, да и въ кусты. Наше дѣло кончено. А стоять-то грудью все онъ будетъ, этотъ грубый, бородатый народъ, эти gens de rien, которыхъ мы такъ презираемъ. Такъ ему и слѣдуетъ, скажемъ мы съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ; больше-то онъ никуда и не годится. Посмотрите, натура-то у него какая. Только и хороши у него одни кулаки. А то рѣшительно никуда не годится.

Да куда же ему и годиться-то, отвѣчаютъ живые факты, представленные графомъ Н. С. Толстымъ. Развѣ вы уступили ему какую-нибудь область вѣдѣнія, дали ему какую-нибудь отдѣльную руду для разработки, поставили его въ широкомъ раздольѣ независимой дѣятельности? Вѣдь вы до сихъ поръ требовали отъ него исполнительности, послушанія, старались устроить его по образцу машины; онъ и удовлетворялъ вашимъ требованіямъ, насколько можетъ удовлетворить человѣкъ, а можетъ быть даже и больше: онъ старался забыть о своемъ человѣчествѣ, чтобы помнить о вашемъ. А вы-то, ученые господа, величающіе себя старшими братьями, вы только и доучились до презрѣнія къ меньшей братіи за то, что она довѣрчиво предалась вамъ и чуть не повѣрила, что ваши ученыя мечтанія и прихоти гораздо важнѣе самыхъ необходимыхъ нуждъ ея. Вы хотите въ себѣ видѣть просвѣщеніе, гражданственность, высшія соображенія, и не знаю, что еще, а въ простомъ народѣ находите только грубость, невѣжество, грязь, порокъ... Прочтите книжку графа Н. С. Толстого и сообразите потомъ хорошенько, такъ ли часто бываетъ это, какъ вы думаете, и когда бываетъ, то отчего бываетъ?

Вотъ, напримѣръ, случай полицейскаго отысканія одного изъ простонародныхъ отшельниковъ. Земская полиція съ понятыми и полѣсовщиками и со множествомъ народа изъ окрестныхъ деревень оцѣпили землянку старца-раскольника. Со всеоружіемъ и съ чрезвычайными предосторожностями приблизились они къ его пещерѣ, вошли съ опасеніями, сначала одинъ, съ старообрядческой молитвой, а потомъ цѣлая ватага съ повелѣніемъ вязать и тащить старца. Но старецъ оказался такъ хилъ, что и вязать было нечего. Вынесли его и посадили возлѣ землянки на камнѣ, а землянку принялись обыскивать. Въ ней ничего не нашлось, кромѣ церковныхъ книгъ, образовъ, сушеныхъ грибовъ, кочадыка да кадушки съ полпудомъ муки. При допросѣ старецъ объявилъ, что живетъ въ своей кельѣ лѣтъ 70, скрывшись отъ своего барина. Послѣ допроса и обыска, приказали поджечь землянку, при чемъ прошелъ ропотъ даже между сыщиками. Однако же, приказаніе было исполнено, только вытащили изъ землянки гробъ, издавна служившій старцу постелью, и поставили его у входа. Во все это время, разсказываетъ графъ Н. С. Толстой,—

«Старецъ сидѣлъ въ какомъ-то грустномъ самозабвеніи, и игра пламени переливалась по бѣлоснѣжной бородѣ его, какъ вдругъ магическій шопотъ: «гробъ-отъ занимается!» мгновенно вызвалъ его къ дѣйствительности. Онъ всталъ и, твердыми шагами приблизясь къ землянкѣ, началъ спускаться по лѣсенкѣ, едва внятно произнося слова: «во гробѣ семъ испущу духъ мой!» Опаленнаго и дымящагося выхватили его изъ пламени и посадили поодаль, гдѣ, во все время, поддерживаясь на колѣняхъ, онъ шопотомъ читалъ молитвы и, наконецъ, склонился на землю. Когда же чиновники приказали залить головешки и окружной мохъ, и велѣли поднять его, чтобъ вести изъ лѣсу, вдругъ столпившійся около него народъ снялъ шапки и съ ручьями слезъ сталъ набожно читать молитвы объ усопшемъ, кланяясь въ землю, прикладываясь къ покойнику и отрывая лоскутки одежды его, которые впослѣдствіи береглись, какъ святыня. Когда же удивленные и пораженные чиновники протолкались къ нему, то онъ былъ трупъ холодный, и унизительное слѣдованіе подъ конвоемъ обратилось въ торжественное сопровожденіе похоронъ» (стр. 7—8).

Для статистика въ этомъ фактѣ важно только свѣдѣніе, что въ такомъ-то лѣсу

отыскано: землянка—1, старецъ—1, подозрительныхъ вещей—0; но въ живомъ разсказѣ все событіе принимаетъ совершенно иной характеръ.

Вотъ смерть другого старца. Двое мошенниковъ забрались въ келью къ отшельнику, думая достать у него денегъ. Но денегъ не было, старцу нечего было дать имъ, и негодяи рѣшились попытать его огненной пыткой. Тогда старецъ показалъ видъ боязни и обѣщалъ дать денегъ, прося только предварительно пустить его въ землянку, помолиться угодникамъ, такъ какъ деньги эти, по его словамъ, приготовлены были на свѣчи для иконъ. Мошенники согласились и даже сами вздумали поодаль помолиться Господу Богу, чтобы заранѣе испросить прощеніе въ грѣхѣ своемъ. Между тѣмъ, старецъ заперъ келью изнутри и зажегъ ее, а самъ сталъ въ углу подъ образами, молясь за своихъ злодѣевъ. Грабители замѣтили, наконецъ, пламя внутри землянки, хотѣли туда броситься, но уже нельзя было; они заглянули въ волоковое окно и увидали старца, «молящагося за враговъ своихъ, тогда какъ одежда пылала на немъ, и обнаженные члены кипѣли и жарились пламенемъ». Увидавъ ихъ, отшельникъ началъ ихъ увѣщевать, говоря, что смерть не страшна ему, лишь бы послужила къ назиданію ихъ и имъ подобныхъ. Злодѣи тутъ же поклялись ему въ исправленіи и потомъ сами проповѣдывали тайно объ этомъ происшествіи, говоря о старцѣ, какъ о святомъ мученикѣ.

Есть и еще у графа Н. С. Толстого разсказы въ подобномъ родѣ,—напримѣръ, о лоцманѣ, который спряталъ своего приказчика съ деньгами въ лодкѣ, узнавъ о приближеніи разбойниковъ къ судну,—и потомъ за него пытку вытерпѣлъ, да вѣдь какую... Самъ лоцманъ разсказываетъ, что разбойники, долго допрашивая и стращая его, наконецъ, озлились. «Давай, говоритъ, сдеремъ съ него шкуру». И какъ подрѣзали шкуру подъ самымъ затылкомъ, да зачали драть, такъ моченьки не стало терпѣть... А они-то подерутъ-подерутъ, да ублажать начнутъ:—«Скажи, гдѣ купецъ?..» Но укрѣпилъ Господь, заключаетъ лоцманъ, какъ ни кричалъ, ни стоналъ, ни плакался, а завѣтнаго слова не вымолвилъ»... Хорошъ также разсказъ объ Алексѣѣ Урневѣ (котораго авторъ, вѣрно, по привычкѣ, называетъ *Алешкой*),—который былъ мошенникомъ, лѣнтяемъ и пьяницей, а потомъ, черезъ три года, при добромъ надзорѣ и руководствѣ да при хорошемъ обращеніи съ нимъ,—и грамотѣ выучился, и работать пріучился, и, наконецъ, сдѣлался лучшимъ кузнецомъ и слесаремъ въ околоткѣ... По этому поводу авторъ говоритъ, что вообще бродягъ, бездѣльниковъ, недоимщиковъ и тому подобныхъ можно обратить въ хорошихъ крестьянъ, если только давать имъ постоянную работу, подъ постояннымъ присмотромъ, не прибѣгая къ тѣлесному наказанію и не допуская презрительнаго обращенія съ ними. «Обращеніе съ этими людьми, говоритъ онъ, должно быть самое человѣколюбивое и ласковое, но не презрительное и грубое, что рѣдко приноситъ пользу, тогда какъ возстановляя человѣчность этихъ бродягъ, иногда достигаетъ самыхъ пріятныхъ и утѣшительныхъ результатовъ». Вообще, графъ Н. С. Толстой сильный противникъ всякой жестокости, и, соглашаясь, что сами крестьяне подаютъ иногда поводъ къ ней своимъ раболѣпствомъ, сожалѣетъ, однако, о такомъ положеніи дѣлъ, а не считаетъ его нормальнымъ и полезнымъ. Такъ, онъ говоритъ по поводу невѣрія нѣкоторыхъ оптимистовъ съ верхняго конца въ возможность существованія Куролесова.

«Обращу вниманіе невѣрующихъ на тотъ разсадникъ, изъ котораго вывелъ г. Аксаковъ своего Куролесова, и спрошу этихъ невѣрующихъ, какъ думаютъ они: мудрено ли человѣку свыкнуться съ тѣмъ, что безпрерывно у него подъ глазами, или съ тѣмъ, къ чему влечетъ самолюбивая, страстная и жесткая натура его, не сдерживаемая ни страхомъ отвѣтственности, ни окружающей образованностью, ни возможностью печатной сатиры, предающей его анаѳемѣ и поруганію! Мудрено ли, повторяю, свыкнуться или даже пріобрѣсти привычку и жестокости, не видя вокругъ себя не только никакихъ преградъ къ ней, но даже испытывая безпрерывное поощреніе, насмѣшки надъ нѣжностью, женоподобіемъ, требованія и побужденія къ этой жестокости, какъ то было во времена Куролесова, когда каждый военный начальникъ, морской и сухопутный, поддерживалъ власть свою ужасающими тѣлесными наказаніями, а внушалъ любовь и преданность лишь вольностями и послабленіями, допускаемыми не только въ чужихъ земляхъ, но и въ своей собственной!.. Скажу больше, остановите просвѣщеніе, прервите наблюденіе (чего и надъ чѣмъ?), прекратите отвѣтственность, и почти всѣ будутъ Куролесовы! Я въ жизнь свою встрѣчалъ людей, не только изъ военныхъ, кореннаго источника Куролесовыхъ въ былое время, но между статскими, между людьми когда-то образованными, между нѣмцами, выѣхавшими изъ Германіи, но засидѣвшимися въ деревенской глуши и окруженными невѣжествомъ людей, которые какъ будто бы старались перещеголевывать жестокостью необразованныхъ со-

сѣдей своихъ или какъ будто желали вознаградить потерянное въ Германіи время, и жестокость ихъ удивляла своею утонченностью; иностранцы же, поступающіе въ нашу военную службу, большею частью всегда перещеголяютъ русскихъ, и у нихъ является какое-то щегольство и хвастовство жестокостью» (стр. 55—6).

При томъ положеніи дѣлъ, какое существуетъ у насъ, судя по очеркамъ графа Н. С. Толстого, народъ, конечно, не могъ остаться неиспорченнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по своему умственному развитію и образованію находится все еще во младенчествѣ. Онъ легко подчиняется тѣмъ вліяніямъ, какія прежде и сильнѣе на него подѣйствуютъ, и избавить его отъ этихъ вліяній можно только противопоставивши имъ другія равносильныя. Авторъ «Заволжскихъ очерковъ» причину многихъ пороковъ приписываетъ *главно* бурлацкому промыслу, почему и совѣтуетъ уничтожать по возможности въ вотчинахъ отпускъ людей въ эту убійственную и унизительную для человѣка работу. Но какъ ни сильна эта причина, а, едва ли еще не большее значеніе имѣетъ другое обстоятельство, о которомъ авторъ разсуждаетъ въ статьѣ: «Духъ ветлужскаго народонаселенія». Здѣсь говоритъ онъ, что у насъ нравственныя направленія въ народѣ зависятъ отъ причинъ, совершенно чуждыхъ всей прочей Европѣ. «У насъ изъ десяти деревень, стоящихъ рядомъ, одна принадлежитъ государству, другая удѣламъ, третья, четвертая, пятая составляютъ части еще какихъ - нибудь учрежденій, шестая, седьмая и, наконецъ, десятая — посессіонная, помѣщичья, однодворческая и проч. и проч. Каждая изъ деревень этихъ непремѣнно имѣетъ свои понятія, свои направленія, свои убѣжденія и свои интересы...» Такимъ образомъ въ деревняхъ образуется характеръ народа сообразно съ тѣмъ, кому онъ принадлежитъ; ничего не можетъ быть естественнѣе: образъ мыслей, характеръ и жизнь высшихъ лицъ, и характеръ ихъ отношеній къ низшимъ никакъ не могутъ остаться безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, въ казенныхъ волостяхъ авторъ находитъ общую покорность земскимъ властямъ, безпрекословное и быстрое повиновеніе приказамъ земской полиціи, робкое и льстивое обращеніе съ лѣснымъ начальствомъ и обычай именовать лѣсныхъ чиновниковъ *баріномъ*. (Край, описываемый графомъ Н. С. Толстымъ, отличается обиліемъ лѣсовъ, и потому лѣсные чиновники имѣютъ тамъ большое значеніе, имѣя возможность всегда прижать крестьянина). Въ другомъ мѣстѣ, въ огромной вотчинѣ, принадлежавшей нѣкогда одному помѣщику, а теперь раздробленной, авторъ замѣтилъ самое дикое раболѣпство, развившееся въ омерзительнѣйшихъ формахъ. Въ лѣсной полосѣ народъ хотя тоже покоренъ и даетъ изъ себя «хоть веревку вить, зная, что онъ весь барскій»,—но не выражаетъ своей покорности такъ подобострастно, какъ жители другой части уѣзда, которую авторъ называетъ *степною*. Причина въ томъ, что лѣсныя деревни сроду не видывали барина и знали только свои подати да управляющихъ, а деревни степной полосы постоянно пользовались его лицезрѣніемъ. Когда въ одну изъ этихъ деревень пріѣхалъ въ первый разъ графъ Н. С. Толстой,—всѣ мужики при встрѣчѣ поклонились въ землю и не вставали, пока онъ имъ не приказалъ. Когда онъ вошелъ въ избу, то старики только осмѣлились взойти за нимъ; всѣ остальные стояли въ сѣняхъ и на улицѣ. Онъ пригласилъ стариковъ сѣсть—они даже не могли взять въ толкъ, чего отъ нихъ баринъ требуетъ, наконецъ переглянулись между собою и смекнули, въ чемъ дѣло. Вотъ какъ они смекнули,—по разсказу автора:

«Наконецъ, нѣкоторые приблизились ко мнѣ почти ползкомъ, на четверенькахъ, приложились лбомъ и губами къ ступнѣ моей и въ то же время старались, по мѣрѣ силъ, поднять или, вѣрнѣе, *взодрать кверху* одну изъ ногъ своихъ и поматывать ею въ воздухѣ, что, признаюсь, крайне поразило меня и побудило потребовать объясненія такому странному жесту. Въ отвѣтъ я получилъ, что «старый баринъ больно такъ жаловалъ, что этакъ собаки хвостомъ виляютъ» (стр. 25).

Подобное раболѣпство замѣтилъ авторъ въ другомъ имѣніи, и крестьяне разсказали ему о старомъ баринѣ, который былъ очень хорошъ, большой баринъ былъ, мужикамъ балы задавалъ, и такую силу имѣлъ, что ни одинъ староста стерпѣть не могъ. «Какъ котораго отлакомитъ, такъ, глядишь, недѣлю черезъ другую ужъ и того». Одинъ, наконецъ, нашелся крѣпкій парень. Этотъ все терпѣлъ; все ему ничего. «Такъ, что, бывало, покойнику *за досаду покажется*,— и почнетъ онъ ему тросточкой въ зубахъ ковырять... Ижно *зъво-то* все разворотитъ, зубы повытолкаетъ. И то все стерпливалъ!» Такъ этотъ баринъ очень любилъ бѣдныхъ мужиковъ,—мало съ нихъ бралъ оброку, помогалъ имъ, награждалъ и пр. Но зато богатыхъ мужиковъ потряхивалъ,— особенно, если они заберутся и куда-нибудь изъ вотчины на торги вдаль уйдутъ... Какъ только гдѣ-нибудь позамѣшкается, сейчасъ его и требуютъ въ вотчину: «мужикъ, говоритъ, долженъ барину

служить». По возвращеніи мужикъ подвергался обыску за свою вину, и все, что у него находили, раздѣлялось на четыре части: двѣ шли барину, одна раздавалась бѣднымъ мужикамъ, а одна оставлялась въ конторѣ до исправленія виновнаго. Такимъ образомъ требовалъ онъ иногда крестьянъ, имѣвшихъ издавна уже большіе капиталы и ведшихъ значительные обороты; они должны были являться, не закончивъ дѣлъ, не выполнивъ поставокъ и подрядовъ, основанныхъ, разумѣется, на словѣ... Слѣдствіе было то, что кредитъ ихъ подрывался и скоро всѣ дѣла рушились. Многіе изъ нихъ спились съ горя или съ тоски зачахли, будучи взяты бариномъ въ разныя дворовыя должности.

Все это факты времени давно прошедшаго; но слѣдствія ихъ примѣтны еще и до сихъ поръ, и мы должны еще разъ сказать нашу благодарность автору «Заволжскихъ очерковъ» за то, что онъ не просто излагаетъ статистическія данныя, а соображаетъ ихъ и съ прошедшимъ временемъ, желая слѣдить за тѣмъ, какъ мало-по-малу, подъ различными частными вліяніями, сложился характеръ обитателей края. Здѣсь мы остановимся въ нашихъ извлеченіяхъ, хотя въ новой книжкѣ графа Н. С. Толстого можно найти еще много любопытныхъ фактовъ, характеризующихъ добрую натуру нашего простонародья, во многомъ, конечно, испорченнаго разными несчастными вліяніями. И, сообразивъ эти вліянія всѣ вмѣстѣ, нельзя не удивляться, какъ еще много добрыхъ началъ осталось до сихъ поръ въ этой натурѣ, какъ еще ясно просвѣчиваютъ хорошіе инстинкты въ самыхъ, даже дурно направленныхъ, поступкахъ, понятіяхъ и вѣрованіяхъ. Это ясно видно во многихъ изъ разсказовъ графа Н. С. Толстого о предразсудкахъ народныхъ, о суевѣрьяхъ и даже разбояхъ. Мы, впрочемъ, не будемъ болѣе приводить примѣровъ, отсылая читателей къ самой книгѣ «Заволжскихъ очерковъ».

Ничего также не скажемъ мы объ охотничьихъ разсказахъ графа Н. С. Толстого. Гдѣ общественный интересъ предмета исчезаетъ, тамъ теряется и общая занимательность разсказа. Юморъ автора «Заволжскихъ Очерковъ» становится нѣсколько приторнымъ, и охотничьи разсказы его прочтутся съ любопытствомъ, вѣроятно, только записными охотниками. Вообще автору нисколько, кажется, не повредило бы, если бы онъ рѣже пускалъ въ ходъ свои прибаутки и писалъ серьезнѣе. Мы замѣчаемъ это потому, что нѣкоторые видятъ въ авторѣ «неудачное стараніе острить» и осуждаютъ его за это. Онъ можетъ избавиться отъ подобныхъ осужденій, посдержавши иногда свои юмористическіе порывы. Впрочемъ, мы съ своей стороны увѣрены что тонъ автора—его естественный тонъ, и что онъ не вытягиваетъ своего юмора изъ головы и изъ памяти. Мелочныя претензіи шута и остроумца недостойны были бы прекрасной цѣли, которую онъ ставитъ предъ собою и предъ читателями въ одной изъ статей своей второй книжки. Мы можемъ ошибаться, говоритъ онъ, мнѣнія наши могутъ быть ложны, болѣе вредны, чѣмъ полезны. Ихъ могутъ отвергнуть... Но что за бѣда: пусть опровергаютъ, лишь бы выслушивали, и въ томъ уже польза. Изъ массы мнѣній ошибочныхъ найдется же хоть одно дѣльное. А изъ столкновенія идеи всегда проистекаетъ правда. Главную же пользу высказыванья всего, что знаешь, онъ полагаетъ вотъ въ чемъ:

«Передавая мнѣнія свои публикѣ, мы, такъ сказать, дѣлаемъ *обязательнымъ* для тѣхъ властей, которымъ предлежитъ обслуживать ихъ, обращать на нихъ *серьезное* вниманіе, а это уже огромный шагъ для самого дѣла, и оно — или *примется, или резонно отвергнется*; но все же будетъ обсуждено»...

Мысль эта такъ справедлива и основательна, что нельзя не желать, чтобы она была вполнѣ принята не только между людьми пишущими, не въ одной литературѣ, но и въ практическихъ нашихъ отношеніяхъ—къ литературѣ и обществу.

---

115. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ,

изданный подъ редакціею *Н. В. Гербеля*. Части II и III. Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 112.

М. Л.

Въ предисловіи ко второй части своего изданія, г. Гербель говоритъ, что успѣхъ первой части превзошелъ его скромныя ожиданія и утвердилъ его въ намѣреніи издать всего Шиллера въ русскомъ переводѣ. Это объясненіе даетъ новое подтвержденіе высказанной нами мысли о томъ,

что у насъ въ публикѣ весьма сильно желаніе познакомиться ближе со всѣмъ, что есть лучшаго въ иностранныхъ литературахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро явятся у насъ переводы и другихъ классическихъ писателей, и всѣмъ этимъ переводамъ можно предсказать несомнѣнный успѣхъ, исключая, конечно, необыкновенныя явленія, въ родѣ перевода г. Синайскаго [1]). Что касается переводовъ Шиллера, то г. Гербель ведетъ свое дѣло весьма добросовѣстно. Онъ пересмотрѣлъ всѣ русскіе журналы и, отмѣтивъ въ нихъ всѣ переводы изъ Шиллера, выбралъ тѣ, которые показались ему лучше другихъ, для помѣщенія въ свое изданіе. Тѣ же стихотворенія, которыя прежде были переведены слабо или совсѣмъ непереведены,—являются теперь въ новыхъ переводахъ, сдѣланныхъ нарочно для изданія г. Гербеля нѣкоторыми изъ современныхъ поэтовъ. Изъ ста двадцати пьесъ, помѣщенныхъ во второй части, пятьдесятъ шесть переведены вновь, и девятнадцать исправлены переводчиками. Переводы эти, конечно, не всѣ одинаковаго достоинства, такъ какъ они принадлежатъ болѣе, нежели тридцати лицамъ. Лучшій переводъ принадлежитъ г. Мину: стихъ въ его «Художникахъ» чрезвычайно выразителенъ и весьма точно соотвѣтствуетъ подлиннику. Недурны также нѣкоторые изъ переводовъ г. Мея.

Гг. Бенедиктовъ и Аксаковъ перевели изъ Шиллера «Пѣснь радости», и что же?— у г. Бенедиктова вышла пѣсня волжскихъ разбойниковъ, а у г. Аксакова—духовный стихъ слѣпцовъ. Наприм., стихи Шиллера:

«Männerstolz vor Königsthronen,—
«Brüder, gält es Cut und Blut,—

г. Бенедиктовъ переводитъ:

«Предъ утѣснителемъ—гордость спокойная
Душитъ: умри—не дрожи»,

а г. К. Аксаковъ:

«Мужество предъ трономъ надо,
Братья, пусть погибнуть намъ».

Вообще г. Бенедиктовъ сочиняетъ скорѣе подражанія, чѣмъ переводы. Онъ куетъ безъ милосердія новыя слова, въ родѣ безсердеченъ, надонный, пытатель и т. п., пишетъ такіе чудовищные стихи, какъ—

«Божій органъ тотъ, гдѣ, сыпля перуны,
Рвутся сверкающей молніи струны»,

вмѣсто шиллеровскаго простого стиха—

«Wie des Donners Orgelston»,

или такіе складные:

«Въ этой бившейся тобою
Я найду еще груди
Благородныхъ силъ довольно
Низкій твой обманъ стерпѣть» и проч...

Въ третьей части изданія г. Гербеля помѣщены переводы двухъ драмъ Шиллера: «Разбойники» и «Донъ-Карлосъ». Оба перевода принадлежатъ г. М. Достоевскому. «Разбойники» переданы прозою очень плавною и неудаляющеюся отъ подлинника. «Донъ-Карлосъ» переданъ стихами, вообще недурными и близкими къ подлиннику. Но, какъ само собою разумѣется, здѣсь нѣтъ разговорнаго языка, и кромѣ того являются уже нѣкоторыя неловкости и неточности. Наприм., слово Herz, безпрестанно встрѣчающееся въ драмѣ, переводится то сердцемъ, то душой, то грудью, то даже пульсомъ, что иногда выходитъ не совсѣмъ ладно,— какъ, напр., въ выраженіи: открой мнѣ грудь свою,—вмѣсто открой мнѣ свое сердце. Есть цѣлые неудачные стихи, какъ напр.,

Чума *ереси*
«Мои народы сильно заражаетъ.
Бунтъ *страшно пухнетъ* въ Нидерландахъ
(Подл. wächst).

Или—

«Инфантъ задумалъ планъ безумный, дерзкій—
Регентомъ сдѣлаться и отложиться
Отъ нашей вѣры *тріединой* (heiligen)».

Впрочемъ, подобныхъ промаховъ, равно какъ и дурныхъ стиховъ, въ родѣ

«Ваше высочество не позабыли,... и т. п.

попадается немного въ переводѣ г. Достоевскаго. Вообще же стихъ его довольно легокъ.

Во второй части помѣщена, въ видѣ приложенія, біографія Шиллера, составленная очень обстоятельно, съ довольно подробнымъ очеркомъ литературной дѣятельности поэта. Кромѣ того, здѣсь помѣщенъ, какъ и въ первой части, очень полный библіографическій перечень русскихъ переводовъ тѣхъ стихотвореній Шиллера, которыя вошли въ эту часть.

Въ непродолжительномъ времени г. Гербель обѣщаетъ издать еще три тома, въ которые войдутъ всѣ остальныя драмы Шиллера.

---

[1]) См. № 106.

116. Стихотворенія Л. Мея.

Спб. 1857 г.

Напечатано вмѣстѣ съ №№ 114 и 115.

Здѣсь опять вскользь выражена другая мысль критика: «слѣдовать натурѣ—первое условіе художественнаго достоинства въ поэзіи»; мысль не новая, высказанная еще раньше (1855 г.) Чернышевскимъ въ его диссертаціи: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», но вполнѣ и горячо раздѣляемая Добролюбовымъ. Еще въ январьскомъ дневникѣ Н. А. записываетъ свою бесѣду съ братомъ драматурга, М. Н. Островскимъ. «Онъ стоитъ за чистое искусство, я объявилъ себя за утилитарное направленіе, и съ этихъ крайнихъ точекъ мы начали подступать другъ къ другу... Видя, что онъ защищается не глупо, я бросилъ всякую нетерпимость и началъ съ нимъ толковать въ такомъ тонѣ, какъ будто его мнѣніе было общепринято, а мое просто—мое личное убѣжденіе. Такимъ образомъ, онъ, между прочимъ, ругнулъ диссертацію Чернышевскаго и назвалъ ее пошлостью. ... Я просто началъ разбирать отдѣльные вопросы, которые вошли въ диссертацію. «Какъ же вы хотите опредѣлить прекрасное? Неужели божественнымъ идеаломъ, который прирожденно живетъ въ душѣ художника? Чего же лучше, какъ сказать, что прекрасное есть жизнь, такъ какъ каждый ее понимаетъ; именно каждый предметъ настолько прекрасенъ для человѣка, насколько онъ видитъ въ немъ жизнь по своимъ понятіямъ». Съ этимъ Островскій почти согласился, замѣтивъ, что есть трупы и другіе предметы, не теряющіе своей красоты отъ смерти! «А здѣсь уже вообще дѣйствуетъ воспоминаніе. Это сходится съ тѣмъ, что все искусство, по мнѣнію Чернышевскаго, есть напоминаніе природы и жизни».—Островскій возсталъ противъ этого съ чрезвычайной силой, говоря, что нравятся намъ многія произведенія, ничего не могущія напоминать. «Я не видалъ моря и степи, почему же мнѣ нравятся ихъ описанія и т. п.».—Я упомянулъ въ отвѣтъ на это о *суррогатѣ* дѣйствительности и назвалъ *аналогическое* воспоминаніе, сказавъ, что иногда какой-нибудь простой мотивъ, тощее деревцо на картинѣ, незначащая фраза въ повѣсти, плохой въ сущности стихъ—переносятъ насъ въ другія времена жизни и вызываютъ въ душѣ цѣлый рядъ думъ и воспоминаній. И чѣмъ болѣе обще это впечатлѣніе для всѣхъ читателей и цѣнителей произведенія, значитъ тѣмъ болѣе общаго, человѣчнаго умѣлъ уловить художникъ въ своемъ произведеніи и тѣмъ болѣе возвышается его достоинство... Съ этимъ Островскій согласился, замѣтивъ, что у Чернышевскаго не видно такого пониманія, и что я придалъ ему свой смыслъ. Я отвѣтилъ, что можетъ быть и такъ и что, можетъ быть, поэтому диссертація Чернышевскаго мнѣ очень нравится и кажется вещью очень замѣчательною... Также мирно покончили мы и съ утилитарностью. Я сдѣлалъ уступку, замѣтивъ, что самъ всегда возстаю противъ голаго дидактизма, какъ, напр., въ стихотвореніяхъ Жемчужникова и А. Плещеева, недавно печатавшихся въ «Рус. Вѣстникѣ»; а онъ уступилъ мнѣ, согласившись, что всякое явленіе природы и жизни, переходя въ искусство, должно непремѣнно, чтобы имѣть какое-нибудь достоинство, освѣтиться сознаніемъ, пониманіемъ автора, должно пройти сквозь его душу не какъ черезъ даггеротипъ, а слиться съ его внутренней жизнью и явиться въ стихѣ, въ звукѣ, въ образѣ — какъ результатъ духовнаго настроенія и сознательнаго чувства художника... Добившись этого согласія, я замѣтилъ: «согласитесь же, что явленія окружающей насъ живой жизни гораздо скорѣе могутъ возбудить въ душѣ нашей горячее, сильное чувство и могутъ глубже проникнуть, — даже *должны* проникнуть глубже, нежели всякаго рода явленія неразумной природы или конфектныхъ отношеній... Слѣдовательно, если у насъ нѣтъ еще достойныхъ поэтовъ въ этомъ родѣ, нѣтъ общественной, живой поэзіи, а всѣ попытки на нее сбиваются на памфлеты,—то нужно жалѣть объ этомъ явленіи и желать, чтобы поэты наши посвятили себя серьезнѣе поэзіи жизни, а не запрещать имъ касаться живыхъ современныхъ вопросовъ, заключая изъ неудачныхъ попытокъ, что удачныхъ и быть не можетъ». И съ этимъ Островскій долженъ былъ согласиться». (Юб. Сбор., 334 — 336). Эта длинная цитата очень важна для пониманія многихъ статей Добролюбова.

М. Л.

Въ поэтической дѣятельности г. Мея всего замѣчательнѣе переводы, представляющіе замѣчательное разнообразіе, которое не лишено, впрочемъ, нѣкотораго внутренняго единства, какъ увидятъ читатели. Г. Мей переводитъ съ еврейскаго, греческаго, нѣмецкаго, французскаго, съ польскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Отличительное его достоинство состоитъ въ текучести стиха и въ вѣрности подлиннику, иногда безукоризненной. Роскошью и нѣгою стиха особенно хороши подражанія восточнымъ, изъ которыхъ лучшее — «Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ», замѣчено было многими при первомъ его появленіи. Всѣ «Еврейскія пѣсни» г. Мея составляютъ одно цѣлое, выражающее знойную страсть, которой сущность прекрасно можетъ быть опредѣлена слѣдующими двумя стихами:

«Милый мой, возлюбленный, желанный!
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?»

То же самое чувство выражается и въ пѣсняхъ, переведенныхъ изъ Анакреона. Большая часть изъ нихъ передана г. Меемъ очень граціозно, хотя не безъ измѣненій, которыя иногда зависѣли очевидно отъ личнаго вкуса переводчика. Напр., не мило ли слѣдующее стихотвореніе:

«Ляжемъ здѣсь, Ваѳиллъ, подъ тѣнью,
Подъ густыми деревами:
Посмотри, какъ съ нѣжныхъ вѣтокъ
Листья свѣсились кудрями!
Ключъ журчитъ и убѣждаетъ
Насладиться мягкимъ ложемъ...
Какъ такой пріютъ прохладный
Миновать съ тобой мы можемъ?»

Переводъ очень близокъ къ подлинному тексту; только вмѣсто *ляжемъ* въ греческомъ стоитъ—*сядемъ*, а словъ—*насладиться мягкимъ ложемъ*—совсѣмъ нѣтъ... Безъ сомнѣнія, измѣненія г. Мея не вынуждены были условіями стихотворнаго размѣра: онъ весьма искусный версификаторъ, и при томъ *сядемъ* и *ляжемъ* совершенно одинаково идутъ въ стихъ.

Переводы Ѳеокрита весьма далеки отъ подлинника и могутъ быть названы вольными; но зато они большею частію близки къ тому направленію, которое выражаетъ г. Мей, измѣняя нѣкоторыя фразы Анакреона. Онъ заставляетъ одну дѣву разсказывать о себѣ:

«Покорная безумью моему
Влекла его на дѣвственное ложе.
Уста слились и вспыхнулъ жаръ въ крови...»
и т. д.

Къ другой дѣвѣ обращается съ просьбой:

«Ты, чернобровая, лобзаньемъ очаруй
Меня въ объятіяхъ: волшебенъ поцѣлуй
У нимфы на груди, какъ волны, перекатной».

Здѣсь уже г. Мей превосходитъ Ѳеокрита: у греческаго автора нѣтъ такой силы и рельефности въ подобныхъ изображеніяхъ.

Вдохновленный древними авторами г. Мей и самъ сочинилъ идиллію изъ римской жизни: «Цвѣты», воспроизводящую извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Неронъ засыпалъ было цвѣтами своихъ гостей во дворцѣ. Пиръ Нерона описанъ весьма живо и отчетливо, съ тѣмъ же глубокимъ знаніемъ римской жизни, какое показано г. Меемъ въ его «Сервиліи».

Изъ переводовъ Шиллера всего лучше «Прощаніе Гектора съ Андромахой»: оно передано почти слово въ слово, безъ всякаго насилія стиха. Въ другихъ переводахъ попадаются уклоненія не совсѣмъ удачныя. Напр., въ стихотвореніи «Амалія» говорится о поцѣлуяхъ, что они пламенѣли, *сплавляли* душу съ душою, на устахъ звуча сливалися... Шиллеръ говоритъ о нихъ съ гораздо меньшимъ азартомъ. Въ стихотвореніи «Ожиданіе» являются: «докучныя уши, вмѣсто подслушивающія уши» (Lauschers Ohr),— «цвѣтокъ, *лобзаемый румянцемъ* зари», слова Die Traube winkt переводятся стихомъ:

«Прозрачный виноградъ горитъ янтарнымъ
глянцемъ».

Стихъ:

«Und in das Leben tritt der hohle Traum»,

(т.-е. и пустая мечта превращается въ дѣйствительность)
переведенъ:

«И надо мною сонъ простеръ незримо
крылья».

Это не совсѣмъ хорошо. Не совсѣмъ хороши также и стихи подобные тѣмъ, которыми начинается переводъ «Альпійскаго стрѣлка».

«Хочешь ты пасти барашка?
Дамъ тебѣ ручного я:
Щиплетъ травку *бѣлый бяшка*
И играетъ у ручья».

Безъ такихъ стиховъ легко можно бы обойтись, тѣмъ болѣе, что въ подлинникѣ никакого *бѣлаю бяшка* не находится.

Собственныя произведенія г. Мея относятся болѣе къ разряду альбомныхъ и могутъ быть интересны единственно для тѣхъ, кого они касаются. Есть у него еще стихотворенія, написанныя на манеръ русскихъ пѣсенъ, народнымъ размѣромъ, не лишен-

нымъ звучности. Мотивы ихъ взяты большею частью изъ народныхъ пѣсенъ, и все больше на тему стараго мужа и молодой жены. Нѣкоторыя картины и выраженія страсти выходятъ у г. Мея довольно удачно. Въ другомъ родѣ — понравилась намъ «Запѣвка».

«Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная — омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася — сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесли тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...»

Но зато не понравились намъ пьесы въ героическомъ родѣ, отъ которыхъ самъ г. Мей отказывается въ переводѣ пьесы Анакреона «Къ Лирѣ». Въ самомъ дѣлѣ — всякому свой талантъ: Анакреонъ говоритъ, что онъ собирался и Атридовъ пѣть, и Кадма прославлять, и Алкида восхвалять,— а лира все поетъ про любовь... Г. Мей, какъ видно, мало вникъ въ это обстоятельство и сочинилъ такія пьесы, какъ: «Отойди отъ меня сатана» и «Спаситель». Первая представляетъ безпорядочный наборъ школьныхъ воспоминаній, оставшихся отъ изученія географіи, исторіи, естественныхъ наукъ и древней литературы. По образцу извѣстныхъ стиховъ:

«Посмотри, въ тѣни чинары» и т. д.

пересчитываются разныя страны, показываемыя Сатаною Спасителю. Характеристика каждой страны очень замысловата. Напр., въ Римѣ представлены Капитолій, Тибръ, дворцы, сенатъ, циркъ и прочее, далѣе Капрея съ нагими плясуньями, и —

«Старецъ въ пурпурной тогѣ, съ змѣей на груди,
Среди сонма Лаисъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ...»

И все это въ картинѣ, представляющейся глазу съ одной изъ горъ Палестины! Невольно вспомнили мы книжку о Гершелевомъ телескопѣ, изданную лѣтъ двадцать тому назадъ и разсказывающую о наблюденіяхъ Гершеля надъ тѣмъ, какъ совершались таинства любви у лунныхъ жителей.

Въ пьесѣ: «Спаситель» не совсѣмъ складно разсказанъ анекдотъ о томъ, какъ св. Сергій спасъ на охотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ медвѣдя.

Не вполнѣ удался также г. Мею и переводъ «Слова о полку Игоревѣ». Правда, что переводъ очень точенъ и близокъ къ подлиннику; но самая близость эта иногда вредитъ его достоинству Напр., стихъ «*съ поля пороси снимаются*», по нашему мнѣнію ничуть не понятнѣе подлинника: «пороси поля прикрываютъ», равно какъ и стихъ—«изъ роговъ каленыхъ полымя бросаетъ», или «какъ милыхъ-то ладъ ни мыслію намъ смыслити» и пр... Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ г. Мей, несмотря на «основательное (по его собственному признанію) изученіе подлинника»,—плохо понялъ смыслъ славянскихъ выраженій. Напр., *тѣщими колчаны* онъ перевелъ — *тощими* колчанами, вмѣсто пустыми; *нѣжуютъ* (издѣваются) — нѣжили. Смыслъ, разумѣется, значительно пострадалъ отъ такого превращенія враждебныхъ отношеній въ нѣжныя. Слово *стрѣлкы* (уменьш. отъ стрѣла), переводчикъ смѣшалъ со словомъ *стрѣлкй*, отъ чего въ обращеніи Ярославны къ вѣтру вышелъ курьёзный вопросъ:

«Для чего на легкихъ крыльяхъ
Ты стрѣлковъ наносишь ханскихъ
На удалую дружину
Моего милаго друга»?

Хороша эта живая картина: половецкіе стрѣлкй несутся на крыльяхъ вѣтра противъ Игоревой дружины!.. Какъ будто всѣ они были Тугарины Змѣевичи!..

Впрочемъ, непониманіе славянскаго языка производитъ и не такія чудеса: въ томъ же плачѣ Ярославны луки дружины игоревой «*стяиваются отъ жажды*», а колчаны «*истомой запекаются...*» Переводчикъ, кажется, не предполагалъ, что въ древнемъ языкѣ *жажда* могла значить не то, что нынѣ, и что ее здѣсь слѣдовало передать словомъ засуха.

Нѣтъ, ужъ пусть лучше г. Мей оставитъ въ покоѣ героевъ и воспѣваетъ то, къ чему влечетъ его сочувственное настроеніе его духа. За всѣми не угоняешься. «Всякій человѣкъ въ семъ мірѣ свое назначеніе имѣетъ: одни въ изученіе судьбы царствъ и народовъ умъ свой погружаютъ; другіе способы благоденствія народнаго изыскиваютъ, иные подвиги героевъ громогласно величаютъ; нѣкіи собратій своихъ нравы изображать тщатся; нѣкіимъ же утѣхи любви и наслажденія страсти животной (какъ переводитъ г. Бенедиктовъ слово Wollust) умилительно воспѣвать велѣніемъ самой натуры указано...» Слѣдовать же натурѣ — первое условіе художественнаго достоинства въ поэзіи. Стихъ же г. Мея весьма хорошо выработанъ и служитъ для него послушнымъ орудіемъ, когда въ поэтѣ говоритъ истинное чувство.

117. Отъѣзжія поля.

Барона *Розена*. Спб. 1857.

Князья Курбскіе.

Барона *Розена*. Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ №№ 114 и 115.

Баронъ А. Е. Розенъ — осколокъ литературы Гречъ-Булгаринъ-Кукольникъ и К°. У него, какъ и у Соллогуба и у Ростопчиной, была своя публика; надо было оцѣнить ея писателя и драматурга. Добролюбовъ это и сдѣлалъ и это—третья уже, воздвигнутая имъ, надгробная плита.

М. Л.

Эта небольшая брошюра замѣчательна въ троякомъ отношеніи:

1) По изумительной храбрости автора.

2) По усиленному желанію его заставить каждаго русскаго человѣка гордиться тѣмъ, что онъ происходитъ отъ скиѳовъ.

3) Брошюра эта интересна еще потому, что авторъ ея необыкновенно горячится изъ-за того только, чтобъ сказать, что онъ очень любитъ Россію (какъ будто до сихъ поръ кто думалъ сомнѣваться въ этомъ!).

Прежде всего нашъ авторъ въ своихъ «Отъѣзжихъ поляхъ» начинаетъ охоту, какъ настоящій охотникъ, и, надо отдать ему справедливость, на 180-ти страничкахъ онъ убилъ много историко-филологической дичи.

Нашъ стрѣлокъ-авторъ стрѣляетъ наудачу, во что̀ попадетъ, поэтому убѣждаетъ насъ повѣрить ему на слово, что римляне—славяне, что историческое старшинство въ ратныхъ подвигахъ «*безспорно* принадлежитъ сынамъ Россіи» (стр. 32), а не сынамъ древней Греціи и Рима, ибо еще во времена до-историческія мы имѣли своего Наполеона, Александра Македонскаго, о которыхъ, къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ потому только, что недоброжелательные персидскіе историки изъ зависти къ нашимъ предкамъ, съ умысломъ, не упомянули объ нихъ и т. д. и т. д.,—все въ такомъ же родѣ.

«Что ни говорите—восклицаетъ нашъ стрѣлецъ-охотникъ — старшинство по ратному героизму, передъ Греціею и Римомъ, остается за сынами Россіи, ради грандіозности экспедиціи скиѳскаго царя Мадіаса. Что значитъ передъ подобнымъ ратнымъ дѣломъ (подвигомъ скиѳа Мадіаса) война Троянская! Поелику общая слава побѣдоноснаго воинства сосредоточивается на предводителѣ его и въ немъ, такъ сказать, олицетворяется—что̀ же скажемъ мы *о своемъ* скиѳскомъ царѣ Мадіасѣ?»

Мы, съ своей стороны, ничего не скажемъ на томъ основаніи, что если самъ Геродотъ, историкъ грековъ, сомнѣвался на счетъ даже Троянской войны, что видно изъ того, что̀, будучи въ Египтѣ, Геродотъ вопрошалъ іерофантовъ: есть ли что историческаго въ этомъ преданіи, или это — чистый миѳъ?—какъ же мы будемъ съ увѣренностью говорить о какомъ-нибудь скиѳскомъ царѣ? Но нашъ авторъ-охотникъ, съ свойственной ему храбростью, отвѣчаетъ такъ:

«Мы скажемъ, безъ обиняковъ, что лѣтъ за *триста* до знаменитаго сына Филиппова, наши скиѳы имѣли своего Александра Великаго! Мадіасъ побѣдилъ тѣхъ же персовъ—огромное, благоустроенное воинственное государство, предводительствуя нестройною ордою; Александръ, напротивъ, имѣлъ *македонскую фалангу!* Но Александръ долженъ былъ *тремя* капитальными побѣдами пріобрѣтать *то*, что Мадіасъ завоевалъ *однимъ* побоищемъ: владычество надъ этою частью Азіи,—а Ціаксаръ (противникъ Мадіаса), какъ мужъ битвы, выше противника Александрова. Вся разница между Мадіасомъ и Александромъ, какъ богатырями, приводится къ тому постороннему для личности обоихъ, ничтожному обстоятельству, что первый (великій скиѳъ) не имѣлъ историка, и что враждебные скиѳамъ писатели—персы передали намъ только голый фактъ историческій, лишенный всѣхъ занимательныхъ подробностей».

Но къ чему же намъ эти занимательныя подробности, когда баронъ Розенъ, и безъ сказаній коварныхъ персидскихъ историковъ, выдумываетъ ихъ: доказавъ, что скиѳъ Мадіасъ выше Александра Македонскаго, потому что онъ безъ *фаланги* дѣлалъ чудеса, нашъ историкъ сочиняетъ небывалые историческіе факты:

«Всѣмъ извѣстенъ благородный поступокъ Александра Великаго съ однимъ индійскимъ царемъ—Таксиломъ, царство котораго, между Индомъ и Гидаспомъ, древніе писатели уподобляютъ Египту, какъ по величинѣ, такъ и по плодородію. *Ничто не препятствуетъ намъ* (конечно ничто!) *вообразить* въ скиѳскомъ царѣ Мадіасѣ такое же благодушіе, въ отношеніи къ египетскому царю Псаммитиху, когда Мадіасъ добровольно отка-

зался отъ легкаго прельстительнаго завоеванія. Мы не только можемъ, но *и должны* полагать (на основаніи чего же? неужели въ угоду барону Розену?), что Псаммитихъ, ласково встрѣчая скиѳскаго царя, также говорилъ ему съ благородною простотою... И Мадіасъ, тронутый, какъ и Александръ, такою возвышенною простотою нрава — вразумительнѣйшею для дикаря, простого сына природы — также обнялъ египетскаго царя и сказалъ: «Думаешь ли ты, что умная рѣчь твоя отстранила причину борьбы? Все-таки, приходится намъ бороться — когда не оружіемъ, такъ подарками! Царь Скиѳовъ, доказавъ, какъ онъ силенъ въ оружіи, не стерпитъ, чтобы ты побѣдилъ его въ благодушіи!»

Какъ вамъ кажется эта манера обращенія съ исторіей? Но забавнѣе всего то, какъ нашъ охотникъ-авторъ, гоняясь въ своихъ «Отъѣзжихъ поляхъ» за дичью, говоритъ, послѣ выписинныхъ нами строкъ, слѣдующее:

«Нѣчто подобное случилось *непремѣнно* между царями скиѳскимъ и египетскимъ, когда первый, убѣжденный рѣчью второго, не пошелъ далѣе. Поэтому, и въ дѣлѣ благодушія нельзя не допустить тождества между Мадіасомъ и Александромъ; а допустивъ, какъ же не воображать, по грандіозности скиѳскаго похода въ Азію, при такой чертѣ царскаго благодушія, что онъ сопровождался вводными частями и эпизодами самыми занимательными. Этотъ скиѳскій походъ — богатѣйшій и достойнѣйшій предметъ для русской Иліады».

Но охота нашего почтеннаго стрѣлка-барона этимъ не оканчивается. Создавъ въ своей фантазіи величайшій образъ геніальнаго скиѳскаго полководца Мадіаса, тождественнаго Александру Великому, онъ, забросивши ружье на плечо, отправляется въ скиѳскій таборъ, чтобъ отыскать тамъ *человѣка*, Наполеона мысли и философіи. Вы думаете, что попытки охотника напрасны? Какъ бы не такъ! Не такого рода нашъ охотникъ, чтобъ не отыскать того, зачѣмъ онъ отправился. Къ величайшей радости своей и къ изумленію озадаченнаго читателя, онъ отыскиваетъ скиѳа, въ сравненіи съ которымъ всѣ семь греческихъ мудрецовъ — пѣшки, нуль. Въ восторгѣ отъ своей великолѣпной находки, или, правильнѣе, отъ найденной великолѣпной дичи, нашъ охотникъ съ восторгомъ восклицаетъ:

«Намъ не нужна біографія его, точная, полная,—но *историческая основа для умственнаго* Анахарсиса (такъ назывался этотъ геніальный скиѳъ, о которомъ упоминаетъ Діогенъ-Лаэртій), намъ ничего не надо: мы *имѣемъ* блистательный итогъ его жизни — міровую славу его въ Греціи, какъ мудреца. Какъ поэтически — продолжаетъ нашъ ученый искатель великихъ людей въ таборѣ скиѳскомъ: — какъ занимательно можетъ быть изображаемо пробужденіе и постепенное развитіе этого *міроваго ума*! Какой прекрасный случай, для патріота, олицетворять въ образѣ этого скиѳа ту всестороннюю способность ума, то величіе благородныхъ помысловъ, которыми знаменуется геній нашего Отечества...».

Нашему охотнику и въ голову не приходитъ: какое же отношеніе имѣютъ скиѳы къ нашему отечеству? Онъ съ увлеченіемъ твердитъ свое:

«Анахарсисъ имѣлъ случай познакомиться и *навѣрное* освоился предварительно какъ съ языкомъ, такъ и съ образованностью Греціи — до своего путешествія. Діогенъ-Лаэртій говоритъ, что мать нашего Скиѳа была — гречанка! Это явный вымыселъ, позднѣйшій говоръ людской, которымъ воспользовался неразборчивый, чуждый всякой критики, біографъ. Анахарсисъ, конечно, упоминалъ бы въ Греціи о своей греческой матери. Вымыселъ, очевидно, основывается на томъ, что Анахарсисъ зналъ хорошо языкъ эллинскій и горячо любилъ Грецію. Понятно,—заключаетъ нашъ ученый патріотъ, не желающій уступить своего скиѳа завистливой Греціи,—понятно, что грекамъ хотѣлось бы присвоить себѣ, хотя черезъ *мать* его, этого знаменитаго скиѳа, въ ликѣ греческихъ мудрецовъ!»

Вотъ до чего, подумаешь, можетъ дойти охотничье увлеченье! Да помилуйте, г. Розенъ, никто не думаетъ у васъ оспаривать вашего скиѳа: тѣшьтесь этимъ гигантомъ человѣческой мысли, сколько душѣ вашей угодно! Обязанность наша повѣстить только ученому міру, что вы сдѣлали два геніальныхъ открытія: открыли скиѳскаго Александра Македонскаго въ лицѣ Мадіаса и Наполеона мысли, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ Платоны и Сократы греческіе,— скиѳа Анахарсиса, который, по свидѣтельству вашему, разбилъ въ пухъ и прахъ мудреца и законодателя Солона, такъ что вы, въ восторгѣ за своего милаго любимца, при этомъ торжественно восклицаете: «здѣсь скиѳъ нашъ опять попадаетъ въ головку гвоздя!» (стр. 65).

Показавъ историческую манеру нашего ученаго изслѣдователя, столь счастливаго на историческія открытія, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ баронъ Розенъ убѣждаетъ насъ гордиться происхожденіемъ отъ благороднѣйшихъ изъ предковъ – скиѳовъ.

«Скиѳскій элементъ, говоритъ онъ съ жаромъ, выражается наиболѣе въ славянахъ россійскихъ вообще: отъ того, изъ Славянъ они *одни* основали, на вѣчныхъ началахъ, самобытное государство, достойное древней славы скиѳовъ геродотовыхъ. *Ляхи* (замѣтьте, какъ презрительно!) смастерили было что-то въ родѣ королевства, на ложныхъ идеяхъ, на рѣзкихъ противорѣчіяхъ, и оно должно было распасться. Часть ляховъ и всѣ прочіе славяне суть подданные Германіи или Турціи! Но преобладательный элементъ скиѳскій выразился въ нашемъ народѣ козачьемъ и въ трехъ рѣзко-оригинальныхъ типахъ, въ трехъ яркихъ лицахъ нашей Исторіи! (Въ Святославѣ, Петрѣ и Суворовѣ)».

«Чисто-человѣческое чувство достигло у дикихъ скиѳовъ совершенства, какого не имѣло даже у эллиновъ! Да! наши скиѳы завѣщали намъ, своимъ потомкамъ, чистѣйшій образецъ отношенія человѣка къ человѣку!

«Признайтесь (восклицаетъ съ торжествомъ нашъ авторъ), что вы донынѣ не знали Скиѳовъ! Полюбите же ихъ теперь: благоговѣйте къ міровому памятнику ихъ бытія! Гордитеся такими первобытными предками!».

На это мы отвѣтимъ нашему ученому ученой же цитатой Лукіана, за справками къ которому такъ часто обращается баронъ Розенъ: «аѳиняне!—сказалъ однажды Лукіанъ:—включите этого поклонника скиѳовъ въ разрядъ вашихъ благодѣтелей! Соорудите ему статую подлѣ героевъ нашего града — подлѣ самой Минервы! Будь увѣренъ, мой скиѳъ, что Аѳины не сочтутъ за стыдъ научиться полезному и отъ смѣлыхъ варваровъ!»

Надобно видѣть, какъ нашъ почтенный скиѳофилъ, отыскавшій безъ малѣйшаго труда скиѳскаго Александра Великаго и скиѳскаго мудреца-философа, и тѣмъ самымъ пополнившій безмолвіе объ этомъ предметѣ персидскихъ историковъ и доказавшій также легкомысленнымъ грекамъ, что скиѳъ Анахарсисъ имѣлъ полное право вопросить Пиѳію: «есть ли между эллинами мудрѣйшій, чѣмъ онъ, скиѳъ?» — надобно видѣть, говоримъ, какъ баронъ Розенъ въ своихъ «Отъѣзжихъ поляхъ» сердится на Карамзина, который, по справедливому выраженію барона, «спровадилъ безъ церемоніи со сцены исторіи *нашихъ славныхъ* скиѳовъ и перешелъ къ сарматамъ». И какъ вы полагаете, какого рода доказательства онъ приводитъ противъ Карамзина? Преоригинальныя: во-первыхъ, г. Розенъ уподобляетъ себя безсмертному скиѳу Анахарсису, безъ помощниковъ, безъ приверженцовъ въ родномъ таборѣ; а во-вторыхъ, онъ доказываетъ, что скиѳъ Геродотовъ пережилъ Филиппа, Митридата, династію Юліанскую и времена Антониновы и даже живетъ въ настоящее время, потому что тамъ, гдѣ дѣти пошли въ отца — скиѳа, явились славяне русскіе, а гдѣ дѣти пошли въ мать, «тамъ уродились» — говоритъ баронъ Розенъ—«*всякіе* нѣмцы!»

«Дѣписатели наши, заключаетъ авторъ:—не вразумились въ дославянскую славу Скиѳовъ, *въ ихъ великое для Россіи значеніе*. У насъ же (т.-е. у г. Розена, давно таилась эта идея, *въ числѣ многихъ другихъ оригинальностей этого рода*, еще не высказанныхъ; но мы долго не рѣшались промолвить слово въ новѣйшія времена Русской письменности... положеніе наше, въ толпѣ приверженцевъ не очень чистой, *неблаговонной существенности* походитъ нѣсколько на положеніе Анахарсиса, въ родномъ таборѣ, по возвращеніи изъ Греціи!... Не всуе употребляемъ имя безсмертнаго скиѳа, съ которымъ мѣряться дерзаемъ если *не мудростью, то любовью къ эллинизму*, стремленіемъ къ чистому человѣколѣпію и злополучіемъ житейскимъ—атихіею—въ нашемъ парнасскомъ таборѣ! Вы видите, какъ мы разгуляли эту атихію!»

Дѣйствительно, баронъ Розенъ чисто богатырски разгулялъ свое парнасское злополучіе!... Умоляемъ его продолжать свою *охоту*, чтобъ—«пробыть съ нами—по его собственному выраженію — въ степи еще нѣсколько времени, предаваясь размышленіямъ, къ которымъ умъ невольно побуждается, при видѣ этой богатой скиѳской добычи» (стр. 121).

Отъ ученыхъ открытій барона Розена перейдемъ къ его драмѣ «Князья Курбскіе». Спѣшимъ замѣтить, что драма его нисколько не должна быть смѣшиваема съ знаменитыми «Отъѣзжими Полями». Тамъ—*охота*, а здѣсь *искусство*, слѣдовательно, по чувству безпристрастія, и самое воззрѣніе наше на драматическій трудъ г. Розена должно измѣниться.

Содержаніе драмы «Князья Курбскіе» взято изъ временъ Іоанна Грознаго. Дѣйствіе происходитъ при осадѣ Пскова Стефаномъ Баторіемъ.

Князь Курбскій, будучи устрашенъ гнѣвомъ Іоанна Грознаго, *отъѣхалъ* изъ Юрьева (Дерпта) въ Литву. Отъѣзжая, онъ поручилъ судьбу жены своей и малолѣтняго сына вѣрному слугѣ, который скрылъ ихъ въ лѣсу «въ Мурьѣ-Чудской»; княгиня Курбская приняла схиму и, спустя нѣкоторое время, умерла, а сынъ ея былъ отданъ на воспитаніе одному ливонскому рыцарю. Курбскій самъ не знаетъ о дальнѣйшей судьбѣ жены и сына. Была молва на Руси, что Курбскіе, боясь преслѣдованій Грознаго, бросились въ воду и утонули.

Первое дѣйствіе открывается тѣмъ, что псковскій помѣщикъ, князь Прозоровскій, въ своей деревнѣ подъ Псковомъ, объявляетъ своимъ крестьянамъ, что Стефанъ Баторій идетъ осаждать Псковъ, снаряжаетъ ихъ на войну, жжетъ собственный свой деревенскій домъ, чтобъ ничего не досталось непріятелю; крестьяне, относительно своего имущества, поступаютъ по его примѣру. На сцену выходитъ жена Прозоровскаго, который, между прочимъ, признается ей, что онъ не князь Прозоровскій, а князь Курбскій—имя, запретное и ужасное тогда въ царствѣ Іоанна Грознаго. Жена, боясь за судьбу мужа, въ отчаяніи принимаетъ это новое открытіе. Князь Прозоровскій, съ чувствомъ, конечно, ужаса, говоритъ, что съ литовскимъ войскомъ въ числѣ другихъ вождей идетъ и отецъ его, слѣдовательно: сынъ, не зная отца, можетъ убить его и запятнать себя смертнымъ грѣхомъ отцеубійства.

Въ этомъ зерно трагизма всей пьесы барона Розена.

Дѣйствіе второе открывается осадой Пскова, гдѣ главный воевода Шуйскій и,

между другими воеводами, назначенъ также и князь Прозоровскій. Въ актѣ этомъ изображены состояніе города Пскова во время осады, удачныя и блистательныя вылазки псковитянъ. Но второй актъ оказывается совершенно лишнимъ въ драмѣ, потому что онъ нисколько не подвигаетъ собой впередъ главнаго содержанія пьесы. Если пропустить все второе дѣйствіе, то драма барона Розена отъ этого бы ничего не потеряла.

Дѣйствіе третье открываетъ лагерь Баторія. Тоска по родинѣ разрываетъ сердце Курбскаго: глубокое патріотическое чувство борется въ немъ со внѣшними обстоятельствами судьбы и разрѣшается какъ бы себѣ въ утѣшеніе тою мыслію, что Курбскій поднялъ мечъ не на свое отечество, а на личнаго врага своего, Ивана Грознаго.

Курбскій совѣтуетъ главнокомандующему Замойскому идти прямымъ путемъ въ войнѣ и политикѣ. Является шляхтичъ Остремецкій, придумавшій ларецъ, наполненный разрушительными снарядами. Ларецъ этотъ предназначенъ быть отправленнымъ къ воеводѣ Шуйскому, подъ видомъ ящика съ деньгами, захваченными будто бы плѣннымъ русскимъ. Если воевода откроетъ ящикъ, то будетъ убитъ его взрывомъ.— Замойскій, подъ впечатлѣніемъ словъ Курбскаго, не соглашается на это дѣло, хоть прежде и содѣйствовалъ Остремецкому; ящикъ, между тѣмъ, былъ отправленъ въ Псковъ, но неудачно. Дѣйствіе оканчивается тѣмъ, что пущена стрѣла во Псковъ (изъ стана Баторія) съ письмомъ отъ короля, въ которомъ онъ убѣждаетъ псковитянъ сдаться. При этомъ, онъ обѣщаетъ имъ многія милости и льготы. Но доблестные воевода и народъ отвѣчаютъ ему на это—пушками.

Четвертое дѣйствіе открывается переговорами Іоанновыхъ пословъ съ іезуитомъ Поссевиномъ о мирѣ, въ Запольскомъ-Ямѣ. Послѣ разныхъ несогласій, ссоръ и чуть ли не драки съ Поссевиномъ и *разныхъ задоровъ* между польскими панами и русскими послами,—одинъ панъ оканчиваетъ сцену, говоря:

«Мы ничего не выторгуемъ больше—
Подпишемъ миръ на честной мировой».

Вторая сцена этого дѣйствія у воротъ Пскова.—Шуйскій велитъ принести къ нему ящикъ, подмоченный въ рѣкѣ, и не объясняетъ, какимъ образомъ онъ узналъ, что это адская машина. Онъ только говоритъ:

«Велѣньемъ Божьимъ я спасенъ,
И болѣе тебѣ не надо вѣдать!»

Потомъ Шуйскій вызываетъ на поединокъ Замойскаго какъ главнокомандующаго за то, что онъ допустилъ подобный безчестный поступокъ.

Третья сцена происходитъ въ литовскомъ лагерѣ и открывается разговоромъ Замойскаго съ королемъ о разныхъ воинскихъ неудачахъ. Баторій падаетъ духомъ. Между тѣмъ, его зовутъ въ Польшу на сеймъ, что отрываетъ короля лично отъ предпринятаго дѣла.—Является Курбскій, въ сопровожденіи русскихъ плѣнниковъ; Баторій предлагаетъ имъ свободу и награды, лишь бы они согласились служить въ его войскѣ. Русскіе отказываются. Король злословитъ Іоанна, а русскіе стоятъ за своего царя. Король грозитъ имъ казнью—они презираютъ казнь. Наконецъ, онъ даритъ ихъ Курбскому. Плѣнники просятъ лучше казнить ихъ, чѣмъ выдать русскому измѣннику. Но Курбскій отпускаетъ ихъ на Русь, говоря:

«Хоть въ памяти своей меня возьмите,
Вы у меня хоть душу отнесите
Въ родимую, завѣтную Москву».

Баторій удивляется доблестямъ русскихъ плѣнныхъ и даритъ имъ по алмазному кресту.

Курбскій изливаетъ скорбь о своей горькой участи. Чувство любви къ родинѣ раздираетъ его сердце. Онъ предлагаетъ королю свой мечъ на всѣхъ враговъ его, но только не на русскихъ. Король великодушно соглашается и обнимаетъ плачущаго Курбскаго,

Дѣйствіе пятое—польскій лагерь. Паны терпятъ морозъ, холодъ и разныя неудачи. Героическія и счастливыя вылазки русскихъ наносятъ имъ много вреда. Ропотъ пановъ и сейма противъ короля и Замойскаго. Паны не хотятъ болѣе стоять подъ Псковомъ, распуская молву, что король пріобрѣтаетъ Ливонію не для Польши, но для своихъ племянниковъ. Составляется конфедерація — бросить Псковъ и идти въ Польшу. Опять вылазка псковичей; поляки бѣгутъ, ихъ лагерь въ пламени. Воеводы русскіе дерутся въ разныхъ мѣстахъ. Прозоровскій, по приказанію главнаго воеводы Шуйскаго, наблюдалъ за ходомъ битвы. Отрядъ его стоитъ по-одаль. Къ Прозоровскому является шляхтичъ Остромецкій, врагъ отца его, Курбскаго. Онъ указываетъ на мѣсто, гдѣ находится король, выдавая обманомъ Курбскаго за короля, а о Курбскомъ говоритъ, что онъ уѣхалъ въ Ковель. Прозоровскій радуется этому случаю, думая, что, наконецъ, устраненъ для него случай быть невольнымъ отцеубійцей. Онъ, по указанію Остромецкаго, долженъ взять

въ полонъ мнимаго короля. Презрительно прогоняя Остромецкаго, какъ измѣнника, Прозоровскій идетъ захватить Баторія не врасплохъ, а силою.

Другая сцена. Ночь. Пустое поле на сценѣ. Курбскій намѣревается отъѣхать изъ-подъ Пскова: онъ, въ длинномъ монологѣ, высказываетъ свои страданія, любовь къ отчизнѣ и прощается съ видомъ земли русской. Вдругъ его оцѣпляетъ своимъ отрядомъ князь Прозоровскій (сынъ его). Курбскій обнажаетъ мечъ. Прозоровскій принимаетъ Курбскаго за короля и велитъ стать своему отряду по-одаль, вызывая Курбскаго на единоборство, какъ подобаетъ двумъ честнымъ рыцарямъ. Взаимное уваженіе, симпатія проявляются между ними. Начинается поединокъ. Ратникъ, бѣгущій черезъ сцену, прерываетъ его, объявляя, что миръ заключенъ. Тутъ Прозоровскій узнаетъ въ Курбскомъ отца. Взаимное объясненіе. Курбскій раненъ Прозоровскимъ (т.-е. сыномъ). Сынъ перевязываетъ рану отца и за то, что Богъ не допустилъ его до грѣха отцеубійства, и оттого, что ему долѣе тяжело обманывать своего царя, скрываясь подъ чужимъ именемъ Прозоровскаго,—рѣшается принять схиму. Старикъ Курбскій, примирившись духовно съ Іоанномъ, тоже принимаетъ схиму. Этимъ оканчивается драма и въ этомъ состоитъ основная сущность ея.

Изъ трагедіи видно, что авторъ изучилъ древнюю Русь по разнымъ источникамъ и юридическимъ памятникамъ, *старался* угадать духъ древняго русскаго языка, но неловко смѣшалъ древнія выраженія съ новѣйшими. Почти во всякомъ монологѣ видна эта безобразная смѣсь и другія несообразности.

Внѣшнее построеніе драмы — крайне слабо, завязка и развязка блѣдны, многіе разговоры дѣйствующихъ лицъ ни на сколько не подвигаютъ впередъ дѣйствія; второй актъ, какъ мы сказали выше, въ этомъ отношеніи даже совершенно лишній. Характеры очерчены слабо или даже вовсе не очерчены, являются общими мѣстами и изображены по извѣстной избитой рутинѣ. Даже нѣкоторыя мѣста сюжета драмы не объяснены должнымъ образомъ: напримѣръ, отчего Шуйскій узналъ, что въ ящикѣ скрываются не деньги, а разрушительные снаряды? Или: отчего авторъ опредѣлительнѣе не объяснилъ, какимъ образомъ сынъ Курбскаго сдѣлался Прозоровскимъ, вѣроятно, и владѣлъ, подъ именемъ князя Прозоровскаго, имѣніями Курбскаго? Только и упомянуто въ трагедіи, что у Андрея Курбскаго былъ зять, князь Михайло Прозоровскій. Къ недостаткамъ трагедіи еще принадлежитъ хвастовство русскихъ въ своихъ доблестяхъ, самонадѣянность и увѣренность въ удачахъ, между тѣмъ какъ это не въ духѣ умнаго русскаго народа, что могутъ подтвердить многія народныя пословицы; напримѣръ, хоть: *не хвались идучи на рать, хвастливое слово—инило, не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ, идѣ сила, тамъ уму мошла* и т. п.

Подобная же хвастливость вошла въ рутину во всѣхъ нашихъ такъ называемыхъ русскихъ историческихъ драмахъ и составляетъ смѣшную и вопіющую ихъ сторону.

Кромѣ того, въ трагедіи барона Розена попадаются странные анахронизмы относительно русскихъ понятій и нравовъ. Вотъ доказательство тому: Прозоровскій говоритъ своей женѣ, что она—

«*Умильная* (?) подательница счастья,
Въ невѣстахъ ангелъ—ангелъ и въ женахъ!»

Русскому человѣку XVI вѣка никогда и на умъ не могла взбрести подобная мысль; для него было бы непростительнымъ кощунствомъ женщину сравнивать съ ангеломъ. Стоитъ только вспомнить наше древнее понятіе о женщинѣ. Или, напримѣръ, княгиня Прозоровская упоминаетъ о *нашемъ древнемъ Полоцкѣ,* что̀ предполагаетъ въ ней знанія политической исторіи и географіи. Но это еще ничего! На 65-й страницѣ драмы, простыя псковскія бабы намекаютъ даже на эмансипацію женщинъ, какъ бы показывая этимъ, что они начитались Сенъ-Симона, отца Анфантена и Жоржъ-Санда. Далѣе Прозоровскій говоритъ Курбскому:

«Какой же демонъ въ глушь тебя завелъ,
Въ столь горькую, *трагическую* (!) крайность?

Русскіе того времени отродясь и не слышали слова: *трагедія.*

Въ заключеніе можно сказать, что трагедія барона Розена написана съ замѣчательнымъ и усидчивымъ изученіемъ. Все же остальное зависѣло не отъ доброй воли барона Розена, а отъ степени его внутреннихъ средствъ, необходимыхъ для художественныхъ произведеній.

118. * * *

Найдено мною въ рукописяхъ Добролюбова (бумаги Литерат. Фонда). Стихотвореніе относится къ закрытой въ январѣ 1858 г. московской газетѣ «Молва», о которой Добролюбовъ и потомъ упоминалъ не разъ, не желая ей простить той пестроты содержанія, которой былъ постояннымъ врагомъ. Разумѣется, написано не для печати въ то время.

М. Л.

Въ журнальной тьмѣ ярилась буря,
Графъ Панинъ Норову грозилъ [1]),
Съ усладой скаредной въ цензурѣ
Статейки Фрейгангъ холостилъ.

Средь кастрированныхъ собратій,
Тоща, безплодна, чуть жива,
Нося подъ юбкой куль проклятій,
Блуждала грустная «Молва».

Давно-ль при цензорѣ фонъ-Крузе [1])
Она безъ страха все врала?
Съ «Бесѣдой Русскою» въ союзѣ
Съ Байбородой [2]) войну вела.

Давно ли Константинъ Аксаковъ
Въ передовыхъ ея статьяхъ,
Уча насъ вспять ходить, какъ раковъ,
Твердилъ: зипунъ и Божій страхъ?

Но охъ! зачѣмъ вы помѣстили
Статейку: «Публика—народъ»!
Себя лишь Крузе вы лишили
И нѣтъ теперь вамъ прежнихъ льготъ [3]).

«Молва» гласитъ: о, Крузе милый,
О, Норовъ, скаредный хромецъ,
Безъ Крузе свѣтъ мнѣ сталъ могилой,
Безъ Крузе гибну я въ конецъ.

Да, гибну я: такихъ ударовъ
Перенести не стало силъ,—
Ужасный господинъ Гиляровъ
На мѣсто Крузе поступилъ.

---

119. Сочиненія Пушкина.

Седьмой, дополнительный томъ. Изданіе *П. В. Анненкова.* Спб. 1857.

Напечатано въ 1 кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 3 января).

Читателю, конечно, ясно, почему Добролюбовъ обратилъ такое вниманіе на Радищева: это было знамя, это было имя, дорогое для всѣхъ, кто ждалъ свободы въ цѣпяхъ рабства. Надо было остеречь публику отъ подчиненія взгляду Пушкина.

Добролюбовъ очень остроумно вскрываетъ противорѣчія Пушкина въ его статьѣ о Радищевѣ.

Въ настоящее время предполагаютъ, что отрицательное отношеніе Пушкина къ Радищеву въ значительной мѣрѣ объясняется желаніемъ его провести статью сквозь цензуру. Но это ему не удалось. Искреннее мнѣніе его о Радищевѣ высказано въ одномъ изъ стиховъ «Памятника» (1836 годъ):

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
. . . . . .
Что, *вслѣдъ Радищеву,* возславилъ я свободу.

Но, конечно, кое въ чемъ Пушкинъ и искренно не соглашался съ Радищевымъ, по причинѣ своихъ общественныхъ убѣжденій полосы 1830-хъ годовъ. Сухомлиновъ, высказалъ, повидимому, вѣрное предположеніе, что Пушкинъ, нападая на Радищева и его «полу-просвѣщеніе», цѣлилъ въ Николая Полевого, съ которымъ велъ тогда сердитую полемику (Сухомлиновъ, «А. Н. Радишевъ», стр. 117 и слѣд.).

---

[1]) Министръ юстиціи гр. Н. И. Панинъ, ярый реакціонеръ, упрекалъ министра народнаго просвѣщенія, Норова, въ поблажкахъ прессѣ.

[1]) Цензоръ Н. Ѳ. фонъ-Крузе дѣлалъ, что̀ могъ, для облегченія условій работы московской прессы.

[2]) Байборода—псевдонимъ Каткова и Леонтьева въ «Рус. Вѣстникѣ».

[3]) Послѣ напечатанія статьи К. Аксакова: «Опытъ синонимовъ. Публика—Народъ» («Молва», 1857 г., № 36), «Молва» немедленно была передана цензору Гилярову-Платонову, а потомъ, съ выходомъ № 38, и совсѣмъ запрещена.

Собственно политическіе и общественные взгляды Пушкина Добролюбовъ объясняетъ совершенно ошибочно. Теперь уже достаточно извѣстно, что великій поэтъ искренно былъ, и что самое главное—и хотѣлъ быть, «идеологомъ дворянства», но эта позиція совершенно не мѣшала,—наоборотъ, она была причиной его ненависти къ бюрократіи. А потому Добролюбовъ ошибается, видя въ Пушкинѣ «странное бореніе» и «двойственность» именно тамъ, гдѣ у Пушкина была безусловная цѣльность.

Ошибка Добролюбова по существу объясняется тѣмъ, что тогда, въ 1858 году, вопросъ о соціальныхъ, политическихъ и эстетическихъ взглядахъ Пушкина былъ еще мало разработанъ, вѣрнѣе, пожалуй—и совсѣмъ не разработанъ.

Въ этомъ отношеніи я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Иванова-Разумника. Ведя борьбу съ аристократической бюрократіей, Пушкинъ видѣлъ въ ней носительницу идеаловъ эпохи и системы офиціальнаго мѣщанства. А потому, противопоставляя этой группѣ личность, тѣмъ самымъ объявлялъ войну съ мѣщанствомъ, захватившимъ всю жизнь. Ведя борьбу, Пушкинъ хотѣлъ найти оружіе въ правахъ аристократіи рода, что, разумѣется, было очень большой ошибкой, но ошибкой, понятной только для насъ, а не для него и его современниковъ. Идеалъ Пушкина—аристократическая олигархія, самое существованіе которой, по его мнѣнію, было бы достаточной гарантіей общей независимости. Бюрократическая аристократія—это parvenu-оселъ, лягающій демократическимъ копытомъ геральдическаго льва; къ этой высшей бюрократіи Пушкинъ былъ безпощаденъ (*Иванов-Разумникъ*, «Исторія русской общественной мысли», изд. 2-е, т. I, стр. 150—152).

Настоящая замѣтка, конечно, могла бы быть значительно увеличена, но, поставивъ ее въ связь съ нѣсколькими выносками въ текстѣ, я не считаю нужнымъ больше распространяться, такъ какъ моя цѣль—только остеречь мало подготовленнаго читателя отъ безусловнаго примыканія къ точкѣ зрѣнія Добролюбова на Пушкина-гражданина.

М. Л.

Всѣ еще помнятъ, вѣроятно, какой живой восторгъ возбудило, три года тому назадъ, во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина, подъ редакціею г. Анненкова. Послѣ вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или за восемь лѣтъ передъ тѣмъ [1]), это изданіе, дѣйствительно, было событіемъ, не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ вождей ея просвѣщенія, давно уже пламенно желали новаго изданія его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили предпріятіе г. Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ, память Пушкина какъ-будто еще разъ повѣяла жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены. Вслѣдъ за Пушкинымъ вышло второе изданіе «Мертвыхъ душъ», потомъ второй томъ ихъ, затѣмъ полное изданіе Гоголя, потомъ изданіе Кольцова съ біографіей его, написанною Бѣлинскимъ... [2]). Впрочемъ, нечего и перечислять столь недавніе и общеизвѣстные факты; довольно сказать, что со времени изданія Пушкина, первые томы котораго вышли въ началѣ 1855 года, наша литература оживилась весьма замѣтно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелыя событія, сопряженныя съ войною. Послѣдствія показали, впрочемъ, что эти самыя бѣдствія имѣли весьма полезное значеніе для нашего умственнаго совершенствованія: они заставили насъ и дали намъ возможность получше разсмотрѣть самихъ себя, пооткровеннѣе сообщить другъ другу свои замѣчанія, побольше обратить вниманія на свои недостатки. Литература тотчасъ же явилась у насъ выразительницею общественнаго движенія, и ея дѣятели одушевились сознаніемъ важности своего долга, любовью къ дѣлу, горячимъ желаніемъ любви и правды. Это одушевленіе, при новомъ положеніи литературы, скоро выразилось рѣшительно во всемъ, даже въ библіографіи, бывшей у насъ долгое время безплоднымъ занятіемъ праздно-любцевъ, для развлеченія ихъ скуки. Въ прежнее время библіографы наши подбирали факты ничтожные, спорили объ обстоятельствахъ пустыхъ, занимались часто рѣшеніемъ вопросовъ ни къ чему не ведущихъ. Мы помнимъ за послѣднія десять лѣтъ множество статеекъ, написанныхъ даже людьми дѣльными и почтенными, но пускавшимися въ такія ненужныя мелочи и дѣлавшими при этомъ такія наивныя ошибки, что со стороны становилось, наконецъ, досадно, хотя и забавно, смотрѣть на трудолюбивыхъ библіографовъ. И замѣчательно, что цѣлыми годами труда самаго копотливаго—не добывалось тогда ровно никакихъ результатовъ: публику душили

[1]) Намекъ на полосу особеннаго гоненія литературы Николаемъ I въ 1848—55 годахъ.

[2]) Рѣчь идетъ о 3-мъ изданіи 1857 г.

ссылками на №№ и страницы журналовъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, а она часто и не знала даже, о чемъ идетъ дѣло. Въ послѣднее время и библіографія перемѣнила свой характеръ: она обратила свое вниманіе на явленія, важныя почему-нибудь въ исторіи литературы, она старается въ своихъ поискахъ по архивамъ и библіотекамъ отыскать что-нибудь дѣйствительно интересное, и нерѣдко сообщаетъ читателямъ вещи, доселѣ бывшія вовсе неизвѣстными въ печати. Такъ, напримѣръ, недавно были напечатаны — «Сумасшедшій домъ» Воейкова, пародія Батюшкова на «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» и пр.; такъ, представлены были (въ запискахъ г. Лонгинова, въ «Сборникѣ» стдентовъ Спб. Университета) новыя интересныя свѣдѣнія о мартинистахъ, о Радищевѣ и Новиковѣ, и пр. Ставя это въ заслугу библіографамъ послѣднихъ лѣтъ, мы, разумѣется, вовсе не думаемъ этимъ унижать лично прежнихъ дѣятелей. На поприщѣ библіографіи и нынѣ подвизаются, большею частью, тѣ же лица, что и прежде, и, слѣдовательно, за нынѣшніе полезные труды упрекать ихъ въ прежнихъ безполезныхъ было бы съ нашей стороны совершенно несправедливо. Мы очень хорошо понимаемъ, что удача или неудача библіографа, въ сообщеніи читателямъ интересныхъ свѣдѣній, весьма часто не зависитъ отъ его воли. Онъ всегда радъ бы печатать все хорошее, но что же дѣлать, если не имѣетъ средствъ къ этому. Личности литературныхъ дѣятелей обвинять за это нельзя,—и мы хотимъ обратить вниманіе читателей на вопросъ именно съ той точки зрѣнія, что въ послѣднее время наша библіографія значительно расширилась въ своихъ предѣлахъ и средствахъ [1]).

Вышедшій нынѣ седьмой томъ Пушкина служитъ однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этого расширенія средствъ нашей библіографіи, особенно въ отношеніи къ возможности и легкости сообщать публикѣ свои находки. Правда, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи она еще и теперь далеко несовершенна, даже неудовлетворительна; но все же, какое сравненіе съ тѣмъ, что было прежде, и незадолго прежде! Мы помнимъ, какъ, лѣтъ пять тому незадъ, двое ученыхъ—старый и молодой—ожесточенно ратовали другъ противъ друга за то, какъ нужно произнести одинъ стихъ Пушкина: на четыре *стороны* или *сто́роны* [2]), помнимъ, какъ двое молодыхъ ученыхъ глумились другъ надъ другомъ изъ-за одного вздорнаго стихотворенія, съ подписью Д-гъ, не зная, кому приписать его—Дельвигу или Дальбергу [1]). Да мало ли, что можно вспомнить изъ этого времени въ томъ же безвредномъ родѣ, какъ-будто вызванномъ отчаяніемъ скуки. И ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдованій и открытій: г. Анненковъ взялъ просто рукописи Пушкина, да съ нихъ и печаталъ бо́льшую часть его стихотвореній: библіографическія справки также наведены имъ, кажется, почти совершенно независимо отъ указаній прежнихъ библіографовъ. Говоримъ это потому, что бо́льшая часть стихотвореній и отрывковъ, помѣщенныхъ въ VII томѣ, или является нынѣ въ первый разъ въ печати, или указана не ранѣе прошлаго года, въ «Библіографическихъ замѣткахъ» г. Лонгинова. Такъ, имъ указаны были пьесы: «На лирѣ скромной, благородной», «Когда средь оргій жизни шумной», «И нѣкій духъ повѣялъ невидимо» (отрывокъ), нѣсколько строфъ изъ Евгенія Онѣгина и другихъ стихотвореній, нѣсколько эпиграммъ и пр. Объ этихъ произведеніяхъ мы не станемъ говорить, потому что читатели «Современника», вѣроятно, помнятъ ихъ содержаніе или, по крайней мѣрѣ, характеръ. Изъ стихотвореній, напечатанныхъ нынѣ въ первый разъ, замѣчательны особенно два, относящіяся къ послѣднему времени жизни Пушкина: «Когда по городу задумчивъ я брожу» и «Когда великое свершалось торжество». Оба они напечатаны были въ прошедшей книжкѣ «Современника», и потому о нихъ мы тоже не станемъ распространяться. Изъ ранняго періода дѣятельности Пушкина напечатаны два превосходныхъ посланія къ

---

[1]) Это какъ бы успокоеніе библіографовъ, очень тогда гнѣвовавшихся на «Современникъ», что журналу было не особенно выгодно.

[2]) «Старый ученый» — Шевыревъ; «молодой ученый»—В. Гаевскій. Рѣчь идетъ объ ихъ полемикѣ—о статьѣ Гаевскаго въ № 5 «Отеч. Записокъ» 1854 г. (Замѣчаніе по поводу двухъ стиховъ въ «Борисѣ Годуновѣ») и отвѣтѣ Шевырева въ «Москвитянинѣ» 1854 г., т. IV, № 13 (Замѣчаніе на замѣчаніе по поводу двухъ стиховъ въ «Борисѣ Годуновѣ»). Дѣло было въ томъ, что Шевыревъ повидимому присочинилъ и приписалъ Пушкину слѣдующій (второй) стихъ въ пропущенной сценѣ изъ «Бориса Годунова»:

Міръ великъ: мнѣ путь дорога на четыре стороны
И куда костей проклятыхъ не заносятъ вороны.

Гаевскій возразилъ, что Пушкинъ не могъ бы риѳмовать *стороны* и *вороны*, а Шевыревъ доказывалъ, что здѣсь надо читать *сто́роны* и *во́роны*.

[1]) Двое молодыхъ ученыхъ — В. Гаевскій и Н. Тихонравовъ. Рѣчь идетъ объ ихъ статьяхъ: «Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига» (статья Гаевскаго въ «Отеч. Запискахъ» 1853 г., № 6) и «Разборъ библіографическихъ замѣтокъ г. Гаевскаго о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига» (статья Тихонравова въ «Отеч. Запискахъ» 1853 г., № 7).

аристарху [1]), силою и серьезностью мысли напоминающія посланіе «Лицинію», а по энергіи выраженія не уступающія лучшимъ ямбамъ Пушкина позднѣйшей эпохи. Чтобы яснѣе обрисовать характеръ выраженія пьесы, приведемъ изъ нея то мѣсто, гдѣ поэтъ опредѣляетъ обязанности своего аристарха (Пушкинъ, томъ VII, стр. 32).

«О, варваръ, кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный—
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ, ни мало не похвальный:
Парнассъ не монастырь и не гаремъ печальный,
И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ».

За этимъ стихомъ въ изданіи г. Анненкова перерывъ: вѣроятно, поэтъ допустилъ «нѣкоторые намеки на современныя лица и событія», отъ которыхъ издатель старался, по его словамъ, *очищать* пьесы Пушкина. Не знаемъ, до какой степени полезно это очищеніе, потому что не имѣемъ подъ руками полной пьесы, но думаемъ, что пьеса нисколько не потеряла бы своего художественнаго значенія, если бы была напечатана вполнѣ. Да если бы и такъ, то, все-таки, слѣдовало бы выпущенные въ пьесѣ стихи помѣстить хоть въ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, такъ какъ этого не сдѣлано, и, конечно, по уважительнымъ причинамъ, то мы обращаемся къ тому, что есть. Поэтъ продолжаетъ свое обращеніе къ аристарху:

«Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной
. . . . . [2]).
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры,
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
Наперсникъ «Душеньки» двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала,—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало,
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...»

За этимъ стихомъ, заключающимъ въ себѣ столь высокую и благородную мысль, опять находится у г. Анненкова перерывъ, тѣмъ болѣе досадный, что тутъ слѣдовали, вѣроятно, какія-нибудь подробности, которыя могли бы объяснить намъ нѣкоторые литературные взгляды Пушкина. Но тутъ издатель опять оставляетъ насъ въ недоумѣніи, и за послѣднимъ, приведеннымъ нами, стихомъ слѣдуютъ стихи, заключающіе въ себѣ возраженіе аристарха, выказывающее его личность въ нѣсколько комическомъ свѣтѣ.

«Все правда, скажешь ты,—не стану спорить съ вами.
Но можно ль мнѣ, друзья, по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю да крещусь,—марая неудачу.
На все есть мода, вкусъ. Бывали, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому-жъ жена и дѣти...»

Разсерженный этой репликою, поэтъ заключаетъ ее, съ своей стороны, слѣдующими стихами:

«Жена и дѣти, другъ, повѣрь,—большое зло;
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!»

Второе посланіе къ аристарху, писанное въ томъ же 1824 г. [1]), отличается уже тономъ гораздо болѣе умѣреннымъ. Тутъ Пушкинъ уже очень доволенъ тѣмъ, что аристархъ его разрѣшилъ завѣтные доселѣ эпитеты: *божественный*, *небесный*, въ приложеніи ихъ къ красотѣ,—и приписываетъ это благотворному вліянію Шишкова, «воспріявшаго тогда правленіе наукъ». Стихи: «Сей старецъ дорогъ намъ» и пр., находятся въ этомъ посланіи. Мысли обоихъ посланій интересно сличить, между прочимъ, съ позднѣйшими «Мыслями о цензурѣ», чтобы видѣть, какимъ образомъ Пушкинъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе умѣренности въ сужденіяхъ объ общественныхъ вопросахъ.

Въ VII томѣ являются также въ первый разъ довольно полные отрывки изъ «Моей родословной» (1830 г.); но и здѣсь она напечатана не вполнѣ, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ выкинуты нѣкоторые стихи изъ посланій къ аристарху.

---

[1]) У Пушкина есть посланіе «Моему Аристарху» (1815 г., профессору Кошанскому), не имѣющее ничего общаго съ «Первымъ посланіемъ къ цензору» (Бируковъ) и «Вторымъ посланіемъ къ цензору» (1822 и 1824 гг.). Анненкову «цензора» пришлось замѣнить «Аристархомъ».

[2]) Въ этомъ мѣстѣ цензура вычеркнула два стиха:

Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ—два равныя лица.

[1]) Это ошибка не Добролюбова, а Анненкова, отнесшаго оба посланія къ 1824 году; позже П. О. Морозовъ доказалъ, что первое относится къ 1822 году.

Но нѣкоторые изъ выпущенныхъ стиховъ едва ли могли бы вредить пьесѣ въ какомъ-нибудь отношеніи.

Вообще, мы не понимаемъ, отчего до сихъ поръ не печатались многія изъ стихотвореній Пушкина, давно извѣстныя въ рукописяхъ и не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго. Ихъ бы тѣмъ скорѣе слѣдовало напечатать, что ихъ вѣдь ужъ знаютъ почти наизусть всѣ почитатели Пушкина. Напримѣръ, зачѣмъ не напечатаны многія литературныя эпиграммы? Мы не хотимъ подозрѣвать издателя въ согласіи съ мнѣніями «Сѣверной Пчелы» и фельетонистовъ «Русскаго Инвалида»; но, все-таки, не можемъ не замѣтить, что въ изданіи напрасно сдѣлана эта уступка мнѣніямъ нѣкоторыхъ господъ, которые боятся, чтобы не помрачилась память Пушкина отъ напечатанія его эпиграммъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» недавно помѣщена была благодарность «Инвалиду» за его брань на эпиграммы. Къ этой благодарности «Пчела» отъ себя прибавляетъ сравненіе эпиграммъ и полемическихъ статей Пушкина съ доносомъ Ломоносова на Миллера (хотя еще неизвѣстно, кто, въ отношеніяхъ Булгарина и Пушкина, болѣе приближался къ Ломоносовскому образу дѣйствій), и весьма замысловато замѣчаетъ, что отъ обнародованія этого доноса гораздо болѣе проигралъ въ мнѣніи публики Ломоносовъ, нежели Миллеръ. Изъ этого ясно должно быть выведено заключеніе, что и отъ изданія полемики Пушкина гораздо больше проиграетъ онъ самъ, нежели гг. Гречъ и Булгаринъ. Такъ думаетъ «Сѣверная Пчела» и осыпаетъ г. Анненкова укоризнами. Спрашивается теперь, къ чему же послужила деликатность г. Анненкова, вездѣ выставившаго только заглавныя буквы именъ тѣхъ, на кого нападалъ Пушкинъ, и даже вмѣсто «Видокъ Фигляринъ» поставившаго только В. Ф.? [1]). Совершенно напрасно думалъ издатель, что гг. Гречъ и Булгаринъ сконфузятся отъ напоминанія о томъ, какъ честилъ ихъ Пушкинъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило взять одно изъ изданій, выходившихъ подъ редакціею сихъ двухъ журналистовъ во время Пушкина. Не говоря о пошлой брани, расточавшейся тамъ великому поэту, мы нашли бы тамъ, что гг. Булгаринъ и Гречъ все умѣютъ растолковать въ свою пользу!.. Недаромъ же г. Булгаринъ столько лѣтъ подвизался на поприщѣ журнальномъ вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ; недаромъ же про него и аллегорія была сложена, что онъ владѣлъ нѣкогда мечемъ обоюдуострымъ. Нѣтъ, совершенно напрасно было церемониться съ тѣми господами, которые сами не церемонились съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Намъ могутъ сказать, что о гг. Гречѣ и Булгаринѣ лучше не говорить, потому что участь ихъ въ литературѣ уже рѣшена... Пусть имя ихъ своею смертію умретъ; пусть ихъ писательская дѣятельность не донесется до потомства, невзирая на то, что ими самими многократно чужая дѣятельность доносима была до свѣдѣнія любителей въ ихъ разборахъ, и еще большею частію въ искаженномъ видѣ... [1]). Это все такъ, и въ литературномъ ничтожествѣ гг. Булгарина и Греча мы нисколько не сомнѣваемся. Но вѣдь объявляютъ же они сами о себѣ,—объявляетъ же, вѣроятно въ трехсотый разъ, книгопродавецъ Лисенковъ о томъ, что у него *поступили въ продажу* или *могутъ быть получаемы* сочиненія Ѳ. В. Булгарина,—(вышедшія лѣтъ 20 тому назадъ,—о чемъ, впрочемъ, объявленіе благоразумно умалчиваетъ)... Напоминаютъ же они о себѣ; отчего же и намъ не напомнить имъ кое-чего? Въ полемику, разумѣется, съ ними никто ужъ вступать не будетъ. Что для нихъ могли бы значить скромные, деликатные намеки и упреки новѣйшаго времени, когда яркія, живыя, энергическія, убійственно-остроумныя статьи Ѳеофилакта Косичкина [2]) не могли устыдить ихъ. Имъ сказали, что напрасно они пренебрегаютъ Александромъ Анѳимовичемъ Орловымъ, который ничуть не хуже ихъ, а г. Гречъ возразилъ на это, что въ мизинчикѣ г. Булгарина гораздо больше ума, чѣмъ въ головахъ многихъ рецензентовъ!.. Зато и досталось имъ за этотъ мизинчикъ... Жаль только, что «настоящій Выжигинъ», обѣщанный Пушкинымъ въ концѣ статьи о мизинчикѣ,—не появился въ свѣтъ. Тамъ, вѣроятно, интересны были бы въ литературномъ отношеніи многія главы, особенно VIII и XV.

Изъ другихъ полемическихъ статей, напечатанныхъ въ VII томѣ, интересенъ «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», съ неподражаемымъ юморомъ разсказывающій исторію о томъ, какъ г. Каченовскій «принималъ другія (нелитературныя) мѣры» противъ игриваго произвола Полевого, «бывъ

---

[1]) «Видокомъ», именемъ французскаго сыщика, Булгарина назвалъ Пушкинъ; Фигляринымъ—кн. Вяземскій; потомъ Пушкинъ слилъ оба слова въ одно прозвище.

[1]) Намекъ на доносы Греча и Булгарина III Отдѣленію Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Интересующіеся этою стороною дѣятельности названныхъ столповъ николаевской журналистики найдутъ много любопытнаго фактическаго матеріала въ моей книгѣ: «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.», изд. 2-е.

[2]) Псевдонимъ Пушкина.

увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ г. Каченовскій имѣлъ счастіе продолжать оную». Исторія была въ самомъ дѣлѣ забавна, и положеніе почтеннаго профессора крайне незавидно: Пушкинъ скромно и спокойно, но совершенно ясно успѣлъ изобразить дѣйствія Михаила Трофимовича [1]) такъ, что для публики не могло оставаться насчетъ ихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, особенно при помощи ядовитой эпиграммы: «Обиженный журналами жестоко», которая появилась въ то же время.

Изъ статей историческихъ въ VII томъ вошли двѣ записки Пушкина, составленныя имъ только какъ матеріалъ для обработки: «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго» и «О камчатскихъ дѣлахъ». Обѣ онѣ впервые являются теперь въ печати. Точно также впервые напечатана статья Пушкина о Радищевѣ, совершенно конченная и отдѣланная. Относительно этой статьи мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что она принадлежитъ къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ незадолго до его кончины.— Въ этой статьѣ мы видимъ взглядъ весьма поверхностный и пристрастный. Пушкинъ увлекся здѣсь мыслью единственно о прямодушіи, необходимомъ въ авторскомъ дѣлѣ, и понялъ все дѣло односторонне. Онъ никакъ не хотѣлъ отдѣлить *преступленія печати*, совершоннаго Радищевымъ въ молодости, отъ всей его послѣдующей жизни. Стараясь видѣть въ Радищевѣ полу-невѣжду и полу-негодяя, Пушкинъ нерѣдко впадаетъ даже въ противорѣчія съ самимъ собою. Въ концѣ статьи онъ говоритъ о немъ съ рѣзкостью, какую рѣдко позволялъ себѣ: «Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе предъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему,—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ». Такой приговоръ слишкомъ жестокъ, и эпитеты—слабоумнаго, невѣжественнаго, слѣпого—слишкомъ положительны, чтобы можно было ожидать отъ Пушкина высокаго мнѣнія объ умѣ Радищева. Несмотря на то, мы находимъ, что Пушкинъ, упрекая Радищева за его книгу, говоритъ, что онъ могъ бы лучше прямо представить правительству свои соображенія, потому что оно всегда «чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ»; такимъ образомъ, поэтъ не отказывается поставить въ число людей «просвѣщенныхъ и мыслящихъ» этого человѣка, которому самъ же приписалъ невѣжество, слабоуміе, поверхностность и пр. Это непослѣдовательно. Или нужно было признать Радищева человѣкомъ даровитымъ и просвѣщеннымъ, и тогда можно отъ него требовать того, чего требуетъ Пушкинъ; или видѣть въ немъ до конца слабоумнаго представителя полупросвѣщенія и тогда совершенно [неумѣстно замѣчать, что лучше бы ему, вмѣсто «брани, указать на благо, которое Верховная власть можетъ сдѣлать, представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ, потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы, съ одной стороны, сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной»] [1]). Зачѣмъ такія высокія требованія отъ человѣка, въ которомъ, тремя строками выше, не признается ничего, кромѣ невѣжества, слабоумія и проч.,—что толковать съ такимъ человѣкомъ?.. Зачѣмъ укорять его, что онъ не сдѣлалъ того, чего мы хотимъ, если мы сами признаемъ, что онъ не могъ этого сдѣлать?.. Но Пушкинъ не одинъ только разъ впадаетъ въ такую ошибку. Въ другомъ мѣстѣ онъ старается оправдать Радищева въ томъ, что онъ подъ старость «перемѣнилъ образъ мыслей и не питалъ уже въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему». Отъ какого же обвиненія оправдываетъ онъ Радищева? Конечно, ужъ не отъ обвиненія въ томъ, что онъ оставилъ свою злобу; само по себѣ, это обстоятельство должно было представляться Пушкину очень похвальнымъ. Оправданіе здѣсь возможно было для Пушкина только въ отношеніи къ самому факту *перемѣны* мнѣній. Но стоило ли оправдывать перемѣну мнѣній въ человѣкѣ, который отличается только «*слѣпымъ* пристрастіемъ къ новизнѣ, *поверхностными* свѣдѣніями, *наобумъ* приноровленными ко всему»? Такой человѣкъ, разумѣется, долженъ мѣнять свои мнѣнія тотчасъ, какъ только проходитъ мода на нихъ. Не забудьте, что онъ *слѣпо* увлекается всѣмъ новымъ, не мыслитъ самъ, а только *наобумъ*

[1]) Каченовскаго.

[1]) неумѣстны тѣ требованія, какія высказываетъ Пушкинъ. Онъ хочетъ отъ Радищева очень многаго, онъ требуетъ такихъ вещей, какихъ можно ожидать только отъ человѣка умнаго и просвѣщеннаго.

приноровляетъ ко всему свои поверхностныя свѣдѣнія. Но Пушкинъ считаетъ нужнымъ оправдывать перемѣну Радищева, слѣдовательно, тѣмъ самымъ признаетъ въ немъ искренніе и честные убѣжденія, оставленіе которыхъ можетъ бросать тѣнь на самый характеръ человѣка. Еще яснѣе выражается, безъ вѣдома автора, уваженіе его къ Радищеву, въ самомъ оправданіи, рѣшительно противорѣчащемъ строгому приговору, произнесенному относительно всей дѣятельности этого человѣка вообще. «Время измѣняетъ человѣка,— говоритъ Пушкинъ. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ (слѣдовательно, Радищевъ не былъ глупъ, не былъ невѣжественнымъ представителемъ полупросвѣщенія, а постоянно развивался и пользовался опытами времени). Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время *ужаса?* (слѣдовательно, онъ не *слѣпо* увлекался всѣмъ новымъ). Могъ ли онъ безъ омерзѣнія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? [(гдѣ же тутъ слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ?)] [1]). Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра» (значитъ ли это, что онъ наобумъ примѣнялъ ко всему свои поверхностныя свѣдѣнія?..). Выразивши такимъ образомъ, противъ воли, высокія понятія о Радищевѣ, котораго непремѣнно хочетъ выставить съ дурной стороны, поэтъ-критикъ разсказываетъ вслѣдъ затѣмъ смерть Радищева и поводъ къ ней, съ явнымъ желаніемъ и тутъ осудить его. Дѣло происходило такимъ образомъ. Императоръ Александръ, по вступленіи на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, замѣтивши въ сочинителѣ «Путешествія» «отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды», опредѣлилъ его въ Комиссію Составленія Законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Радищевъ исполнилъ это со всею откровенностью и смѣлостью своихъ задушевныхъ убѣжденій. Начальникъ, которому принесъ онъ свой проектъ, замѣтилъ ему: «Эхъ, Александръ Николаевичъ! охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?»—Видя, что убѣжденія его принимаются такимъ образомъ, Радищевъ глубоко оскорбился и, пришедши домой, отравилъ себя. Разсказывая эту исторію, Пушкинъ, какъ бы съ намѣреніемъ кольнуть Радищева, замѣчаетъ, что авторъ «Путешествія» вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ». Объ этомъ обстоятельствѣ, вѣроятно, забылъ Пушкинъ, когда высказалъ свое требованіе, чтобы Радищевъ вмѣсто брани, представилъ лучше свои соображенія и пр. Несчастный авторъ, вѣрно, зналъ себя и обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, гораздо лучше, нежели его безпощадный критикъ.

Въ заключеніе своей статьи, авторъ спрашиваетъ: «чего именно желалъ Радищевъ?» И говоритъ за него: «на сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно», то-есть, по мнѣнію Пушкина, несчастный авторъ, печатая свое «Путешествіе», самъ не понималъ, къ чему онъ это дѣлаетъ, [и не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли.] Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, справедливо ли это мнѣніе само по себѣ, но замѣтимъ, что такое сужденіе противорѣчитъ другому мѣсту той же самой статьи, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ, *политическаго фанатика*, [заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». Если онъ былъ фанатикомъ, только заблуждающимся въ своихъ стремленіяхъ, то, значитъ, все-таки, у него была же какая-нибудь цѣль, къ которой онъ стремился] [1]). Фанатизмъ непремѣнно долженъ привязываться къ какому-нибудь предмету, и намъ кажется, что невозможно представить себѣ фанатика, который бы не зналъ, чѣмъ онъ увлекается. Возможно ли примирить сужденія Пушкина, что Радищевъ былъ политическимъ фанатикомъ и чтобы, несмотря на то, онъ не могъ отвѣчать на вопросъ: чего желаетъ онъ?

Вообще нужно замѣтить, что статья о Радищевѣ любопытна какъ фактъ, показывающій, до чего можетъ дойти умъ живой и свѣтлый, когда онъ хочетъ непремѣнно подвести себя подъ извѣстныя, заранѣе принятыя опредѣленія. Въ частныхъ сужденіяхъ, въ фактахъ, представленныхъ въ отдѣльности, постоянно виденъ живой, умный взглядъ Пушкина; но общая мысль, которую доказать онъ поставилъ себѣ задачей, ложна, неопредѣленна и постоянно вызываетъ его на сбивчивыя и противорѣ-

[1]) Слѣдовательно, онъ не всему изумлялся слабоумно въ своемъ вѣкѣ, а признавалъ дурными нѣкоторыя его явленія.

[1]) Замѣтимъ на это, что фанатизмъ и т. д.

чащія фразы. Къ сожалѣнію, статья о Радищевѣ представляетъ не единственный примѣръ подобнаго несправедливаго увлеченія. Онъ составилъ себѣ кругъ идей, которыя уже были для него неприкосновенны [въ своей святынѣ], хотя бы даже несправедливость ихъ и была очевидна. Онъ уже восклицаетъ:

«Да будетъ проклятъ правды гласъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно».

Проклиная правду, когда она благопріятна была для посредственности, и наивно признаваясь въ этомъ, поэтъ, разумѣется, старался поддерживать въ себѣ всякій обманъ, казавшійся ему благороднымъ и возвышеннымъ. «Насъ возвышающій обманъ» былъ для него, дѣйствительно, дороже тьмы *низкихъ* истинъ. Въ раздѣленіи истинъ, на низкія и высокія, опять отражалось, разумѣется, вліяніе старой реторической школы, допускавшей еще и *среднія* истины, такъ же точно, какъ допускала она высокій, средній и низкій слогъ. И Пушкинъ, при всемъ своемъ презрѣніи къ реторической школѣ, не могъ отъ нея освободиться въ этомъ случаѣ, и въ послѣднее время жизни, вмѣстѣ съ полнымъ обращеніемъ его къ чистой художественности, усилилось въ немъ и пристрастіе къ нѣкоторымъ исключительнымъ истинамъ, соединенное съ отвращеніемъ отъ другихъ. Онъ уже заглушалъ въ себѣ нѣкоторые изъ прежнихъ сердечныхъ звуковъ, называя ихъ дѣйствіемъ безумства, лѣни и страстей; онъ уже позволилъ себѣ въ одномъ стихотвореніи назвать наглецомъ Наполеона, о которомъ самъ писалъ за 10 лѣтъ: «да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто безумнымъ омрачитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь» [1]). Прежнія задушевныя мечты высказывались теперь уже тономъ шутливымъ и даже насмѣшливымъ, а то, что въ молодости вызывало насмѣшки, теперь пробуждало въ поэтѣ благоговѣйное умиленіе. Прежде писалъ онъ къ одному изъ друзей гордое посланіе (не напечатанное почему-то у г. Анненкова), въ которомъ повѣрялъ другу свои надежды и мечты о славѣ пророка[-обличителя земли своей], а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ писалъ:

«Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена» [1]).

Немудрено, что при такомъ расположеніи ему очень не нравилось все, что мѣшало лѣни и тишинѣ, [и что по этому случаю Радищевъ заслужилъ особенное его нерасположеніе].

Впрочемъ, здравый природный умъ предохранялъ Пушкина отъ излишнихъ крайностей въ принятомъ имъ направленіи, и, при всемъ недостаткѣ серьезнаго образованія, онъ умѣлъ понимать ошибки людей, заходившихъ слишкомъ далеко въ примѣненіи тѣхъ началъ, вѣрности которыхъ онъ самъ, повидимому, вполнѣ довѣрялъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ ясное подтвержденіе того, что направленіе, принятое Пушкинымъ въ послѣдніе годы, вовсе не исходило изъ естественныхъ потребностей души его, а было только слѣдствіемъ слабости характера, не имѣвшаго внутренней опоры въ серьезныхъ, независимо развившихся убѣжденіяхъ, [и потому скоро павшаго отъ утомленія въ борьбѣ съ внѣшними враждебными вліяніями]. Отъ того то, въ послѣдніе годы его жизни, мы видимъ въ немъ какое-то странное бореніе, какую-то двойственность, которую можно объяснить только тѣмъ, что, несмотря на желаніе успокоить въ себѣ сомнѣнія, проникнуться какъ можно полнѣе заданнымъ направленіемъ,—все-таки, онъ не могъ освободиться отъ живыхъ порывовъ молодости, отъ гордыхъ, независимыхъ стремленій прежнихъ лѣтъ. До сихъ поръ въ печати извѣстны были почти только тѣ произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина, въ которыхъ выражалось, болѣе или менѣе ярко, направленіе, господствовавшее въ немъ въ эти послѣдніе годы. Нынѣ изданный дополнительный томъ сообщаетъ много произведеній совершенно противоположнаго характера, и они-то доказываютъ, что Пушкинъ и предъ концомъ своей жизни далеко еще не всей душою преданъ былъ тому направленію, которое принялъ, повидимому, такъ пламенно, которое зато произвело охла-

---

[1]) Добролюбовъ говоритъ о стихѣ изъ «Клеветникамъ Россіи»:

Мы не признали *наглой воли*
Того, предъ кѣмъ дрожали вы.

[1]) «Прежде писалъ онъ»...—относится Добролюбовымъ къ стихотворенію Пушкина *1818 г.* «Къ Чаадаеву» (начинается: «Любви, надежды, гордой славы не долго тѣшилъ насъ обманъ» и кончается знаменитыми: «Россія вспрянетъ ото сна, и на обломкахъ самовластья напишетъ наши имена). «Черезъ нѣсколько лѣтъ»—относится къ стихотворенію *1820 г.* «Чаадаеву», откуда Добролюбовъ и приводитъ цитату. Отсюда видно, что Добролюбовъ ошибался, относя это послѣднее стихотвореніе къ періоду «лѣни и тишины» и заявляя, что «по этому случаю Радищевъ заслужилъ особенное его нерасположеніе». Сопоставлять это нельзя, такъ какъ «Чаадаеву» — было написано въ *1820 г.*, въ эпоху этого «либерализма» Пушкина, а статья о Радищевѣ—въ *1830 г.*

жденіе къ нему въ лучшей части его почитателей. Извѣстно, напр., что въ послѣднее время въ немъ особенно сильно развились генеалогическіе предразсудки; но нынѣ напечатанное стихотвореніе: «Когда по городу задумчивъ я хожу» обнаруживаетъ воззрѣніе совершенно чистое, равно какъ и нѣкоторые стихи пьесы, озаглавленной «Изъ VI Пиндемонте» и написанной такъ же, какъ и «Кладбище», въ 1836 г. Въ ней есть, между прочимъ, такіе стихи:

«Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать... другъ съ другомъ воевать...
...Иныя, лучшія мнѣ дороги права!
. . . . . Никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать...
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи...
...Вотъ счастье! вотъ права!...»

Извѣстно также, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, и чѣмъ позже, тѣмъ ярче, [постоянно высказывалось чрезмѣрное уваженіе къ штыку и презрѣніе къ оружію слова. Судя по знаменитому стиху: «Кому вѣнецъ? мечу иль крику?» предполагали, не безъ основанія, что Пушкинъ рѣшительно не признавалъ силы убѣжденія] [1]), между тѣмъ, напечатанныя нынѣ статьи его [о Радищевѣ] о мнѣніи г. Лобанова [о нападкахъ на дворянство] [2]) доказываютъ, что онъ придавалъ очень большое значеніе—не только вообще литературѣ, но даже и тѣмъ памфлетическимъ возгласамъ, которые именно можно назвать крикомъ. [Слѣдовательно, до конца жизни онъ не былъ рѣшительнымъ, слѣпымъ поклонникомъ грубой силы, не оживленной разумностью].

Въ послѣднее время Пушкинъ окончательно также склонился, повидимому, [къ той мысли, что] [3]) для исправленія людей [нужны «бичи, темницы, топоры», а не сила слова, не сатира, не литературное обличеніе] [4]). Онъ отталкивалъ отъ себя [общественные вопросы жестокимъ восклицаніемъ] [1])

«Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?...»

Но нынѣ, въ VII томѣ, напечатано его стихотвореніе, въ которомъ онъ самъ хочетъ приняться за сатиру и клеймитъ пороки. Стихотвореніе это написано въ 1830 году, слѣдовательно, въ то же время, какъ и пресловутая «Чернь». Начинается это стихотвореніе такъ:

«О, муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличъ»,

а оканчивается:

«О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!..»

Поэтъ, какъ мы знаемъ, не исполнилъ своего предположенія; но уже самое намѣреніе его служитъ лучшимъ опроверженіемъ мыслей, высказанныхъ въ «Черни» и [увлекшихъ многихъ силою своего выраженія] [с]).

Въ отношеніи къ сужденіямъ о нѣкоторыхъ литературныхъ явленіяхъ, Пушкинъ тоже является не всегда вѣренъ самому себѣ. Боязливая попечительность о соблюденіи нравственности, похожая на заботу жены Платона Михайлыча о здоровьи своего мужа, въ «Горе отъ ума», все больше и больше овладѣвала Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ изданія «Записокъ палача Самсона» и говорилъ, что слѣдовало бы запретить ихъ. Но онъ же, въ послѣдній годъ своей жизни, очень энергически возсталъ противъ г. Лобанова, когда сей академикъ произнесъ въ Академіи рѣчь «о нелѣпости и безнравіи» современной литературы, и говорилъ, что «по множеству сочиненныхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензура должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ», и что Академія должна ей помогать въ этомъ, «яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка», т.-е. для того, чтобы «неослабло обнаруживать, поражать и разрушать зло» на поприщѣ словесности. Пушкинъ возражалъ на это слѣдующей репликой, которая также напечатана въ изданномъ нынѣ томѣ, и которую мы считаемъ нелишнимъ выписать для того, чтобы показать, что и въ самыхъ уклоненіяхъ своихъ отъ здравыхъ идей, въ

---

[1]) высказывалось направленіе громозвучной поэзіи, которое такъ сильно было въ нашихъ поэтахъ прошедшаго столѣтія. Онъ восхищался побѣдами, славою оружія, но мало выказывалъ уваженія къ оружію слова. Были такіе изъ тогдашнихъ критиковъ Пушкина, которые, опираясь на его знаменитый стихъ: «кому вѣнецъ — мечу иль крику», утверждали даже, что Пушкинъ вовсе не признавалъ силы литературнаго убѣжденія.

[2]) «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей» и пр.

[3]) къ чистой художественности, полагая, что сила слова, сатира, литературное обличеніе ничтожны

[4]) что для этого нужны другія, болѣе сильныя средства.

[1]) всѣ практическія притязанія толпы словами:

[2]) доселѣ приводимыхъ приверженцами чистой художественности для подтвержденія ихъ мнѣній.

самомъ подчиненіи рутинѣ Пушкинъ не доходилъ никогда до обскурантизма и даже поражалъ, когда могъ, обскурантизмъ другихъ. Вотъ его мысли, опровергающія г. Лобанова.

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухитряющіеся испровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? и можно ли упрекать у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна *проникать всю ухищренія пишущихъ*. Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, *и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону*. (Уставъ о цензурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону» (т. VII, стр. 109, второй нумераціи).

Мы коснулись всего, наиболѣе замѣчательнаго въ дополнительномъ томѣ сочиненій Пушкина. О литературныхъ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ концѣ тома, сказать нечего; они интересны только въ томъ отношеніи, въ какомъ «всякая строка всякаго великаго писателя интересна для потомства». Читая ихъ, мы можемъ припоминать знакомыя черты, знакомые пріемы любимаго поэта; но подобные отрывки не подлежатъ критическому разбору.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Оно аккуратно попрежнему; опечатокъ значительныхъ немного: въ правописаніи сохраняются своенравныя ошибки Пушкина (такъ, напримѣръ: писатель, отечество—печатаются съ большой буквы, а Горацій—съ маленькой); при каждой статьѣ находятся примѣчанія, большею частію библіографическія; въ концѣ тома приложены: алфавитный указатель всѣхъ сочиненій Пушкина, помѣщенныхъ въ семи томахъ изданія г. Анненкова, и подробный указатель къ матеріаламъ для біографіи Пушкина, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ того же изданія. Этотъ послѣдній указатель значительно облегчаетъ пользованіе матеріалами, которое до сихъ поръ было нѣсколько затруднительно, по недостатку раздѣленія ихъ на главы. Теперь, съ изданіемъ VII тома Пушкина, дѣло г. Анненкова кончено, и всякій любитель литературы, кромѣ развѣ людей, сочувствующихъ издателямъ «Сѣверной Пчелы», почтитъ, конечно, искренней благодарностью его труды по изданію нашего великаго поэта, какъ истинную заслугу предъ русской литературой и обществомъ.

---

120. Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ.

Составилъ Санктпетербургской Духовной Семинаріи профессоръ магистръ *Михаилъ Архангельскій*. Спб. 1857 г.

Напечатано въ I кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 9 января).

Въ пятидесятыхъ годахъ, какъ и долго потомъ, учебники нашей школы не были простымъ свободнымъ соревнованіемъ: издавалось только то, что имѣло за собой уже заранѣе обезпеченную монополію сбыта въ школахъ того или другого вѣдомства. Поэтому, понятно, почему Добролюбовъ такъ болѣе или менѣе подробно остановился на вздорномъ учебникѣ Архангельскаго: его надо было скомпрометтировать въ глазахъ всѣхъ, чтобы отнять у духовнаго вѣдомства увѣренность въ выборѣ. Любопытна характеристика раскольниковъ;— вскорѣ, вникнувъ въ дѣло, Добролюбовъ измѣнилъ свое мнѣніе на этотъ счетъ.

М. Л.

Г. Архангельскій весьма справедливо говоритъ, на стр. 9-й своего руководства: «не должно читать всякихъ сочиненій безъ разбора. Есть сочиненія худыя, т.-е. скудныя и неправильныя по мыслямъ, неудовлетворительныя въ отношеніи къ искусству (?) и слогу, и даже вредныя по своему направленію. Читать такія сочиненія было бы вредно и опасно, особенно для начинающихъ учиться словесности». Внимательно просмотрѣвши книжку г. Архангельскаго, мы убѣдились, что приведенныя слова въ полной мѣрѣ прилагаются къ его руководству. Оно издано для начинающихъ учиться словесности, но именно начинающимъ-то особенно вредно и опасно читать его. Этимъ замѣчаніемъ можно бы и покончить дѣло съ г. Архангельскимъ, тѣмъ болѣе, что это

согласно съ образомъ мыслей самого автора руководства, который говоритъ, что «унизительно и безполезно было бы критикѣ разбирать сочиненія, не имѣющія ни дѣльныхъ мыслей, ни красоты изложенія и отличающіяся при томъ многочисленными промахами противъ логики и грамматики». О такихъ сочиненіяхъ авторъ дозволяетъ критикѣ или вовсе умалчивать, или сказать только, что они ниже всякой критики, и тѣмъ покончить съ ними свое дѣло. Мы хотѣли уже воспользоваться такимъ полномочіемъ и просто осудить автора отъ собственныхъ устъ его. Но насъ остановило замѣчаніе его, слѣдующее непосредственно за тѣмъ, что дурныя сочиненія разбирать безполезно и унизительно: «впрочемъ, говоритъ г. Архангельскій, за неимѣніемъ хорошихъ сочиненій, нельзя считать совершенно безполезнымъ и разсматриваніе дурныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ критика, по крайней мѣрѣ, научитъ насъ называть дурное дурнымъ, остановитъ вредное направленіе литературы и приготовитъ литературу къ произведенію хорошаго» (стр. 256). Не подумайте, чтобъ это «*впрочемъ*», совершенно уничтожающее силу предыдущаго положенія, было просто случайной обмолвкой со стороны автора. Нѣтъ, онъ принялъ такую систему во всемъ своемъ руководствѣ, и съ этой-то стороны мы намѣрены обратить на него особенное вниманіе читателей. У тѣхъ, кто бы вздумалъ довѣриться этому руководству, образовалось бы въ головѣ смѣшеніе самыхъ противоположныхъ понятій, еще болѣе жалкое, нежели воззрѣнія старыхъ теорій, въ родѣ «Реторики» Кошанскаго, «Чтеній о словесности» Ивана Давыдова и т. п. Руководства въ родѣ г. Архангельскаго могутъ пріучить только къ безхарактерности воззрѣній. Они означаютъ совершенное безсиліе автора провести послѣдовательно и строго какую-нибудь независимую теорію, выработать и примѣнить къ частностямъ какую-нибудь живую общую мысль. Они не хотятъ быть отсталыми, и потому принимаютъ въ себя и кое-что новое; но изъ этого выходитъ только то слѣдствіе, что они дѣлаются чрезвычайно похожими на безобразную кучу, въ которую Плюшкинъ пряталъ свои находки. «Все, что ни попадалось ему — старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все онъ тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу; случилось проѣзжему офицеру потерять шпору—шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь раззѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро». Дѣлая все это, Плюшкинъ воображалъ, конечно, что у него хорошее хозяйство; подобно ему, и г. Архангельскій, собирая кое-гдѣ клочки разныхъ теорій и взглядовъ, воображаетъ, что у него выходитъ хорошее руководство. Главная цѣль его была, повидимому, та, чтобы не представить ни одного твердаго положенія науки, не дать ни одного правила иначе, какъ съ ограниченіемъ, уничтожающимъ смыслъ его. Для успѣха въ сочиненіи нуженъ талантъ, говоритъ онъ; впрочемъ, и безъ таланта можно быть писателемъ дѣльнымъ и полезнымъ. При сочиненіи полезно *изобрѣтеніе* мыслей; впрочемъ, нынѣ оно справедливо признается негоднымъ въ дѣлѣ словесныхъ занятій. Для всѣхъ сочиненій, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, необходимы пять частей: приступъ, предложеніе, раздѣленіе, изслѣдованіе и заключеніе. Онѣ не выдуманы древними, а вытекаютъ сами собою изъ природы нашего ума; впрочемъ, бываютъ сочиненія безъ приступа, безъ предложенія, раздѣленія и заключенія. Пишутъ обыкновенно стихами или прозой; впрочемъ, бываетъ рѣчь, не составляющая ни стиховъ, ни прозы, а *средняя* между тѣмъ и другимъ. Слогъ есть способъ выраженія, свойственный каждому писателю; впрочемъ, по главнымъ способностямъ души, слогъ бываетъ троякій: философскій, изобразительный и одушевленный; кромѣ того, еще народъ, какъ отдѣльная собирательная личность, имѣетъ свой слогъ... Для всѣхъ сочиненій вообще существуютъ только четыре формы: монологическая, эпистолярная, діалогическая и смѣшанная; впрочемъ, сочиненія ученыя излагаются еще иногда въ видѣ рѣчи и въ формѣ аллегорической.— Всѣ правила изложены такимъ образомъ: только что авторъ успѣетъ сказать: *нужно*, какъ на той же страницѣ спѣшитъ прибавить: а впрочемъ, пожалуй, и не нужно. Даже относительно надобности изученія словесности онъ говоритъ точно такъ же; сначала—«правила необходимы»,—а потомъ «впрочемъ, пожалуй, они и не важны, сами по себѣ». Словомъ, руководство г. Архангельскаго есть какой-то литературный Межуевъ: «на первый взглядъ въ немъ есть, какъ будто, какое-то упорство; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ его окажется мягкость, что онъ согласится именно на то, что отвергалъ, глупое назоветъ умнымъ и пойдетъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку». По нашимъ понятіямъ, Межуевъ еще хуже Ноздрева, потому что онъ находится подъ вліяніемъ Ноздрева, признаетъ его нравственное превосходство и, по его настоянію, можетъ рѣшиться на какую угодно мерзость, хотя самъ по себѣ имѣетъ не

столько дурныхъ навыковъ, какъ Ноздревъ. Такъ точно, по нашему мнѣнію, «Руководство» г. Архангельскаго хуже даже «Чтеній о словесности» Ив. Давыдова. Какъ бы для довершенія сходства въ нашемъ сравненіи, руководство никакъ не можетъ освободиться отъ вліянія «Чтеній», и безпрестанно толкуетъ объ образцовыхъ сочиненіяхъ ихъ автора.

Кто отличается у насъ правильностью рѣчи?—Ив. Давыдовъ (стр. 67). Кто точностью?—Ив. Давыдовъ (стр. 91). Кто пишетъ образцовые некрологи?—Иванъ Давыдовъ (стр. 206). Кто служитъ образцомъ въ философическихъ и педагогическихъ разсужденіяхъ? — Ив. Давыдовъ (стр. 245). Кто основалъ у насъ ученую критику?—Ив. Давыдовъ. Чьи лучшія рѣчи академическія? — Ив. Давыдова (стр. 306). Какое сочиненіе представляетъ образецъ изложенія науки?— «Чтенія о словесности» Ивана Давыдова. Безъ Ивана Давыдова и его «Чтеній» нѣтъ спасенія для г. Архангельскаго, и вліяніемъ этого авторитета объясняется нѣсколько и то двоедушіе, какое обнаруживается «Руководствомъ» въ изложеніи разныхъ правилъ и опредѣленій науки. Вмѣстѣ съ именемъ Ив. Давыдова нерѣдко упоминается имя его литературнаго антагониста, г. Греча, которому удалось недавно (рѣдкій для г. Греча случай!) доказать, что г. Иванъ Давыдовъ не можетъ служить образцомъ ни въ правильности и точности языка, ни въ хорошемъ изложеніи и пониманіи науки. Къ именамъ сихъ двухъ маститыхъ ученыхъ прибавляются иногда имена людей, совсѣмъ не принадлежащихъ къ столь почтенному кругу, напр., гр. Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и т. п. Какъ должно быть имъ лестно увидѣть свое имя на страницахъ «Руководства» рядомъ съ именами г. Греча и г. Ивана Давыдова! Вообще въ именахъ у г. Архангельскаго происходитъ тоже благоразумное примиреніе и нашихъ и вашихъ, какъ и въ научныхъ положеніяхъ. Избранная библіотека можетъ вообще опредѣлить характеръ и направленіе человѣка, и почитатель Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, конечно, не похожъ будетъ по характеру своихъ воззрѣній на почитателя Державина, Хераскова и Мерзлякова. Но у г. Архангельскаго все смѣшивается: въ образецъ описаній приводятся описанія Лермонтова, Полевого, Марлинскаго; лучшими письмами признаются письма Ѳ. Глинки и Гоголя; лучшими критическими исторіями— «Римская исторія» Нибура и «Изслѣдованія» г. Погодина; просто же исторіи лучшія у насъ Карамзина, Полевого, Устрялова и Соловьева. Объ исторіи Соловьева, впрочемъ, г. Архангельскій говоритъ, что о ней, какъ о твореніи еще не конченномъ, произносить рѣшительный приговоръ было бы *поспѣшно*. Это напоминаетъ намъ одного профессора, который отказывался произнести свое сужденіе о «Мертвыхъ Душахъ» подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ еще не кончены. Но курьезнѣйшій примѣръ смѣшенія именъ представляетъ слѣдующее мѣсто въ «Руководствѣ» г. Архангельскаго: нужно читать св. Писаніе, Творенія св. Отцовъ и вообще сочиненія духовнаго содержанія. «Байронъ, поэтъ англійскій, говорилъ, что онъ многими достоинствами своихъ сочиненій обязанъ чтенію св. Писанія, которымъ съ малолѣтства любилъ заниматься. Лучшими мѣстами въ одахъ Кострова и нынѣ признаются критикою тѣ, въ которыхъ онъ подчинялся вліянію священныхъ книгъ и писаній церковныхъ» (стр. 8). Байронъ и Костровъ! Снилось ли когда-нибудь подобное сопоставленіе самому барону Брамбеусу, который восклицалъ нѣкогда: великій Гете! великій Кукольникъ! Каковы же будутъ литературныя понятія учениковъ г. Архангельскаго, если они, увлекшись его руководствомъ, вообразятъ, что лучшія мѣста у Байрона похожи на тѣ дикія вирши, которыя тутъ же приводятся въ примѣръ изъ Кострова!

Примирительныя, благоразумныя мнѣнія, повидимому, уступающія нѣсколько новому направленію, но не увлекающіяся имъ совершенно, — всегда казались намъ самыми вредными для истиннаго прогресса просвѣщенія. На нихъ легко успокаивается лѣнивая посредственность, и на эклектика дѣйствовать гораздо труднѣе, чѣмъ даже на раскольника. Раскольникъ удивляетъ насъ своимъ тупоумнымъ упорствомъ передъ голосомъ правды; но зато, если ужъ на него найдетъ добрый стихъ и разумъ его раскроется для выслушанія правды и размышленія о ней—то обращеніе бываетъ полное. Старыя основы, одна за другой падаютъ и новыя начала торжествуютъ. Такая полнота внутренняго переворота свидѣтельствуетъ о силѣ и свѣжести мысли въ человѣкѣ, заблуждающемся, но сохранившемъ и въ заблужденіи самобытность убѣжденій. Напротивъ, эклектикъ не станетъ даже долго упорствовать противъ вашихъ теорій; онъ тотчасъ согласится съ вами. Но въ головѣ его чуднымъ образомъ новое ученіе помѣстится рядомъ со старымъ, совершенно ему противоположнымъ, и примирится съ нимъ наружно, посредствомъ: впрочемъ, положимъ, пусть, при всемъ томъ и пр. Съ такимъ человѣкомъ ужъ вы ничего не сдѣлаете; его умственное безсиліе таково, что онъ не въ состояніи, не только проникнуться новыми для него взгля-

дами, но даже и отстаивать старыхъ. Эти господа любятъ сравнивать себя со пчелами, снимающими медъ даже съ ядовитыхъ цвѣтовъ. Сравненіе очень замысловато, и басенка

Fine Kleine Biene flor,

изъ которой оно заимствовано, — весьма поучительна. Но не надо забывать, что пчела, все-таки, сама вырабатываетъ свой медъ, а эклектики ничего не вырабатываютъ. Они, по нашему мнѣнію, похожи скорѣе на сырое тѣсто, къ которому все липнетъ, и тараканъ, и соломинка, и уголекъ, и щепочка, и камешекъ, и кусокъ сахару, и зернышко перцу. Испеките хлѣбъ изъ этого тѣста, и вы увидите совершенно неудобную смѣсь различныхъ веществъ, мирно лежащихъ здѣсь рядомъ, подобно различнымъ теоріямъ, сложеннымъ рядомъ въ какомъ-нибудь эклектическомъ руководствѣ; ѣсть такой хлѣбъ будетъ такъ же отвратительно, какъ учиться по эклектическимъ теоріямъ, способнымъ притупить и погубить всякую свѣжую, здоровую голову, которая безъ того способна была бы къ хорошему развитію. Изъ этого страшнаго извращенія здравой мысли и чистой человѣческой логики происходитъ всякая безнравственность человѣческая. Дѣло вѣдь не въ томъ, признаете ли вы источники изобрѣтенія, или не признаете: Богъ съ ними,— пусть ихъ остаются въ учебникѣ, если они вамъ нравятся. Толкуйте себѣ и о раздѣленіи слога на три рода, и о періодахъ, и о хріяхъ всѣхъ сортовъ, — никто вамъ не мѣшаетъ, скажутъ только, что вотъ, де, руководство, воскрешающее старину давно забытую. Но нѣтъ, вы этого не хотите, — вамъ нужно показать, что и вы отъ вѣка не отстали, и вы къ своимъ хріямъ прибавляете нѣсколько новыхъ взглядовъ. Слѣдовательно — вы знакомы съ новыми теоріями, вы ихъ признаете,—и мы уже смотримъ на то, что́ вы сумѣли изъ нихъ сдѣлать. Оказывается, что вы своимъ упоминаніемъ о нихъ умѣли только повредить имъ, заставляя ихъ стать рядомъ съ старой реторикой, и еще въ какомъ-то подчиненномъ положеніи. Вы считаете полезными источники изобрѣтенія, — прекрасно: зачѣмъ же вы прибавляете потомъ, что они признаются нынѣ негодными? Вы сами согласны съ нынѣшнимъ мнѣніемъ? тогда зачѣмъ напрасно толковать о безполезныхъ общихъ мѣстахъ? — Вы сознаетесь, что хріи, какъ прямыя, такъ и обратныя, вовсе не суть даже сочиненія въ собственномъ смыслѣ слова: на что же вы распространяетесь о хріяхъ прямыхъ, афоніанскихъ, превращенныхъ—чрезъ предыдущее и чрезъ послѣдующее? И что за радость вашему ученику, если онъ, выучивши всѣ эти хріи и 24 общихъ мѣста, узнаетъ наконецъ, что все это выдумано древними риторами, но нынѣ признается негоднымъ. Не сбивайте его съ толку, рѣшите на чемъ-нибудь одномъ: хріи ли съ общими мѣстами, или свободное, естественное изложеніе мыслей, сообразное со степенью развитія ученика? Впрочемъ, вы не только другихъ сбиваете съ толку, вы и сами безпрестанно сбиваетесь вслѣдствіе того, что всѣ истины для васъ не органическое, стройно и самобытно развивающееся цѣлое, а кое-гдѣ сорванные разноцвѣтные лоскутки, сшитые живыми нитками вашего эклектизма. Вы пишите, напр., руководство къ словесности и практическому упражненію въ сочиненіяхъ; сочиненіе вы опредѣляете, какъ произведеніе духа человѣческаго, составленное по законамъ изящнаго и при томъ словеснаго искусства; въ примѣръ того, что такое сочиненіе, вы приводите отрывокъ изъ «Ермака» Дмитріева (и это хорошо: привести *отрывокъ* для того, чтобы дать понятіе, что такое *сочиненіе*!) и замѣчаете, что такія сочиненія называются изящными, художественными, а самое составленіе ихъ творчествомъ, искусствомъ сочинять и пр. По всему видно, что вы собираетесь говорить и о прозѣ, и о поэзіи. А между тѣмъ теорія поэзіи исчезла изъ вашей словесности,— и хоть бы слово о ней, какъ будто она и къ словесности не принадлежитъ. Мало того, вы безпрестанно перемѣшиваете произведенія прозы и поэзіи. «Записки охотника» по вашему составляютъ только рядъ прозаическихъ описаній; а «Дѣтство и отрочество» графа Л. Н. Толстого вы приводите въ примѣръ автобіографіи, рядомъ съ автобіографіями Подшивалова, Полеваго и Греча. Вы говорите о разговорной формѣ, и приводите въ примѣръ разговоры: Карамзина о счастіи, Шишкова (котораго «Руководство» называетъ *княземъ*) о словесности,— а затѣмъ ставите новую рубрику: о разговорахъ *вымышленныхъ*. Да неужели вы думаете, что разговоры о счастіи и о словесности—не вымышленны? Къ вымышленнымъ вы относите, между прочимъ, «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ», приводя съ большою похвалою примѣръ изъ М. Н. Муравьева и замѣчая, что теперь ужъ это не годится, — не употребляется: такъ къ чему же вы примѣръ-то приводили? Въ вашемъ руководствѣ есть правило, что наука, и вообще ученое сочиненіе не должно пускаться въ излишнія подраздѣленія; посмотримъ, держитесь ли вы этого правила. Словесность раздѣляется у васъ на: 1) общую и частную; 2) частная—на ученіе о прозѣ

и ученіе о поэзіи; 3) проза раздѣляется на *простую* (т.-е. подряды, контракты, по объясненію автора), и *краснорѣчивую* или художественную; 4) проза краснорѣчивая раздѣляется на сочиненія историческія и философическія; 5) историческія—на описательныя и повѣствовательныя; 6) описательныя—на простыя (опять дѣловыя описи, которыя по раздѣленію автора не должны бы и входить въ *краснорѣчивую* прозу), и художественныя; 7) художественныя—на простыя и сложныя; 8) простыя—на хронографію, ипотипозисъ, просопографію, эѳопею и параллель; а 9) сложныя — на описанія природы физической, на описанія искусствъ и характеристики; изъ соединенія этихъ отдѣловъ образуются описанія 10) *смѣшанныя*—или путешествія, которыя раздѣляются 11) на ученыя и художественныя; 12) художественныя же раздѣляются на собственно — описанія путешествій и путевые очерки.—Въ прочихъ частяхъ руководства раздѣленія соотвѣтствуютъ этому, по количеству членовъ и по ихъ совершенной ненужности.

Кажется, мы уже слишкомъ даже распространились въ доказательствахъ того, что начинающимъ учиться словесности не должно читать руководство г. Архангельскаго, какъ вредное по своему направленію. Мы не говоримъ уже о частныхъ ошибкахъ, напр., что для успѣха въ сочиненіи необходимо быть нравственно добрымъ (какъ будто мы не знаемъ жизни Саллюстіевъ, Баконовъ и пр.); что «Библіографическія записки» г. Лонгинова принадлежатъ къ числу историческихъ записокъ, достоинство которыхъ возвышается краснорѣчивымъ и, по мѣстамъ, драматическимъ изложеніемъ (любопытно было бы видѣть краснорѣчіе и драматизмъ въ «Библіографическихъ запискахъ»), что критика раздѣляется на собственно — *критику*, въ которой отличаются Гречъ, Булгаринъ, Шевыревъ и пр., и на *разборы*, образцы которыхъ помѣщаются въ «Дѣтскомъ Журналѣ» (какъ будто всякая критика не есть разборъ); что спартанка, подавая мечъ (!) своему сыну, сказала: aut hoc aut in hoc (какъ будто спартанцы говорили по-латыни!); что есть особый родъ сочиненій, называемый *чувствованіями*, и еще особый, называемый *мыслями и чувствованіями*, и что нужно учиться *сочинять* сіи мысли и чувствованія, по образцу «Отрывковъ изъ дневника русскаго офицера» Марлинскаго. При всей своей забавности, это все вещи ничтожныя, мелкія, въ сравненіи съ главнымъ недостаткомъ руководства—совершенной безхарактерностью направленія, выражающеюся въ жалкихъ полумѣрахъ, принятыхъ противъ стараго ученія, и въ робкомъ полу-сближеніи съ новымъ. Вышло то, что руководство отъ одного отстало, а къ другому не пристало, и сдѣлалась Матрена—ни пава, ни ворона.

Чтобы покончить съ руководствомъ, представимъ еще нѣсколько примѣровъ, которые могутъ дать понятіе о ясности логики и о степени знанія русскаго языка у автора. Вотъ какъ онъ говоритъ, напр., о третьемъ источникѣ изобрѣтеніи мыслей, состоящемъ въ заимствованіи чужихъ мыслей послѣ усвоенія ихъ размышленіемъ: «заимствованія всякаго другого рода, а тѣмъ болѣе цѣлыя выписки, выдаваемыя за свою работу, и предосудительны и вредны. *Этотъ* источникъ изобрѣтенія мыслей (т.-е. выписки!) служитъ необходимымъ условіемъ для составленія упражненій, особенно богословскаго и историческаго содержанія» (стр. 32). Полнота въ развитіи главной мысли сочиненія (которое авторъ по обычаю тѣхъ заведеній, гдѣ онъ былъ профессоромъ, называетъ часто *задачею*) состоитъ въ разсмотрѣніи предмета во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ; «недостатокъ полноты бываетъ: 1) когда о предметѣ не все сказано, что слѣдуетъ; 2) когда сказано *больше*, чѣмъ слѣдуетъ; 3) когда берутся *всѣ части* предмета, но излгаются слишкомъ сухо» (стр. 43). Каково отношеніе между опредѣленіемъ и его поясненіемъ *отъ противнаго?* — Вотъ еще примѣръ: «письмо есть форма рѣчи, общая всѣмъ сочиненіямъ, какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ» (стр. 43), т.-е. я могу написать драму или комедію въ формѣ письма? Такихъ промаховъ много у г. Архангельскаго, и не всѣ изъ нихъ происходятъ прямо отъ непониманія имъ предмета. Много ошибокъ вкралось въ руководство, благодаря неумѣнію *руководящаго* автора писать по-русски, а нѣкоторыя ошибки объясняются даже опечатками, которыхъ здѣсь очень много и которыя отличаются какою-то замысловатостью, такъ что вдругъ не догадаешься, въ чемъ дѣло. Наприм., вмѣсто органическое, напечатано — *ограниченное*, вмѣсто Аянъ — *Аяксъ*, вмѣсто ученыхъ степеней—ученыхъ *сочиненій* и т. п. Но уже не къ опечаткамъ принадлежитъ то, что авторъ безпрестанно пишетъ *и* вмѣсто *или*, отчего смыслъ жестоко страдаетъ,—или что онъ говоритъ *противъ* вѣдома, вмѣсто *безъ* вѣдома, — *раскрашенныя* рѣчи, вмѣсто прикрашенныя и т. п. Удивительно, какъ это всегда случается, что наши руководители всегда берутся учить насъ именно тому, въ чемъ сами еще очень слабы. Не мудрено, что надъ нами такъ часто сбывается пословица: слѣпецъ слѣпца ведетъ, и оба въ яму попадаютъ.

121. Новыя стихотворенія В. Бенедиктова.

Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 120.

Бенедиктовъ, погребенный еще Бѣлинскимъ, не умеръ, однако, для широкой публики, съ которой имѣлъ духовное сродство. Онъ не пользовался славой выдающагося поэта, но во всякомъ случаѣ былъ читаемъ и заучиваемъ. Событія 1854—1855 годовъ воскресили имя Бенедиктова, всегда, какъ и гр. Соллогубъ, старавшагося «попасть въ точку» общественнаго настроенія,—и при томъ настолько, что поэтъ сталъ пріобрѣтать болѣе интеллигентные слои читателей. Добролюбовъ не могъ пройти мимо такого явленія и не указать на истинное значеніе и бездарность поэта. Его не такъ-то легко было обмануть либеральной фразой; наоборотъ, безъ нея онъ и Бенедиктова оставилъ бы, вѣроятно, въ покоѣ или ограничился бы нѣсколькими словами. Голосъ Добролюбова былъ послѣднимъ сколько-нибудь громкимъ приговоромъ приспособлявшемуся поэту. Потомъ имя Бенедиктова вскорѣ сошло со сцены. (Ср. статью № 122). Въ этой статьѣ слѣдуетъ также обратить вниманіе на указаніе безсилія современной литературы. Оно дѣлается Добролюбовымъ уже не въ первый (см. № 38) и, разумѣется, не въ послѣдній разъ: Добролюбовъ призывалъ литературу къ дѣлу, къ захвату своихъ правъ общимъ натискомъ, въ силу котораго глубоко вѣрилъ. Ему казалось, что цензура не въ силахъ душить печатное слово, если оно будетъ говориться всѣми и властно и смѣло... Русскія событія показали, однако, что такой растерянности и безсилія цензура не имѣла склонности обнаруживать.

М. Л.

Много смѣялись надъ господиномъ Бенедиктовымъ, много разъ повторяли о немъ давно извѣстныя всему міру истины, но только все не въ прокъ. Г. Бенедиктовъ издаетъ новыя стихотворенія, пріобрѣтаетъ новыхъ хвалителей, принимаетъ новое направленіе,—но, въ сущности, все не измѣняетъ себѣ, все фигурируетъ попрежнему. Нельзя иначе: такъ онъ привыкъ, привычка вторая природа. Слѣдовательно, критика должна, наконецъ, убѣдиться, что ей не остановить г. Бенедиктова, неудержимаго «какъ бурныя силы природы», по его собственному сравненію. Критика должна оставить гордыя притязанія на улучшеніе *манеры* г. Бенедиктова. Остается ей смиренная лѣтописная роль: отмѣтить фактъ появленія «Новыхъ стихотвореній» г. Бенедиктова и сказать, что въ нихъ онъ остался вѣренъ своему прежнемv характеру, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ.

«Но какъ же это можно? Это несправедливо, это недобросовѣстно», возопіютъ противъ насъ многочисленные почитатели г. Бенедиктова, пріобрѣтенные имъ послѣ того, какъ онъ обнаружилъ свое новое направленіе. «Помилуйте,—то ли теперь г. Бенедиктовъ, что онъ былъ прежде? Прежде онъ воспѣвалъ только аппетитныхъ дѣвъ, съ грудями въ цѣлый океанъ, бурно кидающихся на пышный диванъ и вонзающихъ въ уста сердечный поцѣлуй. Прежде онъ только и дѣлалъ, что утоплялъ въ эѳирномъ станѣ таковыхъ красавицъ пылающую ладонь свою и припекалъ поцѣлуями ихъ кудри-кольца, кудри-змѣйки. Прежде горы представлялись ему побѣгами праха въ небеса, рванувшимися въ высь и повиснувшими отъ ужаса между небомъ и землею; пожаръ казался ему младымъ красавцемъ, прильнувшимъ сладострастно къ груди дѣвы и разметавшимъ кудри свои въ воздушныхъ кругахъ. Вотъ какъ выражалась и вотъ на что обращена была прежняя дѣятельность г. Бенедиктова. А теперь есть ли что-нибудь подобное? Г. Бенедиктовъ сталъ простъ, естественъ, остроуменъ въ выраженіи; а содержаніе его нынѣшнихъ стихотвореній дѣлаетъ честь не только ему, но и всей русской литературѣ. Онъ затрагиваетъ важнѣйшіе современные вопросы, преслѣдуетъ общественные пороки; онъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ добру и правдѣ, горячею любовью къ человѣчеству, стремленіемъ къ прогрессу и проч. Сказать, что г. Бенедиктовъ и теперь то же самое, что былъ прежде, значитъ обнаружить самое грубое пристрастіе или непростительное равнодушіе къ благороднымъ порывамъ поэта».

Такіе голоса раздаются отовсюду. Одинъ фельетонистъ увѣряетъ даже, что вся русская публика въ одинъ голосъ вопіетъ такимъ образомъ. Нечего дѣлать, приходится

остановить лѣтописную, безыскусственную правду нагляднаго впечатлѣнія и вооружиться критическимъ разсмотрѣніемъ. Разсмотрѣніе наше все будетъ направлено противъ новыхъ почитателей г. Бенедиктова, которые за нынѣшними его заслугами не видятъ ни нынѣшнихъ его недостатковъ, ни прежнихъ достатковъ. Въ разборѣ нашемъ мы будемъ серьезны, потому что старыя насмѣшки надъ г. Бенедиктовымъ не нуждаются въ повтореніи, а новыми поражать его мы не хотимъ, изъ уваженія къ тому направленію, котораго онъ сталъ все болѣе придерживаться въ послѣднее время.

Увѣряютъ, что г. Бенедиктовъ сталъ простъ и естественъ въ своихъ новѣйшихъ стихотвореніяхъ: а мы, напротивъ, утверждаемъ, что онъ до сихъ поръ сохранилъ свою прежнюю манеру, и что гиперболическая изысканность фразъ и нынѣ отличаетъ его стихъ попрежнему. Представляемъ примѣры. Поэтъ говоритъ, что Шекспиръ своими созданіями *бьетъ его* и, ударомъ *съ плеча*, возводитъ въ рыцари и, обвивши его молніей, *благородитъ просторожденца*. Неужели это простое и естественное выраженіе мысли? Неужели это не можетъ стать рядомъ съ сладострастнымъ красавцемъ-пожаромъ и съ побѣгами праха въ небеса? Да вы, можетъ быть, думаете, что мы нарочно выдумали, будто Шекспиръ прибилъ г. Бенедиктова и такимъ образомъ возвелъ въ рыцари? Вотъ вамъ собственные стихи вашего поэта (Нов. стих., стр. 80):

«Онъ *бьетъ*, и я, принявъ ударъ,
Ударомъ тѣмъ не опозоренъ,
Зане ударъ тотъ—божій даръ.
. . . . . .
Когда предъ вѣщимъ на колѣни
Я становлюсь, чело склоня,
Онъ, ставъ на горнія ступени
И молніей обвивъ меня,
Просторожденца благородитъ,
Раба подъемлетъ и *съ плеча*
Плебея въ рыцари возводитъ
Ударомъ божьяго меча».

А хороша ли вотъ эта гипербола: во «Встрѣчномъ голосѣ», описывая торжества, бывшія въ Москвѣ лѣтомъ 1856 г.[1]), г. Бенедиктовъ замѣчаетъ, что глаза у собравшагося на иллюминацію народа такъ ярко горѣли, что помрачали даже огни фонарей, пламень шкаликовъ и фейерверковъ; сердца бились такъ громко, что заглушали звонъ всѣхъ колоколовъ московскихъ. Вотъ его стихи (стр. 2):

«Но огней потѣшныхъ пиршественной ночи
Ярче тамъ горѣли радостныя очи
Русскаго народа; бой сердецъ довольныхъ
Тамъ гудѣлъ слышнѣе звоновъ колокольныхъ».

[1]) Коронацію Александра II.

А каково уподобленіе сѣнокоса цырюльнѣ? (стр. 141):

«Гдѣ твои волосы, шелковый лугъ?
Гдѣ твои косы?—Все сбрито вокругъ».

Хорошо ли также, что деревья въ лѣсу стоятъ на постели мховъ (стоятъ на постели!) и посылаютъ свои вершины на поискъ бурныхъ облаковъ? Это находится въ недавно напечатанномъ стихотвореніи г. Бенедиктова «Къ лѣсу» (Нов. стих., стр. 101):

«Твои стволы какъ исполины,
Поправъ пятой постелю мховъ,
Стоятъ, послявъ свои вершины
На поискъ бурныхъ облаковъ».

Просто ли также жаланіе поэта, чтобы сердце его взвѣсило число лѣтъ (?), превратилось въ камень и поросло мхомъ? (стр. 27)

«Лучше-бъ умеръ этотъ пламень!
Лучше-бъ, взвѣсивъ лѣтъ число,
Обратилось сердце въ камень,
Да и мохомъ поросло!»

Намъ кажется, что все это напоминаетъ довольно сильно прежняго г. Бенедиктова и ни мало не подтверждаетъ той мысли, что онъ дошелъ теперь до художественной простоты выраженія. Мы привели немного примѣровъ, но внимательное чтеніе стихотвореній г. Бенедиктова покажетъ, что эти приведенныя нами мѣста не составляютъ исключенія: въ стихотвореніяхъ безпрестанно, то поэтъ желаетъ, чтобы ему кто-нибудь дружбу бросилъ въ окошко (стр. 134), то онъ яркимъ взглядомъ брызнетъ (стр. 109), то небо къ нему нагнулось, подошло и просится въ окно (стр. 139) и т. п. Изобразительность великолѣпная! Если нѣтъ въ ней прежней размашистой, можно сказать, азартной живости, это ужъ происходитъ единственно отъ преклонныхъ лѣтъ поэта. Онъ самъ съ сожалѣніемъ отзывается объ этомъ въ одномъ стихотвореніи:

«Будь-ка ты еще со мною,
Вихорь—молодость моя,
Какъ съ тобой, моей родною,
Погулялъ бы нынче я;
Этимъ юношамъ степеннымъ
Далъ бы я какой урокъ!»

Желанія поэта остались, какъ видите, тѣ же,—«Пылъ чувства я сохранилъ», признается онъ самъ. Но силы ужъ не тѣ, нельзя дѣлать того, что прежде, и поневолѣ дѣлаешься скромнѣе, хотя въ душѣ все остаешься тѣмъ же:

«Еле ходишь, сухопарый,
Ломитъ поясницу,

Кашель душитъ,—а и старый
Любишь молодицу».

Только ужъ молодица не отвѣчаетъ на селадонство старика, и онъ, понимая это, ограничивается грустнымъ сожалѣніемъ:

«Во многомъ доживъ до изъяна,
Теперь не могу не тужить:
Зачѣмъ родился я такъ рано,
Зачѣмъ торопился я жить».

Вотъ вамъ и объясненіе, — кажется, весьма простое,—почему поэтъ менѣе выказываетъ теперь азарта въ своихъ стихотвореніяхъ, и почему онъ пересталъ описывать аппетитныхъ красавицъ. Это совсѣмъ не означаетъ какой-нибудь особенности въ развитіи таланта, а просто показываетъ, что есть время всякой вещи на свѣтѣ. Поэтъ вспоминаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 51) о томъ, какъ онъ, бывало, ударялъ кулакомъ по столу, читая свои стихотворенія: въ молодости, разумѣется, и это ничего не значило, когда кровь кипѣла сильнѣе, да и руки были крѣпче,—еще не обломались; а въ старости слишкомъ сильно ударять кулакомъ по столу, пожалуй, и опасно для тѣлеснаго благосостоянія. Тутъ опять нѣтъ особенности въ развитіи поэтическаго таланта, а просто неизбѣжное по чину естества ослабленіе физическихъ силъ. Зато г. Бенедиктовъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ свою молодость,—что, конечно, нисколько не предосудительно,—и даже соблазняетъ собственное воображеніе намеками нескромнаго характера,—что, по нашему откровенному мнѣнію, уже излишне. Конечно, мы понимаемъ, что и старости позволительно увлекаться, подобно молодости, и что увлеченія г. Бенедиктова минутны и даже, можетъ быть, совершенно безотчетны. Мы не имѣемъ права обвинить поэта въ беззубомъ цинизмѣ, которому предаются иные старички, пожуировавшіе въ своей жизни и непремѣнно желающіе сыграть до конца роль шалуновъ и повѣсъ. Но, все-таки, намъ показались не слишкомъ опрятными слѣдующіе стихи, находящіеся въ юмористическомъ стихотвореніи: «Плачъ остающагося въ городѣ при видѣ отъѣзжающихъ на дачи» (стр. 49). Описывается возъ, на которомъ перевозится на дачу мебель, и, между прочимъ, стулья.

«И—что за дерзкій видъ! И стулья и столы,
Предъ всею публикой (*у нихъ стыда ни крошки*)—
Сцѣпились ножки вверхъ, и ножки черезъ ножки
Продѣты такъ и сякъ,— трясутся, дребезжатъ»...

Въ числѣ прекрасныхъ изображеній, представленныхъ въ разныхъ стихотвореніяхъ г. Бенедиктовымъ и «такъ много говорящихъ уму и сердцу»,—эти стихи займутъ, вѣроятно, не послѣднее мѣсто. Современемъ, на нихъ могутъ указывать въ литературныхъ характеристикахъ на ряду съ извѣстными стихами о «нагломъ сукѣ» изъ «Душеньки». Впрочемъ, тамъ—фривольное изображеніе совершенно естественно и понятно: рѣчь идетъ прямо о женщинѣ. А здѣсь, помилосердуйте, о поэтъ!—здѣсь вѣдь столы и стулья. Слѣдовательно, ваше замѣчаніе объ ихъ безстыдствѣ (о, еслибъ не было этого несчастнаго замѣчанія!) совершенно неестественно, натянуто и можетъ быть объяснено только нечистой игрой вашего старческаго воображенія.

Справедливость требуетъ, однако же, замѣтить, что эротическія стремленія не составляютъ главнаго элемента поэзіи г. Бенедиктова. Она попрежнему слагается изъ вычурности и эффектовъ, для которыхъ канвою служатъ нынѣ нерѣдко общественные вопросы такъ, какъ прежде служили заоблачныя мечты, выписныя чувства, величественныя картины природы и т. п. Мы совсѣмъ не думаемъ унижать этимъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова и вовсе не хотимъ сказать, чтобы его нынѣшнее направленіе не вытекало изъ самой глубины его сердца. Напротивъ, мы имѣемъ въ виду доказать, что его сочувствія давно уже влекли его къ нынѣшнему его поприщу, и что только недостатокъ таланта удерживалъ его до послѣдняго времени отъ выраженія своихъ истинныхъ стремленій. Въ самомъ дѣлѣ, г. Бенедиктовъ давно уже, и очень громозвучно, очень рѣшительно, провозгласилъ міру свое призваніе:

«Я въ мірѣ боецъ! Да, я биться хочу...
Смотрите, я бросилъ ужъ лиру:
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
Навстрѣчу нечистому міру.
И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,
И въ битвѣ, глубоко, глубоко,
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока.
Не бойтесь, друзья, не падетъ вашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье,—
Какъ левъ, я дерусь, какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье».

Какъ видите, стремленіе содѣлаться дней новѣйшихъ Ювеналомъ и провозвѣстникомъ добра и правды давно уже сознано было г. Бенедиктовымъ очень ясно. Онъ давно уже чуялъ, что въ противорѣчіяхъ современной общественной жизни, въ уклоненіяхъ человѣчества отъ естественнаго пути можно найти неизсякаемый источникъ потрясающихъ эффектовъ, а это ему было нужнѣе всего, по самой сущности его дарованія. Но что же помѣшало ему исполнить свое намѣреніе въ то же

время, какъ оно было высказано? Почему онъ такъ долго не являлся въ роли бойца, которую принялъ на себя такъ рѣшительно? Причину этого надобно искать въ недостаткѣ таланта. Въ то время, когда желаніе биться было впервые сознано г. Бенедиктовымъ, общественное мнѣніе въ Россіи еще не созрѣло для того, чтобы вызвать открытую борьбу съ порокомъ. Въ литературѣ тогда ужъ проявлялось вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго, но читающая масса находилась еще въ Пушкинскомъ періодѣ, за весьма немногими исключеніями. Чтобы дать побѣду новому направленію, нуженъ былъ—или новый сильный талантъ, который увлекъ бы за собою публику, или обстоятельства, постороннія литературѣ, житейскія, которыя бы доказали истинность новыхъ стремленій въ литературѣ. Дарованію дюжинному нельзя было идти противъ господствующихъ мнѣній; оно должно было увлечься общимъ теченіемъ. Такъ вообще бываетъ съ второстепенными литературными талантами. Они могутъ предупредить современное имъ направленіе или остаться въ сторонѣ отъ него только въ двухъ случаяхъ. Первый—бываетъ тогда, когда человѣкъ, не имѣя замѣчательнаго таланта поэтическаго, обладаетъ однакоже очень свѣтлымъ умомъ и, при помощи теоретическаго изученія или живой наблюдательности, угадываетъ тѣ потребности, которыя общество должно сильнѣе почувствовать уже спустя нѣкоторое время. Такіе писатели пользуются большимъ успѣхомъ въ избранныхъ кружкахъ, но не увлекаютъ за собою массы именно потому, что до ихъ воззрѣній она еще не доросла, а художественная сторона ихъ произведеній не столько совершенна, чтобы ясно говорить душѣ каждаго читателя. Другой случай бываетъ тогда, когда писатель настолько ограниченъ умственно, что уже рѣшительно ничего не въ состояніи видѣть внѣ той тѣсной сферы, которая нашла сочувствіе въ его душѣ и въ которой онъ можетъ создавать иногда вещи дѣйствительно недурныя. Такою сферой для поэта могутъ особенно сдѣлаться изображенія и впечатлѣнія природы, и второстепенный талантъ, неодаренный особенною умственной проницательностью, можетъ преспокойно воспѣвать солнце и луну, зимніе вечера и майскія ночи, хотя бы міры рушились передъ его глазами. По счастью или по несчастью,—г. Бенедиктовъ не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому сорту людей: онъ шелъ за вѣкомъ. А идя за вѣкомъ, онъ долженъ былъ поневолѣ искать для своихъ эффектовъ чего-нибудь другого, а не общественныхъ пороковъ. Тогда въ модѣ были, благодаря отчасти Марлинскому, вулканическія страсти и грандіозныя картины. Г. Бенедиктовъ радъ былъ и этому, хотя, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, что здѣсь для трескучихъ фразъ недостаетъ порядочнаго содержанія; чувствуя это, онъ, можетъ быть, безсознательно, можетъ быть и намѣренно, рѣшился прикрыть недостатокъ содержанія,—напропалую, отчаянно увеличивая трескучесть самыхъ фразъ. Такимъ образомъ и произошли великолѣпныя созданія, возбуждавшія столько насмѣшекъ лѣтъ 15 тому назадъ. Между тѣмъ, въ литературѣ нашей явился Лермонтовъ; Бѣлинскій продолжалъ дѣйствовать на сознаніе публики; событія смѣнялись одно другимъ, война пробудила общество и литературу отъ недавней апатіи: публика наша выросла въ три-четыре послѣдніе годы; битва, которую замышлялъ когда-то г. Бенедиктовъ, поднялась со всѣхъ сторонъ; чего же лучше? —онъ и воспользовался общимъ движеніемъ, изыскивая наиболѣе эффектные предметы для своихъ звучныхъ фразъ. И, дѣйствительно, избранные имъ предметы были способны возбудить эффектъ, хотя мысли о нихъ, изложенныя г. Бенедиктовымъ, уже и не были новостью послѣ «Губернскихъ очерковъ», нѣкоторыхъ статей «Морского Сборника», «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ. Поэзіи въ нихъ, признаемся, мы находимъ не больше, какъ и въ грандіозныхъ описаніяхъ и огнедышащихъ страстяхъ того же поэта. Напримѣръ, длинное аллегорическое повѣствованіе (стиховъ въ 400) о «Посѣщеніи правды» не оживлено ни однимъ поэтическимъ мотивомъ. Однако же, это стихотвореніе, при своемъ появленіи, возбудило сильный восторгъ въ публикѣ—за нѣсколько здравыхъ мыслей, въ немъ высказанныхъ. Другія стихотворенія того же рода всѣ полны мыслей самыхъ благонамѣренныхъ и полезныхъ, и потому тоже обращали на себя вниманіе публики. И разумѣется, мысли эти, сами по себѣ, стоили общаго вниманія, кѣмъ бы и какъ бы онѣ ни были изложены. Напримѣръ, во «Встрѣчномъ голосѣ» поэтъ обращается къ Русскому Царю съ такими словами:

«Пусть, отецъ нашъ, тѣми, кто къ тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ.
Родственно-живая связь царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
Ты-бъ насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ-жъ, родимый, одному все видѣть?
Пусть же смотрятъ зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто и снаружи» и пр.

Въ «Современной молитвѣ» поэтъ говоритъ:

«Гнѣздо нечестья было свито
Отъ давнихъ лѣтъ въ родномъ краю.

Средь обновившагося быта—
Ты видишь, Господи, открыто
Несемъ мы исповѣдь свою.
Публично наше покаянье
Въ давно-таившихся грѣхахъ:
Текущихъ дней книгописанье
Есть нашей плоти истязанье—
Вериги въ прозѣ и стихахъ.
Себя мы письменно бичуемъ,
Да болью новою своей
Болѣзни духа уврачуемъ,
И тихо, мирно завоюемъ
Свѣтъ человѣческихъ идей».

Въ стихотвореніи: «Что шумишь» иронически изложены возраженія нѣкоторыхъ практическихъ людей противъ гласности литературныхъ обличеній. Что намъ за дѣло до какихъ-то вашихъ истинъ, говорятъ практическіе люди,—

«Что намъ въ нихъ, когда и съ ложью,
Благъ земныхъ имѣя часть,
Можно славить правду Божью,
И, чтобъ духомъ не упасть,
Да и плоти не ослабить,
Иногда немножко грабить,
Иногда немножко красть?
Не смущая нашу повѣсть,
Не ворочая души,
Дай намъ пѣсню, сказку, совѣсть,
Позабавь насъ, посмѣши—
Такъ, чтобъ было все пустенько,
Непридирчиво, легко,
И попрыгало маленько
Въ смѣхѣ круглое брюшко,
Посреди отдохновенья
Въ важный часъ пищеваренья!
Не ломись въ число судей,
Не вноси къ намъ ни уроковъ,
Ни обидныхъ намъ намековъ,
Ни мучительныхъ идей,
И не будь бичемъ пороковъ,
Чтобъ не бить бичемъ людей!
Если-жъ дико и сурово
Заревешь ты свысока,—
Эко диво! Намъ не ново:
Мы какъ разъ уймемъ дружка...»

Въ стихотвореніи на новый 1857 г. Бенедиктовъ тоже представляетъ подобныхъ господъ, и на ихъ возгласы, что «тѣхъ, что мысль колышутъ, надо бы связать», отвѣчаетъ:

«Но друзья-ль тутъ Руси
Съ гласностью въ борьбѣ?
Нѣтъ,—вѣдь это гуси
На умѣ себѣ!
Въ маскѣ патріотовъ
Мраколюбцы тутъ
Изъ своихъ разсчетовъ
Голосъ подаютъ» и пр.

Повторяемъ,—тутъ поэзіи нѣтъ и слѣда (что, впрочемъ, читатель и самъ видитъ), но мысли—превосходны. Кто бы и какъ бы ихъ не высказалъ въ Россіи въ настоящее время,—всякій заслуживаетъ привѣта и благодарности. И шлются эти благодарные привѣты г. Бенедиктову со всѣхъ сторонъ; и мы сами готовы отъ всей души уважить въ поэтѣ благородство его чувствованій, возвышенность стремленій (совершенно некстати вспомнились тутъ намъ нескромные стулья; но вы, читатели, постарайтесь забыть о нихъ)... Только все же общественныя заслуги г. Бенедиктова не ослѣпятъ насъ насчетъ степени его поэтическаго таланта. Мы знаемъ, что еслибъ его дарованіе имѣло хоть сколько-нибудь внутренней силы, а не было чисто-внѣшнимъ, то онъ бы выступилъ на то поприще, на которомъ теперь подвизается съ такимъ успѣхомъ, гораздо раньше,—по крайней мѣрѣ, немедленно послѣ того, какъ провозгласилъ, что онъ въ мірѣ боецъ. Что дарованіе г. Бенедиктова внутренней силы не имѣетъ, это видно даже изъ современныхъ его стихотвореній. Онъ въ своихъ стихотвореніяхъ не только не ставитъ новыхъ вопросовъ, не изыскиваетъ новыхъ предметовъ, но даже и въ предметахъ, давно уже вызванныхъ на Божій свѣтъ, не отыскиваетъ новыхъ сторонъ, не составляетъ новыхъ комбинацій. Характеръ его новѣйшей литературной дѣятельности можно объяснить въ немногихъ словахъ: то зло, которое повержено или, по крайней мѣрѣ, заклеймено общественнымъ мнѣніемъ,—онъ караетъ; то добро, которое сдѣлано — прославляетъ; предъ зломъ, еще нетронутымъ, обнаруживаетъ полное безсиліе, о добрѣ, еще не сдѣланномъ, или вовсе не заводитъ рѣчи, или говоритъ общія фразы, давно сдѣлавшіяся ходячими въ обществѣ. Правда, что это не есть недостатокъ, свойственный одному только г. Бенедиктову: такова почти вся наша литература послѣдняго времени. Характеръ ея очень напоминаетъ намъ школьный анекдотъ, читанный нами когда-то въ одной дѣтской книжкѣ. «Въ одной школѣ между многими благонравными мальчиками были два негодяя. Они были старше другихъ и потому исправляли въ классѣ какую-то должность. Пользуясь этимъ, они всячески притѣсняли маленькихъ мальчиковъ,—били ихъ, отнимали у нихъ разныя вещи, несправедливо жаловались на нихъ учителю. Добрые мальчики очень страдали и много плакали, но все терпѣли. Наконецъ, учитель самъ замѣтилъ въ чемъ-то старшихъ негодяевъ, пребольно высѣкъ ихъ и лишилъ должности въ классѣ. Тогда добрые мальчики очень обрадовались и, желая исправить негодяевъ, начали упрекать ихъ въ прежнихъ поступкахъ, говоря: что взяли, гордецы, воры, забіяки, ябедники, мошенники,—что взяли? Скверно вы дѣлали? Признайтесь, вѣдь скверно? Хорошо, что добрый нашъ учитель наказалъ васъ, право хорошо; давно пора бы... Негодные мальчики, слушая эти упреки, не

знали, что отвѣчать, и имъ было очень стыдно».

Возвращаясь отъ дѣтской сказочки къ г. Бенидиктову, мы должны замѣтить у него одну мысль, которая не имъ, конечно, выдумана, но имъ развивается съ особенной любовью въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Это—мысль о благѣ мира и о противоестественности войны. Въ представленіи этой мысли, г. Бенедиктовъ возвышается даже до поэтическихъ образовъ, которые вообще ему такъ рѣдко удаются. Стихотворенія «Война и миръ», «И туда», «Ваня и няня», по нашему мнѣнію, — рѣшительно лучшія изъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова. Между прочимъ, эти самыя произведенія могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, до какой степени сильно бываетъ подчиненіе рутинѣ у второстепенныхъ литературныхъ дарованій. Личное отвращеніе отъ дикихъ ужасовъ войны выразилъ г. Бенедиктовъ въ давнишнемъ, чуть-ли не одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній «Золотой вѣкъ». Тамъ говоритъ онъ, между прочимъ, довольно недурными стихами:

Вы были-ль когда-то, златые года,
Какъ праздно лежало въ недвижномъ покоѣ,
Въ родномъ подземельѣ, желѣзо тупое,
И имъ не играла пустая вражда,
И хищная сила по лику земному
Границъ не чертила кровавой чертой,
Но тихо катилось отъ рода къ другому
Святое наслѣдье любви родовой».

Но въ то время, какъ это было писано, у насъ сильно было бранное направленіе поэзіи. Привычка восхищаться пространствомъ Россіи и силой несмѣтныхъ ея штыковъ, со временъ Ломоносова или даже Симеона Полоцкаго, господствовала въ нашей литературѣ. Около 1830 г. Пушкинъ подновилъ воинственность нашей поэзіи нѣсколькими бранными стихотвореніями (лишенными, впрочемъ, поэтическаго достоинства), и могъ ли г. Бенедиктовъ противиться общему направленію? Онъ, и въ самомъ дѣлѣ, не только не противился, а даже ревностно послѣдовалъ ему, оставивъ свою мысль о безчеловѣчности войны,—до болѣе удобнаго времени. Онъ воспѣлъ громозвучными стихами «Ватерлоо», съ большимъ одушевленіемъ описывалъ сраженія въ разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ, говорилъ, что во время пира онъ «ждалъ въ тайнѣ праздника мечей» и что

«Юной жизни пламя
Сладко несть отчизнѣ въ дань.
Ей да служитъ въ охраненье
Этотъ мечъ головосѣкъ!»

Въ томъ же самомъ стихотвореніи, желая прославить Русь, онъ не находитъ ей другихъ похвалъ, кромѣ обширности и крѣпости бранной—

«Широка она, родная,
Ростомъ міру по плечо,
Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо.
Чуть зазнала пиръ кровавый,
И разсыпались враги;
Высоко шумитъ двуглавый,
Землю топчутъ русской славы
Семи-мильные шаги!..»

Совершенно противно своему убѣжденію, поэтъ восхищается здѣсь ложнымъ блескомъ, потому что имъ тогда восхищались. Онъ не въ силахъ былъ сказать что-нибудь свое, не въ силахъ былъ развить той мысли, которую мимоходомъ выразилъ, въ родѣ мечты, въ одномъ изъ своихъ же стихотвореній. Мало того, онъ отрекся отъ своей мысли, принявшись воспѣвать предметъ, который, по его собственному признанію, былъ ему ненавистенъ. Зато посмотрите, какъ смѣло и рѣшительно говоритъ онъ объ этомъ теперь, когда гуманныя идеи созрѣли, когда война всѣми признается тяжкимъ зломъ, которое становится все менѣе и менѣе неизбѣжнымъ въ человѣчествѣ. Теперь Бенедиктовъ не увлекается уже бранной славой русскаго народа, а прямо и рѣшительно говоритъ, что

«Онъ упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахѣ онъ искалъ,
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Непобѣдимый—общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ».

Даже о своей собственной дѣятельности и о трудахъ, подобныхъ ему воспѣвателей брани, г. Бенедиктовъ отзывается теперь съ похвальнымъ негодованіемъ. Во время войны, говоритъ онъ,

«Злобствуетъ даже поэтъ, сынъ слезы и молитвы:
Музу свою окуривъ испареньями битвы,
Опіумъ ей онъ подноситъ, не нектаръ; святыню
Хлещетъ бичомъ; стервенитъ своихъ пѣсенъ богиню;
Судорогъ полныя, бьютъ по струнамъ его руки;
Лира его издаетъ барабанные звуки.
«Бейтесь», кричатъ сорванцы, притаясь подъ заборомъ,
И поражаютъ любителей мира укоромъ».

Вообще о войнѣ г. Бенедиктовъ говоритъ теперь съ явнымъ пренебреженіемъ. Еще во время войны извѣстно было его стихотвореніе «Молитва», въ которой онъ съ благороднымъ отвращеніемъ говоритъ о тѣхъ, которые смѣютъ молить у Бога успѣха въ убійствахъ, и заключалъ, что единственно приличная христіанину молитва во время войны есть молитва о мирѣ. Почти тѣ же мысли повторяются имъ и въ стихотвореніи «Война и миръ». Тутъ, говоритъ онъ,

«Брошены въ прахъ всѣ идеи, въ почетѣ гремушки;
Проповѣдь мудрыхъ молчитъ, проповѣдуютъ пушки;
И опьянѣлые въ оргіи дикой народы
Цѣпи куютъ себѣ сами во имя свободы;
Чувствуя въ злобѣ своей сатану душегубца
Распри заводятъ во имя Христа-миролюбца!..»

Все стихотвореніе заключается грустнымъ восклицаніемъ: «жаль мнѣ тебя, человѣчество, бѣдное стадо!»

Въ приведенныхъ нами стихахъ, опять-таки, нѣтъ поэзіи: главное ихъ достоинство—смѣлость и твердость мысли. Но на ту же тему написаны г. Бенедиктовымъ еще два стихотворенія, въ которыхъ мы не можемъ не признать нѣсколькихъ искръ поэзіи. Одно изъ нихъ, «И туда», испорчено вычурностью представленія предмета и желаніемъ, во что бы то ни стало, произвести эффектъ. Дѣло въ томъ, что англійскіе корабли подплыли къ берегамъ Камчатки и начали ихъ обстрѣливать. Камчадалы съ изумленіемъ встрѣчаютъ незванныхъ гостей и не знаютъ, чтобы могло значить ихъ враждебное посѣщеніе. Съ виду пришельцы, кажется, похожи на людей, но поступки ихъ вовсе не человѣческіе. Странно, «а вѣдь все же это люди», говорятъ камчадалы. Вдругъ самимъ камчадаламъ дается приказаніе защищаться:

«Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй».
И дикарь въ недоумѣньи
Слышитъ странное велѣнье.
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?»
И, ушамъ своимъ не вѣря,
«Нѣтъ», сказалъ, «стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью!»

Содержаніе нѣсколько аффектировано, особенно, если мы вспомнимъ, что камчадалы хоть и не любятъ сражаться по своей трусости, но убійство человѣка не считаютъ неслыханнымъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ, съ того времени, какъ они дрались съ русскими въ началѣ прошедшаго столѣтія. Поэтому, поэтическій образъ, выбранный г. Бенедиктовымъ, не совсѣмъ удаченъ. Но уже одно то, что для выраженія своей мысли поэтъ обратился къ образу, а не къ голословнымъ фразамъ,—одно уже это заслуживаетъ большую похвалу въ такомъ поэтѣ, какъ г. Бенедиктовъ.

Другое стихотвореніе: «Ваня и няня», проще и лучше. Мальчикъ спрашиваетъ няню про войну. Та ему начинаетъ разсказывать. «Такъ они дерутся?»—прерываетъ мальчикъ.—«Да», говоритъ няня.—«Да вѣдь драться стыдно», снова возражаетъ Ваня:

«Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ».

«Разъ мы съ Мишей поссорились за игрушки, такъ папаша высѣкъ насъ обоихъ».

«Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые».
Ишь, и маленькимъ-то стыдъ!
А вѣдь тамъ большіе.
Самъ я видѣлъ сколько разъ:
Мимо шли солдаты.
У! большущіе! Я глазъ
Не спускалъ: все хваты!
Шапки мѣдныя, съ хвостомъ!
Ружей много, много!
Барабаны тромъ-томъ-томъ,
Вся гремитъ дорога.
Тромъ-томъ-томъ! И весь горитъ
Отъ восторга Ваня;
Но, подумавъ, говоритъ;
«А вѣдь вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки:
Вѣрно вышла и у нихъ
Ссора за игрушки».

Если судить слишкомъ строго, то, конечно, и это стихотвореніе можно уподобить «Разговору въ царствѣ мертвыхъ». Но г. Бенедиктову и такіе разговоры рѣдко удаются. Его «Посѣщеніе» тоже «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ», но тотъ разговоръ крайне вялъ и утомителенъ, а здѣсь въ представленіи чувствъ и мыслей мальчика есть даже какъ-будто немножко поэтическаго одушевленія. Поэтому, стихотвореніе «Ваня и няня» мы причисляемъ къ наиболѣе удачнымъ стихотвореніямъ г. Бенедиктова не только по мысли, но даже и по исполненію.

Недурныя мѣста попадаются у г. Бенедиктова во многихъ стихотвореніяхъ; но цѣлаго стихотворенія, вполнѣ выдержаннаго, мы не можемъ указать ни одного. То какой-нибудь нелѣпый тропъ испортитъ картину, то странное изображеніе ослабитъ мысль, то сравненіе какое-нибудь затемнитъ дѣло, то безчеловѣчныя фразы нарушаютъ впечатлѣніе. И это прилагается не только къ созданіямъ собственной музы г. Бенедиктова, но даже къ его переводамъ, которыхъ помѣщено въ новой книжкѣ его до двѣнадцати. Все это вообще приводитъ насъ къ тому, чтобы повторить наше заключеніе, которымъ мы начали рецензію стихотвореній г. Бенедиктова. Онъ остался тѣмъ же, что и былъ, не измѣнивши себѣ ни въ формѣ, ни въ содержаніи своей поэзіи. Эффектъ и вычурность попрежнему остались ея элементами, только канва перемѣнилась сообразно съ обстоятельствами времени. Въ зародышѣ, въ предчувствіи г. Бенедиктова давно являлись тѣ прекрасныя мысли (да и у кого же изъ мыслящихъ людей онѣ не являлись?), которыя онъ излагаетъ нынѣ; но какъ дарованіе очень слабое, второсте-

Вологод. мед. ... Библиотека „КОН"

пенное, г. Бенедиктовъ не рѣшался высказывать своихъ мыслей, пока справедливость ихъ не была, наконецъ, признана лучшею частью общества. И общество встрѣтило рукоплесканіями его убѣжденія въ томъ, въ чемъ оно само давно ужъ убѣждено было. (Тѣ, которые не были убѣждены, не убѣдились и стихами г. Бенедиктова и не рокоплескали ему). Въ этомъ фактѣ мы видимъ, между прочимъ, доказательство того, что публика наша все еще не совсѣмъ твердо стоитъ на почвѣ современныхъ идей: ей нужна еще поддержка, нуженъ лишній голосъ для ея ободренія, открытыхъ приверженцевъ и постоянныхъ дѣятелей новаго направленія еще мало. Но все же ихъ ужъ несравненно больше, чѣмъ сколько было два-три года тому назадъ. Можно надѣяться, что если все пойдетъ такъ, какъ идетъ теперь, то чрезъ нѣсколько лѣтъ новыя идеи перейдутъ изъ области общихъ фразъ къ настоящимъ, живымъ примѣненіямъ, и проповѣдывать, что свѣтъ лучше тьмы, и что надо открыто идти противъ зла, будетъ столько же безполезно и странно, какъ странно теперь серьезно доказывать, что, напримѣръ, убить человѣка дурно, или что напиться пьянымъ непохвально. Тогда-то можно ожидать и истинно-поэтическихъ произведеній въ нынѣшнемъ общественномъ направленіи. А пока оно входитъ въ поэзію только какъ общая фраза, какъ отвлеченная теорія, до тѣхъ поръ, разумѣется, публика можетъ довольствоваться и стихами г. Бенедиктова, у котораго, все-таки, надобно отдать ему справедливость, есть много мыслей, изложенныхъ очень звучно и весьма поучительныхъ.

---

122. Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ.

Замѣтки *Михаила Семевскаго*. Спб. 1857 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 120.

Областная литература, литература о томъ или другомъ частномъ вопросѣ, о той или другой части нашей территоріи только начиналась, когда появилась книжка покойнаго издателя «Русской Старины». Добролюбовъ напалъ на нее потому, что увидѣлъ въ ней совсѣмъ не то, что считалъ дѣйствительно нужнымъ и характернымъ для описанія того или другого района, не то, что далъ, напримѣръ, гр. Н. С. Толстой (см. №№ 104 и 114). Здѣсь, среди мѣстъ не напечатанныхъ въ «Современникѣ», снова указаніе на слова вмѣсто дѣла. Чтобы знать предѣлы тогдашней возможности для журналовъ и газетъ, нужно обратить вниманіе на большой пропускъ цензуры, гдѣ говорится о положеніи крестьянъ. Изъ разрѣшенной цензурою книжки нельзя было перепечатать всего въ журналѣ...

М. Л.

Обращаемъ на книжку г. Семевскаго особенное вниманіе г. Бенедиктова. Въ ней увидитъ онъ, что въ наше время общія фразы о современныхъ идеяхъ, сочувствіе общественнымъ вопросамъ и т. п. уже перестаютъ быть рѣдкостью, и что на нихъ однихъ нельзя далеко уѣхать. Нынѣ, какъ бы ни былъ бездаренъ писатель, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ его зрѣнія, какъ бы ни смутны были понятія о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, — все-таки, онъ уже понимаетъ вредъ невѣжества, беззаконность взятокъ, притѣсненій, гадость обмана, ханжества и т. п. Это уже теперь обязанность писателя, а не достоинство, подобно тому, какъ нынѣ уже не составляетъ достоинства умѣнье писать грамотно и складно; а прежде, всякаго, кто умѣлъ составить порядочную строку, считали уже за нужное хвалить, какъ человѣка, «слогъ имѣющаго». Нынѣ безграмотные писатели до того доведены, что имъ ужъ и носа показать нельзя въ литературѣ,—просто сунуться некуда, развѣ только учебникъ составить или дѣтскую книжку сочинить имъ еще дозволяется. Нынѣ даже простое глумленіе надъ грамматическими промахами авторовъ считается излишнимъ; всякій готовъ пропустить безъ вниманія даже дѣйствительную ошибку противъ языка въ статьѣ, интересной въ какомъ-нибудь отношеніи. Пропускаются же эти ошибки не потому, чтобы ихъ не считали ошибками и одобряли, а просто потому, что не хотятъ въ нихъ видѣть доказательствъ безграмотности писавшаго, а считаютъ ихъ слѣдствіемъ разсѣянности, недосмотра, опечатки и т. п. Нынѣ уже смѣшно видѣть, если кто-нибудь, въ спорѣ о важномъ предметѣ, опровергая своего

противника, вдругъ начнетъ разбирать его фразу: гдѣ тутъ подлежащее, гдѣ сказуемое? и потомъ объявитъ торжественно, что въ фразѣ глагола нѣтъ, слѣдовательно грамматическаго смысла нѣтъ, и потому онъ ея не понимаетъ. Къ такимъ грамматическимъ фигурамъ нынѣ прибѣгаютъ люди ужъ только тогда, когда они ничего дѣльнаго сказать не умѣютъ: до того вошло въ литературу сознаніе о томъ, что кто берется писать, тотъ ужъ не можетъ быть неграмотнымъ. То же самое скоро совершится и съ мнѣніями, провозвѣстники которыхъ теперь еще вызываютъ столь громкое, и иногда не совсѣмъ заслуженное, одобреніе публики. Отчасти, въ отношеніи къ нѣкоторымъ мнѣніямъ, это уже и начинаетъ совершаться: теперь, напримѣръ, никто не удивится и не подниметъ восторженнаго шума похвалъ, если кто-нибудь скажетъ, что у насъ въ чиновничьемъ мірѣ есть злоупотребленія, что общее образованіе важнѣе спеціальнаго, что насильственныя мѣры всегда дурны и т. п. А нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали же вѣдь очень дерзкимъ и отважнымъ того, кто осмѣливался сказать, что и гвардейскіе офицеры иногда дурно танцуютъ, или что и пряжка безпорочная не всегда знаменуетъ дѣйствительное отсутствіе пороковъ въ томъ, кто ее носитъ. Тогда не много нужно было, чтобы прослыть передовымъ человѣкомъ. Но теперь ужъ дѣла совсѣмъ въ другомъ положеніи. Къ тому, что было, ужъ нѣтъ возврата. Всѣ наши quasi поэтическіе возгласы противъ людей, любящихъ тьму, теперь несвоевременны и излишни. Не мы съ вами дѣлаемъ литературу, г. Бенедиктовъ: мы съ вами и прежде существовали, да вѣдь не говорили же того, что нынѣ говоримъ. Да и не мы одни,—и г. Щедринъ съ г. Печерскимъ существовали, и г. Пироговъ тоже, и г. Бабстъ тоже,—да мало-ли и еще кто былъ; а вѣдь не писалось же ничего такого, пока общество само не заговорило, пока въ немъ не являлась потребность гласности, свѣта, правды, дѣятельности. Но произошло движеніе мысли въ обществѣ,—и литература пришла въ движеніе, отдавая всѣ свои средства на служеніе общественнымъ интересамъ. Общество съ благодарностью ими воспользовалось, обратило на литературу больше вниманія, тѣснѣе сблизилось съ ней, видя, что она объясняетъ ему весьма многое и придаетъ болѣе разумности и сознательности его собственнымъ стремленіямъ.

Говоря все это, мы вовсе не хотимъ утверждать той мысли, будто наше общество такъ ужъ высоко стоитъ, что ему почти и не нужно литературы. [Мы только указываемъ на то, что г. Бенедиктовъ и подобные ему обличители пороковъ, останавливающіеся все на однѣхъ и тѣхъ же общихъ фразахъ, сильно отстаютъ уже, воображая, что безъ нихъ общество и говорить не умѣетъ. Напротивъ, дѣла только дѣлать мы еще не умѣемъ, а говоримъ-то мы очень бойко и очень много, можетъ быть больше, чѣмъ требуется для настоящаго пониманія дѣла, и ужъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ позволяетъ себѣ литература]. Литература умѣряетъ слишкомъ необдуманные порывы всестороннимъ показаніемъ вопроса и хладнокровнымъ, разумнымъ его обсужденіемъ; въ этомъ и состоитъ вообще ея заслуга предъ обществомъ. Этой-то заслуги и не имѣютъ общія фразы, какія съ важностью произносятся г. Бенедиктовымъ, г. Семевскимъ и т. п. Кстати, возвратимся къ г. Семевскому, о которомъ мы совсѣмъ позабыли, заговорившись съ г. Бенедиктовымъ.

Книга г. Семевскаго замѣчательна, какъ мы уже сказали, въ томъ отношеніи, что авторъ ея, при крайней ограниченности понятій и знаній, все-таки, выражаетъ сочувствіе къ современному направленію. О степени его знаній историческихъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій примѣръ: разсказывая исторію Великихъ Лукъ, онъ распространяется, неизвѣстно для чего, о томъ, что христіанство было водворено въ Россіи Владиміромъ Святославичемъ, внукомъ св. Ольги, который, по общему совѣту епископовъ, уничтожилъ идолопоклонство и пр. И чтобы кто-нибудь не усомнился въ открытомъ имъ фактѣ, имѣющемъ столь близкое отношеніе къ исторіи города Великихъ Лукъ, онъ дѣлаетъ ссылку на «Исторію Псковскаго Княжества» и на «Степенныя книги». Статистическіе пріемы г. Семевскаго характеризуются тѣмъ, что онъ представилъ таблицу числа жителей, домовъ, церквей, заводовъ и пр. въ Великолуцкомъ уѣздѣ, и поспѣшилъ замѣтить, что онъ не ручается за вѣрность и точность нѣкоторыхъ цифръ. Какихъ именно *нѣкоторыхъ*, онъ не сказалъ, и, такимъ образомъ, на всѣ цифры падаетъ подозрѣніе въ невѣрности и неточности; зачѣмъ же было и составлять невѣрную и неточную таблицу? Въ этнографіи г. Семевскій показываетъ себя большимъ знатокомъ, потому что подробно описываетъ, какъ особенность Великихъ Лукъ, то, что тамъ женихи свахъ засылаютъ, на дѣвичникѣ и на свадьбѣ пѣсни поютъ; что за столомъ великолучане пьютъ и ѣдятъ и т. п. При этомъ онъ съ гордостью замѣчаетъ, что «Замѣтки» его «есть страница не безполезная при описаніи быта русскаго народа» (стр. 146). Но всего замѣчательнѣе то, что авторъ приводитъ изъ своего

«Сборника великолуцкихъ пословицъ» (довольно значительнаго по его замѣчанію) такія пословицы, какъ: «чужое добро въ прокъ нейдетъ», «заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ разобьетъ», «глупому сыну не въ помощь богатство» и т. п. Если всѣ такія пословицы относить собственно къ Великолуцкому уѣзду, то, разумѣется, не трудно составить и очень значительный сборникъ: стоитъ переписать Снегирева со всѣми дополненіями. Словомъ, авторъ почти на каждой страницѣ своей книжки обнаруживаетъ такое наивное невѣдѣніе о самыхъ простыхъ предметахъ, что мы нисколько не удивились бы, еслибъ увидѣли, что онъ къ особенностямъ Великолуцкаго уѣзда причисляетъ и то, что тамъ люди вверхъ головой ходятъ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ фактовъ, сообщаемыхъ къ книжкѣ г. Семевскаго, нужно отмѣтить слѣдующія свѣдѣнія: 1) что *въ нашемъ* городѣ (такъ г. Семевскій называетъ Великія Луки), на правомъ берегу Ловати, В. И. Семевскій, дѣдъ автора «Замѣтокъ о Великихъ Лукахъ», построилъ въ 1788 г. каменный домъ для богадѣльни; что Егоръ Семевскій, дѣдъ автора (вѣроятно, другой), былъ въ числѣ лицъ, подписавшихся на сочиненіе «Историческое описаніе города Пскова, 1790 г.»; что И. Е. Семевскому, отцу автора, принадлежитъ село Федорцево; что 12 № «Москвитянина» за 1856 г. (одинъ, увы! изъ послѣднихъ нумеровъ издыхавшаго «Москвитянина») украшенъ былъ статьею автора Великихъ Лукъ «о фамиліи Грибоѣдовыхъ». Свѣдѣнія сіи будутъ, конечно, драгоцѣнны для великолуцкихъ гражданъ, сообщая имъ родословное древо ихъ историка и этнографа.

И, однако же, этотъ самый наивный юноша, изъ «Исторіи Псковскаго Княжества» узнавшій о водвореніи въ Россіи христіанства Владиміромъ и полагающій, что свахи и дружки составляютъ исключительную принадлежность великолуцкой жизни, онъ же находитъ въ себѣ силы для того, чтобы пускать вотъ какія громоносныя фразы: [«Сердце невольно сжимается при взглядѣ на картину невѣжества, изувѣрства, тупоумія, поразительной жестокости, пошлаго ябедничества и тому подобныхъ пороковъ тогдашнихъ владѣтелей крестьянъ. Чѣмъ отличался помѣщикъ отъ своего крестьянина—рѣшить трудно: платьемъ и большею возможностью дѣлать всевозможныя преступленія, начиная отъ воровства и заключая явнымъ разбоемъ и убійствомъ» (стр. 129). «Подъячіе тѣснили помѣщиковъ, пользовались всякимъ предлогомъ, объѣдали и обирали ихъ. Помѣщики грызлись между собою, сильный давилъ слабаго; крестьяне великолуцкіе, по пословицѣ, каковъ попъ, таковъ и приходъ, грабили, рѣзали другъ друга безъ стыда, безъ зазрѣнія совѣсти, а главное, почти всегда безнаказанно» (стр. 437). «Замѣчательно, что на Руси ѣдкія и въ высшей степени остроумныя изреченія противъ злоупотребленій воеводъ, судей, поповъ, приказныхъ и подъячихъ составляютъ едва ли не наибольшую часть народныхъ пословицъ (стр. 200)] [1]). И г. Семевскій даже не останавливается на фразахъ, какъ г. Бенедиктовъ: онъ приводитъ самые факты [о томъ, какъ помѣщики дрались и тягались межъ собой. Приводитъ и нѣкоторыя изъ ѣдкихъ пословицъ, хотя давно уже общеизвѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе подтверждающихъ его мысль. Въ своихъ воззрѣніяхъ, авторъ доходитъ до такой гуманности, что въ заключеніе своей книги говоритъ слѣдующую фразу, тоже общеизвѣстную, но, все-таки, благонамѣренную: «страсть мужичка—вино; угнетаемый безвыходностью и безотрадностью положенія, онъ *опускается* во всѣхъ отношеніяхъ: пьетъ съ горя, чтобы забыть пошлую дѣйствительность, голодныхъ ребятишекъ, брань и упреки жены, нѣмца-управителя, либо баринова приказчика» (стр. 211)] [2]). По закону справедливости, г. Семевскому слѣдовало бы пріобрѣсти такую же громкую славу, какую пріобрѣлъ г. Бенедиктовъ: заслуги ихъ предъ обществомъ одинаковыя; но, къ своему несчастію, г. Семевскій сказалъ свои прекрасныя фразы двумя годами позже г. Бенедиктова, и на него теперь уже не хотятъ обращать вниманія такъ, какъ еще черезъ два года не будутъ обращать вниманія и на г. Бенедиктова.

[1]) противъ порока.

[2]) хотя въ нихъ почти ничего нѣтъ такого, что бы неизвѣстно было людямъ, хоть сколько-нибудь знакомымъ съ нашимъ бытомъ.

123. Современное обозрѣніе.

О народномъ воспитаніи по поводу статьи г. Аппельрота. Воспоминанія г. Кошелева о путешествіи по славянскимъ австрійскимъ землямъ.

Напечатано вмѣстѣ съ № 120.

Первая часть статьи тѣсно связана со второй, гдѣ Добролюбовъ очень лукаво указываетъ на причины безграмотности крестьянскаго населенія: онъ не вѣритъ, что ее умышленно создавало правительство... Правда, лукавство это очень тонкое, потому что авторъ, повидимому, твердо увѣренъ въ нашемъ несходствѣ съ Австріей, что и выражаетъ рядомъ категорическихъ предложеній,—но тогдашній читатель «Современника» зналъ, для чего надобно было столько категоричности, и хорошо понималъ истинную мысль въ соединеніи безграмотности съ Австріей; особенно, когда дочиталъ статью до конца.

Добролюбовъ ясно, слѣдовательно, видѣлъ, что всѣ разговоры о народномъ образованіи до тѣхъ поръ останутся въ области словъ, пока само правительство не откажется отъ системы Николая I — всѣми силами сдерживать въ народѣ стремленіе къ грамотности (интересующихся этой стороной нашей политики отсылаю къ стр. 43—45 своей книги «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.»).

М. Л.

Въ послѣднее время очень много спорили у насъ о предметѣ, о которомъ, казалось бы, и нечего было спорить,—о грамотности. Г. Карновичъ поднялъ дѣло объ этомъ по поводу словъ г. Даля, которыя прошли совершенно незамѣченными въ «Русской Бесѣдѣ» еще 1856 г. Оказалось, что вопросъ поднятъ былъ не напрасно: г. Даль обнаружилъ въ себѣ упорнаго врага крестьянской грамотности и грозится именными списками доказать вредъ ея. Противъ него возстали многіе; въ «Спб. Вѣдомостяхъ», гдѣ была помѣщена его послѣдняя замѣтка, появились черезъ нѣсколько дней письма противъ него гг. Соловьева, Тернера, А. Т.; г. Карновичъ также представилъ свои возраженія—въ «Современникѣ»; въ то же время напечатана была статья г. Никитенка противъ мнѣнія г. Даля; даже «Молва», столь подобострастная ко всему, что печаталось въ «Русской Бесѣдѣ», возвысила голосъ въ защиту грамотности. Сама «Бесѣда» не приняла подъ свою защиту своего корреспондента (мысли г. Даля высказаны были въ письмѣ къ г. Кошелеву), и въ послѣдней, недавно вышедшей, книжкѣ высказала рѣшительное убѣжденіе въ пользѣ грамотности для народа. «По нашему убѣжденію, говоритъ издатель въ примѣчаніи къ статьѣ г. Аппельрота, «Объ основномъ народномъ образованіи»,—грамотность есть такое благо, что даже недостаточное, малоразумное усвоеніе ея большею частію для людей не только полезно, но даже истинно благодѣтельно». Въ другомъ примѣчаніи къ той же статьѣ, издатель «Бесѣды» приводитъ даже факты, опровергающіе взглядъ г. Аппельрота, нѣсколько приближающійся къ мнѣнію г. Даля. Онъ говоритъ, что въ его имѣніи грамотные крестьяне живутъ гораздо лучше неграмотныхъ, гораздо опрятнѣе, менѣе подвержены пьянству и озорничеству и пр. Въ заключеніе своей замѣтки, издатель «Бесѣды» высказываетъ слѣдующую мысль: «и безъ того много людей изъ своекорыстныхъ видовъ хлопочутъ о мракѣ; съ радостью ухватятся они за наши нападки на ложное просвѣщеніе, если мы положительно не скажемъ, что и механическая, недостаточная грамотность есть, все-таки, шагъ впередъ». Такое замѣчаніе, дѣйствительно, необходимо было, потому что статья г. Аппельрота можетъ подать поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ. Рѣшительное мнѣніе автора о грамотности вообще и о распространеніи ея въ русскомъ народѣ нигдѣ не высказывается. Но вся статья полна самыхъ жестокихъ нападокъ на нынѣшній способъ первоначальнаго обученія крестьянъ. По замѣчанію издателя, г. Аппельротъ опытный педагогъ, «ознакомившійся съ русскимъ народомъ въ селахъ, уѣздныхъ городахъ и столицахъ, въ избахъ, небогатыхъ домахъ и роскошныхъ палатахъ». Опытность автора видна изъ самой статьи, но опытность не спасла его отъ односторонняго взгляда. Онъ съ ожесточеннымъ юморомъ разсказываетъ факты безсмысленнаго обученія грамотѣ въ нашемъ народѣ; онъ передаетъ и явленія, происходящія въ народѣ вслѣдствіе этого безсмысленнаго обученія, явленія—въ самомъ дѣлѣ печальныя. Но, разсказавши все это, г. Ап-

пельротъ задаетъ себѣ вопросъ: гдѣ же корень этой уродливой грамотности, гдѣ начало этого превратнаго и неестественнаго школьнаго ученія? Откуда привилась къ намъ эта мертвящая схоластика? Такъ какъ вопросъ заданъ въ «Русской Бесѣдѣ», то отвѣтъ легко угадать: отъ иностранцевъ. «Эта неосмысленная грамотность и схоластическая формалистика, нисколько не соотвѣтствующія здоровой и размашистой природѣ русскаго человѣка, не вытекли естественнымъ образомъ изъ нашей крѣпкой и честной народной жизни, и занесены къ намъ случайно, *изъ-за моря*, какъ говорится». Жаль, что г. Аппельротъ не говоритъ, изъ-за какого моря перешла къ намъ схоластика грамотности. Если изъ-за Чернаго, то мы готовы съ нимъ согласиться, потому что сами убѣждены во вредномъ вліяніи многихъ понятій, въ древности навязанныхъ русскому народу, торопливо и формально, съ греко-славянскимъ языкомъ и съ византійской литературой [1]). Если же г. Аппельротъ разумѣетъ какое-нибудь другое море, то съ нимъ нельзя согласиться, потому что школьное ученіе книжниковъ все одно и то же у насъ, со временъ училищъ, основанныхъ Ярославомъ. Иноземцы, являющіеся къ намъ изъ Западной Европы, вовсе не виноваты въ томъ, что у насъ буквы называются азъ, буки, вѣди, — что мальчишекъ заставляютъ выдалбливать наизусть ихъ названія, потомъ такимъ же манеромъ выдалбливать склады—вѣди, земля, добро, рцы, еры = вздры. Не иностранцы, вѣроятно, виноваты и въ тѣхъ способахъ внушенія нравственности, которые г. Аппельротъ находитъ въ крестьянскихъ школахъ и описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Нельзя сказать, чтобы въ этихъ школахъ не внушалась нравственность; нѣтъ, она внушается и крѣпко вбивается розгами и другими колотушками, а чаще всего вздирается посредствомъ волосъ въ голову и оттуда переходитъ прямо въ сердце. Въ самомъ способѣ этихъ наказаній уже заключается много нравственнаго; напр., за неимѣніемъ особеннаго экзекутора, учитель приказываетъ одному изъ учениковъ наказывать другого своего провинившагося товарища; такимъ образомъ одинъ пріучается къ смиренію и терпѣнію, а въ другомъ вкореняется чувство любви къ ближнему, сострадательность и милосердіе. Вообще же эта школьная нравственность ограничивается смирнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ въ продолженіе урока, и только. Всякій разговоръ есть нарушеніе порядка, а потому и самъ учитель не разговариваетъ и не распространяется ни о чемъ, а просто задаетъ и спрашиваетъ уроки, и дѣло съ концомъ».

Все это, къ сожалѣнію, весьма справедливо; но тѣмъ не менѣе иностранцы тутъ ни на волосъ не виноваты. Тутъ виноваты наши собственныя обстоятельства историческія, развившія въ насъ безсмысленную привязанность къ формѣ. Въ положеніи учителя народной школы весьма удобно наблюдать проявленіе, того и напрасно г. Аппельрота *не обратилъ на вниманія* [1]). Факты, представленные имъ, говорятъ очень много для объясненія того, отчего народное обученіе идетъ у насъ такъ плохо. Сельскій учитель помнитъ обыкновенно свое собственное воспитаніе и ученіе и не считаетъ нужнымъ поступать съ другими иначе, нежели какъ съ нимъ поступали. Таски, колотушки, розги — онъ считаетъ не только очень обыкновеннымъ и нисколько не предосудительнымъ дѣломъ, но даже неизбѣжной принадлежностью ученія. Ему никогда и въ голову не придетъ, чтобы можно было обойтись безъ розги. А если бы и пришло какъ-нибудь, то у него немедленно сложится слѣдующее разсужденіе: «мы получше ихъ, да вѣдь терпѣли же; отчего же и имъ не терпѣть». Убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ сильно развивается въ сельскихъ и уѣздныхъ учителяхъ. На крестьянскихъ мальчиковъ они смотрятъ обыкновенно, какъ на людей низшей породы, а себя стараются поставить въ обращеніи съ ними «на дворянскую ногу». Г. Аппельротъ вообще обвиняетъ учителей за то, что они берутся за дѣло обученія, не будучи къ нему достаточно приготовлены. Но мы не будемъ такъ строги къ несчастнымъ, принимающимъ на себя учительскія обязанности изъ-за куска насущнаго хлѣба. Они не знаютъ, что дѣлаютъ, потому что имъ никто не внушилъ лучшаго взгляда на человѣческую природу, на значеніе образованія, на высокую важность званія народнаго учителя. Они видятъ только, что званіе народнаго учителя есть ничтожное мѣсто, не дающее никакихъ выгодъ, никакихъ преимуществъ, не пользующееся почетомъ, принимаемое лишь тѣми, кому иначе некуда дѣваться. Естественная логика заставляетъ ихъ сообразить, что, значитъ, обязанности, соединенныя съ этимъ мѣстомъ, вовсе не велики и не хитры: отчего же за нихъ и не взяться, если есть удобный случай? Недавно въ «Земледѣльческой Газетѣ» было нѣсколько статей о томъ, «откуда взять учителей для сельскихъ школъ?» Предлагали, между прочимъ, выбирать изъ самихъ крестьянскихъ дѣтей по нѣскольку человѣкъ для приготовленія ихъ къ должности учителей. На это возражали, что помѣщики

[1]) Намекъ на нашъ укладъ, заимствованный изъ Византіи.

[1]) Безсмыслица, происшедшая, вѣроятно, благодаря цензору, что-то нескладно вычеркнувшему.

(дѣло шло о помѣщичьихъ имѣніяхъ) не согласятся лишиться рабочихъ рукъ и еще заботиться объ образованіи мальчиковъ, какъ бы отнятыхъ у нихъ для дѣла, котораго польза должна оказаться Богъ знаетъ когда, черезъ нѣсколько поколѣній, можетъ быть. Вѣдь это не рекрутскій наборъ, въ которомъ помѣщикъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ, для чего онъ жертвуетъ своими крестьянами». Такого рода возраженіе, каково бы ни было его нравственное качество, имѣло свое фактическое значеніе нѣсколько времени тому назадъ. Но при перемѣнѣ отношеній препятствіе это можетъ устраниться. Затѣмъ, одно изъ главныхъ обстоятельствъ то, что крестьянскимъ мальчикамъ негдѣ учиться для того, чтобы приготовиться къ своему будущему званію. Въ гимназіяхъ, по разсчету населенія губерній, количество крестьянскихъ мальчиковъ, взятыхъ для ученья, неимовѣрно увеличило бы количество учащихся, такъ что потребовалось бы расширеніе гимназій. Дѣйствительно, если брать *по одному* мальчику *съ тысячи* душъ, то при милліонѣ крестьянскаго населенія въ губерніи, — составится тысяча мальчиковъ, которымъ нужно дать гимназическое образованіе, между тѣмъ, какъ въ нашихъ гимназіяхъ даже триста учениковъ (въ *семи* классахъ) дѣлаются обременительны для учителей и требуютъ параллельныхъ классовъ. Такимъ образомъ, одно уже это составитъ значительное препятствіе для повсемѣстнаго приготовленія учителей изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Особенныхъ же народныхъ педагогическихъ школъ, въ родѣ германскихъ педагогическихъ семинарій, у насъ нѣтъ. Педагогическій институтъ, правда, существуетъ, но его назначеніе — приготовлять учителей гимназій и профессоровъ, что, впрочемъ, съ гораздо большимъ успѣхомъ дѣлаютъ университеты. Учителями же низшихъ школъ назначаются люди безъ всякаго умственнаго и нравственнаго приготовленія къ этому дѣлу, люди, нерѣдко проклинающіе свою должность и почти всегда стыдящіеся ея въ обществѣ. А отчего они стыдятся, и чего собственно стыдятся? — Конечно, не рода своихъ занятій, а своего положенія, въ которомъ должность письмоводителя у станового кажется имъ верхомъ благополучія. Этого-то положенія и боятся порядочные, способные люди, которые могли бы быть хорошими учителями въ сельской школѣ. Потому мы думаемъ, что собственно о недостаткѣ въ людяхъ напрасно кричать въ этомъ случаѣ; нужно говорить только о томъ, чтобы дать порядочное положеніе этимъ людямъ. Поставьте должность сельскаго учителя хоть на ту степень общаго уваженія, на какой находится она въ Германіи; обезпечьте ее получше въ матеріальномъ отношеніи, и повѣрьте, что ею не побрезгуютъ порядочные воспитанники семинарій и гимназій. Поступаютъ же они въ гражданскую службу на пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, имѣя въ виду пять—шесть часовъ ежедневнаго механическаго труда, который вообще гораздо утомительнѣе учительскаго. Правда, въ гражданской службѣ можно черезъ нѣсколько лѣтъ добиться тепленькаго мѣстечка. Но, кажется, послѣ всѣхъ послѣднихъ явленій нашей общественной жизни и литературы, можно нѣсколько понадѣяться на наше молодое поколѣніе хоть въ этомъ случаѣ. Вѣроятно, много найдется молодыхъ людей, которые захотятъ лучше честно служить общественному дѣлу, при небогатомъ, но достаточномъ вознагражденіи, нежели добиваться случая нажить себѣ состояніе воровствомъ и обманомъ.

Отъ такихъ учителей можно будетъ и ожидать чего-нибудь порядочнаго, если только не связывать имъ руки ненужными формальностями. Формальность отношеній, въ какихъ нынѣ поставленъ сельскій учитель, отнимаетъ возможность дѣйствовать успѣшно даже у лучшихъ изъ нихъ. Обязанность учителя опредѣлена ясно: выучить крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму, закону Божію и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, по даннымъ ему букварямъ, прописямъ и руководствамъ. За тѣмъ, какъ онъ свою обязанность будетъ исполнять — наблюденія нѣтъ почти никакого. Но все же отъ времени до времени наѣзжаетъ разное начальство, которое заглядываетъ и въ школу; а если иной годъ и никто не заглянетъ, то все же надобно представить отчетъ, въ которомъ объявить, что учениковъ столько-то, пройдено столько-то,— «отъ сихъ поръ до сихъ поръ». — Мало обращается вниманія на то, каково развитіе мальчиковъ, къ чему направлено ихъ ученье; но легко можетъ случиться, что мальчикамъ захотятъ сдѣлать экзаменъ, т.-е. заставятъ ихъ прочитать склады, написать какихъ-нибудь пять тысячъ квадриліоновъ на доскѣ цифрами, или сказать наизусть заповѣди, молитвы и т. п. Отвѣтятъ — хорошо: и начальству пріятно, и учителю хорошо, и мальчики довольны; не отвѣтятъ — начальство изволитъ гнѣваться, учитель получаетъ выговоръ и поретъ мальчишекъ. Ясно, что для общаго блага необходимо твердить буквы, склады и пр.; учитель такъ и располагаетъ весь ходъ ученья, припоминая при томъ, что вѣдь самъ онъ учился совершенно такъ же. Но здѣсь мы приведемъ интересную страницу изъ статьи

г. Аппельрота, излагающую весь порядокъ обученія въ сельскихъ школахъ.

«Въ школу набираютъ мальчиковъ обыкновенно сотскіе, или, какъ говорится, наряжаютъ ихъ *въ учёбу*, а тамъ учитель, обыкновенно семинаристъ, и посадитъ этихъ ребятишекъ на лавку рядышкомъ и тотчасъ же безъ разговора дастъ имъ въ руки по букварю и заставитъ уткнуть носъ въ этотъ букварь. Сидитъ несчастный мальчишка надъ букваремъ, и смотритъ онъ безсмысленно на эти черненькія заковычки, и бормочетъ эти ненавистные азы, буки, да вѣди, да черви, а если иной назоветъ червь червякомъ, то и потасовку ему зададутъ за это,—а онъ, бѣдняга, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ: для него что червь, что червякъ одно и то же — все такая же гадина, думаетъ онъ. Вотъ и просидитъ, мальчишка надъ этими червями да людьми порядочное-таки время, и доберется онъ, наконецъ, до вожделѣнной ижицы, порядочно поистрепавши и засаливши свою книжонку, такъ что и не разберешь въ ней подъ конецъ всѣхъ этихъ крючковъ да заковычекъ, и не отличишь людей отъ червей и мыслете отъ хера. И мальчишка, хотя тоже ничего не можетъ разобрать въ своей книжонкѣ, а все-таки, уткнется въ нее и повторяетъ названія буквъ. Конечно, онъ исполняетъ это неохотно, нерадиво, кое-какъ, лишь бы только избавиться отъ наказанія,—а между тѣмъ этотъ мальчикъ думаетъ про себя: зачѣмъ это его заставляютъ въ эту ненавистную школу ходить, въ эту книжонку смотрѣть и эти азы твердить? Когда-то это мученье кончится, и скоро ли его отпустятъ домой? И носится онъ воображеніемъ въ поляхъ и лѣсахъ: тамъ и весело, и привольно, и нѣтъ тамъ глупыхъ заковычекъ, а все цвѣты да деревья, а на цвѣтахъ жучки да бабочки, на деревьяхъ птицы гнѣзды вьютъ и весело посвистываютъ,—и онъ запѣлъ бы тамъ, съ ними вмѣстѣ, — а тутъ принуждаютъ его азы бормотать,—и на что ему эти азы? То-ли дѣло, думаетъ онъ,—на рѣчку пойти, рыбу ловить и лодки спускать, или въ ручейкѣ плотину плотить и мельницу строить, или изъ прутьевъ и глины избы ставить, да сады разводить изъ разныхъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ. А тутъ его заставляютъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, смотрѣть въ книгу и бормотать какіе-то непонятные звуки, да еще за волосы таскаютъ безпрестанно. Не смотрѣлъ бы онъ на эту книжонку, да и теперь, хотя и смотритъ въ нее, а ровно въ ней ничего не видитъ, а такъ себѣ бормочетъ безсознательно; онъ занятъ своими собственными мыслями, а мысли его гуляютъ на волѣ, на просторѣ, далеко отъ букваря и отъ азовъ. Такъ пріучается этотъ свѣжій и здоровый мальчикъ къ невнимательности и къ притворству, потому что его заставляютъ безсознательно заниматься такимъ дѣломъ, которое вовсе его не занимаетъ, и въ которомъ онъ не видитъ ни цѣли, ни пользы. Природныя силы его просятъ дѣятельности — живой, энергической,—а тутъ его томятъ въ тупоумномъ бездѣйствіи; потому что это механическое, неосмысленное бормотаніе нельзя назвать дѣятельностью. Вслѣдствіе того, свѣжія силы этого здороваго мальчика постепенно слабѣютъ; энергія обращается въ апатическое равнодушіе, естественная живая любознательность и внимательность ослабѣваютъ, и, наконецъ, такой мальчикъ привыкаетъ смотрѣть воловьими глазами не только въ книгу, но и на все, его окружающее. Поплатившись порядочнымъ количествомъ волосъ и получивши для поощренія достаточное количество пинковъ и тумаковъ, мальчишка, наконецъ, выучитъ всѣ эти занимательные азы; потомъ ему задаютъ назидательные склады, — и онъ вызубриваетъ ихъ по порядку, начиная отъ буки—азъ—ба, вѣди—азъ—ва, всѣ, сколько ихъ ни есть въ букварѣ, а тамъ такіе мудреные встрѣчаются, что и выговорить трудно. Ну, да, вѣдь, розги не свой братъ, научатъ — не только мудреные склады выговаривать, а пожалуй, и по птичьему кричать научатъ. Только ужъ какимъ образомъ, изъ буквъ: слово, твердо, рци, онъ, составится слогъ стро, или почему вѣди, земля, добро, еры, произносится — какъ вздy,—этого мальчикъ никакъ понять не можетъ, хоть пять пучковъ розгъ объ него избей; учитель же никогда и не подумаетъ ему это объяснить, а просто задаетъ выучить извѣстное количество складовъ; мальчишка и учитъ наизусть совершенно безсознательно, будто звуки какого-нибудь невѣдомаго языка. Въ нѣкоторыхъ школахъ, правда, эти азы изгнаны изъ упртребленія, а мѣсто ихъ заступили—а, бе, ве и пр., въ остальномъ же все ученіе совершенно одинаково. Усовершенствованіе ограничивается только перемѣною клички буквъ.

«За складами слѣдуетъ чтеніе, развивающее умъ и сердце. Чтеніе гражданской печати по преимуществу развиваетъ умственныя способности, а церковно-славянская печать подъ титлами наиболѣе содѣйствуютъ нравственному развитію. Чтеніе же это обыкновенно производится такъ: ученику задаютъ нѣсколько строкъ, которыя онъ долженъ предварительно приготовить, т.-е. въ нихъ всмотрѣться, сидя въ школѣ, а потомъ и дома; память у мальчика здоровая, — онъ и вызубритъ этотъ урокъ наизусть, а потомъ и проговоритъ его, будто читаетъ. Случается ему тутъ иногда переставить слова и переврать эту рѣчь; иногда оно и съ рукъ сойдетъ, потому что учитель его и не слушаетъ; а только для соблюденія порядка читать заставляетъ; но иногда и попадется бѣдняга, тутъ ужъ не прогнѣвайся, потасовка бываетъ хорошая». («Рус. Бес.» Смѣсь, стр. 67—68).

Все это, къ несчастію, слишкомъ справедливо. Еще болѣе: подобный способъ обученія употребляется не въ однѣхъ сельскихъ школахъ; нерѣдко онъ переносится даже въ уѣздныя училища, употребляется даже въ низшихъ классахъ гимназій и семинарій. И вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему изъ школъ часто, *несмотря* на грамотность (но, конечно, ужъ *не по причинѣ* грамотности), выходятъ негодяи и мошенники. На этомъ основаніи, г. Аппельротъ и возстаетъ противъ той безсмысленной, ни къ чему не ведущей грамотности, какая нынѣ преподается у насъ народу. Неизвѣстно, чего желаетъ г. Аппельротъ — хорошаго ли преподаванія грамоты въ крестьянскихъ школахъ, или совершеннаго оставленія грамоты и употребленія какого-нибудь другого способа для образованія крестьянъ, напр., просто—нагляднаго ознакомленія дѣтей съ природою и т. п. По нѣкоторымъ мѣстамъ статьи можно думать, что послѣднее ему болѣе нравится. Онъ говоритъ, что простолюдинъ нашъ по своему здравому смыслу и такту дичится школьной мудрости, «какъ бы инстинктивно понимая, что она не соотвѣтствуетъ ни его внутренней духовной природѣ, ни его

прямому назначенію». Это замѣчаніе не совсѣмъ опредѣленно, потому что неизвѣстно, что разумѣетъ здѣсь авторъ подъ «школьною мудростью». Если грамотность въ томъ видѣ, какъ она преподается у насъ,—вышеизъясненнымъ способомъ,—то, разумѣется, такая мудрость никакой духовной природѣ въ мірѣ не соотвѣтствуетъ. Нужно слишкомъ низко думать о себѣ и о другихъ, чтобы приписывать себѣ, какъ преимущество,—отвращеніе отъ безсознательнаго долбленья, съ колотушками и потасовками. Если же авторъ разумѣетъ здѣсь вообще грамотность, то мы уже рѣшительно отказываемся видѣть какой-нибудь смыслъ въ словахъ, что «грамотность не соотвѣтствуетъ духовной природѣ народа». Вѣроятно, г. Аппельротъ и не хотѣлъ сказать этого. Но что же значитъ опять, что школьная мудрость, т.-е., все-таки, грамота и письмо—не соотвѣтствуютъ прямому назначенію крестьянина? Что этимъ хочетъ сказать авторъ? То ли, что мужику нужно образованіе хозяйственное, нѣкоторыя знанія, приспособленныя къ его быту, нѣсколько мыслей изъ нравоученія да немножко ходячей философіи,—а дальше соваться крестьянину не нужно, слѣдовательно, не нужно и грамотности? Здѣсь вопросъ принимаетъ другой видъ и склоняется къ тому, какое образованіе важнѣе, общее или спеціальное? Вопросъ этотъ рѣшенъ давно, и г. Аппельротъ не рѣшится, конечно, отвергать преимущество общаго образованія для всякаго званія, пола и возраста. По словамъ самаго г. Аппельрота, это образованіе должно «дать направленіе всей жизни простолюдина, изъяснить ему назначеніе и призваніе его, призваніе человѣческое, христіанское и гражданское». Спрашивается, можно ли достигнуть этого безъ пособія грамотности? Очевидно, что если и есть средства, то далеко не такъ удобныя и совершенныя, какъ грамотность. Можно, конечно, многое устно растолковать мужику; но, во-первыхъ, тогда кругъ дѣйствій суживается: голосомъ не достанешь такъ далеко, какъ книгой; во-вторыхъ, книга, все-таки, гораздо болѣе находится въ распоряженіи крестьянина, нежели живой учитель. Съ книгой онъ всегда можетъ справиться, всегда можетъ читать ее, когда только найдетъ самъ возможность и охоту; а учителя радъ бы послушать, да еще, поди-ка, залучи его къ себѣ. А и залучишь, такъ, пожалуй, не радъ будешь. Слѣдовательно, давая крестьянину грамотность, мы даемъ ему средство постоянно учиться и просвѣщаться, уже безъ помощи этихъ учителей, не умѣющихъ даже азбукѣ порядочно научить, не только что уяснить крестьянину его значеніе и назначеніе. Жалуются обыкновенно на то, что у насъ нѣтъ хорошихъ книгъ для крестьянъ; да кому же придетъ охота писать книги для безграмотныхъ? У русскаго общества не было вовсе никакихъ книгъ, когда Петръ училъ его читать по новой азбукѣ; а вѣдь, теперь есть же книги, и очень недурныя. Не препятствуйте только развитію крестьянъ, какъ умственному, такъ и хозяйственному,—и вы увидите, что крестьяне сами сумѣютъ отыскать и даже сдѣлать себѣ полезныя книги. Замѣчательно, какъ въ народѣ скоро проходитъ это отвращеніе къ школьной мудрости, о которомъ съ такою похвалою отзывается г. Аппельротъ. Грамотные крестьяне приводятъ дѣтей своихъ въ школу уже сами, безъ всякихъ понужденій. Можетъ быть, это значитъ, что гибельное вліяніе Запада успѣло уже, посредствомъ грамотности, испортить непосредственную, здоровую натуру мужика. Но какъ бы то ни было, это фактъ, почти повсюду замѣчаемый въ Россіи и доказывающій, что какъ ни плохо наученъ крестьянинъ, какъ ни дорого поплатился за ученье, а все-таки, вѣрно, грамота ему пригодилась и искупила въ глазахъ его тѣ нравственныя и физическія страданія, какимъ онъ подвергался во время ученья. Правда, что теперь грамотность не производитъ слишкомъ замѣтнаго вліянія на улучшеніе быта мужиковъ, и отчасти можно диже согласиться съ г. Аппельротомъ, что негодяи всякаго рода равно попадаются между грамотными и неграмотными. Это мнѣніе гораздо умѣреннѣе, чѣмъ мнѣніе г. Даля, утверждающаго, что между грамотѣями негодяевъ *больше*. Но и слабость вліянія грамотности объясняется, судя даже по фактамъ, предоставленнымъ въ статьѣ г. Аппельрота, — отчасти тѣмъ, что учатъ дурно, отчасти тѣмъ, что крестьянскій мальчикъ, по своему положенію, не въ состояніи вести дальше своего образованія, и, наконецъ, отчасти многими посторонними причинами, препятствующими крестьянину употреблять грамоту на пользу, какъ бы онъ самъ хотѣлъ. Когда нужно каждый день работать для хлѣба насущнаго и для разныхъ уплатъ, такъ тутъ, разумѣется, мужикъ не возьмется за книжку; у него есть болѣе настоятельныя, физическія потребности, которымъ надобно удовлетворить. Если же въ мужика слишкомъ ужъ въѣлась грамота, такъ что не можетъ онъ отстать отъ нея, то естественно, что за это званью неприличное пристрастье ему иногда приходится плохо; естественно и то, что желая извлечь изъ грамоты практическую пользу и почти не имѣя возможности извлечь ее честнымъ образамъ, онъ прибѣгаетъ

нерѣдко и къ продѣлкамъ не совсѣмъ чистымъ. Все это складывать на грамотность—столько же несправедливо, какъ и видѣть причину этого въ самой натурѣ русскаго человѣка, который, будто бы, лукавствомъ отличается предъ всѣми народами. Г. Аппельротъ сообщаетъ намъ свое наблюденіе, имѣющее нѣкоторый интересъ. Онъ говоритъ, что училъ дѣтей простолюдиновъ въ народныхъ школахъ, а равно и дѣтей такъ называемыхъ образованныхъ семействъ. Присматриваясь къ тѣмъ и другимъ, онъ нашелъ между крестьянскими дѣтьми—не только больше способныхъ, но и больше *безкорыстно*-прилежныхъ мальчиковъ. Въ образованныхъ семействахъ учатъ дѣтей изъ какихъ нибудь житейскихъ разсчетовъ или изъ тщеславія, и сами дѣти, понимая это, только и помышляютъ объ удачахъ на экзаменѣ и объ аттестатѣ, необходимомъ для карьеры. «Сынъ же какого-нибудь крестьянина, или бѣднаго рабочаго, замѣчаетъ г. Аппельротъ, никогда не думаетъ ни объ отличіяхъ, ни объ аттестатѣ, а учится охотно и толковито, если только сумѣютъ его учить съ толкомъ и заохотить живостію и наглядностію преподованія». Это наблюденіе не мѣшаетъ потверже запомнить тѣмъ, которые, съ высоты своей образованности, отзываются съ презрѣніемъ о грубой мужицкой натурѣ и о совершенной неспособности мужиковъ понять что-нибудь безъ пособія палки. Вообще—многіе факты, представленные въ статьѣ г. Аппельрота, прекрасно доказываютъ, что народъ вовсе не виноватъ въ томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находится его образованность. Пока нѣтъ запаса знаній, нѣтъ матеріаловъ для разсужденія, до тѣхъ поръ не можетъ сложиться собственный взглядъ. Какъ скоро матеріалъ собранъ, онъ не можетъ остаться мертвымъ капиталомъ, въ сколько-нибудь свѣжей головѣ сужденіе и взглядъ составятся сами собою. Но на что до сихъ поръ могъ опереться нашъ простолюдинъ? Жизненный опытъ у него былъ, но и тотъ проходилъ, не оставляя слѣда въ его душѣ, потому что крестьянину рѣдко приводилось задумываться о значеніи, связи и причинахъ ежедневныхъ явленій его жизни. При такомъ положеніи дѣла могло образоваться только слѣпое уваженіе къ старому, приверженность къ рутинѣ, и она, какъ неизбѣжное зло, дѣйствительно, мало-по-малу, утвердилась въ нашемъ народѣ. Не мудрено, что ему и грамота, какъ всѣ новые порядки, кажется чѣмъ-то дикимъ и ненужнымъ, потому что въ старину и безъ нея жили. Но сила неразумной привычки не до такой еще степени овладѣла нашимъ простонародьемъ, чтобы заглушить здравый смыслъ его. У насъ народъ очень скоро умѣетъ сообразить пользу хорошихъ нововведеній и очень скоро умѣетъ ими воспользоваться, если не помѣшаютъ постороннія обстоятельства. Но у насъ, особенно въ настоящее время, не только не мѣшаютъ народному развитію и распространенію повсюду образованности, а, напротивъ, всѣми мѣрами объ этомъ заботятся. Въ этомъ отношеніи русскій народъ имѣетъ большое преимущество передъ многими другими славянскими племенами. Препятствія къ образованію, конечно, есть и у насъ, но они болѣе зависятъ отъ случайныхъ отношеній, отъ частныхъ личностей, отъ нѣкоторыхъ ненормальныхъ отношеній между классами общества,—а совсѣмъ не отъ принципа, который бы имѣлъ въ виду покровительство невѣжеству. Въ нашей жизни нѣтъ этого принципа, и мы не можемъ даже безъ удивленія слушать разсказы о томъ, что въ другихъ мѣстахъ стараются держать народъ въ невѣжествѣ по принципу. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна статья г. Кошелева: «Шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ», помѣщенная въ томъ же нумерѣ «Бесѣды», въ которомъ находится и статья г. Аппельрота. Статья г. Кошелева заслуживаетъ особеннаго вниманія русской публики. Нельзя читать его замѣтокъ безъ изумленія: такъ все это намъ ново, чуждо; такъ для насъ неудобна кажется точка зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на австрійскую жизнь, на всѣ австрійскія отношенія. Если здѣсь и найдутся какіе-нибудь факты, сходные съ нашими, то во всякомъ случаѣ точка зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на тѣ же явленія у насъ и въ Австріи,—необходимо должна быть совершенно различна. Это—именно потому, что у насъ всѣ грустныя явленія общественной жизни мы считаемъ случайными неудачами, слѣдствіями частныхъ злоупотребленій и т. п., а тамъ—ясно во всемъ виденъ принципъ, руководящій дѣйствіями тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится судьба страны. У насъ образованность мало распространяется, но у насъ г. Аппельротъ относитъ все это къ неискусству учителей и къ нелѣпости способа преподаванія; у насъ есть чиновники, берущіе взятки, но ихъ обличаютъ, какъ преступныхъ нарушителей закона, или извиняютъ стѣсненнымъ положеніемъ семейства и т. п. Прочтите же у г. Кошелева, какой видъ имѣетъ все это въ Австріи. Представимъ здѣсь, для сравненія, сущность нѣкоторыхъ замѣтокъ г. Кошелева, придерживаясь, по возможности, ближе къ его собственнымъ словамъ.

«Мысль въ Австріи убита и не имѣетъ возможности развиваться, ни въ разговорахъ,

ни въ печати», говоритъ г. Кошелевъ, и въ подтвержденіе своего сужденія представляетъ слѣдующіе факты. Разсказы не могутъ быть свободными и откровенными, изъ опасенія повсюду распространеннаго шпіонства. Австріецъ никогда не начнетъ говорить, даже въ пріятельскомъ кабинетѣ, о правительствѣ и его распоряженіяхъ, не оглянувшись на всѣ четыре стороны и не понизивши голоса. Шпіонство въ Австріи такъ сильно, что всѣ сословія принимаютъ въ немъ участіе,—а правительство поощряетъ ихъ и слушаетъ доносы. «Не знаю, много ли полезныхъ свѣдѣній получаетъ правительство этимъ путемъ, говоритъ г. Кошелевъ: думаю, что оно узнаетъ болѣе такого, чего нѣтъ, чѣмъ что дѣйствительно есть, а потому эти свѣдѣнія не просвѣщаютъ, а только его тревожатъ». Явныхъ преслѣдованій за мнѣнія правительство не дѣлаетъ, но тайное недоброжелательство постоянно руководитъ его дѣйствіями въ отношеніи людей подозрительныхъ. «Чиновникъ за нескромное слово лишается мѣста, литераторъ при изданіи своихъ сочиненій встрѣчаетъ вооруженнаго подозрѣніемъ судью, а помѣщикъ, попавшій въ число сомнительныхъ, можетъ быть увѣренъ, что получитъ отказъ въ самой справедливой просьбѣ или жалобѣ». Отъ этого общественность повсюду убита, и нигдѣ нельзя услышать живого слова.

«Въ печати та же система. Цензуры собственно нѣтъ; но зато есть постановленіе, что всякая книга за три дня до выпуска въ свѣтъ должна быть представлена въ полицію; отъ полиціи зависитъ — разрѣшить выпускъ книги или конфисковать ее. Отъ этого происходитъ то, что ни книгопродавцы, ни сами авторы не рѣшаются на изданіе книгъ, опасаясь, что въ нихъ можетъ быть найдено что-нибудь «сомнительное», и что, слѣд., деньги, потраченныя на изданіе, пропадутъ даромъ. Оттого-то журналы австрійскіе вялы и пусты, а книгъ мало-мальски живыхъ и дѣльныхъ вовсе не выходитъ.

«Но и при такомъ способѣ охраненія своихъ интересовъ, австрійское правительство все еще не свободно отъ опасеній, и для того, чтобы еще болѣе оградить себя отъ свѣта просвѣщенія, оно издало слѣдующее постановленіе. Австрійскій чиновникъ не можетъ ничего печатать безъ предварительнаго разрѣшенія своего непосредственнаго начальства; въ журналахъ же участвовать имъ безусловно запрещено. Это постановленіе особенно тяжело для славянскихъ литераторовъ, пишущихъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Всѣ они большею частію люди бѣдные; литературными трудами существовать они не могутъ, потому что литература, по вялости и безцвѣтности своей, почти не обращаетъ на себя вниманія общества. Нужда заставляетъ ихъ искать службы, а съ службой соединена обязанность не быть литераторами.

«На славянъ особенно обращено неблагосклонное вниманіе австрійскаго правительства. Въ славянскихъ земляхъ Австріи почти вовсе не выходитъ книгъ политическаго и философскаго содержанія: первыя запрещаются полиціей, а за послѣдними зорко и недоброжелательно смотритъ католическое духовенство. Выписка книгъ иностранныхъ затруднительна и опасна. Особенно преслѣдуются русскія изданія; одно полученіе русскихъ книгъ возбуждаетъ уже подозрѣніе австрійской полиціи, и получатель немедленно причисляется къ сонму людей неблагонамѣренныхъ. Вообще — влеченіе славянъ къ Россіи всячески преслѣдуется австрійскимъ правительствомъ, хотя слѣдствія выходятъ совершенно противныя его ожиданіямъ: отъ преслѣдованій это влеченіе только усиливается, вмѣстѣ съ усиленіемъ ненависти къ Австріи».

Впрочемъ, по словамъ г. Кошелева, отъ правительства австрійскаго достается не только славянамъ и другимъ подвластнымъ народамъ. «Сами нѣмцы, господствующее племя въ Австріи, столь же стѣснены и недовольны правительствомъ, какъ и прочіе народы. Едва ли гдѣ число недовольныхъ правительствомъ такъ велико, какъ въ Австріи: можно безошибочно сказать, что въ Австріи нѣтъ человѣка, одобряющаго дѣйствія правительства и сочувствующаго его видамъ. Хуже всего то, что всѣ классы народа не уважаютъ правительства и видятъ во всѣхъ его распоряженіяхъ недобросовѣстность и враждебность къ частнымъ людямъ».

Характеръ правительства выражается во всѣхъ чиновныхъ людяхъ Австріи. Характеристика австрійскихъ чиновниковъ превосходно представлена г. Кошелевымъ. Мы рѣшаемся выписать здѣсь собственныя слова автора статьи, опасаясь, чтобы въ сокращенномъ пересказѣ нашемъ не утратилось впечатлѣніе, какое производится полнымъ изображеніемъ.

«При въѣздѣ въ Австрію изъ Пруссіи и Саксоніи (пишетъ г. Кошелевъ), первое непріятное впечатлѣніе на путешественника производитъ австрійскій чиновникъ. Онъ, правда, не грубъ, не высокомѣренъ и не черезчуръ ненасытенъ въ денежномъ отношеніи (какъ бываютъ чиновники), но между нимъ и прусскимъ или саксонскимъ должностнымъ лицомъ (Beamter) есть разстояніе огромное, разстояніе земли отъ неба. Послѣдній очевидно проникнутъ убѣжденіемъ, что онъ служитъ своей землѣ, что онъ тутъ ради людей, могущихъ имѣть въ немъ нужду, и что его долгъ всякому помочь въ исполненіи требованій закона.

Прусскій чиновникъ охотно объясняетъ вамъ все, что́ нужно, помогаетъ вамъ въ затрудненіяхъ, проситъ васъ словно за одолженіе сдѣлать то, чего онъ имѣетъ право отъ васъ требовать по закону, и такимъ образомъ даетъ наилучшее понятіе о правительствѣ, коего онъ служитъ орудіемъ. Австрійскій чиновникъ прежде всего смотритъ, чѣмъ онъ можетъ отъ васъ поживиться... Австрійскій чиновникъ взяточникъ, хотя и не грабитель; онъ не торгуется съ вами, не вымаживаетъ изъ васъ послѣдняго крейцера, но довольствуется всякою подачкою и остается вамъ за то какъ бы обязаннымъ. Австрійскій чиновникъ не отворачивается отъ васъ, когда вы къ къ нему подходите, не утыкаетъ носа въ бумагу, когда вы начинаете съ нимъ говорить, и не отвѣчаетъ грубо на ваши вопросы; но въ видѣ, въ дѣйствіяхъ его вы чувствуете лицо казенное—лицо, имѣющее привиллегію самопроизвольно распоряжаться вами и достатками вашими. Австрійскій чиновникъ, конечно, не считаетъ просителя своимъ крѣпостнымъ, оброчнымъ крестьяниномъ, но видно, что онъ чувствуетъ себя частицею правительства, разработывающаго страну не для нея, а для собственной своей пользы: и онъ хочетъ поживиться, и ему хочется сорвать съ овцы клокъ шерсти. Замѣчательно, какъ въ чиновникѣ прообразуется духъ самаго правительства и существующихъ законовъ. Правительство и законы Пруссіи просвѣщенны, умны, честны и благосклонны къ людямъ, точно таковъ и прусскій чиновникъ. Въ Австріи законы большею частію недобросовѣстны, двусмысленны, въ нихъ стелется обыкновенно мягко, но гражданамъ спать приходится жостко; правительство подозрительно и постоянно старается взять бо́льше, чѣмъ что слѣдуетъ ему по буквальному смыслу закона; таковыми являются и чиновники австрійскіе. Мнѣ кажется, что худыя дѣйствія и испорченность чиновниковъ вообще относить къ ихъ личности—несправедливо: чиновники вездѣ таковы, каковыми правительство имѣть ихъ желаетъ. Чиновниковъ исправить частными мѣрами нельзя; приказанія, преслѣдованія, даже наказанія въ этомъ случаѣ безсильны. Въ Пруссіи чиновники исправились и дошли до нынѣшняго своего положенія только потому, что само высшее правительство измѣнилось, что оно приняло въ себя новые, прежнею службою неискаженные элементы, что оно стало считать себя первымъ слугою отечества, что безкорыстіе и знаніе сдѣлались качествами первыхъ сановниковъ и что вообще правительство стало дѣйствовать честно, просвѣщенно и благонамѣренно. Я увѣренъ, что въ Австріи чиновниковъ исправить легко: стоитъ высшему правительству одушевиться искреннимъ желаніемъ служить отечеству и дѣйствовать безукоризненно, и примѣръ высшихъ чудотворно подѣйствуетъ на низшихъ». («Рус. Бес.» 1857 г., IV, смѣсь, стр. 1—3).

Грустно дѣлается послѣ чтенія подобныхъ изображеній, особенно когда представишь, что исправленіе, дѣйствительно, могло бы быть легко и скоро. Вообще, по человѣчеству, тяжело видѣть людей, у которыхъ въ рукахъ огромная возможность дѣлать добро въ широкихъ размѣрахъ, дѣлать добро прочное, истинно благодѣтельное для милліоновъ людей,—и которые не пользуются этой возможностью или даже употребляютъ ее во зло. Но еще тяжелѣе становится на душѣ, когда подумаешь, что отъ этого страдаютъ наши единоплеменники, которыхъ судьба возбуждаетъ въ насъ, все-таки, болѣе сочувствія, нежели судьба остальныхъ народовъ Европы. Пожелаемъ отъ всей души, чтобы исполнилось то, въ чемъ видитъ г. Кошелевъ лучшее средство къ искоренію всѣхъ злоупотребленій: чтобы высшее правительство Австріи, слѣдуя примѣру Пруссіи, измѣнилось, приняло въ себя новые элементы, признало безкорыстіе и знаніе главными качествами высшихъ сановниковъ и вообще одушевилось искреннимъ желаніемъ служить отечеству и дѣйствовать безукоризненно. Нѣтъ сомнѣнія, что такое направленіе правительства неизбѣжно повлечетъ за собою уничтоженіе большей части злоупотребленій администраціи и улучшеніе судьбы милліоновъ людей.

Нельзя не поблагодарить издателя «Бесѣды» за его откровенныя и благородныя замѣтки, полныя любви къ правдѣ и свѣту. Несмотря на несогласіе съ «Бесѣдой» во многихъ мнѣніяхъ, мы отъ души желаемъ ей успѣха, если она, какъ обѣщаетъ въ своемъ объявленіи, «будетъ заниматься современными вопросами, имѣющими нынѣ особенно важное значеніе». Благородство стремленій издателя «Бесѣды» и здравый взглядъ на вещи, неоднократно уже обнаруженный имъ въ его статьяхъ, ручаются, что разсмотрѣніе современныхъ вопросовъ въ «Бесѣдѣ» будетъ имѣть живой интересъ даже для партіи, не раздѣляющей многихъ изъ убѣжденій славянофиловъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ замѣтками г. Кошелева, мы не хотимъ на этотъ разъ вступать въ споръ съ нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ, и въ заключеніе повторяемъ наше искреннее желаніе, чтобы «Бесѣда» сдержала свое слово и представила намъ свои взгляды на важнѣйшіе современные вопросы, касающіеся европейской и русской жизни.

124. О степени участія народности въ развитіи русской литературы.

Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова.
Спб. 1858 г.

Напечатано во II кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 10 февраля), за подписью «—бовъ».

Статья эта очень важна для характеристики автора вообще, для изученія постепенной наслойки его убѣжденій. Это прямое исповѣданіе эстетическихъ взглядовъ Чернышевскаго, съ дальнѣйшимъ ихъ логическимъ развитіемъ (см. замѣтку къ № 116). Добролюбовъ категорически заявляетъ, что «все, что въ поэзіи является лучшимъ противъ жизни, т.-е. не вытекающимъ изъ нея прямо и естественно, все это уродливо и безсмысленно». «Пора намъ освободить жизнь отъ тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами». Въ первой части статьи смѣло и открыто брошена перчатка *реализма* къ ногамъ эстетовъ и поклонниковъ теоріи «искусства для искусства». Находя такую теорію барственной, Добролюбовъ зоветъ литературу на службу народу и въ этой, второй, части статьи дѣлаетъ прекрасный обзоръ всей нашей литературы съ точки зрѣнія проникновенности ея интересами народа, съ точки зрѣнія соотвѣтствія ея нуждамъ и интересамъ народа. Оказывается, есть очень небольшая господствующая кучка и у нея своя литература — съ одной стороны, и громадная многомилліонная Россія и у нея свое невѣжество — съ другой. Лучшіе наши писатели подходили къ народу, но не входили въ него и потому тоже дали ему очень мало. Между тѣмъ, только народный писатель, поставившій во главу своего служенія защиту интересовъ народа, можетъ сказать, что онъ дѣйствительно работалъ для тѣхъ, кто всю жизнь работаетъ для него. Вотъ почему Добролюбову такъ близки Гейне и Беранже...

Таковы основныя мысли статьи. Эти первые звуки широкой проповѣди реализма въ искусствѣ породили потомъ не мало полемики и всякихъ осложненій для «Современника», — объ этомъ еще впереди. Разумѣется, и исповѣданіе интересовъ народа было ново тогда, и особенно молодежь увлекалась имъ. Добролюбовъ на ея глазахъ бралъ знамя съ надписью: «все для народа и чрезъ посредство народа!» и, повидимому, готовился идти съ нимъ до конца своихъ дней. **М. Л.**

Книжка г. Милюкова—наша старая знакомая. Первое изданіе ея было въ 1847 г., и тогда же она была оцѣнена по достоинству въ нашихъ журналахъ. Новое изданіе этой книги пріятно напомнило намъ время перваго ея появленія и заставило подумать о томъ, что произошло въ нашей литературѣ въ послѣднее десятилѣтіе. Повидимому, ничего не произошло особеннаго: въ 1847 г. высказывались идеи и стремленія, совершенно близкія къ тѣмъ, какія высказываются въ 1858 г. Книжка г. Милюкова можетъ служить лучшимъ тому доказательствомъ. Слѣдуя мнѣніямъ Бѣлинскаго о русскихъ литературныхъ явленіяхъ, г. Милюковъ составилъ тогда очеркъ развитія русской поэзіи, — и этотъ очеркъ до сихъ поръ не теряетъ своей правды и значенія. Тогда находилъ онъ хорошими только тѣ явленія русской поэзіи, въ которыхъ выражалось сатирическое направленіе; и теперь не нашелъ онъ ничего, что можно было бы похвалить у насъ внѣ сатирическаго направленія. Тогда заключилъ онъ свой очеркъ словами Лермонтова: «Россія вся въ будущемъ»—и теперь заключаетъ его тѣми же словами... Ожидаемое будущее еще не настало для русской литературы; продолжается все то же настоящее, какое было десять лѣтъ тому назадъ... Мы еще въ томъ же Гоголевскомъ періодѣ, и напрасно ждемъ такъ давно новаго слова: для него еще, вѣрно, не выработалось содержанія въ жизни.

Но если не замѣтно ничего особеннаго во внутреннемъ содержаніи и характерѣ литературы, зато нельзя не видѣть, что внѣшнимъ образомъ она развилась довольно значительно. Вспомнимъ, какіе люди дѣйствовали у насъ на литературномъ поприщѣ въ сороковыхъ годахъ и до 1847 г. включительно. Хотя въ этомъ году Гоголь уже издалъ «Переписку», но все же онъ былъ живъ, и надежды на него не поки-

дали его почитателей. За Гоголемъ возвышался геніальный критикъ его, энергически, громко и откровенно объяснившій Россіи великое значеніе ея національнаго писателя. За Бѣлинскимъ высились еще два-три человѣка, возбуждавшіе вниманіе публики къ вопросамъ философскимъ и общественнымъ. Подъ ихъ знаменемъ ратовала тогда литература противъ неправды и застоя; отъ нихъ заимствовала она свою энергію и жизнь.

Теперь тоже литература призываетъ общество къ правдѣ и дѣятельности, тоже возстаетъ противъ злоупотребленій, — но кто несетъ наше знамя? Вокругъ кого собрались литературные дѣятели? Изъ тѣхъ, кто одушевлялъ литературу въ сороковыхъ годахъ,

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече».

Изъ новыхъ же дѣятелей нѣтъ никого, кто бы, по своему таланту и вліянію, равнялся Гоголю или Бѣлинскому. Теперь нѣтъ литературныхъ вождей, подобныхъ прежнимъ; они исчезли одинъ за другимъ: русская литература утратила ихъ въ самый годъ смерти Бѣлинскаго или недолго спустя. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали дѣйствовать и послѣ, даже еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; но для большинства русской публики труды ихъ оставались неизвѣстными въ эти года. Такъ, Гоголь до конца жизни не переставалъ работать надъ своимъ созданіемъ; но только немногіе близкіе къ нему люди знали, какое произведеніе готовитъ онъ. До прочихъ едва доходили темные, неопредѣленные слухи о продолженіи «Мертвыхъ душъ». Такъ было и съ нѣкоторыми изъ другихъ литературныхъ дѣятелей [1]). Такъ и до сихъ поръ, послѣ смерти Гоголя и прекращенія дѣятельности Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, продолжается у насъ отсутствіе громкаго имени, отъ котораго приходила бы въ движеніе литература, которымъ бы направлялась извѣстнымъ образомъ ея дѣятельность.

А между тѣмъ, кто не видитъ, что литература, при всѣхъ своихъ утратахъ и неудачахъ, осталась вѣрною своимъ благороднымъ преданіямъ, не измѣнила чистому знамени правды и гуманности, за которымъ она шла въ то время, когда оно было въ сильныхъ рукахъ могучихъ вождей ея. Теперь никого нѣтъ во главѣ дѣла, но всѣ дружно и ровно идутъ къ одной цѣли: каждый писатель проникнутъ тѣми идеями, за которыя, лѣтъ десять тому назадъ, ратовали немногіе лучшіе люди; каждый, по мѣрѣ силъ, преслѣдуетъ то зло, противъ котораго прежде возвышалось два-три энергическихъ голоса. То, что было тогда достояніемъ немногихъ передовыхъ людей, перешло теперь во всю массу людей образованныхъ и пишущихъ. Кто не умѣлъ или не хотѣлъ усвоить себѣ этихъ живыхъ уроковъ недавняго прошедшаго, тотъ уже считается отсталымъ, отчужденнымъ отъ общаго дѣла, мертвецомъ между живыми, и его хоронятъ за-живо, несмотря ни на ученость, ни на талантъ. Да что же иначе и дѣлать съ человѣкомъ, который самъ зарываетъ талантъ свой въ землю и мертвой буквой убиваетъ жизнь духа? Богъ съ ними; пусть сочиняютъ себѣ надгробныя надписи, долженствующія нѣкогда напомнить объ ихъ безсмертіи. Живой о живомъ думаетъ, и нынѣшняя литература стремится извѣдать жизнь и на практикѣ приложить и провѣрить истины, привитыя общему сознанію достопамятными дѣятелями прежнихъ лѣтъ. Все проникнуто этимъ духомъ, и,—повторимъ еще разъ,—хотя во внутреннемъ содержаніи литература не подвинулась впередъ, кругъ идей ея не расширился, но кругъ приверженцевъ этихъ идей значительно увеличился; усвоеніе ихъ стало тверже и полнѣе. Въ этомъ видимъ мы внѣшнее развитіе литературы, составляющее прогрессъ ея въ послѣднія десять лѣтъ, и несомнѣнную, дѣйствительную ея заслугу. Она собственною силою сохранила еще свое достоинство отъ мелкихъ продѣлокъ и жалкихъ поползновеній, унижавшихъ въ другія времена званіе писателя. Она собственною силою завоевала себѣ этотъ кружокъ людей, со всею энергіей правды и молодости отдавшихъ себя на служеніе правому дѣлу, при первой возможности честно и правдиво послужить ему. Въ этомъ уже не малая заслуга, и она можетъ сдѣлаться громадною, если распространеніе идей добра и правды будетъ продолжаться такимъ же образомъ, и если интересы, возбужденные литературою, проникнутъ, наконецъ, въ массы народа. Тогда-то нельзя будетъ не признать великаго значенія литературы.

Но это все будущее и, безъ сомнѣнія, довольно отдаленное. Книга же г. Милюкова даетъ намъ поводъ прослѣдить значеніе русской литературы въ прошедшемъ. Кстати, здѣсь же, мы можемъ объясниться съ нѣкоторыми книжниками, которые взводятъ на «Современникъ» обвиненіе, будто онъ совершенно отвергаетъ всякое значеніе литературы для общества.

Книжные приверженцы литературы очень горячатся за нее, считая прекрасныя литературныя произведенія началомъ всякаго

---

[1]) Намекъ на Герцена, начавшаго съ 1849 года печататься за границей.

добра. Они готовы думать, что литература заправляетъ исторіей, что она [измѣняетъ государства, волнуетъ или укрощаетъ народъ], передѣлываетъ даже нравы и характеръ народный; особенно поэзія,—о, поэзія, по ихъ мнѣнію, вноситъ въ жизнь новые элементы, творитъ все изъ ничего. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ они указываютъ на великія поэмы первыхъ вѣковъ человѣчества, на поэзію индійскую, еврейскую, греческую и на продолженіе ихъ въ твореніяхъ величайшихъ геніевъ новыхъ временъ. «Сколько великихъ тайнъ,—говорятъ они, — повѣдано міру въ великолѣпныхъ созданіяхъ фантазіи юнаго человѣчества! Безъ индійской и персидской поэзіи не было бы въ человѣчествѣ сознанія о борьбѣ двухъ началъ, добра и зла, во всемъ мірѣ; безъ Гомера не было бы Троянской войны, безъ Виргилія Эней не странствовалъ бы въ Италію, безъ Мильтона не было бы Потеряннаго Рая, безъ Данте — живыхъ представленій ада, чистилища и рая». Не было бы,—это въ высшей степени справедливо; всѣ эти прекрасныя созданія принадлежатъ творческой фантазіи младенчествующаго народа или увлеченнаго вдохновеніемъ поэта. Но знаете ли что? — созданія фантазіи такъ вѣдь и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не переходятъ въ дѣйствительность. Несмотря на все величіе гомерическихъ рапсодій, героическій вѣкъ, съ своими богами и богинями, не явился въ Греціи во времена Перикла, равно какъ и въ Италіи Виргилій, при всемъ своемъ краснорѣчіи, не могъ уже возвратить римлянъ имперіи къ простой, но доблестной жизни ихъ предковъ, и не могъ превратить Тиберія въ Энея. Мало того—явленія, изображенныя во всѣхъ названныхъ нами поэмахъ, и сами по себѣ-то не имѣютъ дѣйствительности и съ каждымъ годомъ все болѣе отодвигаются въ туманный міръ призраковъ... Увы!

« . . . . . Мечты поэта!
Историкъ строгій гонитъ васъ!»

Юнона не обольщала Зевса, Афродита не спасала Париса на полѣ битвы, Аѳина не обманывала Гектора, Эней не видался съ Дидоной, Шива не боролся съ Брамой и т. д. Если во всѣхъ этихъ преданіяхъ и есть что-нибудь достойное нашего вниманія, то именно тѣ части ихъ, въ которыхъ отразилась живая дѣйствительность. Самыя заблужденія, какія мы въ нихъ находимъ, интересны для насъ потому, что нѣкогда они не были заблужденіями, нѣкогда цѣлые народы вѣрили имъ и по нимъ располагали жизнь свою. Оттого-то и нравится намъ доселѣ поэзія древняго міра и нѣкоторыя фантастическія произведенія поэтовъ новаго времени, тогда какъ ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждаютъ въ насъ нелѣпыя сказки, сочиняемыя разными молодцами на потѣху взрослыхъ дѣтей и выдаваемыя нерѣдко за романы, были, драмы и пр. Тамъ видна жизнь своего времени, и рисуется міръ души человѣческой съ тѣми особенностями, какія производитъ въ немъ жизнь народа въ извѣстную эпоху, а здѣсь—ничего нѣтъ, кромѣ праздныхъ выдумокъ, стоящихъ въ разладѣ съ жизнью и происходящихъ отъ фантастическаго, произвольнаго смѣшенія понятій и вѣрованій разныхъ временъ и народовъ. Такъ, въ музыкѣ нравятся намъ нерѣдко дикіе аккорды, уклоняющіеся отъ правилъ музыкальной гармоніи, но удачно выражающіе какой-нибудь, дѣйствительно существующій диссонансъ въ природѣ; между тѣмъ, намъ деретъ уши, а вовсе не производитъ пріятнаго впечатлѣнія, нечаянно сдѣланная ошибка, когда артистъ возьметъ одну ноту вмѣсто другой. Дѣлая это сравненіе, мы хотимъ сказать, что поэзія и вообще искусства, науки слагаются по жизни, а не жизнь зависитъ отъ поэзіи, и что все, что въ поэзіи является лучшимъ противъ жизни, т.-е. не вытекающимъ изъ нея прямо и естественно, все это уродливо и безсмысленно. Что отжило свой вѣкъ, то ужъ не имѣетъ смысла; и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотою лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ. Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но они гадки во французскихъ трагедіяхъ и въ нашихъ одахъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззванія среднихъ вѣковъ могли увлекать сотни тысячъ людей на брань съ невѣрными, для освобожденія Святыхъ мѣстъ; но тѣ же воззванія, повторенныя въ Европѣ XIX в., не произвели бы ничего, кромѣ смѣха. Пиндаръ воспѣвалъ олимпійскія игры, и вся Греція благоговѣйно внимала ему; въ наше время никто уже серьезно не воспѣваетъ церемоніальныхъ процессій и торжествъ всякаго рода; а если и находились господа, воспѣвавшіе излеровскіе фейерверки и иллюминаціи на разные случаи [1]), то они всѣмъ показались до того пошлы, что даже не возбудили смѣха. Конечно, не поэзія произвела всѣ эти явленія въ жизни, а жизнь заставила иначе смотрѣть на поэзію. Пора намъ освободить жизнь отъ тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная съ Платона, возстаютъ они противъ реализма и еще, не понявши хорошенько, перепутываютъ его ученіе. Непремѣнно хотятъ дуа-

[1]) Особенно на коронацію Александра II.

лизма,—хотятъ дѣлить міръ на *мыслимое* и *являемое*, увѣряя, что только чистыя идеи имѣютъ настоящую дѣйствительность, а все являемое, т.-е. видимое, составляетъ только отраженіе этихъ высшихъ идей. Пора бы ужъ бросить такія платоническія мечтанія и понять, что хлѣбъ не есть пустой значокъ, отраженіе высшей, отвлеченной идеи жизненной силы,—а просто хлѣбъ—объектъ, который можно съѣсть. Пора бы отстать и отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ, будто бы, образуется жизнь, точно такъ, какъ отстали, наконецъ, отъ телеологическихъ мечтаній, бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики. Бывало, вѣдь добрые люди пренаивно разсуждали, какъ это удивительно глазъ приноровила природа къ тому, чтобы видѣть: и зрачки, и сѣточки, и оболочка, все, точно нарочно, такъ ужъ и придѣлано, чтобы видѣть; и никакъ вѣдь не хотѣли сообразить добрые люди, что не потому такъ глазъ устроенъ, что намъ такая крайняя есть необходимость видѣть, и видѣть именно вверхъ ногами и въ миніатюрѣ; а просто видимъ мы, и видимъ такъ, а не иначе, именно потому, что глазъ нашъ такъ ужъ устроенъ. Или удивлялись, какъ рѣки текутъ: водѣ, видите, надо всегда внизъ бѣжать, и,—непостижимая предусмотрительность природы!—въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка течетъ, непремѣнно въ руслѣ есть склонъ; ну, вода-то и течетъ себѣ свободно... Добрые люди и того не хотѣли подумать, что рѣка по склону-то именно и течетъ; не будь его вправо, такъ она пойдетъ влѣво, а не станетъ дожидаться, покуда подъ нею склонъ образуется. Нѣтъ, по мнѣнію добрыхъ людей, если Волга течетъ въ Каспійское море, такъ это потому единственно, что она питаетъ особенное, невещественное, идеальное сочувствіе къ Каспію, и, въ силу такой идеи, она должна была непремѣнно дойти именно до Каспія, хотя бы цѣлые Альпы встрѣтились ей на дорогѣ.

Въ естественныхъ наукахъ всѣ подобныя аллегоріи давнымъ-давно оставлены; пора бы покончить съ ними и въ области литературы и искусства. Не жизнь идетъ по литературнымъ теоріямъ, а литература измѣняется сообразно съ направленіемъ жизни; по крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ не только у насъ, а повсюду. Когда человѣчество, еще не сознавая своихъ внутреннихъ силъ, находилось совершенно подъ вліяніемъ внѣшняго міра и, подъ вліяніемъ неопытнаго воображенія, во всемъ видѣло какія-то таинственныя силы, добрыя и злыя, и олицетворяло ихъ въ чудовищныхъ размѣрахъ, тогда и въ поэзіи являлись тѣ же чудовищныя формы и та же подавленность человѣка страшными силами природы. Когда же человѣкъ немножко попривыкъ къ этимъ силамъ и созналъ отчасти свое собственное значеніе, тогда и силы природы сталъ онъ представлять антропоморфически, приближая ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ развивалась поэзія греческая, съ своими божествами. Въ себѣ человѣкъ созналъ прежде всего внѣшнія, физическія качества—и на первой ступени развитія каждаго народа являются героическія сказанія. Сила доставляетъ однимъ преимущества, которыхъ лишаются другіе; въ элементъ поэзіи входитъ воспѣваніе того, какъ одинъ побѣдилъ другого и какіе получилъ трофеи. Трофеи доставляютъ побѣдителямъ возможность давить побѣжденныхъ своимъ великолѣпіемъ, а побѣжденныхъ заставляютъ склониться предъ силою побѣдителя и признать надъ собой ея права; въ поэзіи въ это время является восторженная ода, воспѣвающая покорность рабовъ и вассаловъ. Но побѣдители забываются и начинаютъ ужъ слишкомъ тѣснить побѣжденныхъ; является ропотъ, негодованіе, и въ литературѣ оно выражается сатирой, сначала глухой, дѣйствующей намеками—въ баснѣ, потомъ болѣе открытой—въ сатирѣ лирической и драматической. Возбужденное негодованіе пробуждаетъ, разумѣется, въ обѣихъ сторонахъ взаимныя опасенія, желаніе уладить дѣло къ выгодѣ собственной, и какъ можно больше вытянуть для себя отъ противной стороны. Это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на устройство общественной и семейной жизни, на отношенія однихъ членовъ общества къ другимъ, и литература склоняется къ общественнымъ интересамъ. Разнообразіе этихъ интересовъ и успѣхи борьбы изъ-за нихъ опредѣляютъ дальнѣйшее развитіе литературы. Бываетъ время, когда народный духъ ослабѣваетъ, подавляемый силою [побѣдившаго класса [1])], естественныя влеченія замираютъ на время, и мѣсто ихъ заступаютъ искусственно возбужденныя, насильно навязанныя понятія и взгляды, въ пользу побѣдившихъ; тогда и литература не можетъ выдержать: и она начинаетъ воспѣвать нелѣпыя и беззаконныя затѣи класса побѣдителей, и она восхищается тѣмъ, отъ чего съ презрѣніемъ отвернулась бы въ другое время. Такъ было, напримѣръ, у нѣмцевъ въ началѣ прошлаго столѣтія, когда хотѣли заставить ихъ забыть за разными потѣхами кровавыя передряги предшествовавшаго времени. Подобное тому бывало и у другихъ народовъ. Но какъ скоро общество или народъ очнется и почувствуетъ, хотя смутно, свои естественныя нужды, станетъ искать средствъ для удо-

[1]) побѣдителей,

влетворенія своимъ потребностямъ,—и литература тотчасъ является служительницею его интересовъ. И голосъ ея обыкновенно бываетъ тѣмъ рѣзче, тѣмъ тверже, чѣмъ болѣе силы пріобрѣтаетъ въ обществѣ дѣло, ею защищаемое. Наоборотъ не бываетъ; а если иногда и кажется, будто жизнь пошла по литературнымъ убѣжденіямъ, то это иллюзія, зависящая отъ того, что въ литературѣ мы часто въ первый разъ замѣчаемъ то движеніе, которое, непримѣтно для насъ, давно уже совершалось въ обществѣ. Иначе и не можетъ быть: откуда вдругъ взялись бы, хоть у насъ, напримѣръ, жалобы на злоупотребленія чиновниковъ или толки о желѣзныхъ дорогахъ, если бы въ обществѣ не было давно уже потребности въ правосудіи и въ хорошихъ путяхъ сообщенія? Для того, чтобы извѣстная идея высказалась, наконецъ, литературнымъ образомъ, нужно ей долго, незамѣтно и тихо созрѣвать въ умахъ людей, имѣющихъ прямое, непосредственное соотношеніе съ практическою жизнью. На вопросы жизни отвѣчаетъ литература тѣмъ, что находитъ въ жизни же. Поэтому—направленіе и содержаніе литературы можетъ служить довольно вѣрнымъ показателемъ того, къ чему стремится общество, какіе вопросы волнуютъ его, чему оно наиболѣе сочувствуетъ. [Разумѣется, все это мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда голосъ литературы не стѣсняется разными посторонними обстоятельствами. Нельзя, напр., думать, что индійцы спокойно смотрятъ на неистовства англичанъ, потому что въ остъ-индскихъ газетахъ не было нѣкоторое время рѣзкихъ статей противъ англійскихъ злоупотребленій. Мы знаемъ, что причина такого страннаго спокойствія вполнѣ внѣшняя—запрещеніе остъ-индскаго генералъ-губернатора. Точно такъ, зная, что въ Австріи почти не выходитъ порядочныхъ философскихъ книгъ, нельзя полагать, чтобы нѣмцы, живущіе въ Австріи, отъ природы лишены были способности философствовать, которою такъ богаты ихъ единоплеменники, живущіе въ другихъ государствахъ. Не выходитъ же книгъ потому, что католическіе монахи зорко за ними смотрятъ и стараются не допускать ихъ до печати. Но это явленія исключительныя, возможныя только при австрійской подозрительности, да при остъ-индскомъ призволѣ] [1]); большею же частію общественные, жизненные интересы тотчасъ проявляются въ литературѣ, съ большею или меньшею сознательностью и ясностью.

Сознательности и ясности стремленій въ обществѣ литература много помогаетъ,—въ этомъ мы отдаемъ ей полную справедливость. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на то, чѣмъ полна теперь вся Россія, что отодвинуло далеко назадъ всѣ остальные вопросы,—на измѣненіе отношеній между помѣщиками и крестьянами. Не литература пробудила вопросъ о крѣпостномъ правѣ; она взялась за него, и то осторожно, непрямо, тогда только, когда онъ уже совершенно созрѣлъ въ обществѣ; и только теперь, когда онъ уже прямо поставленъ правительствомъ, литература осмѣливается прямо и серьезно разсматривать его. Но какъ ничтожно было участіе литературы въ возбужденіи вопроса, столь же велико можетъ быть ея значеніе въ строгомъ и правильномъ его обсужденіи. Намъ уже много разъ приходилось слышать отъ многихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, что теперь необходимо, чтобы люди науки и мысли, равно какъ и люди жизненнаго опыта, одинаково приняли на себя трудъ высказать печатно свои замѣчанія о томъ, какъ, по ихъ мнѣнію, лучше устроить это дѣло, столь важное и благодѣтельное. Въ этомъ случаѣ—литература незамѣнима. По нашему мнѣнію, она можетъ принести здѣсь гораздо болѣе пользы, чѣмъ даже открытыя, публичныя совѣщанія. Совѣщанія эти, во всякомъ случаѣ, должны имѣть болѣе или менѣе частный характеръ, и кромѣ того въ нихъ слишкомъ много страстности, импровизація нерѣдко замѣняетъ строго послѣдовательное разсужденіе и рѣшеніе. Литературныя разсужденія имѣютъ характеръ всеобщности: ихъ можетъ читать вся Россія. Кромѣ того, въ литературномъ изложеніи пылъ перваго увлеченія непремѣнно сглаживается, и мѣсто его необходимо заступаетъ спокойная обдуманность, хладнокровное соображеніе мнѣній разныхъ сторонъ и выводъ строго логическій, свободный отъ впечатлѣній минуты. Здѣсь роль литературы чрезвычайно важна, и великость ея значенія ослабляется въ этомъ случаѣ только малостью круга, въ которомъ она дѣйствуетъ. Это послѣднее—такое обстоятельство, о которомъ невозможно безъ сокрушенія вспомнить, и которое обдаетъ насъ холодомъ всякій разъ, какъ мы увлечемся мечтаніями о великомъ значеніи литературы и о благотворномъ вліяніи ея на человѣчество.

Въ самомъ дѣлѣ, мы впадаемъ въ страшное самообольщеніе, когда считаемъ свои писанія столь важными для народной жизни; мы строимъ воздушные замки, когда полагаемъ, что отъ нашихъ словъ можетъ перемѣняться ходъ историческихъ событій, хотя бы и самыхъ мелкихъ. Конечно, пріятно и легко строить воздушные міры

[1]) Разумѣется, бываютъ и исключенія, но о нихъ мы не говоримъ.

«И увѣрять, и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы!»

Но сдѣлайте маленькій, безпристрастный разсчетъ, и вы увидите, какъ велико ваше самообольщеніе у лучшихъ нашихъ журналовъ, въ которыхъ сосредоточивается вся литературная дѣятельность, насчитывается до 20,000 подписчиковъ, столько же будетъ и у газетъ (хотя подписчики на журналы обыкновенно подписываются и на газеты). Если на каждый экземпляръ положить 10 читателей, то окажется 400,000. Можно порадоваться такой цифрѣ, забывъ на минуту, что она преувеличена. Но скажите, что же значатъ эти сотни тысячъ предъ десятками милліоновъ, населяющихъ Россію? Какъ же живутъ эти остальные 64,600,000, не читающіе нашихъ газетъ и журналовъ? Участвуютъ ли они въ тѣхъ разсужденіяхъ о возвышенныхъ предметахъ, какія мы съ такою гордостію стараемся повѣдать міру? Интересуютъ ли ихъ наши художественныя созданія, которыми мы восхищаемся? Находятъ ли они отраду въ тѣхъ живыхъ мысляхъ, какія мы высказываемъ, въ нашихъ литературныхъ обличеніяхъ, общественныхъ вопросахъ, поднятыхъ во имя цѣлаго человѣчества? Знаетъ ли это человѣчество, что мы о немъ хлопочемъ, что мы лѣземъ изъ кожи, готовы подраться между собой, споря о его благосостояніи?.. [Знаютъ ли крестьяне села Безводнаго или Многоводнаго, Затишья или Залѣсья, что ихъ исправники, становые и управители давно уже преданы суду общественнаго мнѣнія,—въ литературныхъ очеркахъ, картинахъ, воспоминаніяхъ и т. п.? Знаютъ ли они все это и чувствуютъ ли облегченіе своей участи, подъ благотворнымъ вліяніемъ литературы? Да и сами-то исправники, становые и управители знаютъ ли о литературномъ судилищѣ? Многіе слыхали, вѣроятно, а иные, можетъ быть, и сами читали; но большая-то часть, вѣроятно, не читала. Да и когда имъ читать? Имъ надобно службой заниматься; бросить служебныхъ занятій нельзя, потому что они выгоду доставляютъ;—а читаньемъ, вѣдь, сытъ не будешь. Если же и случится прочитать коечто, такъ каждый пойметъ по-своему и приметъ къ свѣдѣнію то, что наиболѣе приближается къ его понятіямъ.] Можно предполагать, что число негодяевъ и мошенниковъ, исправленныхъ литературою, крайне ограничено. Кажется, мы не ошибемся, если на сто тысячъ общаго числа читателей положимъ одного исправленнаго негодяя (да и то мы боимся, чтобы читатели не осердились на насъ за то, что мы предполагаемъ въ ихъ числѣ такихъ нехорошихъ людей; но просимъ извиненія, оправдываясь пословицею: въ семьѣ не безъ урода). Слѣдовательно, всѣ эти, столь многія сотни литераторовъ, проникнутыхъ горячею любовью къ добру и еще болѣе горячею ненавистью къ пороку, всѣ эти доблестныя фаланги мирныхъ рыцарей слова должны ограничить кругъ своихъ подвиговъ только *четырьмя* обращеніями (да и то сомнительными, замѣтитъ читатель). Ту же самую ограниченность круга дѣйствій нужно замѣтить и въ тѣхъ *отдѣлахъ литературы*, которые имѣютъ предметомъ распространеніе знаній. Напр., сколько было у насъ толковъ о воспитаніи и обученіи. Толковали преимущественно о школьномъ воспитаніи. А сколько народу у насъ учится въ школахъ? Всего на всего, во всѣхъ вѣдомствахъ и на всѣхъ степеняхъ обученія, съ небольшимъ 350,000 мальчиковъ да дѣвочекъ до 40,000. Изъ всего числа ихъ, статьи о воспитаніи были прочитаны, разумѣется, только нѣсколькими студентами. Да онѣ, правда, не для воспитанниковъ и назначались, а для учителей. Учителей у насъ тысячъ 15 (на всю-то Россію!), и можно полагать, что десятая часть изъ нихъ прочитала то, что было писано о недостаткахъ современнаго воспитанія и обученія. Изъ этой десятой части, половина, навѣрное, знала еще гораздо раньше то, на что, наконецъ, указываетъ литература; а изъ остальныхъ, одни прочитали и не согласились, а другіе согласились, да поняли по-своему, и хорошо, если хоть десятая доля поняла все, какъ слѣдуетъ. Изъ понявшихъ же, вѣроятно, не болѣе, опять, какъ десятина приняла на себя трудъ приложить писанныя мудрости къ дѣлу, да и изъ нихъ, дай Богъ, чтобы хоть десятая часть имѣла успѣхъ. Такимъ образомъ и окажется только полтора человѣка, въ практической дѣятельности которыхъ проявится благодѣтельное вліяніе литературы. Результаты не до такой степени блистательные, чтобы за нихъ сочинять себѣ тріумфы, сплетать вѣнки и воздвигать памятники!—Напрасно также у насъ и громкое названіе *народныхъ* писателей: народу, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится: онъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы дать средства полмилліону читающаго люда прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота немалая! Она-то и служитъ причиною того, что литература доселѣ имѣетъ такой ограниченный кругъ дѣйствія. Не навязывай мы народу заботы о

нашемъ прокормленіи и о всякомъ нашемъ удовольствіи, такъ, конечно, мы же были бы въ выигрышѣ; наши просвѣщенныя идеи быстро распространялись бы въ массахъ, и мы стали бы имѣть больше значенія, наши труды стали бы цѣнить выше. Но, къ сожалѣнію, литература, т.-е. ея восхвалители и многіе другіе дѣятели, находятся въ горькомъ самообольщеніи, изъ котораго трудно извлечь ихъ. Изобразивши художественнымъ образомъ красу природы, неба, цвѣтъ розово-желтый облаковъ, или совершивши глубокій анализъ какого-нибудь перегороженнаго сердца, или трогательно разсказавши исторію будочника, вынувшаго пятакъ изъ кармана пьянаго мужика, литераторъ изображаетъ, что онъ ужъ невѣсть какой подвигъ совершилъ, и что отъ его созданія произойдутъ для народа послѣдствія неисчислимыя. Напрасно: созданіе это, во-первыхъ, и не дойдетъ до народа, а во-вторыхъ, если и дойдетъ, то ни мало не займетъ его и не принесетъ ему пользы. Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе незначительнаго; оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ парціальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа и для него интересные, то трактуются опять не съ общесправедливой, не съ человѣческой, не съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другого класса. Въ нашей литературѣ это послѣднее обстоятельство еще не такъ замѣтно, потому что вообще у насъ въ прежнее время мало толковали о народныхъ интересахъ; но въ литературахъ западныхъ духъ парціальности выставляется несравненно ярче. Всякое явленіе историческое, всякое государственное постановленіе, всякій общественный вопросъ, обсуживается тамъ въ литературѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно интересамъ различныхъ партій. Въ этомъ, конечно, ничего еще нѣтъ дурного,—пусть каждая партія свободно выскажетъ свои мнѣнія: изъ столкновенія разныхъ мнѣній выходитъ правда. [Но дурно вотъ что: между десятками различныхъ партій почти никогда нѣтъ партіи народа въ литературѣ] [1]). Такъ, напр., множество есть исторій, написанныхъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, и съ католической точки зрѣнія, и съ раціоналистической, и съ монархической, и съ либеральной, — всѣхъ не перечтешь. Но много ли являлось въ Европѣ историковъ народа, которые бы смотрѣли на событія съ точки зрѣнія народныхъ выгодъ, разсматривали, что выигралъ или проигралъ народъ въ извѣстную эпоху, гдѣ было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нѣсколькихъ титулованныхъ личностей, завоевателей, полководцевъ и т. п. Политическая экономія, гордо провозглашающая себя наукою о *народномъ* богатствѣ, въ сущности заботится только о возможно-выгоднѣйшемъ употребленіи и возможно скорѣйшемъ увеличеніи капитала, слѣдовательно, служитъ только классу капиталистовъ, весьма мало обращая вниманія на массу людей безкапитальныхъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ собственнаго труда. Нѣсколько голосовъ поднималось, правда, въ Франціи въ защиту этихъ безпомощныхъ людей отъ односторонняго могущества капитала; но капиталисты назвали эти голоса безумiемъ и сочиняли противъ нихъ великое множество системъ, въ которыхъ строго-логически доказывали, что никто не имѣетъ права запретить имъ пріумножать свои капиталы посредствомъ труда людей безкапитальныхъ. Да ужъ что говорить о наукахъ? Даже поэзія, всегда столь сочувствовавшая всему доброму и прекрасному и презиравшая мелкіе, своекорыстные разсчеты, даже поэзія постоянно увлекалась духомъ партій и классовъ, и только въ немногихъ частныхъ явленіяхъ возвышалась до точки зрѣнія чисто человѣческой, превышающей частные интересы кружковъ или какихъ-нибудь особенныхъ личностей. Она избирала всегда возвышенныя идеи, возвышенныя личности, далеко выдающіяся изъ толпы, и рѣдко спускалась до простого люда. У грековъ это еще было такъ себѣ, ничего, потому что и жизнь у нихъ была устроена особеннымъ образомъ, такъ что масса народа не исключалась изъ участія въ общемъ ея ходѣ. Поэтому и въ литературѣ ихъ, хотя возвышеннѣйшія роли играются богами, полубогами, царями и героями, но, съ другой стороны, и народъ является нерѣдко въ видѣ хора, играющаго роль здравомысла и хладнокровно обсуживающаго преступленія и глупости главныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Въ началѣ греческой поэзіи видимъ мы, правда, взбалмошныхъ Менелаевъ и Агамемноновъ да сладострастныхъ Парисовъ, изъ-за которыхъ народы проливаютъ кровь свою: но во время высшаго развитія греческой цивилизаціи являются и Аристофановы поселяне. Вообще, въ греческой поэзіи интересы народа уважались еще нѣсколько. Но въ Римѣ находимъ уже не то: тамъ уже развивается односторонная государственная

[1]) Но дурно то, что всѣ эти партіи слишкомъ односторонни.

идея, и человѣкъ имѣетъ значеніе только какъ принадлежность Рима. Тамъ уже не трогаютъ страданія народа, не занимаютъ его интересы и радости. Римская поэзія воспѣваетъ отвлеченныя, возвышенныя идеи да сильныхъ мужей, въ родѣ того, который не поблѣднѣетъ, если весь міръ станетъ предъ нимъ разрушаться. Это отталкивающее преклоненіе предъ безчеловѣчіемъ мертвитъ всю поэзію Рима, и человѣческое чувство пробуждается въ ней почти только для эпикурейскихъ наслажденій. Даже сатира имѣетъ тамъ характеръ вовсе не гуманный, а или отвлеченный, или лично раздражительный. При императорахъ народъ особенно подвергался презрѣнію: даже слово vulgaris (vulgaire собственно: народный) приняло значеніе пошлаго, даже неприличнаго. Въ среднихъ вѣкахъ продолжается та же исторія, только въ болѣе грубомъ видѣ. Барды, прославляющіе подвиги побѣдителей, да трубадуры и менестрели, воспѣвающіе воинскую доблесть, знатное происхожденіе и неестественно-возвышенныя чувства, овладѣваютъ всей поэзіей. Народъ награждается полнымъ презрѣніемъ; ему за милость только дозволяютъ любоваться подвигами знатныхъ рыцарей, а ужъ если придется простому человѣку угостить рыцаря, такъ это такая честь, отъ которой онъ весь вѣкъ долженъ быть счастливъ. Въ первое время, преобладаніе физической силы было такъ громадно, страхъ, нагнанный побѣдителями на побѣжденныхъ, такъ былъ силенъ, что самъ народъ какъ будто убѣждался въ томъ, что всѣ эти высокородные бароны и ордалы всякаго рода—особы священныя, высшей породы, и что онъ долженъ чтить ихъ съ трепетомъ и вмѣстѣ съ радостью. Не одни сановные трубадуры, ѣздившіе съ оруженосцами, жонглерами и всякими приспѣшниками, не одни придворные паразиты, а самъ народъ наивно воспѣвалъ героевъ, «погубившихъ болѣе народа, чѣмъ жесточайшая чума», и «величавые, недоступные дворцы, у воротъ которыхъ стояли львы, какъ живые, будто готовые поглотить всякаго, кто, неприглашенный, дерзнетъ приблизиться къ великолѣпному жилищу». Скоро, впрочемъ, народъ воспользовался иначе орудіемъ, которое дали ему въ руки: въ XV вѣкѣ онъ рѣшительно измѣняетъ тонъ и слагаетъ злѣйшія сатиры на своихъ притѣснителей и на тѣхъ, отъ которыхъ онъ прежде ждалъ спасенія, но въ которыхъ жестоко обманулся,—на католическихъ духовныхъ. У народовъ Западной Европы до сихъ поръ сильно распространенъ этотъ родъ поэзіи, но настоящая, свѣтская, аристократическая литература пренебрегаетъ такой поэзіей. Она имѣетъ другія стремленія, другой характеръ: ей нужно сочувствіе извѣстныхъ кружковъ общества, полныхъ своими обыденными заботами и вовсе не безпокоящихся о томъ, что дѣлалось и дѣлается въ остальномъ человѣчествѣ, за предѣлами ихъ тѣснаго круга. Интересы этихъ кружковъ и отражаются въ поэтическихъ созданіяхъ новыхъ народовъ. Если же когда вздумается литератору взглянуть и на свои отношенія къ массѣ, то онъ взглянетъ на это непремѣнно по своему, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ. Съ теченіемъ времени, разумѣется, все больше и больше начинаютъ обращать вниманіе на требованія массъ, иногда литература и расшумится, если произойдетъ какое-нибудь замѣтное столкновеніе интересовъ различныхъ классовъ въ самой жизни. Но способъ разсужденія, употребляемый въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно напоминаетъ графа де-Местра и его книгу о папѣ. Графъ, какъ набожный католикъ и отставной пьемонтскій сенаторъ, разсуждаетъ очень мило. «Народы страдаютъ,—говоритъ онъ,—отъ произвола, жестокости и насилій свѣтской власти; нужно противодѣйствіе этой власти. Но самъ народъ глупъ, грубъ, безнравственъ, подлъ, и потому противодѣйствія составить не можетъ. Единственно возможное и дѣйствительное средство для его спасенія и охраненія состоитъ въ томъ, чтобы обратиться къ святѣйшему папѣ и признать надъ собою его духовную и свѣтскую власть»... Въ такомъ же родѣ и современные, хоть бы французскіе писатели сочиняютъ: одинъ мелодраму—для доказательства, что богатство ничего не приноситъ, кромѣ огорченій, и что, слѣдовательно, бѣдняки не должны заботиться о матеріальномъ улучшеніи своей участи; другой—романъ, для убѣжденія въ томъ, что люди сладострастные и роскошные чрезвычайно полезны для развитія промышленности, и что, слѣдовательно, люди, нуждающіеся въ работѣ, должны всей душою желать, чтобы побольше было въ высшихъ классахъ роскоши и расточительности и т. п.

Рѣдко, и то у высшихъ геніевъ поэзіи, являлась чистая любовь къ человѣчеству, не возмущаемая интересами партій. Еще въ невѣжественной Европѣ XVI вѣка раздались знаменательныя слова: «Человѣкъ былъ онъ», и въ нихъ выразилось сознаніе генія о достоинствѣ человѣка. Въ эпоху, близкую къ нашей, другой геній той же націи, называемый, обыкновенно, ненавистникомъ человѣчества, сказалъ пророчески, что «пройдетъ на землѣ царство меча, и невозможны будутъ поработители». Злобными сарказмами мстилъ недавно торжествующимъ партіямъ за германскій народъ Генрихъ Гейне,

полагавшій весь смыслъ искусства и философіи въ томъ, чтобы пробуждать отъ сна задремавшія силы народа. Всѣ горести и труды бѣдняковъ нашли себѣ живой и полный отголосокъ въ пѣсняхъ національнаго французскаго поэта, котораго недавно парижское правительство похоронило съ такой офиціальной торжественностью. Въ своемъ поэтическомъ пониманіи общихъ нуждъ и стремленій человѣчества Беранже возвысился до такихъ стиховъ:

«Le pauvre a-t-il une patrie?
Que me font vos vins et vos blés,
Votre gloire et votre industrie,
Et vos orateurs assemblés!»

Но немного подобныхъ стиховъ въ европейскихъ литературахъ; немногіе поэты возвышались надъ интересами кружковъ и рѣшались отказаться отъ воспѣванія отвлеченныхъ добродѣтелей — храбрости, рѣшительности, вѣрности, терпѣнія и т. п., или отъ сіяющихъ игрушекъ, въ родѣ великолѣпныхъ мостовъ, зданій, фейерверковъ и пр., или, наконецъ, личныхъ ощущеній при взглядѣ на звѣзды, при прогулкѣ вдвоемъ, при посѣщеніи музея и т. п. Возвыситься надъ мелкими интересами кружковъ, стать выше угожденія своекорыстнымъ требованіямъ меньшинства, къ сожалѣнію, не умѣла еще до сихъ поръ ни одна европейская литература.

Это небольшое отступленіе, сдѣланное нами по поводу ограниченности круга дѣйствій русской литературы, приводитъ насъ теперь именно къ тому, съ чего мы хотѣли начать нашу статью, — къ разсмотрѣнію содержанія и характера, успѣвшаго проявиться въ исторіи нашей литературы. Выше мы замѣтили, что у насъ не такъ замѣтно выказывался характеръ парціальности, развившейся въ литературахъ западной Европы. Слова эти требуютъ поясненія. Мы вовсе не хотѣли ставить нашу литературу выше всѣхъ европейскихъ, вовсе не думали приписать ей небывалое безпристрастіе и широту взгляда, отрѣшеніе отъ частныхъ интересовъ въ пользу общихъ, высшее сознаніе человѣческаго достоинства и т. п. Совсѣмъ нѣтъ; мы хотѣли только сказать, что такъ какъ у насъ до сихъ поръ литература не считалась важной и существенной принадлежностью жизни, то, по большей части, никто и не думалъ дѣлать ее орудіемъ своихъ плановъ, никто не обращалъ вниманія на то, служитъ ли литература какимъ-нибудь партіямъ, и какимъ именно, къ чему она расположена, противъ чего возстаетъ. Всѣ очень хорошо понимали, что мало кто можетъ у насъ соображаться съ тѣмъ, что говорится въ книгахъ, и что ходъ нашей жизни зависитъ не отъ писанныхъ убѣжденій, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, а отъ вещей гораздо болѣе существенныхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе, по пословицѣ, къ *своей рубашкѣ* каждаго. Поэтому-то никто и не заботился о духѣ и направленіи литературы, и въ ней не выразилось такого замѣтнаго увлеченія духомъ различныхъ партій, какъ на Западѣ. Но нельзя же было оставаться ей безъ всякаго направленія; нужно же было выразить какія-нибудь стремленія и понятія: безъ этого не можетъ обойтись ни одно произведеніе мысли человѣческой. Всего ближе, разумѣется, было выразиться въ литературѣ интересамъ и мнѣніямъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было книжное дѣло, и тѣхъ, въ комъ оно находило хоть маленькую поддержку и опору. Такъ и случилось.

Во время языческой древности у русскихъ, какъ и у всѣхъ славянъ, существовала уже поэзія народная. Не зная древней языческой русской поэзіи въ ея настоящемъ, неиспорченномъ видѣ, мы можемъ судить о ней только по аналогіи съ поэзіею другихъ славянскихъ племенъ и по намекамъ, сохранившимся въ томъ, что до насъ дошло отъ русской древности въ измѣненіяхъ позднѣйшаго времени. Сравнительное изученіе поэзіи славянскихъ народовъ привело многихъ къ полному убѣжденію въ томъ, что въ древности выражались въ ней дѣйствительно общенародные интересы и воззрѣнія на жизнь. Это, разумѣется, и было совершенно естественно при господствѣ патріархальныхъ отношеній, когда еще не существовало ни малѣйшаго разлада между жизнью семейною и государственною, а, напротивъ, онѣ сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. Что можетъ быть проще и естественнѣе того, что

«Всякъ отецъ въ дому своемъ владыка:
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду,
А умретъ глава всѣхъ домочадцевъ,
Дѣти всѣмъ добромъ собща владѣютъ,
Выбравъ старшину себѣ изъ рода,
Чтобъ ходилъ, для пользы ихъ, на сеймы,
Гдѣ съ нимъ кметы, лехи и владыки» [1]).

Когда жизнь устроена еще такимъ образомъ, то, само собою разумѣется, поэзія непремѣнно должна выражать народные интересы. Но, къ сожалѣнію, почти ничего не имѣемъ мы отъ той древности, когда кметы разсуждали съ лехами и владыками на общественныхъ сеймахъ. По всей вѣроят-

[1]) Кметы — простые поселяне, лехи — богатые владѣльцы, владыки — мелкіе владѣтели. *Прим. Д.*

ности и разсуждали-то они плохо, потому что мало имѣли образованія, слишкомъ сильно еще были подавлены внѣшними вліяніями. Разсужденіямъ ихъ недоставало многаго для того, чтобы удовлетворить всѣхъ, и чтобы быть вполнѣ справедливыми и разумными. Не было у нихъ пособія ни въ жизненной опытности прошедшихъ вѣковъ, ни въ знаніи природы и умѣньи владѣть ею, ни въ знаніи міра души человѣческой. Кругъ ихъ зрѣнія былъ узокъ, они ходили ощупью, дѣлали неурядицу, и, не понимая выгодъ своего положенія, сами должны были искать исхода изъ тѣхъ безпорядковъ, къ которымъ сами себя привели. Исходъ нашелся, конечно, такой же, какъ и вездѣ,— нѣсколько леховъ сказали безтолковымъ кметамъ: «вы ничего не понимаете и дѣлаете только глупости; предоставьте все намъ и дѣлайте то, что мы прикажемъ». По врожденной человѣку лѣни и по сознанію своего безсилія, кметы съ радостью согласились и даже начали сочинять пѣсни во славу мудрыхъ и сильныхъ леховъ, умѣвшихъ водворить между ними тишину и порядокъ. Тутъ-то народная поэзія и должна была измѣнить свой характеръ, сообразно съ новымъ устройствомъ жизненныхъ отношеній. Но и при этомъ измѣненіи остались слѣды общаго характера прежней поэзіи: народныя пѣсни не скоро потеряли свой простой, естественный характеръ, не скоро увлеклись чуждыми интересами, и до сихъ поръ въ ней замѣчаютъ слѣды первоначальной простоты естественныхъ условій быта. Въ этомъ отношеніи славянская народная поэзія имѣетъ даже преимущество предъ прочими европейскими: въ ней болѣе пѣсенъ бытовыхъ и менѣе воинственныхъ, рыцарскихъ повѣствованій, да и тѣ, какія есть, относятся большею частью къ позднѣйшимъ эпохамъ, когда уже и народъ пріучился ко множеству односторонихъ отвлеченностей. Вообще же, по отзыву одного изъ любителей-славянистовъ (Бродзинскаго), «въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ выражаются люди, не властолюбивые, жестокіе, страстные ко всему необыкновенному, привязанные къ мечтамъ собственнаго воображенія, но люди, далекіе отъ желаній причудливыхъ и странныхъ, отъ страстей буйныхъ и насильственныхъ» и пр. Сужденіе это вполнѣ можетъ быть примѣнено къ русской народной поэзіи. По нашему мнѣнію, въ ней заключается много доказательствъ того, что въ народѣ нашемъ издревле хранилось много силъ для дѣятельности обширной и полезной, много было задатковъ самобытнаго, живого развитія. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Милюковымъ, который все безобразіе русскихъ сказокъ и пѣсенъ складываетъ на народность и говоритъ, что отъ нея нечего было ожидать безъ коренной реформы. Мы думаемъ, что нѣтъ у насъ достаточно данныхъ для того, чтобы обвинять народность въ безобразіяхъ поэзіи и даже самой жизни; а есть, напротивъ, данныя, позволяющія видѣть причину ихъ въ обстоятельствахъ, пришедшихъ извнѣ. Народная поэзія, какъ видно, долго держалась своего естественнаго, простого характера, выражая сочувствіе къ обыденнымъ страданіямъ и радостямъ и инстинктивно отвращаясь громкихъ подвиговъ и величавыхъ явленій жизни, славныхъ и безполезныхъ. На дѣлѣ народъ долженъ былъ терпѣть ихъ и даже принимать въ ихъ участіе, но въ поэзіи его нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ какого-нибудь сочувствія къ подобнымъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется любопытною замѣтка г. Бодянскаго (въ сочиненіи «О славянской народной поэзіи», стр. 124), въ которой онъ говоритъ объ участіи народа въ удѣльныхъ ссорахъ князей. «Народъ не бралъ къ сердцу ихъ счетовъ между собою, — говоритъ онъ, — не интересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пустошить землю, взять на щитъ городокъ и т. п., подъ стягомъ-ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣятельность, не склонявшая въ свою пользу сердца ратовавшихъ, дѣятельность, такъ сказать, машинальная. Доказательствомъ служитъ то, что народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хотя бы глухою, темною молвой». Это замѣчаніе, высказанное слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не опровергнуто ни однимъ фактомъ, несмотря на множество вновь изданныхъ съ тѣхъ поръ памятниковъ и изслѣдованій. Въ самомъ дѣлѣ, можно полагать, что до самой татарской эпохи народъ держалъ себя совершенно равнодушно въ отношеніи къ политическимъ событіямъ Руси, имѣвшимъ со временъ Владиміра большею частію династическій интересъ. Только во времена бѣдствій родной земли вспомнилъ онъ минувшую славу и обратился къ разработкѣ старинныхъ преданій, оставшихся, конечно, еще отъ временъ норманновъ. Тутъ онъ началъ организовать разбросанныя сказанія, перепуталъ лица, мѣстности и эпохи, и цѣлый трехсотлѣтній періодъ сгруппировалъ около лица одного Владиміра, бывшаго ему памятнѣе другихъ. Возбуждалась любовь къ этимъ пѣснямъ, конечно, горькимъ чувствомъ при взглядѣ на современный порядокъ вещей. При нашествіи народа невѣдомаго, ожиданія всѣхъ обратились, разу-

мѣется, къ князьямъ; они, которые такъ часто водили свой народъ на битву съ своими, должны были теперь защитить родную землю отъ чужихъ. Но оказалось, что князья истощили свои силы въ удѣльныхъ междоусобіяхъ и вовсе не умѣли оказать энергическаго противодѣйствія страшнымъ непріятелямъ. Они бѣгали отъ монголовъ, пока не узнали, что они не вмѣшиваются во внутреннее управленіе и довольствуются собираніемъ подати. Тогда они признавали себя данниками монголовъ, и народъ узналъ, что онъ сталъ татарскимъ улусомъ, и что подати на немъ прибавилось. Горько было настоящее положеніе народа, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ; онъ невольно сравнилъ нынѣшнія событія съ преданіями о временахъ давно минувшихъ и грустно запѣлъ про славныхъ могучихъ богатырей, окружавшихъ князя Владиміра. Пѣсня эта была сначала горькимъ упрекомъ настоящему, а потомъ, доставляя народу забвеніе и даже утѣшеніе, стала увлекать его и заставляла примѣнять прежнія событія къ современному теченію дѣлъ. Такимъ образомъ, богатырей Владиміровыхъ заставили сражаться съ татарами и самого Владиміра сдѣлали данникомъ «грознаго короля Золотой Орды, Этмануйла Этмануйловича». Дальнѣйшія искаженія объясняются также легко: въ живой дѣйствительности народъ не видѣлъ никакого средства управиться съ своими поработителями и долженъ былъ безмолвно склониться предъ ихъ силою. Но тяжела ему была эта покорность, и онъ все не оставлялъ мечтать о средствахъ освобожденія. Чѣмъ далѣе эти мечты были отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе онѣ принимали дѣтскій характеръ: въ нихъ являлись и волшебники, и оборотни, и неестественныхъ размѣровъ богатыри, и разумные кони, и наговоры еретическіе. А когда попались эти пѣсни въ руки книжникамъ, то и послѣднюю жизненность потеряли подъ ихъ реторическими прикрасами. Но вліяніе книжной литературы на народную словесность заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора. Г. Милюковъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого, и потому его статья о народной поэзіи русской не имѣетъ окончательной полноты. Мы скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ, которыя кажутся намъ не лишними для того, чтобы яснѣе понять причины и свойства разлада, постоянно господствовавшаго у насъ между литературою книжною и словесностью народа.

Наша книжная словесность, начавшаяся со временъ Владиміра, не была, какъ всѣмъ извѣстно, произведеніемъ національныхъ элементовъ, а была перенесена къ намъ съ чужа. Мало того, она явилась къ намъ не вслѣдствіе того, что въ народѣ явилась потребность заимствованія чужой образованности, а просто по случайному обстоятельству. Простодушный разсказъ Нестора убѣждаетъ насъ неопровержимо, что народъ во времена Владиміра еще не созрѣлъ для той высшей цивилизаціи, которая при немъ принесена была на Русь, вмѣстѣ съ божественнымъ ученіемъ христіанства. [Самъ Владиміръ отослалъ отъ себя магометанъ болгарскихъ только потому, что ему не понравилось обрѣзаніе и запрещеніе пить вино, а нѣмцевъ—потому, что «отцы наши этого не приняли». Бояре, посланные для испытанія вѣръ, вовсе не думаютъ о внутреннемъ ихъ содержаніи и достоинствѣ, а обращаютъ вниманіе только на внѣшность: болгарская служба имъ не понравилась, у нѣмцевъ не нашли они никакой красоты, а отъ Византіи были въ восторгѣ, потому что тамъ, по наивному разсказу Нестора, патріархъ, услышавъ объ ихъ прибытіи, — «повелѣ создати крилосъ, по обычаю сътвориша праздникъ, и кадила возжгоша, пѣнія и лики съставиша; и иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнія и службы архіерейски» (Несторъ, подъ годомъ 6495). А другіе бояре, не стоявшіе на мѣстѣ пространнѣ во время архіерейскаго служенія, — тоже подали голосъ въ пользу Византіи, но уже отказываясь рѣшительно отъ собственнаго мнѣнія въ такомъ важномъ дѣлѣ, а ссылаясь просто на авторитетъ Ольги. Владиміръ удовлетворился ихъ мнѣніями. Если же князь и бояре дѣйствовали такимъ образомъ, то, разумѣется, и странно было бы ожидать отъ народа какого-нибудь сознательнаго убѣжденія]. Черезъ столѣтіе послѣ самаго событія, одинъ, безъ сомнѣнія, изъ просвѣщеннѣйшихъ людей тогдашней Руси — Несторъ лѣтописецъ — и тотъ еще не понималъ необходимости внутренняго убѣжденія въ подобныхъ случаяхъ. Онъ находитъ совершенно естественнымъ, что наканунѣ невѣрные люди плачутъ о Перунѣ, котораго бросили въ Днѣпръ, и кричатъ ему: «выдыбай, боже!» а на другой день слышатъ приказъ: «аще не обрящется кто на рѣцѣ, богатъ ли, или убогъ, или нищъ, или работникъ, противенъ мнѣ да будетъ», и съ радостью идутъ на рѣку, говоря: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяху». Разсматривая этотъ случай безпристрастно, можно приложить къ нему то же самое мнѣніе, какое высказано г. Бодянскимъ объ участіи народа въ междоусобныхъ ссорахъ князей. А между тѣмъ, Несторъ заключаетъ свой разсказъ тѣмъ,

что «бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь» (Нест., 6496 г.).

Все это неопровержимо доказываетъ, что народъ не былъ предварительно приготовленъ къ принятію тѣхъ высокихъ истинъ, которыя ему предлагались, и не въ состояніи былъ еще воспользоваться, какъ слѣдуетъ, благодѣяніями новой цивилизаціи, входившей въ Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Для полнѣйшаго убѣжденія въ этомъ, нужно вспомнить продолженіе того же разсказа Нестора о томъ, какъ вели себя русскіе люди въ отношеніи къ новой цивилизаціи. Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, началъ поставлять церкви, разрушать кумиры, ставить поповъ и «нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ; еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плакахуся». Нисколько не сочувствуя, конечно, отвращенію народа отъ ученья, нельзя, однако же, съ грустію не согласиться, что фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что даже въ наше время въ простомъ народѣ онъ не утратилъ своего значенія. Ни самаго ученья, ни тѣхъ, которые боятся его, обвинять тутъ нечего, да и вообще здѣсь никого обвинять нельзя, кромѣ развѣ несовершенства рода человѣческаго, которое всегда мѣшаетъ исторіи идти, какъ бы намъ хотѣлось теперь, при нашихъ просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ. Разумѣется, если бы русскіе были болѣе образованы во времена Владиміра, болѣе приготовлены самою жизнію къ отверженію своихъ языческихъ понятій и вѣрованій, то послѣдствія мѣръ, произведенныхъ Владиміромъ, были бы несравненно благотворнѣе. Но что же дѣлать, если этого не случилось? Нельзя сердиться на это, а можно только отмѣтить факты, послѣдовавшіе за тѣмъ и имѣющіе непосредственную связь съ положеніемъ образованности русскаго народа при Владимірѣ. Факты эти, правда, неутѣшительны; но пропустить ихъ нельзя, потому что они слишкомъ рѣзко обозначились и въ жизни, и въ поэзіи народной, и не истребились до сихъ поръ. Мы говоримъ о множествѣ суевѣрій и предразсудковъ, донынѣ охватывающихъ всю жизнь крестьянина и составляющихъ несомнѣнный остатокъ языческихъ вѣрованій. Эти суевѣрія тѣмъ глубже вкоренились въ народной жизни, что они издавна перемѣшались съ христіанскими воззрѣніями и, такимъ образомъ, какъ будто получили нѣкоторую законность на взглядъ простолюдина. Такого смѣшенія, разумѣется, не могло бы быть, если бы высокія истины христіанства съ самаго начала были хорошо поняты въ народѣ, и если бы онъ самъ дошелъ до сознанія ложности язычества. Тогда и успѣхи цивилизаціи въ массахъ народа были бы быстрѣе, и ходъ развитія былъ бы правильнѣе, потому что не было бы двойственности въ началахъ, управлявшихъ жизнью и дѣятельностью народа. Теперь эта двойственность должна была проявиться въ размѣрахъ весьма обширныхъ. Съ одной стороны, новое ученіе должно было проникать постепенно въ сознаніе народа, и о внушеніи его должны были стараться тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находилась власть надъ народомъ; съ другой стороны, языческія понятія и преданія были слишкомъ сильно вкоренены во всѣхъ проявленіяхъ народнаго быта и оказывали сильное противодѣйствіе новымъ началамъ. Возникло неизбѣжное противорѣчіе въ народной жизни, и оно, самымъ естественнымъ образомъ, должно было привести къ тому, что имѣвшіе въ рукахъ своихъ силу воспользовались ею для того, чтобы доставить торжество своимъ началамъ. Мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій объ этомъ отъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи; но послѣдующее время постоянно даетъ намъ аналогическіе факты, подтверждающіе мысль, что такъ велось и съ самаго начала. Въ концѣ XI столѣтія, «Правило» Іоанна митрополита возстаетъ противъ волхвованія и языческихъ обычаевъ; въ половинѣ XII в. обличаются суевѣрія языческія въ «Вопрошаніяхъ Кирика къ Нифонту»; въ XIII в. Серапіонъ обличаетъ ихъ. Начиная же съ XIV в., сохранилось множество окружныхъ посланій и грамотъ, запрещающихъ «бѣсовскія игрища» съ пѣснями. Обличенія пастырей противъ смѣшенія языческихъ понятій съ христіанскими не прерывались до временъ Тихона Воронежскаго, [котораго поученія противъ Ярилы и т. п. отличаются жестокою нетерпимостью]. Къ несчастію, всѣ ихъ усилія не были въ состояніи возвысить народъ до совершенно чистыхъ и правильныхъ понятій о христіанской религіи. Нужно было употребить другое средство, заставить народъ, по крайней мѣрѣ, отставать хоть понемногу отъ привязанности ко всему языческому. Для этого надобно было дѣйствовать запрещеніями, направленными противъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ язычества. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ не могло быть благопріятно для развитія народной поэзіи, родившейся у славянъ тоже на языческой почвѣ. Ихъ древнія преданія должны были заглохнуть среди новыхъ условій быта или измѣниться сообразно съ этими условіями. Заглохнуть

совершенно они не могли, потому что народъ, не имѣющій еще письменной литературы, и при томъ народъ славянскій, не могъ оставаться безъ устной поэзіи. Но сохранить свою первоначальную чистоту и свѣжесть эта поэзія тоже не могла, потому что новыя понятія неизбѣжно примѣшивались къ кругу прежнихъ вѣрованій и измѣняли характеръ произведеній народной фантазіи. Книжная словесность, вынесенная къ намъ изъ Византіи, старалась, конечно, внести въ народъ свои идеи; но, какъ чуждая народной жизни, она могла только по своему искажать то, что было живого въ народѣ, и не въ состояніи была ни проникнуться истинными его нуждами, ни спуститься до степени его пониманія. Что книжная словесность хотѣла сдѣлаться близкою къ народу, это доказывается множествомъ духовныхъ стиховъ, которые носятъ на себѣ самые яркіе слѣды книжнаго вліянія. Объ этихъ стихахъ г. Милюковъ совершенно справедливо говоритъ, что они «принесены къ намъ первоначально изъ Греціи и остались совершенно чуждыми народу, который, слушая слѣпыхъ нищихъ, не заимствовалъ у нихъ ни одной пѣсни и не зналъ, о чемъ они поютъ». Безъ всякаго сомнѣнія, размноженіе у насъ духовныхъ стиховъ не было случайнымъ явленіемъ, равно какъ не могло оно быть и явленіемъ, естественно возникшимъ вслѣдствіе потребности самого народа. Необходимо предположить, что учители наши, прибывшіе изъ Византіи, старались о томъ, чтобы привить народу чуждыя ему преданія, и даже прибѣгали для этого къ самимъ преданіямъ народнымъ, передѣлывая ихъ на свой ладъ и примѣшивая къ нимъ то, что считали нужнымъ. Самымъ яркимъ примѣромъ можетъ служить «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», въ сравненіи съ «Словомъ о полку Игоревѣ». Сравнительный разборъ этихъ двухъ произведеній очень хорошъ у г. Милюкова, и мы привели бы его здѣсь, еслибъ онъ не былъ слишкомъ обширенъ (стр. 15—24). Въ немъ весьма ярко выставляются прибавки позднѣйшаго книжника, человѣка, принадлежавшаго къ клиру и потому старавшагося замѣнить народныя воззрѣнія своими понятіями, болѣе или менѣе чуждыми народу и доселѣ. Извѣстно, что въ «Словѣ о полку Игоревѣ» вполнѣ господствуетъ языческое міросозерцаніе: предзнаменованія, сны, обращеніе къ природѣ, — все это противно духу христіанства. А между тѣмъ, составлено это сказаніе могло быть не ранѣе конца XII вѣка, — вотъ доказательство, какъ мало новыя понятія успѣли укорениться въ умахъ народа даже въ теченіе двухъ столѣтій. Но еще черезъ два столѣтія, книжникъ, вовсе не знавшій народа, вздумалъ воспользоваться канвою народнаго эпическаго сказанія для примѣненія ея къ другому событію, въ которомъ бы могъ выразиться другой взглядъ на міръ и на жизнь. И вотъ іерей Софроній пишетъ, какъ Мамай, попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, идетъ казнити улусъ свой, русскую землю; какъ великій князь Дмитрій прежде всего обращается за совѣтомъ къ митрополиту Кипріану; какъ тотъ совѣтуетъ «*утолить* Мамая *четверицею* (т.-е. дать ему вчетверо больше того, что прежде давалось), дабы не разрушилъ Христовой вѣры»; какъ Дмитрій получилъ благословеніе двухъ воиновъ—монаховъ отъ св. Сергія; какъ онъ припадаетъ съ молитвою слезною къ чудотворнымъ иконамъ; какъ предъ битвою вкушаетъ присланной ему отъ св. Сергія просфоры, какъ участь сраженія рѣшается святою помощью Бориса и Глѣба. Во всей повѣсти господствуетъ строго-благочестивый взглядъ, и повсюду предвѣщанія и дива языческія замѣнены знаменіями и чудесами христіанскими. Ясно, что новыя вѣрованія много бы выиграли отъ подобнаго образа дѣйствій, если бы книжные учители древней Руси, при своемъ благочестіи, владѣли еще умѣньемъ постигнуть духъ народный и имѣли бы сколько-нибудь поэтическаго такта. Къ сожалѣнію, этого не было у нихъ; въ поэтическихъ произведеніяхъ древнихъ книжниковъ господствуетъ вялость, мертвенность, отвлеченность, отсутствіе всякой поэзіи. Оттого-то они и не проникли въ народъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и идеи, вставленныя въ нихъ, распространялись очень слабо. Тѣмъ не менѣе, народная поэзія не могла уже остаться неприкосновенною, и позднѣйшіе наросты ясно видны въ томъ, что по основѣ своей должно относиться къ древнѣйшему времени. Очень жаль, что г. Милюковъ мало принялъ въ соображеніе тѣ измѣненія, какія должны были произойти въ народныхъ, особенно въ историческихъ, пѣсняхъ съ теченіемъ времени, и всю ихъ грубость и всѣ недостатки отнесъ на счетъ древней русской жизни, — не опредѣляя, какую именно древность онъ разумѣетъ. Поэтому, нѣкоторыя явленія древней русской поэзіи поняты имъ, кажется, не совсѣмъ вѣрно. Напримѣръ, онъ, говоря, что въ историческихъ пѣсняхъ русскихъ есть даже попытки на изображеніе характеровъ, указываетъ для примѣра на лицо Владиміра, которое будто бы имѣетъ сходство съ историческимъ Владиміромъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Въ личности Владиміра, по нашему мнѣнію, болѣе, нежели въ чемъ-нибудь, выразилось византійское влія-

ніе на нашу народную поэзію. Не такими представлялъ народъ нашъ своихъ князей, близкихъ къ норманскому періоду; это мы видимъ въ народныхъ преданіяхъ, записанныхъ Несторомъ. Вспомнимъ величавый образъ Святослава, храбраго, дѣятельнаго, раздѣляющаго съ подданными всѣ труды и недостатки, заботящагося о богатствѣ земли своей, говорящаго: «не посрамимъ земли русскія,—ляжемъ костьми ту». Вспомнимъ и позднѣйшее изображеніе князя Игоря въ «Словѣ», мало подвергшемся книжной порчѣ: и онъ, подобно древнимъ князьямъ, является храбрымъ и дѣятельнымъ; онъ самъ идетъ, во главѣ своего войска, въ чужую землю, чтобы отомстить врагамъ за обиду земли русской; онъ не смущается предъ опасностями и говоритъ: «лучше потяту быти, неже полонену быти...». Не такимъ является Владиміръ въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Въ немъ нѣтъ и признаковъ русскаго князя; это не что иное, какъ византійскій владыка, или, вообще, восточный правитель, недоступный для народа, стоящій отъ него на недосягаемой высотѣ, счастливый избранникъ судьбы, не имѣющій другого дѣла, кромѣ пировъ и веселья. Въ народныхъ пѣсняхъ Владиміръ постоянно является пирующимъ. Почти каждая пѣсня начинается тѣмъ, что у ласкова князя Владиміра было пированье—почестной пиръ, было столованье—почестной столъ. Князь Владиміръ потѣшается на этомъ пирѣ, и что бы ни случилось, онъ ничего другого не дѣлаетъ, какъ только «по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, да черныя кудри расчесываетъ». Являются во времена пира его служители, израненные, булавами буйны головы пробиваны, съ извѣстіемъ о какихъ-то невѣдомыхъ людяхъ, появившихся на княжеской землѣ,—а князь пьетъ, ѣстъ, прохлаждается, ихъ челобитья не слушаетъ. Нападаетъ на Кіевъ Калинъ царь, Владиміръ «весьма закручинился, запечалился, повѣсилъ буйну голову и потупилъ очи ясныя» оттого, что «нѣтъ у него стоятеля, нѣтъ оберегателя...». Пріѣзжаетъ Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ и велитъ ему свистнуть въ полсвиста, а князя Владиміра, вмѣстѣ съ его княгинею, беретъ подъ пазуху, чтобы они не упали отъ свисту соловьинаго. А въ другой пѣснѣ князь Владиміръ и „*окарачь ползетъ*“ отъ сильнаго свисту конскаго... Есть ли во всемъ этомъ хоть какое-нибудь сходство съ чисторусскимъ, собственнымъ, народнымъ представленіемъ князей? Есть ли что-нибудь подобное, вообще, въ славянскихъ пѣсняхъ, не подвергшихся восточному вліянію? Какъ хотите, сваливать подобныя представленія на коренную русскую народность невозможно. Они могли явиться только въ позднѣйшую эпоху, принесшую къ намъ много восточныхъ понятій, усердно распространявшихся въ народѣ книжниками, которые столь же плохо понимали требованія поэтической истины, какъ и нужды русскаго народа. Невозможно сомнѣваться, что значительная доля искаженій въ русской народной поэзіи произведена была — намѣренно или ненамѣренно — именно этими книжниками.

Съ теченіемъ времени народная поэзія все теряла свое значеніе, слабѣла и глохла, а книжная словесность принимала все болѣе широкіе размѣры и вторгалась съ своими опредѣленіями во всѣ отдѣлы народной жизни. Но въ ней не было жизненной силы, она не могла проникнуть въ самый духъ народа и должна была ограничиться только внѣшностью, формой. Съ самаго начала, не понявши народнаго характера, она стала совершенно чуждою народности русской и заключалась въ тѣсной сферѣ своихъ схоластическихъ опредѣленій. Въ этой схоластической отвлеченности держалась она невозмутимо до тѣхъ поръ, пока жизнь Руси тянулась молчаливо и однообразно, безъ прогресса, безъ самобытнаго развитія, подъ неурядицей удѣльныхъ междоусобій, подъ игомъ татаръ, подъ вліяніемъ неустановившихся государственныхъ отношеній... Отличительною чертою этой книжной, схоластической словесности было безсиліе предъ существующимъ фактомъ и безсмысленное подчиненіе ему, даже безъ желанія объяснить его. Если встрѣчались факты противоположные, книжники склонялись предъ тѣмъ, который бралъ перевѣсъ, и во имя его преслѣдовали другой, противный. Такъ, возставали они противъ языческихъ суевѣрій, съ теченіемъ времени, все больше и больше, между тѣмъ какъ, по естественному порядку вещей, надобно полагать, что они съ теченіемъ времени, все-таки, постепенно ослабѣвали. Такъ, въ концѣ XIII столѣтія, вздумалъ Серапіонъ говорить противъ княжескихъ междоусобій, когда въ это время, подъ игомъ татаръ, удѣльныя распри сами собою уже значительно ослабѣли. Такъ было и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Но, при всей своей жалкой немощи, при всемъ отсутствіи живыхъ силъ, явленія, подобныя Серапіону, представляютъ еще отрадную сторону нашей древней письменности. Они были прогрессомъ въ сравненіи съ тою безжизненною схоластикою, какая господствовала въ большинствѣ книжниковъ. Тѣ уже стояли совершенно въ сторонѣ отъ русской жизни и толковали, весьма горячо и пространно, именно о томъ, до чего русскому не было ровно никакого дѣла. Замѣчательно, чѣмъ

начали свое письменное поприще въ Россіи древніе книжники. Первое, по времени, произведеніе, написанное въ Россіи, было посланіе Льва митрополита (умеръ въ 1007 г.) противъ латинянъ, гдѣ онъ подробно разсуждаетъ объ опрѣснокахъ, о постѣ въ субботу, о безженствѣ священниковъ и т. п. Нельзя не сознаться, что трудно было выбрать предметъ, болѣе далекій отъ русской жизни. Но выборъ его объясняется, конечно, отношеніями Византіи, которая была тогда въ самомъ разгарѣ своей вѣковой распри съ Римомъ.

Впрочемъ, при всей видимой неподвижности древней русской письменности, при всей ея отвлеченности и безжизненной схоластикѣ, и въ ней нельзя не видѣть нѣкотораго развитія, которое съ теченіемъ времени дѣлается все примѣтнѣе. И въ ней выразился общій законъ распространенія образованности, постепенно расширяющей свой кругъ, несмотря ни на какія препятствія. Литература, вообще,—всегдашній спутникъ образованности; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служитъ выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда всѣ будутъ образованы, литература,—нѣтъ сомнѣнія, — будетъ отзываться на потребности всѣхъ, расширивъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это самое расширеніе круга дѣйствія литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ — приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ призрѣніемъ интересовъ истинныхъ и существенно-важныхъ. Любопытно было бы сдѣлать очеркъ всей русской литературы съ этой точки зрѣнія. Г. Милюковъ не могъ этого сдѣлать, потому что въ древней Руси онъ отвергаетъ всякое развитіе, а въ новой, послѣ-петровской, видитъ развитіе уже слишкомъ быстрое. Въ основаніи, конечно, и то и другое вполнѣ справедливо, особенно въ отношеніи къ поэзіи; но намъ кажется, что если мы согласимся вполнѣ съ первымъ отрицательнымъ положеніемъ г. Милюкова, то окажется нѣсколько преувеличеннымъ второе положеніе—о новой поэзіи. Дѣло въ томъ, что и въ древней письменности все же замѣтно нѣкоторое расширеніе взгляда, доказывающее, что, съ теченіемъ времени, книжное дѣло начинаетъ интересовать уже большее количество лицъ, чѣмъ прежде, и что эти лица принадлежатъ къ болѣе разнообразнымъ кругамъ. Въ первое время письменность никого не интересовала, кромѣ духовенства, и ни для чего не нужна была, кромѣ распространенія истинъ вѣры. Другихъ потребностей еще не было въ обществѣ, и вслѣдствіе того являются только книги священныя, богослужебныя и разсужденія о предметахъ, занимавшихъ только духовенство, и при томъ не русское, а византійское. Такимъ образомъ, и являлись посланія противъ латинянъ, поученія о постѣ, о молитвѣ во храмѣ, объ иконахъ и пр., вызванныя не нуждами русской жизни, а возраженіями, которымъ эти предметы подвергались въ Византіи. Вскорѣ основаны были у насъ монастыри, и вслѣдъ затѣмъ явились монашескіе уставы, сочиненія о монашескомъ житіи и пр. Почти при самомъ же своемъ началѣ, письменность не ограничивается уже, однако, исключительно религіозными интересами: она служитъ также орудіемъ власти свѣтской, хотя все еще не выходитъ изъ круга духовныхъ предметовъ. Владиміръ издаетъ уже «Уставъ о церковномъ судѣ», которымъ опредѣляется отчасти формальное отношеніе духовенства къ народу. Зато и со стороны духовенства является вскорѣ похвала кагану Владиміру, написанная митрополитомъ Иларіономъ (полов. XI). Долгое время затѣмъ въ письменности русской видно почти исключительное проявленіе интересовъ княжескихъ и духовныхъ. Не говоря о поученіяхъ, посланіяхъ, грамотахъ монастырямъ и церквамъ, житіяхъ святыхъ,—даже древнія путешествія и лѣтописи отличаются тѣмъ же характеромъ. Путешествія предпринимались преимущественно на Востокъ съ религіозной цѣлью, и на всѣ предметы смотрѣли наши древніе путешественники съ точки зрѣнія иноческой. Свѣтскіе интересы ихъ не занимали; игуменъ Даніилъ былъ въ Іерусалимѣ тогда, какъ имъ владѣли крестоносцы, видѣлся съ Балдуиномъ и, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на такое историческое событіе, какъ крестовые походы, со всею теплотою души разсказалъ, какъ онъ ставилъ свое кадило и пересчиталъ, за какихъ именно князей русскихъ онъ поставилъ его. Тоже и въ лѣтописяхъ: внесены сюда и проповѣдь Грека-философа предъ Владиміромъ, и исповѣданіе Владимірово, исторія построенія Печерской обители, и житіе Бориса и Глѣба, и множество текстовъ и духовныхъ разсужденій. Съ другой стороны, тщательно записывается время рожденія и смерти всякаго князя, описывается его нравъ, его наружность; его отношеніе къ духовенству никогда не забывается,—и только. Если отношеніе князя къ дружинѣ указывается, то лишь за тѣмъ, чтобы восхвалить князя; дружина упоминается только къ слову. Если говорится, что князь былъ милостивъ и нищелюбивъ, то опять это говорится не

потому, чтобы благо народное трогало душу лѣтописца, а потому, что этимъ доказывается дорогая для него мысль: «бѣ бо князь сей любя словеса книжная»; а въ словесахъ этихъ сказано: «блаженъ мужъ милуяй» и т. п. Такимъ образомъ, первые представители просвѣщенія въ Россіи, ставшіе выше массы народа, выражали въ письменности свои стремленія и интересы, тѣсно связанные одинъ съ другимъ и взаимно другъ друга поддерживавшіе. Но отношенія ихъ къ массѣ народа естественно вынуждали ихъ обратить вниманіе и на то, чтобы устроить, сколько возможно лучше, эти отношенія. Выраженіе этой потребности въ книжныхъ произведеніяхъ является, съ одной стороны, въ свѣтскомъ законодательствѣ, начинающемся весьма рано, съ «Русской Правды», а съ другой стороны—въ духовныхъ поученіяхъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ жизни. Таковы были нравственныя наставленія о смиреніи, терпѣніи, отреченіи всѣхъ благъ мірскихъ и покорности волѣ Божіей и т. п. Бывало даже и болѣе прямое отношеніе къ народной жизни, очевидно вызванное обстоятельствами, имѣвшими значеніе въ глазахъ князей и духовныхъ. Такъ, напр., еще въ XI в., въ Правилѣ митрополита Іоанна, находимъ статью противъ торговли рабами; такъ, въ XII в., въ посланіи Никифора, читаемъ увѣщаніе князю, чтобы онъ самъ входилъ во все и не слушалъ навѣтовъ людей, окружающихъ его. Въ XII и XIII вѣкахъ самыя лѣтописи нѣсколько болѣе начинаютъ обращать вниманіе на положеніе народа: обстоятельство это, безъ сомнѣнія, произошло не безъ отношенія къ тому, что въ это время встрѣчаются между писателями многіе изъ бѣлаго духовенства, бывшіе, конечно, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, чѣмъ монахи. Для Нестора жизнь ограничивалась Печерскимъ монастыремъ, а для какого-нибудь попа Іоанна или понамаря Тимоѳея—не могла ограничиться даже однимъ ихъ приходомъ. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Новгородской лѣтописи (подъ 1230 г.) подробное и живое описаніе дѣйствій голода на новгородскихъ жителей, съ замѣчаніями даже о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ. Далѣе кругъ людей грамотныхъ (значитъ, по тогдашнему, образованныхъ) расширяется, какъ видно, и въ XIV — XV вв. предпринимаются и описываются путешествія уже свѣтскими людьми, какъ, напр., Стефаномъ Новгородцемъ, Василіемъ—гостемъ московскимъ, Афанасіемъ Никитинымъ—тверскимъ купцомъ; въ то же время организуются цѣлыя системы вѣроученія, противныя православію, и нерѣдко составлявшіяся безъ всякаго участія лицъ духовныхъ. Кругъ дѣятельности духовенства расширяется и находитъ себѣ предметъ, имѣющій дѣйствительное значеніе въ народѣ и вызванный явленіями самой жизни. Точка зрѣнія, разумѣется, остается та же, отвлеченно-возвышенная, безъ малѣйшаго приноровленія къ народнымъ нуждамъ и воззрѣніямъ, безъ всякаго живого взгляда на жизненныя отношенія, производящія то или другое явленіе въ народѣ. Но важно уже и то, что содержаніе письменности, все-таки, расширяется и обращается къ настоящему положенію дѣлъ: значитъ, въ самой жизни была сила, которая могла вывести даже книжную схоластику изъ ея мертвыхъ отвлеченій на поприще дѣятельности, хоть сколько-нибудь живой. Мало того, изъ среды самой массы поднимаются отголоски на явленія общественной и государственной жизни. Въ этомъ отношеніи интересны дошедшія до насъ двѣ различныя повѣсти о взятіи Пскова. Одна изъ нихъ составлена въ Москвѣ и восхваляетъ подвиги московскаго воинства, приходя въ негодованіе отъ своеволія псковитянъ. Другая повѣсть принадлежитъ псковичу и смотритъ на дѣло съ другой стороны: обвиняетъ московскаго намѣстника въ притѣсненіяхъ, князя—въ вѣроломствѣ, и сожалѣетъ объ утратѣ вольности. Это—несомнѣнный знакъ, что литературные интересы теперь уже такъ расширились, что въ письменности можетъ даже отражаться мнѣніе большинства народа [въ противность покоряющей его силѣ.] Въ XVI вѣкѣ размножаются частные лѣтописцы отдѣльныхъ областей, раздаются обличенія Максима Грека, направленныя даже противъ митрополита и самого царя, и, кромѣ того, это столѣтіе представляетъ намъ двѣ книги, въ высшей степени замѣчательныя: «Домострой» и «Сказанія Курбскаго». «Домострой» во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ вѣренъ старой рутинѣ и съ этой стороны даетъ только новое доказательство того, какъ книжное ученіе портило у насъ самыя простыя и естественныя отношенія, какъ оно узаконяло собою множество нелѣпыхъ и грубыхъ понятій. Появленіе этой книги важно въ другомъ отношеніи: оно свидѣтельствуетъ, что въ XVI вѣкѣ чувствовали уже надобность примѣнить книжную мудрость и къ семейной жизни, слѣдовательно, письменность служила уже не однимъ интересамъ церковнымъ и государственнымъ. Сказанія Курбскаго имѣютъ другое значеніе. Здѣсь и самый взглядъ на дѣло рѣзко отличается отъ того взгляда, который старались усвоить Россіи греческіе и огречившіеся наши книжники. Представителемъ этого взгляда является тутъ уже самъ Іоаннъ, бывшій, какъ извѣстно, весьма искуснымъ въ книжномъ ученіи. Въ пере-

пискѣ его съ Курбскимъ, весьма интересно слѣдить, какъ онъ располагаетъ арсеналомъ доводовъ, взятыхъ изъ книгъ того времени, для того, чтобы оправдать свое поведеніе и во что бы то ни стало обвинить Курбскаго. Онъ силится доказать, что бояре, какъ и всѣ подданные, обязаны были до конца претерпѣть съ кротостью и незлобіемъ всѣ его жестокости; въ примѣръ подобной кротости приводитъ онъ раба Курбскаго, Василія Шибанова, который спокойно стоялъ предъ Іоанномъ, когда этотъ своимъ костылемъ пригвоздилъ его ногу къ полу, и облокотясь на костыль, читалъ письмо Курбскаго. Но Курбскій уже не убѣждается доводами Іоанна: у него другая точка опоры — сознаніе своего собственнаго достоинства. Взглядъ его не можетъ еще возвыситься до того, чтобы объяснить надлежащимъ образомъ поступокъ Грознаго съ Шибановымъ; нѣтъ,—Шибановъ пусть терпитъ, ему это прилично, и князю Курбскому дѣла нѣтъ до того, что приходится на долю Васьки Шибанова. Но съ собой, къ княземъ Курбскимъ, аристократомъ и доблестнымъ вождемъ, онъ не позволитъ такъ обращаться. За себя и за своихъ сверстниковъ-аристократовъ онъ мститъ Іоанну гласностью, исторіей. Книжное дѣло призывается теперь для служенія не одной духовной власти и правительственнымъ распоряженіямъ, а ужъ и для интересовъ иного класса—бояръ и высшихъ сановниковъ. Къ нимъ преимущественно относились жестокія казни и опалы Іоанновы; изъ ихъ среды и нашелся человѣкъ, который употребилъ оружіе слова для выраженія своего неудовольствія. Но въ Россіи того времени нельзя было писать того, что написалъ Курбскій; только въ наше время его сказанія могли быть повторены русскимъ исторіографомъ и изданы въ Россіи въ подлинномъ видѣ. Въ царствованіе Грознаго горькая истина должна была высказываться въ чужой землѣ, далеко отъ Россіи, въ которой вся письменность блуждала еще въ византійскихъ отвлеченіяхъ, не касаясь жизни. Книга Курбскаго первая написана отчасти уже подъ вліяніемъ западныхъ идей; ею Россія отпраздновала начало своего избавленія отъ восточнаго застоя и узкой односторонности понятій. Вслѣдъ за нею начинаются событія, болѣе и болѣе сближающія насъ съ Западомъ и оживляющія нашу литературную дѣятельность. Унія возбуждаетъ религіозные споры, не ограничивающіеся схоластическими преніями, но сопровождающіеся важными послѣдствіями въ самой жизни. Въ то же время, вмѣстѣ съ желаніемъ, съ той и другой стороны, доказать народу превосходство своихъ мнѣній, является потребность дать ему средства къ образованію. И вотъ являются катехизисы для народа, руководства къ правой вѣрѣ и т. п. Но этого мало: надо дать возможность читателямъ понимать и обсуждать самимъ спорный вопросъ. Теперь уже нельзя ограничиться одними положеніями и запрещеніями: какъ скоро есть споръ, сомнѣніе, нужно, во что бы то но стало, разсѣять его, подѣйствовавши на разсудокъ. А для разсудка нужны данныя, факты, знанія; и вотъ являются учебныя книжки, очевидно назначенныя для первоначальнаго образованія: грамматики, словари, синопсисы и пр. Разумѣется, вездѣ, гдѣ можно было, во всѣхъ этихъ книжкахъ высказывался односторонній взглядъ [той партіи, къ которой принадлежалъ авторъ; разумѣется само собою и то, что ни та, ни другая партія не заботилась ни о какихъ другихъ интересахъ] [1]), кромѣ своихъ собственныхъ, и что до народнаго блага [имъ] [2]) дѣла не было. Но важно здѣсь то, что книжники уже поставлены были въ такое положеніе, въ которомъ должны были допустить надобность нѣкотораго образованія и въ другихъ классахъ народа, не принадлежащихъ къ сословію, имѣвшему до того монополію книжнаго дѣла и вообще образованности. Въ этомъ отношеніи Унія имѣла сходство съ Реформаціею; при движеніи реформаціонныхъ идей, папы тоже поставлены были въ невозможность поддерживать свое значеніе запрещеніемъ народу читать Библію, оставленіемъ его въ невѣжествѣ и т. п. Все нужно было разъяснить, все выставить наружу. Конечно, движеніе, возбужденное Уніею, не имѣло такихъ размѣровъ, какъ движеніе Реформаціи, но все же оно имѣло съ нимъ нѣкоторое сходство, по своему характеру. Оно выразилось преимущественно въ западной и южной Руси, но не могло не коснуться и сѣверовосточнаго края, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ съ Западомъ въ ближайшее соприкосновеніе во время самозванцевъ. Тутъ интересъ былъ еще ближе къ жизни, нежели въ западной Руси во время Уніи; обращеніе къ народу еще необходимѣе, чѣмъ тамъ. Книжники должны были понять теперь, какъ слабы узы, доселѣ державшія старый порядокъ; онѣ разорваны были самимъ народомъ при первомъ появленіи призрака, принявшаго имя законнаго государя. Видя, что невѣдѣніе народа о самыхъ простыхъ вещахъ гибельно дѣлается для тѣхъ самыхъ, которые его воспитывали; догадавшись, наконецъ, что не-

---

[1]) не имѣвшій въ виду никакихъ другихъ интересовъ.

[2]) тутъ никому.

вѣжество ненадежно, что на него нельзя положиться ни въ чемъ, потому что оно постоянно можетъ служить орудіемъ въ рукахъ перваго обманщика, книжники рѣшились вразумлять народъ относительно нѣкоторыхъ предметовъ: толковали ему о самозванцахъ, разсказывали исторію Годунова и Димитрія, писали увѣщательныя грамоты и пр. Грамоты и повѣствованія эти читали теперь уже не только духовенство и правительственные люди, книжность спустилась уже и въ классъ мелкаго чиновничества, которое не только читало, но даже и само принялось сочинять. Много произведеній XVIII вѣка принадлежитъ въ Россіи дьякамъ, подьячимъ, переводчикамъ приказовъ и другимъ чиновникамъ. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное опять-таки не въ Россіи, а въ чужой землѣ— русскимъ подъячимъ Посольскаго приказа— выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній старой Руси и обнаруживаетъ уже замѣчательную силу анализирующей мысли. Мы говоримъ о Кошихинѣ. У него уже взглядъ болѣе широкій, болѣе человѣчный, чѣмъ у всѣхъ русскихъ, до него писавшихъ о Россіи даже и въ отрицательномъ духѣ. Онъ является образованнымъ представителемъ интересовъ средняго сословія, надъ которымъ налегло старинное барство [съ своимъ невѣжествомъ и спесью]. У Кошихина ужъ не тѣ идеи, что у Курбскаго: онъ уже сожалѣетъ и о грубости семейныхъ отношеній, и о невѣжествѣ высшаго класса, и объ административныхъ обманахъ, и жестокости пытки, и объ отчужденіи Россіи; отъ Европы. И замѣчательна его точка зрѣнія: въ немъ нѣтъ непріязни къ Россіи: онъ не смотритъ на ея недостатки, какъ нераздѣльные съ природою народа, онъ объясняетъ ихъ обстоятельствами, отношеніями различныхъ классовъ между собою и тому подобное. Такъ, напримѣръ, говоря о безстыдствѣ и невѣжествѣ бояръ, Кошихинъ объясняетъ его тѣмъ, что они наученья никакого не принимаютъ отъ другихъ народовъ: не принимаютъ же потому, что обычая не повелось ѣздить за границу, изъ опасенія нарушить чистоту вѣры и старые обычаи. «Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства, и безстыдства, и ненависти, и неправды. Понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали-бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили... А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла въ иное государство, безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому-бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины, и помѣстья, и животы взяты-бъ были на царя; и ежели-бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его осталися сродственники, и ихъ пытали-бъ, не вѣдали ли они мысли сродственника своего, или-бъ кто послалъ сына, или брата или племянника, и его потому-жъ пытали-бъ, для чего онъ послалъ въ иное государство, не напроваживаючи-ль какихъ воинскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровскаго умышленія по чьему наученію, и пытавъ того такимъ же обычаемъ» (стр. 41). Этотъ отзывъ привели мы для того, чтобы показать, что уже въ половинѣ XVII вѣка сознавалась людьми средняго сословія необходимость разумныхъ заимствованій отъ Европы. Сужденіе Кошихина можетъ, пожалуй, показаться исключительнымъ явленіемъ; но здѣсь важно не то, во сколькихъ лицахъ мысль выразилась, а то, что она могла появиться въ это время, и появиться, какъ естественный выводъ изъ данныхъ, существовавшихъ въ самой жизни. Значитъ, жизнь уже сама по себѣ вела къ сближенію съ Западомъ и къ заимствованію его знаній и обычаевъ; и значитъ, совершенно напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что мѣры Петра шли совершенно наперекоръ естественному ходу нашей исторіи. Онъ, конечно, ускорилъ движеніе и еще, можетъ быть, отъ него зависѣла отчасти форма, въ которой проявилось заимствованіе. Но, зная нѣсколько относящихся сюда фактовъ изъ временъ, предшествовавшихъ Петру, нельзя не убѣдиться, что и здѣсь отъ естественнаго хода дѣлъ зависѣло болѣе, чѣмъ отъ личной воли преобразователя. Обыкновенно петрофской реформѣ дѣлаютъ тотъ упрекъ, что, совершивши сближеніе наше съ Европой слишкомъ быстро, Петръ не далъ установиться у насъ на этотъ счетъ здравымъ и солиднымъ идеямъ, а все подражаніе обратилъ только къ одной формѣ, къ внѣшности. Фактъ самъ по себѣ справедливъ. Но невозможно приписывать его только вліянію быстроты петровской реформы: какъ бы медленно мы ни заимствовали, все-таки, стали бы заимствовать сначала только внѣшность: таково было состояніе просвѣщенія даже въ высшихъ классахъ, которые болѣе другихъ имѣли средствъ къ сближенію съ «иныхъ государствъ людьми». Одни, какъ

видно изъ Кошихина, вовсе не хотѣли тогда ничего иностраннаго; другіе же, какъ видно изъ фактовъ, признавали необходимость введенія нѣкоторыхъ вещей на иностранный манеръ, — но на какіе же предметы обращалось ихъ вниманіе? Изъ-за границы выписывали отличныхъ архитекторовъ, коекакихъ музыкантовъ и комедіантовъ, которые «комедь ломали» и т. п. Развѣ это не внѣшность была? И развѣ этимъ путемъ Русь вѣрнѣе могла дойти до истинныхъ началъ образованности, чѣмъ путемъ обширной, всеобщей реформы, предпринятой Петромъ? Напротивъ, при этихъ-то мелочныхъ заимствованіяхъ, удовлетворявшихъ вкусу немногихъ бояръ, которые желали воспользоваться европейскою образованностью для собственной потѣхи, Русь всегда менѣе могла бы успѣть въ своемъ развитіи, тогда какъ реформа Петра, взволновавши давнишній застой Руси, разорвавши узы, которыми связывали всѣхъ остатки мѣстничества и другіе боярскіе предразсудки и обычаи, давши больше простора всѣмъ классамъ, значительно ускорила ходъ самой образованности, — которая до того подвигалась такимъ медленнымъ, едва примѣтнымъ шагомъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ раздвинула и предѣлы литературы. Въ періодѣ послѣ-петровскомъ литературное развитіе, не отступая отъ своего главнаго хода, идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, хоть не до такой степени быстро, какъ полагаетъ г. Милюковъ.

Мы чувствуемъ, что читатели уже недовольны нами за то, что мы такъ долго останавливаемъ ихъ вниманіе на предметѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго соотношенія ни съ однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ современное общество. Мы знаемъ, что теперь, когда умы всѣхъ обращены къ интересамъ первой важности, къ отмѣненію крѣпостного права, къ гласности, злоупотребленіямъ между чиновниками, недостаткамъ воспитанія и образованія и т. п., теперь немногіе захотятъ заглянуть въ статью, толкующую о вопросахъ литературныхъ, не касающихся жизни. Знаемъ мы, что плохое время выбрали для своей скромной статьи, столь далекой отъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Но что же дѣлать, если дѣло литературы такъ мило намъ,—хоть насъ и бранятъ за мнимое пренебреженіе къ ней,—если судьбы ея такъ насъ занимаютъ, что мы не умѣемъ остановиться, разъ заговоривши о ней. А говоря объ ея историческихъ судьбахъ, что же могли бы мы сказать интереснаго для современныхъ читателей, когда общественые вопросы до самаго послѣдняго времени были чужды нашей литературѣ, когда она держалась совершенно особнякомъ и существовала «для немногихъ»? Впрочемъ, мы чувствуемъ, что оправданія наши очень неудовлетворительны и, сознавая свою вину, постараемся окончить наши замѣтки какъ можно скорѣе, такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы (нужно предупредить читателя) интересы, волнующіе нынѣ общество, оставались почти въ той же неприкосновенности, какъ было и до Петра.

Познакомившись съ нравами и государственнымъ устройствомъ другихъ народовъ, Петръ увидѣлъ, какъ важно образованіе народное для блага цѣлаго царства. Поэтому постоянной заботой его было водвореніе въ Россіи образованія по примѣру Европы. Лучшимъ средствомъ для распространенія образованности онъ справедливо считалъ книги, и въ его время письменность русская является рѣшительно провозвѣстницею воли монарха для подданныхъ. Онъ понялъ, что при заботѣ о просвѣщеніи народа необходимо призвать на помощь живое убѣжденіе, и это убѣжденіе распространялъ посредствомъ книгъ. Всякое событіе его царствованія, всякій новый законъ, новое распоряженіе находили себѣ объясненіе и оправданіе въ произведеніяхъ письменности. Такъ, являются во время Петра книги «О причинахъ, какія имѣлъ онъ къ начатію войны со шведами», «Правда воли монаршей о наслѣдованіи престола», множество регламентовъ, спеціальныхъ книгъ по части инженерной, артиллерійской, морской и пр., наконецъ, «Вѣдомости», въ которыхъ въ первый разъ русскіе увидали всенародное объявленіе событій военныхъ и политическихъ. Всѣ новыя потребности, возбужденныя Петромъ, непремѣнно, по его же мысли и желанію, сопровождались книжными явленіями, которыя, такимъ образомъ служили разумнымъ оправданіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Почти всѣ книги такого рода были изданы не частными людьми, а по распоряженію самого же правительства; но самая же возможность писать о всяческихъ предметахъ, начиная съ политическихъ и оканчивая устройствомъ какой-нибудь лодки,—расширила кругъ идей литературныхъ и вызвала на книжную дѣятельность многихъ, которые въ прежнее время никогда бы о ней и не подумали. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ тогдашней письменности былъ, безъ сомнѣнія, крестьянинъ Посошковъ, рѣшившійся разсуждать самоучкой о вопросахъ политической экономіи,—о средствахъ умножить избытокъ въ народѣ и отвратить скудость. Не говоря о точкѣ зрѣнія Посошкова, которая, можетъ быть, не совсѣмъ удовлетворитъ требо-

ваніямъ живой народной науки,—замѣтимъ здѣсь только о томъ, какъ въ этомъ случаѣ простой здравый смыслъ русскаго человѣка сошелся съ результатами, добытыми, наконецъ, въ многолѣтнихъ опытахъ и изслѣдованіяхъ людей ученыхъ. Посошковъ принялся за разсужденія о богатствѣ народномъ просто потому, что этотъ предметъ былъ къ нему ближе всякаго другого и проще для него; а между тѣмъ, этотъ самый предметъ составляетъ науку, служащую вѣнцомъ всѣхъ такъ-называемыхъ общественныхъ наукъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что Посошковъ, хотя и крестьянинъ, не былъ вполнѣ представителемъ своего класса, а скорѣе выходцемъ изъ него: онъ занималъ какую-то начальственную должность, и въ его разсужденіяхъ, вмѣсто естественнаго побужденія прямыхъ нуждъ народныхъ, видны нерѣдко разные административные виды. То, что въ маленькихъ размѣрахъ примѣтно у Посошкова, въ колоссальномъ видѣ выказалось у другого крестьянина, который, благодаря Петровой реформѣ, получилъ возможность выучиться разнымъ наукамъ, побывалъ за границей и сдѣлался тоже выходцемъ изъ своего сословія. Ломоносовъ сдѣлался ученымъ, поэтомъ, профессоромъ, чиновникомъ, дворяниномъ, чѣмъ вамъ угодно, но ужъ никакъ не человѣкомъ, сочувствующимъ тому классу народа, изъ котораго вышелъ онъ. Иначе, впрочемъ, и не могло быть въ то время: хотя Петръ и уничтожилъ китайскую стѣну, отдѣлявшую до него боярина отъ окольничаго, окольничаго отъ думнаго человѣка и т. д., хотя онъ, признавши права заслугъ и образованія, далъ всѣмъ просторъ идти впередъ,—но не могли же всѣ вдругъ пріобрѣсть образованіе и отличиться заслугами. Всего легче могли воспользоваться средствами образованія, опять-таки, дѣти бояръ, окольничьихъ и т. п. Низшія сословія могли также высылать теперь на состязаніе своихъ избранныхъ: но состязаніе, во всякомъ случаѣ, было неравное, и эти избранные, все-таки, оставались едва замѣтными исключеніями изъ цѣлой массы. Если русская аристократія Петровскаго времени не стала во главѣ цѣлой націи по своей образованности и нравственному превосходству, то причина этого заключается, конечно, ужъ не въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, а просто въ [разъѣздающемъ и отупляющемъ вліяніи] [1]) нашего стариннаго барства. Впрочемъ, если не по умственнымъ совершенствамъ, то по своему общественному положенію, [по табели о рангахъ] боярство, все-таки, завладѣло тогда литературою, и она, не сдѣлавшись непосредственнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, какъ была прежде достояніемъ духовенства, постоянно, однако же, употреблялась посредственно къ ихъ услугамъ. Мы говоримъ здѣсь о меценатствѣ, которое такъ распространилось у насъ во времена послѣ Петра и дѣлало Россію отчасти похожею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на Римъ временъ имперіи и послѣднихъ годовъ республики. Князь Кантемиръ, принадлежавшій еще къ вѣку самого Петра, и при томъ самъ аристократъ, держался довольно независимо и по влеченію сердца воспѣвалъ правительственныя и общественныя реформы Петра. Но Ломоносовъ имѣлъ уже своихъ *милостивцевъ*, въ угоду которымъ сочинялъ разныя «стиховныя штуки», какъ говорилъ Третьяковскій. Ломоносовъ много сдѣлалъ для успѣховъ науки въ Россіи; онъ положилъ основаніе русскому естествовѣдѣнію, онъ первый составилъ довольно стройную систему науки о языкѣ; но въ отношеніи къ общественному значенію литературы онъ не сдѣлалъ ничего. Какъ до него схоластическая поэзія ограничивалась изображеніемъ «Орла россійскаго», или сочиненіемъ аллегорическаго «Плача и утѣшенія», въ виршахъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, такъ точно и Ломоносова поэзія не шагнула дальше дидактическаго нравоученія да напыщеннаго воспѣванія бранныхъ подвиговъ. Дѣйствительной жизни онъ не хотѣлъ знать и даже полагалъ, кажется, что о ней можно говорить не иначе какъ низкимъ слогомъ, котораго долженъ избѣгать порядочный писатель. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ, разсказывая хоть бы, напримѣръ, о затрудненіяхъ мужика, у котораго послѣдняя лошадь пала, возвыситься до того паѳоса, до какого доходили наши поэты, описывая ужинъ и фейерверкъ, данный знатнымъ бояриномъ. Тутъ уже не только чувства не тѣ, самый языкъ не тотъ будетъ. Возвышеннымъ, краснорѣчивымъ, витіеватымъ слогомъ можно воспѣвать только высокія явленія жизни — взятіе непріятельскаго города, отбитіе у врага нѣсколькихъ пушекъ, торжество по случаю побѣды, иллюминацію, раздачу наградъ и т. п. Вслѣдствіе такихъ соображеній, лучшіе представители тогдашней литературы старались, такъ сказать, вести себя сколько можно аристократичнѣе въ отношеніи къ [низкимъ предметамъ и къ подлому народу, какъ называли тогда публику, не принадлежавшую къ высшему кругу] [1]). Ломоносовъ, правда, говорилъ

[1]) лѣнь и неподвижность.

[1]) предметамъ, касающимся быта простого народа, и въ отношеніи къ самому этому народу.

иногда судіямъ земнымъ, чтобы они блюлись отъ буйности и подданныхъ не презирали, а наблюдали народную льготу; но это говорится такъ, en masse, въ видахъ отвлеченной добродѣтели и справедливости и отчасти даже для краснаго словца, а ничуть не по глубокому сердечному сочувствію къ нуждамъ народа. Такъ точно Сумароковъ возставалъ противъ невѣжества, спеси дворянской, взяточничества и т. п., и въ то же время сочинялъ трагедіи, въ которыхъ разные герои, владыки и ихъ наперстники вѣщали высокимъ слогомъ нелѣпѣйшія безсмыслицы. Тѣ, противъ кого писалъ Сумароковъ грозныя сатиры, слушали эти нелѣпости и хвалили, зная, что авторъ въ милости у знатныхъ особъ; а простая публика, видя, что тутъ для нея ничего нѣтъ, преоткровенно грызла орѣхи во время представленія. Тутъ уже Сумароковъ пришелъ въ истинное негодованіе и отъ души высказалъ, что этотъ «[подлый] народъ» не стоитъ чести смотрѣть трагедіи россійскаго Корнеля и Расина, [и что сей подлый народъ есть необразованная скотина, не признающая даже] [1]) такихъ авторитетовъ, какъ г. Вольтеръ и онъ, г. Сумароковъ. Но Сумарокову еще можно простить: у него ужъ такой нравъ былъ: онъ всѣхъ ругалъ, сколько силъ хватало, хотя самъ и восхищался очень наивно своимъ чиномъ и кавалерствомъ. Можно, съ другой стороны, простить и пресмыканіе предъ знатными какому-нибудь Третьяковскому, котораго можно было высѣчь за непоставку къ сроку оды на маскарадъ: это ужъ былъ человѣкъ убитый; его такъ всѣ и принимали за шута. О всѣхъ этихъ Петровыхъ, Костровыхъ и т. п.—говорить нечего: они только и жили милостивцами, стараясь потѣшать ихъ [невѣжество] то великолѣпной стиховной галиматьей, то собственной фигурою. Такъ, въ Римѣ, послѣ покоренія имъ Греціи, образованные рабы, гувернеры, піиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шуты и полные невольники невѣжественныхъ патриціевъ служили имъ своимъ умомъ, образованностью, ловкостью и вмѣстѣ щеками и спиною. Учиться и работать считалось въ тогдашнемъ Римѣ недостойнымъ патриція; наука и работа признавались и въ тогдашней Россіи недворянскимъ дѣломъ. Высшій классъ выпустилъ изъ головы своей мысль объ образованности и думалъ удержать ее въ своихъ рукахъ посредствомъ подачекъ своимъ паразитамъ, торговавшимъ дарами просвѣщенія. Къ удивленію, находимъ, что барамъ нашимъ продѣлка ихъ удавалась очень долго. Г. Милюкову кажется, что Державинъ цѣлымъ вѣкомъ отдѣленъ отъ Ломоносова; но мы никакъ этого не находимъ. Державина сама императрица приняла подъ свое покровительство, но и тутъ не избавила его отъ необходимости отыскивать милостивцевъ, которыхъ производилъ онъ и въ геркулесы, и въ гиганты, и чуть не въ полубоги. Что же касается до взгляда на народъ, его нужды и отношенія, то Державинъ подвинулся немного со временъ Ломоносова или даже Симеона Полоцкаго. [Довольно припомнить его восклицаніе:—

«Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной!»] [1]).

Восклицаніе, нужно признаться, не совсѣмъ гуманное, какъ и вообще произведенія Державина, носящія на себѣ отпечатокъ то отвлеченной мертвой схоластики, то эпикурейскихъ ощущеній, не очищенныхъ ни изящнымъ вкусомъ, ни здравой мыслью, то придворнаго шутовства въ духѣ нравовъ того времени. Нѣтъ, мы рѣшительно несогласны съ г. Милюковымъ, будто отъ Ломоносова до Державина совершилось какое-то громадное развитіе въ русской поэзіи. Если развитіе и было, то самое ничтожное, да и то скорѣе въ отношеніи къ внѣшности, къ формѣ выраженія, а ужъ никакъ не въ отношеніи къ развитію и расширенію содержанія. Какъ прежде воспѣвались отвлеченныя добродѣтели и совершенства, такъ и теперь, только еще утомительнѣе. Ни одна изъ нравственныхъ одъ Ломоносова не можетъ поравняться величиной съ подобными же одами Державина, изъ которыхъ въ иныхъ нѣтъ ли, пожалуй, стиховъ до тысячи. Какъ прежде поэтъ падалъ ницъ въ нѣмомъ восторгѣ предъ мужемъ брани, мѣряя свое благоговѣніе числомъ людей, убитыхъ подъ его начальствомъ, такъ точно и теперь,—*да еще восторженнѣе прежняго*. Какъ прежде на всемірныя событія смотрѣли изъ маленькой форточки своего узенькаго окошечка съ рѣшеткой и мѣряли всю землю собственной четвертью, такъ и теперь кругъ зрѣнія нисколько не расширился. Довольно привести одинъ фактъ. Державинъ былъ кѣмъ-то обиженъ и написалъ оду *на коварство*. Черезъ три года произошла французская революція; онъ придѣлалъ къ своей «Одѣ на коварство» нѣсколько строфъ и пустилъ ее въ свѣтъ подъ названіемъ: «Ода на коварство французскаго возмущенія». Не удовольствуясь этимъ, онъ пришилъ къ ней еще похвалу князю Пожарскому. Такія воззрѣнія существовали у русскихъ поэтовъ прошедшаго вѣка!..

[1]) такъ какъ онъ не понимаетъ ихъ высокихъ достоинствъ и даже не признаетъ.

[1]) Онъ кажется вѣрнымъ своему восклицанію: «Умолкни, чернь непросвѣщенна!..»

На кого еще указать изъ этого же періода литературы? На Хераскова и Княжнина? У нихъ еще менѣе народности, еще менѣе возвышенія до интересовъ общественныхъ, чѣмъ у Державина. Предметы поэмъ Хераскова и трагедій Княжнина уже сами собою показываютъ, какъ мало чуяли духъ русской народности сіи высокопарные піиты, пѣвшіе «отъ варваровъ Россію свобожденну» и гремѣвшіе своими Росславами. Выборъ событій миѳологическихъ или ненародныхъ, отвлеченная точка зрѣнія, стараніе дѣлать намеки, пріятные высшимъ (какъ, напр., въ «Титовомъ милосердіи»), все это обличало отчужденіе отъ народности, пренебреженіе къ нуждамъ и страданіямъ людей, если они только не пользуются громкими титулами.

О Карамзинѣ говорили у насъ, какъ о писателѣ народномъ, впервые коснувшемся родной почвы, спустившемся изъ области мечтаній къ живой дѣйствительности. Правда ли все это? Можно ли сказать, что Карамзинъ избавился отъ призраковъ, которые тяготѣли надъ его предшественниками, и взглянулъ на дѣйствительную жизнь свѣтло и прямо? Едва ли. Правда, державинское и ломоносовское пареніе является у Карамзина уже весьма слабо (а все-таки является); правда и то, что онъ изображаетъ нѣжныя чувства, привязанность къ природѣ, простой бытъ. Но какъ все это изображается! Природа берется изъ Армидиныхъ садовъ, нѣжныя чувства—изъ сладостныхъ пѣсенъ трубадуровъ и изъ повѣстей Флоріана, сельскій бытъ—прямо изъ счастливой Аркадіи. Точка зрѣнія на все попрежнему отвлеченная и крайне аристократическая. Главная мысль та, что умѣренность есть лучшее богатство, и что природа каждому человѣку даетъ даромъ такія наслажденія, какихъ ни за какія деньги получить невозможно. Это проповѣдуетъ человѣкъ, живущій въ довольствѣ и который, послѣ вкуснаго обѣда и пріятной бесѣды съ гостями, садится въ изящномъ креслѣ, въ комнатѣ, убранной со всѣми прихотями достатка, описывать блаженство бѣдности на лонѣ природы. Выходитъ умилительная картина, въ которой есть слова: природа, простота, спокойствіе, счастіе, но въ которой на дѣлѣ нѣтъ ни природы, ни простоты, а есть только самодовольное спокойствіе человѣка, не думающаго о счастіи другихъ. Отчего происходило это? Неужели писатели карамзинской школы въ самомъ дѣлѣ полагали, что наши сѣверные поселяне похожи на аркадскихъ пастушковъ; неужели они не видѣли, что въ простомъ народѣ есть свои нужды, свои стремленія, есть нищета и горе житейское, а не призрачное? Конечно, они это знали и видѣли: но имъ казалось, что этого незачѣмъ вносить въ литературу, что это будетъ даже неприлично и смѣшно. [Такъ, въ наше время, что сказали бы мы о писателѣ, который бы описалъ съ паѳосомъ и подробностью страданія лошади, оторванной отъ корму, запряженной противъ воли въ карету и принужденной ударами кнута ѣхать, куда ей вовсе не хочется?] Такъ, въ карамзинское время дико было снисходить до истинныхъ чувствъ и нуждъ простого класса. Въ самой исторіи Карамзинъ держится постоянно той точки зрѣнія, которая выразилась въ заглавіи его творенія: Исторія *Государства* Россійскаго. Черезъ 20 лѣтъ послѣ него, Полевой хотѣлъ писать исторію русскаго *народа*, но ему весьма плохо удалось его дѣло. Нельзя, впрочемъ, винить ни его за неудачу, ни Карамзина за его образъ воззрѣнія. Исторія не сочиняется, а составляется по даннымъ, сохранившимся болѣе всего въ письменныхъ памятникахъ. А что представляла историку [illegible] письменность? Мы уже видѣли, что въ ней принимали участіе только два малочисленнѣйшіе класса народа, и ихъ только интересы выражались въ ней. Слѣдовательно, исторіи народа по даннымъ лѣтописнымъ составить было невозможно, если человѣкъ не умѣлъ, какъ говорится, читать между строкъ. А Карамзинъ, если и имѣлъ отчасти это искусство, то единственно для проведенія своей главной идеи о государствѣ. Такимъ образомъ нашелъ онъ, что Іоаннъ III въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Петра Великаго; такимъ образомъ умѣлъ провести нить великихъ князей кіевскихъ, а потомъ владимірскихъ чрезъ весь удѣльный періодъ; такимъ образомъ порядку государственному онъ противополагалъ свободу народную, не умѣвши понять, что они нераздѣльны и взаимно другъ друга поддерживаютъ, онъ говорилъ: народы дикіе любятъ свободу, народы просвѣщенные любятъ порядокъ... До какой степени Карамзинъ сблизилъ русскую литературу съ дѣйствительностью, видно изъ твореній его поклонника и послѣдователя—Жуковскаго. Мечтательность, призраки, стремленіе къ чему-то невѣдомому, надежда на успокоеніе тамъ, въ заоблачномъ туманѣ, патріотическія чувства, обращенныя къ русскимъ шлемамъ, панцырямъ, щитамъ и стрѣламъ, соединеніе державинскаго паренія съ сантиментальностью Коцебу — вотъ характеристика романтической поэзіи, внесенной къ намъ Жуковскимъ. Одно только изъ русской народности воспроизвелъ Жуковскій (въ Свѣтланѣ), и это одно — суевѣріе народное. И, кажется, только въ этомъ отношеніи романтическая поэзія и могла соприкасаться съ нашимъ народнымъ духомъ: во всемъ

остальномъ она отдѣлялась отъ него неизмѣримой пропастью.

И, однако же, Карамзинъ и Жуковскій получили въ русскомъ обществѣ такое значеніе, какого не имѣлъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ писателей. Чѣмъ же объяснить это? Тѣмъ, разумѣется, что оба они удовлетворяли потребностямъ того общества, которое ихъ читало. [Вопросъ остается за тѣмъ, что это было за общество? Говорятъ, что Карамзина и Жуковскаго любитъ и знаетъ Россія, и этому вѣрятъ зѣло ученые люди, которые полагаютъ, что они-то, ученые и образованные, и составляютъ Россію; а все остальное, находящееся внѣ нашего круга, вовсе недостойно имени русскаго] [1]). Коренная Россія не въ насъ съ вами заключается, господа умники. Мы можемъ держаться только потому, что подъ нами есть твердая почва—настоящій русскій народъ; а сами по себѣ мы составляемъ совершенно непримѣтную частичку великаго русскаго народа, Вы, можетъ быть, намѣрены возразить мнѣ, заговоривши о преимуществахъ образованности, которая даетъ человѣку власть надъ неодушевленной природой, надъ неразумными животными, и возвышаетъ насъ надъ толпой. Но погодите хвалиться вашей образованностью, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вы не найдете средствъ обходиться безъ этой толпы, или давать ей столько же, сколько она вамъ даетъ. Всякій законъ, всякое пріобрѣтеніе, всякое положеніе, всякая вещь, наконецъ, тѣмъ лучше, чѣмъ большому количеству личностей или предметовъ доставляетъ пользу или удобство. А это что же за великое явленіе, которое въ теченіе вѣковъ все ограничивается сотнями и тысячами людей, не обращая вниманія на милліоны!.. И повѣрьте, что эти милліоны вовсе не виноваты въ своемъ невѣжествѣ: не они отчуждаются отъ знанія, отъ искусствъ, отъ поэзіи,—а ихъ чуждаются и презираютъ тѣ, которые успѣли захватить умственное достояніе въ свои руки. Если же имъ и даютъ что-нибудь, въ родѣ мертвыхъ схоластическихъ стиховъ, вмѣсто живой народной поэзіи, то народъ, естественно, отвращается отъ подобныхъ прелестей, какъ вовсе не подходящихъ къ его потребностямъ и къ его положенію. Кѣмъ же ограничивалась литература даже во времена Карамзина и Жуковскаго? Кругъ людей, требованіямъ которыхъ удовлетворили эти писатели, былъ, правда, шире прежняго. Ломоносовскія и державинскія оды восхвалялись и повторялись только людьми, нечуждыми придворной жизни; повѣсти Карамзина и баллады Жуковскаго перечитывались, можно сказать, во всемъ дворянскомъ кругѣ. Это и составляетъ значительный шагъ впередъ, сдѣланный карамзинскою школою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она неизбѣжно должна была теперь нѣсколько спуститься къ дѣйствительности, — хотя все еще далеко не достигла ея. Что въ прежней пиндарической школѣ было призрачное величіе, то здѣсь—призрачная нѣжность; тамъ великолѣпіе, здѣсь достатокъ; тамъ громъ и молнія, здѣсь каскады; тамъ трубы и кимвалы, грохочущіе славу князей на удивленіе смертныхъ, здѣсь арфы, призывающія простыхъ дѣтей природы наслаждаться чувствительностью. Здѣсь приближеніе къ дѣйствительной жизни находимъ мы, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что уже менѣе возбуждаются всякія страшилища и разрушители земного счастія. Литература сама еще не смѣетъ подойти къ дѣйствительности и объявить себя на сторонѣ настоящаго положенія вещей; но уже съ меньшей охотой, чѣмъ прежде, восхваляетъ она то, что противорѣчитъ естественному порядку дѣлъ. Въ литературѣ видимо является наклонность къ примиренію съ жизнью и характеръ консервативный. Теперь, если недовольство дѣйствительнымъ міромъ и является, то уже не во имя какихъ-нибудь громкихъ исключительныхъ явленій, а во имя чего-то «очарованнаго», какъ выражался Жуковскій, во имя какихъ-то глубочайшихъ стремленій человѣческаго духа, которыхъ, однако же, поэтъ и самъ не сознавалъ хорошенько. Такая перемѣна необходимо должна была явиться при расширеніи круга людей, интересующихся литературою. Очевидно, что въ древнія времена какой-нибудь скальдъ, для котораго весь міръ заключался въ высокородномъ рыцарѣ, — его господинѣ и милостивцѣ, — могъ безъ зазрѣнія совѣсти, съ самымъ искреннимъ восторгомъ, пѣть его бранные подвиги, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ человѣчества. Его, вѣдь, никто и не слышалъ изъ этого человѣчества; онъ пѣлъ для своего рыцаря и его дружины. Если же какіе-нибудь скованные плѣнники и присутствовали тутъ же во время пѣсни, то ихъ стоны и проклятія только возвышали славу пѣвца и удовольствіе доблестнаго рыцаря съ дружи-

[1]) Въ этомъ заключается важная заслуга ихъ предъ русской литературой; въ этомъ мы видимъ ихъ историческое значеніе; но если мы захотимъ взглянуть на этотъ же предметъ преимущественно съ точки зрѣнія народности, то нельзя не сознаться, что слова тѣхъ, которые говорятъ: Карамзина и Жуковскаго любитъ и знаетъ вся Россія, нѣсколько преувеличены. Несправедливо будетъ утверждать, что вся Россія заключается въ насъ только, людяхъ ученыхъ, а все остальное, находящееся внѣ нашего круга, вовсе недостойно благодѣяній литературы, нѣтъ,—

ною. Нельзя было оставаться при такомъ же направленіи въ то время, когда не одна рыцарская дружина, но уже и мирные граждане стали интересоваться поэтическими созданіями. Нужно было и ихъ потѣшить чѣмъ-нибудь: и вотъ является для ихъ удовольствія украшенная природа, граціозныя китайскія куколки, изящныя чувства и т. п. Это былъ неудачный суррогатъ дѣйствительности, на которую явилась уже потребность, но которую боялись дать живьемъ, боясь оскорбить отвлеченныя требованія искусства.

Батюшковъ, любившій дѣйствительную жизнь, какъ эпикуреецъ, но тоже боявшійся пустить ее въ ходъ прямо, увидѣлъ, однако, что наши попытки на созданіе золотого вѣка изъ простой жизни никуда не годятся. Онъ пошелъ по другой дорогѣ, и въ своей недолгой литературной дѣятельности выразилъ такое умозаключеніе: «вы боитесь изображать просто природу и жизнь, чтобы не нарушить требованій искусства; но у древнихъ вы признаете соблюденіе правилъ искусства, смотрите же, я буду вамъ изображать жизнь и природу на манеръ древнихъ. Это, все-таки, будетъ лучше, чѣмъ выдумывать самимъ вещи, ни на что не похожія». Это, дѣйствительно, было лучше, но, все-таки, было еще плохо, тѣмъ болѣе, что у насъ почти не было людей, которые могли бы сказать, такъ ли Батюшковъ изображаетъ міръ и жизнь, какъ древніе, или вовсе непохоже на нихъ.

Пушкинъ пошелъ дальше: онъ въ своей поэтической дѣятельности первый выразилъ возможность представить, не компрометтируя искусства, ту самую жизнь, которая у насъ существуетъ, и представить именно такъ, какъ она является на дѣлѣ. Въ этомъ заключается великое историческое значеніе Пушкина. Но и въ Пушкинѣ проявилось это не вдругъ, и при томъ проявилось не съ тою широтой взгляда, какой можно бы ожидать отъ художественной личности. Карамзинская опрятность, мечтательность Жуковскаго и эпикуреизмъ Батюшкова сильно проглядываютъ въ немъ; а къ этому присоединяется еще вліяніе Байрона, котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Милюковъ, Пушкинъ не понялъ и не могъ понять, какъ по основѣ собственнаго характера, такъ и по характеру общества, окружавшаго его. Натура неглубокая, но живая, легкая, увлекающаяся и при томъ вслѣдствіе недостатка прочнаго образованія, увлекающаяся болѣе внѣшностью, Пушкинъ не былъ вовсе похожъ на Байрона. «Пушкинъ не могъ понимать,—говоритъ г. Милюковъ,—той ужасной болѣзни, какою томилось общество европейское, не могъ питать къ нему той неумолимой ненависти и презрѣнія, какія кипѣли въ душѣ британскаго пѣвца, рожденнаго посреди самаго просвѣщеннаго народа, не могъ проливать тѣхъ горькихъ, кровавыхъ слезъ, какими плакалъ Байронъ. Общество русское не было похоже на европейское, и если въ то время въ самой Европѣ не оцѣнили еще значенія пѣвца Чайльдъ-Гарольда и называли его главою *сатанинской школы*, то, разумѣется, Пушкинъ совсѣмъ не въ состояніи былъ понять его... Онъ плѣнился только разочарованнымъ и гордымъ характеромъ его героевъ, мрачнымъ колоритомъ картинъ и свободною легкостью формы». Такимъ образомъ, Пушкину долго не давалась русская народность, и онъ изображалъ разочарованныхъ «Плѣнниковъ» и «Алеко», вовсе не подозрѣвая, что такое разочарованіе не въ русскомъ характерѣ, хотя и встрѣчалось въ нашемъ обществѣ. Одаренный проницательностью художника, Пушкинъ скоро постигъ характеръ этого общества и, не стѣсняясь уже классическими приличіями, изобразилъ его просто и вѣрно; общество было въ восторгѣ, что видитъ, наконецъ, *настоящую*, не игрушечную поэзію, и принялось читать и перечитывать Пушкина. Съ его времени литература вошла въ жизнь общества, стала необходимой принадлежностью образованнаго класса. Но опять вопросъ: какъ относится этотъ классъ по количеству и качеству къ населенію цѣлой Россіи? Здѣсь нельзя не сознаться, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что классъ людей, изображенныхъ Пушкинымъ и находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, слѣдовательно, имъ интересующихся, весьма малочисленъ у насъ. Повторяемъ: говоримъ это съ удовольствіемъ, потому что если бы въ Россіи было большинство такихъ талантливыхъ натуръ, какъ Алеко или Онѣгинъ, и если бы, при своемъ множествѣ, они, все-таки, оставались такими пошляками, какъ эти господа,—москвичи въ гарольдовомъ плащѣ,—то грустно было бы за Россію. Къ счастью, ихъ у насъ всегда было мало, и ихъ изображеніе не только народу было бы вовсе непонятно, но даже и въ образованномъ обществѣ интересовало не всѣхъ. Гораздо болѣе привлекли къ Пушкину вниманіе публики тѣ картины русской природы и жизни, какія разсыпаны повсюду въ его стихотвореніяхъ и выполнены съ удивительнымъ художественнымъ совершенствомъ. Въ то время и живое изображеніе природы было въ диковину, а Пушкинъ такъ умѣлъ овладѣть формой русской народности, что до сихъ поръ удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи даже вкусу очень взыскательному.

Мы сказали: *формой* народности, потому что содержаніе ея и для Пушкина было еще недоступно. Народность понимаемъ мы не только какъ умѣнье изобразить красоты природы мѣстной, употребить мѣткое выраженіе, подслушанное у народа, вѣрно представить обряды, обычаи и т. п. Все это есть у Пушкина: лучшимъ доказательствомъ служитъ его «Русалка». Но чтобы быть поэтомъ истинно-народнымъ, надо больше: надо проникнуться народнымъ духомъ, прожить его жизнью, стать вровень съ нимъ, отбросить всѣ предразсудки сословій, книжнаго ученія и пр., прочувствовать все тѣмъ простымъ чувствомъ, какимъ обладаетъ народъ,—этого Пушкину недоставало. Его генеалогическіе предразсудки, его эпикурейскія наклонности, первоначальное образованіе подъ руководствомъ французскихъ эмигрантовъ конца прошедшаго столѣтія, самая натура его, полная художественной воспріимчивости, но чуждая упорной дѣятельности мысли,—все препятствовало ему проникнуться духомъ русской народности. Мало того,—онъ отвращался даже отъ тѣхъ проявленій народности, какія заходили изъ народа въ общество, окружавшее Пушкина. Особенно проявилось это въ послѣдніе годы его поэтической дѣятельности. Жизнь все шла впередъ; міръ дѣйствительности, открытый Пушкинымъ и воспѣтый имъ такъ очаровательно, началъ уже терять свою поэтическую прелесть; въ немъ осмѣлились замѣчать недостатки, уже не во имя отвлеченныхъ идей и заоблачныхъ мечтаній, а во имя правды самой жизни. Ждали только человѣка, который бы умѣлъ изобразить недостатки жизни съ такимъ же поэтическимъ тактомъ, съ какимъ Пушкинъ умѣлъ выставить ея прелести. За людьми дѣло не стало: явился Гоголь. Онъ изобразилъ всю пошлость жизни современнаго общества; но его изображенія были свѣжи, молоды, восторженны, можетъ быть болѣе, чѣмъ самыя задушевныя пѣсни Пушкина. Пушкинъ тоже тяготился пустотою и пошлостью жизни; но онъ тяготился ею, какъ Онѣгинъ, съ какимъ-то безсильнымъ отчаяніемъ. Онъ говорилъ о жизни:

«Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я».

Но онъ не видѣлъ исхода изъ этой пустоты, его силъ не хватило на серьезное обличеніе ея, потому что внутри его не было ничего, во имя чего можно было предпринять подобное обличеніе. Онъ могъ только восклицать съ лирической грустью:

«Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ».

Оттого-то онъ и не присталъ къ литературному движенію, которое началось въ послѣдніе годы его жизни. Напротивъ, онъ покаралъ это движеніе еще прежде, чѣмъ оно явилось господствующимъ въ литературѣ, еще въ то время, когда оно явилось только въ обществѣ. Онъ гордо воскликнулъ въ отвѣтъ на современные вопросы: подите прочь! Какое мнѣ дѣло до васъ! и началъ пѣть Бородинскую годовщину и отвѣчать клеветникамъ Россіи знаменитыми стихами:

«Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?

Можно было бы спросить: это ли направленіе чистой художественности? Не поднимаетъ ли здѣсь поэтъ тоже общественныхъ вопросовъ, съ тою разницею, что здѣсь выражаются интересы совсѣмъ другого рода? Да, эти произведенія были въ поэтической дѣятельности Пушкина шагомъ назадъ,—къ державинской и ломоносовской эпохѣ. Но общество наше было теперь уже не то. Г. Милюковъ справедливо говоритъ: «Общество скоро поняло, что любимый поэтъ оставилъ его, что народныя радости и печали не находятъ уже въ немъ горячаго сочувствія и даже встрѣчаютъ холодное презрѣніе. Тогда публика, въ свою очередь, по невольному инстинкту, оставила поэта. Это охлажденіе публики сильно тревожило Пушкина въ послѣдніе годы его жизни. Онъ видѣлъ, какъ разорвалась та симпатическая связь, которая соединяла его съ обществомъ, и началъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ бросаться во всѣ отрасли литературы: въ исторію, романъ, журналистику, отыскивая какой-нибудь струны, которая связала бы его съ публикою. Но ничто не помогало, и смерть избавила его отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову» (стр. 177). Все это служитъ доказательствомъ того, что Пушкинъ постигъ только форму русской народности, но не могъ еще войти въ духъ ея. Этимъ-то и объясняется, что въ послѣднее время онъ сталъ писать стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и т. п., имѣвшія, можетъ быть, прекрасную художественную отдѣлку, но по своей мысли, все-таки, назначенныя *«для немногихъ»*, а никакъ не для большинства публики. Впрочемъ, недавно изданный VII томъ Пушкина доказываетъ, что воспріимчивая натура поэта не оставалась глуха къ призывамъ общественныхъ вопросовъ; только недоста-

токъ прочнаго глубокаго образованія препятствовалъ ему сознать прямо и ясно, къ чему стремиться, чего искать, во имя чего приступать къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ.

Болѣе силъ нашелъ въ себѣ Гоголь, котораго значеніе въ исторіи русской литературы не нуждается уже въ новыхъ объясненіяхъ. Но и онъ не смогъ идти до конца по своей дорогѣ. Изображеніе пошлости жизни ужаснуло его; онъ не созналъ, что эта пошлость не есть удѣлъ народной жизни, не созналъ, что ее нужно до конца преслѣдовать, нисколько не опасаясь, что она можетъ бросить дурную тѣнь на самый народъ. Онъ захотѣлъ представить идеалы, которыхъ нигдѣ не могъ найти; онъ, не въ состояніи будучи шагнуть черезъ Пушкина до Державина, шагнулъ назадъ до Карамзина: его Муразовъ есть повтореніе Флора Силина, благодѣтельнаго крестьянина, его Уленька—блѣдная копія съ блѣдной Лизы. Нѣтъ, и Гоголь не постигъ вполнѣ, въ чемъ тайна русской народности, и онъ перемѣшалъ хаосъ современнаго общества, кое-какъ изнашивающаго лохмотья взятой взаймы цивилизаціи, съ стройностью простой, чистой народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на началахъ правды и здраваго смысла.

Если окончить Гоголемъ ходъ нашего литературнаго развитія, то и окажется, что до сихъ поръ наша литература почти никогда не выполняла своего назначенія: служить выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій. Самое большое, до чего она доходила, заключалось въ томъ, чтобы сказать или показать, что есть и въ народѣ нѣчто хорошее. Съ теченіемъ времени, подобныя замѣчанія или указанія дѣлаются все чаще и чаще, и въ этомъ пока заключается развитіе нашей литературы. Въ числѣ исключительныхъ личностей, мало имѣвшихъ вліяніе на литературное движеніе, нельзя забыть Крылова, Кольцова и Лермонтова. Крыловъ ограничилъ свою дѣятельность однимъ родомъ литературныхъ произведеній — баснею, и потому мало имѣлъ вліянія на развитіе литературы, хотя, конечно, значеніе его будетъ весьма велико, когда его басни дойдутъ до народа. Кольцовъ жилъ народною жизнью, понималъ ея горе и радости, умѣлъ выражать ихъ. Но его поэзіи не достаетъ всесторонности взгляда; простой классъ народа является у него въ уединеніи отъ общихъ интересовъ, только съ своими частными житейскими нуждами: оттого пѣсни его, при всей своей простотѣ и живости, не возбуждаютъ того чувства, какъ, напримѣръ, пѣсни Беранже. Лермонтовъ же обладалъ, конечно, громаднымъ талантомъ и, умѣвши рано постичь недостатки современнаго общества, умѣлъ понять и то, что спасеніе отъ этого ложнаго пути находится только въ народѣ. Доказательствомъ служитъ его удивительное стихотвореніе «Родина», въ которомъ онъ становится рѣшительно выше всѣхъ предразсудковъ патріотизма и понимаетъ любовь къ отечеству истинно, свято и разумно. Онъ говоритъ:

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья».

Что же любитъ въ родинѣ этотъ поэтъ, равнодушный и къ воинской славѣ, и къ величавому покою государства, и даже къ преданьямъ темной старины, записаннымъ смиренными иноками-лѣтописцами? Вотъ что онъ любитъ:

«Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ».

Полнѣйшаго выраженія чистой любви къ народу, гуманнѣйшаго взгляда на его жизнь нельзя и требовать отъ русскаго поэта. Къ несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко отъ народа, а слишкомъ ранняя смерть помѣшала ему даже поражать пороки современнаго общества съ тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживалъ ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ...

Таковъ былъ, по нашему мнѣнію, общій ходъ развитія русской литературы съ древнѣйшихъ ея временъ.

А сатирическое-то направленіе?—восклицаетъ читатель. Вы о немъ ничего не говорите? Что литературное развитіе, вообще, было слабо, это мы знаемъ; это и г. Милюковъ говоритъ, и еще гораздо сильнѣе васъ. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, превозноситъ сатирическое направленіе. Г. Милюковъ говоритъ, что безъ сатирическаго направленія никакого спасенія не было для русской литературы, и что сатирическое направленіе всегда ее поддерживало, оживляло,

возносило и прославляло. Г. Милюковъ говоритъ, что «сатира всегда сражалась съ массою, которая постепенно уменьшается; что она враждовала съ настоящимъ, какъ съ остатками прошедшаго, указывая на славное будущее; что она всегда производила благотворное дѣйствіе на нравы, что въ сатирѣ общество наше нашло того двигателя, который постоянно продолжаетъ вести его по пути къ совершенству, уничтожая преграды, поставленныя вѣковымъ отчужденіемъ и невѣжествомъ». Вотъ что говоритъ г. Милюковъ о значеніи сатиры. А вы даже не упомянули о ея благотворномъ вліяніи.

Да,—отвѣчаемъ мы, — вѣрьте г. Милюкову! Онъ слишкомъ нѣжно смотритъ на русскую литературу; онъ проникнутъ такою горячею любовью къ ней, что непремѣнно хочетъ въ ней отыскать нѣчто превосходное и благодѣтельное для нравовъ общества. Не за что взяться, такъ онъ и принялся за сатиру, какъ за прекрасное средство дать почувствовать благородныя стремленія литературы. Это съ его стороны большая поблажка, дѣлающая честь добротѣ его сердца, но, тѣмъ не менѣе, излишняя. Что касается до насъ, то мы вполнѣ вѣримъ г. Милюкову только тогда, когда онъ бранитъ что-нибудь: ужъ если такой добрый и снисходительный человѣкъ находитъ, что это дурно, думаемъ мы, то ужъ вѣрно и въ самомъ дѣлѣ дурно. Но когда онъ хвалитъ, то нельзя не видѣть, какъ его доброе сердце преувеличиваетъ значеніе восхваляемой вещи. Вотъ хоть бы и сатира русская... Мы о ней нарочно не говорили, именно потому, что г. Милюковъ такъ превозноситъ ее. «Очеркъ поэзіи» г. Милюкова составленъ такъ хорошо, какъ ни одна изъ исторій русской литературы, и потому намъ не хотѣлось спорить съ почтеннымъ авторомъ о предметѣ, который такъ послѣдовательно проведенъ имъ по всей книгѣ. Сатирическое направленіе, разумѣется, хорошо; кто же объ этомъ споритъ? Но зачѣмъ приходить отъ него въ такой восторгъ? зачѣмъ приписывать ему исправленіе нравовъ общества, зачѣмъ считать его какимъ-то двигателемъ? Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру, чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады. Положеніе нашихъ сатириковъ было, въ самомъ дѣлѣ, отлично-выгодное: они видѣли передъ глазами, въ другихъ частяхъ Европы, лучшій порядокъ и могли смѣяться надъ нашимъ дурнымъ порядкомъ, зная, чего именно хотятъ они. Они могли выставлять на позоръ наши заблужденія, наше невѣжество, почерпнувъ изъ западной науки истины, еще неизвѣстныя и недоступныя нашему обществу. Но что же дѣлала наша сатира? Она всегда шла позади жизни, тогда какъ, по своему исключительному положенію среди нашего общества, могла опережать ее; она видѣла порокъ только тогда, когда онъ былъ ужъ уличенъ, опубликованъ и всенародно наказанъ; ранѣе она не осмѣливалась дотронуться до него. Вѣдь были у насъ, конечно, люди образованные и раньше Кантемира; были и противники просвѣщенія: отчего же только послѣ указа Петра о томъ, что стыдно быть невѣждою, особливо дворянину, и что всѣ дворяне должны учиться,—отчего только послѣ этого является сатира на хулящихъ ученіе?... Пьянство испоконъ вѣку у насъ было распространено; противъ него были указы еще въ XVI и XVII вѣкахъ; а до Кантемира опять никто сатирически не изобразилъ его. Мѣстничество при Петрѣ уже окончательно пало, а Кантемиръ потѣшается надъ нимъ (то-есть, вообще, надъ боярской спесью) въ цѣлой длиннѣйшей сатирѣ. А ханжество, лесть, обманъ и т. п., развѣ меньше были распространены до Кантемира? Что же никто не поражалъ ихъ? Отвѣтъ, конечно, легокъ: тогда и сатиры вовсе не было, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Ну, хорошо; а почему Кантемиръ не поражалъ тѣхъ пороковъ, какіе въ его время были сильны? Вы спросите, какіе пороки? Да возьмите современныя записки или хоть немножко пораньше. Возьмите хоть Кошихина. Вотъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что при царскомъ погребеніи, которое совершается всегда ночью, бываетъ страшный грабежъ, потому что московскихъ людей *натура не боюбоязливая:* «и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей, *убитыхъ* и *зарѣзанныхъ,* больше ста человѣкъ. И изойдется на царское погребеніе денегъ на Москвѣ и въ городѣхъ *близко того,* что на годъ придетъ съ государства казны» (стр. 17). Или, напримѣръ, тотъ же почтенный подьячій пишетъ, что «во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ», и описываетъ эти обманства. А они продолжались, съ разными видоизмѣненіями, и во времена Кантемира. Или — у Кошихина есть такое извѣстіе о чиновникахъ: хотя, говоритъ онъ, за взятки и положено наказаніе, и чиновники клянутся и крестъ цѣлуютъ, чтобы посуловъ не принимать, но «ни во что вѣра ихъ и заклинательство, отъ прелести очей своихъ удержати не могутъ и руки ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако, по задней лѣстницѣ, чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына, и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ» (стр. 93). Или

вотъ это: «а буде (бояре и дворяне) учинятъ надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми какія блудныя дѣла, или у жонки выбьютъ робенка, или мученая и битая съ робенкомъ умретъ, и будетъ на такихъ злочинцевъ челобитье, и по ихъ челобитью отсылаютъ такія дѣла на Москву къ патріарху» (стр. 114). Да чего тутъ ждать челобитья! Сатирой бы ихъ хорошенько, этихъ злочинцевъ! Ихъ-то, именно, и прикрыть бы сатирой! Но сатира Кантемирова молчала объ этомъ, а возставала съ благороднымъ негодованіемъ противъ Медора, завивающаго кудри, противъ Менандра, переносящаго вѣсти, противъ скупого Хризиппа, противъ расточительнаго Клеарха. А главной ея заботой было воспѣть пользу преобразованій, уже сдѣланныхъ Петромъ, и посмѣяться надъ тѣми, которые безсильно, на словахъ, еще отвергали ихъ пользу. А то мало ли было во время Петра и вскорѣ потомъ пороковъ, подлежащихъ обличенію литературы! Загляните только въ «Записки Желябужскаго»: чего тамъ нѣтъ! «Въ 193 (1685) г. князю Петру Кропоткину чинено наказанье: битъ кнутомъ за то, что въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою. Въ томъ же году князь Яковъ Ивановъ, сынъ Лобановъ-Ростовскій, да Иванъ Андреевъ, сынъ Микулинъ, ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ, съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти.—Въ 201 (1693) году князю Александру Борисову, сыну Крупскому, чинено наказанье: битъ кнутомъ за то, что жену убилъ.—Въ 202 г. Земскаго Приказу дьякъ Петръ Вязмитиновъ передъ московскимъ Суднымъ Приказовъ подыманъ съ козелъ и, вмѣсто кнута, битъ батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правежъ ставилъ своего человѣка, вмѣсто отвѣтчика». Такія явленія заслуживали, я думаю, литературнаго обличенія болѣе, нежели завиванье кудрей и пристрастіе къ французскимъ модамъ. Если хотите прослѣдить явленія русской жизни, подлежащія сатирѣ, далѣе, то можете заглянуть во многія книги, только не въ сатирическія творенія. Въ русской сатирѣ современность вы рѣдко найдете; скорѣе попадется она вамъ въ какихъ-нибудь мемуарахъ Манштейна, Миниха, Храповицкаго, Грибовскаго, въ «Семена Порошина запискахъ», въ «Актахъ, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ» Тургеневымъ, въ «Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи». «Въ Полномъ Собраніи» есть, напримѣръ, указъ Петра I о томъ, «что крестьянъ продаютъ на розницу, какъ скотовъ, и даже такъ, что отъ семей, отъ отца или отъ матери, дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ». Сатира не коснулась такихъ явленій до послѣдняго времени. Можно ли же послѣ этого сказать, что она была двигательницею общества по пути къ совершенству? стоитъ ли также говорить о ея благотворномъ вліяніи на исправленіе нравовъ? Сумароковъ преслѣдовалъ взяточничество; это было хорошо, хотя и поздно немножко, потому что объ этомъ злѣ есть уже положительныя упоминанія въ XVI столѣтіи. Но что же вышло изъ его обличеній? Черезъ 25 лѣтъ послѣ него Капнистъ опять обличалъ то же; черезъ 40 лѣтъ потомъ Гоголь возсталъ противъ того же въ «Ревизорѣ»; нынѣ, черезъ 20 лѣтъ послѣ «Ревизора», образовалась цѣлая литература приказной казуистики: видно, что мало пользы принесли сатиры русскихъ авторовъ, какъ онѣ ни были разнообразны и ядовиты. А все отчего? оттого, что сатира всегда была робка, мелочна, близорука, пока сама жизнь не опережала ея. Кого выводили преслѣдователи взятокъ? Городничаго, исправника, станового, квартальнаго, предсѣдателя гражданской палаты, да еще какого-то нарицательнаго судью, вѣроятно, уѣзднаго. Предположите же, что всѣ подобные мелкіе чиновники исправились бы послѣ сатирическихъ нападеній на нихъ: думаете ли вы, что этого было бы довольно для прекращенія взяточничества въ цѣлой Россіи?—При томъ, посмотрите, съ какой точки зрѣнія дѣлаются у насъ всѣ обличенія сатирическія. Говоря, совершенно справедливо, что

«...Законы святы,
Да исполнители лихіе супостаты»,

наши сатирики на этомъ и успокаиваются. Не принимая въ разсчетъ состоянія общественной нравственности, ни историческихъ обстоятельствъ развитія порока, ни общаго положенія администраціи, ни отношеній одного класса къ другому, сатирики рады свалить всю бѣду на бѣдную личность чиновника, которая часто вовсе безъ вины виновата. Такъ, одинъ умный администраторъ, въ родѣ Сквозника-Дмухановскаго, хотѣлъ предать суду одного человѣка, пойманнаго на мѣстѣ въ азартной игрѣ. «Съ кѣмъ же онъ было пойманъ?» Да одинъ, видите: онъ велъ азартную игру самъ съ собою!..

Возьмите другой порокъ, который преслѣдовала наша сатира,—невѣжество. Кантемиръ смѣялся надъ тѣми, которые не слушаются указовъ Петра I; чувства его очень похвальны, хотя опять нельзя сказать, чтобъ они предупредили жизнь... Но посмотримъ,

что изъ того вышло. Прошло 30—40 лѣтъ; Сумароковъ опять выводитъ господина, который говоритъ:

«...Ненадобно наукъ:
Пускай убытчатся, уча ребятокъ, моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣ-жъ пойдетъ вороты».

Прошло еще лѣтъ 20; г-жа Простакова говоритъ: что за географія? извозчики есть; что за дѣленіе? ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ добромъ не надобно и пр., въ этомъ духѣ. Проходитъ еще лѣтъ 40, и мы слышимъ сожалѣніе о князѣ Ѳедорѣ, который, Богъ знаетъ зачѣмъ, учится разнымъ наукамъ... Что изъ этого слѣдуетъ? По нашему,—то, что одно изъ двухъ положеній г. Милюкова въ пользу сатиры невѣрно: или сатира не производила благодѣтельнаго вліянія на нравы; или же она производила его, и тогда, значитъ, послѣ Кантемира, она ужъ все повторяла зады единственно для своего удовольствія.

Повторять зады, впрочемъ, не въ диковинку было русской сатирѣ; она отлично умѣла бранить то, что ужъ отжило свой вѣкъ и было неопасно. Въ этомъ отношеніи особеннымъ искусствомъ отличался Державинъ. Онъ умѣлъ сочинить даже оду сатирическую, обративши стрѣлы своего остроумія на прошедшее да на нѣкоторыя анонимныя личности, которыхъ, впрочемъ, испугался, узнавъ, что до нихъ дошла его ода. Между прочимъ, онъ остроумно и справедливо говоритъ, что при дворѣ Фелицы

«... Свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ».

А вѣдь когда это все совершалось, ничей сатирическій голосъ не поднялся для порицанія подобныхъ потѣхъ! Вотъ вамъ и могущество русской сатиры!

Если же не на прошедшее обращались нападенія сатириковъ, то ужъ на такіе микроскопическіе недостатки, отъ которыхъ общественная нравственность рѣшительно не измѣняла своего положенія. Напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи каждый сатирикъ непремѣнно преслѣдовалъ со всѣмъ жаромъ «плохихъ стихотворцевъ». На нихъ и сатиры и басни писались, и въ посланіяхъ они задѣвались, и даже, кажется, въ разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ осмѣивались. Не правда ли, какое достойное занятіе для русскаго сатирика! Какъ хорошо рисуется этимъ домашнее, патріархальное значеніе русской литературы, которая писала сама для себя, находила предметы въ своемъ тѣсномъ кружкѣ и довольна была тѣмъ, что производила посланія одного поэта къ другому, эпиграммы другого на третьяго, критики третьяго на посланія перваго, сатиры перваго на критики третьяго и т. д. Вотъ ужъ въ подлинномъ смыслѣ литература была сама для себя цѣлью: художественная, видно, была литература!

Что же касается до дѣйствительныхъ и важныхъ злоупотребленій поэзіи, они никогда не встрѣчали своевременнаго обличенія. Пиндаризмъ, имѣвшій въ виду:

«... Награду перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ»,

не встрѣтилъ насмѣшки ни въ ломоносовское, ни въ державинское время; а уже тогда, когда онъ отжилъ свой вѣкъ, явилась злая сатира Дмитріева: «Чужой толкъ». Надъ поэмами Хераскова тоже стали смѣяться только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Только надъ Жуковскимъ Батюшковъ осмѣлился посмѣяться очень скоро, сочинивши пародію на его «Пѣвца»; зато пародія эта не была извѣстна публикѣ до прошедшаго года.

А подражаніе французамъ! Отъ Кантемира, Самарокова, фонъ-Визина до «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», издаваемаго съ прошлаго года нѣкіимъ господиномъ Вышнеградскимъ — всѣ, вотъ ужъ слишкомъ сто лѣтъ, всѣ нападаютъ на подражаніе французамъ; но только все не въ прокъ! Богъ знаетъ, отчего это!—кажется, ужъ «Русская Бесѣда» и русское воззрѣніе сочинила на мѣсто французскаго, а все толку нѣтъ; какъ открылась первая возможность, такъ и отправились десятки тысячъ за границу [1]). А замѣтьте, что подражаніе французамъ распространено вѣдь въ ничтожномъ меньшинствѣ русскихъ: народъ и до сихъ поръ, хоть и не чуждается иноземцевъ, какъ прежде, но и не думаетъ перенимать ихъ нравы. Что же это за могучая сатира, которая съ ничтожнымъ кружкомъ въ частномъ вопросѣ не можетъ справиться?

Нѣтъ, какъ вы хотите, и въ сатирѣ нашей постоянно господствовала та мелкость, та узость взгляда, которыя мы замѣтили, вообще, въ нашей литературѣ. И сатира не возвышалась у насъ до пониманія народныхъ интересовъ. [Нельзя же, вѣдь, Сумарокова, напримѣръ, назвать пред-

---

[1]) При Николаѣ I, особенно въ 1848—1855 гг., поѣздки за границу разрѣшались съ большими затрудненіями. Какъ только въ 1856 году это стѣсненіе было отмѣнено, такъ русская интеллигенція сразу хлынула и особенно во Францію.

ставителемъ народныхъ интересовъ только потому, что у него есть такіе стихи:

«На то ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ;
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое нерѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ:
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать!»

Этими стихами обольщаться не должно; смыслъ ихъ не простирается далѣе такого заключенія: людьми надобно обладать не скотинѣ, а людямъ, и обладать по-людски, т. - е. милостиво и справедливо. Та же мысль и у фонъ-Визина, въ отзывахъ Простаковой о Палашкѣ. Въ случаѣ надобности, это можно доказать другими мѣстами изъ ихъ сочиненій] [1]).

Вообще, что русская сатира не народна, это видно ужъ изъ того, что она противорѣчитъ народной пословицѣ: «лежачаго не бьютъ». Она постоянно возставала на лежачаго, какъ только переставала пересыпать изъ *пустого въ порожнее*. А *большею* частью занималась этимъ полезнымъ пересыпаньемъ. Вѣдь придетъ же, въ самомъ дѣлѣ, въ голову русскому сатирику переводить Боалову сатиру о различіи страстей человѣческихъ! Или передѣлывать на русскіе нравы Ювеналову сатиру о благородствѣ! Грибоѣдовъ какъ будто имѣлъ въ виду русскихъ сатириковъ, изображая Чацкаго. Ни къ селу, ни къ городу, людямъ, которые не хотятъ ихъ слушать и не могутъ понять, а если поймутъ, то не могутъ выполнить ихъ требованій, начинаютъ они кричать о Кузнецкомъ мостѣ и вѣчныхъ нарядахъ, объ иголкахъ и шпилькахъ (не замѣчая слона), возстаютъ противъ фраковъ и бритья бородъ (а сами выбриты и во фракѣ), противъ мелочныхъ недостатковъ, зависящихъ отъ обычая или даже приличій, принятыхъ всѣми и въ сущности никому не мѣшающихъ. И тутъ же вдругъ, какъ снѣгъ на голову, грянутъ съ какимъ-нибудь маленькимъ требованьемъ: будь, дескать, добродѣтеленъ, служи безкорыстно, ставь общее благо выше собственнаго и т. п. абстракціи, весьма милыя и вполнѣ справедливыя, но, къ несчастью, рѣдко зависящія отъ воли частнаго человѣка... Совершенно такъ, какъ Чацкій издѣвается надъ фракомъ, очень хорошо понимая, что носить или не носить фракъ, брить или не брить бороду вовсе не зависитъ отъ восклицаній какого-нибудь азартнаго господина.

Нѣтъ, мы рѣшительно недовольны русской сатирой, исключая сатиры Гоголевскаго періода. Вотъ почему и не хотѣли мы говорить о ней, такъ какъ мы о многомъ не хотѣли говорить въ этой статьѣ. Просимъ читателей не видѣть въ нашихъ отрывочныхъ замѣткахъ какихъ-нибудь особенныхъ претензій. Мы даже не хотѣли проводить своего взгляда по всѣмъ явленіямъ русской литературы; мы сказали только, что любопытно было бы представить ходъ развитія русской литературы съ такой точки зрѣнія: какъ она постепенно сближалась съ народомъ и дѣйствительностью, постепенно избавляясь отъ исключительнаго вліянія книжниковъ-монополистовъ и отъ призрачныхъ, туманныхъ идей, насильно навязанныхъ ими литературѣ. Г. Милюковъ отчасти имѣлъ въ виду этотъ взглядъ въ послѣдней половинѣ своего труда, именно, въ оцѣнкѣ дѣятельности Пушкина, Лермонтова и Гоголя; но, увлекшись жаркою любовью къ сатирическому направленію,— онъ не могъ провести этого взгляда по всей книгѣ. Да если бы и провелъ, то результаты его оказались бы, вѣроятно, излишне плодотворны, опять по тому же крайнему уваженію къ сатирѣ. Мы же, съ своей стороны, признаемъ только плодотворность сатиры Лермонтова, Гоголя и его школы,—да и то не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ представляетъ г. Милюковъ. Мы видимъ, что и Гоголь, хотя въ лучшихъ своихъ созданіяхъ, очень близко подошелъ къ народной точкѣ зрѣнія, но подошелъ безсознательно, просто художнической ощупью. Когда же ему растолковали, что теперь ему надо идти дальше и уже всѣ вопросы жизни пересмотрѣть съ той же народной точки зрѣнія, оставивши всякую абстракцію и всякіе предразсудки, съ дѣтства привитые къ нему ложнымъ образованіемъ, тогда Гоголь самъ испугался: народность представилась ему бездной, отъ которой надобно отбѣжать поскорѣе, и онъ отбѣжалъ отъ нея и предался отвлеченнѣйшему изъ занятій—идеальному самоусовершенствованію. Несмотря на то, что художническая его дѣятельность оставила глубокіе слѣды въ литературѣ, и отъ нынѣшняго направленія *можно ожидать* чего-нибудь хорошаго, потому что нынѣшніе дѣятели начинаютъ явно стыдиться своего отчужденія отъ народа и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ. Предупредить жизни литература не можетъ, но предупредить формальное, офиціальное проявленіе интересовъ, выработавшихся въ жизни, она должна. Пока еще извѣстная идея находится въ умахъ, пока еще она только должна осуществиться въ будущемъ, тутъ-то литература и должна схватить ее, тутъ-то и должно начаться литературное

[1]) , несмотря на нѣкоторыя исключительныя явленія, почти всегда имѣвшія только частный смыслъ.

обсужденіе предмета съ разныхъ сторонъ и въ видахъ различныхъ интересовъ. Но ужъ когда идея перешла въ дѣло, сформировалась и рѣшилась окончательно, тогда литературѣ нечего дѣлать: развѣ только одинъ разъ (не больше) похвалить то, что сдѣлано. Поздняя же брань будетъ просто постыднымъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее и будетъ только напоминать того хохла, который, будучи сильно побитъ, пришелъ домой и храбрился передъ родными, хвастаясь, что когда его били, такъ онъ тоже свое дѣло дѣлалъ—«показывалъ фигу» въ карманѣ.

Пора, наконецъ, и разстаться съ г. Милюковымъ. Но мы не можемъ разстаться съ нимъ, не обративши вниманіе читателей на его превосходный разборъ «Мертвыхъ душъ», по всѣмъ правиламъ эпической поэмы. Примѣненіе всѣхъ этихъ правилъ къ «Мертвымъ душамъ» обнаруживаетъ въ авторѣ большой діалектическій талантъ. Какъ, напримѣръ, умѣлъ онъ найти *чудесное* въ «Мертвыхъ душахъ?»—это была трудная задача, а онъ нашелъ и нашелъ такъ искусно, что мы не можемъ удержаться отъ удовольствія выписать это мѣсто.

«Въ героической поэмѣ, по условіямъ теоріи, должно быть чудесное: таково въ Энеидѣ вмѣшательство Эола и Юноны въ судьбу сына Анхизова, а въ Иліадѣ—участіе боговъ Олимпа во всѣхъ битвахъ и событіяхъ подъ стѣнами Трои. И это мы находимъ въ нашей отечественной эпопеѣ. Что можетъ быть чудеснѣе этихъ мертвыхъ душъ, которыя «окончили въ нѣкоторомъ родѣ свое земное существованіе», а между тѣмъ невидимо присутствуютъ передъ вами во всей повѣсти и служатъ главнымъ основаніемъ подвиговъ героя, важнѣйшимъ средствомъ его къ достиженію высокой цѣли обогащенія? И кому не покажется сверхъестественнымъ, что души крестьянъ, давно уже совершившихъ свое жизненное поприще, существуютъ еще за стиксовой гранью гражданской палаты, незримо живутъ въ грудахъ бумагъ и ревизскихъ сказокъ, таинственно прикованы еще къ землѣ и не смѣютъ вкусить успокоенія въ Елисейскихъ поляхъ, пока не прозвучитъ труба новой ревизіи и не освободитъ ихъ отъ невидимаго заключенія въ судебныхъ вертепахъ! Кто не увидитъ чудеснаго въ томъ, что эти мертвыя души продолжаютъ еще невидимо платить за себя подати и отправлять повинности, служить предметомъ сдѣлокъ и процессовъ, средствомъ обогащенія и спекуляціи, и даже вводятъ въ сомнѣнія Коробочку, не годятся ли онѣ еще на что-нибудь въ домашнемъ хозяйствѣ. Все это въ высшей степени чудесно, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно и вполнѣ естественно,—выгода, какой не имѣлъ рѣшительно ни одинъ изъ древнихъ эпическихъ поэтовъ» (стр. 214—215).

Повторимъ въ заключеніе, что книжка г. Милюкова умнѣе, справедливѣе и добросовѣстнѣе прежнихъ исторій литературы, составлявшихся у насъ въ разныя времена, большею частью съ крайне-педантической точки зрѣнія. Особенно тѣмъ изъ читателей, которые стоятъ за честь русской сатиры, и которымъ нашъ взглядъ на нее покажется слишкомъ суровымъ и пристрастно-неблагонамѣреннымъ, такимъ читателямъ лучше книжки г. Милюкова ничего и желать нельзя въ настоящее время.

---

125. Жизнь Магомета.

Сочиненіе Вашингтона Ирвинга. Переводъ съ англійскаго *Петра Кирѣевскаго*. Москва. 1857.

Напечатано тамъ же, гдѣ и № 124. Имѣетъ значеніе, какъ выраженіе взгляда Добролюбова по одному изъ крупнѣйшихъ соціологическихъ вопросовъ—на роль личности въ исторіи. Онъ совершенно не склоненъ рѣшать его въ сторону одной изъ крайностей: по мнѣнію Н. А., «историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе, какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенитъ камней, и сама скоро потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося». Человѣку, ставящему во главу своего служенія народъ, полагающему, что только его жизнь заполняетъ страницы исторіи, иначе думать, конечно, и нельзя было. Біографія Магомета набросана для иллюстраціи основной мысли и отчасти для того, чтобы показать, какія нелѣпости изучаются вмѣсто того въ школѣ.

М. Л.

Сочиненіе Ирвинга не нуждается въ томъ, чтобы мы стали хвалить его, а о переводѣ г. Кирѣевскаго довольно сказать, что онъ читается очень легко. За его добросовѣстность и вѣрность съ подлинникомъ ручается имя переводчика. Слѣдовательно, съ этой стороны намъ нечего распространяться, равно какъ не нужно, мы думаемъ, дѣлать подробнаго обзора содержанія книги Ирвинга. Кому же неизвѣстна исторія жизни Магомета въ главнѣйшихъ ея фактахъ? Поэтому мы рѣшаемся ограничиться здѣсь нѣсколь-

кими размышленіями о частныхъ обстоятельствахъ, касающихся отчасти нашей исторической науки.

Странный видъ принимаютъ историческія знанія подъ перомъ нашихъ историковъ!.. Точно скучная, нелѣпая сказка для дѣтей, изъ числа тѣхъ, которыя такъ неискусно составляются къ празднику и издаются г. Генкелемъ! Начинается обыкновенно съ того, что такое-то царство основано такимъ-то царемъ, который завоевалъ такія-то страны и основалъ свою столицу въ такомъ-то городѣ. А тамъ и пойдетъ писать, все въ томъ же родѣ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ государство падетъ, непремѣнно отъ роскоши и развращенія нравовъ. Откуда вдругъ взялась эта роскошь и развращеніе, ученикъ никакъ не можетъ добиться въ нашихъ доморощенныхъ курсахъ исторіи. На историческое развитіе народа, на естественную, живую связь событій никогда не хотятъ обратить ни малѣйшаго вниманія наши историки. Ихъ исторія представляетъ обыкновенно не исторію, а какую-то плохо составленную «Всеобщую біографію великихъ людей». Это—Плутархъ для юношества, написанный въ дурномъ духѣ и безъ всякаго такта. Все въ нашихъ исторіяхъ предоставляется вліянію личностей: государство основалось оттого, что нашелся великій человѣкъ, который основалъ его; пало государство—оттого, что пять-шесть государей дурно имъ правили и допустили развращеніе нравовъ; новая религія явилась—оттого, что явился человѣкъ, который ее выдумалъ; война проиграна—оттого, что полководцы были неискусные; возстаніе произошло — оттого, что нѣсколько неблагонамѣренныхъ человѣкъ раздражали народъ... И такъ далѣе, и такъ далѣе, за что ни возьмитесь. Но вѣдь былъ же какой-нибудь матеріалъ, надъ которымъ всѣ эти полководцы, правители и прочіе великіе люди производили свои упражненія? Вѣдь не одинъ же, самъ собою, полководецъ велъ войну, не самъ же собою какой-нибудь молодецъ, ни съ того, ни съ сего, основалъ вдругъ цѣлое «гражданское общество», какъ выражаются наши историки. Вѣрно, кто-нибудь помогалъ ему, служилъ орудіемъ его плановъ, и, вѣрно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребностямъ тѣхъ, которые согласились содѣйствовать ему? Что же это были за люди, каково было ихъ положеніе? отчего они слушались людей неблагонамѣренныхъ, а не слушались благонамѣренныхъ? Какіе были въ нихъ самихъ качества и недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить ихъ орудіемъ въ своихъ замыслахъ? Всѣ эти вопросы рождаются непремѣнно въ головѣ всякаго ребенка, не совсѣмъ еще забитаго схоластикой; но отвѣтовъ нѣтъ на эти вопросы. Наши историческіе учебники совсѣмъ не хотятъ обращать вниманія на эти вопросы. Ужъ лучше бы они сказали прямо: «вы хотите знать, что за народъ были греки и римляне? Это были народы, не стоящіе ни малѣйшаго вниманія: о нихъ и говорить нечего. А были между ними десятка два порядочныхъ людей; о нихъ, пожалуй, мы вамъ разскажемъ съ великою охотою». Тогда мы знали бы, по крайней мѣрѣ, что обязательные историки хотятъ дать намъ «Bibliothéque amusante pour les enfants»,—и не стали бы ожидать отъ нихъ исторіи. Такъ, нѣтъ, не хотятъ: скропаютъ кое-какъ десятка два-три біографій, большею частію воинственнаго характера, да и говорятъ, что сочинили исторію. Помилуйте, какая исторія! Біографіи-то,—и тѣ плохо сшиты и еще хуже приставлены къ общему ходу дѣлъ историческихъ! По мнѣнію нашихъ историковъ,—захотѣла великая личность совершить что-нибудь—и совершила: ей честь и слава! Если же она произвела что-нибудь не по нраву нашимъ историкамъ, бѣда исторической личности! Окажется, что это былъ обманщикъ, безнравственный человѣкъ, злодѣй и т. д. Не хотятъ понять, что вѣдь историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенитъ камней, и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося. Не хотятъ понять, что этотъ матеріалъ всегда подготовляется обстоятельствами историческаго развитія народа, и что, вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ, и являются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени.

Вотъ, напримѣръ, хоть бы Магометъ: какъ онъ рисуется въ нашихъ исторіяхъ? Во-первыхъ,—какъ обманщикъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ сочинившій новую вѣру и морочившій людей ложными чудесами; во-вторыхъ,—какъ завоеватель, внезапно принесшій, неизвѣстно изъ какихъ тайныхъ источниковъ, новыя силы народу, слабому и лѣнивому, и мгновенно превратившій мирныхъ пастуховъ въ хищныхъ завоевателей. Почтеннымъ историкамъ не представляется ни малѣйшей надобности подумать серьезно, какъ же это, однако,—обманщикъ могъ увлечь столько милліоновъ людей и не быть уличеннымъ въ обманѣ? Что же это за сверхъестественныя силы могъ онъ вдругъ сообщить народу? Откуда взялись въ немъ-то самомъ такія силы? Читающій исторію долженъ думать, что все это произошло отъ какихъ-нибудь каликъ перехожіихъ, точно

такъ, какъ богатырскія силы Ильи Муромца. Въ самомъ дѣлѣ, если Илья Муромецъ, напившись пива крѣпкаго, вдругъ пошелъ совершать славные подвиги, то почему же и съ Магометомъ не могло случиться того же самаго?

Но туманъ мало-по-малу проясняется. У насъ начинаютъ переводить хорошія историческія сочиненія, и можно надѣяться, что это будетъ имѣть вліяніе, вообще, на изложеніе исторіи въ нашихъ курсахъ. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, Вашингтонъ Ирвингъ изображаетъ личность Магомета, его характеръ, его ученіе, и дѣлаетъ очеркъ состоянія страны и народа, въ которыхъ онъ появился. Изъ этого изображенія ясно видно и естественное происхожденіе магометовой религіи, и развитіе мусульманскаго могущества, сообразное съ характеромъ самаго ученія и съ характеромъ народовъ, которые его приняли. И, во-первыхъ — былъ ли Магометъ грубымъ обманщикомъ, какъ думаютъ о немъ нѣкоторые историки? Для разрѣшенія этого вопроса Ирвингъ прежде всего спрашиваетъ: была ли Магомету выгода обманывать, была ли какая-нибудь надобность изобрѣтать религію? Подробный обзоръ фактовъ приводитъ къ отрицательному заключенію. Чего бы онъ могъ искать, стараясь привлечь къ сему поклонниковъ? Могъ бы онъ имѣть въ виду вещественныя выгоды, которыя дали бы ему средства жить пышно и безпечно:—но онъ и безъ того былъ очень богатъ. Имѣніе, пріобрѣтенное имъ женитьбою на Кидиджѣ, дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ людей Мекки и давало возможность дѣлать большіе обороты. Но онъ выказалъ въ этомъ отношеніи большую умѣренность: онъ скоро вовсе отсталъ отъ торговли, чтобы вполнѣ предаться своимъ таинственнымъ созерцаніямъ. Слѣдовательно, богатства онъ не искалъ. Онъ могъ увлекаться тщеславнымъ желаніемъ—заслужить общее уваженіе, но и этого не нужно ему было желать. По своему происхожденію изъ знаменитаго рода Корейшъ, по своему богатству, по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Одинъ изъ его историковъ, Абульфеда, говоритъ, что Магометъ, по своей честности и прямодушію, былъ извѣстенъ всѣмъ и даже получилъ прозвище—Аль-Аминъ—т.-е. вѣрный. Могъ онъ искать еще власти и могущества, но, въ такомъ случаѣ, онъ могъ избрать множество другихъ, болѣе легкихъ путей. Въ его родѣ преемственно переходилъ, уже нѣсколько поколѣній, санъ блюстителя Каабы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главенство надъ священнымъ городомъ; Магометъ могъ добиваться этого сана и, при своемъ богатствѣ, прекрасныхъ душевныхъ качествахъ и всеобщемъ уваженіи къ нему, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы въ своихъ исканіяхъ. Но онъ пренебрегъ всѣмъ этимъ и избралъ другой путь. Могло быть, наконецъ, то, что Магометъ страдалъ ненасытнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ непремѣнно совершить что-нибудь громкое, необычайное, чтобы прославить свое имя во всемъ человѣчествѣ. Но и тутъ, если бы онъ былъ хитрый обманщикъ, то скоро оставилъ бы свое дѣло, видя начало совершенно неблагопріятное. У насъ въ учебникахъ говорится обыкновенно, что ученіе Магомета *быстро* распространилось при посредствѣ огня и меча. На на самомъ дѣлѣ происходило это не такъ быстро. Магометъ долженъ былъ вытерпѣть много испытаній, переносить порицанія, насмѣшки, отчужденіе ближнихъ и родныхъ, наконецъ, гоненіе, пока ученіе его не стало торжествовать. Въ первое время послѣ того, какъ онъ объявилъ о своемъ призваніи преобразовать вѣру, ему нельзя было показаться на улицахъ Мекки: толпа бѣгала за нимъ съ бранью и грубыми насмѣшками, распѣвая злые пасквили, сложенные про него молодымъ поэтомъ Амру Ибнъ-эль-Аассомъ. Даже во время молитвы Магомета въ Каабѣ, не давали ему покою, бросали въ него грязью, а одинъ разъ даже чуть не задушили его. Въ четыре года свой проповѣди онъ пріобрѣлъ только 15 явныхъ приверженцевъ: одиннадцать мужчинъ и четырехъ женщинъ; и тѣхъ на пятый годъ принужденъ былъ отправить въ Абиссинію, чтобы спасти отъ ярости своихъ враговъ. Противъ него самого вѣшаютъ въ Каабѣ приговоръ отчужденія, и въ продолженіе трехъ лѣтъ существуетъ запрещеніе входить въ какія бы то ни было сношенія съ нимъ и съ его приверженцами. Наконецъ, онъ принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Медину, скрываясь на пути въ пещерахъ и пустыняхъ. Всѣ эти факты очень ясно говорятъ противъ мнѣнія о Магометѣ, какъ о безчестномъ обманщикѣ. «Зачѣмъ же онъ,—замѣчаетъ Ирвингъ,—сталъ бы стоять столько лѣтъ за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и въ ту пору жизни, когда уже поздно было пріобрѣтать что-либо сызнова» (стр. 255).

Какъ доказательство шарлатанства въ Магометѣ, приводятъ обыкновенно его мнимыя чудеса. Но въ этомъ случаѣ наши историки оказываются дѣтски легковѣрными, несравненно легковѣрнѣе даже многихъ изъ поклонниковъ пророка. Невѣжественная часть его почитателей сложила про него преданія, изукрашенныя всѣми чудесами восточной фантазіи. Противники его вѣры стали

злостнымъ образомъ объяснять его чудеса, увѣряя, что онъ пріучалъ голубя клевать изъ своего уха, чтобы сказать народу, что это ангелъ прилеталъ къ нему; что онъ зарылъ тихонько въ землю горшки съ молокомъ и медомъ, чтобы потомъ всенародно вырыть ихъ, будто посланные небомъ по его молитвѣ и пр. Умнѣйшіе изъ мусульманскихъ писателей сдѣлали гораздо проще: они сказали, что всѣ эти чудеса, — позднѣйшія выдумки невѣжества, и что самъ Магометъ признавалъ одно только чудо — Коранъ. Это рѣшеніе мусульманскихъ писателей доказывается словами самого Магомета въ Коранѣ, приводимыми Ирвингомъ. «Какого вамъ нужно чуда больше, чѣмъ самъ Коранъ?—говоритъ Магометъ.—Книга откровеній, начертанная безграмотнымъ человѣкомъ, такая высота языка и неопровержимость доводовъ, что совокупное искусство людей и дьяволовъ не могло бы написать ничего подобнаго! Чего же еще больше въ доказательство того, что дать Коранъ могъ одинъ только Богъ?» Самъ Коранъ—уже чудо». Въ этихъ словахъ замѣчательно рѣзко выражается предпочтеніе, оказываемое Магометомъ внутреннимъ и нравственнымъ ручательствамъ дѣла предъ внѣшними, какъ бы посторонними признаками. Основываясь на такихъ свидѣтельствахъ и самого Магомета, и лучшихъ его послѣдователей, Ирвингъ имѣлъ полное право сказать положительно: «нѣтъ доказательствъ, чтобы Магометъ унизился до подобныхъ хитростей, подкрѣплялъ ими свое ученіе и утверждалъ притязаніе свое на апостольство. Онъ, кажется, вполнѣ опирался на свой умъ и на краснорѣчіе, а въ первую, еще шаткую эпоху своего поприща поддержанъ былъ и религіознымъ одушевленіемъ» (стр. 57). Если же кто усомнился бы въ томъ, могли ли сложиться преданія о подобныхъ чудесахъ сами собою, можно привести разказы о множествѣ чудесъ, совершившихся, будто бы, при самомъ рожденіи и въ малолѣтство Магомета. Разсказываютъ, что мать его не страдала муками рожденія, что необыкновенное сіяніе явилось на небѣ въ самую минуту его рожденія, небо и земля колебались, озеро Сава потекло вспять, Тигръ вышелъ изъ береговъ, священный огонь Зороастровъ, хранившійся неугасимымъ уже болѣе тысячи лѣтъ, внезапно потухъ и пр., и пр. Мулъ, на которомъ везли его, еще младенца, получилъ вдругъ даръ слова; когда онъ, еще мальчикомъ, легъ отдохнуть подъ скудной тѣнью засохшаго дерева, оно мгновенно покрылось свѣжей зеленью... Такихъ чудесныхъ разсказовъ необыкновенно много сохранилось въ преданіяхъ мусульманъ; суевѣрная толпа вѣритъ имъ, но болѣе умные послѣдователи умѣютъ смотрѣть на нихъ надлежащимъ образомъ.

Чѣмъ же объясняетъ Ирвингъ дѣятельность Магомета? Онъ очень просто считаетъ ее естественнымъ слѣдствіемъ его природныхъ наклонностей, воспитанія, характера страны, въ которой онъ жилъ,—всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился его характеръ и взглядъ на вещи. Просто, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ нелѣпость сабеистическаго поклоненія звѣздамъ и идоламъ, и гебрскаго обожанія огненнаго начала,—двухъ вѣръ, которыя въ его время господствовали въ Аравіи. Затѣмъ, въ своихъ путешествіяхъ съ караванами, въ которыя пустился онъ съ 12-лѣтняго возраста, сходился онъ съ людьми разныхъ вѣръ и, между прочимъ, съ евреями и христіанами, отъ которыхъ узналъ о принципѣ единобожія. Получивъ потомъ возможность жить независимо, не занимаясь дѣлами торговли, Магометъ предался размышленіямъ о предметахъ богопочитанія, часто удалялся въ пещеры, въ которыхъ проводилъ по нѣсколько дней, изнурялъ себя постомъ, сосредоточивалъ духъ свой въ молитвѣ и, наконецъ, дошелъ до такого состоянія, въ которомъ ему начали мерещиться разныя видѣнія, слышаться голоса и пр. Міръ собственной души принялъ для него такую осязательность, что онъ не могъ не приписать ему дѣйствительности явленій внѣшняго міра.

Все это вполнѣ естественно и тысячу разъ повторялось другими людьми, которые вовсе не хотѣли обманывать, а сами бывали обмануты галлюцинаціями собственнаго воображенія. Тѣмъ болѣе естественно это было въ Магометѣ, отличавшемся пылкостью чувствъ и воображенія даже предъ своими восточными соплеменниками. Точно такъ же весьма естественно физіологически и то явленіе, что Магометъ всегда приходилъ въ нѣкоторый родъ изступленія предъ тѣмъ, какъ хотѣлъ высказать вновь открытую ему волю Божію. У него были припадки падучей болѣзни, при которыхъ нервное раздраженіе увеличивалось, и видѣнія представлялись ему яснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ объяснялъ однажды своимъ приверженцамъ, что знаетъ о приближеніи откровенія по особенному звону, который слышитъ у себя въ ушахъ; а это есть одинъ изъ симптомовъ, обыкновенно означающихъ приближеніе припадка падучей болѣзни. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не видѣть въ Магометѣ энтузіаста, одушевленнаго горячимъ негодованіемъ противъ идолопоклонства и старающагося обратить своихъ соплеменниковъ къ новой вѣрѣ, кото-

рая, послѣ его созерцанія, составилась у него въ головѣ—отчасти изъ собственныхъ соображеній, отчасти же изъ вещей, узнанныхъ имъ отъ евреевъ и разныхъ христіанскихъ сектъ, существовавшихъ тогда въ Аравіи. Что онъ всѣ свои мысли выдавалъ за боговдохновенныя, это опять объясняется его мистическимъ самообольщеніемъ и вовсе не служитъ доказательствомъ того, что онъ былъ злонамѣренный обманщикъ.

Какимъ же образомъ вышелъ завоеватель изъ этого энтузіаста, искавшаго только распространенія своей вѣры? Какими силами придалъ онъ воинственность *номадамъ* Аравіи? Вотъ здѣсь-то особенно и видно ничтожество личности предъ общимъ ходомъ исторіи. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ вызванъ на это своими послѣдователями. Принятый хорошо въ Мединѣ, онъ продолжалъ открыто проповѣдывать и пріобрѣталъ множество поклонниковъ между богомольцами, приходившими въ Медину. Въ числѣ ихъ было много молодыхъ, отважныхъ арабовъ, привыкшихъ къ хищничеству, постоянно упражнявшихся въ войнѣ и доселѣ не производившихъ значительныхъ завоеваній только потому, что не было общаго интереса, который бы связалъ ихъ въ одномъ дѣлѣ... Племена были разъединены и безпрестанно воевали одно съ другимъ: никто не думалъ обратить свое оружіе на служеніе какому-нибудь другому дѣлу, кромѣ племенной вражды. Эта племенная вражда выразилась и теперь, когда они соединились въ вѣрѣ Магометовой. Они вызвали его на мщеніе корейшанамъ, потомкамъ одного съ нимъ племени, но изъ другой отрасли, враждебной гашемидамъ. И первыя воинскія предпріятія мусульманъ обращены были, дѣйствительно, противъ меккскихъ каравановъ, принадлежавшихъ корейшанамъ. Это былъ тотъ же степной разбой, къ какому давно привыкли арабы; но теперь Магометъ долженъ былъ узаконить его, сказавши, что Аллахъ послалъ его съ мечемъ въ рукахъ утвердить господство истинной вѣры, и что, поэтому, нападать на враговъ пророка есть дѣло похвальное. Долго всѣ предпріятія Магомета не выходили изъ предѣловъ этой племенной вражды, соединенной съ ревностью о распространеніи вѣры. Даже взятіе Мекки, предавшее въ руки его почти всю Аравію, было предпринято не безъ разсчета уничтожить господство корейшанъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда храненіе Каабы. Но такова обольстительная сила власти: чѣмъ Магометъ становился могущественнѣе, тѣмъ дальше простирались его замыслы, и, мало-по-малу, самая пропаганда вѣры принимаетъ у него завоевательный характеръ. Послѣ одной неудачной битвы (при Оходѣ), когда всѣ были поражены отчаяніемъ, Магометъ открылъ всѣмъ положеніе о предопредѣленіи, будто бы ниспосланное ему Богомъ въ это самое время. Извѣстно, какъ много задержало оно развитіе мусульманскаго Востока впослѣдствіи, но нельзя обвинять въ этомъ только Магомета. Мысль о предопредѣленіи, явившаяся въ головѣ Магомета со всей опредѣленностью, была вполнѣ естественна въ головѣ каждаго араба того времени, да и вообще всякаго восточнаго человѣка, столь лѣниваго на дѣятельность мысли. На первый же разъ, пока продолжались завоеванія, она была очень полезна исламу. Ирвингъ замѣчаетъ, что ту же самую мысль о предопредѣленіи Наполеонъ старался внушить своимъ солдатамъ, и не безъ успѣха.

Такіе результаты извлекаются, между прочимъ, изъ данныхъ, представленныхъ въ книгѣ Ирвинга. Она можетъ представить еще много подобныхъ фактовъ и соображеній; но мы не касаемся ихъ, потому что это могло бы далеко завести насъ. Мы хотѣли сдѣлать нѣсколько указаній на тѣ стороны историческаго явленія, которыя особенно въ ложномъ свѣтѣ представляются обыкновенно въ нашихъ курсахъ исторіи, не вѣрящихъ, какъ видно, возможности естественнаго объясненія историческихъ событій.

---

126. Стихотворенія изъ Гейне.

Переводъ *И. Семенова*. Сновидѣнія, пѣсни, романсы, сонеты. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 124. (См. № 107).

М. Л.

Превосходно сдѣланный портретъ Гейне, съ его факсимиле, приложенъ къ этому изданію. Портретъ составляетъ главное достоинство изданія, которое и само, впрочемъ, имѣетъ весьма изящную наружность. Но «не судите по наружности», какъ гласитъ заглавіе одной повѣсти, напечатанной лѣтъ восемь тому назадъ въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Не судите по наружности: этотъ повапленный гробъ заключаетъ въ себѣ только мертвыя кости

поэзіи Гейне. Наружность книги г. Семенова крайне обманчива. Это какой-то оборотень, подобный тѣмъ, какихъ создала такъ много фантазія нашего народа. Вы видите книжку въ 230 страницъ, съ заглавіемъ: «Стихотворенія изъ Гейне», и думаете, что тутъ стихотворенія. Напрасно: 120 страницъ книги занято переводомъ воспоминаній Мейснера о послѣднихъ годахъ жизни Гейне. Вы думаете, что по крайней мѣрѣ затѣмъ будете читать новый переводъ, но ошибетесь и въ этомъ. Для васъ, читатель, конечно, всѣ переводы г. Семенова будутъ новостью. Но мы, несчастные, терзавшіе себя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ переводомъ г. Генслера, мы — прочитывая теперь переводъ «Сновидѣній», нашли, что онъ уже знакомъ намъ... Да, читатели, въ наше время повторилось явленіе, бывшее нѣкогда съ нѣкіимъ г. Невскимъ. Оный г. Невскій издалъ сначала «Повѣсти и разсказы Владиміра Невскаго», а потомъ по неизвѣстной причинѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, издалъ тѣ же повѣсти, подъ заглавіемъ: «Фантастическія повѣсти, барона Брамбеуса». Подобнымъ образомъ, нѣкій господинъ (не знаемъ его имени) издалъ въ прошломъ году переводъ «Сновидѣній» изъ Гейне, подъ именемъ И. Генслера; а теперь тотъ же господинъ издалъ тотъ же переводъ «Сновидѣній» (прибавивъ къ нимъ пѣсни, романсы и сонеты), подъ именемъ И. Семенова. Совершилась, какъ видите, метаморфоза нѣмца въ русскаго. Насъ очень занимаетъ, что могло быть причиною такого превращенія? и которое изъ именъ истинное? или оба они только «для прикрытія вымышлены?» или они оба истинны, и г. переводчикъ носитъ двойную фамилію Генслеръ-Семеновъ, соединяя въ себѣ германскую и русскую народность, что̀ и налагаетъ на него нѣкоторымъ образомъ священную обязанность послужить обоимъ отечествамъ, переводя Гейне? Время разрѣшитъ, конечно, сіи вопросы; теперь же мы оставимъ эту достовѣрную исторію о превращеніи И. Генслера въ И. Семенова, и скажемъ что-нибудь о трудѣ переводчика (имени и фамиліи не имѣемъ чести знать).

Воспоминанія Мейснера о Гейне довольно интересны. Переводъ ихъ во многихъ мѣстахъ удобопонятенъ, особенно тамъ, гдѣ говорится объ обыкновенныхъ, житейскихъ вещахъ. Нерѣдко, конечно, въ немъ попадаются и вещи, подобныя слѣдующей. Говоря о томъ, что Гейне былъ очень страстенъ къ женщинамъ, Мейснеръ, въ переводѣ... не знаемъ, чьемъ... ну, хоть ужъ г. Семенова, — наудачу!.. говоритъ: «безъ всякаго сомнѣнія, эта страсть была для него пагубна; но, все-таки, я думаю, что допуская здѣсь участіе предназначенія, надобно судить иначе, нежели въ подобномъ же случаѣ о всякомъ другомъ смертномъ». А переводчикъ (должно быть, г. Генслеръ, потому что человѣкъ, называющійся Семеновымъ, не можетъ написать этого) прибавляетъ замѣчаніе: «Мейснеръ хочетъ сказать, что страсть эта пагубно дѣйствовала на поэта болѣе въ духовномъ, нежели въ матеріальномъ отношеніи, *т.-е. болѣе качественно, нежели количественно!*» (стр. 44). Вообще примѣчанія переводчика, весьма многочисленныя, доказываютъ обширную ученость. Какъ только Мейснеръ упомянетъ какое-нибудь собственное имя, переводчикъ (рѣшительно — это долженъ быть г. Генслеръ: нѣмецкая аккуратность сейчасъ видна) считаетъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе: «Жанъ-Жакъ Руссо—извѣстный французскій писатель. Гердеръ—извѣстный нѣмецкій писатель XVIII вѣка. Стиксъ—рѣка въ Плутоновомъ царствѣ» и т. п. Совершенно, какъ тотъ господинъ, который объяснялъ Гейне, что Пекинъ главный городъ въ Китайскомъ государствѣ, а мандарины— нѣчто въ родѣ тамошнихъ перовъ, сенаторовъ или аристократовъ! Не мудрено, что послѣ такихъ объясненій Гейне обратился къ Мейснеру «съ словами, которыя сопровождаемы были голосомъ, смѣшаннымъ со скорбью и досадой» (по краснорѣчивому выраженію г. Генслера-Семенова). Между прочими примѣчаніями замѣтили мы одно, особенно курьёзное, на 97 стр. Мейснеръ говоритъ, что Гейне припомнилъ разъ при немъ слова Вольфа: «у всякаго великаго таланта есть свое гадкое насѣкомое, которое *грызетъ* (!) его». Къ этимъ словамъ слѣдуетъ примѣчаніе, которое мы приводимъ съ дипломатической точностью:

«Переводчикъ, передавая это мѣсто, невольно припомнилъ *умную* рецензію (?!) на «Сновидѣнія» Гейне, написанную господиномъ съ грубыми понятіями о приличіи (convenance) и отличающуюся *знаніемъ искусства*, знаніемъ нѣмецкаго языка (?) и знаніемъ Гейне (?), котораго онъ даже не приводитъ въ доказательство своихъ *бранныхъ* замѣчаній. Статья эта помѣщена въ ноябрьской (за 1857 г.) книжкѣ одного изъ петербургскихъ журналовъ, но, вѣроятно, въ отсутствіе редактора. Читая такого рода разборъ, переводчикъ «Сновидѣній» Гейне невольно подумалъ, — что *и у него тоже завелось насѣкомое*, съ такимъ усердіемъ кусающее... И. Г.».

Рецензія въ ноябрьской книжкѣ «Современника» принадлежитъ намъ; другой рецензіи не было. Слѣдовательно, насъ долженъ благодарить г. И. Г., что мы дали ему случай пожаловать себя въ *великіе таланты*. Мы сожалѣемъ только о томъ, что не г. Семеновъ, а г. И. Г. написалъ примѣчаніе противъ насъ: г. И. Г. назвалъ насъ *кусаю-*

щимъ насѣкомымъ, а г. И. Семеновъ назвалъ бы *грызущимъ*, что было бы оригинальнѣе. Въ этомъ видимъ мы разницу между И. Семеновымъ и И. Г., находящимися между *собою* въ столь тѣсныхъ отношеніяхъ.

Г. переводчикъ Гейне (жаль, что мы не имѣемъ чести знать его имени и фамиліи), воображаетъ, что нужно знаніе нѣмецкаго языка и Гейне для того, чтобы цѣнить переводъ, въ которомъ нѣмецкое amen переводится словомъ «браво!», а частица ei — словами: ври, врать здорово. Онъ воображаетъ, что нужно знаніе искусства и особенное совѣщаніе въ редакціи журнала, для того, чтобы назвать пошлымъ и грубымъ переводъ, въ которомъ являются стихи, подобные слѣдующимъ. (Выписываемъ опять, какъ сдѣлали и въ прежней нашей рецензіи, — цѣлое стихотвореніе, буквально довольно близкое къ подлиннику):

моей матери Б. Гейне.

Я голову привыкъ держать высоко;
Я непреклоненъ, тугъ обыкновенно:
Кто-бъ не взглянулъ въ лицо мнѣ дерзновенно,
Я не моргну предъ нимъ нисколько окомъ;
Но, матушка, признаюсь откровенно,
Какъ гордость ни умчи меня далеко,—
Я уваженіемъ смирюсь глубокимъ
Въ присутствіи твоемъ благословенномъ.
Не знаю я: душа-ль твоя смущаетъ
Меня, что мощно такъ все проникаетъ
И къ небесамъ, горѣ, порой взлетаетъ.
Меня гнетутъ воспоминанья тѣни,
Что столько причинилъ я огорченій
Тебѣ, въ любви которой нѣтъ сравненій!..

---

127. Русскій иллюстрированный альманахъ.

Съ 200 рисунками, гравированными на деревѣ. Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 124 (См. замѣтку къ № 85).

Очень злая рецензія, показывающая, что Добролюбовъ не довелъ до конца свое редактированіе альманаха, иначе, разумѣется, онъ не допустилъ бы всѣхъ указанныхъ промаховъ и ошибокъ. Очевидно, что Крыловъ закончилъ все самъ; потому на обложкѣ нѣтъ и имени редактора. Высказанное о своей собственной статьѣ любопытно прежде всего, какъ доказательство полной объективности рецензента, во-вторыхъ, какъ насмѣшка надъ Галаховымъ, понятно было, кто кого уничтожилъ (см. замѣтку къ № 45).

М. Л.

Вы открываете первый листъ и видите портретъ какого-то кислаго, до нельзя сморщеннаго господина, окруженный какими-то финтифлюшками. Подъ портретомъ подпись: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Непосредственно за симъ портретомъ слѣдуетъ статейка о Пушкинѣ, съ подписью: Н. Лайбовъ. Мы полагали, что г. Лайбовъ удовольствовался громкою извѣстностью, которую доставило ему нѣкогда остроуміе г. Галахова, удостоившаго дать ему щелчокъ и назвать его верхоглядомъ и вѣтренной мельницей. По крайней мѣрѣ, послѣ убійственной, хотя и тонкой, критики г. Галахова, имя г. Лайбова исчезло изъ литературы, и не было о немъ ни слуху, ни духу. Мы уже думали, что сей пылкій библіографъ, столь презрительно отозвавшійся о великой наукѣ библіографіи, съ горя «смертію прекратилъ жизнь свою». Но вотъ онъ опять является, только—увы! въ какомъ видѣ! Теперь ужъ г. Галаховъ на него и нападать не станетъ. Статейка о Пушкинѣ, занимающая 12 страницъ, повторяетъ извѣстные факты біографіи Пушкина и всѣмъ извѣстныя мысли о его талантѣ. Подъ статьею выставленъ 1856 годъ. Не знаемъ, какъ тогда, но теперь неужели кому-нибудь интересны и новы будутъ мысли о томъ, что Пушкинъ не имѣлъ прочнаго образованія, былъ испорченъ съ самаго начала вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ — своихъ гувернеровъ, увлекался разными порывами, пока живописная природа Кавказа и Тавриды не замѣнила для него всѣхъ внутреннихъ вопросовъ, что впослѣдствіи онъ предался исключительной художественности, которой ужъ мы теперь не довольствуемся и пр., и пр. Полтора года тому назадъ все это, можетъ быть, еще имѣло какой-нибудь интересъ; но къ чему было издавать это теперь, когда уже и о Пушкинѣ, и о художественности, и объ общественныхъ вопросахъ наговорено столько хорошихъ вещей?

Въ этомъ же «Альманахѣ» есть еще статья о Державинѣ (по недосмотру издателей ошибочно приписанная также г. Лайбову). Статья эта замѣчательна мнѣніемъ, что полученіе Державинымъ большихъ чиновъ содѣйствовало развитію русской лите-

ратуры (стр. 119), и что Державинъ достоинъ нашего уваженія, какъ человѣкъ съ независимымъ характеромъ. Оспаривать эти положенія трудно, но и для подтвержденія ихъ немного найдется несомнѣнныхъ фактовъ.

Затѣмъ въ «Альманахѣ» замѣчательна повѣсть Гр. Данилевскаго «Хуторянскіе друзья», замѣчательная не по глубокости идеи, не по стройности и полнотѣ изображеній, не по живости и естественности нравовъ и характеровъ, не по изяществу выраженія... нѣтъ, всѣ вышереченныя достоинства, можетъ быть, и усвоены повѣсти самимъ авторомъ ея; но она не потому замѣчательна, а потому, что составляетъ перепечатку одного изъ прежнихъ его разсказовъ. Повѣсть Гр. Данилевскаго, перепечатанная въ «Альманахѣ!» Какова должна быть скудость издателей, рѣшившихся помѣстить повѣсть Гр. Данилевскаго! Да еще это, впрочемъ, куда бы не шло—помѣстить: «Русскій Вѣстникъ» помѣщаетъ нынѣ его творенія. Но перепечатать, перепечатать старую повѣсть Гр. Данилевскаго, и даже не сказать объ этомъ! Какъ хотите, а это больно для нашего литературнаго сердца.

Еще удивило насъ одно обстоятельство въ «Альманахѣ». Его 200 рисунковъ взяты всѣ изъ старинной русской «Иллюстраціи». Само по себѣ это дѣло довольно обыкновенное и нисколько не предосудительное. Всякій понимаетъ, что книгу съ 200 гравированныхъ рисунковъ нельзя продавать по три рубля, если всѣ рисунки сдѣланы вновь. При томъ же «Иллюстрація» имѣла не слишкомъ большой кругъ читателей; теперь ея и не найдешь вовсе; а между тѣмъ рисунки въ ней попадались хорошіе. Отчего же было и не воспользоваться ими, просто, безъ зазрѣнья совѣсти, во всеуслышаніе? Но таковы еще до сихъ поръ успѣхи нашей книжной торговли! Издатель счелъ священнымъ долгомъ умолчать обо всемъ этомъ. Лучше сдѣлать дѣло потихоньку, воровски, чѣмъ открыто; есть какая-то прелесть въ сознаніи, что вотъ-де надулъ же я покупателей. А и не надулъ вовсе: любители картинокъ купятъ этотъ «Альманахъ» для дѣтей и будутъ очень довольны, вовсе не думая справляться, не были-ль гдѣ-нибудь прежде помѣщены эти картинки. Но, все-таки, знаете, непріятно было бы для нашей книжной торговли, если бы издатель въ предисловіи признался, что картинки не новы. Ну, если не пойдетъ книга, вѣдь совѣсть мучить будетъ: зачѣмъ, дескать, дуракъ опростоволосился, — самъ себя обличилъ? Вотъ теперь и сиди съ своей правдой да откровенностью... Да, хорошо устроенъ мыслительный снарядъ у русскаго торговаго человѣка!

Статьи, очевидно, писаны для картинокъ и должны служить для чтенія—не то, чтобы юношества, а такъ, для людей, которымъ нужно узнать, что въ Дерптѣ есть университетъ, въ Сибири рудники, а въ Нижнемъ ярмарка. Объ этомъ есть въ «Альманахѣ» положительныя свѣдѣнія, и ихъ вѣрность и достоинство могутъ быть затемнены развѣ только опечатками, которыми изобилуетъ книга на каждой страницѣ. Есть, впрочемъ, здѣсь одна, дѣйствительно любопытная статья: Картины русскаго Сѣвера, г. Ѳ. А. Ѳедорова, того самаго, который извѣстенъ изданіемъ Людовика Наполеона, Крыма, Финляндіи, Геометріи и т. п. спекуляцій, не столько искусныхъ, сколько разнообразныхъ. Статья его въ «Альманахѣ», благодаря спеціальности предмета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привычкѣ автора къ «письменному» дѣлу, представляетъ нѣсколько интересныхъ изображеній, касающихся крестьянскихъ обрядовъ и обычаевъ въ Архангельской губерніи. Въ другихъ статьяхъ, принадлежащихъ гг. Толбину, Томилину, Домосѣдову, Ив. Михайлову, А. В. и Ю. В., идетъ уже разговоръ о предметахъ не столь интересныхъ.

---

128. Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка.

Инженеръ-полковника *Лебедева 3.*—Sur l'application des chemins de fer à la défense du continent, p. lieutenant-colonel du génie *P. Lébédeff 3.* Trad. par El. Tikhanovitsch (soeur de l'auter). Спб. 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 124. Если бы не особое вниманіе тогда къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, разумѣется, книга осталась бы безъ разбора; Добролюбовъ взялъ его на себя со спеціальной цѣлью не допустить сколько-нибудь серьезнаго къ ней отношенія и вполнѣ достигъ своего... Одна изъ остроумныхъ замѣтокъ.

М. Л.

Какое торжество братской любви, или лучше сказать, сестринскаго самоотверженія! А вмѣстѣ съ тѣмъ—какое неопровержимое доказательство той истины, что наука вошла уже у насъ въ общественное сознаніе, проникла въ армію, въ гостиныя, въ будуары къ дамамъ, у которыхъ братья служатъ инженерными полковниками! Только въ литературу не проникла еще, къ несчастью, наука, особенно математическая. О, въ этой наукѣ самые ученые литераторы, знающіе все, что есть на свѣтѣ, и даже все, что было въ древнемъ мірѣ, и тѣ оказываются полнѣйшими невѣждами. Недавно вся русская литература позорно признавалась, въ лицѣ своихъ критиковъ и фельетонистовъ, что она «не можетъ смѣть свое сужденіе имѣть» о статьѣ г. Коркина о какихъ-то функціяхъ. Ужъ какъ же зато и посмѣялись надъ ея безсиліемъ ученые спеціалисты! Теперь готовится имъ новое торжество: скоро вы услышите, что русская литература откажется свое сужденіе имѣть о книгѣ, переведенной съ русскаго на французскій языкъ, для назиданія Европы, г-жею Тихановичъ, soeur de l'auteur. Я первый начинаю такое признаніе и торжественно увѣряю васъ, что ничего не смыслю въ книгѣ, переведенной сестрою ея автора... Что прикажете дѣлать? Пришлось предъ женщиною стыдиться своего невѣжества! Я воображаю, какъ должно быть пріятно сестрѣ автора понимать таинственныя предначертанія своего брата! И какъ должно быть пріятно автору имѣть сестру, которая ему сочувствуетъ и пропагандируетъ на обще-европейскомъ языкѣ его идеи, которыя онъ,—вѣроятно, изъ ложнаго патріотизма,—изложилъ по-русски! Да, сестра съ авторомъ и братъ съ переводчицей должны быть довольны другъ другомъ! Но мнѣ отъ этого не легче: я очень недоволенъ тѣмъ, что не могу до тонкости понимать всѣхъ красотъ и всѣхъ выгодъ изобрѣтенія, сдѣланнаго авторомъ книги, переведенной его сестрою. Предо мною два столбца—русскій и французскій; слова, кажется, извѣстны почти всѣ, а о неизвѣстныхъ во французскомъ лексиконѣ можно справиться; а не могу войти во вкусъ изобрѣтенія, сдѣланнаго братомъ переводчицы книги г. Лебедева 3. Я, къ сожалѣнію, могу восхищаться только главной идеей автора en bloc, не дерзая входить въ подробности. Идея эта высказана въ предисловіи: авторъ желаетъ гоняться за кораблями на сухомъ пути. Его возмущаетъ пассивная роль, которую до сихъ поръ игралъ материкъ въ морскихъ войнахъ. «Флотъ,—говоритъ онъ,—вредитъ материку на выстрѣлъ, послѣднему недоступный, и удаляется въ море; а материкъ, хотя и можетъ нанесть посильный вредъ своему врагу, но не иначе, какъ выждавъ его приближенія». Столь горестное положеніе материка возбуждаетъ сожалѣніе автора и, вѣроятно, переводчицы его книги. Они задумали «уравнять силы двухъ противниковъ разныхъ стихій», т.-е. доставить возможность материку «вредить кораблямъ на выстрѣлъ, недоступный ему». Авторъ и переводчица сознаются, что это намѣреніе должно казаться химерою, chimérique. Но, говоритъ авторъ (и ученая сестра-переводчица повторяетъ за нимъ то же самое по-французски), «для нашего вѣка, обогащеннаго практическими приложеніями многихъ таившихся, такъ сказать, теорій, невозможности почти не существуетъ». И, какъ истинный представитель своего вѣка, г. Лебедевъ 3-й предлагаетъ обстроить всѣ морскіе берега желѣзными дорогами, съ которыхъ, по его мнѣнію, выстрѣлы будутъ легче достигать кораблей, чѣмъ съ обыкновенныхъ батарей. Я не знаю, такъ ли это, но вѣрю г. Лебедеву 3-му, потому особенно, что ученая сестра его то же утверждаетъ по-французски. Я, въ своемъ невѣжествѣ, долженъ отказаться отъ разбора подробностей. Напримѣръ, я не понимаю устройства парка, который г. Лебедевъ считаетъ необходимымъ при желѣзной дорогѣ, и въ которомъ онъ помѣщаетъ канцелярію, офицерскіе покои, кузницу, конюшни, ледники и прочее. Можетъ быть, это все необходимо для того, чтобы выстрѣлы дальше хватали, но я никакъ не смѣю объ этомъ судить. Кромѣ этого, г. Лебедевъ говоритъ, что «не излишне было бы имѣть при паркѣ—огородъ, баню и пороховой погребъ». Еще бы! Это ужъ и я понимаю, что не излишне было бы. Не излишне было бы также имѣть тутъ оранжерею, кондитерскую, кафе-ресторанъ, библіотеку для чтенія, театръ... Да что вы думаете? Великолѣпная идея! Я превзойду г. Лебедева въ изобрѣтательности. У меня вотъ какая мысль есть: крѣпости строить на желѣзныхъ дорогахъ! Невозможно себѣ представить, какія неисчислимыя выгоды произойдутъ отъ этого для блага человѣчества! Городъ построенъ на рельсахъ. Подходитъ непріятель, чтобы взять его; видитъ, что нѣтъ никакихъ приготовленій къ оборонѣ, и заранѣе радуется легкому успѣху. Вдругъ... фить... и крѣпость умчалась изъ виду по желѣзной дорогѣ... Непріятель остался одинъ, среди голой равнины. Отличная мысль! Я непремѣнно изложу ее, съ планами, чертежами и выкладками, и издамъ непремѣнно съ французскимъ переводомъ, если только у меня будетъ сестра, подобная по учености сестрѣ г. Лебедева 3-го. А до тѣхъ поръ я сдѣлаю

опытъ осуществленія моей идеи въ малыхъ размѣрахъ. Опытъ этотъ будетъ состоять вотъ въ чемъ: лѣтомъ, живя на дачѣ, я всегда страдаю отъ комаровъ и мошекъ: невозможно въ садъ войти,—такъ и облѣпятъ. При защитѣ отъ нихъ я, разумѣется, играю въ высшей степени пассивную роль. И это мнѣ столь же непріятно, какъ г. Лебедеву 3-му безсиліе материка передъ флотомъ. Силы наши, разумѣется, неравны: комаръ можетъ укусить меня, и потомъ улетѣть, а я летать за нимъ не могу. Доселѣ я безмолвно покорялся своей участи, отмахиваясь по возможности отъ своихъ враговъ, находящихся совершенно въ другой стихіи. Но теперь изобрѣтеніе г. Лебедева внушило мнѣ преполезную мысль: воспользоваться желѣзными дорогами для защиты отъ комаровъ. Въ слѣдующемъ же году вокругъ своей дачи и внутри ея — по всѣмъ дорожкамъ садика—проведу рельсы и заведу маленькіе локомотивы и вагоны. Какъ только увижу, что летитъ комаръ, брошусь въ вагонъ и мгновенно удеру отъ него. Если же онъ захочетъ преслѣдовать, то я самъ начну наступательныя движенія и буду гоняться за комарами въ открытомъ вагонѣ, размахивая по нимъ какой-нибудь дубовой вѣткой. Вы увидите, какъ это будетъ полезно. Осенью же издамъ непремѣнно книжку: «Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ дачниковъ отъ комаровъ».

---

129. О торфѣ и его добываніи во Франціи.

Соч. *В. Шмидта.* 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 124. Отзывъ объ этой книжкѣ нуженъ былъ для противопоставленія ея книгѣ Лебедева, но почему его писалъ Добролюбовъ? Вѣрнѣе всего потому, что надо было заполнить отдѣлъ, въ которомъ усердно на этотъ разъ поработалъ цензоръ...

М. Л.

Книга г. Шмидта — совершенно не то, что твореніе г. Лебедева. Эту книгу я понимаю и могу сказать, что она — интересная и полезная книга: просто очень написано это сочиненіе, — вовсе не для того, чтобы одни спеціалисты могли понимать его. Съ самаго начала говорится о томъ, для какой потребы можетъ торфъ служить, и почему онъ именно теперь и именно для Россіи важенъ; а затѣмъ разсказываются способы его добыванія во Франціи; наконецъ, дѣлаются соображенія о томъ, какъ можетъ производиться правильная разработка торфа у насъ. Все это изложено очень ясно и убѣдительно. Въ самомъ дѣлѣ,— торфъ для насъ вещь не послѣдней важности въ настоящее время. Лѣсовъ у насъ, конечно, еще очень много; но бѣда въ томъ, что и Россія-то велика; не всегда лѣсъ находится въ изобиліи именно тамъ, гдѣ его больше нужно. А средства сообщенія не до того еще развиты, чтобы дрова могли быть доставляемы куда угодно, безъ большого возвышенія цѣны. Да, наконецъ, лѣса вѣдь имѣютъ же конецъ: не на цѣлую вѣчность ихъ станетъ. Другой матеріалъ для топлива— каменный уголь—добывается у насъ только въ немногихъ мѣстностяхъ, да и то въ размѣрахъ слишкомъ незначительныхъ. А между тѣмъ потребленіе дровъ у насъ съ каждымъ годомъ увеличивается: фабрики умножаются, рѣчное пароходство усиливается, желѣзныя дороги строятся, и все это часто въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсовъ немного. Въ замѣну дровъ представляется для топлива торфъ, который, по опытамъ, дѣланнымъ инженеромъ Клейномъ, даетъ въ топкѣ одинаковые результаты съ высушенными на воздухѣ дровами. Съ торфомъ у насъ некуда дѣваться потому, что болотъ не малое количество. Разработка его дастъ занятіе множеству рукъ и оживитъ тѣ самыя части Россіи, которыя теперь, именно по обилію въ нихъ торфяниковъ, представляютъ особенно грустный и бѣдный видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ разработки торфа, болотистыя мѣста, крайне нездоровыя, могутъ обращаться или въ поля и луга, или въ озера и канавы, которыя могутъ даже служить путями сообщенія, какъ въ Голландіи. Употребленіе торфа, какъ топлива, дастъ возможность сберегать лѣса и не нуждаться въ покупкѣ изъ-за границы каменнаго угля, который иногда обходится очень дорого.

Всѣ эти соображенія дѣлаютъ торфъ чрезвычайно важнымъ для Россіи,—болѣе важнымъ, нежели для другихъ европейскихъ странъ. И нѣтъ сомнѣнія, что если у насъ заведена будетъ правильная разработка торфа, то

эта отрасль промышленности достигнетъ огромныхъ размѣровъ. Во Франціи, несмотря на то, что добываніе торфа производится въ немногихъ департаментахъ, еще въ началѣ прошлаго десятилѣтія болѣе 50,000 человѣкъ заняты были этой работой. Ежегодно добывалось полтора милліона кубическихъ метровъ, цѣнностью на $4^1/_2$ милліона франковъ. Можно судить по этому, какихъ размѣровъ можетъ достигнуть разработка торфа у насъ въ Россіи. Для тѣхъ, кого интересуетъ эта отрасль промышленности, весьма любопытна будетъ книжка г. Шмидта, очень ясно и подробно разсказывающая способы добыванія торфа во Франціи и указывающая примѣненіе правильной разработки его, возможное у насъ въ Россіи.

---

130. Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы.

(Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ «Семейной хроники», *С. Аксакова*. Москва. 1858 г.).

Напечатано въ III кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 28 февраля).

Статья, сильная подъемомъ въ непропущенныхъ цензурою мѣстахъ, во всемъ остальномъ сильна ясностью произведеннаго анализа помѣщичьяго быта. Всевозможныя оговорки, что рѣчь идетъ о временахъ уже давно минувшихъ, только подчеркивали для читателя получаемыя впечатлѣнія отъ настоящаго. Невѣжество, грубость, произволъ, деспотизмъ, дармоѣдство, безсердечіе, лицемѣріе, извращеніе природы съ дѣтскихъ лѣтъ,—всѣ эти элементы жизни и психологіи помѣщика-крѣпостника очерчены хотя и кратко, но достаточно сильно, чтобы создать яркую картину того ужаса, отъ котораго приходило время отшатнуться добровольно или просто быть оттолкнутымъ мѣрами внѣшняго порядка. «Доброе старое время» встало во весь свой ростъ; въ оцѣнкѣ его не могло быть двухъ мнѣній. Добролюбовъ воспользовался книгой Аксакова, какъ исторической хроникой, и создалъ статью замѣчательную. Художественную сторону Аксакова-беллетриста онъ совершенно игнорировалъ, находя ее совсѣмъ не заслуживающей сколько-нибудь серьезнаго вниманія. Но иронія Н. А. въ этой части статьи была не всѣмъ понятна; напр., его другъ Златовратскій думалъ, что это панегирикъ Аксакову... Надо вчитаться въ нее, чтобы увидѣть весь тонко разлитый ядъ: хвалятъ, очень хвалятъ и превозносятъ г. Аксакова... сынъ его, казанскіе студенты, петербургскіе студенты, творенія которыхъ уже нами достаточно оцѣнены (см. № 107), и свои единомышленники-славянофилы... очень выдающійся художникъ...

Позже (въ № 258) Добролюбовъ былъ откровеннѣе: «Мы тоже разбирали тогда «Дѣтскіе годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться отъ смѣха, если бы вздумали разсуждать объ ихъ художественныхъ достоинствахъ, рѣшились собрать изъ всей книги тѣ крупицы общеинтересныхъ фактовъ, которыя были разбросаны въ «Дѣтскихъ годахъ» между многими сотнями рыболовныхъ, пищеварительныхъ и чертежническихъ принадлежностей».

Разумѣется, часть іроніи нужно отнести и къ прежнему служебному положенію С. Т. Аксакова: прямолинейный Добролюбовъ не могъ считать литераторомъ человѣка, служившаго цензоромъ въ страшное николаевское время (1827—1832) и оставившаго эту почтенную дѣятельность по доносу Булгарина, а вовсе не по своему желанію.

Въ «Современникѣ» нигдѣ не ведется разсказъ отъ имени Аксакова, вездѣ упоминается Багровъ; перемѣна сдѣлана только въ собраніи сочиненій 1862 г.

М. Л.

Рѣшаясь говорить о новой книгѣ г. Аксакова, мы прежде всего отстраняемъ отъ себя всякое сужденіе о художественныхъ достоинствахъ этой книги. Распространяться о нихъ мы считаемъ излишнимъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главныя состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, это бы было крайне скучно, а во-вторыхъ, что мы слишкомъ уважаемъ фактическую правду мемуаровъ, изложенныхъ г. Аксаковымъ со словъ Багрова-внука, чтобы силиться отыскать въ нихъ еще правду ху-

дожественную. Мы согласны, конечно, что и въ самыхъ правдивыхъ воспоминаніяхъ можетъ быть много художественныхъ достоинствъ, состоящихъ въ способѣ представленія предметовъ и даже въ самомъ изложеніи. Но кому же было бы интересно слѣдить за нами, если бы мы стали отыскивать подобныя достоинства въ «Дѣтскихъ годахъ» г. Аксакова? Ровно два года тому назадъ, всѣ журналы полны были восторженными похвалами художественному таланту г. Аксакова, обнаруженному имъ въ «Семейной хроникѣ». Авторитетъ С. Т. Аксакова установился съ тѣхъ поръ *незыблемо*. Его *нѣкоторые* поставили главою современной русской литературы, и этому никто не думалъ противорѣчить, исключая г. К. С. Аксакова, который въ началѣ прошлаго года, обозрѣвая въ «Русской Бесѣдѣ» современную нашу литературу, выразилъ мнѣніе, діаметрально противоположное взглядамъ поклонниковъ С. Т. Аксакова. Именно, г. К. С. Аксаковъ объявилъ, что С. Т. Аксаковъ не только не есть глава современной русской литературы, но даже вовсе и не принадлежитъ къ ней, а стоитъ какъ-то «совершеннымъ особнякомъ». Должно полагать, врочемъ, что и этотъ, столь неблагопріятный, отзывъ вызванъ былъ болѣе потребностью сказать и здѣсь хоть что-нибудь *въ пику* западникамъ, превозносившимъ «Семейную хронику», нежели дѣйствительнымъ желаніемъ отнять С. Т. Аксакова у современной литературы [1]). Какъ бы то ни было, въ послѣдніе два года С. Т. Аксаковъ, по признанію всѣхъ своихъ поклонниковъ, занялъ безспорно первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Этого мало: художественныя достоинства произведеній г. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самого автора и доставили ему всеобщее уваженіе, уже просто, какъ человѣку; поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ Казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представляли петербургскіе студенты: задумавши издать «Сборникъ» своихъ ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на это одобреніе г. Аксакова и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ «Семейной хроники» одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. [Вскорѣ *послѣ того, одинъ* студентъ, писавшій въ «Молву» письма о томъ, что онъ «Молвѣ» очень сочувствуетъ, а петербургскихъ журналовъ не терпитъ за то, что они ограничиваются воззрѣніями своихъ случайныхъ сотрудниковъ,—этотъ самый студентъ, отъ лица всего Петербургскаго университета, называлъ С. Т. Аксакова другомъ человѣчества и русскаго народа и даже «*мѣриломъ истины и справедливости*»]. Все это мы припоминаемъ за тѣмъ, чтобы показать, до какой степени *великъ* авторитетъ С. Т. Аксакова въ глазахъ многочисленныхъ его поклонниковъ. Нашъ голосъ ничего не могъ бы прибавить къ извѣстности автора «Дѣтскихъ годовъ», какъ бы мы ни разсыпались, къ похваламъ имъ; точно такъ же, какъ безплодны были бы всѣ наши усилія, если бы мы вздумали доказывать, что новая книга г. Аксакова не имѣетъ такихъ достоинствъ, какъ его прежнія произведенія. Поэтому мы рѣшили, что гораздо благоразумнѣе будетъ съ нашей стороны—не утомлять читателей подробнымъ анализомъ художественныхъ совершенствъ или недостатковъ «Дѣтскихъ годовъ». Авторитетъ г. Аксакова утвердился въ общественномъ мнѣніи, а разъ утвердившіеся авторитеты держатся въ немъ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ значительной перемѣны вообще въ понятіяхъ и направленіи общества. Возставать же противъ общаго мнѣнія благонамѣренная критика можетъ и должна только тогда, когда вліяніе авторитета оказывается вреднымъ для общества. Но литературная дѣятельность г. Аксакова такъ чиста и благородна, что критикѣ остается съ радостью принять общій приговоръ публики. Значеніе прежнихъ разсказовъ г. Аксакова было утверждено публикою; она же рѣшитъ и значеніе новой его книги. Намъ остается сказать немного о содержаніи «Дѣтскихъ годовъ»; а потомъ мы намѣрены обратить вниманіе читателей на одну сторону воспоминаній г. Аксакова [1]), особенно насъ за-

[1]) Очень ядовитая насмѣшка. Добролюбовъ хорошо понималъ, что, выводя своего отца изъ ряда русскихъ писателей и ставя его въ совершенно обособленное положеніе, К. Аксаковъ придавалъ ему еще большее значеніе,—но онъ счелъ нужнымъ прикинуться непонявшимъ, чтобы имѣть возможность уколоть *родственнаго* рецензента.

[1]) [Мы называемъ «Дѣтскіе годы» воспоминаніями г. Аксакова, несмотря на то, что онъ самъ прикрылся здѣсь именемъ Багрова, отъ лица котораго велъ «Семейную хронику». Не понимая, къ чему можетъ служить дальнѣйшее удержаніе псевдонима, раскрытаго уже самимъ авторомъ, мы не считаемъ нескромностью называть здѣсь С. Т. Аксакова собственнымъ именемъ. Мы, конечно, не осмѣлились бы сдѣлать этого, если бы передъ нами не было «Воспоминаній» г. Аксакова, изданныхъ имъ два года тому назадъ *отъ своего имени* и служащихъ непосредственнымъ продолженіемъ «Дѣтскихъ годовъ». Послѣдняя глава «Дѣтскихъ годовъ» оканчивается тѣмъ, что родители Багрова, Алексѣй Сте-

интересовавшую,—именно на то, какою является въ его разсказахъ жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ въ ихъ деревняхъ.

Всѣ воспоминанія, находящіяся въ «Дѣтскихъ годахъ», относятся къ деревенской жизни помѣщиковъ,—родныхъ Багрова, въ Багровѣ и Чурасовѣ, и къ переѣздамъ изъ одного села въ другое. Немного страницъ посвящено описанію жизни въ Уфѣ. Въ изображеніяхъ природы и своихъ личныхъ впечатлѣній авторъ отличается тою же обстоятельностью, какая замѣтна была и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Намъ кажется даже, что здѣсь эта обстоятельность выразилась еще болѣе, нежели въ прежнихъ произведеніяхъ г. Аксакова. Причина этого очень понятна: воспоминанія дѣтства всегда живѣе представляются человѣку, нежели воспоминанія о послѣдующихъ годахъ его жизни. Тѣмъ болѣе должно было проявиться это въ г. Аксаковѣ, который, какъ видно изъ его воспоминаній, всегда отличался болѣе субъективной наблюдательностью, нежели испытующимъ вниманіемъ въ отношеніи къ внѣшнему міру. Эта субъективная наблюдательность началась въ немъ весьма рано. Онъ разсказываетъ, что помнитъ себя, когда отнимали его отъ кормилицы, и даже нѣсколько раньше. «Я помню себя,—говоритъ онъ,—лежащимъ ночью то въ кроваткѣ, то на рукахъ матери, и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то же слово,

---

пановичъ и Софья Алексѣевна, отправляются, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Сережей въ Казань, помолиться тамошнимъ чудотворцамъ, изъ села Чурасова, Симбирской губерніи, гдѣ они гостили у тетушки, Прасковьи Ивановны. Съ ними отправилась Параша, нянька Сережи, а младшій братъ и сестра его остались въ Чурасовѣ. Это было въ январѣ мѣсяцѣ. «Я поѣхалъ,—говоритъ Сережа Багровъ,—не мечтая о томъ, что ожидало меня впереди. А впереди ожидало меня начало важнѣйшаго событія въ моей жизни»... При этомъ г. Аксаковъ замѣчаетъ: «Здѣсь прекращается повѣствованіе Багрова-внука о своемъ дѣтствѣ. Онъ утверждаетъ, что дальнѣйшіе разсказы относятся уже не къ дѣтству его, а къ отрочеству». Эти самые разсказы, относящіеся къ отрочеству, находимъ мы въ «Воспоминаніяхъ» самого г. Аксакова, которыя начинаются такимъ образомъ. «Въ серединѣ зимы 1799 г. мы пріѣхали въ губернскій городокъ К. Мнѣ было восемь лѣтъ... Сестра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губерніи, въ богатомъ селѣ Чуфаровѣ, у двоюродной тетки моего отца, отъ которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства. Отецъ и мать ѣздили въ соборъ помолиться, и еще куда-то, по своимъ дѣламъ, но меня не брали съ собой, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но послѣ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню пріѣхавшей съ нами женщины Параши». Уже одного этого начала достаточно было бы для убѣжденія внимательнаго читателя въ тождествѣ Аксакова и Багрова. Но далѣе, въ продолженіи собственныхъ воспоминаній г. Аксакова, безпрестанно попадаются такія вещи, которыя, наконецъ, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ головѣ самаго недогадливаго читателя. Село Багрово, описанное въ «Дѣтскихъ годахъ»,—совершенно то же, что и Аксаково въ «Воспоминаніяхъ»: и въ томъ и въ другомъ селѣ—тотъ же Бугурусланъ, тѣ же Антошкины мостки, Мордовскій врагъ, тѣ же слуги—Никаноръ Танайченокъ, Иванъ Мазанъ,—тотъ же дядька—Ефремъ Евсеичъ, та же ключница Палагея съ тою же сказкою объ «аленькомъ цвѣточкѣ», въ окрестностяхъ—тѣ же села: Неклюдово и Мордовскій Бугурусланъ. Даже самыя ничтожныя подробности сходятся слишкомъ близко, чтобы не замѣтить ихъ тождества. Вотъ примѣръ. Въ Багровѣ описывается маленькій островокъ на Бугурусланѣ, такимъ образомъ: «тамъ было очень хорошо: берега были обсажены березами, которыя разрослись, широко раскинулись и давали густую тѣнь; липовая аллея пересѣкала островъ по серединѣ: она была тѣсно насажена и подъ нею вѣчно былъ сумракъ и прохлада... На островъ нерѣдко съ нами хаживала тетушка Татьяна Степановна. Сидя подъ освѣжительной тѣнью, на берегу широко и рѣзво текущей рѣки, иногда съ *удочкой въ рукѣ, охотно слушала она мое чтеніе*... Тетушка любила дѣлать надписи на бѣлой и гладкой кожѣ березъ и даже вырѣзывала иногда ножичкомъ или накалывала толстой булавкой разные стишки изъ своего пѣсенника» («Дѣтскіе годы», стр. 375—7). А вотъ описаніе подобнаго же островка уже не въ Багровѣ, а въ Аксаковѣ. «Это было любимое мѣсто моей тетки Евгеніи Степановны, все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное по серединѣ липовой аллеей... Евгенія Степановна, хотя и не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое-то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились кое-какія книжечки: старинные романы (вѣроятно, доставленные ей братомъ) и театральныя пьески. Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбу въ глубокой Старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцевъ, даже какія-то стишки изъ пѣсенника» («Сем. хр. и Восп.», стр. 236). Примѣровъ такого сходства всего Багровскаго съ Аксаковскимъ мы могли бы найти очень много; но полагаемъ, довольно и одного для полнаго убѣжденія, что подъ именемъ Багрова С. Т. Аксаковъ разсказываетъ свои собственныя воспоминанія. Мы особенно настаиваемъ на этомъ тождествѣ именно потому, что хотимъ разсматривать не художественную, а фактическую сторону «Дѣтскихъ годовъ». Какъ бы факты ни были согласны съ самой природой вещей, какъ бы рельефно и осязательно ни были они представлены, но все же—то, что случалось съ неизвѣстнымъ намъ миѳическимъ Багровымъ, никогда не можетъ имѣть такого реальнаго, историческаго значенія, какъ то, о чемъ разсказываетъ намъ, какъ очевидецъ, С. Т. Аксаковъ. Его воспоминаніями мы будемъ пользоваться какъ мемуарами, заключающими въ себѣ дѣйствительно случившіяся событія, безъ всякой примѣси поэтическаго вымысла. Вотъ почему постарались мы прежде всего обратить вниманіе на тождество Багрова съ авторомъ «Воспоминаній», тождество уже раскрытое, но не объясненное прямо самимъ авторомъ. Сдѣлавши эти необходимыя замѣчанія, мы, уже нисколько не стѣсняясь, будемъ употреблять имя г. Аксакова вмѣсто вымышленнаго имени Багрова,—гдѣ это будетъ нужно].

Прим. Д.

призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабо освѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди, и мнѣ становилось хорошо». Такимъ простодушно-правдивымъ характеромъ отличаются всѣ записки о дѣтскихъ годахъ Багрова, и мы ни на одной страницѣ ихъ не нашли, чтобы авторъ ихъ усиливался возвысить какою-нибудь художественною прибавкою простую правду своихъ воспоминаній. Видно, что онъ безыскусственно повѣрялъ бумагѣ все, что ему рисовала его память, не стѣсняясь даже тѣмъ, что въ дѣтской жизни его было много моментовъ, до извѣстной степени повторявшихъ другъ друга. Онъ дорожилъ каждою подробностью и записывалъ ее столько разъ, сколько разъ она припоминалась. Такъ, много разъ описываетъ онъ дорогу, уже знакомую читателямъ, много страницъ занимаетъ подробнымъ изображеніемъ своихъ чувствъ, уже не первый разъ появляющихся въ его душѣ [1]).

Каждый изъ этихъ частныхъ моментовъ, изъ этихъ особенныхъ состояній, внесенъ авторомъ въ записки, конечно, потому, что для него самаго они имѣютъ, все-таки, свои оттѣнки, свои различія, хотя различія эти почти неуловимы для читателя. Но зато тѣмъ болѣе довѣрія внушаютъ разсказы г. Аксакова, тѣмъ живѣе является передъ нами эта жизнь, не составленная художественнымъ образомъ изъ обломковъ и лоскутковъ, а просто изображенная въ своей фактической вѣрности. Видно, что авторъ дорожилъ тѣмъ, что только сохранила его память: много страницъ онъ посвящаетъ описанію кормежекъ лошадей и ночевокъ въ дорогѣ; на многихъ страницахъ изображаетъ свои удочки и уженье, свое засыпаніе и пробужденіе, свои книжки, свои болѣзни и проч. [1]). Для иныхъ изъ читателей можетъ показаться излишнимъ и утомительнымъ безпрестанное описываніе одной и той же дороги, то весной, то лѣтомъ, то осенью, то зимою; одного и того же уженья, то на Мешѣ, то на Демѣ, то на Бѣлой, то на Бугурусланѣ. Но мы увѣрены, что такое мнѣніе можетъ явиться только у тѣхъ чи-

---

[1]) Чтобы не дѣлать длинныхъ выписокъ, мы ограничимся здѣсь, для подтвержденія своихъ словъ, тѣмъ, что выпишемъ изъ «Дѣтскихъ годовъ» изображеніе того, какъ встрѣчаютъ молодыхъ Багровыхъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ это село.

(Стр. 77). «Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цѣловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецѣловали»...

(Стр. 107). «Двери были растворены настежь; въ сѣняхъ уже стояли бабушка, тетушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выдти, подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери, и съ этой минуты я ничего не помню»...

(Стр. 202). «Насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ; обѣ плакали навзрыдъ»...

(Стр. 256). «Когда мы подъѣхали къ дому, бабушка въ полгода очень постарѣвшая, и тетушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать».

(Стр. 327). «Тетушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать»... и проч.

(Стр. 450). «Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ собрались у крыльца. Можно себѣ вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій, причитаній, обниманья и цѣлованья»...

Въ этихъ шести встрѣчахъ есть нѣкоторая разница; но она понятна болѣе для автора, нежели для читателя, который при однообразіи общей формы, легко можетъ перемѣшать ихъ. Если бы С. Т. Аксаковъ составилъ изъ своихъ воспоминаній какое-нибудь художественное цѣлое, то, конечно, онъ сумѣлъ бы, съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, избѣгнуть всѣхъ повтореній и ненужныхъ подробностей. Но его разсказъ постоянно поражаетъ насъ безыскусственною, наивною простотою лѣтописи, и это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе его записокъ, какъ несомнѣннаго памятника временъ минувшихъ. Для того, чтобы ярче выставить это значеніе «Дѣтскихъ годовъ», мы и останавливаемся нѣсколько на той подробности, съ которою авторъ передаетъ каждый отдѣльный моментъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній.

Прим. Д.

[1]) Для образца того, съ какою подробностью авторъ описываетъ всѣ самыя мелочныя обстоятельства своей дѣтской жизни, приведемъ здѣсь описаніе приготовленія мандальнаго пирожнаго.

(Стр. 118—119). «Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама (мать Багрова), и смотрѣть на это приготовленье было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обдавала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндалины только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное приготовлялось изъ миндальнаго тѣста, или какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣсивъ эти обрѣзки на яичныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣнки, то короны, то какія-то шапки или звѣзды, все это сажалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ, совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, щегольски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, выбѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій, бѣлый фартукъ, снимала бережно ножичкомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сиропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ гостямъ».

Прим. Д.

тателей, которые совершенно несправедливо захотятъ видѣть въ «Дѣтскихъ годахъ» простое произведеніе легкой литературы. Напротивъ, кто обратитъ вниманіе на историческое значеніе записокъ С. Т. Аксакова, тотъ не посѣтуетъ на автора за излишнюю растянутость его воспоминаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такія же требованія предъявлялись нѣкоторыми по поводу «Записокъ Болотова», печатавшихся въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: говорили, что онѣ слишкомъ длинны и требовали сокращенія. Намъ тогда еще казались не совсѣмъ справедливыми жалобы на растянутость мемуаровъ, и мы не понимали, какъ можно сокращать ихъ, по тому уваженію, что то или другое можетъ показаться скучнымъ для большинства читателей. Такого рода сокращенія можно дѣлать въ непосредственныхъ драмахъ для сцены, да въ легкихъ произведеніяхъ беллетристики. Но въ истинномъ историческомъ повѣствованіи каждая подробность можетъ, при случаѣ, пригодиться, если не тому, такъ другому. Напримѣръ, для людей, спеціально занимающихся педагогическими вопросами, будутъ, вѣроятно, интересны въ «Дѣтскихъ годахъ» многія мелочи, которыя могутъ показаться скучными для охотниковъ и рыболововъ; а эти послѣдніе, въ свою очередь, найдутъ здѣсь много частныхъ замѣтокъ о птицахъ и рыбахъ, лѣсахъ, поплавкахъ и удочкахъ,—замѣтокъ, не интересныхъ для большинства, но для нихъ, можетъ быть, очень важныхъ. Точно такъ, для врачей могутъ быть не лишены любопытства многія подробности о болѣзняхъ и о нервныхъ раздраженіяхъ Сережи, для психологовъ—его субъективныя наблюденія, для историковъ литературы — замѣчанія о книжкахъ, какія онъ читалъ, и какія были тогда въ ходу и пр. Такъ точно для насъ показались особенно интересными тѣ части воспоминаній г. Аксакова, въ которыхъ рисуется деревенская жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, и мы весьма благодарны автору, что онъ не скрывалъ и не сокращалъ ничего въ тѣхъ фактахъ, которые сохранились въ его памяти. Мы даже сожалѣли, что нашли въ книгѣ г. Аксакова менѣе подробностей объ этомъ предметѣ, нежели сколько ожидали, судя по тому, что дѣтскіе годы Багрова проходятъ среди тѣхъ людей, воспоминанія о которыхъ доставили г. Аксакову такой богатый матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ типовъ «Семейной хроники». Скудость изображеній, относящихся къ жизни людей, окружавшихъ ребенка, объясняется, впрочемъ, весьма удовлетворительно, отчасти тѣмъ, что въ этой жизни не было почти ничего рѣзкаго и поражающаго, отчасти же особенностями личнаго характера автора. По природѣ своей и по первоначальному воспитанію, подъ вліяніемъ матери, съ которой, конечно, хорошо знакомы читатели «Семейной хроники», авторъ вовсе не принадлежитъ къ числу дѣтей, рано втягивающихся въ практическую жизнь и съ первыхъ дней жизни изощряющихъ всѣ свои способности для живого и пытливаго наблюденія ея явленій. Кругъ интересовъ маленькаго Сережи долгое время былъ ограниченъ только міромъ внутренняго чувства, и изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе—пріятное или непріятное—производили на него предметы. Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее до нервической болѣзни, выражается вездѣ у автора весьма ярко. Но пытливаго *вопроса, наклонности* къ работѣ мысли почти вовсе не замѣтно, точно такъ, какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназіи. Нѣсколько разъ, правда, уклоненія отъ логики, естественной каждому человѣку и еще не поврежденной въ ребенкѣ, вызываютъ и его на размышленіе и вопросъ. Напримѣръ, когда мать Сережи упрашивала его отца смѣнить старосту Мироныча въ селѣ, принадлежащемъ ихъ тетушкѣ, за то, что онъ обременяетъ крестьянъ и, между прочимъ, одного больного старика, и когда отецъ говорилъ ей, что этого нельзя сдѣлать, потому что Мироныч родня Михайлушкѣ а Михайлушка въ большой силѣ у тетушки, то Сережа никакъ не могъ сообразить этого и задавалъ себѣ вопросы: «за что страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Мироныч, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ же прогнать Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится» (58 стр.). Для разрѣшенія своихъ сомнѣній мальчикъ прибѣгаетъ къ родителямъ; тѣ стараются объяснить дѣло, какъ умѣютъ. Но легко понять, что ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными передъ чистой дѣтской логикою, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велятъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случай сказать ему: «ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь». Немудрено, если ребенокъ не умѣлъ и не хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтѣ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ прошло его дѣтство, и которыя трудно было

бы разобрать и опытному взгляду, свободному отъ всепримиряющей и все обезсмысливающей рутины. Немудрено, что живой, воспріимчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству и сталъ жить въ этомъ мірѣ, въ которомъ не встрѣчалъ столько противорѣчій, какъ въ окружающихъ его житейскихъ явленіяхъ. Впрочемъ, все это объяснится всего лучше тогда, когда мы разсмотримъ эту самую жизнь, какъ изображаютъ ее намъ воспоминанія г. Аксакова, хотя его наблюденія по этой части и не столько обильны, какъ мы бы желали.

Прежде всего мы должны замѣтить, что жизнь, которую хотимъ мы представить читателямъ, по запискамъ, относящимся по своему содержанію къ концу прошедшаго столѣтія, вовсе непохожа на жизнь нынѣшнихъ помѣщиковъ. Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ [грубыхъ и] необразованныхъ, высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ. Нынѣ уже, вѣроятно, рѣдки помѣщики, которые живутъ одними только трудами своихъ крестьянъ и сами ничего не дѣлаютъ; нынѣ дворяне считаютъ своей обязанностью служить, или и внѣ службы имѣть какія-нибудь полезныя зянятія. Съ теченіемъ времени все большее и большее количество дворянъ начинаетъ заводить у себя улучшенія по сельскому хозяйству, принимать участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ и т. п. Рѣдкій помѣщикъ, живущій въ деревнѣ, въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ... Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы, и, кромѣ того, есть сознаніе необходимости трудиться самому, и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина. Съ перемѣною крѣпостныхъ отношеній исчезнетъ, безъ всякаго сомнѣнія, и послѣдняя возможность такихъ явленій, какія бывали въ помѣщичьемъ быту въ старину, и тогда разсказы о Степанѣ Михайловичѣ Багровѣ и Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ покажутся неправдоподобной выдумкой. Впрочемъ, они и теперь существуютъ уже только въ воспоминаніяхъ старыхъ людей, и къ нимъ-то относятся «Дѣтскіе годы Багрова-внука».

Отецъ маленькаго Сережи жилъ сначала въ Уфѣ и служилъ тамъ. Мать его зналъ цѣлый городъ, какъ дочь бывшаго товарища намѣстника, и потому знакомство у нихъ было обширное; ихъ безпрестанно посѣщали гости, и, значитъ, для всего семейства было развлеченіе отъ скуки. Но таково было вліяніе воспитателей того времени, непривычки къ серьезному труду и неумѣнья найти высшіе интересы въ жизни; такова была сила ложныхъ отношеній, въ какихъ стояли тогда Багровы и всѣ ихъ родственники и знакомые, — что даже въ городской жизни выражалась та же праздность и апатія, въ какую они погружались въ деревнѣ. Такъ, два дяди Сережи и ихъ пріятель, адъютантъ Волковъ, забавлялись тѣмъ, что дразнили столяра Михея, желая видѣть, какъ онъ разсердится; потомъ, ту же забаву перенесли на нервнаго, раздражительнаго Сережу и его дразнили, сочиняя указы о солдатствѣ, по которымъ, будто бы, возьмутъ его въ рекруты, или рядныя записи, по которымъ Волковъ женится на маленькой сестрѣ его... Забавы, какъ видите, очень филантропическія и благоразумныя. Когда же ребенокъ одинъ разъ вышелъ изъ терпѣнія и пустилъ молоткомъ въ одного изъ своихъ учителей, его оставили безъ обѣда, заперли въ пустой комнатѣ, велѣли просить прощенье у обиженнаго имъ и довели, наконецъ, до того, что мальчикъ захворалъ. Все это казалось необходимымъ, по правиламъ тогдашняго воспитанія, для того, чтобы *переломить характеръ* ребенка. Вообще, на воспитаніе дѣтей никто въ домѣ, какъ видно, не обращалъ большого вниманія. Отецъ каждый день поутру уѣзжалъ въ должность, а вечеромъ принималъ гостей, или самъ уѣзжалъ въ гости. Даже мать, хоть и очень любила своего сына и часто говорила съ нимъ, но, кажется, чужда была сознательныхъ заботъ о его воспитаніи, а болѣе ограничивалась ухаживаньемъ за нимъ, [оставляя его воспитаніе на рукахъ Параши и Евсеича] [1]); часто разспросы ребенка прекращала она словами: «ты еще малъ», или «объ этомъ мы поговоримъ послѣ». Для первоначальнаго ученья мальчика приглашенъ былъ учитель изъ народнаго училища, и одинъ разъ даже посылали Сережу самого въ училище. Здѣсь воспоминанія автора рисуютъ намъ картину, отвратительную не столько вообще по своей грубости, сколько по той ужасной противоположности, какая представляется въ обращеніи школьнаго учителя съ Сережей, сыномъ достаточнаго и значительнаго барина, приглашавшаго его къ себѣ на домъ для уроковъ, и съ бѣдными мальчиками, порученными его смотрѣнію въ училищѣ. Вотъ

[1]) раздѣляя эту заботу съ Парашей и Евсеичемъ;

сцена, оставшаяся въ памяти Сережи и представленная имъ съ удивительною яркостью.

Въ одинъ, очень памятный для меня, день, отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую, неопрятную комнату, изъ которой несся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи, — комнату, всю установленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ первымъ столомъ стояла, утвержденная на какихъ-то подставкахъ, большая черная четверо-угольная доска; у доски стоялъ мальчикъ съ обостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязной тряпицей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ однѣхъ рубашкахъ, а многіе одѣты, какъ нищіе. Матвѣй Васильевичъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ краю, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ, Андрюша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильичъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало,—и съ какимъ-то напѣвомъ: «не знаешь? на колѣни!», и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, которыхъ я сначала не замѣтилъ и которые были очень веселы; когда учитель оборачивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ ариѳметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ,—это была въ то же время перекличка; оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильичъ отмѣчалъ въ спискѣ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: «въ третій разъ нѣтъ, въ четвертый нѣтъ,—такъ розги!» Я оцѣпенѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цифры и считать ихъ какъ-то отъ правой руки къ лѣвой, повторяя: «единицы, десятки, сотни». При этомъ счетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казался онъ непонятнымъ, и мудренымъ, хотя я давно уже выучился самоучкой писать цифры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ; ихъ но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Перекликавъ всѣхъ по списку и испытавъ въ степени знанія, Матвѣй Васильичъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цифрахъ, о ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понялъ, сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, несмотря на заткнутыя пальцами уши, я увидѣлъ живую и шумную вокругъ меня суматоху: забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, такъ же весёлые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ «засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ» (стр. 140—43).

Испытавши такія впечатлѣнія, Сережа, разумѣется, явился домой разстроенный и взволнованный. Но его стали увѣрять, что это ничего, что такъ и должно быть, что въ томъ и состоитъ обязанность Матвѣя Васильича, чтобы сѣчь мальчиковъ, не знающихъ урока. Такъ въ то время понимали задачу воспитанія. Но мальчикъ никакъ не могъ удовлетвориться такими понятіями; онъ не могъ примириться съ мыслью, что, по его выраженію, «видѣнное имъ не было исключительнымъ злодѣйствомъ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича; что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что сами родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить со временемъ; что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ». Несмотря на всѣ увѣренія въ невинности Матвѣя Васильича, Сережа получилъ къ нему такое отвращеніе, что уже не могъ болѣе у него учиться. Черезъ мѣсяцъ учителю отказали, и такъ какъ другого учителя во всемъ городѣ не было, то отецъ и мать сами замѣнили его. Но ихъ заботы ограничились не многимъ: всего больше они смотрѣли за тѣмъ, чтобы мальчикъ писалъ какъ можно похожѣе на прописи. А между тѣмъ мать автора принадлежала по своей образованности и уму къ числу женщинъ рѣдкихъ въ то время, и удивляла высотою своего просвѣщенія лучшихъ людей своего времени, какъ, напр., Новикова. Она съ крайней неохотой отправлялась на житье въ Багрово, именно потому, что тамъ «все люди грубые и необразованные, съ которыми слова сказать нельзя», и что жизнь въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна. Къ сожалѣнію, авторъ не сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что это было за общество умныхъ людей, и что дѣлали молодые Багровы въ своемъ избранномъ обществѣ. По своимъ лѣтамъ и по степени своего развитія, авторъ не могъ еще тогда обратить надлежащаго вниманія на это обстоятельство. Впрочемъ, одинъ особенный случай, разсказанный авторомъ,

показываетъ, что жизнь большей части уфимскихъ жителей ограничивалась тогда скорѣе кругомъ личныхъ интересовъ, нежели сочувствіемъ къ явленіямъ, важнымъ въ общественномъ смыслѣ. Случай этотъ—полученіе въ Уфѣ извѣстія о кончинѣ императрицы Екатерины. Всѣхъ оно огорчило; но губернаторъ В. «публично показывалъ свою радость, что скончалась государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ» (стр. 190). Все это дѣлалось «потому, что новый государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ». Всѣ были въ негодованіи на явное выраженіе радости губернаторомъ, и всѣ соглашались, когда мать Сережи убѣждала, что не надо ѣхать на балъ къ В. Но тутъ выразилось безсиліе всѣхъ этихъ людей предъ принятой формой, передъ привычкой—являться на каждое приглашеніе губернатора. Убѣжденные, что ѣхать на балъ къ В. не должно и стыдно, всѣ рѣшили, что, однако, *нельзя не ѣхать*, и даже отецъ Сережи отправился туда: «но скоро воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны, и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной государынѣ, зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти» (стр. 191). Случай этотъ, показывая, до какой степени общіе интересы и убѣжденія уступали мѣсто частнымъ разсчетамъ, не представляетъ въ особенно-хорошемъ свѣтѣ избранное уфимское общество. Равнымъ образомъ, не видимъ мы доказательства особенной развитости этого общества въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь «всегда говорили потихоньку» объ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и всѣхъ приводившихъ въ смущеніе. Скрытность даже въ семействѣ была такъ велика, что не смѣли говорить вслухъ даже при шестилѣтнемъ Сережѣ. «Одного только нельзя было скрыть, — замѣчаетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: — государь приказалъ, чтобы всѣ, кто служитъ, носили какіе-то сюртуки особеннаго покроя съ гербовыми пуговицами (сюртуки назывались *оберроками*); и кромѣ того, — чтобъ жены служащихъ чиновниковъ носили, сверхъ своихъ парадныхъ платьевъ, что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же шитьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать была мастерица на всякія вышиванья и сейчасъ принялась шить по картѣ серебряныя петлицы, которыя были очень красивы на голубомъ воротникѣ бѣлаго спензера или курточки» (стр. 234).

Таковы въ «Дѣтскихъ годахъ» немногія свѣдѣнія о томъ, какъ проходила жизнь родныхъ Сережи въ городѣ. Но большая часть книги занята изображеніемъ деревенской жизни то въ Багровѣ, то въ Чурасовѣ. Изъ этой-то жизни мы и представимъ теперь нѣкоторыя черты, наиболѣе характеристичныя.

Въ первый разъ Сережа былъ въ Багровѣ еще при жизни дѣдушки Степана Михайловича, уже извѣстнаго читателямъ изъ «Семейной Хроники». Степанъ Михайловичъ вовсе не былъ дурнымъ исключеніемъ изъ своихъ собратій; напротивъ, если онъ и отличался отъ другихъ, подобныхъ ему помѣщиковъ, то именно отличался своими хорошими качествами. Онъ обладалъ твердой волей, неизмѣнною правдивостью, практическою сообразительностью; онъ требовалъ только должнаго (по крайней мѣрѣ, согласно его понятіямъ); онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ въ голодные годы, разсуждая, что благосостояніе крестьянъ есть вмѣстѣ и его собственное благосостояніе. Все это—такія качества, которыя не у всѣхъ помѣщиковъ можно было найти въ то время. Своими добродѣтелями Степанъ Михайловичъ заслужилъ общее уваженіе и даже любовь, что опять не всякому помѣщику удается. Но при всемъ этомъ — посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой, доброй и благородной натуры то положеніе, въ какомъ онъ находился. Его понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія мелки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разсудкомъ, внутренняя сила, не находя себѣ правильнаго, естественнаго исхода, разражается только домашнею грозою. Мы не говоримъ уже объ этихъ дикихъ вспышкахъ, когда Степанъ Михайловичъ стаскивалъ волосникъ съ своей старухи жены и таскалъ ее за косы, — если только она осмѣливалась попросить за свою дочь, на которую старикъ разсердился; въ этихъ вспышкахъ ясно выражается произволъ, къ которому всегда приводило человѣка полное, безотвѣтственное обладаніе людьми, безгласными противъ его воли. Можно, конечно, объяснить припадки гнѣва въ старикѣ Багровѣ тѣмъ, что таковъ ужъ его характеръ былъ, что онъ не могъ сдержать себя. Но отчего же—спросимъ мы—съ распространеніемъ образованія перевелся въ дворянствѣ и обычай бить своихъ женъ? Развѣ теперь уже вспыльчивыхъ характеровъ нѣтъ? И неужели русскій человѣкъ имѣетъ болѣе пылкія страсти, нежели всѣ другіе образованные народы? Отчего же бы русскому человѣку имѣть непремѣнно большую наклонность къ собственноручной расправѣ, чѣмъ, напримѣръ, хоть бы итальянцу,

который, какъ извѣстно, тоже не отличается особой холодностью крови? А между тѣмъ, одинъ изъ русскихъ путешественниковъ недавно напечаталъ толстую книгу, въ которой поноситъ Италію именно за то, что тамъ ему не позволяли драться, невзирая даже на то, что онъ состоялъ, кажется, въ четвертомъ классѣ. Драться, по его мнѣнію, необходимо *для порядка*. Къ такимъ мнѣніямъ, выражаемымъ, конечно, на дѣлѣ еще чаще, чѣмъ на словахъ, приводитъ именно возможность давать просторъ своей страсти, какъ замѣчаетъ самъ г. Аксаковъ, говоря о Куролесовѣ, въ «Семейной хроникѣ»: «избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшеному своеволію». Дѣйствительно, дѣйствіе этого психологическаго закона, имѣющаго такое громадное практическое приложеніе, каждый человѣкъ, даже самый кроткій, испытывалъ, вѣроятно, на себѣ. Когда вы раздражены,—хотя бы и справедливо, — и начинаете выражать свое неудовольствіе, то сначала вы слѣдите за собой, соображаете свои выраженія, умѣете сказать именно то и столько, сколько считаете нужнымъ и возможнымъ. Но, видя, что отпора нѣтъ, что вашему гнѣву не полагается преградъ, вы, — даже и въ несправедливомъ гнѣвѣ, — ободряетесь, вашъ собственный голосъ своимъ звукомъ, все болѣе крѣпкимъ и высокимъ, подстрекаетъ васъ, и вы кончаете тѣмъ, что забываете всякую мѣру и даете полную волю страсти. Въ нашей общественной жизни это явленіе еще не такъ рѣзко кидается въ глаза, потому что опасеніе отвѣтственности предъ закономъ или сознаніе принятыхъ приличій часто останавливаетъ насъ, несмотря на отсутствіе видимаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, на кого падаетъ нашъ гнѣвъ. Но отнимите это сознаніе всякой отвѣтственности, поставьте предъ нами существа беззащитныя, безотвѣтныя, состоящія въ полномъ нашемъ распоряженіи, — и замѣтка г. Аксакова о Куролесовѣ вполнѣ оправдается на каждомъ человѣкѣ, который долгою работою надъ самимъ собою не пріобрѣлъ нравственной независимости отъ внѣшнихъ развращающихъ вліяній. Мысль эта оправдывалась и на практикѣ во всѣ времена. Характеры, подобные старому Багрову и Куролесову, неизбѣжны при тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ, при той нравственной обстановкѣ, въ какой находились эти люди. По общему психологическому закону, при недостаточномъ развитіи однѣхъ способностей души, сила развитія обращается на другія, которыя встрѣчаютъ менѣе препятствій, и слѣдствіемъ неравномѣрности вліяній бываетъ всегда одностороннее развитіе. Какія же вліянія могли благопріятствовать развитію нравственныхъ началъ и здравыхъ понятій въ людяхъ, находившихся въ положеніи Багрова и Куролесова? Оба они служили въ полку. Степанъ Михайловичъ даже русскую грамоту зналъ плохо и любилъ хвалиться тѣмъ, что умѣлъ считать на счетахъ; Куролесовъ же, хотя умѣлъ писать бойко и зналъ кое-что, но никакого солиднаго образованія тоже не получилъ. Да и на что жъ имъ было образованіе, когда они съ малолѣтства чуяли возможность простымъ и даровымъ способомъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? На что имъ были какія-то нравственныя начала, когда они видѣли впереди сферу, въ которой никакая нравственность ихъ стѣснять не будетъ, въ которой они будутъ полными, безсудными господами, и ихъ воля будетъ закономъ для окружающихъ? Произволъ, господствовавшій встарь, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и особенно дворовымъ, существовалъ совершенно независимо отъ того, вспыльчивъ былъ баринъ или нѣтъ. Произволъ этотъ былъ общимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія землевладѣльцевъ. Еще болѣе же онъ увеличивался ихъ необразованностью, которая, опять, какъ извѣстно, обусловливалась ихъ положеніемъ. Какое сознаніе правъ человѣка могло развиться въ томъ, кого съ малыхъ лѣтъ воспитывали въ той мысли, что у него есть тысяча, или сотня, или десятокъ (все равно) людей, которыхъ назначеніе—служить ему, выполнять его волю и съ которыми онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ? Естественно, что человѣкъ, пропитанный такими внушеніями, привыкалъ ставить самого себя центромъ, къ которому все должно стремиться, и своими интересами, своими прихотями мѣрилъ пользу и законность всякаго дѣла. Еще въ недавнее время жили такія понятія, и даже нашъ знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ и т. п. [1]). Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ!» Но въ то время, когда мысли были высказаны, энергическое обличеніе уже встрѣтило ихъ со всѣхъ сторонъ, и весь авторитетъ писателя, какъ онъ ни былъ великъ, не спасъ его отъ сарказмовъ, крайне ядовитыхъ по

---

[1]) Гоголь, «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

своей справедливости.—Не то было въ старину. Тогда многіе помѣщики считали единственнымъ здравымъ началомъ въ управленіи крестьянами — стараніе получить отъ нихъ сколько возможно болѣе выгоды. Подъ этотъ уровень подходили помѣщичьи натуры, за весьма немногими исключеніями. Звѣрски жестокій, буйный и пьяный Михаилъ Максимычъ Куролесовъ сходился въ этомъ съ благодѣтельнымъ, правдивымъ, строго-нравственнымъ по своему Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ. Куролесовъ въ два-три года поправилъ разстроенное хозяйство, оставивъ по себѣ память, что онъ *крутенекъ*. Главнымъ изъ употребленныхъ имъ средствъ улучшенія хозяйства было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста. Багровъ сдѣлалъ то же самое съ своими крестьянами, по тому же разсчету собственныхъ выгодъ. Его не остановилъ вопль и плачъ крестьянъ, «прощавшихся навсегда съ стариною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ». Его не удержала мысль о трудностяхъ, которыя должны встрѣтить крестьяне, переселяясь слишкомъ за четыреста верстъ, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Онъ не подумалъ о томъ, что, какъ замѣчаетъ авторъ записокъ о немъ, «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселеніе тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую между хорошими ходило много недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными, — казалось дѣломъ страшнымъ» («Сем. хр.», стр. 18). Степанъ Михайловичъ не думалъ ни о чемъ этомъ, точно такъ же, какъ не думалъ о нравственномъ значеніи своихъ поступковъ, когда осматривалъ свое паровое поле, обработанное крестьянами, и употреблялъ слѣдующую хозяйственную мѣру: «онъ приказывалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаханнымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлина, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если онъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно» («Сем. хр.», стр. 38). Принципъ, управляющій его дѣйствіями, очевиденъ: надо дѣйствовать строгостью, чтобъ хозяйство хорошо шло. При этомъ принципѣ никакія философскія размышленія [о правахъ человѣка], никакія экономическія соображенія о трудѣ, задѣльной платѣ и т. п., не могли имѣть мѣста. [«Есть люди, которые должны трудиться для того, чтобы я могъ жить въ довольствѣ и спокойствіи; если они этого не дѣлаютъ, я долженъ принудить ихъ, а самая лучшая принудительная мѣра—собственноручная расправа съ личностью, или же тѣлесное наказаніе болѣе солиднаго характера, иногда даже съ «*кошечками*», какъ у Михаила Максимыча» [1]). Такая логика не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Разъ сознавши основную посылку, т.-е., что есть люди, назначенные къ тому, чтобы работать для чужого, а не для своего счастія, человѣкъ чрезвычайно логически доходитъ уже до самыхъ крайнихъ выводовъ изъ этого безнравственнаго положенія. Прекрасно выражены подобные выводы въ одной изъ статей Новиковскаго «Живописца». Хотя это сатирическая, слѣдовательно, все-таки, вымышленная вещь, но мы приведемъ ее здѣсь, на ряду съ чисто историческими свѣдѣніями; и вотъ на какихъ основаніяхъ. Новиковъ, какъ извѣстно, былъ первый и, можетъ быть, единственный изъ русскихъ журналистовъ, умѣвшій взяться за сатиру смѣлую и благородную, поражавшую порокъ сильный и господствующій. Сатира его, какъ и вообще русская сатира, не произвела своего вліянія, такъ что нѣкоторыя изъ его нападеній могутъ относиться даже къ нравамъ настоящаго времени. При томъ и сатирѣ Новикова не доставало литературныхъ достоинствъ и той прямоты и откровенности, какая неизбѣжна въ обличеніи порока. Онъ затрогивалъ такіе вопросы и интересы, которые только еще въ настоящее время находятъ свое разрѣшеніе, и о которыхъ, поэтому, во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всемъ томъ—жизнь и сила составляютъ отличительныя достоинства «Трутня» и «Живописца». Лучшее время Новикова было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, когда онъ еще не пускался въ мистицизмъ и не навлекъ на себя подозрѣній правительства. Это было вообще золотое время русской сатирической литературы, которое только теперь обѣщаетъ, наконецъ, повториться, если опять не встрѣтитъ препятствій въ невѣжествѣ и малодушной подо-

[1]) [Объ этихъ кошкахъ Куролесовъ говорилъ: «не люблю палокъ и кнутьевъ; что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка. То ли дѣло — кошечка: и больно, и не опасно». Несмотря на то, онъ сѣкъ ими такъ, что жизнь наказанныхъ людей спасали только, завертывая ихъ въ теплыя, только-что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ... Кошками назывались у Куролесова «ременныя плети оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ каждаго хвоста». «Въ Порошинѣ,—прибавляетъ г. Аксаковъ,—долго хранились въ кладовой, разумѣется, безъ употребленія, эти отвратительныя орудія, и я самъ ихъ видѣлъ»]. *Прим. Д.*

зрительности нѣкоторыхъ личностей. Широко и бодро расправили тогда крылья русскіе сатирики, во главѣ которыхъ стояла сама императрица. Новиковъ посвятилъ ей (по тогдашнему *приписалъ*) свой «Живописецъ», говоря въ предисловіи, что когда на престолѣ возсѣдаетъ сама мудрость, покровительствующая истинѣ во всемъ, то можно обличать смѣло и свободно всѣ пороки и предразсужденія, не опасаясь негодованія знатныхъ людей. Негодованіе знатныхъ было въ то время единственной, но крѣпкой преградой для сатиры: вспомнимъ, какъ Державинъ страшился за свою «Фелицу» и за переложеніе псалма: «Властителямъ и судіямъ». Въ то время, какъ и долго еще спустя, были тупоумные и злонамѣренные люди, которые во всякомъ литературномъ обличеніи, особенно, если оно немножко рѣзко, искали какихъ-то намековъ, вредныхъ мыслей, указаній на себя и на своихъ знакомыхъ. Противъ такихъ злонамѣренныхъ тупоумцевъ вооружается Новиковъ всей силою своей логики, въ одной изъ статей «Живописца». Смыслъ этой длинной статьи таковъ. Непонятно, какъ могутъ быть люди тупые и безсовѣстные настолько, чтобы рѣшаться высказывать свое неудовольствіе по поводу статей, въ которыхъ представляются дурные помѣщики и вообще дворяне. Неужели они не видятъ, что своимъ неудовольствіемъ только доказываютъ, что узнали самихъ себя въ этихъ изображеніяхъ? Но они говорятъ, что вступаются за честь дворянскаго сословія. Это еще хуже, еще нелѣпѣе. Если изображеніе жестокости, невѣжества, глупой спеси помѣщика оскорбляетъ честь дворянскаго сословія, то, видно, оно поставляетъ свою честь и преимущества въ возможности совершать, безъ страха суда и обличенія, всякія жестокости, насилія, дурачества и т. п. Можно бы еще нападать на меня, говоритъ «Живописецъ», если бы я лгалъ. Но—«кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству»? Если же это такъ, то можно ли человѣку, имѣющему здравый смыслъ и хоть сколько-нибудь честности и благородства, обижаться правдивымъ представленіемъ всего, что есть? «Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или сатира на нихъ? Въ заключеніе говорится, что нѣкоторые порицали листки «Живописца», «по слѣпому пристрастію ко преимуществу дворянскому», и утверждали, что хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть всегда свободны, и что будто точно о крестьянахъ сказано: «накажу ихъ жезломъ беззаконія»... И подлинно они часто наказываются беззаконіемъ. «Но со стороны людей порядочныхъ, коль чудно и странно,—замѣчаетъ Новиковъ,—защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются!» (См. «Живоп.», изд. 5, стр. 76—77).

Такъ говорилъ «Живописецъ», и послѣ такой его защиты можно, кажется, приводить описанныя имъ явленія, какъ несомнѣнно существовавшія. Не можемъ сказать, какъ долго продолжались тѣ мнѣнія и тотъ образъ дѣйствій помѣщиковъ, о которомъ онъ упоминаетъ, потому что, по несчастью, голосъ обиженныхъ сатирою тупоумцевъ успѣлъ заглушить голосъ правды, и скоро самъ Новиковъ, въ своей сатирѣ, пустился въ ту же мелочь, какою занимались и другіе. Съ тѣхъ поръ слишкомъ полвѣка нужно было, чтобы русская литература и, въ особенности, сатира могли убѣдить «знатныхъ господъ», какъ выражался «Живописецъ», въ своей благонамѣренности, правдивости и пользѣ. Въ недавнее время они еще существовали: на нихъ жаловался и надъ ними смѣялся Гоголь. Существуютъ, конечно, и въ наше время такіе невѣжественные противники литературы, которые желали бы запретить все, что хоть сколько-нибудь рѣзко и колко. Но теперь такіе запретители встрѣчаются уже общимъ презрѣніемъ и изумленіемъ; общество смотритъ на нихъ, какъ на что-то необычайное, едва вѣря возможности ихъ существованія. И если бы въ наше время нашлись люди, полагающіе, что теперь нельзя печатать того, что, напр., печаталъ Новиковъ въ пяти изданіяхъ своего «Живописца» [1]), то всѣ, кажется, съ горькимъ

[1]) Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы «Живописецъ» былъ ужъ очень распространенъ, при своихъ пяти изданіяхъ; въ тѣ времена—книги, на расходъ которыхъ сильно разсчитывали, печатались въ числѣ 200 экземпляровъ, о чемъ упоминаетъ самъ Новиковъ. Отъ этого малаго круга дѣйствія, сатира Новикова, несмотря на свою живость и смѣлость, мало имѣла вліянія. Она могла поддерживаться только покровительствомъ государыни, служа какъ бы отголоскомъ ея просвѣщенныхъ мнѣній и намѣреній. Но какъ скоро Новиковъ лишился этой поддержки, и сатира его не могла удержаться въ своемъ независимомъ, твердомъ положеніи: она скоро измельчала. Впрочемъ, силы у нея не могло быть и въ цвѣтущее ея время, и къ ней справедливо приложить то,

недоумѣніемъ обратились бы на нихъ и стали показывать пальцами, спрашивая другъ друга: правда ли? правда ли? Неужели это правда?

Читатель извинитъ насъ за длинное отступленіе, относящееся къ Новикову и его сатирѣ. Мы должны были его сдѣлать для того, чтобы оправдать себя въ томъ, что обращаемся къ сатирическимъ изображеніямъ, какъ будто къ фактическимъ даннымъ. Теперь, объяснивши, въ чемъ дѣло, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ «Живописца» и «Трутня» въ подтвержденіе той же мысли, что произволъ и своекорыстные разсчеты были весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ отношеніяхъ старинныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма одного помѣщика изъ деревни къ сыну («Живоп.», ч. I, стр. 80—90):

«Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери: такъ отъ чего же разбогатѣть? Вѣдь не всякому Богъ кладъ даетъ. А съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ немного прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много-ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался!.. Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки и, будучи у меня, читалъ ихъ... Что это за Живописецъ такой у васъ проявился?—какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говорятъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называютъ ихъ тиранами; а того, проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещенные и мучили святыхъ. А наши мужики вѣдь не святые, какъ намъ быть тиранами? Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: этакая бѣда! неужто хочетъ онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли? Да этого и Господь не приказалъ: комунибудь одному богатому быть надобно,—либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. Да на что они и крестьяне, — его такое дѣло, что работай безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ и невѣдь что затѣютъ... Вотъ-тѣ на! до чего дожили! Только я на это смотрѣть не буду. Ври себѣ онъ, что хочетъ, а я знаю, что съ мужиками дѣлать... Кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Этакіе люди — за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по-нѣмецки, а все такъ же по-русски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да что ужъ и говорить! И они свихнулись!.. Недалеко отъ меня девевня Григорья Григорьевича Орлова; такъ, знаешь ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? Стыдно и сказать: по полтора рубля съ души! А угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые! живутъ себѣ да и годки не маютъ, богатѣе иного дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? Кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ это бы получше было. Этакій умъ!.. То-то не къ рукамъ этакое добро досталось! Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ. Только-что мужиковъ балуютъ. Эхъ, перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди,—не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли!..

Въ томъ же письмѣ къ сыну, разсудительный папенька извѣщаетъ, что его собаку Налетку укусила другая бѣшеная собака, и что людямъ за это досталось хорошо. «Сидоровна твоя (мать) всѣмъ кожу спустила. То-то проказница! Я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ!» О самомъ сынкѣ батюшка вспоминаетъ такія пріятныя вещи: Помнишь ли, говоритъ, какъ ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: «вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гонялись за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за угломъ въ застѣнкѣ сѣкутъ. Молись, мой другъ, Богу,— ничего, — правду сказать, — ума у тебя довольно, можно вѣкъ прожить»! (стр. 24).

Въ такомъ же родѣ находимъ мы въ «Трутнѣ» «Отписку старосты Андрюшки», и приказъ барина, въ отвѣтъ на отписку. Староста доноситъ о сборѣ оброка съ крестьянъ и извиняетъ недоимки тѣмъ, что «крестьяне скудны, взять негдѣ нынѣшнимъ годомъ, хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумны собрать, да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ паденіемъ». Затѣмъ увѣдомляетъ, что неплательщиковъ, «по указу твоему господскому, сѣкъ нещадно», но что они, все-таки, денегъ не дали, потому что взять негдѣ. Далѣе дѣло идетъ о Филаткѣ, за которымъ числятся недоимки, потому что онъ самъ хворалъ все лѣто, и старшій сынъ него умеръ, а остались малые ребятишки. Двѣ клѣти у него проданы для уплаты недоимки, лошади пали, одну корову продали, другую оставили пока для ребятишекъ. «Міромъ сказали: буде ты его не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а ребятишекъ поморить и его въ конецъ разорить не хотятъ». Плохо уже и то, теперь безъ лошади никуда не годится: господскихъ работъ исправлять не можетъ. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что крестьянъ сосѣди обижаютъ, что имъ оброкъ тяжелъ, что староста каждое воскресенье сборъ дѣлаетъ и неплательщиковъ

что писалъ къ «Живописцу» одинъ раздраженный приказный (стр. 109): «Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки. А постельнымъ, хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится». *Прим. Д.*

сѣчетъ нещадно, но что толку отъ этого нѣтъ вовсе. Потомъ староста увѣдомляетъ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ: лѣсу господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублей съ полтиной, да на двѣ избы, по пяти рублей за избу, да съ Антошки взято пять рублей за то, что осмѣлился назвать барина въ челобитной отцомъ, а не господиномъ. «И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я-де это сказалъ съ глупости,— и на-предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ». — Въ отвѣтъ на эту отписку, въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ «Трутня (стр. 236 и сл.) помѣщена «копія съ помѣщичьяго указа,— человѣку нашему Семену Григорьеву», который посылался въ деревню для ревизіи. Вотъ нѣкоторыя статьи указа.

1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ, и оттуда обратно, имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

2) Пріѣхавъ туда, старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку, и послѣ изъ старостъ его смѣнить; а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.

3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки насъ оболгалъ (обманулъ) ложнымъ доносомъ? За то прежде всего его высѣчь, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

6) И какъ нѣтъ сомнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный, то за оный перевесть его къ намъ на житье въ село; буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ перевозить и разорять себя не похочетъ, то взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.

8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли, по просьбѣ ихъ, поровнять, по твоему благоразсужденію; но при томъ, однакожъ, объявить имъ, что сбавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ оговорокъ, платили бездоимочно, неплательщиковъ же, при собраніи всѣхъ крестьянъ, сѣчь нещадно.

9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебѣ съ крестьянъ, сколько потребно будетъ, на взятье выписи.

10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить: ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянство и воровства, вмѣсто наказанія, а съ кростьянъ за поставку того рекрута собрать по два рубля съ души.

12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги съ нихъ; а чтобы они впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то купить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги; а Филаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ бездоимочно.

13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно; буде же какія впредь недоимки, то оное взыскано будетъ все со старосты.

16) По исправленіи всего вышеописаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ».

Если это письмо вымышлено, то нужно признаться, оно вымышлено съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла и недостатковъ того времени. Какъ ярко проглядываетъ здѣсь старинный произволъ помѣщичьей власти, не имѣющей въ виду нечего, кромѣ собственнаго обогащенія! Какъ сильно и ярко выражается полное, невѣжественное пренебреженіе ко всѣмъ человѣческимъ правамъ и требованіямъ крестьянъ! И все это безъ ожесточенія, безъ злобы, а совершенно спокойно: внушить имъ, чтобы платили; а не станутъ платить, такъ сѣчь нещадно! Переселить его въ отдаленное село; а не захочетъ разоряться, такъ взять съ него 50 рублей! И замѣчательно, что, не умѣя самъ опредѣлить границъ своихъ правъ въ отношеніи къ крестьянамъ, самъ не зная мѣры своему произолу, помѣщикъ передаетъ тотъ же произволъ и человѣку своему. «Поровняй, — говоритъ, — ихъ по твоему благоразсужденію; возьми съ нихъ, сколько потребно будетъ», т.-е. сколько тебѣ покажется нужнымъ. Тутъ уже «человѣкъ» Семенъ Григорьевъ получилъ участіе въ интересахъ своего господина и, всѣдствіе того, получаетъ такую же произвольную власть. Этотъ просторъ произвола, грубаго и невѣжественнаго, виденъ почти во всѣхъ типахъ большихъ господъ прошедшаго столѣтія, сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ или литературными созданіями. Въ «Дѣтскихъ годахъ» мы видимъ двѣ такія личности, кромѣ старика Багрова, который тутъ также является съ своимъ обычнымъ характеромъ] [1]).

---

[1]) Вмѣсто этого очень длиннаго пропуска было напечатано:

Что такъ поступалъ не одинъ Степанъ Михайловичъ, въ этомъ можно убѣдиться, прочитавши описанія стариннаго помѣщичьяго быта въ современныхъ мемуарахъ Данилова, Болотова и др., равно какъ и въ сатирическихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ журналахъ Новикова. Хотя въ сатирѣ мы привыкли видѣть вымыселъ, но здѣсь можно быть увѣрену, что вымыселъ этотъ былъ согласенъ съ дѣйствительностью. Новиковъ, какъ извѣстно, былъ первый и, можетъ быть, единственный изъ русскихъ журналистовъ, имѣвшій всѣ средства взяться за сатиру смѣлую и благородную, поражавшую порокъ сильный и господствующій. Онъ затрогивалъ такіе вопросы и интересы, которые только еще въ настоящее время находятъ свое разрѣшеніе и о которыхъ поэтому во время Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. Несмотря на то, «Трутень» и «Живописецъ» Новикова наполнены такой сильной правды, которая едва подъ силу была бы и нынѣшнему русскому обществу. Лучшее время Новикова было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, когда онъ еще не пускался въ мистицизмъ и не навлекъ на себя подозрѣніе правительства. Это было вообще золотое время русской сатирической литературы, которое только теперь еще обѣщаетъ повториться. Широко и

Важное мѣсто въ воспоминаніяхъ г. Аксакова занимаетъ Прасковья Ивановна Куроѣдова, его двоюродная бабушка. Это была женщина, много испытавшая на своемъ вѣку, имѣвшая доброе сердце и свѣтлый взглядъ на вещи. Она хотѣла, между прочимъ, чтобы мужики ея были богаты. Но, при всемъ томъ, и она избаловалась отъ постоянной раболѣпной покорности всѣхъ окружающихъ. Вся цѣль жизни опредѣлилась для нея тѣмъ, чтобы ничѣмъ не озабочивать себя и не имѣть никакихъ преградъ для своихъ желаній. Поэтому она поручила все управленіе крестьянами Михайлушкѣ, хотя и знала, что онъ плутъ. Главное для нея было то, чтобъ ее ничѣмъ не безпокоили; съ Михайлушкой она этого достигла, и съ нея было довольно. Многочисленная дворня ея была безобразно избалована и безнравственна; она не хотѣла ничего замѣчать. Если же какъ-нибудь случайно наткнется она на пьянаго лакея или какого-нибудь дворовaго, то сейчасъ прикажетъ Михайлушкѣ отдать виновнаго въ солдаты; не годится—спустить въ крестьяне. Замѣтитъ нескромность поведенія въ женскомъ полѣ—опять прикажетъ отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать за крестьянина.

«Но,—замѣчаетъ г. Аксаковъ въ своихъ Запискахъ,—для того, чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ *нечаянно* наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую. А какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ» (стр. 314). Привычка ничѣмъ не стѣснять себя, ничего не дѣлать для общества, а, напротивъ, требовать, чтобы другіе все дѣлали для нея, постоянно выражается во всѣхъ поступкахъ Прасковьи Ивановны; гостями своими она забавляется, какъ ей вздумается, или ругаетъ ихъ въ глаза, если захочетъ; отъ родныхъ своихъ она требуетъ повиновенія и никогда не встрѣчаетъ противорѣчія, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Такъ, Алексѣя Степановича Багрова, гостившаго у ней, она не хотѣла отпустить къ умирающей матери, сказавши, что «вздоръ! она еще не такъ слаба»;—и Алексѣй Степанычъ не смѣлъ ея ослушаться, пробылъ у ней лишнее время и не засталъ въ живыхъ матери. Такъ, она не захотѣла, чтобы дѣти обѣдали съ большими, и Софья Николаевна, никогда не обѣдавшая врозь съ своимъ милымъ Сережей, не смѣла даже заикнуться о томъ, чтобы посадить дѣтей за общій столъ. Неограниченный произволъ съ одной стороны и полное безгласіе съ другой — развивались въ ужасающихъ размѣрахъ среди этой беззаботной пышной жизни на трудовые крестьянскіе гроши. Даже въ тѣхъ поступкахъ, которые происходили просто отъ радушія, веселости, отъ доброты сердца, наконецъ, и въ нихъ этотъ грубый произволъ, это незнаніе мѣры своеволію въ обхожденіи съ людьми, которыхъ и за людей не считали, выглядываетъ подобно безобразному пятну на хорошей картинѣ. Въ воспоминаніяхъ г. Аксакова находимъ мы, между прочимъ, изображеніе сценъ такого рода. Между гостями Прасковьи Ивановны бывалъ часто Александръ Михайловичъ Карамзинъ, котораго всѣ называли богатыремъ за его огромный ростъ и необыкновенную силу. «Однажды, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну (приживалку Прасковьи Ивановны) и началъ метать ею, какъ ружьемъ, солдатскій артикулъ. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы, и сѣдыя косы растрепались по плечамъ, поднялъ изъ-за картъ всѣхъ гостей *и долго общій хохотъ раздавался по всему дому*» (стр. 426). Эти добрые, благородные люди, гости Прасковьи Ивановны, могли смѣяться, смотря на такую сцену! Да отчего же имъ было и не смѣяться, когда они тысячу разъ видали сцены гораздо посерьезнѣе. «Но мнѣ жалко было бѣдную Дарью Васильевну»,—прибавляетъ г. Аксаковъ,—и, разумѣется, какъ всегда, непосредственное чувство ребенка, еще чистаго и неиспорченнаго, служитъ и здѣсь горькою уликою взрослымъ.

Другая изъ личностей, упоминаемая г. Аксаковымъ и относящаяся къ тому же разряду, о которомъ мы говорили выше, есть богатый помѣщикъ Д., употребившій свое богатство очень хорошо: на оранжереи, мраморы, статуи, оркестръ, удивительныхъ заморскихъ свиней, величиною съ корову

бодро расправили тогда крылья русскіе сатирики. Единственной крѣпкой преградой для сатиры было тогда—негодованіе знатныхъ, потому что въ то время, какъ и долго еще еще спустя, были тупоумные, которые во всякомъ литературномъ обличеніи, особенно если оно немножко рѣзко, искали какихъ то намековъ, вредныхъ мыслей, указаній на себя и на своихъ знакомыхъ. Но и они не могли тогда остановить новиковской сатиры, и она ярко отразила въ себѣ многіе весьма важные недостатки тогдашняго общества и, между прочихъ, злоупотребленія помѣщиковъ. Мы должны теперь отказать себѣ въ удовольствіи представить читателямъ выписки изъ Новикова и изъ мемуаровъ конца прошлаго вѣка. Отлагая это до болѣе удобнаго времени, теперь мы спѣшимъ перейти снова къ запискамъ Багрова, въ которыхъ найдемъ еще нѣсколько личностей, отчасти напоминающихъ Степана Михайловича—полнымъ просторомъ въ употребленіи своей власти и средствъ.

и т. п. Мать Сережи отозвалась о Д., что онъ человѣкъ добрый. То же самое говорилъ о немъ и одинъ изъ крестьянъ, который, между прочимъ, вотъ что разсказывалъ о немъ.

«Когда умерла одна изъ великолѣпныхъ свиней (которыхъ было двѣ у Д.), то-то горе-то у насъ было, говорилъ мужикъ. — Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милостивый, до всякаго скота жалостливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго: ужъ и мы ему не взмилились. Оно и точно такъ: насъ-то у него было много, а чушекъ всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря; а мы доморощина. А добрый баринъ, ужъ сказать нельзя, какой добрый; да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца: вода преотмѣнная, родниковая, холодная. Мужички, выѣзжая на поле, завсегда ею пользовались. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть—одѣтыя въ кумачные сарафаны, подпоясаны золотымъ позументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую подняла, ровно прыгнуть хочетъ. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный, и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали: говорятъ, что непригоже»! (стр. 474).

Видите, какъ прихотливая затѣя тогдашняго богатаго помѣщика, затѣя самая невинная и добродушная, выказываетъ, однако, полное неуваженіе обычаевъ, взглядовъ и нуждъ его крестьянъ. Ему нѣтъ нужды, что его деревянныя нимфы лишаютъ крестьянъ воды; за то проѣзжіе останавливаются и дивятся! Это такая же невинная штучка, какъ выкидываніе артикула посредствомъ Дарьи Васильевны. Въ этомъ же родѣ были и затѣи старика Багрова, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ послѣ ужина заставлялъ, напримѣръ, двухъ слугъ своихъ, Мазана и Танайченка, драться на кулачики и бороться. При этомъ онъ самъ, смѣха ради, ихъ поддразнивалъ до того, что они, не шутя, начинали колотить другъ друга, и даже вцѣплялись другъ другу въ волосы. Такая забава, дѣйствительно, не должна была казаться дикою и безнравственною тому человѣку, въ которомъ считалось большою милостью, когда онъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ мужику «жениться, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ» («Сем. хр.», стр. 43).

Само собою разумѣется, что многое изъ того, что намъ кажется теперь безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ, происходило и отъ общей тому времени недостаточности здравыхъ понятій обо всемъ на свѣтѣ. Сближеніе съ Европою для многихъ важныхъ бояръ послужило только средствомъ получать изъ-за границы болѣе предметовъ, служащихъ къ роскошной жизни, а роскошь была причиною многихъ безнравственныхъ поступковъ. [Князь Щербатовъ, въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», главною причиною всего зла полагаетъ *сластолюбіе* [1]). Приводимые имъ примѣры сильно свидѣтельствуютъ въ пользу его мнѣнія. Но ясно, что *сластолюбіе* могло быть только ближайшею причиною развращенія. Остается вопросъ: откуда бралось такое сластолюбіе и, главное, откуда получало оно средства для удовлетворенія своихъ прихотей? Человѣкъ, обязанный пріобрѣтать средства для жизни своими трудами, не скоро можетъ предаться вліяніямъ «сластолюбія». Напротивъ, человѣкъ, получающій огромные доходы безъ всякихъ съ своей стороны усилій, естественно придается всѣмъ излишествамъ, всякой роскоши, зная, что на него работаютъ другіе, и что, благодаря этимъ другимъ, средства его неистощимы. Конецъ концовъ—вся причина опять сводится къ тому же главному источнику всѣхъ бывшихъ у насъ внутреннихъ бѣдствій — крѣпостному владѣнію людьми. Оно-то и внушало владѣльцу его безпечность, его лѣнь, спесь и презрѣніе къ тѣмъ, которые были осуждены служить для его прихотей. Общему, будто бы, непониманію человѣческаго достоинства въ тотъ вѣкъ—приписать поступки, подобные вышеприведеннымъ, нельзя. Правда, что въ то время и вообще нравы были грубѣе; но вспомнимъ только, что голосъ евангельскаго ученія о братской любви къ человѣчеству раздался въ нашемъ отечествѣ за восемьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ... Что въ вѣкъ Екатерины достоинство и право человѣка понимались уже очень ясно, доказательствомъ можетъ служить ея Наказъ. Мало того, даже въ литературѣ раздавались голоса противъ неуваженія человѣческихъ правъ. Въ «Живописцѣ» есть одна статья, называющая безразсудствомъ мнѣніе о какой-то неблагорожденности крестьянъ и приписывающая его именно помѣщичьему положенію и привычкамъ. Мы приведемъ эту статью («Жив.», стр. 137).

«*Безразсудъ* боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только-что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: «я господинъ, они мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день

---

[1]) См. разборъ сочиненія кн. Щербатова, написанный С. В. Ешевскимъ и помѣщенный въ «Атенеѣ», 1858 г. № 3. Статья эта, и особенно выпискиизъ Щербатова, сдѣланныя въ ней, чрезвычайно любопытны для объясненія многихъ явленій въ государственной дѣятельности Россіи прошлаго вѣка. *Прим. Д.*

и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора». Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Бѣдные крестьяне любить его, какъ отца, не смѣютъ; но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но совсѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на-силу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное; но говорятъ: это не мое, но Божіе и господское! Всевышній благословляетъ ихъ труды, а Безразсудъ обираетъ ихъ. Безразсудный! развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками гораздо болѣе сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе: оно и безъ отягощенія тягостно. Когда-жъ ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ, трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки!»

Заключеніемъ этой статьи служитъ «Рецептъ», въ которомъ Безразсуду предписывается, какъ средство для излѣченія отъ безразсудства, — упражненіе въ разматриваніи костей господскихъ и крестьянскихъ, до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ между ними различіе («Живопис.», ч. I стр. 140).

Что подобныя «безразсудства» не вымышлены «Живописцемъ», а дѣйствительно существовали, очевидно изъ фактовъ, уже приведенныхъ нами, и множества другихъ, которые мы могли бы представить изъ записокъ современниковъ. Даниловъ, напр., разсказываетъ одинъ случай изъ своего отрочества («Записки Данилова», М. 1842, стр. 42—44), фактически доказывающій, какъ смотрѣли иные помѣщики на крестьянъ. Даниловъ былъ одно время въ деревнѣ у родственницы своей, какой-то вдовы, у которой былъ племянникъ Ванюша. Разъ этотъ племянникъ затащилъ Данилова и еще одного «молодого слугу» тихонько обивать яблоки. Но какъ тѣ не хотѣли приниматься за это, то онъ одинъ управился съ яблонью. Тетушкѣ донесли о такомъ поступкѣ; она велѣла призвать виновныхъ и, въ страхъ племяннику, велѣла «поднять слугу на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво». Племяннику же сдѣлали выговоръ.—О той же вдовѣ Даниловъ разсказываетъ, что она, каждый день рѣшительно, призывала во время обѣда кухарку и тутъ же, въ столовой, приказывала сѣчь ее. «И потуда сѣкутъ, и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это ужъ такъ введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетита» (стр. 43). Въ такихъ разлеченіяхъ нельзя не видѣть той самой мысли, какую подмѣтилъ «Живописецъ» у Безразсуда.]

Интересно видѣть, какъ произволъ и грубость въ обращеніи съ своими подвластными переходили въ старину у помѣщиковъ и въ ихъ собственныя семейныя отношенія. Степанъ Михаловичъ, привыкшій, чтобы его трепетали въ полѣ, на гумнѣ, на мельницѣ, не могъ уже не требовать страха и трепета и отъ домашнихъ. Свою Арину Васильевну онъ таскалъ за косы такъ, что она по цѣлому году съ пластыремъ на головѣ ходила. Дочери боялись и почитали его, какъ своего господина, а не какъ отца. Отсутствіе живыхъ семейныхъ связей и тупая покорность передъ силой очень ярко выразилась въ семействѣ Багровыхъ послѣ смерти дѣдушки. Описаніе сценъ, послѣдовавшихъ за смертью Степана Михайловича, принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ и интересныхъ страницъ «Дѣтскихъ годовъ» г. Аксакова. Любопытно, какъ относятся теперь мать и старшія сестры къ Алексѣю Степановичу и невѣсткѣ, которую прежде столько преслѣдовали. Старуха-мать не смѣетъ сѣсть за столъ, пока не явится младшій сынъ, ставшій теперь *хозяиномъ* въ домѣ. Напрасно невѣстка ее упрашиваетъ не дожидаться; старуха отвѣчаетъ: «нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Когда сынъ входитъ, она встаетъ и идетъ къ нему навстрѣчу съ поклономъ, а сестры даже падаютъ въ ноги брату, съ рытьемъ и просьбами — не оставить ихъ. Потомъ съ тѣми же униженными просьбами обращаются къ невѣсткѣ, какъ хозяйкѣ дома. Сцены эти могутъ нѣкоторымъ нравиться, какъ живой памятникъ патріархальныхъ отношеній домочадцевъ къ владыкѣ дома. Но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ничего, кромѣ чрезвычайной неразвитости и спутанности нравственныхъ понятій и кромѣ привычки—быть подъ началомъ, при отсутствіи всякихъ духовныхъ связей любви и истиннаго уваженія. Интересно, какъ выражается за обѣдомъ печаль по только-что умершемъ главѣ семейства. «За столомъ всѣ принялись такъ кушать, — говоритъ г. Аксаковъ,—что я съ удовльствіемъ смотрѣлъ на всѣхъ». Между прочимъ, одна изъ дочерей покойника, разливая уху и накладывая всѣмъ груды икры и печенокъ, просила покушать ихъ въ память того, что батюшка-то любилъ ихъ. И при этомъ слезы капали у ней въ тарелку. Несмотря на то, она, какъ и другіе, кушала съ удивительными аппетитомъ. Послѣ обѣда же всѣ отправились спать и проспали до вечерняго чая. Въ девятый день опять былъ обѣдъ, и тутъ уже всѣ были спокойны, пока не подали блиновъ. Но какъ только явились на столъ блины, всѣ принялись кушать ихъ со слезами и даже съ рыданіями. Это выраженіе любви посмертное. А вотъ что было при жизни.

Во время житья въ Багровѣ, уже послѣ смерти дѣдушки, Сережа зашелъ въ одинъ амбаръ, отдѣленный для тетушки Татьяны Степановны, оставшейся незамужнею и жившей при родителяхъ. Тамъ увидѣлъ онъ сундучки, ларчики, ящики, посуду, даже бутылки съ новыми пробками и, наконецъ, кадушку съ колотымъ сахаромъ. Онъ обратился за объясненіемъ такого страннаго явленія къ своей нянѣ Парашѣ, и та, увлеченная благовиднымъ негодованіемъ, объяснила, что барышня все это потихоньку натаскала у покойнаго дѣдушки, а бабушка ей потакала. Такова была семейная нравственность, таковы отношенія между людьми, въ сущности не злыми и не безчестными. Г. Аксаковъ замѣчаетъ (въ «Семейной хроникѣ»), что вообще, несмотря на свой трепетъ передъ Степаномъ Михайловичемъ, и жена, и дочери пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ надуть его и постоянно съ нимъ хитрили. Этого, разумѣется, и слѣдовало ожидать отъ людей, которые связываются между собою единственно узами страха, и изъ которыхъ одинъ привыкъ своевольно распоряжатся, а другіе—безсловесно и неразумно трепетать предъ его волей.

Впрочемъ, и эти покорныя существа имѣли свою сферу, въ которой являлись уже сами распорядительницами. Во владѣніи бабушки Арины Васильевны находился особый міръ деревенскихъ дѣвокъ и дѣвченокъ. Г. Аксаковъ разсказываетъ одну изъ сценъ бабушкина управленія, которой ему привелось быть свидѣтелемъ. Послѣ смерти мужа, Арина Васильевна, уже ослабѣвшая и отставшая отъ хозяйства, занималась главнымъ образомъ пряжей козьяго пуха. Множество дѣвочекъ, сидя вокругъ нея, должны были выбирать волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Если выбрано было нечисто, то бабушка бранилась. Одинъ разъ бабушка сидѣла такимъ образомъ за пряжей и весело разговаривала съ внучкомъ, слѣдовательно, была въ самомъ шелковомъ расположеніи духа, когда одна дѣвочка подала ей свой клочокъ пуху, уже разъ возвращенный назадъ. «Бабушка посмотрѣла на свѣтъ и, увидя, что есть волосья, схватила одной рукою дѣвочку за волосы, а другою вытащила изъ подъ подушекъ ременную плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку» (стр. 269). Внучекъ былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ и убѣжалъ отъ него; но для бабушки это была обыкновенная семейная расправа: на то ужъ и плеть лежала подъ подушками. Это даже не было собственно назначено для дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвченокъ; справедливость требуетъ сказать, что и съ родными дѣтьми такія потасовки были тогда не въ рѣдкость. Руки, привыкшія къ размашистому управленію, требовали и въ семействѣ такой же дѣятельности, какъ на господскомъ дворѣ и запашкѣ. Не только у такихъ людей, какъ старики Багровы, но и у болѣе кроткихъ господъ воспитаніе дѣтей шло постоянно съ помощью собственноручной расправы. Болотовъ, напримѣръ, разсказываетъ о своей матери, что она была весьма кроткая и разумная женщина. О ея кротости, даже трусости, свидѣтельствуютъ многія обстоятельства въ запискахъ Болотова. Когда, напримѣръ, одинъ сосѣдъ подалъ на нее въ судъ жалобу, что къ ней въ имѣнье убѣжала когда-то его крѣпостная баба и вышла тамъ замужъ за крѣпостного Болотовыхъ мужика, то мать Болотова крайне перепугалась, собрала домашнее совѣщаніе и, убѣдившись, что сосѣда требованіе правое, что онъ свою бабу требовать назадъ во всякое время и по всѣмъ законамъ можетъ, помѣщица рѣшилась стараться только объ одномъ: склонить сосѣда къ миру, хотя бы и съ большими уступками съ ея стороны. Другое обстоятельство: Болотова свихнула себѣ ногу, оттого, что очень скоро побѣжала и какъ-то второпяхъ неловко повернула ногу, при вѣсти о пріѣздѣ въ домъ ея брата, который извѣстенъ былъ крутымъ своимъ нравомъ. И эта, столь боязливая и нерѣшительная женщина, находила, однако же, силы собственноручно наказывать сына. «Нерѣдко случалось, — говоритъ Болотовъ (стр. 105),—что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать, и иногда продолжала тазанье таковое съ цѣлый часъ времени». Какъ она обращалась съ своими людьми, Болотовъ не упоминаетъ; но объ этомъ можно догадываться изъ его словъ, что «ее легко было подвинуть на гнѣвъ, и въ семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ». Подобныхъ лицъ и случаевъ можно было бы привести множество изъ разныхъ сочиненій, относящихся къ тогдашнему быту, но предметъ этотъ такъ общеизвѣстенъ, что распространяться о немъ, кажется, нѣтъ надобности.

Такимъ воспитаніемъ поддерживалось, конечно, продолженіе стараго порядка и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, и, такимъ образомъ, прогрессъ нравственныхъ понятій былъ весьма сомнителенъ. Съ теченіемъ времени, исчезла мало-по-малу прежняя грубость; самовольство выражалось уже въ другихъ, менѣе оскорбительныхъ формахъ; но вовсе не выражаться оно не могло. О сочувствіи къ простому народу, о любви къ нему, о пониманіи его нуждъ и интересовъ не могло быть и рѣчи. Сильнѣйшее

доказательство этого находимъ мы въ матери Сережи, Софьѣ Николаевнѣ. Ей было легче другихъ помѣщиковъ проникнуться любовью къ бѣднымъ земледѣльцамъ. Ея дѣдушка былъ уральскій казакъ, а мать изъ купеческаго званія; преслѣдуемая мачихой, она сама въ годы нѣжной юности испытала всю тяжесть принудительной работы; ея природный умъ былъ ясенъ и крѣпокъ; образованіе было выше, чѣмъ у другихъ. Но и она, въ отношеніи къ своимъ слугамъ и крестьянамъ, не могла стать на ту высоту, какая нынѣ требуется отъ человѣка истинно просвѣщеннаго. Она не дѣлала и не говорила ничего дурного прислугѣ, припоминаетъ г. Аксаковъ; при всемъ томъ ее не любили. Безъ сомнѣнія, прислуга видѣла въ ней этотъ величавый, безмолвноподавляющій взглядъ, съ которымъ она относилась ко всему окружающему. Она запретила своимъ дѣтямъ всякое сношеніе съ прислугой въ Багровѣ и Чурасовѣ. Положимъ, что она была права, полагая, что багровская и чурасовская дворня ничему не можетъ научить дѣтей, кромѣ худого. Но, вѣдь, не запретила же она дѣтямъ разговаривать съ двоюродными ихъ сестрицами, которыя объяснили Сережѣ, что онѣ безпрестанно лгутъ и во всемъ обманываютъ родителей, что безъ этого нельзя и пр. Тутъ, значитъ, кромѣ дѣтской нравственности, были и другія соображенія. Но это еще не важно; есть другія обстоятельства, болѣе значительныя. Узнавъ, что няня Сережи, Параша, сказала ему что-то нехорошее про тетушекъ (которыхъ Софья Николаевна сама не любила), мать его, хотя и знала, что все сказанное справедливо, тѣмъ не менѣе погрозила, если впредь что-нибудь подобное услышитъ, сослать Парашу въ деревню за скотиной ходить, разлучивши съ мужемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ внутреннее побужденіе такой угрозы: это могло быть и неудовольствіе на то, что прислуга смѣетъ разсуждать о господахъ, и самолюбивое желаніе выставить себя ангеломъ, не позволяющимъ другимъ бранить враговъ своихъ, и материнская боязнь за сына, чтобы онъ не проникся враждой къ своимъ роднымъ. Можетъ быть, все это вмѣстѣ участвовало въ негодованіи на Парашу. Но каково проявленіе этого негодованія? «Я, дескать, сошлю тебя въ дальнюю деревню за скотиной ходить, а не за сыномъ моимъ!» Не правда ли, что здѣсь довольно сильно обнаруживается, какъ трудно человѣку не принять нѣкоторыхъ нехорошихъ замашекъ, оградить себя отъ нѣкоторыхъ излишествъ, къ которымъ его положеніе даетъ ему поводъ и даже какъ будто нѣкоторое право! Самое отстраненіе Софьи Николаевны отъ дѣлъ хозяйства и отъ крестьянъ происходитъ, очевидно, не отъ сознанія ложности своего положенія въ отношеніи къ нимъ, не отъ робкой застѣнчивости, думающей: что я имъ такое? Это вовсе не простодушіе Сережи, который, увидавъ, какъ въ Парашинѣ мужики кланяются его отцу и привѣтствуютъ его, спрашиваетъ съ изумленіемъ: «за что это они такъ насъ любятъ? что мы имъ сдѣлали?» Нѣтъ, тутъ скрывалось совсѣмъ другое чувство. Когда Алексѣя Степаныча ввели во владѣніе отцовскимъ имѣніемъ, онъ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, долженъ былъ по обычаю выйти къ крестьянамъ. Но Софья Николаевна никакъ не хотѣла согласиться на это, несмотря на всѣ упрашиванія мужа и старухи свекрови, которую она должна была теперь замѣнить въ хозяйствѣ. Крестьяне были очень недовольны, что не видятъ молодой барыни, и Алексѣй Степанычъ долженъ былъ имъ сказать, что она нездорова. Узнавъ объ этомъ, она принялась выговаривать мужу за то, что онъ солгалъ, такъ что онъ принужденъ былъ отвѣтить ей: «совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть: въ чемъ же они передъ тобой виноваты?» Потомъ, на вопросъ сына, отчего она не вышла къ крестьянамъ, мать отвѣчала, что отъ этого бабушкѣ и тетушкѣ было бы грустно. «При томъ же я теперь не могу... ну, да ты еще малъ, и понять меня не можешь». Послѣднія слова заставили сына долго ломать голову надъ тѣмъ, чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что ихъ такъ любятъ? (стр. 263). Предположенія мальчика были справедливы только отчасти; скорѣе нужно думать, что Софья Николаевна, не терпѣвшая всякой лжи, не могла терпѣть парадныхъ изъявленій восторга и любви отъ людей, для которыхъ она ничего не сдѣлала, которыхъ не знала и съ которыми ни мало не могла симпатизировать. Намъ грустно за искаженіе естественныхъ человѣческихъ отношеній, когда мы думаемъ обо всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ случаѣ. Жаль видѣть бѣдную женщину, смутно сознающую ложность отношеній, въ которыя она поставлена къ извѣстнымъ ей людямъ. Выйти ей и принять привѣтъ крестьянъ? Да чѣмъ же она его заслужила? Что она для нихъ такое? И что же дѣлать, когда она не можетъ, не лицемѣря, показать имъ свое сочувствіе, потому что въ сердцѣ у нея живого сочувствія къ нимъ нѣтъ и не можетъ быть. Не выйти? Но тутъ опять встрѣчаютъ ее ложныя отношенія, отъ которыхъ становится еще болѣе грустно. Мужъ ея говоритъ: «развѣ

они виноваты передъ тобой, что ты не хочешь быть ихъ барыней?» То-есть, по его понятію, барыня дается мужикамъ какъ бы въ награду за хорошее поведеніе. Сами мужики едва ли не раздѣляютъ этой мысли: они такъ смиренны, такъ привыкли къ своему положенію, что ихъ желанія, дѣйствительно, не простираются далѣе господской милости. При такомъ положеніи дѣла, дѣйствительно, всѣ здравыя понятія перепутываются даже въ душѣ самой неиспорченной. Маленькій Сережа признается, что уже не спрашивалъ въ это время, за что ихъ такъ любятъ: «я убѣдился, что это непремѣнно такъ быть должно» (стр. 261).

Взглядъ Софьи Николаевны на крестьянъ объясняется аристократическимъ складомъ всѣхъ ея убѣжденій и чувствъ. Она любитъ изящное, доброе и благородное, но мысль поискать всего этого между крестьянами не приходитъ ей въ голову. Ей сильно препятствуетъ здѣсь то ложное положеніе, въ которомъ стоитъ она къ этому народу. Она, конечно, не стоитъ на степени развитія Простаковой, которая, узнавши, что Палашка лежитъ больна и бредитъ, восклицаетъ съ негодованіемъ: «лежитъ, бестія, — бредитъ, какъ будто благородная!» Но, все-таки, и Софья Николаевна не могла еще дойти до понятія о томъ благородствѣ, которое равно свойственно и помѣщику, и крестьянину, и которое нерѣдко можетъ быть въ совершенно обратномъ отношеніи къ общественному положенію лица. Она желала бы вовсе не знать о существованіи крестьянъ, которыхъ положеніе вовсе ее не занимаетъ. Проѣзжая черезъ Парашино и видя крестьянскіе запасы хлѣба, Алексѣй Степанычъ, по чувству ли хозяина, или просто по добротѣ сердца, восклицаетъ: «вотъ такъ крестьяне! молодцы! сердце, глядя на нихъ, радуется». Но Софья Николаевна не только не радуется, а даже не обращаетъ вниманія на слова мужа. Проѣзжая мимо хлѣбовъ, Багровъ опять жалѣетъ, что не успѣютъ мужики убраться; жена его и тутъ слушаетъ его безъ малѣйшаго участія. Маленькій сынъ прибѣгаетъ къ ней съ восторженными разсказами о томъ, что онъ видѣлъ на полѣ, какъ крестьяне пашутъ, сѣютъ, косятъ: она не только безъ участія, но даже съ неудовольствіемъ слушаетъ его разсказы... Сыну хочется идти, вмѣстѣ съ отцомъ, посмотрѣть на заимку пруда: она его не пускаетъ, потому что «нечего ему дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою». Мужъ напрасно старается увѣрить ее, что ничего подобнаго не бываетъ (стр. 365—366). Въ ея присутствіи багровскія дворовыя дѣвушки должны отказаться отъ своихъ пѣсенъ и съ сожалѣніемъ говорятъ ея сыну: «матушка ваша не любитъ нашихъ деревенскихъ пѣсенъ» (стр. 391). Словомъ, полное отчужденіе отъ простого быта крестьянъ, высокомѣрное пренебреженіе къ нему выражается почти въ каждомъ поступкѣ Софьи Николаевны, хотя она не позволяетъ себѣ никакихъ жестокостей и грубостей.

Отчего же такое отчужденіе въ ней именно? У нея должно быть, все-таки, больше развито чувство любви и уваженія къ человѣчеству, нежели, напримѣръ, хоть въ старикахъ Багровыхъ; почему же они не чуждаются крестьянъ, а она чуждается? Если мы вдумаемся въ сущность этого явленія, то неизбѣжно должны, кажется, придти къ заключенію, вовсе не отрадному. Какія точки соприкосновенія съ крестьянами видимъ мы въ старинномъ быту помѣщиковъ? Во-первыхъ—корысть. Хозяйственныя распоряженія неизбѣжно сближали помѣщика, живущаго въ деревнѣ, съ крестьянами, которые должны исполнять его распоряженія съ соблюденіемъ его выгодъ. Вторымъ обстоятельствомъ, сближавшимъ помѣщиковъ съ крестьянами, была тогда — равно низкая степень образованности тѣхъ и другихъ. [Нравы большинства помѣщиковъ того времени были грубы и невѣжественны, какъ мы уже видѣли изъ множества примѣровъ; слѣдовательно, нечего было опасаться, чтобы какое-нибудь жесткое выраженіе или грубый поступокъ не оскорбилъ нравственнаго чувства господина]. Куролесовы, Багровы, и тому подобные потому не боялись сближаться съ своими крѣпостными людьми, что не видѣли въ себѣ нравственной разницы съ ними. При томъ же, входя въ хозяйственныя сношенія съ крестьянами и даже пускаясь въ интимности съ домашней прислугой, они знали, что ни къ чему себя этимъ не обязываютъ. Они знали, что, все-таки, эти люди находятся въ ихъ рукахъ. Куролесовъ, кутившій съ пьяной ватагой всякихъ сорванцовъ, тѣмъ не менѣе пробовалъ свои «кошечки» на томъ изъ нихъ, кто ему не нравился. Дочь Багрова, Татьяна Степановна, ничуть не считала неловкимъ бить свою Матрешку, вѣрную хранительницу ея заповѣднаго амбара со всѣми его секретами. Дѣло очень естественное: помощь, услуги, сообщничество этихъ людей,— все считалось обязательнымъ; они не могли и не смѣли не сдѣлать такъ, какъ это имъ приказано; слѣдовательно, принимая услуги ихъ, повѣряя имъ свои нужды, господинъ, все-таки, не терялъ своихъ правъ: могъ ихъ наказы-

вать, [ссылать, сѣчь, сколько его душѣ] [1]) угодно было. При такихъ понятіяхъ, отчего же было и не сходиться съ крестьянами и дворовыми, отчего не сближаться съ ними по наружности? Вѣдь существенное-то разстояніе, все-таки, оставалось и не могло быть забыто ни тѣмъ, ни другимъ... Этихъ-то воззрѣній не могла, конечно, понять Софья Николаевна; а до другихъ она не могла еще возвыситься, и потому остановилась на распутьи — на пренебреженіи къ простому народу и къ простому быту.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ, по запискамъ г. Аксакова, отношенія къ крестьянамъ въ разныхъ лицахъ семейства Багровыхъ. Выписки изъ подлинныхъ воспоминаній другихъ современниковъ того вѣка и изъ тогдашнихъ сатирическихъ нападеній могли бы совершенно подтвердить вѣрность и обыкновенность всего, что описываетъ намъ г. Аксаковъ. Надо признаться, что результаты этихъ фактовъ не слишкомъ отрадны. [Неразвитость нравственныхъ чувствъ, извращеніе естественныхъ понятій, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, своеволіе, ничѣмъ не сдержанное, представляются намъ на каждомъ шагу въ этомъ прошедшемъ, теперь уже странномъ, непонятномъ для насъ и, скажемъ съ радостью, невозвратномъ].

«Но вѣдь не постоянно же крѣпостныя отношенія вторгались въ деревенскую жизнь помѣщика,—замѣтитъ читатель. Изъ очерка этихъ отношеній мы все еще не составляемъ себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ именно проходила домашняя жизнь нашихъ предковъ-помѣщиковъ, чѣмъ они занимались въ деревнѣ, вообще какъ проводили свое время. Можетъ быть, здѣсь найдется и свѣтлая сторона нравовъ того времени, можетъ быть, семейныя добродѣтели старинныхъ помѣщиковъ и примирятъ насъ съ ними за тѣ ложныя и невѣжественныя отношенія, которыя развивали они въ своей жизни, и которыя, впрочемъ, и не зависѣли отъ воли отдѣльныхъ личностей»...

Мы должны сознаться, что требованіе читателя вполнѣ справедливо и что даже, судя по заглавію статьи, читатель могъ ожидать отъ насъ не того, что мы изложили. Мы обѣщали очеркъ деревенской жизни старинныхъ помѣщиковъ, а говорили объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и крѣпостной прислугѣ. Но для своего оправданія мы должны сказать, что такой оборотъ дѣла составляетъ не нашу вину. Что же дѣлать, когда крѣпостныя отношенія проникали собою всю жизнь старинныхъ помѣщиковъ, особенно жившихъ въ деревняхъ, и обнаруживали свое вліяніе даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать: въ домашнихъ забавахъ, въ родственныхъ отношеніяхъ, въ воспитаніи дѣтей помѣщиковъ. Изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ нами въ продолженіе статьи, можно видѣть отчасти, какъ протекало время для старинныхъ деревенскихъ жителей, владѣвшихъ крестьянами. Но нужно сознаться, что точнаго и опредѣленнаго очерка *жизни* тогдашней не даетъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ мемуары о томъ времени. Должно быть, *жизни* собственно и не было въ этой темной, удушливой средѣ; было какое-то прозябаніе, не оставлявшее по себѣ никакого слѣда и потому не могшее быть уловленнымъ воспоминаніями тѣхъ, кто старался изобразить этотъ бытъ. Подобно другимъ мемуарамъ, и записки г. Аксакова не представляютъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго очерка. Прочитавъ эту толстую книгу, невольно спрашиваешь себя: «что же, однако, дѣлали эти люди всю свою жизнь? Какъ они ее прожили? Чѣмъ занимались во время своего тридцати-лѣтняго дѣвичества—хоть тетушка Татьяна Степановна? Какое занятіе было у самой матери Сережи»? На все это даются отвѣты очень смутные, отрывочные, неудовлетворительные. Для разъясненія дѣла можетъ отчасти служить «Добрый день Степана Михайловича», описанный въ «Семейной хроникѣ». Онъ даетъ нѣкоторое понятіе о той праздности и лѣни, въ которую погружено было цѣлое семейство, внѣ хозяйственныхъ заботъ, лежавшихъ почти вполнѣ на одномъ только главѣ дома. Просыпается Степанъ Михайловичъ рано, даже раньше слугъ своихъ, которыхъ будитъ въ добрый день—не калиновымъ подожкомъ, не пинкомъ и не стуломъ, какъ въ другіе дни, а просто—по-человѣчески. Только что онъ всталъ,—и весь домъ на ногахъ: вся семья почтительно идетъ къ старику здороваться. Потомъ пьютъ чай, и затѣмъ отецъ отправляется на поле, гдѣ испытываетъ доброту пашни извѣстнымъ уже намъ способомъ. Съ поля онъ возвращается прямо къ обѣду, который ужъ непремѣнно долженъ быть готовъ къ его возвращенію. За стуломъ хозяина стоитъ во все время обѣда Николка Рузанъ съ цѣлымъ пучкомъ березы, и обмахиваетъ его отъ мухъ. Въ столовую собираются дворовые мальчишки и дѣвчонки «за подачками»; они знаютъ, что Степанъ Михайловичъ веселъ и будетъ обдѣлять ихъ кусками съ своего стола. Послѣ обѣда, бывшаго всегда въ полдень, всѣ ложатся спать, и спятъ часа четыре.

[1]) и обращаться съ ними, какъ ему

Затѣмъ, отецъ ѣдетъ на мельницу и беретъ съ собою всю семью. Оттуда возвращаются домой, и баринъ толкуетъ со старостой, затѣмъ ужинаетъ; послѣ ужина старикъ прохлаждается нѣсколько времени на крыльцѣ, забавляясь дракою своихъ слугъ и, наконецъ, мирно ложится спать.

Вотъ вамъ цѣлый день, одинъ изъ лучшихъ дней. Какая дѣятельность выпадаетъ тутъ на долю Арины Васильевны и дочерей? И что дѣлаетъ самъ Степанъ Михайловичъ, ежели онъ не ходитъ въ поле и не ѣздитъ на мельницу?—этого, право, мы не умѣемъ сказать. Должно быть, ничего не дѣлаетъ. Подтвержденіе этой мысли находимъ мы въ замѣчаніи г. Аксакова о Куролесовѣ, который умѣлъ вести себя хорошо въ первые два или три года, пока у него было дѣло на плечахъ, пока онъ занятъ былъ устройствомъ имѣнія. Но потомъ праздность одолѣла его: натура-то была у него широкая, а дѣла себѣ никакого не находила: и пустился Михаилъ Максимовичъ въ пьянство и буйство. Другіе не пускались въ такія художества, но прозябали безъ шума и слѣда, не думая ни о чемъ, и ни въ чемъ не пытая своихъ силъ. Богачъ Д* занимался своимъ крѣпостнымъ оркестромъ и заморскими чушками; Прасковья Ивановна—пріемомъ гостей и картами; Арина Васильевна—пряжей козьяго пуха, въ промежутки между сномъ и процессомъ наполненія желудка. Экстраординарными занятіями были — уженье, охота, собираніе грибовъ и ягодъ... А ужъ зимой,— постигнуть нельзя, что дѣлали въ деревнѣ зимой... Въ зимнее время, вѣроятно, увеличивались тѣ забавы и развлеченія, образцы которыхъ представили мы выше, въ выкидываньи артикула Дарьей Васильевною, вмѣсто ружья. Тутъ же, конечно, помогали много и благодѣтельныя карты, служившія то для игры въ дурачки, то для гаданья. Съ теченіемъ времени, т.-е. въ поколѣніи, слѣдовавшемъ уже за Степаномъ Михайловичемъ, развилась любовь къ чтенію; такъ, у Татьяны Степановны былъ уже свой любимый пѣсенникъ... Чего же больше!

Если мы сдѣлаемъ надъ собою усиліе и вообразимъ себя на мѣстѣ какой-нибудь Арины Васильевны или богача Д*, съ ихъ понятіями, съ ихъ матеріальными средствами, со всею обстановкою ихъ жизни, то мы не удивимся ихъ праздности. Вѣдь всякая дѣятельность непремѣнно чѣмъ-нибудь вызывается и поддерживается; всякій работаетъ прежде всего потому, что сознаетъ *потребность* труда, нравственную или физическую, чаще всего и ту и другую нераздѣльно. Скажите, отчего же потребность труда могла бы родится въ Прасковьѣ Ивановнѣ или въ богачѣ Д*? Что имъ была за надобность работать?.. [Съ незапамятныхъ временъ, поколѣніе за поколѣніемъ, приходятъ люди-счастливцы на готовое. Кто-то прежде ихъ, для нихъ невѣдомо, приготовилъ все это, пожилъ, умеръ, оставилъ другимъ, другіе—третьимъ. Наконецъ, доходитъ до послѣднихъ; имъ даютъ состояніе и говорятъ: «пользуйтесь! тутъ есть неистощимый капиталъ, который можетъ давать столько процентовъ, сколько вы захотите, не выходя за предѣлы человѣческой возможности. Вамъ ничего не нужно для того, чтобы пользоваться этимъ капиталомъ и процентами; довольно того, что я вамъ вручаю его». И неужели отъ счастливца, получающаго этотъ кладъ, можно ожидать, что онъ отъ него откажется и скажетъ: нѣтъ,—я лучше хочу самъ трудиться, самъ пріобрѣтать себѣ хлѣбъ свой. Нѣтъ, только Геркулесъ способенъ былъ къ такому самоотверженію, когда его встрѣтили съ своими предложеніями Нѣга и Трудъ. Зато Геркулесъ и относится къ области миѳологіи. Люди историческихъ временъ поступаютъ уже не такъ. Въ этомъ отношеніи свойство дѣйствительныхъ людей изображаетъ намъ разсказъ Данилова о своемъ зятѣ Астафьевѣ. Астафьевъ этотъ служилъ въ полку; но потомъ, получивши богатое наслѣдство, неприлежно сталъ служить и, наконецъ, выпросился въ отпускъ, такъ какъ въ то время отставки получить нельзя было. При этомъ случаѣ онъ нашелъ *милостивца* въ полковомъ секретарѣ, который каждый годъ выправлялъ ему отпускъ за малые деревенскіе гостинцы: «душекъ двѣнадцать мужеска пола, съ женами и дѣтьми», съ тѣмъ, чтобы они были выведены, куда было имъ назначено (Дан., стр. 34). Вотъ это очень понятно и очень близко къ естественнымъ наклонностямъ большинства человѣковъ!..].

Грустно становится, когда раздумаешься объ этихъ временахъ, которыхъ остатки существовали еще такъ недавно. Но и тутъ, какъ и вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокаивающая: это видъ добраго свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, [безъ отчаяннаго унынія, но] съ постоянной надеждой на милость Божію и царскую. Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ, Д** и т. п... Весело смотрѣлъ маленькій Сережа на дружную работу косцовъ и потомъ съ восхищеніемъ разсказывалъ, какъ это хорошо — косить. Ему отвѣчали, что смо-

трѣть-то хорошо, а работа очень тяжела, и онъ долго не могъ помириться съ мыслью, чтобы такая веселая и красивая работа могла быть тяжела. Въ другой разъ онъ видѣлъ жнитво, при которомъ, на вопросъ отца его—«не тяжело ли»,—крестьяне отвѣчали: «тяжеленько, да какъ же быть: рожь сильна,— прихватимъ вечера». Тутъ маленькаго Сережу поразили тяжело дышащія, согнутыя надъ серпомъ крестьянки, обвязанные грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ работавшихъ, и особенно плачъ грудного ребенка, который былъ тутъ же, въ полѣ, съ матерью, какъ бы пріучаясь къ этой «страдѣ» крестьянской. Сережа съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ молодая женщина, воткнувъ серпъ въ связанный ею снопъ, подошла къ ребенку, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя, а потомъ снова положила его въ люльку и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы наверстать потерянное время и не отстать въ работѣ. «Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ на солнечномъ зноѣ обхватило мою душу», говоритъ г. Аксаковъ (стр. 61). Черезъ нѣсколько времени, крестьянскія работы дали ему испытать еще новое чувство. Онъ увидалъ, какъ боронятъ землю крестьянскіе мальчики, и самъ захотѣлъ попробовать боронить. Мать сначала говорила ему, что это вздоръ, что это не его дѣло, но, наконецъ, согласилась на усиленныя просьбы сына. Разумѣется, оказалось, что Сережа не только боронить не можетъ, но даже ходить по вспаханной землѣ не умѣетъ. «Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной,—говоритъ онъ,—и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно» (стр. 369).

[Да, всѣ эти поколѣнія, прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ—всѣ они должны были бы почувствовать стыдъ, горькій стыдъ, при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ. Они должны бы были вдохновиться примѣромъ этихъ людей и взяться за дѣло съ полнымъ сознаніемъ, что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. А они не совѣстились присвоить себѣ это наслажденіе, отнимая его у другихъ. Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ...]. Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блеститъ уже новый день, что грядущія поколѣнія ожидаетъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія, а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посѣяно. [Скорѣе же прочь всѣ остатки отжившихъ свое время предразсудковъ!]. Теперь своекорыстные разсчеты и привычная лѣнь должны умолкнуть предъ величіемъ общаго начинанія ко благу человѣчества. Голосъ правды, голосъ любви призываетъ: не время оставаться въ прежней праздности и апатіи. Пусть воспоминанія того поколѣнія, которое возрастаетъ теперь, представятъ наше общество въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ какомъ являются передъ нами, въ воспоминаніи правдивыхъ современниковъ, люди конца прошедшаго столѣтія!..

---

131. Физіологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни.

Сочиненіе заслуженнаго профессора *В. Берви*. Казань. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 130.

Не будь передъ этимъ въ казанскомъ университетѣ крупнаго скандала съ лекціями проф. Берви, кончившагося непріятностью для нежелавшихъ его слушать студентовъ,— Добролюбовъ врядъ ли обратилъ бы такое вниманіе на его вздорную книгу. Теперь это нужно было по требованію момента.

М. Л.

Продолженіе жизни мало интересуетъ г. заслуженнаго профессора Берви; заботу о продолженіи жизни онъ считаетъ даже матеріальнымъ направленіемъ, ведущимъ къ грубому сенсуализму. Чтобы стать отъ матеріи сколько возможно далѣе и чтобы, по его выраженію, «содѣйствовать по силѣ возможности» отвлеченію человѣка отъ заботъ о настоящей жизни, г. заслуженный профессоръ Берви бросаетъ физіологическо-психологическій взглядъ на человѣка — до

его рожденія и послѣ его смерти, т.-е., говоря поэтически,

«Конецъ съ началомъ сопрягаетъ
И смертію животъ даритъ»...

Психологическія идеи г. Берви относятся болѣе къ младенцу, находящемуся въ утробѣ матери, а физіологическія изслѣдованія — къ мертвому трупу, въ которомъ уже прекратились всѣ физіологическія отправленія. Въ трупѣ этомъ г. Берви уловляетъ нѣкій духъ и подвергаетъ его физіологическимъ соображеніямъ, не подозрѣвая того, что духъ, отдѣляющійся при гніеніи трупа, подлежитъ уже не физіологіи, а химіи. Для всякаго другого смѣшать химію съ физіологіей въ наше время довольно трудно: но для г. Берви это было легко, потому что онъ не хочетъ принадлежать нашему времени и всячески хлопочетъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь уничтожить, убить его, наше-то время. Съ такою цѣлью издалъ онъ свой физіологическо-психологическій взглядъ, въ которомъ выражаетъ, между прочимъ, свое неудовольствіе на то, что всѣ естественныя науки обратились къ матеріальнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для настоящей жизни. Такое направленіе естественныхъ наукъ для г. Берви пуще ножа востраго. Изъ-за естественныхъ наукъ онъ негодуетъ на все наше время, и, прочитавъ его брошюру, мы вполнѣ понимаемъ причину негодованія г. заслуженнаго профессора и даже сочувствуемъ ему въ его печальномъ положеніи, хотя, къ сожалѣнію, пособить его горю ничѣмъ не можемъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждая страница физіологическо-психологическаго взгляда г. Берви доказываетъ, что онъ изучалъ естественныя науки когда-то давнымъ-давно, въ отдаленныя времена, когда Шубертъ и Эшенмайеръ царили въ области антропологіи, а можетъ быть, и еще раньше, въ тѣ доисторическія времена, когда еще и Лавуазье не было. Кажется, мы немного погрѣшили бы, если бы даже отнесли время образованія г. Берви къ среднимъ вѣкамъ, судя по тому, что онъ, для подтвержденія своихъ мнѣній, приводитъ латинскія цитаты изъ Бэкона, Сенеки, Цицерона и даже (кажется, въ объясненіе всей своей брошюры) латинскую пословицу: «Errare humanum est», что, какъ извѣстно, означаетъ: человѣку свойственно ошибаться. Изслѣдованія новѣйшихъ натуралистовъ совершенно неизвѣстны г. Берви. Болѣе всего основывается онъ на авторитетѣ Плинія; изрѣдка указываетъ на Блуменбаха, на Бугенвиля, а изъ новыхъ знаетъ только «своего ученаго сотрудника, П. А. Пелля, осязательно доказавшаго, какъ обманчивы всѣ выводы, долженствовавшіе доказать превращеніе овса въ рожь» (стр. 61). Мудрено-ли же, что, при такомъ состояніи своихъ познаній, г. Берви крайне недоволенъ нашимъ временемъ, въ которое естественныя науки сдѣлали такой огромный шагъ впередъ, примиривши философскія разсужденія о силахъ природы съ результатами опытныхъ изслѣдованій надъ матеріею. Нынѣ въ естественныхъ наукахъ усвоенъ положительный методъ, всѣ выводы основываются на опытахъ, фактическихъ знаніяхъ, а не на мечтательныхъ теоріяхъ, когда-то и кѣмъ-то составленныхъ наобумъ, и не на темныхъ гаданіяхъ, которыми въ старыя времена довольствовалось невѣжество и полузнаніе. Нынѣ уже не признаются старинные авторитеты, предъ которыми благоговѣетъ г. Берви, да и вообще авторитеты въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій не имѣютъ большого значенія. Молодые люди нынѣ не только парацельсовскія мечтанія называютъ, не обинуясь, вздоромъ, но даже находятъ заблужденія у Либиха, о которомъ г. Берви, кажется, и не слыхивалъ, читаютъ Молешотта, Дюбуа-Реймона и Фохта, да и тѣмъ еще не вѣрятъ на слово, а стараются провѣрять и даже дополнять ихъ собственными соображеніями. Нынѣшніе молодые люди, если ужъ занимаются естественными науками, то соединяютъ съ этимъ и философію природы, въ которой опять слѣдуютъ не Платону, не Окену, даже не Шеллингу, а лучшимъ, наиболѣе смѣлымъ и практическимъ изъ учениковъ Гегеля. Какъ же на все это не сердиться г. Берви, когда онъ въ философіи остановился на Фихте, котораго, впрочемъ, не понимаетъ, и котораго ученіе (какъ самъ г. Берви сознается на стр. 13) «представляется ему въ какой-то туманной отдаленности». Какъ не сердиться ему на наше время, когда успѣхи естественныхъ наукъ совершенно уничтожаютъ его теоріи и дѣлаютъ его смѣшнымъ не только въ глазахъ спеціалиста, слѣдящаго за успѣхами положительныхъ знаній, но даже и въ глазахъ всякаго образованнаго человѣка, родившагося немножко позже Лавуазье и Фихте. Г. Берви не любитъ нашего времени за то, что оно пережило его. Но время ли въ томъ виновато? Кто же велѣлъ отставать? А если не хватило силъ для продолженія пути, то зачѣмъ оставаться на дорогѣ, понапрасну мѣшая другимъ? Не можетъ же ходъ времени и знаній остановиться и дожидаться одного изъ адептовъ науки, хотя бы этотъ адептъ былъ и профессоромъ... Да, отсталъ, сильно отсталъ отъ науки г. заслуженный профессоръ Берви, и, право, намъ отъ души жаль его. Намъ всегда внушали грустное чувство—и запоздавшія осенью птички,

не успѣвшія отлетѣть въ теплыя страны, и возъ, отставшій отъ обоза и уныло подвигающійся одинъ среди пустынной дороги, и цыпленочекъ, который, загдядѣвшись по сторонамъ, не поспѣлъ, вмѣстѣ съ другими, за матерью и потомъ мечется, какъ угорѣлый, отыскивая ее тамъ, гдѣ она была за минуту передъ тѣмъ, но гдѣ теперь, увы, ужъ нѣтъ ея, нѣтъ ея!... Подобно симъ отставшимъ существамъ, внушилъ намъ грустное чувство и г. Берви, стоящій, по выраженію поэта, на распутіи живыхъ,

«Какъ будто памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ»...

Изъ сожалѣнія къ г. Берви, мы хотѣли было вовсе умолчать о немъ и его физіологическо-психологическомъ ввглядѣ, но, послѣ прочтенія брошюры и краткаго размышленія, мы убѣдились, что наше сожалѣніе къ г. Берви совершенно напрасно. Мы увидѣли, что почтенный авторъ «Взгляда» стоитъ на той степени самодовольствія, которая вызываетъ не состраданіе, а чувство совсѣмъ другого рода. Онъ не сознается въ своей отсталости, не старается даже понять то, что выработано новыми изслѣдователями, не хочетъ догонять опередившихъ его, а—что бы вы думали?—силится остановить тѣхъ, которые мимо г. Берви идутъ по той же дорогѣ знанія. Онъ говоритъ, что естественныя науки занимаются теперь не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, что онѣ идутъ ложнымъ путемъ, иначе сказать—онъ отвергаетъ значеніе тѣхъ результатовъ, которые добыты положительными изслѣдованіями новаго времени. Что же это за задачи, которыя, по мнѣнію г. Берви, предстоятъ наукамъ и отъ которыхъ онѣ уклонились? Задачи эти весьма замысловаты, и если бы онѣ не были исчерпаны въ среднихъ вѣкахъ, то изобрѣтеніе ихъ сдѣлало бы честь даже сообразительности Кифы Мокіевича. Видите: психологія должна стремиться къ опредѣленію разницы между жизненнымъ началомъ и душою въ человѣкѣ; физіологія должна заниматься изслѣдованіемъ жизненныхъ процессовъ въ мертвомъ трупѣ; физика должна отыскать силу, отдѣльную отъ матеріи, и матерію, свободную отъ вліянія силы; химія должна, подвергая своему анализу тѣла, отыскивать въ нихъ что-нибудь сверхчувственное. Вообще, перемѣшивая науки естественныя съ нравственными, г. Берви налагаетъ на натуралистовъ такое обязательство, какого никому, кромѣ средневѣковыхъ алхимиковъ, и въ голову не приходило. Онъ хочетъ, чтобы физическія изслѣдованія имѣли въ виду не познаніе измѣненій и дѣйствій матеріи, а отысканіе въ матеріи — духа, архея, эѳира, жизненной силы, словомъ чего-нибудь, только чтобы это «что-нибудь» не было положительнымъ, матеріальнымъ, а было что-нибудь «чувстамъ недоступное». Требованіе, разумѣется, нелѣпое; но для г. Берви оно очень хорошо, потому что такимъ манеромъ онъ думаетъ прикрыть свое незнаніе. «Не потому, дескать, я новѣйшихъ изслѣдованій не привожу, что я не знаю ихъ, а потому, что я ихъ отвергаю, какъ вредныя и нечестивыя, ведущія къ грубому сенсуализму. Не потому старыхъ понятій держусь, что до новыхъ не дошелъ, а потому, что новыя не заключаютъ въ себѣ стремленія къ сверхъ-чувственному». А когда такъ, то ужъ нечего и жалѣть о положеніи отставшаго, но самодовольнаго путника, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же задираетъ тѣхъ, которые стараются идти впередъ, и ругается надъ ними. Мы болѣе не хотимъ укрывать г. Берви и выставляемъ его забавлять почтеннѣйшую публику своими мистическими-алхимическими взглядами, которые въ средніе вѣка, можетъ быть, показались бы схоластическою мудростью (sapientia scholastica), но нынѣ могутъ быть приняты не иначе, какъ за балаганное фиглярство. Будемъ открывать наудачу разныя страницы; все равно—на каждой есть какая-нибудь курьезная штука.

Вотъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ изслѣдованія (стр. 6—7), вы находите сравненіе рожденія съ смертью въ такомъ смыслѣ: до рожденія младенца мать его страдаетъ; послѣ рожденія — радуется. Такъ точно, послѣ смерти человѣка родные и друзья плачутъ и страдаютъ. Что изъ этого? Слушайте:

«Это терзаніе, эта тоска, волнующія нашу грудь, ведутъ насъ къ успокоительному убѣжденію въ безсмертіи: подобно тому, какъ родовыя потуги, предшествуя родамъ, предвѣщаютъ радостное появленіе на свѣтъ новаго человѣка» (стр. 7).

Не правда ли, какъ ловко умѣетъ г. Берви обращаться съ своимъ предметомъ? Онъ берется доказать предметъ, о которомъ между образованными людьми давно уже не существуетъ никакихъ сомнѣній, но несмотря на всю легкость задачи, шутовскимъ сравненіемъ умѣетъ обратить въ смѣхъ самый предметъ. Это даже лучше того остроумца, который доказывалъ, что умноженіе чиновниковъ предвѣщаетъ скорое просвѣщеніе государства, дѣлая такое сравненіе: заря *занимается* на небѣ предъ восхожденіемъ солнца, все освѣщающаго; такъ чиновникъ *занимается* въ департаментѣ предъ распространеніемъ просвѣщенія во всемъ государствѣ.

А вотъ какъ г. Берви компрометтируетъ

популярность изложенія. На стр. 9 онъ говоритъ слѣдующее:

«Кто взглянетъ на трупъ человѣка или на застрѣленнаго зайца, или на зарѣзанную курицу, не останавливаясь, скажетъ, что это суть тѣла мертвыя. Почему? потому, что они перестали жить, лишились жизни. Слѣдовательно, смерть лишаетъ животное жизни, и мертвое тѣло есть отрицаніе живого, или нѣчто противоположное живому тѣлу».

Повидимому, какъ намъ кажется, можно такъ думать, что г. Берви, почтенный г. В. Берви, г. заслуженный профессоръ В. Берви полагаетъ, даже имѣетъ убѣжденіе и твердую увѣренность въ томъ, что популярность, простота изложенія, общепонятность представленія вещей или предметовъ состоитъ въ томъ, не въ другомъ чемъ заключается, какъ въ томъ, чтобы повторять нѣсколько разъ, много разъ повторять, переворачивать на разные лады простыя истины, самыя простыя положенія, всѣмъ понятныя вещи, предметы, ни въ комъ не возбуждающіе недоумѣнія. Почтенный г. В. Берви, авторъ «Физіологическо-психологическаго взгляда», г. В. Берви — нисколько, повидимому, не сомнѣвается, что многократное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ разныхъ видахъ составляетъ популярность изложенія.

Къ сожалѣнію, почтенный авторъ не всегда держится такой популярности: почти на каждой страницѣ попадаются у него длинные періоды, непроницаемые для человѣческаго разумѣнія и даже лишенные логическаго, а иногда и грамматическаго смысла. Напр., на стр. 16 есть такой періодъ:

«Если впечатлѣнія, полученныя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, насъ не ведутъ къ познанію внѣшняго міра, такъ что мы не можемъ увѣриться въ нашемъ духовномъ бытіи, которое безъ содѣйствія своего тѣла лишено самаго знанія, сего необходимаго условія всѣхъ духовныхъ дѣятельностей въ семъ мірѣ».

Точка, читатели, точка. Чего вы еще ждете? Неужели вамъ мало того, что насказалъ вамъ г. Берви въ этой первой половинѣ недосказаннаго условнаго періода? Если и тутъ уже нашлось «духовное бытіе съ своимъ тѣломъ», то что же нашлось бы еще, если бы это «если» было приведено къ желанному концу!

Если вы перевернете два листа, то найдете на стр. 21 еще вотъ какой періодъ:

«Подобно духу человѣческому, одаренному свободною волею, жизненное начало проявляется въ творящихъ качествахъ самостоятельнымъ бытіемъ, превращающимъ въ кругъ дѣйствій онаго поступившія вещества, соотвѣтственно своей цѣли, не подчиняясь общимъ законамъ физики и химіи, которыя минералъ отклонять не можетъ».

Не мы это сочинили; увѣряемъ, что не мы. Мы даже ничего не прибавили, ничего не убавили въ словахъ г. Берви; даже правописаніе его мы сохранили.

Зато г. Берви очень остроумно умѣетъ смѣяться надъ скептиками, или, по его выраженію, nihilist'ами. «Позволяю себѣ думать,—ядовито замѣчаетъ онъ, — что nihilist'ы, будучи укушены собакою въ ногу (замѣчаете ли здѣсь тонкое выраженіе презрѣнія?), или обрѣзавши себѣ палецъ, не примутъ боль, отъ этого происходящую, за призракъ» (стр. 14). Чрезвычайно остроумно и ядовито! Всѣмъ nihilist'амъ должно быть очень совѣстно, послѣ издѣвокъ г. Берви! Жаль только, что ядовитыя издѣвки сіи повторяются чуть ли не со временъ Сократа, а на русскомъ языкѣ напечатаны въ первый разъ, кажется, въ Письмовникѣ Курганова.

Г. заслуженному профессору Берви не должно казаться обиднымъ, что мы отнимаемъ у него честь изобрѣтенія остроты надъ скептиками. У него остается много изобрѣтеній, лично ему принадлежащихъ, и чтобы угодить г. Берви, мы готовы передать нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя изъ нихъ, нашимъ читателямъ.

На стр. 60 г. Берви говоритъ, что зародышъ въ утробѣ, лишенный познанія внѣшняго міра, занимается *самосознаніемъ*, или,—какъ выражается почтенный профессоръ *съ свойственной ему популярностью*,— «погруженъ въ субъективную ночь самосознанія».

На стр. 36 г. Берви говоритъ, что «человѣкъ, какъ тѣло природы, не можетъ уклониться отъ законовъ оной». На страницѣ же 37-й прибавляетъ: «но, какъ недѣлимое, онъ преслѣдуетъ свою собственную цѣль и *измѣняетъ всеобщіе законы природы*».

Любопытно бы узнать отъ г. Берви, какіе это *всеобщіе законы* природы, которые человѣкъ, какъ недѣлимое, измѣняетъ по своей волѣ?.. Впрочемъ, на стр. 25 находимъ положеніе, еще болѣе возвышающее надъ природою уже не только одного человѣка, но и всѣхъ животныхъ. Г. Берви утверждаетъ, что животныя живутъ внѣ условій пространства,—или приведемъ лучше собственныя слова г. Берви:—«духъ міра въ сихъ тѣлахъ (животныхъ) проявляется дѣйствіями во времени, не стѣсняемыми предѣлами пространства».

Изображая материнскую попечительность природы о животныхъ, почтенный профессоръ указываетъ, между прочимъ, на стр. 26, цѣль, для чего животныя чувствуютъ голодъ и жажду. «Дабы животное вѣдало о своихъ потребностяхъ,—говоритъ

онъ,—оно побуждается къ удовлетворенію ихъ чувствомъ голода, холода, жажды и т. д.».

Впрочемъ, такая, доведенная до крайности, телеологія иногда приводитъ автора къ заключеніямъ, которыя не могутъ быть названы удачными. Къ числу такихъ неудачныхъ выводовъ относимъ мы высказанную на 24 стр. мысль, что «часть равна своему цѣлому». Г. Берви говоритъ, что «иныя произведенія природы суть чистѣйшіе представители матеріи», и затѣмъ продолжаетъ:

«Эти произведенія не имѣютъ собственнаго значенія, ниже собственнаго центра, почему всякая *часть* оныхъ по своему значенію *равна цѣлому*. Сюда относятся тѣла, составляющія въ совокупности своей природу, такъ называемую мертвую: минералы, соли, воды и т. п.».

Повторяемъ: это напечатано, слово въ слово, на 23 — 24 страницахъ брошюрки г. заслуженнаго профессора В. Берви: «Физіологическо-психологическій взглядъ на начало и конецъ жизни». Намъ могутъ сказать, что г. Берви разумѣлъ тутъ что-нибудь другое, а не величину, и что слова: «по своему значенію» измѣняютъ дѣло въ его пользу. Но мы спрашиваемъ васъ и г. Берви: чѣмъ же опредѣляется значеніе одинаковыхъ по составу неорганическихъ предметовъ, какъ не величиной? На чемъ, кромѣ величины, можете вы основать свое сужденіе о значеніи двухъ кусковъ чистаго серебра различнаго вѣса, двухъ глыбъ одинаковаго гранита, мрамора и т. п.? Нѣтъ, какъ ни смягчайте дѣло, а положеніе, что г. Берви считаетъ части нѣкоторыхъ тѣлъ равными своему цѣлому, остается во всей силѣ.

Скажутъ: не можетъ быть, чтобъ г. Берви не зналъ аксіомы, что часть всегда меньше своего цѣлаго. Нѣтъ, можетъ быть. У насъ есть на это аналогическое доказательство, очень убѣдительное. Вотъ что говоритъ г. Берви на стр. 50: «я полагаю, что у меня есть сердце, легкія, печень и т. д. Это есть умозаключеніе, на аналогіи основанное, *точно такъ, какъ я полагаю*, что Юпитеръ и Сатурнъ суть тѣла, подобныя нашей землѣ и имѣющія, подобно ей, своихъ обитателей». Видите, еслибъ вы намъ сказали: г. Берви не знаетъ даже того, есть ли у него сердце и легкія, вы бы не повѣрили. Но надѣемся, теперь вы повѣрите, когда мы привели его собственныя слова. Онъ высказываетъ самъ, что не знаетъ навѣрное, есть ли или нѣтъ у него сердца; *я полагаю*,—говоритъ онъ,—что есть, *точно такъ, какъ* я полагаю, что есть на Сатурнѣ жители... А вѣдь можетъ быть, что ихъ и нѣтъ... Это простая аналогія.

Такъ разсуждаетъ г. Берви, и мы ничего не прибавили отъ себя къ его мыслямъ. Можете справиться сами, если не вѣрите: затѣмъ мы и страницы вездѣ выставляли, приводя мнѣнія г. Берви.

Не правда ли, что все это крайне забавно, и что приведенныя мнѣнія г. Берви одни были бы достаточны для того, чтобъ избавить критику отъ труда возиться съ его сочиненіемъ? Читатели, вѣроятно, давно уже дивятся, зачѣмъ мы хлопочемъ долго, выбирая разные диковинки изъ книжки г. Берви, когда довольно бы было въ пяти строкахъ передать ее на общее посмѣяніе. Чтобы показать причину нашего вниманія къ г. Берви, мы приведемъ еще выписку, уже послѣднюю, и она, конечно, покажетъ читателямъ, что тутъ одного смѣха не довольно, что дѣло г. Берви даже вовсе не забавно. На стр. 4-й онъ говоритъ: «я пускаю въ свѣтъ то, что ежегодно преподаю моимъ слушателямъ», и прибавляетъ: «слушатели мои — юноши и, какъ таковые, воспріимчивы ко всему высокому, идеальному». Вотъ гдѣ серьезная-то и плачевная сторона вопроса. Пусть бы г. Берви мечталъ, о чемъ ему угодно, пусть бы онъ проклиналъ современное развитіе естественныхъ наукъ, сомнѣвался въ существованіи у себя сердца и легкихъ, и въ то же время вѣрилъ, что часть равна своему цѣлому, и что животное ѣсть хочетъ собственно для того, дабы вѣдать о своихъ потребностяхъ. Но вѣдь все это онъ преподаетъ своимъ юнымъ слушателямъ: вотъ въ чѣмъ бѣда. И, по всей вѣроятности, преподаетъ-то онъ имъ что-нибудь еще похуже; потому что, издавая въ свѣтъ свои лекціи, каждый профессоръ непремѣнно старается обдѣлать ихъ получше. Да и кромѣ того, лекція г. Берви доказываетъ, что она составлена какъ-будто на-показъ: крайне щеголевато и съ избыткомъ учености, совершенно ненужной и, правду сказать, крайне дешевой. Тутъ идетъ рѣчь и о Сципіонѣ, и о Регулѣ, и о Людовикѣ XIV, и о Наполеонѣ, и о созвѣздіи Вола, и о плодородіи крысъ, и о щукѣ, пойманной въ 1497 г., и о трудолюбіи пчелъ, и о дикихъ сибирскихъ лисицахъ и пр., и пр. Тутъ приводятся стихи Вольтера и Гете, говорится, что планету Нептунъ слѣдовало бы назвать Ньютономъ, что арабскія лошади превосходны, что Сѣверо-Американскіе Штаты суть ужасное зло въ человѣчествѣ и т. п. Позаботившись о томъ, чтобы вставить въ свои лекціи подобныя, не относящіяся къ дѣлу, разсужденія, г. Берви позаботился бы, конечно, еслибъ могъ, и о правильности своихъ

научныхъ понятій, и о логичности выводовъ, или, по крайней мѣрѣ, — о толковости изложенія. А то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,—предположимъ даже, напримѣръ, что г. Берви и знаетъ о томъ, что часть всегда меньше своего цѣлаго (предположеніе смѣлое и сдѣланное совершенно à priori, безъ всякихъ фактическихъ основаній; но предположимъ, въ уваженіе профессорскаго званія г. Берви): легче ли оттого его слушателямъ, если онъ съ ними такъ объясняется, какъ написана вся его брошюра? Можно думать, что нисколько не легче. И вотъ кого надобно отъ души пожалѣть въ этомъ случаѣ, а не самого г. Берви. Онъ уже потому не заслуживаетъ сожалѣнія, что, несмотря на свою отсталость въ наукѣ и невѣроятные поступки противъ здраваго смысла, обладаетъ невозмутимымъ самодовольствіемъ. Но эти «воспріимчивые юноши», находящіеся подъ его руководствомъ, вполнѣ достойны сожалѣнія всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что они, во что бы то ни стало, непремѣнно обязаны слушать г. В. Берви, какъ своего профессора.

---

132. Аттилла и Русь IV и V вѣка.

Сводъ историческихъ и народныхъ преданій *А. Вельтмана.* Москва. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 130.

Сколько-нибудь пространныя, теоретическія схватки съ органомъ славянофиловъ въ Москвѣ—«Русскою Бесѣдою», Добролюбовъ предоставлялъ Чернышевскому, а самъ при случаѣ кололъ ихъ въ слабыя мѣста насмѣшкой и шуткой, предпочитая такой способъ серьезной полемикѣ съ людьми, по его мнѣнію, ее не заслуживавшими. Эта рецензія одна изъ такихъ уничтожающихъ насмѣшекъ.

М. Л.

Великій споръ о народно-славянскомъ воззрѣніи, еще недавно возобновленный въ «Русской Бесѣдѣ» г. Кривошапкинымъ изъ Енисейска, приходитъ, кажется, къ концу. Г. Вельтманъ, давно извѣстный русской публикѣ игривостью своего воображенія, изобрѣлъ средство примирить славянъ съ человѣчествомъ и славянофиловъ съ западниками. Средство, придуманное имъ, чрезвычайно просто. Давно уже западники говорили, что славяне—люди, и что, слѣдовательно, ничто человѣческое имъ не чуждо; но противники ихъ справедливо утверждали, что мысль эта есть не что иное, какъ переводъ извѣстной латинской пословицы, и что, слѣдовательно, она, какъ родившаяся не на русской почвѣ, ничего не можетъ доказывать. Теперь г. Вельтманъ, въ видахъ пользы славянофиловъ, беретъ давно высказанное, общечеловѣческое понятіе навыворотъ, т. е. говоритъ: всѣ люди славяне, и слѣдовательно, ничто славянское имъ не чуждо. Такимъ всеобъемлющимъ панславизмомъ доказывается совершенное тождество людей со славянами и, слѣдовательно, тождество славянскаго воззрѣнія съ общечеловѣческимъ. Затѣмъ, споръ долженъ уже прекратиться, по крайней мѣрѣ, со стороны «Русской Бесѣды», которая должна остаться совершенно довольною изслѣдованіями г. Вельтмана, такъ какъ его тенденціи, свойства его учености, самые пріемы его весьма близко подходятъ къ славянофильскимъ требованіямъ. Тенденція г. Вельтмана заключается именно въ безпредѣльномъ панславизмѣ. Въ силу такой тенденціи онъ утверждаетъ, что если теперь не всѣ люди представляются славянами, такъ это только кажется, а въ самомъ-то дѣлѣ всѣ—славяне или, по крайней мѣрѣ, были славянами въ миѳологическія времена. Миѳологическія времена славянской исторіи были, по мнѣнію г. Вельтмана, до потопа; послѣ же потопа начинаются историческія сказанія, которыя для нашего панслависта представляются въ совершенной ясности. Въ третьемъ и четвертомъ столѣтіи по Р. Х., русскіе князья представляются уже у г. Вельтмана въ стройной генеалогической таблицѣ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. описывается очень подробно война славянъ съ готами-даціянами. За 500 лѣтъ до Р. Х. славянскія государства уже имѣютъ свою исторію: меланхлены, скифы и кинокефалы, о которыхъ говоритъ Геродотъ,—были славяне. Даже за 1000 лѣтъ до Р. Х. славяне существовали въ Европѣ, и именно—жили при Днѣпрѣ (Атт., стр. 89). Мало того, древній Ираклъ, иначе Арей, есть не что иное, какъ древне-русскій Яро или Юрій (стр. 21 и 209). А вѣдь извѣстно, что Геркулесъ былъ сынъ самаго Зевса и жилъ лѣтъ за 1300 до Р. Х. Но даже и

этого недостаточно: г. Вельтманъ намекаетъ на еще болѣе отдаленную древность, говоря, что славяне жили въ Даніи прежде датчанъ, которые, по инымъ сказаніямъ, пришли сюда изъ Азіи во времена Серуха, прадѣда Авраамова, т.-е. лѣтъ 2500 до Р. Х. (стр. 61). Словомъ, если еще подлежитъ сомнѣнію, былъ ли славяниномъ Ной, то одинъ изъ сыновей его, навѣрное, былъ уже славянинъ. Заключеніе для славянъ чрезвычайно лестное. Можно надѣяться, что послѣдующія розысканія г. Вельтмана, совокупно съ трудами г. Черткова, Егора Классена и барона Розена, въ самомъ непродолжительномъ времени, утвердятъ такой блистательный выводъ на основаніяхъ незыблемыхъ.

Свойства и пріемы учености г. Вельтмана могутъ быть раздѣлены на общіе и частные, собственно-филологическіе. Общіе пріемы относятся всего болѣе къ критикѣ источниковъ. Всѣ почти свѣдѣнія о гуннахъ, признается г. Вельтманъ, почерпаются изъ Приска, Амміана, Іорнанда и народныхъ преданій. Но Амміанъ не понимаетъ происхожденія гунновъ, Іорнандъ пристрастенъ къ готамъ, а Прискъ, хотя и правдивъ, но считаетъ Аттиллу варваромъ. Остаются народныя преданія, но и тѣ искажены, и слѣдовательно,—нужно ихъ очистить и возстановить посредствомъ «сочувственнаго настроенія». Лучшее сочиненіе объ Аттиллѣ принадлежитъ Тьерри: но Тьерри увлекся источниками и, при томъ, не имѣлъ «сочувственнаго настроенія», и потому тоже призналъ Аттиллу не только гунномъ, но даже варваромъ. А между тѣмъ, это названіе греки дали ему просто изъ зависти, за то, что онъ крѣпко держался «народныхъ воззрѣній» и «не подчинялся эллинской премудрости» (стр. 7). Такимъ обращеніемъ съ источниками и обиліемъ «сочувственнаго настроенія» многіе изъ славянофиловъ должны быть очень довольны!

Филологическіе пріемы г. Вельтмана основаны на слѣдующихъ, весьма простыхъ, открытыхъ имъ законахъ языка:

1) При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой, всякая гласная можетъ превращаться во всякую гласную.

2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую согласную.

3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая, какъ гласная, такъ и согласная, буква, а равно и цѣлые слоги.

NB. Нерѣдко также гласныя превращаются въ согласныя, и наоборотъ.

Какъ видите, филологическая система—весьма простая, и г. Вельтманъ пользуется ею неутомимо и дѣлаетъ открытія, въ самомъ дѣлѣ блестящія. Напримѣръ, вотъ хоть бы гунны—кто бы это были, по вашему? По-латыни они пишутся *Guni* и *Huni*; теперь можете догадаться? Нѣтъ? Такъ г. Вельтманъ еще приближаетъ ихъ къ русскому: Chuni. Все еще не отгадываете? Ну, авторъ «Аттиллы» даетъ имъ еще болѣе русскій видъ: Chueni (стр. 89). Неужели и теперь не знаете? Это ужъ, кажется, такъ чисто по-русски, что чище быть нельзя; только напишете это самое русскими буквами—что выйдетъ? Г. Вельтманъ увѣряетъ, что выйдетъ: *кыяне*, т.-е. кіевляне, обитатели города Кіева. Вотъ вамъ и отгадка. Къ чему она ведетъ, вы вполнѣ постигнете только тогда, когда прочтете VI главу изслѣдованія г. Вельтмана, называющуюся такъ: «Аттилла, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ» (стр. 129). Съ помощью своей филологической системы авторъ разсказываетъ, что въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. были: «Великая Русь» (Vilzenland—велька Русь; потому что *Land* часто замѣняетъ Reich, а Reich, извѣстное дѣло,—тоже, что Русь), обнимавшая Скандинавію (т.-е. Свевію или Славію), Кимврію (т.-е. Сербію) и Vinland (т.-е. Вендскую землю); «Холмоградская Русь» (Ulmerugia) и «Кыянская Русь» (Hunigard). Въ этой-то Кыянской Руси и царствовали князья, которыхъ имена греками и латинами, разумѣется, исковерканы, но нынѣ г. Вельтманомъ реставрированы,—именно, Фридлефъ, или, что совершенно одно и то же, Преславъ; Гернитъ, или по-русски Яровитъ; Донатъ или Данко; Роасъ, или опять Яровитъ, Осидъ или Острой, и, наконецъ,—Аттилла. Такъ, проходя черезъ струю русскаго правописанія, всѣ греческія и латинскія слова получаютъ смыслъ и форму, сообразныя народно-славянскому воззрѣнію.

Нѣтъ возможности передать всему образованному міру филологическихъ сокровищъ, обрѣтенныхъ г. Вельтманомъ на пользу славянскаго міра. Попробуемъ, однако же, указать хоть на нѣкоторыя.

Аланы—славяне, потому что они называются иногда Vulani, т.-е. волынцы, отъ слова воля; это несомнѣнно подтверждаетъ Амміанъ, который повѣствуетъ, что аланы никогда не были подъ игомъ рабства.

Вандалы—славяне. Это—тѣ же венды.

Герулы—тоже славяне, потому что они лугари (герулы, гелуры, лугеры, лугари).

Испанцы и португальцы—славяне же, что несомнѣнно доказывается тѣмъ, что у нихъ есть лужичане (Лузитанія) и рѣки Туга (Tago) и Туръ (Дуэро).

Козары—тоже славяне, за то, что они носили косы, т.-е. чубы на головахъ, и потому собственное ихъ имя было—*чубатые*.

Кимвры—славяне (кимвры, цимбры, симбры, сербы).

Кельты—славяне; это была *челядь* у кимвровъ, т.-е. сербовъ, а историки, не имѣвшіе сочувственнаго настроенія, приняли ихъ за народъ.

Лонюбарды—славяне, т.-е. лугари пограничные (отъ словъ—*лугъ* и *брдо*, *бердо*, ребро, край).

Саксы—славяне. Названіе саксы есть испорченное имя чеховъ.

Франки—славяне. Это варяги, а варяги, извѣстное дѣло—руссы. Иначе доказываетъ г. Вельтманъ то же самое, назвавши франковъ *гранками*, потому что они селились на *границахъ* съ Римомъ.

Шведы—славяне (свевы—славы, совершенно ясно).

Словомъ, всѣ народы древняго и новаго міра оказываются славянами, кромѣ тѣхъ гòтовъ, которые, по этому самому, и признаются г. Вельтманомъ—скотами (Gothi, Scothi, Schothi).

Только два производства не совсѣмъ удачными показались намъ у г. Вельтмана (собственно по-русски *Велемудра*, потому что *вельт*—явно есть искаженное *вельк*, *великъ* а *ман*—есть санскритскій корень, означающій—*мудръ*.—См. «Сравненіе словъ славянскихъ съ санскритскими», составленное извѣстнымъ нашимъ поэтомъ и санскритологомъ, г. Хомяковымъ, и помѣщенное въ «Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ», за 1855 г.). Въ этихъ двухъ производствахъ мы не можемъ не отдать преимущества предшественнику г. Вельтмана, знаменитому профессору элоквенціи В. К. Тредьяковскому. Г. Вельтманъ говоритъ, что Одоакръ былъ Годичъ (т.-е. Odoaker, Odoachos, Godoacus, Godeoc, Годичъ), а амазонки—галичане (Amazonoi, Alazonoi, Halazonoi, галичане). Г. Тредьяковскій утверждаетъ, что амазонки были *омужонки*, т.-е. мужественныя женщины, а Одоацеръ—названъ такъ потому, что, сдѣлавшись царемъ, вскричалъ: «о, да, я царь!»... Неправда ли, что это несравненно проще и естественнѣе?

Зато во всемъ остальномъ мы такъ довольны г. Вельтманомъ, какъ будто бы мы были нѣмцы, которыхъ присоединилъ онъ къ семьѣ славянской, т.-е. человѣческой. Воображаемъ, какъ же должны быть довольны славянофилы!

Впрочемъ, разсматривая строго, мы находимъ и нѣкоторыя черты различія между славянофилами и ихъ велемудрымъ сторонникомъ. Такъ, напр., г. Вельтманъ имѣетъ необыкновенную склонность передѣлывать всѣхъ варваровъ въ славянъ, тогда какъ сотрудники «Русской Бесѣды» сильно желаютъ видѣть всѣхъ славянъ варварами. Г. Вельтманъ полонъ любовью къ человѣчеству, потому что видитъ въ немъ славянъ: «Русская Бесѣда» любитъ славянъ потому, что въ нихъ только видитъ человѣчество. Свое сочувственное настроеніе г. Вельтманъ выражаетъ болѣе на практикѣ, не говоря о немъ, но выражая его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Сотрудники «Бесѣды», напротивъ, больше любятъ поговаривать о немъ, а въ изслѣдованія пока не пускаются. По мнѣнію г. Вельтмана, правильному ходу развитія русской жизни помѣшалъ въ первомъ столѣтіи по Р. Х. царь Гильвъ, путешествовавшій въ чужія страны, допустившій гòтовъ въ свои владѣнія и принявшій отъ нихъ ученіе, «весьма отъ древней истины отдѣлявшееся»; славянофилы, какъ извѣстно, утверждаютъ, что все это произведено не во времена Гивьва, а въ началѣ прошедшаго столѣтія. Всѣхъ не-славянъ г. Вельтманъ считаетъ скотами (Scothi), а славянофилы—нѣмцами. Наконецъ, г. Вельтманъ, какъ видно изъ его книги, весьма расположенъ къ миру съ европейцами, какъ съ своими однородцами; славянофилы же, напротивъ, благословляютъ споръ, именуемый *борьбою*, и это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, препятствовало до сихъ поръ славянофиламъ стать подъ мирное знамя г. Вельтмана. Если бы они съ нимъ согласились, то имъ ужъ ровно нечего было бы дѣлать.

---

133. Стихотворенія Н. М. Языкова.

При нихъ приложены: его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Двѣ части. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 130.

Неизвѣстно, конечно, что написалъ бы Добролюбовъ объ Языковѣ, если бы имѣлъ возможность, по цензурнымъ условіямъ, сказать о немъ откровенное слово. Этотъ, по остроумному выраженію Герцена—«во Христѣ-Бозѣ нашемъ жандармствовавшій» поэтъ совершенно скомпрометтировалъ себя стихотворными доносами на Чаадаева и филиппиками по адресу передовыхъ людей 1840-хъ годовъ. Поэзія его была такого сорта, что лучшіе словянофилы не всегда

рѣшались показывать ее въ обществѣ... Но отозваться о книгѣ, все-таки, надо было. Добролюбовъ нашелъ исходъ — Языковъ стоитъ передъ читателемъ типичнымъ представителемъ поэтовъ пушкинскаго кружка, очень нелестно, но справедливо аттестованныхъ...

М. Л.

Языковъ—тоже славянофилъ въ своемъ родѣ, и вотъ почему нисколько неудивительно, что г. Перевлѣсскій, издавшій уже славянскую грамматику и хрестоматію (въ которую, впрочемъ, не попалъ Языковъ), издаетъ, между прочимъ, и Языкова. Стихотворенія этого «пѣвца вина и страсти нѣжной» до того нравятся г. Перевлѣсскому, что онъ, не довольствуясь однимъ разомъ, считаетъ нужнымъ, для удовольствія читателей, напечатать нѣкоторыя изъ нихъ два раза въ одной и той же книжкѣ. Такъ, напр., въ 1-й части, на стр. 4-й напечатаны три элегіи, а на стр. 94—95 той же части—тѣ же элегіи, только ужъ каждая порознь. На стр. 96-й, 1-й части, посланіе Т—ву, а на стр. 296-й, 2-й части, то же посланіе съ заглавіемъ: Татаринову. Изъ этого видно, что желаніе нѣкотораго библіографа, чтобы всѣ русскіе поэты изданы были такъ же тщательно, какъ теперь Языковъ, не совсѣмъ справедливо. Впрочемъ, изданіе г. Перевлѣсскаго хорошо тѣмъ, что въ немъ помѣщены всѣ статьи, какія были писаны по поводу стихотвореній Языкова. Вмѣстѣ съ статьями гг. Погодина, Шевырева, Ксенофонта Полевого, тутъ же есть и отзывъ Бѣлинскаго, который повторять нѣтъ нужды. Для любителей веселаго чтенія, тутъ же находится и рецензія «Библіотеки для Чтенія», весьма остроумная.

Не считая нужнымъ входить въ разсужденія по поводу значенія Языкова въ исторіи русской литературы, мы рѣшаемся указать только на одну сторону таланта Языкова, болѣе другихъ почтенную, но менѣе извѣстную русской публикѣ. На Языкова смотрятъ обыкновенно, какъ на пѣвца разгула, вина, сладострастія, или какъ на возвышеннаго патріота, бранившаго всѣхъ нѣмцевъ нехристью, прославлявшаго Москву, старину и хвалившаго

«Метальный, звонкій, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ»...

Все это было въ своемъ родѣ превосходно. Но мы считаемъ нелишнимъ указать также и на первое время поэтической дѣятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пиры и разгулъ» воспѣвалъ онъ только между прочимъ, а лучшую часть своей дѣятельности посвящалъ изображенію чистой любви къ родинѣ и стремленій чистыхъ и благородныхъ. Въ то время муза его была еще свободна отъ многихъ предразсудковъ кружка, которые замѣтны въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ его жизни. Тогда онъ воспѣвалъ родину — не какъ безусловно-совершенную страну, которой одно имя должно повергать въ священный трепетъ, не говоря уже о ея пространствѣ, ея рѣкахъ, морозахъ, кулакахъ и прочихъ затѣяхъ русской остроты. Нѣтъ, источникъ его тогдашняго сочувствія къ родинѣ былъ гораздо выше: онъ славилъ ея подвиги, ея благородные порывы, безъ всякаго затаеннаго желанія приписать ихъ именно извѣстному времени или странѣ. Онъ потому любилъ родину, что видѣлъ въ ней много великаго, или, по крайней мѣрѣ, способности къ великому и прекрасному, а вовсе не находилъ прекраснымъ и великимъ все русское только потому, что оно народное — русское. Впослѣдствіи времени Языковъ уклонился отъ своего первоначальнаго чистаго направленія и сначала призналъ разгулъ очень хорошею вещью, воображая, что тутъ сидитъ русская народность.

«Но призывай чужого Бога,
Живи и *пей по своему*»,

совѣтовалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей.

Такъ точно впослѣдствіи увлекся онъ другими особенностями русской природы и жизни и, воображая, что въ нихъ-то и есть чистая народность, издѣвался надъ нѣмцами, неумѣющими ходить по гололедицѣ, увѣрялъ съ увлеченіемъ, что картины Волги краше, чѣмъ распрекрасный Кавказъ, да побранивалъ—и очень безцеремонно—тѣхъ, кому не нравились публичныя лекціи г. Шевырева, въ которыхъ, по выраженію поэта, ожила—

«Святая Русь—и величава,
И православна какъ была»...

Всего этого не было въ произведеніяхъ ранней молодости поэта, въ періодъ 1822—1825 г. Тогда онъ обращался къ временамъ бѣдствій Россіи, среди которыхъ именно могъ проявиться великій духъ народа. Таковы, напр., пѣсни барда, изъ временъ монгольскаго ига. Вотъ, что поетъ бардъ, обращаясь къ Дмитрію Донскому, предъ битвой съ Мамаемъ (Стих. Языкова, ч. I, стр. 25):

«Твои отцы—славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ

Не цѣпи—злато приносили.
И не свобода-ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій
Ты грозно кинешься на бой,—
Кто, сильный, сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица,
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки, измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
Глухого скрежета цѣпей»!..

Освобожденіе Руси отъ ига монгольскаго внушило Языкову нѣсколько стихотвореній, которыя, по силѣ выраженія и по чистотѣ выражаемаго въ нихъ чувства — любви къ отечеству—должны быть отнесены къ числу лучшихъ его произведеній. Нельзя безъ удовольствія перечитывать даже въ настоящее время его «Пѣсни барда во время владычества татаръ въ Россіи» (стр. 18). Она сопровождается уЯзыкова примѣчаніями, взятыми изъ исторіи Карамзина и поясняющими его выраженія (Стих. Языкова, ч. I, стр. 18—19); но мы полагаемъ, что читатели наши не нуждаются въ этихъ примѣчаніяхъ, и потому приведемъ только самые стихи, ярко рисующіе бѣдствія Руси при татарахъ.

«И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.
Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтья протекутъ, и русскій мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній робкаго молчанья
Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
Теперь вотще младой баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ;
И онъ, дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣзы,
Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы».

Тѣ же чувства выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ ранней поры Языкова. Но, къ сожалѣнію, источникъ ихъ былъ не въ твердомъ, ясносознанномъ убѣжденіи, а въ стремительномъ порывѣ чувства, не находившаго себѣ поддержки въ просвѣщенной мысли. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ всѣхъ поэтовъ пушкинскаго кружка. Языковъ не могъ удержаться сознательно на этой высотѣ, на которую его поставило непосредственное чувство; у него недоставало для этого зрѣлыхъ убѣжденій и просвѣщеннаго умѣнья опредѣлить себѣ ясно и твердо свои стремленія и требованія отъ своей музы. Оттого-то во всей его поэтической дѣятельности выражается какое-то намѣреніе, никогда не исполняемое, потому что поэтъ безсиленъ его исполнить. Онъ восклицаетъ иногда довольно рѣшительно:

«Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ, и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытить молодыя—
Дѣлами чести и добра!..»

И въ то же самое время, тотъ же поэтъ восклицаетъ, съ неменьшею рѣшительностью:

«Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
Упьюсь во имя прошлыхъ дней
И поэтически отправлю
Поминки юности своей!»

Такъ вотъ чѣмъ насыщаются молодыя надежды относительно чести и добра! Вотъ, гдѣ поэзія находитъ полное осуществленіе!

Немного спустя, Языковъ опять говоритъ, въ стихотвореніи «Поэту»:

«Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка,—
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ;
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ!..»

Переверните страницу (7-ю) въ нынѣшнемъ изданіи стихотвореній Языкова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и вы прочтете въ стихотвореніи «Кубокъ»—

«Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ; душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой...» и пр.

Вотъ каковъ этотъ смѣлый и отважный орелъ, этотъ пророкъ, грядущій въ міръ! Вотъ каковы его поэтическіе звуки, стройные и сладостные,

«Въ которыхъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ».

Поэтъ напрасно ищетъ въ мірѣ этого чуднаго забвенія; онъ находитъ его только въ винѣ.

Съ теченіемъ времени остепенился и Языковъ. Г. Перевлѣсскій говоритъ объ этомъ съ откровеннымъ простодушіемъ, можетъ быть, даже не чуждымъ иронiи,— по крайней мѣрѣ, оборотъ рѣчи, употребленъ-

ный издателемъ Языкова, не особенно благопріятенъ для послѣдняго періода дѣятельности поэта. «Во время странствованій Языкова по цѣлебнымъ водамъ, — пишетъ г. Перевлѣсскій,—въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ, слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи». Итакъ, нужны были страданія сокрушительнаго недуга, чтобы отучить Языкова отъ его пѣсенокъ! Но, отучивши отъ пѣсенокъ, къ чему же болѣзнь пріучила его? Ни къ чему, — рѣшительно. Въ это время, какъ и прежде, подъ вліяніемъ важнаго настроенія духа, Языковъ могъ написать двѣ-три возвышенныхъ пьесы; но общій характеръ, содержаніе поэзіи до конца жизни осталось у Языкова одно и то же. Измѣненіе только въ томъ, что поэтъ безпрестанно *сожалѣетъ* теперь о томъ, что прежде *воспѣвалъ* съ *такимъ* восторгомъ. Изъ пьесъ серьезнаго направленія, написанныхъ Языковымъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни, есть одна, дѣйствительно, замѣчательная вещь—«Стихи на памятникъ Карамзину». Особенною живостью и силою отличается здѣсь изображеніе временъ Грознаго. Но, вообще говоря, безсиліе Языкова передъ серьезными вопросами и идеями было въ концѣ жизни, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ въ началѣ его поэтической дѣятельности. Въ стихотвореніи «Землетрясеніе» онъ задаетъ поэту задачу, которою, какъ извѣстно, восхищался Гоголь.

«Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше страха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены».

И прежде, какъ мы видѣли, Языковъ призывалъ поэта къ проповѣданію истинъ людямъ; теперь онъ только иначе мотивируетъ свое требованіе. Какъ же это призваніе выражается у него въ тотъ періодъ его поэзіи, къ которому относится «Землетрясеніе?» Вотъ какъ:

«Въ Москвѣ тамъ васъ,—я помню, я
Не разъ, не два, и всенародно,
Пѣлъ горячо и превосходно,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вамъ.
И подобаетъ тѣмъ стихамъ
Хвала моя...
Смотрите вотъ:
Лишь мало-мальски успокоенъ,
Въ моемъ житьѣ еще разстроенъ
Толпой болѣзненныхъ заботъ
Почти весь день, еще надеждѣ
Почти не смѣю довѣрять,
Что буду нѣкогда опять
Такимъ, какимъ бывалъ я прежде».

Смѣемъ думать, что послѣдніе стихи относятся не къ одному возстановленію здоровья поэта, а и къ его поэтическому характеру. То же можетъ подтвердить и другое посланіе, относящееся къ тому же времени и начинающееся стихами:

«Въ достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей,
Восхитительно ласкали»,

и продолжающееся такъ:

«Поэтически-живая,
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная.
Жизнь тяжелая,—но я...
Тотъ же я...

Оба эти стихотворенія писаны, какъ видно, тогда, когда Языковъ немножко выздоравливалъ. Они обясняютъ намъ, какъ смотрѣть на его грустныя сожалѣнія о томъ, что онъ вину и кутежу

«Ужъ не можетъ, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу...»

Да, въ натурѣ Языкова были, конечно, нѣкоторые задатки хорошаго развитія; но у него мало было внутреннихъ силъ для разумнаго поддержанія своихъ добрыхъ инстинктовъ. Онъ погубилъ свой талантъ, воспѣвая пирушки да побранивая нѣмецкую нехристь, тогда какъ онъ могъ обратиться къ предметамъ, гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ. Такъ, впрочемъ, погибъ не одинъ онъ: участь его раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ поэты пушкинскаго кружка. У всѣхъ ихъ были какіе-то неясные идеалы, всѣмъ имъ виднѣлась «тамъ, за далью непогоды» какая-то блаженная страна. Но у нихъ не доставало силъ неуклонно стремиться къ ней. Они были слабы и робки...

«А туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...»

134. Стихотворенія В. Л. Баева.

Спб. 1858 г.

Отголоски, стихотворенія Николая Гербеля,

въ двухъ частяхъ. Спб. 1858 г.

Стихотворенія Л. К. Панютина.

Спб. 1858 г.

Стихотворенія Александра Розенштрема,

артиста императорскихъ Спб. театровъ. Спб. 1858 г.

Стихотворенія Д. Сушкова.

Спб. 1858 г.

Мицкевичъ въ переводѣ Омулевскаго.

Сонеты. Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 130.

Любопытно, что Гербель, сознавая справедливость рецензіи Добролюбова, послѣдовалъ его совѣту и впослѣдствіи выдвинулся рядомъ прекрасныхъ стихотворныхъ переводовъ. Лично оба автора сохраняли хорошія отношенія.

М. Л.

Какъ снѣгъ на голову! совершенно, какъ снѣгъ на голову!... На русскихъ поэтовъ внезапно налетѣлъ духъ вдохновенія, и они пустили въ насъ цѣлыми книгами своихъ стиховъ. Еще ничего, если книжка тоненькая, какъ, напримѣръ, г. Баева,—всего 23 странички; а если книга такова, какъ, напр., г. Гербеля,—въ двухъ частяхъ,—каково тогда читателямъ! Конечно, и г. Гербеля книжка (несмотря на то, что въ ней двѣ части)—не Богъ—вѣсть какая толстая; но все же — посудите сами: тамъ Игорь, князь Сѣверскій въ двухъ видахъ—въ древнемъ и новомъ, тамъ цѣлый Изюмскій полкъ, лейбъ-уланы, — штандартъ скачетъ... Чего-нибудь стоитъ все это! Впрочемъ, читатели тамъ, какъ хотятъ, такъ пусть и отдѣлываются. Что касается до критики, то для нея г. Гербель представляетъ не болѣе затрудненія, чѣмъ и г. Баевъ, и даже гораздо менѣе. Г. Гербель уже составилъ себѣ репутацію въ публикѣ и литературѣ, а посягать на литературныя репутаціи, мы никогда не рѣшимся, «чтобъ не попасть въ бѣду». Слѣдовательно, мы можемъ просто сослаться на общественное мнѣніе, давно уже опредѣлившее г. Гербелю видное мѣсто въ длинномъ рядѣ русскихъ поэтовъ переводчиковъ, начинающемся, какъ всѣмъ извѣстно, отъ В. К. Тредьяковскаго, переложившаго Тилемахиду, и оканчивающемся пока г. Омулевскимъ, который хотя и пишетъ прозой, но непремѣнно хочетъ, чтобъ его прозу принимали за стихи. Мы, пожалуй, и на это согласны, если читатели согласятся,—хотя, по нашему разумѣнію, — что же это за стихи?

«Едва запѣла ты, ужъ взоръ слезой я отуманилъ; твой голосъ проникалъ до сердца и за душу онъ хваталъ... Казалось, ангелъ душу ту по имени назвалъ и въ колоколъ небесный онъ минуту избавленія ударилъ».

Эту тираду взяли мы изъ перваго сонета, съ первой страницы; вотъ начало третьяго сонета:

«Незаученная—твоя походка, рѣчь безъ вымысла твоя ложится, и ни лицо, ни взглядъ твой надъ другими не превыситъ: а каждый радъ тебя увидѣть, радъ тебя услышать; хоть въ платьи и пастушки, видно, что царица».

Г. Омулевскій увѣряетъ, что это стихи,—только безъ соблюденія размѣра, числа стопъ и риѳмъ. Въ этомъ мы съ нимъ не споримъ, но должны ему указать на г. Гербеля, который думаетъ о стихахъ совершенно иначе.

Спутника себѣ на поприщѣ стихотворства безъ размѣра и безъ риѳмъ—г. Омулевскій можетъ найти въ г. Баевѣ, который написалъ цѣлую сказку о походѣ Олега на Царьградъ, подобными стихами:

«Была радость въ градѣ Кіевѣ;
Веселились и пировали всѣ,
Что со славой богатырь Олегъ
Воротился изъ подъ Царяграда...» и пр.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что г. Баевъ пишетъ большею частью съ риѳмами, только безъ размѣра. Напримѣръ:

«Изъ-за черной тучи грянулъ,
Съ грохотомъ, дробяся, громъ,
И лютый тигръ отъ сна воспрянулъ,
Озираяся кругомъ».

Другой примѣръ:

«Ужасенъ моря бурнаго крикъ,
Неистовъ, свирѣпъ онъ и дикъ».

Въ этомъ примѣрѣ, воспѣвающемъ *кричащее* море, недостаетъ, кромѣ размѣра,—также и смысла; но смыслъ не главное въ поэзіи, въ этомъ издавна убѣждены были поэты, подобные г. Баеву. Отсутствіе смысла не помѣшало и г. Баеву написать прекрасные стихи «На Новый годъ»,—оканчивающіеся слѣдующимъ образомъ:

«Богъ знаетъ лучше наши нужды,
Ему всю жизнь мы предадимъ:
Онъ благъ, и мы, несчастій чужды,
Вѣкъ жизни нашей совершимъ.
Ему возслемъ благодаренье
За благо прежнихъ жизни дней.
За милость къ Русскимъ, за спасенье
Царя—отца и насъ—дѣтей!

Изъ этого читатели видятъ, что г. Баевъ весьма разнообразенъ, въ чемъ заключается крайнее неудобство для критики. Какое мѣсто опредѣлить г. Баеву въ исторіи русской поэзіи? Какое его значеніе, какъ обширна сфера, и какъ велика сила его дарованія? Вотъ вопросы, которые, конечно, не могли бы представиться критикѣ, если бы г. Баевъ явился передъ нею одинъ,—но которые приводятъ ее въ крайнее затрудненіе, когда г. Баевъ является на судъ ея вмѣстѣ съ г. Гербелемъ, Розенштремомъ и пр. Онъ имѣетъ полное право обидѣться, если мы, отдавая справедливость другимъ, не отдадимъ ему той же справедливости. Поэтому... впрочемъ, нѣтъ... мы боимся даже и о г. Баевѣ произносить рѣшительный приговоръ. Иначе, онъ непремѣнно уподобитъ насъ хищной ласточкѣ, которая, въ одномъ его стихотвореніи,—налетѣла и проглотила бѣднаго мотылька. Право, говорить о г. Гербелѣ гораздо пріятнѣе: тутъ уже нѣтъ возможности ошибиться и навлечь на себя непріятности. Авторъ самъ знаетъ свое значеніе; публика также знаетъ; критикѣ остается только свести въ одно частныя сужденія, давно уже произнесенныя о поэтѣ. Сужденія же эти всегда были очень благопріятны для г. Гербеля, который явился въ русской литературѣ въ такое время, когда она и хотѣла было приступиться къ дѣйствительному міру, да страшно трусила, какъ бы не утонуть въ этомъ морѣ, и потому уже подумывала, не удариться ли ей лучше въ эѳиръ, который не столько опасенъ;—и вдругъ г. Гербель, въ это самое время, какъ нельзя болѣе кстати, предъявилъ, что у него—

«Душа утопаетъ въ волшебномъ сіяньи,
Стремится въ невѣдомый міръ,
И тамъ, за хаосомъ, среди міроздань,
Впиваетъ надзвѣздный эѳиръ».

Русская литература ужасно обрадовалась и принялась г. Гербеля хвалить. Да и какъ же было не хвалить человѣка, у котораго душа утопаетъ въ волшебномъ сіяньи и впиваетъ надзвѣздный эѳиръ,—тамъ, за хаосомъ, въ невѣдомомъ мірѣ, среди міроздань! Нельзя было не хвалить! Ну, и принялись хвалить,—до того, что г. Гербель, проникшись чувствомъ собственнаго достоинства, сказалъ однажды, обращаясь неизвѣстно къ кому,—можетъ быть, и къ русской литературѣ:

«*Я разрѣшу* твои печали,
Сомнѣнья *вѣчныя* твои».

Русская литература всѣму вѣрила, полагая, что тому, кто впивалъ въ себя эфиръ за хаосомъ, должно быть уже очень легко разрѣшать вѣчныя сомнѣнія. Это вѣрованіе такъ укоренилось и приняло такіе страшные размѣры, что г. Гербель, наконецъ, самъ испугался того значенія, какое пріобрѣлъ въ русской литературѣ, и началъ настоятельно увѣрять, что онъ уже въ эѳирѣ больше не утопаетъ и за хаосъ не стремится, что онъ совершенно напротивъ, что онъ теперь боленъ,

«И для души его больной
Весь міръ божественный покрылся
Какой-то черной пеленой...»

Но уже было поздно! Сколько г. Гербель ни объявлялъ, что онъ уже не тотъ, что у него теперь

«Духъ томится, сердце дремлетъ,
Изнуренное борьбой,
И просторъ его объемлетъ
Безпредѣльной пустотой...»

сколько ни признавался онъ,

«...Что глупо и напрасно
Онъ силы духа расточилъ—
Елеемъ землю напоилъ».

Ничто не помогало: г. Гербелю не хотѣли вѣрить и все ожидали, чтобъ онъ, упившись надзвѣзднымъ эѳиромъ, разрѣшилъ вѣчныя сомнѣнья людей. Г. Гербель видѣлъ, что его преслѣдуютъ, и въ отчаяніи, не зная, что̀ дѣлать, восклицалъ:

«Меня преслѣдовалъ какой-то демонъ злой,
Хотя я самъ еще назвать его не знаю....»

Видя, наконецъ, что эѳиръ сыгралъ съ нимъ плохую штуку, г. Гербель рѣшился на отчаянное средство. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что русская литература спустилась теперь «съ эѳира въ канцелярію», онъ собралъ свои стихотворенія и, издавши ихъ въ двухъ частяхъ, торжественно объявилъ, что это не его стихотворенія, а просто *отголоски*. На что̀ это отголоски,—мы сначала недогадывались, и даже хотѣли примѣнить къ нимъ прекрасное «Подражаніе Пушкину», написанное г. Александромъ Розенштремомъ:

Э х о.

«Какой бы ни былъ звукъ,
Ударъ иль звонъ иль стукъ,
Ты имъ сейчасъ внимаешь
И живо отвѣчаешь!
Тебѣ же нѣтъ отвѣта;
Все тоже для поэта!»

Но, сообразивши литературную исторію г. Гербеля, мы рѣшили дѣло иначе. И вышло дѣло чрезвычайно простое. — Вѣдь были поэты до г. Гербеля?—Были.—У каждаго изъ нихъ былъ какой-нибудь голосъ?—Былъ.—Ну, а у г. Гербеля своего голоса нѣтъ; что̀ же прикажете дѣлать? Молчать? Да какъ же молчать-то, вѣдь онъ—поэтъ! А это ужъ дѣло извѣстное, что поэту молчать невозможно. Въ этомъ случаѣ можно опять привести интересную эпиграмму г. А. Розенштрема:

«Мнѣ лекарь говорилъ,
Чтобъ я вина не пилъ:
Когда-жъ вина не пить,
Не надо мнѣ и жить».

Такъ, видите, въ своемъ затруднительномъ положеніи г. Гербель рѣшился *издавать отголоски* на голоса другихъ поэтовъ. Русская критика, весьма равнодушная къ литературнымъ преданіямъ, ничего, разумѣется, не замѣтила и воображала, что г. Гербель поетъ своимъ голосомъ. Нынѣ, рѣшившись, и вѣроятно—навсегда, отдѣлаться отъ своего поэтическаго эѳира, надѣлавшаго ему столько хлопотъ, г. Гербель самъ великодушно объявляетъ свои стихотворенія—*отголосками*, не болѣе. И странное дѣло!—когда вотъ теперь знаешь этотъ маленькій секретъ, то самому на себя удивительно становится,—какъ это прежде не замѣчалъ ничего! Такъ-то иногда простыя вещи трудно достаются! А вѣдь, кажется, чего легче: вотъ отголосокъ древняго Баяна, вотъ отголоски Шиллера, Гете, Крабба, Шенье. А вотъ и отголоски русскихъ поэтовъ! Вотъ стихотворенія: «Изюмцамъ», «Уланамъ», «Пѣснь лейбъ-гвардіи уланскаго полка». Это, очевидно, три отголоска, возбужденные г. Бо-рисомъ Ѳедоровымъ, сочинявшимъ нѣкогда «Стихи на случай угощенія конныхъ полковъ гвардіи» и т. п. [1]). Вотъ стихотвореніе:

«Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара,
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья....»

Ну, это, разумѣется, отголосокъ извѣстной пѣсенки:

«Юность, юность, веселися!
Веселись, пока цвѣтешь».

И даже эти самые стихи есть у г. Гербеля,—только измѣненные нѣсколько—для размѣра:

«Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды еще...»

Стихи:

«Много звѣздочекъ сіяетъ
Въ небѣ темно-голубомъ....
Но одна ихъ всѣхъ милѣе,
Ближе сердцу моему....» и пр.

составляютъ отголосокъ стихотворенія Баратынскаго:

Взгляни на звѣзды,—много звѣздъ
На небѣ голубомъ,
Взгляни на звѣзды,—между нихъ
Милѣе всѣхъ одна...» и пр.

Стихотвореніе: «Прощай»

«Прощай! и прощай навсегда!
Намъ нужно, намъ должно разстаться,
Чтобъ вновь никогда, никогда
Уже не сойтись, можетъ статься!

Ты плачешь, мой ангелъ земной!
Но развѣ и я не рыдаю?
Ты вянешь, ты страждешь душой,
Но развѣ и я не страдаю?

Это стихотвореніе—слабый отголосокъ Нелединскаго-Мелецкаго:

«Ты, въ комъ душу полагаю,
Милая моя, прости!
Я долину покидаю,
Гдѣ всегда бываешь ты.

За рѣкою удаленный,
Горестью займусь одной,
Но ужъ голосъ мой плачевный
Не услышится тобой».

У г. Гербеля слабѣе выражено чувство разлуки, чѣмъ у Мелецкаго; но вѣдь зато у Мелецкаго—голосъ, а у г. Гербеля—только отголосокъ. Такъ точно есть у г. Гербеля другое стихотвореніе, довольно длинное, въ которомъ онъ говоритъ о себѣ, что онъ уже не тотъ, что онъ много пережилъ:

---

[1]) См. выноску Добролюбова въ № 141.

«...Мы сердцемъ постарѣли;
Все то, что прежде насъ плѣняло и влекло,
Ужъ больше не манитъ, у насъ иныя цѣли».

Стихотвореніе Нелединскаго-Мелецкаго, котораго отголосокъ составляетъ указанное нами стихотвореніе г. Гербеля, гораздо сильнѣе выражаетъ ту же мысль въ двухъ стихахъ:

«Бывалъ я молодецъ, сталъ мокрая тряпица;
Что прежде было медъ, то стало мнѣ—горчица».

Вообще, надо сказать, что г. Гербель, какъ отголосокъ, не имѣетъ особенной силы «выраженія». Напримѣръ, его стихотвореніе: «На смерть брата»:

«Тебя ужъ нѣтъ, мой милый братъ,
Увяли раннія надежды!
Уста смежонныя молчатъ;
И взглядъ не блещетъ изъ-подъ вѣжды....»

составляетъ, очевидно, отголосокъ стихотворенія Петрова «На смерть сына», и далеко уступаетъ ему въ силѣ,—какъ можно видѣть, сличивши самое начало:

«Тебя ужъ нѣтъ, дитя любезно!
Сокрылъ ты очи навсегда
И легъ, о зрѣлище преслезно!
О скорбь, о лютая бѣда!»

А вотъ и еще стихотвореніе, составляющее отголосокъ стиховъ г. Бригера, лѣтъ пять тому назадъ издавшаго свои стихотворенія въ городѣ Николаевѣ:

«Друзья разошлись. На столѣ предъ мною
Стоялъ недопитый бокалъ,
И, пѣнясь своей безконечной игрою,
Мечту за мечтой навѣвалъ....» и т. д.

Далѣе разсказываются мечты о Шампаніи; эти мечты прекрасны, но, все-таки, не могутъ сравниться съ мечтами г. Бригера, которыя появились у него, когда онъ увидѣлъ въ своей комнатѣ уже не бокалъ недопитый, а

«Однѣ бутылки лишь,
Пустыя всѣ....»

и заключилъ свои мечтанія стихами:

«Такъ ты, жизнь моя,
Какъ бутыль пуста,
Глуповатая!...»

До такой силы г. Гербель еще не достигъ. Но такъ и слѣдуетъ, чтобы отголосокъ былъ слабѣе голоса: это совершенно въ порядкѣ вещей.

Такъ легко объясняется теперь поэтическая дѣятельность г. Гербеля, наконецъ, рѣшившагося открыть секретъ своей поэзіи вслѣдствіе, вѣроятно, благаго намѣренія, болѣе уже этимъ секретомъ не пользоваться, т.-е. не издавать отголосковъ... Честь и слава ему за такую рѣшимость, какъ она ни прискорбна русской литературѣ, столь уже привыкшей прислушиваться къ отголоскамъ г. Гербеля.

Впрочемъ, ничто не исчезаетъ въ сущности; измѣняются только формы и личности. Такъ, взамѣнъ г. Гербеля выступаетъ нынѣ на литературное поприще г. Розенштремъ, еще робкій и неискусный въ своемъ дѣлѣ, не умѣющій даже скрыть, что онъ поетъ чужимъ голосомъ, но тѣмъ не менѣе подающій надежды. У него тоже отголоски. Есть даже отголосокъ стиховъ г. Гербеля, т.-е. отголосокъ съ отголосковъ. Но у г. Розенштрема нужно замѣтить одну замѣчательную черту: его отголоски сильны, но кратки. Для примѣра приведемъ два. Одинъ относится къ Жуковскому; это отголосокъ его гимна: «Русскому царю». Г. Розенштремъ тоже написалъ «Русскому царю»:

«Русскій славный,
Мудрый царь!
Православый
Государь!
Дай Богъ здравья
Много лѣтъ!
Счастья, радость
И побѣдъ!

Другой отголосокъ, пробужденъ стихотвореніемъ г. Гербеля: «Просторъ», начинающимся такъ:

«Кони мчатъ, гремитъ телѣга,
Колокольчикъ дребежжитъ;
Отъ ночлега до ночлега
Путь навстрѣчу мнѣ бѣжитъ....» и пр.

Г. Розенштремъ написалъ на это слѣдующій отголосокъ:

«Тройка быстрая несется,
Тарантасъ мой дребежжитъ,
Пыль столбомъ за мною вьется
И какъ облако летитъ.
Солнце, яркое свѣтило,
Смотритъ огненнымъ шаромъ
И спускается такъ мило
За пастушескимъ шатромъ.
Вечеръ чудный, ароматный.
Созерцаю сельскій видъ.
Вѣтерокъ такой пріятный
Чуть въ растеньяхъ шелеститъ.

Отголосокъ г. Розенштрема въ сравненіи съ отголоскомъ г. Гербеля короче цѣлыми восьмью стихами: это достоинство.

Мы предвѣщаемъ г. Розенштрему, что онъ со временемъ займетъ мѣсто въ томъ ряду поэтовъ, въ которомъ съ такимъ почетомъ находится уже г. Гербель. Отголоски г. Розенштрема имѣютъ свои достоинства, и напрасно скромный авторъ говоритъ въ предисловіи:

«Вотъ вышло *первое изданье*
Моихъ неопытныхъ стиховъ,
И это слабое созданье
Подниметъ много бранныхъ словъ».

Смѣемъ увѣрить г. Розенштрема, что первое изданіе неопытныхъ стиховъ его не станутъ бранить, — не за что. Вотъ если они дождутся второго изданія, тогда—дѣло другое!

Вотъ, напр., г. Сушкова мы намѣрены бранить, потому что онъ не въ первый разъ издаетъ свои стихи. Еще въ 1833 году издалъ онъ книжечку стихотвореній и, неблагосклонно принятый критикою, съ тѣхъ поръ рѣдко являлся въ литературѣ. Теперь вдругъ онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, и мы непремѣнно хотимъ раскритиковать его по двумъ причинамъ: во-первыхъ—зачѣмъ онъ издалъ книжечку стиховъ? а во-вторыхъ—критика вѣдь ужъ разъ бранила его, такъ нельзя же во второй разъ хвалить. Теперь мы ушли впередъ, и слѣдовательно то, что̀ казалось критикѣ дурнымъ за 20 лѣтъ, должно теперь показаться еще дурнѣе. Итакъ, выберемъ, съ цѣлью раскритикованія, какую-нибудь изъ пьесъ г. Сушкова. Вотъ, напр., «Прости, прости!» Это должно быть забавно. Прочтемъ:

«Прости, прости и ты, кого такъ много,
Такъ искренно, такъ долго я любилъ,
И не суди безчеловѣчно—строго
Того, кто здѣсь тобою только жилъ!..

Нѣтъ, это слишкомъ субъективно, да и стихи-то попались недурные. Поищемъ другой пьесы.

«Бури житейскія, бури нежданныя
Бодрость убили во мнѣ;
Мысли печальныя, мрачныя, странныя
Мучатъ меня въ тишинѣ».

Нѣтъ, и это критиковать не годится: чѣмъ же виноватъ поэтъ, что подвергся житейскимъ бурямъ? Перевернемъ страницу и посмотримъ, что̀ тамъ? «Послѣдняя элегія». Должно быть, тоже что-нибудь мрачное. Прочтемъ, однако:

«Разбито сердце въ прахъ; надежды и
желанья
Рокъ вызвалъ изъ него, и замерло оно
Для счастья и любви, и только что
страданья
Ему извѣдать суждено!»

Да, это опять тоже грусть. Что же смѣяться надъ грустью? Посмотримъ лучше, какъ поэтъ мечтаетъ. Вотъ стихотвореніе:

«Мечтай, мечтай! одни мечтанья
Здѣсь счастье намъ даютъ».

Впрочемъ, нѣтъ, мы этихъ стиховъ продолжать не будемъ: въ концѣ страницы мы увидали вотъ какіе стихи. «Ты, говоритъ поэтъ, не довѣряйся людямъ.

«Они тебя, повѣрь, обманутъ,
И осмѣютъ потомъ,
И разбирать тебя всѣ станутъ
Безъ чувства, но съ умомъ».

Послѣдніе стихи, можетъ быть, къ намъ относятся: что же въ этомъ хорошаго? Впрочемъ, посмотримъ, какъ вообще смотритъ поэтъ на людскія сужденія. Вотъ его стихотвореніе «Людской судъ».

«Когда сердечныя утраты и страданья
На судъ пристрастный вашъ выноситъ
вамъ поэтъ, —
О люди! ждетъ онъ слезъ горячихъ
состраданья;
Но лишь бездушныя руганья —
Толпы безсмысленной безжалостный отвѣтъ!»

Какъ хотите, мы не можемъ критиковать г. Сушкова: *его грустное чувство слишкомъ* постоянно и искренно, и выраженіе этого чувства слишкомъ естественно и просто, чтобы подать поводъ къ злому осужденію. При томъ, многія изъ этихъ пьесъ писаны двадцать лѣтъ тому назадъ, и г. Сушковъ не предъявляетъ никакихъ претензій на ихъ современное значеніе: съ какой же стати мы будемъ нападать на нихъ? мы даже признаемся, что нѣкоторыя стихотворенія мы *прочли съ большимъ сочувствіемъ*: простая грусть, выраженная въ нихъ, подѣйствовала и на насъ. Таковы, напр., пьесы: «Поэтъ», «Новгородъ», «Существенность», «На смерть Асенковой», «Элегія», «Къ падшей» и проч. Чтобы показать читателямъ, о чемъ и какъ груститъ г. Сушковъ, мы выпишемъ одну его «Элегію».

«Дни поэтическихъ мечтаній
Уже на вѣкъ для насъ прошли,
И жаръ труда и жажду знаній
Съ собою вмѣстѣ унесли.
Молчатъ порывы вдохновенья.
Погружены въ тяжелый сонъ,
Мы ждемъ напрасно пробужденья:
Не прерывается все онъ!
Такъ въ праздности, въ забавѣ вздорной,
Проходятъ лучшіе года,
Безъ мысли свѣтлой, плодотворной
И безъ полезнаго труда....
Лишь мелькомъ, словно призракъ дальній,
У насъ идея проблеснетъ;
На мигъ разгонитъ сонъ печальный,
Но ничего не принесетъ.
И дальше все, въ мертвящей скукѣ,
Мы всѣ торопимся отжить,
Боясь труда, боясь науки,
Не въ силахъ мыслью поразить.
Конецъ всему! къ предверьямъ гроба
Дойдя безъ мысли и труда, —
Земная приметъ насъ утроба,
И мы исчезнемъ безъ слѣда».

О томъ же, о чемъ груститъ г. Сушковъ, жалѣетъ и г. Панютинъ, только гораздо современнѣе. Мы, признаемся, не видимъ особенной надобности г. Панютину писать стихами. Его прекрасныя, благородныя мысли не потеряли бы цѣны и въ прозаическомъ изложеніи, а его высокія, чистыя чувства не довольно хорошо выражаются и его стихомъ. Для нихъ нуженъ былъ бы стихъ болѣе звучный, крѣпкій и выработанный. По всему видно, что г. Панютинъ языкомъ владѣетъ хорошо, но съ стихомъ справиться не можетъ. При томъ, искушеніе—написать стихи часто дѣйствуетъ очень неблагопріятно на г. Панютина: нерѣдко онъ доходитъ до того, что пишетъ стихи о томъ, о чемъ въ прозѣ говорить стыдно. Напр., г. Панютинъ ѣдетъ по морю; вдругъ ему хочется бури, и онъ начинаетъ выражать свое желаніе плохими стихами:

«Что-жъ вы молчите, бури напѣвы?
Молніи, громы! гдѣ же вы? гдѣ вы?
О волны, волны, любимыя мной!
Что-жъ не блестите вы гривой сѣдой?
Дождуся ли вновь я вашей погони,
Пѣной покрытые, дикіе кони?
О, пусть воетъ буря! пусть плещетъ волна!
Люблю ихъ, жду ихъ, мнѣ врагъ тишина.
О горе! Все мертво... никто не слышитъ;
Лишь бездна моря такъ тяжко дышитъ,
Да неба жарко-накаленный сводъ,
Какъ мѣдный колоколъ, море гнететъ».

Подобныя обращенія къ напѣвамъ бури, громамъ и молніямъ, пѣной покрытымъ конямъ и пр. въ прозѣ позволительны были только Марлинскому, и г. Панютинъ, еслибъ писалъ прозой, вѣрно, не сочинилъ бы такой отчаянной тирады.

Такъ точно—въ прозѣ не могло бы случиться и «Ночной встрѣчи», поставленной первою пьесою въ собраніи стихотвореній г. Панютина. Встрѣча эта состоитъ вотъ въ чемъ. Утомившись танцами на балѣ, авторъ вышелъ въ садъ освѣжиться, и вдругъ услышалъ *крикъ*. Какой-то голосъ въ отдаленіи *кричалъ*:

«Мракъ и сонъ на землѣ;
Блескъ и свѣтъ въ вышинѣ,
И мерцанье въ небесныхъ свѣтилахъ.
Тиха майская ночь,
Но тоски превозмочь
Мое бѣдное сердце не въ силахъ.

Надо мной въ небесахъ
На воздушныхъ крылахъ
Хоры ангеловъ тихо летаютъ.
Чужды горя земли,
Чудной пѣсней они
Хвалу Богу небесъ возсылаютъ».

Стихи, какъ видите, плоховаты и не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Но г. Панютинъ такъ былъ ими пораженъ и очарованъ, что остановился въ оцѣпенѣніи посреди сада. Тутъ является предъ нимъ какая-то женщина, которую онъ немедленно вопрошаетъ:

«Скажи, кто ты? зачѣмъ во тьмѣ ночной
Являешься нежданно предо мной?»

Она немедленно отвѣчаетъ ему:

«Ты хочешь знать, кто я? Не знаю».

и затѣмъ, на десяти страницахъ, разсказываетъ, кто она и что съ ней случалось. Оказывается, что это сумасшедшая отъ любви. Разсказавши плохими стихами, но очень связно, свою исторію, она убѣгаетъ, а авторъ дѣлаетъ такой выводъ:

«Я думалъ: нашъ удѣлъ передо мною весь.
Несчастье съ счастьемъ повсюду неразлучно:
Безумье пира тамъ, безумье горя здѣсь,
А вѣритъ человѣкъ, что все благополучно».

И для этакого-то вывода надобно было писать 20 страницъ стиховъ! Пиши г. Панютинъ прозой, ничего подобнаго не могло бы случиться.

Но у г. Панютина есть отдѣлъ стихотвореній подъ названіемъ—«Оды и пѣсни», изъ которыхъ многія легко могли бы быть пересказаны и въ прозѣ, ни мало не потерявъ своего значенія и даже пріобрѣли бы его, вѣроятно, болѣе, потому что въ прозѣ общія мысли стиховъ непремѣнно получили бы большее развитіе или оживились бы частными фактами, приложеніями и т. п. Прочтите, напр., эти стихи изъ «Посланія къ другу» (стр. 98—99):

«Ахъ, опасенъ твой путь! Среди злыхъ и порочныхъ
Ты свой вѣкъ проведешь.
Сколько юношей зналъ я, какъ ты, безупречныхъ,
Честныхъ, добрыхъ,—и что-жъ?

Мнѣ съ ихъ юностью—старость сравнить невозможно,
Какъ съ зимою весну...
Эти юные Бруты,—подъ старость безбожно
Стали грабить казну!

Тотъ, кто за море ѣхалъ, прельщаясь надеждой
Жить наукой, трудомъ,
Тотъ чрезъ нѣсколько лѣтъ совершеннымъ невѣждой
Возвратился въ свой домъ.

Кто корыстныхъ заботъ, какъ судья непреклонный,
Не прощалъ и отцу,
Тотъ теперь, возмужавъ, бьетъ земные поклоны
Золотому тельцу.

Кто когда-то къ защитѣ всѣхъ жертвъ угнетенныхъ
Былъ особенно рьянъ,
Тотъ, помѣстья наживъ, въ деревняхъ отдаленныхъ
Угнетаетъ крестьянъ.

Кто-жъ Россіи служа, ее любитъ душою
Тотъ имъ врагъ и злодѣй...
Но не стану усиливать рѣчью такою
Я печали твоей.

Не должны мы грустить. Прочь печаль и сомнѣнья!
Посмотри—все кипитъ,
Все волнуется, ждетъ,—и звѣзда возрожденья
Надъ Россіей горитъ!

Августъ, 1856 г.

Мысли, изложенныя г. Панютинымъ, превосходны и вполнѣ справедливы. Но мы не видимъ въ нихъ присутствія поэзіи, точно такъ, какъ и въ большей части его стихотвореній. Есть и у него нѣсколько пьесъ съ проблескомъ чувства живого и свѣжаго; но тогда уже его чувство обращается не къ высокимъ идеямъ и не къ современнымъ вопросамъ, а къ тому, что вливаетъ горячее чувство въ душу самаго непоэтичнаго человѣка, — къ любви. Вотъ, напр., стихотвореніе, очень незатѣйливое по мысли, но которое мы въ поэтическомъ отношеніи, все-таки, предпочитаемъ посланію, сейчасъ приведенному.

Сосѣдкѣ.

Посмотри, сосѣдка, нѣтъ уже зимы!
Теплыхъ дней весеннихъ дождалися мы.
Снѣжные покровы сняты ужъ съ природы,
Сердце проситъ чувства, а душа свободы.
Рѣки ледъ разбитый унесли давно...
Другъ мой! поскорѣе отворяй окно!
Ты уже не будешь при мерцаніи свѣчки,
Сидя за работой, прижиматься къ печкѣ.
И теперь тебя ужъ не заставитъ мать, —
Ей на сонъ грядущій свой псалтырь читать.
Нѣтъ, ужъ просыхаетъ въ садикѣ дорожка.
Мать тебѣ позволитъ погулять немножко,—
И тогда, накрывшись клѣтчатымъ платкомъ,
Въ садъ ко мнѣ приди ты позднимъ вечеркомъ.
Тамъ я, съ нетерпѣнья обрывая вѣтки,
Буду ждать прихода дорогой сосѣдки.
И когда придешь ты къ старой той вербѣ,
Радостно въ объятья кинусь я тебѣ».

Мы не говоримъ, чтобъ эта пьеса обнаруживала въ авторѣ поэтическій талантъ: на этотъ мотивъ написано уже столько стихотвореній, предметъ такъ избитъ, что невозможно по изложенію его судить опредѣлительно о томъ, есть ли у автора поэтическій талантъ, или нѣтъ. Мы заключаемъ только,—изъ нѣкоторыхъ стихотвореній,— что г. Панютинъ можетъ еще довольно удовлетворительно выразить чувство, даже *страсть* любви (какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Этера»). Но, вѣдь, какъ хотите, все любовь да любовь—надоѣстъ. Для того, чтобы въ ней находить безпрестанно новые предметы для хорошихъ пѣсенъ, какъ находилъ, напр., Гейне, надобно имѣть талантъ необыкновенно сильный. Да при томъ же г. Панютина сильно тревожатъ еще общественные вопросы, которыхъ онъ, какъ видно, еще не уяснилъ себѣ хорошенько. Мы заключаемъ это особенно изъ его стихотворенія: «Царица морей», въ которомъ онъ проклинаетъ Англію не хуже г. Шевырева. Описавши, какъ англичане работаютъ безъ шума, въ потѣ лица, какъ могучъ флотъ ихъ и обширна торговля, г. Панютинъ вдругъ восклицаетъ:

«Но если поэтъ ты, безпечный и скромный,
Не знающій *низкихъ* страстей,
То тотчасъ покинь этотъ островъ огромный,
Бѣги отъ царицы морей».

Между прочимъ онъ бранитъ Англію за то, что тамъ сердца у всѣхъ очерствѣли, и всѣ заняты *роскошью пышной*. Намъ кажется, что г. Панютинъ долженъ на время оставить стихи и взяться за изученіе Англіи; тогда, вѣроятно, и многіе общественные вопросы, о которыхъ онъ хлопочетъ, уяснятся для него. Пусть не боится онъ зачерствѣть въ этомъ изученіи. У него же самого встрѣтили мы нѣсколько эпиграфовъ изъ Байрона, изъ Борнса и пр. Неужели онъ думаетъ, что эти поэты имѣли *чорствое* сердце или *низкія* страсти? Да и кромѣ ихъ, въ Англіи было много такихъ поэтовъ, какихъ мы, вѣроятно, долго еще не дождемся, даже и въ такомъ случаѣ, если каждый мѣсяцъ будетъ такъ же обиленъ стихами, какъ нынѣшній.

135. Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ.

Составилъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Профессоръ Магистръ *Михаилъ Архангельскій*. С.-Петербургъ. 1857 г. IV и 318 стр.

Напечатано въ IV кн. «Журнала для Воспитанія» 1858 г. (ценз. 22 марта). Мысль эта полнѣе развита и ярче выражена въ № 120. **М. Л.**

Руководство г. Архангельскаго подверглось уже нѣсколькимъ, весьма строгимъ, но вполнѣ справедливымъ осужденіямъ въ нашихъ журналахъ. Одни разбирали его, какъ вещь крайне потѣшную, другіе глубокомысленно разсматривали его значеніе на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ; но результатъ все выходилъ одинъ и тотъ же, что книга г. Архангельскаго трудъ безполезный. Требованія науки, которую излагать взялся г. Архангельскій, постигаются имъ до того смутно и неопредѣленно, что онъ самъ безпрестанно сбивается, путается и не знаетъ, что принять, что отвергнуть, на чемъ остановиться. Словесность опредѣляетъ онъ, какъ «науку, излагающую въ *систематическомъ* (*связномъ*) порядкѣ ученіе о законахъ духа человѣческаго, по которымъ составляются художественно-словесныя произведенія». Всякій видитъ, что опредѣленіе это крайне односторонне и невѣрно, потому что предметное значеніе науки смѣшано здѣсь съ субъективнымъ ея началомъ. Если опредѣлять словесность, какъ «науку о законахъ духа человѣческаго, по которымъ» и проч., то можно подобное же опредѣленіе приложить ко всѣмъ наукамъ. Исторію можно назвать наукою о законахъ духа человѣческаго, по которымъ развивалась жизнь народовъ; математику — наукою о законахъ духа человѣческаго, по которымъ составляются разнообразныя числовыя и количественныя отношенія; даже курсъ скотоводства можно будетъ назвать наукой о законахъ духа человѣческаго, которыми опредѣляются правила ухода за скотомъ. Но допустимъ даже опредѣленіе г. Архангельскаго; чего тогда должны мы ожидать отъ него, примѣнительно къ его точкѣ зрѣнія? Кажется, опредѣленіе науки, сдѣланное въ началѣ руководства, даетъ намъ право ожидать, что авторъ постарается представить, какимъ образомъ различные роды и виды словесныхъ произведеній развиваются изъ вѣчныхъ требованій духа человѣческаго сообразно законамъ психологическаго развитія человѣка. Мы и думали, что главную задачу руководства составляютъ философскія и эстетическія положенія, строго выведенныя изъ психическихъ законовъ. Но мы жестоко ошиблись. Г. Архангельскій поставилъ свое опредѣленіе такъ только, потому что нужно же какое-нибудь опредѣленіе. Во всемъ продолженіи руководства онъ ни разу и не вспомнилъ объ основной мысли, изложенной имъ въ опредѣленіи науки. Даже, напр., раздѣленіе словесности на поэзію и прозу не выведено изъ началъ духа человѣческаго, не объяснено психологически, а просто высказано слѣдующимъ образомъ: «по содержанію своему и по степени красоты словесной или художественной, они (произведенія словесности) раздѣляются, главнымъ образомъ, на два существеннѣйшіе и главнѣйшіе рода—на сочиненія прозаическія и поэтическія» (стр. 155). Читателю могутъ показаться странными эти оговорки: *главнымъ образомъ*, *главнѣйшіе роды*, и онъ можетъ спросить, какіе же еще есть роды словесныхъ произведеній кромѣ прозы и поэзіи? Г. Архангельскій полагаетъ, что есть еще *средніе:* такъ, на стр. 56-й онъ увѣряетъ, что кромѣ прозы и стиховъ есть еще рѣчь, занимающая средину между прозой и стихами... Жаль, что не зналъ этого Мольеровъ мѣщанинъ въ дворянствѣ!

Отсутствіе всякой основной идеи ясно обнаруживается въ каждомъ отдѣлѣ руководства г. Архангельскаго. Онъ рѣшительно не знаетъ, на чемъ ему остановиться: то ему кажется, что источники изобрѣтенія не нужно затверживать ученикамъ, то онъ признаетъ ихъ полезными; то полагаетъ, что тропамъ и фигурамъ учиться не слѣдуетъ, то заставляетъ употреблять ихъ; то онъ отрицается хрій и тому подобныхъ искусственныхъ упражненій, то излагаетъ ихъ, какъ весьма полезныя. Тотъ, кто вздумалъ бы учиться по книжкѣ г. Архангельскаго, пріобрѣлъ бы изъ нея множество понятій, необыкновенно диковинныхъ. Но этого мало: въ головѣ ученика образовался бы такой сумбуръ, что онъ не въ состояніи былъ бы произнести двухъ сужденій о предметахъ словесности, не противорѣча самому себѣ. Изложеніе г-на Архангельскаго

неопредѣленно, безцвѣтно и отличается непостижимой робостью во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно высказать какое-нибудь собственное мнѣніе. Такая робость, очевидно, происходитъ отчасти и оттого, что г-ну Архангельскому недостаетъ твердаго, установившагося взгляда на свой предметъ, что у него нѣтъ никакой основной идеи, которой бы подчинялись всѣ частные выводы и сужденія. Но есть этому и другая причина: автору «Руководства» не достаетъ знанія литературы. Правила словесности, особенно въ отношеніи къ внѣшнему выраженію, почерпаются не изъ однихъ только требованій духа человѣческаго, а также изъ произведеній лучшихъ писателей. Эти-то писатели и неизвѣстны г-ну Архангельскому. Руководство его поразительно своимъ совершеннымъ незнаніемъ литературы. Не говоримъ уже о томъ, что въ немъ смѣшиваются произведенія поэтическія съ прозаическими, такъ что, напр., «Дѣтство и Отрочество» гр. Толстого приводится въ примѣръ біографіи, а «Записки Охотника» Тургенева считаются не болѣе какъ рядомъ *описаній*, изложенныхъ то въ формѣ монологической, то въ діалогической, то въ смѣшанной. Не говоримъ и о томъ, какое полное незнаніе новой литературы обнаруживаетъ руководство, утверждая, что, напр., ученая критика основана у насъ г.г. Иваномъ Давыдовымъ и Шевыревымъ, или что образцы біографіи представляютъ творенія г.г. Греча и гр. Соллогуба. Все это еще простительно до нѣкоторой степени. Но что сказать объ авторѣ, который пренаивно утверждаетъ, что лучшія критическія исторіи написаны *Нибуромъ* и *Погодинымъ*,—или что чтеніе духовныхъ книгъ очень полезно для образованія слога, потому что оно внушило много прекрасныхъ стиховъ *Байрону* и *Кострову!!!* Не правда ли, что при такомъ состояніи литературныхъ свѣдѣній автора трудно ему было бы составить руководство къ изученію словесности, хоть мало-мальски сносное?

Насъ всегда занималъ вопросъ: откуда берутся дурные учебники и почему именно дурныхъ такъ много? Кажется, по здравому человѣческому смыслу, при нѣкоторой только скромности—трудно взяться за составленіе цѣлой системы ученія о такомъ предметѣ, котораго самъ не понимаешь. Если бы, напр., васъ, читатель, попросили составить «руководство къ изученію географіи луны»,—вы, навѣрное, отказались бы; а между тѣмъ всякому мало-мальски образованному человѣку географія луны, все-таки, гораздо извѣстнѣе, нежели г. Архангельскому русская словесность. Какъ же могла придти въ голову мысль составить «руководство къ словесности и къ упражненію въ сочиненіяхъ» тому, кто самъ не знаетъ даже русскаго языка и правильно писать по-русски не умѣетъ, какъ это ясно видно почти на каждой страницѣ руководства? Объясненіе этого грустнаго факта надобно искать въ самомъ положеніи нашихъ учителей и въ степени ихъ подготовленности къ своему дѣлу. У насъ приготовляются преподаватели спеціальные только для университетскихъ чтеній. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учителя попадаютъ обыкновенно на тотъ или на другой предметъ совершенно случайно. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ одномъ изъ которыхъ былъ профессоромъ г. Архангельскій, это особенно распространено. Но почти то же, только въ меньшей степени бываетъ и въ гимназіяхъ. Студентъ въ высшемъ учебномъ заведеніи занимается, положимъ, древними языками и, погруженный въ Демосоена и Цицерона, не хочетъ знать ни Карамзина, ни Пушкина, ни Гоголя. Вдругъ, при окончаніи имъ курса, открывается мѣсто учителя словесности въ томъ самомъ городѣ, откуда онъ родомъ, или гдѣ онъ имѣетъ какіе-нибудь интересы. Онъ думаетъ тогда: конечно, я мало занимался русской словесностью; но все же я слушалъ нѣсколько лекцій, читалъ кое-что; могу взять нѣсколько книжекъ и записки своего профессора. Неужели для гимназиста много нужно?» И вотъ студентъ выхлопатываетъ себѣ мѣсто учителя русской словесности и отправляется учить. Ученики ждутъ отъ него мыслей, взглядовъ, свѣдѣній; но онъ самъ бродитъ, какъ въ темномъ лѣсу, и не знаетъ, съ чего ему начать. Но начать непремѣнно надобно,—и вотъ учитель начинаетъ заглядывать въ разныя книжки и тетрадки. Цѣликомъ ему выписать не хочется: самолюбіе запрещаетъ. Переварить же хорошенько чужія мнѣнія и составить свой взглядъ—онъ и хотѣлъ бы, да не умѣетъ. И начинается выдираніе по клочкамъ — то одного мнѣнія или мысли, то другого; тутъ фраза выдернется, тутъ опредѣленіе заимствуется, тамъ доказательство выпишется, — все это безъ внутренней связи, безъ единства, безъ всякой заботы объ основной идеѣ. Подобныхъ высшихъ требованій самъ авторъ не понимаетъ; ему только бы рубрики были: здѣсь хрій и силлогизмы, тутъ тропы и фигуры, тамъ качества слога и т. д. Глядишь, къ концу года и готовъ учебникъ по всей формѣ. А если готовъ, такъ отчего его и не напечатать? И такимъ образомъ выходитъ великое множество учебниковъ, болѣе или менѣе похожихъ на руководство г. Архангельскаго.

136. Природа и люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Книга I, выпускъ 1. С.-Петербургъ. 1858 г. VIII и 151 стр.

Напечатано вмѣстѣ съ № 135. Болѣе интересный отзывъ данъ позже въ «Современникѣ» (см. № 142).

М. Л.

Оживленіе географической номенклатуры свѣдѣніями изъ естественной исторіи и этнографіи — главная задача издателя этой книги. Мысль весьма полезная и справедливая! Давно пора бы намъ понять, что наши географическіе учебники отнимаютъ всякую возможностъ чему-нибудь понимъ выучиться. Десятки собственныхъ именъ попадаются на каждой страницѣ, и всѣ ихъ надобно запомнить, и, что особенно замѣчательно, запомнить—не связывая съ ними никакого смысла! Да послѣ этого легче выучиться иностранному языку: тамъ по крайней мѣрѣ съ словами хоть смыслъ какой-нибудь соединяется; а тутъ исчисляй себѣ австралійскіе острова, германскія княжества, русскіе уѣздные города, заучивай, что Волга принимаетъ въ себя—Вазузу, Сестру, Оку, Суру, Свіягу, Сарпу, Тверцу, Мологу, Шексну, Кострому, Унжу, Ветлугу, Каму, Черемшанъ, Сокъ, Самару, Иргисъ, Ерусланъ... Какой смыслъ долженъ придавать этимъ словамъ ребенокъ, учащійся географіи? Намъ кажется, что обыкновенный нашъ способъ обученія географіи доселѣ совершенно равнялся тому, какъ если бы мы вздумали учить дѣтей иностранному языку по лексикону. Задавали бы каждый день по страницѣ и не дали бы въ руки ни одной книги, пока ученикъ всего лексикона не выучитъ. Что наше сравненіе ни мало не преувеличено, можно убѣдиться слѣдующимъ соображеніемъ: въ географіи Ободовскаго находится (какъ видно по указателю именъ, въ концѣ книги) до 4000 собственныхъ названій; изученіе всѣхъ ихъ можетъ равняться изученію иностраннаго языка, потому что, владѣя четырьмя тысячами словъ какого угодно изъ европейскихъ языковъ, можно уже читать на немъ очень свободно. Но, разумѣется, съ тѣми же четырьмя тысячами ничего не сдѣлаешь, если выучить ихъ по лексикону, — отъ а до д, напримѣръ. Къ счастью языкамъ такъ не учатъ. Только географіи вышла такая несчастная доля!

Уроки г. А. П. (ему принадлежатъ въ этомъ выпускѣ три урока, кромѣ того одинъ читанъ былъ г. В. Л.) уклоняются отъ старой рутины. Они изображаютъ природу страны большею частью очень живо; о естественныхъ произведеніяхъ говорятъ подробно; говоря о жителяхъ, указываютъ на ихъ нравы и обычаи. Все это чрезвычайно много облегчаетъ и упрощаетъ изученіе географическихъ данныхъ.

Въ вышедшемъ нынѣ выпускѣ находится обозрѣніе Восточнаго Океана, Океаніи и Австраліи. Авторъ начинаетъ свои уроки съ этихъ странъ потому, что «здѣсь, какъ онъ говоритъ, природа еще не утратила своего первоначальнаго типа, и люди еще не вышли изъ первобытнаго естественнаго состоянія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ эти страны сдѣлались извѣстны позднѣе, то автору представлялась возможность въ историческомъ разсказѣ осмыслить самую номенклатуру географическую. Такъ, разсказывая о путешествіи Магеллана, г. А. П. упоминаетъ и различныя обстоятельства, подавшія поводъ къ тому или другому названію разныхъ острововъ. Вообще изложеніе уроковъ г. А. П. очень живо, просто и занимательно.

Нельзя того же сказать объ «оро-гидрографическомъ очеркѣ» Австраліи, составленномъ г. В. Л. Онъ весьма недалеко ушелъ отъ старой рутины. Впрочемъ, самъ авторъ, въ примѣчаніи къ этому уроку, сознается, что представилъ свой очеркъ въ сжатомъ и неполномъ видѣ, потому что это есть не болѣе какъ черченіе карты, нѣсколько оживленное. Какъ пособіе при черченіи карты учениками, дѣйствительно, и урокъ г. В. Л. можетъ почесться нелишнимъ въ книгѣ.

137. Первый шагъ.

Чтеніе для молодыхъ дѣвицъ. *Августы Вороновой.* С.-Петербургъ. 1858 г. въ 8 д. л. 324 стр.

Напечатано вмѣстѣ съ № 135.

М. Л.

Мы рѣшительно не понимаемъ назначенія этой книги. Отчего это *первый шагъ* и отчего первый шагъ должны читать именно молодыя дѣвицы? Неужели потому что тутъ есть «Журналъ молодой дѣвицы» и «Записки гувернантки»? Но подобные журналы и записки существуютъ десятками въ нашей литературѣ, и никто не назначаетъ ихъ преимущественно для чтенія молодыхъ дѣвицъ. Можетъ быть, содержаніе книги г-жи Вороновой имѣетъ что-нибудь особенное? И того нѣтъ: обыкновенныя плохія повѣсти, которыхъ завязка основана на противорѣчіяхъ любви. Вотъ, напр., содержаніе перваго разсказа. Дѣвушка шестнадцати лѣтъ ведетъ журналъ, тутъ она записываетъ много прекрасныхъ вещей: и о томъ, что Переяславское озеро богато лягушками, и о томъ, что ея гувернантка— отличная женщина, что не нужно трудиться надъ безполезнымъ дѣломъ и проч. Но дѣло собственно заключается не въ этихъ прекрасныхъ замѣткахъ, а въ томъ, что дѣвушка влюбилась въ богатаго, красиваго и гордаго Леона Рѣшетинскаго, полюбивши въ то же время своего троюроднаго кузена Nicolas. Послѣ разныхъ сценъ и проволочекъ, блистательный Леонъ сватается. Дѣвушка не можетъ еще разобрать своихъ чувствъ и говоритъ объ этомъ матери. Мать начинаетъ выхвалять Леона, говоря, что другого такого жениха не сыскать. Но дѣвушка, все-таки, не рѣшается и прибѣгаетъ къ гувернанткѣ. Гувернантка объясняетъ ей, что и матери ея Леонъ ужасно не по сердцу, но что она выхваляла его для того, чтобы ничѣмъ не препятствовать свободному выбору своей дочери, хотя и увѣрена была, что этотъ бракъ принесетъ ей несчатье. Дѣвушка умиляется такой высотою материнской любви и выходитъ за кузена Nicolas. Въ другомъ разсказѣ гувернантка разсказываетъ, какъ ее преслѣдовалъ въ одномъ домѣ Ардаліонъ Тимофеичъ, какъ онъ, нетрезвый, засталъ ее разъ въ темной комнатѣ, упалъ передъ нею, обнималъ и цѣловалъ ея ноги, какъ она бѣжала изъ этого дома въ другой, гдѣ тридцатилѣтняя экономка, пять лѣтъ до того бывшая при дѣтяхъ, начинаетъ ревновать ее къ вдовцу— хозяину и проч. Третій разсказъ—«Лѣтнія ночи»—состоитъ въ томъ, что сороколѣтняя женщина разсказываетъ 18-ти лѣтней дѣвушкѣ, какъ она, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, провела одну больную ночь. Тутъ опять — прогулка въ саду, дремотное забытье отъ шампанскаго, встрѣча въ темнотѣ съ молодымъ человѣкомъ, а затѣмъ его наставленіе: «не подвергайте себя молвѣ слишкомъ рано».—Мы рѣшительно не понимаемъ, какая необходимость молодымъ дѣвицамъ читать подобные разсказы? Развѣ мало у насъ вздорныхъ повѣстей и романовъ съ чувствительными сценами и даже съ нравоучительнымъ хвостикомъ въ развязкѣ? Мы вовсе не принадлежимъ къ числу пуристовъ, которые приходятъ въ ужасъ, если при дѣвицахъ произнесутъ слово *любовь*, безъ прилагательнаго — дѣтская, братская и т. п. Но мы не понимаемъ и того, зачѣмъ вздорные разсказы о вздорной любви дѣлать преимущественнымъ чтеніемъ молодыхъ дѣвицъ? Неужели нельзя найти для нихъ предмета поинтереснѣе? Да ужъ если нужно имъ читать разсказы, такъ лучше дать имъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Григоровича и проч. Тамъ есть достоинства художественныя, тамъ жизнь изображена естественно и живо, изящный вкусъ и литературное образованіе выигрываютъ отъ чтенія такихъ повѣстей. О разсказахъ г-жи Вороновой нельзя сказать этого; имъ недостаетъ даже хорошаго изложенія. А какой *первый шагъ* указываютъ они молодымъ дѣвицамъ, этого мы никакъ не умѣемъ объяснить.

Есть, въ книгѣ г-жи Вороновой еще два разсказа, не отличающіеся тѣмъ характеромъ, въ какомъ написаны остальные три. Первый изъ нихъ: «Путешествіе въ портъ-Аянъ», представляетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей о Сибири; второй: «Записки о Ригѣ и Прибалтійскомъ краѣ»—составляетъ сухой и скучный перечень историческихъ событій въ прибалтійскихъ земляхъ отъ XII столѣтія. *Перваго шага* мы и тутъ не доискались.

---

138. Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

(Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. М. 1858).

Напечатано въ IV кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 31 марта), съ подписью «—бовъ».

Очень важная статья для изученія міросозерцанія автора. Здѣсь Добролюбовъ высказался одновременно по нѣсколькимъ вопросамъ большой важности.

Прежде всего опять о роли личности въ исторіи, о героѣ и толпѣ (см. замѣтку къ № 125). Сопоставляя двѣ крайнія точки зрѣнія на вопросъ, Н. А. снова подчеркиваетъ свое среднее между ними положеніе, находя, что только въ сферѣ отвлеченной мысли можно сколько угодно уничтожать личность, но вовсе не въ сферѣ дѣйствительной жизни. Добролюбову въ этомъ вопросѣ принадлежитъ честь перваго изъ указавшихъ, что оба крайніе взгляда происходятъ, въ сущности, отъ неуваженія къ личности вообще, отъ непониманія правъ каждаго человѣка.

Затѣмъ критикъ очень подробно высказался, по вопросу о соотношеніи нравственности и долга. Истинно нравственнаго человѣка онъ опредѣляетъ, какъ стремящагося слить требованія долга съ потребностями внутренняго своего существа, старающагося переработать ихъ въ свою плоть и кровь путемъ самосознанія и саморазвитія, такъ, чтобы человѣкъ могъ жить въ другихъ, наслаждаться чужою радостью, чужимъ счастьемъ.

Къ проповѣди отреченія и страданія Добролюбовъ относится очень несочувственно и всячески защищаетъ за личностью право свободы выбора жизни.

И такую работу надъ самимъ собой Добролюбовъ не считаетъ для прогресса общества безполезной, а людей ею занимающихся—лишними. Не всякому удается, бросившись въ пламя борьбы, выйти изъ него побѣдителемъ, не растерять своихъ силъ и стремленій. И человѣкъ просто высоко-честный и нравственный въ своей жизни вполнѣ достоинъ уваженія общества за свою честность и нравственность. «Даже натура чисто созерцательная, не проявившаяся въ энергической дѣятельности общественной, но нашедшая въ себѣ столько силъ, чтобы выработать убѣжденія для собственной жизни и жить не въ разладѣ съ этими убѣжденіями,—даже такая натура не остается безъ благотворнаго вліянія на общество именно своей личностью. Мысль и чувства и сами по себѣ не лишены, конечно, высокаго реальнаго значенія; поэтому простая забота о развитіи въ себѣ чувства и мысли есть уже дѣятельность законная и небезполезная». Все это надо особенно хорошо продумать, чтобы потомъ лучше понять перемѣну во взглядахъ Добролюбова на данный вопросъ.

Наконецъ, очень справедливы указанія вліянія Станкевича на Бѣлинскаго.

Поводомъ къ настоящей статьѣ служила статья *И. Л.*, напечатанная въ № 3 «Библіотеки для Чтенія» (редакція А. В. Дружинина) 1858 года. *И. Л.* очень подробно остановился на книгѣ Анненкова, и почти вся аргументація, оспариваемая Добролюбовымъ, принадлежитъ ему. Этотъ, неизвѣстный намъ, авторъ резюмировалъ свои выводы въ слѣдующихъ словахъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что Станкевичъ былъ человѣкъ необыкновенный; что его развитіе было высоко и полно; что въ его жизни и во всемъ его существѣ было что-то стройное, гармоническое; что онъ отличался необыкновенной граціею; что бесѣда съ нимъ и споръ были пріятны и полезны, и что онъ могъ производить на окружающихъ его обаятельное впечатлѣніе. При средствахъ гораздо меньшихъ можно достигнуть всего этого. Но спрашивается, къ какимъ результатамъ вело все это и даютъ ли эти результаты ему право на имя нравственнаго и общественнаго дѣятеля въ той степени, которая можетъ придать человѣку историческое значеніе и при томъ въ такое короткое время? Мы несогласны съ мнѣніемъ г. Анненкова на счетъ общественнаго значенія Станкевича и не раздѣляемъ вполнѣ его удивленія къ этой личности... Станкевичъ, по нашему мнѣнію, личность чрезвычайно замѣчательная и любопытная въ психологическомъ, а не историческомъ или нравственномъ отношеніи».

Разумѣется, и безъ статьи *И. Л.* Добролюбовъ не прошелъ бы Станкевича молчаніемъ, но тогда его работа, вѣроятно, была бы иначе конструирована.

М. Л.

Еще въ 1846 г., въ біографіи Кольцова, Бѣлинскій писалъ о Станкевичѣ: «это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ къ нимъ людей». Бѣлинскій самъ принадлежалъ къ числу этихъ близкихъ людей, и уже одного упоминанія его было бы, конечно, достаточно для того, чтобы возбудить въ насъ желаніе узнать покороче личность, внушившую ему такія строки. Теперь, благодаря біографіи Станкевича, написанной г. Анненковымъ, и еще болѣе перепискѣ, изданной имъ же, это справедливое желаніе можетъ быть удовлетворено. Біографическій очеркъ Станкевича былъ еще раньше напечатанъ г. Анненковымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; теперь онъ изданъ (въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ) отдѣльной книгой, вмѣстѣ съ перепискою Станкевича. Мы не будемъ здѣсь представлять извлеченія изъ фактовъ и мнѣній, находящихся въ книгѣ г. Анненкова: ихъ уже всѣ прочли, конечно, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы не хотимъ излагать и содержанія переписки Станкевича, въ которой ясно отражается благородная, открытая, любящая душа его. Нѣтъ сомнѣнія, что большую часть писемъ Станкевича пронутъ съ удовольствіемъ всѣ, кому дорого развитіе живыхъ идей и чистыхъ стремленій, происшедшее въ нашей литературѣ въ сороковыхъ годахъ и вышедшее преимущественно изъ того кружка, средоточіемъ котораго былъ Станкевичъ. Изданныя письма (большею частію къ Я. М. Н—ву [1]), меньшею—къ Грановскому, и еще къ нѣсколькимъ лицамъ) не составляютъ, конечно, *всей* переписки Станкевича; но уже изъ нихъ очень ясно видна степень того значенія, какое имѣлъ онъ среди передовыхъ тогдашнихъ дѣятелей русской литературы. А это уже достаточно объясняетъ его права на вниманіе и память образованнаго русскаго общества, которое не мало обязано своимъ развитіемъ русской литературѣ, и особенно критикѣ сороковыхъ годовъ.

Чтеніе переписки Станкевича такъ симпатично дѣйствовало на насъ, намъ такъ отрадно было наблюдать проявленія этого прекраснаго характера; личность писавшаго представлялась намъ, по этимъ письмамъ, такъ обаятельною, что мы считали переписку Станкевича окончательнымъ объясненіемъ и утвержденіемъ его правъ на вниманіе и сочувствіе образованнаго общества. Мы не думали, чтобъ нашлись люди, которые бы остались холодными и безстрастными предъ поэтическимъ обаяніемъ этого юноши и сурово потребовали бы у него еще иныхъ, болѣе осязательныхъ правъ на уваженіе и сочувствіе общества. Но, къ сожалѣнію, нашлись такіе люди и показали намъ возможность строгаго допроса, обращеннаго къ памяти человѣка, о которомъ съ любовью и уваженіемъ вспоминаютъ всѣ, кто только зналъ его. Мы слышали сужденіе о книгѣ, изданной г. Анненковымъ, выраженное въ такомъ тонѣ: «прочитавши ее до конца, надобно опять воротиться къ первой страницѣ, и спросить, вмѣстѣ съ біографомъ Станкевича: чѣмъ же имя этого юноши заслужило право на вниманіе общества и на снисходительное любопытство его?» Выражавшіе такое сужденіе не видѣли въ Станкевичѣ ничего, кромѣ того, что онъ былъ добрый человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе и имѣвшій знакомство съ хорошими людьми, которымъ умѣлъ нравиться: что же за невидаль подобная личность? Мало ли кто имѣлъ хорошія знакомства!

Значитъ, все-таки, неясно еще значеніе Станкевича, все-таки, есть поводы не признавать его права... На это отрицаніе нельзя смотрѣть, какъ на слѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ интересовъ и страстей, подобное тому, что мы видѣли недавно въ униженіи заслугъ Грановскаго [1]). Тамъ говорили воспоминанія друзей разнаго рода; многое сказалось въ жару спора, многое возбуждено было тѣмъ, что противникамъ Грановскаго показались слишкомъ неумѣренными восторги его поклонниковъ. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и не было. О Станкевичѣ пишутъ и разсуждаютъ люди, лично его не знавшіе; споровъ никакихъ не было, даже и восторговъ почти не было. Если бы кто-нибудь сталъ превозносить Станкевича выше мѣры и сталъ бы увѣрять, что онъ былъ главою кружка, что отъ него заимствовано все, что было хорошаго у его друзей; если бы кто-нибудь сталъ приписывать великое, міровое значеніе его бесѣдамъ съ друзьями и возводить его въ геніи и благодѣтели человѣчества, тогда, конечно, было бы отъ чего въ отчаянье придти и даже, пожалуй, ожесточиться. Но вѣдь этого никто не дѣлаетъ. Говорятъ просто: Станкевичъ былъ человѣкъ очень замѣчательный по своему свѣтлому уму, живой воспріимчивости и симпатичности своей натуры. Его стремленія были возвышенны и идеальны, онъ искалъ все обобщить, во всемъ дойти до идеи, до начала

[1]) Невѣрову.

[1]) Въ указанной выше книгѣ В. В. Григорьева.

знанія. Вся его молодая жизнь прошла въ мірѣ науки и искусства, которымъ онъ восторженно предавался, въ надеждѣ *приготовить* себя къ полезной дѣятельности. Около него собирался кругъ друзей, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными своею дѣятельностью. Всѣ они вспоминали и вспоминаютъ о немъ съ какой-то благоговѣйной любовью; лучшіе изъ нихъ говорятъ открыто, что многимъ ему обязаны и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Личность такого человѣка не должна быть забыта, хотя бы и для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ могъ онъ дѣйствовать такъ обаятельно на своихъ друзей? Интересъ его біографіи возрастаетъ, когда мы узнаемъ, что это обаяніе не заключалось просто въ мягкости характера и добродушіи, а имѣло гораздо лучшія основанія. Прочитавъ его переписку, узнавъ его жизнь, мы убѣждаемся, что онъ имѣлъ дѣйствительно благотворное значеніе въ кругу своихъ друзей, и что онъ замѣчателенъ самъ по себѣ, а не потому только, что на него упалъ отблескъ славы кого-нибудь изъ нихъ.

Что тутъ преувеличеннаго? Что изъ этого можетъ отнять у Станкевича тотъ, кто не имѣетъ предъявить фактовъ, противорѣчащихъ заключеніямъ, сейчасъ переданнымъ нами? Кажется, — ничего. Но есть люди, отличающіеся весьма мрачнымъ взглядомъ на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то философской выспренностью. У нихъ своя точка зрѣнія на всѣ предметы, и они ставятъ вопросъ такимъ образомъ.

«Станкевичъ, говорятъ они, все занимался наукой и искусствомъ: гдѣ же его ученые и литературные труды? Сдѣлалъ ли онъ хоть одно открытіе въ наукѣ, произвелъ ли онъ хоть одно художественное chef-d'oeuvre. Даже просто, сдѣлалъ ли онъ хоть что-нибудь для науки? Нѣтъ? Такъ за что же уважать его? Онъ занимался наукой и искусствомъ потому, что находилъ въ нихъ наслажденіе, и это служитъ для него уже достаточной наградой. Станкевичъ любилъ и изучалъ философію: гдѣ же результаты его изученія? Трудился ли онъ для передачи другихъ своихъ взглядовъ, образовалъ ли какую-нибудь школу философіи? Нѣтъ? Такъ что намъ за дѣло до его философскихъ идей! Пусть ихъ остаются его субъективной принадлежностью и не разоблачаются передъ обществомъ: вѣдь, онъ изучалъ философію для себя, а не для общества. Если же что и передалъ онъ другимъ, то безсознательно: а безсознательныя дѣйствія не подлежатъ никакому нравственному вмѣненію. Станкевичъ былъ добрый и симпатичный человѣкъ: какъ же это выражалось въ его жизни? Спѣшилъ ли онъ отыскивать несчастныхъ и помогать имъ, подавалъ ли нищимъ, дѣлился ли послѣднимъ съ неимущими, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, И. И. Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ? Объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; въ чемъ же выражалась доброта и высокая нравственность Станкевича? Неужели въ томъ только, что онъ умѣлъ привязать къ себѣ своихъ друзей? Это еще небольшая заслуга. Станкевичъ имѣлъ благородныя и твердыя убѣжденія: какъ же они выразились въ жизни? Страдалъ ли онъ изъ-за нихъ, жертвовалъ ли имъ своимъ счастіемъ, подвергался ли клеветамъ, брани, огорченіямъ, лишеніямъ въ борьбѣ за свои убѣжденія? Нѣтъ? Такъ что же можетъ заставить насъ уважать его убѣжденія и его самого? Мы видимъ изъ всего, что Станкевичъ не былъ труженикомъ и мученикомъ идеи, а просто былъ эпикурейцемъ, хотя и не въ дурномъ значеніи этого слова. У него не было того качества, которое необходимо для общественнаго дѣятеля,—*самоотверженія*. Что онъ ни дѣлалъ, онъ во всемъ былъ дилетантомъ и ни въ чемъ не являлся спеціалистомъ; во всемъ искалъ прежде всего удовлетворенія собственной потребности, собственнаго стремленія, и не думалъ обрекать себя въ жертву для другихъ. Такой человѣкъ не имѣетъ правъ на общественное значеніе, какое имѣетъ, напримѣръ, И. И. Мартыновъ. Тотъ менѣе имѣетъ извѣстности, менѣе, можетъ быть, имѣлъ дарованій, чѣмъ Станкевичъ; но его права на благодарность потомства несомнѣнны, именно потому, что онъ всегда жертвовалъ собою для другихъ. Онъ учился—не какъ дилетантъ, не потому, что его привлекала та или другая книжка, та или другая идейка, а потому всего болѣе, что хотѣлъ оправдать ожиданія и надежды своего начальника и благодѣтеля. Онъ занимался литературой, но не для собственнаго удовольствія, не по какому-нибудь безотчетному влеченію сердца, а съ сознательнымъ желаніемъ принести пользу согражданамъ, и главное, потому, что,—по собственному его выраженію,—литература была близка ему, «какъ чиновнику министерства просвѣщенія» [1]). Слѣдовательно—занятія литературныя были для него не удовольствіемъ, не забавой, а трудомъ, пожертвованіемъ, службою. Кромѣ того, онъ былъ и на дѣйствительной службѣ, а въ частной жизни полезенъ былъ тѣмъ, что помогалъ бѣднымъ. Вотъ какія права надобно имѣть на общественное значеніе, а не такія, какія предъявляются за Стан-

[1]) Намекъ на составленіе Мартыновымъ цензурнаго устава.

кевича. Станкевичъ былъ прекрасный человѣкъ, но прекрасный для себя, а не для другихъ, не для общества. Онъ никогда не принуждалъ себя, не занимался тѣмъ, къ чему не чувствовалъ сердечнаго влеченія, не налагалъ на себя тяжелыхъ нравственныхъ веригъ, не жертвовалъ своей личностью для пользы общей. Онъ былъ эгоистъ, хотя и въ возвышенномъ смыслѣ. Все, совершонное имъ, было имъ совершено прежде всего *для себя*, а если потомъ и выходила польза для другихъ, то совершенно безъ всякихъ разсчетовъ съ его стороны. Люди, развивавшіеся подъ его вліяніемъ, развились бы и безъ него; если бы они были неспособны къ развитію сами по себѣ, то и Станкевичъ ничего бы не могъ изъ нихъ сдѣлать: доказательство—то, что онъ не сдѣлалъ великаго поэта изъ Красова, точно такъ же, какъ не могъ всѣхъ своихъ друзей поставить на ту степень умственнаго развитія, до которой дошелъ Бѣлинскій. Нѣтъ,—и образованіе, и идеи германской философіи развились въ нашемъ обществѣ по естественному ходу образованія и развились бы независимо отъ Станкевича, если бы его никогда и не было на свѣтѣ».

Такой взглядъ не составляетъ исключительной принадлежности нѣсколькихъ лицъ; онъ очень свойственъ многимъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Извѣстно, что вообще о правахъ личности существуютъ два противоположные взгляда, оба ошибочные въ своихъ крайностяхъ. Одинъ, происходя отъ неуваженія къ личности вообще, отъ непониманія правъ каждаго человѣка, приводитъ къ неумѣренному, безразсудному поклоненію нѣсколькимъ исключительнымъ личностямъ. Такъ, на первой степени развитія невѣжественнаго народа, человѣкъ, пораженный необычайной силой или ловкостью какого-нибудь дикаго героя, забываетъ и свою личность, и личность своихъ ближнихъ и, вмѣстѣ со всѣми, признаетъ свое полное ничтожество предъ удивительнымъ богатыремъ и его безпредѣльную власть надъ собою. Такъ и въ обществѣ, еще мало свѣдущемъ и образованномъ, замѣчается особенная наклонность къ преклоненію передъ всѣмъ, что хоть немножко выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Чуть явится неглупый человѣкъ, о немъ кричатъ, что онъ геній; чуть выйдетъ недурное стихотвореніе, немедленно провозглашаютъ, что имъ могла бы гордиться всякая литература; чуть обнаружитъ человѣкъ кое-какія знанія, къ нему смѣло обращаются съ просьбой о разрѣшеніи всяческихъ вопросовъ, даже неразрѣшимыхъ. И передъ личностью, возбудившей общее благоговѣніе, все падаетъ во прахъ, все говоритъ: бей меня, топчи, плюй на меня;—я съ радостью все отъ тебя снесу, потому что ты геній, потому что ты герой» — или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Такіе порывы смѣшны, конечно, и даже возмущаютъ душу, потому что въ нихъ выражается неуваженіе каждой отдѣльной личности къ самой себѣ. Охота къ восхваленію и преклоненію предъ такъ называемыми *избранниками* судьбы, геніальными натурами—заслуживаетъ, конечно, обличенія и противодѣйствія. Такъ и было въ нашей литературѣ, когда послѣ необдуманнаго восхищенія фантазіями Кукольника, Тимофеева, послѣ благоговѣйнаго трепета предъ авторитетами Хераскова, Державина и проч., явилась строгая критика, рѣшившаяся основательно опредѣлить мѣру ихъ достоинства. Начала, принятыя этой критикой, утвердились и доселѣ дѣйствуютъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Но многіе изъ избранныхъ людей пустились теперь въ другую крайность: въ уничтоженіе вообще личностей. Важно общее теченіе дѣлъ, говорятъ они, важно развитіе народа и человѣчества, а не развитіе отдѣльныхъ личностей. Если личность занималась какой-нибудь спеціальностью и сдѣлала открытія, то объ этихъ открытіяхъ можно еще говорить, потому что они способствуютъ общему ходу развитія человѣчества. Но личность сама по себѣ не имѣетъ никаго значенія, и мы не должны обращать на нее вниманія. Такое разсужденіе показываетъ, по нашему мнѣнію, только неумѣнье обращаться съ общими философскими положеніями, когда дѣло коснется примѣненія ихъ къ частнымъ случаямъ. Конечно, ходъ развитія человѣчества не измѣняется отъ личностей. Въ исторіи прогресса цѣлаго человѣчества не имѣютъ особеннаго значенія не только Станкевичи, но и Бѣлинскіе, и не только Бѣлинскіе, но и Байроны и Гёте; не будь ихъ—то, что сдѣлано ими, сдѣлали бы другіе. Не потому извѣстное направленіе является въ извѣстную эпоху, что такой-то геній принесъ его откуда-то съ другой планеты, а потому геній выражаетъ извѣстное направленіе, что элементы его уже выработались въ обществѣ и только выразились и осуществились въ одной личности болѣе, чѣмъ въ другихъ. Слѣдовательно, въ сферѣ отвлеченной мысли, можно сколько угодно уничтожать личности, имѣя дѣло только съ идеями. Но не столь справедливо будетъ въ частныхъ случаяхъ, въ примѣненіяхъ къ дѣйствительной жизни, говорить, что такая-то и такая-то личность не заслуживаетъ уваженія, потому что черезъ 25 лѣтъ о ней останется одно воспоминаніе, а черезъ 250—и того не будетъ.

Подобное смѣшеніе общихъ теоретическихъ положеній съ точкой зрѣнія дѣйствительности можетъ повести къ весьма забавнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Я, напримѣръ, знаю, что движеніе народонаселенія въ человѣчествѣ, и даже въ Россіи, и даже въ Н-ской губерніи вовсе не измѣнилось оттого, что въ городѣ Н. есть прекрасный докторъ, вылѣчившій многихъ трудно больныхъ. Но, между тѣмъ, я самъ живу въ городѣ Н., безпрестанно слышу благодарныя воспоминанія о немъ отъ людей, имъ вылѣченныхъ, и нахожу, что его уважаютъ даже люди, никогда не бывшіе больными. Неужели я поступлю справедливо и благоразумно, если начну всѣмъ этимъ людямъ доказывать, что докторъ не заслуживаетъ ни благодарности, ни уваженія, потому что человѣчество отъ него не выиграло, вылѣчилъ онъ немногихъ, да и тѣ, которыхъ вылѣчилъ, все-таки, умрутъ же, и черезъ 50—60 лѣтъ ничего не останется отъ его дѣятельности? Кажется, въ этомъ случаѣ я былъ бы столько же несправедливъ, какъ и въ томъ, если бы я сталъ утверждать, что вопросъ объ увеличеніи народонаселенія на всемъ земномъ шарѣ рѣшительно зависитъ отъ дѣятельности доктора, живущаго въ городѣ Н.

Но на Станкевича, кромѣ его незначительности въ исторіи человѣчества, взводятъ еще другое обвиненіе, которое еще болѣе характеристично для нашего образованнаго общества и которое мы, поэтому, намѣрены разсмотрѣть подробнѣе. Говорятъ, что Станкевичъ не былъ труженикомъ, спеціалистомъ, что онъ не имѣлъ самоотверженія, и потому не имѣетъ правъ на значеніе общественное. Недавно мы слышали, какъ многіе голоса повторили то же самое по поводу Грановскаго, доказывали, что онъ былъ не ученый, а артистъ. Теперь раздаются тѣ же возгласы противъ Станкевича. Отчего это? Причины этого, кажется нельзя искать въ однихъ личныхъ пристрастіяхъ; должно быть какое-нибудь основаніе, болѣе глубокое. Основаніе это должно заключаться въ самомъ взглядѣ на жизнь, который какъ-то составился въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не такъ давно, одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ писателей высказалъ прямо этотъ взглядъ, сказавши, что цѣль жизни не есть наслажденіе, а, напротивъ, есть вѣчный трудъ, вѣчная жертва, что мы должны постоянно принуждать себя, противодѣйствуя своимъ желаніямъ, вслѣдствіе требованій нравственнаго долга [1]).

[1]) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о Тургеневѣ. Въ его «Фаустѣ» («Современникъ» 1856 г., X) были такія строки: «Кончая, скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе... жизнь—тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея послѣдній смыслъ, ея разгадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были,—исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща».

Въ этомъ взглядѣ есть сторона очень похвальная, именно — уваженіе къ требованіямъ нравственнаго долга. [Но, съ другой стороны, взглядъ этотъ крайне печаленъ, потому что потребности человѣческой природы онъ прямо признаетъ противными требованіямъ долга; и, слѣдовательно, принимающіе такой взглядъ признаются въ своей крайней испорченности и нравственной негодности. Это, кажется, ясно, и на основаніи этого взгляда не трудно рѣшить вопросъ о нравственномъ достоинствѣ Станкевича въ двухъ словахъ]. Если жизнь должна быть рядомъ лишеній и страданій въ силу велѣній долга, такъ это вѣдь потому, что наши собственныя стремленія не сходятся съ требованіями долга. Слѣдовательно, не переноситъ такихъ лишеній и страданій или тотъ, кто совсѣмъ не хочетъ знать велѣній долга и предается своимъ дурнымъ, безнравственнымъ наклонностямъ, или тотъ, у кого собственныя стремленія не отдаляются отъ нравственныхъ требованій. Теперь спрашивается: къ которому изъ этихъ двухъ разрядовъ отнести Станкевича? Никто не скажетъ, чтобъ онъ былъ дурнымъ человѣкомъ; слѣдовательно, отсутствіе страданій, внутренней борьбы и всякихъ душевныхъ мукъ происходило въ немъ просто отъ гармоніи его существа съ требованіями чистой нравственности. Надъ нимъ не имѣли силы грязныя побужденія, мелочные разсчеты, двоедушныя отношенія; оттого во всемъ существѣ его, во всей его жизни замѣчается ясность и безмятежность, безъ раздвоенія съ самимъ собой, безъ насилованія естественныхъ стремленій.

Насъ плѣняетъ въ Станкевичѣ именно это постоянное согласіе съ самимъ собою, это спокойствіе и простота всѣхъ его дѣйствій. По всей вѣроятности, эти качества весьма сильно привлекали къ нему и друзей его. Изъ переписки Станкевича мы видимъ, что только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, для соблюденія свѣтскаго приличія, онъ принуждалъ себя къ скрытности и даже невинной лжи. Съ друзьями и этого, конечно, никогда не было. Станкевичъ занимался тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, и говорилъ о своихъ занятіяхъ съ увлеченіемъ. Ни въ поступкахъ, ни въ мысляхъ своихъ онъ не видѣлъ ничего предосудительнаго, и потому охотно переда-

валъ своимъ друзьямъ всѣ случаи своей жизни, всѣ свои мечты и планы. Всѣ его письма дышатъ полной, беззавѣтной откровенностью. А извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ простая, дружеская откровенность на молодое, благородное сердце. Друзья Станкевича могли быть увѣрены, что онъ не станетъ имъ льстить, не скроетъ своего мнѣнія, не побоится дать прямой, хотя бы и непріятный совѣтъ. У него не было этой малодушной совѣстливости, которая такъ часто заставляетъ насъ *щадить* людей, къ намъ близкихъ, изъ опасенія огорчить ихъ. Боязнь эта происходитъ у насъ, конечно, отъ недостатка довѣрія къ людямъ, даже близкимъ къ намъ, и отъ желанія удержать ихъ расположеніе. А, между тѣмъ, мы, все-таки, выразимъ свое мнѣніе, свое неудовольствіе, — какимъ-нибудь косвеннымъ намекомъ, скажемъ его другимъ,—оно какъ-нибудь дойдетъ до нашего друга, и прежнее довѣріе между нами неизбѣжно рушится. У Станкевича не было подобной недовѣрчивости; онъ очень просто и спокойно говоритъ свимъ друзьямъ, одному: «зачѣмъ ты свои силы тратишь на пустяки?»—другому: «что ты не учишься по-нѣмецки, это тебѣ необходимо»; — третьему: «зачѣмъ ты расхваливаешь глупую книгу?»—четвертому: «мнѣ жаль, что болѣзнь тебя разслабила, и что ты теперь ничего ни сдѣлаешь для людей». Подобныя замѣчанія кажутся очень легкими и естественными въ дружескихъ отношеніяхъ: но, право, не часто встрѣчаются друзья, которые могли бы даже такія вещи говорить прямо и просто. А, между тѣмъ, какъ много неодолимаго обаянія заключается въ этой ясной искренности, основанной на взаимномъ довѣріи и уваженіи. Если она является въ человѣкѣ вслѣдствіе суровости характера, закаленной въ борьбѣ и опытѣ жизни, то она принимаетъ по этому самому нѣкоторый видъ грубости и брюзгливости, не всегда нравящейся, особенно самолюбивымъ людямъ. Но даже и эта стоическая, холодная искренность имѣетъ какую-то особенную силу и прелесть и сообщаетъ большое вліяніе на окружающихъ тому, кто ею обладаетъ. Тѣмъ сильнѣе было, конечно, обаяніе личности Станкевича, соединявшаго съ простотою и искренностью необыкновенную мягкость характера, силу чувства и способность увлекаться всѣмъ прекраснымъ.

Впрочемъ, не подумайте, что мы хотимъ выставлять Станкевича идеальнымъ совершенствомъ. Совсѣмъ нѣтъ; мы вовсе не хотимъ утверждать, что онъ сталъ въ своей жизни выше всѣхъ сомнѣній и противорѣчій, что внутренняя гармонія его существа никогда и ничѣмъ не нарушалась. И у него были минуты тяжелыхъ думъ, горькаго недовольства собою, вслѣдствіе неудовлетворенныхъ стремленій и неумѣнья слиться душою съ нѣкоторыми требованіями долга. Такъ, будучи еще двадцати одного года, онъ писалъ: «я не могу сказать, чтобъ я дѣйствовалъ противъ долга, но, кажется, я слишкомъ много давалъ воли эгоизму, и отъ этого былъ всегда недоволенъ собою. *Неискренность*—вотъ что еще мучило меня: das Schein у меня часто противоположно dem Sein (особенно въ обществѣ), хотя и не изъ дурныхъ видовъ; а это даетъ дурное направленіе и рождаетъ опять недовольство самимъ собою» (стр. 89). Кто хочетъ видѣть во всемъ мрачную сторону, тотъ можетъ найти въ признаніи Станкевича подтвержденіе той мысли, что онъ былъ эгоистъ безъ твердаго характера. Но мы, напротивъ, видимъ въ этихъ словахъ, какъ высоки были требованія Станкевича отъ самого себя, какъ тяжелы были для него даже малѣйшія уклоненія отъ сознаннаго имъ долга. Онъ недоволенъ собой даже за то, что въ обществѣ не всегда можетъ казаться тѣмъ, что онъ есть; онъ упрекаетъ себя въ эгоизмѣ; а, между тѣмъ, видно по всему, что Станкевичъ менѣе всего могъ быть лицемѣромъ и грубымъ эгоистомъ. Его доброе сердце не понимало себялюбиваго своекорыстія, не умѣло быть счастливымъ безъ другихъ. Въ одномъ письмѣ къ Н—ву онъ говоритъ, что внутреннее блаженство заключается въ самоотверженіи. Слѣдовательно, онъ понималъ самоотверженіе какъ удовлетвореніе потребности сердца, а не какъ формальное исполненіе какого-то внѣшняго, суроваго предписанія. Вообще, намъ кажется, что взглядъ на жизнь, какъ на тяжелый, исполненный горестей, насильственный подвигъ,—взглядъ этотъ весьма высоко цѣнитъ формальную, внѣшнюю сторону дѣла. У насъ очень часто превозносятъ добродѣтельнаго человѣка тѣмъ восторженнѣе, чѣмъ болѣе онъ принуждаетъ себя къ добродѣтели. Но, по нашему мнѣнію, — холодные послѣдователи добродѣтели, исполняющіе предписанія долга только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувствовали любовь къ добру,—такіе люди не совсѣмъ достойны пламенныхъ восхваленій. [Эти люди жалки сами по себѣ. Ихъ чувства постоянно представляютъ имъ счастіе не въ исполненіи долга, а въ нарушеніи его; но они жертвуютъ своимъ благомъ, какъ они его понимаютъ, отвлеченному принципу, который принимаютъ безъ внутренняго сердечнаго участія. Поэтому они всегда несчастны отъ своей добродѣтели, жалуются на свои многотрудные подвиги и часто оканчиваютъ тѣмъ, что ожесточаются противъ всего на свѣтѣ.]

Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ на очень низкой степени: они не въ состояніи возвыситься до того, чтобы ощутить въ себѣ самихъ требованія долга и предаться имъ всѣмъ существомъ своимъ; они должны непремѣнно имѣть на себѣ какую-нибудь узду, чтобы обуздывать себя. Неужели же ихъ только за то, что они трудятся надъ собою, можно поставить выше людей, которымъ этотъ трудъ не нуженъ? Неужели нравственное достоинство человѣка, чувствующаго сильное поползновеніе красть, но пересиливающаго себя потому, что кража запрещена закономъ, — выше нравственности того, у кого не рождается даже и мысли о присвоеніи чужого, уже не вслѣдствіе запрещенія закона, а просто по внутреннему отвращенію отъ кражи? Кажется, не того можно назвать человѣкомъ истинно-нравственнымъ, кто только терпитъ надъ собою велѣнія долга, какъ какое-то тяжелое иго, какъ нравственныя вериги», а именно того, кто заботится слить требованія долга съ потребностями внутренняго существа своего, кто старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внутреннимъ процессомъ самосознанія и саморазвитія, такъ, чтобы они не только сдѣлались инстинктивно-необходимыми, но и доставляли внутреннее наслажденіе. Люди, полагающіе, что жизнь наша имѣетъ цѣлью отреченіе отъ всякаго наслажденія, находятъ въ этомъ эгоизмъ. Пусть и такъ, но такого рода эгоизмъ, по нашему мнѣнію, лучше того самоотреченія, о которомъ говорили мы выше, и мы искренно желаемъ, чтобы труженики съ мрачнымъ взглядомъ на жизнь достигли состоянія такого полнаго эгоизма, полагающаго въ счастьѣ другихъ собственное счастье. Къ такому состоянію приближался или стремился Станкевичъ въ большей части своихъ поступковъ, и за это онъ достоинъ нашего уваженія, а не упрековъ.

[Скажутъ, что въ подобномъ направленіи выражается очень сильно собственный эгоизмъ человѣка, и этому эгоизму какъ будто подчиняются всѣ другія, высшія чувствованія. Но мы спросимъ: кто же когда-нибудь могъ освободиться отъ дѣйствія эгоизма, и какое наше дѣйствіе не имѣетъ эгоизма своимъ главнымъ источникомъ? Мы всѣ ищемъ себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребностямъ, стараемся добиться счастія. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это счастье. Есть, конечно, грубые эгоисты, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ, и которые понимаютъ свое счастье въ грубыхъ наслажденіяхъ чувственности, въ уничиженіи предъ собою другихъ и т. д. Но, вѣдь, есть эгоизмъ другого рода. Отецъ, радующійся успѣхамъ своихъ дѣтей,—тоже эгоистъ; гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ,—тоже эгоистъ; вѣдь, все-таки, *онъ*, именно *онъ* самъ чувствуетъ удовольствіе при этомъ, вѣдь, онъ не отрекся отъ себя, радуясь радости другихъ. Даже если человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ, и тогда эгоизмъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на прихоть: это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а потому только, что слѣдуетъ предписанію долга? Въ этомъ случаѣ эгоизмъ скрывается глубже, потому что тутъ уже дѣйствіе не свободное, а принужденное; но и здѣсь, все-таки, есть эгоизмъ. Почему-нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга своему собственному влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви, есть страхъ. Онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собою наказаніе или какія-нибудь другія непріятныя послѣдствія; за исполненіе же онъ надѣется награды, доброй славы и т. п. При внимательномъ разсмотрѣніи и окажется, что побужденіемъ дѣйствій формально-добродѣтельнаго человѣка служилъ эгоизмъ очень мелкій, называемый проще тщеславіемъ, малодушіемъ и т. п. Право, хвалить за это нечего.]

Въ жизни Станкевича есть, впрочемъ, одна сторона, подающая мрачно-практическимъ людямъ сильное оружіе противъ него и подобныхъ ему личностей. «Онъ не зналъ упорнаго труда, не былъ въ борьбѣ съ препятствіями и ничего не сдѣлалъ». Вотъ что говорятъ о немъ, и изъ этого выводятъ, что онъ по слабости характера и эпикурейскимъ наклонностямъ своимъ и не могъ ничего сдѣлать. Отвѣчать на это довольно мудрено, такъ какъ вообще мудрено говорить о томъ, что бы было, *кабы* не то было, что было. Но, все-таки, мы склоняемся скорѣе къ тому убѣжденію, что Станкевичъ способенъ былъ совершить много хорошаго: вспомнимъ, что онъ умеръ всего двадцатисеми лѣтъ. Приписать ему слабость характера нѣтъ никакихъ основаній. Онъ не былъ вѣтренъ, занятія его искусствами, исторіей, потомъ философіей и исторіей шли ровно и послѣдовательно; въ мнѣніяхъ своихъ онъ постоянно былъ независимъ, какъ видно изъ отношеній его къ друзьямъ. Правда, что онъ не высказывался во внѣшней дѣятельности такъ обильно, какъ нѣкоторые другіе; но у него это было не влѣдствіе безпечности или безсилія. Онъ много разъ въ своихъ письмахъ говоритъ о томъ, что къ

плодотворной дѣятельности надобно хорошо приготовиться, и затѣмъ высказываетъ свои планы. Въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ какъ бы программу своей дѣятельности. «Надобно или *дѣлать* добро, — говоритъ онъ,—или *приготовлять себя* къ дѣланію добра, совершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи и потомъ, чтобы добрыя намѣренія не остались безъ плода, совершенствовать себя въ умственномъ отношеніи». И эти слова не были пустой фразой: Станкевичъ исполнялъ на дѣлѣ свои предположенія, наблюдалъ за своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ и учился. Въ этомъ періодѣ дѣятельности и заключалась его жизнь, слишкомъ рано прекратившаяся. Борьбы за свои идеи и тяжелыхъ столкновеній съ невѣжествомъ и неблагородствомъ онъ не испыталъ; но стоитъ ли жалѣть объ этомъ и можетъ ли это уменьшить степень нашего уваженія къ личности? Можетъ ли это уничтожить значеніе того нравственнаго развитія, какое выражается, напримѣръ, въ одномъ письмѣ Станкевича къ Грановскому, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «болѣе простора уму, болѣе любви сердцу—и всѣ эти сомнѣнія: какъ мнѣ быть? что мнѣ дѣлать? что изъ меня выйдетъ?—пойдутъ къ чорту. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы истина не пугала, надобно быть чище душою. Скажи человѣку, закоренѣлому въ эгоизмѣ: «ты—ничто!—вотъ до какой мысли достигнешь ты путемъ науки: счастіе, достойное человѣка, можетъ быть одно—самозабвеніе для другихъ; награда за это одна—наслажденіе этимъ самозабвеніемъ»,—и онъ опечалится, хотя бы въ самомъ дѣлѣ отъ юности своея соблюлъ всѣ законы чести и справедливости. А кто безкорыстно ищетъ истины, тотъ уже очищаетъ душу и приготовляетъ ее къ принятію божества». Не правда ли, что въ этихъ словахъ очень ясно выражается [та идея высшаго эгоизма и] то стремленіе слить свои влеченія съ требованіями добра и правды, о которыхъ говорили мы выше? Выраженіе однихъ этихъ стремленій въ жизни человѣка даетъ уже ему право на общее уваженіе, несмотря на то, терпѣлъ ли онъ страданія внѣшнія и выходитъ ли на борьбу съ зломъ.

Да и зачѣмъ непремѣнно мѣрить достоинства человѣка количествомъ препятствій, встрѣченныхъ имъ? Зачѣмъ возводить къ идеалу то, что есть просто слѣдствіе неправильности общественныхъ отношеній? Разумѣется, человѣкъ, который попалъ въ игорный домъ и не играетъ, а даже другихъ уговариваетъ перестать, заслуживаетъ великаго уваженія. Но зачѣмъ-же бранить того, кто вовсе не былъ въ игорномъ домѣ? Желать всѣмъ порядочнымъ людямъ горя и страданій, по нашему мнѣнію, совершенно излишне; они безъ того слишкомъ часто подвергаются несчастьямъ всякаго рода. Разумѣется, фальшивое положеніе въ обществѣ—зрѣлище злоупотребленій, невѣжества и порока—тяжело дѣйствуетъ на всякую благородную натуру и вызываетъ ее на борьбу со зломъ. Ничего не можетъ быть почтеннѣе такой борьбы, и мы съ благоговѣніемъ смотримъ на страдальцевъ, вышедшихъ изъ нея чистыми. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы жалѣемъ этихъ страдальцевъ и никогда не рѣшимся бросить имъ холодное, фаталистическое: «такъ должно! таково назначеніе великихъ и благородныхъ людей!» Никогда не захотимъ мы обвинить человѣка за то только, что онъ не посвящаетъ себя враждебнымъ дѣйствіямъ противъ зла, а просто удаляется отъ него. Мы обвинимъ за равнодушіе къ низостямъ и пороку только того, у кого это равнодушіе проистекаетъ изъ трусости, корысти и т. п., кто входитъ въ близкія соотношенія съ порокомъ и не возстаетъ на него, а потворствуетъ или даже самъ подчиняется ему, хотя наружно. Мы будемъ презирать того, кто бережетъ себя отъ борьбы, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь отъ тѣхъ отношеній, къ которымъ чувствуетъ внутреннее отвращеніе, какъ къ несправедливымъ и преступнымъ. Но если человѣкъ просто удаляется отъ зла, не видя возможности уничтожить его, или не находя въ себѣ самомъ достаточно средствъ для этого, мы никогда не осмѣлимся порицать его и даже не откажемъ ему въ нашемъ уваженіи, если онъ заслуживаетъ его другими сторонами своей жизни.

Что Станкевичъ былъ менѣе полезенъ для общества, чѣмъ, напримѣръ, Бѣлинскій,—объ этомъ никто, конечно, спорить не будетъ. Въ этомъ сознавался самъ Станкевичъ, говоря о различіи своей натуры отъ натуры Бѣлинскаго. Онъ самъ не находилъ въ себѣ такихъ силъ для дѣятельной и упорной борьбы, какими обладалъ знаменитый критикъ нашъ. Въ одномъ письмѣ грустно говоритъ онъ о томъ, что Бѣлинскому нужно *примиреніе* съ счастіемъ жизни, а ему, напротивъ, *раздраженіе*, препятствія, потому что онъ по природѣ своей слишкомъ мягокъ и идеаленъ. Поэтому онъ даже сомнѣвается, ѣхать ли ему къ Б—мъ [1]), все семейство которыхъ внушало ему чувство самаго чистаго, благоговѣйнаго уваженія и любви. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма.

---

[1]) Бакунинымъ,—семейство, изъ котораго вышелъ М. А. Бакунинъ.

«Я получилъ письмо отъ М. Б—на. Бѣлинскій отдыхаетъ у нихъ отъ своей скучной, одинокой жизни. Я увѣренъ, что эта поѣздка будетъ имѣть на него благодѣтельное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ благодарнѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное счастіе, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ, гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣритъ. Семейство Б—хъ — идеалъ семейства. Можешь себѣ представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая не чужда искры Божіей. Намъ надобно туда ѣздить исправляться... Но я, — я боюсь испортиться. М. зоветъ меня, съ своимъ обыкновеннымъ прямодушіемъ, добротою; не знаю, поѣду ли?—Во мнѣ другой недостатокъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго; я слишкомъ вѣрю въ семейное счастье, а иногда съ сердечной болью думаю, что это одно возможное. Мнѣ надобно больше твердости, больше жестокости...» (стр. 189).

Какъ натура по преимуществу созерцательная, Станкевичъ не могъ броситься въ практическую дѣятельность и [произвести какой-нибудь переворотъ въ положеніи общества]. Признавая это и зная, что онъ самъ въ этомъ признавался, мы уже не имѣемъ никакого права приставать къ нему съ назойливымъ допросомъ: «отчего ты не оставилъ никакихъ *положительныхъ*, вещественныхъ памятниковъ своего существованія; отчего ты не вступалъ въ борьбу, отчего ты не громилъ пороковъ, не терпѣлъ страданій отъ своихъ враговъ» и пр. Подобный допросъ имѣлъ бы еще смыслъ, если бы борьба, страданія и т. п. были чѣмъ-нибудь обязательнымъ, необходимымъ для сохраненія чести и благородства человѣка. Но, вѣдь, какъ мы уже замѣтили, борьба есть ненормальное явленіе, происходящее отъ фальшивыхъ отношеній, среди которыхъ живетъ общество. Указываютъ на примѣръ почти всѣхъ великихъ людей, которые являются намъ въ исторіи труженниками и страдальцами. Но если всмотрѣться пристальнѣе въ жизнь каждаго изъ этихъ страдальцевъ, то весьма немного найдется такихъ фанатиковъ, которые бы сами отыскивали страданія, бросаясь въ борьбу только для удовольствія борьбы. Большею частью, почти всегда, борьба эта является слѣдствіемъ обстоятельствъ, совершенно независимо и даже иногда противъ воли того, на кого должны обрушиться всѣ тяжелыя послѣдствія борьбы. Пора намъ убѣдиться въ томъ, что искать страданій и лишеній — *дѣло неестественное* для человѣка, и поэтому не можетъ быть идеальнымъ, верховнымъ назначеніемъ человѣчества. Во что бы человѣкъ ни игралъ, онъ играетъ только до тѣхъ поръ, пока еще надѣется на выигрышъ, а надежда на выигрышъ — это вѣдь и есть желаніе лучшаго, стремленіе къ удовлетворенію своихъ потребностей, своего эгоизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у каждаго образовался, смотря по степени его умственнаго и нравственнаго развитія. Романтическія фразы объ отреченіи отъ себя, о трудѣ для самаго труда или «для такой цѣли, которая съ нашей личностью *ничего общаго* не имѣетъ», — къ лицу были средневѣковому рыцарю печальнаго образа: но онѣ очень забавны въ устахъ образованнаго человѣка нашего времени. Станкевичъ очень хорошо понималъ всю нелѣпость насильственной натянутой добродѣтели, этого внутренняго лицемѣрія передъ самимъ собою. Въ немъ было слишкомъ *много истинной честности и прямодушія*, чтобъ онъ могъ поддаться подобному лицемѣрію. Онъ твердо сознавалъ, что человѣкъ не иначе можетъ удовлетвориться, какъ полнымъ согласіемъ съ самимъ собою, и что искать этого удовлетворенія и согласія всякій не только можетъ, но и долженъ. Если всякій предметъ въ природѣ имѣетъ право существовать прежде всего для себя, то неужели человѣкъ долженъ быть какимъ-то уродомъ въ созданіи, изгнанникомъ изъ общей гармоніи? Напротивъ, онъ выше другихъ предметовъ, и потому *воспріимчивость* къ благу жизни въ немъ развита еще больше: низшіе предметы природы живутъ только въ себѣ, наслаждаются собою,—человѣкъ можетъ жить въ другихъ, наслаждаться чужою радостью, чужимъ счастьемъ. Если кто не чувствуетъ въ себѣ этой способности, значитъ, онъ еще мало развилъ въ себѣ истинно-человѣческіе элементы, значитъ, животныя потребности слишкомъ сильно преобладаютъ въ немъ. «Что мнѣ за утѣшеніе пріобрѣсти сокровища, пить, ѣсть,—говоритъ Станкевичъ въ одномъ письмѣ, — эти животныя наслажденія ниже меня: а какое же наслажденіе остается еще кромѣ любви, жизни въ другихъ? Разумъ мой сознаетъ свою любящую природу въ этой мысли, — и то, что мы называемъ чувствомъ, есть полное одобрительное дѣйствіе нашего разумѣнія на весь организмъ». Вотъ въ чемъ заключался эпикуреизмъ Станкевича. Ясно, что при обстоятельствахъ, менѣе благопріятныхъ для спокойнаго саморазвитія и самосовершенствованія, при существованіи непосредственныхъ враждебныхъ столкновеній съ міромъ, Станкевичъ не побоялся бы оставить свои убѣжденія и дѣйствовать противъ злыхъ въ пользу добрыхъ; въ этомъ онъ умѣлъ находить, какъ мы видимъ, *собственное* наслажденіе. Но обстоятельства расположились иначе: Станкевича не захватилъ круговоротъ борьбы здравыхъ идей

съ шумно возставшими противъ нихъ предразсудками, и право, не нужно жалѣть объ этомъ. Трудна эта борьба, и немногіе выходятъ изъ нея побѣдителями. Еще ничего, если человѣкъ сокрушится физически: тогда, все-таки, дѣло его остается правымъ, чистымъ и сильнымъ. Но чаще бываютъ нравственныя паденія, вредящія успѣху самаго дѣла. Немного найдется такихъ нравственно чистыхъ личностей, какъ Бѣлинскій, который изъ своей продолжительной, упорной борьбы съ невѣжествомъ и зломъ вышелъ сокрушенный физически, но нравственно ясный и свѣтлый, безъ всякаго пятна и укоризны. Были въ то же время и другіе люди, тоже имѣвшіе благородныя убѣжденія, тоже горячо кинувшіеся въ борьбу; но имена ихъ не сохранятся въ ряду именъ чистыхъ и безукоризненныхъ, хотя, можетъ быть, они были даже въ этомъ самомъ кружкѣ Станкевича. Можетъ быть, они въ свое время приносили даже и пользу, слѣдовательно, имѣли общественное значеніе; но, по нашему мнѣнію, опредѣлять нравственное достоинство лица и, слѣдовательно, права его на общественное уваженіе по одному только количеству пользы, принесенной имъ, несправедливо. Это точно также односторонне, какъ и сужденіе о человѣкѣ по однимъ его намѣреніямъ и убѣжденіямъ: одно слишкомъ субъективно, другое совершенно объективно. Не нужно забывать, что польза отъ человѣческихъ дѣйствій не всегда происходитъ именно тамъ, гдѣ на нее разсчитываютъ, и что не всегда люди разсчитываютъ на общую пользу, когда обрабатываютъ то или другое полезное дѣльце. Иначе мы должны были бы вознести на верхъ общественнаго уваженія тѣ безобразныя [гаденькія] личности, которыя въ [простонародьи заклеймены названіемъ «переметной сумы», а въ лучшемъ] обществѣ именуются «дипломатами». Они бываютъ весьма полезны, когда видятъ, что по обстоятельствамъ имъ слѣдуетъ быть полезными. Когда они убѣдились, что можно выѣхать на безкорыстіи,—они преслѣдуютъ взятки; видя, что просвѣщеніе пошло въ ходъ, они кричатъ о святости науки, о любви къ знанію; догадавшись, что идеи гуманности и правды одолѣваютъ старыя начала угнетенія и лжи, они являются вездѣ защитниками слабыхъ, поборниками справедливости и т. п. Но перемѣнись завтра обстоятельства,—они первые возстанутъ противъ того, что еще недавно защищали. Польза, сдѣланная ими, остается, но нравственное достоинство лица едва ли оттого возвышается, и едва ли эти люди пріобрѣтаютъ право на общественное уваженіе.

Напротивъ, человѣкъ высоко-честный и нравственный въ своей жизни вполнѣ достоинъ уваженія общества именно за свою честность и нравственность. Пусть его жизнь не озарилась блескомъ какого-нибудь необыкновеннаго дѣянія на пользу общую,—все-таки, его нравственное значеніе не потеряно. Даже натура чисто-созерцательная, не проявившаяся въ энергической дѣятельности общественной, но нашедшая въ себѣ столько силъ, чтобы выработать убѣжденія для собственной жизни и жить не въ разладѣ съ этими убѣжденіями,—даже такая натура не остается безъ благотворнаго вліянія на общество, именно своей личностью. Мысль и чувство и сами по себѣ не лишены, конечно, высокаго реальнаго значенія; поэтому простая забота о развитіи въ себѣ чувства и мысли есть уже дѣятельность законная и небезполезная. Но польза ея увеличивается оттого, что видъ человѣка, высоко стоящаго въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, обыкновенно дѣйствуетъ благотворно на окружающихъ, возвышаетъ и одушевляетъ ихъ. Есть, конечно, и всегда бывали люди, съ крайне утилитарными взглядами, Петры Ивановичи Адуевы средней руки, черствые и сухіе въ своей quasi философской практичности,—люди, которыхъ не прошибешь указаніемъ на нравственную красоту и высокую степень умственнаго развитія. Такіе люди говорятъ: «э, помилуйте! все это эгоизмъ и дилетантизмъ. Ну, скажите, какая польза отъ всѣхъ этихъ совершенствъ! По моему,—увлекается ли человѣкъ философскими вопросами, восхищается ли лучшими произведеніями искусства, или наслаждается пустыми романами, трактирнымъ органомъ и публичными гуляньями,—плоды такого наслажденія для общества будутъ одинаковы». Къ счастію, немного такихъ людей, способныхъ оставаться безчувственными при видѣ умственнаго и нравственнаго достоинства въ человѣкѣ. Большая часть людей не лишилась еще прекраснаго качества чувствовать благотворное вліяніе всякой приближающейся къ нимъ благородной и здраво развившейся личности.

Того, что нами сказано, достаточно уже было бы для объясненія правъ Станкевича на общественное вниманіе и уваженіе. Но въ его перепискѣ и біографіи находятся факты, указывающіе *положительныя* его заслуги для общества, состоящія именно въ томъ вліяніи, какое имѣлъ онъ на людей, сдѣлавшихся весьма извѣстными въ русской литературѣ. Извѣстно, чѣмъ обязанъ Станкевичу Кольцовъ, встрѣтившій въ немъ перваго образованнаго, го-

рячаго цѣнителя и постоянную поддержку и такъ живо выразившій печаль объ его утратѣ въ прекрасномъ стихотвореніи «Поминки», въ которомъ называетъ Станкевича «лучшимъ» въ кружкѣ друзей. Извѣстно также, какъ много поддерживалъ Станкевичъ Грановскаго въ его трудахъ, въ его сомнѣніяхъ. Объ этомъ предметѣ нечего говорить болѣе, какъ только привести слѣдующія слова изъ письма Грановскаго, писаннаго тотчасъ послѣ смерти Станкевича. «Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня, никто не знаетъ». Такое признаніе *Грановскаго* имѣетъ, конечно, большое значеніе при опредѣленіи общественныхъ заслугъ Станкевича. Правда, что и противъ значенія самого Грановскаго спорятъ *нѣкоторые;* но кто же эти нѣкоторые? Г. В. Григорьевъ, покойная «Молва», да г. И. Л., недавно раскритиковавшій Станкевича въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ!..

Мы пропускаемъ здѣсь вліяніе Станкевича на Красова и на Клюшникова, которые хотя и не были первоклассными художниками, но все же не могутъ быть названы бездарными. Напротивъ, у нихъ очень нерѣдко выражалась въ звучныхъ стихахъ живая мысль и искреннее, теплое чувство. Но мы не станемъ говорить объ этомъ вліяніи, чтобы нѣсколько долѣе остановиться на отношеніяхъ Станкевича къ Бѣлинскому. Ихъ не нужно искать въ письмахъ къ самому Бѣлинскому, которыхъ въ изданіи г. Анненкова напечатано всего два; о нихъ можно судить по всей перепискѣ Станкевича. Мы не скажемъ, что Бѣлинскій *заимствовалъ* свои мнѣнія до 1840 г. у Станкевича: это было бы слишкомъ много. Но несомнѣнно, что Станкевичъ дѣятельно участвовалъ въ выработкѣ тѣхъ сужденій и взглядовъ, которые потомъ такъ ярко и благотворно выразились въ критикѣ Бѣлинскаго. Мы не станемъ слѣдить здѣсь за развитіемъ общихъ философскихъ положеній, обсуждавшихся въ кружкѣ Станкевича и сдѣлавшихся потомъ надолго благотворнымъ источникомъ критики Бѣлинскаго. Здѣсь можно было бы найти много данныхъ для опредѣленія значенія Станкевича въ кругу его друзей; но мы уклоняемся отъ разсмотрѣнія этого вопроса отчасти потому, что оно завлекло бы насъ очень далеко, а, главнымъ образомъ, потому, что это дѣло изложено уже гораздо подробнѣе и лучше, нежели какъ мы могли бы это сдѣлать, въ одной изъ статей о критикѣ гоголевскаго періода литературы, помѣщавшихся въ «Современникѣ» 1856 г.[1]). Мы обратимъ здѣсь вниманіе на явленія болѣе частныя, касающіяся преимущественно тогдашнихъ литературныхъ явленій. Въ этомъ случаѣ замѣчательно, что въ письмахъ Станкевича встрѣчаются большею частью *раньше* общія замѣтки и мнѣнія, которыя потомъ, послѣ небольшого промежутка времени, являются уже основательно и подробно развитыми въ статьяхъ Бѣлинскаго. Видно, что Бѣлинскій былъ наиболѣе энергическимъ представителемъ этого кружка, а, можетъ быть, онъ имѣлъ и болѣе матеріальной надобности высказывать въ печати убѣжденія, выработанныя имъ въ обществѣ друзей, которые мѣнялись своими идеями только между собою. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что, при образованіи литературныхъ взглядовъ и сужденій въ кружкѣ друзей своихъ, Станкевичъ никогда не былъ лицомъ пассивнымъ и даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе. Степени и подробностей этого вліянія, конечно, нельзя опредѣлить тому, кто не былъ самъ въ кружкѣ Станкевича; но что вліяніе было — свидѣтельствуютъ многія черты, сохранившіяся въ перепискѣ. Такъ, еще въ 1833 году Станкевичъ высказываетъ въ письмахъ свои мысли о театрѣ и театральномъ искусствѣ, развитыя потомъ Бѣлинскимъ на нѣсколькихъ страницахъ «Литературныхъ мечтаній», напечатанныхъ въ «Молвѣ» 1834 года. Въ томъ же году Станкевичъ высказываетъ свое мнѣніе объ игрѣ Мочалова и Каратыгина, и оно же выражается въ статьяхъ Бѣлинскаго, въ «Молвѣ» 1835 года, и даже позже въ «Наблюдателѣ».

Во всѣхъ письмахъ Станкевича, начиная съ 1834 года, постоянно выражается особенное увлеченіе Гофманомъ; съ тѣмъ же характеромъ является это увлеченіе и у Бѣлинскаго, особенно въ статьѣ о дѣтскихъ книгахъ въ «Отечеств. Запискахъ» 1840 г., № 3. Тотчасъ по выходѣ перваго № «Библіотеки для Чтенія» Станкевичъ писалъ (15 января 1834 г.) къ Я. М. Н—ву:

«Ты вѣрно читалъ кое-что изъ № 1 «Б. д. Ч.». Боже мой! что это? Такъ какъ это журналъ литературный, то, прочитавъ безжизненное стихотвореніе Пушкина и чуть живое Жуковскаго, я, чтобы видѣть направленіе его, взглянулъ въ отдѣленіе критики. Кажется это подвизается Сенк. Онъ спрашиваетъ, напр., должно ли исторической драмѣ нарушать свидѣтельства исторіи? Воображеніе дѣйствуетъ, слѣдовательно исторія должна быть нарушена. Какая польза отъ исторіи? Исторія полезна однимъ только: она представляетъ примѣръ характеровъ для подражанія! А

[1]) Статьи Чернышевскаго, вошедшія во II томъ его «Сочиненій».

что толкуютъ о Кукольникѣ—бѣда! Великій Байронъ, великій Кукольникъ. Если К. не такъ слабъ душою, чтобы не обольститься лестью, то онъ долженъ негодовать; если онъ доволенъ—пропалъ поэтическій талантъ, который я въ немъ допускалъ» (стр. 83).

Не правда ли, что всѣ эти мысли хорошо знакомы намъ по критикамъ послѣдующаго времени? Даже фраза «великій Байронъ, великій Кукольникъ!» неоднократно повторялась потомъ, въ насмѣшку надъ слишкомъ рѣшительнымъ критикомъ! Но будемъ продолжать начатую параллель мнѣній Станкевича и Бѣлинскаго.

Въ концѣ 1834 г. Станкевичъ пишетъ о Тимофеевѣ, что онъ не считаетъ этого автора поэтомъ и даже вкуса не подозрѣваетъ въ немъ послѣ «мистеріи», помѣщенной въ «Библ. для Чтенія». Въ 1835 году, Бѣлинскій, съ своей обычной неумолимостью, высказалъ то же въ «Молвѣ», и вскорѣ потомъ Станкевичъ оправдываетъ критика, говоря въ письмѣ къ Н—ву: «мнѣ кажется, что Бѣлинскій вовсе не былъ строгъ къ Тим—ву, хотя иногда, по раздражительности характера, онъ бываетъ черезчуръ бранчивъ».

Въ мартѣ 1835 г. Станкевичъ писалъ о Гоголѣ: «прочелъ одну повѣсть изъ Гоголева «Миргорода»,—это прелесть! («Старомодные помѣщики», такъ, кажется, она названа). Прочти! какъ здѣсь схвачено прекрасное чувство человѣческое въ пустой ничтожной жизни!»—Именно на этой мысли основанъ разборъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», помѣщенный Бѣлинскимъ въ статьѣ его «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», въ 7 и 8 (іюньскихъ) №№ «Телескопа».

Въ апрѣлѣ 1835 года Станкевичъ извѣщаетъ Н—ва: «Надеждинъ, отъѣзжая за границу, отдаетъ *намъ* «Телескопъ». *Постараемся* изъ него сдѣлать полезный журналъ,—хотя для иногороднихъ (прибавляетъ онъ). По крайней мѣрѣ, будетъ отпоръ «Библіотекѣ» и страннымъ критикамъ Ш. [1]). Какъ онъ мелоченъ сталъ!» (стр. 133). Въ началѣ іюня Станкевичъ увѣдомляетъ своего пріятеля, что «Телескопъ» уже переданъ Бѣлинскому. «Я,—прибавляетъ онъ,—тратить времени на «Телескопъ» не стану, но въ каждое воскресенье мнѣ остается два-три часа свободныхъ, въ которые я могу заняться. Кромѣ того, мы всегда будемъ обществомъ *совѣщаться* о журналѣ». Тутъ же говорится, что «Наблюдатель» плохъ, и что Ш. обманулъ ожиданія Станкевича и его друзей,—и оказался педантомъ. Изъ этого видно, какое близкое душевное участіе принималъ Станкевичъ въ изданіи «Телескопа» Бѣлинскимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ самомъ дѣлѣ много помогалъ ему своими совѣтами. По крайней мѣрѣ, на мнѣнія его о Ш. въ «Московскомъ Наблюдателѣ» послѣдовалъ отголосокъ въ 9-й же книжкѣ «Телескопа», то-есть черезъ два мѣсяца, а въ 5-й книжкѣ слѣдующаго года помѣщена была спеціальная статья Бѣлинскаго: «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя», гдѣ много досталось ученому профессору Шев—ву.

Въ ноябрѣ 1835 г. писалъ Станкевичъ, что Бенедиктовъ не поэтъ, а фразеръ: «что стихъ, то фигура, ходули безпрестанныя. Бенедиктовъ блеститъ яркими, холодными фразами, звучными, но безсмысленными или натянутыми стихами. Наборъ словъ самыхъ звучныхъ, образомъ самыхъ яркихъ, сравненій самыхъ странныхъ — но души нѣтъ». Вслѣдъ за тѣмъ (въ XI-й книжкѣ «Телескопа») явилась статья Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Бенедиктова, великолѣпно развивавшая то же самое мнѣніе, котораго критикъ нашъ до конца держался. По поводу этой статьи, пріятель Станкевича сообщилъ ему слухи о томъ, будто бы удары, наносимые рукою Бѣлинскаго, направлены были Станкевичемъ, и послѣдній отвѣчалъ на это съ обычной своей искренностью: «не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Питеръ? Я—цензоръ Бѣлинскаго! Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ «Телескопѣ», подвергалъ цензорству Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посовѣтоваться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ. Конечно, его выходка неосторожна, но не болѣе; онъ хотѣлъ напасть на способъ составлять репутацію и оскорбилъ человѣческую сторону Бенедиктова. Я ему это скажу».

Въ 1837 г. Станкевичъ уѣхалъ за-границу, и литературныя сужденія въ его письмахъ попадаются рѣже. Поэтому и мы здѣсь остановимся. Сдѣлаемъ только еще выписку изъ одного письма Станкевича, заключающую въ себѣ его мнѣніе о народности. Вотъ что говоритъ онъ:

«Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя—можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значитъ—хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте ему общее, человѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять, чего недостаетъ ему? Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, квасным патріотизмомъ никуда не годится» (стр. 220).

[1]) Шевырева.

Это самое мнѣніе, съ удивительной близостью даже къ способу изложенія, подробно и энергически развилъ Бѣлинскій въ статьяхъ своихъ о Руси до Петра, въ «Отеч. Запискахъ» 1841 г., т.-е. слишкомъ черезъ три года послѣ письма Станкевича.

Мы не перебирали всѣхъ статей Бѣлинскаго и всѣхъ мнѣній, въ которыхъ онъ сходился съ своимъ другомъ. Мы называли только тѣ статьи, которыя мы могли припомнить, и которыя относятся къ частнымъ явленіямъ литературы. Но сходство частныхъ сужденій, по нашему мнѣнію, еще ярче рисуетъ связь, существующую между людьми, нежели согласіе въ общихъ истинахъ. Поэтому, мы полагаемъ, что и представленныхъ фактовъ довольно уже для того, чтобы отнять у всякаго право сказать: между Бѣлинскимъ и Станкевичемъ не было взаимной зависимости другъ отъ друга! Чтобы говорить это, надобно не знать дѣятельности Бѣлинскаго до 1840 г., т.-е. до смерти Станкевича.

Такимъ образомъ, кромѣ своей прекрасной, благородной личности, столь привлекательной въ самой себѣ, Станкевичъ имѣетъ еще и иныя права на общественное значеніе, какъ дѣятельный участникъ въ развитіи людей, которыми никогда не перестанетъ дорожить русская литература и русское общество. Имя его связано съ началомъ поэтической дѣятельности Кольцова, съ исторіей развитія Грановскаго и Бѣлинскаго: этого уже довольно для пріобрѣтенія нашего уваженія и признательной памяти.

Въ заключеніе нашей статьи, мы просимъ у читателей извиненія въ томъ, что наши замѣтки приняли форму нѣсколько полемическую. Трудно удержаться отъ этой формы, говоря о личности, подобной Станкевичу, въ виду тѣхъ понятій, какія обнаруживаются столь многими въ нашемъ обществѣ. У насъ еще не достаточно развито уваженіе къ нравственному достоинству отдѣльныхъ личностей; у насъ еще нерѣдко можно слышать такое разсужденіе: «онъ мнѣ ничего худого не сдѣлалъ: могу ли я назвать его негодяемъ?» Или такое: «что мнѣ уважать его? мнѣ отъ него ни тепло, ни холодно!» Понятно, что люди съ такими понятіями (а этакихъ людей не мало) и удивлены, и раздражены тѣмъ, что имъ смѣютъ говорить объ общественномъ значеніи человѣка, который не только пирамиды не выстроилъ, Америку не открылъ, пороху не выдумалъ, но даже ни одного благотворительнаго бала не сдѣлалъ, даже ни одной толстой книги не сочинилъ. Поневолѣ приходится говорить о достоинствахъ человѣка, защищая его отъ близорукихъ и нелѣпыхъ обвиненій. Такой способъ изложенія для насъ самихъ очень непріятенъ и невыгоденъ вотъ въ какомъ отношеніи. Мы хотимъ удержать человѣка на той высотѣ, на которой стоитъ онъ, и съ которой мелочная утилитарность хочетъ стащить его въ какую-то темную канаву, а намъ кричатъ: «вы его поднимаете на пьедесталъ, вы его хотите до облаковъ вознести! За что это? Какія его положительныя заслуги?» и пр. И выходитъ, какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ ставимъ на пьедесталъ человѣка, особенно когда утилитарные враги начинаютъ утверждать, что они этого человѣка не трогали и въ канаву не тащили...

Но мы еще разъ готовы повторить то, что уже сказали въ началѣ статьи. Преувеличенныя похвалы Станкевичу намъ самимъ кажутся излишними и несправедливыми; сравнивать его съ Сократомъ, идеи котораго разнесены по свѣту нѣсколькими Платонами, намъ никогда не приходило въ голову. Да, сколько мы знаемъ, и никто изъ его друзей и приверженцевъ не дѣлалъ подобныхъ сравненій. Но, съ другой стороны, мы считаемъ крайне несправедливымъ и то отрицаніе, съ которымъ многіе относятся къ этой прекрасной, возвышенной личности. Говорятъ, что жизнь Станкевича прошла безплодно, что онъ даромъ растратилъ свои силы и не долженъ имѣть мѣста въ нашихъ воспоминаніяхъ; говорить это— значитъ обнаружить полное неуваженіе къ развитію индивидуальности человѣка и выразить претензію на абстрактное самоотреченіе, которое въ сущности есть не что иное, какъ обезличеніе. Кто признаетъ права личности и принимаетъ важность естественнаго, живого, свободнаго ея развитія, тотъ пойметъ и значеніе Станкевича, какъ въ самомъ себѣ, такъ и для общества. Мы, съ своей стороны, прибавимъ здѣсь одно: если бы во всякомъ обществѣ большинство состояло изъ людей, подобныхъ Станкевичу, то не было бы никакой необходимости ни въ этой пресловутой борьбѣ, [ни въ мукахъ и страданіяхъ], на которыя такъ любятъ вызывать всѣхъ порядочныхъ людей люди слишкомъ утилитарные.

139. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1857 годъ.

Спб. 1858 г.

Напечатано въ IV кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 31 марта).

Дѣйствительно, Публичная Библіотека при бар. М. А. Корфѣ стояла на большой высотѣ, особенно сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое занимала при его предшественникѣ, мракобѣсѣ Бутурлинѣ. Корфъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы выдвинуться не только по службѣ, но и въ глазахъ общества, къ мнѣнію котораго всегда прислушивался.

М. Л.

Прежде, нежели представимъ нашимъ читателямъ факты и цифры изъ нынѣшняго «Отчета» Императорской Публичной Библіотеки, мы считаемъ долгомъ выразить признательное чувство, возбужденное въ насъ тѣмъ истинно-просвѣщеннымъ вниманіемъ, съ которымъ встрѣчены были начальствомъ Библіотеки скромныя замѣчанія, высказанныя въ рецензіи «Современника» на «Отчетъ» прошлаго года. Не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи представить нашимъ читателямъ вполнѣ отзывъ, которымъ удостоило нашъ журналъ просвѣщенное начальство Библіотеки, на стр. 112—114 «Отчета».

«Отчетъ нашей Библіотеки, печатаемый ежегодно въ самомъ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, былъ и въ прошломъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, разосланъ почетнымъ ея членамъ и корреспондентамъ, ученымъ учрежденіямъ и нѣкоторымъ частнымъ любителямъ, а также въ редакціи тѣхъ изъ нашихъ журналовъ, которые имѣютъ наибольшій кругъ читателей, — не для того только, чтобы извлеченіями изъ сихъ отчетовъ знакомить публику съ дѣйствіями и новыми пріобрѣтеніями Библіотеки, но и съ другою цѣлью, болѣе важною, и даже въ семъ отношеніи существенною, — именно *для полученія возможныхъ указаній къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ въ ея устройствѣ*. Начальство Библіотеки никогда не должно терять и не теряетъ изъ вида, что она есть учрежденіе, исключительно предназначенное для публики и для общей пользы, которое, при общемъ движеніи просвѣщенія, требуетъ послѣдовательныхъ, постоянныхъ и многостороннихъ улучшеній. Вѣрная сему важному назначенію своему въ дѣлѣ отечественнаго образованія, Библіотека не скрываетъ ни отъ себя и ни отъ кого, могущихъ еще быть въ ней недостатковъ и съ благодарностью принимаетъ всѣ благонамѣренныя замѣчанія, стараясь пользоваться ими, на сколько то позволяютъ средства, пространство, которымъ она можетъ располагать, и самыя условія ея устройства».

«Въ этомъ отношеніи начальству Библіотеки было очень пріятно встрѣтить въ «Современникѣ» 1857 г. такую рецензію на отчетъ за 1856 г., которая, не ограничиваясь однѣми безусловными похвалами, содержала въ себѣ также нѣкоторыя желанія и указанія, и оно поспѣшило войти въ непосредственное сношеніе съ редакціей сего журнала, чтобы ближе ознакомиться съ подробностями высказанныхъ ею замѣчаній. Переписка эта не осталась безъ пользы и имѣла непосредственнымъ результатомъ: а, устройство въ читальной залѣ *второго* справочнаго стола, болѣе чѣмъ удвоившаго число книгъ, находящихся всегда въ распоряженіи публики; б, сношеніе съ почетнымъ членомъ Библіотеки въ Прагѣ, В. В. Ганкою, о пріобрѣтеніи тѣхъ, изданныхъ на чешскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, книгъ, которыхъ не достаетъ еще въ Библіотекѣ и послѣ покупки ею богатаго собранія чешскаго ученаго Юнгмана. Впрочемъ, не излишнимъ считаю здѣсь замѣтить, что неимѣніе у насъ нѣкоторыхъ довольно важныхъ сочиненій на славянскихъ нарѣчіяхъ происходитъ отъ того лишь, что ихъ почти никогда не спрашиваютъ наши читатели, начальство же Библіотеки прежде всего старается и, кажется, должно наиболѣе стараться о пополненіи ея отдѣловъ такими сочиненіями, которыя ежедневно, или по крайней мѣрѣ, чаще другихъ требуетъ занимающаяся у насъ публика».

Повторяя выраженіе нашей глубокой признательности за эти, столь лестныя для нашего журнала, строки, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ ихъ глубоко-знаменательными въ общемъ смыслѣ, какъ высокій образецъ просвѣщеннаго образа дѣйствій въ литературномъ дѣлѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, каждый изъ пишущихъ, высказывая свои мнѣнія и ожиданія, высказываетъ ихъ съ желаніемъ пользы и добра. Но въ литературѣ, какъ и въ жизни, и даже, можетъ быть, еще болѣе, — много значатъ различныя уваженія, опасенія и предосторожности, собственно постороннія литературѣ. Изъ-за нихъ-то многое умалчивается или высказывается не съ тою прямотою и откровенностью, какъ бы слѣдовало, и какъ бы хотѣлъ самъ авторъ. Отъ этого больше всѣхъ теряетъ обыкновенно самое дѣло, о которомъ идетъ рѣчь. Просвѣщенное начальство Библіотеки, хорошо понимая это и жертвуя для пользы общаго дѣла всякими личными отношеніями, не только умѣло отстранить подобную робость сужденій о его дѣйствіяхъ, но даже прямо вызвало и теперь вызываетъ всѣхъ на откровенныя и прямыя

сужденія и указанія. Одинъ подобный вызовъ, самъ по себѣ, можетъ уже ясно свидѣтельствовать, какъ самоотверженно служитъ начальство Библіотеки своему дѣлу и какой высоко-просвѣщенный взглядъ имѣетъ оно на свои обязанности, какъ въ отношеніи къ сущности самаго дѣла, такъ и въ отношеніи къ обществу. Правда, что только тотъ боится прислушиваться къ сужденіямъ, раздающимся въ обществѣ, кто сознаетъ, что не все сдѣлалъ, что̀ могъ бы сдѣлать и что̀ отъ него зависѣло. Начальство же Библіотеки въ этомъ случаѣ спокойно: нынѣшній отчетъ, подобно предыдущимъ, представляетъ намъ изумительные результаты его неутомимой дѣятельности.

Дѣятельность эта можетъ быть раздѣлена на два отдѣла: одинъ, касающійся внѣшнихъ удобствъ пользованія сокровищами Библіотеки, — и другой, относящійся къ новымъ пріобрѣтеніямъ, совершоннымъ Библіотекою въ прошломъ году.

Въ ряду улучшеній, относящихся къ внѣшнимъ удобствамъ, важное мѣсто занимаетъ устройство новыхъ залъ: одной для храненія инкунабулъ, другой для Альдовъ и Эльзевировъ, и трехъ залъ для отдѣленія правовѣдѣнія и камеральныхъ наукъ. Прежде эти залы были неотдѣланы и служили просто кладовыми для храненія дублетовъ.

Другое улучшеніе, составлявшее, по словамъ «Отчета», одну изъ главныхъ сторонъ дѣятельности Библіотеки въ 1857 г., было устройство *выставокъ* разныхъ предметовъ Библіотеки, съ цѣлью облегчить публикѣ наглядное знакомство съ ея сокровищами. Такъ устроены были: выставки церковно-славянскихъ рукописей, расположенныхъ хронологически, выставки латинскихъ и французскихъ рукописей, автографовъ извѣстныхъ писателей, музыкантовъ, исторически замѣчательныхъ лицъ и проч., выставка матеріаловъ письменности, выставка произведеній всѣхъ гравировальныхъ способовъ, выставка произведеній русской школы гравированія, выставка портретовъ Петра Великаго, которыхъ собрано въ Библіотекѣ болѣе 200.

Кромѣ того, начальство Библіотеки постоянно заботилось объ устройствѣ новыхъ помѣщеній для книгъ. Съ увеличеніемъ пріобрѣтеній Библіотеки, недостатокъ помѣщенія сдѣлался весьма ощутительнымъ. Часть новыхъ пріобрѣтеній Библіотеки должна была даже за недостаткомъ мѣста, «лежать — или еще въ ящикахъ, какъ была привезена изъ-за границы, или на столахъ и на окнахъ». Для устраненія этого неудобства, Библіотека пользовалась малѣйшею возможностью, для того, чтобы устроить новые шкафы для книгъ. Такъ, въ читальной залѣ сдѣланы два шкафа во впадинахъ стѣнъ соотвѣтствующихъ окнамъ; въ хранилищѣ рукописей сломаны два мраморныхъ камина, бывшихъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ безъ всякаго употребленія, и на мѣстѣ ихъ устроено два обширныхъ шкафа. Вообще въ 1857 году прибавилось полокъ въ шкафахъ Библіотеки на протяженіе 1,57 версты. (Въ 1850 г. оно равнялось 12,29 версты, до конца 1856 прибавлено было 1,36 версты).

Огромныя книжныя богатства, собранныя въ залахъ Библіотеки, размѣщены въ ней не только съ удобствомъ и легкостію для пользованія, но даже съ изяществомъ и роскошью. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ прекрасныя витрины, которыхъ не было до 1850 г. и которыя теперь устроены уже на протяженіи 650 футовъ. Надобно удивляться искусству, съ которымъ Библіотека умѣетъ пользоваться пространствомъ, находящимся въ ея распоряженіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осматривая Библіотеку, мы думали, что все уже полно, что некуда дѣвать теперь даже какой-нибудь тысячи книгъ. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ Библіотека нашла возможность устроить новыя витрины, новыя выставки любопытныхъ предметовъ, и даже отдѣлить цѣлыя залы для инкунабулъ, Альдовъ и Эльзевировъ!

Что касается до новыхъ пріобрѣтеній Библіотеки, они были въ 1857 г. очень значительны. Печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ поступило въ Библіотеку 45,717 томовъ; изъ этого числа самою Библіотекою куплено 9,135. Эстамповъ, плановъ, картъ, нотъ — поступило 17,023, рукописей и автографовъ—318. Новыя покупки Библіотеки стоили ей, съ перевозкою, заграничною перепискою и пр. 17,363 р. 41½ коп. — Вновь переплетено 6, 137 томовъ и значительное число брошюровано, исправлено и пр. Всѣ вообще переплетныя работы въ 1857 г. обошлись Библіотекѣ въ 4,027 руб. 66 копѣекъ.

Въ «Отчетѣ» подробно исчисляются замѣчательнѣйшія книги, пріобрѣтенныя Библіотекою. Между ними находится много весьма любопытныхъ. Такова, между прочимъ, показалась намъ коллекція раскольничьихъ книгъ (до 50), и нѣсколько книгъ петровскаго времени.

Въ прошломъ году успѣшно подвигалось впередъ дѣло составленія каталоговъ Библіотеки. Изъ 802,717 томовъ Библіотеки, нынѣ только 125,000 остаются еще невнесенными въ каталоги. Когда они будутъ кончены, тогда, безъ сомнѣнія, Библіотека употребитъ всѣ возможныя для нея средства, чтобы сдѣлать эти каталоги доступными для читателей. Часть ихъ, относя-

щаяся къ предметамъ наиболѣе замѣчательнымъ, будетъ, вѣроятно, издана современемъ. Такъ желательно было бы видѣть изданіе каталоговъ рукописей Библіотеки, книгъ, относящихся до Россіи и т. д. Богатства Библіотеки такъ обширны, что даже одно перечисленіе ихъ, во всеобщее свѣдѣніе, принесло бы, конечно, много пользы всѣмъ занимающимся наукою.

Количество читателей въ Библіотекѣ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1856 г. было выдано 2,875 билетовъ для чтенія, въ 1857 это число возросло до 3,512. Всѣхъ читателей было въ Библіотекѣ въ 1856 г. 27,866, въ 1857 — 31,151. Книгъ ими требовано было—въ 1856 г. 51,593 тома, а въ 1857 — 68,180. Въ томъ числѣ русскихъ книгъ требовано было 49,671 (въ 1856 г. было 37,003).

Въ отчетѣ представлена, между прочимъ, вѣдомость о читателяхъ по состояніямъ. Изъ нея видно, что весьма значительная часть читателей принадлежала къ числу воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній,—что можно считать фактомъ весьма утѣшительнымъ для исторіи нашего просвѣщенія. Изъ студентовъ Спб. Университета читали въ Библіотекѣ 435, изъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи 106, Главнаго Педагогическаго Института 66 и пр. Число купцовъ, ремесленниковъ и мѣщанъ, читавшихъ въ Библіотекѣ, было—250.

Другая вѣдомость заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о числѣ томовъ, вытребованныхъ въ 1857 г. читателями, по каждому отдѣленію. Изъ этой вѣдомости видно, что всего болѣе вытребовано книгъ (4,059) по математикѣ и естественнымъ наукамъ (сюда же, кажется, относится и медицина); всего менѣе—по восточному отдѣленію (234) и по философіи (328). Много книгъ требовалось также по отдѣленію исторіи (3,523) и иностранныхъ писателей о Россіи (3,338). Къ сожалѣнію, въ вѣдомости не показаны сочиненія политико-экономическія и сельскохозяйственныя, и мы не знаемъ, къ какому изъ отдѣленій относятся эти отрасли знанія, которыя въ наше время занимаютъ столь многихъ. Впрочемъ, и вообще — характеристика того, *что* читаютъ, невозможна безъ *русскаго* отдѣленія. Изъ него одного выданъ 49,671 томъ, т.-е. $^2/_3$ всего количества выданныхъ книгъ, и тутъ уже считаются сочиненія по всѣмъ предметамъ и отраслямъ знанія. Если бы возможно было составить подобную вѣдомость и относительно русскаго отдѣленія, тогда, конечно, характеристика читателей оказалась бы несравненно полнѣе. Но надо признаться, что при огромной массѣ книгъ, выдаваемыхъ изъ одного отдѣленія, исполненіе подобнаго желанія должно представить трудности, едва ли преодолимыя.

---

140. Записки объ осадѣ Севастополя.

Н. Берга. Два тома. М. 1858 г.

Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера.

Соч. *Е. Р. Ш—ова* [1]). Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 139.

Въ этой рецензіи выражена основная мысль передовой части нашего тогдашняго общества: крымская война не могла не кончиться пораженіемъ, помимо всѣхъ другихъ причинъ, еще и потому, что народъ абсолютно не понималъ ея происхожденія и совершенно не чувствовалъ моральнаго подъема. Но пораженіе это для насъ благодѣтельно, и мы не можемъ не отдать должнаго врагу. Добролюбовъ уже и раньше высказывалъ частично отдѣльныя положенія этой мысли. Разумѣется, онъ не могъ не воспользоваться поводомъ свести ихъ воедино.

М. Л.

Объ книги, заглавіе которыхъ мы выписали, уже извѣстны нашей читающей публикѣ: «Воспоминанія» г. Ш—ова недавно напечатаны были вполнѣ въ «Библіотекѣ для Чтенія», а изъ «Записокъ» г. Берга помѣщались въ нашихъ журналахъ довольно значительные отрывки. Оба автора имѣли въ виду разсказать, какъ очевидцы, вели-

[1]) А. И. Ершова.

кій заключительный эпизодъ нашей послѣдней войны. Г. Ш—овъ разсказываетъ преимущественно какъ очевидецъ и участникъ дѣла; онъ не дополняетъ своихъ воспоминаній даже общими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ газетъ, а просто разсказываетъ, что дѣлалъ и видѣлъ онъ съ своего поста. Эта особенность придаетъ его разсказу характеръ бо̀льшей живости, простоты и откровенности; но намъ кажется, что занимательность его воспоминаній много выиграла бы, если бы онъ пополнилъ ихъ и другими свѣдѣніями, которыя такъ легко было собрать на мѣстѣ. Напримѣръ, онъ не участвовалъ въ дѣлѣ 4 августа, и потому говоритъ только, что онъ и его товарищи долго ждали сигнала, чтобъ начать условленную канонаду, но не дождались, и наконецъ узнали, то наши отступили. Затѣмъ онъ прибавляетъ только: «Ни пламенное желаніе сразиться съ врагомъ, ни мужество, ни отчаянная храбрость нашихъ войскъ, возбудившая удивленіе даже въ самихъ непріятеляхъ, ничто не помогло! Все разбилось о случайность, о неприступную мѣстность. Вотъ что говорили о днѣ четвертаго августа люди, знакомые съ дѣломъ». И болѣе никакихъ подробностей о битвѣ! Отъ очевидца, отъ севастопольца читатель въ правѣ потребовать болѣе подробныхъ объясненій: что это были за случайности, повредившія намъ? Что заставило нашихъ идти на неприступную мѣстность, которая была имъ, конечно, хорошо извѣстна? Отчего мужество солдатъ было безсильно противъ случайности? На все это не трудно было бы отвѣтить г. Ш—ову, слышавшему, безъ сомнѣнія, всѣ подробности дѣла отъ тѣхъ, которые въ немъ участвовали и хорошо его понимали. Но, вѣрный своему намѣренію передавать только то, что самъ видѣлъ, онъ ничего не говоритъ о дѣлѣ при Черной Рѣчкѣ. За его молчаніе вознаграждаетъ насъ довольно подробный разсказъ г. Берга, бывшаго при штабѣ, и потому имѣвшаго возможность узнать болѣе г. Ш—ова. Признавая всю важность событія 4 августа, г. Бергъ приложилъ къ своей книгѣ даже «планъ къ сраженію на Черной Рѣчкѣ». Свѣдѣнія, находящіяся въ его книгѣ, состоятъ въ слѣдующемъ. Рѣшено было произвести наступательное движеніе на непріятеля, и нѣсколько разъ собирались военные совѣты для опредѣленія мѣстности, куда направить атаку. Большинство одобряло движеніе на позицію, которую занималъ непріятель на Ѳедюхиныхъ горахъ. Хрулевъ, съ немногими, былъ противъ этого и подалъ главнокомандующему, отъ 25 до 30 іюля, четыре записки, въ которыхъ предлагалъ другія движенія, доказывая безполезность атаки на Ѳедюхины горы и предсказывая цифру нашей потери, если нападеніе будетъ туда направлено. Но его убѣжденія не могли поколебать большинства. Рѣшено было въ ночь на 4 августа произвести атаку на Ѳедюхины горы. Г. Бергъ сообщаетъ и подробную диспозицію войскъ, назначенныхъ для этого; но мы оставляемъ ее, какъ по причинѣ ея обширности, такъ и потому, что она не совсѣмъ понятна безъ плана мѣстности. Болѣе интересны для читателей подробности самаго дѣла. Оно началось подъ неблагопріятными предзнаменованіями, изъ которыхъ одно сообщаетъ г. Бергъ относительно генерала Реада, на стр. 245, въ первой части.

«Отрядъ генерала Реада, дойдя до мѣста, называемаго «Новымъ», остановился. Въ это время свѣтилъ еще мѣсяцъ.

«Генералъ Реадъ, лежа на травѣ, спросилъ у адъютанта начальника штаба, ротмистра Столыпина: «съ которой стороны вы увидѣли мѣсяцъ?»

«— Съ правой, ваше высокопревосходительство!» —

«А я такъ съ лѣвой, сказалъ Реадъ: говорятъ, это нехорошо!»

Оказалось, что для генерала Реада дѣйствительно знаменіе было не хорошо: онъ убитъ былъ въ сраженіи, и потомъ оказалось, что онъ былъ едва ли не главнымъ виновникомъ нашей неудачи [1]). По крайней мѣрѣ, вотъ что разсказываетъ г. Бергъ, на стр. 249—252, первой части.

«Генералъ Реадъ, услыша выстрѣлы въ отрядѣ Липранди, также открылъ артиллерійскій огонь (какъ сказано было въ диспозиціи), но, не причиняя почти никакого вреда непріятелю, вскорѣ прекратилъ безполезную стрѣльбу, по совѣту своего начальника артиллеріи, генералъ-лейтенанта Гагемана.

«Между тѣмъ главнокомандующій послалъ къ нему своего адъютанта съ приказаніемъ «начинать!» Въ ту минуту, когда адъютанта отправляли, Реадъ не открывалъ еще огня, но когда адъютантъ поскакалъ,—дѣйствіе артиллеріи праваго фланга уже началось.

«Адъютантъ подъѣхалъ къ Реаду и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ начинать!»

«— Что значитъ «начинать?» — спросилъ Реадъ.

«Я не знаю, отвѣчалъ тотъ: мнѣ только передано это слово».

«— Стало быть, начинать атаку? продолжалъ Реадъ: потому что предписанное въ диспозиціи нами уже начато, да за этимъ и не посылаютъ. Скажите же князю, что я начинаю атаку, пускай посылаетъ резервы!

«Адъютантъ ускакалъ, а къ Реаду подъѣхалъ Веймарнъ (генералъ-маіоръ, начальникъ его штаба), бывшій до того времени впереди, у артиллеріи.

«Надо атаковать!» сказалъ ему Реадъ.

«— Какъ атаковать? Зачѣмъ?

«Реадъ разсказалъ ему о пріѣздѣ адъютанта. Напрасно Веймарнъ увѣрялъ, что тутъ есть ка-

[1]) См. № 18.

кая-нибудь ошибка. и говорилъ, что боевой фронтъ еще не готовъ, не прибылъ уланскій полкъ, которому слѣдовало поддержать правое крыло отряда; Реадъ и самъ понималъ, что дѣло что-то не такъ и вести атаки не должно, но онъ былъ человѣкъ точный, немного свѣжій въ Крыму, не знавшій нашихъ порядковъ; къ тому же онъ увѣдомилъ главнокомандующаго, что начинаетъ атаку... дѣло приняло другой смыслъ: и потому, сообразивъ все это, двинулъ 12-ю дивизію на мостъ.

«Она легко заняла предмостные ложементы непріятеля и перешла рѣчку, частію по мосту, частію въ бродъ, потому что французы обрубили спуски и приготовленные нами мосты оказались короткими.

«Наши неслись, подъ огнемъ картечи, по выраженію самихъ французовъ «какъ лавина, сверзаемая бурей съ высоты горъ»—разница была только въ томъ, что этой лавинѣ пришлось не свергаться съ горы, а лѣзть въ гору.

Французы спрашивали послѣ, какъ называются полки, шедшіе въ эту славную атаку, и записали ихъ имена. Эти полки, заслужившіе честную похвалу столь же храбрыхъ и стойкихъ противниковъ, были: Украинскій, Одесскій и Азовскій.

«Первыя колонны непріятелей опрокинуты. Это былъ генералъ Фальи со 2-ю бригадою дивизіи Фошё (а частію и 1-я бригада той же дивизіи). Но получивъ въ подкрѣпленіе 73-й линейный полкъ (стоявшій въ резервѣ съ генераломъ Клеромъ), онъ двинулся впередъ и снова оттѣснилъ нашихъ къ мосту.

«Мы понесли при этомъ огромныя потери. Больше половины офицеровъ выбыло изъ фронта. Убитъ командиръ Одесскаго полка полковникъ Скюдери.

«7-я дивизія также перешла рѣку и обводный каналъ (иные увѣряютъ, что перешла только часть, а другая, бо́льшая, все время оставалась на этомъ берегу, подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля) и встрѣчена штыками 50-го линейнаго и 3-го зуавскаго полковъ. 82-й линейный, спустившись съ задняго холма, ударилъ 7-й дивизіи во флангъ.

«Въ то же время, слѣва (отъ нихъ справа) стали наступать 2 батальона 62-го и батальонъ 73-го линейныхъ полковъ (остальной резервъ), подъ командой самаго Клера и, соединясь съ первой бригадой дивизіи Фошё, обошли нашихъ.

«21-я дивизія бьется невдалекѣ отъ моста (по ту сторону рѣчки), ожидая помощи... одинъ солдатъ прибѣжалъ оттуда къ Реаду, стоявшему близъ Екатерининской мели, по сю сторону рѣки, въ 450-ти шагахъ отъ моста, и сказалъ: «ваше превосходительство, дайте намъ резервы: непріятель одолѣлъ совсѣмъ!»

«Каково услышать это отъ простого солдата и не имѣть средствъ помочь! Реадъ отвѣчалъ ему грустно: «Я самъ ожидаю резервовъ, а теперь, видишь, ничего нѣтъ!»

«Резервы были еще далеко.

«Главнокомандующій, получивъ донесеніе отъ посланнаго, что Реадъ атакуетъ, удивился.

«Такъ онъ атакуетъ? Ну, нечего дѣлать... остается поддержать!»

«Онъ послалъ, какъ разсказывали послѣ, штабсъ-капитана генеральнаго штаба, барона Мейендорфа, привесть 5-ю дивизію. Мейендорфъ, помня, что эта дивизія идетъ съ Мекензіевой горы, поскакалъ туда и, встрѣтивъ первыя попавшіяся ему колонны, закричалъ: «за мной! приказалъ главнокомандующій!» Но потомъ, уже на дорогѣ, спохватился, что это не 5-я дивизія, а 4-я (5-я прошла уже этимъ мѣстомъ и направилась влѣво, къ отряду Липранди),—онъ бросился туда, и видя, что потерялъ много времени, велѣлъ людямъ бѣжать бѣгомъ. Они прибыли на мѣсто чрезвычайно утомленные и, все-таки, поздно: 12-я дивизія почти не существовала; въ рядахъ ея послышался отбой... Тогда Веймарнъ сказалъ окружающимъ:

«— Ну, теперь сраженіе проиграно!

«Разумѣется, уже нечего было и думать о занятіи Гасфортовой горы: минута прошла! оставалось спасать разбросанные клочки отступающихъ полковъ».

Мы остановились на эпизодѣ 4 августа не только потому, что оно дѣйствительно имѣло весьма важное значеніе, но и потому, что намъ кажется замѣчательнымъ спокойствіе и откровенность, съ которыми мы можемъ уже теперь говорить о нашихъ неудачахъ и даже ошибкахъ. Вообще, какъ въ «Воспоминаніяхъ» г. Ш—ова, такъ и въ «Запискахъ» г. Берга господствуетъ тонъ уваженія, даже сочувствія къ храбрости и искусству непріятелей. Нигдѣ не выказывается нетерпимости, ожесточенія, подобнаго тому, съ какимъ отзывались мы, напримѣръ, о французахъ послѣ 1812 г. Конечно, здѣсь большая разница въ цѣли и значеніи самой войны. Тогда была война народная; врагъ былъ внутри страны; всякій защищалъ свой домъ, свое имущество, всякій во врагѣ общемъ видѣлъ и своего личнаго врага. Послѣдняя война имѣла, конечно, другой характеръ: она рѣшена была политическими соображеніями и дипломатическими переговорами, которые не могли быть извѣстны всему народу; во всемъ своемъ ходѣ она имѣла характеръ болѣе мѣстный, такъ какъ ея важнѣйшія событія разрѣшились на южныхъ нашихъ границахъ, не простираясь внутрь страны. Самая цѣль враговъ—уничтоженіе нашего преобладанія на Востокѣ,—не могла быть для народа столь осязательною въ своей непріязненности, какъ ближайшая цѣль враговъ 1812 года, опустошавшихъ нашу страну, забравшихся въ самое сердце Россіи. Все это много объясняетъ ту сравнительную мягкость и безпристрастіе нашихъ отзывовъ о непріятелѣ, какая замѣчается въ военныхъ разсказахъ о послѣдней войнѣ. Но нельзя не замѣтить тутъ еще и другой важной причины, именно той, что мы вообще возвысились въ своихъ понятіяхъ. Извѣстно, что сорокъ лѣтъ тому назадъ у насъ представляли Наполеона «антихристомъ», а войска его «окаянными полчищами богопротивныхъ галловъ». Въ то время между множествомъ ругательныхъ книгъ на французовъ, вышла, напримѣръ, вотъ какая книжка, о которой понятіе даетъ ея заглавіе: «Анекдоты нынѣшней войны, *или* ясное изображеніе мужества,

великодушія, человѣколюбія, привязанности къ Богу, Вѣрѣ и Государю россійскаго народа; трусости, подлости, безчеловѣчія, безсмыслія, звѣрства и непримиримаго коварства французовъ». Нынѣ ничего подобнаго нельзя и ожидать; развѣ только отъ поэтовъ, подобныхъ г. Татаринову [1]). Нынѣ на враговъ своихъ мы смотримъ какъ-то болѣе человѣчески, болѣе спокойно. Мы поняли, что если ужъ случилась необходимость воевать, то обязанность воина—наносить сколько можно болѣе вреда своему врагу, и если онъ хорошо дѣлаетъ свое дѣло, то нечего обвинять его въ звѣрствѣ. Еще раньше наши солдаты поняли, что послушныя массы, двигавшіяся на насъ, не были одушевлены чувствами личной вражды. Оттого-то солдаты при первомъ удобномъ случаѣ завязывали самыя добродушныя, можно сказать, дружескія отношенія съ непріятелями. Они потѣшались бомбами и ядрами, какъ игрушками. Въ Свѣтлое воскресенье раскрасили бомбу въ видѣ пасхальнаго яйца и отправили къ непріятелю; въ другой разъ офицеръ, узнавъ, что девять бомбъ послано, сказалъ: «валяй десятую для четнаго числа!» И это четное число взорвало у непріятеля пороховой погребъ. Здѣсь, хотя не совсѣмъ кстати, мы не можемъ удержаться, чтобы не указать на одно забавное обстоятельство, показывающее, какъ мало значили для севастопольцевъ пули и бомбы, въ сравненіи даже съ маленькими непріятностями обыденной жизни. Г. Ш—овъ разсказываетъ о первой ночи, проведенной имъ на бастіонѣ, въ блиндажикѣ, который вскорѣ былъ разбитъ бомбою, разорвавшеюся на той самой постели, на которой онъ спалъ. «Послѣ тревогъ дня, я улегся, говоритъ онъ. Уже дремота начала одолѣвать меня. Вдругъ я соскочилъ и нетерпѣливо началъ растегиваться. Казалось, тысячи булавокъ прогуливались по мнѣ. Въ первую минуту я не могъ даже хорошенько сообразить весьма простой тому причины. Судорожно зажегши свѣчу, отдернулъ я свое одѣяло, и моя догадка оправдалась совершенно: передо мной запрыгала, заскакала цѣлая орда такъ называемыхъ *черкесовъ*». Несчастіе г. Ш—ова вызвало сочувствіе офицеровъ, и они удѣлили ему персидской ромашки, которою всѣ запасались для защиты «отъ внутренняго врага бастіоновъ, допекавшаго здѣсь хуже пуль»,—по словамъ г. Ш—ова.

Обстоятельство это, разумѣется, только курьезно само по себѣ; оно ничего не доказываетъ. Но говоря вообще, нельзя не замѣтить, что привычка къ канонадѣ удивительно развилась у севастопольскихъ офицеровъ обѣихъ армій, и въ этомъ опять была новая причина, почему враги менѣе ожесточались другъ противъ друга. Г. Ш—овъ разсказываетъ, какъ во время одного перемирія для уборки тѣлъ, поручикъ П., разговаривая съ французами, объявилъ себя, на вопросъ одного изъ французовъ, капитаномъ Тадэ, командиромъ батареи 5-го бастіона, особенно допекавшаго французовъ, работавшихъ въ траншеяхъ.

«При отвѣтѣ П**, со стороны французовъ посылались любезности.

— Мы вообще замѣтили, продолжалъ другой французъ, поручикъ, что вы болѣе всего угощаете насъ бомбами и bouquet'ами передъ вечеромъ.

— Ah, c'est que je vais gouter alors l'eau vie: je dine à cette heure.

Французы приняли это за чистую монету.

И долго потомъ, когда упомянутая батарея 5-го бастіона (слыхомъ не слыхавшая ни о какомъ capitaine Thadet) бросала порой передъ вечеромъ бомбы, слышался изъ французскихъ траншей, противъ этого бастіона, крикъ: Capitaine Thadet va prendre de l'eau de vie. Hourraa, capitaine Thadet» (стр. 173).

Это радушіе и добрыя отношенія только и нарушались во время битвы, когда чувство долга, наложеннаго войною, заставляло каждаго заглушать свои личныя чувства.

Что касается до французовъ, то у нихъ рѣшительно, кажется, не было непріязни къ русскимъ. Война для нихъ не была дѣломъ народнымъ. Можетъ быть, много страшныхъ драмъ разыгралось въ частной жизни и въ душѣ нашихъ враговъ, прежде чѣмъ они рѣшились отправиться на войну. Г. Бергъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ объ одномъ французскомъ офицерѣ, который былъ взятъ нами въ плѣнъ, и которому медики сказали, что онъ плохъ, но что, все-таки, нужно сдѣлать операцію. «Нѣтъ, ужъ не надо, перебилъ ихъ французъ:—оставьте меня въ покоѣ. Я еще могу теперь думать о своей матери, которая умираетъ, можетъ быть, съ голоду, когда я умираю здѣсь отъ пули. Я пошелъ служить, чтобъ достать ей кусокъ хлѣба, и вотъ...» Вѣроятно не одинъ этотъ французъ ухватился за восточную войну, просто какъ за средство достать кусокъ хлѣба и даже не для себя, а для матери!

Другой анекдотъ, о другомъ французѣ, разсказываетъ г. Ш—овъ. Смертельно ранивши нашего офицера Т., французъ этотъ былъ взятъ въ плѣнъ. Увидѣвши раненнаго Т., онъ закричалъ: «а, это ужасно... Да, я вспоминаю... это тотъ русскій офицеръ!» и потомъ предался самымъ страшнымъ поры-

[1]) Петръ Татариновъ выпустилъ въ теченіе 1854 и 1855 года около десятка «патріотическихъ» брошюръ, въ которыхъ просто ругался по адресу враговъ.

вамъ отчаянія. Его стали утѣшать, говоря, что во всемъ виновата война, что это печальная необходимость и т. п. Но французъ ничего не хотѣлъ слушать и, грустно смотря на раненаго имъ Т., повторялъ: «Боже мой!.. какая ужасная вещь эта война!.. Вѣдь онъ могъ бы быть моимъ сыномъ! у меня и есть такой, почти его лѣтъ»... При этомъ онъ даже заплакалъ.

Подобныхъ сценъ, разумѣется, было не мало во все продолженіе осады, и онѣ могли дѣйствовать только примиряющимъ образомъ. Такимъ образомъ въ самихъ воевавшихъ не было непріязненныхъ чувствъ другъ къ другу. Тѣмъ менѣе законны были бы они у писателей, разсказывающихъ публикѣ о великомъ событіи, и особенно въ то время, когда уже дѣло кончено и когда мы видимъ даже благодѣтельныя слѣдствія войны. Да, теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что восточная война имѣла послѣдствія, весьма благодѣтельныя для насъ: она научила насъ многому. Самая неблистательность ея конечнаго исхода была полезна для насъ въ томъ отношеніи, что заставила насъ обратить вниманіе на многіе недостатки наши. Во время войны оказались безполезными многія формальныя упражненія, которыми прежде занимали солдатъ съ особеннымъ усердіемъ; оказались недостатки въ оружіи, недостатокъ въ людяхъ, хорошо развитыхъ и основательно приготовленныхъ къ стратегическимъ соображеніямъ, нѣкоторыя злоупотребленія, непримѣтно вкравшіяся среди покоя мирнаго времени и не укрывшіяся подъ громами войны. Мало того: не одни военныя отношенія обратили на себя вниманіе, вслѣдствіе событій войны. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что вопросъ объ устройствѣ лучшихъ путей сообщенія вызванъ былъ войною; вопросъ о значеніи спеціальнаго и общаго образованія также возбужденъ былъ по поводу войны. Но самое важное слѣдствіе ея было то, что она вообще расшевелила нашъ величавый покой и заставила взглянуть повнимательнѣе на ту систему жизни, которой до того мы слѣдовали. Къ этой войнѣ именно можно приложить то, что вообще высказано въ извѣстной рѣчи г. Бабста: «тяжкія народныя борьбы и страданія заставляютъ народы осматриваться, провѣрять свою пройденную жизнь, провѣрять учрежденія, измѣнять ихъ и поправлять свои ошибки» [1]).

Время прагматической исторіи и полной оцѣнки восточной войны еще не наступило. Теперь возможны только матеріалы, собраніе фактовъ и частныя соображенія. Къ числу матеріаловъ, довольно живыхъ и любопытныхъ, нужно причислить и книги г. Ш—ова и Берга.

Мы ничего не говоримъ о великолѣпномъ «Севастопольскомъ альбомѣ» г. Берга, предполагая, что онъ уже знакомъ всѣмъ нашимъ читателямъ.

---

141. Сборникъ литературныхъ статей,

посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Изданіе петербургскихъ книгопродавцевъ на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооруженіе ему памятника. Томы I, II. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 139.

Очень остроумная и ядовитая статья. Она имѣетъ большое историко-литературное значеніе, какъ суммарная оцѣнка всей старой плеяды литераторовъ нашихъ николаевскихъ задворковъ, которые съ приходомъ новаго времени и новыхъ людей сразу какъ-то осѣли, потеряли къ себѣ всякій интересъ и съ злобнымъ шипѣніемъ доживали свои послѣдніе годы. Малѣйшая серьезная фраза могла бы испортить весь тонъ уничтожающей насмѣшки, но Добролюбовъ выдержалъ его блестяще отъ начала до конца.

М. Л.

Все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Примѣръ. Старикъ Смирдинъ умеръ, не дождавшись своего юбилея. Съ одной стороны это дурно: отчего же бы старику и не принять чествованіе за свою долголѣтнюю и честную дѣятельность? Но съ другой стороны это хорошо: не дождавшись юбилея, онъ не дождался и «Сборника», предполагавшагося въ честь его. Мы не знаемъ, какъ понравилось бы ему содержаніе «литературныхъ статей»; но, вѣрно, одинъ внѣшній видъ этого сѣ-

---

[1]) Сильно нашумѣвшая рѣчь «О нѣкоторыхъ условіяхъ способствующихъ умноженію народнаго капитала», М. 1857 г.

ренькаго изданія, съ небрежной и полуграмотной корректурой, произвелъ бы великое сокрушеніе въ его издательскомъ сердцѣ. Онъ, издавшій великолѣпно, по своему времени, свое «Новоселье», роскошно издавшій, даже и по нынѣшнему, «Сто русскихъ литераторовъ», онъ, въ пользу котораго издана была чистенькая и порядочная «Русская Бесѣда» [1]), онъ долженъ былъ увидѣть теперь плачевное зрѣлище сѣренькаго «Сборника» и услышать, какъ иной мудрецъ, сдѣлавши нѣкоторыя хитрыя соображенія, провозгласилъ бы по-латыни: sic transit gloria mundi! [2]) Нѣтъ, судьба превосходно распорядилась, спасши старика Смирдина отъ такой горькой минуты.

Но опять съ другой стороны (т.-е. это ужъ будетъ съ третьей), нельзя не назвать «Сборникъ» въ честь Смирдина явленіемъ весьма отраднымъ. Отрадно въ немъ видѣть вещественный знакъ невещественныхъ чувствъ уваженія нѣкоторыхъ русскихъ литераторовъ къ своему, можно сказать, благодѣтелю. Еще отраднѣе видѣть въ немъ благородный порывъ раскаянія нѣкоторыхъ старыхъ литераторовъ, которые посильнымъ пожертвованіемъ спѣшатъ загладить свои прегрѣшенія передъ Смирдинымъ. Впрочемъ, и тутъ наше отрадное чувство омрачается тѣмъ, что не всѣ собрались въ «Сборникѣ», кому бы слѣдовало почтить его память, что здѣсь недостаетъ нѣкоторыхъ даже изъ тѣхъ, которые дѣлили со Смирдинымъ издательскіе труды. А между тѣмъ, какое пріятное зрѣлище представляетъ въ изданныхъ нынѣ томахъ «Сборника» совокупленіе, такъ сказать, старѣйшихъ ветерановъ и ветерановъ нашей литературы, изъ коихъ иные уже отпраздновали свой пятидесятилѣтній юбилей, другіе же могли бы праздновать, и если не праздновали, то единственно по причинѣ своей необычайной скромности и нѣкоторой неопытности въ подобныхъ дѣлахъ. Тутъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, графиня Евдокія Ростопчина, Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, Николай Ивановичъ Гречъ, Ѳаддей Вен... [3]). Тьфу! Заговорился! Ѳаддея Венедиктовича-то здѣсь и нѣтъ. Но ужъ это какъ-то въ привычку вошло, чтобы Николая Ивановича не отдѣлять отъ Ѳаддея Венедиктовича, потому что «гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ...» О нихъ именно можно сказать, что они и радость, и печаль (разумѣется, журнальную и книжную) дѣлили пополамъ... Но нынѣ почему-то Николай Ивановичъ является одинъ, а Ѳаддей Венедиктовичъ не является.

Но утѣшимся: оба они вмѣстѣ были сотрудниками Смирдина по разнымъ изданіямъ и потому, навѣрное, оба вмѣстѣ, да еще и съ барономъ Брамбеусомъ [1]), явятся въ біографіи Смирдина, составляемой нашимъ извѣстнымъ литераторомъ, Борисомъ Михайловичемъ Ѳедоровымъ [2]). Въ этой біографіи многое, вѣроятно, будетъ объяснено, съ достойными автора откровенностью и безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ предисловія, Борисъ Михайловичъ близко знакомъ былъ какъ съ дѣятельностью Александра Филипповича, такъ и съ нимъ лично. Тогда, вѣроятно, объяснятся для русской публики многія темныя мѣста нынѣшняго предисловія къ первому тому «Сборника». Напримѣръ, поговоривши о Новиковѣ и о притѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ, авторъ предисловія говоритъ: «Но правда пустила корни свои, общество начинало голодать. Къ жатвѣ явился предпріимчивый, дѣятельный Смирдинъ» (Стр. V). Кого жалъ Смирдинъ, по смыслу этихъ фразъ? Общество, голодъ или правду? Или что значитъ вотъ эта тирада: «Предпріятія Смирдина не удавались; ими смѣло осаждали его многіе, разсчитывая на его довѣріе. И онъ довѣрялъ, насколько хватало физическихъ силъ. Еще нѣсколько порывовъ, показывающихъ дѣльное чутье почтеннаго старика, и рушилось зданіе, построенное частію недобросовѣстными архитекторами, во временномъ вкусѣ». (Стр. VII). Что это за порывы, показывающіе *дѣльное чутье* (до г. Никиты Крылова знали только *верхнее* и *нижнее* чутье; сей ученый произвелъ ихъ въ сравнительную степень—*высшее* и *низшее*; нынѣ изобрѣтено еще чутье—дѣльное)? [3]) Кто эти многіе, осаждавшіе Смирдина? Въ какомъ отношеніи вообще *довѣріе* находится къ *физическимъ силамъ*? Все это объяснитъ намъ, вѣроятно, Борисъ Михайловичъ, имѣвшій и имѣющій

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ славянофильскимъ журналомъ.

[2]) Такъ проходитъ слава на свѣтѣ.

[3]) Булгаринъ; въ 1857 разбитъ параличемъ, умеръ въ 1859 г.

[1]) О. И. Сенковскій.

[2]) Кстати, мы считаемъ долгомъ извиниться здѣсь передъ почтеннымъ Борисомъ Михайловичемъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ приписали ему «Стихи на случай угощенія конныхъ полковъ гвардіи здѣшнимъ купечествомъ». Стихи сіи сочинены не *Б.*, а *В.* Ѳедоровымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они принадлежатъ извѣстному пылкостію патріотическихъ чувствованій литератору Василію Михайловичу Ѳедорову.

Прим. Д.

Добролюбовъ не упускалъ случая поглумиться надъ сподвижникомъ Булгарина и Греча, тоже хорошо знавшимъ цѣнность подачекъ III Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи.

[3]) Проф. Крыловъ установилъ это въ статьѣ о Чичеринскихъ «Областныхъ учрежденіяхъ» въ мартовской книжкѣ «Рус. Бесѣды» 1857 г.

случай узнать всѣ подробности Смирдинской дѣятельности отъ ближайшихъ очевидцевъ и даже соучастниковъ ея, какъ-то: Барона Брамбеуса, Ѳ. В. Булгарина, Н. И. Греча и пр. Мы, съ своей стороны, можемъ сообщить одну черту для біографіи Смирдина, извѣстную намъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Надѣемся, что она не безполезна будетъ для редакціи, которая проситъ сообщать ей всѣ, даже малѣйшія подробности о жизни и дѣятельности Александра Филипповича. Нашъ разсказъ состоитъ вотъ въ чемъ. Одинъ, весьма извѣстный въ свое время, литераторъ заключилъ съ Смирдинымъ условіе поставить ему, за 30,000 р. асс., книгу съ Лондонскими картинками. Деньги всѣ взяты были впередъ. Черезъ нѣсколько времени литераторъ представляетъ Смирдину картинки безобразнѣйшей лейпцигской гравировки. Смирдинъ говоритъ: «Какъ же это? Вѣдь, картинки должны быть гравированы въ Лондонѣ?»—«Кто это вамъ сказалъ, возражаетъ извѣстный литераторъ: — въ условіи этого не сказано». Посмотрѣли въ условіе: дѣйствительно,—тамъ было поставлено просто: «за границей». Объ этой продѣлкѣ упоминаетъ, между прочимъ, Пушкинъ въ одной изъ статей Ѳеофилакта Косичкина [1]).

Обращаясь теперь къ содержанію трехъ изданныхъ уже томовъ «Сборника», мы должны опять повторить то, съ чего начали нашу рецензію: всякая вещь имѣетъ свои дурныя и хорошія стороны. Есть онѣ и въ «Сборникѣ». Дурно, напримѣръ, что «литературныя статьи» его такъ плохи и несовременны, но съ другой стороны—даровому коню въ зубы не смотрятъ, а съ третьей—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Это даже умилительно, когда видишь почтенныхъ старцевъ, до послѣдняго истощенія силъ продолжающихъ неуклонно свою дѣятельность. Такъ, Державинъ, на смертномъ одрѣ, ослабѣвающей рукою, продолжалъ писать стихи; Баронъ Брамбеусъ (по извѣстію его некролога) за день до смерти диктовалъ «Листокъ» для «Сына Отечества»; такъ и ветераны, собравшіеся въ «Сборникѣ», показываютъ, что они и нынѣ не разстаются съ своими стихами, повѣстями, размышленіями и т. п. Вѣдь это трогательно! Правда, что ихъ произведенія относятся болѣе къ началу нынѣшняго столѣтія, нежели къ настоящему времени; но можетъ ли и быть иначе? Намъ даже пріятно, что всѣ старички наши остались вѣрны своему направленію, котораго держались въ теченіе цѣлой жизни. Что имъ за дѣло до того, что времена измѣнились? Они стоятъ на своемъ, и кончено дѣло. Вотъ хоть бы, напримѣръ, г. Погодинъ. Описываетъ онъ подвигъ Марина во время извѣстнаго Московскаго пожара. Пожаръ этотъ называетъ онъ *театральнымъ* и говоритъ, что «театральный пожаръ нельзя назвать несчастьемъ». Разумѣется, съ послѣднимъ замѣчаніемъ мы согласны: что же за несчастье театральный пожаръ, т.-е. пожаръ на театрѣ? Его можно, напротивъ, назвать зрѣлищемъ, пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ это замѣчаніе прилагаетъ г. Погодинъ къ пожару Московскаго театра,—въ наше время уже непонятно. Точно также непонятно въ наше время и восхищеніе г. Погодина тѣмъ, что Маринъ страшно упирался, когда его, послѣ его подвига, хотѣли вести въ канцелярію. Нынѣ, послѣ разсказовъ г. Щедрина и пр., давно уже не тайна, почему мужикъ бѣжитъ отъ всякой канцеляріи, какъ отъ гнѣва Божьяго. Поэтому совершенно ясно, отчего Маринъ кричалъ: «куда вы ведете меня? Что я сдѣлалъ? Я ничего не сдѣлалъ. Пустите меня». Понятно и то, почему онъ, по отобраніи отъ него свѣдѣній въ канцеляріи, побѣжалъ изъ нея *блаженъ матомъ*, по выраженію г. Погодина. Въ наше время все это совершенно ясно; но г. Погодину угодно въ этомъ видѣть необычайную скромность крестьянина и не желаніе его принять награду на доброе дѣло.

Другой ветеранъ, Баронъ Брамбеусъ, сочинилъ водевиль въ 150 страницъ, безъ всякаго слѣда хотя бы малѣйшаго, хотя бы брамбеусовскаго остроумія. О смыслѣ и содержаніи, разумѣется, и говорить нечего: кто же ихъ ищетъ въ водевиляхъ? Съ нашей точки зрѣнія, это, пожалуй, дурно. Но перенеситесь лѣтъ за тридцать назадъ, когда еще не было свѣтилъ нашего водевильнаго міра, П. А. Каратыгина, графа В. А. Соллогуба и т. п., когда еще не имѣли и предчувствія о томъ смѣхѣ, какой явится на Руси въ 1858 г., перенеситесь въ тѣ времена, и вы почувствуете, что тогда водевиль Барона Брамбеуса не сдѣлалъ бы дурной репутаціи своему автору, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кружкахъ. Вѣдь, тогда что за литература была! Послушайте-ка, что говоритъ о ней одинъ изъ главныхъ персонажей водевиля Барона Брамбеуса, Вася:

«Есть два средства сдѣлаться великимъ въ грамотѣ: доказывать свѣту, что ты не дуракъ,—писать книги; или доказывать свѣту, что всѣ дураки,—писать критики. Я избралъ второе средство, какъ не требующее вовсе ума, который превосходно замѣняется здѣсь наглостью. Познакомился со многими, подающими большія надежды,

[1]) Продѣлка Булгарина.

знаменитостями, начавъ кутить съ ними, получилъ тотчасъ мѣсто критика при одномъ пребольшомъ журналѣ и пустился рубить чужой умъ... старыя и новыя книги, журналы, статьи, не заглядывая въ содержаніе, не разрѣзывая даже страницъ... этакъ знаешь... геніально... широко... гуманно... съ высочайшихъ точекъ зрѣнія на человѣчество, прогрессъ, натуру и пр. Представить себѣ не можешь, какой громовой эффектъ произвело это между нами, литераторами. Жаль, что тебя тутъ не было. Славный народъ! и большею частью изъ нашихъ товарищей. Какъ пишутъ! какъ кутятъ! да какъ пьютъ! Меня тутъ же на мѣстѣ провозгласили геніемъ.—Впрочемъ, всѣ мы геніи, да еще какіе! одинъ другого геніальнѣе, и кромѣ насъ никто геніемъ быть не можетъ. Уничтожимъ!.. Это была моя часть. Мнѣ поручили уничтожать всѣхъ ненашихъ и все ненаше, какъ органу славнаго сословія, которое, когда бывало, соберется вечеркомъ, да запируетъ, завретъ, зашумитъ... Удивительное поприще эта литература! очень весело! (Т. I, стр. 138).

Теперь, конечно, все это представляется невѣроятнымъ, но прежде, должно быть, было такъ. По крайней мѣрѣ, нельзя не вѣрить Барону Брамбеусу, который самъ столько лѣтъ былъ журналистомъ и критикомъ. Въ его словахъ можно находить нѣкоторое объясненіе того страннаго обстоятельства, почему, бывало, въ «Библіотекѣ для Чтенія» производились въ геніи г. Кукольникъ, г. Тимофеевъ и пр. Да, въ приведенныхъ нами словахъ выражается откровенность и вѣрность однажды принятымъ началамъ изумительная!

Бывшій нѣкогда сподвижникъ Барона Брамбеуса, Н. И. Гречъ, тоже помѣстилъ въ «Сборникѣ» статью, въ которой съ гордостью называетъ себя «старымъ грамматикомъ и уставщикомъ кавыкъ», и выражаетъ свое неудовольствіе на желѣзныя дороги, приведшія въ забвеніе прадѣдовскую кибитку. У Николая Ивановича есть, видите ли, необычайная охота—рвать цвѣты и пугать воронъ по дорогѣ. Для удовлетворенія этой охотѣ, онъ и разъѣзжаетъ въ прадѣдовской кибиткѣ, сворачивая съ дороги вправо и влѣво, гдѣ сорвать цвѣтокъ, гдѣ пугнуть ворону» (стр. 95). Ну, чтожъ, пусть его пугаетъ, когда такая охота есть: охоту тѣшить не бѣду платить!.. Судя по нынѣшнему, можно, разумѣется, пожалѣть, что онъ русскую грамоту позабылъ и пишетъ, Богъ знаетъ, какъ. Онъ пишетъ: «Прежній женихъ испрашивалъ позволенія пріѣхать другу». «Софія открылась ему, что она набросала нѣсколько плановъ и отдѣльныя части романовъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ «*Исторія* дѣвицы Штернгеймъ». Такимъ правильнымъ языкомъ и изящнымъ слогомъ написанъ весь разсказъ. Въ прежнее время, разумѣется, удивились бы этому, подняли бы шумъ; но теперь мы ужъ знаемъ, что Николай Ивановичъ иначе писать не можетъ. Мы знаемъ теперь, что если онъ когда-нибудь и писалъ по-русски, такъ это было очень давно, еще прежде, чѣмъ онъ сталъ писать по правиламъ грамматики Греча. Послѣ же изданія грамматики, онъ дошелъ даже до того, что отвергъ вовсе русскій языкъ, къ явной выгодѣ собственной грамматики. Онъ произнесъ даже всенародно въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Пусть, говоритъ, цѣлый народъ единогласно употребляетъ извѣстное слово несогласно съ правилами моей грамматики, я, все-таки, скажу, что оно употребляется неправильно». Это значитъ: «пусть цѣлый міръ обрушится, я твердо устою подъ развалинами!» Похвально.

Еще одинъ изъ ветерановъ, Ѳ. Н. Глинка, котораго самъ г. Гречъ называетъ своимъ «командиромъ», помѣстилъ въ «Сборникѣ» очеркъ: «Городъ и деревня», подражаніе извѣстной статьѣ [1]) «Петербургъ и Москва», напечатанной нѣкогда въ въ «Физіологіи Петербурга». Но характеристика здѣсь оригинальнѣе. Городъ отличается особенно тѣмъ, что въ немъ есть какая-то хитрая пружинка: наложитъ на пружинку перстъ свой одинъ человѣкъ, и тотчасъ это чувствуютъ и башкиры, и киргизы, и татары казанскіе, и каракалпаки, и сапсуги, и жители Гуріи и пр. Деревня же тѣмъ отличается, что въ ней есть много звонницъ и между звонницами великій звонарь. «Зазвонитъ звонарь, и триста тысячъ честныхъ головъ обнажатся отъ шапокъ и *мурмолокъ*». Затѣмъ представляется разговоръ деревни съ городомъ. Тебѣ сто лѣтъ, говоритъ деревня, а мнѣ семьсотъ: «поклонись, красавецъ сотенникъ, старой бабѣ семисотенной». Дальше городъ (въ которомъ уже не трудно узнать Петербургъ) хвалится своимъ храмомъ и дворцомъ, а Москва ему отвѣчаетъ: у меня у самой будутъ такіе же. Онъ хвалится Царицынымъ *лугомъ*, а она Дѣвичьимъ *полемъ*; онъ разными «дивами и чудными вещами», она—царь-колоколомъ и царь-пушкой; онъ—наводненіемъ; она—пожаромъ и т. д. Въ давно минувшія времена, когда печатались «Записки синей ассигнаціи», «Разсказы булавки», «Говорящій диванъ» и т. п.,—въ тѣ времена и рыцарскій турниръ между городомъ и деревней былъ бы, вѣроятно, весьма трогателенъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ трогательностью повѣствованія Рафаила Михайловича Зотова, занимающаго чуть не весь второй томъ «Сборника». Начинается оно афоризмами, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ съ нѣкоторою стремительностью, напоминающею стремленіе гороха изъ вне-

[1]) Бѣлинскаго.

запно-прорвавшагося мѣшка. «Всемірная исторія, вѣщаютъ афоризмы, не что иное, квкъ собраніе политическихъ драмъ. Времена и дѣйствующія лица измѣняются, но самыя событія почти однѣ и тѣ же. Радости и страданія человѣчества всегда одинаковы. Иначе и быть не можетъ». Само собою разумѣется, что во всемъ, касающемся до исторіи, Рафаилу Михайловичу и книги въ руки. Онъ вѣдь сочинилъ «Двадцатипятилѣтіе Европы», да потомъ еще «Тридцатилѣтіе Европы», итого—пятидесятипятилѣтіе Европы: значитъ, что-нибудь смыслитъ въ исторіи. Но далѣе слѣдуетъ афоризмъ, что «Жизнь есть очистительное горнило» (стр. 89), и тутъ ужъ мы не знаемъ, вѣрить ли Рафаилу Михайловичу, такъ какъ онъ ставитъ себя здѣсь въ явное противорѣчіе съ Николаемъ Ивановичемъ [1]), утверждающимъ, что «жизнь есть скачка съ препятствіями» (стр. 111).

Но оставимъ высокіе философскіе вопросы: отъ нихъ можетъ голова закружиться съ непривычки. Посмотримъ лучше, какъ Рафаилъ Михайловичъ смотритъ на дѣло повѣствователя. «Есть авторы, говоритъ сей почтенный авторъ, которые затрудняются въ пріисканіи сюжетовъ своихъ романовъ и повѣстей. Напрасно!—Никакихъ усилій изобрѣтательности тутъ не нужно. Стоитъ только заглянуть въ любой семейный бытъ,—и повѣсть самая вѣрная, поучительная и близкая сердцу,—готова». (Стр. 90). Какая умилительная простота, какая патріархальная откровенность въ этихъ строкахъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ, что за поразительная сила въ словѣ: «Напрасно!», такъ кстати поставленномъ съ восклицательнымъ знакомъ!... Какъ трогательно слышать изъ устъ почтеннаго старца намекъ, что его повѣсть «вѣрна, поучительна и близка сердцу». А какая, въ самомъ дѣлѣ, поучительность развита во всей повѣсти! Она вся есть, такъ сказать, не что иное, какъ небывалое, изумительное, неимовѣрное сцѣпленіе поучительныхъ событій. Купецъ Серболинъ облагодѣтельствовалъ Иванова; Ивановъ надулъ его; Серболинъ встрѣтилъ это надувательство благодушно и за то поддержанъ былъ Веселовымъ, отдавшимъ за него дочь свою. Ивановъ же скоро разорился и предъ смертію поручилъ своего малолѣтняго сына покровительству Серболина. Серболинъ воспиталъ его, какъ сына, въ коммерческомъ училищѣ. Между тѣмъ, у Серболина росла собственная дочь Маша, при которой была облагодѣтельствованная Серболинымъ гувернантка, полуфранцуженка; ибо мать Маши умерла. Ивановъ, конечно, влюбился въ Машу; гувернантка Анюта влюбилась, конечно, въ Иванова; Ивановъ, конечно, увлекся и уѣхалъ въ Англію! Анюта безъ него вышла замужъ за Дулина. По пріѣздѣ Ивановъ опять увлекся Дулиной и—опять уѣхалъ въ Англію. Возвратившись опять, онъ нашелъ, что Анюта овдовѣла и вышла опять замужъ—за самаго старика Серболина, для того, чтобы препятствовать ему выдать Машу за Иванова. Но Ивановъ на этотъ разъ не увлекается и безпрестанно читаетъ ей мораль. Мораль сія такъ на нее дѣйствуетъ, что она не только устраиваетъ свадьбу своей соперницы Маши съ Ивановымъ, но и сама, «когда судьба благословила бракъ ея сыномъ, сдѣлалась примѣрной матерью. Едва сынъ ея началъ лепетать, какъ она уже учила его быть добрымъ, честнымъ и послушнымъ долгу п совѣсти» (стр. 224) Уже изъ этого краткаго очерка можно судить, какъ много нравственности въ разсказѣ Рафаила Михайловича. Какъ онъ разсуждаетъ о воспитаніи, о вредномъ вліяніи французскихъ романовъ, о маскарадахъ! Какъ ясно и положительно выражается въ его разсказѣ отвращеніе къ воровству, пьянству, коварству, злостному банкротству и прочимъ, тому подобнымъ порокамъ! Воистинну Рафаилъ Михайловичъ нравственный писатель! Такіе нравственные авторы рѣдки уже нынѣ; только въ прежнія блаженныя времена они и процвѣтали въ изобиліи.

О тѣхъ блаженныхъ временахъ вспоминаетъ со вздохомъ В. Т. Плаксинъ въ статьѣ «Голосъ за прошлое». Ему не нравится, что бранятъ «тридцатые годы», и онъ доказываетъ ихъ превосходство тѣмъ, что тогда дѣйствовали Пушкинъ, Кольцовъ, Гоголь, Лермонтовъ и пр. Очевидно, г. Плаксинъ не подозрѣваетъ, что подъ «тридцатыми годами» литературы разумѣютъ обыкновенно время не отъ 1830 по 1840, а отъ 1825 по 1835 и даже нѣсколько раньше. Поэтому онъ къ эпохѣ тридцатыхъ годовъ примкнулъ даже и Лермонтова, за что мы ему, впрочемъ, очень благодарны, такъ какъ это дало ему поводъ сообщить о Лермонтовѣ нѣсколько новыхъ свѣдѣній. Г. Плаксинъ зналъ Лермонтова еще въ школѣ и, «въ качествѣ учителя, дѣлалъ свои замѣчанія на его стихи»: вѣрно ему обязаны мы частицею той силы мысли и энергіи стиха, которыми восхищаемся въ Лермонтовѣ. Новое свѣдѣніе, сообщенное г. Плаксинымъ и, кажется, въ первый разъ являющееся у насъ въ печати, состоитъ вотъ въ чемъ:

«Въ началѣ 1837 года, бывши на службѣ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, онъ, (Лермонтовъ) написалъ стихотвореніе на смерть великаго поэта

[1]) Гречемъ.

Пушкина, которое не было напечатано, но быстро распространилось въ рукописяхъ. Невзыскательные и непризванные друзья, которые, какъ мухи льнутъ ко всему сладкому, прилипаютъ къ тому, что отзывается силою и славою, начали толковать вкривь и вкось каждый стихъ, каждое выраженіе. Въ томъ же году лѣтомъ онъ прислалъ съ Кавказа первое произведеніе, предназначенное для печати: «Хаджи Абрекъ» (стр. 305).

При всемъ томъ, что извѣстіе г. Плаксина очень интересно, оно не даетъ ему права относить дѣятельность Лермонтова къ тридцатымъ годамъ, равно какъ и дѣятельность Кольцова и Гоголя. Другое дѣло— прочіе таланты, которыми онъ доказываетъ процвѣтаніе литературы тридцатыхъ годовъ, какъ-то: Бенедиктовъ, Кукольникъ, Ершовъ, Бегичевъ, Степановъ, Бернетъ, Масальскій и многіе др. «замѣчательные и даровитые писатели, кипѣвшіе жизнію и дѣятельностью» (стр. 308). Этихъ мы вамъ жертвуемъ, г. Плаксинъ: можете относить ихъ къ тридцатымъ, десятымъ, первымъ, послѣднимъ годамъ, можете сказать, что они всемірны, всеобщи, вѣчны, все, что вамъ угодно; только избавьте отъ нихъ шестидесятые годы!.. Впрочемъ, г. Плаксинъ и самъ не захочетъ такого позора для своихъ любимыхъ писателей. Онъ съ поэтическимъ одушевленіемъ заклеймилъ все время русской литературы послѣ Пушкина слѣдующей тирадой:

«Погибъ во цвѣтѣ лѣтъ Ахиллесъ нашей литературы, остались гордые Агамемноны, дряхлые, хотя и мудрые Несторы, уважаемые за старыя заслуги (читатели! оцѣните великодушіе сего признанія въ устахъ престарѣлаго автора), буйношумные Аяксы, ратующіе съ живыми и мертвыми, хитрые Улиссы, ожидающіе коварныхъ внушеній отъ самолюбивой Палады!» (стр. 298).

Каково отдѣлываетъ г. Плаксинъ русскую литературу послѣ Пушкина!.. Да и справедливо: что̀ за литература та, которая не попала въ учебникъ г. Плаксина и не подчинилась правиламъ грамматики г. Греча! отдѣлывайте ее, господа, хорошенько отдѣлывайте! И доброе дѣло сдѣлаете, и себѣ пріятное развлеченіе доставите, да и намъ тоже... Вы, пожалуйста, не думайте, что мы уже такъ грубы и тупы, что не въ состояніи понимать тонкаго, изящнаго юмора хоть, напримѣръ, слѣдующей картины, написанной Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ.

«Еслибъ я вздумалъ пріобрѣсть успѣхъ и славу въ *нынѣшнѣй* литературѣ, надлежало бы выдти изъ избы, вычищенной и прибранной усерднымъ денщикомъ моего героя, и по густой грязи, прерываемой то кучами навоза, то глубокими лужами, пройтись по разоренной деревнѣ и описать всѣ прелести неумытой природы, съ обыкновенною ея обстановкою, пьяными мужиками, крикливыми бабами и испачканными ребятишками. Вышло бы что-нибудь въ родѣ нынѣшнихъ шекспировскихъ картинъ» (стр. 94).

Понимаемъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, куда несутся ваши мысли и ваши намеки, и желаемъ имъ донестись благополучно. Право, мы съ искреннимъ радушіемъ и даже съ нѣкоторымъ умиленіемъ взираемъ на полезную дѣятельность вашу и вашихъ современниковъ, и прощаемъ вамъ даже то, что вы русскій языкъ отвергли въ пользу своей грамматики. Что же такое? Ни языка, ни народа оттого не убудетъ, а вашему родительскому сердцу, все-таки, пріятно!

Вѣдь и мы не варвары какіе-нибудь: не станемъ хвалить молодого только за то, что оно молодо. Вотъ, напримѣръ, г. Вердеревскій—молодой человѣкъ: недавно онъ издалъ «Стихотворенія первой молодости»; а мы его не похвалимъ за разсказъ его «Неудачный маскарадъ». Содержаніемъ его послужилъ извѣстный анекдотъ, который мы рекомендуемъ нашихъ читателямъ отыскать въ «Письмовникѣ» Курганова, подъ № 326, на стр. 261. Разсказъ состоитъ въ томъ, что madame Sophie отправляетъ своего мужа на ночное свиданіе, будто бы назначенное ей молодымъ человѣкомъ, Петрушею, въ отдаленной аллеѣ сада. Супругъ удаляется, въ намѣреніи проучить юношу. Затѣмъ слѣдуютъ стихи:

Madame Sophie—опять хохочетъ,
Но не одна. Петруша съ ней;
Она его утѣшить хочетъ,
Толкуетъ цѣль своихъ затѣй.
На небо выплыла луна,
На сельской башнѣ два пробило,—
Sophie о мужѣ не забыла:
Очнулась первая она
И шепчетъ тихо, чародѣйка:
Теперь скорѣе въ садъ ступай,
— Туда, ты знаешь, гдѣ скамейка,
И къ мужу смѣло приступай.
Не узнавай его нарочно
И говори: о стыдъ и срамъ!
О, какъ на свѣтѣ все порочно!
Сударыня! не стыдно-ль вамъ?.. и т. д.

Мужъ, разумѣется, обманутъ и, послѣ этого случая, довѣрился Петрушѣ еще больше. За то—

Madame Sophie судьба послала
Троихъ премиленькихъ дѣтей.—

За этотъ разсказъ мы не хвалимъ г. Вердеревскаго. По нашему мнѣнію, если ужъ читать такія вещи, то читать ихъ въ «Письмовникѣ» Курганова: тамъ онѣ разсказываются попросту, безъ затѣй, и за то выходятъ гораздо рельефнѣе.

Въ заключеніе отдадимъ справедливость редакціи «Сборника» за умѣнье соединить въ первыхъ двухъ томахъ статьи, отличаю-

щіяся удивительнымъ единствомъ направленія. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ онѣ могутъ служить дополненіемъ одна другой. Едва ли хоть одна страница нарушитъ отрадное впечатлѣніе, какое производитъ умилительное зрѣлище ветерановъ, употребляющихъ свои послѣднія силы на то, чтобы воскресить давно отжившее прошедшее или, по крайней мѣрѣ, справить по немъ достойную тризну.

---

142. О звѣздномъ небѣ.

Спб. 1858.

Природа и люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Книга I. Выпускъ I. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 139. Мы уже видѣли, какъ великъ былъ тогда интересъ къ естественнымъ наукамъ. Добролюбовъ не считалъ возможнымъ игнорировать его въ общемъ журналѣ.

М. Л.

Брошюра «О звѣздномъ небѣ» составляетъ продолженіе прежде изданныхъ брошюръ того же автора: «О магнитѣ и земномъ магнетизмѣ», «О внутреннемъ устройствѣ земного шара» и «О метеорологіи и ея будущихъ успѣхахъ». Брошюра, нынѣ изданная, которой содержаніе понятно уже изъ заглавія, отличается тѣми же достоинствами изложенія и вообще представленія предмета, какія мы замѣтили и въ прежнихъ статьяхъ автора, какъ извѣстно читателямъ изъ отзывовъ, сдѣланныхъ нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]).

Въ началѣ своей брошюры авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«При безпримѣрномъ развитіи естественныхъ наукъ, при ежедневно умножающемся приложеніи силъ природы, создающихъ въ нашихъ глазахъ какъ бы новый міръ, весьма понятно, почему физическія знанія составляютъ дѣйствительную потребность не только для малаго числа избранныхъ, но и для цѣлыхъ массъ. Къ сожалѣнію, у насъ мало, и даже совсѣмъ нѣтъ, по части физики, руководствъ популярныхъ.»

Чтобы помочь хотя чѣмъ-нибудь этому недостатку, авторъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ популярнаго изложенія отдѣльныхъ предметовъ естествовѣдѣнія, и онъ достигаетъ своей цѣли съ большимъ успѣхомъ.

Гг. А. П. и В. Л. также сдѣлали попытку болѣе простаго и оживленнаго руководства, въ приложеніи къ географическимъ знаніямъ. Въ изданномъ ими первомъ выпускѣ заключается изображеніе Восточнаго Океана, Океаніи и Австраліи. Нужно признаться, что изображеніе страны, мѣстныхъ произведеній, жителей очень любопытно и живо въ урокахъ г. А. П. (г. В. Л. принадлежитъ одинъ урокъ, не столь живо изложенный). Но насъ удивилъ тонъ, съ которымъ обращается преподаватель къ своимъ ученицамъ. Онъ начинаетъ съ ними географію и разсказываетъ о томъ, какъ открытъ былъ Восточный Океанъ:

«Въ концѣ XV вѣка Христоферъ Колумбъ переплылъ Атлантическій океанъ въ западномъ направленіи и открылъ землю, тогда еще неизвѣстную. Это былъ архипелагъ между Сѣверною и Южною Америкою, но Колумбъ былъ увѣренъ, что открылъ часть Индіи, отчего архипелагъ и названъ Вестъ-Индіею.»

Помилуйте, значитъ ваши ученицы уже прошли географію! Они ужъ знаютъ очень многое, о чемъ вы съ ними и не думали толковать. Какъ же вы говорите имъ объ Атлантическомъ Океанѣ, Архипелагѣ, Сѣверной и Южной Америкѣ, Индіи, когда только еще хотите ихъ знакомить съ странами свѣта и для начала выбираете—Океанію? Для учениковъ старшихъ классовъ гимназій полезно будетъ чтеніе уроковъ г. А. П. и В. Л., но начинающимъ невозможно ею пользоваться. Вообще—*какъ учебникъ*, «уроки географіи» не могутъ употребляться.

Несмотря на то, книжка гг. А. П. и В. Л. принесетъ много пользы читающимъ и ученикамъ. Тутъ они найдутъ живое и довольно просто изложенное объясненіе многихъ предметовъ, которые въ нашихъ географіяхъ обыкновенно только перечисляются. Въ «историческихъ замѣткахъ», также не забытыхъ издателями, найдутся даже человѣческія объясненія многихъ на-

[1]) См. №№ 109 и 113.

званій мѣстностей Новаго Свѣта. А то въ самомъ дѣлѣ, что это? острова Дружбы, Товарищества, Разбойничьи... Да почему-жъ они называются Разбойничьи, спрашиваетъ ученикъ.—А почему столъ называется столъ, спрашиваетъ въ свою очередь учитель, неимѣющій понятія о путешествіи Магеллана и объ открытіи имъ Разбойничьихъ острововъ.—Потому, что на немъ *ставятъ*, наивно отвѣчаетъ мальчикъ. «Ну, а это потому... потому, что ты глупъ и дерзокъ», возражаетъ учитель не безъ смущенія, но голосомъ, не допускающимъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Такъ мы и проходили всю географію.

Скоро, вѣроятно, такое ученіе будетъ уже страннымъ и невѣроятнымъ. Но до сихъ поръ оно еще держится, и даже книжка гг. А. П. и В. Л. не даетъ возможности отказаться отъ Ободовскаго. Въ ней именно предполагается уже предварительное изученіе географіи учениками; а теперь намъ нужна была бы такая книжка, которая бы порядочно знакомила съ природой и людьми тѣхъ дѣтей, которыя никакого понятія о географіи не имѣютъ.

---

143. Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности.

Н. Лебедева. Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 139.

М. Л.

Читатель можетъ подумать, что г. Лебедевъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ что-нибудь объ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи *вообще*, *а о первомъ* народномъ училищѣ *въ особенности*. Но подумавши такимъ образомъ, читатель ошибется: г. Лебедевъ собственно ничего не говоритъ объ училищахъ, онъ только перечисляетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Далѣе притязанія его не простираются. Въ предисловіи онъ задаетъ себѣ слѣдующую задачу: «Любопытно знать, кто, сначала изъ русскихъ князей—правителей, потомъ изъ царей, и наконецъ изъ императоровъ, посѣявалъ сѣмя просвѣщенія въ управляемой ими Россіи? въ которомъ году? въ какихъ городахъ?» «Чтобы выяснить эти любопытные вопросы и показать всѣ учрежденія на пользу просвѣщенія отъ мудраго Ярослава по день кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I», г. Лебедевъ и «принялъ на себя трудъ» составить свою книжку. Трудъ, надобно признаться, не великъ, особенно, при той неразборчивости, съ которою г. Лебедевъ выбиралъ свои источники. Говоря, напримѣръ, объ учрежденіи славяно-греко-латинской Академіи, онъ ссылается на справочный словарь Старчевскаго; объ учрежденіи Академіи Наукъ—на страницу 272 русской исторіи Погодина и на стр. 293 русской исторіи Кайданова и пр. т. п. Интересно, на какихъ основаніяхъ держится рѣшеніе вопроса о первомъ народномъ училищѣ въ Россіи. Изъ сказаній Нестора, Карамзина и Соловьева можно заключить, по логикѣ г. Лебедева, что учрежденія училищъ при князѣ Владимірѣ *не было*. Въ какомъ же году было устроено первое народное училищѣ? Г. Лебедевъ отвѣчаетъ:

Въ княженіе Ярослава Мудраго, учрежденіе народнаго училища послѣдовало въ 1038 (ссылка—на что бы вы думали? на «Хронологическое и синхронистическое обозрѣніе всемірной исторіи» Ольдекопа, стр. 23),—въ Новгородѣ, на 300 юношей знатнѣйшихъ гражданъ (и опять ссылка—на 4-ю часть «Россіи» Булгарина).

Свидѣтельство такихъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ гг. Ольдекопъ и Булгаринъ, даетъ г. Лебедеву полное право сказать, что онъ *рѣшилъ* вопросъ о первомъ народномъ училищѣ въ Россіи.

На оборотѣ книжицы напечатано: «во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются также и слѣдующія сочиненія г. Лебедева:

«Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, въ сраженіи въ селѣ Госсѣ подъ Лейпцигомъ».

«Признательность псковскихъ гражданъ».

«О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ».

«Разсказы для государственныхъ крестьянъ».

Какъ вы думаете, читатели: любопытны должны быть всѣ поименованныя творенія г. Лебедева, автора книги объ училищахъ вообще и т. д.?

---

144. Ученики съ медленнымъ пониманіемъ.

(Изъ замѣтокъ учителя).

Эта замѣтка, напечатанная въ V кн. «Журнала для Воспитанія» 1858 г. (ценз. 20 апрѣля) является переводомъ какого-то пріятеля Добролюбова, названнаго имъ въ бумагахъ: «Васенька Соб.»,—но до того плохимъ и безграмотнымъ, что Н. А. буквально изъ строчки въ строчку, изъ страницы въ страницу передѣлалъ все, и въ такомъ видѣ замѣтка появилась въ печати. Общаго интереса она не имѣетъ.

М. Л.

---

145. Мысли объ учрежденіи открытыхъ женскихъ школъ.

(По поводу открытаго недавно въ Петербургѣ *Курса ученія для дѣвицъ, воспитывающихся въ своихъ семействахъ*, подъ управленіемъ г-жи Труба).

Напечатано въ 1-й апрѣльской кн. «Рус. Вѣстника», въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись», 1858 г. (ценз. 24 апрѣля), за подписью «—х». Принадлежность статьи Добролюбову устанавливаетъ его другъ, Шемановскій, категорически утверждающій въ своихъ воспоминаніяхъ (бумаги Добролюбова въ Литер. Фондѣ), что слышалъ объ этомъ лично отъ Н. А—ча. Шемановскій—источникъ вполнѣ надежный и потому сомнѣваться въ его словахъ нѣтъ никакихъ основаній. Другое дѣло—зачѣмъ Добролюбовъ отправилъ статью въ «Русскій Вѣстникъ», которому, впрочемъ, тогда еще сочувствовалъ? Разумѣется, не по просьбѣ редакторовъ, Каткова или Леонтьева, потому что иначе они и подписали бы ее однимъ изъ его извѣстныхъ псевдонимовъ. Не потому также, что ей не нашлось мѣста въ «Современникѣ». Но это, впрочемъ, и не такъ ужъ важно, разъ нѣтъ необходимости доказывать принадлежность статьи.

А она очень любопытна и важна для оцѣнки Добролюбова.

5 марта 1856 г. министръ народнаго просвѣщенія, Норовъ, представилъ Александру II докладъ о необходимости создать «открытыя школы для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже большихъ селеніяхъ». Въ тотъ же день получилась резолюція благопріятная мысли министра, съ приказаніемъ «приступить къ соображеніямъ». Приступили, но не очень-то шибко. 17 января 1857 г. разрѣшено было открывать въ столицахъ частные пансіоны и школы, и такимъ образомъ, пробивалась брешь въ монополіи государства насаждать образованіе. Одновременно редакторъ «Журнала для Воспитанія», Чумиковъ, представилъ императрицѣ Маріи Александровнѣ и министру просвѣщенія записку о преобразованіи институтовъ въ открытыя учебныя заведенія. Она не имѣла практическихъ послѣдствій, но, все-таки, была каплей, долбившей многовѣковую рутину. 26 августа 1857 г. въ Костромѣ было открыто первое въ Россіи открытое женское училище на средства А. Н. Григорьева; первое казенное, Маріинское, открыто 19 апрѣля 1858 г. (Е. Лихачева, «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1856 — 1880», 1—41).

Такимъ образомъ, голосъ Добролюбова былъ новъ, онъ не повторялъ избитыхъ мѣстъ, а призывалъ къ новой раціональной организаціи женскаго средняго образованія, указывая, кстати, и очень здравые методы обученія и воспитанія. Нынѣшній читатель улыбнется, можетъ быть, прочитавъ статью—до того она не нова въ наши дни, но, бросивъ ретроспективный взглядъ на прошедшія 50 лѣтъ, поймете, разумѣется, какъ тогда была она умѣстна и полезна.

М. Л.

Въ числѣ разныхъ похвальныхъ обычаевъ нынѣшняго вѣка особенную похвалу заслуживаетъ обычай прекрасно воспитывать дѣтей и обучать ихъ разнымъ наукамъ и искусствамъ. Обойтись безъ ученья теперь рѣшительно нѣтъ никакой возможности, и хотя многіе папеньки втайнѣ и сожалѣютъ о временахъ Простаковыхъ, но всѣ уже понимаютъ грустную и, тѣмъ не менѣе, настоятельную необходимость тратиться на воспитаніе своихъ сынковъ. «Теперь ужъ не старые годы, слыхали мы разсужденія такихъ родителей, безъ ученья ничего не добьешься, никакой карьеры не сдѣлаешь, особенно, коли капитала большого нѣтъ. А тамъ выйдешь изъ университета или, еще лучше, изъ лицея, изъ Училища Правовѣдѣнія,—такъ и чины раньше получать будешь, и должность лучше займешь, и повышеніе скорѣе заслужишь, и у начальства не то значеніе имѣешь, и все ..» Нельзя не порадоваться на благоразуміе чадолюбивыхъ родителей, и нельзя не одобрить ихъ благороднаго порыва при первой возможности отдать сына въ какое-нибудь, доступное для нихъ, казенное учебное заведеніе, гдѣ и наукамъ обучаютъ всяческимъ, и воспитываютъ прекрасно, и права даютъ значительныя, снимая такимъ образомъ, съ родительскаго сердца всю тяжесть заботъ не только о воспитаніи, но и о будущности сына.

Практическія слѣдствія нѣжныхъ заботъ о воспитаніи мальчиковъ очевидны для всякаго. Но тутъ же, рядомъ, поражаетъ насъ явленіе крайне странное, крайне несовмѣстное съ нравами и понятіями нашего общества: папеньки и маменьки хлопочутъ также и о воспитаніи дочерей своихъ. Этого явленія мы ужъ рѣшительно не умѣемъ объяснить. Ну, къ чему дѣвочкамъ образованіе, скажите на милость. Къ чему? какую практическую пользу могутъ онѣ извлечь изъ наукъ, которымъ ихъ обучаютъ? На государственной службѣ онѣ, вѣдь, не состоятъ, а если и состоятъ, такъ чиновъ не получаютъ, званіе и положеніе въ обществѣ онѣ имѣютъ не сами собой, а отцомъ или мужемъ. Карьера же ихъ, извѣстно, чѣмъ составляется: хорошенькимъ личикомъ, французскимъ разговоромъ, танцами, а всего больше приданымъ. Къ чему же ихъ мучатъ этими науками-то несносными? Какая цѣль, какая надобность? Неужели вы полагаете, что найдется въ нынѣшнемъ свѣтѣ такой чудакъ женихъ, который станетъ экзаменовать свою невѣсту, подъ какимъ градусомъ широты лежитъ какая-нибудь Новая Зеландія, или въ какомъ году какой-нибудь Артаксерскъ царствовалъ, или какъ отличить, по грамматикѣ Греча, совершенный видъ отъ опредѣленнаго и однократнаго и т. п.? Да вѣдь это такія безполезныя премудрости, что никому во всю жизнь не пришло бы въ голову и спросить о нихъ, если бы ученья-то вашего не было. Къ чему же дѣвочкѣ губить свои лучшіе годы, изнывая надъ зубреніемъ склоненій, спряженій, градусовъ, годовъ, французскихъ департаментовъ, русскихъ удѣльныхъ князей? Зачѣмъ имъ эти знанія, когда въ жизни нужны только французскій языкъ, танцы и музыка?

Нѣжныя маменьки, горькимъ опытомъ извѣдавшія всю мучительность и безполезность наукъ для женскаго пола, находятъ возможнымъ отвѣчать только, въ свое оправданіе: «Что же дѣлать? такъ принято. Безъ этого ужъ нынче нельзя». Но просвѣщенные папеньки, смотрящіе на жизнь отчасти съ послѣобѣденно-философской точки зрѣнія, находятъ отвѣтъ болѣе удовлетворительный. «Нѣтъ, это вы напрасно противъ наукъ возстаете, говорятъ они. Онѣ даже нѣкоторымъ образомъ необходимы для счастія жизни. Образованіе, видите ли, разливается повсюду быстрымъ потокомъ. Во всякомъ обществѣ теперь вы услышите разсужденія о предметахъ серіозныхъ, о научныхъ вопросахъ. Всякому пріятно, разумѣется, найдти и въ женѣ своей сочувствіе къ интересамъ науки, то-есть знаете, чтобъ она не сидѣла, по крайней мѣрѣ, разинувъ ротъ, когда при ней о наукѣ разсуждаютъ. Ну, вотъ возьмите, говорятъ, хоть, напримѣръ, объ остъ-индскихъ происшествіяхъ; ну, и хорошо, если моя дочь знаетъ, гдѣ находится Остъ-Индія, что такое Индъ, что Гангъ, и все это. Или теперь вотъ землетрясенія въ Италіи: если дѣвушка географіи обучена, она ужъ и понимаетъ сейчасъ, гдѣ это Италія лежитъ, и какъ тамъ Везувій курится, и вообще огнедышущая гора тамъ, Помпея; знаете, представленіе имѣетъ нѣкоторое. И въ исторіи точно то же-съ. Сравниваете вы хоть, положимъ, Луи Наполеона съ первымъ Наполеономъ; у ней сейчасъ ужъ идея есть, что это Наполеонъ тотъ самый, который въ 1812 г. на Россію ходилъ, и знаете, вся война, такъ сказать, предъ взоромъ проходитъ и прошедшую нашу славу вспоминаетъ. А вѣдь это, знаете, и пріятно для человѣка, истинно просвѣщеннаго и любящаго свое отечество. Нынѣ ужъ и отъ женщины требуютъ не однѣхъ этихъ блестокъ, шумихи-то этой, а образованія прочнаго, солиднаго, потому что оно, дѣйствительно, доставляетъ лучшее счастіе въ жизни».

Соображенія почтеннаго папеньки вполнѣ основательны, если разсматривать ихъ въ отвлеченіи. Но въ практическихъ приложе-

ніяхъ они не выдерживаютъ самой легкой критики и оказываются утопическими мечтаніями. Рискуя потревожить сладкую послѣобѣденную дремоту чадолюбивыхъ родителей, мы рѣшаемся утверждать, что ихъ высокое мнѣніе о пользѣ наукъ для счастія семейной и общественной жизни женщинъ есть праздное порожденіе ихъ фантазіи и не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія въ дѣйствительности. Мы утверждаемъ, что наше современное воспитаніе и обученіе дѣвицъ, во всѣхъ его видахъ, ни мало не имѣетъ въ виду ихъ будущей жизни въ семействѣ и обществѣ. Для убѣжденія въ этомъ довольно бросить самый бѣглый взглядъ на различные роды женскаго воспитанія, наиболѣе у насъ принятые.

Прежде всего обратите вниманіе на воспитаніе общественное, которое у насъ очень распространено. Дѣвочекъ, воспитывающихся въ казенныхъ заведеніяхъ, считается у насъ болѣе 8,000, тогда какъ мальчиковъ, учащихся во всѣхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ (кромѣ духовныхъ, кантонистовъ и крестьянскихъ школъ), насчитывается до 130,000. Въ этомъ послѣднемъ счетѣ мы должны видѣть полное число учащихся мальчиковъ въ Россіи (опять кромѣ духовныхъ, кантонистовъ и крестьянъ), потому что почти каждый учащійся мальчикъ у насъ непремѣнно побываетъ въ школѣ, чтобы получить какія-нибудь права. Число же дѣвицъ въ казенныхъ школахъ еще не даетъ понятія о дѣйствительномъ числѣ учащихся женскаго пола: онѣ воспитываются и дома, и въ частныхъ пансіонахъ. Пансіоновъ считается въ Россіи до 600, и большая часть ихъ занимается воспитаніемъ дѣвицъ. Если положить число воспитанницъ, живущихъ въ пансіонахъ, до 5,000, и если принять, что у насъ количество учащихся дѣвочекъ равно количеству учащихся мальчиковъ, то выйдетъ, что изъ десяти дѣвочекъ одна воспитывается у насъ внѣ семейства. Но несомнѣнно, что дѣвочекъ учится у насъ меньше, чѣмъ мальчиковъ, и весьма вѣроятно, что и въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ отношеніе между ними близко къ тому, какое существуетъ въ школѣ казенныхъ крестьянъ, гдѣ на 90,000 мальчиковъ приходится 20,000 дѣвочекъ. Если такъ, то выйдетъ, что *одна изъ пяти* дѣвочекъ, получающихъ у насъ образованіе, воспитывается внѣ семейнаго круга, въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ можетъ быть превосходное, но никакъ не можетъ быть семейное. За воспитанницами въ заведеніи смотрятъ, все-таки, чужіе, наемные глаза, которые никакъ не могутъ замѣнить родительскаго надзора. Самая образцовая, идеальная начальница заведенія не можетъ стать съ воспитанницами въ такія нѣжныя, сердечно-откровенныя, простыя отношенія, въ какихъ находится мать къ дѣтямъ. Самое лучшее учебное заведеніе имѣетъ въ виду не развитіе отдѣльныхъ личностей, а порядокъ и благоустройство общее. Дѣвочки въ пансіонахъ облекаются въ униформу, получаютъ хорошую выправку, пріучаются къ строгой дисциплинѣ, и неизбѣжно отучаются отъ семейной жизни. Здѣсь каждый шагъ ихъ подчиненъ особенной формальности, необходимой въ заведеніи для порядка, но вовсе не существующей въ семейной жизни. Здѣсь все чужое для дѣвочки, она здѣсь не у себя, она постоянно какъ будто на выставкѣ. Слѣдствіемъ этого бываетъ, съ одной стороны, ослабленіе внутренней энергіи, самостоятельности и естественной простоты отношеній, а съ другой—развитіе мелкихъ, себялюбивыхъ чувствъ на мѣсто симпатическихъ расположеній, развивающихся въ семейномъ воспитаніи. Такіе-то залоги для будущаго семейнаго счастія получаетъ въ воспитаніи пятая часть нашихъ образованныхъ дѣвицъ.

Точно также и къ общественной жизни онѣ приготовляются здѣсь, кажется, нѣсколько одностороннимъ образомъ. Имъ, конечно, сообщается весьма многое, необходимое для того, чтобы блистать въ свѣтѣ, но едва ли слишкомъ много дается для того, чтобы жизнь пережить, какъ слѣдуетъ; шесть, восемь, девять лѣтъ живутъ дѣвочки въ стѣнахъ заведенія, не имѣя никакого понятія о томъ, что̀ дѣлается за этими стѣнами. Онѣ вовсе людей не видятъ и на безлюдьи *обожаютъ* какого-нибудь краснощекаго шутника-учителя, ставящаго всегда хорошіе баллы. О жизни имѣютъ онѣ понятіе по своимъ учебникамъ да по Юрію Милославскому, котораго даютъ имъ читать для возбужденія патріотическихъ чувствованій. Не мудрено, что про институтокъ разсказываютъ столько анекдотовъ, въ родѣ отвѣта, что бостонъ есть главный городъ провинціи Массачусетсъ. Въ основаніи этихъ разсказовъ лежитъ истина весьма характеристическая. Дѣвочки въ заведеніи нерѣдко до того отвыкаютъ отъ своего роднаго, семейнаго и общественнаго быта, что вовсе забываютъ о томъ положеніи, какое ожидаетъ ихъ дома, послѣ выпуска. Онѣ возвращаются домой съ такими привычками и претензіями, которыя въ ихъ кругѣ рѣшительно неумѣстны, неисполнимы и составляютъ несчастіе какъ ихъ самихъ, такъ и всѣхъ къ нимъ близкихъ.

Всѣ эти истины давно всѣмъ извѣстны, и мы только напоминаемъ ихъ просвѣщеннымъ папенькамъ, которые строятъ такія

милыя утопіи, въ убѣжденіи, что, отдавая своихъ дочерей въ пансіоны и другія заведенія, они приготовляютъ имъ счастіе жизни. Размысливши спокойно и безпристрастно, они сами должны убѣдиться, что выбрасываніе дѣтей, особенно дѣвочекъ, изъ семьи, отсылка ихъ отъ себя на нѣсколько лѣтъ, съ глазъ долой, можетъ быть оправдана развѣ только крайнею необходимостію, нравственною или вещественною. Во многихъ семействахъ и существуетъ доселѣ такая необходимость: противъ нея мы не говоримъ. Но и это обстоятельство не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ недостатковъ воспитанія внѣ семьи, въ закрытыхъ заведеніяхъ, которому у насъ подвергается, вѣроятно, пятая часть дѣвочекъ, знакомыхъ съ ученьемъ.

«А зато для остальныхъ, воспитывающихся дома, какъ благодѣтельны должны быть науки! Нравственная сторона тутъ развивается просто и естественно, умственныя способности получаютъ здоровую и вкусную пищу: вотъ тутъ-то результатомъ должно быть истинное счастіе!»

Опять утопія, почтенные родители, и утопія очень опасная. Вы воображаете, что тѣ науки, которымъ обучаются ваши дочери, составляютъ для ихъ ума здоровую и вкусную пищу: попытаемся разочаровать васъ. Прежде всего замѣтимъ, что не для всѣхъ одинаково годится одна и та же пища, что̀, впрочемъ, почтеннымъ родителямъ и безъ насъ хорошо извѣстно. Затѣмъ прибавимъ, что не мѣшаетъ родителямъ подумать и о той методѣ, посредствомъ которой умственная пища препровождается въ головы ихъ дочерей. Эти два обстоятельства очень важны, и пренебрегать ими было бы неблагоразумно. Посмотрите же, чѣмъ питаются умы учащихся дѣвицъ, уже безъ различія того, гдѣ онѣ воспитываются, дома ли, въ пансіонахъ ли, или въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ: общій курсъ ученія вездѣ почти одинаковъ. Возьмите руководства, по которымъ учатся дѣвицы. Вы найдете исторію съ хронологическими и генеалогическими подробностями о миѳологическихъ временахъ; географію, непремѣнно начинающуюся краткими свѣдѣніями изъ космографіи; ариѳметику съ опредѣленіями, что̀ есть ариѳметика, что̀ есть число, единица и т. п.; грамматику съ многочисленными таблицами склоненій и спряженій и еще многочисленнѣйшими исключеніями и пр. Переварить хоть одинъ такой учебникъ грамматики или исторіи и для взрослыхъ мужчинъ довольно затруднительно, каково же должно быть маленькимъ дѣвочкамъ? А вы говорите, что имъ дается здоровая пища!

Но и съ этимъ куда бы ни шло еще; порядочный учитель можетъ многое измѣнить, сократить, или добавить въ учебникѣ, можетъ оживить и облегчить изученіе предмета при помощи хорошей методы преподаванія. Только вотъ бѣда: именно хорошей-то методы и нѣтъ у насъ до сихъ поръ. А что нѣтъ ея, въ этомъ опять родители виноваты болѣе всѣхъ. Собственно говоря, хорошая метода для учителя не труднѣе другой. Но чтобы она была хороша, нужно прежде всего знать, къ чему должно быть направлено ученье, какая цѣль его? Вы говорите, что «имѣете въ виду дать вашей дочери возможность и умѣнье быть истинно счастливою, и для этого обогащаете ея умъ познаніями». Но, вѣдь, это неправда; вѣдь, это просто фраза, гдѣ-то вычитанная и не понятая вами. Что счастіе жизни (или по крайней мѣрѣ твердость въ несчастіи) много зависитъ отъ образованности человѣка, отъ степени его внутренняго развитія, въ этомъ мы согласны. Но развѣ образованность дается какимъ-нибудь учебникомъ географіи, развѣ развитіе совершается посредствомъ изученія спряженій? Нѣтъ, этого вы сами не думаете. Зачѣмъ же вы взыскиваете съ вашей дочери, если она сегодня не знала названій всѣхъ французскихъ департаментовъ, а вчера не умѣла перечислить германскихъ герцогствъ и перемѣшала ихъ съ королевствомъ? Отчего вы сердитесь, если ваша дочь не помнитъ года, въ который Дидона основала Карѳагенъ, и между тѣмъ не сердитесь, а только посмѣиваетесь, если она не вдругъ сообразитъ, сколько лѣтъ продолжалась семилѣтняя война? Это все не отъ чего другого, какъ отъ того, что вы вовсе не объ образованности, не о развитіи хлопочете, а о выставкѣ, объ экзаменѣ, о призѣ, чтобы не отстать отъ другихъ, не ударить себя лицомъ въ грязь. Учителя хорошо понимаютъ, что̀ вамъ нужно, и ведутъ себя согласно съ вашими желаніями. Они стараются, чтобы дѣвочка знала и помнила, сколько можно больше, и на нѣкоторое время имъ удается подчинить живую дѣтскую натуру ученицы машинальному ходу уроковъ. Вмѣсто того, чтобы примѣняться къ характеру дѣвочки, соображаться съ особенностями женской природы и пользоваться ими для лучшаго развитія ученицы, всѣ духовныя способности ея напрягаютъ насильственно и убиваютъ несвойственною имъ работой. Извѣстно, что у дѣтей вообще, и у дѣвочекъ въ особенности, чувство господствуетъ надъ разсудкомъ, и воображеніе постоянно мѣшается въ дѣло памяти. Поэтому учитель долженъ прежде всего позаботиться о правильномъ развитіи воображенія своихъ ученицъ и о

здравомъ направленіи ихъ чувства: иначе эти способности постоянно будутъ мѣшать правильности отправленій разсудка и памяти. У насъ на это не обращается ни малѣйшаго вниманія: конкретности въ обученіи почти не существуетъ, на самой низшей степени преподаванія является отвлеченность и соединенныя съ нею сухость, мертвенность, формализмъ. Самыя живыя и интересныя науки такъ преподаются, что въ нихъ не представляется ничего, что̀ бы говорило сердцу или увлекало воображеніе; за милость считается, если учитель разскажетъ какой-нибудь анекдотъ изъ исторіи, или опишетъ, что̀ такое оазисъ въ пустынѣ. Одни только слова, цифры, голыя опредѣленія приходится заучивать бѣднымъ ученицамъ; память ихъ изнуряется безпощадно, чтобы удержать слова, которыхъ смысла онѣ не могутъ осилить своимъ, слабымъ еще, соображеніемъ. Да и некогда останавливаться надъ предметами, чтобы думать о нихъ: уроки безпрестанно смѣняются одинъ другимъ, и если увлечешься однимъ, то другого не успѣешь приготовить. Нечего сидѣть да думать: учись! Когда выучишься, такъ еще успѣешь надуматься и надивиться, зачѣмъ это только училась всему этому!.. А теперь разсудокъ можно и въ сторону. И вотъ учебный курсъ благополучно пройденъ, экзаменъ сданъ, выставка кончилась, призъ полученъ, папенька и маменька сіяютъ отъ удовольствія и объявляютъ дочери, что теперь она уже невѣста, что они все уже для ея образованія сдѣлали, теперь ей остается только воспользоваться сдѣланными пріобрѣтеніями, чтобы достигнуть прочнаго счастія въ жизни.

Молодая дѣвушка или женщина, кончившая курсъ науки, начинаетъ иногда и въ самомъ дѣлѣ думать, какъ ей воспользоваться своими знаніями. Но думать вообще для нея трудно; она скорѣе припомнитъ хронологію и генеалогію всѣхъ возможныхъ Карловъ, Генриховъ и Альфонсовъ, нежели составитъ вѣрное опредѣленіе самой простой вещи, постоянно находящейся у ней передъ глазами. А тутъ еще предметъ такой трудный: какъ воспользоваться знаніями?.. Ну, какъ ими воспользуешься? Учила она, напримѣръ, что всѣ государства древняго міра пали отъ роскоши и развращенія нравовъ; что же изъ этого можно вывести? Богъ знаетъ, что еще тутъ разумѣется подъ развращеніемъ нравовъ, а роскошь, ну, какъ же ее къ жизни-то примѣнить? Неужели въ ситцевомъ платьѣ ходить, пользуясь уроками исторіи? и неужели въ самомъ дѣлѣ государство падетъ, если она себѣ лишній браслетъ купитъ, или лишній балъ въ зиму сдѣлаетъ? Нѣтъ, изъ уроковъ исторіи ничего нельзя извлечь. Много есть тамъ поучительнаго, да все къ намъ какъ-то нейдетъ. Были тамъ и Солоны и Ликурги, и Гракхи и Цезари, были и сатрапы персидскіе, и римскіе патриціи, и феодальные бароны, и городскія общины, да что же изъ всего этого? Къ намъ-то развѣ имѣетъ это какое-нибудь, хоть малѣйшее отношеніе? Дѣвушка, недолго поломавши голову надъ исторіей, броситъ ее, какъ знаніе совершенно безполезное и немедленно позабудетъ и то немногое, что знала по учебнику. Но вотъ грамматика, кажется, должна быть ближе къ жизни: она учитъ правильно говорить и писать. Но увы! оказывается, что грамматика пройдена сама по себѣ, безъ отношенія къ живой рѣчи, что она только давала поводъ къ самымъ забавнымъ ошибкамъ: въ разговорѣ дѣвочка никогда не могла сказать иначе, какъ «друзья», «повинуюсь», а въ грамматикѣ она склоняла и спрягала «други, другова», «повиноваюсь, повиноваешься», или ломала голову надъ тѣмъ, какъ будетъ множественное число въ словахъ серебро, желѣзо и пр. Въ жизни все это оказывается совершенно не нужнымъ. А иное и нужно бы, да ужъ за то слишкомъ трудно. Нужно напримѣръ, знать, гдѣ *ять* пишется, но какъ же тутъ грамматическимъ правиломъ воспользоваться? Нужно, напримѣръ, въ запискѣ написать слово *свѣтъ*, и дѣвица забыла, пишется ли здѣсь *ять*, или нѣтъ; чтобы узнать это, ей надо повторить мысленно всю таблицу словъ съ буквою *ѣ*, заученную ею въ грамматикѣ, начиная со словъ: блѣдный, бѣглый, бѣлый и т. д. Возможно ли же такъ возиться надъ каждымъ словомъ? Поневолѣ дѣвушка пишетъ кое-какъ безграмотную записку и мало-помалу забываетъ, наконецъ, всѣ эти несносныя склоненія, спряженія и т. п. Приложеніе ученія къ жизни опять потеряно. Такъ точно и со всѣми науками. Всякому, конечно, случалось видѣть дамъ, которыя, не умѣя сосчитать сдачи, данной имъ въ магазинѣ, припоминаютъ при этомъ: «а какъ прежде хорошо знала ариѳметику! у меня всегда лучшіе баллы были»; или такихъ, которыя, узнавши, что въ Англію нельзя проѣхать сухимъ путемъ, восклицаютъ: «да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—это островъ; вотъ вѣдь училась географіи, и очень хорошо, а теперь все позабыла». И немудрено: память, слишкомъ форсированная во время ученія, безъ всякой поддержки со стороны разсудка и чувства, скоро устаетъ, ослабѣваетъ, дѣлается неясною и невѣрною. Конецъ концовъ, оказывается, что въ головѣ остались два-три заученныя правила безъ всякаго отношенія къ жизни, да пять-шесть

именъ безъ всякаго опредѣленнаго о нихъ представленія; оказывается, что даже о Везувіи и Наполеонѣ дѣвочка знаетъ не потому, что прошла исторію и географію, а потому, что впослѣдствіи слыхала о нихъ въ разговорахъ.

Все это, кажется, такъ старо, такъ извѣстно, что никто и не потребуетъ доказательствъ, болѣе пространныхъ и положительныхъ. О существованіи факта знаютъ всѣ, только всѣ стараются забыть о немъ, чтобы не разстраивать себя напрасно горемъ, которому нельзя пособить. Но обманывать себя нечего, родители благоразумные, надобно откровенно и громко признаться, что изъ всего ученія, которымъ вы столько лѣтъ мучите своихъ дочерей, никогда не выходитъ никакого толку, а если что-нибудь и выходитъ, то развѣ благодаря какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствамъ. Нужно сознаться, что въ большинствѣ, такъ-называемыхъ *образованныхъ* дѣвицъ учебный курсъ производитъ только умственную усталость, притупленіе естественной воспріимчивости и свѣжести чувствъ, непріязнь къ наукѣ вообще, уже опрофанированной въ ихъ глазахъ, жалкую апатію ко всѣмъ просвѣщеннымъ идеямъ. Зачѣмъ же вы мучите своихъ дочерей этими науками, спрашиваемъ еще разъ, затѣмъ губите ихъ молодыя силы? Имъ, вѣдь, не экзаменъ держать, не чинъ получать нужно; отчего же вы не хотите оставить ихъ въ покоѣ и преслѣдуете ученіемъ, безполезность котораго сами не можете не сознавать?

«Такъ что же, по вашему вовсе учиться не нужно? готовы возразить просвѣщенные родители. Вы возстаете противъ наукъ, вы раздѣляете диколюбивыя идеи Руссо? По вашему, надобно дочерямъ нашимъ оставаться дѣтьми природы, чуждыми всѣмъ благамъ новѣйшей цивилизаціи? Иначе нельзя понимать ваши слова: вы возстаете противъ нашего ученья; но вѣдь другого нѣтъ,— слѣдовательно, по вашему, мы вовсе не должны учить своихъ дочерей».

Другого ученья, кромѣ того, какое вездѣ принято и на какое мы нападаемъ, дѣйствительно пока еще нѣтъ у насъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что иного ученья, кромѣ нашего, вовсе нѣтъ и не можетъ быть, то-есть, что если не вызубрить грамматическаго учебника, то и научиться правильно писать по-русски невозможно. Напротивъ, есть средства учиться и выучиться, безъ нашихъ пансіоновъ и учебниковъ, и этими средствами, дѣйствительно, можно достигнуть правильнаго развитія всѣхъ способностей дѣвицъ, необходимаго для счастія ихъ послѣдующей жизни. Средства эти очень просты, а между тѣмъ они совершенно лишены тѣхъ неудобствъ, которыя неизбѣжны при нынѣшнемъ обыкновенномъ ученьи, и противъ которыхъ мы возстаемъ, вовсе не имѣя намѣренія порицать самыя науки. Хотите узнать эти средства, давно уже, впрочемъ, переставшія быть новостью въ свѣтѣ?

Первое, что нужно для успѣха воспитанія и ученья, это — чтобъ дѣвочки не отчуждались отъ семьи. А между тѣмъ дома всѣхъ учить всему невозможно: въ большей части семействъ на это средствъ не достанетъ. Какъ же быть? Очень просто: воспитывайте своихъ дочерей дома, а учиться пусть онѣ ходятъ въ школу, точно такъ, какъ въ гимназіяхъ *приходящіе* мальчики. Отъ этого произойдутъ неисчислимыя, выгоды; вы сами можете постоянно слѣдить за успѣхами своихъ дочерей, можете каждый день разспрашивать ихъ объ ихъ урокахъ, прояснять въ ихъ сознаніи то, что̀ ими не совсѣмъ хорошо было понято, дополнять то, что̀ ими опущено, показывать имъ множество практическихъ приложеній того, что̀ ими узнано въ классѣ. А дѣвочки, между тѣмъ, не будутъ отдаляться отъ жизни, отъ семейства, будутъ видѣть около себя все тѣ же родныя заботы, тѣ же житейскіе интересы и съ малыхъ лѣтъ будутъ знать, къ чему имъ готовиться въ жизни. Въ классѣ будутъ онѣ знакомиться съ міромъ науки и природы и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ узнавать общество своихъ подругъ, дома будутъ онѣ повѣрять свои наблюденія, откровенно сообщая ихъ родителямъ и получая отъ нихъ новыя указанія и объясненія. Ученье такимъ образомъ пойдетъ рядомъ съ жизнью и будетъ не препятствовать, а содѣйствовать развитію здраваго смысла и практическаго такта, и въ которыхъ такъ часто нуждается у насъ женщина.

При этомъ мы предполагаемъ, конечно, что и учить въ женской школѣ будутъ хорошо, и семья будутъ помогать школѣ. Но само собой разумѣется, если вы находите, что ваше семейство можетъ только вредно дѣйствовать на развитіе вашей дочери, если она увидитъ дома только дурные примѣры, небреженіе, невѣжество, если вы сознаете, что ничего полезнаго сообщить и растолковать ей не можете, что вы скорѣе станете сбивать ее съ толку, нежели руководить, если вы сознаете все это, тогда, конечно, вы дѣлаете очень благоразумно, удаляя свою дочь отъ себя. Только едва ли вы во всемъ этомъ сознаетесь, потому что подобное сознаніе не принесетъ вамъ чести.

Что же касается до самаго преподаванія, то, разумѣется, при обыкновенной, нынѣ

принятой, организаціи и методѣ его очень и очень сомнительна. Не стоило бы и хлопотать изъ-за того, чтобы дѣвочки заучивали всѣ уѣздные города Россійской имперіи непремѣнно дома, а не въ пансіонѣ: тутъ уже мѣстоположеніе не много значитъ. Но есть средства и для измѣненія всей методы преподаванія въ женскихъ школахъ, и средства эти давно уже съ успѣхомъ употребляются во Франціи въ учебныхъ заведеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Атенеевъ». Названіе Атенеевъ еще въ древности усвоено было учрежденіямъ, гдѣ читались публичные курсы наукъ. Въ прошломъ столѣтіи (1786 г.) во Франціи имя Атенея взято было для одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ тоже читались публичные курсы. Затѣмъ въ послѣднее время число Атенеевъ увеличилось, и особенно извѣстны между ними заведенія, основанныя извѣстнымъ педагогомъ Леви Алварссомъ и по его методѣ. Метода эта, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, очень проста. Начало ея то, что нужно заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи ученицъ еще больше, нежели о сообщеніи имъ полезныхъ свѣдѣній. Для этого учреждены особые курсы по каждому предмету, и во всемъ преподаваніи постоянное вниманіе обращается на то, чтобы въ училищахъ было какъ можно менѣе пассивности, и чтобы всѣ способности какъ можно больше и чаще приходили въ движеніе. Для дѣвочекъ это обстоятельство еще важнѣе, чѣмъ для мальчиковъ, потому что вообще ихъ воспріимчивость живѣе, а степень внутренняго противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ слабѣе, чѣмъ у мальчиковъ, слѣдовательно онѣ легче могутъ терять самостоятельность сужденій и подчинятся чужимъ взглядамъ, безотчетно и безсознательно. Особенно важно здѣсь преобладаніе чувства надъ разсудкомъ и воображенія надъ чистою памятью. Эти особенности женской природы вызываютъ нѣкоторыя особенныя заботы и со стороны учителя. Что бы онъ ни преподавалъ, онъ прежде всего долженъ стараться заохотить учениць къ своему предмету, показать его въ такомъ видѣ, чтобы въ нихъ возбудилось къ нему сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, любопытство. Какъ бы ни хорошо убѣдилась ученица въ пользѣ предмета, она, все-таки, не будетъ имъ заниматься съ любовью и охотой, пока не почувствуетъ сердечнаго влеченія къ занятіямъ. А извѣстно, что когда занимаются съ охотой, то дѣло идетъ несравненно легче и успѣшнѣе, чѣмъ при занятіяхъ по необходимости, изъ-подъ палки. Далѣе, возбудивши интересъ къ предмету, учитель старается показать его съ разныхъ сторонъ, въ различной обстановкѣ, въ разнообразныхъ соединеніяхъ, съ цѣлію возбудить самобытную дѣятельность ученицъ. Онѣ всматриваются въ предметъ, сличаютъ разные признаки, составляютъ понятія, сужденія, классифируютъ предметы, придумываютъ новыя комбинаціи и изъ нихъ выводятъ слѣдствія, словомъ дѣятельность разсудка пробуждается и находитъ для себя достаточный и соотвѣтственной матеріалъ. Запомнить то, что добыто собственною разсудочною дѣятельностью, уже не трудно, потому что память находитъ здѣсь помощь во всѣхъ остальныхъ душевныхъ способностяхъ. А для того, чтобы дѣйствовать на развитіе воображенія, въ преподаваніи всѣхъ предметовъ господствуетъ конкретность, каждое положеніе науки представляется въ рядѣ примѣровъ, каждое понятіе объясняется группой отдѣльныхъ представленій, каждое заключеніе высказывается не иначе, какъ послѣ предварительнаго разбора сужденій, изъ которыхъ оно выведено. На извѣстной степени развитія отъ ученицъ требуется уже, чтобы онѣ сами выводили положенія и заключенія, и на этомъ повѣряется логическій процессъ ихъ мышленія. Въ теченіе всего курса имѣется въ виду пріучить ученицъ думать самостоятельно, внушить имъ любовь къ знанію, сообщить о предметахъ ясныя и полныя понятія, дать матеріалъ для дѣятельности всѣмъ способностямъ и полный просторъ для ихъ развитія. Сообразно съ этою цѣлью, нѣтъ въ Атенеяхъ никакихъ школьныхъ приманокъ и страховъ; ни кокарды, ни красныя и черныя доски, ни похвальные листы, ни списки по достоинству, ни баллы—не существуютъ. Вѣдь, цѣль знанія, особенно для дѣвочекъ, не возможность служебныхъ выгодъ и отличій, а само знаніе. Потому пусть за невнимательность и лѣность будетъ служить наказаніемъ незнаніе, а наградою за любовь къ занятіямъ—знаніе болѣе твердое и отчетливое.

Такой чистый и возвышенный взглядъ на обученіе дѣвочки требуетъ, разумѣется, и со стороны родителей, и со стороны преподавателей, отреченія отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Напримѣръ, нужно будетъ разстаться съ краснорѣчивыми введеніями, которыя сразу обдаютъ ученицъ туманомъ синтеза и бываютъ ими поняты только уже тогда, когда онѣ пройдутъ всю науку. Надо будетъ пожертвовать тѣми милыми мелочами, которыя нынѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ прилежанія ученицъ, то-есть заучиваніемъ наизусть цѣлой толпы географическихъ названій, грамматическихъ исключеній, историческихъ чиселъ и т. п.

Надо будетъ привыкнуть къ мысли, что дѣвочки будутъ учить не такъ много словъ какъ прежде, но зато узнаютъ настоящее дѣло, съ толкомъ и съ пользою для своего внутренняго развитія. Надо тутъ разстаться и съ успокоительнымъ раздѣленіемъ, что пройдено «отъ сихъ до сихъ»; надо потерять и сладостную возможность присутствовать при формальныхъ блистательныхъ экзаменахъ въ заключеніе учебнаго курса. Здѣсь учитель, послѣ 15—20 уроковъ, на вопросъ: что̀ пройдено? имѣетъ полное право отвѣтить: ничего не пройдено. Онъ, дѣйствительно, если хочетъ быть вѣренъ цѣли заведенія, не можетъ задавать своимъ ученицамъ, напримѣръ, объ употребленіи буквы *ѣ*, объ озерахъ въ Америкѣ, о Пуническихъ войнахъ и т. п. Онъ непремѣнно долженъ ввести въ науку самыя элементарныя понятія, начать съ того, что уже знакомо дѣтямъ, представить живыя изображенія предметовъ, которые должны быть потомъ разсмотрѣны научно... а какъ это сдѣлаешь? Какимъ образомъ живое изображеніе буквы *ѣ* представишь? Разумѣется, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи въ живомъ, одушевленномъ преподаваніи. Преподаваніе русскаго языка надо будетъ начинать съ чтенія литературныхъ произведеній, которыя могутъ имѣть интересъ для ученицъ, и съ подробнаго разбора ихъ содержанія. Въ этотъ разборъ должны входить подробности историческія, литературныя, предметы изъ наукъ естественныхъ и нравственныхъ и, между прочимъ, замѣчанія о способѣ выраженія той или другой мысли. Мало-по-малу можно заставлять ученицъ самихъ дѣлать подробные разборы, разсказывать содержаніе письменно, и тутъ обращать вниманіе на разницу ихъ способа выраженія отъ рѣчи взятаго писателя. При этомъ можно дѣлать замѣчанія о слогѣ, о духѣ языка, объ особенныхъ выраженіяхъ, принятыхъ для извѣстныхъ предметовъ, о синтаксисѣ, о значеніи формъ измѣненія словъ, напримѣръ, видовъ глагольныхъ, падежей и т. п. А на второй степени обученія явятся, точно такимъ же образомъ, замѣчанія о разныхъ родахъ и видахъ словесности, объ условіяхъ, необходимыхъ для достоинства различныхъ сочиненій и пр. Такимъ образомъ мало-по-малу въ головѣ ученицъ накопится масса свѣдѣній изъ грамматики и теоріи словесности, свѣдѣній, почерпнутыхъ при глазахъ ихъ изъ живого источника и тутъ же приложенныхъ къ дѣлу; а между тѣмъ онѣ совсѣмъ могутъ и не знать, что это за пугало такое—грамматика... Такъ точно можетъ происходить преподаваніе и другихъ наукъ. Учитель географіи можетъ, напримѣръ, отправиться съ дѣтьми на прогулку и по дорогѣ объяснять имъ необходимые географическіе термины, наглядно показывая ихъ значеніе; или можетъ описать нѣсколько отдѣльныхъ странъ, съ живымъ изображеніемъ мѣстности и всѣхъ географическихъ особенностей края. Учитель исторіи имѣетъ столько возможности заинтересовать своимъ предметомъ, что о немъ и говорить нечего: будь только у него собственное знаніе да добрая воля. Совокупное же дѣйствіе всѣхъ учителей въ этомъ духѣ не можетъ не имѣть весьма благодѣтельныхъ послѣдствій для умственнаго развитія ученицъ.

Намъ скажутъ, что мы представляемъ идеальныхъ учителей и идеальную школу. Правда, что совершенное исполненіе такихъ обязанностей требуетъ отъ учителя большого искусства; правда, что недостатки въ исполненіи неизбѣжны. Но, все-таки, здѣсь легче приблизиться къ идеалу, нежели въ нынѣшнемъ обыкновенномъ обученіи, которое поставило себѣ идеаломъ—что же?—то, чтобъ ученицы запомнили на всю жизнь все, написанное въ учебникахъ. Никто и никогда этого не достигалъ, и — слава Богу!

Школъ, основанныхъ на такихъ началахъ, у насъ еще нѣтъ, но сто̀итъ захотѣть, чтобъ онѣ были. Сначала, конечно, будутъ кое-какіе недостатки: учителя, позабывшись, по старой привычкѣ, будутъ иногда пускаться въ схоластику, ученицы, видя, что нѣтъ тутъ ни балловъ, ни кокардъ, мало будутъ заботиться о выслушанныхъ урокахъ. Но мало-по-малу и тѣ, и другія поймутъ свое настоящее положеніе и примутся за дѣло охотно и дружно. Пріятнѣй же, вѣдь, учиться, и знать чему учишься, нежели зубрить урокъ, ничего не понимая.

Эти мысли о женскомъ воспитаніи были возбуждены въ насъ программою недавно открытаго здѣсь, въ С.-Петербургѣ, учебнаго заведенія г-жи Труба, названнаго Атенеемъ и основаннаго, какъ видно изъ программы, именно на тѣхъ, сейчасъ изложенныхъ нами, началахъ, какія господствуютъ въ системѣ обученія Атенеевъ во Франціи. Мысль основать такое заведеніе у насъ очень замѣчательна, и отъ нея можно ожидать хорошихъ послѣдствій. Попытка эта особенно кстати у насъ теперь, когда вопросы о воспитаніи сильно возбуждены въ нашемъ обществѣ, и когда несостоятельность старой системы съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе. Нельзя не пожелать, чтобы предпріятіе г-жи Труба имѣло успѣхъ. Мы поспѣшили изложить свои мысли объ этомъ предметѣ съ тою цѣлію, чтобы съ одной стороны просвѣщенные родители знали,

чего ожидать отъ заведеній подобныхъ Атенею г-жи Труба (мы надѣемся, что попытка г-жи Труба не будетъ единственною); а съ другой стороны, чтобы и преподавателямъ подобныхъ заведеній яснѣе видно было, чего отъ нихъ ожидаютъ для ихъ ученицъ, и какія въ этомъ случаѣ лежатъ на нихъ обязанности.

---

146. Дѣлецъ.

Разсказъ.

Напечатано въ V кн. «Современника» 1858 г. (ценз. 30 апрѣля), за подписью «Николай Александровичъ» (см. замѣтку къ № 98). Повидимому, Некрасовъ справедливо не считалъ оба разсказа сколько-нибудь выдающимися, потому что иначе не помѣщалъ бы ихъ какъ разъ лѣтомъ, для чего настоящій разсказъ пришлось продержать въ редакціонномъ портфелѣ около года.

М. Л.

И вотъ общественное мнѣнье.
А. Грибоѣдовъ.

Умѣнье хорошо обдѣлывать свои дѣлишки дается, какъ извѣстно, не всякому, и напрасно многіе бьются всю свою жизнь, чтобы пріобрѣсти его. Въ прежнія времена я самъ сильно хлопоталъ объ этомъ умѣньи; съ пріобрѣтеніемъ его я надѣялся разрѣшить вопросъ, который, въ переводѣ съ обыкновеннаго, житейскаго языка на философскій способъ выраженія, недаромъ считается важнѣйшимъ вопросомъ всей человѣческой философіи, именуясь «стремленіемъ безсмертнаго духа нашего къ безконечному благу». Изъ метафизической психологіи я зналъ, конечно, что «сіе стремленіе въ семъ мірѣ никогда не обрѣтаетъ полнаго удовлетворенія»; но практическая философія жизни доказывала мнѣ постоянно, что у человѣка, умѣющаго обдѣлывать свои дѣлишки, безсмертный духъ какъ-то болѣе удовлетворяется, чѣмъ у тѣхъ, чьи дѣлишки идутъ плохо. Принимая это въ соображеніе, я хотѣлъ, во что бы то ни стало, добиться до разрѣшенія заданнаго самому себѣ вопроса, и одно время вообразилъ даже, что—добился! Мнѣ представилось, на основаніи теоретическихъ воззрѣній, что для устройства дѣлишекъ совершенно довольно одного пустого качества, которое называется *благодушіемъ*.

Я разсуждалъ тогда, совершенно логически, слѣдующимъ образомъ: положеніе нашихъ дѣлишекъ зависитъ отъ общества; общество состоитъ изъ отдѣльныхъ членовъ; каждый изъ членовъ дѣлаетъ добро тому, кого онъ любитъ и уважаетъ; любовь и уваженіе пріобрѣтаются услугами и угожденіями; для того, чтобы всѣмъ угождать, нужно постоянное, невозмутимое благодушіе во всѣхъ сношеніяхъ съ своими ближними, ergo... И далѣе я бойко выводилъ средство содѣлаться блаженнымъ на свѣтѣ. Долго оставался я въ моемъ заблужденіи и воображалъ себя счастливымъ обладателемъ философскаго камня, дающаго вѣрное средство быть здоровымъ, долговѣчнымъ, богатымъ и т. д. Но всѣ мои логическія построенія должны были разсыпаться въ прахъ при первомъ же практическомъ знакомствѣ съ общественнымъ бытомъ и отношеніями города Покорска, знаменитаго—сколько силою въ немъ общественнаго мнѣнія, столько же и упорною враждою ко всѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ.

Къ утѣшенію моему, субъектъ, сокрушившій въ прахъ всѣ мои логическія построенія, былъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ мелкое лицо въ Покорскѣ. Это былъ Александръ Григорьичъ Щекоткинъ, старшій чиновникъ по особымъ порученіямъ при покорскомъ губернаторѣ. Объ него разбилась вдребезги вся моя система благодушія, на которой хотѣлъ было уже успокоиться умъ мой, утомленный философическими изысканіями. Первое мое свиданіе съ Александромъ Григорьичемъ исполнило сердце мое какимъ-то тяжкимъ предчувствіемъ, и послѣдствія вполнѣ оправдали мое вѣщее сердце. Чѣмъ болѣ присматривался я къ Щекоткину, чѣмъ болѣе собиралъ о немъ свѣдѣній въ Покорскѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ этомъ чиновникѣ никогда не было ни малѣйшаго слѣда того, что разумѣлъ я подъ именемъ благодушія; а между тѣмъ дѣлишки его обработывались отлично... Дальнѣйшій жизненный опытъ, наглядно показавшій мнѣ все безсиліе человѣческаго разума вообще, убѣдилъ меня, что и здѣсь напрасны мои усилія составить

систему умѣнья достигать прочнаго благополучія въ жизни. Короткое знакомство съ Щекоткинымъ довело меня до смиреннаго сознанія, что въ устройствѣ дѣлишекъ каждаго человѣка есть что-то неисповѣдимое и что многообразны пути, которыми судьба ведетъ къ счастію своего избранника.

Лицо есть зеркало души,—дѣло извѣстное и не подлежащее ни малѣйшему спору; слѣдовательно, если бы Щекоткинъ имѣлъ хотя малую толику благодушія, оно непремѣнно бы отразилось на его физіономіи. Уста, привыкшія произносить сладчайшія рѣчи,—какъ-то иначе раскрываются всегда, нежели губы, привыкшія къ брани и командѣ; глаза, пріученные вѣжливо улыбаться, смотрятъ не такъ, какъ обыкновенные глаза; да даже менѣе подвижныя части лица, какъ, напримѣръ, носъ и уши,—и тѣ носятъ на себѣ отпечатокъ общаго характера ихъ владѣльца. Носъ благодушныхъ людей, говорятъ, получаетъ всегда открытое и нѣсколько широкое очертаніе, какъ бы для того, чтобы чутьемъ дознавать то, что можетъ ускользнуть отъ другихъ чувствъ; уши же человѣка благодушнаго, по увѣренію знающихъ людей, непремѣнно вытягиваются нѣсколько впередъ, такъ что благодушный обладатель ихъ всегда имѣетъ видъ человѣка, обязательно-приклонившаго ухо свое къ вашимъ словамъ. Ничего подобнаго не примѣтно было въ фигурѣ Александра Григорьича. Это былъ высокій и толстый брюнетъ, державшій себя чрезвычайно прямо. Черты лица его были совершенно неподвижны, какъ у восковой куклы. Его черные глаза смотрѣли прямо на васъ, безъ всякаго выраженія, и потомъ—не опускались внизъ, а просто — на минуту закрывались вѣками; на лицѣ не появлялось никакого чувства, никакой мысли. Когда онъ говорилъ, голосъ его напоминалъ какъ-то звукъ обуха, вбивающаго долото въ дерево; губы его раскрывались широко, потому что всѣ слова произносилъ онъ раздѣльно и отчетливо, — но физіономія всегда оставалась безжизненной, что бы ни говорилъ онъ. Заслышавши издали его голосъ, вы бы подумали, что онъ бранится; подошедши ближе и всмотрѣвшись ему въ лицо, вы бы еще болѣе убѣдились въ своемъ предположеніи. Взбитый напереди хохолъ на гладко-стриженой головѣ, брови, нависшія надъ глазами, уши, совершенно плоско лежащія къ затылку, носъ, сплющенный и загнутый книзу, придавали Александру Григорьичу необычайно-суровый видъ и наводили на многихъ какой-то безотчетный страхъ. Но особенно приводили въ отчаяніе всѣхъ покорскихъ жителей, особенно же молодыхъ энтузіастовъ, глаза Щекоткина. Человѣкъ изъ кожи лѣзетъ, приходитъ въ неистовство, доказывая какую-нибудь полезную идею, а Александръ Григорьичъ, съ своимъ мрачнымъ видомъ, смотритъ на него неподвижно, и хоть бы бровью моргнулъ. У бѣднаго энтузіаста ужъ и запасъ краснорѣчія истощается, онъ уже ждетъ и жаждетъ возраженій, какъ благодѣтельнаго масла для поддержки потухающаго свѣтильника, онъ уже остановился, переводитъ духъ, смотритъ въ глаза своему собесѣднику; но глаза эти попрежнему тусклы и холодны, въ нихъ не выражается ничего, совершенно ничего! Энтузіастъ переходитъ взоромъ отъ глазъ къ губамъ, но губы сжаты, и вся физіономія Александра Григорьича не даетъ ни малѣйшаго права заключить, что онъ слышитъ слова своего собесѣдника. Несчастнаго энтузіаста обдаетъ холодомъ, онъ теряется, путается и умолкаетъ, внутренно удивляясь глупости своего положенія. Тогда Александръ Григорьичъ закрываетъ глаза вѣками, потомъ производитъ носомъ какой-то чрезвычайный звукъ, удивительно похожій на хрюканье,—и опять, уставивши глаза на энтузіаста, говоритъ своимъ обычнымъ деревяннымъ тономъ: «это все вздоръ, который слѣдуетъ изъ головы выбросить; а вы вотъ меня послушайте-ко». И начиналъ разбирать пылкія мечты юности,—и очень дѣльно разбиралъ большею частью; даромъ что, казалось, вовсе и не слушалъ своего собесѣдника.

Такимъ зналъ я Александра Григорьича Щекоткина, когда онъ былъ уже почтеннымъ человѣкомъ, лѣтъ въ сорокъ слишкомъ. Но ни въ чьей головѣ не могло возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы онъ не былъ точно таковъ же и въ тридцать, и въ двадцать, и въ пятнадцать лѣтъ. Такимъ онъ, дѣйствительно, и слылъ въ преданіяхъ города Покорска съ незапамятныхъ временъ. Немногіе изъ покорскихъ старожиловъ могли уже въ мое время передать живой разсказъ о происхожденіи прозвища «азіятъ», которымъ большею частью замѣнялись въ общежитіи офиціальныя имена Щекоткина; большая часть гражданъ пользовалась имъ, какъ постояннымъ эпитетомъ, первоначальный смыслъ котораго былъ потерянъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отлично разсказывалъ исторію объ азіятѣ, со всѣми подробностями, престарѣлый архиваріусъ губернскаго правленія, какъ очевидецъ дѣла, но теперь и онъ болѣе ограничивается покиваніемъ головы и осклабленіемъ беззубыхъ устъ своихъ, слушая, какъ разсказываютъ объ азіятѣ другіе, обязанные своими сдѣдѣніями уже

повѣствованіямъ почтеннаго старца. Колоритъ древности исчезаетъ, разумѣется, при переходѣ разсказа во вторыя уста; но строгая истина еще неизмѣнно соблюдается, потому что архиваріусъ всегда готовъ стать безмолвнымъ укоромъ разсказчику, который бы вздумалъ дать слишкомъ много воли своему воображенію. Сущность разсказа состояла вотъ въ чемъ. Какому-то темному господину, отданному за что-то подъ судъ, нужно было получить видъ на прожитіе и пріостановить нѣкоторыя бумаги, поступавшія на его счетъ къ губернатору. Щекоткинъ, бывшій тогда самымъ мелкимъ чиновникомъ губернскаго правленія, предложилъ темному господину какой-то ненужный никому паспортъ и, съ помощью одного изъ своихъ пріятелей да еще архиваріуса, умѣлъ на нѣсколько дней запрятать опасныя бумаги. Архиваріусъ какъ-то глухо всегда отзывался о томъ, что это были за бумаги; но, вѣроятно, онѣ были довольно серьезнаго содержанія, судя по послѣдствіямъ. «Только день продержалъ я бумаги у себя», говаривалъ старикъ въ былыя времена,—«и не зналъ совсѣмъ, что тутъ за исторія. Просили меня пріятельски, — ну, что же за бѣда? Мало ли бумагъ, думаю,—и по году цѣлому валяются. А тутъ велика бѣда—день. Черезъ день-то являюсь въ присутствіе и объясняю, что вотъ, молъ, въ дѣлѣ одномъ сдали ко мнѣ какія-то бумаги, а онѣ къ тому дѣлу не принадлежатъ, такъ возьмите ихъ, чтобы послѣ спросу не было. Какъ только это я показалъ бумаги-то, на меня всѣ и вскинулись. «Что, говорятъ, вы надѣлали. Вѣдь этихъ самыхъ бумагъ-то мы со вчерашняго утра, сломя голову, ищемъ. Ужъ лучше бы совсѣмъ эти бумаги пропали... Такъ, вишь, посовѣстились что-ли—или побоялись. Да и притянули меня, — слышь, я виноватъ. Я туда-сюда. Нѣтъ, — ты, говорятъ, былъ подкупленъ преступникомъ. А я, вотъ хоть сейчасъ Богу душу отдать, ни одной полушки въ этомъ дѣлѣ не видалъ, да и не зналъ, что за дѣло такое. Послѣ ужъ какъ-то пріятель-то Александра Григорьича мнѣ сказалъ, что они тутъ оба по пяти сотъ рублей нажили. А на нихъ никто и думать не думалъ. Мнѣ только досталось въ чужомъ пиру похмѣлье». Дальнѣйшій разсказъ показывалъ, впрочемъ, что архиваріусу не только одно похмѣлье досталось, и что онъ принималъ участіе и въ самомъ пирѣ, который заданъ былъ на радостяхъ двумя пріятелями. На этомъ-то пирѣ Александръ Григорьичъ и отпустилъ штуку, доставившую ему названіе «азіята». Пиръ происходилъ въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ пріятное общество молодыхъ людей не контролируется степеннымъ начальствомъ. Пріятели уговорились пожертвовать по десятинѣ своихъ избытковъ и устроили сторублевый кутежъ, въ которомъ принялъ участіе и архиваріусъ, вѣроятно, еще не бывшій тогда такимъ маститымъ старцемъ (что, впрочемъ, утверждать съ достовѣрностью трудно). Пили пріятели до глубокой ночи и, наконецъ, рѣшились отправиться домой. Но когда пришло дѣло къ расплатѣ, то оказалось, что Александръ Григорьичъ рѣшительно лишился всякаго сознанія и не понималъ, что ему говорили. Пріятель принялъ рѣшительныя мѣры: онъ собственноручно отправился въ карманъ одурѣвшаго товарища, чтобы отдѣлить изъ его денегъ слѣдующую часть. Александръ Григорьичъ не противился, но въ карманѣ его денегъ оказалось только 20 копѣекъ. Пріятель, пораженный изумленіемъ, принялся искать по комнатамъ, не выпали-ль деньги въ разгарѣ ихъ веселья. Но нигдѣ ничего не нашлось. Щекоткинъ ничего не понималъ и на всѣ вопросы и требованія мычалъ что-то, совершенно нечеловѣческое. Въ надеждѣ добиться чего-нибудь на-утро, пріятель расплатился за все и увезъ къ себѣ на квартиру и Щекоткина, и архиваріуса. На другой день Александра Григорьича опять не могли добудиться. Растолкаютъ его кое-какъ, — повернется онъ съ боку на бокъ, промычитъ что-нибудь, да и опять заснулъ. Наконецъ, пріятель вышелъ изъ терпѣнья и ушелъ къ должности, оставивъ Щекоткина на произволъ судьбы. Во всю дорогу разсуждалъ онъ съ архиваріусомъ о непонятной пропажѣ денегъ у Щекоткина и о свинской его натурѣ, которая никакъ не можетъ проспаться. Но черезъ полчаса послѣ нихъ Александръ Григорьичъ явился въ правленіе, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Глядя на него, никто и предположить не могъ, гдѣ онъ былъ вчера. Пріятель, какъ только замѣтилъ его приходъ, тотчасъ подбѣжалъ къ нему и тихонько сталъ спрашивать, что сдѣлалось съ его деньгами.

— Потерялъ, угрюмо и рѣзко отвѣчалъ Щекоткинъ.

— Какъ потерялъ? Вотъ тебѣ и на. Потерялъ!.. Да что жъ, я за тебя платить, что ли, долженъ?

— Не плати, возразилъ Александръ Григорьичъ съ прежнимъ грубымъ спокойствіемъ.

— Не плати!.. Хорошъ гусь,—не плати!.. Выпустятъ тебя, коли не заплатишь. Ты вчера налилъ зѣнки-то, такъ и не помнишь ничего... Я вѣдь ужъ заплатилъ.

— А мнѣ какое дѣло до этого?

— Какъ—какое дѣло? Да развѣ не ты

вчера натянулся больше всѣхъ? Ты развѣ половины не получилъ? Развѣ не общее было, — продолжалъ пріятель тѣмъ шипящимъ шопотомъ, которымъ люди разсерженные хотятъ скрыть отъ людей свой секретъ, не замѣчая, что этотъ шопотъ дѣлается слышнѣе самаго громкаго разговора.

— Да что ты шепчешь-то, — съ убійственнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Щекоткинъ. Кричи громче, чтобы всѣ слышали. Напился вчера на полтинникъ, такъ нельзя не пошумѣть. Ты ужъ все распиши лучше, какъ было: авось, изъ службы выгонятъ.

Напоминаніе было благоразумно и пришло какъ разъ во-время. Пріятель сообразилъ, что выдавать свою тайну опасно и, убѣжденный внутренно, что Щекоткинъ его дурачитъ, увидѣлъ, однако, грустную необходимость примириться съ мыслью о напрасной растратѣ пятидесяти рублей на угощеніе гнуснаго своего сообщника. Но, чтобы вознаградить себя хоть чѣмъ-нибудь, онъ далъ волю своему негодованію и разразился потокомъ жестокихъ восклицаній, начинавшихся такимъ образомъ: ахъ, ты деревянная рожа, жилдишка, надувало... азіятъ ты этакой, безчувственная ты образина и пр. Стремительное краснорѣчіе оскорбленнаго пріятеля привлекло вниманіе чиновниковъ, и при словѣ «азіятъ» раздался всеобщій дружный хохотъ. Сослуживцы Александра Григорьича нашли, что названіе азіята какъ-то особенно къ лицу ему, и съ тѣхъ поръ случайное прозвище это сдѣлалось съ нимъ неразлучнымъ и пережило всѣ другія именованія, которыхъ Щекоткинъ удостоивался, въ теченіе своего поприща, отъ покорскихъ согражданъ. Одинъ изъ враговъ Александра Григорьича прозвалъ было его *дубомъ*, но это прозвище не удержалось, какъ слишкомъ односложное. Подобная участь постигла и другое имя—*сфинкса*, которымъ окрестилъ было Щекоткина молодой товарищъ предсѣдателя гражданской палаты: оно употреблялось только тѣми, кто, при взглядѣ на Щекоткина, могъ вспоминать англійскую набережную Невы съ ея египетскими украшеніями.

Такой-то человѣкъ, похожій скорѣе на сфинкса или на дубъ, нежели на человѣка, умѣлъ соединить въ себѣ съ видомъ «азіята» самое европейское умѣнье обработывать свои дѣлишки. Кто бы могъ это подумать? Ужъ, конечно, — не я, съ своей системою благодушной угодливости. Я, напротивъ, долго не могъ повѣрить такому чрезвычайному явленію и долго наводилъ относительно его строжайшія справки. Но—увы!— всѣ мои разспросы и наблюденія очевиднѣйшимъ образомъ убѣждали меня, что дѣлишки «азіята» превосходно устроены, несмотря на совершенное отсутствіе въ немъ всякаго благодушія. Онъ, говорили мнѣ умные люди, съ самаго начала замѣченъ былъ своимъ начальствомъ, «какъ исполнительный и благонамѣренный чиновникъ, никогда не забиравшій высоко, но бывшій всегда въ своемъ правѣ». Александръ Григорьичъ самъ разсказывалъ, что замѣчаній по службѣ онъ никогда не получалъ. «Что велятъ, то и сдѣлаешь, — говорилъ онъ, — а не въ свое дѣло не суешься, — такъ что кому до тебя за дѣло? Иной разъ мнѣ такіе глупые приказы писать и исполнять доводилось, что смѣшно, бывало, дѣлается,— а ничего — работаешь себѣ, и виду не подаешь. Пусть ихъ тамъ творятъ, что хотятъ. Не моя забота. Кто приказалъ, тотъ и отвѣчаетъ,—а мнѣ только слушаться слѣдуетъ». Такое рѣдкое самоотверженіе было оцѣнено по достоинству, и мало-по-малу Александръ Григорьичъ достигъ должности чиновника по особымъ порученіямъ. Трехъ губернаторовъ пережилъ онъ въ Покорскѣ и пользовался у всѣхъ ихъ особеннымъ расположеніемъ, которымъ не оставилъ его и четвертый начальникъ губерніи, поступившій уже во время силы и процвѣтанія Щекоткина. Столь же постоянно было и расположеніе всѣхъ согражданъ къ черствому «азіяту», хотя онъ и не пользовался въ покорскомъ обществѣ особенно выгодной репутаціей.

О репутаціи, впрочемъ, Александръ Григорьичъ мало и заботился. Онъ вполнѣ понялъ свое положеніе въ обществѣ и убѣдился, что не отъ репутаціи зависитъ выгодное устройство дѣлишекъ, и что не слово важно, а дѣло. «Что мнѣ за надобность,—говорилъ онъ, съ своимъ обычнымъ, нѣсколько грубоватымъ равнодушіемъ,—что мнѣ за надобность знать, хорошо или худо обо мнѣ думаютъ? Я съ вами встрѣчаюсь,— вамъ кланяюсь, съ вами разговариваю, — и вы тоже; — этого для меня и довольно. А тамъ въ душу къ человѣку не влѣзешь. Думайте обо мнѣ, что хотите. Почему вы знаете,—можетъ быть, я-то объ васъ еще въ тысячу разъ хуже думаю, чѣмъ вы обо мнѣ. Чужая душа потемки». Съ послѣднимъ замѣчаніемъ невозможно было не согласиться, смотря на Александра Григорьича. При одномъ взглядѣ на его безжизненную физіономію, всякій непремѣнно думалъ: «дѣйствительно, никакъ не узнаешь, что у тебя на душѣ... Можетъ быть, ты тамъ и чортъ знаетъ какую билиберду придумываешь... у тебя на лбу ничего не написано». И съ этой мыслію всякій невольно взглядывалъ опять въ глаза Щекоткину, стараясь поймать въ нихъ хоть какой-нибудь отпечатокъ внутренняго состоянія души... Но ловля

эта всегда была совершенно безплодна. Въ глазахъ Александра Григорьича соединялось какъ-то телячье выраженіе съ конскимъ, но человѣческаго въ нихъ ничего не было.

Несмотря на непривлекательность своей особы, Щекоткинъ составилъ даже выгодную партію и былъ, говорятъ, счастливъ въ семейной жизни. Въ него влюбилась дочь правителя канцеляріи губернатора въ то время, какъ общественное положеніе Александра Григорьича было еще очень незавидно. Чѣмъ онъ привлекъ къ себѣ полную Ирину Ѳедоровну, — трудно сказать утвердительно. Можетъ быть—«статура его пришлась ей по комплекціи», какъ выражались современные событію покорскіе остряки; можетъ быть — суровый видъ его заинтересовалъ своей таинственностью начитавшуюся романовъ барышню; а можетъ быть— и такъ, по пословицѣ: — показался сатана лучше яснаго сокола... Какъ бы то ни было, Ирина Ѳедоровна по уши влюбилась въ азіята, и даже романически хотѣла удалиться съ нимъ въ пустыню, до чего онъ, однако же, не допустилъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ, разсказываютъ, въ одномъ крупномъ разговорѣ, при какой-то изъ близкихъ знакомыхъ,—онъ говорилъ ей, между прочимъ, высчитывая ея недостатки: «ты, матушка, и ко мнѣ-то на шею бросилась чуть не съ перваго раза. Кабы я тебя не пожалѣлъ, да не велѣлъ у отца благословенья просить, такъ могъ бы просто повозиться съ тобой недѣлю—другую, да и кинуть потомъ на улицѣ».

Ирина Ѳедоровна, разсказывала потомъ близкая ихъ знакомая, — мало смутилась такимъ укоромъ и отвѣчала немедленно: «да, если бы тогда одной глупости я съ собой не позволила сдѣлать, такъ не видать бы тебѣ меня, какъ ушей своихъ... И до сихъ поръ бы лямку-то теръ въ писцахъ... А то, бывало, чуть что нужно, такъ сейчасъ — попроси папеньку... Позабылъ, небось, теперь, кто тебя изъ грязи-то вывелъ...

— Ужъ объ этомъ-то не говори, матушка, твердо возразилъ Александръ Григорьичъ на замѣчаніе супруги, — грязнѣе тебя никогда не были, и на своемъ мѣстѣ безъ папеньки твоего держаться умѣемъ... Затѣмъ онъ умолкъ и спокойно принялся за свое дѣло, только взглядывая по временамъ своими безстрастными очами на раздраженную супругу, которая часа два еще продолжала работать языкомъ.—«Это славный моціонъ для нея; кровь хорошо разбиваетъ», замѣтилъ потомъ Александръ Григорьичъ за обѣдомъ; и утомленная Ирина Ѳедоровна только улыбнулась на такое замѣчаніе.

Маленькія размолвки нисколько не разстроивали семейнаго счастія супруговъ и не мѣшали имъ въ дружномъ стремленіи къ общей цѣли—устройству своихъ дѣлишекъ. Ирина Ѳедоровна знала всѣ отношенія своего мужа и помнила очень твердо имена всѣхъ исправниковъ, становыхъ и городничихъ въ губерніи, съ ихъ супругами. Въ отсутствіе Александра Григорьича, нерѣдко уѣзжавшаго въ командировку, всѣ помянутыя лица адресовались къ ней,—если не по служебнымъ, то по разнымъ житейскимъ отношеніямъ. Многіе даже считали за лучшее передавать ей и служебныя свои обстоятельства, во избѣжаніе личныхъ объясненій съ азіятомъ, котораго нѣсколько трусили. Рѣшеніе дѣла, впрочемъ, нисколько не зависѣло отъ ходатайства Ирины Ѳедоровны: оно опредѣлялось обыкновенно свойствомъ тѣхъ *данныхъ*, какія представлялись Щекоткину по самому существу дѣла.

Иногда Александръ Григорьичъ отправлялъ въ командировку и свою жену, вмѣстѣ съ двоими дѣтьми. Это бывало обыкновенно лѣтомъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда самому Щекоткину назначалась командировка, обѣщавшая быть очень продолжительною. Такъ случилось, напримѣръ, и при производствѣ того важнаго дѣла, которое сильно подвинуло дѣлишки Щекоткина и о которомъ я хочу разсказать подробнѣе.

Разъ, Щекоткинъ посланъ былъ на слѣдствіе по дѣлу о разграбленіи почты (это было уже давно); въ то же время онъ нашелъ, что въ окрестностяхъ уѣзднаго города Глухарева, въ имѣніи тамошняго исправника Житова, растутъ удивительныя сливы и всякія ягоды, изъ которыхъ можно славное варенье сварить. Немедленно послана была записка къ покорскому исправнику, чтобы онъ на другой день прислалъ лошадей для Ирины Ѳедоровны; и на утро оба супруга отправились—онъ производить слѣдствіе, она съ дѣтьми—варить варенье.

Въ дѣлѣ о разграбленіи почты Александръ Григорьичъ отличился. Полнѣйшій успѣхъ былъ результатомъ его неутомимыхъ трудовъ и необыкновеннаго умѣнья вести слѣдствіе. Дѣло, порученное ему, было не шуточное. Нужно было отыскать мошенниковъ, разбившихъ почтовый транспортъ, слишкомъ во сто тысячъ рублей. Въ покорской глуши разбои на большихъ дорогахъ не утихали въ прежнее время, несмотря на замысловатую систему дѣйствій, принятую противъ нихъ мѣстнымъ начальствомъ и основанную на морали одной изъ крыловскихъ басенъ:

Собаку ты хоть меньше бей,
Да краденый кусокъ ты отнимай у ней.

Навѣрное, нигдѣ совѣтъ баснописца не нашелъ такого обширнаго и постояннаго

приложенія, какъ въ Покорской губерніи. Служители полицейскаго правосудія весьма скоро и искусно ловили здѣсь всякаго вора и мошенника; но все ихъ наказаніе ограничивалось лишеніемъ краденыхъ кусковъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что, вопреки баснописцу, каждый разъ послѣ такой исправительной мѣры воры не только не переставали шалить, но еще примѣтно расширяли кругъ своихъ дѣйствій и производили свои подвиги гораздо смѣлѣе и открытѣе. Послѣ какого-нибудь, слишкомъ уже шумнаго, дѣла, полиція снова снаряжалась на поиски, и въ теченіе этого времени все было смирно. Всѣ, кому была надобность разъѣзжать по губерніи, отдыхали; они ужъ отвели свой чередъ, теперь вмѣсто ихъ были на очереди постоянные домосѣды придорожныхъ деревень, въ которыхъ располагались чиновники, отправленные для отысканія мошенниковъ. Какъ только воры были отысканы, взяты и наказаны обычнымъ способомъ, тотчасъ опять начинались въ окрестностяхъ страшныя сказанія о вновь учиненныхъ грабительствахъ. Мѣстное начальство, однако, не унывало: оно все продолжало дѣйствовать по своей системѣ и въ самомъ дѣлѣ до того, наконецъ, стѣснило ею покорскихъ мошенниковъ, что они рѣшились напасть на почтовый транспортъ... Тутъ уже и начальство призадумалось: исполнить по прежнему полезный совѣтъ басни казалось ему теперь какъ-то уже не совсѣмъ удобно. Дѣло было опасное и требовало другихъ мѣръ, при которыхъ бы краденый кусокъ самъ по себѣ былъ отнятъ, да кромѣ того и виновные, все-таки, были представлены. Рѣшились прибѣгнуть къ крайнему средству: командировать на слѣдствіе Щекоткина съ *строжайшимъ* предписаніемъ — «*немедленно* изловить разбойниковъ и отыскать украденныя деньги». Говоря съ такой рѣшительностью, достойною лучшихъ временъ Рима, мѣстное начальство показывало полную увѣренность въ своемъ могуществѣ. И,—что всего похвальнѣе, — увѣренность эта не была какимъ-нибудь фанфаронствомъ, а имѣла твердое основаніе въ тысячахъ прежнихъ опытовъ. Мѣстное начальство постоянно обращало особенное вниманіе на туземныхъ грабителей и мошенниковъ и всегда знало о покражѣ тотчасъ по ея совершеніи: до того хорошо ему знакомы были темные пути мошенническихъ продѣлокъ. Оно всегда было увѣрено, что если захочетъ, то всякаго мошенника сыщетъ, всякое воровство откроетъ. Оттого-то оно и пребывало постоянно въ величавомъ спокойствіи, которое иные, разумѣется, болѣе по неопытности и по непривычкѣ къ административнымъ вопросамъ, называли даже бездѣйствіемъ. Мѣстное покорское начальство подобно было скорѣе хозяину обширнаго садка, достающему оттуда рыбу, какую ему нужно,— нежели трепетному рыболову, отваживающемуся на невѣрные поиски въ неизвѣстныхъ пространствахъ. Въ дѣятельности его не было ничего судорожнаго, порывистаго; оно разсуждало, что суетиться много не изъ чего; мошенникъ во всякомъ случаѣ отъ нашихъ рукъ не уйдетъ, и, рано или поздно, неправедно пріобрѣтенное добро перейдетъ въ руки правосудія. Такимъ образомъ, вполнѣ сохраняя свое достоинство, мѣстное управленіе умѣло пользоваться всѣми выгодами своего положенія и при случаѣ «не ударить себя лицомъ въ грязь». Такъ рѣшилось оно отличиться и въ настоящемъ случаѣ, чтобы изумить высшее начальство своею дѣятельностью и распорядительностью. Для представленія означенныхъ качествъ въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ не нашли никого лучше Александра Григорьича Щекоткина.

Отправился Александръ Григорьичъ на слѣдствіе съ полнымъ сохраненіемъ своего всегдашняго хладнокровія. Повидимому, все дѣло имѣло для него значеніе только въ томъ отношеніи, что дало поводъ отправить Ирину Ѳедоровну въ имѣніе исправника Житова—варенье варить. Зато исправникъ находился совсѣмъ въ другомъ положеніи: грабительство произошло въ его уѣздѣ, и онъ, еще за два дня до назначенія Щекоткина на слѣдствіе, явился къ нему съ умильной физіономіей и имѣлъ съ нимъ какіе-то таинственные переговоры. Выходя отъ Александра Григорьича, исправникъ смотрѣлъ ему въ глаза съ особеннымъ, тоскливо-лакомымъ выраженіемъ...

— Такъ я буду надѣяться, Александръ Григорьичъ,—говорилъ Житовъ, что вы во всякомъ случаѣ...

— Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сказать,—возразилъ Щекоткинъ. Доставьте прежде всего свѣдѣнія, о которыхъ я вамъ говорилъ. Иначе я принужденъ буду донести, что былъ совершенно лишенъ вашего содѣйствія.

— Помилуйте, Александръ Григорьичъ. На этотъ счетъ будьте ужъ совершенно спокойны... Я ничего не упущу, что отъ меня зависитъ.

— Да вѣдь я, батюшка, не первой годъ служу при губернаторѣ-то. Немножко еще пораньше васъ поступилъ... такъ меня оплетать-то нечего. Я знаю, что всѣ воровскіе притоны-то у васъ вотъ—какъ на ладонкѣ. Я недавно еще вотъ Михайлу Александрычу говорилъ (Щекоткинъ заочно называлъ губернатора по имени), что въ Глухаревскомъ

уѣздѣ, стоитъ только захотѣть,—и завтра же всѣхъ воровъ переловимъ: такъ исправникъ тамъ заботится... Онъ мнѣ и сказалъ, что, говоритъ, это хорошо, что такой исправникъ есть; всегда онъ для службы можетъ полезенъ быть своими свѣдѣніями. А то, говоритъ, что и держать на службѣ тунеядцевъ, отъ которыхъ, въ случаѣ надобности, ничего добиться нельзя. Михаилъ Александрычъ очень будетъ удивленъ, когда я ему скажу, что вы отказываетесь.

— Помилуйте, Александръ Григорьичъ... Какъ же это можно-съ? Я и не думалъ отказываться... Я только имѣлъ честь вамъ доложить, что, можетъ быть, какая-нибудь случайность, что-нибудь непредвидѣнное... Бываютъ обстоятельства совершенно особенныя.

— Да, бываютъ, да не такія. Разумѣется, вотъ намеднись было дѣло, что у полицеймейстера часы пропали,—и полиція не знала, куда они дѣвались. Искали цѣлую недѣлю, съ ногъ сбились, человѣкъ сорокъ въ острогъ посадили, — и все толку не было... А потомъ самъ ужъ Ѳедоръ Терентьичъ-то нашелъ ихъ у Глазицкой,—у младшей,—той, что горничныхъ-то играетъ. Онъ было на нее вскинулся,—гдѣ взяла? А она и припоминаетъ, — прошедшую пятницу, говоритъ, ночью пожаръ близко случился, такъ вы у меня второпяхъ-то ихъ и забыли... Ну, такъ этакое дѣло — точно случайность. Ѳедоръ Терентьичъ и самъ это понялъ. Двумъ квартальнымъ велѣлъ, было, подавать въ отставку, а потомъ, какъ нашелъ свою пропажу, такъ и ихъ оставилъ опять. Но, чтобы почту разграбили случайно,—это, батюшка, ежели вы скажете,—такъ надъ вами куры насмѣются. Вы тамъ были въ это время и должны знать всю подноготную. А впрочемъ, я вѣдь это такъ... Если вамъ трудно; такъ я и самъ все узнаю, безъ васъ.

— Нѣтъ-съ, я совсѣмъ не къ тому, Александръ Григорьичъ... Какой же тутъ трудъ, помилуйте. Я даже считаю своимъ долгомъ. Я постараюсь завтра же вамъ доставить всѣ нужныя свѣдѣнія, только позвольте попросить и васъ.

— Да, если вы завтра придете, такъ мы и увидимъ. Я тогда такъ и Михаилу Александрычу буду говорить.

На другой день глухаревскій исправникъ опять былъ у Щекоткина, и, вѣроятно, свѣдѣнія, принесенныя имъ, удовлетворили любознательность Александра Григорьича, потому что, выходя отъ него, Житовъ говорилъ поздравительнымъ тономъ:

— Мое почтеніе, Александръ Григорьичъ. Такъ я уже буду надѣяться, что вы обратите вниманіе его превосходительства на мои старанія. Право, вы не повѣрите, чего это стоитъ. Вѣдь вотъ, какъ передъ Богомъ, — даже съ омерзѣніемъ смотришь на всю эту сволочь, а дѣлать нечего — бережешь и даже прикармливаешь ее для пользы службы... Вдругъ, пожалуй, какое-нибудь обстоятельство... Изволите помнить, напримѣръ, исторію съ княгиней Ирбитовой?

— Да, разумѣется, кто же объ этомъ и говоритъ... Съ тѣхъ поръ Михаилъ Александрычъ и обратилъ на васъ вниманіе. Эта старуха имѣла большую силу; она грозила, что и ему самому на мѣстѣ не усидѣть, если все, что у ней пропало, не отыщется... А тутъ, какъ на другой день принесли ей все сполна, даже туфли ея старыя, что къ чемодану съ боку были привязаны, такъ она, вѣдь, надивиться не могла... Всѣмъ послѣ разсказывала о нашемъ порядкѣ... За то Михаилъ Александрычъ и орденъ получилъ въ тотъ годъ.

— А, вѣдь, чего это стоило-съ. Въ ту же ночь у купца чемоданъ отрѣзали, и я зналъ, что тѣ же самые-съ... Купецъ просто волосы на себѣ рвалъ, тамъ у него бумаги какія-то важныя были и денегъ много. Если бъ повести дѣло слѣдствіемъ, то, конечно, и то и другое можно бы отыскать. Но тутъ нужно было представить вещи княгини на другой день, слѣдовательно, требовалось добровольное согласіе. А эти канальи тотчасъ сообразили мое положеніе и согласились въ цѣлости возвратить княгинины вещи только подъ условіемъ, чтобы купца имъ предоставить. Что же дѣлать было-съ? Долгъ повиновенія начальству, разумѣется, прежде всего... я долженъ былъ согласиться... Хорошо, что еще нашлась возможность тотчасъ удовлетворить требованіямъ его превосходительства.

— Ну, а потомъ, вѣдь, вы и купца вашего тоже успокоили. Знаемъ мы всю эту исторію.

— Только бумаги-съ, Александръ Григорьичъ,—только бумаги... Болѣе ничего не могъ вытребовать.

— Да объ этомъ что толковать... Дѣло прошлое. А теперь мнѣ собираться надо. Значитъ, я такъ и устрою, что вы тутъ почти въ сторонѣ будете...

— Да-съ... т.-е., Александръ Григорьичъ, вы изволили обѣщать, что его превосходительству...

— Михаилу Александрычу-то я представлю, что ваше содѣйствіе было мнѣ во многомъ полезно, и все тамъ, что нужно... Это я сдѣлаю... Такъ прощайте, пока. На слѣдствіи, вѣрно, увидимся.

Руководясь собранными отъ Житова свѣдѣніями, Щекоткинъ отправился прямо на постоялый дворъ, находившійся не далеко отъ того мѣста, гдѣ разбили почтовый

транспортъ. Изслѣдованія его были непродолжительны. Только-что вошедши въ комнату, онъ потребовалъ къ себѣ хозяина и встрѣтилъ его такой рѣчью:

— Ты дуракъ, болванъ, скотина несмысленная... Что на тебя смотрятъ сквозь пальцы, такъ ты думаешь, что ужъ все можешь дѣлать. Ты не знаешь, что-ли, тварь ты поганая, что казна значитъ?.. Да тутъ я тебя на вѣчную каторгу запрячу, каналью... Носъ тебѣ оборву, уши обрѣжу, колесую тебя, нехристя... Вишь,—задумалъ царскую казну воровать... Да еще хуже, чѣмъ воровать: не тотъ воръ, кто воруетъ, а кто принимаетъ... Не мимо пословица-то идетъ.

Слова Александра Григорьича звучали какой-то роковой рѣшимостью. Они выходили изъ устъ его ровно и мѣрно, и раздавались по комнатѣ, какъ-то назойливо врѣзываясь въ уши, точно звукъ дятла, долбящаго дерево... Мужикъ не могъ не поддаться обаянію этого гремучаго звѣря и началъ запираться очень слабо и нерѣшительно. Когда же Александръ Григорьичъ потребовалъ колодки, предварительно обѣщавъ прощеніе въ случаѣ откровенности,— мужикъ повинился во всемъ. Отъ него узналъ Щекоткинъ, что два отставныхъ солдата, двое бѣглыхъ изъ некрутовъ, да одинъ молодой бобыль изъ сосѣдняго села давно уже держали у него притонъ и прятали до времени свои ночныя пріобрѣтенія. Къ нему же пришли они и въ ту ночь, какъ почта была разграблена. Сначала они выслали хозяина вонъ и принялись считать деньги; но онъ подсматривалъ за ними изъ окна и видѣлъ, что они насчитали денегъ тысячъ десять, а потомъ онъ подслушалъ, что они гдѣ-то еще спрятали большія деньги... Пересчитавши деньги, мошенники позвали хозяина и принялись пить, расплачиваясь очень щедро. На другой день они ушли, на этотъ разъ ничего не оставивши у хозяина. Выслушавши признанія мужика, Щекоткинъ сказалъ только: «Сказки!.. слыхали мы это», — и велѣлъ дѣлать обыскъ. Пока сотскій съ понятыми рылись въ разныхъ углахъ, самъ Александръ Григорьичъ полѣзъ въ подпечку и началъ тамъ разбрасывать дрова, кирпичи, черепки, негодныя онучи и всякій хламъ. Видя, что азіятъ упорно продолжаетъ свои розысканія и уже добрался до груды черепковъ, засыпанныхъ золою и дресвою и бывшихъ сверху заваленными всякой дрянью, хозяинъ сказалъ, что вспомнилъ еще что-то и хочетъ сообщить слѣдователю. Александръ Григорьичъ велѣлъ всѣмъ идти вонъ и, оставшись съ мужикомъ наединѣ, снова началъ допросъ, продолжая разрывать черепки въ подпечкѣ. Хозяинъ признался, что точно получилъ пять тысячъ отъ мошенниковъ, за молчаніе и укрывательство и просилъ оставить ему *хоть половинку*, обѣщая за то показать, что они принесли домой всего 90 тысячъ, а еще мѣшокъ съ десятью тысячами обронили на дорогѣ. Щекоткинъ принялъ предложеніе съ равнодушіемъ человѣка, смотрящаго на хлѣбъ послѣ сытнаго обѣда. Онъ *исторіи* у мужика показаніе, что часть денегъ спрятана у него на дворѣ, въ сусѣкѣ, а большая часть—тысячъ около 60—гдѣ-то въ лѣсу: но гдѣ именно, — мужикъ не зналъ, а совѣтовалъ скорѣе захватить одного изъ бѣглыхъ некрутовъ, который теперь живетъ въ выселкахъ, версты за три отъ постоялаго двора, съ одной вдовою—солдаткой. Узнавши все, что было нужно, Щекоткинъ вытащилъ наконецъ изъ подпечки казанокъ, въ которомъ сверху было серебро, а внизу оказалось золото.

— Ты получилъ это затѣмъ, чтобы молчать обо всемъ, — спросилъ онъ у мужика.

— Виноватъ, батюшка, Богъ попуталъ... я, батюшка, ужъ ничего въ противность вамъ не покажу, — только оставьте меня, батюшка... А то, вотъ сейчасъ Богу душу отдать, одно только разоренье отъ нихъ, отъ мошенниковъ; одного вина сколько, проклятые, выпьютъ, да еще сколько по разнымъ дѣламъ съ ними израсходуешь... Смилуйтесь, батюшка, — оставьте хоша сколько-нибудь бѣдному человѣку... Все одно,—что нищему подать.

— А вотъ я тебѣ, каналья, подамъ... Ты меня подкупить, что-ли, хочешь? Такъ я, вѣдь, не то, что ты... Ты вотъ взялъ деньги, чтобы молчать, а самъ все разболталъ. Я зналъ все прежде, чѣмъ сюда пріѣхалъ. За что жъ тебѣ и деньги-то?.. А показанія твои завтра еще будутъ снова отобраны и записаны судебнымъ порядкомъ. За твое чистосердечное признаніе я скажу, пожалуй, завтра, чтобъ тебя судили по неопытности и соучастія твоего не записывали... А коли самъ хочешь показать, что покорыствовался, такъ ужъ тамъ какъ знаешь... Не моя будетъ вина.

Произнесши такую резонную рѣчь, Александръ Григорьичъ отправился съ казанкомъ въ отведенную ему комнатку, находившуюся возлѣ избы, гдѣ происходилъ обыскъ и допросъ, минуты черезъ двѣ возвратился оттуда, заперъ комнатку и кликнулъ народъ въ окошко. Щекоткинъ объявилъ торжественно, что воры найдены и деньги также, и велѣлъ связанному хозяину вести ихъ въ амбаръ. Тамъ, дѣйствительно, найдены были въ сусѣкѣ мѣшки съ день-

гами, которыя были Щекоткинымъ публично пересчитаны. Оказалось, что тутъ лежало сорокъ тысячъ. Объ остальныхъ нужно было допросить самихъ мошенниковъ. За однимъ изъ нихъ, по указанію хозяина постоялаго двора, немедленно отправленъ былъ чиновникъ, присланный вмѣстѣ съ Щекоткинымъ для помощи ему при изслѣдованіи дѣла. Отыскать другихъ долженъ былъ становой. Между тѣмъ самъ Александръ Григорьичъ нарядилъ цѣлое село—оцѣпить опушку лѣса между постоялымъ дворомъ и мѣстомъ, гдѣ почта была разбита, — и велѣлъ осматривать землю около каждаго дерева и искать на деревьяхъ, нѣтъ ли какой-нибудь замѣтки. Поиски еще продолжались, когда чиновникъ привезъ сюда некрута, подъ хмѣлькомъ, только-что вырваннаго изъ нѣжныхъ объятій вдовы — солдатки... Щекоткинъ тутъ же, на мѣстѣ принялся его допрашивать, а мужики той порой все продолжали искать замѣтки.

— Глядь-ко, Ванюха, говорилъ одинъ, указывая какую-то царапину на одной соснѣ:—никакъ замѣтка?

— Котора?

— Да вонъ ефта.

— Которо мѣсто?

— Эхъ, парень, подыми глаза-ти, повыше-ти маненько...

— Ефта, что ли, спрашивалъ Ванюха, указывая заступомъ на царапину.

— Она и есть...

— А и то, кажись, замѣтка...

Доложили Александру Григорьичу; тотъ приказалъ рыть... Мужики рыли около получаса и ничего не могли дорыться. Вдругъ раздается крикъ изъ другого мѣста:

— Это вы чего вы тамъ копаете? Вотъ гдѣ замѣтка...

— Замѣтка... и тутъ у насъ замѣтка на деревѣ, да толку-то мало...

— Что тамъ у васъ за замѣтка?.. и рослый мужикъ приближается къ мѣсту работы.

— Вонъ, погляди...

Мужикъ вглядывается въ царапину и наконецъ кричитъ:

— Коего праха тутъ вы ищете? Это какъ я давеча мимо проходилъ, такъ заступомъ ударилъ по соснѣ, вотъ она и есть царапина...

— Вишь ты, сказали мужички, а мы думали, что тутъ замѣтка... И всѣ медленно оставили работу и, окруживъ дерево, принялись разсуждать о царапинѣ, введшей ихъ въ заблужденіе...

— И то парень, говоритъ одинъ: — царапина-то заступомъ сдѣлана. Такъ,—какъ есть заступъ.

— И заступъ-отъ Васюхинъ, замѣчалъ другой:—смотри-ко, такъ и отпечатался.

— Эко диво, разсуждалъ третій: — не запримѣтили мы давича, что рана-то совсѣмъ свѣжая.

— Да и земля-то не перерыта, прибавлялъ четвертый.

— А я только что не сказалъ, дополнилъ пятый: — а то самъ я эту сосну еще давеча запримѣтилъ: какъ мы пришли съ первоначалу-то, такъ на ней тутъ чисто было, никакого знака не было...

Разсужденія эти, вѣроятно, продолжались бы еще долго, но Александръ Григорьичъ прервалъ ихъ вопросомъ объ успѣхѣ работы. Ему объяснили, что замѣтка, найденная ими — не замѣтка, а такъ, Васюха заступомъ сдѣлалъ, и что замѣтка отыскана на другомъ деревѣ. Отправились туда копать... Черезъ полчаса и оттуда воротились безъ успѣха: предполагаемая замѣтка состояла въ томъ, что у одной березы сучья были съ одной стороны обломаны; но двое стариковъ, помучась надъ работой съ полчаса, вдругъ вспомнили, что эти сучья ужъ два года какъ обломаны. Осмотръ дерева убѣдилъ, что обломъ, дѣйствительно, давнишній... Опять принялись искать...

Между тѣмъ, Александръ Григорьичъ сильно прижалъ рекрута, крѣпко связаннаго и стоявшаго передъ нимъ уже часа два. Молодой шалунъ не былъ упорнымъ злодѣемъ, и теперь находился въ такомъ состояніи, что хотѣлъ только, чтобы его оставили въ покоѣ. Уже нѣсколько разъ просилъ онъ своего мучителя отпустить душу на покаяніе, отложить допросъ до завтра... Азіятъ былъ непреклоненъ и хлестко билъ въ уши хмѣльнаго и разнѣженнаго рекрута своей дубоватой рѣчью, безпрестанно требуя отъ него отвѣтовъ. Такое состояніе казалось молодому рекруту хуже всякой пытки и казни; онъ потерялъ рѣшительно всякое сознаніе о томъ, что съ нимъ можетъ быть впослѣдствіи, и чувствовалъ только невыносимую тяжесть настоящаго своего положенія. Нѣсколько времени онъ еще крѣпился, но, наконецъ, рѣшился отдѣлаться отъ невыносимаго допроса, разомъ покончивъ все дѣло. Онъ указалъ на срубленную березу, лежавшую между двумя толстыми соснами, возлѣ которыхъ стоялъ Щекоткинъ, и объявилъ, что деньги тутъ... Тотчасъ начали рыть и вырыли пять мѣшковъ, въ которыхъ оказалось пятьдесятъ тысячъ. Выговоривши свое признаніе, рекрутъ сдѣлался вдругъ спокойнѣе и даже веселѣе, точно какая тяжесть свалилась съ него. Но когда деньги были вырыты, въ немъ внезапно явилась какая-то дикая энергія; онъ ударился головой о дерево, потомъ

упалъ на землю и глухо зарыдалъ. Когда его подняли и посадили на телѣгу, чтобъ вести въ деревню, онъ принялся страшно проклинать свое малодушіе, удивляясь дьявольскому навожденію, которое могло такъ его отуманить. Зато Александръ Григорьичъ былъ вполнѣ доволенъ собою и хрюкалъ носомъ чаще и громче обыкновеннаго.

На другой день привезли и остальныхъ участниковъ грабежа. Становой представилъ тысячи три денегъ, у нихъ отобранныхъ; но этого было мало; по разсчетамъ Щекоткина, тутъ недоставало еще тысячъ восьми. Начались опять грозные допросы. Мошенники съ перваго разу во всемъ повинились и объявили, что они успѣли истратить всего пятьсотъ рублей, да тысячу дали, до окончательнаго раздѣла, молодому рекруту, который не хотѣлъ кутить съ ними, а отправился къ своей вдовѣ. Немедленно нарядили обыскъ въ ея домѣ, а рекрута принялись допрашивать. Но тутъ уже и могучій голосъ Щекоткина не помогъ: молодой негодяй, съ изумительнымъ упрямствомъ, въ теченіе цѣлаго дня, отказывался объявить, гдѣ спрятаны деньги, полученныя имъ отъ товарищей. Между тѣмъ, къ вечеру обыскъ возвратился изъ дома вдовы, объявивъ, что ничего не найдено. Александръ Григорьичъ велѣлъ было немедленно взять самое вдову въ колодки, но потомъ вдругъ одумался и самъ поскакалъ къ ней въ домъ, чтобы ее допросить хорошенько. Но оказалось, что это вовсе не нужно: Щекоткинъ съ своими провожатыми застали солдатку за работой: напуганная обыскомъ, она вырывала деньги изъ-подъ крылечка, чтобы запрятать ихъ куда-нибудь подальше. Поспѣшность слѣдователя предупредила ея излишнюю предусмотрительность,—и солдатка, какъ участница въ преступленіи, была взята подъ караулъ, лишенная плодовъ своего злодѣянія. По возвращеніи въ село, Александръ Григорьичъ обратился опять къ допросу пятерыхъ злодѣевъ и выказалъ необычайное искусство въ своемъ дѣлѣ. Первый допросъ запуталъ кругомъ станового, доказавши, что онъ утаилъ часть денегъ, отобранныхъ у воровъ; становой сконфузился и явился къ Щекоткину для особенныхъ объясненій. По окончаніи объясненій, опять пошелъ допросъ, и показанія мошенниковъ начали сбиваться и противорѣчить другъ другу... Еще болѣе запутывалось дѣло показаніями сотни постороннихъ свидѣтелей. Щекоткинъ, отыскавшій деньги, хлопоталъ уже теперь о карѣ преступленія и велѣлъ забирать всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Взяты были, такимъ образомъ, родные мошенниковъ, всѣ, кто когда-нибудь бывалъ у вдовы-солдатки, всѣ, когда-нибудь видѣвшіе мошенниковъ на постояломъ дворѣ, цѣловальники всѣхъ кабаковъ, гдѣ пили злодѣи, всѣ тѣ, кого они встрѣчали въ кабакахъ, у кого что-нибудь купили, у кого спросили о дорогѣ и т. п. Набралось всего человѣкъ полтораста. Противорѣчія показаній были неслыханныя.

— Гдѣ ты купилъ это кольцо серебряное, спрашивали рекрута.

— На ярмаркѣ, въ Гремячихѣ.

— У кого?

— У Григорья Парамонова.

Брали Григорья Парамонова. Тотъ клялся и божился, что знать не знаетъ ничего. Обращались опять къ преступнику съ вопросомъ, кто видѣлъ, что онъ купилъ кольцо у Парамонова... Да староста самъ видѣлъ, отвѣчалъ рекрутъ. Посылали за старостой. Тотъ говорилъ, что не помнитъ, но при очной ставкѣ припоминалъ, что точно видѣлъ рекрута на ярмаркѣ. Григорій Парамоновъ признавался... Далѣе шла рѣчь о цѣнѣ. Мошенникъ говорилъ, что заплатилъ за кольцо цѣлковый, а продавецъ клялся, что взялъ только шесть гривенъ. Разнорѣчіе записывали съ замѣчаніемъ, что кольцо и шести гривенъ не стоитъ, и что мошенникъ явно вретъ, чтобы уменьшить преступленіе и скрыть свою скверную расточительность, показывая издержки болѣе благопристойныя. Замѣчаніе это подтверждалось постоянно дальнѣйшими допросами. Когда дѣло дошло до кабачка, въ которомъ, пили мошенники, то они показали, что всего-то роспили тамъ полштофа. Но свидѣтели показали, что видѣли, какъ одинъ изъ воровъ бросилъ цѣловальнику цѣлковый, не требуя сдачи. Цѣловальникъ, призванный для разрѣшенія противорѣчія, показалъ, что, дѣйствительно, четверо мошенниковъ выпили у него на цѣлковый, т.-е. три полштофа, при которыхъ и закуски требовали. Здѣсь уже явно виденъ былъ умыселъ злодѣевъ скрыть свое преступное мотовство и оставить слѣдователей въ недоумѣніи на счетъ затраты денегъ, которыхъ, все-таки, еще много недоставало до полной суммы... Для возвращенія казенныхъ суммъ отовсюду, откуда только было возможно, приняты были всѣ мѣры. Григорья Парамонова заставили возвратить рубль, сообразно показанію рекрута; а потомъ посадили подъ караулъ, вмѣстѣ съ другими, за сношенія съ преступниками, и взяли пять рублей штрафа за то, что учинилъ противозаконную продажу разбойнику, котораго долженъ былъ бы схватить на мѣстѣ и немедленно предать въ руки правосудія. Черезъ нѣсколько дней Парамонова выпустили, но не ранѣе, какъ онъ оставилъ двадцать пять рублей въ рукахъ слѣдователя, для

удостовѣренія, что никуда не убѣжитъ и явится къ допросу по первому востребованію. На тѣхъ же основаніяхъ, послѣ предварительныхъ контрибуцій отпущены были и цѣловальники и другіе податные люди, захваченные по подозрѣнію въ прикосновенности къ дѣлу. Вся исторія продолжалась недѣли три. Наконецъ, Александръ Григорьичъ приготовился къ послѣднему, рѣшительному допросу. Онъ не спалъ почти цѣлую ночь, потомъ, прогулявшись поутру, занялся пересмотромъ всѣхъ допросныхъ показаній, пообѣдалъ весьма рано и улегся спать. Спалъ онъ часовъ семнадцать. Около десяти часовъ утра проснулся онъ, напился чаю и немножко послѣ полудня принялся за допросъ. Всѣ злодѣи стояли передъ нимъ посреди комнаты, связанные. Допрашивалъ онъ ихъ весь тотъ день, до вечера, допрашивалъ всю ночь, до самаго утра; допрашивалъ на слѣдующій день съ утра до поздняго вечера... Тридцать два часа простояли предъ нимъ преступники ни разу не присаживаясь, ни на что не опираясь, кромѣ какъ другъ на друга. Долго крѣпились они и все твердили свое, что они изъ всѣхъ денегъ всего только сотъ пять истратили, да пять тысячъ хозяину постоялаго двора дали, но наконецъ, всѣ умаялись и, оставивъ упрямство свое, единодушно, одинъ за другимъ, показали все, чего добивался Александръ Григорьичъ. Оказалось, что злодѣи, по совершеніи преступленія, кутили страшно и сыпали деньги направо и налѣво, не считая. За каждую вещь платили они вдесятеро противъ настоящей цѣны, и кромѣ того, просто теряли еще больше денегъ, чѣмъ тратили. По ихъ собственнымъ припоминаніямъ, прокутили они такимъ образомъ денегъ въ одну недѣлю около семи тысячъ: цифра эта какъ разъ совпадала съ суммой, которой въ отысканныхъ деньгахъ недоставало до ихъ настоящаго количества, отправленнаго съ транспортомъ. Такимъ образомъ, все было приведено въ ясность. Неутомимость и дѣятельность мѣстнаго начальства торжествовала въ лицѣ Щекоткина, который на другой же день составилъ объ успѣшномъ окончаніи слѣдствія донесеніе, полное величаваго спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной гордости и сознанія своего собственнаго достоинства. По его словамъ, пойманные имъ разбойники были закоренѣлые злодѣи, давно уже укрывавшіеся отъ бдительности полиціи; но при существующемъ порядкѣ управленія, они не смѣли и думать о нападеніи на казенный транспортъ, и все случившееся произошло отъ недоразумѣнія. Разбойники думали, что ѣдетъ какой-нибудь богатый купецъ въ дилижансѣ, при которомъ только и были — мальчишка-ямщикъ, кондукторъ, да еще одинъ провожатый, сидѣвшій внутри кареты. Остановили лошадей, свалили наземь ямщика, бросились внутрь кареты,—но тамъ уже никого не было: провожатый, равно какъ и кондукторъ, обратились въ бѣгство. Ночь была еще въ началѣ, лѣсъ возлѣ, вблизи ни одной деревеньки, и мошенники совершенно безопасно могли разобрать все добро, которымъ нагружена была карета. Но когда они увидѣли, что тутъ все деньги, и догадались, что деньги казенныя, то, по собственному ихъ признанію, голова у нихъ закружилась и руки затряслись отъ страха. Они пустились бѣжать, точно ихъ гналъ кто-нибудь, — да ужъ пробѣжавши — такъ шаговъ двѣсти, — опомнились они и остановились. Начали разсуждать они, и словно какъ будто жалко имъ стало даромъ оставить такое сокровище. Хоть бы одинъ мѣшочекъ утащить, порѣшили они, и побѣжали назадъ. Ну, а какъ подошли къ каретѣ-то, да увидѣли, что возлѣ нея никого нѣтъ и даже мальчишка-ямщикъ, отпрягши лошадей, куда-то скрылся; то ужъ какъ-то лукавый и совсѣмъ ихъ попуталъ: вмѣсто одного-то мѣшечка, рѣшились они забрать ужъ лучше все, что только можно. Такъ разсказывали преступники и разсказъ ихъ подробно прописанъ былъ въ донесеніи Александра Григорьича, находившаго, впрочемъ, въ семъ вымыслѣ новое доказательство преступной опытности и изобрѣтательности закоренѣлыхъ злодѣевъ. «Только неусыпная моя дѣятельность и опытность въ подобныхъ дѣлахъ, заключалъ Щекоткинъ, только самыя очевидныя свидѣтельства и соображенія относительно преступленія и, наконецъ, мѣры благоразумной кротости, состоявшія въ строго-соображенномъ и обдуманномъ увѣщаніи и разговорѣ съ разбойниками, продолжавшемся болѣе 30 часовъ сряду, могли, наконецъ, подѣйствовать на огрубѣлыя въ преступленіи сердца ихъ и привести къ полному сознанію въ преступленіи, съ объясненіемъ всѣхъ его причинъ и обстоятельствъ. Донося о семъ вашему превосходительству, священнымъ долгомъ почитаю обратить вниманіе вашего превосходительства на то обстоятельство, что вся почти пропавшая сумма, именно 94.483 р. 75 копѣекъ сер. отыскана мною, и такимъ образомъ сдѣланъ казнѣ значительный и явный прибытокъ;—о растратѣ же преступниками остальной суммы 7.512 р. 25 копѣекъ имѣются подробныя свѣдѣнія».

Донесеніе было принято, разумѣется, съ особеннымъ благоволеніемъ и послужило основаніемъ для распоряженій, которыми мѣстное начальство справедливо покарало порокъ и наградило добродѣтель. Лучшая

награда досталась, по всей справедливости, Щекоткину, который «за пріобрѣтеніе для казны столь значительной суммы денегъ и за приведеніе кроткими мѣрами закоренѣлыхъ разбойниковъ къ полному сознанію и чистосердечному раскаянію, на основаніи такой-то статьи статута объ орденѣ св. Владиміра, представленъ къ награжденію симъ орденомъ 4-й степени для ношенія въ петлицѣ».

Но, несмотря на очевидность заслугъ Щекоткина общему дѣлу, нашлись клеветники, увѣрявшіе, что онъ остался не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ самыхъ усердныхъ распространителей такой клеветы былъ становой, посыланный для поимки преступниковъ; ему помогали—глухаревскій исправникъ и чиновникъ, бывшій на слѣдствіи вмѣстѣ со Щекоткинымъ, въ качествѣ его помощника. Общественное мнѣніе давно не любило Александра Григорьевича за его «азіятство» и потому обрадовалось новому, неблагопріятному для него, слуху. Разсказывали вещи несбыточныя, разсказывали и анекдоты, имѣвшіе всѣ признаки исторической истины, но тѣмъ не менѣе ложные. Говорили, напримѣръ, что первыя показанія разбойниковъ о пяти тысячахъ, данныхъ хозяину постоялаго двора, какъ-то проходили каждый разъ незамѣченными, и что хозяинъ ни разу на этотъ счетъ допрашиванъ не былъ. Слухъ этотъ явно противорѣчилъ офиціальнымъ даннымъ, сообщеннымъ Александромъ Григорьичемъ; тамъ именно было указано, что при повальномъ обыскѣ означенныхъ пяти тысячъ найдено не было, и сами преступники потомъ сознались, что показывали такъ, единственно желая прикрыть свою распутную расточительность. Тѣмъ не менѣе, многіе вѣрили слуху и придавали ему большое значеніе. Дошло до того, что самъ губернаторъ разъ, по окончаніи какого-то доклада, сказалъ Александру Григорьичу:

— Что это, Александръ Григорьичъ, тутъ идетъ слухъ о какихъ-то еще пяти тысячахъ, которыя еще найдены были или могли найтись у содержателя постоялаго двора?

— Объ этомъ обо всемъ я имѣлъ ужъ честь доносить вашему превосходительству, угрюмо отвѣчалъ азіятъ.

— Но это обстоятельство какъ-то не совсѣмъ уяснено, снова замѣтилъ его превосходительство.

— Да вы, ваше превосходительство, читали донесенія-то мои, или нѣтъ, рѣзко спросилъ Щекоткинъ,—и тотчасъ же продолжалъ: какъ же не уяснено, когда точный итогъ подведенъ. Изъ 102 тысячъ почти 95 возвращены, а о растратѣ семи тысячъ—именныя свидѣтельства полутораста человѣкъ и собственныя признанія преступниковъ приведены. Какія-жъ тутъ еще пять тысячъ, ваше превосходительство?

— Да, но... т.-е. я хотѣлъ сказать, что дѣло относительно содержателя постоялаго двора не ясно представлено, возразилъ губернаторъ, уже тономъ ниже.

— Да этотъ содержатель просто дуракъ, ваше превосходительство, котораго выпороть слѣдуетъ—больше ничего. Ему, я думаю, и во снѣ не снились пять-то тысячъ,—не то, что наяву. Впрочемъ, если вашему превосходительству не угодно цѣнить мое усердіе, то не угодно ли новое слѣдствіе нарядить?

— Я не знаю... т.-е. если этого потребуютъ обстоятельства, отвѣчалъ начальникъ, уже чрезвычайно нерѣшительно, какъ бы преклоняясь предъ избыткомъ энергіи подчиненнаго.

— А я, нужно вамъ сказать откровенно, ваше превосходительство, сдѣлалъ здѣсь то, чего бы никто другой не сдѣлалъ. Я посѣдѣлъ и похудѣлъ въ этотъ мѣсяцъ, ваше превосходительство. Я даже и послѣ окончанія допросовъ и отправленія сюда послѣднихъ донесеній, все заботился о дѣлѣ. Но больше ничего нельзя было сдѣлать. Все, что мнѣ удалось, это—открыть еще пятьсотъ рублей въ щели, между лавкой и стѣной, въ одномъ домѣ, гдѣ мошенники ночевали и, вѣрно, обронили пачку ассигнацій. Ихъ я вашему превосходительству представлю сегодня же; теперь же хотѣлъ только спросить,—при рапортѣ ихъ представить, или такъ?

— При рапортѣ, конечно—при рапортѣ; какъ же иначе?

— Собственно, дѣло-то вѣдь теперь ужъ кончено и вами отослано; такъ я думалъ, что, можетъ быть, это еще подастъ поводъ къ какимъ-нибудь придиркамъ.

— Нѣтъ-съ, ничего,—отвѣчалъ Михаилъ Александровичъ, уже совершенно ласково,—можно дополнительный рапортъ на мое имя сдѣлать. Еще лучше: это именно покажетъ, что неусыпная ваша заботливость не прекращается...

И служители правосудія разстались друзьями. Замыслы недоброжелателей—повредить Щекоткину въ служебномъ отношеніи—не удались.

Не болѣе успѣха имѣли коварныя посягательства на разстройство семейной жизни Александра Григорьевича. Цѣломудренныя старыя дѣвы десятками ходили къ Иринѣ Ѳедоровнѣ, возвратившейся между тѣмъ изъ окрестностей Глухарева съ нѣсколькими возами всякаго варенья и соленья,—и на ухо пересказывали ей подъ секретомъ,

краснѣя отъ стыда и негодованія, то, что цѣлый городъ трубитъ. Городъ трубилъ, видите,—будто Александръ Григорьевичъ допросы молодыхъ бабъ подводилъ всегда къ вечеру и потомъ оставлялъ ихъ до утра подъ стражей въ избѣ постоялаго двора, смежной съ его собственной комнатой. Далѣе цѣломудренныя дѣвы не разсказывали, а прибавляли только, что вчера или на дняхъ «сама уже, матушка Ирина Ѳедоровна,—слышала отъ одной бабы... Приходила къ намъ съ холстомъ, такъ просто слушать мерзко, какъ онъ надъ ней безстыдничалъ. За то только и выпустилъ»... и т. п.

Щекоткину удалось застать одну изъ первыхъ вѣстовщицъ, пришедшихъ къ его женѣ, въ самомъ жару разсказа. Ирина Ѳедоровна тутъ же обратилась къ нему съ упреками; дѣва, хотя особа почтенная, тетка губернскаго прокурора и внучатная сестра старшаго совѣтника губернскаго правленія,—сильно, однако же, струсила, зная нравъ «азіята», и старалась умѣрить гнѣвные порывы Ирины Ѳедоровны, приговаривая, что это все, вѣдь, люди говорятъ, а, можетъ быть, это все злые люди и нарочно выдумали. Такая уловка только повредила; Ирина Ѳедоровна тотчасъ накинулась: какъ люди говорили? да не сами ли вы сказали, что баба съ холстомъ сама вамъ разсказывала, какъ... И пошло подробное изложеніе обвинительныхъ пунктовъ противъ мужа. Александръ Григорьевичъ не долго думалъ... Онъ велѣлъ женѣ замолчать, и потомъ грозно и рѣшительно, хотя совершенно хладнокровно сказалъ старой дѣвѣ:

— Любите, матушка, языкъ-то почесать; только не расчешите, чтобы больно не было. Чѣмъ этакую-то мерзость врать, вы лучше приведите-ко сюда бабу-то эту; тогда мы и посмотримъ... Слышите? Иначе и не смѣйте къ намъ являться, какъ вмѣстѣ съ бабой,—да при мнѣ... А коли еще разъ однѣ пожалуете, такъ и дверей у меня не найдете,—черезъ окошко домой отправитесь... Ступайте же скорѣе,—отыскивайте свою бабу.

Выговоривъ это, азіятъ неподвижно уставился на смущенную дѣву, которая въ такомъ необычайномъ случаѣ, сочла за самое приличное—заплакать и, произнесши нѣсколько жалобныхъ словъ, прерываемыхъ рыданіями и всхлипываньями,—отправиться восвояси. Послѣ ея ухода, Ирина Ѳедоровна продолжала еще нѣкоторыя демонстраціи мужу, но онъ уже не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Мѣсяца два неблагонамѣренные толки на счетъ Щекоткина были неугомонны. Но навѣрное никто ничего не могъ сказать, и, надобно отдать честь осторожности покорскихъ гражданъ,—всѣ они ругали азіята, только за глаза,—въ непосредственныхъ же сношеніяхъ съ нимъ выказывали прежнее уваженіе и съ довѣрчивымъ вниманіемъ выслушивали его собственный разсказъ о совершенныхъ имъ подвигахъ. Правда, что и Александръ Григорьевичъ велъ себя примѣрно: онъ подхватывалъ малѣйшій намекъ, неблагопріятный для себя, съ благороднымъ прямодушіемъ и рѣзкостью тона выводилъ наружу тайную мысль своего собесѣдника и начиналъ опровергать ее положительными фактами, заимствованными изъ официальныхъ данныхъ или основанными на собственномъ авторитетѣ непоколебимаго азіята. На всякое—«говорятъ»,—онъ возражалъ съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства: «да что говорятъ, вы мнѣ повѣрьте; я-то вѣдь ужъ лучше знаю все это дѣло; оно все черезъ мои руки шло. Такъ кому лучше знать-то, мнѣ или какому-нибудь Петру Васильичу, который ни разу и на слѣдствіи-то не бывалъ?» Противъ такихъ резоновъ спорить было нельзя, и коварный изобрѣтатель намека всегда оставался посрамленнымъ.

Толки возобновились, съ большимъ еще ожесточеніемъ, тогда, когда Александръ Григорьевичъ явился въ первый разъ предъ покорскимъ обществомъ съ Владиміромъ въ петличкѣ. Со времени происшествія прошло болѣе полугода, и, какъ всегда, отдаленность времени придала всему происшествію колоритъ нѣсколько фантастическій. Въ легендѣ, сочиненной объ отысканіи денегъ, Щекоткинъ являлся какимъ-то Аттиллой, съ прибавленіемъ утонченныхъ продѣлокъ подьячества. Говорили, что Щекоткинъ возилъ по цѣлому уѣзду, точно мертвое тѣло, своего писаря подъ именемъ кондуктора, бывшаго при почтѣ; въ каждомъ селѣ созывалъ сходку, ставилъ всѣхъ крестьянъ въ рядъ и заставлялъ кондуктора, проходя по рядамъ, узнавать, кто изъ крестьянъ былъ въ числѣ разбойниковъ. Писарь говорилъ, что какъ будто признаетъ человѣкъ двухъ, трехъ, что чуть ли самъ староста не былъ въ ихъ числѣ, но что окончательно онъ можетъ сказать это только послѣ ночного осмотра, такъ какъ лица днемъ нѣсколько иначе кажутся, чѣмъ ночью. Назначался ночной смотръ и мужики оставались въ недоумѣніи, на кого же падетъ грозное обвиненіе. Подъ вечеръ являлся староста съ поклономъ, что, дескать, нельзя ли, батюшка, ослободить. Слѣдователь говорилъ, что, пожалуй, и можно, ежели согласятся мужички внести часть разграбленныхъ денегъ въ казну государеву. Мужички соглашались, и тутъ, смотря по достатку села, накладывалъ на нихъ Александръ Григорье-

вичъ то по четвертачку, то по три гривенничка, а гдѣ и по полтинничку съ души. Да такъ-то шестьдесятъ тысячъ душъ объѣздилъ, прибавляли разсказчики (а иные говорили и 80, нѣкоторые даже до 100 доходили); такъ посудите сами, хоть по четвертаку, такъ 60 тысячъ четвертаковъ, вѣдь, это пятнадцать тысячъ. Никто не возражалъ противъ этихъ разсказовъ, хотя всѣ почти знали, что Щекоткину не было времени для подобной продѣлки и,—главное,—что она съ успѣхомъ совершена была другимъ, еще лѣтъ за десять до исторіи съ почтой. Но Щекоткинъ былъ теперь героемъ современности, и къ нему, какъ всегда бываетъ въ народныхъ преданіяхъ, относили большую часть даже и тѣхъ подвиговъ, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они совершены другими.

Случалось иногда, въ первую пору всеобщаго движенія языковъ, что Александръ Григорьевичъ внезапно появлялся въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ шелъ ожесточенный разсказъ о его злодѣяніяхъ. Тогда, разумѣется, всѣ окружали его и начинали привѣтливо поздравлять съ монаршей милостью; разсказъ прекращался самъ собою. Развѣ только иной вѣжливый хозяинъ снова заводилъ разговоръ: а мы вотъ только сейчасъ говорили о вашей исторіи, Александръ Григорьевичъ. Въ отвѣтъ на это Александръ Григорьевичъ хрюкалъ и молча устремлялъ на хозяина свои безстрастные взоры. Если его просили, то онъ самъ начиналъ разсказывать о своихъ подвигахъ, съ такимъ видомъ, какъ будто бы читалъ протоколъ о дѣлѣ, совершенно для него постороннемъ,—ровно, спокойно, безъ малѣйшей аффектаціи, словомъ какъ дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый. Не нужно прибавлять, что его разсказъ отличался офиціальной точностью и достовѣрностью, хотя слушатели, по выходѣ его, и говорили съ чувствомъ благороднаго негодованія: вотъ мерзавецъ-то! Вретъ и не краснѣетъ!..

Но не отъ рѣчей людскихъ, пустыхъ и неосновательныхъ, зависитъ благоденствіе человѣка,—справедливо замѣчаютъ практическіе люди. Несмотря на всеобщее противъ себя озлобленіе, Александръ Григорьевичъ въ томъ же году весьма выгодно купилъ одно, продававшееся по случаю имѣніе, душъ около 200, пользуясь правомъ, которое давала ему четвертая степень Владиміра. Снова поднялись вопли озлобленія, снова перебрали всю прошедшую жизнь Александра Григорьевича и разобрали даже жизнь и дѣянія его родителя Григорія Петровича, добирались даже до его дѣдушки, но, къ счастію его старческаго праха, въ Покорскѣ не отыскалось человѣка, который бы могъ сказать не à priori, что у Александра Григорьевича былъ какой-нибудь дѣдушка. По здравому смыслу, таковое невѣжество должно бы, конечно, упасть на главу самихъ же покорскихъ гражданъ и покрыть ихъ посрамленіемъ; но нашлись искусники, умѣвшіе доказать всему городу, что того, чего они не знаютъ, нѣтъ и не бывало на свѣтѣ, и не бывало именно потому, что они не знаютъ этого. Такимъ образомъ, разборъ родословной Александра Григорьевича въ покорскихъ аристократическихъ кругахъ привелъ къ рѣшительному заключенію, что у Щекоткина нѣтъ предковъ, нѣтъ даже дѣдушки, и что онъ съ своимъ отцомъ произошелъ изъ грязи... Ожесточеніе дошло до того, что *лучшіе люди* города Покорска не хотѣли имѣть никакого дѣла съ Щекоткинымъ, развѣ ужъ случалась какая-нибудь надобность. Такая надобность встрѣтилась, напр., весьма многимъ въ началѣ осени,—когда начали носиться слухи, что губернатора куда-то переводятъ изъ Покорска, и что на его мѣсто назначается какой-то родственникъ Ирины Ѳедоровны... Къ Александру Григорьевичу, какъ человѣку, близкому къ его превосходительству, приступали всѣ съ вопросами: правда-ли, что мы лишаемся нашего добраго, благодѣтельнаго начальника? Когда же Щекоткинъ говорилъ, что это очень вѣроятно, вопрошающіе обыкновенно прибавляли: впрочемъ, говорятъ, что мы будемъ вполнѣ утѣшены и вознаграждены новымъ назначеніемъ? Объ этомъ еще ничего неизвѣстно, отрывисто отвѣчалъ всегда Александръ Григорьевичъ, и больше отъ него нельзя было добиться ни одного слова... Прикидывается, бестія, думали любопытные граждане; впрочемъ, ужъ насъ-то не надуетъ: знаемъ мы его, мошенника.

Слухи о смѣнѣ губернатора оказались пока ложными. Но Щекоткинъ имѣлъ нѣкоторыя основанія полагать, что они сбудутся въ непродолжительномъ времени, исключая, разумѣется, толковъ о родственникѣ Ирины Ѳедоровны, потому что у ней самый почетный родственникъ былъ совѣтникомъ казенной палаты, изъ которыхъ въ губернаторы, какъ извѣстно, мудрено попасть. Сообразивши всѣ обстоятельства, Александръ Григорьичъ рѣшился служить по выборамъ и заявилъ претензію на должность предсѣдателя уголовной палаты, умершаго въ октябрѣ мѣсяцѣ, почти передъ самыми выборами. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе безроднаго «азіята», во всемъ городѣ поднялось ужаснѣйшее волненіе.

— Это ужъ будетъ курамъ на смѣхъ, говорилъ уѣздный предводитель дворян-

ства:—что мы будемъ за дворяне, когда всякую выскочку въ свой кругъ пускать будемъ?

— И съ европейскими понятіями совершенно несогласно, острилъ вице-губернаторъ: — вручить такой важный постъ «азіяту».

— И эта свинюшка съ своимъ хрюканьемъ будетъ имѣть голосъ между нами, отзывался пріѣзжій изъ уѣзда помѣщикъ.

— Да наконецъ, эта должность можетъ быть поручена другому кому-нибудь, горячо вступилъ въ разговоръ молодой товарищъ предсѣдателя гражданской палаты: — да я самъ, наконецъ, думалъ объ этой должности... потому что здѣсь нуженъ именно человѣкъ благонамѣренный, добросовѣстный и умѣющій понимать высшія требованія человѣчества. Здѣсь не палачъ нуженъ, а нуженъ самоотверженный, непреклонный въ правдѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проникнутый гуманными чувствами служитель правосудія. А тутъ, помилуйте, какія же гуманныя чувства въ этомъ сфинксѣ?

Всѣ соглашались, что въ сфинксѣ гуманныхъ чувствъ нѣтъ ни на полушку, и что въ уголовную палату опредѣлить его, дѣйствительно, нельзя. Но о товарищѣ предсѣдателя собесѣдники отозвались, вскорѣ послѣ этого разговора, тоже не совсѣмъ хорошо. Вице-губернаторъ назвалъ его шутомъ гороховымъ, а помѣщикъ выразился, что этотъ малый съ своими *туманными* чувствами просто вѣтеръ, и больше ничего. Замѣчаніе было, конечно, болѣе справедливо, нежели остроумно.

Прошелъ мѣсяцъ. Надъ притязаніями Александра Григорьича смѣялись даже писцы уголовной палаты. Онъ зналъ свое положеніе, но не унывалъ. Губернаторъ былъ на его сторонѣ, и въ одинъ высоко-торжественный день, на большомъ офиціальномъ завтракѣ у градскаго главы сказалъ даже прямо, что, вѣроятно, Александръ Григорьичъ вполнѣ замѣнитъ покойнаго Парѳена Игнатьича. Всѣ присутствовавшіе переглянулись между собою съ весьма значительнымъ видомъ и, по окончаніи завтрака, сами старались заговорить съ азіятомъ относительно его намѣренія баллотироваться. Почти каждый счелъ своимъ долгомъ увѣрить Щекоткина въ своемъ всегдашнемъ расположеніи и предостеречь отъ козней другихъ, которые «всегда точатъ зубы на человѣка». Александръ Григорьичъ отвѣчалъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ полною увѣренностью въ своемъ успѣхѣ, что никто въ Покорскѣ лучше его на этомъ мѣстѣ не будетъ.

— Вы послушайте молокососовъ-то, говорилъ онъ вслухъ,—невзирая даже на присутствіе задорнаго товарища предсѣдателя гражданской палаты,—такъ они вамъ такихъ турусовъ на колесахъ наскажутъ, что вы только ротъ разинете. А какъ примутся они за дѣло, такъ только горе съ ними. У меня былъ одинъ чиновникъ этакой-то. Бывало, слѣдствіе: вотъ онъ и допрашиваетъ. Кто ты такой, откуда?—Не помню, говоритъ. Онъ и вспылитъ тотчасъ. Какъ, мошенникъ,—ты, говоритъ, самъ себя не помнишь? Да сейчасъ и въ рыло. Тотъ сейчасъ и смекнетъ, бестія, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ. Когда, говоритъ, вы драться изволите, такъ я ни на что отвѣчать не буду. Пусть меня другіе допрашиваютъ,—тогда отвѣчать стану. Такъ вѣдь, повѣрите ли, до чего эта дрянь струситъ, бывало, и осовѣетъ: упрашивать начнетъ, преступника-то упрашивать,—чтобы тотъ отвѣчалъ что-нибудь. Ну, тотъ и вретъ ужъ, разумѣется, послѣ этого, насколько силы хватитъ. А тутъ надо главное—съ этими канальями умѣть обращаться; я ужъ тутъ опытенъ; меня учить нечего. Нѣсколько сотъ уже, я думаю, на своемъ вѣку слѣдствій-то произвелъ, и всегда отъ начальства благодарность получалъ... И ужъ дѣйствительно, могу сказать, что присягу исполняю, не то, что другіе... У меня, когда слѣдствіе, такъ ни сна, ни аппетита, ни заботы другой, кромѣ дѣла. Иной разъ ночью встанешь, да за бумаги примешься... Кто это нынче станетъ дѣлать? скажите-ко, кому нужно дѣло-то дѣлать, какъ слѣдуетъ? Говорить-то много есть охотниковъ... Да что въ нихъ!

Александръ Григорьичъ говорилъ, какъ всегда, тономъ недопускающимъ возраженій, твердо, рѣшительно, хотя безъ малѣйшаго азарта. Никто не осмѣлился противорѣчить ему; только товарищъ предсѣдателя, задѣтый за живое, попросилъ, запинаясь, «указать, наконецъ, этихъ тунеядцевъ, умѣющихъ только говорить, а не дѣло дѣлать».

— И указывать нечего: на выборахъ само собою окажется, лаконически отвѣчалъ Щекоткинъ,—и забастовалъ: въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ уже не принималъ никакого участія и отвѣчалъ на вопросы только односложными фразами, въ родѣ «да» и «нѣтъ».

— А, вѣдь, каковъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ предсѣдатели лѣзетъ, — говорилъ товарищъ предсѣдателя совѣтнику, выходя отъ градскаго главы послѣ завтрака.

— Да неужто же вы это допустите! Вамъ надо самимъ балотироваться, увѣрительно отвѣчалъ совѣтникъ.

— Но знаете, вѣдь, тутъ ни на кого положиться нельзя. Они собственной пользы не понимаютъ.

— Да-съ, это конечно.

— Просто на всѣхъ хоть рукой махни, рѣзко заключилъ товарищъ предсѣдателя, садясь въ сани.

Совѣтникъ пошелъ пѣшкомъ и на углу улицы догналъ одного изъ ассесоровъ губернскаго правленія.

— Павелъ Дмитричъ, кричалъ онъ, Павелъ Дмитричъ! Имѣю честь поздравить: какъ васъ честятъ нынче!..

— Это что значитъ?

— А вотъ сейчасъ Сушкинъ говорилъ. И положиться-то, говоритъ, ни на кого нельзя, и проку-то ни въ комъ нѣтъ, и на всѣхъ рукой махнуть надобно...

— Да что онъ, съ ума, что ли, сошелъ?

— Нѣтъ, а просто озлился, что Щекоткина, а не его, въ уголовную палату хотятъ выбрать.

— Ну, признаться вамъ сказать, — оба хороши. Щекоткинъ этотъ тоже продувной! Онъ только что смотритъ этакимъ, а самъ себѣ на умѣ. Вотъ ужъ кому палецъ-то въ ротъ не кладите. Знаемъ мы его, часто въ правленіи-то такія штуки сочинитъ, что чортъ знаетъ, просто... бьются, бьются. А все изъ за чего? Чтобы слупить что-нибудь. Не даромъ деревню-то нажилъ.

— Да еще и другую наживетъ, Павелъ Дмитричъ. Дайте ему только въ предсѣдатели-то попасть.

— Желалъ бы я знать, кто его туда пуститъ. Если бы у меня было пятьдесятъ шаровъ въ рукахъ, всѣ бы ему, канальѣ, черные положилъ.

Общее мнѣніе было, слѣдовательно, неблагопріятно для Александра Григорьича. Не надѣясь измѣнить его въ свою пользу, онъ не далъ даже ни одного обѣда передъ выборами и не сдѣлалъ ни одной вечеринки. За нѣсколько дней до открытія выборовъ, губернскій предводитель давалъ балъ, такъ какъ время было праздничное, — святки. Тутъ собралось все благородное дворянство покорское, и, между прочими разговорами, зашла было рѣчь и о Щекоткинѣ. Всѣ отзывались о немъ невыгодно и расположены были явно противъ него. Появленіе въ гостиной самого Александра Григорьича помѣшало, впрочемъ, дальнѣйшему продолженію совѣщанія, и многія думы остались невысказаны. Между тѣмъ Щекоткинъ, не теряя времени даромъ, немедленно началъ разговоръ о предстоящихъ выборахъ, началъ хвалить губернатора и ругать неопытныхъ молокососовъ, потомъ перешелъ къ уголовнымъ дѣламъ и, наконецъ, прямо спросилъ окружающихъ, неужели они не захотятъ понять своей пользы и не выберутъ его на мѣсто, на которомъ никто лучше его сидѣть не съумѣетъ? Общество смутилось и отвѣтствовало молчаніемъ. Щекоткинъ, оставивъ общую аттаку, попробовалъ сдѣлать частныя нападенія.

— Что же вы, напримѣръ, Павелъ Дмитричъ, обратился онъ къ сидѣвшему возлѣ ассесору, такимъ тономъ, какъ обыкновенно учитель выговариваетъ ученику за незнаніе самой простой вещи, неужто вы меня забракуете? А?

— Нѣтъ-съ, помилуйте, Александръ Григорьичъ, отвѣчалъ смущенный ассесоръ, вспоминая недавній разговоръ съ совѣтникомъ: — я не понимаю, почему вы именно обо мнѣ такъ думаете...

— Объ васъ-то я, правду сказать, и не думаю, потому что знаю васъ; а вотъ, я думаю, господа-то помѣщики противъ меня будутъ, отвѣчалъ Щекоткинъ, обращаясь къ тремъ помѣщикамъ, сидѣвшимъ съ другой стороны.

— Намъ-то что за дѣло до уголовной, возразилъ одинъ изъ нихъ. Дай Богъ вѣкъ не знать ея... Я и шара класть не буду, а ужъ если положу, такъ, вѣрно, всякому бѣлый: что порочить человѣка, съ которымъ никогда, Богъ дастъ, и дѣла имѣть не придется.

— Да это, вѣдь, вы такъ говорите, Александръ Андреичъ. А вотъ Василій Трифонычъ не то думаетъ, замѣтилъ Щекоткинъ, указывая на того помѣщика, который называлъ его свинюшкой...

— Я, отвѣчалъ этотъ, смутившись, я ничего не думаю. Напротивъ.

— Такъ и вы, значитъ, понимаете, что надо поддержать меня?.. Вы мнѣ обѣщаете, Василій Трифонычъ?

— Да-съ, я... разумѣется...

— Благодарю васъ, Василій Трифонычъ. А я, признаться, на васъ не надѣялся... Вотъ я еще Андрея Семеныча боюсь, обратился онъ къ уѣздному покорскому предводителю.

— Ну, объ этомъ оставимъ, Александръ Григорьичъ, язвительно возразилъ предводитель.—На выборахъ само собой все окажется, прибавилъ онъ, пародируя отвѣтъ, данный недавно самимъ Щекоткинымъ товарищу предсѣдателя.

— Это вы потому говорите, Андрей Семенычъ, что не хотите прямо отказать мнѣ. Да отчего же не сказать прямо? Я, вѣдь, не навязываюсь и не упрашиваю. Я, только говорю, чтобы на общую пользу обратили вниманіе. Черезъ мои руки уголовныхъ-то дѣлъ столько перешло, что я ужъ точно вѣкъ палатой управлялъ теперь же. Этого вы у меня отнять не можете?

— О вашей опытности никто не споритъ...

— Такъ что же вы противъ меня имѣете? Взяточникъ, что ли я? или дѣлами не занимаюсь, барствую? Или глупъ, способности не имѣю? Скажите, чтобы всѣ знали, что вы за мной замѣтили?

— Я не говорю, чтобы замѣтилъ что-нибудь...

— А что же?

— Я просто сказалъ, что нужно до выборовъ оставить, и только. А тамъ,—что будетъ.

— Да какъ же это — что будетъ... я думаю, мужики на сходкѣ, и тѣ сначала посовѣтуются, а тутъ ужъ толковать принимаются. А дворянство-то должно предварительно разсудить обо всемъ хорошенько... Я потому васъ и спрашиваю, что знаю, вы человѣкъ сильный, вамъ вѣрятъ, такъ я и хочу знать, чего мнѣ ждать нужно. Я позорить своего дворянства не хочу: оно у меня заслуженное. Коли увижу, что меня не хотятъ, такъ и Богъ съ вами... У меня мѣсто; Михаилъ Александрычъ меня любитъ, я и хочу знать заранѣе, поддержите вы меня, или нѣтъ?

— Я, право, затрудняюсь. Тамъ, вѣдь, разныя будутъ обстоятельства...

— Да что обстоятельства. Это отговорка одна... Ну, такъ скажите: коли особенныхъ обстоятельствъ не будете, такъ вы меня поддержите? Ничего вы противъ меня не имѣете?

— Нѣтъ-съ, что же мнѣ именно имѣть противъ васъ...

— Ну, значитъ вы во всякомъ случаѣ противъ меня-то не будете... Этого я всегда отъ васъ надѣялся. Вы, конечно, своему слову не измѣните.

Такъ обошелъ Александръ Григорьичъ всѣхъ людей, имѣвшихъ какое-нибудь вліяніе на выборахъ, и у всѣхъ умѣлъ вытянуть благопріятный отвѣтъ. Никто не нашелъ въ себѣ силы сопротивляться его убѣжденіямъ, никто не умѣлъ уклониться отъ прямого отвѣта: вопросъ былъ поставленъ слишкомъ прямо, и при томъ, сдѣлавши его, Щекоткинъ обыкновенно уставлялъ неподвижный взглядъ на вопрошаемаго и ждалъ. Взгляда этого никто не могъ выдержать. Иные давали обѣщаніе съ намѣреніемъ—не исполнять его, но другіе, давши отвѣтъ утвердительный, уже совѣстились потомъ не исполнить своего слова. Да и изъ людей, хотѣвшихъ сначала просто отвязаться отъ Щекоткина, обманувши его, нѣкоторые были поражены замѣчаніемъ, которое онъ часто повторялъ въ этотъ вечеръ, что «честный человѣкъ, и особенно дворянинъ, своему слову не измѣнитъ»... Кромѣ того, много нашлось людей, которые серьезно убѣдились разсужденіями Александра Григорьича и дали ему свое обѣщаніе отъ чистаго сердца. Все это привело къ тому, что Александръ Григорьичъ выбранъ былъ наконецъ въ предсѣдатели уголовной палаты значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Черезъ два дня послѣ выборовъ, товарищъ предсѣдателя столкнулся съ губернскимъ стряпчимъ, у подъѣзда Александра Григорьича.

— Откуда это, Николай Владимирычъ,— не безъ ироніи спросилъ стряпчій, поглядывая на крыльцо, съ котораго сходилъ Сушкинъ.

— Да вотъ, къ сановнику-то новому являлся, отвѣчалъ Николай Владиміровичъ, съ неимовѣрно-саркастическимъ выраженіемъ. Надобно же хоть карточку оставить. Что вы будете дѣлать?

— Д-да-съ, глубокомысленно замѣтилъ стряпчій. Да что же это вы сами-то, Николай Владимірычъ, — началъ онъ, помолчавъ: — вы, вѣдь, сами, кажется, балотироваться хотѣли?

— Помилуйте, съ достоинствомъ отвѣчалъ Сушкинъ, нѣсколько закинувъ назадъ голову: за кого же вы меня принимаете? Чтобы я сталъ на одну доску съ какимъ-нибудь Щекоткинымъ! Никогда-съ! Повѣрьте, что я умѣю держать себя въ такихъ случаяхъ, однако, я боюсь васъ задержать: вы, вѣрно, — пріѣхали принести ваше поздравленіе новоизбранному?

— Да-съ, язвительно возразилъ стряпчій, обиженный тономъ послѣднихъ словъ: — нужно же... Жаль только, что мы не вмѣстѣ съ вами сошлись... лучше бы... Да вотъ вы, къ сожалѣнію, раньше меня поспѣли... До свиданія-съ.

И они разстались, не совсѣмъ довольные другъ другомъ. За то Александръ Григорьичъ былъ вполнѣ доволенъ собой.

147. Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью.

(Органическое воспитаніе въ примѣненіи къ самообразованію и къ развитію здоровья питомцевъ. Сочиненіе *К. Ф. Шнелля*. Перев. съ нѣмецкаго Ф. Бёмера, Спб. 1857.—**Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ.** Сочиненіе доктора *К. Э. Бока*. Перев. съ нѣмецкаго І. Паульсона и Ф. Бёмера. Спб. 1857, двѣ части).

Напечатано вмѣстѣ съ № 146, за подписью «Н. Л.». Въ самомъ концѣ Добролюбовъ просто объясняетъ появленіе этой статьи: это была естественная съ его стороны, и уже не первая, дань особому интересу въ обществѣ къ изученію природы во всѣхъ ея проявленіяхъ (см. №№ 109, 113, 142). Впрочемъ, надо быть точнѣе: интересъ въ обществѣ былъ и раньше, но въ совершенно скрытомъ видѣ, потому что литература по естественнымъ наукамъ пользовалась особымъ вниманіемъ цензуры и самыя эти науки всячески изгонялись изъ школы; находили, что онѣ отдаляютъ человѣка отъ религіи. Какъ иллюстрацію только что высказаннаго, можно привести такой случай. Въ «Курскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» 1850 г. (№№ 16 и 17) была помѣщена, съ разрѣшенія цензуры, статья В. Гутцейта «Объ ископаемыхъ Курской губерніи». Предсѣдатель верховнаго цензурнаго комитета ген.-ад. Анненковъ писалъ по этому поводу министру просвѣщенія: «Не входя въ разсмотрѣніе этой статьи съ точки зрѣнія науки, нельзя не остановиться на статьѣ *популярной* (такъ называетъ ее самъ авторъ на стр. 146). Разсматривая же ее въ сихъ видахъ, нельзя не обратить вниманія, что въ ней міросозданіе и образованіе нашей планеты и самое появленіе на свѣтъ человѣка изображаются и объясняются, по понятіемъ нѣкоторыхъ геологовъ, вовсе несогласнымъ съ космогоніею Моисея въ его книгѣ Бытія. Вслѣдствіе сего государь императоръ, 1 марта 1850 года, высочайше повелѣть соизволилъ: неофиціальную часть губернскихъ вѣдомостей подвергнуть общей цензурѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ цензурные комитеты, а въ прочихъ возложить обязанность цензированія на одного изъ профессоровъ или училищныхъ чиновниковъ, съ подчиненіемъ дѣйствій этихъ лицъ завѣдыванію главнаго управленія цензуры»...

М. Л.

Оба названныя нами сочиненія вышли въ русскомъ переводѣ уже довольно давно, но, кажется, не обратили на себя особеннаго вниманія русской публики. А, между тѣмъ, это книги весьма замѣчательныя, и въ особенности для насъ, сбитыхъ съ толку выспренними теоріями ученыхъ педагоговъ, говорящихъ о духовномъ развитіи человѣка такія вещи, что просто волосъ дыбомъ становится. Такъ, Шнелль, не прибѣгая ни къ какимъ хитрымъ толкованіямъ, говоритъ просто-на-просто, что «верховною цѣлью воспитанія должно быть здоровье» (стр. 1). Этимъ опредѣленіемъ онъ начинаетъ свою книгу, имъ же ее оканчиваетъ, оно же строго проведено по всѣмъ отдѣламъ его сочиненія. Докторъ Бокъ также утверждаетъ, что важнѣе всего при воспитаніи заботиться о здоровьѣ и постоянномъ упражненіи всѣхъ чувствъ, приспособляя ихъ къ различнымъ впечатлѣніямъ (стр. 469).

Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе Шнелля, по своей крайней простотѣ, съ перваго же раза покажется понятнымъ для каждаго изъ читателей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что многіе поторопятся растолковать его въ смыслѣ очень ограниченномъ и, вслѣдствіе того, возстанутъ съ благонамѣренными насмѣшками противъ Бока и Шнелля, и тутъ же противъ насъ, признающихъ начала ихъ совершенно разумными. «Ваша идея, — язвительно скажутъ намъ, — вовсе не нова; вы имѣете честь раздѣлить ее съ госпожей Простаковой, съ господиномъ Скотининымъ, съ родителями пана Халявскаго, изображеннаго Основьяненкомъ, и вообще со всѣми маменьками и папеньками, которые слово *воспитаніе* считаютъ однозначащимъ съ словомъ *откармливанье*. Къ сожалѣнію, ваша теорія *воспитанія для здоовья* находитъ еще многихъ представителей въ отживающемъ поколѣніи провинціальныхъ, степныхъ бабушекъ, тетушекъ, нянюшекъ, которыя встрѣчаютъ своего воспитанничка, пріѣхавшаго изъ университета, словами: «батюшка ты нашъ! какъ тебя тамъ измучили! Поѣхалъ — такъ любо посмотрѣть

было; а теперь—спичка спичкой сталъ. Вотъ она, наука-то ваша проклятая!» Вашей идеѣ обрадуются всѣ балбесы, которые до 15 лѣтъ ничему не учатся, но зато—какъ яблочко румяны, потому что съ утра до ночи собакъ гоняютъ» и пр. и пр.

На всѣ эти возраженія мы можемъ отвѣтить просвѣщеннымъ нашимъ противникамъ, что не всякая болѣзнь изсушаетъ человѣка, и не всякая толстота означаетъ здоровье. Мы просимъ вспомнить поэтическую жалобу толстаго труженика, который утверждаетъ: люди, дескать,

«По моей громадной толщинѣ
Заключаютъ ложно обо мнѣ,»—

не зная,

« . . . Что тотъ,
Кто счастливцемъ по виду слыветъ,
Далеко не такъ благополученъ,
Какъ румянъ и шаровидно тученъ».

Да, ошибка госпожи Простаковой съ братіей состояла не въ томъ, что онѣ заботились о здоровьѣ дѣтей, а въ томъ, что не понимали, что такое здоровье. Матушка откармливаетъ своего Митрофанушку, а онъ, съѣвши на сонъ грядущій солонины ломтика три да пирожковъ подовыхъ пять или шесть, — ляжетъ и тоскуетъ цѣлую ночь, а поутру какъ шальной ходитъ... Развѣ это здоровье? Если здоровье состоитъ въ томъ, чтобы безпрепятственно совершались въ человѣкѣ отправленія растительной жизни, и чтобы не было въ тѣлѣ постояннаго ощущенія какой-нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что всѣ толстые идіоты совершенно здоровы. Но въ такомъ случаѣ, вѣдь, и пораженнаго параличемъ надобно считать здоровымъ человѣкомъ, и одержимаго бѣлой горячкой—тоже здоровымъ. А между тѣмъ, и то, и другое мы считаемъ болѣзнями, и даже весьма значительными. Мало этого, мы, вѣдь, признаемъ больнымъ или, по крайней мѣрѣ, не совершенно здоровымъ человѣка, подверженнаго безпрестаннымъ истерикамъ, спазмамъ, мигренямъ, всякаго родъ нервнымъ разстройствамъ и т. п. Уродства разнаго рода—глухоту, слѣпоту и т. д. тоже должно относить къ явленіямъ болѣзненнымъ. Точно также къ болѣзнямъ слѣдуетъ относить и особыя, ненормальныя положенія, въ которыя впадаютъ иные люди, какъ, напримѣръ, спячку или апатію ко всему на свѣтѣ, совершенное безпамятство, всякія мономаніи, общее разслабленіе организма и невозможность сдѣлать надъ собой хотя малѣйшее усиліе и т. п. Словомъ, подъ здоровьемъ нельзя разумѣть одно только наружное благосостояніе тѣла, а нужно понимать вообще естественное гармоническое развитіе всего организма и правильное совершеніе всѣхъ его отправленій.

Противъ этого опять можетъ быть возраженіе и на этотъ разъ уже весьма основательное. Могутъ указать на низшій классъ народа, который физически бываетъ обыкновенно здоровѣе высшихъ классовъ; могутъ указать на дикарей, пользующихся отличнымъ здоровьемъ и громадной физической силой; а съ другой стороны—могутъ представить многихъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, государственныхъ людей—истощенныхъ, больныхъ и слабыхъ... Изъ этого сопоставленія можно вывести заключеніе такого рода, на первый взглядъ не лишенное своей основательности: «если все развитіе человѣка направлять только къ тому, чтобы онъ былъ здоровымъ, то придется взять за идеалъ ирокезовъ, которые, какъ говорятъ, не знаютъ никакихъ болѣзней,—и отвергнуть все значеніе великихъ людей, прославившихся умственной и нравственной дѣятельностью».

Возраженіе это, по внимательномъ его разсмотрѣніи, должно быть признано совершенно несправедливымъ, по многимъ причинамъ.

Прежде всего мы должны повторить, что подъ здоровьемъ организма мы вовсе не разумѣемъ одно физическое благосостояніе тѣла. Намъ кажутся смѣшны и жалки невѣжественныя претензіи грубаго матеріализма, который унижаетъ высокое значеніе духовной стороны человѣка, стараясь доказать, будто душа человѣка состоитъ изъ какой-то тончайшей матеріи. Нелѣпость подобныхъ умствованій такъ давно и такъ неопровержимо доказана, они такъ прямо противорѣчатъ результатамъ самихъ естественныхъ наукъ, что въ настоящее время только развѣ человѣкъ самый отсталый и невѣжественный можетъ еще не презирать подобныхъ матеріалистическихъ умствованій. Мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что тѣлесная дѣятельность важнѣе духовной, совсѣмъ не хотимъ выставить довольство физической цѣлью нашей жизни. Напротивъ, мы намѣрены говорить о томъ, что часто тѣло наше, какъ служебное орудіе духовной дѣятельности, бываетъ испорчено разными слабостями и болѣзнями и не имѣетъ возможности исполнять своего назначенія. Мы возстаемъ противъ того, что часто мы заботимся только на словахъ о совершенствованіи духовномъ, а между тѣмъ на дѣлѣ вовсе не стараемся покорить тѣло духу и, предаваясь чувственности, разстраиваемъ и тѣло свое и у духовныхъ способностей отнимаемъ возможность проявляться правильно, потому что разстроенные тѣлесные органы дѣлаются негодны для

служенія возвышенной духовной дѣятельности. Это говоритъ намъ постоянный опытъ, говоритъ наше внутреннее сознаніе, наша вѣра, и это же самое подтверждается результатами новѣйшихъ изслѣдованій въ области естествовѣдѣнія. Эту именно необходимость—воспитывать тѣло для служенія правильной духовной дѣятельности, эту истину, сдѣлавшуюся даже избитою отъ частаго повторенія, истину, что mens sana, здоровый духъ, долженъ быть in corpore sano, т.-е. долженъ соединяться съ здоровымъ тѣломъ,—это и намѣрены мы подтвердить, указавши на несомнѣнные факты естествовѣдѣнія. Въ такомъ именно смыслѣ должны быть понимаемы всѣ наши замѣчанія о неразрывной связи душевной и тѣлесной дѣятельности.

Но возвратимся къ возраженію, приведенному нами. Кромѣ односторонняго, узкаго пониманія здоровья, оно грѣшитъ еще тѣмъ, что беретъ для сличенія предметы не совершенно подъ одинаковыми условіями. Различіе племенъ и затѣмъ различіе занятій человѣка много имѣетъ вліянія на возможную степень его развитія во всѣхъ отношеніяхъ. Если бы можно было брать здоровье въ отвлеченности, то не нужно было бы даже къ людямъ обращаться, а прямо привести въ примѣръ животныхъ. На что вамъ еще организмъ крѣпче и здоровѣе, чѣмъ хоть, примѣрно, у слона или у льва, или даже у быка? Недаромъ же говорятъ у насъ: «здоровъ, какъ быкъ». Но у этихъ животныхъ самое строеніе организма не то, что у насъ, и потому мы оставляемъ ихъ въ покоѣ. Есть, пожалуй, червяки, которыхъ разрѣжешь пополамъ, такъ обѣ половинки и поползутъ въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало; эти намъ не примѣръ. Точно такъ и ирокезы—не примѣръ для европейскихъ ученыхъ. Кромѣ того, нужно замѣтить, что болѣзненное состояніе вовсе не способствовало, конечно, полезнымъ открытіямъ и изысканіямъ, произведеннымъ этими учеными. Въ большей части случаевъ, болѣзнь вовсе не относилась къ тѣмъ органамъ, которые необходимы были для ихъ спеціальности (какъ исключеніе, можно бы привести Бетховена; но и у него поврежденіе слуховыхъ органовъ не было такъ сильно въ то время, когда онъ создавалъ лучшія свои творенія); мѣстное же пораженіе въ этомъ случаѣ не должно быть принимаемо въ разсчетъ. Конечно, Байронъ былъ хромъ, и это не помѣшало ему быть великимъ поэтомъ, точно такъ, какъ, напр., слабость зрѣнія не помѣшала многимъ другимъ быть великими учеными, философами и пр., но, конечно, всякій согласится, что наружное поврежденіе всего менѣе можно назвать болѣзнью организма. Съ другой же стороны, всякій признаетъ, что каждое болѣзненное ощущеніе въ тѣлѣ разстраиваетъ, хоть на минуту, нашу духовную дѣятельность, и что, слѣдовательно, если бы великіе ученые были совершенно здоровы, то сдѣлали бы еще больше, чѣмъ сколько сдѣлали они при своихъ немощахъ.

Говорятъ, что, напротивъ, иногда болѣзнь тѣла возбуждаетъ сильнѣе духовную дѣятельность. Примѣровъ приводятъ много. Указываютъ на нѣсколькихъ поэтовъ, почувствовавшихъ и открывшихъ міру силу своего таланта послѣ того, какъ они стали слѣпы. Тутъ, разумѣется, являются Гомеръ и Мильтонъ, тутъ приводятъ и стихи Пушкина русскому слѣпцу-поэту:

«Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній» и проч.

Указываютъ также на Игнатія Лойолу, во время болѣзни почувствовавшаго призваніе къ основанію ордена; на Магомета, въ припадкахъ падучей болѣзни слышавшаго призваніе Аллаха; на аскетовъ, которыхъ духовныя созерцанія происходили именно отъ истощенія ими плоти своей и т. д. Примѣровъ на эту тему можно набрать тысячи: случаевъ, въ которыхъ обнаруживается антагонизмъ духовной и тѣлесной природы въ человѣкѣ, тоже насчитывается множество. Но во всемъ этомъ господствуетъ недоумѣніе: сначала виною ему послужили грубые матеріалисты, а потомъ и мечтательные идеалисты, опровергая ихъ, впали въ ту же самую ошибку. Мы намѣрены объясниться на этотъ счетъ подробнѣе, считая объясненіе именно этого пункта самымъ необходимымъ для убѣжденія въ важности, какую имѣетъ здоровый организмъ,—не только для тѣлесной, но и для нравственной дѣятельности человѣка.

Начнемъ хоть съ того, что замѣчать антагонизмъ между предметами есть дѣло совершенно естественное и неизбѣжное при раскрытіи въ человѣкѣ сознанія. Пока мы не замѣчаемъ разницы между предметами, до тѣхъ поръ мы существуемъ безсознательно. Первый актъ сознанія состоитъ въ томъ, что мы отличаемъ себя отъ прочихъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ. Уже въ этомъ отличеніи заключается и нѣкоторое противопостановленіе, и противопостановленіе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе самостоятельности признаемъ мы за своимъ существомъ. Сознавши себя какъ нѣчто отдѣльное отъ всего прочаго, человѣкъ необходимо долженъ придти къ заключенію, что онъ имѣетъ право жить и дѣйствовать

самъ по себѣ, отдѣльной и самостоятельной жизнью. Но на дѣлѣ онъ безпрестанно встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія къ исполненію своихъ личныхъ стремленій и, сознавая свое безсиліе, но еще не сознавая ясно своей связи съ общими законами природы, ставитъ себя во враждебное отношеніе къ ней. Ему кажется, что въ природѣ есть какія-то силы, непріязненныя человѣку и вѣчно ему противоборствующія. Отсюда развивается мало-по-малу понятіе о темныхъ силахъ, постоянно вредящихъ человѣку. Между тѣмъ и благотворная сила природы не можетъ не быть замѣчена человѣкомъ, разъ уже отличившимъ себя отъ нея и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ понятіемъ о темной силѣ, является и сознаніе силы свѣтлой и доброй, покровительствующей человѣку. Вотъ начало того дуализма, который находимъ мы въ основаніи всѣхъ естественныхъ религій: Вишну и Шива, Ормуздъ и Ариманъ, Бѣлбогъ и Чернобогъ и проч., и проч., служатъ олицетвореніемъ первоначальныхъ понятій человѣка о силахъ природы. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, соразмѣрно съ пріобрѣтеніемъ большей опытности человѣчествомъ, общая идея распадается на множество частныхъ и примѣняется ко всякому отдѣльному явленію. Такимъ образомъ, являются понятія о противоборствѣ свѣта и мрака, тепла и холода, моря и суши, [земли и языческаго неба] и т. д. Наконецъ, человѣкъ обращается отъ внѣшняго міра къ себѣ и въ своей собственной натурѣ тоже начинаетъ замѣчать борьбу какихъ-то противоположныхъ побужденій. Не умѣя еще возвыситься до идеи о всеобщемъ единствѣ и гармоніи, онъ и въ себѣ, какъ въ природѣ, предполагаетъ существованіе различныхъ, непріязненныхъ другъ другу, началъ. Доискиваясь, откуда взялись они, онъ, почти вполнѣ еще находящійся подъ вліяніемъ впечатлѣній внѣшняго міра, не задумывается приписать ихъ происхожденіе тѣмъ же враждебнымъ силамъ, какія замѣтилъ уже въ природѣ. Находя внутри себя какія-то неясныя стремленія, какое-то недовольство внѣшнимъ, онъ естественно заключаетъ, что внутри его есть какое-то особенное существо, высшее, нежели то, которое обнаруживается въ его внѣшней дѣятельности. Отсюда прямой выводъ, что въ человѣкѣ два враждебныхъ существа: одно, происходящее отъ добраго начала,—внутреннее, высшее; другое, произведенное злою силою,—внѣшнее, грубое, темное. Такимъ образомъ, является то мрачное понятіе о тѣлѣ, какъ темницѣ души, которое существовало у до-христіанскихъ народовъ. Со временемъ христіанства древній дуализмъ понемногу начинаетъ исчезать и до нѣкоторой степени теряетъ свою силу въ общемъ сознаніи. Но старыя понятія жалко было бросить схоластическимъ мудрецамъ среднихъ вѣковъ, и они ухватились за дуализмъ, какъ за неистощимый источникъ діалектическихъ преній. Въ самомъ дѣлѣ, — когда все просто естественно и гармонично, о чемъ тогда и спорить? Гораздо лучше, если будутъ два начала, двѣ силы, два противныхъ положенія, изъ которыхъ можно исходить, во всеоружіи софизмовъ, на поприще праздной діалектики. Эти-то премудрые схоластики и задержали общій здравый смыслъ, которому, конечно, давно пора бы понять, что послѣдняя цѣль знанія—не борьба, а примиреніе, не противоположность, а единство. Средневѣковые ученые постарались отдѣлить душу отъ тѣла и, взглянувши на нее, какъ на существо, совершенно ему чуждое, принялись потомъ отгадывать: какъ же это душа съ тѣломъ соединяется? Въ древности Аристотель тоже разсуждалъ объ этомъ: тому было, разумѣется, простительно. Онъ воображалъ себѣ, что тѣло есть матерія грубая, а душа—тоже матерія, только очень тонкая, и, слѣдовательно, вопросъ, поставленный имъ, можно понимать нѣкоторымъ образомъ въ химическомъ смыслѣ. Оттого-то и вышла у него хорошая теорія—*инфлюксусъ физикусъ*, для объясненія связи души съ тѣломъ... У средневѣковыхъ ученыхъ не могло существовать предположенія Аристотеля о матеріальности души. Всѣ они были христіане, большею частью духовные, всѣ вѣровали въ духовность и безсмертіе души, а между тѣмъ разсматривали вопросъ, который возможенъ былъ только при предположеніи Аристотеля. Какимъ способомъ духъ соединяется съ тѣломъ, спрашивали они, какое мѣсто занимаетъ онъ въ тѣлѣ? Посредствомъ какихъ связей передается душѣ боль, причиненная тѣлу? Какіе существуютъ проводники, передающіе тѣлу мысли и желанія воли?.. Дѣлая всѣ эти вопросы, схоластики не понимали, что, считая душу идеальнымъ существомъ, механически вложеннымъ въ тѣло, они черезъ то сами впадаютъ въ грубѣйшій матеріализмъ. Если душа занимаетъ опредѣленное мѣстечко въ тѣлѣ, то, разумѣется, она матеріальна, если она какими-нибудь внѣшними связями соединяется съ тѣломъ, — опять то же неизбѣжное слѣдствіе. Къ этому заблужденію присоединялось еще другое, тоже языческое, — что тѣло состоитъ подъ вліяніемъ злой силы и отъ него приходитъ въ душу все нечистое. На основаніи этого разсужденія, средневѣковые аскеты превзошли даже тѣ жестокія и кровавыя истязанія, какія дѣлаютъ надъ собой индійцы въ своемъ

религіозномъ изступленіи. Извѣстно, до какого безумія доходили бичующіеся въ своемъ усмиреніи плоти. Извѣстно и то, сколько колдуновъ и сколько несчастныхъ, такъ называемыхъ «бѣснующихся», сожжено было тогда, вслѣдствіе увѣренности, что въ тѣлѣ ихъ воцарился дьяволъ...

Въ наше время успѣхи естественныхъ нуукъ, избавившіе насъ уже отъ многихъ предразсудковъ, дали намъ возможность составить болѣе здравый и простой взглядъ и на отношеніе между духовной и тѣлесной дѣятельностью человѣка. Антропологія доказала намъ ясно, что прежде всего — всѣ усилія наши представить себѣ отвлеченнаго духа безъ всякихъ матеріальныхъ свойствъ, или положительно опредѣлить, что онъ такое въ своей сущности, всегда были и всегда останутся совершенно безплодными. Затѣмъ, наука объяснила, что всякая дѣятельность, обнаруженная человѣкомъ, лишь настолько и можетъ быть нами замѣчена, насколько обнаружилась она въ тѣлесныхъ, внѣшнихъ проявленіяхъ, и что, слѣдовательно, о дѣятельности души мы можемъ судить только по ея проявленію въ тѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что каждое изъ простыхъ веществъ, входящихъ въ составъ нашего тѣла, само по себѣ не имѣетъ жизни,—слѣдовательно, жизненность, обнаруживаемая нами, зависитъ не отъ того или другого вещества, а отъ неизвѣстнаго соединенія всѣхъ ихъ. При такомъ точномъ дознаніи уже невозможно было оставаться въ грубомъ, слѣпомъ матеріализмѣ, считавшемъ душу какимъ-то кусочкомъ тончайшей, эфирной матеріи; тутъ уже нельзя было ставить вопросы объ органической жизни человѣка такъ, какъ ихъ ставили древніе языческіе философы и средневѣковые схоластики. Нуженъ былъ взглядъ болѣе широкій и болѣе ясный, нужно было привести къ единству то, что доселѣ намѣренно разъединялось; нужно было обобщить то, что представлялось до тѣхъ поръ какими-то отдѣльными, ничѣмъ не связанными частями. Въ этомъ возведеніи видимыхъ противорѣчій къ естественному единству—великая заслуга новѣйшей науки. Только новѣйшая наука отвергла схоластическое раздвоеніе человѣка и стала разсматривать его въ полномъ неразрывномъ его составѣ, тѣлесномъ и духовномъ, не стараясь разобщать ихъ. Она увидѣла въ душѣ именно ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ весь тѣлесный составъ человѣка. На основаніи такого понятія, наука уже не разсматриваетъ нынѣ тѣлесныя дѣятельности отдѣльно отъ духовныхъ, и обратно. Напротивъ, во всѣхъ, самыхъ ничтожныхъ тѣлесныхъ явленіяхъ наука видитъ дѣйствіе той же силы, участвующей безсознательно въ кровотвореніи, пищевареніи и пр., и достигающей высоты сознанія въ отправленіяхъ нервной системы и преимущественно мозга. Отличаясь простотою и вѣрностью фактовъ жизни, согласный съ высшимъ христіанскимъ взглядомъ вообще на личность человѣка, какъ существа самостоятельно-индивидуальнаго, взглядъ истинной науки отличается еще однимъ преимуществомъ. Имъ несомнѣнно утверждается та истина, что душа не внѣшней связью соединяется съ тѣломъ, не случайно въ него положена, не уголокъ какой-нибудь занимаетъ въ немъ, — а сливается съ нимъ необходимо, прочно и неразрывно, проникаетъ его всего и повсюду, такъ что безъ нея, безъ этой силы одушевляющей, невозможно вообразить себѣ живой человѣческій организмъ, [и наоборотъ].

Вникнувши въ этотъ взглядъ, немудрено понять, въ какомъ смыслѣ здоровье можетъ быть принимаемо за верховную цѣль развитія человѣка. Если всякая душевная дѣятельность непремѣнно проявляется во внѣшнихъ знакахъ, и если орудіемъ ея проявленія служатъ непремѣнно органы нашего тѣла, то ясно, что для правильнаго проявленія душевной дѣятельности мы должны имѣть правильноразвитые, здоровые органы. При всемъ желаніи слушать хорошіе совѣты и видѣть добрые примѣры, человѣкъ слѣпой и глухой не можетъ исполнить своего желанія такъ же, какъ безногій не можетъ ходить, нѣмой говорить и т. п. Такъ точно, если въ насъ разстроены нервы, мы не можемъ быть спокойны и терпѣливы; если поврежденъ мозгъ, не можемъ хорошо разсуждать и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы нездоровы, хотя бы и не чувствовали острой тѣлесной боли. Равнымъ образомъ, нельзя назвать совершенно здоровымъ и того организма, въ которомъ одна какая-нибудь сторона развивается слишкомъ сильно, въ ущербъ другимъ. Такимъ образомъ, тотъ организмъ, въ которомъ развитіе мозговыхъ отправленій поглощаетъ собою всѣ другія, развивается ненормально, болѣзненно. Точно также ненормально и развитіе того организма, въ которомъ усиленной дѣятельностью мускуловъ ограничивается и заглушается развитіе нервной системы и особенно мозга. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, какъ бѣдныя, истощенныя ученыя дѣти, такъ и дикари, обладающіе страшной физической силой, но грубые и необразованные, развиты одинаково односторонне, и односторонность эту можно назвать недостаткомъ полнаго здоровья организма. Недостатокъ этотъ, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ правиль-

ной дѣятельности тѣхъ органовъ, которые хорошо развились, хотя онъ и мѣшаетъ водворенію полной гармоніи въ организмѣ. Оттого-то мы и видимъ всегда такъ много лихорадочнаго, судорожнаго въ дѣятельности энтузіастовъ, у которыхъ сила чувства и воображенія преобладаетъ надъ разсудкомъ. Оттого-то мы находимъ такую ограниченность, тусклость понятій у людей, всю жизнь посвятившихъ физическому труду; животно-здоровой организаціи недостаточно для человѣка: для него нужно здоровье человѣческое, здоровье, въ которомъ бы развитіе тѣла не мѣшало развитію души, а способствовало ему. Иначе является одностороннее, нездоровое развитіе, при которомъ,—совершенно естественно, — болѣзненное состояніе однихъ органовъ возбуждаетъ къ усиленной дѣятельности другіе. Собственно говоря, всякую болѣзнь можно опредѣлить именно какъ нарушеніе правильнаго отношенія между частицами, входящими въ составъ нашего организма. Слѣдовательно, тотъ, напр., фактъ, что при истощеніи тѣла отъ болѣзни усиливается дѣятельность воображенія, нисколько не противорѣчитъ общей гармоніи организма, а, напротивъ, подтверждаетъ ее. Давно уже замѣтно, что природа какъ бы старается вознаградить человѣка за недостатокъ однихъ органовъ большимъ совершенствомъ другихъ. Такъ, слѣпые бываютъ одарены хорошимъ слухомъ и осязаніемъ, напротивъ, глухіе часто отличаются остротою зрѣнія и т. п. То же самое должно произойти и въ дѣятельностяхъ, совершающихся при непосредственномъ участіи мозга. Онѣ могутъ развиваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе развиваются прочія дѣятельности. Такъ, лишеніе зрѣнія необходимо заставляетъ человѣка отказаться отъ нѣкоторыхъ общественныхъ занятій и, кромѣ того, отнимаетъ у него возможность пріобрѣтать новыя впечатлѣнія посредствомъ глазъ. Весьма естественно, что, находясь въ такомъ положеніи, человѣкъ болѣе обращается къ своему субъективному міру и занимается переработкою тѣхъ впечатлѣній, которыя были уже получены имъ прежде. Точно такъ и какой-нибудь Лойола могъ развивать въ своемъ воображеніи какіе-угодно великіе планы, несмотря на слабость своего тѣла во время выздоровленія. Это фактъ весьма естественный; такъ, извѣстно, что ослабленіе тѣла, вслѣдствіе продолжительнаго голода, оканчивается бредомъ, и вообще бредъ всего чаще является въ болѣзняхъ, истощающихъ организмъ. Въ подобныхъ явленіяхъ мы должны видѣть скорѣе соотвѣтствіе, нежели антагонизмъ.

Смотря на человѣка, какъ на одно цѣлое, нераздѣльное существо, какъ на истинный индивидуумъ, мы устраняемъ и тѣ безчисленныя противорѣчія, какія находятъ схоластики между тѣлесной и душевной дѣятельностью. Разумѣется, если разсѣкать человѣка на части, то непримиримыхъ противорѣчій можно найти бездну, какъ и во всемъ можно отыскивать ихъ при такомъ условіи. Что было бы, если бы мы вздумали искать, напр., въ какой части скрипки сидитъ звукъ, издаваемый ею, — въ струнахъ, или въ колышкахъ, или въ вырѣзкахъ ея, или въ самой доскѣ?.. Къ какимъ забавнымъ разсужденіямъ привела бы насъ попытка рѣшить подобный вопросъ невозможный по самой сущности дѣла! Нѣчто совершенно подобное случилось со схоластиками, старавшимися противопоставить тѣло духу. Какимъ это образомъ, говорили они, душа наша можетъ радоваться, когда тѣло чувствуетъ боль? Какъ душа можетъ не замѣчать предмета, когда глаза смотрятъ на него? Какъ душа можетъ чувствовать холодъ, когда руки ощупываютъ предметъ теплый непосредственно послѣ горячаго? и т. п. Противорѣчія были безконечны и изъ нихъ схоластики, — безъ всякаго права, впрочемъ,—выводили заключеніе, довольно курьезное, именно: душа, дескать, въ человѣкѣ сама по себѣ, и тѣло само по себѣ; одна дѣйствуетъ по своимъ законамъ, а другое по своимъ, совершенно особеннымъ. Заключеніе это, какъ ни нелѣпо оно, долгое время принималось на-слово, пока результаты, добытые естественными науками, не помогли опредѣлить точнѣе органическую природу человѣка. Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ старанія провести разграничительную черту между духовными и тѣлесными отправленіями человѣка напрасны, и что наука человѣческая никогда этого достигнуть не можетъ. Безъ вещественнаго обнаруженія мы не можемъ узнать о существованіи внутренней дѣятельности, а вещественное обнаруженіе происходитъ въ тѣлѣ; возможно ли же отдѣлять предметъ отъ его признаковъ, и что останется отъ предмета, если мы представленіе всѣхъ его признаковъ и свойствъ уничтожимъ? Совершенно простое и логичное объясненіе фактовъ видимаго антагонизма человѣческой природы происходитъ тогда, когда мы смотримъ на человѣка просто, какъ на единый нераздѣльный организмъ. Тогда тотъ фактъ, напр., что мы иногда, смотря, не видимъ, объясняется совершенно просто. Актъ зрѣнія не состоитъ въ томъ только, чтобы видимый предметъ отразился въ нашемъ глазѣ; главное дѣло здѣсь,

чтобы видимый предметъ отразился въ нашемъ глазѣ; главное дѣло здѣсь въ томъ, чтобы нервъ зрѣнія былъ возбужденъ и передалъ въ мозгъ впечатлѣніе предмета. Зрѣніе совершается не въ глазѣ, а въ мозгу, какъ и всѣ наши чувства; если перерѣзать, напр., глазной нервъ, то предметы будутъ отражаться въ глазѣ по прежнему, а видѣть ихъ мы не будемъ. Поэтому вовсе ничего нѣтъ страннаго, что когда мы заняты какими-нибудь важными думами, т.-е., когда въ мозгу совершается усиленная дѣятельность, то слабое раздраженіе зрительнаго нерва, чувствительное для насъ въ другихъ случаяхъ, дѣлается уже недостаточнымъ и не пробуждаетъ въ мозгу сознанія о себѣ. Но какъ скоро раздраженіе нерва дѣлается слишкомъ сильнымъ, то вниманіе наше немедленно отвлекается отъ предметовъ, о которыхъ мы думали, и обращается на предметъ, произведшій раздраженіе. Такимъ же естественнымъ образомъ объясняетъ физіологія и всѣ противорѣчія, придуманныя схоластиками, впавшими безъ собственнаго вѣдома въ слишкомъ грубый матеріализмъ.

Сдѣлавши эти предварительныя объясненія, мы полагаемъ, что въ читателяхъ уже не остается болѣе недоумѣній относительно того, что мы разумѣемъ подъ здоровымъ развитіемъ организма и почему придаемъ ему такую важность. Въ наше время, вообще, вошло въ обычай, съ голоса превыспренныхъ поэтовъ, жаловаться на матеріализмъ и практическое направленіе вѣка. Но намъ кажется, что гораздо съ большимъ правомъ врачи и физіологи упрекаютъ наше время въ одностороннемъ, недальнемъ идеализмѣ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ презрительно смотримъ мы на тѣлесный трудъ, какъ мало обращаемъ вниманія на упражненіе тѣлесныхъ силъ. Мы любимъ, правда, красоту, ловкость, грацію; но и тутъ часто выражается наше презрѣніе къ простому, здоровому развитію организма. Въ лицахъ часто намъ нравится мечтательное, заоблачное выраженіе и блѣдный цвѣтъ, «тоски примѣта», въ строеніи организма—талія, которую можно обхватить одной рукой; о маленькихъ ручкахъ и ножкахъ и говорить нечего. Этого, конечно, нельзя назвать положительно дурнымъ, нельзя утверждать, что большая нога непремѣнно лучше маленькой; но, все-таки, наше предпочтеніе, основываясь не на понятіи о симметричности развитія всѣхъ органовъ человѣка, а на какомъ-то безотчетномъ капризѣ, служитъ доказательствомъ односторонняго, ложнаго идеализма. Мускулистыя, сильно развитыя руки и ноги пробуждаютъ въ насъ мысль о физическомъ трудѣ, развивающемъ, какъ извѣстно, эти органы; и это намъ не нравится. Напротивъ, миніатюрныя, нѣжныя ручки свидѣтельствуютъ, что обладающій или обладающая ими не преданы грубому труду, а упражняются въ какой-нибудь высшей дѣятельности. Этого-то намъ и нужно... Искаженныя стремленія идеализма постоянно въ насъ проглядываютъ. Мы, напримѣръ, очень строги въ сужденіяхъ о поступкахъ другихъ людей и очень склонны требовать отъ каждаго, чтобы онъ былъ героемъ добродѣтели. Рѣдко, рѣдко обратимъ мы вниманіе на положеніе человѣка, на обстановку его быта, на разныя облегчающія обстоятельства; [зато весьма часто мы, съ удивительнымъ геройствомъ, говоримъ: «онъ солгалъ — этого довольно: я считаю его человѣкомъ безчестнымъ»]. Ну не идеальный ли это образъ мыслей?.. А наши удовольствія? Мы даемъ благотворительные балы, разыгрываемъ благотворительныя лотереи, составляемъ благородные спектакли, тоже благотворительные: можно ли не видѣть въ этомъ высокихъ стремленій, чуждыхъ матеріальнаго разсчета? Мы восхищаемся всѣми искусствами и утверждаемъ, что звуки оперъ Верди, пейзажи Калама настраиваютъ насъ къ чему-то возвышенному, чистому, идеальному. На самомъ-то дѣлѣ, подъ всѣмъ этимъ скрывается, можетъ быть, просто пріятное удовлетвореніе слуха и глазъ, а, можетъ быть, даже и желаніе убить скуку; но вѣдь мы въ этомъ не признаемся, и тутъ-то и выражается наше стремленіе къ какому-то идеализму. Мы совѣстимся представить себѣ вещи, какъ онѣ есть: мы непремѣнно стастараемся украсить, облагородить ихъ и часто навязываемъ на себя такое бремя, котораго и снести не можемъ. Кто изъ насъ не старался иногда придать оттѣнокъ героизма, великодушія или тонкаго соображенія самому простому своему поступку, сдѣланному иногда совершенно случайно? Кто не убиралъ розовыми цвѣтами идеализма — простой, весьма понятной склонности къ женщинѣ? Кто изъ образованныхъ людей, наконецъ,—сошлемся на самихъ читателей,—не говорилъ съ увѣренностью, даже иногда съ восторгомъ, о Гомерѣ, о Шекспирѣ, пожалуй, о Бетховенѣ, о Рафаэлѣ и его мадоннѣ, и, между тѣмъ, многіе ли сами-то понимали, въ глубинѣ души своей, то, что говорили? Нѣтъ, что ни говорите, а желаніе поидеальничать въ насъ очень сильно; врачи и натуралисты «имѣютъ резонъ».

Но ни въ чемъ этотъ ложный и безплодный идеализмъ не выражается такъ ясно и не приноситъ столько вреда, какъ

въ воспитаніи. Гдѣ нынѣ заботятся о примѣненіи воспитанія къ индивидуальному организму дѣтей? Гдѣ занимаются наглядным обученіемъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ? Кто ищетъ для своихъ дѣтей здороваго развитія организма болѣе, чѣмъ внушенія имъ всяческихъ, часто очень уродливыхъ, отвлеченностей? Въ старину любили откармливать дѣтей; нынѣ любятъ морить ихъ голодомъ, чтобъ они не ожирѣли и не отупѣли. Въ старину до пятнадцати лѣтъ не принимались за ученье, въ той мысли, что пусть, дескать, дитя побѣгаетъ, ученье-то еще не уйдетъ; нынѣ дѣтямъ не даютъ бѣгать, заставляя ихъ сидѣть смирно и учиться. Бывало спозаранку прогоняли дѣтей спать, чтобы не изнурились, и они просыпали половину сутокъ; теперь дѣтей заставляютъ сидѣть за урокомъ до тѣхъ поръ, пока отяжелѣвшая голова ихъ сама не упадаетъ на столъ. Двухлѣтнему мальчику толкуютъ уже объ ученьѣ, а съ пяти лѣтъ, иногда и раньше, стараются уже вбить ему въ голову высокія идеи о его назначеніи — быть архитекторомъ, инженеромъ, генераломъ, правовѣдомъ и т. п. Можетъ быть, въ этомъ скрывается матеріализмъ самый грубый; но только результаты его вовсе не благопріятны для тѣлеснаго здоровья и развитія дѣтей. Нынѣ уже не рѣдкость встрѣтить мать, которая съ гордостью и тайнымъ самоуслажденіемъ разсказываетъ о томъ, какъ сынъ ея не спалъ ночи, потерялъ аппетитъ, похудѣлъ и высохъ, какъ спичка, во время экзаменовъ. Хвалиться прилежаніемъ и любовью къ наукѣ дѣло чрезвычайно похвальное, — объ этомъ что и говорить; но дѣтей, все-таки, жалко.

Въ дальнѣйшемъ ученьѣ тоже нельзя не замѣтить фальшиво-идеальнаго направленія, соединеннаго съ пренебреженіемъ къ органическому развитію дѣтей. Родители желаютъ, напримѣръ, чтобъ изъ сына ихъ произошелъ знаменитый полководецъ. Они понимаютъ, конечно, что этой цѣли не достигнутъ, если дитя умретъ, и вслѣдствіе этого стараются предохранить его отъ смерти, т.-е. не пускаютъ бѣгать и рѣзвиться, берегутъ отъ простуды и сквознаго вѣтра, кутаютъ, держатъ на медицинской діэтѣ и т. п. Ребенокъ, разумѣется, слабъ и нездоровъ, но отъ случайныхъ болѣзней оберегается, хотя и то не всегда. Приходитъ время ученья, и мальчику сейчасъ — геройскія внушенія и великіе историческіе примѣры. Слабость и малодушіе постыдны, внушаютъ ему; нужно всегдашнее мужество и присутствіе духа. Вотъ каковъ былъ Леонидъ Спартанскій, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь и пр. Вотъ какіе труды переносилъ Суворовъ; вотъ какимъ опасностямъ подвергался Наполеонъ; вотъ что сдѣлали Муцій Сцевола, Горацій Коклесъ и пр., и пр. Достохвальныя качества и подвиги этихъ господъ, равно какъ и краснорѣчивыя внушенія родителей, производятъ сильное впечатлѣніе на ребенка. Онъ готовъ хоть сейчасъ идти на войну и совершать чудеса храбрости, Но *сейчасъ*, къ сожалѣнію, нельзя выйти и на дворъ: вчера шелъ дождикъ, и потому еще сыро. Подражать Муцію Сцеволѣ мальчикъ тоже радъ бы, но его останавливаетъ воспоминаніе о томъ, какая суматоха поднялась на-дняхъ по всему дому, когда будущій герой, запечатывая письмо, капнулъ себѣ сургучомъ на пальчикъ. Онъ самъ ревѣлъ на цѣлую улицу, мать упала въ обморокъ, побѣжали за докторомъ, обвязали, уложили героя и два дня продержали въ постели. И видитъ мальчикъ, что быть Муціемъ Сцеволой нѣсколько затруднительно, и едва ли не напрасны всѣ высокія внушенія, которыя ему дѣлаютъ, стараясь дѣйствовать *только* на духъ и совершенно презирая тѣло.

Такъ точно поступаютъ у насъ во всемъ что касается развитія дѣтей. Особенно часто терпятъ отъ этого дѣти, которыхъ назначеніе — вообще учиться, быть [*образованными*] людьми. Съ ними начинаютъ съ того, что сажаютъ ихъ за книгу, и изъ книги заставляютъ ихъ выучиться тому, что слѣдовало бы узнать живьемъ, на дѣлѣ. Такъ, мальчикъ, живущій въ Петербургѣ, только уже начиная учиться разнымъ наукамъ, получаетъ свѣдѣнія о многомъ, что его окружаетъ. Изъ географіи узнаетъ онъ, что Петербургъ стоитъ на Невѣ, которая впадаетъ въ Финскій заливъ, образуя при этомъ нѣсколько острововъ; изъ исторіи знакомится онъ съ Петербургской стороной, домикомъ Петра Великаго и пр., изъ естественной исторіи узнаетъ о существованіи гранита и т. д. А, подумайте, скоро-ль еще, слѣдуя системѣ нашихъ учебниковъ, дойдешь до всѣхъ этихъ предметовъ? Немудренно, если случаются у насъ анекдоты, подобные недавно слышанному нами, который, ради его курьезности приведемъ здѣсь. Мальчика, очень *образованнаго*, привели въ гимназію; онъ выдержалъ экзаменъ прямо во второй классъ и остался жить у дядюшки. На другой день по отъѣздѣ родителей онъ за обѣдомъ началъ жаловаться, что онъ ѣстъ ничего не можетъ, потому что Трифонъ у дядюшки дурной, [что Трифона нужно высѣчь]. Въ домѣ дядюшки никакого Трифона не было, и потому никто не могъ понять, чего мальчику нужно, а онъ никакъ не могъ объясниться, повторяя только одну брань и

жалобы на Трифона. Такъ дѣло и осталось неразрѣшеннымъ. Но на другой день поднялась та же исторія, и тутъ только объяснилось, что деревенскій поваръ у родителей мальчика назывался Трифономъ, и *образованный* мальчикъ, приготовленный во второй классъ гимназіи, никогда не подумалъ о томъ, что такое Трифонъ, и не зналъ, что значитъ поваръ!

Все это очень ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало распространено у насъ понятіе о необходимой связи органическихъ отправленій съ дѣйствіями внутреннихъ душевныхъ способностей. Мы вбиваемъ дѣтямъ въ голову огромнѣйшую массу разнородныхъ отвлеченныхъ понятій, совершенно имъ чуждыхъ, [Богъ знаетъ, кѣмъ и какъ выдуманныхъ и часто на дѣлѣ вовсе ненужныхъ], а между тѣмъ не хотимъ позаботиться о правильномъ, разумномъ воспитаніи тѣхъ органовъ, которые необходимы для того, чтобы умственная и нравственная дѣятельность могла совершаться правильно. Въ своихъ непрактическихъ, — а можетъ быть, и слишкомъ уже практическихъ — мечтаніяхъ мы забываемъ, что человѣческій организмъ имѣетъ свои физическія условія для каждой духовной дѣятельности, что нельзя говорить безъ языка, слушать безъ ушей, нельзя чувствовать и мыслить безъ мозга. Это послѣднее обстоятельство особенно часто упускается изъ виду, и потому у насъ вовсе не заботятся о томъ, чтобы дать правильное развитіе дѣятельности мозга при воспитаніи. А между тѣмъ, это-то и служитъ важнѣйшей помѣхой для достиженія успѣшныхъ результатовъ нашего воспитанія, безспорно очень умнаго и нравственнаго, но односторонняго въ своихъ средствахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ, между прочимъ, докторъ Бокъ, ученый, весьма извѣстный въ Германіи. «Слабость умственныхъ способностей и болѣзни мозга,—говоритъ онъ,—могутъ произойти не только вслѣдствіе природныхъ недостатковъ, но и вслѣдствіе дурного питанія мозга и чрезмѣрнаго умственнаго напряженія. Это послѣднее обстоятельство, съ его печальными послѣдствіями, особенно гибельно для дѣтей, которыхъ мозгъ еще слишкомъ мягокъ и недостаточно развитъ, чтобы переносить трудныя работы. А между тѣмъ, какъ часто ихъ мучатъ отвлеченностями, вовсе недоступными ихъ возрасту и понятіямъ, какъ часто отъ хилыхъ, малокровныхъ дѣтей требуютъ успѣховъ въ наукахъ наравнѣ съ здоровыми дѣтьми! Прибавьте къ этому еще неправильный отдыхъ и несоотвѣтствующую дѣтскому возрасту пищу, и вы поймете, что ничего не можетъ быть вреднѣе этой умственной дрессировки!» (Бокъ, стр. 468). Точно такое же мнѣніе находимъ мы и у Шнелля, автора другой книги, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи. У него есть на этотъ счетъ вотъ какая тирада (стр. 162).

«Познанія добываются гораздо легче естественнымъ путемъ, чѣмъ искусственнымъ, т.-е. чтеніемъ изъ книгъ. Книга обременяетъ духъ чужимъ матеріаломъ и потому часто не имѣетъ никакой пользы и разстраиваетъ здоровье духа. Болѣзни мозга (водяная и воспаленіе мозга), встрѣчаемыя у дѣтей перваго возраста, довольно часто происходятъ не столько отъ преждевременнаго ученья, сколько отъ дурной, неестественной методы преподаванія; оттого, что начинаютъ не наглядным преподаваніемъ, какъ бы слѣдовало, а набиваютъ голову формами, отвлеченностями, идеями, которыя впослѣдствіи, такъ сказать, приходятъ въ гніеніе и заражаютъ всю организацію мозга. И въ позднѣйшіе годы, поверхностное усвоеніе отвлеченныхъ формъ можетъ совершенно притупить воспріимчивость къ здоровымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, т.-е. къ природѣ и жизни. Мы уже знаемъ, что отъ неполнаго или несовершеннаго воспріятія впечатлѣній органами внѣшнихъ чувствъ происходятъ фантазмы, т.-е. субъективныя впечатлѣнія или обманы чувствъ. Точно такимъ же образомъ фантастическіе образы, создаваемые воображеніемъ и умомъ, происходятъ вслѣдствіе несовершеннаго усвоенія (переваріванія) духомъ отвлеченныхъ формъ, или отъ недостаточности, неясности и слабости духовной пищи. Въ такомъ случаѣ умъ представляетъ себѣ не предметы, истинно существующіе во внѣшнемъ мірѣ, не существенность, а собственныя (субъективныя) произведенія фантазіи, бредни, мало-по-малу совершенно овладѣвающія умственными силами. И если число помѣшанныхъ и полупомѣшанныхъ людей, которыхъ умственное разстройство проявляется или необузданностью и своеволіемъ, или же рабскимъ, апатическимъ и безсмысленнымъ послушаніемъ, въ самомъ дѣлѣ, со дня на день увеличивается, какъ утверждаютъ врачи-психологи, то это не есть историческое необходимое явленіе, вытекающее изъ современнаго порядка вещей, но результатъ духовной тунеядной жизни».

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ можно не согласиться, потому что самые недостатки воспитанія представляютъ, конечно, историческое явленіе, вытекающее изъ современнаго порядка вещей. Но негодованіе автора противъ отвлеченности воспитанія, господствующей въ наше время, вполнѣ справедливо. Во всѣхъ требованіяхъ и пріе-

махъ современнаго воспитанія обнаруживается полное презрѣніе къ органической жизни человѣка, какъ человѣка, а не какъ спеціальной машины для счетоводства, подвиговъ храбрости, строительства, героизма, честности, необъятной учености и т. п. Набивая голову дѣтей отвлеченностями всякаго рода, мы, конечно, и этимъ возбуждаемъ дѣятельность ихъ мозга, но дѣятельность одностороннюю и болѣзненную, именно потому, что мы не хотимъ обращать вниманія на связь отправленій мозга съ состояніемъ всего организма. Это обстоятельство оказываетъ самое неблагопріятное вліяніе на умственную и нравственную дѣятельность человѣка. Физіологія, непрерывнымъ рядомъ изслѣдованій и открытій послѣдняго времени, довольно ясно уже показала несомнѣнную связь нравственной жизни человѣка съ устройствомъ и развитіемъ мозга, и очень жаль, что наша образованная публика доселѣ такъ мало интересуется результатами, добытыми съ помощью естественныхъ наукъ. Имѣя это въ виду, мы и рѣшаемся представить здѣсь нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ нашему предмету.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ натуралистовъ новаго времени, Молешоттъ, приведенъ былъ своими изысканіями къ прямому выводу, что мысль имѣетъ вліяніе на матеріальный составъ мозга, и обратно—составъ мозга на мысль. Выводъ этотъ развитъ имъ въ одномъ изъ его сочиненій съ нѣкоторыми подробностями, которыя мы считаемъ здѣсь излишними. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только положеніе, давно извѣстное изъ сравнительной анатоміи,—что въ непрерывной градаціи животныхъ, начиная отъ самыхъ назшихъ организмовъ и кончая человѣкомъ, количество мозга все увеличивается по мѣрѣ приближенія животныхъ къ человѣку и по мѣрѣ большей развитости всего ихъ организма. У самыхъ низшихъ животныхъ нѣтъ настоящаго мозга, а только нервные узлы, представляющіе какіе-то зачатки мозга. Наименьшее количество мозга представляютъ земноводныя и рыбы; наибольшее найдено у собакъ, слоновъ и обезьянъ, т.-е. именно у тѣхъ животныхъ, которыя отличаются своей понятливостью. У человѣка же мозгу больше, чѣмъ у всѣхъ животныхъ. Количество мозга, конечно, разумѣется здѣсь относительное, сравнительно со всей массою тѣла, и кромѣ того, здѣсь не принимаются въ разсчетъ тѣ части мозга, въ которыхъ заключаются центральные органы движенія и чувствованія. Такое же отношеніе умственныхъ способностей находится и къ составу и къ устройству мозга. Такъ, изслѣдованія Бибры доказали, что отправленія мыслительной способности въ животномъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше въ мозгу его жира и фосфора. По изслѣдованіямъ другого естествоиспытателя, понятливость и легкость мышленія находятся въ прямомъ отношеніи къ вѣсу мозга. Наблюденія Гушке доказали, что чѣмъ выше стоитъ животное въ умственномъ развитіи, тѣмъ извилистѣе и глубже у него нагибы мозговой поверхности, и тѣмъ менѣе они имѣютъ замѣтной для глазъ правильности и симметріи. Въ приложеніи къ человѣку все это оправдывается совершеннѣйшимъ образомъ. Мозговой жиръ у него содержитъ болѣе значительное количество фосфора, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ; вѣсъ его больше, извилины глубже и своеобразнѣе. Различіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ замѣчается не только между человѣкомъ и животными, но даже и между людьми различныхъ племенъ, различнаго образа жизни, различнаго возраста и пола. Такъ, у новорожденныхъ дѣтей жира въ мозгу сравнительно меньше, чѣмъ у взрослыхъ; вообще, дѣтскій мозгъ жиже, мягче, болѣе содержитъ въ себѣ бѣлаго вещества мозга, чѣмъ сѣраго, которое увеличивается уже впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ умственныхъ способностей. Фохтъ утверждаетъ, что раскрытіе умственныхъ способностей у дѣтей идетъ строго параллельно съ развитіемъ мозговыхъ полушарій. Вообще, вещество мозга продолжаетъ развиваться и увеличиваться у человѣка до 40—50 лѣтъ; въ старости же оно начинаетъ уменьшаться, сжиматься, дѣлается тягучимъ и болѣе водянистымъ. Сообразно съ этимъ, замѣчается въ престарѣломъ возрастѣ ослабленіе памяти, быстрой и твердой сообразительности и т. п.

То же самое отношеніе замѣчается и въ вѣсѣ мозга. Обыкновенный вѣсъ человѣческаго мозга—отъ 3 до $3^1/_2$ фунтовъ. Множество наблюденій показало, что мозгъ женщины вообще вѣситъ на $^1/_4$—$^1/_6$ фунт. менѣе, чѣмъ мозгъ мужчины. Это совершенно согласно и съ умственнымъ развитіемъ: извѣстно, что (вслѣдствіе, вѣроятно, условій нашей цивилизаціи) у женщинъ разсудочная способность развита менѣе, чѣмъ у мужчинъ. Эта разница существуетъ также относительно вѣса мозга людей съ различными способностями. Такъ, мозгъ Кювье вѣсилъ болѣе 4 фунтовъ, а мозги нѣсколькихъ идіотовъ, взвѣшенныя Тидеманомъ, имѣли вѣсу только отъ одного до двухъ фунтовъ.

О томъ, какъ различается черепъ негровъ и другихъ низшихъ племенъ человѣчества отъ черепа народовъ образованныхъ, мы полагаемъ излишнимъ распространяться.

Кому неизвѣстно странное развитіе верхней части черепа у этихъ племенъ, доходящее до того, что у нѣкоторыхъ, напримѣръ, у новоголландцевъ, почти вовсе нѣтъ верхнихъ частей мозга? И кому, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстно, что въ отношеніи къ развитію умственныхъ способностей эти племена стоятъ несравненно ниже народовъ кавказскаго племени?

Укажемъ еще на замѣчательные факты, показывающіе неразрывную связь, существующую между мозгомъ и умомъ или вообще духовной жизнью человѣка. Родъ занятій человѣка имѣетъ вліяніе на состояніе мозга. Умственная дѣятельность увеличиваетъ его объемъ и укрѣпляетъ его, подобно тому, какъ гимнастика укрѣпляетъ наши мускулы. По наблюденіямъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, мозгъ людей ученыхъ, мыслителей и пр. бываетъ тверже, болѣе содержитъ сѣрой матеріи и имѣетъ болѣе изгибовъ. Вообще—у людей образованнаго класса замѣчаютъ большее развитіе передней части черепа, нажели у простолюдиновъ. Всякое умственное разстройство отражается на состояніи мозга. Показанія медиковъ, изслѣдовавшихъ трупы умалишенныхъ, доказываютъ, что поврежденія мозга непремѣнно являются при всякомъ помѣшательствѣ. Кромѣ того, много замѣчено несомнѣнныхъ случаевъ потери памяти при мѣстныхъ пораженіяхъ мозга, и—что особенно замѣчательно — часто терялась не вообще память, а только воспоминаніе о нѣкоторыхъ предметахъ. Нѣкоторые, напримѣръ, позабывали событія извѣстныхъ годовъ своей жизни, другіе забывали какой-нибудь изъ языковъ, имъ хорошо извѣстныхъ, иные переставали узнавать лица своихъ знакомыхъ и т. п. Каждый изъ подобныхъ случаевъ былъ слѣдствіемъ мѣстнаго пораженія мозга.

Вообще, связь духовной дѣятельности съ отправленіями мозга признана несомнѣнною въ сочиненіяхъ всѣхъ лучшихъ и добросовѣстныхъ натуралистовъ. Валентинъ говоритъ, что если мы станемъ срѣзывать мозгъ у какого-нибудь изъ млекопитающихъ животныхъ, то проявленія его внутренней дѣятельности ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается количество мозга; когда же доходятъ при этомъ до такъ называемыхъ мозговыхъ пещеръ, то животное погружается въ совершенную безчувственность. Положеніе это представляется совершенно очевиднымъ въ опытахъ Флурана, который у нѣкоторыхъ животныхъ, могущихъ переносить поврежденія мозга, срѣзывалъ мозгъ сверху пластами. Такимъ образомъ дѣлалъ онъ опыты надъ курицами и, постепеннымъ срѣзываніемъ мозга, доводилъ ихъ до того, что у нихъ исчезало всякое проявленіе высшей жизненной дѣятельности. Онѣ теряли даже способность произвольнаго движенія и всякую воспріимчивость къ впечатлѣніямъ внѣшнихъ предметовъ. Но при этомъ жизнь ихъ не прекращалась; ее поддерживали искусственнымъ питаніемъ, и куры въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ продолжали прозябать такимъ образомъ, даже увеличиваясь въ вѣсѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, нельзя не признать важности правильнаго развитія мозга для правильности самыхъ отправленій дѣятельности. И такъ какъ человѣкъ превосходитъ животныхъ всего болѣе совершеннѣйшимъ устройствомъ мозга, то для него этотъ органъ духовной дѣятельности долженъ имѣть особенно важное значеніе. Въ этомъ случаѣ можно повторить слова доктора Бока (русск. переводъ, стр. 171): «высшее и совершеннѣйшее развитіе мозга отличаетъ человѣка отъ животныхъ; недостатки же мозга, несовершенное развитіе или болѣзненное измѣненіе его болѣе или менѣе ослабляютъ сознаніе, способности духовныя и способность чувствовать и произвольно двигаться. Значительнѣйшіе недостатки мозга ставятъ человѣка иногда гораздо ниже животныхъ. Слѣдовательно, душа человѣческая прежде всего обусловливается здоровымъ мозгомъ».

Но для того, чтобъ мозгъ былъ здоровъ и развился правильно, необходимы нѣкоторыя особенныя условія. Въ организмѣ человѣка нѣтъ ни одной части, которая существовала бы сама по себѣ, безъ всякой связи съ другими частями; но ни одна изъ частей нашего тѣла не связана такъ существенно со всѣми остальными, какъ головной мозгъ. Не входя ни въ какія подробности, довольно сказать, что въ немъ сосредоточиваются нервы движенія и чувствованія. Понятно, поэтому, въ какой близкой связи находится дѣятельность мозга съ общимъ состояніемъ тѣла. Очевидно, что всякое измѣненіе въ организмѣ должно отражаться и на мозгѣ, если не въ мыслительной, то въ чувствовательной его части. Доселѣ еще физіологическія изслѣдованія не объяснили вполнѣ микроскопическаго строенія частицъ и химическаго состава мозга, и, слѣдовательно, нельзя еще сказать, какими именно матеріальными измѣненіями организма обусловливается та или другая сторона дѣятельности мозга. Тѣмъ не менѣе дознано уже достовѣрно, что, кромѣ охраненія мозга отъ поврежденій, для его развитія необходимы два главныя условія: *здоровое питаніе* и *правильное упражненіе*. Питаніе мозга производится изъ крови. Слѣдовательно, для правильнаго питанія его необходимо, чтобы въ

организмѣ правильно совершалось кровотвореніе, кровообращеніе и кровоочищеніе. Примѣры того, что порча крови вредно дѣйствуетъ на правильность отправленія мозга,—нерѣдки. Такъ, напримѣръ, бываетъ при разлитіи желчи, въ нервной горячкѣ, въ такъ-называемомъ собачьемъ бѣшенствѣ и пр. Кромѣ питанія, для развитія мозга необходимо еще упражненіе, посредствомъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. «Здоровый мозгъ,— говоритъ докторъ Бокъ (стр. 171),—долженъ развить свои умственныя способности постепенно, съ помощью пяти чувствъ и внѣшнихъ впечатлѣній. На этомъ основывается весь процессъ воспитанія. Человѣкъ, котораго тотчасъ по рожденіи удалили бы совершенно отъ общества людей, не имѣлъ бы и слѣда человѣческаго разума; а окруженный, при тѣхъ же условіяхъ, одними животными, онъ непремѣнно усвоилъ бы себѣ всѣ ихъ привычки, разумѣется настолько, насколько это позволяетъ человѣческая организація».

Наблюденія надъ исторіей духовнаго развитія человѣка несомнѣнно подтверждаютъ мнѣнія Бока, показывая, что чѣмъ менѣе внѣшнихъ впечатлѣній получалъ человѣкъ, тѣмъ менѣе, у́же кругъ его понятій, а вслѣдствіе того—ограниченнѣе и способность сужденія. Противъ этого положенія возражаютъ многіе, утверждая, что понятія и сужденія существуютъ въ человѣкѣ при самомъ рожденіи, и что иначе онъ ничѣмъ бы не отличался отъ животныхъ, имѣющихъ внѣшнія чувства столь же совершенныя, а иногда и лучшія, чѣмъ человѣкъ. Кромѣ того говорятъ: если бы всѣ понятія пріобрѣтались изъ внѣшняго міра, то дѣти, взросшія подъ одними вліяніями, должны бы быть одинаково умными. Такое возраженіе совершенно неосновательно; при немъ упускается изъ виду то обстоятельство, что ощущеніе внѣшнихъ впечатлѣній совершается не въ самыхъ органахъ чувствъ, а въ мозгу; мозгъ же неодинаковъ у людей и животныхъ и даже допускаетъ нѣкоторое различіе въ различныхъ людяхъ. Что нѣкоторыя особенности въ строеніи тѣла, въ темпераментѣ, въ расположеніяхъ—переходятъ наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ, это есть фактъ, еще необъяснимый для естествовѣдѣнія, но вполнѣ достовѣрный. Поэтому, часто одни и тѣ же впечатлѣнія дѣйствуютъ неодинаково на разныхъ людей. При этомъ, для сравненія, можно вспомнить замѣчательный фактъ, представляемый медициною. Лѣкарства, даваемыя больнымъ, дѣйствуютъ не на всѣ органы тѣла одинаково, а преимущественно на тѣ или другія, для которыхъ они и назначаются. Процессъ ихъ уподобленія организмомъ совершенно одинаковъ во всѣхъ случаяхъ: они входятъ въ кровь и вмѣстѣ съ нею разносятся по всему тѣлу. Но при этомъ обращеніи ихъ совершается, по нѣкоторымъ, иногда извѣстнымъ, а иногда и неизвѣстнымъ намъ, химическимъ законамъ, притяженіе ихъ къ той или другой части организма. Такимъ образомъ, можно полагать, что и въ дѣятельности мозга совершается воспріятіе однихъ впечатлѣній преимущественно предъ другими, и что тѣ впечатлѣнія, которыя проходятъ какъ бы незамѣтно чрезъ чувственные органы одного человѣка, производятъ сильное дѣйствіе на другого.

Что человѣкъ не изъ себя развиваетъ понятія, а получаетъ ихъ изъ внѣшняго міра, это несомнѣнно доказывается множествомъ наблюденій надъ людьми, находившимися въ какихъ-нибудь особенныхъ положеніяхъ. Такъ, напримѣръ, слѣпорожденные не имѣютъ никакого представленія о свѣтѣ и цвѣтахъ; глухіе отъ рожденія не могутъ составить себѣ понятія о музыкѣ. Люди, выросшіе въ лѣсахъ, въ обществѣ животныхъ, безъ соприкосновенія съ людьми, отличаются дикостью и неразвитостью понятій. Иногда эта неразвитость доходитъ почти до совершеннаго отсутствія всякихъ признаковъ разумности, какъ, напримѣръ, у извѣстнаго Каспара Гаузера, этой «неудачной попытки на разумное существованіе», по выраженію одного нѣмецкаго писателя.

То же самое подтверждается наблюденіями надъ дѣтьми, находящимися даже въ нормальномъ состояніи. Въ первое время жизни младенецъ не имѣетъ сознательной дѣятельности. По мнѣнію физіологовъ, онъ даже не чувствуетъ ни боли, ни голода; онъ беретъ грудь матери, но совершенно безсознательно, механически, просто вслѣдствіе извѣстнаго физіологическаго процесса въ его нервахъ. Онъ кричитъ и возится, потому что нервы ощущенія, раздражаясь, передаютъ раздраженіе и нервамъ движенія. Примѣры подобнаго непроизвольнаго движенія обнаруживаются нерѣдко и въ трупахъ, и въ тѣлахъ растительнаго царства. Что же касается до сознанія, то его еще нѣтъ и не можетъ быть въ новорожденномъ дитяти. «Внѣшнія впечатлѣнія,—говоритъ Бокъ (стр. 506),—не производятъ въ младенцѣ ощущеній или боли, потому что органъ ощущенія и сознанія, т.-е. мозгъ, еще неспособенъ къ дѣятельности. Крикъ дитяти происходитъ безъ всякаго сознанія, вслѣдствіе того, что раздраженные чувствительные нервы дѣйствуютъ на нервы органа голоса. Только впослѣдствіи,

съ развитіемъ мозга, появляются сознаніе и ощущенія».

Какимъ образомъ, малу-по-малу, происходитъ развитіе сознательной жизни въ человѣкѣ, довольно подробно излагается въ книгѣ доктора Бока, на стр. 521—529. Мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь его главныя положенія.

Появленіе сознательности въ ребенкѣ начинается, по мнѣнію доктора Бока, довольно рано. «Къ сожалѣнію, — говоритъ онъ,—большая часть родителей думаетъ, что разумъ, т.-е. способность мозга чувствовать, мыслить и желать, является не въ младенческомъ возрастѣ, а гораздо позже; поэтому имъ и въ голову не приходитъ, что грудной ребенокъ нуждается уже въ правильномъ воспитаніи». Воспитаніе, предлагаемое докторомъ Бокомъ, вовсе, впрочемъ, не то отвлеченное воспитаніе, о которомъ у насъ хлопочутъ, а діэтическое. Сначала чувства новорожденнаго чрезвычайно тупы, такъ что въ первое время онъ не можетъ отличить даже молока матери отъ самыхъ горькихъ веществъ, и только привычка къ сладкому мало-по-малу научаетъ его различать сладкій и горькій вкусъ. Точно такъ же постепенно, вслѣдствіе привычки къ впечатлѣніямъ извѣстнаго рода, развиваются и всѣ остальныя чувства; слѣдовательно, въ это уже время легко произвесть въ ребенкѣ много привычекъ и потребностей, которыя могутъ впослѣдствіи укорениться въ немъ. Раньше всѣхъ чувствъ появляется у ребенка осязаніе въ губахъ, которыми онъ ищетъ грудь матери; затѣмъ развивается зрѣніе, слухъ и т. д. Въ первый мѣсяцъ жизни, глаза дитяти совершенно недѣятельны, а потому и взглядъ у него совершенно безсмысленный и неопредѣленный. На пятой или шестой недѣлѣ ребенокъ начинаетъ уже всматриваться въ окружающіе предметы, вслѣдстіе чего въ мозгу его происходятъ первыя чувственныя впечатлѣнія, т.-е. умственные образы, постепенно все болѣе проясняющіеся. Мало-помалу они доходятъ до такой степени ясности, что могутъ представляться сознанію ребенка даже и тогда, когда самыхъ предметовъ нѣтъ предъ его глазами. Съ этого начинается дѣятельность способности представленій. Слухъ развивается параллельно съ зрѣніемъ, и оба органа въ развитіи своемъ помогаютъ другъ другу, такъ что, напримѣръ, впечатлѣніе, произведенное на слухъ, заставляетъ уже дитя открыть глаза и смотрѣть въ ту сторону, откуда выходитъ звукъ. На третьемъ мѣсяцѣ жизни, въ ребенкѣ уже появляется желаніе схватить видимый имъ предметъ; но при этомъ замѣчается въ немъ полное отсутствіе понятія о разстояніи и величинѣ, равно какъ и неумѣнье употреблять свои мускулы. Ребенокъ протягиваетъ рученки обыкновенно *мимо* предмета, и если ему дадутъ что въ руки, то онъ не умѣетъ держать. Но мало-по-малу развивается въ немъ и осязаніе. Трехъ мѣсяцевъ дитя начинаетъ уже лепетать, или, какъ говорится, *гулить*. Если ребенокъ часто слышитъ одно и то же слово, соединяемое съ видомъ какого-нибудь предмета, то оба представленія—и названія, и самаго предмета—сближаются въ его головѣ, такъ что, при названіи вещи, онъ можетъ вспомнить ея видъ и понять, о чемъ идетъ рѣчь. Только связь между предметами и порядокъ дѣйствій остаются еще ему чужды; связная рѣчь совершенно непонятна для него. Въ это же время (т.-е. пяти или шести мѣсяцевъ) ребенокъ научается различать ласковый тонъ рѣчи отъ сердитаго. Мѣсяца два спустя, въ немъ являются уже темныя представленія и о томъ, въ какомъ порядкѣ и для чего дѣлается то или другое. Достигши такой степени умственнаго развитія, ребенокъ уже пытается самъ говорить; но это умѣнье дается ему раньше или позже, смотря по тому, какъ развиты у него органы движенія. Воля развивается позже всего, уже на второмъ году, когда дитя можетъ бѣгать безъ посторонней помощи, и когда имѣетъ уже запасъ впечатлѣній, достаточный для того, чтобы составлять собственныя сужденія и выводы. Изъ этого видно, какъ важны первыя впечатлѣнія, ложащіяся на мозгъ ребенка, для будущаго его характера и дѣятельности. Замѣчено, что дѣти, съ которыми мать или кормилица весело болтала и шутила въ первые мѣсяцы ихъ жизни, получаютъ нравъ добрый и веселый. Многія дѣти, которыхъ долго водили на помочахъ, не позволяя имъ ходить безъ посторонней помощи, навсегда сохраняютъ въ характерѣ нерѣшительность и недовѣріе къ своимъ силамъ. Дѣти, которыя въ первый годъ жизни привыкли только къ пріятнымъ ощущеніямъ, «и отъ которыхъ при первомъ ихъ крикѣ удаляли все непріятное, съ большимъ трудомъ и впослѣдствіи переносятъ неудовольствія и злятся при малѣйшей неудачѣ. Большая часть дѣтей, которыхъ *учатъ* говорить, т.-е. натверживаютъ имъ слова, не показывая самаго предмета, обнаруживаютъ впослѣдствіи большую поверхностность».

Еще большее значеніе имѣютъ внѣшнія впечатлѣнія для дитяти, вступившаго уже въ третій, четвертый годъ жизни. До этого времени, по мнѣнію Бока, можно еще допустить награды и наказанія, даже тѣлесныя, но вовсе не какъ разумную педагоги-

ческую мѣру, а единственно въ уваженіе того, что въ дитяти не развиты еще органы разумной дѣятельности, и животная непосредственность преобладаетъ. Такъ, лѣнивая лошадь неутомимо ѣдетъ цѣлую дорогу, если впереди ея ѣдетъ возъ съ сѣномъ; такъ, ѣздокъ пришпориваетъ коня, чтобы онъ бѣжалъ скорѣе. Въ періодъ ранней, почти безсознательной жизни дитяти, награды и наказанія допускаются именно въ этомъ смыслѣ. Съ четвертаго года они становятся излишними и замѣняются убѣжденіемъ. По мнѣнію д-ра Бока (ст. 543), «ожиданіе обычной награды за благонравіе можетъ вселить въ дѣтей начала корыстолюбія, продажности, эгоизма». Наказанія, конечно, пугаютъ дѣтей, а «боязнь, — по словамъ Бока (стр. 550),—есть начало трусости, криводушія и подлости». Съ пятаго и особенно шестого года необходимо пріучать дѣтей къ разсужденію и отчетливости во всемъ, что они дѣлаютъ. Поэтому, никогда не слѣдуетъ заставлять дѣтей дѣлать то, что превышаетъ ихъ понятія, и въ чемъ они не могутъ ясно убѣдиться при маленькомъ запасѣ своихъ знаній, почерпнутыхъ изъ наблюденія внѣшняго міра. Нужно сколько можно болѣе и правильнѣе упражнять внѣшнія чувства ребенка, чтобы увеличился запасъ впечатлѣній въ его мозгу, и тогда свѣтлые взгляды и сужденія о различныхъ отношеніяхъ предметовъ неизбѣжно явятся въ головѣ его сами собою. набивая же голову ребенка разными понятіями, которыя выше его соображенія, мы производимъ только то, что дитя не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, не можетъ подчинить ихъ своей волѣ и освободиться отъ нихъ. «Многіе воспитатели, — говоритъ докторъ Бокъ,— конечно, думаютъ, что такого рода воспитаніе развиваетъ въ дѣтяхъ благородныя и возвышенныя чувства, но они ошибаются. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, т.-е. образуются не люди съ благородными чувствами, а сантиментальные фантазеры, совершенно негодные въ практической жизни и безполезные себѣ и другимъ» (стр. 551).

Нѣсколько данныхъ, приведенныхъ нами, могутъ, кажется, дать нѣкоторое понятіе о связи нервныхъ и мозговыхъ отправленій съ умственною дѣятельностью человѣка. Несомненные факты ясно показываютъ намъ, что для правильнаго хода и обнаруженія нашей мысли необходимо намъ имѣть мозгъ здоровый и правильно развитый. Слѣдовательно, если мы хотимъ, чтобы *умственная* сторона существа нашего развилась, то не должны оставлять безъ вниманія и физическаго развитія мозга.

Но читателю можетъ еще представляться вопросъ: «что же нужно дѣлать для *нравственнаго* развитія, на которое мозгъ долженъ имѣть вліяніе не прямое, а посредственное?» На этотъ счетъ мы привели уже мимоходомъ нѣсколько замѣтокъ доктора Бока; но здѣсь можемъ прибавить и еще нѣсколько соображеній. Они очень нехитры, и потому не будутъ продолжительны.

Если слѣдовать старинному (и доселѣ общепринятому) раздѣленію душевныхъ способностей человѣка, то кромѣ ума остаются еще чувство и воля. Дѣятельность чувства относится обыкновенно къ сердцу и совершенно освобождается отъ мозга. Мнѣніе это нельзя назвать совершенно основательнымъ. Собственно говоря, сердце въ нашихъ чувствахъ и страстяхъ невиновато нисколько. Все, что мы привыкли приписывать сердцу, зарождается опять-таки все въ томъ же головномъ мозгѣ. Но отъ мозга идутъ къ сердцу особые *нервы сердца*, которые находятся въ связи со всѣми прочими нервами тѣла; поэтому, всякое, сколько-нибудь чувствительное, раздраженіе, гдѣ бы и отъ чего бы оно ни произошло, немедленно сообщается въ головномъ или спинномъ мозгѣ нервамъ сердца и производитъ усиленное его біеніе. Такъ какъ это біеніе для насъ легче замѣтить, чѣмъ дѣятельность мозговыхъ нервовъ, то мы и приписываемъ всякое чувство сердцу. Но что первоначальная причина всякаго чувства — все-таки, мозгъ, въ этомъ не трудно убѣдиться посредствомъ, напр., такого соображенія. Чувствованія возникаютъ въ насъ вслѣдствіе впечатлѣній, полученныхъ отъ предметовъ внѣшняго міра. Но впечатлѣнія эти только тогда могутъ быть нами сознаны, когда они подѣйствовали на мозгъ. Иначе мы будемъ смотрѣть на предметъ и не видѣть; перерѣзанный нервъ будетъ раздражаемъ всѣми возможными средствами, и мы не будемъ чувствовать боли, потому что нервъ разобщенъ съ мозгомъ. Отсюда очевидно, что всякое чувство, прежде своего отраженія въ сердцѣ, должно явиться въ мозгу, какъ мысль, какъ сознаніе впечатлѣнія, и уже оттуда подѣйствовать на организмъ и проявиться въ біеніи сердца. Слѣдовательно, на чувство надобно опять дѣйствовать посредствомъ мысли. Одни чувства развиваются въ насъ сильнѣе, чѣмъ другія; одни люди чувствуютъ иначе, нежели другіе, — все это такъ. Но причина такого различія вовсе не заключается въ развитіи сердца, этого полаго мускула, выгоняющаго кровь кверху. Причина находится по большей части въ различіи первоначальныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ нашимъ мозгомъ. Если человѣкъ съ первыхъ дней дѣтства привыкъ,

напримѣръ, слышать постоянно мелодическіе звуки, то естественно, что у него разовьется чувство музыкальное; если въ дѣтствѣ не привыкъ человѣкъ переносить непріятныхъ ощущеній, то понятно, что малѣйшая непріятность выводитъ его изъ себя; если въ ребенкѣ успѣшно старались задерживать свободную дѣятельность мысли, то неизбѣжно родится въ немъ чувство отвращенія къ умственной дѣятельности и т. д. Вообще нужно сказать, что наши дурныя чувства происходятъ непремѣнно вслѣдствіе неполнаго, неправильнаго или совершенно превратнаго воспріятія впечатлѣній мозгомъ. Какъ послѣ сильнаго звука мы уже не слышимъ посредственнаго, но довольно слышнаго звука, или какъ мы ничего не видимъ, внезапно перейдя отъ яркаго освѣщенія въ мѣсто, слабо освѣщенное, но все же довольно свѣтлое; такъ точно бываютъ подобныя неправильныя воспріятія, а вслѣдствіе того и чувства, и въ предметахъ, прямо относящихся къ нашей духовной дѣятельности. Человѣкъ, привыкшій постоянно получать похвалы, не радъ и даже досадуетъ, когда его хвалятъ меньше обыкновеннаго; тотъ, кто привыкъ къ праздной жизни и мало испытывалъ сильныхъ впечатлѣній, пугается ничтожнаго труда, какъ неисполнимаго; человѣкъ, съ дѣтства привыкшій къ воспріятіямъ сценъ грязныхъ и грубыхъ, наслаждается даже и въ пошломъ кругу, который хоть немножечко поопрятнѣе его прежняго общества. Такимъ образомъ всѣ, дурныя и хорошія, чувства и страсти наши находятся въ полной зависимости отъ степени развитія и отъ здоровья или нездоровья мозга. Развитіе симпатическихъ чувствованій вмѣстѣ съ образованностью и преобладаніе эгоистическихъ при невѣжествѣ извѣстны всякому.

На основаніи этихъ данныхъ можно положительно сказать, что старанія многихъ воспитателей *дѣйствовать на сердце* дитяти, не внушая ему здравыхъ понятій, совершенно напрасны. Результатомъ подобнаго «дѣйствованія на сердце» бываетъ обыкновенно добродушіе по привычкѣ, при совершенной шаткости и безсиліи убѣжденій. Можно рѣшительно утверждать, что только та доброта и благородство чувствованій совершенно надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе — нѣтъ никакого ручательства за нравственность человѣка съ *добрымъ* сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ: вспомнимъ, что «услужливый медвѣдь опаснѣе врага».

При воспитаніи, слѣдовательно, развитіе чувства является само собою, если только умственныя воспріятія правильны, послѣдовательны и ясны. У дѣтей часто можно замѣчать, какое удовольствіе доставляетъ имъ ясное сознаніе какого-нибудь новаго предмета, новой мысли. Какъ будто какой-то свѣтъ озаряетъ ихъ, глаза ихъ свѣтятся, все лицо какъ будто сіяетъ, они начинаютъ говорить отъ избытка чувства, составляютъ свои соображенія, планы и т. д. Это значитъ, что мысль усвоена ими съ полнотою и ясностью, достаточною для того, чтобы возбудить въ нихъ внутреннее чувство,—и счастливъ учитель, который умѣетъ часто приводить своихъ учениковъ въ такое состояніе. Въ этомъ отношеніи г. Шнелль совершенно справедливо говоритъ (стр. 146): «при обученіи не нужно патетическихъ рѣчей, декламацій и т. д., для того, чтобы мысль дѣйствовала и на чувство ученика. Всякое истинное преподаваніе само по себѣ доставляетъ богатый матеріалъ чувству, потому что познаніе просвѣтляетъ не только умъ, но и сердце, оживляя и радуя его. Познаніе и радость находятся въ ближайшемъ сродствѣ между собою».

Что касается до воли, то она еще болѣе, нежели чувство, зависитъ отъ впечатлѣній, производимыхъ на нашъ мозгъ внѣшнимъ міромъ. Въ наше время уже всякій понимаетъ, что абсолютная свобода воли для человѣка не существуетъ, и что онъ, какъ всѣ предметы природы, находится въ зависимости отъ ея вѣчныхъ законовъ. Кромѣ г. Берви, автора «Физіологическо-психологическаго взгляда», никто уже не можетъ нынѣ сказать, что человѣкъ существуетъ внѣ условій пространства и времени и можетъ по произволу измѣнять всеобщіе законы природы. Всякій понимаетъ, что человѣкъ не можетъ дѣлать все, что только захочетъ, слѣдовательно, свобода его есть свобода относительная, ограниченная. Кромѣ того, самое маленькое размышленіе можетъ убѣдить всякаго, что поступковъ, совершенно свободныхъ, которые бы ни отъ чего, кромѣ нашей воли, не зависѣли, никогда не бываетъ. Въ рѣшеніяхъ своихъ мы постоянно руководствуемся какими-нибудь чувствами или соображеніями. Предположить противное — значитъ допустить дѣйствіе безъ причины.

Собственно говоря, воли, какъ способности отдѣльной, самобытной, независимой отъ другихъ способностей, допустить невозможно. Всѣ ея дѣйствія обусловливаются и даже неизбѣжно производятся тѣмъ запасомъ знаній, какой скопился въ нашемъ мозгу, и той степенью раздражительности, какую имѣли наши нервы. Орудіемъ выполненія нашихъ желаній служатъ нервы движенія, идущіе отъ мозга ко всѣмъ мус-

кулам. Поэтому степень развитія мускуловъ также обусловливаетъ нашу дѣятельность. Необходимо также, чтобы нервы мускуловъ были соединены съ мозгомъ; иначе они не будутъ намъ повиноваться, и мы не въ состояніи будемъ произвести движеніе.

Что желанія появляются сначала въ мозгу, доказательствомъ можетъ служить уже одно то, что желанія эти имѣютъ всегда какой-нибудь предметъ, какую-нибудь цѣль. Значитъ, для желанія нужно, чтобы предметъ произвелъ сначала впечатлѣніе на нашъ мозгъ, потому что нельзя же желать того, о чемъ не имѣешь никакого представленія. Далѣе нужно, чтобы впечатлѣніе предмета было пріятное, т.-е. успокоительное, а не разрушительное для нашей натуры: какъ все въ мірѣ, человѣкъ стремится только къ тому, что соотвѣтствуетъ его натурѣ въ какомъ-нибудь отношеніи, и отвращается отъ того, что ей противно. Такимъ образомъ, такъ называемая свобода выбора — въ сущности означаетъ именно возможность, существующую въ нашемъ умѣ, сличить нѣсколько предметовъ и опредѣлить, какой изъ нихъ лучше. Здѣсь очень кстати припомнить извѣстный афоризмъ, что «всякій преступникъ есть прежде всего худой счетчикъ». Дѣйствительно, большая часть преступленій и безнравственныхъ поступковъ совершается по невѣжеству, по недостатку здравыхъ понятій о вещахъ, по неумѣнью сообразить настоящее положеніе дѣлъ и послѣдствія поступка; и только немногія безнравственныя дѣйствія совершаются вслѣдствіе твердаго, но ложнаго убѣжденія. По этому можно отличить легкомысленные проступки отъ заблужденій серьезныхъ. Нѣкоторые безнравственные люди оправдываютъ себя, считая свой образъ мыслей справедливымъ и соображая съ ними свои дѣйствія. Но такихъ не слишкомъ много. Большая часть людей совершаетъ проступки всякаго рода потому, что ни о чемъ собственно не имѣетъ опредѣленнаго понятія, а такъ себѣ, колеблется между добромъ и зломъ. Хорошій стихъ нападаетъ, такъ кажется, что вотъ это безнравственно, а другая минута придетъ, такъ, пожалуй, то же самое и нравственнымъ покажется. Хочетъ человѣкъ выпить рюмку ради стомаха и очень хорошо понимаетъ, что много пить не слѣдуетъ; но для компаніи онъ не откажется выпить еще одну и другую рюмку, и тутъ уже понятія его совершенно переворачиваются. Пока у человѣка есть деньги, и нѣтъ ни въ чемъ нужды, онъ не захочетъ принять какой-нибудь благодарности, считая это безчестнымъ. Но тотъ же самый человѣкъ будетъ, пожалуй, даже напрашиваться на благодарность, ежели нужда горькая придавитъ его. Такъ всѣ взяточники, обманщики, притѣснители, мало-по-малу, пріобрѣтаютъ привычку и достигаютъ нѣкотораго искусства въ своемъ дѣлѣ. Иногда вмѣстѣ съ практикою приходитъ и теоретическое убѣжденіе, съ нею сообразное. Но чаще всего нравственное убѣжденіе остается въ головѣ само по себѣ, въ отвлеченіи, а дѣла идутъ сами по себѣ. Все это — слѣдствіе того, что понятія о нравственности въ головахъ многихъ людей не вырабатываются самобытно, а западаютъ въ голову мимоходомъ, со словъ другихъ, въ то время, когда мы еще и не въ состояніи понять такихъ внушеній. Понятія многихъ людей о нравственности можно сравнить съ нашими понятіями о вредѣ, напримѣръ, куренья табаку, питья чаю, кофе и т. п. Мы всѣ слыхали что-то такое о вредѣ всего этого, но, вѣдь, мало ли что мы слыхали? Ясное и вѣрное сужденіе о томъ, вредны ли табакъ и чай, и въ какихъ случаяхъ вредны,— пріобрѣсти довольно трудно; поэтому мы и довольствуемся слухами, да и о тѣхъ часто забываемъ. Нельзя же за каждой папироской и за каждой чашкой чаю вспоминать медицинскія наставленія, которыя еще, можетъ быть, и несправедливы. Совершенно такъ же многіе забываютъ и о нравственности въ своихъ житейскихъ попеченіяхъ. Вообще произволъ, который столь многіе смѣшиваютъ съ истинной свободой, означаетъ, напротивъ, самую рабскую зависимость человѣка отъ перваго встрѣчнаго впечатлѣнія. Оттого-то дѣти, которыхъ всѣ прихоти безпрекословно исполнялись, несмотря на всю ихъ нелѣпость,—вырастаютъ столь же мало нравственно-свободными, какъ и тѣ дѣти, у которыхъ съ самаго начала жизни подавляемы были всѣ проявленія воли, т.-е. всѣ попытки къ самостоятельному обсужденію предметовъ. Г. Шнелль совершенно справедливо говоритъ объ этомъ (стр. 222):

«Преимущественно должны мы предохранять себя и другихъ отъ произвола. Кто слѣпо слѣдуетъ минутному настроенію духа, кто въ своихъ поступкахъ руководствуется только произволомъ, не подчиняя свою волю высшей власти разума и справедливости, тотъ будетъ или слабымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, или притѣснителемъ и тираномъ самого себя и другихъ, и это случается даже съ дѣтьми... Люди жестокіе, мучители человѣчества всѣ воспитываются такимъ образомъ. Это несчастнѣйшіе и опаснѣйшіе люди. Имъ нельзя довѣрить, хотя бы они сами проповѣдывали братство и законную гражданскую свободу, потому что произволъ, служащій

рычагомъ всѣхъ ихъ поступковъ, есть также источникъ несправедливости, жестокости и злодѣйства».

Несомнѣнное вліяніе органическаго развитія на умственную и нравственную дѣятельность человѣка уже очень давно сдѣлалось предметомъ изслѣдованія натуралистовъ. Способъ и самая сущность этого вліянія со дня на день все болѣе объясняются новѣйшими физіологическими изслѣдованіями. Опираясь на эти изслѣдованія, мы уже смѣло можемъ сказать теперь, что естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма гораздо болѣе значитъ для умственной дѣятельности, нежели всевозможныя искусственныя внушенія. Здоровое же состояніе и нормальное развитіе мозга отражается и на чувствованіяхъ и желаніяхъ нашихъ сильнѣе и скорѣе, нежели всяческія нравоучительныя сентенціи и патетическія тирады, которыя мы заучиваемъ наизусть, большею частью безъ всякаго толку.

Указывая въ этой статьѣ на нѣкоторые результаты физіологическихъ изслѣдованій, мы вовсе не пускались ни въ какія объяснительныя подробности относительно строенія организма вообще, состава и устройства нашего мозга, нервной системы и пр. Мы не хотѣли вводить этихъ подробностей въ статью нашу потому, что онѣ слишкомъ увеличили бы объемъ статьи, а между тѣмъ, все-таки, не могли бы дать читателямъ, незнакомымъ съ анатоміей и физіологіей, совершенно яснаго понятія о строеніи всего нашего организма: такое понятіе можетъ быть почерпнуто не иначе, какъ изъ книги, спеціально посвященной этому предмету. Между тѣмъ, статья наша написана именно для людей, совершенно незнакомыхъ съ физіологіей; кто хоть сколько-нибудь занимался ею, тотъ не найдетъ здѣсь, вѣроятно, ни одного факта, ни одного положенія новаго... Но и для незнающихъ современнаго положенія физіологіи статья наша не можетъ показаться удовлетворительною, именно по отсутствію подробностей. Строгіе критики замѣтятъ, что, слѣдовательно, вся наша статья безполезна и написана совершенно напрасно. Предупреждая такое заключеніе, мы спѣшимъ оговориться, что вовсе не приписываемъ нашимъ замѣткамъ какого-нибудь особеннаго значенія. Единственная наша цѣль была — пробудить въ читателяхъ, совершенно чуждыхъ естественнымъ наукамъ, хотя нѣкоторый интересъ къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе публики на двѣ книги, весьма небезполезныя для перваго знакомства съ физіологіей и съ ходомъ человѣческаго развитія. Всѣ анатомическія и физіологическія подробности, которыхъ недостаетъ въ нашей статьѣ, читатель можетъ найти въ «Книгѣ о здоровомъ и больномъ человѣкѣ», доктора Бока, сочиненіи весьма простомъ и популярномъ. Примѣненіе же физіологическихъ началъ къ воспитанію можно найти въ сочиненіи Шнелля, который тоже излагаетъ много полезныхъ и справедливыхъ мыслей, хотя иногда и увлекается кое-какими мечтаніями, въ сущности вовсе ненужными для правильнаго органическаго развитія человѣка.

---

148. Московскій университетскій благородный пансіонъ

и воспитанники Московскаго Университета, гимназій его, университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго общества. Сочиненіе *Н. В. Сушкова*, вновь исправленное и пополненное. Съ портретомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. М. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147. Рецензія раздѣляется на двѣ части. Въ первой происходитъ обычное для Добролюбова осмѣяніе старины, на этотъ разъ одного изъ ея обломковъ — московскаго университетскаго благороднаго пансіона, съ его вѣрнымъ Прокоповичемъ-Антонскимъ, — олицетвореніемъ старой, домостроевской педагогіи, болѣе молодыми эпигонами которой были Давыдовъ, Шевыревъ и tutti quanti. Эта часть очень по обыкновенію остроумна. Во второй—сводятся счеты съ славянофилами, какъ вдохновителями сгубившей Гоголя «Переписки съ друзьями», за которую Бѣлинскій назвалъ его «проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристомъ татарскихъ нравовъ»... Сушковъ сыгралъ роль услужливаго медвѣдя, Добролюбовъ торжествовалъ въ своемъ гнѣвѣ, торжествовалъ, имѣя въ рукахъ письма Чаадаева и Вигеля, впервые опубликован-

ныя и совершенно достаточныя, чтобы на глазахъ широкой публики бросить рѣзкія обвиненія на ту сторону, и знать, что тамъ смогутъ только расписаться въ полученіи... По отсутствію обычной сдержанности эта часть статьи очень характерна для писателя, глубоко и благоговѣйно чтившаго честные завѣты Бѣлинскаго.

М. Л.

«Что ни есть въ печи, все на столъ мечи», говоритъ русская пословица, и хлѣбосольный господинъ Сушковъ держится ея даже до излишества. На бѣду—печь воспоминаній г. Н. В. Сушкова очень обширна: въ ней уже состряпанъ былъ, какъ извѣстно, цѣлый «обозъ къ потомству»; а теперь вновь состряпанъ лексиконъ собственныхъ именъ, бывшихъ когда-нибудь въ спискахъ московскаго университета и университетскаго пансіона, съ краткими отмѣтками автора объ ихъ успѣхахъ на службѣ. Правда, многія изъ нѣсколькихъ сотъ именъ, перечисляемыхъ г. Сушковымъ, пользовались почетной извѣстностью когда-то давно, а теперь уже вкусъ ихъ совершенно утратился. Такія ученыя и литературныя извѣстности, какъ гг. Жихаревъ, Давыдовъ (Иванъ), Шевыревъ, Морошкинъ и пр., не имѣютъ въ глазахъ нынѣшней публики особеннаго блеска. Равнымъ образомъ изящному пиру воспоминаній г. Н. В. Сушкова не дадутъ особеннаго вкуса ни формулярные списки, сообщаемые имъ, ни дружескія восхваленія, въ изобиліи расточаемыя, ни моральныя сентенціи, съ прибавкою идиллическихъ отвлеченностей. Къ счастію, мы можемъ не кушать тѣхъ изъ яствъ, изготовленныхъ г. Сушковымъ, которыя намъ не нравятся. За исключеніемъ ихъ останется, правда, весьма скудная трапеза; но, все-таки, кое-какія крохи еще останутся, если не въ воспоминаніяхъ г. Сушкова, то въ матеріалахъ, къ нимъ приложенныхъ. Приложенія составляютъ болѣе половины книги г. Сушкова и представляютъ замѣчательное разнообразіе. Тутъ находятся и письма Вигеля, Шевырева, Чаадаева, и сочиненіе Антонскаго о воспитаніи, и мнѣніе г. М. Дмитріева о гекзаметрахъ, и слово архимандрита Митрофана, и даже знаменитое въ свое время объявленіе о *полезномъ изобрѣтеніи* дворянина Шенгелидзева. Перебирая всѣ эти приложенія, мы подумали: вотъ у кого бы нашимъ практическимъ юристамъ позаимствоваться искусствомъ притягивать людей къ дѣлу *по прикосновенности!*.. Кажется, зачѣмъ бы письма Вигеля о Гоголѣ и Москвѣ, или «Силотворъ» г. Шенгелидзева приплетать къ воспоминаніямъ о «Благородномъ пансіонѣ»? А нашелся поводъ. Въ старину, дескать, изъ пансіона вышло нѣсколько человѣкъ съ мистическимъ направленіемъ, которые, пожалуй, и отъ алхиміи, и отъ perpetuum mobile не прочь бы; вотъ на нихъ и Шенгелидзевъ похожъ былъ, вслѣдствіе чего и помѣщаются въ приложеніяхъ подъ №№ VI, VII и VIII — разныя объявленія, какія онъ печаталъ о своихъ изобрѣтеніяхъ.

Впрочемъ, всякій въ своемъ добрѣ воленъ, и чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Мы вовсе не хотимъ упрекать г. Сушкова въ плохомъ составѣ его воспоминаній и приложеній. Мы можемъ, разумѣется, о нѣкоторыхъ предметахъ имѣть другія понятія, нежели г. Сушковъ, можемъ не соглашаться съ нимъ; но это не заставитъ насъ дойти до несправедливаго осужденія всего, что говоритъ г. Сушковъ. Напримѣръ, мы не можемъ не признать высоко-идеальной правды въ афоризмѣ, высказанномъ имъ, что «благія намѣренія, никогда не остаются безъ награды» (стр. 31). Такъ точно не можемъ не согласиться съ замѣчаніемъ г. Сушкова, что «упоительно замираетъ юное сердце предъ чтеніемъ своего стихотворенія» (стр. 50). Равнымъ образомъ нельзя не признать справедливыми показаній г. Сушкова о томъ, что Грибоѣдовъ написалъ «Горе отъ ума», что Лермонтовъ хорошо писалъ въ прозѣ и въ стихахъ, что Свиньинъ издавалъ «Отечественныя Записки», Бѣгичевъ написалъ «Семейство Холмскихъ» и пр. и пр.

Но, отдавая полную справедливость афоризмамъ и свѣдѣніямъ г. Сушкова, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что въ сужденіяхъ чисто литературныхъ онъ нерѣдко впадаетъ въ ошибки. На это, впрочемъ, нельзя сердиться, потому что ошибка въ фальшь не ставится... Что же дѣлать, если человѣкъ ошибается? Когда онъ молодъ, то нужно вразумить его; а когда старъ, то нужно вразумить молодыхъ людей, указавши имъ, что вотъ, молъ, сей старецъ ошибается. Больше нечего дѣлать. Г. Сушковъ кончилъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ уже 45 лѣтъ назадъ, слѣдовательно старецъ. Поэтому мы его вразумлять не станемъ; но для читающаго юношества замѣтимъ, что увлечься нѣкоторыми ошибками г. Сушкова было бы непохвально. Такъ, г. Сушковъ говоритъ о Милоновѣ: «Талантъ его неоспоримъ. Сочиненія его напечатаны. Всѣ читающіе у насъ читали ихъ». (Стр. 79). Послѣднее замѣчаніе, можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Точно

такъ же не вполнѣ основательно, можетъ быть, мнѣніе, что «ужъ конечно *ни Дельвигъ, ни Кольцовъ* (!) ничего не написали лучше нѣкоторыхъ пѣсенъ Мерзлякова» (стр. 89). Нельзя также вполнѣ согласиться съ г. Сушковымъ, когда онъ говоритъ, что «одна изъ главнѣйшихъ заслугъ пансіона состояла *въ отдѣлкѣ и развитіи благороднаго письменнаго слога*», и затѣмъ продолжаетъ (стр. 35):

«Тутъ дѣйствовали не одни писатели, а всѣ, подвизавшіеся на службѣ, воспитанники, какъ рѣшительно всѣ грамотные, грамотные въ полномъ значеніи слова: *грамотей*. Ихъ наперерывъ ловили начальства по всѣмъ частямъ: въ сенатъ, въ коллегіи, въ министерства, въ палаты и т. д. И. И. Дмитріевъ, будучи министромъ юстиціи, окружилъ себя ими. Они-то общими силами *очистили, обработали, облагородили, возвысили прежній канцелярскій, судейскій, словомъ приказный, подьяческій языкъ до настоящаго, яснаго, краткаго, литературнодѣлового слога!*».

Юноши! Не увлекайтесь похвалами почтеннаго старца нынѣшнему канцелярскому слогу, но избѣгайте онаго, помня, что слогъ сей ни кратокъ, ни ясенъ, ни литературенъ!

Подобныхъ воззваній къ юношамъ мы могли бы сдѣлать много, потому что ошибокъ у г. Сушкова—много. Но отвратимъ свои взоры отъ несовершенствъ человѣческихъ и посмотримъ лучше на прекрасную, идеальную личность благодѣтеля, наставника и друга г. Сушкова—А. А. Прокоповича-Антонскаго, изображенную г. Сушковымъ весьма полно и краснорѣчиво.

Антонскій умеръ въ 1848 г. девяностолѣтнимъ старцемъ, исполненный дѣтскаго добродушія, простосердечія и невинности чувствованій. На службѣ онъ былъ 58 лѣтъ, какъ заключаетъ г. Сушковъ изъ того, что у него съ 1835 г. была уже пряжка за 45 лѣтъ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ онъ съ 1817 года. Послѣдняя награда, полученная имъ въ 1846 г., уже незадолго до смерти, была ему дарована, какъ вице-президенту Московскаго общества сельскаго хозяйства и начальнику земледѣльческой школы. Это былъ орденъ св. Станислава 1-й степени. «И какъ онъ доволенъ былъ этой наградой!» прибавляетъ г. Сушковъ (стр. 65).

Какъ сильно дѣйствовала на любящую душу Антонскаго малѣйшая неисправность по службѣ, какъ близко принималъ онъ къ сердцу всякое замѣчаніе,—доказываетъ одинъ случай, разсказанный г. Сушковымъ.

«Предъ преобразованіемъ пансіона въ гимназію (1830 г.) государь императоръ посѣтилъ его и изъявилъ Антонскому, какъ начальнику, неудовольствіе свое, касательно наружнаго порядка, пестроты въ одеждѣ воспитанниковъ и т. п. Антонскій заплакалъ. Императоръ сказалъ ему успокоительное, ласковое слово». При всемъ томъ тяжелое воспоминаніе объ этомъ случаѣ глубоко запало въ душу семидесятилѣтняго старца, и онъ до конца жизни избѣгалъ говорить объ этомъ (стр. 64).

Замѣчаніе о неисправностяхъ, сдѣланное Антонскому, должно было тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на чувствительное сердце его, что онъ во всей своей службѣ отличался рѣдкою аккуратностью и постоянною вѣрностью долгу. Такъ, съ 1795 года, со времени учрежденія цензуры, Антонскій былъ цензоромъ, и «замѣчательно, говоритъ г. Сушковъ (стр. 60), что при всѣхъ перемѣнахъ по цензурѣ, которая то была независима отъ гражданскихъ властей, то была въ завѣдываніи сената, то даже была нѣкоторое время подчинена московской полиціи, изъ множества одобренныхъ имъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ, сочиненій или переводовъ на разныхъ языкахъ, изъ всѣхъ всякаго содержанія книгъ, повременныхъ изданій, журналовъ, вѣдомостей, отдѣльныхъ статей, тетрадокъ, листковъ, объявленій и т. д., *никогда ни одна строка не подвергалась замѣчанію правительства!*» Въ самомъ дѣлѣ, это замѣчательно.

Кромѣ обязанностей собственно административныхъ, Антонскій принималъ на себя также весьма много званій ученыхъ и литературныхъ. Онъ былъ профессоромъ энциклопедіи, натуральной исторіи и сельскаго хозяйства; членомъ Временнаго Комитета для составленія ученой россійской исторіи, членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, Общества исторіи и древностей россійскихъ, предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности, вице-президентомъ Обществъ—садоводства и земледѣльческаго. Во всѣхъ этихъ званіяхъ (и еще многихъ другихъ, нами опущенныхъ) онъ выказывалъ, по словамъ г. Сушкова, неутомимую дѣятельность и душевное настроеніе, которымъ сопровождалась гражданская дѣятельность Антонскаго. Чтобы дать читателямъ совершенно ясное понятіе объ этомъ добромъ, благодушномъ характерѣ, мы считаемъ не лишнимъ выписать изъ разсказа г. Сушкова слѣдующія краснорѣчивыя строки:

«При всѣхъ многоразличныхъ трудахъ и обязанностяхъ своихъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, словесности, художествъ, государственнаго хозяйства, сельскаго домоводства и, главное, по долголѣтнему воспи-

танію и образованію двухъ-трехъ поколѣній всѣхъ въ Россіи сословій, Антонъ Антоновичъ не забылъ и службы Богу—попеченія о благолѣпіи дома Господня: онъ радостно принялъ на себя смиренное званіе церковнаго старосты при храмѣ во имя св. Николая Чудотворца (въ Хлыновѣ), въ приходѣ котораго, оставя по разстроенному здоровью пансіонъ, купилъ поземный, скромный о 5 окнахъ съ теремкомъ (мезониномъ) домикъ, ребромъ въ Леонтіевскій переулокъ и крыльцами въ садъ и на дворъ. Внутри старческой обители—чистота, уютность, простота, кругомъ ея каменная ограда, чугунная рѣшетка и львы подъ воротами. Дворъ усыпанъ пескомъ. Садъ опрятенъ, свѣжъ и прохладенъ».

Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этой свѣтлой, благоуханной картинѣ?

Послѣднее время жизни маститаго старца, равно и всѣ факты, приводимые г. Сушковымъ изъ его служебной и воспитательной дѣятельности, обнаруживаютъ въ немъ простоту и добродушіе необыкновенное. Антонъ Антоновичъ былъ младенчески-невиненъ въ отношеніи ко всѣмъ такъ называемымъ *высшимъ* вопросамъ, волновавшимъ и волнующимъ людей, которыхъ г. Сушковъ весьма удачно называетъ «совопросниками вѣка сего». Чистая православная вѣра, приверженность къ постановленіямъ своего отечества, умѣренность въ жизни и строгая аккуратность въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей—вотъ въ чемъ протекала жизнь Антонскаго и его общественное служеніе. Нѣкоторые изъ людей, потерявшихъ вѣру въ безкорыстіе человѣческое, удивлялись, по замѣчанію г. Сушкова, откуда при всѣхъ этихъ качествахъ взялось состояніе Антонскаго? Г. Сушковъ весьма точно и ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, доказывая, что Антонскій, несмотря на свое добродушіе, вовсе не чуждъ былъ оборотливости, смѣтливости и умѣнья извлекать честныя выгоды изъ своего достоянія. Это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ Антонскаго въ глазахъ людей благомыслящихъ, показывая, что онъ вовсе не былъ изъ числа какихъ-нибудь наивныхъ мечтателей, которые, увлекаясь своими мечтами, считаютъ излишнимъ заботиться о своихъ житейскихъ дѣлахъ и потому вѣчно остаются бѣдняками, не умѣя ни нажить, ни пріумножить своего состоянія. Не таковъ былъ Антонскій, человѣкъ практическій, хозяинъ и пріобрѣтатель. Вотъ что говоритъ о немъ г. Сушковъ:

«Мнѣ случалось иногда слышать обидный вопросъ: откуда взялось состояніе Антонскаго? Объясню, откуда. Съ 1782 (т.-е. съ того времени, когда онъ поступилъ казеннымъ студентомъ въ университетъ), по 1848 г., въ теченіе 66 лѣтъ строго-умѣренной жизни, немудрено составить нѣкоторый капиталъ. Антонъ Антоновичъ, съ 1782 по 1824 г., пользовался казеннымъ помѣщеніемъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; Дружеское Общество содержало его вначалѣ, потомъ онъ получалъ жалованье и пособія по разнымъ должностямъ; а между тѣмъ пускалъ въ обороты и сбереженія свои и присылаемыя ему деньги родителями его. Призанявъ къ своему капиталу 10,000 руб. у одного изъ своихъ пріятелей (В. А. Жуковскаго), онъ купилъ деревню въ такое время, когда ревизская душа была цѣнима въ 75 р. ас.; уплативъ изъ доходовъ деревни свой долгъ, по временамъ прикупалъ продаваемыя въ опекунскомъ совѣтѣ имѣнія, вновь выплачивалъ долгъ, вновь занималъ, вновь прикупалъ, и такимъ образомъ, при постоянной бережливости, разсчетливости и оборотливости, оставилъ наслѣдникамъ своимъ *честное стяжаніе труда и хозяйства* [1])—нѣсколько сотъ крестьянъ, домикъ въ Москвѣ и, можетъ быть, капиталъ, а вѣроятнѣе долги на имѣніи» (стр. 55).

Такимъ объясненіемъ г. Сушковъ не только оправдалъ память своего благодѣтеля и пѣстуна (такъ называетъ онъ Антонскаго), но и показалъ новую сторону его характера, бывшую, вѣроятно, неизвѣстною читающей публикѣ. Будучи до конца жизни другомъ Антонскаго, г. Сушковъ имѣлъ возможность знать о немъ многое, недоступное другимъ, и потому его воспоминанія объ Антонѣ Антоновичѣ имѣютъ важное значеніе. Интересно, что статью, изъ которой мы почерпнули всѣ, приведенныя выше, подробности, г. Сушковъ читалъ самому Антонскому, незадолго до его смерти, добродѣтельный старецъ прослезился послѣ чтенія статьи и сказалъ: «благодарю! Я знаю, что вы всегда любили меня; но не зналъ, что такъ сильно-то любите! Только ужъ это послѣ смерти моей будетъ напечатано». Сколько трогательнаго добродушія и наивной скромности въ этихъ словахъ!..

Характеръ отношеній Антонскаго къ г. Сушкову, отличавшійся добродушной патріархальностью и вмѣстѣ строжайшимъ соблюденіемъ общественныхъ и служебныхъ приличій, выразился весьма хорошо въ одной коротенькой его запискѣ, приводимой г. Сушковымъ въ предисловіи (стр. XI). Въ именины г. Сушкова, Антонскій посылаетъ ему свой портретъ и пишетъ своему воспитаннику и другу слѣдующее:

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ. *Прим. Д.*

«По желанію вашего превосходительства, съ удовольствіемъ посылаю свой обликъ. Онъ уже, отъ старости и дряхлости, ненаряденъ, но съ душею, исполненной къ вамъ любви и уваженія.

Душевно преданный
А. Антонскій».

Г. Сушковъ немедленно отвѣчалъ на это: «не съумѣю выразить всѣхъ чувствъ радости и благодарности за драгоцѣнный подарокъ вашего превосходительства» и проч.

Съ тѣмъ же характеромъ является намъ Антонскій и въ сочиненіи своемъ «О воспитаніи», *приложенномъ* также къ книгѣ г. Сушкова. Всѣ его идеи направлены къ тому, чтобы сдѣлать молодыхъ людей мудрыми и добродѣтельными. Въ указаніи средствъ для этой цѣли и въ опредѣленіи нѣкоторыхъ частностей Антонскій, конечно, дѣлаетъ ошибки, свойственныя его времени. Кромѣ того, много встрѣчается у него общихъ мѣстъ (которыя, впрочемъ, тогда могли быть и не общими); но есть и нѣсколько мыслей, до сихъ поръ не потерявшихъ своей справедливости и свѣжести. Такова, напр., его мысль, что дитя съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни, надо пріучать къ самостоятельному разсужденію, и что это разсужденіе «такъ сказать, съ млекомъ матернимъ должно быть всасываемо дѣтьми». (Прил. стр. 96). Таково мнѣніе о вліяніи естественныхъ и математическихъ наукъ, которыя, пріучая дѣтей не довольствоваться простыми вѣроятностями и правдоподобіями и заставляя во всемъ искать достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ, укрѣпляютъ разсудокъ и дѣлаютъ его основательнымъ» (стр. 100). Точно также хороши въ сущности мысли о томъ, какъ воспитатель долженъ дѣйствовать на сердце своего питомца,—хотя онѣ и изложены нѣсколько идиллически (стр. 104). Но нельзя не замѣтить ошибочности взгляда Антонскаго на исторію, по которому весь ходъ исторіи является слѣдствіемъ «ухищренія и коварства страстей человѣческихъ». «Неизъяснима польза исторіи, говоритъ онъ (стр. 99). Благоразумный наставникъ все употребитъ въ свою выгоду: онъ дастъ почувствовать воспитаннику своему, какъ страсти человѣческія ухищрялись и коварствовали во всѣ времена, во всѣхъ странахъ у всѣхъ племенъ; какъ ниспровергали онѣ троны и начальства, премѣняли судьбу народовъ, преносили владычество отъ языка въ языкъ и какъ, содѣйствіемъ ихъ, подобно какъ содѣйствіемъ сокровенныхъ пружинъ, производились подъ солнцемъ тѣ великія явленія, тѣ неизъяснимыя происшествія, кои часто слѣпое невѣдѣніе приписывало слѣпому случаю». Такой взглядъ нельзя не назвать нѣсколько одностороннимъ, равно какъ и мнѣніе Антонскаго о вредѣ посылки молодыхъ людей за границу. Полный патріотическихъ чувствованій, престарѣлый воспитатель утверждаетъ, что намъ въ чужихъ земляхъ нечего искать, нечему удивляться, нечему учиться. Несмотря на ложность основной мысли, способъ доказательства, употребленный Антонскимъ, весьма любопытенъ и дѣлаетъ большую честь патріотизму его. Вотъ что говоритъ онъ (стр. 112—113).

«И чего искать намъ въ странахъ чуждыхъ? Богатства природы? Россія преизбыточествуетъ ея сокровищами. Произведеній рукъ человѣческихъ?—Россія въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ многочисленные тому памятники, на коихъ рѣзецъ безсмертія въ нетлѣнныхъ чертахъ изобразилъ имена сыновъ ея».

«Чему удивляться намъ за предѣлами своего отечества?—Могущество и слава Россіи поставляютъ ее наряду съ первыми государствами. — Благоденствію народовъ? — Изъ отдаленныхъ странъ текутъ искать его подъ сѣнію державы Россійской.

«Чему учиться намъ у иноплеменныхъ?— Любви къ отечеству, преданности къ Государямъ, приверженности къ законамъ?— Вѣки свидѣтельствуютъ, что сіе всегда было отличительною чертою великодушныхъ Россіянъ. Средствамъ руководящимъ къ просвѣщенію ума, къ образованію сердца, къ воспитанію?—Возведемъ окрестъ очи наши и узримъ повсюду въ отечествѣ своемъ открытые къ тому безчисленные способы».

«Съ тѣхъ временъ, какъ жизнодательный свѣтъ христіанства озарилъ сѣверъ, и мракъ язычества исчезъ, съ тѣхъ временъ Россія зрѣла въ Монархахъ своихъ Соломоновъ, къ коимъ изъ чуждыхъ странъ притекали вѣнценосцы внимать ученію мудрости и добродѣтели, зрѣла Августовъ и Авреліевъ, благодѣющихъ своему народу и неусыпно пекущихся о его просвѣщеніи».

Практическая дѣятельность Антонскаго въ дѣлѣ воспитанія вѣрна была общему характеру его жизненныхъ воззрѣній. Онъ постоянно имѣлъ въ виду приготовить вѣрныхъ слугъ Государю и отечеству, и къ этой главной цѣли старался приспособить весь курсъ воспитанія и ученія. Такъ, въ пансіонѣ введены были, между прочимъ, артиллерія, фортификація, архитектура, ученіе ружьемъ и пр. для того, чтобы пансіонскіе воспитанники равно готовы были поступить потомъ въ какую угодно службу, по словамъ г. Сушкова, «военную или статскую, придворную или гражданскую, ученую

или дипломатическую, горную или морскую». Въ воспитаніи также обращалось вниманіе на исполнительность, аккуратность, повиновеніе. Главные пороки, подвергавшіе наказанію, были—лѣность, невѣжливость, неряшество, упрямство, вспыльчивость, позднее возвращеніе послѣ праздника изъ отпуска». Наказанія же и награды состояли главнымъ образомъ въ перемѣнѣ мѣстъ. Чувство соревнованія, столь необходимое для успѣховъ въ службѣ, было въ высшей степени развито у воспитанниковъ пансіона, благодаря стараніямъ Антонскаго, который самъ такъ высоко цѣнилъ честь и отличіе. По словамъ г. Сушкова, «въ классахъ почиталось большою наградою пересѣсть выше, съ одного конца скамьи на другую или съ нижняго конца скамьи на верхній, или хоть на нѣсколько человѣкъ подвинуться впередъ. А стать первымъ или изъ первыхъ между товарищей—значило возбудить всеобщее въ нихъ къ себѣ уваженіе». И это было не только въ классахъ но и въ комнатахъ воспитанниковъ. Въ комнатахъ не было выше награды, какъ стать первымъ или изъ первыхъ по списку. Другого рода отличіе было въ пансіонѣ—наблюденіе лучшихъ учениковъ надъ товарищами. Старшіе въ горницѣ наблюдаютъ за товарищами, со всѣми правами надзирателя. Результаты этихъ мѣръ, по мнѣнію г. Сушкова, были превосходны; и дѣйствительно, въ числѣ воспитанниковъ благороднаго пансіона, перечисляемыхъ г. Сушковымъ, мы видимъ такихъ, на которыхъ, очевидно, произвели свое дѣйствіе эти мѣры соревнованія.

Общая цѣль заслужить похвалу и расположеніе высшихъ своей исполнительностью и аккуратностью, — постоянно ставилось на видъ воспитанникамъ пансіона. Такъ, въ общихъ наставленіяхъ малолѣтнимъ и взрослымъ воспитанникамъ читается между прочимъ слѣдующее изложеніе учебныхъ обязанностей «для всегдашняго памятованія». Малолѣтнее дитя должно разсуждать (стр. 60):

«Прежде всего я попрошу Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ все вытверживать и помнить; въ классѣ буду сидѣть смирно, учтиво; безъ спора и позволенія не встану никогда съ мѣста; буду слушать и примѣчать, что говоритъ мой учитель, и ежели спроситъ меня, постараюсь отвѣчать исправно. Прекрасно! скажетъ онъ, и всѣ товарищи на меня посмотрятъ. Какъ тогда мнѣ будетъ весело! У меня все будетъ въ порядкѣ: перо очинено, чернильница чиста, тетради сшиты и написаны, какъ надобно. Учитель и за то меня похвалитъ, подпишетъ мнѣ: хорошо, дастъ лучшее мѣсто и скажетъ всѣмъ: вотъ прилежный ученикъ! такъ-то и вы дѣлайте!»

Такъ предписывается разсуждать малолѣтнему. Для взрослаго тѣ же самыя наставленія представляются уже въ другой формѣ. Самыя же начала и побужденія остаются тѣ же, какъ и должно было ожидать отъ Антонскаго, которой самъ до глубокой старости, руководился тѣми стремленіями, какія внушалъ своимъ воспитанникамъ. Вотъ наставленіе взрослымъ воспитанникамъ:

«При начатіи ученія незабывайте никогда съ дѣтскою простотою возносить мыслей и желаній своихъ къ Высочайшей Премудрости, да возбудитъ и оживитъ всѣ способности ваши къ принятію сѣмянъ истины. Во все продолженіе онаго храните ненарушимо *благоустройство, тишину, вниманіе, скромность, повиновеніе, благопристойность и учтивость*. Приходите на мѣсто, наукамъ посвященное, безъ разсѣянія съ надлежащею готовностью; содержите всѣ учебныя свои вещи въ цѣлости и порядкѣ. Сіе послужитъ вамъ вмѣстѣ и къ тому полезному навыку, что вы, въ какомъ ни будете состояніи и званіи, *точностію и исправностію сдѣлаете всегда честь и украшеніе своей должности*» (стр. 61—2).

Какія широкія, жизненныя идеи воспитанія! Какая дальновидная заботливость не только о внутреннемъ развитіи воспитанника, но и о будущихъ внѣшнихъ успѣхахъ его служебной дѣятельности! Неудивительно, что воспитанники, собиравшіе плоды наставленій Антонскаго, такъ любили своего наставника!

Въ книгѣ г. Сушкова есть еще много интересныхъ вещей, рисующихъ намъ воспитаніе благороднаго пансіона. Но нельзя же все выбрать; пора и остановиться и перейти къ другимъ предметамъ.

Кромѣ пансіона, г. Сушковъ говоритъ очень о многомъ: и о гекзаметрахъ, и о «Силотворѣ», и о мистицизмѣ и пр. Но мы остановимся только на болѣе интересномъ для насъ и, вѣроятно, для читателей,—на письмѣ Чаадаева къ кн. Вяземскому (прилож. № V) и на двухъ письмахъ Вигеля (прил. № III и IV).

Письмо Чаадаева чрезвычайно живо и бойко, какъ все, что писалъ этотъ необыкновенный человѣкъ. Писано оно въ 1847 г., по выходѣ «Переписки» Гоголя. Чаадаевъ прямо приписываетъ паденіе Гоголя отуманившему его кружку людей, которыхъ мнѣнія называются нынѣ славянофильскими. Онъ говоритъ, что, средь общей напыщенности народною спесью, невозможно даровитому писателю, закуренному ладаномъ похвалъ, уберечься отъ самопоклоненія. «Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, говоритъ Чаадаевъ (стр. 26), такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ

потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, поневолѣ вышло изъ событій историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно, по этому самому, принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, наперекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ понятій и привычекъ, такъ что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ и глупыхъ; мудрено ли, что и люди, одаренные дарами, необыкновенными, отъ нея дурѣютъ!» Далѣе Чаадаевъ переходитъ къ этому кружку, погубившему Гоголя, и превосходно рисуетъ его немногими словами, говоря, что эти люди «утопаютъ въ самодовольномъ упоеніи съ тѣхъ поръ, какъ совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа!» По мнѣнію Чаадаева, московскіе поклонники Гоголя развили въ немъ до ужасающихъ размѣровъ гордость, которой онъ, разумѣется, не чуждъ былъ отъ природы. Затѣмъ Чаадаевъ объясняетъ причины самаго поклоненія Гоголя,—слѣдующимъ образомъ (стр. 27).

«Знаете ли, откуда взялось у насъ на Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ понадобился писатель, котораго бы мы могли поставить на ряду со всѣми великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ иныхъ писателей настоящаго времени и прошлаго. Это странно, но это сущая правда. Этихъ поклонниковъ я знаю коротко, я ихъ люблю и уважаю, они люди умные, хорошіе; но имъ надо, во что бы то ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми народами въ мірѣ; имъ непремѣнно захотѣлось себя и всѣхъ другихъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся на первый случай такой крошечный наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить, на разные голоса, и вслухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастію его и къ счастію русскаго слова, въ немъ таился, какъ я выше сказалъ, зародышъ той самой гордости, которую въ немъ силились развить ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался; но къ самимъ этимъ людямъ онъ не питалъ ни малѣйшаго уваженія. Это можете видѣть изъ самой его книги, и это выражается въ его разговорѣ на каждомъ словѣ. Отъ этого родилось въ немъ какое-то тревожное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала болѣзненнымъ его состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ, быть можетъ, какъ убѣжище отъ преслѣдующей его грусти, отъ тяжкаго, неисполнимаго урока, ему заданнаго современными причудами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ эти причуды не сбили его съ толку, еслибъ онъ продолжалъ идти своимъ путемъ, то достигъ бы чудной высоты; но теперь Богъ знаетъ, куда заведутъ его друзья, какъ вынесетъ онъ бремя ихъ гордыхъ ожиданій, неразумныхъ внушеній и неумѣренныхъ похвалъ».

Мнѣніе Чаадаева, такъ откровенно и благородно высказанное въ письмѣ къ князю Вяземскому, могло бы показаться преувеличеннымъ для тѣхъ изъ читателей, которые совершенно незнакомы съ московскимъ кружкомъ, сбивавшимъ съ толку Гоголя. Но, какъ бы для полнѣйшаго подтвержденія словъ Чаадаева, г. Сушковъ помѣстилъ также въ своей книгѣ письмо Ф. Ф. Вигеля къ Гоголю, дающее мѣру того, до какихъ чудовищныхъ нелѣпостей доходили московскіе поклонники Гоголя. Вигель пишетъ, что доселѣ онъ смѣялся надъ тѣми, которые сравнивали Гоголя съ Гомеромъ; но теперь, послѣ изданія «Переписки», онъ кается въ этомъ, «признавая въ нихъ великій даръ предчувствія, предвѣдѣнія». Далѣе говорится, что Гоголь и прежде писалъ, конечно, недурно; «но какъ это далеко отъ необыкновеннаго мужа, умѣвшаго соединить въ себѣ глубокую мудрость съ пламенной поэзіей души. Святость и геройство христіанина и патріота, которыми онъ кажется весь проникнутъ, превыше таланта, превыше даже генія, котораго, впрочемъ, въ сей книжкѣ даетъ онъ несомнѣнныя доказательства». Въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя этихъ доказательствъ, по мнѣнію Вигеля, не было. «Сочинитель писемъ, говоритъ онъ, стоитъ такъ же высоко надъ авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», какъ сей послѣдній далеко отстоитъ отъ Шаликова». Далѣе Вигель сравниваетъ рѣчь Гоголя съ громами и молніями и въ своемъ поклоненіи совершенно осуществляетъ то, что высказано Чаадаевымъ о друзьяхъ послѣднихъ лѣтъ Гоголя. «Что за мысли! и какая ихъ выразительность! восклицаетъ слишкомъ усердный поклонникъ. Съ фейерверкомъ сравнить ихъ мало! (Хороша похвала для Гоголя!) Въ нихъ нѣчто молніи подобное. Читая, право, какъ будто идешь, ослѣпленный свѣтомъ и оглушенный гро-

мами; глазамъ и слуху надобно привыкнуть къ его слогу. (Въ началѣ письма о Гоголѣ говорится въ третьемъ лицѣ). Меня также увѣряли, что это дѣйствіе произвело появленіе книги на всѣхъ глупцовъ, которые съ бѣшенымъ ревомъ, въ безсиліи своемъ пали ницъ. Позвольте съ ихъ внезапною ненавистью поздравить васъ, г. Гоголь!».

На это письмо Гоголь отвѣчалъ смиреннымъ посланіемъ, котораго начало мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 376).

«Мнѣ было очень чувствительно ваше доброе участіе ко мнѣ. Благодарю васъ много за ваше письмо! Вы, не оскорбившись ни дерзкимъ тономъ моей книги, ни неизвинительной самонадѣянностью ея автора, обратили вниманіе на *существенную* ея сторону. За *алканье добра*, которое прозрѣли вы на страницахъ ея, вы умѣли простить мнѣ всѣ ея недостатки. Нѣтъ, я не ослѣпленъ собой въ такой мѣрѣ, какъ думаютъ. Даже и ваша оцѣнка моей книги (слишкомъ высокая) меня не наполнила той гордостью, которую теперь приписываютъ мнѣ вообще, хотя, признаюсь вамъ чистосердечно, я всегда васъ почиталъ за очень умнаго человѣка и, стало быть, имѣлъ бы право отъ вашего мнѣнія возгордиться...» и пр.

Довольно прочитать эти строки и сообразить ихъ съ словами Вигеля, чтобы увидѣть, какъ мѣтко и справедливо указалъ Чаадаевъ то вліяніе, какое производилъ на Гоголя кружокъ московскихъ его поклонниковъ. Вѣрно, Чаадаевъ былъ проницательнѣе Вигеля, хотя этотъ господинъ и острится надъ нимъ, называя его «сочинителемъ безъ сочиненій и ученымъ безъ познаній» (стр. 18).

Въ письмѣ Вигеля къ Гоголю есть еще замѣчательная, по своей странной безцеремонности, выходка протихъ тѣхъ, которые восхищались «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами» и бранили «Переписку.» Люди, теперь нападающіе на васъ, говоритъ Вигель, прежде «рукоплескали вамъ съ остервенѣніемъ». Затѣмъ онъ дѣлаетъ фигуру вопрощенія: «что побуждало ихъ къ тому? любовь ли къ родинѣ, коей сынамъ чаяли они оттого исправленія? Ненависть ли къ ней за неудачи свои, въ коихъ, право, не она и не правительство, а природа ихъ была виновата?» На такой вопросъ онъ самъ же отвѣчаетъ, по своимъ крайнимъ соображеніямъ, къ какимъ, какъ видно, способна была его собственная натура: «невольно надобно придержаться послѣдняго мнѣнія; ибо сколь тщательно убѣгали они отъ всякихъ сношеній, даже отъ простыхъ встрѣчъ съ писателями добрыми, умными, восторженными, которыхъ вся жизнь была любовь и гимнъ отечеству, столь усердно искали они сближенія со всѣми отъявленными руссофобами, въ числѣ коихъ и вы (Гоголь) были ими помѣщены.» Мы не въ силахъ выразить наше негодованіе на эту клевету, на это безсильное стараніе покрыть всю послѣ-гоголевскую литературу нашу, въ которой только-что и начинаетъ проявляться истинно-народная русская мысль,—позоромъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣніемъ. Да падетъ позорное слово на память того, кто произнесъ его! Онъ, безвѣстный, бездарный, ничего не сдѣлавшій острякъ, авторъ парадоксальныхъ записокъ о Россіи, онъ осмѣлился выступить съ словомъ черной клеветы да Бѣлинскаго, на этого человѣка, который сгоралъ любовью къ родинѣ, который понималъ и цѣнилъ ее больше, чѣмъ тысячи Вигелей, со всѣми ихъ друзьями и единомышленниками. Грустный фактъ, но его не забудетъ будущая исторія русской литературы и русскаго развитія.

Объ этомъ самомъ Вигелѣ г. Сушковъ, (бывшій его пріятелемъ) разсказываетъ, какъ онъ сентиментально преданъ былъ вѣрѣ въ примѣты и предчувствія. Разъ онъ, прощаясь съ г. Сушковымъ, сказалъ, что три дурныхъ предвѣстія сопровождали его въ три послѣднія посѣщенія имъ дома Сушковыхъ. Въ первый разъ онъ упалъ съ лѣстницы, во второй—выронилъ часы изъ кармана, въ третій—потерялъ бумажникъ съ деньгами. Черезъ недѣлю послѣ этого разговора онъ умеръ, и г. Сушковъ объясняетъ, что примѣты были правы и означали: паденіе съ лѣстницы на порогъ—близкій порогъ жизни—смерть; потеря часовъ, остановка времени, послѣдній часъ—смерть; утрата денегъ—прекращеніе житейскихъ заботъ—смерть.» (стр. 15). Вотъ до какихъ мудростей доходили просвѣщенные восхвалители «Переписки» Гоголя!

Въ книжкѣ г. Сушкова напечатано еще письмо Вигеля, писанное въ 1853 г., о Москвѣ и Петербургѣ. Вигель нападаетъ на Москву и доказываетъ, что Петербургъ всегда былъ болѣе русскимъ городомъ, чѣмъ Москва. Но не великую услугу оказалъ онъ Петербургу, если предположить, что антагонизмъ подобнаго рода существовалъ когда-нибудь между нашими столицами. Вотъ нѣкоторые изъ фактовъ, приводимыхъ Вигелемъ въ защиту народности Петербурга.

Въ Петербургѣ были Богдановичъ, Петровъ и Рубанъ, писавшіе пламенныя (хотя и водянистыя) оды во славу отечества. Въ Петербургѣ не было мартинизма, зашедшаго въ Москву изъ Франціи и Германіи. Въ Петербургѣ Карамзинъ написалъ исторію,

а въ Москвѣ только журналъ издавалъ да писалъ повѣсти. Въ Петербургѣ господствовала партія Шишкова, съ Станевичемъ, Анастасевичемъ, Львовымъ, Гераковымъ и пр. «хотя ничтожными и безталанными, но исполненными безмѣрной, даже преувеличенной любви къ отечеству» (стр. 12). Въ Москвѣ издавался «Телеграфъ», «Телескопъ», а въ Петербургѣ «Сынъ Отечества» и другіе журналы съ русскими названіями. Въ Петербургѣ написаны стихи «Клеветникамъ Россіи», а въ Москвѣ ихъ не похвалили, сказавши, что это брань, а не поэзія... и т. д., и т. д.

Мы не хотимъ дѣлать никакихъ разсужденій по поводу этихъ соображеній Вигеля, и только замѣтимъ въ заключеніе, что за напечатаніе писемъ Вигеля и Чаадаева нельзя не поблагодарить г. Сушкова. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются обѣ эти, столь противоположныя, личности.

---

149. Прожектеры.

Сочиненіе *А. Половцева.* Москва 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147.

Въ этой рецензіи я обращаю вниманіе читателей на отстаиваніе Добролюбовымъ Рудина отъ обвиненій его Половцевымъ въ дурномъ характерѣ и непорядочности. Это намъ придется принять къ свѣдѣнію нѣсколько позже.

М. Л.

Былъ прежде прекрасный обычай—изображать въ романахъ и повѣстяхъ разбойниковъ, настоящихъ разбойниковъ, грабящихъ на большихъ дорогахъ, живущихъ въ подземельяхъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, одѣтыхъ въ странные, фантастическіе костюмы. Занимательность была необыкновенная,—просто сердце такъ и замираетъ, бывало, когда читаешь описаніе того, какъ добродѣтельная и невинная жертва попалась въ руки хищныхъ злодѣевъ!.. Вмѣстѣ съ тѣхъ для нравственности не только соблазна не было, но даже представлялась значительная выгода. Разбойники въ старину такъ ужъ на чистоту и изображались разбойниками: страшные, гнусные, грубые, безчувственные, — настоящіе разбойники! Ни минуты не могъ читатель сомнѣваться въ томъ, къ кому онъ долженъ направить свои симпатіи и противъ кого вооружиться всею своею ненавистью. Литература, такимъ образомъ, приносила и удовольствіе, и пользу.

Совсѣмъ не то нынѣ. Литераторы пустились въ изображенія мошенниковъ, носящихъ изящные фраки и бѣлыя перчатки, очень мило танцующихъ и грабящихъ въ гостиныхъ и кабинетахъ, за зеленымъ и краснымъ сукномъ. Здѣсь уже прежней, разбойничьей занимательности не было. Но это бы еще ничего. А вотъ бѣда: мошенниковъ и плутовъ всякаго рода принялись описывать такіе люди, которые не потрудились даже сами опредѣлить себѣ яснаго различія между плутомъ и честнымъ человѣкомъ. Стали писать разсказы о всякихъ шулерахъ и ворахъ съ той,—вѣрной, но не совсѣмъ идущей къ дѣлу,—точки зрѣнія, что все на землѣ непрочно и скоропреходяще. Это ужъ, надобно признаться, дѣло вовсе не подходящее въ современной литературѣ, и столь странная и неумѣстная тенденція не можетъ быть оправдана въ глазахъ читателей даже самымъ страшнымъ обиліемъ мошенниковъ, разсѣянныхъ въ повѣсти. Къ сожалѣнію, нѣкоторые господа, заслышавши объ обличательной литературѣ послѣдняго времени, подумали, что будь только въ повѣсти негодяй, больше ужъ ничего не нужно: повѣсть выйдетъ отличная. Вотъ, напримѣръ, Г. Половцевъ—узналъ какъ-то, что въ литературныхъ твореніяхъ послѣдняго времени пошли въ ходъ всякаго рода мошенники, и сдѣлалъ разсужденіе, подобное извѣстному силлогизму трусливаго капитана: «Суворовъ кричалъ пѣтухомъ и былъ великимъ полководцемъ; я тоже буду кричать пѣтухомъ и тоже буду Суворовымъ». Вслѣдствіе своего силлогизма капитанъ, какъ извѣстно, бѣжалъ съ поля битвы и спрятался въ обозѣ, гдѣ его отыскали только потому, что услыхали его пѣтушьи возгласы. Г. Половцевъ въ отважности превзошелъ знаменитаго капитана. Составивши силлогизмъ: «тѣхъ, кто изображаетъ мошенниковъ, хвалятъ; слѣдовательно, если я изображу ихъ, то и меня тоже будутъ хвалить»,—составивши этотъ силлогизмъ, г. Половцевъ не предался бѣгству, а, напротивъ,—стремительно ринулся

на литературную арену и—дѣйствительно, изобразилъ мошенниковъ весьма безнравственныхъ. Но замѣчательно въ его разсказѣ то обстоятельство, что и надувающіе и надуваемые—одинаково негодные мошенники, и читатель, прочитывая одну продѣлку за другой, говоритъ: по дѣломъ вору и мука; воръ у вора дубинку укралъ. Ни малѣйшаго состраданія или участія не возбуждаютъ жертвы обмановъ, изображаемыхъ г. Половцевымъ. Владиміръ Сергѣичъ Кроткій безобразно развратничаетъ съ Сычомъ, Дергуновымъ, Шишко, Кадуркинымъ и тому подобной компаніей. Сычъ, Дергуновъ и пр. надавали ему тысячъ пятнадцать взаймы и взяли заемныя письма на 50 тысячъ. Петръ Петровичъ Шустровъ берется избавить Кроткаго отъ Сыча, Кадуркина и пр., и беретъ съ Кроткаго безденежный вексель въ 60 тысячъ цѣлковыхъ, чтобы остальныхъ должниковъ оставить съ носомъ. Получивши вексель, Шустровъ немедленно продалъ его за половинную цѣну Горемышкину и уѣхалъ въ другой городъ—чтобы надуть Деморденку, который получилъ отъ дяди 300 душъ, сочинивши фальшивое завѣщаніе, и который хочетъ надуть кляузника Тасова, но неуспѣвши въ этомъ, вмѣстѣ съ нимъ надуваетъ на двадцать тысячъ купчиху Вислоухову и т. д. Во всей повѣсти мошенничества совершаются страшныя, и кромѣ того, каждый мошенникъ еще разсказываетъ о себѣ по десятку гнуснѣйшихъ исторій. Все это, если хотите,—ничего. Мысль—свести десятокъ мошенниковъ, которые взаимно другъ друга надуваютъ—великолѣпная мысль! Но исполненіе ея не по плечу придется каждому дюжинному беллетристу. Только Гоголь умѣлъ у насъ, сколько мы знаемъ, создавать, на основаніи этой идеи, сцены и положенія вполнѣ прекрасныя. г. Половцевъ въ этомъ случаѣ уподобился Гоголю такъ, какъ помянутый выше капитанъ—Суворову. Онъ свелъ нѣсколькихъ мошенниковъ и заставилъ ихъ надувать другъ друга, но при этомъ забылъ бездѣлицу: забылъ дать имъ хотя бы малую частицу человѣческаго смысла. Вслѣдствіе того и выходитъ, что, напримѣръ, Деморденко, кляузникъ, поддѣлыватель фальшивыхъ бумагъ и пр. и пр., даетъ 100 тысячъ Шустрову, котораго никто въ цѣломъ городѣ въ глаза не знаетъ, — прельстившись тѣмъ, что Шустровъ при немъ купилъ въ долгъ брильянтовъ на 35 тысячъ. Такимъ же умомъ и сообразительностью отличаются и всѣ дѣйствующія лица разсказа, за что самъ авторъ и казнитъ ихъ въ концѣ, однихъ представляя разоренными, а другихъ сажая въ сибирку.

Но все это куда бы ни шло еще. Глупые плуты такъ глупые: развѣ не бываетъ такихъ? Но вотъ въ чемъ главная бѣда: нравственнаго назиданія никакого нѣтъ въ повѣсти г. Половцева. Читатель, пожалуй, и могъ бы еще что-нибудь вывести; напримѣръ,—что воровать не слѣдуетъ, что шулерство есть занятіе непохвальное и т. п. Но г. Половцевъ рѣшительно всякаго собьетъ съ толку, сочинивши,—отъ собственнаго, авторскаго лица,—тираду такого рода (на стр. 36 и 37).

«Позвольте вамъ предложить одинъ вопросъ: для чего такъ хлопочутъ, трудятся многіе, чтобы какъ-нибудь нажить себѣ состояніе?.. Да развѣ не можетъ человѣкомъ быть человѣкъ безъ состоянія и богатства? И пусть еще бы все, что мы имѣемъ здѣсь на землѣ, всѣ почести, богатства, уваженія, можно было взять съ собою и въ могилу! Ничего подобнаго не можетъ быть; а все-таки, хлопочутъ, трудятся, бьются, пріобрѣтаютъ, пріобрѣтаютъ все больше и больше. И зачѣмъ же такая жадность ко всему тлѣнному и земному? На это многіе отвѣтятъ: для того, чтобы быть счастливымъ и не имѣть ни въ чемъ недостатка. Да развѣ счастіе-то въ деньгахъ? Много и очень много слезъ льется и черезъ золото, и часто богачъ проливаетъ слезы, какихъ не льетъ и послѣдній бѣднякъ. Да развѣ міръ души, спокойствіе совѣсти—не дороже всѣхъ богатствъ на свѣтѣ?»

Во всякомъ другомъ мѣстѣ тирада эта была бы превосходна; ни слова нельзя изъ нея выкинуть,—такъ она справедлива. Но позвольте васъ спросить, почтенный авторъ, какое отношеніе имѣютъ всѣ эти—весьма справедливыя мысли, къ морали вашихъ *прожектеровъ*? По нашему мнѣнію, онѣ служатъ оправданіемъ всѣмъ этимъ господамъ. Видите ли: г. Кроткій, какъ богатый человѣкъ, кутитъ и дурачится, будучи привязанъ къ тлѣнному; Шустровъ значительно обираетъ его и отнимаетъ возможность кутить, слѣдовательно оказываетъ ему большую услугу. Купчиха Вислоухова хотѣла получить 20 тысячъ долгу съ Надоѣдаловой; Дермоденко укралъ у нея документы и тѣмъ научилъ ее не думать о пріобрѣтеніяхъ и богатствѣ. Корневъ среди игры подпоилъ купчика, а потомъ насчиталъ на него 100 тысячъ и заставилъ заплатить; опять отъ избавилъ купчика отъ лишней тяжести: вѣдь, черезъ золото много и очень много слезъ льется!.. А всѣмъ ограбленнымъ остается міръ души и спокойствіе совѣсти,—что дороже всѣхъ богатствъ на свѣтѣ... Что же касается до самихъ мошенниковъ, то, какъ видно изъ повѣсти, они вовсе не привержены къ тлѣнному и вовсе *не трудятся*, чтобы нажить себѣ состояніе; они

просто хотятъ весело пожить и для того удираютъ различныя штуки, проживая сегодня то, что достали вчера. Очевидно, авторъ и не имѣлъ ихъ въ виду, когда возставалъ противъ людей, которые *трудятся, бьются, пріобрѣтаютъ*, не зная, что богачъ слезъ проливаетъ болѣе, чѣмъ бѣднякъ... Вслѣдствіе того и возникаетъ весьма сильное подозрѣніе, что авторъ изображенныя имъ лица считаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ друзьями и благодѣтелями человѣчества... Справедливость такого подозрѣнія подтверждается тѣмъ, что и вся повѣсть весьма сильно обнаруживаетъ неясность понятій автора о многихъ предметахъ, и между прочимъ о здравомъ смыслѣ, о юморѣ, о благородствѣ понятій и т. п. Не мудрено поэтому, если и своихъ прожектеровъ онъ изображалъ, какъ людей хорошихъ, на томъ основаніи, что они *не трудятся* для пріобрѣтенія денегъ... Вѣдь, заставилъ же онъ одно изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ сказать, что въ обществѣ встрѣчаются дурныя характеры, подобные Чичикову, Бреттеру, *Пасынкову*, Ноздреву, *Рудину и другимъ*, и что всякій честный человѣкъ отвернется отъ лицъ, подобныхъ Чичикову, Ноздреву *и другимъ* (т.-е. вѣроятно—Рудину и Пасынкову (!)...

---

150. Френологія.

Соч. *Матвѣя Волкова*. Спб. 1857.

Отрывки изъ заграничныхъ писемъ

(1844—1848), *Матвѣя Волкова*. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147.

Если теперь, при широкомъ развитіи естествознанія, хиромантія находитъ себѣ публику, то тогда френологія пользовалась еще *большей популярностью*. О ней было нѣсколько книгъ и даже за границей нелѣпый эмигрантъ Иванъ Головинъ, какъ разъ въ 1858 г. издалъ «Лекціи о френологіи», обратившись къ министру просвѣщенія съ предложеніемъ разрѣшить ему, для культивированія этой «науки» на пользу отечества, именоваться корреспондентомъ министерства... Добролюбовъ осмѣялъ «науку» очень удачно.

М. Л.

Если судьба когда-нибудь приведетъ меня встрѣтиться съ г. М. Волковымъ, то я немедленно постараюсь уподобиться страусу, т.-е. спрятать куда-нибудь подальше свою голову. Совѣтую и вамъ, читатель, дѣлать то же; иначе я не ручаюсь за вашу репутацію: г. Волковъ можетъ испортить ее на основаніи френологическаго разсмотрѣнія вашего черепа.

Дѣло вотъ въ чемъ: г. М. С. Волковъ занимается френологіею и издалъ курсъ ея. Курсъ этотъ доказываетъ, что г. Волковъ не принадлежитъ къ числу поверхностныхъ людей, для которыхъ френологія, хиромантія, астрологія — все едино-единственно. М. С. Волковъ приступаетъ къ френологіи съ пріемами истиннаго ученаго. Онъ спеціально занимается физіологіей мозга, путешествуетъ по разнымъ анатомическимъ музеямъ, разсматриваетъ и измѣряетъ черепа, издаетъ о толщинѣ черепа брошюру, отъ которой приходятъ въ восторгъ нѣмецкіе ученые, не отвергающіе френологіи и пр., и пр. На всѣхъ частяхъ труда г. Волкова лежитъ печать глубокаго убѣжденія, добытаго учеными изслѣдованіями. Для желающихъ познакомиться съ строеніемъ мозга и убѣдиться въ его вліяніи на духовную дѣятельность человѣка — весьма полезно будетъ прочитать его книжку о френологіи и заграничныя письма, во многомъ ее дополняющія. Но... увы!.. все это не защищаетъ г. Волкова отъ преслѣдованій и насмѣшекъ (конечно, невѣжественныхъ) со стороны тѣхъ, которые не хотятъ довѣрять френологіи. Разумѣется, г. Волкову это все равно: онъ знаетъ, что чрезъ сто лѣтъ френологія побѣдитъ, и ему смѣшно недовѣріе профановъ. Но,—пусть извинитъ насъ г. Волковъ,—мы сами, при всемъ уваженіи къ его ученымъ достоинствамъ, никакъ не можемъ убѣдиться въ великой важности френологіи, особенно, когда г. Волковъ такъ преувеличиваетъ ея значеніе. Судите сами, читатели: не странны ли, не забавны ли факты, которые мы сейчасъ сообщимъ вамъ о френологахъ и френологіи? Судите.

Г. М. Волковъ одержимъ неодолимою

страстью ощупывать чужіе черепа: въ этомъ отношеніи «Заграничныя письма» его доставляютъ много весьма интересныхъ данныхъ. Ѣдетъ ли онъ въ дилижансѣ,—онъ обращается къ своему спутнику,—«позвольте ощупать вашъ черепъ».—Извольте.—И, ощупавши, г. Волковъ выводитъ, въ благодарность, весьма основательно, какъ кажется, заключеніе, что у спутника его мало развитъ органъ *самоуважительности*, и сильно развитъ органъ *почтительности*, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Отправляется ли г. Волковъ въ Ватиканъ, онъ останавливается предъ бюстомъ Рафаэля, пораженный благоговѣніемъ—къ великому Галлю!.. Г. Волковъ ощупалъ, видите, черепъ Рафаэля и нашелъ въ немъ особенное развитіе органовъ *цвѣтностности, образности и глазомѣрности*. Изъ этого ясно, что Рафаэль *френологически долженъ былъ* быть великимъ живописцемъ, и потому бюстъ Рафаэля дѣлаетъ честь ни кому иному, какъ Галлю. Является г. Волковъ въ картинную галлерею,—онъ смотритъ, всѣ ли френологическіе органы на мѣстѣ поставлены, и страшно негодуетъ, что на какой-то картинѣ на головѣ Донъ-Кихота выскочилъ органъ *пріобрѣтательности*, которому не слѣдуетъ быть у него. Въ Зальцбургѣ поставлена статуя Моцарту, и у него въ рукѣ карандашъ. Почему не перо? спрашиваетъ г. Волковъ, смотря на статую, и отвѣчаетъ: потому, что у нѣмцевъ слишкомъ развитъ органъ *осмотрительности*, требовавшій, чтобы вмѣстѣ съ перомъ была поставлена чернильница, а чернильницы около статуи поставить было негдѣ... Слышитъ нашъ френологъ игру на скрипкѣ двухъ сестеръ Миланолло и рѣшаетъ, что младшая играетъ лучше, рѣшаетъ потому собственно, что органъ *звучностности* (№ 33) у нея обширнѣе. Флуранъ пишетъ опроверженіе противъ выводовъ френологіи; г. Волковъ, нимало не измѣняя себѣ, объясняетъ это тѣмъ, что у Флурана не развитъ органъ *соображательности*. У французовъ произошла въ 1848 г. резолюція: оттого, рѣшаетъ г. Волковъ, что у нихъ въ головѣ органы *разрушительности* и *противоборности* сильны, а органы *разсудка* и *благоволительности* слабы.—Въ Англіи замѣчаетъ г. Волковъ уваженіе къ законамъ и, щупая черепа англичанъ, объясняетъ это тѣмъ, что у нихъ развитъ органъ *почтительности*. Словомъ—«Заграничныя письма» г. Волкова служатъ практическимъ дополненіемъ къ тому, что излагается въ его теоріи френологіи; ихъ слѣдовало бы назвать «Френологическими письмами о заграничной жизни».

«Френологія» г. Волкова особенно нравится намъ по своей простотѣ. Это настоящая азбука. Всѣ человѣческія способности и наклонности объяснены въ ней посредствомъ 37 №№,—только двумя знаками больше, чѣмъ въ русской азбукѣ. Исходитъ г. Волковъ изъ самаго простого положенія, которое давно уже принято всѣми физіологами, именно,—что «въ френологіи *нѣтъ и не можетъ быть ничего точнаго и математически опредѣленнаго*» (Френ. стр. 32). Положивши въ основаніе своей науки истину, столь несомнѣнную, г. Волковъ старается еще подтвердить ее тѣмъ, что все различіе нашей умственной и нравственной дѣятельности зависитъ отъ внутренняго сложенія мозга, его состава, объема, вѣса, расположенія частицъ и вида или фигуры мозга, и что наблюденіямъ френологовъ доступны только *видъ* и *объемъ*. Доселѣ спорили и противъ послѣдняго, утверждая, что по формѣ черепа нельзя судить о формѣ мозга. Но нынѣ г. Волковъ побѣдилъ своихъ противниковъ, сказавши, что «точныя измѣренія объема частей мозга — невозможны» (стр. 29), и что въ френологіи ничего точнаго искать не слѣдуетъ. Противники, разумѣется, должны умолкнуть, и, такимъ образомъ, наукѣ френологіи полагается г. Волковымъ твердое и незыблемое основаніе. Опираясь на это основаніе, г. Волковъ можетъ уже смѣло говорить, что френологія принадлежитъ къ наукамъ точнымъ, что она не то, что какая-нибудь *исторія*, которую до сихъ поръ нельзя назвать наукою (Загр. пис., стр. 464). На основаніи своихъ френологическихъ наблюденій, г. Волковъ можетъ произносить непогрѣшительныя сужденія не только объ отдѣльныхъ лицахъ, но даже о цѣлыхъ классахъ народа, о цѣлыхъ національхъ, о всемъ человѣчествѣ, наконецъ. Напр., по своимъ френологическимъ соображеніямъ, г. Волковъ вотъ что пишетъ изъ Франціи въ 1847 году (стр. 39): «Хотите знать истинную правду о классѣ французскаго народа, который зовутъ пролетаріями? Вотъ она. Со времени уничтоженія внутреннихъ таможенъ, ремесленныхъ корпорацій, поземельной монополіи, старшихъ въ родѣ и проч., тѣ только люди и семейства остаются въ постоянныхъ лишеніяхъ, которые принадлежатъ къ категоріи глупцовъ, безсильныхъ, небрежныхъ лѣнивцевъ, невѣждъ, пьяницъ и т. п.; ихъ-то и разумѣютъ нынѣ подъ названіемъ пролетаріевъ. Общій ихъ характеръ тотъ, что, не имѣя, по собственной своей винѣ, способовъ къ существованію, они завидуютъ всякому, у кого что-нибудь есть въ карманѣ, и выдумываютъ клеветы на имущихъ, для оправданія своего желанія

овладѣть чужимъ добромъ». Словомъ, говоря френологическимъ языкомъ г. Волкова, всѣ пролетаріи оттого бѣдны и несчастны, что у нихъ сильно развиты № 5 и 6 (противоборность и разрушительность), вмѣстѣ съ № 8 (пріобрѣтательность) и № А (питательность); но совершенно не развиты № 9 (работность), № 13 и 14 (благоволительность и почтительность), равно какъ и 16 (совѣстливость). Съ френологической точки зрѣнія такое рѣшеніе не подлежитъ никакой апелляціи, и вотъ почему я постараюсь спрятать свою голову при встрѣчѣ съ г. Волковымъ. Что, если онъ меня, какъ человѣка небогатаго, тоже опредѣлитъ подобно французскому пролетарію, или,—что, впрочемъ, не столь ужасно, хотя и болѣе вѣроятно,—скажетъ обо мнѣ то же, что о Флуранѣ!..

Впрочемъ, утѣшимся: всѣ бѣдствія человѣчества исправлены будутъ френологіей. На это времени немного нужно: г. Волковъ требуетъ всего 100 лѣтъ, увѣряя, что тогда всѣ люди будутъ френологами и будутъ счастливы. Кто будетъ живъ тогда, тотъ увидитъ. А мы пока будемъ довольствоваться тѣми четырьмя главами книги г. Волкова, въ которыхъ излагается благодѣтельное вліяніе френологіи—1) въ общественной повседневной жизни, 2) на науки и художества, 3) на правосудіе, 4) на улучшеніе человѣка вообще. Во всѣхъ отношеніяхъ польза френологіи, по изслѣдованіямъ г. Волкова, должна быть безпредѣльна. Такъ, выборъ людей можетъ быть сдѣланъ безошибочно, съ помощью френологіи. Къ вамъ, напр., является человѣкъ наниматься въ услуженіе; у него хорошій аттестатъ, но это ничего не значитъ: хорошіе аттестаты часто даются по тому, что у многихъ хозяевъ сильно развитъ органъ *благоволительности*. Гораздо надежнѣе будетъ, если вы, открывши френологическій атласъ, тотчасъ же тщательно ощупаете черепъ человѣка и опредѣлите, какіе органы особенно развиты у него.—Вы намѣрены сообщить какой-нибудь секретъ своему знакомому: не полагайтесь на его испытанную честность и скромность; основательно поступите вы, если, прежде сообщенія секрета, отзовете вашего знакомаго въ сторону и скажете: позвольте мнѣ ощупать вашъ черепъ: мнѣ нужно узнать, достаточно ли развитъ у васъ № 7, т.-е. органъ *скрытности*.

Вы хотите заказать портному платье: не спрашивайте, какой изъ нихъ лучше шьетъ, а просто идите, щупайте у каждаго портного черепъ и отыскивайте, въ достаточной ли степени развиты у него органы *работности*, *изящности* и *глазомѣрности*. Если осмотръ окажется удовлетворительнымъ,—смѣло надѣйтесь, что портной васъ не надуетъ и сошьетъ вамъ платье хорошо.—Вы нанимаете квартиру: ощупайте прежде всего черепъ хозяина, хозяйки и и всѣхъ сосѣдей, чтобы узнать, достаточно ли развита въ нихъ *домашность* и *дружелюбность*, или, напротивъ того, у нихъ сильны *противоборность* и *разрушительность*. Такъ совѣтуетъ г. Волковъ. Поступайте такъ, и вы почти не будете дѣлать ошибокъ въ жизни.

Но это все еще ничтожно въ сравненіи съ тѣми выгодами, какія можетъ доставить френологія въ государственномъ отношеніи. Г. Волковъ говоритъ: «выборъ въ должности во всѣхъ классахъ людей и во всѣхъ іерархіяхъ общества, безъ исключенія, значительно бы облегчился при помощи френологіи. Людямъ, находящимся во главѣ правительства, нужнѣе, чѣмъ кому-либо, оцѣнивать людей» (стр. 180). Поэтому, если вы, напр., выбираете человѣка въ какую-нибудь должность, то совѣтую вамъ непремѣнно поступать по правиламъ книжки г. Волкова. Преимущественно смотрите, на какой степени развитія находится органъ *пріобрѣтательности*, № 8, и затѣмъ—органъ *почтительности*. [Примѣненіе системы г. Волкова особенно, по нашему мнѣнію, удобно было бы для дворянскихъ выборовъ: оно придало бы имъ нѣкоторую торжественность; каждый избиратель подходилъ бы медленнымъ шагомъ къ избираемому, важно ощупывалъ его голову и затѣмъ торжественно отходилъ и, смотря по результатамъ ощупыванія, клалъ бы шаръ—бѣлый или черный].

Но и это не все. Г. Волковъ выставляетъ также полезное вліяніе френологіи на науки и художества. Особенно важно будетъ вліяніе френологіи на исторію; оно, по словамъ г. Волкова, будетъ заключаться въ томъ, что сужденія объ историческихъ лицахъ будутъ уже основываться «не на поступкахъ ихъ, причины которыхъ всегда можно придумать въ пользу или невыгоду человѣка» (стр. 182), а на ощупываньи черепа различныхъ слѣпковъ и статуй. Тогда только, по мнѣнію г. Волкова, исторія и получитъ характеръ науки: ощупыванье череповъ объяснитъ всѣ загадочныя историческія явленія. Наприм., является сомнѣніе, былъ ли на свѣтѣ Гомеръ: — отыщите намъ только его черепъ, и г. Волковъ скажетъ вамъ положительно, не только—что онъ былъ, но даже каковъ онъ былъ,—развита ли у него была мѣстность, счетность, порядочность, любчивость, надѣянность и т. п. Загадочное явленіе представляютъ, напр., въ нашей исторіи самозванцы:

отошлите слѣпки съ ихъ головъ къ г. Волкову, и онъ все разрѣшитъ вамъ.

Статистика также не можетъ обойтись безъ френологіи. Недостаточно, наприм., сказать, что въ такой-то мѣстности заключено столько-то браковъ; нужно еще, при заключеніи брачныхъ контрактовъ, обращать вниманіе на развитіе у молодыхъ *любчивости* и *пріобрѣтательности*, чтобы отмѣчать въ статистическихъ таблицахъ, сколько браковъ заключено по любви и сколько по разсчету. Не довольно сказать, что въ городѣ столько-то ремесленниковъ, которые производятъ столько-то; нужно еще прибавить, насколько развитъ у нихъ органъ *работности*. Только при такихъ данныхъ статистика, по мнѣнію г. Волкова, пріобрѣтетъ значеніе *точной* науки.

Та же самая исторія съ медициною. По словамъ г. Волкова,—не только въ болѣзняхъ мозга, но и «въ какихъ бы то ни было случаяхъ, относящихся къ здоровью, врачу необходима френологія». Если, напримѣръ, я страдаю разстройствомъ желудка, то врачъ пощупаетъ мой черепъ и узнаетъ, какъ развитъ у меня органъ питательности. Если онъ развитъ сильно, то врачъ справедливо замѣтитъ, что я *обкушался;* если же нѣтъ, — то онъ скажетъ, что я, примѣрно, простудился, и будетъ лѣчить меня отъ простуды. Отсюда очевидна «необходимость френологіи въ какомъ бы то ни было случаѣ, относящемся къ здоровью».

Въ скульптурѣ и живописи френологія столь же необходима, по слѣдующимъ причинамъ. Извѣстно, что для изображенія лицъ художники берутъ натурщиковъ и натурщицъ. Средство это крайне дурно, потому что безъ френологіи художники обыкновенно не умѣютъ,—да и не заботятся,—опредѣлить, имѣетъ ли натурщица въ надлежащей степени развитыми тѣ органы, которые френологически необходимы для изображаемаго лица. Напримѣръ, для изображенія Клеопатры можетъ быть взята натурщица, у которой недостаточно развиты органы *любчивости, самоуважительности, любохвальности* и пр.; вслѣдствіе этого—фигура, съ нея нарисованная, будетъ вовсе непохожа на Клеопатру. Гораздо лучше, слѣдуя правиламъ френологіи, художнику выбрать (или лучше самому сдѣлать—при френологіи, я думаю, и это возможно) какую-нибудь модель—и съ нея вылѣлать всѣ фигуры, измѣняя только тѣ выпуклости черепа, которыя, по наукѣ френологіи, должны оттѣнять характеръ. Такъ, напримѣръ, модель Клеопатры можетъ служить и для Аспазіи, только съ большимъ развитіемъ у послѣдней органовъ *изящности* и *словности* №№ 19 и 33). Съ той же модели можно и Іоанну д'Аркъ рисовать, развивши у ней особенно органы *надѣянности* (№ 17) и *чудесности* (№ 18).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава, въ которой г. Волковъ говоритъ о вліяніи френологіи на правосудіе. «Правовѣдѣніе найдетъ въ френологіи драгоцѣнныя данныя для всего, что зависитъ отъ нравственной природы человѣка», говоритъ г. Волковъ (стр. 186). Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что она могла бы чрезвычайно упростить судопроизводство. Найдено, напр., на дорогѣ мертвое тѣло, неизвѣстно кому принадлежащее. Сейчасъ—черепъ ему ощупать. Если органъ *самохранительности* развитъ слабо, — значитъ, само умерло мертвое тѣло, отъ неосторожности. Если же реченный органъ найденъ въ сильномъ развитіи,—ясно, что смерть приключилась насильственнымъ образомъ, и тогда собрать мужиковъ ближайшаго села и щупать всѣмъ имъ черепа. У кого всѣхъ сильнѣе развиты органы *разрушательности* и *противоборности* (№№ 5 и 6), того и тащи въ острогъ; его, значитъ, грѣхъ. Если же будутъ при этомъ улики,—хотя бы и самыя явныя,—противъ другого, у котораго развиты органы *дружелюбности* (№ 4) и *благоволительности* (№ 13),—то, по мнѣнію г. Волкова, судья, все-таки, долженъ «удержаться отъ приговора». Дѣйствуя такимъ образомъ, френологически,—«онъ,—по словамъ г. Волкова,—избѣгаетъ случайныхъ несправедливостей, столь частыхъ въ лѣтописяхъ правосудія и столь прискорбныхъ для свойственнаго намъ чувства любви къ ближнему» (стр. 186).

Словомъ, какъ только водворится френологія, ни пороковъ, ни несправедливостей, ни бѣдствій не будетъ на свѣтѣ. Развѣ только во снѣ будутъ люди забавляться, произведя другъ въ другѣ представленія разныхъ бѣдъ, посредствомъ надавливанія на тотъ или другой органъ,—подобно тому, какъ дѣлалъ френологъ Шефѣ надъ своими братьями. Г. Волковъ разсказываетъ, что Шефѣ однажды придавилъ своему спящему брату органы *чадолюбивости* (№ 2), *разрушательности* (№ 6) и *звучностности*, — и братъ его увидѣлъ во снѣ—*дѣтей, убиваемыхъ подъ музыку* (Загр. п., стр. 453)! Подобныя забавы будутъ, вѣроятно, съ пользою и удовольствіемъ занимать человѣчество, возрожденное френологіей.

Но ничто не можетъ сравниться съ той умилительной картиной, какую представитъ все человѣчество, когда признаетъ всю пользу и значеніе френологіи. Тогда всѣ примутся изучать недостатки и пороки собственнаго черепа, подѣлавши слѣпки съ собственныхъ головъ. «Въ этомъ изученіи,

въ этомъ самопознаніи, френологія,— по словамъ г. Волкова—представляетъ истинное сокровище для человѣка. Передъ слѣпкомъ собственной своей головы, человѣческому самолюбію нѣтъ убѣжища. Самолюбіе и самого себя увидитъ и оцѣнитъ въ осязательныхъ формахъ головы. И что, если бы каждый человѣкъ посвящалъ ежедневно по нѣсколько минутъ (отчего бы ужъ и не часовъ?) одинокой бесѣдѣ со слѣпкомъ съ своей головы, держа въ рукахъ курсъ френологіи? Какое бы вліяніе имѣлъ этотъ обычай на нравственное улучшеніе человѣчества!» (стр. 191).

Да, держать предъ собою слѣпокъ собственной головы будетъ весьма полезно для человѣчества, и надобно желать, чтобы всѣ люди поскорѣе завели этотъ прекрасный обычай? Мы даже увѣрены, что многіе уже начали полезное занятіе, предлагаемое г. Волковымъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, одинъ изъ рисунковъ г. Данилова, который, какъ извѣстно, очень вѣрно изображаетъ наше современное общество. Остроумный каррикатуристъ этотъ изобразилъ недавно господина, усатаго и завитого (что нѣсколько мѣшаетъ опредѣлить его френологически), который держитъ предъ собою ручное зеркальце и (очевидно, проникнутый идеями френологіи) возглашаетъ: «голова-ль моя, ты, головушка!!» [1]).

---

151. Объ истинности понятій или достовѣрности человѣческихъ знаній.

Соч. *Алексѣя Кусакова.* Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147.

По юмору это одна изъ самыхъ выдающихся рецензій Добролюбова. Кусаковъ послѣ нее сталъ положительно нарицательнымъ именемъ всякаго глубокомысленнаго глупца, что видно изъ переписки Н. А. съ его корреспондентами-друзьями.

М. Л.

Френологіи я не вѣрю,—это уже положительно рѣшено; но относительно теоріи г. Кусакова я нахожусь еще въ недоумѣніи. Брошюра г. Кусакова написана очень убѣдительно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ. Сущность брошюры, если передать ее въ вопросахъ и отвѣтахъ, имѣетъ слѣдующій видъ. Г. Кусаковъ спрашиваетъ меня (т.-е. не лично меня, а вообще всякое *я*, понимаемое въ философскомъ смыслѣ): «знаете ли вы что-нибудь?» Я, не имѣя мудрости Сократа, чтобы отвѣтить: «знаю только то, что ничего не знаю»,— отвѣчаю: «знаю». Г. Кусаковъ экзаменуетъ меня, вопрошая: «что вы знаете..?» Я, разумѣется, становлюсь втупикъ отъ внезапности вопроса и, запинаясь, отвѣчаю: «да мало ли что я знаю... многое знаю... Ну, знаю, напримѣръ... ну, напримѣръ, я знаю, что вотъ это—рука, и что рука эта мнѣ принадлежитъ». И я рѣшаюсь посмотрѣть въ глаза г. Кусакову, полагая, что удовлетворилъ его своимъ отвѣтомъ. Оказывается, однако, что это не такъ легко сдѣлать: г. Кусаковъ продолжаетъ экзаменъ: «а почему вы знаете, что это ваша рука? Можетъ быть, это не рука, или рука, да не ваша?»—«Какъ не моя? восклицаю я, пораженный ужасомъ...» «Очень просто,— возвражаетъ г. Кусаковъ:—можетъ быть, она и не ваша... Чѣмъ вы докажете, что она ваша, а не моя, напримѣръ?» Такая претензія на мою руку со стороны г. Кусакова поражаетъ уже меня окончательно; я смущаюсь, какъ могла бы смутиться отъ подобной претензіи только наивная, неопытная институтка. Въ самомъ дѣлѣ, какое философское доказательство можно привести на то, что моя рука—моя рука, а не г. Кусакова? Чѣмъ можно это доказать человѣку невѣрующему? Ему что ни скажешь, у него все одинъ отвѣтъ: а чѣмъ докажете? И пойдетъ безконечная исторія для отысканія начала всѣхъ началъ... Такимъ образомъ, я рѣшительно разстроенъ, и г. Кусаковъ торжествуетъ надо мною и гордо указываетъ мнѣ на седьмую страницу своей брошюры, на которой сказано: «изъ этого видно, что почерпаемое человѣкомъ понятіе о какомъ-либо предметѣ внѣшняго міра никогда не можетъ быть истиннымъ».

---

[1]) К. Д. Даниловъ былъ даровитымъ каррикатуристомъ; издававшійся имъ «Каррикатурный Листокъ» (1857—1858) имѣлъ большой успѣхъ.

Я предаюсь совершенному отчаянію и жалобно обращаюсь къ г. Кусакову съ вопросомъ: «такъ какъ же, г. Кусаковъ,—наши познанія рѣшительно не могутъ быть истинны?» Но «Аѳанасій Ивановичъ, довольный уже тѣмъ, что напугалъ Пульхерію Ивановну, улыбается и весело покачивается на своемъ стулѣ». Г. Кусаковъ говоритъ мнѣ на той же страницѣ: «казалось бы послѣ этого, что для человѣка нѣтъ никакой возможности узнать истину; но заключеніе это, какъ мы видимъ, неосновательно. Если человѣкъ не можетъ непосредственно почерпать изъ природы истиннаго о вещахъ понятія, то онъ можетъ достигать до познанія истины чрезъ постепенное отрѣшеніе отъ заблужденій, въ которыя насъ вводятъ наружныя чувства. Этого отрѣшенія понятій отъ заблужденій человѣкъ достигаетъ чрезъ многократное наблюденіе предмета и разсматриванія его съ разныхъ сторонъ». Другими словами: внѣшнія чувства не всегда заблуждаются, и хоть случается съ ними иногда такой грѣхъ, но вообще на нихъ можно положиться. Это положеніе меня успокоиваетъ, но не надолго; чрезъ нѣсколько страницъ г. Кусаковъ опять говоритъ, что рѣшительно всѣ предметы «производятъ на нашу душу впечатлѣніе, болѣе или менѣе несоотвѣтственное предмету, слѣдовательно, болѣе или менѣе ошибочное» (стр. 13). Я снова впадаю въ прежнее недоумѣніе и тоскливо восклицаю: «о, г. Кусаковъ! повѣдайте же мнѣ, есть ли истина на свѣтѣ? Иначе я рѣшусь на отчаянную мѣру,—обращусь къ г. Гербелю: онъ поэтъ добрый и, вѣрно, по своему обѣщанію,

«Онъ разрѣшитъ мои печали,
Сомнѣнья вѣчныя мои» [1]).

Но г. Кусаковъ смягчается моими жалобами и великодушно объясняетъ, что истина возможна «при опредѣленіи высшихъ аксіомъ и построеніи на нихъ всѣхъ возможныхъ знаній» (стр. 9). Нѣкоторый свѣтъ начинаетъ озарять меня. «Высшія аксіомы,—думаю я... знаю теперь, на что онъ мѣтитъ: на непогрѣшимость всеобщаго разума»... Но увы! г. Кусаковъ отнимаетъ у меня и послѣдній слабый лучъ надежды, объявляя, что за аксіомы не могутъ быть приняты врожденныя идеи, будто бы производимыя внутренней дѣятельностью души, независимо отъ впечатлѣній внѣшняго міра (стр. 10). Слѣдовательно, высшія аксіомы г. Кусакова тоже должны быть произведеніемъ внѣшнихъ чувствъ, которыя онъ же самъ, непостижимый г. Кусаковъ, считаетъ столь обманчивыми и ненадежными. Тутъ ужъ я рѣшительно теряюсь и передаюсь въ волю г. Кусакова, который пользуясь моимъ положеніемъ, начинаетъ объяснять мнѣ свою теорію. «Цѣль и назначеніе моей брошюры,—говоритъ онъ,—состоитъ въ опредѣленіи и ясномъ математическомъ выраженіи этой высшей аксіомы». Формула ея очень проста: $a=b\times c$. (Я ничего не понимаю). Здѣсь a означаетъ дѣйствіе (продолжаетъ объяснять г. Кусаковъ), а b и c—предметы, дѣйствующіе другъ на друга. Такимъ образомъ, если двухъ подравшихся пріятелей изобразить — одного буквою b, а другого c, то въ результатѣ и будетъ a, дѣйствіе, т.-е.—драка. Пріятели, пожалуй, могутъ и не драться,—результатъ все будетъ тотъ же: для формулы нужно только, чтобы сошлись два пріятеля b и c, а результатъ a, т.-е. драка, самъ собою ужъ явится. Я какъ будто начинаю понимать мудрость г. Кусакова и интересуюсь знать, на чемъ же основана высшая аксіома, что $a=b\times c$. Оказывается слѣдующее. Мы чувствуемъ, что на насъ повсюду дѣйствуетъ что-то, отъ насъ отличное, внѣшнее, словомъ,—*не-я*. Отсюда мы заключаемъ, что кромѣ насъ существуетъ еще нѣчто, потому что иначе мы не могли бы ощущать никакого внѣшняго дѣйствія на наше *я*. Отсюда слѣдуетъ, что бытіе предметовъ сознается нами потому только, что они на насъ дѣйствуютъ, и что, слѣдовательно, нѣтъ возможности представить предметъ безъ дѣйствія. Общій же законъ всякаго дѣйствія состоитъ въ томъ, что *дѣйствіе соразмѣрно причинамъ*; это мы можетъ утверждать потому, что, узнавая предметы только по ихъ дѣйствію на насъ, мы только по дѣйствію можемъ опредѣлить и величину, и значеніе самихъ предметовъ. Все это очень основательно и ясно на первый взглядъ, и во всемъ этомъ я—какъ и всѣ, я думаю,—съ давнихъ поръ былъ убѣжденъ... до того времени, пока не прочиталъ брошюры г. Кусакова. Но, прочитавши брошюру, я уже на такую удочку не поддамся. Я самъ теперь сдѣлался скептикомъ, и самъ стану задавать вопросы г. Кусакову: «а чѣмъ вы, г. Кусаковъ, докажете, что эта аксіома ваша, а не моя, и не общая всѣмъ людямъ съ давнихъ поръ? Да и на какомъ основаніи утверждаете вы, г. Кусаковъ, что если предметъ на насъ дѣйствуетъ, то значитъ, что онъ существуетъ? Легко можетъ быть, что онъ дѣйствуетъ, а все-таки, не существуетъ? Чѣмъ вы докажете, наконецъ, что предметы на насъ дѣйствуютъ? Можетъ быть, это только внѣшнія чувства васъ обманываютъ? На чемъ же вы вашу аксіому основываете?

[1]) См. № 134.

Нѣтъ, г. Кусаковъ, ваша аксіома, осмѣлюсь вамъ замѣтить, неосновательна. Въ отысканіи начала всѣхъ началъ вы меня не удовлетворите старой, избитой истиной, что нѣтъ дѣйствія безъ причины. Я хочу, чтобъ вы мнѣ эту самую причину-то отыскали, доказательства бы нашли... Тогда я успокоюсь... Иначе я, все-таки, буду васъ безпрестанно и безконечно допрашивать: отчего?

Г. Кусаковъ, повидимому, теряется и говоритъ, что «это положеніе *не только не можетъ быть доказано, но даже не относится къ области ума*» (стр. 11). Я, въ свою очередь, торжествую и уже безъ всякаго благоговѣнія къ мудрости г. Кусакова выслушиваю дальнѣйшее его объясненіе о томъ, что «все существующее дѣйствуетъ, а всякое дѣйствіе совершается *отъ центра къ окружности*» (стр. 22). Во первыхъ, я возглашаю: «чѣмъ докажете, г. Кусаковъ?» а во-вторыхъ, я спрашиваю: какого центра, какой окружности? Я, напр., ѣду изъ Архангельска въ Тамбовъ; дѣйствую-ли я отъ центра Россіи къ ея окружности, или отъ моего собственнаго центра къ моей собственной окружности? Но опредѣлите же, гдѣ мой центръ и моя окружность? Съ центромъ тяжести, что ли, совпадаетъ центръ, открытый г. Кусаковымъ, или онъ ни съ чѣмъ не совпадаетъ? Это, вѣдь, легко сказать: «вотъ, дескать, какая высшая аксіома, только она не можетъ быть доказана; а предметы, влѣдствіе ея, дѣйствуютъ отъ центра къ окружности». Но сказать, не доказавши, еще ничего не значитъ, равно какъ ничего не значитъ и необъясненное положеніе. По аксіомѣ г. Кусакова, брошюра его дѣйствуетъ тоже отъ центра въ окружности. Можетъ быть, это и такъ, но задача въ томъ, чтобы отыскать, гдѣ же именно центръ-то ея находится? А этого ни за что и не отыщешь, потому что г. Кусаковъ совершенный эксцентрикъ. Философіи, должно быть, онъ обучался: объ этомъ свидѣтельствуютъ фразы его, въ родѣ слѣдующей: «если бы мы захотѣли представить себѣ *я* и *не-я* нераздѣльно, то это представленіе всецѣлаго бытія, указывающее на самый высшій родъ, не было бы понятіемъ, а чувствомъ, и имѣло бы въ дополнительной сферѣ, называемой не-существомъ или небытіемъ, выраженіе мнимое, происшедшее отъ примѣненія общей формулы раздѣленія понятій на двѣ сферы къ такому предмету, который дополнительной сферы не имѣетъ и, по этой причинѣ, не относятся болѣе къ предметамъ, о которыхъ можно имѣть понятіе» (стр. 12). Но философія, должно быть, не въ прокъ пошла г. Кусакову: онъ вызвался вести насъ куда-то и завелъ въ лабиринтъ, изъ котораго, кажется, и самъ не можетъ выбраться. Онъ знаетъ только одно,—что надо идти отъ центра въ окружности, но гдѣ центръ, гдѣ окружность, до этого ему ужъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла.

---

152. Что такое г. Тьеръ и нашествіе его на Россію.

А. Гаряинова. Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ 147.

Рецензія утичтожающая «патріотическій» пылъ Гаряинова, но такъ написанная, что цензурѣ не къ чему было придраться. Гаряиновъ высмѣянъ до послѣдней степени, но все подъ видомъ полнаго съ нимъ единомыслія. Если теперь исторія 1812 года болѣе или менѣе уже выяснена, то 1858 году это была довольно невѣдомая страница. Публика ею очень интересовалась. Книгу Гаряинова нельзя было промолчать, потому что иначе и Тьеровская работа была бы неизвѣстна.

М. Л.

Въ XIV-мъ томѣ «Исторіи Консульства и Имперіи» Тьеръ описалъ войну 1812 года. Въ изложеніи его нашлось нѣсколько невѣрностей и ошибокъ, относящихся къ Россіи. Г. Гаряиновъ вздумалъ опровергнуть Тьера, и для этого издалъ брошюру, состоящую изъ пяти отдѣловъ: 1) знакомство съ г. Тьеромъ; 2) мелкіе грѣхи г. Тьера; 3) крупные грѣхи г. Тьера: 4) г. Тьеръ весь на лицо; 5) апоѳеоса г. Тьера.

Выписанныя нами заглавія достаточно опредѣляютъ полемическій характеръ книжки г. Гаряинова, обусловливаемой самымъ ея содержаніемъ. Все сочиненіе г. Гаряинова распадается на двѣ, рѣзко противоположныя части: въ одной горячая, патріотическая, возвышенная защита подвижниковъ 1812 года, приносящая честь и чувствамъ, и убѣжденіямъ автора; въ другой выходки противъ Тьера, вовсе не нужныя при блистательной защитѣ г. Гаряинова и

обнаруживающія скорѣе безсиліе человѣка, справедливо задѣтаго, нежели спокойное достоинство оскорбляемаго невинно. Для полнаго убѣжденія читателей и самого автора брошюры, представимъ примѣры и хорошей и дурной стороны сочиненія г. Гаряинова.

Тьеръ повторяетъ, напримѣръ, общую ошибку, что русскіе не любили Барклая-де-Толли, какъ иностранца. Г. Гаряиновъ совершенно справедливо объясняетъ (стр. 6—7), что Барклай былъ лифляндецъ, а всѣ жители Остзейскихъ губерній—вовсе не иностранцы для русскихъ. «Они пользуются всѣми правами гражданства, дружбою нашею, преданы Россіи, доказали это въ тысячѣ случаяхъ и не позже, какъ въ послѣднюю войну».

Далѣе Тьеръ говоритъ, что солдаты роптали на Барклая и обижали его. Онъ сносилъ это, но «принужденъ былъ велѣть разстрѣлять нѣсколькихъ человѣкъ, вышедшихъ изъ повиновенія, болѣе другихъ оказавшихъ дерзости». Г. Гаряиновъ весьма остроумно находитъ здѣсь противорѣчіе и говоритъ, что не могъ Барклай въ одно время сноситъ обиды и разстрѣливать солдатъ. «Одно изъ двухъ, говоритъ онъ, слѣдовало—или продолжать до конца систему терпѣнія, или разстрѣлять всѣхъ солдатъ» (стр. 9). Кромѣ того г. Гаряиновъ сильно опровергаетъ самый фактъ, упоминаемый Тьеромъ, говоря: «русскіе солдаты, извѣстные примѣрною дисциплиною и повиновеніемъ къ начальникамъ, обижаютъ своего главнокомандующаго,—и въ какое время? Въ виду непріятеля! Слыхано ли это—не только у насъ, но въ какомъ бы то ни было благоустроенномъ войскѣ?».

О Кутузовѣ Тьеръ также наговорилъ много вещей несправедливыхъ, и здѣсь г. Гаряиновъ весьма тонко подмѣтилъ у него нѣсколько грубыхъ противорѣчій. Напримѣръ: на стр. 359 Тьеръ приводитъ слова Кутузова предъ оставленіемъ Москвы: «моя голова можетъ быть хороша или дурна: но она *одна* рѣшитъ этотъ важный вопросъ». На страницѣ же 401 тотъ же Тьеръ говоритъ, что послѣ оставленія Москвы «и Кутузовъ сталъ терять народность и старался коварными разсказами разгласить мнѣніе, что другія начальствующія лица въ арміи вынудили его покинуть Москву». Не говоря уже объ эпитетѣ *коварный*, который горячо опровергнутъ г. Гаряиновымъ, въ словахъ Тьера подмѣчено имъ весьма важное противорѣчіе. Именно—г. Гаряиновъ говоритъ: «у г. Тьера злословіе часто не раздѣльно съ вѣтренностью, и служитъ ему настоящимъ антидотомъ; онъ забудетъ, что написалъ, и потомъ станетъ увѣрять въ противномъ; такъ, на стр. 359 сказано, что фельдмаршалъ самъ рѣшилъ покинуть Москву, а на стр. 401, что его къ тому вынудили. Слѣдовательно, у автора князь Кутузовъ то беретъ на себя важную отвѣтственность оставленія столицы, то сбрасываетъ ее на другихъ» (стр. 50). Справедливо.

Не довольствуясь мелкими несправедливостями, Тьеръ приписалъ кн. Кутузову ужасную черту, касающуюся уже всего нравственнаго характера человѣка. Онъ сказалъ о фельдмаршалѣ (не имѣя подъ рукою Тьера, приводимъ слова его по переводу г. Гаряинова, стр. 62): «старикъ Кутузовъ не только не вѣрилъ въ Божію Матерь, даже очень мало вѣрилъ въ Бога». Г. Гаряиновъ горячо и благородно защищаетъ память великаго полководца отъ нелѣпаго и ужаснаго обвиненія Тьера. Онъ справедливо замѣчаетъ, что «никто, кромѣ самыхъ короткихъ людей и духовника князя Кутузова не могъ знать о степени его религіознаго убѣжденія», и что, конечно, «ни одинъ изъ нихъ не передавалъ г. Тьеру свѣдѣній по этому предмету». Далѣе г. Гаряиновъ прибавляетъ, съ благородной горячностью, достойною истинно православнаго христіанина и человѣка двѣнадцатаго года, какъ онъ самъ себя называетъ: «фельдмаршалъ не былъ ханжа, но былъ хорошій христіанинъ въ духѣ православной каѳолической церкви, по старинѣ. Въ этомъ убѣждена вся Россія, и поручатся всѣ, его знавшіе. Могъ ли князь, особенно, не вѣровать Владычицѣ Небесной, онъ, добрѣйшій изъ людей, надежный другъ, преданный родной и нѣжный отецъ! Всѣ эти качества въ человѣкѣ какъ-то еще болѣе располагаютъ молиться Пречистой Дѣвѣ, представительницѣ чистѣйшей любви небесной. Образъ Божіей Матери даже въ походахъ не оставлялъ его, и онъ будто Ей не вѣровалъ!» (стр. 62—63).

Столь же блистательно опровергаетъ г. Гаряиновъ и несправедливое сужденіе Тьера о положеніи нашихъ войскъ наканунѣ Бородинской битвы. Тьеръ говоритъ, что тогда какъ французы наканунѣ сраженія готовили оружіе и занимались веселыми разговорами, русскіе, печальные, отчаянные, полагали надежду только на Бога и на колѣняхъ молились предъ чудотворнымъ образомъ, «который, какъ разсказывали, спасенъ былъ на крыльяхъ ангеловъ изъ пылавшаго Смоленска. Образъ этотъ, окруженный тысячами факеловъ, носили по лагерю греческіе священники». Г. Гаряиновъ, весьма справедливо замѣчаетъ, что показанія Тьера дѣлаютъ честь русской арміи и выставляютъ ее въ самомъ лучшемъ

свѣтѣ. «Кто не почувствуетъ, говоритъ онъ, глубокаго уваженія къ воинству, ведущему, по числу своему, неравную борьбу, и удивлявшему своимъ мужествомъ самого Наполеона, къ воинству, которое въ рѣшительную минуту общаго боя, готовясь на родныхъ поляхъ сразиться за родину, проситъ у Бога силъ укрѣпить его!» (стр. 37). Далѣе, г. Гаряиновъ опровергаетъ частныя показанія Тьера: объ ангелахъ, спасшихъ образъ, г. Гаряиновъ справедливо замѣчаетъ, что такихъ разсказовъ въ войскѣ быть не могло, ибо вся армія видѣла, какъ образъ былъ вынесенъ изъ Смоленска, въ день сраженія, «не ангелами, а духовенствомъ» (стр. 32). Тысячи факеловъ не могли существовать тогда при войскѣ, *греческихъ* священниковъ у насъ въ Россіи почти нѣтъ, а «при чудотворной иконѣ находились полковые священники, всѣ коренные русскіе». Ясно, что Тьеръ написалъ весьма много лишняго въ своей исторіи.

Такимъ блистательнымъ способомъ, противопоставленіемъ фактовъ выдумкамъ и основательныхъ разсужденій—ложнымъ умствованіямъ, опровергаетъ г. Гаряиновъ многія ошибки Тьера. Казалось бы, ему надобно было сохранить спокойствіе, надобно было съ увѣренностью силы, съ достоинствомъ истинной правоты обличать своего противника, не дѣлая изъ полемики перебранку. Но, къ удивленью и къ сожалѣнію нашему, г. Гаряиновъ не хотѣлъ удержаться въ этихъ предѣлахъ и самъ принялъ грубый раздраженный тонъ, допустилъ много выходокъ, не совсѣмъ деликатныхъ, даже впалъ въ противорѣчія, которыя такъ ловко подмѣчаетъ онъ у Тьера. Такъ, защищая Барклая-де-Толли, г. Гаряиновъ говоритъ: «что кому за дѣло до происхожденія чьего-нибудь?» А между тѣмъ самъ же онъ «знакомство съ г. Тьеромъ» начинаетъ съ того, что «отецъ его былъ мастеровымъ, а сестра содержала обѣденный столъ, по два франка съ половиною съ персоны». (стр. 3). И далѣе во многихъ мѣстахъ г. Гаряиновъ не оставляетъ кольнуть Тьера его низкимъ происхожденіемъ. Такъ, на стр. 13 онъ говоритъ: «чѣмъ же хуже простолюдины наши, напримѣръ, французскихъ, возьмемъ хоть отца г. Тьера, простого марсельскаго работника?» А на стр. 69-й есть даже выходка, говорящая, что въ Тьерѣ «сейчасъ виденъ выросшій между грубыми рабочими неучъ, неумѣющій даже вѣжливо браниться.» Признаемся, что въ отношеніи вѣжливости отзывовъ мы затрудняемся, кому изъ двухъ противниковъ отдать преимущество. Пусть судятъ объ этомъ сами читатели.

Г. Гаряиновъ упрекаетъ Тьера за то, что онъ назвалъ Кутузова, между прочимъ, *кривымъ* (что, въ сущности, вовсе и не обидно). Господинъ Гаряиновъ справедливо замѣчаетъ, что выставлять на видъ тѣлесный недостатокъ человѣка—неблагородно. А между тѣмъ самъ же г. Гаряиновъ издѣвается надъ малымъ ростомъ Тьера. Упрекая его за преувеличенное показаніе потери русскихъ въ битвѣ при Молодечно, г. Гаряиновъ такъ говоритъ: «что за кровожадный человѣкъ этотъ г. Тьеръ! только и думаетъ, какъ бы поболѣе перебить народу, а посмотрѣть на него,—въ середнюю шеренгу внутренней стражи нельзя поставить; но чему дивиться—крошечныя собачки всегда бываютъ очень злы» (стр. 31.) Это очень зло, но г. Гаряиновъ не довольствуется тѣмъ, что *обзываетъ* Тьера прозвищами животныхъ (по выраженію г. Даля). Онъ прибавилъ еще примѣчаніе, въ которомъ говорится: «великій человѣкъ (т.-е. Тьеръ) росту съ небольшимъ два аршина, слѣдовательно, если годится въ фельдмаршалы, далеко не годенъ въ рекруты» и т. д. Спрашиваемъ г. Гаряинова: какое отношеніе имѣетъ низкое происхожденіе и малый ростъ Тьера къ его историческому таланту и добросовѣстности?..

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Гаряиновъ увлекается до того, что забываетъ сказать настоящее опроверженіе Тьеру и ограничивается восклицательнымъ знакомъ и обращеніемъ въ родѣ слѣдующаго: «люди 1812 года! скажите этому г. Тьеру, что онъ безсовѣстно и безстыдно клевещетъ!» (стр. 36). Вообще неумѣренность въ выраженіи своего гнѣва много вредитъ г. Гаряинову. По крайней мѣрѣ, намъ, людямъ не 12, а 58 года XIX столѣтія крайне непріятно было въ брошюрѣ, посвященной защитѣ столь великаго дѣла, какъ слава отечества, встрѣтить выраженія, подобныя слѣдующимъ: «г. Тіеръ не боится писать разный вздоръ и храбриться, сидя въ халатѣ за письменнымъ столомъ» (стр. 9). «Лжецъ и хвастунъ» (стр. 15), «всегда дерзкій и вѣтреный историкъ» (стр. 25), «Честное слово,—на этого человѣка находитъ такъ, что онъ бываетъ не въ здравомъ умѣ! Какъ не пустить крови сочинителю такихъ нелѣпостей!» (стр. 29). «Тьеръ пишетъ преувеличенія, которыя доказываютъ, что онъ не умѣетъ даже считать по пальцамъ, или не хочетъ, а это еще хуже для историка: одно свидѣтельствуетъ отсутствіе смысла, а другое—недостатокъ добросовѣстности»... (стр. 35). «Нечистыя животныя всегда ищутъ грязи» (это то же къ Тьеру) (стр. 70). «Вся жизнь г. Тьера доказываетъ, что онъ не имѣетъ никакихъ убѣжденій и былъ всегда политическимъ флюгеромъ» (стр. 79). Тьеръ

пишетъ противъ Россіи, «чтобы тѣшить себя и набивать свой карманъ» (стр. 82). Мы уже не говоримъ о выраженіяхъ: злонамѣренная ложь, гнусность, безсмыслица, сплетникъ, клеветникъ и проч., и пр., которыя г. Гаряиновъ щедро разсыпаетъ почти на каждой страницѣ. Все это нехорошо, и мы обязаны предостеречь г. Гаряинова на счетъ одного обстоятельства, которое намъ кажется довольно важнымъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ одномъ изъ примѣчаній (стр. 73) г. Гаряиновъ говоритъ, что книжка его «должна перевестись на иностранные языки и пошлется въ чужіе краи». Не лучше ли не дѣлать этого? Намъ кажется, что она можетъ болѣе повредить дѣлу, нежели защитить его. Сказать ли, какое впечатлѣніе производитъ эта брошюрка на людей, не знающихъ литературныхъ обычаевъ 1812 г., а привыкшихъ къ нынѣшней литературной деликатности? Они всѣ сдѣлаютъ изъ нея такое заключеніе: «вѣроятно, въ книгѣ Тьера есть что-нибудь особенное, о чемъ г. Гаряиновъ умалчиваетъ, но что болѣе всего задѣваетъ его, и можетъ быть по справедливости. Иначе не изъ чего было бы такъ шумѣть. Конечно, Тьеръ написалъ много нелѣпаго о Россіи и обнаружилъ полное невѣжество, называя, напр., Смоленскъ границей Европы и Азіи, донскихъ казаковъ—сынами востока и пр. Но вообще все, указанное г. Гаряиновымъ, такъ нелѣпо или ничтожно, что вовсе не могло возбудить такого гнѣва, какой обнаруженъ г. Гаряиновымъ. Къ сожалѣнію, мы не читали XIV тома, но, вѣроятно, тамъ есть еще что-нибудь другое, столь сильно расшевелившее г. Гаряинова и озлобившее его противъ Тьера.» Такое впечатлѣніе производятъ на людей 1858 года выходки одного изъ людей 1812 года.

---

153. Пѣсни Гейне,

въ переводѣ *М. Л. Михайлова*. Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147.

Михайловъ, близкій человѣкъ къ «Современнику» и въ частности къ Чернышевскому, былъ однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ Гейне; съ нимъ удачно соперничалъ покойный П. И. Вейнбергъ, тогда еще не давшій въ этой области ничего выдающагося. Будучи самъ «барабанщикомъ», Добролюбовъ не пропускалъ ни одного изданія Гейне въ Россіи безъ своего отзыва.

М. Л.

Безчисленные переводы Гейне, съ нѣкотораго времени появившіеся въ нашихъ журналахъ, скоро стали надоѣдать публикѣ. Виноватъ въ этомъ, по нашему мнѣнію, не Гейне, а его переводчики. Долгое время Гейне терпѣлъ гоненія отъ нашихъ переводчиковъ и дѣйствительно уподоблялся «трепетному оленю», за которымъ скачутъ охотники,—какъ является онъ въ прекрасномъ стихотвореніи г. Майкова, извѣстномъ нашимъ читателямъ:

«Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый!

Эти враги и суть переводчики. Чего же вы хотите въ самомъ дѣлѣ: одинъ, взявшись переводить Гейне, увлекается собственнымъ образомъ, мелькнувшимъ въ головѣ; другой въ переводѣ называетъ милаго мальчика «почтеннымъ юношею», третій доходитъ до того, что слово Liebe смѣшиваетъ съ словомъ Leib и вмѣсто *любви* переводитъ—*тѣло*! Съ этимъ послѣднимъ переводчикомъ мы знакомы: это г. Генслеръ-Семеновъ, о которомъ мы два раза уже упоминали въ «Современникѣ» [1]). Правду сказать—не поздоровится автору отъ этакихъ переводовъ!

Да и независимо отъ достоинства перевода, какія пьесы выбирались у насъ въ прежнее время для перевода! Многіе, вѣроятно, помнятъ, что́ у насъ, лѣтъ пять тому назадъ, понималось подъ стишками въ гейневскомъ родѣ. «Ручей мирно журчитъ; но я смущенъ,—я вспоминаю рѣчи измѣнницы-милой». Или—«облака несутся по небу; я смотрю на нихъ и думаю, что это не облака, а душа моей милой» или еще: «мы сидѣли съ милой и нѣжно разговаривали, а на крышѣ мяукали кошки». Это называлось подражаніями Гейне. Только въ недавнее время стали мы знакомиться съ истиннымъ характеромъ поэзіи Гейне, недавно переведены у насъ нѣкоторыя изъ

[1]) См. №№ 111 и 126.

лучшихъ, болѣе серьезныхъ его произведеній, и нѣтъ сомнѣнія, что хорошій переводъ хорошихъ вещей Гейне всегда будетъ имѣть значеніе въ нашей литературѣ и обратитъ на себя вниманіе публики. До сихъ поръ у насъ набралось уже нѣсколько удачныхъ переводовъ, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, но еще не было отдѣльнаго изданія Гейне въ русскомъ переводѣ. Изданіе г. Семенова считать нечего: иначе придется считать г. Данилевскаго и г. Якимова въ числѣ переводчиковъ Шекспира и г. Овчинникова въ числѣ переводчиковъ Фауста. Такимъ образомъ книжку г. Михайлова мы считаемъ первою литературною попыткою изданія Гейне въ русскомъ переводѣ, и не можемъ не выразить переводчику своей благодарности за это изданіе.

О достоинствѣ перевода г. Михайлова говорить, кажется, нечего. Переводы его нѣсколько лѣтъ печатались въ разныхъ журналахъ и всегда читались съ удовольствіемъ. Нельзя сказать, чтобъ они отличались буквальной вѣрностью подлиннику; но нельзя въ нихъ не замѣтить поэтическаго чувства, возбуждающаго въ читателѣ именно то настроеніе, какое сообщается и подлинникомъ. Чувствовать, а не только понимать мысль Гейне, переводя его, необходимо, можетъ быть, болѣе, нежели при переводѣ всякаго другого поэта. Мысль является у него чувствомъ, и чувство переходитъ въ думу такъ неуловимо, что посредствомъ холоднаго анализа нѣтъ возможности передать это соединеніе. Необходимо самому увлечься впечатлѣніемъ стихотворенія Гейне, самому прочувствовать его, и тогда только можно хорошо его передать. Намъ кажется, что у г. Михайлова есть именно эта способность чувствовать поэзію Гейне, и потому онъ до сихъ поръ лучше всѣхъ другихъ передавалъ силу впечатлѣнія, оставляемаго въ читателѣ стихами Гейне.

Что касается до выбора стихотвореній, онъ довольно разнообразенъ и очень удаченъ. Всѣхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ книжкѣ г. Михайлова, до 60. Въ числѣ ихъ находятся, между прочимъ, два прекрасныя стихотворенія изъ «грезъ»: «Ночь могилы тяготѣла» и «Зловѣщій грезился мнѣ сонъ»; стихотвореніе «На Гарцѣ»; изъ думъ: «Замокъ Афронтенбургъ»; изъ романсовъ—«Рыцарь Олафъ», «Гаральдъ Гарфагаръ», «Гастингское поле», «Богомольцы въ Кевларѣ» и др.; стихотворенія: «Оглядка на прошлое», «Скорбь вавилонская». Изъ «Книги пѣсенъ» переведено 38 пьесъ, и на каждой, самой маленькой вещи виденъ отпечатокъ поэзіи Гейне. Г. Михайловъ не передѣлываетъ Гейне, не подбавляетъ своихъ чувствъ и понятій къ его чувствамъ и понятіямъ, и потому для человѣка, съ любовью читавшаго Гейне, переводы г. Михайлова такъ живо напоминаютъ подлинникъ. Но и не читавшій Гейне можетъ изъ книжки г. Михайлова получить объ этомъ поэтѣ понятіе довольно полное и вѣрное. Еще болѣе можетъ способствовать этому предисловіе, написанное г. Михайловымъ и заключающее въ себѣ коротенькій очеркъ жизни и нѣсколько мыслей о характерѣ поэзіи Гейне. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать этой статейкѣ,—тотъ, что она коротка. Особенно досадно это въ той части статьи, въ которой говорится, что Гейне «былъ барабанщикомъ воинственнаго легіона молодыхъ дѣятелей юной Германіи» (стр. XII). Самое выраженіе это непонятно безъ указанія на стихотвореніе Гейне, въ которомъ онъ говоритъ, между прочимъ:

Стучи въ барабанъ, и тревогой
Уснувшихъ отъ сна пробуди.
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства!
А самъ маршируй впереди.
Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ смыслъ философскихъ началъ.
Давно я постигъ эти тайны,
Давно барабанщикомъ сталъ [1]).

Это стихотвореніе не мѣшало бы привести въ статейкѣ о Гейне; тогда характеристика его съ этой стороны была бы полнѣе и яснѣе для читателей.

Зато взглядъ на Гейне, просто какъ на лирическаго поэта, вышелъ у г. Михайлова очень хорошъ. Намъ, между прочимъ, понравилась эта манера характеризовать поэта словами, взятыми изъ его собственныхъ произведеній. Это придаетъ всей характеристикѣ какой-то увлекательный, поэтическій колоритъ.

Изданіе книжки изящно.

---

[1]) Переводъ самого Добролюбова.

154. Былое.

Стихотворная повѣсть. Глава 1-я и 2-я. Сочиненіе *Михаила Стаховича*. М. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147.

М. Л.

Недавно удивлялись мы обилію поэтовъ, появившихся въ послѣднее время, и приписывали ихъ внезапное нашествіе на русскую литературу нѣкоему особенному духу, напущенному на насъ вслѣдствіе гнѣва Аполлонова. Въ дополненіе къ предшествовавшимъ,—вотъ и еще стихи, которыхъ напечатаніе можетъ быть объяснено единственно только стихотворнымъ духомъ нашего времени. Г. Стаховичъ вздумалъ написать стихотворную повѣсть: доброе дѣло! Въ 1854 г. онъ кончилъ первую главу; въ 1857 кончилъ вторую, и тотчасъ же приступилъ къ изданію... Теперь спрашивается: отчего же г. Стаховичъ не издалъ первой главы въ 1854 г., или отчего не подождалъ онъ хоть третьей главы, которая должна быть кончена, вѣроятно, въ 1860 г.? Нѣтъ никакой причины, кромѣ той, что нынѣ время благопріятное для стиховъ, и всѣ спѣшатъ имъ пользоваться. Скоро мы дойдемъ до того, что будемъ издавать стихотворенія *листками*. Напишетъ человѣкъ половину элегіи, и бухъ ее въ печать, а вторая половина будетъ, дескать, послѣ. Скоро будутъ, кажется, издаваться собранія стихотвореній, въ нѣсколько страничекъ. Выйдетъ вдругъ «Полное собраніе стихотвореній» такого-то. Вы смотрите: книжечка состоитъ изъ двухъ листочковъ; на первомъ напечатана шарада въ три стиха, а на второмъ эпиграмматическое двустишіе. Можно навѣрное утверждать, что это будетъ: въ журналахъ ужъ мы дошли до такой премудрости, имѣемъ «Смѣхи» и «Потѣхи» и пр. [1]) То же будетъ и въ стихахъ при нынѣшнемъ стихотворномъ повѣтріи.

Что же, однако, находится въ стихотворной повѣсти г. Стаховича? Да ничего пока, кромѣ вялыхъ стиховъ. Въ первой главѣ разсказывается, какъ дремалъ на печкѣ старикъ и думалъ про былое, состоявшее въ томъ, что баринъ за вѣрную службу отпустилъ его на волю. Во второй изображается студентъ Сосновъ, восхищающійся Мочаловымъ и отправляющійся въ свою деревню. Вотъ и все.

Есть у г. Стаховича изображенія сельской жизни, состоящія въ томъ, что мужикъ подъ старость,—

> ...какъ дитя,
> Кончаетъ жизнь полушутя.

Есть и мечты, возбужденныя этой жизнью и выражаемыя въ такихъ виршахъ:

> «Я вѣрю, правдой и хвалой
> Прославитъ Русь грядущій геній,
> И орлій зря ея полетъ,
> И онъ, какъ Пушкинъ, воспоетъ».

«*Орлій зря ея полетъ*»—немножко напоминаетъ *Росска Флакка зракъ*, но это ничего.

Стихотворная повѣсть останавливается пока на томъ, что Сосновъ собирается ѣхать въ деревню и посылаетъ туда приказчика.

> «Но о довѣренномъ лицѣ
> Мнѣ долго объяснять въ концѣ
> Моей главы; его значенье,
> О, муза русская, со мной
> Ты новой пѣснею воспой!»

Это—конецъ. Только едва ли муза русская будетъ *воспѣвать пѣснею* новой, вмѣстѣ съ г. Стаховичемъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ самъ, и безъ музы, станетъ продолжать все ту же старую-престарую пѣсню.

---

[1]) См. № 209.

155. Для легкаго чтенія.

Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Изданіе книжнаго магазина Давыдова. Томы VI, VII, VIII. Спб. 1857—58 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 147.

А. И. Давыдовъ содержалъ тогда въ своемъ магазинѣ контору «Современника»; хорошія отношенія съ нимъ редакціи—причина появленія этой замѣтки.

М. Л.

Новыхъ замѣчательныхъ вещей по части беллетристики почти вовсе не появляется, какъ это, вѣроятно, извѣстно читателямъ. Любителямъ легкаго чтенія приходится перечитывать старое, забытое или пропущенное безъ вниманія въ свое время. Въ этомъ отношеніи книгопродавецъ Давыдовъ оказываетъ большую услугу русскимъ читателямъ своимъ изданіемъ «Для Легкаго Чтенія». Въ изданіи его постоянно помѣщаются произведенія лучшихъ нашихъ писателей, бывшія разбросанными въ журналахъ прежнихъ годовъ и съ трудомъ въ нихъ отыскиваемыя. Въ послѣднихъ трехъ томахъ, изданныхъ съ того времени, какъ мы въ послѣдній разъ говорили о «Легкомъ Чтеніи» [1]), помѣщены четырнадцать повѣстей и разсказовъ гг. Авдѣева, Григоровича, Лажечникова, Майкова, Малиновскаго, Панаева, Печерскаго, Писемскаго, Полонскаго, Серебрицкаго, Станицкаго и Тургенева, сцена Островскаго, комедія Тургенева и двѣнадцать стихотвореній гг. Берга, И. Л., Майкова и Фета. Большая часть этихъ произведеній, вѣроятно, памятны читателямъ, слѣдившимъ за нашими журналами въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, и вѣрно для многихъ пріятно будетъ имѣть красиво-изданную недорогую книжку, въ которой собраны, напр., такія вещи, какъ «Провинціалка» Тургенева, «Смедовская долина» Григоровича, «Порядочный человѣкъ» М. В. Авдѣева, «Груня» Полонскаго и пр. (т. VI); или такія, какъ «Помѣщикъ» стихотворный разсказъ Тургенева, «Старая барыня» Писемскаго, «Знакомство съ Пушкинымъ» И. И. Лажечникова, «Широкая натура» П. Серебрицкаго, «Желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою» Н. Станицкаго (т. VII); или такія вещи, какъ «Поярковъ» Печерскаго, «Семейная картина» Островскаго, «Прогулка по Риму» А. Н. Майкова, «Двѣ липки» поэма А. А. Фета и пр. (т. VIII). Въ слѣдующемъ, девятомъ томѣ обѣщаны, между прочимъ, романъ Т. Ч. «Тернистый трупъ», повѣсть Писемскаго—«Фанфоронъ» и «Два Зайца» пов. Е. Я. Колбасина.

---

156. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Черты изъ его жизни. Сочиненіе *В. Новаковскаго*. Чтеніе для юношества. С.-Петербургъ. 1858 г.

Напечатано въ VI кн. «Журнала для Воспитанія» 1858 (ценз. 17 мая).

М. Л.

Сочиненіе г. Новаковскаго не лишено занимательности для молодыхъ читателей, незнакомыхъ съ исторіей русской литературы. Точка зрѣнія автора на значеніе Ломоносова довольно вѣрна. Г. Новаковскій представляетъ Ломоносова какъ даровитаго простолюдина, одушевленнаго необыкновенной горячей любовью къ познаніямъ и, наконецъ, сдѣлавшагося замѣчательнымъ ученымъ. О поэтическомъ талантѣ Ломоносова, о высокопарныхъ его одахъ, широковѣщательныхъ трагедіяхъ, неконченной поэмѣ и т. п. почти ничего не говорится. Гораздо болѣе вниманія обращено авторомъ на труды Ломоносова, какъ физика и химика. Это совершенно справедливо и благоразумно. Но не столь справедливо невниманіе къ заслугамъ Ломоносова для русскаго языка и стиха. Объ этомъ мож-

[1]) Тѣ рецензіи принадлежали Чернышевскому.

но бы сказать нѣсколько побольше, чѣмъ простое упоминаніе, что «сочинилъ, дескать, онъ также грамматику и реторику». Тутъ представлялся автору случай высказать нѣсколько полезныхъ мыслей объ изученіи отечественнаго языка, сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ историческихъ измѣненіяхъ, происходившихъ въ русскомъ языкѣ и слогѣ и т. п. Такія замѣчанія, прямо относящіяся къ дѣлу, были бы, конечно, гораздо полезнѣе для молодыхъ читателей и лучше были бы ими приняты, нежели тѣ моральныя сентенціи, которыя г. Новаковскій вставляетъ по временамъ въ свой разсказъ. Напр., говоря о томъ, что у Ломоносова книгъ не было, онъ обращается къ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и говоритъ: что, вѣрно, Ломоносовъ, если бъ теперь жилъ, сталъ бы ходить въ Публичную Библіотеку, гдѣ такъ много полезныхъ книгъ,— вѣрно, онъ съ радостью сталъ бы тамъ заниматься. Говоря о томъ, что Ломоносовъ скучалъ плохимъ ученьемъ въ Заиконоспасской Академіи, авторъ прибавляетъ, что вотъ еслибъ тогда Московскій университетъ былъ, то ужъ Ломоносовъ учился бы тамъ съ упоеніемъ. Разсказывая о вызовѣ учениковъ изъ Москвы въ Академическую гимназію, г. Новаковскій считаетъ необходимымъ замѣтить, что были глупые мальчики, которые не хотѣли ѣхать учиться, но Ломоносовъ-де стоялъ выше ихъ и самъ туда просился. Всѣ подобныя заплатки на разсказъ непріятно поражаютъ живыми нитками, которыми онѣ пришиты. На мальчиковъ подобныя наставленія дѣйствуютъ очень неблагопріятно. Надобно представить самое дѣло такъ, чтобы у нихъ при чтеніи разсказа возбуждалась любовь къ хорошему. А если ужъ нѣтъ на это искусства, то лучше вовсе оставить нравственныя претензіи и ограничиться простымъ разсказомъ. Можно удовольствоваться и тою пользою, какую пріобрѣтутъ мальчики, получивши довольно подробныя свѣдѣнія объ одномъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія. Жаль только, что во многихъ мѣстахъ книжки г. Новаковскаго слишкомъ ясно проглядываетъ *сочиненіе*. Въ біографическомъ очеркѣ странно встрѣтить разсказъ о томъ, что̀ думалъ Ломоносовъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, и какъ онъ заливался слезами вслѣдствіе своихъ размышленій. Такія вещи позволительны только тогда, когда мы имѣемъ подробную автобіографію описываемаго лица, или когда вмѣсто біографіи хотимъ составить что-нибудь въ родѣ историческаго романа. Можетъ быть, г. Новаковскій и имѣлъ отчасти въ виду послѣднее обстоятельство, но въ художественномъ отношеніи разсказъ его ниже всякой посредственности. Ломоносовъ, какъ человѣкъ, съ своимъ характеромъ, страстями, недостатками, своими отношеніями къ обществу, вовсе не рисуется въ этомъ разсказѣ. Напротивъ, видно даже желаніе представить Ломоносова какимъ-то идеаломъ, что̀ не мало вредитъ самой естественности и жизненности разсказа.

---

157. Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности.

Н. Лебедева. С.-Петербургъ, 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 156. (См. № 143).

М. Л.

Обозрѣніе всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, съ замѣтками объ ихъ историческомъ развитіи и о нынѣшнемъ устройствѣ, можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе для исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще. Какое капитальное значеніе можетъ имѣть подобная книга, достаточно показываетъ сочиненіе г. Воронова объ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, принадлежащее, какъ извѣстно, къ числу замѣчательныхъ пріобрѣтеній русской ученой литературы. Поэтому мы не безъ любопытства раскрыли книжку г. Лебедева, желая знать, что успѣлъ онъ сказать объ училищахъ въ Россіи—*вообще* и *въ особенности*—на 60-ти страничкахъ. Изъ предисловія автора мы узнали, что цѣль его состояла въ томъ, чтобы «выяснить любопытные вопросы: кто сначала изъ русскихъ князей-правителей, потомъ изъ царей и наконецъ изъ императоровъ посѣя

валъ сѣмя просвѣщенія въ управляемой ими Россіи? въ которомъ году? въ какихъ городахъ?» Для этой цѣли г. Лебедевъ разсматриваетъ учрежденія на пользу просвѣщенія въ Россіи по двумъ довольно странно сочиненнымъ имъ періодамъ: *первый*—отъ основанія монархической власти, т.-е. отъ 1462 г., до нашихъ временъ, и *второй*—отъ начала Россіи до 1462 г. На чемъ основано такое дѣленіе, мы не знаемъ.

Начинается перечень училищъ по годамъ, съ 1462 г., на основаніи такихъ источниковъ: «Начертаніе русской исторіи» Кайданова, Погодина и Устрялова, «Хронологическія таблицы» Ольдекопа, «Россія» Булгарина и т. п. Разумѣется, пропуски и ошибки являются на каждой страницѣ. Напр., учрежденіе «Стольнаго Монастыря», вмѣсто 1764 г., отнесено къ 1770; Екатерининскій Институтъ въ Петербургѣ показанъ, вмѣсто 1798, подъ 1797 г., а о Московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ (1803 г.) ничего не сказано. Въ 1796 г. показано «Учрежденіе въ г. Дерптѣ университета»; кому же неизвѣстно, что Дерптскій университетъ основанъ еще Густавомъ-Адольфомъ (1632 г.), и что при императорѣ Александрѣ I-мъ происходило преобразованіе его,—и то было не въ 1796, а въ 1802 г... Основаніе Инженернаго Училища, вмѣсто 1804 г., отнесено къ 1811, Медико-Хирургической Академіи, вмѣсто 1799 г.—1808 и т. д. Вотъ что значитъ полагаться на Кайданова и Булгарина въ исторіи.

На этихъ же авторитетахъ основываетъ г. Лебедевъ свое рѣшеніе вопроса о годѣ учрежденія *перваго* училища въ Россіи. Этого года, говоритъ г. Лебедевъ, «ни одинъ изъ историковъ не указалъ»; но онъ, на основанціи таблицы Ольдекопа и «Россіи» Булгарина, рѣшаетъ, что это было въ 1038 г.

Интересно также, что между училищами въ книжкѣ г. Лебедева упоминаются «Библейское Общество», «Общество любителей словесности» и т. п. Неужели г. Лебедевъ считаетъ ихъ учебными заведеніями?

---

158. Ариѳметика для дѣвицъ,

составленная *В. Михельсономъ*. Изданіе второе. С.-Петербургъ, 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 156.

М. Л.

Чѣмъ ариѳметика для дѣвицъ должна отличаться отъ ариѳметики для мальчиковъ? Сущность математическихъ истинъ одна и та же для всѣхъ; разница, слѣдовательно, должна заключаться въ способѣ ихъ представленія. Въ этомъ отношеніи для дѣвицъ нужно болѣе конкретности, чѣмъ для мальчиковъ: нужно опредѣленій и правилъ—сколько можно меньше; примѣровъ, задачъ—сколько можно больше. Затѣмъ, отъ дѣвицы нужно болѣе, чѣмъ отъ мальчика, добиваться того, чтобы она *сама* вывела правило изъ примѣровъ и задачъ, разрѣшенныхъ ею при помощи учителя. Это потому, что на память чиселъ у дѣвочки менѣе можно полагаться, чѣмъ у мальчика. Въ то время, какъ у мальчика разсудокъ тотчасъ самъ собою является на помощь памяти, у дѣвочки постоянно въ дѣло памяти мѣшается воображеніе. При обученіи дѣвочекъ вообще, и въ особенности при обученіи ихъ положительнымъ знаніямъ, нужно имѣть въ виду преимущественно возбужденіе разсудка и правильное развитіе дѣятельности воображенія. Конкретное обученіе помогаетъ и тому и другому: воображеніе имѣетъ матеріалъ въ частныхъ представленіяхъ, а разсудокъ возбуждается и укрѣпляется самостоятельнымъ отыскиваніемъ общаго значенія частныхъ примѣровъ. Прочитавши заглавіе «Ариѳметика для дѣвицъ», можно подумать, что г. Михельсонъ именно имѣлъ въ виду эти простыя положенія, которыя не могутъ быть неизвѣстны человѣку, берущемуся за составленіе учебника. Посмотримъ, какъ г. Михельсонъ исполнилъ свою задачу—составить ариѳметику *именно для дѣвицъ*.

Начинается его ариѳметика опредѣленіями—величины, числа, единицы, ариѳметики и т. д. Всѣ эти безполезныя вещи видали мы и въ ариѳметикахъ для мальчиковъ. Далѣе идетъ «словесное счисленіе», въ которомъ объясняется, что счетъ у насъ начинается съ одного, а затѣмъ идутъ два, три, четыре и т. д. до трилліона. Это нововведеніе въ ариѳметикѣ, заимствованное изъ старинныхъ грамматикъ, которыя начинались перечисленіемъ буквъ, составляющихъ русскую азбуку. Послѣ *словеснаго* счисленія идетъ *письменное*—цифрами арабскими, римскими и славянскими. Мы желали бы

знать, отчего именно дѣвочкамъ необходимо начинать ариѳметику съ того, чтобы выучиться произносить 205.079.304.615.043, число, написанное г. Михельсономъ на стр. 9? Или онъ думаетъ, что теперь, когда мальчиковъ отъ этой безполезной работы уже избавили, нужно передать ее дѣвочкамъ: пусть, дескать, и онѣ помучатся!..

Выучивши дѣвочекъ произносить и писать билліоны, г. Михельсонъ начинаетъ первыя четыре дѣйствія надъ *простыми* числами. Съ мальчиками нынѣ начинаютъ обыкновенно съ именованныхъ чиселъ, потому что на первой степени обученія и для мальчиковъ конкретность необходима почти въ такой же степени, какъ и для дѣвочекъ. Но г. Михельсонъ полагаетъ, что для дѣвочекъ этого не нужно, и потому начинаетъ съ простыхъ, т.-е. *отвлеченныхъ* чиселъ, давая при томъ такія правила: «при дѣленіи простыхъ чиселъ должно сперва написать дѣлимое, потомъ дѣлителя — отдѣляя его отъ дѣлимаго вертикальною чертою. Подъ дѣлителемъ пишутъ частное, отдѣляя частное отъ дѣлителя горизонтальною чертою. Съ лѣвой стороны дѣлимаго отдѣляютъ столько цифръ, чтобы отдѣленное число было болѣе дѣлителя (т.-е. если дано раздѣлить 1234 на 2,—то нужно отдѣлить 123, потому что 123 болѣе дѣлителя?) и т. д. Спрашивается, отчего же вызубрить все это лучше идетъ дѣвочкамъ, нежели мальчикамъ?

Вся ариѳметика полна старинной рутины. Дроби начинаются съ простыхъ, а потомъ изложены десятичныя; въ началѣ всего стоитъ приведеніе дробей къ одному знаменателю, а затѣмъ уже сложеніе и вычитаніе ихъ. Далѣе слѣдуетъ, разумѣется, правило тройное, товарищества, смѣшенія. Какъ вещь, особенно необходимая для дѣвицъ, прибавлены главы о процентахъ и банкахъ, объ учетѣ векселей и объ акціяхъ. Но изложеніе этихъ предметовъ весьма кратко и недостаточно. Несмотря на всѣ эти недостатки ариѳметики для дѣвицъ, мы благодарны г-ну Михельсону и за то, что онъ, сколько намъ извѣстно, первый у насъ возымѣлъ мысль написать особое руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Мы знали автора какъ отличнаго преподавателя [1]) и увѣрены, что онъ не напечаталъ бы второго изданія своей ариѳметики, не внесши въ него значительныхъ улучшеній.

---

159. Забавы для дѣтей перваго возраста.

Переводъ съ нѣмецкаго. Карлсруэ, 1857. 12 стр.

Дѣтскія игры для дѣтей перваго возраста.

Переводъ съ нѣмецкаго. Карлсруэ, 1857.

Напечатано вмѣстѣ съ № 156.

М. Л.

Мысль издателя этихъ книжекъ заслуживаетъ одобренія. Онъ имѣлъ, кажется, въ виду—передать дѣтямъ первыя понятія объ очертаніяхъ, цвѣтахъ, величинахъ и другихъ существенныхъ свойствахъ предметовъ, часто встрѣчающихся въ домашнемъ быту. Мысль эта имѣетъ основаніе весьма разумное. Опредѣленности и отчетливости дѣтскихъ понятій много вредитъ то, что окружающіе предметы обыкновенно не возбуждаютъ въ нихъ надлежащаго вниманія. Ребенокъ видитъ около себя различныя вещи, слышитъ различные разговоры, привыкаетъ самъ различать названія предметовъ, по привычкѣ не ошибается и въ ихъ практическомъ употребленіи; но во всемъ этомъ нѣтъ сознательности, а потому нѣтъ и надлежащей связи и отчетливости. Оттого многія дѣти бываютъ не въ состояніи описать предметъ, имъ хорошо извѣстный, не умѣютъ опредѣлить даже приблизительно—величины, цвѣта, фигуры вещи и т. п. Учить всему этому, конечно, нѣтъ особенной надобности; надобно только чаще и продолжительнѣе останавливать вниманіе ребенка на предметахъ для того, чтобы они сколько возможно яснѣе и точнѣе запечатлѣлись въ его сознаніи. Пособить такому наглядному обученію желалъ, какъ видно, издатель названныхъ нами книжекъ. Въ «Забавахъ для дѣтей» находится восемь картинокъ, и при каждой изъ нихъ по страницѣ текста. Текстъ—въ стихахъ (плохихъ, разумѣется) и заключаетъ въ себѣ описаніе, или—точнѣе—перечень предме-

[1]) Г. Михельсонъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. *Прим. Д.*

товъ, изображенныхъ на картинкѣ. Напр., на картинкѣ изображенъ десятокъ разныхъ животныхъ; десять стиховъ, относящихся къ ней и названныхъ: «*много шума*»,—говорятъ:

«Гусь гогочетъ, левъ рычитъ,
Воетъ волкъ и быкъ мычитъ» и проч.

Въ «Дѣтскихъ играхъ»—та же цѣль. Разница только въ томъ, что стихи подписаны здѣсь прямо подъ картинками, изображающими сцены изъ дѣтскихъ игръ.

Если бы все это хорошо было исполнено, то нельзя было бы не порадоваться за весьма хорошее явленіе въ дѣтской литературѣ. Но отдавая полную справедливость основной мысли издателя, мы должны сказать, что исполненіе ея крайне неудачно. Чтобы не портить дѣла нагляднаго обученія, чтобы съ пользою дополнять его по картинкамъ, необходимо давать дѣтямъ картинки хорошія, по крайней мѣрѣ такія, въ которыхъ бы предметы изображены были вѣрно и ясно. Въ «Дѣтскихъ играхъ» и въ «Забавахъ для дѣтей» этого нѣтъ. Грубый, вовсе не отчетливый рисунокъ и излишество яркихъ цвѣтовъ замѣняютъ здѣсь вѣрность изображеній. Небрежность въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что даже въ картинкѣ, называющейся: «различные цвѣта», нарисована какая-то синеватосизая кошка, какихъ никогда не бываетъ,—хотя въ стихѣ, сюда относящемся, и говорится: кошка *пестренькая* (и отчего же непремѣнно пестренькая?). Тутъ же говорится: *синенькій* цвѣтокъ фіалка, а на рисункѣ изображенъ какой-то *лиловый*. А между тѣмъ картинка назначена именно для того, чтобы научить ребенка различать цвѣта!

То же нужно сказать и о самыхъ очертаніяхъ. Не говоря уже о томъ, что на картинкахъ и знающему человѣку трудно отличить волка отъ лисы и собаки, серну отъ козы, голубя отъ жаворонка,—многія животныя изображены такъ, что въ рисункѣ совершенно исчезаетъ характеръ породы. Какой угодно натуралистъ не угадаетъ, напр., жука, кузнечика, мышь, представленныхъ въ книжкѣ. Поэтому для ребенка указывать животныхъ по такимъ рисункамъ будетъ не только безполезно, но даже вредно.

Кромѣ того—и самый текстъ нехорошъ (не говоря уже о томъ, что онъ состоитъ изъ несноснѣйшихъ виршей). Составитель его потерялъ изъ виду цѣль книжки и вдругъ заговариваетъ съ дѣтьми (которымъ—еще нужно показывать цвѣта и измѣренія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ)—о верблюдахъ, крокодилахъ, казуарахъ и пр. Еслибъ въ книжкѣ были описанія этихъ животныхъ и картинки были получше, то еще это куда бы ни шло. Но въ текстѣ, какъ мы мы уже сказали, упоминается только названіе каждаго предмета; а картинки таковы, что поневолѣ пожелаешь, чтобы ребенокъ лучше вовсе не имѣлъ представленія о казуарѣ и львѣ, нежели бы воображалъ ихъ такими, каковы они тутъ нарисованы.

Нельзя также оставить безъ вниманія неестественности и пустоты общаго содержанія книжекъ. Опредѣленія предметовъ взяты большею частью случайныя, соединеніе ихъ безтолково. Напр., говорится: низка рѣшетка, домъ великъ, высоко дерево... какъ будто нѣтъ низкихъ деревьевъ, высокихъ рѣшетокъ и маленькихъ домовъ! Въ числѣ предметовъ, находящихся въ комнатѣ, находятся, между прочимъ, мѣхи, крыло и щетка. Гдѣ же они помѣщены на картинкѣ? Щетка—возлѣ стола, мѣхи—подъ столомъ, а крыло—недалеко отъ стола—на воздухѣ! Въ текстѣ же упоминается:

Съ кувшиномъ и стаканомъ щетка.

На картинкѣ, къ счастью, такой «щетки съ кувшиномъ и стаканомъ» не оказывается.

Разсказы въ «Дѣтскихъ играхъ» также неудачны. Для примѣра можно привести первый. На одномъ листкѣ изображено пять картинокъ. На первой представлена дѣвочка,—неизвѣстно, живая ли или кукла,—подписано:

Дитя собралося гулять,
Оставя куклу дома ждать.

На второй—видна векша на сукѣ большого дерева возлѣ дома; подписано:

Сказало векшѣ: «чтобъ на дворъ,
Смотри, не забрался къ намъ воръ».

На третьей картинкѣ два ворона сидятъ, но подпись гласитъ, что они летятъ:

Два ворона летятъ ужъ въ домъ,
Чтобъ куклу унести тайкомъ.

Четвертая картинка изображаетъ собаку; вверху, на высокомъ сукѣ дерева, векша; наконецъ, изображена собака, бросающаяся на птицъ, и подписано:

Собачка намъ, какъ другъ, вѣрна;
Прогнала вороновъ она.

Едва ли подобные разсказы могутъ быть полезны для развитія въ дѣтяхъ правильныхъ понятій о предметахъ и простого, естественнаго взгляда на жизнь.

160. Праздничные досуги.

Разсказы для дѣтей, украшенные 7-ю хромолитографированными картинками. Издалъ учитель *А. Петерсенъ*. С.-Петербургъ. 1857 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 156.

Съ мнѣніемъ Добролюбова о дѣтской литературѣ мы познакомимся по болѣе обстоятельной рецензіи.

М. Л.

Книжка не даромъ названа «Праздничными досугами»: въ ней постоянно дѣйствіе происходитъ въ праздникъ. Общій мотивъ вотъ какой: бѣдный мальчикъ не хотѣлъ въ праздникъ идти къ своей должности пасти деревенское стадо. Но мать послала его, говоря, что только его трудомъ можетъ поддерживаться бѣдное семейство. Мальчикъ пошелъ. Вдругъ на стадо напалъ волкъ, овцы побѣжали, пастухъ также; волкъ гонится за ними. Бѣжали, бѣжали они—и выбѣжали наконецъ на поляну, на которой богатый папенька гулялъ съ своими дочками. При видѣ незнакомыхъ, хорошо одѣтыхъ людей, жадный звѣрь, т.-е. волкъ,—пріостановился (такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ авторъ разсказовъ), началъ робко осматриваться и, наконецъ, мало-по-малу отступать. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что волкъ удралъ обратно въ лѣсъ, а богатый папенька съ милыми дочками отправились къ бѣдному мальчику въ хижину и облагодѣтельствовали все семейство. Мораль изъ этого, разумѣется, вывести довольно трудно: хотѣлъ ли авторъ сказать, что не надобно по праздникамъ ходить въ лѣсъ, чтобы волки не съѣли, или что надобно стадо пасти для того, чтобы богатаго папеньку съ дочками встрѣтить. Судя по общей мысли, господствующей во всей книгѣ, кажется—скорѣе послѣднее. Во всѣхъ почти разсказахъ авторъ старается доказать нравоучительными разсказами, въ родѣ приведеннаго нами, что и праздничные досуги надобно употреблять на полезные труды: у него постоянно къ трудящемуся бѣдному ребенку подходитъ богатая гуляющая дѣвочка или мальчикъ и разсыпаетъ благодѣянія. Теперь маленькое неудобство состоитъ только вотъ въ чемъ: бѣдное дитя трудится,—и, все-таки, оно бѣдное; богатое дитя гуляетъ—и, все-таки, оно богатое. Къ чему же ведетъ такая мораль? Мы боимся, чтобы одинъ изъ маленькихъ читателей разсказовъ г. Петерсена не отвѣтилъ словами изъ извѣстнаго анекдота о чадолюбивомъ отцѣ, побуждавшемъ сына вставать раньше.

---

161. Напрасно!

Напечатано въ IX кн. «Современника» 1858 г.; подъ псевдонимомъ «Волгинъ».

М. Л.

Помню, нянюшка старушка,
Умывая разъ меня,
Такъ ворчала: «ну, на долго-ль?
Вотъ опять пойдетъ возня

На полу, въ сору да въ хламѣ;
Весь чумазый прибѣжишь...
Да пойдешь на солнце бѣгать:
Цыганенкомъ загоришь».

Я молчалъ. Старушка стихла.
И потомъ уже любя,—
«Ну, ужъ пачкайся,—сказала:—
Грязь-то смою я съ тебя.

Только шалостей не дѣлай;
Тѣхъ не смоешь ужъ ничѣмъ...
Ручку вывихнешь, аль сломишь,
Ножку вывернешь совсѣмъ,

Носъ расквасишь, глазъ засоришь,
Разобьешься,—кровь пойдетъ.
А коль больно зашалишься,—
Богъ и рожки прикуетъ...

А дурачиться не будешь—
Подрастешь ты молодцомъ,
Всѣмъ возьмешь ты, мой красавчикъ,
И дородствомъ и лицомъ.

Всѣмъ Господь тебя украситъ,
Всѣхъ съ ума собой сведешь
И жену себѣ съ приданымъ
И красавицу возьмешь».

Я съ довѣрьемъ слушалъ няню,
Я старался не шалить,
Чтобы вырасти красавцемъ,
Чтобы съ рожками не быть.

Но, хоть скромникъ и разумникъ,
Безобразенъ выросъ я,
И лишь стоитъ мнѣ жениться,
Рожки будутъ у меня...

Май, 1858.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ №. 33б. Подлинная рукопись находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Изъ хранящихся тамъ же бумагъ видно, что мое предположеніе о времени написанія статьи совершенно вѣрно: она написана въ январѣ 1856 года. 5 января того же года Н. А. проситъ своего бывшаго учителя, Кострова, написавшаго когда-то сочиненіе объ іезуитахъ, сообщить ему заглавія тѣхъ сочиненій, которыми онъ пользовался. Но къ названнымъ Добролюбовымъ источникамъ Костровъ ничего прибавить не сумѣлъ («Матеріалы», 273, 279).

Мало того, что это сочиненіе было пущено среди товарищей, но при окончаніи курса Института (въ серединѣ 1857 года) Добролюбовъ, въ отместку Давыдову, представилъ даже свою работу профессору, какъ офиціальное сочиненіе, но получилъ его обратно съ помѣтками, изъ которыхъ видно, что работа не встрѣтила одобренія профессора.

Къ №. 68в. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ тоже нѣтъ цѣлой работы.

Къ №. 88. Провѣрено по рукописи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Къ №. 89. Рукопись находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Сама по себѣ эта работа не представляетъ интереса для широкой публики, но «Вступленіе» несомнѣнно имѣетъ значеніе. И оно сохранилось въ двухъ совершенно разныхъ варіантахъ. Одинъ былъ написанъ сначала. Потомъ, когда вся работа была окончена, Добролюбовъ просто отрѣзалъ его отъ рукописи и подарилъ товарищу Лебедеву, а самъ написалъ второе, ловко подогнавъ его къ пронумерованной по страницамъ работѣ, и въ такомъ уже видѣ представилъ профессору Срезневскому. Почему это было сдѣлано—я думаю, станетъ ясно каждому, кто прочтетъ оба варіанта. Разумѣется, первый не гармонировалъ съ характеромъ самой работы, второй—былъ прекраснымъ къ ней вступленіемъ. И насколько первый являлся искреннимъ выраженіемъ мыслей автора, сумѣвшаго отразить въ немъ занимавшія его явленія нашей ученой и литературной жизни, настолько второй былъ данью нѣкоторой фальши, входившей обязательнымъ элементомъ въ офиціальныя отношенія студенчества къ профессурѣ и общему строю ихъ учебной жизни. Искреннее свое отношеніе къ работѣ Добролюбовъ высказалъ въ письмахъ, приведенныхъ на стр. 313—314 и въ концѣ перваго варіанта. Зато сказанное во «Вступленіи» второй редакціи—было весьма пріятно для Срезневскаго и похвально для прилежнаго студента. Хотя, разумѣется, доля искренности есть и здѣсь: а именно указаніе на безплодность красивыхъ, но безпочвенныхъ порывовъ въ высь вмѣсто настоящаго, серьезнаго дѣла.

Въ первой редакціи надо обратить вниманіе на то положеніе, которое занимаетъ Добролюбовъ въ отношеніи къ славянофильству. Къ сказанному вскользь въ работѣ о Плавтѣ (конецъ стр. 310) здѣсь уже прибавлено очень многое. Самостоятельное начало въ литературѣ, какъ и вообще самостоятельность нашего умственнаго развитія отрицаются Н. А. гораздо рѣшительнѣе и шире, чѣмъ потомъ это было имъ высказано въ № 124. Статья очень характерная: видно, что Добролюбовъ уже вступалъ въ полосу обобщеній того большого и разнообразнаго матеріала, который получилъ къ этому времени путемъ лекцій и благодаря массѣ прочитаннаго и продуманнаго.

Вступленіе.

(1-й варіантъ).

Литература наша есть явленіе переводное, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Съ легкой руки Кирилла и Меѳодія да благовѣрнаго князя Владиміра, переводы не только распространились, но и совершенно освоились у насъ на Руси, до того освоились, что, наконецъ, сами переводчики потеряли ясное сознаніе о различіи между переводомъ и оригинальнымъ сочиненіемъ. На всѣ обвиненія въ томъ, что ихъ оригинальность чисто-переводная, они, какъ Александръ Дюма, очень безцеремонно отвѣчаютъ, что берутъ свое добро вездѣ, гдѣ его находятъ, и для большей убѣдительности скрѣпляютъ французское мнѣніе латинской цитатой, важно произнося: homo sum et nihil humani a me alienum esse puto [1]). Оно, какъ видите, совершенно оригинально—по-русски, т.-е. не заключаетъ въ себѣ ничего собственно русскаго. Такое явленіе, съ точки зрѣнія европеистовъ нашихъ весьма утѣшительно, доказывая широту и всеобъемлемость русскаго духа, но зато оно возбуждаетъ горькій плачъ такъ называемыхъ славянофиловъ, которые изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о томъ, чтобы русскіе были людьми не такъ, какъ всѣ люди, а какъ-нибудь иначе, на свой особенный салтыкъ... Оно и въ самомъ дѣлѣ немножко какъ-то странновато видѣть, что вотъ все понимаетъ и знаетъ человѣкъ, какую угодно истину повторитъ за вами да еще лучше васъ, пожалуй,—а своего мнѣнія ни о чемъ не скажетъ и порохъ выдумать оказывается рѣшительно неспособнымъ... Какъ угодно, а вѣдь это означаетъ пассивную натуру. Говорятъ, такая пассивность и въ частныхъ людяхъ не отъ натуры происходитъ, а отъ разныхъ обстоятельствъ, подавлявшихъ развитіе личности еще въ раннемъ дѣтствѣ. Можетъ быть, да едва ли еще не съ большимъ правомъ то же самое можно отнести и къ цѣлому народу. И тогда, вѣроятно, окажется, что подражательность наша совсѣмъ не стоитъ того, чтобы по поводу ея толковать о существѣ русскаго духа, а что она составляетъ явленіе чисто педагогическое... Кто-то (изъ европеистовъ, конечно) сказалъ, что жизнь Руси до Петра представляетъ *колыбель* великаго народа. Чтобы довершить это остроумное примѣненіе, можно замѣтить, что жизнь Руси послѣ Петра составляетъ тотъ періодъ младенчества, когда дѣтей носятъ гулять, учатъ произносить «папа» и «мама», и «Божинька», и даже по временамъ заставляютъ и однихъ пробѣжать по комнатѣ отъ стула до стула, маня ихъ при этомъ какой-нибудь блестящей игрушкой... Если бы даже случилось, что сравненіе наше не совершенно подтвердилось фактами, то, все-таки, мы имѣемъ на своей сторонѣ логическую послѣдовательность. А то какая же логика,—судите сами,—сказать, что 800 лѣтъ слишкомъ лежало дитя въ колыбели, а тутъ вдругъ въ 150 лѣтъ выросло, возмужало, побѣжало, догнало и перегнало всѣхъ... Да вѣдь это—фантастическое изобрѣтеніе совершенно подъ стать «мальчику съ пальчикъ,—самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ»; это даже просто незнаніе счета, въ родѣ того, что дескать уѣхалъ герой-Иванушка дурачекъ за тридевять (27) земель въ тридесятое (30) царство. Къ Иванушкѣ-то подобная вещь идетъ, конечно, да не всѣмъ же намъ стараться походить на Иванушекъ... Правда, одинъ краснорѣчивый ученый, пользующійся нынѣ шумной извѣстностью (впрочемъ, не раздѣляющій мнѣнія, что Русь до Петра—колыбель) публично сравнивалъ русскій народъ съ Ильей Муромцемъ и даже ставилъ означеннаго Илью въ нѣкоторомъ родѣ идеаломъ для насъ. Но если мы изъ вѣжливости и согласимся даже, что мы похожи на сидня-Муромца, то преобразователи-то наши, явившіеся съ гніющаго запада, не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ каликами перехожими, напоившими сидня пивомъ богатырства,—и даже положительно-недостойны того, чтобы черезъ нихъ совершилось какое-либо чудо. Для всякаго безпристрастнаго судьи это должно быть чрезвычайно ясно... Но дѣло здѣсь собственно не о краснорѣчивомъ ученомъ, а о переводахъ, т.-е. если хотите—и этотъ краснорѣчивый ученый—тоже переводъ, только вольный...

Вообще, по нашему мнѣнію, у насъ вся литература—переводъ. Начиная съ договоровъ Олега и кончая хоть послѣднимъ романомъ Дружинина или ученымъ изслѣдованіемъ Кудрявцева,—все переводъ, только, разумѣется, въ разныхъ степеняхъ, съ разными достоинствами. У насъ, напр., не мало есть плохихъ, безтолковыхъ переводовъ

[1]) Я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо.

«Бориса Годунова» Пушкина, а «Борисъ» Пушкина есть поэтически-подстрочный переводъ Карамзина; «Исторія» Карамзина—вольный, но вѣрный переводъ актовъ и лѣтописей; акты и лѣтописи—переводъ съ греческихъ, норманскихъ и другихъ источниковъ,—иногда рабски-вѣрный, если переводчикъ понималъ, въ чемъ дѣло, а иногда и довольно свободный, если переводившій не понималъ подлинника... Въ самомъ дѣлѣ, куда ни бросьтесь въ нашей исторіи, вездѣ васъ преслѣдуетъ чуждое вліяніе, съ самой половины IX в. и особенно съ конца X. Странно, какъ еще есть люди, утверждающіе, что подражателями насъ сдѣлала собственно реформа Петра; что она разрушила какую-то русскую народность, подкопала основанія русской народной жизни и т. п. Какъ будто не та же самая исторія была у насъ во все время нашей исторической жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, чего вы хотите для доказательства? Религію?

Она къ намъ пришла отъ грековъ, и пришла не потому, чтобы ее особенно искалъ русскій духъ,—а такъ, случайно. Прочтите хоть простодушный разсказъ Нестора о крещеніи Руси, чтобы убѣдиться въ этомъ. Владиміру надоѣли славянскіе боги, потому что они ему были чужіе. Варяжская кровь его еще находила нѣкоторое соотвѣтствіе Перуна съ Оденомъ (не филологическое, конечно, какъ утверждалъ какой-то русскій ученый, сопоставляя *одинъ* и *первый* [1]), но уже никакъ не могла понять ни мирнаго Радегаста, ни Волоса скотья бога. Онъ началъ искать новой вѣры... Между тѣмъ ни изъ чего не видно, чтобы и подданные его тоже хотѣли перемѣнить религію. Напротивъ, они еще, кажется, только что выходили въ то время изъ своей естественной непосредственности,—только что начали задумываться надъ противорѣчіями многобожія съ признаніемъ одного высшаго владыки міра,—надъ обожаніемъ физическихъ размѣровъ рядомъ съ пробуждающимся чувствомъ красоты болѣе человѣчной, надъ отношеніями явленій природы къ явленіямъ жизни. У нихъ видимъ начатки и живой миѳологіи, и поклоненія силамъ природы, и антропоморфизма—и все это только въ начаткахъ. Можетъ быть, славяне готовились уже облечь свои инстинктивныя впечатлѣнія въ свѣтлые образы, придать своимъ неуклюжимъ божествамъ пластически-величавыя формы, стать съ природою въ самыя раціональныя отношенія, повторить въ себѣ сознательно и независимо свѣтлый міръ Греціи, выработать свою собственную мысль, *свою* физіономію, безъ сомнѣнія прекрасную, потому, что она была бы *своя*, слѣдовательно, была бы не тупа, не безлична, не двусмысленна, а полна энергіи, сознанія, выразительности, характера, личности... Все это могло бы быть. Но славяне слишкомъ поздно для этого явились на поприщѣ исторіи. Они не могли остаться вдали отъ общаго историческаго движенія и должны были неминуемо подпасть подъ вліяніе народовъ болѣе развитыхъ, съ которыми пришлось имъ имѣть дѣло. Вліяніе это могло бы, конечно, войти въ славянскую народность и не примѣтно, мало-по-малу могло бы тѣсно слиться съ національнымъ элементомъ, переработаться въ народной жизни и сдѣлаться *своимъ*. Но это возможно было только при другихъ историческихъ обстоятельствахъ, которыхъ у насъ не было и не могло быть.

Обращаясь собственно къ русскимъ, мы находимъ, что чужой элементъ вошелъ къ намъ крутымъ переворотомъ и не слился внутренно съ народной жизнью, а покорилъ ее себѣ внѣшнимъ образомъ. Не убѣжденіе, не чистое стремленіе къ истинѣ, не свѣтлое пониманіе высоты религіи руководило тѣмъ человѣкомъ, который отвергъ одну вѣру за то, что она запрещаетъ вино пить, другую потому, что «отцы наши этого не приняли», а третью предпочелъ подъ вліяніемъ страха предъ картиною страшнаго суда... Не духъ христіанства дѣйствовалъ и на пословъ князя, увлекшихся въ Константинополѣ великолѣпіемъ патріаршескаго богослуженія, не духъ христіанства одушевлялъ и народъ кіевскій, крестившійся потому, что князь и бояре крестились. Скорѣе можно сказать, что всѣ эти побужденія противны духу религіи, проповѣдующей поклоненіе Богу *въ духѣ и истинѣ*, внушающей братство и любовь, утверждающей, что *въ страхѣ нѣсть любви*, и что Богъ смотритъ не на лицо, не на внѣшность, а на сердце и совѣсть. Введенная при подобной обстановкѣ, какъ же могла эта, по превосходству *духовная* религія проникнуть въ духъ этого покореннаго чувственностью народа, который и до сихъ поръ еще соединеніе перстовъ ставитъ выше братскаго единенія душъ, чистоту устъ отъ скоромнаго кушанья,—выше чистоты сердца и совѣсти, уваженіе къ деревянному образу—выше храненія въ себѣ образа Божія?! Что могъ этотъ народъ произвести въ области духовной литературы, въ которой должно было выразиться его пониманіе религіи? Поневолѣ стали переводить и до сихъ поръ все переводятъ... Не говоря о книгахъ богослужебныхъ, возьмите Изборники, минеи, поученія, посланія,—

[1]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв». 1841 г. № 5. *Прим. Д.*

вездѣ вы находите переводъ, непосредственный или посредственный, буквальный или измѣненный,—но, все-таки, *переводъ*, въ смыслѣ *передачи своими словами чужихъ, а не своихъ мыслей*...

Религія, сдѣлавшись основаніемъ государственныхъ установленій и источникомъ образованности, отразилась, разумѣется, и на другихъ отрасляхъ литературы, съ тѣмъ же оттѣнкомъ чужеземнаго вліянія. Пересмотръ нашихъ кормчихъ и уставовъ, не только церковныхъ, но и гражданскихъ, указалъ уже значительную долю *перевода* законовъ изъ Византіи,—не считая того, что принесли съ собою варяги. Лѣтописи наши, не говоря о духѣ и тонѣ ихъ, которыми онѣ, конечно, одолжены не мало Византіи, — сколько представляютъ прямыхъ переводовъ въ самыхъ частностяхъ? Космографія, исчисленіе именъ, разселеніе славянъ, преданіе объ ап. Андреѣ, извѣстія о болгарахъ, описаніе обычаевъ племенъ, упоминанія о греческихъ императорахъ и пр. и пр.—откуда все это, какъ не изъ греческихъ источниковъ? Даже самое начало *русской земли* обозначено царствованіемъ греческаго царя... Даже народныя преданія, записанныя въ лѣтописяхъ, напр., о походѣ Олега, о смерти его, о мести Ольги, — оказываются не славянскими, а варяжскими... И нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ больше будетъ изслѣдованій о русской древней литературѣ, въ сравненіи съ византійской и латинской, тѣмъ болѣе найдется переводовъ и заимствованій. Вспомнимъ, что еще недавно только уяснены заимствованія Нестора, указаны переводы Кирилла Туровскаго, найдены мѣста, взятыя у чужихъ даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя, носятъ на себѣ какъ будто отпечатокъ народности. Кажется, можно бы писать самостоятельно о себѣ самомъ Даніилу Заточнику; можно бы руководиться только собственнымъ одушевленіемъ Вассіану, въ посланіи, возбужденномъ однимъ изъ важнѣшихъ вѣковыхъ явленій русской государственной жизни. А между тѣмъ оба они заимствовали почти буквально мѣста изъ Пчелъ, переведенныхъ съ Антологій Максима и Антонія...

Въ XV—XVI вв. входитъ въ Россію свѣтская литература; но это опять переводы то съ греческаго, то, черезъ Польшу, съ различныхъ западно-европейскихъ языковъ. То же самое съ мистеріями XVII—XVIII вв. Личность народа часто въ этихъ переводныхъ произведеніяхъ не рисуется даже отрицательно: переводчики даже не отбрасываютъ тѣхъ подробностей, которыя совершенно чужды нашему народу, и берутъ все сплошь, съ одинаково холоднымъ, мертвеннымъ паѳосомъ говоря о Константинополѣ и Владимірѣ, объ исходѣ Евреевъ изъ Египта и объ избавленіи Руси отъ татаръ, о жертвоприношеніи Исаака и варяга въ Кіевѣ. Нѣтъ, напрасно хлопочутъ славянофилы о возстановленіи до-петровской Руси: плохо развивалась и тогда наша народность...

А ужъ послѣ Петра—тутъ, кажется, и говорить много нечего о томъ, прижалась и спряталась наша бѣдная народность. Начните хоть съ сатиръ Кантемира на русское общество, переведенныхъ изъ Горація, Ювенала и Буало,—хоть съ первой оды Ломоносова на русскую побѣду, взятой изъ гюнтеровой оды на австрійскую побѣду,—хоть съ первой поэмы нашей, переведенной Тредьяковскимъ съ французской прозы,—хоть съ первыхъ трагедій, въ которыхъ отецъ всероссійскаго Ѳеатра заставляетъ своихъ Росславовъ и Ярополковъ выражаться тирадами, краденными изъ какой-нибудь Федры, Андромахи или Меропы... Начните съ чего вамъ угодно и продолжайте какъ вамъ угодно, хоть до нынѣшняго дня, — вездѣ вы встрѣтите ни на минуту не прекращающееся вліяніе иностранныхъ подлинниковъ на нашу литературу. Если что въ послѣднее время и пріобрѣло нѣкоторый видъ самостоятельности, такъ это развѣ сатира; да и ея самостоятельность, если сказать по правдѣ, состоитъ въ томъ, что она ближе подошла къ обществу, т.-е. вѣрнѣе стала передразнивать его обезьянство.. А есть люди, которые указываютъ въ ней чужеземныя вѣянія и въ другихъ отношеніяхъ. Напр., одинъ знаменитый критикъ нашъ нашелъ, что всѣ описанія русской природы въ «Мертвыхъ душахъ» написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ Италіи. Видите, какъ далеко можно доводить нашу мысль!.. Но мы гораздо умѣреннѣе, — мы думаемъ, что природа наша нѣсколько отличается отъ итальянской, и что она даже нѣсколько выражается, все-таки, въ самыхъ переводныхъ и подражательныхъ трудахъ нашихъ, такъ точно, какъ натура художника, копирующаго чужую картину, отразится и въ самой копіи. Но, все-таки, картина не ему принадлежитъ. Все-таки, наша публика въ театрахъ потѣшается надъ русскими купцами, въ водевиляхъ, передѣланныхъ на русскіе нравы съ французскаго. Все-таки, въ хрестоматіяхъ нашихъ помѣщается образцовое описаніе сѣверной страны, переведенное изъ французскаго описанія совершенно другой страны, находящейся даже въ другомъ полушаріи.

Все-таки, являются старые и новые опыты о богатствѣ народномъ, сочиненные рус-

скими людьми совершенно такъ, какъ сочиняются подстрочные переводы. Все-таки, у насъ много ученыхъ, пользующихся громкой славой, благодаря уму и учености тѣхъ иностранныхъ ученыхъ, которые подвизаются на одномъ съ ними поприщѣ. Все-таки, библіотеки людей, занимающихся русской исторіей и словесностью, заставлены сверху донизу иностранными книгами; наконецъ, все-таки, сама «Русская Бесѣда» не можетъ обойтись безъ иностраннаго обозрѣнія!..

Все это длинное и, можетъ быть, на взглядъ многихъ непріятное и неумѣстное разсужденіе, ведетъ къ тому, чтобы по всѣмъ правиламъ классическихъ вступленій доказать и превознести важность предмета, къ которому мы приступаемъ. Что за охота терять время и трудъ надъ такимъ переводомъ (потому что переводъ плохъ) плохой византійской хроники (хроника, дѣйствительно, не превосходная да еще къ тому византійская)? Такъ могли бы сказать любители высшихъ взглядовъ и общихъ очерковъ. Чтобы зажать имъ ротъ, мы и постарались со всевозможнымъ краснорѣчіемъ и со всей игривостью своего соображенія (сколько нашлось у насъ) бросить внѣшній взглядъ на переводъ и дать общій очеркъ нашей литературы, въ которомъ съ достаточной, кажется, ясностью имѣли удовольствіе доказать, что вся русская литература есть не что иное, какъ переводъ и, слѣдовательно, переводами пренебрегать мы никогда не должны. Отсюда прямое заключеніе, что и переводъ хроники Амартола вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія и достоинъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія...

Доказавши сіе, мы съ спокойной совѣстью и съ подобающею важностью приступаемъ теперь къ самому предмету.

Вступленіе.

(2-й варіантъ).

Въ числѣ направленій нашего времени, столь обильнаго самыми разнородными направленіями, нельзя не отличить двухъ, особенно поражающихъ своей яркой противоположностью. Одно, — гордое, самоувѣренное, стремящееся къ общимъ взглядамъ, къ великимъ результатамъ, къ основнымъ началамъ вѣдѣнія, — широко распускаетъ свои крылья и паритъ высоко въ прозрачныхъ пространствахъ высшихъ умозрѣній. Другое, осторожное, робкое, медленное, идетъ ощупью, роется въ землѣ, собираетъ мелкія зернышки и изъ нихъ составляетъ запасъ своего муравейника. Ничто не можетъ быть привлекательнѣе для ума, особенно молодого, какъ первое изъ этихъ направленій; ничто не можетъ быть неблагодарнѣе второго. Широкъ и пространенъ путь общихъ взглядовъ, и многіе идутъ имъ, пріобрѣтая славу распространителей просвѣщенія и установителей здравыхъ понятій въ обществѣ. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ во всемъ на свѣтѣ, при множествѣ прекрасныхъ сторонъ, есть также и свои неудобства. Многіе пускаются въ этотъ дальній путь, въ это невѣдомое море безъ кормила и весла и бродятъ въ туманѣ общихъ мѣстъ и во мракѣ невѣдѣнія. Какъ бы пугаясь сами застигшей ихъ темноты, они вдругъ начинаютъ кричать— и такъ остаются на всю жизнь безсознательными крикунами и пустозвонными фразерами... Тогда—прощай любовь къ наукѣ, прощай просвѣщеніе!..

Есть крайности и въ другомъ пути: на немъ легко измельчать человѣку и сдѣлаться сухимъ, мертвымъ педантомъ. Легко вообразить свой темный муравейникъ цѣлымъ свѣтомъ, а свои зернышки—великими памятниками славныхъ подвиговъ. Но опасность прійти къ такому ложному понятію о своихъ трудахъ бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе силъ у человѣка, слѣдующаго этимъ путемъ, и чѣмъ болѣе склоненъ онъ къ безжизненной схоластикѣ. Для человѣка же юнаго, кипящаго силами, готоваго на всякій трудъ, на всякій подвигъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ,—для юноши,

Передъ которымъ жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,—

для него гораздо опаснѣе пускаться въ общіе взгляды, нежели приниматься за скромное труженичество. Желаніе обобщить свои занятія никогда не оставитъ его и никогда не допуститъ привязаться къ мертвой буквѣ, безъ духа жизни, безъ жизни духа... Напротивъ, чѣмъ добросовѣстнѣй трудъ, чѣмъ глубже и серьезнѣе изученіе подробностей, тѣмъ вѣрнѣе при-

водитъ оно къ общимъ выводамъ. Между тѣмъ, какъ люди съ претензіями на философскія умозрѣнія летаютъ за призраками, которыхъ не могутъ поймать, убогій труженикъ науки дробитъ въ осколки твердый камень, уравнивая и прокладывая дорогу къ виднѣющейся вдали цѣли. Со временемъ пройдутъ по ней и эти Дедалы новѣйшихъ временъ, когда они упадутъ на землю изъ области воздушныхъ мечтаній, но пройдутъ они, не сказавши спасибо тѣмъ, кто проложилъ дорогу, и даже, по всей вѣроятности, не вспомнятъ ихъ... Нужды нѣтъ... всякому свое: однимъ честный трудъ, другимъ плоды чужой жатвы... Въ чемъ больше наслажденія, и которое наслажденіе чище— можетъ рѣшить только каждый за себя.

Такія мысли навѣялъ мнѣ трудъ, которымъ я занимался долго и тщательно. Трудъ этотъ весьма скроменъ и не предъявляетъ никакихъ притязаній. Это—просто разборъ одного изъ древнихъ памятниковъ нашей письменности. Я не дошелъ ни до какихъ общихъ результатовъ, я ничего не сдѣлалъ что могло бы быть съ пользою повторено другими; но тѣмъ не менѣе я не считаю трудъ свой потеряннымъ. Онъ много разъ избавлялъ меня отъ самонадѣянныхъ предположеній, онъ постоянно сдерживалъ и сосредоточивалъ мою мысль на частностяхъ самыхъ малыхъ, самыхъ незначительныхъ. И однако, онъ не остановилъ меня на буквѣ. Напротивъ, чѣмъ долѣе я занимался, тѣмъ болѣе расширялась сфера занятій. Сначала понадобилось сравненіе съ подлинникомъ того перевода, которымъ я занимался, а съ этимъ неизбѣжно соединилось изученіе самаго подлинника. Затѣмъ нужно было сличить и нѣкоторые другіе переводы съ греческаго для того, чтобѣ видѣть пріемы, обыкновенно употреблявшіеся переводчиками. Потомъ нужно было прослѣдить законъ словообразованія и словоизмѣненій въ древнемъ языкѣ—церковно-славянскомъ и въ древнемъ русскомъ; нужно было обратить вниманіе на нарѣчія болгарское и сербское, отмѣтить особенности правописанія въ различныхъ рукописяхъ и пр. Далѣе—представилось отношеніе разсматриваемаго памятника къ другимъ памятникамъ древней славянской письменности. Наконецъ, представился вопросъ о значеніи его въ цѣломъ рядѣ подобныхъ литературныхъ явленій. Тутъ представилась необходимою для сличеній и выводовъ цѣлая богатая литература — византійская, такъ что задача оказалась даже превышающею мои силы и требующею новаго, продолжительнаго и добросовѣтнаго приготовленія... Такъ расширялась моя программа, такъ настойчиво велъ меня скромный трудъ все къ дальнѣйшему и дальнѣйшему изученію. Если бы не ограниченный предѣлъ времени, требующій, чтобы я положилъ конецъ занятіямъ, я бы и теперь еще не подумалъ объ окончательныхъ результатахъ, такъ много предварительной обработки требуютъ собранные матеріалы... Представляю немногое, сознаваясь заранѣе, что ничего не успѣлъ сдѣлать, кромѣ приготовительныхъ работъ. Вотъ планъ моего труда, какъ онъ исполненъ мною въ настоящемъ видѣ.

Избранный мною для разбора переводъ хроники Георгія Амартола имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашей древней лѣтописи, и съ этой стороны на него обращали вниманіе многіе изъ нашихъ ученыхъ, занимавшихся историческими изслѣдованіями. Но объ общемъ его значеніи, о сущности содержанія и о характерѣ его было говорено весьма мало. Еще менѣе занимались переводомъ Амартола собственно съ филологическими цѣлями. Имѣя въ виду все это, я рѣшился сначала представить общій обзоръ литературы предмета, т.-е. перечислить все, что о немъ было писано, и на основаніи собранныхъ данныхъ изложить литературную исторію Хроники, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась извѣстною въ Россіи.

Затѣмъ я счелъ нужнымъ представить обозрѣніе извѣстныхъ рукописей, въ которыхъ сохранился переводъ Георгія Амартола. Подробное описаніе сдѣлалъ я для тѣхъ рукописей, которыми самъ пользовался и которыя сличалъ между собою. Далѣе, представилъ я нѣсколько общихъ филологическихъ соображеній относительно языка перевода, съ фонетической и грамматической стороны. Наконецъ, я приложилъ ко всему этому выборъ замѣчательныхъ въ словарномъ отношеніи варіантовъ изъ двухъ рукописей,—и выборъ замѣчательныхъ словъ изъ перевода сравнительно съ текстомъ греческаго подлинника.

Все это—не болѣе, какъ предварительная работа. Существенный смыслъ разсмотрѣнія хроники Амартола въ славянскомъ переводѣ,—долженъ состоять въ показаніи его значенія въ ряду письменныхъ памятниковъ древней Руси. Для этого необходимо между прочимъ, и опредѣленіе мѣста, какое занимаетъ временникъ Амартола въ ряду византійскихъ хронографовъ. Этотъ трудъ еще впереди, и въ немъ уже предчувствуется для меня примиреніе мелочнаго фактическаго изученія подробностей со стремленіемъ къ высшимъ соображеніямъ и общимъ выводамъ.

Къ №. 124. Необходимо прочесть приведенное здѣсь о № 89-мъ.

38-1

34.85

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

38.1

34.85